ПАНТЕОНЪ
РУССКАГО
И
ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ
ТЕАТРОВЪ.
1840.

ОП

ПАНТЕОНЪ

РУССКАГО

И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ.

9824. 9424
1806.

ЧАСТЬ I.

Изданіе книгопродавца В. Полякова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. Плюшара.
1840.

Ленинградская центральная
БИБЛИОТЕКА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатании до выпуска изъ типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ, Санктпетербургъ. Января 12-го дня 1840

Цензоръ: Корсаковъ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

ДРАМА

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ,

СОЧИНЕНІЕ

ЭДУАРДА ШЕПКА,

ПЕРЕДѢЛАННАЯ ДЛЯ РУССКОЙ СЦЕНЫ

П. Г. ОБОДОВСКИМЪ.

(Представлена на Александринскомъ Театрѣ 2 Ноября 1839 года.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Юстиніанъ, Восточный Римскій Императоръ	*Брянскій.*
Велизарій, его полководецъ	*Каратыгинъ б.*
Леонъ, Протогенъ, Руфинъ — начальники кесарскихъ тѣлохранителей	*Третьяковъ. Борецкій. Толченовъ.*
Евтропій, знатный придворный	*Воронов.*
Антонина, жена Велизарія	*Каратыгина б.*
Елена, дочь его	*Асенкова.*
Октаръ, вождь Алановъ	*Толченовъ 1.*
Аламиръ, молодой Вандалъ	*Леонидовъ.*
Богатый поселянинъ	*Радинъ.*
Порфиръ, Евлампій, ветеранъ — работники	*Самойловъ. Васильевъ.*
Олимпія, подруга Елены	*Волкова 1.*
Тюремщикъ	*Прусаковъ.*
Поселянинъ	*Ахалинъ.*
Центуріонъ	*Калининъ.*

Византійскіе граждане, дѣвы и юноши, воины, стража Кесаря, Аланы, Вандалы, поселяне, Эдили, Трибуны, Ликторы, народъ и Сенаторы.

Мѣсто дѣйствія Константинополь и его окрестности.

Дѣйствiе IV. Явленiе V.

ВЕЛИЗАРIЙ.

ДѢЙСТВIЕ ПЕРВОЕ.

Галлерея въ домѣ Велизарiя.

ЯВЛЕНIЕ I.

Елена и Антонина (*великолѣпно одѣтая, выходятъ съ противуположныхъ сторонъ*).

ЕЛЕНА (*въ восторгѣ*).

Ты слышала? — Уже онъ близко...

АНТОНИНА.

Знаю,
И приготовилась его принять
Торжественно; ты видишь, я въ нарядѣ.

ЕЛЕНА.

Мнѣ было нѣкогда, и не пришло на умъ
Подумать о своемъ нарядѣ и убранствѣ;
Въ поспѣшности надѣла на себя
Вѣнокъ изъ алыхъ розъ. Но что съ тобою?
Въ твоихъ глазахъ читаю ту же грусть,

Которую давно замѣтила; все также
Недвиженъ взоръ, и грудь твоя
Колеблется отъ горестныхъ стенаній;
Твою печаль приписывала я
Разлукѣ съ тѣмъ, кто въ отдаленномъ краѣ,
Жизнь подвергалъ опасностямъ за насъ.
Тогда съ тобой я горесть раздѣляла,
А нынѣ, славою вѣнчанный, онъ летитъ
Прижать тебя къ груди своей; за чѣмъ же
Ты плачешь, матушка? Ты слезы осуши,
И радуйся его счастливому возврату.

АНТОНИНА.

О дочь моя, когда бы знала ты
Страданія мои!

ЕЛЕНА.

Ихъ мнѣ открой.
Я сердце матери любовью уврачую;
И эту грусть, которая, какъ тѣнь
Преслѣдуетъ тебя, я отгоню немедля.
Чего тебѣ еще осталося желать?
Судьба тебя дарами надѣлила,
И какъ супруга, ты счастливѣе всѣхъ женъ.

АНТОНИНА.

Ахъ, что мнѣ въ томъ, что я счастлива, какъ супруга,
Когда я всѣхъ злосчастнѣе, какъ мать!
(погружается въ уныніе).
Я матерью была прекраснаго младенца.
Мой Ліодоръ, единственный мой сынъ,
На берегу морскомъ покоится сномъ вѣчнымъ.
Но что я говорю? Гдѣ прахъ его зарытъ
Невѣдаю. Жестокіе отторгли
Младенца спящаго отъ сердца моего,
И предали его звѣрямъ на растерзанье.
Увы! я слышу, онъ зоветъ меня къ себѣ;
Разноситъ вѣтръ его послѣднее стенанье;
Трепещущій, со смертію въ борьбѣ,
Онъ тянется ко мнѣ, отъ тяжкой болѣзни;
Разметанъ онъ на берегу морскомъ,
И кости бѣлыя, изсохшія отъ зноя,
Могилы лишены, занесены пескомъ!..
И ты мнѣ быть велишь свидѣтельницей славы
И торжества губителя его,
Которое купилъ цѣной кровавой —
Убійствомъ сына моего!

ЕЛЕНА.

Что слышу!
Какъ, предали звѣрямъ на растерзанье?
О Боже! Брата? Что сказала ты?
Слова твои меня приводятъ въ ужасъ —
И половины ихъ я не могла понять.
Но что то страшное мнѣ на сердце запало.
Быть можетъ, черный сонъ привидѣлся тебѣ
И грезы на душу смятенную навѣялъ.

АНТОНИНА *(придя въ себя)*.

Ты правду говоришь: то былъ ужасный сонъ,
И я тебѣ его несвязно разсказала.
Дочь милую встревожила мечтой.
Изгладь его изъ памяти; не помни,
Изъ гроба возстаютъ и мертвые для мщенья.
Нерѣдко славное побѣды торжество
Предшествуетъ паденію героя.
Олимпія идетъ сюда.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ И ОЛИМПІЯ.

ОЛИМПІЯ.

Елена,
Мы ждемъ тебя на пристани; вѣдь ты
Насъ поведешь родителю на встрѣчу.
Цвѣтами мы усыплемъ путь его
До площади широкой Гипподрама,
Гдѣ ждетъ его самъ Кесарь и Сенатъ.

ЕЛЕНА.

О, если бъ онъ своимъ явленьемъ животворнымъ
Ту горесть усладилъ, которую теперь
Мнѣ матушка вдохнула въ душу.
Но гдѣ же онъ?

ОЛИМПІЯ.

На полныхъ парусахъ
Летятъ его суда, какъ лебеди, и скоро
Примчатся въ пристань.

ЕЛЕНА.

О родитель мой!
Тебя увижу я, въ твои объятья брошусь!
Пойдемъ, Олимпія! — Восторгъ не выразимъ;
(*къ матери*).
Онъ окрылилъ меня. Пойдемъ же! Ты со мною
Нейдешь? По прежнему задумалась она.

АНТОНИНА.

Не трепещи, растерзанное сердце!
Воспомни сына смерть, и снова ободрись.

ЕЛЕНА.

Пойдемъ ему на встрѣчу; я стараю
Отъ нетерпѣнія родителя обнять.

АНТОНИНА.

Иди съ Олимпіей; я за тобой сей часъ же
Послѣдую. Еще останусь здѣсь
И помолюсь за дивныя побѣды,
Которыя Господь родителю послалъ.
(*Елена съ Олимпіей уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

АНТОНИНА (*одна.*)

Счастливое дитя, ты радоваться можешь;
Не знаешь ты, что твой веселый видъ
Сердечныя мои терзанья возбуждаетъ.
Ты не предчувствуешь, какой цѣной отецъ
Купилъ себѣ величье и побѣды,
И что въ отмщеніе ему готовитъ *мать*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

АНТОНИНА, ЕВТРОПІЙ И РУФИНЪ.

ЕВТРОПІЙ.

Ты насъ звала къ себѣ; мы съ изумленьемъ
Желаніе исполнили твое.
Ты избрала для совѣщанья съ нами
День торжества супруга своего.
Быть можетъ, ты гнушаешься союзомъ
Съ его врагами; можетъ быть, твое,
Раскаяніе, страхъ —

РУФИНЪ.

За то не порицаемъ.
Вѣдь ты клялась ему быть вѣрною женой,
И признаюсь, донынѣ мы не можемъ
Понять, что завлекло тебя въ нашъ заговоръ
Противъ него? Когда раскаялась въ поступкѣ,
Прошу того ему не обличать,
Что мы предъ Кесаремъ его чернить хотѣли.

АНТОНИНА.

Что въ твердости моей вы сомнѣвались,
Я то предвидѣла; и потому
Въ сей день торжественный къ себѣ васъ пригласила
Причину моего поступка объяснить,
И тѣмъ довѣріемъ васъ убѣдить сильнѣе,
Что ненависть моя смертельна. — Но сперва,
Скажите мнѣ, какъ далеко успѣли
Вы мужа моего предъ трономъ очернить?

РУФИНЪ.

Еще огонь пока подъ пепломъ тлѣетъ,
Еще въ рукахъ у насъ тѣ роковыя письма,
Которыя сама доставила ты намъ.
Ихъ мужъ писалъ тебѣ изъ Африки, искусно
Умѣли мы тѣ письма подскоблить
И подъ его поддѣлался почеркъ.
Онъ попадетъ въ разставленную сѣть.
Уже мы въ Кесарѣ посѣяли сомнѣнье,
И даже страхъ умѣли возбудить.

ЕВТРОПІЙ.

И самый день его пріѣзда и тріумфа,
Въ который милостью осыплетъ Государь,
Послужитъ въ пользу намъ. Юстиніанъ издавна
Завидуетъ ему;—когда жъ его увидитъ
На тріумфаторской блестящей колесницѣ,
Влекомой плѣнными, и лавры на челѣ,
Услышитъ кликъ восторженный народа,
При встрѣчѣ съ нимъ, онъ затаитъ въ душѣ
Негодованіе; но я увѣренъ твердо,
Что въ этомъ солнцѣ пятна сыщетъ онъ.
До той поры мы и не примемся за дѣло,
И до утра отложимъ нашъ доносъ.

АНТОНИНА.

Я вижу, вы судить, я чувствовать умѣю!
Однимъ путемъ одну преслѣдуемъ мы цѣль;
Но не однѣ со мной у васъ причины:
Вы ненависть къ нему питаете, я—месть!

ЕВТРОПІЙ.

Возможно ли? Уже ль онъ измѣнилъ тебѣ,
Нарушилъ, оскорбилъ супружества обѣты?

АНТОНИНА.

Нѣтъ, не меня, природу оскорбилъ:
Онъ заглушилъ въ себѣ ея благія чувства,
Онъ насмѣялся горести моей.
Онъ душу растерзалъ мою на части. —
Нѣтъ, не жена, а мать о мщеньи вопіетъ.

РУФИНЪ.

Ты вня себя! Что сдѣлалъ онъ?

ЕВТРОПІЙ.

Скажи.

АНТОНИНА.

Такъ слушайте, потомъ судите
Жену, которая на мужа возстаетъ. —
(*Она становится между царедворцами; послѣ краткаго молчанія.*)
Лишь три весны прошло со дня того,
Какъ мужемъ сталъ моимъ отважный Велизарій.
Тогда онъ былъ безвѣстный лишь Трибунъ;
Но счастіе подъ кровлей нашей жило.
Лишь намъ Создатель не давалъ дѣтей.
Вотъ наконецъ и то исполнилось желанье.
Съ восторгомъ матерью готовилась я быть,
И къ ужасу замѣтила, что мужъ мой
Вдругъ охладѣлъ ко мнѣ, сталъ убѣгать меня,
И свѣтлое чело покрылося унынiемъ.
Когда жъ ему я сына подала,
Затрепеталъ отъ страха Велизарій,
На первенца онъ даже не взглянулъ.
(*молчаніе*).
Я матерью была счастливою недолго.
Однажды, вечеромъ, уснула какъ то я,
Питая грудью сына, и проснулась
Лишь на зарѣ; хватилася его —
Увы! его нигдѣ не находила.
Мой плачъ и крикъ встревожили весь домъ;
На всѣ мои вопросы отвѣчали
Молчаніемъ; одинъ лишь вѣрный рабъ
Признался мнѣ, въ слезахъ, что слабый мой ребенокъ,
Во время моего болѣзненнаго сна
Вдругъ занемогъ и умеръ на разсвѣтѣ;
Что Велизарій трупъ его сокрылъ,

Чтобъ видъ его моей тоски не увеличилъ.
Безъ памяти упала на полъ я,
Пришла въ себя, хотѣла видѣть сына....
Запечатлѣть на немъ послѣдній поцѣлуй.
Напрасно! съ той поры его я не видала,
И не увижу болѣ въ жизни сей.
(*Останавливается отъ горести, и помолчавъ, продолжаетъ.*)
Но неожиданно со смертью Ліодора
Настало новое блаженство для меня.
Мой мужъ по прежнему сталъ веселъ и привѣтливъ;
Казалося, что съ сердца камень спалъ;
О мнѣ заботился, и всячески старался
Унынiе мое разсѣять. Снова онъ
Одушевился славою геройской;
На верхъ величья быстро возносясь,
Со всѣхъ сраженій онъ съ побѣдой возвращался,
И всѣ желанія его вѣнчалъ успѣхъ,
И наконецъ жезломъ верховнымъ полководца
Его Монархъ заслуги наградилъ;
Щедротами, богатствами осыпалъ;
Къ тому же у меня дочь родилась тогда;
Счастливѣйшей себя считала въ мірѣ я
И въ памяти изгладилось тогда
Воспоминанiе печальное о сынѣ. —

РУФИНЪ.

Казалось, счастiе твое не измѣнилось.

ЕВТРОПІЙ.

За что же ты къ нему питаешь месть?

АНТОНИНА.

Спустя три мѣсяца, какъ Велизарій
Противу Вандаловъ отправился въ походъ,
Откуда въ торжествѣ идетъ теперь въ столицу,
Вдругъ занемогъ тотъ вѣрный рабъ,
Который первый мнѣ о сынѣ далъ извѣстье.
Предъ смертью пожелалъ онъ видѣться со мной,
И я исполнила желанье Клеомена.
«Пока еще *я* не предсталъ предъ Бога,»
Онъ мнѣ сказалъ, рыдая, «долженъ я
«Предъ тобой покаяться въ проступкѣ,
«Который жизнь мою, какъ язва, отравилъ.
«Я далъ обѣтъ, но на порогѣ гроба
«Печать снимаю съ тайны роковой.
«Твой сынъ, твой Ліодоръ, не умеръ, не болѣзнью
«Похищенъ онъ. Я обманулъ тебя
«По приказанiю супруга. Онъ, когда-то,
«Въ дни юности, ужасный видѣлъ сонъ:
«Ему привидѣлось, что вопiй въ мѣдномъ шлемѣ
«Изъ ложа выступилъ, грозящiй, передъ нимъ;
«Его схватилъ за плечъ супругъ твой; вмѣсто шлема
«Цѣпь очутилася желѣзная въ рукѣ.
«Астрологи тотъ сонъ ему растолковали,
«Что сынъ ему родится отъ тебя,
«Который мечъ противъ него подниметъ,
«Съ врагами родины, и будетъ самъ врагомъ.
«Тогда ужасное замыслилъ Велизарій!
«Тебя онъ зелiемъ снотворнымъ усыпилъ,
«И отъ груди твоей взялъ соннаго младенца,
«И приказалъ мнѣ умертвить его.
«При мысли той я задрожалъ отъ страха,
«Въ душѣ рѣшился пощадить его.
«На берегу морскомъ я положилъ ребенка.
«Не знаю, море ли его волнами унесло
«Изъ состраданiя, иль звѣри растерзали.»
Такъ рабъ сказалъ и умеръ. Въ ту минуту,
Что чувствовала я; какъ медленно кинжалъ
Вонзался въ грудь мою и по сю пору
Вращается въ груди, — лишь матери со мной
То могутъ чувствовать, — не вы!

РУФИНЪ.

Ужасно!

Ужъ тѣмъ однимъ онъ смерть на плахѣ заслужилъ!

ЕВТРОПІЙ.

И въ дни язычества онъ не избѣгъ бы казни.

АНТОНИНА.

Теперь понятна вамъ вся ненависть моя.
Для лавровъ суетныхъ жестокій поругался
Всѣмъ счастіемъ семейственнымъ своимъ.
Но эти лавры я сорву съ злодѣя,
И обличу его предъ небомъ и землей.
(Раздается музыка въ далекѣ.)
Вотъ онъ идетъ; восторгъ вы слышите столицы;
Народъ спѣшитъ встрѣчать; я слышу пѣсни кликъ.
Едва лишь онъ сойдетъ съ побѣдной колесницы,
Явлюся я, какъ онъ ни славенъ, ни великъ,
Съ величія столкну его во мракъ темницы —
Восторжествуетъ мать!—Спѣшите, близокъ часъ,
Часъ воздаянія! Пылаю нетерпѣньемъ
Насытиться давно желаннымъ мщеньемъ.
Предъ тономъ Кесаря я ожидаю васъ.
(Уходитъ.)

РУФИНЪ.

И это женщина! Кто скажетъ намъ теперь,
Что сердце женщины и суетно и слабо,
Когда она изъ мщенья одного
Всѣ радости свои земныя сокрушаетъ.
(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Площадь Ипподромъ въ Константинополѣ, великолѣпно украшенная для встрѣчи тріумфатора Велизарія. Стѣны домовъ увѣшены цвѣточными гирляндами, лаврами, драгоцѣнными тканями. Дорога устлана лаврами. Въ сторонѣ Кесарскій тронъ. Народъ въ глубинѣ театра.

Юстиніанъ въ пышномъ императорскомъ одѣяніи, окруженный тѣлохранителями, Сенаторами, всѣмъ дворомъ, выходитъ и садится на тронъ.

ЛЕОНЪ, ПРОТОГЕНЪ, ЕВТРОПІЙ И РУФИНЪ.

ЮСТИНІАНЪ.

И даже здѣсь народъ восторженный тѣснится;
Не Византія, кажется, одна
Здѣсь собралась, а вся Имперія, чтобъ видѣть,
Какъ награждаю я достойнаго вождя.
А близко ли отсюда тріумфаторъ?

ЛЕОНЪ.

Немедленно предъ твой предстанетъ тронъ.

ЮСТИНІАНЪ.

Здѣсь буду ждать его.—Быть можетъ, кто изъ васъ
На колесницѣ видѣлъ полководца?
Спокоенъ, веселъ онъ лицемъ?
Какія чувства взоры выражаютъ?
Какъ принимаетъ онъ восторгъ толпы?

ПРОТОГЕНЪ.

Его я видѣлъ. Медленно катилась,
Влекомая рабами, колесница.
Народъ вождя очами пожиралъ.
И каждый шагъ былъ для него побѣдой.
Но скромный, онъ стоялъ; ни гордости пустой,
Ни тайнаго презрѣнія къ народу
Я на лицѣ его спокойномъ не прочелъ.
Напротивъ; всѣхъ привѣтствовалъ улыбкой,
И старыхъ воиновъ, сподвижниковъ своихъ,
Онъ отличалъ въ толпѣ, кивалъ имъ головою,
Какъ будто говорилъ: я долгъ исполнилъ свой
И не горжусь побѣдой надъ врагами.

ЮСТИНІАНЪ (*въ сторону.*)

Умолкни, зависти коварная змѣя.
Сомѣнье, замолчи: онъ вѣрный полководецъ;
Мое правленіе онъ славой озарилъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же. Торжественное шествіе Велизарія: сперва выходятъ музыканты, за ними хоръ дѣвъ и юношей съ плясками и пѣснемъ; потомъ слѣдуютъ граждане, Эдилы и градскіе старѣйшины, и наконецъ Сенаторы; за ними дружина Велизарія; при побѣдной музыкѣ воины несутъ добычу: вѣнецъ, мантію и жезлъ Гелимера, Вандальскаго Царя. Наконецъ Велизарій, стоящій на колесницѣ, въ лавровомъ вѣнкѣ, съ лавровой вѣтвью и жезломъ въ рукахъ, сверхъ золотыхъ его доспѣховъ накинута багряница. Колесницу его везутъ 12 плѣнныхъ Вандальскихъ юношей, въ цѣпяхъ, между ними находится Алямиръ.

ВЕЛИЗАРІЙ

(сходитъ съ колесницы, становится на одно колѣно предъ Кесаремъ, и встаетъ по его знаку.)

Къ твоимъ стопамъ, могущественный Кесарь,
Кладу священный лавръ, побѣды славный плодъ.
Орудьемъ будучи твоей державной воли,
Я для тебя его на полѣ битвъ стяжалъ.
(Снимаетъ съ себя лавровый вѣнокъ и кладетъ къ ногамъ Кесаря.)
Вотъ и вѣнецъ зубчатый Гелимера,
Вандальскаго Царя, и мантія, и жезлъ,
И съ нимъ владычество надъ цѣлой частью свѣта,
Какъ вѣрноподданный, тебѣ я приношу.
Вотъ и ключи отъ городовъ Вандальскихъ:
Тамъ знамя ворона не вѣетъ на стѣнахъ,
А твой орелъ свои расширилъ крылья.
Изъ храмовъ ихъ кумировъ изгналъ я,
И водрузилъ символъ единой вѣры.
Іерусалимскіе священные сосуды
Исторгнулъ я изъ нечестивыхъ рукъ;
Они передъ тобой; ихъ возврати святынѣ.
Коней, рабовъ несмѣтное число
И всѣ сокровища несу тебѣ въ добычу.
Лишь этимъ юношамъ, плѣненнымъ на войнѣ
Испрашивать я милости дерзаю.
Чувствительно для нихъ уничиженье,
И отражается во взорѣ ихъ печаль.
Ихъ удостой державнаго вниманья
И въ вѣрныхъ слугъ престола обрати.

ЮСТИНІАНЪ.

Смиреніе героя возвышаетъ
Въ глазахъ моихъ. — Ты долгъ исполнилъ свой,
И сей вѣнокъ побѣдный, Велизарій,
Я возложу тебѣ на славное чело!
(По знаку его, одинъ изъ царедворцовъ поднимаетъ вѣнокъ и подаетъ ему.)
Война окончена. Изъ подъ ярма Вандаловъ
Ты Африку мою освободилъ,
И тѣмъ остановилъ побѣгъ народовъ дикихъ.
Теперь свой мечь ты опусти въ ножны,
Я не нуждаюсь въ немъ; своей довольно крови
Ты пролилъ за меня; но твой совѣтъ
Полезенъ можетъ быть еще въ дѣлахъ гражданскихъ,
И для того я возложу тебя
Въ санъ Консула; не онъ тебѣ,
А ты ему придашь достоинства и блеска.
Изъ всѣхъ сокровищъ ты любое выбирай,
И воиновъ твоихъ, стяжавшихъ мнѣ престолъ,
Я награжу великія заслуги:
Въ лицѣ тебя я всю цѣлую рать.
Тѣхъ плѣнниковъ дарю тебѣ. Навѣки
Они рабы твои, и властенъ ты
Располагать ихъ жребіемъ; а нынѣ
Иди въ свой домъ, и счастьемъ наслади
Семейственнымъ; его ты не вкушалъ издавна,
Повѣсь свой мечъ на алтарѣ пенатовъ;

Пусть онъ покоится, пока твой Государь
Не вызоветъ тебя опять на поле чести.
(Онъ величественно встаетъ и уходитъ со всею свитою; часть народа съ благоговѣніемъ слѣдуетъ за нимъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВЕЛИЗАРІЙ, ПЛѢННЫЕ ВАНДАЛЫ, ВОИНЫ, НАРОДЪ, ПОТОМЪ АНТОНИНА И ЕЛЕНА.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Изъ всѣхъ даровъ, которыми меня
Осыпала монаршая щедрота,
Лишь за одинъ благодарю ее:
Васъ, плѣнники, могу назвать своими,
И жребій вашъ могу я усладить: —
Даю свободу вамъ! Друзьями Византіи
Отнынѣ будьте вы, и силы юныхъ лѣтъ
Вы посвятите ей въ награду за свободу.
Идите въ Африку, и возвѣстите тамъ,
Что Христіанскій Богъ сердца враговъ смягчаетъ
И обращаетъ ненависть въ любовь.
(Плѣнники бросаются къ ногамъ его. Аламиръ не перемѣняетъ своего положенія.)
Одинъ изъ нихъ колѣнъ не преклонилъ;
Духъ гордый плѣнника для Кесаря опасенъ.
(громко)
Ты, Аламиръ, одинъ не принимаешь
Благодарить меня не хочешь ты?...

АЛАМИРЪ.

Признательность души моей безмѣрна;
Но къ горести, тебѣ признаться долженъ я,
Другаго ожидалъ я отъ тебя блаженства.
Цѣпями вѣчными меня ты привязалъ
Къ себѣ, и цѣпи тѣ: любовь и благодарность.
Желалъ бы вѣчно звать тебя своимъ отцемъ,
Властителемъ своимъ; послѣдняя работа
Въ дому твоемъ милѣе благъ земныхъ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Останься у меня, когда меня ты любишь;
Но не рабомъ отнынѣ будешь ты.
На опытѣ твою узналъ я храбрость
И качества возвышенной души.
Ты замѣни мнѣ рѣдкую потерю,
Которой позабыть донынѣ не могу.
Такъ, Аламиръ, ты замѣни мнѣ сына.

АНТОНИНА *(выходитъ на сцену и останавливается при сихъ словахъ; потомъ подходитъ къ Велизарію.)*
Не матери — тебѣ его замѣнитъ онъ.

ЕЛЕНА.

Родитель!

ВЕЛИЗАРІЙ.

Дочь, жена!

ЕЛЕНА.

Какъ долго
Мы не видались съ тобой! —

ВЕЛИЗАРІЙ, *(обнимая ее)*.

Теперь лишь
Чувствую вполнѣ все счастіе мое,
Когда его вы дѣлите со мною.
Ахъ, какъ ты выросла Елена, какъ роскошно
Ты расцвѣла дѣвической красой.
Я въ очи ясныя твои не нагляжуся,
Не налюбуюся улыбкою твоей.
Сокровище мое! и чѣмъ же, Антонина,
Могу тебя за дочь благодарить,
Но что съ тобой? Ты грусть скрываешь въ сердцѣ:
Покрыто блѣдностью прекрасное лице.
Какой недугъ томитъ тебя, скажи мнѣ?
И неслучилось ли несчастія съ тобой?

АНТОНИНА.

Исполнились души твоей мольбы:
Ни горе, ни недугъ не посѣтили дома;
Его найдешь, какъ ты его оставилъ
(Выразительно говоря и смотря ему въ глаза:)
Лишь умеръ твой невольникъ Клеоменъ.

ВЕЛИЗАРІЙ *(въ сторону)*

И съ нимъ сошла во гробъ погибельная тайна;
Съ души моей тяжелый камень спалъ.
(Обратясь къ женѣ и дочери.)
Жена и дочь, теперь меня ведите
Подъ мирную, отеческую сѣнь;
Да успокоюсь тамъ отъ брани треволненья,
И освящу торжественный сей день
Предъ алтаремъ мольбой любви, благодаренья.
(Обнимая жену и дѣтей, уходитъ.)

НАРОДЪ *(при кликахъ слѣдуетъ за нимъ)*

Да здравствуетъ великій Велизарій!
(Музыка сопровождаетъ его.)

КОНЕЦЪ 1-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Галлерея, украшенная мраморными статуями предковъ, въ домѣ Велизарія.

ЯВЛЕНІЕ I.

АЛЛАМИРЪ *(одинъ.)*

Уже ли васъ я болѣ не увижу,
Далекой Африки крутые берега,
Гдѣ я на утрѣ дней, осиротѣлый,
Хранительный пріютъ себѣ нашелъ?
Что такъ влечетъ меня къ враждебной Византіи?
Душа моя отъ знойныхъ береговъ
Песчаной Африки рвалась сюда, какъ лебедь
Къ студеной влагѣ рвется въ жаркій день.
Какой то силою таинственной прикованъ
Я къ этимъ ликамъ мраморнымъ. Я съ нихъ
Глазъ не свожу. Безчувственные камни!
Скажите мнѣ, найду ли въ сихъ мѣстахъ
Виновниковъ моей печальной жизни.

ЯВЛЕНІЕ II.

АЛЛАМИРЪ И ВЕЛИЗАРІЙ

ВЕЛИЗАРІЙ.

Ты здѣсь одинъ; въ унынье погруженный,
Не раздѣляешь радости толпы.
Уже ль ты чувствуешь свою неволю?
Не подалъ повода къ тому я, Аламиръ.

АЛАМИРЪ.

Въ уединеніи вдушѣ припомнивая
Событій связь, дивился я судьбѣ,
Которая меня приводитъ въ Византію.
Какъ молодой пловецъ заброшенъ я волной
Въ надежную, спасительную пристань,
И не могу нарадоваться ей!
Здѣсь такъ привольно мнѣ, о благодѣтель!
Цѣлую длань, изсторгшую меня
Изъ пропасти.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Такъ ты доволенъ
Судьбой своей и болѣ не грустишь
О сторонѣ родной, о милыхъ сердцу
Родителяхъ? —

АЛАМИРЪ.

Ихъ нѣтъ у Аламира,
И та страна, гдѣ призрѣли меня,
Мнѣ не отечество. —

ВЕЛИЗАРІЙ.

Какъ, ты не Вандалъ?

АЛАМИРЪ.

Нѣтъ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Скажи мнѣ, гдѣ страна твоя родная?
Кто твой отецъ?

АЛАМИРЪ.

Его не зналъ я съ дѣтства,
И гдѣ отечество, не вѣдаю. Младенцемъ
Я найденъ въ пеленахъ на берегу морскомъ
Купцами Смирнскими и Вандаламъ былъ проданъ.
Царь Гелимеръ потомъ отца мнѣ замѣнилъ,
И воспиталъ меня рачительно, какъ сына.
Но къ Вандаламъ привыкнуть я не могъ,
Чуждался образа ихъ жизни полудикой,
Въ уединеніи отъ нихъ скрывался игръ.
На берегу морскомъ просиживалъ я ночи,
Глазами влажными отыскивалъ вдали
Тотъ берегъ, гдѣ свѣтъ Божій я увидѣлъ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

И ты не знаешь берега того?

АЛАМИРЪ.

Когда свидѣтельству купцевъ я долженъ вѣрить,
Родился я въ краю, гдѣ свѣтлый Геллеспонтъ
Сливается съ волной кипящею Босфора.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Такъ это здѣсь, близъ Византіи. Какъ же
Ты поднялъ мечъ противъ страны родной,
И, можетъ быть, противъ отца? —

АЛАМИРЪ.

Могу ли
Я уважать того, кто въ пеленахъ
Меня на жертву хищнымъ звѣрямъ отдалъ?
Я безъ отечества!

ВЕЛИЗАРІЙ.

А сколько лѣтъ тебѣ?

АЛАМИРЪ.

Считаютъ двадцать лѣтъ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

О правосудный Боже!
Что слышу я, что чувствую? Тотъ берегъ...
Мой страшный сонъ и двадцать лѣтъ его,
И голосъ тайнаго влеченья непонятный...
О Господи! Ужели Ты его
Въ ту роковую ночь отъ гибели избавилъ,
Когда на смерть я осудилъ его?
Надежда тщетная! Усердье Клеомена
Извѣстно мнѣ. — Онъ выполнилъ приказъ.
Онъ не принесъ ли мнѣ тогда его одежды?
На ней тогда еще дымилась кровь....
Кровь сына моего! Прочь, лестное сомнѣнье!
Мой Ліодоръ убитъ, и злобная судьба
Мнѣ юношу изъ за моря послала,
Чтобъ сердце твердое мое поколебать
И въ образѣ его терзать меня упрекомъ!..
Чѣмъ я, отечество, пожертвовалъ тебѣ!

ЯВЛЕНІЕ III.

ПРЕЖНІЕ И ЕЛЕНА.

ЕЛЕНА (*вбѣгаетъ*).

Ахъ, батюшка!

ВЕЛИЗАРІЙ.

Что сдѣлалось съ тобою,
Елена? Ты блѣдна отъ ужаса. Скажи мнѣ,
Что такъ тебя встревожило?

ЕЛЕНА.

Сейчасъ
Юстиніанъ къ тебѣ прислалъ гонца съ приказомъ
Немедленно къ нему явиться.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Повинуюсь,
Но ты чего боишься?

ЕЛЕНА.

Въ то же время
Онъ созвалъ весь Сенатъ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

И только — то? — Елена,
Ты что то важное скрываешь отъ меня.

ЕЛЕНА.

Невольный страхъ въ мою всесилился душу.
Мнѣ кажется, что торжество твое
И милость Кесаря, любовь всего народа,
И почести блестящія твои,
Противъ тебя вооружили зависть. —
А можешь ли ея ты козни побѣдить,
Привыкшій все рѣшать мечемъ на полѣ чести?

ВЕЛИЗАРІЙ.

Возможно ли? Еще и клики не умолкли,
Которыми меня привѣтствуетъ народъ;
Еще упоена восторгомъ Византія,
Что новый міръ вселенной я стяжалъ
И новой славою покрылъ Юстиніана,
А въ домѣ у меня безмолвствуетъ печаль,
Унылая, одна блуждаетъ Антонина,
Какъ бы страшится встрѣтиться со мной;
И дочь моя сомнѣніемъ томится,
Объ участи отца. Того не ожидалъ!
Пріятнѣйшей отъ васъ я ждалъ бесѣды.
Но успокойтеся,—всѣ опасенья, страхъ,
Внушаетъ вамъ о мнѣ излишная забота.
Чего боятся мнѣ? Сената? Развѣ я
Измѣнникъ? Не стоялъ ли я предъ тѣмъ Сенатомъ
Вчера? Содрогся ли душей я передъ нимъ? —
Не смѣло ли глядѣлъ я въ очи Государю?
Какъ адамантовый, неодолимый щитъ,
Какъ Божій мечь въ десницѣ Херувима,
Хранятъ меня отъ козней и враговъ
Любовь Властителя, и твердое сознанье
Въ невинности,—успѣхъ во всѣхъ дѣлахъ
И имя чистое, какъ злато — *Велизарій*.
(*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЕЛЕНА И АЛАМИРЪ.

ЕЛЕНА (*въ задумчивости*).

Изъ гроба возстаютъ и мертвые для мщенья.
«Нерѣдко славное побѣды торжество
Предшествуетъ паденію героя.»
Не такъ ли матушка сказала мнѣ вчера?
Престранно! я ее винила въ ложномъ страхъ,
А гдѣ теперь спокойствіе мое
И твердость?

АЛАМИРЪ.

Ихъ мечта поколебала.

ЕЛЕНА.

Какъ иноземецъ, ты еще не знаешь
Страну, куда тебя судьбина занесла,
Ты думаешь, что мы въ палатахъ безопасны,
Что эти мраморы защита намъ отъ бурь?
Волканъ кипитъ подъ этими столбами,
И горе, если онъ.....

АЛАМИРЪ.

Ахъ, самъ я испыталъ,
Какъ счастіе земное вѣроломно,
Но вамъ чего страшиться?

ЕЛЕНА.

Клеветъ
И зависти придворныхъ честолюбцевъ,
И даже матери моей.

АЛАМИРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ,
Не можетъ быть.

ЕЛЕНА.

Ахъ, я замѣтила издавна,
Что измѣнилась матушка душой;
Сдружилась вдругъ съ отцовскими врагами;

И всѣ слова ея страшатъ меня, приводятъ въ трепетъ,
И что то грустное душѣ моей пророчатъ.

АЛАМИРЪ.

Дивлюсь.

ЕЛЕНА (*въ страхѣ*).

Дивись тому, что чужеземцу
Осмѣлилась открыть я страхъ моей души.

АЛАМИРЪ.

Уже ли для тебя еще я чужеземецъ?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, добрый юноша! Ты братомъ сталъ монмъ
Съ тѣхъ поръ, какъ мой отецъ предъ всѣмъ народомъ
Въ объятья заключивъ, тебя усыновилъ. —

АЛАМИРЪ.

Я жизнью твоему родителю обязанъ,
И жизнь ему до гроба посвящу.
И что бъ съ нимъ ни было, клянусь тебѣ, Елена,
Его не оставлять; съ нимъ горести терпѣть,
И болѣ — за него отмстить его злодѣямъ.

ГОЛОСЪ АНТОНИНЫ.

Елена!

ЕЛЕНА.

Матушка зоветъ меня; прости
И помни свой обѣтъ.

АЛАМИРЪ.

Онъ вѣченъ, неизмѣненъ!
(*разходятся въ разныя стороны*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Палата во дворцѣ Юстиніана.

Юстиніанъ сидитъ на тронѣ, Сенаторы — на скамьяхъ въ полукружіи, въ видѣ Амфитеатра.

ЮСТИНІАНЪ.

Сенаторы, я созвалъ васъ сегодня
Судить вождя, котораго вчера
Вы тріумфаторомъ встрѣчали въ Византію,
А нынѣ вы увидите его,
Какъ обвиненнаго. —

СЕНАТОРЫ.

Въ чемъ? Боже! Велизарій!

ЮСТИНІАНЪ.

Въ его присутствіи вамъ объявлю вину.
Кому теперь я ввѣриться осмѣлюсь,
Когда подобный мужъ, когда отчизны столбъ,
Мой Велизарій — нѣтъ: повѣрить не дерзаю
Доносчикамъ! — Улика мнѣ нужна.
Вамъ предоставляю я судьбу его, карайте
Со всею строгостью законовъ; вотъ онъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЕ И ВЕЛИЗАРІЙ (*входитъ спокойно; потомъ Руфинъ и Евтропій*).

ВЕЛИЗАРІЙ (*величественно и преклоняя колѣно предъ Кесаремъ, помолчавъ говоритъ*).

Я повинуюсь, Государь, приказу,
Который ты мнѣ чрезъ гонца прислалъ:
Являюсь предъ лице твое съ благоговѣньемъ,
Державной воли жду, священной для меня.

ЮСТИНІАНЪ.

Меня просилъ ты часто, Велизарій,

Когда бы клевета дерзнула помрачить
Дѣла твои, чтобъ я тебѣ, немедля,
Доносчиковъ, клеветниковъ объявилъ
Торжественно въ собраніи Сената.
Подумать могъ ли я тогда, обѣтъ давая,
Что мнѣ придется выполнить его.
Тотъ день насталъ: въ ужасномъ преступленьи
Ты обвиненъ, и потому Сенатъ
Я созвалъ во дворецъ и пригласилъ тебя,
Чтобъ обвинителей ты выслушалъ, и вмѣстѣ
Свою невинность доказалъ; когда жъ
Сознаешься въ винѣ, то покорися
Всей строгости закона.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Преступленье,
Донось и казнь! Впервые слышу я
Подобныя слова, и признаюся, Кесарь,
Сегодня именно не ждалъ услышать ихъ.

ЮСТИНІАНЪ.

Прискорбно было мнѣ, когда тебя,
Котораго вчера еще отчизна
Спасителемъ своимъ отъ варваровъ звала,
Когда тебя сегодня обвиняютъ. . . . .

ВЕЛИЗАРІЙ.

Въ чемъ?

ЮСТИНІАНЪ.

Въ государственной измѣнѣ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Государь!

ЮСТИНІАНЪ.

Когда свою докажешь ты невинность,
Моя любовь возвысится къ тебѣ.
Не бойся ничего.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Бояться мнѣ?
Когда не трепеталъ предъ полчищемъ Вандаловъ,
Когда я Готами равнины устлалъ,
Такъ устрашусь ли я клеветниковъ презрѣнныхъ!
(*спокойнье*).
Прости мнѣ, Государь! — Благодарю тебя
За откровенное со мною обращенье.
Ты не хотѣлъ, чтобъ тайной клеветой
Честь Велизарія злодѣи помрачили
И потому призвалъ меня сюда,
Предъ обвинителей и предъ судей.

ЮСТИНІАНЪ.

Начнемъ же
Мы съ обвинителей; да выступятъ они.

РУФИНЪ И ЕВТРОПІЙ (*выходятъ*).

РУФИНЪ.

Евтропій и Руфинъ торжественно тебя
Въ измѣнѣ Кесарю, отчизнѣ, обвиняютъ,
И клятвой подтвердятъ, что ты питалъ въ душѣ
Желанье тайное употребить на гибель
Отечества власть, данную тебѣ;
Съ остаткомъ Вандаловъ вступилъ ты въ связи,
И въ Африкѣ хотѣлъ себѣ воздвигнуть тронъ....

ВЕЛИЗАРІЙ, (*продолжая*).

....И власть свою раскинуть на полміра,
Въ отечествѣ кровавый бунтъ зажечь,
Столицу осадить, и съ Кесаря порфиру
Рукой предательской совлечь,
И на престолъ его, вѣками освященный,
Ступить ногой, въ крови согражданъ обагренной —
Не такъ ли? Лишь того, самъ согласишься ты,
Для увѣнчанія злодѣйствъ не доставало,
И довершенія безстыдной клеветы,

РУФИНЪ.

Ты кстати отъ труда меня избавилъ
Досказывать донось, признавшись самъ во всемъ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Гдѣ доказательства? Желалъ бы ихъ увидѣть,

ЕВТРОПІЙ.

Ты ждать не будешь ихъ; немедленно увидишь.
Ты самъ противъ себя оружіе намъ далъ.
Не снисхожденіемъ ли, всю мѣру перешедшимъ,
Старался ты враговъ себѣ привлечь.
Обезоружилъ ли ты Вандаловъ разбитыхъ?
Разрушилъ ли ты въ прахъ ихъ города?
Ты не давалъ ли имъ въ шатрѣ своемъ пріюта?
Отъ воиновъ своихъ не защищалъ ли ты
Мечемъ ихъ честь и достоянье?

ВЕЛИЗАРІЙ.

Съ презрѣніемъ тебя я выслушалъ, Евтропій.
Ты худо сплелъ коварный свой навѣтъ,
Когда мнѣ то вмѣняешь въ преступленье,
Чѣмъ бы гордиться слѣдовало мнѣ:
Что съ человѣчествомъ и съ Богомъ примиряетъ
И съ совѣстью моей. Не стоитъ отвѣчать
На твой доносъ. Нѣтъ ли другой улики?

Руфинъ.

Зачѣмъ ты Вандала усыновилъ? И можно ль
Язычника принять, какъ сына, въ домъ?
Питомецъ царскій онъ? Кого ты въ немъ готовишь
Для Вандаловъ, скажи, какъ не Царя,
Преемника себѣ? Признательности узы
На Вандаловъ ты хочешь наложить
Заранѣе и тѣмъ свой умыселъ упрочить!

ВЕЛИЗАРІЙ.

Готовилъ въ юношѣ не Вандаламъ Царя,
А вѣрнаго защитника престолу,
Какъ бы заложникомъ, хранилъ я при себѣ,
На дѣлѣ убѣдясь въ любви къ нему народной
И въ безпримѣрной храбрости его.
Изъ Вандаловъ онъ всѣхъ опаснѣе для трона,
И потому я удержалъ его.

РУФИНЪ

Какъ ни хитро опровергаешь ты
Слова мои, но скоро затрепещешь,
Увидя, что въ рукахъ моихъ
Есть доказательства. — Ты знаешь эти письма?
(*Онъ беретъ письма у письмоводителя.*)

ВЕЛИЗАРІЙ.

Мои. Я ихъ писалъ изъ Африки женѣ.
Ихъ содержаніе невинно. Чистый ангелъ
Предъ троиомъ Вышняго ихъ могъ бы прочитать.

РУФИНЪ.

Дивлюся твоему безстыдству, Велизарій.
Какъ могъ ты позабыть, что въ упоеньи чувствъ
На высотѣ величія и славы
Ты мертвому листу повѣрилъ. На, прочти,
И въ памяти своей минувшее припомни,
И смѣй еще опровергать меня.

ВЕЛИЗАРІЙ.

(*Развертываетъ свитокъ, бѣгло читаетъ и вдругъ приходитъ въ ужасъ*).

РУФИНЪ (*Сенаторамъ.*)

Вы видите, какъ онъ дрожитъ, блѣднѣетъ;
Улика на его начертана челѣ!

ВЕЛИЗАРІЙ.

Что вижу я? Глазамъ своимъ не вѣрю!
Моя рука, такъ точно; почеркъ мой;
Но все, что здѣсь написано, не смѣлъ бы
Подумать я, не только написать.
(*къ Сенаторамъ*).
Сенаторы, узнайте содержанье
Сихъ писемъ роковыхъ. Здѣсь я пишу женѣ

О низверженіи съ престола Государя,
О помощи враговъ; весь гнусный замыслъ тотъ
Начертанъ здѣсь, о чемъ вамъ доносилъ Евтропій.
Здѣсь я прошу жену всѣ средства приложить
На подкупленіе Сената и народа;
Прошу ее сокровищь не щадить.
Здѣсь все, о чемъ моя душа не замышляла!
Все перемѣшано съ привѣтами любви
И дружбы къ дочери, къ женѣ, чего бы лжецъ
Придумать не умѣлъ. Слова отца и мужа,
Благословенія—такъ, это все мое,
Часть сердца моего! Отъ нихъ не отрекаюсь;
Но прочее.... Напрасно я хочу
Расторгнуть сѣть, поставленную злобой;
Въ соображеніяхъ теряется мой умъ.....
И ложь, и истина, и адъ, и рай — все вмѣстѣ.

ЕВТРОПІЙ.

Уловка жалкая злодѣевъ уличенныхъ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

О, Государь! Сенаторы, уже ли
Повѣрите словамъ моихъ враговъ,
Которые всегда завидовали явно
Любви ко мнѣ монаршей? Развѣ вы
Колеблетесь признать подложными тѣ письма,
Которыя похитили враги
Въ отсутствіемое у вѣрной Антонины?

РУФИНЪ.

На подозрѣніе стыжуся возражать.
Но третій есть противъ тебя свидѣтель,
Котораго не опровергнешь ты.
(*Онъ даетъ знакъ служителю; тотъ уходитъ.*)

ВЕЛИЗАРІЙ.

На одного лишь я свидѣтеля сошлюся
Для доказательства невинности моей,—
Лишь на жену мою; но правосудье ваше
Не предпочтетъ свидѣтельства любви
Всѣмъ кознямъ зависти. — Елена, Антонина,
Вы бѣдствіе предвидѣли мое.—
О, взоръ любви и дружбы дальновидѣнъ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЕ И АНТОНИНА.

ЕВТРОПІЙ.

И третій здѣсь противъ тебя свидѣтель.
Взгляни, и трепещи.

ВЕЛИЗАРІЙ (*обратясь ко входу.*)

Что вижу? Антонина!

АНТОНИНА, (*потупя глаза дрожащимъ голосомъ говоритъ Юстиніану.*)

Предъ твой престолъ являюсь, Государь,
Съ души сложить томительное бремя,
Которое меня издавна тяготитъ;
И мнѣніе людское презирая,
Хочу тебѣ всю истину открыть.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Такъ, истину ты скажешь Государю,
И мужа своего достойно защитишь.
(*Ободряется и подходитъ къ ней ласково.*)
Тебѣ злодѣи тѣ извѣстны, Антонина,
Они давно завистники мои;
Давно они, какъ червь, точатъ корень
Блаженства моего и ясныхъ дней моихъ.
Вообрази, въ рукахъ ихъ вижу письма,
Которыя тебѣ изъ Африки писалъ.
Но вѣдь они, не изліянье болѣ
Нѣжнѣйшихъ чувствъ супружескихъ къ тебѣ.
Въ святилище любви проникнулъ адъ.
Увидишь,

Что ложь и истина тамъ па ряду стоять.
По этимъ письмамъ я предъ троном'ъ и Сенатомъ
Въ ужаснѣйшемъ злодѣйствѣ обвиненъ:
Въ предательствѣ, въ измѣнѣ Государству!
Для доказательства невинности моей,
Не должно бъ было мнѣ ссылаться на супругу;
Но такъ какъ мнѣ прибытіе твое
Въ Сенатъ загадочно, то я рѣшаюсь
Спросить тебя: такія ли къ тебѣ
Писалъ я письма? Разсмотри точнѣе.

АНТОНИНА (*въ сторону*).

Тѣнь сына моего, одушеви меня!
Насталъ кровавый день давно желанной мести.
(*громко*).
Они и есть. Никто ихъ не поддѣлалъ.
Въ нихъ справедливо все, о чемъ ты мнѣ писалъ.
(*Движеніе и удивленіе Сенаторовъ*).

ВЕЛИЗАРІЙ.

(*Съ ужасомъ отвращается отъ нея; послѣ нѣкотораго молчанія, собравшись съ силой*)
Не поспѣшай отвѣтомъ, Антонина.
Еще не знаешь ты всей важности вины,
Въ которой письма тѣ меня изобличаютъ.
Прочти и отвѣчай: дерзнулъ ли я когда
Съ тобой бесѣдовать о замыслахъ постыдныхъ?
Дерзулъ ли я когда тебѣ писать о томъ?
Супружескимъ обѣтомъ заклинаю,
Который ты предъ Богомъ изрекла,
Скажи всю истину.

АНТОНИНА.

Отъ словъ не отопруся.
Мятежъ, предательство, измѣну Государю,
Неблагодарность,—все въ душѣ ты замышлялъ,
И мнѣ о томъ писалъ изъ Африки въ тѣхъ письмахъ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Не можетъ быть; глазамъ своимъ не вѣрю!
Не вѣрю слуху! — Это не жена,
Не Антонина! Нѣтъ, — ты адской призракъ,
Принявшій милыя черты моей жены,
Чтобъ мужество мое поколебать явленьемъ.
(*помолчавъ.*)
Не смерть моя одна отъ словъ твоихъ зависитъ, —
И что мнѣ жизнь? Но ты сама стоишь
На рубежѣ: и адъ и рай передъ тобою.
Лишь слово отъ тебя, ты — спасена!
Одно движенье устъ, и вѣчное проклятье
Всевышняго сразитъ преступную жену.
Священнѣйшимъ тебя я въ мірѣ заклинаю,
Хоть для спасенія души своей, молю,
Открой всю истину.

АНТОНИНА.

Ее давно сказала:
Въ томъ злодѣяніи виновенъ ты!

ВЕЛИЗАРІЙ (*съ сильнымъ отчаяніемъ.*)

Обрушься на меня, ты, вѣковое зданье!
Полъ мраморный, раскройся подо мной!
Столбы, вы съ своего сойдите основанья,
Сотритесь въ пыль, развѣйтеся грозой!
Природа, выступи изъ рубежей предвѣчныхъ!
Что на землѣ незыблемо теперь?
На что теперь мы положиться можемъ,
Когда и вѣрность самая жены,
Обѣтами скрѣпленная предъ Богомъ,
Поколебалась? — Что сдѣлалъ я тебѣ?
За что меня ты губишь, Антонина?
Уже ль забыла ты долгъ матери святой?
Хотя бъ для дочери меня ты пощадила.

Супруга, мать, что сдѣлалъ я тебѣ?

АНТОНИНА (*въ изступленіи.*)

Ты смѣешь спрашивать еще, что сдѣлалъ мнѣ?
Ты смѣешь призывать въ свидѣтели природу,
Ты смѣешь слово мать произносить!
Вглядись въ меня: я та же Антонина;
Не призракъ, передъ тобой, твоя жена.
Не ты ли у нея похитилъ сына —
Отъ сердца матери отторгъ во время сна?
Не ты ли, алчущій безсмертія и славы,
Отважился на помыселъ кровавый,
Предательски младенца умертвилъ;

И лавры славныя, тріумфы и побѣды
Не ты ли кровью первенца купилъ?

ВЕЛИЗАРІЙ.

О правосудный Богъ!

(*Многіе изъ сенаторовъ встаютъ съ своихъ мѣстъ; иные изъ нихъ окружаютъ Антонину, другіе Велизарія.*)

ПРОТОГЕНЪ.

Что, что сказала ты?

ЮСТИНІАНЪ.

Открылась бездна гнусныхъ злодѣяній.

АНТОНИНА.

Упрека этого не ждалъ отъ Антонины?
Когда бъ хотѣлъ свое злодѣйство затаить
Отъ правосудія, отъ материнской мести,
Ты долженъ былъ свое орудье истребить.
Мнѣ Клеоменъ съ послѣднимъ издыханіемъ
Все разсказалъ, — злодѣй — такъ вотъ твое
Предъ судіей — природой преступленье.
Такъ оскорбленная тобою мститъ она.
Мать предалъ ты неслыханнымъ мученьямъ —
Теперь винитъ тебя въ предательствѣ жена

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ АНТОНИНЫ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Агамемнонъ, твоя печальная судьба
Въ моей судьбѣ возобновилась нынѣ:
И на тебя въ день славы и побѣды
Коварства сѣть раскинула жена —
Въ отмщеніе за дочь, которую на жертву
Ты милому отечеству принесъ.
Въ предательствѣ я не виновенъ, Кесарь,
И вы, Сенаторы! — лишь мстительная мать,
При гнусныхъ проискахъ завистниковъ презрѣнныхъ,
Могла меня въ винѣ оклеветать.
Но сознаюсь въ моемъ злодѣйствѣ тайномъ:
Я сына моего младенца умертвилъ.

ЮСТИНІАНЪ.

Такъ это истина?

ПРОТОГЕНЪ.

Ужасно! И герой,
Котораго вчера еще превозносили
За христіанскую и къ Вандаламъ любовь,
Теперь намъ кажется свирѣпымъ кровопійцей!

ВЕЛИЗАРІЙ.

Сыноубійца я, преступникъ! Но не вамъ
Карать меня. Пускай одна природа
Возложитъ на меня проклятія печать,
Не родина моя, не Римская держава;

9724 ПВ74
...ИЗ... А. В...НАРСКОГО

Которой сыномъ я пожертвовалъ своимъ.

ЮСТИНІАНЪ.

Какъ? Римская держава!

ВЕЛИЗАРІЙ.

Сонъ ужасный
Предостерегъ меня, что сынъ мой, возрастя,
Народы чуждые накличетъ на отчизну
И съ ними противъ насъ подниметъ мечъ,
И наконецъ унизится до рабства.
Какъ Римлянинъ, я былъ тогда обезопасенъ,
Но какъ отецъ, себѣ я сердце растерзалъ.
Вы видите, Сенаторы, что мало
Того, что кровь свою въ сраженьяхъ пролилъ я
За родину, я сй принесъ на жертву сына.
Вотъ вся моя вина! Теперь меня судите—
Я плѣникъ вашъ; подайте цѣпь.

(Стражи приносятъ цѣпь и надѣваютъ ему на руки.)

Теперь
Иду въ темницу я; открою сердце Богу —
И кары буду ждать разгнѣванныхъ небесъ!

(Уходитъ со стражею.)

ЮСТИНІАНЪ.

Все слышанное, вы точнѣе испытайте,
Сенаторы! Судите — и потомъ
Представьте мнѣ рѣшительное мнѣнье.
Господь прольетъ въ меня лучь мудрости своей
Въ благой руцѣ Его царево сердце!

(Встаетъ величественно, взираетъ на небо съ благоговѣніемъ, сходитъ съ престола и удаляется; за нимъ слѣдуютъ тѣлохранители.)

Конецъ 2-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Палата, во дворцѣ Юстиніана.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЮСТИНІАНЪ *(у окна.)*

Погаснетъ скоро день, а все нѣтъ приговора
Еще судьба его. Не рѣшена.
Какъ камень тяготитъ мнѣ душу неизвѣстность
О жребіи его. Напрасно я
Искалъ себѣ въ садахъ успокоенья:
Какъ призракъ, мнѣ вездѣ являлся онъ,
Стоящій предо мной съ лицемъ открытымъ, яснымъ,
Со взоромъ, гдѣ былъ выраженъ упрекъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ЮСТИНІАНЪ И ПРОТОГЕНЪ *(съ свиткомъ бумаги въ рукѣ.)*

ЮСТИНІАНЪ.

Ты мнѣ приносишь приговоръ Сената?

ПРОТОГЕНЪ.

Вотъ онъ, въ рукѣ твоей.

ЮСТИНІАНЪ.

Что, что гласитъ онъ?

ПРОТОГЕНЪ.

Смерть.

ЮСТИНІАНЪ, *(отступая въ ужасѣ).*

Смерть! смерть! *(садится.)*

ПРОТОГЕНЪ.

Въ безмолвіи могильномъ
Обдумывалъ Сенатъ великую вину;
Лицепріятіе и ненависть умолкли,
Одинъ законъ въ сердцахъ благовѣщалъ;
И наконецъ—судьба вождя рѣшилась:
На плахѣ долженъ онъ позорно умереть.

Сенатъ, свой долгъ исполнивъ ненавистный,
Тебѣ подноситъ смертный приговоръ.
Державный Государь! Въ твоей святой десницѣ
Смерть Велизарія.... Отъ мудрости твоей
Рѣшенія судьбы мы ждемъ съ благоговѣньемъ.

ЮСТИНІАНЪ.

Пошли, Господь, мнѣ мудрость въ этотъ часъ,
Къ спасенію его меня напутствуй, Боже!
Уже ли всѣ ему приговорили смерть?
Уже ль никто не возражалъ на мнѣнье?

ПРОТОГЕНЪ.

Нѣтъ, десять голосовъ, въ числѣ которыхъ мой,
Въ защиту поданы его. Намъ показалось,
Что преступленіе не дознано его.
Противъ него доносъ не могъ ли быть обманомъ?
Подложными тѣ письма? А жена
Могла оклеветать изъ материнской мести,
Но большинство противъ него гласитъ,
И Велизарія погибель неизбѣжна.
Лишь благости твоей монаршей лучъ
Преступника изъ гроба вызвать можетъ,

ЮСТИНІАНЪ.

Ты другъ его, и я его былъ другомъ.
Но Государь внушенію любви
И дружбы слѣдовать не смѣетъ на престолѣ;
Онъ строгости законовъ покоренъ.
Меня поставилъ Богъ на страшное распутье,
И умъ смиренный Онъ на благо просвѣтитъ —
И правую стезю укажетъ Сердцевѣдецъ.
Такъ, Велизарія ему я поручу.
(Протогенъ уходитъ по знаку Юстиніана.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ЮСТИНІАНЪ *(одинъ.)*

Какъ ты тяжелъ, вѣнецъ священный Константина!
Охотно бы сложилъ тебя я на алтарь,
Когда бы могъ разсѣять мракъ сомнѣнья,
Святую истину скрывающій отъ глазъ.
Вотъ приговоръ, — кровавой смерти вѣстникъ,
Но онъ еще не смерть; исписанный листокъ
Ничто иное есть, какъ роковая нива,
Принявшая въ себя лишь смерти сѣмена.
Одинъ размахъ руки моей, мое лишь имя
Одушевитъ убійственный посѣвъ —
Кровавая тогда настанетъ жатва! —
Уже ль я казнь приговорю тому,
Кто крови нещадилъ своей для Византіи?
Героя жизнь сотру съ лица земли
И имя славное предамъ на поруганье?
Но если бъ я и разорвалъ сей листъ,
Съ него вины не смылъ бы я прощеньемъ,
Измѣнникомъ остался бъ онъ въ вѣкахъ,
И на вѣнкѣ его, побѣдами стяжанномъ,
Осталось бы позорное пятно....
Но кто мнѣ доказалъ, что онъ измѣнникъ?
Завистники, обиженная мать,
И нѣсколько судей: — въ извилинахъ теряюсь,
И свѣта истины не обрѣтаетъ умъ.
О, кто же разрѣшитъ великую загадку,
Когда не разрѣшитъ ее Юстиніанъ,
Законы мудрые Вселенной даровавшій,
Которые прейдутъ въ далнѣйшіе вѣка,
Межъ тѣмъ, какъ исполинскій призракъ
Останется отъ Рима на землѣ.
(На колѣняхъ.)
Ты, Боже! подкрѣпи мой умъ изнеможенный
Низлей единой благодати лучь,
Да отличу я правду отъ обмана,
Велизарія отъ гибели спасу!

(Онъ молится; въ это время за сценою раздаются говоръ, шумъ и крики.)

Я слышу голоса, ужъ не народъ ли буйный
Спасенья требуетъ любимаго вождя?
Эй, кто тамъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЮСТИНІАНЪ, РУФИНЪ И ЕВТРОПІЙ.

ЮСТИНІАНЪ.

Что за шумъ на улицѣ?

РУФИНЪ.

Едва лишь
Разнесся въ войскѣ слухъ, что Велизарій
Сенатомъ умереть на плахѣ осужденъ,
Смутился весь народъ; плачъ и рыданья
Въ столицѣ раздались, и я боюсь,
Чтобъ это нѣжное участіе къ злодѣю
Не превратилось.....

ЮСТИНІАНЪ.

Знаю, что ты хочешь
Сказать; я то предупредить могу
Однимъ моимъ явленьемъ предъ народомъ.
(Хочетъ итти.)

РУФИНЪ.

Какъ, Государь, уже ли?

ЕВТРОПІЙ.

Ты безъ стражи
И безъ меча, и безоружны мы —
Когда они осмѣлятся.....

ЮСТИНІАНЪ.

Молчите!
И кромѣ васъ, защита есть со мной!
Ни щитъ, ни мечь не нуженъ Государю,
Когда онъ говоритъ съ народомъ, какъ отецъ.
Позвать ко мнѣ моихъ центуріоновъ!
(Евтропій и Руфинъ уходятъ.)

ЮСТИНІАНЪ *(одинъ)*

Духъ войска моего изъ нихъ узнаю я:
Внушилъ ли имъ крамолу Велизарій
И эта грусть одинъ ли знакъ любви
И уваженія къ герою — полководцу,
Иль горькій плодъ разрушенныхъ надеждъ,
Которыми ласкалъ ихъ Велизарій.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И ЛЕОНЪ, *(сопровождаемый нѣсколькими Центуріонами.*

ЮСТИНІАНЪ.

Мнѣ донесли, что вы осмѣлились роптать
На приговоръ Сената справедливый,
Которымъ осужденъ на плахѣ умереть
Мятежный вождь, измѣнникъ Велизарій?

ЦЕНТУРІОНЪ.

Измѣнникъ! Государь! Казнить насъ повели,
Предай всю рать мучительнѣйшей пыткѣ,
И допроси потомъ, внушалъ ли въ насъ когда
Предательство къ престолу Велизарій?
Своею кровью всѣ запечатлѣемъ мы
Его невинность.

ЮСТИНІАНЪ.

Въ томъ я ненуждаюсь:
Въ его винѣ вашъ Кесарь убѣжденъ.
Я спрашиваю васъ: въ Сенатѣ, у меня
Найдется ли хотя одинъ Сенаторъ,
Который совѣстью своею покривитъ
И подкупить себя клеветнику позволитъ?

ЦЕНТУРІОНЫ.

Не знаемъ мы ни одного. —

ЮСТИНІАНЪ.

Такъ, какъ же вы

Осмѣлились роптать и жаловаться громко
На приговоръ мужей испытанныхъ, которымъ
Жизнь Велизарія священна, дорога! —
Что, если бы я возвратилъ свободу
Мятежному вождю? За кѣмъ бы вы тогда
Послѣдовали въ бой, за нимъ ли, уличеннымъ
Въ предательствѣ Сенатомъ, иль за мной,
За вашимъ Кесаремъ, отцемъ всего народа?

ЦЕНТУРІОНЫ.

И спрашивать того ненадо: за тобой!
И болѣ ни за кѣмъ, нашъ правосудный Кесарь!
Прости насъ, мы о немъ не будемъ плакать,
Увѣрены въ винѣ его; но ты,
Какъ небо милосердъ, ты образъ благодати,
Лишь смерть его смягчи. Не дай увидѣть намъ
Вождя, которой насъ руководилъ къ побѣдамъ,
На плахѣ, и въ крови его безсмертный лавръ.

ЮСТИНІАНЪ (*въ сторону*).

Незыблемаихъ преданность къ престолу.
(*Центуріонамъ.*)
Вотъ смертный приговоръ; въ награду вамъ
За безусловное повиновенье власти,
Его я разрываю —

РУФИНЪ.

Государь!

ЮСТИНІАНЪ.

Пусть будетъ живъ, свободенъ Велизарій!
(*Центуріоны падаютъ къ ногамъ его.*)
Нашъ Кесарь, нашъ отецъ!

ЛЕОНЪ.

Донынѣ
Въ такомъ величіи тебя я, Кесарь, не видалъ.

ЮСТИНІАНЪ.

Дарую жизнь ему и полную свободу,
Но благостью лишь казнь уничтожаю я,—
Не преступленіе. Довѣренности царской
Я болѣ не могу имѣть къ тому,
Кто до того забылъ на подданство присягу. —
Пусть далеко отъ насъ въ изгнаньи дни влачитъ. —
(*Руфину и Евтропію.*)
Пускай отъ васъ онъ приговоръ услышитъ:
Пусть удалится онъ, и позаботьтесь вы,
Чтобъ моего лица вовѣкъ онъ не увидѣлъ.
(*Онъ уходитъ, Леонъ и Центуріоны за нимъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

РУФИНЪ И ЕВТРОПІЙ.

ЕВТРОПІЙ

Ты слышалъ ли, Руфинъ?

РУФИНЪ.

«И позаботьтесь вы,
Чтобъ моего лица вовѣкъ онъ не увидѣлъ.»

ЕВТРОПІЙ.

Такъ, слѣдственно, онъ въ ссылку осужденъ:
Свободенъ онъ, лишь изгнанъ изъ столицы;
Но скоро онъ воротится сюда,
И нашъ обманъ предъ тропомъ обнаружитъ,
И въ большей силѣ будетъ при дворѣ...
Молчишь, Руфинъ? —

РУФИНЪ (*въ размышленіи.*)

«Пусть, будетъ — живъ, свободенъ...»

ЕВТРОПІЙ.

Какъ разумѣть тебя?

РУФИНЪ.

«И позаботьтесь вы,
«Чтобъ моего лица вовѣкъ онъ не увидѣлъ.»
Такъ вотъ какой намъ Кесарь далъ приказъ.
Буквально мы его должны теперь исполнить.

ЕВТРОПІЙ.

Что жъ сдѣлать?

РУФИНЪ.

Ослѣпить.

ЕВТРОПІЙ.

О, милосердый Боже!

РУФИНЪ.

Казнить его намъ Касарь запретилъ,
Въ темницу заключить его не смѣемъ такъ-же;
(*Онъ говоритъ тише и осторожнѣе.*)
Осталось средство третье — ослѣпить.
Тогда его мы вышлемъ изъ столицы,
Онъ будетъ *живъ*, *свободенъ*, и притомъ
Лица монаршаго *вовѣки не увидитъ*.
Слѣпаго гнѣвъ не страшенъ намъ тогда.

ЕВТРОПІЙ.

Вотъ мысль счастливая! Ну, если Государь,
Узнаетъ, если рать услышитъ? —

РУФИНЪ.

Будь покоенъ.
Темницу стражею повсюду окружу —
Насъ подстеречь народъ не можетъ, а на утро
Въ проводники слугу я, мальчика, сыщу;
Вѣдь взрослаго къ нему приставить намъ опасно.
А за городъ проводитъ стража ихъ.
Когда же Государь узнастъ, что *буквально*
Исполнили приказъ, невиноваты мы,
Какъ исполнители его священной воли.
(*Оба уходятъ, тихо разговаривая между собою.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ночь. Галлерея въ домѣ Велизарія. Лампада освѣщаетъ сцену.

АНТОНИНА, ПОТОМЪ ОЛИМПІЯ.

АНТОНИНА.

Сонъ глазъ моихъ бѣжитъ, не нахожу покоя:
Уединеніе, безмолвье, пустота,
Страшатъ меня, какъ камень давятъ сердце.
Гдѣ я найду Елену, дочь мою?
Уже ли мать она оставила? О горе!
Олимпія одна.... Ну гдѣ же дочь моя?
Ее мы не нашли. Несешь ли мнѣ извѣстье
О дочери моей?

ОЛИМПІЯ.

Извѣстья нѣтъ о ней.
Всѣ улицы обѣгала; искала,
Допрашивала всѣхъ; напрасно! Дочь твоя
Пропала безъ вѣсти. Случайно очутилась
Я близъ дворца. — Народъ толпился тамъ.
Слухъ носится вездѣ, что Вилизарій....

АНТОНИНА.

И только и рѣчей у всѣхъ, что Велизарій.
О немъ не говори, о дочери скажи
Мнѣ вѣсть.

ОЛИМПІЯ.

Что мнѣ сказать о ней? Сегодня,

Какъ изъ Сената возвратилась ты,
Дрожащая и блѣдная отъ страха,
Елена, свидѣвшись съ тобою, заперлась
Въ покоѣ, долго плакала, рыдала,
А вечеромъ исчезла. Ни въ саду,
Ни въ комнатахъ ея слѣдовъ не видно было.
Сомнѣнья нѣтъ: она въ темницу пробралась
Къ родителю, и – горе, горе!
Когда о жребіи провѣдала его.

АНТОНИНА.

Ты все о немъ: вездѣ его я слышу голосъ;
Его лице встрѣчаю на стѣнахъ;
Его горящій взоръ, какъ молнія, мнѣ блещетъ;
Его шаги повсюду слышу я.
Не говори о немъ; скажи мнѣ о Еленѣ.

ОЛИМПІЯ.

Нѣтъ, ты должна узнать, къ чему приговоренъ
Сенатомъ твой супругъ; одинъ державный Кесарь
Лишь можетъ приговоръ смягчить.
Спѣши къ нему,
Проси, чтобъ отвратилъ ударъ, надъ нимъ висящій,
Къ чему Сенатъ приговорилъ его
Еще не знаешь ты? — Я разскажу —

АНТОНИНА.

Не знаю,
И знать о томъ, и слушать не хочу.
Меня терзаешь ты притворнымъ состраданьемъ,
Любуешься ты ужасомъ моимъ.
Когда меня еще, Олимпія, ты любишь,
Иди,... ищи дочь милую мою.
Ахъ, сердцу матери ты возврати Елену,
Пока еще не замерло оно.
(Олимпія уходитъ.)

АНТОНИНА.

Онъ осужденъ на смерть! Тѣнь сына моего,
Ты примирися съ нимъ, когда сѣкирой острой
Отдѣлится отъ плечъ могучая глава.
Пока еще онъ живъ, явися предо мною
И состраданья лучь къ злодѣю погаси.
О, подкрѣпи меня. Уже я начинаю
Изнемогать подъ бременемъ тоски —
Мучительной. Не совѣсть! нѣтъ, не совѣсть
Проснулася во мнѣ – о дочери печаль!
Найду ее — и снова успокоюсь!
Тѣнь сына моего явися предо мной!
Одушеви меня на мщенье. —

ЯВЛЕНІЕ VIII.

АНТОНИНА И АЛАМИРЪ.

АЛАМИРЪ.

Антонина!

АНТОНИНА.

Чей голосъ слышу я? *(Ободрившись.)*
Когда не ошибаюсь,
Не тотъ ли Вандалъ ты, котораго вчера
Близъ Велизарія увидѣла впервые.
Чего ты ищешь здѣсь?

АЛАМИРЪ.

Елену. О, скажи мнѣ,
Гдѣ, гдѣ она! — Ей приношу я вѣсть
Печальную и радостную вмѣстѣ.

АНТОНИНА.

Ея здѣсь нѣтъ; напрасно жду ее.
Искать ее рабовъ я разослала.

АЛАМИРЪ.

Ее здѣсь нѣтъ! — Такъ знаю, гдѣ она:
Подобно скорбной горлицѣ блуждаетъ
Она вкругъ стѣнъ темницы, гдѣ отецъ
Ея томится; и она узнала
Уже о горестной судьбѣ его.

АНТОНИНА.

Какой?
Скажи мнѣ!

АЛАМИРЪ.

Ты должна узнать ее,
Виновница его страданій и безславья!
Пускай извѣстіе, которое для насъ
Отрадно, для тебя ударомъ будетъ.
Уже онъ къ смерти былъ приговоренъ,
Какъ Государь его помиловалъ съ условьемъ:
Оставить родину навѣки.

АНТОНИНА.

Какъ, онъ живъ?
Свободенъ онъ?

АЛАМИРЪ.

Лишь изгнанъ изъ столицы.
Ты не насытилась страданьями его,
Ты не довольна тѣмъ. Вчера тебя увидя,
Во всемъ сіяніи величья и красы,
Взглянувъ въ глаза тебѣ, затрепеталъ невольно.
Душа моя рвалась къ тебѣ на грудь;
Казалось мнѣ, я мать въ тебѣ увидѣлъ.
И тайный голосъ мнѣ нашептывалъ слова:
Привѣтствуй мать свою! Сегодня же, узнавши,
Что ты забыла долгъ природы и любви,
Душа моя гнушается тобою,
И Антонины видъ ужасенъ для меня.
Ты львицею мнѣ кажешься свирѣпой.

АНТОНИНА.

Нѣтъ силы возражать на дерзкія слова.
Я въ умиленіи стою передъ тобою.
Вчера, когда тебя мой мужъ усыновилъ,
Негодованіе душею овладѣло,
Я отвратилась съ гнѣвомъ отъ тебя;
Сегодня же, въ безмолвіи полночи,
Когда упреками осыпалъ ты меня,
Когда ты ненависть мнѣ выразилъ словами,
Я состраданье чувствую къ тебѣ.
Хочу тебя обременить проклятьемъ,
И не могу, языкъ немѣетъ мой.
И я спѣшу въ смятеньи удалиться,
И слезы отъ тебя мои сокрыть.
(Уходитъ.)

АЛАМИРЪ.

Спѣши сокрыть твой стыдъ и совѣсти мученья,
Несчастная! Что дѣлать мнѣ теперь?
Спасти его — нѣтъ средствъ! — Отмстить! Но какъ?
О Боже!
Благодарю Тебя, Ты мысль въ меня вдохнулъ.
Не торжествуй, Юстиніанъ, злодѣйствомъ: —
Живъ мести Богъ! Тотъ мести Богъ во мнѣ.
Отнынѣ кликъ мой будетъ: *Велизарій*
И мщеніе! И горе, горе вамъ!
(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Утро. Дворъ близъ темницы Велизарія.

ЕЛЕНА (*въ мужскомъ платьѣ*), ТЮРЕМЩИКЪ.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Ты соглашаешься водить слѣпца?

ЕЛЕНА.

До гроба.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Но знаешь ли ты строгій приговоръ:
Когда осмѣлишься въ столицу возвратиться,
Что ожидаетъ васъ обоихъ?

ЕЛЕНА.

Смерть.

ТЮРЕМЩИКЪ.

А имя знаешь ли слѣпаго?

ЕЛЕНА.

Знаю.
При мнѣ его ты самъ сказалъ рабу;
Онъ Велизарій.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Видѣлъ ли его
Когда нибудь?

ЕЛЕНА.

Дни за два, какъ въ тріумфѣ
Въѣзжалъ сюда на колесницѣ онъ;
Народъ вокругъ его восторженный тѣснился,
А Вандалы везли его.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Лишь разъ
Его ты видѣлъ. Его ты мало знаешь,
И такъ его оплакиваешь.

ЕЛЕНА.

Что жъ?
Мнѣ жаль его: вчера онъ въ славѣ былъ,
Сегодня же въ цѣпяхъ, въ темницѣ душной,
И ослѣпленъ.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Зачѣмъ же именно тебѣ
Такъ жаль слѣпца? Уже ль другой работы
Ты въ Византіи не нашелъ себѣ?

ЕЛЕНА, (*ободрясь.*)

Какъ не найти? Нашелъ бы, да вотъ видишь,
И мой отецъ былъ слѣпъ, и я водилъ его.
И съ той поры, какъ я его лишился,
Я состраданье чувствую къ слѣпымъ;
Охотно ихъ вожу, прошу имъ подаянья,
Подъ часъ ихъ пѣсенкой забавной веселю.

ТЮРЕМЩИКЪ (*гладитъ его по головѣ.*)

Ты умница, ты мнѣ пришелъ по сердцу,
Ну, такъ и быть, останься при слѣпомъ.
Я выведу его, но помни приказанье:
Ногой опять въ столицу не ступать,
А то его; и съ нимъ себя погубишь!
(*Уходитъ въ темницу.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

ЕЛЕНА (*одна.*)

Теперь лишь я могу вздохнуть о немъ,
И слезы выплакать одна здѣсь на свободѣ.
(*Горько плачетъ.*)
Я слышу звукъ цѣпей; его ведутъ сюда.
Ахъ, болѣе меня онъ въ жизни не увидитъ,
Въ глазахъ моихъ любви дочерней не прочтетъ!
Вотъ онъ! Не разорвися, сердце, отъ стенаній!
Окаменѣй, слеза, остановись въ глазахъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТЮРЕМЩИКЪ выводитъ слѣпаго Велизарія въ оковахъ, въ рубищѣ. Стража предшествуетъ ему и сопровождаетъ его. Елена въ глубинѣ сцены.

ЕЛЕНА, (*увидя отца содрогается.*)

Родитель мой! Въ какомъ видѣ! Боже!
(*плачетъ.*)

ВЕЛИЗАРІЙ.

Здѣсь солнышко: я чувствую тепло.
И вѣтерокъ мнѣ дунулъ животворный.
Такъ изъ темницы вывели меня?

ТЮРЕМЩИКЪ.

Нетолько изъ тюрмы я выведу тебя,
И даже цѣпи снять съ тебя я смѣю.

ЕЛЕНА.

О Боже! Подкрѣпи меня, даруй мнѣ силы
Ужасное несчастье перенесть.
Не за себя молю, а за отца слѣпаго.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Мнѣ стонъ послышался: здѣсь кто-то плачетъ.
Такъ въ Византіи есть еще душа,
Которая во мнѣ участье принимаетъ?

ТЮРЕМЩИКЪ.

Тотъ мальчикъ вызвался водить тебя,

И онъ то плачетъ.
(*Снимаетъ цѣпи съ Велизарія.*)
Ты теперь свободенъ.
Иди отсюда прочь, до городскихъ воротъ
Тебя проводитъ стража; удалися
Въ такую сторону, гдѣ жители тебя
Въ лицо не знаютъ; помни приказанье:
Невозвращаться никогда сюда;
Не то, себя подвергнешь смертной казни,
И даже мальчика погубишь.
(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

ВЕЛИЗАРІЙ И ЕЛЕНА, (*стража въ глубинѣ сцены.*)

ВЕЛИЗАРІЙ.

Мальчикъ!
Ну, гдѣ же ты?

ЕЛЕНА, (*тихо и перемѣняя голосъ.*)

Я здѣсь.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Поближе подойди,

ЕЛЕНА.

Чего угодно вамъ?

ВЕЛИЗАРІЙ

Ушла ли стража?

ЕЛЕНА.

Ушла.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Услышитъ ли насъ стража у воротъ?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Ратники ли то изъ войска моего,
Или стража Кесаря?..

ЕЛЕНА.

Такъ точно,
Тамъ стража Кесаря.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Такъ видно здѣсь
Нѣтъ у меня друзей, кромѣ тебя, дитя?
Ты кажешься мнѣ добръ: о мнѣ ты горько плакалъ;
Ты не откажешь мнѣ и въ просьбѣ.

ЕЛЕНА.

А въ какой?

ВЕЛИЗАРІЙ.

Ты знаешь ли, дитя, гдѣ домъ мой.

ЕЛЕНА.

Знаю.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Бѣги туда, какъ можно поскорѣе,
А я здѣсь подожду. — Бѣги туда —

ЕЛЕНА.

Зачѣмъ?

ВЕЛИЗАРІЙ.

Вотъ видишь, у меня есть дочь, дитя родное:
Пока еще отсюда не ушелъ,
Хотѣлось бы ее хоть разъ еще увидѣть.
Увидѣть! Ахъ, еще я не отвыкъ
Отъ слова — нѣтъ, ее я видѣть не могу.
Услышать бы ея хотѣлось голосъ,
Въ послѣдній разъ благословить ее.
Ну, поспѣши, скажи, что я желаю
Въ послѣдній разъ ее къ груди прижать —
И полетитъ вослѣдъ тебѣ стрѣлою,
Елену знаю я!

ЕЛЕНА, (*у ногъ его*).

Родитель!

ВЕЛИЗАРІЙ.

Что за голосъ?

ЕЛЕНА.

Родитель!

ВЕЛИЗАРІЙ.

Здѣсь Елена, дочь, ты здѣсь?

ЕЛЕНА.

Въ проводникѣ тебѣ я вызвалась, родитель;
Одѣлась мальчикомъ, и смѣло за тобой
Пройду я сквозь толпу враговъ твоихъ.

ВЕЛИЗАРІЙ, (*поднимая ее*).

Елена!
Дочь милая, на грудь, ко мнѣ на грудь.
О, если бъ могъ еще отъ радости я плакать!
Увы! и плакать я несчастный не могу.
Юстиніанъ, ожесточенный Кесарь!
Ты, ты лишилъ меня всѣхъ благъ земныхъ;
Лавръ сорвалъ ты съ меня, побѣдами стяженный,
И мечь мой, славный мечь, ты отнялъ у меня;
Ты оковалъ меня позорными цѣпями,
Снялъ багряницу съ плечь и въ рубищѣ одѣлъ;
Изгналъ меня навѣкъ изъ Византіи
И глазъ лишилъ, которыхъ не далъ ты.
А для тебя тѣхъ глазъ дни цѣлые и ночи
Я не смыкалъ, межъ тѣмъ, какъ ты
Спокойно спалъ на ложѣ позлащенномъ:
Тебѣ принесъ на жертву сына я!
Но я не изнемогъ подъ бременемъ несчастья!
Стою превыше я враждующей судьбы!
Со мною дочь, біенье слышу сердца
Дочерняго; ея дыханье пью.
Счастливѣйшимъ себя я въ мірѣ почитаю: —
Со мной дитя мое, все счастье дней моихъ.

ЕЛЕНА.

Могу ли замѣнить тебѣ я всѣ потери?

ВЕЛИЗАРІЙ.

Ты все замѣнишь, дочь, — но не могу подумать
Безъ ужаса, на что рѣшилась ты! —
Какой тернистый путь открылся предъ тобою.

ЕЛЕНА.

Вѣдь ты со мной пойдешь, и терны я стерплю.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Свой нѣжный полъ забыла —

ЕЛЕНА.

Возмужаю
Любовью дѣтскою.

ВЕЛИЗАРІЙ.

У насъ пріюта нѣтъ.
Гдѣ голову укроемъ мы отъ зноя,
Отъ бурь и непогодъ?

ЕЛЕНА.

Пещеры и лѣса
Пристанище для всѣхъ лишенныхъ крова.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Мы съ голоду умремъ.

ЕЛЕНА.

Вѣдь у меня есть руки:
За милостыней нхъ охотно протяну
Для нѣжнаго, несчастнаго отца!

ВЕЛИЗАРІЙ.

Ты можешь заболѣть.

ЕЛЕНА.

Меня ты уврачуешь.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Ты можешь умереть.

ЕЛЕНА.

Отниметъ ли Господь
Послѣдній посохъ у слѣпаго старца?

ВЕЛИЗАРІЙ.

Ну, если я умру, что будетъ съ сиротой?

ЕЛЕНА.

Меня призритъ тогда Отецъ небесный.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Наперекоръ враждующей судьбѣ,

Да будетъ такъ! Съ тобой иду Елена.
Ты все: ты жизнь моя; я предаюсь тебѣ.
Будь Ангеломъ моимъ. Изъ жизненной пустыни
Путями темными къ блаженству приведи.
Дай посохъ мнѣ. Помолимся. — Иди.—
(Оба уходятъ; стража провожаетъ ихъ).

КОНЕЦЪ 3-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Галлерея въ дворцѣ Юстиніана

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛЕОНЪ (*сидитъ въ задумчивости*), ПРОТОГЕНЪ (*входитъ*).

ПРОТОГЕНЪ.

Гдѣ Государь?

ЛЕОНЪ.

Въ своемъ покоѣ.

ПРОТОГЕНЪ.

Онъ одинъ.

ЛЕОНЪ.

Одинъ съ своей печалью, и никто
Изъ насъ его не смѣетъ потревожить.
Съ тѣхъ поръ, какъ осужденъ въ изгнанье Велизарій,
Не узнаемъ мы Кесаря.

ПРОТОГЕНЪ.

А если бъ онъ еще
Всѣ бѣдствія узналъ героя Византіи,
Что нищимъ и слѣпцомъ отсюда высланъ былъ
Злодѣями, которые такъ адски
Умѣли очернить великаго вождя.

ЛЕОНЪ.

Онъ знаетъ все, и тѣ злодѣи сами
Безсовѣстно ему объ этомъ донесли.

ПРОТОГЕНЪ.

И въ почестяхъ они, имѣютъ доступъ къ трону.

ЛЕОНЪ.

Я видѣлъ Кесаря, когда они ему
Открыли страшное событье, и дивился
Ничтожеству высокаго ума
Предъ кознями коварныхъ лицемѣровъ.
Такъ тонко въ сѣть они Монарха вовлекли,
Воспользуясь его простымъ приказомъ:
«Пусть удалится онъ, и позаботьтесь вы,
Чтобъ моего лица вовѣкъ онъ не увидѣлъ.»—
Законы самые теперь въ защиту имъ,
Хотя бы Государь на нихъ и прогнѣвился.
И если я не ошибаюсь, Кесарь
Въ томъ ослѣпленьи видитъ Божій перстъ,
Карающій злодѣя за крамолу.
Но я при мнѣніи остануся своемъ:
Не можетъ быть злодѣемъ Велизарій.

ПРОТОГЕНЪ.

Не можетъ быть, и я увѣренъ въ томъ.
Еще вчера я былъ у Антонины,
Изъ глазъ ея, прерывистыхъ рѣчей,
Изъ трепета ея замѣтилъ тотчасъ,
Что мучится раскаяньемъ она.
Я утверждать готовъ, что славный Велизарій
Палъ жертвой лжи и гнусной клеветы.

ЛЕОНЪ.

Когда бъ онъ доказалъ свою невинность,
И солнце счастія опять взошло бъ надъ нимъ,
Хотя очей его во вѣки не освѣтитъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ И РУФИНЪ.

РУФИНЪ.

Могу ли видѣть Кесаря?

ЛЕОНЪ.

Нельзя,
Запрещено ему докладывать.

РУФИНЪ.

Чего бы
Ни стоило, его я видѣть должепъ,
Для пользы всей имперіи.

ПРОТОГЕНЪ.

Опять
Не посрами священнѣйшаго слова,
Не новый ли сплетаешь ты донось? —

РУФИНЪ.

Ты ошибаешься: не новая измѣна
Меня приводитъ къ Кесарю опять.
А подтвержденіе лишь стараго злодѣйства.
Ты жаждешь истины, ее повсюду ищешь,
Лишь для тебя я прихожу сюда,
Твое сомнѣніе къ словамъ моимъ разсѣять
И убѣдить, что Велизарій твой
Преступникъ, и о немъ жалѣть ты перестанешь,
Когда свидѣтельство еще представлю я.

ПРОТОГЕНЪ.

Свидѣтельствомъ меня не поколеблешь;
Въ невинности слѣпца я слишкомъ убѣжденъ.
И скоро, можетъ быть, удастся мнѣ на дѣлѣ
То доказать, чего Руфинъ не ждетъ. —

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ЮСТИНІАНЪ. (*При выходѣ его на сцену всѣ присутствующіе съ благоговѣніемъ отступаютъ въ сторону.* КЕСАРЬ *идетъ медленно въ размышленіи, останавливается, взглядывая на* ПРОТОГЕНА *и* РУФИНА, *и какъ бы въ ужасѣ отступаетъ*).

ЮСТИНІАНЪ.

Вы здѣсь опять, докучливыя лица.
Какъ ревностно, неутомимо вы
Питаете раздоръ во мнѣ съ самимъ собою.
Уже ль мнѣ суждено повсюду видѣть васъ?
Я заперся одинъ въ моемъ покоѣ тихомъ,
Чтобъ вида вашего избѣгнуть, — тщетный трудъ!
Какъ тѣнь, проникнулъ опъ въ мое уединенье,
И ваши голоса я слышалъ вкругъ себя;
Одинъ изъ васъ защитникъ неизмѣнный
Того, чье имя я страшусь произнесть,
Другой враждебный духъ, котораго явленье
Меня приводитъ въ страхъ. Прочь отъ меня!
Окончите мое душевное боренье.

РУФИНЪ, (*почтительно подходя къ нему.*)

Конецъ ему я, Кесарь, положу.
Слова мои твое сомнѣніе разсѣютъ
И подтвердятъ неложный мой доносъ.

ЮСТИНІАНЪ.

Что хочешь ты сказать? Скорѣе къ дѣлу.

РУФИНЪ.

Сейчасъ лишь до меня достигла вѣсть,
Что съ сѣвера свирѣпые Аланы
Въ предѣлы вторглися имперіи твоей
Съ намѣреньемъ тебя съ престола свергнуть
И Грецію на части раздробить.
Тѣ Вандалы, которымъ Велизарій
Твоей щедротою свободу даровалъ
Въ день своего торжественнаго въѣзда,
Тѣ юноши у Варваровъ въ рядахъ;
Главою ихъ тотъ Аламиръ, который
Былъ Велизаріемъ тогда усыновленъ,
И всѣ они тебя смертельно ненавидятъ,
За Велизарія идутъ отмстить тебѣ.

ЮСТИНІАНЪ.

А гдѣ же онъ?

РУФИНЪ.

Въ той сторонѣ, откуда
Намъ показались варвары сперва.
Но вскорѣ слѣдъ его пропалъ въ долинахъ.

Изъ горцевъ, можетъ быть, онъ тамъ
сбираетъ рать,
Съ Аланами и съ сильными сынами
Природы, скоро явиться сюда,
Взыскать съ тебя, зачѣмъ его ты изгналъ.

ПРОТОГЕНЪ.

Они слѣпъ.

РУФИНЪ.

Но жпвъ еще, и именемъ однимъ
Онъ можетъ возбудитъ къ возстанію народы.

ЮСТИНІАНЪ.

Благодарю Творца. Два мѣсяца, какъ я
Страдалъ сомнѣніемъ, не спалъ ночей
спокойно;
То снисхожденіе я проклиналъ свое,
Къ измѣнпику, то каялся въ поступкѣ,
Что изгналъ отъ себя, то наказать хотѣлъ
Доносчиковъ, героя ослѣпившихъ,
То милостью своей осыпать ихъ.
Благодарю Творца! Теперь спокоенъ
снова.
Злодѣй на дѣлѣ мнѣ измѣну доказалъ
И совѣсти моей нѣтъ болѣе упрека.
О правосудіе, первѣйшій изъ вѣнцевъ!
Я твоего не помрачилъ сіянья.
(Руфину).
Спѣши, мой другъ, съ тѣмъ легіономъ,
Которымъ онъ еще не управлялъ,
Иди на варваровъ, разсѣй ихъ ополченья.

РУФИНЪ

Порадовать тебя надѣюсь, Государь,
Побѣдою и смертью нечестивца,
Который брань въ отечествѣ возжегъ
И клятвами на вѣрность наругался.
(Уходитъ).

ЮСТИНІАНЪ *(Протогену и Леону).*

Вы слышали, теперь не смѣйте болѣ
О снисхожденіи къ измѣнпику просить.
(Уходитъ).

ЛЕОНЪ.

О Протогенъ! Злодѣйство торжествуетъ,
Для Велизарія спасенья болѣ нѣтъ!
Противъ него еще событіе возстало.
Руфина злобный духъ неодолимъ.
Предъ Кесаремъ нашъ другъ преступникъ явный!

ПРОТОГЕНЪ.

А все винъ его не вѣрю я, Леонъ.
У варваровъ его еще никто не видѣлъ.
Нѣтъ, добродѣтели я вѣрю всей душей
И не измѣнитъ ей до гроба Велизарій.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Долина въ горахъ Гемуса; у подошвы горы виноградникъ; деревянный мостъ надъ пропастью. Велизарій показывается на горѣ; Елена ведетъ его; они осторожно переходятъ мостъ и спускаются въ долину.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Нѣтъ болѣ силъ, отъ жажды умираю!
Далеко ли еще, Елена, отъ села?

ЕЛЕНА.

Села не вижу я, бѣлѣетъ храмъ Господень.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Веди меня туда.

ЕЛЕНА.

Но ты усталъ, сойдемъ
Съ горы. Ахъ, Боже мой, я вижу
На скатѣ горъ пастушескій шалашъ.
Сойдемъ, ты сядешь тамъ подъ деревомъ тѣнистымъ,
Въ прохладѣ отдохнешь, а я межъ тѣмъ
Спущуся къ шалашу и можетъ быть, успѣю
Что выпросить у пастуха. (*Они сходятъ*)
Вотъ здѣсь
Сядь, батюшка. О какъ ты утомился,
Потъ градомъ падаетъ съ горящаго лица.
(Отираетъ потъ съ его лица.)
Здѣсь отдохни, а я слетаю мигомъ.
(Убѣгаетъ въ горы.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Дочь, ангелъ мой; да наградитъ тебя
Господь за нѣжное о старцѣ попеченье.
Она всегда рѣзва и весела.
Съ какимъ терпѣніемъ она мнѣ помогаетъ
Нести тяжелый крестъ: несчастное дитя?
(Погружается въ задумчивость).

ЯВЛЕНІЕ V.

Богатый поселянинъ съ работниками, несущими на плечахъ сошки для поддержанія лозъ. Въ числѣ работниковъ старый ветеранъ.

ХОЗЯИНЪ.

Вотъ здѣсь еще подставьте сошки,—лозы
Совсѣмъ нагнулися подъ игомъ зрѣлыхъ гроздъ.
(Работники принимаются за работу; хозяинъ самъ за всѣмъ смотритъ, показываетъ, распоряжается.)
Вотъ эту подкрѣпи, а эту обломай,
Ты видишь, высохла. *(Ветерану)* А ты что разлѣнился?

ЕВЛАМПІЙ.

На солнцѣ мы пеклись, хозяинъ, цѣлый день, —
Не грѣхъ и отдохнуть

ХОЗЯИНЪ.

Задумалъ ты раненько.
А вѣдь къ тому же храбрый Ветеранъ,
За Велизаріемъ и въ Африку ты плавалъ,
А тамъ жарчѣе нашего, такъ что жъ
На зной пенялешьты? Еще, братъ, поработай,
А то не пить тебѣ по вечеру вина.

ЕВЛАМПІЙ.

Ты, право, не шутя, хозяинъ, прогнѣвился.
Я не лѣнивъ, меня тѣмъ не кори,
Что въ Африку водилъ насъ Велизарій.
Вѣдь зноя тамъ не замѣчали мы: —
Подъ тѣнью были мы знаменъ побѣдоносныхъ,
Отъ нихъ же вѣяло прохладою на насъ.

ХОЗЯИНЪ.

Ты краснобай. Ну, такъ и быть, сходи
Домой, да принеси вина кувшина два, не болѣ,
За здравье выпьемъ мы великаго вождя.

ЕВЛАМПІЙ.

За упокой скорѣе.

ХОЗЯИНЪ.

Онъ въ изгнаньи,
Но смертью не казненъ.

ЕВЛАМПІЙ.

Порфиръ тебѣ разскажетъ,
Что слышалъ отъ купца, который пріѣзжалъ
Къ тебѣ за тканями вчера изъ Византіи.
Я за виномъ схожу. *(Уходитъ.)*

ХОЗЯИНЪ.

Что слышалъ ты, Порфиръ?
Мнѣ разскажи.

ПОРФИРЪ.

Да то, что Велизарій
Былъ выгнанъ изъ города съ сумой:
Въ проводники ему ребенка дали,
И тотъ, какъ говорятъ, недавно умеръ—
Змѣей ужаленъ былъ, а бѣдный Велизарій
Покойника на плечахъ въ храмъ принесъ,
Руками слабыми ему могилу вырылъ,
И самъ же, говорятъ, его похоронилъ.

1. ПОСЕЛЯНИНЪ.

Слухъ носится, что тотъ ребенокъ слабый
Была Елена, дочь его.

ПОСЕЛЯНЕ.

Ахъ, жаль отца!
Поплакалъ же не мало онъ по дочкѣ.
Онъ такъ грустилъ о ней, что, говорятъ,
Съ печали и въ умѣ, бѣдняжка, помѣшался,

А Кесарь, Богъ ему отплатитъ за него,
Велѣлъ сковать его тяжелыми цѣпями,
И въ душную темницу заключилъ,
Боясь, чтобы народъ не возмутился,
Услышавъ рѣчь безумную слѣпца.

2-й ПОСЕЛЯНИНЪ.

А ты забылъ сказать: его онъ пыткѣ предалъ,
Желая знать дѣйствительно ли онъ,
Сошелъ съ ума.

ПОРФИРЪ.

Да, въ страшныхъ истязаньяхъ
Окончилъ дни безсмертный вождь.

ВЕЛИЗАРІЙ, (*выходя изъ за дерева*).

Ты лжешь
На Кесаря! Его не мучилъ Кесарь,
Не умирала дочь, съ ума онъ не сходилъ.
(*Въ сторону.*)
О Боже! какъ моихъ страданій повѣсть
Искажена стоустою молвой.

ХОЗЯИНЪ.

Откуда ты, старикъ?

ВЕЛИЗАРІЙ.

Теперь я нищій,
А нѣкогда носилъ вотъ этотъ шлемъ.
У Велизарія въ любимомъ легіонѣ,
Сражался съ Готами, теперь въ отставкѣ я,
Мірскимъ питаюся посильнымъ подаяньемъ
И къ вамъ пришелъ затѣмъ. — Прошу,
Хотя для Господа, напиться дайте:
Я жаждой мучуся.
(*Обходитъ поселянъ*).

ХОЗЯИНЪ.

Да съ кѣмъ же ходишь ты,
Слѣпой старикъ? Вѣдь ты пути не видишь.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Сынъ вызвался водить меня, да онъ
Пошелъ въ шалашъ пастушескій, въ долинѣ
Гдѣ-то, — авось воды мнѣ принесетъ.

ПОРФИРЪ.

Да вотъ онъ на горѣ; легокъ онъ на поминѣ,
Несетъ тебѣ чего-то пить, старикъ.
Какъ серна быстръ, — ну вотъ онъ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Гдѣ ты медлилъ,
Мой милой сынъ? А здѣсь я ждалъ тебя,
И безъ тебя едва здѣсь не завелъ я ссоры
За Велизарія. —

ЕЛЕНА (*даетъ ему пить*).

Ахъ, батюшка, оставь
Шутливый тонъ, народъ такой суровый.

ВЕЛИЗАРІЙ.

И подлинно, я подивился сказкамъ,
Которыя разсказывали здѣсь.
Не вѣрьте имъ, — прошу васъ. Небылица
Тотъ страшный слухъ, вздоръ, сущій вздоръ.

ПОРФИРЪ.

Смотрите, онъ не вздоръ намъ скажетъ про героя,
Скитаясь по міру, ума вишь набрался.
Да полно, старина, тебѣ-ль со мной тягаться,
Про Велизарія всю правду я узналъ.
Священникъ намъ сказалъ подробнѣйшія вѣсти,
А я такъ даже выучился пѣть
Ту пѣсенку, которая въ народѣ
Останется намъ въ память отъ него,
А сочинилъ ее какой то умный риторъ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

За пѣсенку скажу тебѣ спасибо.
Послушалъ бы про стараго вождя.

ПОРФИРЪ.

Про Велизарія поется мнѣ безъ просьбы,
Всѣ любимъ мы его, и въ памяти у насъ
Но долѣ поживетъ онъ Кесаря.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Ну полно:
Не гнѣвайся на Кесаря.

ХОЗЯИНЪ.

Ну, пой
Намъ пѣсенку, а между тѣмъ Евлампій
Съ виномъ къ намъ подойдетъ — и кстати осушимъ
Кувшины мы за здравіе Орфея —
Да и тебя попотчуемъ старикъ.
(*сажаетъ его на пень*).
Вотъ здѣсь садись, — лавровый пень, онъ крѣпокъ.
Ну, начинай Порфиръ: мы слушаемъ тебя.

ПОРФИРЪ (*поетъ*).

Малютка, шлемъ нося, просилъ,
Для Бога, пищи лишь дневныя
Слѣпцу, котораго водилъ,
Кѣмъ славны Римъ и Византія.
«Тронитесь жертвою судебъ!»
Такъ онъ прохожихъ умолялъ:
«Подайте мальчику на хлѣбъ,
Онъ Велизарія питаетъ.»

*

«Вотъ шлемъ того, который былъ
Для Готовъ, Вандаловъ грозою!
Враговъ отечества сразилъ,
И самъ сраженъ былъ клеветою.
Тиранъ лишилъ его очей,
И міръ хранителя лишился....
Увы! свѣтъ солнечныхъ лучей
Для Велизарія затмился!» —

*

«Не видя свѣта и людей,
Паритъ онъ мыслью въ царствѣ славы:
И видитъ въ памяти своей
Народы, вѣки и державы!» —

ВЕЛИЗАРІЙ, (*внимая пѣснѣ, мало по мало одушевляется и вдругъ, какъ вдохновенный, встаетъ.*)

Я внѣ себя! Прозрѣлъ духовнымъ окомъ,
Грядущее открыто предо мной!
Потомки поздніе меня не проклянутъ —
Къ нимъ перейдетъ моихъ страданій повѣсть
И окропитъ ее участія слеза.

ЕЛЕНА.

Умѣрь восторгъ: — себѣ ты измѣняешь.

ХОЗЯИНЪ.

Что сдѣлалось съ тобой, въ умѣ ли ты, старикъ?

ПОРФИРЪ.

Что съ нимъ и толковать, — онъ просто сумасшедшій.

(*Поселяне отступаютъ.*
Въ это время входитъ Евлампій и видитъ Велизарія, среди сцены лицаго въ одушевленіи).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЕ И ВЕТЕРАНЪ ЕВЛАМПІЙ.

ВЕТЕРАНЪ.

О Боже, это онъ! Его я вижу тѣнь,
Тѣнь Велизарія.

ПОСЕЛЯНЕ.

Какъ! это Велизарій?

ВЕТЕРАНЪ.

Онъ живъ! — Такъ, это онъ, его узналъ тотчасъ,
Высокое чело и величавый станъ.
Еще мнѣ памятны пылающіе взоры,
Когда обозрѣвалъ дружину онъ съ коня.
Въ ихъ впадинахъ теперь могильный мракъ; погасли
Два яркіе луча, — двѣ молніи небесъ.

Друзья! вѣдь это онъ, о комъ поемъ мы въ пѣсняхъ!
Здѣсь Велизарій самъ, а вотъ и дочь его. —
Да здравствуетъ великій Велизарій!
(падаетъ къ ногамъ его, поселяне слѣдуютъ его примѣру).

ВЕЛИЗАРІЙ.

Юстиніанъ, возьми всѣ лавры и трофеи!
Вотъ торжество мое, превыше всѣхъ торжествъ.
Я въ памяти живу народа: Велизарій
Преданіемъ уже при жизни сталъ.

ВЕТЕРАНЪ.

Какъ намъ забыть тебя, — страдалецъ незабвенный!

ПОРФИРЪ.

Сегодня праздникъ мы въ деревнѣ зададимъ:
Гость дорогой пожаловалъ, ребята.

ХОЗЯИНЪ.

Такихъ гостей не выпускаемъ мы,
Пускай у насъ живетъ, ему я дамъ хоромы,
И буду самъ ему рабомъ служить.

ПОСЕЛЯНЕ.

Окончи дни твои у насъ, нашъ благодѣтель.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Мой долгъ зоветъ меня, и свитокъ дней моихъ
Еще вполнѣ судьбина не свернула.
(слышна воинственная музыка).
Вы слышите, звучатъ тимпаны вдалекѣ.

ВЕТЕРАНЪ.

То музыка не Римская, ребята.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Взберитесь на гору, узнайте кто идетъ.
(Ветеранъ смотритъ вдаль).

ХОЗЯИНЪ.

Кто-бъ это былъ? — Невидишь кто?

ВЕТЕРАНЪ.

Аланы!

ВЕЛИЗАРІЙ.

Аланы!

ХОЗЯИНЪ.

Варвары! — Спасайтеся друзья,
Всѣхъ прежде женъ, дѣтей....

ВЕТЕРАНЪ.

Составимъ ополченье,
Заржавый мечь я снова обнажу —
Вотъ полководецъ нашъ, друзья вооружайтесь!
Пойдемъ за нами вождь!

ВЕЛИЗАРІЙ.

Я остаюся здѣсь.

ЕЛЕНА.

Родитель!

ВЕЛИЗАРІЙ.

Отъ враговъ не бѣгалъ Велизарій!

ХОЗЯИНЪ.

Спасайтеся, — бѣгите, близко, близко!
(Всѣ убѣгаютъ, Ветеранъ послѣдній. Елена обняла отца. Между тѣмъ музыка становится громче. На горахъ показываются красныя знамена Аланъ и сами Аланы. — Ламиръ, Октаръ ведутъ ихъ, они сходятъ на сцену. Велизарій и дочь его скрываются за деревьями).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ОКТАРЪ, АЛАМИРЪ *(и нѣсколько старшихъ Аланскихъ солдатъ сходятъ на сцену).*

АЛАМИРЪ.

Вотъ безпрепятственно, просмоченымъ путемъ,

Достигли мы средины Государства.
Юстиніанъ безпеченъ, войско спитъ,
И мы легко дойдемъ до Византіи.

ОКТАРЪ.

Скажи намъ далеколь она теперь отъ насъ? —

АЛАМИРЪ.

Отъ этихъ горъ считаютъ до столицы
Дней нѣсколько ходьбы.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Знакомъ мнѣ этотъ голосъ:
Не видишь ли кто говоритъ, Елена?

ЕЛЕНА.

Лица не вижу я, но голосъ мнѣ знакомъ.

ОКТАРЪ.

Ты думаешь, что тотчасъ легіоны
Къ намъ перейдутъ, узнавши цѣль,
Съ которой ты насъ въ Грецію приводишь?

АЛАМИРЪ.

Всѣ, у кого вождемъ былъ славный Велизарій.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Какъ Велизарій!

ЕЛЕНА.

Рѣчь ихъ о тебѣ.

АЛАМИРЪ.

Гѣ ветераны помнятъ полководца —
И съ нетерпѣніемъ ждутъ лишь случая отмстить
За казнь его: всѣ къ намъ они пристанутъ.
Великаго вождя отыщемъ съ ними,
И Кесарскій вѣнецъ возложимъ на него.

ЕЛЕНА.

Ахъ, батюшка, вѣдь это Аламиръ!

ВЕЛИЗАРІЙ.

Онъ, точно онъ! Не Грекъ онъ — Вандалъ нынѣ?

АЛАМИРЪ.

Но еслибъ Кесарю не измѣнило войско,
Повѣрь, намъ побѣдить его легко: —
Нѣтъ Велизарія у нихъ.

ОКТАРЪ.

Впередъ, друзья, впередъ!
На Грековъ нападемъ при кликѣ: » Велизарій
И мщеніе! »

Всѣ повторяютъ кликъ: Велизарій и мщеніе! — и хотятъ двинуться. Велизарій встаетъ, выходитъ на сцену, — заноситъ на Аламира свой посохъ и громко восклицаетъ:

ВЕЛИЗАРІЙ.

Остановитесь!

ОКТАРЪ.

Кто ты?

ВЕЛИЗАРІЙ.

Остановитесь, повторяю вамъ.

АЛАМИРЪ.

Чей голосъ слышу?

ОКТАРЪ.

Кто ты, дерзкій нищій?

ВЕЛИЗАРІЙ.

Я Велизарій!

(Всѣ въ изумленіи; Аламиръ цѣпенѣетъ отъ ужаса.)

ОКТАРЪ.

Велизарій? Нѣтъ,
Не можетъ — быть! Слѣпецъ безумный ты —

АЛАМИРЪ.

Онъ слѣпъ!

ВЕЛИЗАРІЙ.

Я слѣпъ, но не умомъ. Безпомощный я нищій,
Но силою души еще могучъ.
Я въ ссылкѣ, но люблю отечество святое,

Не полководецъ я всѣхъ византійскихъ силъ,
Но смѣло грудь врагамъ противоставлю.

АЛАМИРЪ.

Такъ, это онъ! Изъ словъ его, узналъ
Я Велизарія и въ видѣ измѣненномъ.
Позволь обнять твои колѣна, мой отецъ,
И руки омочить слезами состраданья!
Изъ слезъ моихъ узнай, что чувствую теперь,
Когда въ глазахъ моихъ ты чувствъ не прочитаешь.

ВЕЛИЗАРІЙ, (*обнимая его.*)

Мой Аламиръ!
(*Ободрившись:*)
Скажи мнѣ, Вандалъ! Какъ ты смѣешь
Позорить имя славное мое,
Избравши знаменемъ его для иноземцевъ, —
Враговъ отечества?

АЛАМИРЪ.

Нѣтъ, не враги они.
Издалека примчались облегчить
Печальный жребій твой,— не наказать желали
Твой край родной, тебя ему лишь возвратить. —
Ты насъ не отвергай: награду за страданья
Готовимъ мы тебѣ. — Веди къ побѣдѣ насъ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

(*Послѣ нѣкотораго молчанія.*)

Кто предводитель ихъ?

ОКТАРЪ.

Я вождь, Октаръ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Послушай:
По всѣмъ правамъ войны, сей юноша мой рабъ.
Онъ колесницу везъ мою, и Кесарь
Мнѣ подарилъ его. Я далъ ему свободу;
Но онъ свободѣ рабство предпочелъ;
И какъ раба, отъ васъ я требую обратно,
Отдайте мнѣ его, Аланы!

ОКТАРЪ.

Въ ссылкѣ ты,
И Кесарь твой тебѣ оставилъ въ достолнье
Лишь горестную жизнь; а ты мнѣ говорпшь
О собственности.

АЛАМИРЪ.

Да, я рабъ его навѣки!
Лишь для него вооружился я.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Когда меня призналъ ты господиномъ,
Я властью пользуюсь, приказъ даю тебѣ:
Ихъ отпусти обратно.

АЛАМИРЪ.

Никогда!

ВЕЛИЗАРІЙ.

Возможно ли? Уже ль меня не знаешь?
Не думаешь ли ты меня въ союзъ завлечь,
Не думаешь ли ты, что пламя возмущенья,
Подъ именемъ моимъ, дозволю я зажечь
Въ отечествѣ, стерплю согражданъ укоризны,
Рѣшусь носить проклятія печать
И допущу вамъ въ книгѣ славной жизни
Послѣдній листъ измѣной запятнать?
Прочь! Съ вами я гнушаюся союзомъ!
Когда бъ вы дали мнѣ всѣ троны и вѣнцы,
Когда бъ мнѣ отдали безцѣннѣйшее благо
Для смертныхъ – зрѣніе, когда бы вы могли
Мнѣ сына возвратить, то и тогда бъ, Аланы!
За эту цѣну я отвергнулъ бы дары.

АЛАМИРЪ (*въ сильной борьбѣ*).

О государь!

ВЕЛИЗАРІЙ.

Меня ты прежде звалъ отцемъ.
Ты нѣкогда меня потѣшилъ сказкой,
Что ты не Вандалъ, - Грекъ. Обманъ, пустая ложь.
Когда бъ ты Грекомъ былъ, то не посмѣлъ бы
Занесть свой мечь на грудь отеческой земли.

АЛАМИРЪ.

Отъ рукъ твоихъ снесу и смерть и всѣ мученья, —
Я рабъ твой, но лжецемъ меня не называй.
Я въ истинѣ тѣхъ словъ моихъ клянуся
Крестомъ, который съ дѣтства я ношу;
Съ нимъ найденъ я на берегу пустынномъ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Крестъ? Что за крестъ? О немъ ты не сказалъ
Въ тотъ день, какъ о твоемъ происхожденьи
Тебя распрашивалъ.

АЛАМИРЪ.

Ты позванъ былъ въ сенатъ;
Не могъ докончить я разсказа; съ той минуты
Не видѣлися мы.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Какаго вида крестъ?

АЛАМИРЪ.

Онъ на груди моей!

ЕЛЕНА (*разсматриваетъ его.*)

Весь золотой,
И на краю его начертано: *къ побѣдамъ,*
Къ безсмертію ведетъ тебя сей крестъ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Такой же крестъ надѣлъ на сына я,
Съ такимъ же точно мудрымъ изреченьемъ.
Въ тотъ день, какъ умертвить я сына приказалъ,
Онъ былъ на немъ. Нѣтъ, мой сынъ въ могилѣ,
А съ нимъ и крестъ. Судьба, вторично ты
Надеждой льстишь родительскому сердцу!
Мечта, пустой обманъ! Тебѣ не вѣрю я!

ЕЛЕНА.

Родитель, собери всѣ силы — тотъ младенецъ,
Котораго велѣлъ ты умертвить,—
Не умерщвленъ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Какъ! живъ?

ЕЛЕНА.

На берегу морскомъ
Безъ помощи оставленъ онъ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

О Боже!
На берегу морскомъ!

ЕЛЕНА.

Невольникъ Клеоменъ
Тебя лишь обманулъ; во всемъ признался онъ
Предъ смертью матушкѣ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Какъ, сынъ мой не убитъ?

ЕЛЕНА.

И матушка, пришедши изъ Сената,
Пылая мщеньемъ, все разсказала мнѣ,
Меня вооружить тотивъ тебя желая.
Давно бъ тебѣ сказала я о томъ,
Но истина казалась мнѣ жесточе
И Клеомена лжи! Какъ выбросить дитя
На берегу морскомъ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Но въ чемъ, скажи, ты найденъ?
Ужель никто твоихъ пеленъ не сохранилъ?

АЛАМИРЪ.

Ихъ сберегли купцы, нашедшіе меня.
Ихъ Гелимеръ хранилъ.

ВЕЛИЗАРІЙ

Ихъ видѣлъ ли когда?

АЛАМИРЪ.

Не только видѣлъ ихъ, просиживалъ надъ ними
Дни цѣлые, слезами орошалъ,
Нѣмыхъ свидѣтелей допрашивалъ я часто
О родинѣ моей, о матери, отцѣ,
Такъ жестоко со мною поступившихъ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Ты не замѣтилъ ли на нихъ какихъ примѣтъ?

АЛАМИРЪ.

На пеленѣ я помню букву Л.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Мой Ліодоръ, мой сынъ! Что ты мой сынъ несчастный
Мнѣ сердце говоритъ сильнѣе всѣхъ примѣтъ.

ЕЛЕНА.

Ты братъ мой! я предчувствовала, нынѣ
Влеченіе къ тебѣ я объяснить могу!
Мой Ліодоръ, мой милый братъ!
(*Обнимаетъ его*).

ЛІОДОРЪ (*бросается въ объятія Велизарія*).

Родитель!
Перстъ Божій велъ меня въ объятія твои.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Такъ, ты мой сынъ, мой милый Ліодоръ.
На старость дней тебя Господь мнѣ посылаетъ.
Дай мнѣ прижать тебя къ груди;—хотя рукой
Коснуться дай твоихъ роскошныхъ кудрей,
Біенье сердца мнѣ послушать дай
Сыновняго! Ахъ, никогда, какъ нынѣ,
Нечувствовалъ мученій слѣпоты....
Въ моихъ объятьяхъ сынъ! А я, о горе! горе!
Въ глазахъ его любви сыновней непрочту!

ЛІОДОРЪ.

Не Вандалъ болѣ я, — я Римлянинъ отнынѣ!

ВЕЛИЗАРІЙ (*въ восторгѣ*).

Судьба побѣждена! итотъ ужасный призракъ,
Плодъ суевѣрія языческихъ временъ,
Предъ знаменемъ креста, какъ туча разлетѣлся!
Мой сынъ со мной, мой Ліодоръ спасенъ!
Благодарю тебя, святое Провидѣнье!
Раскаяньемъ моимъ не погнушалось Ты,
И грѣшное мое услышало моленье.

(*Октаръ и Аланы, сговорившись, съ шумомъ наступаютъ на Велизарія.*)

Я слышу звукъ оружія нестройный,
Оставимъ варваровъ — Елена, Ліодоръ.
Теперь я не одинъ, теперь снесетъ спокойно
Всѣ горести счастливѣйшій отецъ.
(*Хочетъ уйти.*)

ОКТАРЪ.

Тебя не пустимъ мы, останься съ Аламиромъ,
И самъ веди на Византію насъ.
За тебя отмстить мы призваны, обратно
Мы не уйдемъ, твоей обиды не отмстя,
За дальній путь не получивъ добычи.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Я вашей помощи, Аланы, не прошу,
А мщенье за себя — я поручаю Богу.

ОКТАРЪ.

Такъ оставайся же, упрямецъ безразсудный!
Влачи остатокъ дней въ изгнаньи, въ нищетѣ;

Но сына мы съ тобою не отпустимъ:
Онъ призвалъ насъ сюда, на вѣрность клятву далъ;
Мы разрѣшимъ его тогда лишь отъ присяги,
Когда укажетъ намъ на Византію путь.—

ВЕЛИЗАРІЙ.

Какъ, сынъ мой, ты имъ клятву далъ на вѣрность?

ЛЮДОРЪ.

Лишь для тебя.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Когда же такъ: — иди,
Будь Вандаломъ опять. Святыню клятвы
Кому бъ ее ты не далъ, — не нарушь.
Я самъ храню присягу до могилы.
Но разлучиться, сынъ, съ тобою не могу,
И въ первый разъ унизиться я долженъ:
О снисхожденьи умолять врага!
(Обратясь къ Аланамъ.)
Отъ клятвъ его, молю васъ, разрѣшите!
Васъ заклинаю именемъ отца,
Священнѣйшимъ! Его вы такъ же чтите!
Оставьте сына мнѣ: - онъ у меня одинъ!
Молчите вы? *(падаетъ на колѣна)* Иль мало этой жертвы?
Я не склонялъ еще ни передъ кѣмъ главы!
Быть можетъ, вы забыли, кто предъ вами?
У вашихъ ногъ простертъ безпомощный слѣпецъ.
Но тотъ слѣпецъ, тотъ нищій-Велизарій,
Который именемъ исполнилъ цѣлый свѣтъ.
(Вставая.)
Вы отвергаете мольбу мою? Приближься,
Дитя мое. Съ тобой ли мечь? Подай:
Отъ рукъ моихъ умри, не будь врагомъ отчизны.
(Заноситъ мечь на Людора.)

ОКТАРЪ.

Остановись! Меня ты изумилъ,
И состраданіе вдохнулъ въ сердца Алановъ.
Возьми его съ собой. Отъ данныхъ клятвъ
Мы, для тебя, его освобождаемъ;
Но для тебя, не отрекаюсь я
Отъ цѣли доблестной: на башняхъ Византіи
Алановъ красныя знамена водрузить.
(Всѣ съ шумомъ колеблются и отступаютъ.)

ВЕЛИЗАРІЙ, *(восторженный, вслѣдъ имъ.)*

Спѣшите! — На стѣнахъ священной Византіи
Не водрузить вамъ варварскихъ знаменъ,
Ногами не попрать свободной вы.
Дойдите лишь до древнихъ нашихъ стѣнъ,
Тамъ ожидаетъ васъ погибельная кара;
Разсыплется вся мощь надменная враговъ,
Тамъ встрѣтите меня — въ лицѣ моихъ полковъ.

Конецъ 4 дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Палата во дворцѣ Юстиніана.

ЮСТИНІАНЪ, РУФИНЪ, ЛЕОНЪ, ПРОТОГЕНЪ.

(стража въ глубинѣ сцены.)

ЮСТИНІАНЪ.

Разбитъ! Разбитъ впервые въ двадцать лѣтъ
Владычества надъ цѣлымъ полусвѣтомъ!
И кѣмъ же? горстью варваровъ нестройной.

РУФИНЪ.

Насъ было, Государь, одинъ лишь легіонъ,

А ихъ несмѣтное число. Притомъ же
Лишь превосходство силъ противниковъ свирѣпыхъ
Заставило насъ въ битвѣ отступить,
Чтобъ имя Римское спасти отъ поруганья.
Сбери свои войска, мы отразимъ враговъ,
Отбросимъ ихъ отъ рубежа отчизны.

ЮСТИНІАНЪ.

Леонъ! поспѣшнѣе всю рать мою сбери
И жди моихъ дальнѣйшихъ приказаній.
(Руфину.)
О Велизаріи ты не принесъ мнѣ вѣсти?
Нашелъ ли ты его въ рядахъ моихъ враговъ,
Не слышалъ ли чего?

РУФИНЪ.

Его я не видалъ.
Но слышалъ кликъ Алановъ: - *Велизарій*
И мщеніе! Къ чему бы этотъ кликъ,
Когда бы не былъ онъ врагомъ отчизны?

ЮСТИНІАНЪ.

Когда бъ и не былъ онъ среди враговъ моихъ,
Когда бъ и не сзывалъ на насъ онъ чужеземцевъ,
Но имя лишь его, какъ злобный адскій духъ,
Вдыхаетъ въ нихъ пылающую жажду
Къ убійствамъ, грабежамъ, пожарамъ.
Велизарій
И мщеніе! отгрянетъ, можетъ быть,
Въ полкахъ моихъ и поколеблетъ вѣрность—
И что тогда?—Шумъ слышу у дверей,
Что бъ это значило?—Ей, стража!

ПРОТОГЕНЪ,

(прежде отошедшій къ стражѣ, теперь возвращается.)

Антонина
Въ палату ворвалась, и проситъ позволенья
Съ тобою говорить. Позволишь ли?

РУФИНЪ.

Зачѣмъ?
Безумная, раскаялась, быть можетъ,
Въ поступкѣ, и прибѣгла молить тебя
Помиловать ея злодѣя мужа.
Ты прикажи ей удалиться, Кесарь.

ЮСТИНІАНЪ.

Хочу съ ней говорить.

РУФИНЪ.

Въ такое время,
Когда отечеству опасность угрожаетъ,
Она осмѣлилась тревожить Гоеударя.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ, АНТОНИНА въ траурѣ, блѣдная, обезображенная, съ распущенными волосами; всѣ отступаютъ отъ нея въ ужасѣ. Она медленно идетъ и останавливается предъ Кесаремъ).

АНТОНИНА.

Что вы трепещете? Что взоръ въ меня вперили?
Уже ль мой видъ наводитъ страхъ на васъ?
Не голова Медузы передъ вами,
И въ камни васъ она не превратитъ.
Не бойтесь, по плечамъ моимъ не змѣи вьются —
Бояться нечего, я не ужалю васъ.
Бѣгите лишь отъ пламенной печати,
Которая горитъ,—смотрите, на челѣ;
Читайте;—тамъ начертаны злодѣйства—
Всѣ, всѣ они мои:—убійство, ложь,
Предательство и клятвопреступленье.
Въ отчаяньи передъ тобою, Кесарь,
Я повергаюся, преступница, во прахъ.
(Упадаетъ предъ Кесаремъ.)

ЮСТИНІАНЪ.

Что, что ты сдѣлала? Скажи мнѣ, Антонина?
Ужель свидѣтельство твое обманъ и ложь?

РУФИНЪ.

Неслушай, Государь, безумна Антонина!

АНТОНИНА.

Безумна я?—Раскаянье мое
Безуміемъ ты называешь? Правда,
Разсудка своего лишилась я тогда,
Какъ мщеніемъ слѣпымъ руководима
И злобою сообщниковъ моихъ,
И памятью погубленнаго сына,
Забыла долгъ природы и любви.

ЮСТИНІАНЪ.

Какъ? Велизарія измѣна....

АНТОНИНА.

Ложь, обманъ!

ЮСТИНІАНЪ.

Тѣ письма....

АНТОНИНА.

Всѣ они поддѣланы безстыдно
Вотъ этимъ извергомъ.

ЮСТИНІАНЪ.

О милосердый Боже!
По твоему свидѣтельству, Сенатъ
Приговорилъ его къ позорной казни.

АНТОНИНА.

Знаю.
И я пришла тебя о милости просить.
Казни меня, казни и тѣхъ злодѣевъ,
Которыхъ умъ меня въ сѣть адскую завлекъ.
Придумай новыя, неслыханныя пытки,
Въ примѣръ вѣкамъ—злодѣевъ покарай!
Безъ ропота снесу всѣ истязанья,
Какъ терпитъ праведникъ позоръ и нищету.

ЮСТИНІАНЪ.

О горе!

АНТОНИНА.

Но зачѣмъ я гнѣвъ твой возбуждаю?
Уже меня Всевышній покаралъ:
Со дня, какъ месть насытила свою,
Змѣя впилася въ грудь, и медленно, — по каплѣ,
Высасываетъ кровь изъ сердца моего!
Ты видишь: я мертва, — во мнѣ нѣтъ капли крови,
Переливается по сохлымъ жиламъ ядъ,
Ядъ на устахъ — и ядъ мое дыханье,
А на челѣ — проклятія печать!

(Закрываетъ себѣ лице обѣими руками; громко рыдаетъ; потомъ открываетъ лице; дико озирается.)

Пойду, теперь запрусь въ пустынной кельи,
И буду ждать трубы послѣдняго суда!
О Боже! грянулъ громъ! Во всѣхъ предѣлахъ міра
Содрогнулась земля, взвился прахъ гробовой.
Усопшіе встаютъ... Разящая сѣкира
Занесена надъ грѣшною главой!

(Она преклоняетъ главу, какъ бы удерживая сѣкиру своими руками.)

Тамъ блѣдный призракъ! Онъ выходитъ изъ могилы.
Онъ въ рубищѣ! По бѣлымъ волосамъ
Струится кровь; онъ оперся на посохъ;
Онъ голову свою приподнялъ къ небесамъ,...
На ликъ его упалъ ликъ Божьей благодати;
Онъ силится открыть предъ Господомъ глаза ...
(въ ужасѣ.)
Двѣ впадины глубокія открылись —
Въ нихъ вѣчный мракъ! Смотрите, это онъ!
(торжественно).

Предъ Богомъ вопіетъ о мщеньи Велизарій.

(*Убѣгаетъ въ изступленіи.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЕ, КРОМѢ АНТОНИНЫ.

ЮСТИНІАНЪ.

Предъ Богомъ вопіетъ о мщеньи Велизарій!
Ты слышалъ ли, Руфинъ?

РУФИНЪ, (*ободрившись.*)

Она хитро съумѣла
Слезами, ужасомъ тебя поколебать.
Но, Государь, уже ль ты сй повѣришь?
Бредъ лихорадочный слова ея! —
Сама себя она въ обманѣ обвиняетъ.
Когда передъ тобой одну сказала ложь,
Могла бъ теперь придумать и другую.
Для нашей гибели — для нашей — говорю
Затѣмъ, что нечего терять ей не осталось,
А выиграть надѣется она:
Разжалобить тебя и вымолить прощенье
Слѣпцу, котораго вся обожаетъ рать.
Прощеніе твое невольно оправдаетъ
Его въ глазахъ толпы.

ЮСТИНІАНЪ (*Протогену*).

Евтропія позвать.

(*Тотъ уходитъ.*)

(*Руфину.*)

Я выслушалъ тебя, ты разсуждалъ умно.
Хотѣлось бы Евтропія послушать.
Притомъ мнѣ, вздумалось, какъ хочешь назови
Мое желаніе, прихотью иль шуткой,
Я требую, чтобъ ты при немъ молчалъ,
Не прерывалъ моей съ Евторіемъ бесѣды
Ни взоромъ, ни словами; если жъ ты
Приказъ нарушишь мой, предамъ тебя мученьямъ.
Велю тебя на мѣстѣ осѣчь;
Сошлю тебя въ изгнаніе-и все тебя постигнетъ,
Что Велизарій терпитъ.

РУФИНЪ.

Государь!

ЮСТИНІАНЪ.

Такъ помни же приказъ мой — онѣмѣй!

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ-ЖЕ, ПРОТОГЕНЪ И ЕВТРОПІЙ.

ЕВТРОПІЙ.

Ты звалъ меня къ себя, державный Кесарь!

ЮСТИНІАНЪ.

Поближе подойди, Евтропій, ближе.
(*Ставитъ его спиною къ Руфину.*)
Вотъ такъ, и выслушай, что безъ тебя
Случилось здѣсь. Представь, мнѣ Антонина
Призналася, что ваинъ доносъ-обманъ:
Изъ мщенія она оклеветала мужа;
Что письма тѣ поддѣланы тобой
Съ Руфиномъ. Если такъ, то бѣдный Велизарій
Безвинно осужденъ. — Что скажешь ты?

ЕВТРОПІЙ.

Что мнѣ сказать? На насъ она клевещетъ
Изъ поздняго раскаянья.

ЮСТИНІАНЪ.

Такъ ты
За ложь ея признанье почитаешь.
Мнѣ кажется, она сказала правду мнѣ.
Сообщникъ твой, услышавъ Антонину,
Во всемъ признался мнѣ — теперь твоя чреда.

ЕВТРОПІЙ (*въ ужасѣ*)

Какъ, и Руфинъ признался?

ЮСТИНІАНЪ.

За минуту

Передъ тѣмъ, какъ позвалъ я тебя.—
Смотри
Въ молчаньи онъ прощенья ожидаетъ.

ЕВТРОПІЙ.

Такъ послѣ этого присягѣ, дружбѣ вѣрь,
Основанной на тайномъ преступленьи,
Когда винится онъ—я смѣю говорить,
Раскаянье мое тебя умилосердитъ.
Ахъ, Государь, во лжи виновенъ я.

ЮСТИНІАНЪ, (*обращаясь къ Руфину.*)

Ты слышишь ли, Руфинъ, что говоритъ Евтропій?

РУФИНЪ.

Когда бы сто ему свидѣтелей подобныхъ
Возстали на меня, я не сознаюсь въ томъ,
Что безъ вины казненъ измѣнникъ Велизарій.

ЮСТИНІАНЪ.

Лжешь, клеветникъ! Изъ страха твоего,
Изъ блѣдности, изъ твоего смущенья,
Я это узнаю: меня ты обманулъ.

ЕВТРОПІЙ.

Какъ, онъ тебѣ не признавался?

ЮСТИНІАНЪ

Нѣтъ;
Но твоего достаточно признанья,
И пытка вынудитъ признанье изъ него.
(*Въ сильномъ гнѣвѣ становится между обоими царедворцами:*)
Я васъ поймалъ въ разставленную сѣть!
Клеветники, змѣиное отродье —
Но самыхъ змѣй презрительнѣе вы!
На жизнь онѣ лишь смертныхъ посягаютъ,
А не на честь—святѣйшее изъ благъ.
Прочь, гнусные! Въ темницу ихъ забросить!
Эй, стража! ихъ предать строжайшему суду.
(*Стража уводитъ ихъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЮСТИНІАНЪ И ПРОТОГЕНЪ.

ЮСТИНІАНЪ.

О Протогенъ, возьми мой кесарскій вѣнецъ,
Возьми мое владычество надъ міромъ,
Лишь жало совѣсти изъ сердца вырви ты!
Дай чувство торжества, которымъ ты исполненъ —
Тогда счастливѣйшимъ изъ смертныхъ буду я.

ПРОТОГЕНЪ.

Счастливѣйшимъ считай себя, что ты на тронѣ,
Что жезлъ имперіи въ благихъ твоихъ рукахъ.
Лишь властью кесарской ты можешь то исправить,
Во что тебя злодѣи вовлекли.
Еще слѣпецъ тотъ живъ; онъ не въ рядахъ враговъ,
Въ молчаньи онъ безъ ропота страдаетъ.

ЮСТИНІАНЪ.

Страдаетъ! И не знаю, гдѣ страдаетъ—онъ.
Спѣши и объяви столицѣ о событьи,
По всей Имперіи извѣстье разошли,
Что клеветой погубленъ Велизарій;
Что если онъ воротится ко мнѣ,
Величье ждетъ его, любовь Юстиніана;
Что выше всѣхъ вождей превознесу!
Иди, спѣши, мнѣ возврати полжизни.

ЯВЛЕНІЕ V.

Большая дорога, ведущая въ Византію. Открытый видъ; въ дали видны Византія и море.

ВЕЛИЗАРІЙ, (*опираясь на Елену и Іодора.*)

Мы далеко ли отъ столицы, дѣти?
На небосклонѣ что открылось вамъ?

ЛЮДОРЪ.

Святой Софіи куполъ позлащенный
Возносится къ лазурнымъ небесамъ,
И море въ пламени полуденнаго солнца
Сверкаетъ вдалекѣ, какъ серебряная ткань. —

ВЕЛИЗАРІЙ (*въ восторгѣ:*)

Привѣтствую тебя, столица Константина!
Привѣтствую тебя, Софійскій свѣтлый храмъ.
Привѣтствую тебя, дворецъ Юстиніана,
И поле торжества — широкій Ипподромъ!
Неблагодарная, но милая отчизна,
Не варварамъ тебя ногами попирать.
Царица двухъ морей, о Византія!
Непобѣжденной ты останешься въ вѣкахъ! —
Лишь хитростью враги твои исторгнутъ
Изъ рукъ товихъ перводержавья жезлъ!

ЕЛЕНА.

Родитель!

ВЕЛИЗАРІЙ.

Что съ тобой, Елена? —

ЕЛЕНА.

Неужели
Идешь въ столицу ты? —

ВЕЛИЗАРІЙ.

Куда жъ итти мнѣ болѣ?

ЕЛЕНА.

А ты забылъ, что угрожаетъ намъ,
Когда приказъ погибельный нарушишь?

ВЕЛИЗАРІЙ.

А ты забыла, чье тамъ имя вторятъ?
Межъ тѣмъ, какъ здѣсь спокойно я стою,
Гремящее, оно летитъ въ рядахъ Алановъ,
И по отечеству, какъ пламенный потокъ,
Смятеніе, войну повсюду разливаетъ.
Его услышавъ, мирный селянинъ
Съ проклятіемъ разсказываетъ внуку,
Кто нѣкогда тѣмъ именемъ сіялъ;
Дружинъ колеблется испытанная вѣрность,
И довершается Руфина торжество.
Кто защититъ меня теперь предъ Государемъ?
Подастъ ли голосъ кто въ Сенатѣ за меня?
Нѣтъ, не стерплю позорнаго сомнѣнья—
Къ Юстиніану самъ явлюся во дворецъ.
Какъ привидѣніе, возставшее изъ гроба,
Разсѣю ложь явленіемъ своимъ, —
И перейду къ потомству не запятнанъ.

(Онъ хочетъ итти.)

ЛЮДОРЪ.

Повремени еще, родитель. На дорогѣ
Столпомъ взвилася пыль; я слышу голоса,
Все ближе къ намъ, пускай они минуютъ,
Мы отсторонимся.

ЕЛЕНА.

Сюда бѣгутъ толпой,
И какъ бы ужасомъ гонимые, селяне.

ЛЮДОРЪ.

Къ столицѣ, кажется, бѣгутъ они.—

ВЕЛИЗАРІЙ.

Спросите,
Что гонитъ ихъ изъ селъ?

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ и *поселяне разнаго пола и возраста, съ пожитками на плечахъ вбѣгаютъ на сцену.*)

ЛЮДОРЪ.

Друзья, постойте!
Скажите намъ, куда спѣшите вы,
И отъ чего въ такомъ вы ужасѣ?

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Такъ ты
Еще не знаешь, что на насъ идутъ Аланы: —
Они все жгутъ и грабятъ на пути. —
Грозятъ предать огню столицу Византію.

ВЕЛИЗАРІЙ

Уже ль они такъ близко отъ нея?

ПОСЕЛЯНИНЪ

Ихъ можно бъ отразить, вѣдь рукъ у насъ довольно,
Да нѣтъ у насъ надежнаго вождя,
Нѣтъ Велизарія, а онъ умѣлъ справляться
Съ врагами родины.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Ты слышишь, дочь моя?
Могу ль теперь еще нейти я въ Византію?

ПОСЕЛЯНИНЪ.

На варваровъ былъ посланъ царедворецъ,
Руфиномъ, кажется, зовутъ его.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Руфинъ!

ПОСЕЛЯНИНЪ.

А развѣ ты его, пріятель, знаешь?
Вѣдь онъ то нашего героя погубилъ.
Оклеветалъ и выгналъ изъ столицы.
Теперь онъ слѣпъ, какъ ты, блуждалъ по свѣту онъ,
И наконецъ изъ мщенья насъ предалъ Аланамъ.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Нѣтъ, онъ васъ врагамъ не предавалъ,
Простилъ неправое гоненіе отчизнѣ. –
Но что же сдѣлалось съ Руфиномъ, полководцемъ?
Не одержалъ ли онъ побѣды надъ врагомъ?

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Какое одержалъ побѣду! Стыдно молвить,
Какъ заяцъ съ поля, онъ съ сраженья убѣжалъ.

ВЕЛИЗАРІЙ (*въ сторону.*)

Онъ побѣжденъ постыднымъ малодушьемъ;
Онъ славу нашего оружья посрамилъ.
Юстиніанъ достойно тѣмъ наказанъ.
Такъ мщеніе мое отнынѣ началось.
Что говорю? Могу ль о мщеньи думать,
И душу страстью гнусной осквернять,
Когда со всѣхъ сторонъ слетаются Аланы,
Родную матерь Грецію терзать;
Когда они грозятъ разлить пожаръ повсюду,
И пронестись грозой чрезъ Константинопъ градъ?
Оставить отъ него одну развалинъ груду
И кровью обагрить Господень вертоградъ?
Нѣтъ, нѣтъ! Когда бъ Руфинъ меня стократно
Въ мученіяхъ и пыткахъ истязалъ,
Хотя бъ лишилъ меня и воздуха отчизны,
Которымъ я въ изгнаніи дышу,
То и тогда – о Всемогущій Боже!
Ему побѣду надъ врагомъ пошли,
Дай крѣпость силъ, Господь, его напутствуй
Къ спасенію отеческой земли.
(*Раздаются звуки военной музыки.*)
Что тамъ за музыка?

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Подходитъ наше войско,
На встрѣчу варварамъ, съ той стороны,
Они идутъ сюда, и здѣсь на нашихъ грянутъ.
Ахъ, этотъ день рѣшитъ отечества судьбу.

ВЕЛИЗАРІЙ (*въ восторгѣ.*)

Знакомые, плѣнительные звуки!
Вы звали нѣкогда меня на смертный бой.
Они все ближе, ближе, – загремѣла
Покрыла звуки бранная труба!
Она! она! труба знакомыхъ легіоновъ,

Съ которыми я Вандаловъ смирилъ.
Сюда, друзья мои! Васъ болѣ не увижу,
Но взоромъ васъ духовнымъ обниму.

ЛЮДОРЪ.

Укроемся въ толпѣ.

(Между тѣмъ на сцену выходитъ часть Римскаго войска. Поселяне по обѣимъ сторонамъ сцены; Велизарій съ дѣтьми скрывается среди ихъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЕ, ПРОТОГЕНЪ И ЛЕОНЪ *выходятъ вскорѣ вслѣдъ за воинами.*

ЛЕОНЪ.

Возможно ли? Что вижу?
Какой счастливый случай, Протогенъ,
Что здѣсь сошлись всѣ наши легіоны —
И дружно мы, какъ и всегда, съ тобой
На варваровъ пойдемъ соединенной силой;
Но горько мнѣ, когда лишь вспомню я,
Что поиски твои остались тщетны,
И Велизарія нигдѣ, нигдѣ ты не нашелъ.

ПРОТОГЕНЪ.

Нигдѣ. Я эту вѣсть послалъ Юстиніану.

ЛЕОНЪ.

Здѣсь поселянъ толпа; они спасенья ищутъ
Отъ варваровъ. Не знаютъ ли они,
Не встрѣтился ли имъ въ побѣгѣ Велизарій?
Послушайте, друзья. Быть можетъ, кто изъ васъ
Въ пути своемъ случайно повстрѣчался
Со старикомъ слѣпымъ; онъ съ дѣвушкою шелъ
И подаяніемъ питался проходящихъ.

ПОСЕЛЯНИНЪ.

А что вамъ до слѣпца?

ПРОТОГЕНЪ.

Слѣпецъ тотъ — Велизарій.

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Вы ищете его? Разнесся слухъ вчера,
Что онъ у варваровъ: его тамъ имя слышно.

ПРОТОГЕНЪ.

Нѣтъ, изгнанный, безъ крова бродитъ онъ.

ПОСЕЛЯНИНЪ.

И вы его преслѣдуете?

ПРОТОГЕНЪ.

Нѣтъ,
Мы не враги его; его теперь мы ищемъ,
Чтобъ объявить ему, что Государь
Обманутъ былъ Евтропіемъ, Руфиномъ;
Что дознана его невинность;
Что казнены они за гнусное злодѣйство.
И Велизарія мнѣ Кесарь поручилъ,
Немедля, проводить въ тріумфѣ въ Византію.

ВЕЛИЗАРІЙ (*въ восторгѣ*).

Мой Протогенъ!

ЕЛЕНА.

Господь, день торжества насталъ!

ВЕЛИЗАРІЙ.

О Боже! Протогенъ!

ПРОТОГЕНЪ.

Чей голосъ слышу!

(Поселяне разступаются такъ, что Велизарій съ дѣтьми видѣнъ всему войску.)

ВЕЛИЗАРІЙ.

Когда его узналъ мой Протогенъ, быть можетъ,
Еще душѣ Леона онъ не чуждъ,
И, можетъ быть, его припомнятъ легіоны.

ПРОТОГЕНЪ.

Мой Велизарій!

ЛЕОНЪ.

Другъ мой!

ВОИНЫ.

Полководецъ!

ПОСЕЛЯНИЙ.

Спаситель нашъ! Онъ въ рубищѣ, онъ нищій!

(*Леонъ съ Протогеномъ бросаются въ объятія Велизарія.*)

ЛЕОНЪ (*къ войску*).

Вашъ полководецъ! Такъ онъ, будетъ полководцемъ,
Я власть ему сдаю, и подъ его знамена,
Я стану, други, съ вами на ряду.
Вотъ жезлъ тебѣ, верховный полководецъ!

ВЕЛИЗАРІЙ.

Слѣпому? мнѣ?

ЛЕОНЪ.

Но не погасъ еще
Взоръ умственный у доблестнаго старца.
Орудьемъ зрѣнія готовъ я быть твоимъ.
Ты войскомъ правь, веди его къ побѣдамъ —
Я буду лишь твои приказы исполнять.

ЦЕНТУРІОНЪ.

Передовой отрядъ, который посланъ былъ
Развѣдать, близокъ ли отсюда непріятель,
Приноситъ вѣсть, что къ сѣверу отъ насъ
Блеститъ оружіе, и слышенъ кликъ Алановъ.

ЛЕОНЪ (*Велизарію.*)

Вели трубить. Веди насъ, Велизарій!
А Кесарю пошлю вѣсть о тебѣ
Не прежде, какъ съ извѣстьемъ о побѣдѣ.

(*Раздается звукъ ратной трубы, — бьютъ литавры; вскорѣ по всему войску слышна музыка.*)

ВЕЛИЗАРІЙ, (*надѣвая шлемъ, мечь и пурпуровую мантію полководца*).

Такъ я, иду, послѣдую за вами.
Призывный звукъ трубы и голосъ вашъ, друзья,
Возвысили меня, одушевили снова,
И свыше яркій лучь мнѣ на душу льется,
Дня бѣлаго свѣтлѣе онъ и краше;
Въ его сіяніи весь исчезаю я.
Ты, милой сынъ мой, близъ меня сражайся,
И вражьей кровью смой съ себя вину,
Что призвалъ ихъ отечеству на гибель;
Ты, дочь моя, отрада дней моихъ,
Слѣпаго нищаго надежная подпора,
Послѣдовать не можешь ты на брань.
Останься здѣсь у поселянъ, и съ ними
Въ столицу поспѣши; явися во дворецъ,
И разскажи о всемъ благому Государю.

(*Онъ торжественно молится на колѣнахъ*).

О Ты, парящій днесь надъ Христіанской ратью,
И мнѣ сподобивый сего дождаться дня,
Господь! Во бранѣхъ Ты руководилъ меня,
Хранилъ меня Своею благодатью,
И свѣтъ божественный на разумъ разливалъ.
И днесь, когда меня объемлетъ мракъ могилы,
Отъ вражеской стрѣлы мнѣ настѣ недопусти.
Будь мнѣ щитомъ, Господь, даруй мнѣ силы
Въ послѣдній разъ отечество спасти.

(*къ войску.*)

На брань!

ВОИНЫ.

Отечество и Велизарій!

(*Торжественно уходитъ съ войскомъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЕЛЕНА И ПОСЕЛЯНЕ.

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Такъ поспѣшимъ же мы съ тобою въ Византію.

Вѣдь намъ тебя родитель поручилъ.

ЕЛЕНА.

Мнѣ прочь итти отсюда? Въ Византію?
Спокойно жить, межъ тѣмъ, какъ мой отецъ
Себя опасности иль смерти подвергаетъ,
Иль торжество себѣ готовитъ за успѣхъ? —
О горе мнѣ! когда его не станетъ,
И на чужихъ рукахъ, въ отсутствіе мое
Угаснетъ онъ. О, что со мною будетъ?
Когда бы юношей была я въ самомъ дѣлѣ,
Помчалась бы во слѣдъ ему на брань,
Охотно бы я стрѣлы отражала
Своею грудью вѣрной отъ него.
Увы, мой полъ мнѣ грозно запрещаетъ
Опасности съ героемъ раздѣлять,
И я могу лишь здѣсь томится ожиданьемъ
И къ Господу о немъ моленья возсылать.

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Такъ оставайся же, и мы здѣсь остаемся;
И торжества его дождемся здѣсь.

ЕЛЕНА.

Вы слышите оружья звукъ и клики?

ПОСЕЛЯНИНЪ.

То наступаютъ наши на враговъ.

ЕЛЕНА.

Ахъ, сердце сжалося отъ ужаса, нѣмею—

СЕЛЯНИНЪ,

(услышавъ звуки музыки съ другой стороны, уходитъ въ глубину сцены и слушаетъ.)

Да вотъ и съ этой стороны литавры
Такъ и гремятъ. Вотъ третій легіонъ
Идетъ сюда. Я вижу колесницу....
Остановилася; вотъ соскочилъ съ нея
Въ косматомъ шлемѣ величавый воинъ.
Не Кесаря ли пурпуръ на плечахъ?
Да, это Государь.

ЕЛЕНА.

Юстиніанъ?

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Онъ точно!
Сюда идетъ. Теперь ему ты можешь
Все доложить, что твой отецъ велѣлъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ-ЖЕ, ЮСТИНІАНЪ, ТѢЛОХРАНИТЕЛИ И ВОИНЫ.

ЮСТИНІАНЪ.

Тамъ, къ сѣверу, сраженье началось;
Туда спѣши, Марцеллъ, и донеси Леону,
Что здѣсь я буду ждать сраженія конца.
Скажи, что въ случаѣ опасности, не медля,
Я самъ къ нему на помощь поспѣшу,
И если такъ Всевышнему угодно,
Самъ родину спасу, иль вмѣстѣ съ ней паду.
Могу ли я спасти, когда не стало болѣ
Того, кто былъ отечества щитомъ?
Ахъ, Велизарія не вызову изъ гроба.

ЕЛЕНА.

Онъ возвращенъ тебѣ, онъ живъ; твой Велизарій
Ведетъ твои дружины на враговъ!

ЮСТИНІАНЪ.

Что слышу? Кто ты, юноша?

ЕЛЕНА.

Елена,
Дочь Велизарія.

ЮСТИНІАНЪ.

Примѣръ любви дочерней!
О Боже! я краснѣю предъ тобой!
(успокоивается.)
Дитя мое! а онъ простилъ ли мнѣ
Страданія свои?

ЕЛЕНА.

Онъ все сносилъ съ терпѣньемъ

Тебя въ нихъ не винилъ; благословлялъ тебя,
Счастливѣйшимъ себя въ изгнаніи считая.
Вѣдь Богъ на старость дней страдальца наградилъ:
Ему послалъ Онъ сына въ Аламирѣ,
Котораго въ рядахъ онъ варваровъ нашелъ;
Онъ сынъ его — тотъ Людоръ несчастный;
Онъ не убитъ, онъ въ дѣтствѣ призрѣнъ былъ,
У Вандаловъ воспитанъ. — Сонъ ужасный,
Пророческій, сбылся! Не случай то одинъ,
А приговоръ небесъ.

ЮСТИНІАНЪ.

Предъ нимъ благоговѣю!

ЕЛЕНА.

Союзъ съ Аланами родитель мой отвергнулъ,
И вотъ теперь ведетъ къ побѣдѣ рать твою.

ЮСТИНІАНЪ.

Онъ побѣдитъ, сомнѣнья нѣтъ, Елена:
Его хранитъ Господень Херувимъ.
Извѣстно ли ему, какой конецъ
Постигъ его злодѣевъ?

ЕЛЕНА.

Отъ Леона
Узнали мы о гибели враговъ
Руфина и Евтропія. — Не смѣю
О матери спросить: что сдѣлалося съ ней?

ЮСТИНІАНЪ.

Невѣдаю куда сокрылась изъ столицы.
Слухъ носится, что въ монастырь ушла
На покаяніе; надѣла власяницу,
Тяжелыя вериги на себя;
Посхимилась; не видитъ свѣта Божья
Въ досчатомъ гробѣ; ей пища — черствый хлѣбъ;
И день и ночь веригъ не покидаетъ;
Предъ Богомъ кается въ ужасномъ преступленьи.

ЕЛЕНА.

И Богъ проститъ ее: раскаянью Онъ внемлетъ! —
(раздается звукъ трубы).

ЮСТИНІАНЪ.

Не грянула ли тамъ побѣдная труба?

ЕЛЕНА.

Предчувствіемъ томлюсь; въ веселомъ этомъ звукѣ
Мнѣ слышится стенаніе и плачъ.
О Господи, пошли родителю и брату
Побѣду надъ врагомъ, и мнѣ ихъ возврати!

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢЖЕ И ПРОТОГЕНЪ.

ПРОТОГЕНЪ.

Побѣда, Государь!

ЮСТИНІАНЪ.

Благодарю Творца!
Я въ ней увѣренъ былъ: за насъ былъ Велизарій.

ПРОТОГЕНЪ.

Мы ей обязаны великому вождю.
При громкомъ кликѣ: Богъ и Велизарій!
Мы дружно двинулись на дерзкаго врага;
Онъ хитростью тотъ кликъ нашъ почиталъ,
Съ угрозой то же имя повторилъ,
Мечтая устрашить имъ наши легіоны.
Какъ вдругъ, величіемъ подобный полубогу,
На колесницѣ всталъ маститый нашъ слѣпецъ,
И возносясь главой, въ косматомъ шлемѣ,
Превыше всѣхъ дружинъ, и гнѣвомъ запылавъ,
Громовымъ голосомъ онъ поразилъ Аланов.

Косматый шлемъ съ чела вдругъ приподнялъ
И обнажилъ, какимъ-то дивнымъ свѣтомъ
Блистающій тогда, свой сановитый ликъ.
Узнавъ его, враги затрепетали;
Смятенье разлилось по ихъ полкамъ.
Мы, пользуясь тѣмъ ужасомъ, напали
Всей силою на нихъ, смѣшали ихъ ряды,
Межъ ними бушевалъ нашъ Римскій мечь, какъ вѣтеръ,
Разсѣяли всю рать, и многіе изъ нихъ
Остались на мѣстѣ, иль побѣгомъ
Отъ нашихъ воиновъ укрылися въ горахъ.

ЮСТИНІАНЪ.

Благодарю тебя за дивное извѣстье.

ПРОТОГЕНЪ (*Еленѣ.*)

А для тебя принесъ я радостную вѣсть:
Между добычею, въ шатрахъ Октара,
Аланскаго вождя, нашелъ я мать твою.

ЕЛЕНА.

О Правосудный Богъ!

ПРОТОГЕНЪ.

Огню все предавая,
Враги сожгли и тотъ пустынный кровъ,
Обитель инокинь, гдѣ мать твоя спасалась,
Готовясь произнесть монашескій обѣтъ.
Желая отклонить Алановъ отъ хищенья,
Увлекшись рвеніемъ спасти Господень домъ,
Не измѣня величью, Антонина,
Одна пошла на встрѣчу имъ съ крестомъ,
И знаменемъ спасенья умоляла
Остановить ихъ гибельный набѣгъ:
«Я Велизарія жена, я Антонина!
Предъ варварами я склоняюся во прахъ!»
Воскликнула она. Ея услышавъ имя,
Съ презрѣньемъ на нее взглянулъ Октаръ.
«Ты первый врагъ его, вина страданій.
А мы пришли отмстить его врагамъ,
И мщеніе свое съ тебя мы начинаемъ!»
Гнушался ея слезами, вождь
Обитель сжегъ, ее въ цѣпяхъ позорныхъ
Подъ стражей въ плѣнъ увелъ, готовилъ казни ей,
Хотѣлъ ее предать на истязанья;
Но Богъ не допустилъ. Ты мать свою увидишь.
Ее на судъ тебѣ представлю, Государь.

ЕЛЕНА.

О пощади — раскаялась она,
И не лишай ее спасенія за гробомъ;
Пускай въ обители она окончитъ дни.

ЮСТИНІАНЪ.

Лишь для тебя прощаю Антонину.
(*Протогену.*)
Ты удали ее. Но гдѣ же Велизарій
И скоро ли въ побѣдной колесницѣ
Онъ явится? — Я жду его сюда.

ПРОТОГЕНЪ.

Онъ, Государь....

ЮСТИНІАНЪ.

Что медлишь? Отвѣчай!

ЕЛЕНА (*въ ужасѣ.*)

Я прочитала все въ твоемъ печальномъ взорѣ.
Напрасно истину скрываешь отъ меня—
На все готова я! Скажи мнѣ: живъ ли
Родитель мой, и живъ ли Аламиръ?

ПРОТОГЕНЪ.

Твой братъ стяжалъ названіе героя.
Онъ первый бросился на полчище враговъ,
И доблестью омылъ съ себя пятно позора.

ЕЛЕНА.

А мой отецъ?

ПРОТОГЕНЪ.

Онъ на рукахъ Леона?

ЕЛЕНА.

О Всемогущій Богъ! Онъ раненъ! Горе мнѣ!

(Рыдаетъ.)

ПРОТОГЕНЪ.

Еще былъ живъ, какъ я покинулъ войско;
Но раненъ тяжело.

ЕЛЕНА.

Бѣгу къ нему исполнить
Послѣдній долгъ любви дочерней. Горе мнѣ!

(Убѣгаетъ.)

ЮСТИНІАНЪ.

Не раненъ ли смертельно?

ПРОТОГЕНЪ.

Къ сожалѣнью,
Елена при смерти его найдетъ.
Стрѣла вонзилась въ грудь его глубоко,
Героя принялъ я въ объятія свои,
Извлекъ его изъ сѣчи изступленной.
Смотри, сюда идетъ съ дружинами Леонъ,
И на щитахъ несутъ героя ветераны,
Склоняя головы въ унынии надъ нимъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

При печальномъ маршѣ, воины несутъ на щитахъ Велизарія; Аламиръ Елена и Леонъ подлѣ него по сторонамъ; его тихо опускаютъ. Римскіе орлы окружаютъ его, потомъ Антонина во власяницѣ.

ЛЕОНЪ.

Ты видишь, Государь, чего намъ стоитъ
Спасеніе отеческой земли.
(Юстиніанъ закрываетъ лице руками.)

АНТОНИНА *(обѣгаетъ ряды воиновъ; увидя Велизарія.)*

Гдѣ? гдѣ онъ? Мертвъ! Прости мнѣ, Велизарій!

(Рыдаетъ близъ него.)

(Всѣ, пораженные ужасомъ, безмолвствуютъ.)

ВЕЛИЗАРІЙ, *(приходя въ себя.)*

Кто плачетъ надо мной? Знакомый слышу плачь.
Не голосъ ли я слышалъ Антонины?
Несчастная, ты здѣсь, дай руку мнѣ, прости!

АНТОНИНА.

(приподнимается, и дико озираясь, встаетъ,)

Что вы за люди? Кто пришелъ сюда?
Кто въ сиротствѣ мать бѣдную встревожилъ?
О сынѣ плачу я: вотъ онъ лежитъ, въ крови!
Растерзанъ тигромъ онъ!—Кто растерзалъ? отецъ!

ВЕЛИЗАРІЙ.

Несчастная, еще она не знаетъ,
Что Ліодоръ спасенъ, здѣсь сынъ твой Ліодоръ.

ЛЮДОРЪ, *(обнимая Антонину, которая не принимаетъ его ласки, стоитъ, какъ оцѣпенѣвая.)*

Узнай меня... я не растерзанъ тигромъ.

ЮСТИНІАНЪ *(Протогену.)*

Она ума лишилась; прочь ее,
Прочь, удали, сообщницу Руфина.

АНТОНИНА, *(поглядѣвъ на Юстиніана.)*

Руфинъ, ты здѣсь? Вотъ письма. На, возьми,
Ихъ отрави: ты гибокъ, расторопенъ.
Ты вкрадься въ Кесаря, и онъ повѣритъ намъ,
Возьми же письма, на, чтобъ кто насъ не увидѣлъ—
Нѣтъ никого! Чье око въ небесахъ
Глядитъ на насъ? Намъ отъ него не скрыться;
За нами слѣдуетъ неотразимый взоръ;

Онъ какъ стрѣла въ мое вонзился сердце.
Старикъ, укрой меня отъ жгучаго огня,
Ты Божій человѣкъ. Ты... О Боже!

ВЕЛИЗАРІЙ.

Опомнись, Антонина!

АНТОНИНА, (*отступая отъ него въ ужасѣ.*)

Ты весь въ крови; тебя я видѣла когда-то.
На страшномъ ты судѣ предъ Господомъ стоялъ;
Мнѣ помнится, ты опершся на посохъ,
Ты голову приподнялъ къ небесамъ;
На лѣвъ твой палъ лучъ Божьей благодати,
Ты силился открыть предъ Господомъ глаза —
Двѣ впадины глубокія открылись,
Въ нихъ вѣчный мракъ! Всмотрѣться дай въ себя.
Ты льешь не слезы, - кровь!... О Боже!
Велизарій!..
(*Падаетъ мертвая къ ногамъ его.*)

ЕЛЕНА.

Не стало!

ЛАМИРЪ.

Кончила страданья!..

ВЕЛИЗАРІЙ.

Нѣтъ ее!
Господь, прими ее на лоно тишины—
И отпусти грѣхи, какъ я ей отпускаю.
О Государь, и мой коротокъ срокъ.
Прими мое послѣднее моленье:
Отца и мать ты дѣтямъ замѣни.

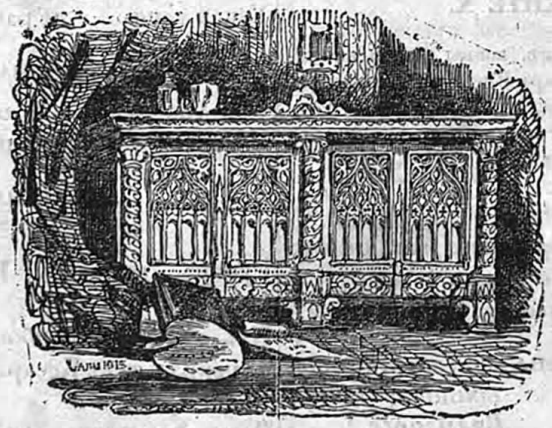
ЮСТИНІАНЪ.

Клянусь.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Елена, Ліодоръ, примите
Дыханіе мое. Я путь земной свершилъ,
И новая стезя открылась предо мною!
Съ отрадной мыслію я отхожу:
Кто плакалъ на землѣ, утѣшится за гробомъ.
(*Умираетъ въ объятіяхъ дѣтей.*)

Римскіе орлы преклоняются предъ нимъ. Юстиніанъ въ горести закрываетъ лице руками. Общее уныніе.



ОЧЕРКИ

КАНЦЕЛЯРСКОЙ ЖИЗНИ.

ТОРЖЕСТВО ДОБРОДѢТЕЛИ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗІЯ,

Сочиненіе *П. М.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь.

Княгиня.

Начальникъ канцеляріи.

Секретарь.

Чиновникъ для особыхъ порученій.

Дежурный чиновникъ.

Экзекуторъ.

Корзинкинъ.

Герасимовъ.

Михайловъ.

Изрядцова.

Гусева.

Чиновникъ.

Камердинеръ князя.

Лакей.

Просители.

Дѣйствіе въ домѣ Князя.

ТОРЖЕСТВО ДОБРОДѢТЕЛИ.

(Пріемная Князя.)

ЯВЛЕНІЕ I.

Лакей убираетъ комнату; Экзекуторъ выглядываетъ въ дверь.

ЛАКЕЙ.

А! Григорій Андреичъ! Милости просимъ.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Здравствуй, любезный. Что, еще почиваютъ?

ЛАКЕЙ.

Да вѣдь сами знаете, въ которомъ часу пріѣхали.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

А что, на какихъ ѣздили? На новыхъ?

ЛАКЕЙ.

Нѣтъ-съ: княгиня боится.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Да ужъ я говорю, что въ нихъ проку не будетъ.

ЛАКЕЙ.

А Князь сказывалъ, что вы ихъ вышколите.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Я?

ЛАКЕЙ.

Да-съ.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Вотъ мило! Прошу покорно! Мое ли дѣло объѣзжать лошадей? Всякій знаетъ, что я Экзекуторъ и Казначей, а не берейторъ. — Пускай бы ужъ купитъ провизіи, присмотрѣть за хозяйствомъ: это дѣло домашнее; да и то иногда ужъ черезъ-чуръ взыскиваютъ. Намедни купилъ я запасъ рябчиковъ; вдругъ Княгиня говоритъ:

не хороши, зачѣмъ прострѣлены? Боже мой, чѣмъ же я виноватъ! Не итти же мнѣ самому въ лѣсъ, да ловить для нихъ рябчиковъ руками. — Вотъ теперь накупили одровъ; и если меня нужно послать куда, такъ другихъ и лошадей нѣтъ. Изволь ихъ учить: того и гляди, что шею сломишь. — И все я, да я; какъ будто мало у насъ чиновниковъ для особыхъ порученій?

ЛАКЕЙ.

Скажите, что такое сдѣлалось, какъ вы вчера ѣздили?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Хомутъ лопнулъ; хорошъ былъ вѣрно. Къ счастію, у меня случилась въ карманѣ веревка отъ перьевъ, такъ ужъ кой-какъ уладили.

ЛАКЕЙ.

То-то Князь говорилъ послѣ: «Григорій Андреичъ человѣкъ аку«ратный; я думаю, у него гвоздь «всегда найдете въ карманѣ, на «всякій случай.»

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Хе, хе, хе! Пріятно, что Князь обо мнѣ такого мнѣнія. А вотъ, кабы онъ зналъ батюшку моего: покойникъ — хоть и не портной былъ, чиновникъ — а никогда не выходилъ изъ дому, не взявши съ собою иголки съ ниткой.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И КАМЕРДИНЕРЪ (*съ платьемъ.*)

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Аксентію Иванычу добраго здоровья. Встали?

КАМЕРДИНЕРЪ.

Нѣтъ еще.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Что-то поздно сегодня.

КАМЕРДИНЕРЪ.

Князь долго не могъ заснуть. — Что за шумъ былъ ночью на дворѣ? Кажется, опять ваши гуси. Князь спрашивалъ меня объ этомъ. Я сказалъ не знаю. Смотрите, можетъ быть, васъ спросятъ.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Ой-ли? Ну, я скажу трубочисты приходили, такъ на нихъ собаки лаяли.

КАМЕРДИНЕРЪ.

А если спросятъ, кто шумѣлъ?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Трубочисты и шумѣли.

КАМЕРДИНЕРЪ.

Да Князь слышалъ, какъ гуси кричали; ужъ вы не скажите, что это трубочисты кричали по гусиному. Къ тому же, это не въ первый разъ, что ваши гуси не даютъ покою цѣлую ночь.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Правда! — Ну, я скажу, что это рѣдкіе гуси, что я досталъ ихъ по случаю, и дожидаюсь оказіи отправить въ деревню. Какъ они уходятъ, проклятые? — Я догадываюсь, что тутъ противъ меня интрига: кто нибудь ихъ нарочно выпускаетъ.

КАМЕРДИНЕРЪ.

Да что это у васъ за страсть такая къ гусямъ?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Признаюсь, люблю я какъ-то эту птицу; да и пріятно что нибудь свое имѣть. — Пожалуй, говорятъ, что я кормлю ихъ казеннымъ овсомъ. Стоило бы изъ этого портить свою репутацію? Неужели у меня нѣтъ столько амбиціи, чтобы купить гусямъ корму на 20 копѣекъ! — Всякій знаетъ, много ли гусямъ надобно! Что они ѣдятъ? — Соръ. — Ходятъ себѣ по двору, да подбираютъ какія нибудь крупинки; а кому они помѣшали?...

(*Нюхаетъ табакъ.*)

КАМЕРДИНЕРЪ.

Позвольте. — У васъ вѣдь не французскій табакъ?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Терпѣть не могу ничего французскаго! Я даже не говорю по-французски. Ей-ей, не говорю. А вѣдь могъ бы учиться, кабы хотѣлъ, безъ шутокъ;—да подумалъ, что же толку: если случится надобность говорить съ Французомъ, такъ это точно такъ же можетъ придется и съ Нѣмцемъ, съ Испанцемъ, съ Африканцемъ; а нельзя же выучиться всему: и по-испански и по-африкански. Да притомъ я никого не задираю; а если кому угодно будетъ ко мнѣ адресоваться, такъ не прогнѣвайся, батюшка, вѣдь ты къ намъ пріѣхалъ. — Я еще и не знаю, мусье, кто ты таковъ, чтобы мнѣ для всякаго учиться. Можетъ, ты парихмахеръ какой нибудь, а я не твой братъ.

КАМЕРДИНЕРЪ.

Оно такъ; да, видите ли, нынче молодому человѣку неловко не говорить по-французски. Теперь все пошли ученые. Я своего сынишку тоже хочу отдать куда нибудь. — Скажите, хорошо ли учатъ тамъ, гдѣ ваши сыновья, двое, кажется?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Хо-ро-шо. Одного-то я хочу взять скоро.

КАМЕРДИНЕРЪ.

Что такъ? Великъ развѣ?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Не то великъ: 14 лѣтъ. Не профессоромъ же быть однако, а дома балуется. Я вѣдь самъ не больше его зналъ, когда вышелъ изъ школы; а чѣмъ же онъ лучше меня? Пускай-ко, добро, служитъ, чѣмъ повѣсничать, да въ бабки играть.

КАМЕРДИНЕРЪ.

По моему, раненько: могъ бы еще поучиться.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Чему же еще учиться? По трактирамъ ходить? — Этому не долго выучиться, если будетъ безъ дѣла шататься.

КАМЕРДИНЕРЪ.

Ну, а другаго сына вы такъ же скоро возьмете?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Еще посмотрю; онъ такой философъ: мягкаго хлѣба не ѣстъ. (*Смотритъ на часы.*) Я закалякался съ вами, господа; пришелъ только посмотрѣть, есть-ли тутъ канцелярскіе матеріялы.

СЕКРЕТАРЬ.

Ну, признаться, въ мое время лучше было: дежурному поставлялось въ непремѣнную обязанность обѣдать у начальника.

ДЕЖУРНЫЙ.

Что жъ дѣлать! Скажите, хорошо это мѣсто въ Воронежѣ, куда вы хотите опредѣлиться?

СЕКРЕТАРЬ.

Хорошо. Да вѣдь мнѣ необходимо туда ѣхать. У меня тамъ батюшка; ну, ужъ онъ старикъ, часто боленъ, я же у него одинъ. — Да Богъ знаетъ, попаду ли еще на то мѣсто. Тма охотниковъ.

ДЕЖУРНЫЙ.

Да вамъ-то что? Вѣдь это зависитъ отъ Князя.

СЕКРЕТАРЬ.

Отъ Князя! — А Княгиня-то! — Развѣ вы не знаете страсть ея во все вмѣшиваться, всѣмъ покровительствовать? Безъ того не обойдется, чтобы ее не попросить; а не то, пожалуй все испортишь. Да еще вотъ что меня озадачиваетъ: вы знаете, что Княгиня скоро ѣдетъ на годъ за границу. Есть у ней какая-то воспитанница, которую не хочетъ брать съ собою. Куда же ее дѣть? Разумѣется, замужъ выдать. А такъ какъ жениховъ по дворамъ не носятъ, то Княгиня и велѣла, — не знаю правда-ли это, я слышалъ по крайней мѣрѣ, — велѣла Экзекутору написать ей реестръ чиновникамъ, которые не женаты. Вѣроятно, она выберетъ кого нибудь, да и пошлетъ сваху. Ну, а какъ Княгиня узнаетъ, что я хлопочу о мѣстѣ, стало быть, имѣю до нея надобность, такъ ужъ мнѣ то больше всѣхъ надобно этого бояться. Примѣры были. Да вотъ, Пробошниковъ, вы помните, женился такъ же на воспитанницѣ, просто, изъ учтивости.

ДЕЖУРНЫЙ.

А что эта несчастная, вѣрно ужъ не изъ красавицъ?

СЕКРЕТАРЬ.

Напротивъ: она очень недурна; я видѣлъ ее одинъ разъ. Однако же въ губерніи я могъ бы жениться повыгоднѣе. — Впрочемъ, если ужъ нельзя сдѣлать иначе, я рѣшусь жениться; только въ тысячу разъ лучше, кабы можно было обойтись безъ этого.

КАМЕРДИНЕРЪ (*секретарю.*)

Пожалуйте.

(*Секретарь уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

ДЕЖУРНЫЙ, ЭКЗЕКУТОРЪ и потомъ ГЕРАСИМОВЪ.

ЭКЗЕКУТОРЪ (*бросаетъ бумагу и проч.*)

Вотъ вамъ бумага. А гдѣ Алексѣй Алексѣичъ? Развѣ его еще нѣтъ?

ДЕЖУРНЫЙ.

Онъ сію минуту пошелъ къ Князю.

ГЕРАСИМОВЪ (*экзекутору.*)

Позвольте васъ спросить: Князь принимаетъ сегодня просителей?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Принимаетъ,

щенія просимъ. — А позвольте спросить: прикажете самому навѣдаться о дѣлѣ?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Нѣту, небось Князь самъ къ себѣ пріѣдетъ.

КОРЗИНКИНЪ.

Такъ-съ! (*Лакею*) Прощайте! (*Уходитъ; а потомъ и лакей.*)

ЭКЗЕКУТОРЪ.

(*уходя, встрѣчается въ дверяхъ съ дежурнымъ чиновникомъ.*)

Поздненько вы, сударь, являетесь. Долго изволите кофей кушать. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ДЕЖУРНЫЙ И СЕКРЕТАРЬ.

(*Дежурный распечатываетъ пакеты; секретарь приходитъ погодя.*)

СЕКРЕТАРЬ.

А! здравствуйте! Вы дежурные сегодня; очень пріятно.

ДЕЖУРНЫЙ.

Вообразите, я съ недѣлю пріѣхалъ изъ отпуска, и только вчера узналъ, что вы исправляете должность секретаря.

СЕКРЕТАРЬ.

Какъ-же, скоромъ сяцъ. Секретарь уѣхалъ куда-то, въ Царицынъ, кажется, такъ меня откомандировали сюда. — Ваши всѣ здоровы ли?

ДЕЖУРНЫЙ.

Слава Богу! — Я слышалъ, онъ совсѣмъ выходитъ; такъ не хотятъ ли васъ вмѣсто его сдѣлать?

СЕКРЕТАРЬ.

Нѣтъ, нѣтъ! Я и самъ хлопочу выйти отсюда.

ДЕЖУРНЫЙ.

Вы? Куда же это?

СЕКРЕТАРЬ.

Въ Воронежъ, вмѣсто Пѣтухова. Онъ просится въ отставку. — Да ужъ признаться сказать, не завидная участь быть секретаремъ у Князя.

ДЕЖУРНЫЙ.

Скоро же вамъ наскучило.

СЕКРЕТАРЬ.

Какъ вы хотите, силы не станетъ. Сиди цѣлое утро; потомъ только успѣешь сходить пообѣдать — тащись опять сюда. Третьяго дня я ушелъ домой въ первомъ часу ночью. Князь спросилъ меня въ часъ, и говоритъ еще, что я рано ухожу. Онъ вѣдь какъ не знаетъ, что я здѣсь присутствую съ девяти часовъ утра.

ДЕЖУРНЫЙ.

Вы никогда не обѣдаете у Князя?

СЕКРЕТАРЬ.

Нѣтъ.

ДЕЖУРНЫЙ.

Мы такъ уходимъ домой въ 3 часа, въ 5 часовъ опять приходимъ и сидимъ до 11-ти; и хоть бы чашку чаю подали! — Поставятъ вамъ графинъ съ водой, вотъ и все, — гуляй, душа. — Да нынче и у многихъ такъ, съ маленькими варіаціями.

КАМЕРДИНЕРЪ.

Нельзяли мнѣ нарочку карандашей, Григорій Андреичъ?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Изволь, любезный.

(*Камердинеръ уходитъ.*)

ЛАКЕЙ.

Я и забылъ сказать: Дарья Павловна приказала попросить у васъ почтовой бумажки, да палочку сургучу.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Пришлю.—Эхъ, братъ Банюша, что ты не обмахнешь со шкапу? Посмотри, тамъ пыли сколько.

ЛАКЕЙ.

Да гдѣ же: не достать-съ.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Какъ бы намъ ухитриться? — Стулья запачкаешь. Постой-ка, — ты сдержишь меня? — Вотъ такъ! (*Лакей поднимаетъ Экзекутора, а тотъ сметаетъ пыль*) Ну, вотъ теперь ладно.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И КОРЗИНКИНЪ.

(Корзинкинъ въ русскомъ купеческомъ платьѣ; кланяется экзекутору и лакею).

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Что тебѣ? Куда ты лезѣшь?

КОРЗИНКИНЪ.

Осмѣлюсь спросить: Князь здѣсь живетъ?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Здѣсь. — Кто ты такой?

КОРЗИНКИНЪ.

3-ей гильдіи купецъ Корзинкинъ. Мнѣ бы весьма желательно видѣть Князя, если его сіятельство не занятъ.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Какъ же можно говорить такъ: если Князь не занятъ. — Да развѣ онъ бываетъ когда нибудь не занятъ?

КОРЗИНКИНЪ.

Виноватъ-съ. Я хотѣлъ сказать: могули удостоиться подать сегодня Князю прошеніе.

(*Экзекуторъ чинитъ карандашъ.*)

КОРЗИНКИНЪ (*громче.*)

Князь изволитъ принимать сегодня прошенія?

ЭКЗЕКУТОРЪ, (*продолжая чинить.*)

Слышу, слышу, братецъ. Что ты орешь, какъ будто въ торговую баню пришелъ? — Видишь, я занятъ. (*Немного погодя.*) Князь сегодня врядъ ли будетъ принимать: ему надо рано ѣхать, такъ чтобы вы не задержали; вѣдь вашей братьи, просителей, здѣсь всякую пятницу арава!

КОРЗИНКИНЪ.

Въ ту пятницу праздникъ. Если бъ я смѣлъ обезпокоить вашу милость доложить мою просьбу его сіятельству...

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Ладно. Я доложу. — По крайней мѣрѣ однимъ меньше.

КОРЗИНКИНЪ.

Всенижайше благодарю-съ. Про-

ГЕРАСИМОВЪ.

Нельзя ли обо мнѣ доложить?

ЭКЗЕКУТОРЪ, (*осматривая его.*)

Объ васъ доложить? Не роскошь ли это будетъ? Кто вы такіе?

ГЕРАСИМОВЪ.

Я отставной поручикъ Герасимовъ.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Хорошъ бы я былъ, если бъ пошелъ докладывать объ васъ! Вы еще не такъ великая особа, чтобы стоило нарочно безпокоить его сіятельство. — Подождите, вотъ Князь выйдетъ.—А объ чемъ просите?

ГЕРАСИМОВЪ.

Я желаю опредѣлиться въ канцелярію.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Я думалъ и Богъ знаетъ что! Это дѣло не такое важное. Постойте тамъ; подождите. (*Указываетъ въ уголъ, гдѣ нѣтъ стула, а Герасимовъ садится въ другой уголъ.*)

ЭКЗЕКУТОРЪ (*подходитъ къ нему.*)

Въ какомъ полку вы служили прежде?

ГЕРАСИМОВЪ (*встаетъ.*)

Въ 46-мъ егерскомъ.

ЭКЗЕКУТОРЪ, (*погодя.*)

Вы въ корпусѣ воспитывались?

ГЕРАСИМОВЪ (*встаетъ.*)

Нѣтъ-съ; я прямо поступилъ въ полкъ.

ЭКЗЕКУТОРЪ, (*погодя.*)

Давно вы въ отставкѣ?

ГЕРАСИМОВЪ, (*не вставая.*)

Съ полгода.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Можно бы подумать больше: забыли субординацію; не встаете, когда старшій говоритъ съ вами.

ГЕРАСИМОВЪ.

Виноватъ-съ, я задумался.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ И ЧИНОВНИКЪ ДЛЯ ОСОБЫХЪ ПОРУЧЕНІЙ, И ПОТОМЪ НѢКОТОРЫЕ ПРОСИТЕЛИ.

ЧИНОВНИКЪ.

Выходилъ Князь?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Добраго здоровья-съ. Нѣтъ еще. Не угодно-ли присѣсть?—Молодые люди сидятъ, такъ ужъ намъ позволено. (*Герасимову*) Не годится сударь, о себѣ такъ высоко думать.

ГЕРАСИМОВЪ (*подходитъ къ дежурному и спрашиваетъ тихонько.*)

Позвольте узнать: кто это? Начальникъ канцеляріи?

ДЕЖУРНЫЙ.

Это Экзекуторъ.

ГЕРАСИМОВЪ.

Экзекуторъ? — Покорно благодарю.

(*Уходитъ на прежнее мѣсто.*)

ЧИНОВНИКЪ.

А Никаноръ Петровичъ не былъ еще?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Нѣтъ-съ. — Не хорошо, молодой человѣкъ, такъ забываться. Вѣдь вы не къ своему брату пришли, гдѣ все прапорщики да подпоручики. Вотъ, что называется....

ГЕРАСИМОВЪ.

(*подходитъ къ нему, въ полголоса.*)

Если вы еще не оставите меня въ покоѣ, я васъ.... Знаю, что мнѣ худо будетъ, да и вамъ тоже не хорошо. — Слышали?

(*Садится.*)

ЭКЗЕКУТОРЪ (*про себя.*)

Экой сорванецъ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ; ПОТОМЪ СЕКРЕТАРЬ И МАЛО-ПОМАЛУ ПРОСИТЕЛИ.

(*Начальникъ канцеляріи входитъ запыхавшись; за нимъ несутъ огромный портфель.*)

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

А, здравствуйте. Что, Князь меня не спрашивалъ?

ДЕЖУРНЫЙ.

Нѣтъ-съ.

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Есть у него кто нибудь?

ДЕЖУРНЫЙ.

Алексѣй Алексѣичъ.

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Давно?

ДЕЖУРНЫЙ.

Нѣтъ-съ, не такъ давно.

(*Входитъ Секретарь.*)

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

А, да вотъ и Алексѣй Алексѣичъ! Что это, подписанныя бумаги? Всѣ подписаны?

СЕКРЕТАРЬ.

Кажется, всѣ.

(*Входитъ Изразцова.*)

ИЗРАЗЦОВА (*Секретарю.*)

Позвольте спросить, могу я видѣть Князя?

СЕКРЕТАРЬ.

Князь скоро выйдетъ; не угодно ли вамъ подождать?

ИЗРАЗЦОВА.

Можетъ быть, это долго будетъ. Нельзя ли доложить? — Я 5-го класса, Изразцова.

СЕКРЕТАРЬ.

Нѣтъ-съ, Князь очень занятъ теперь.

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ (*разбираетъ бумаги.*)

А что онъ теперь дѣлаетъ.

СЕКРЕТАРЬ (*тихо.*)

Когда я ушелъ, такъ онъ ногти стригъ.

ИЗРАЗЦОВА.

Такъ вы полагаете, чтобы мнѣ подождать.

СЕКРЕТАРЬ.

Да; у жъ сдѣлайте одолженіе.

ИЗРАЗЦОВА.

Я къ тому говорю, не сталъ бы Князь послѣ сердиться, зачѣмъ обо мнѣ не доложили.

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Гдѣ у васъ таблица о знакахъ? Князь поставилъ тутъ NB желтаго

цвѣта. Я позабылъ, что это значитъ желтое.

СЕКРЕТАРЬ.

Желтый цвѣтъ значитъ, что есть ошибка.

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Да гдѣ же тутъ ошибка? Я не вижу.

СЕКРЕТАРЬ.

Предметъ написано *есть*, а надо *ять*.

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Да, да! Григорій Андреичъ, объявите всѣмъ чиновникамъ съ подпиской, чтобы *предметъ* писать *м*, *т*. Я ужъ тысячу разъ говорилъ. Князь этого терпѣть не можетъ.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Слушаю-съ. (Секретарю.) Что сказалъ Никаноръ Петровичъ? О какомъ предметѣ писать?

СЕКРЕТАРЬ.

Предметъ писать черезъ *т*.

ЧИНОВНИКЪ (*смотритъ таблицу.*)

Скажите, пожалуйста, что это за извѣстіе?

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Это князь выдумалъ, такъ, для сокращенія. Напримѣръ: когда онъ поставитъ на какой нибудь бумагѣ къ подписанію, или на докладной запискѣ, NB, красными чернилами, то это значитъ, что надобно справиться; голубыми — не ясно выражено; желтыми — ошибка или описка, и проч.

ЧИНОВНИКЪ

Это очень остроумно.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Да-съ. Только вотъ я вчера былъ отъ этого въ критическомъ положеніи. Подавалъ я Князю записку о дровахъ. Они (*указывая на Секретаря.*) возвратили мнѣ ее поздно вечеромъ. Я вижу, что стоитъ NB, только при свѣчахъ никакъ не могъ узнать, какія чернила, голубыя или зеленыя. Голубыя чернила, какъ вы изволите знать, значатъ неясность, а зеленыя, чтобы и впредь руководствоваться на этомъ основаніи. Я совершенно не зналъ, что дѣлать, и ужъ утромъ увидѣлъ, что это голубыя чернила, началъ повѣрять записку, и точно, *мыслети* написаны словно *твердо*.

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Кто жъ составлялъ записку эту?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Я самъ-съ, по бывшимъ примѣрамъ.

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Стало быть, вы не читали послѣ.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Какъ не читать-съ! Да вѣрно-съ торопился очень.

ПРОСИТЕЛЬ (*Секретарю.*)

Позвольте спросить, могу я имѣть честь видѣть Князя?

СЕКРЕТАРЬ.

Да-съ; не угодно ли вамъ подождать немного.

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ (*Чиновнику.*)

Сколько сегодня народу. Я боюсь опять задержать Князя.

ЧИНОВНИКЪ.

А вы вѣрно съ докладомъ?

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Какъ-же! Всякій день! Вѣдь вы знаете, сколько поступаетъ бумагъ.

ЧИНОВНИКЪ.

Скажите, когда вы успѣваете ѣздить на дачу?

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Что вы! Какъ на дачу! Я ѣзжу туда только по воскресеньямъ. Когда тутъ!

ЧИНОВНИКЪ.

Цсс! Такъ вы не видитесь съ домашними своими по недѣлъ?

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Что жъ дѣлать! Если бъ была возможность...

ЧИНОВНИКЪ

За то ужъ, я воображаю, какъ вы пріятно проводите воскресенье.

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ

Да, конечно; все таки не обойдется, чтобы не взять домой. (*Показываетъ на бумаги.*)—Дѣла текутъ.

ЧИНОВНИКЪ.

У васъ прекрасная дача на Невѣ. Вы купаетесь?

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Досугъ ли купаться? Поминутно курьеры. Только и дѣла купайся въ чернилахъ. Я не хожу никуда дальше своего саду.

КАМЕРДИНЕРЪ.

Пожалуйте къ Князю

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ,

(*обращаясь къ чиновнику.*)

Видите ли, если бъ я теперь купался!

(*Уходитъ въ кабинетъ.*)

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Вотъ какъ у насъ! Извольте тутъ купаться!

ЧИНОВНИКЪ.

Дѣлецъ Никаноръ Петровичъ!

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Да будешь дѣлецъ, какъ иногда входящихъ бумагъ поступитъ.... ...эдакъ... ужасно много. – Третьяго дня я нечаянно пришелъ въ канцелярію, въ кабинетъ къ Никанору Петровичу: онъ сидитъ за бумагами, и что жъ бы вы думали дѣлаетъ? – спитъ.

ЧИНОВНИКЪ.

Какъ спитъ?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Да надо же когда уснуть человѣку.

ЧИНОВНИКЪ.

Что жъ онъ ночью дѣлалъ?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Что дѣлалъ-съ? Ужъ конечно не спалъ. Иногда случается, что онъ, бѣдный, по три дня въ канцеляріи не бываетъ: столько дѣла накопится, что нѣкогда ходить и въ канцелярію.

ЧИНОВНИКЪ.

Цсс! (*Смотря на часы.*) Я думаю, теперь Князь долго съ нимъ просидитъ.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Да знаетъ ли Князь, что вы здѣсь? Кажется, объ васъ не докладывали.

ЧИНОВНИКЪ.

Нѣтъ; да мнѣ приказано притти.

ИЗРАЗЦОВА.

Нельзя ли доложить обо мнѣ: я Изразцова, 5 класса.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Я нисколько не сомнѣваюсь, что вы 5 класса, да будьте такъ великодушны, сударыня, потерпите немножко. Грѣхъ, право! Вы видите, у Князя теперь человѣкъ, который никогда не знаетъ покоя, труженикъ, можно сказать; а вы и тутъ хотите помѣшать ему. Дайте ему окончить докладъ. Вы передъ Богомъ будете отвѣчать, сударыня.

СЕКРЕТАРЬ (*Дежурному.*)

Если неравно Князь спроситъ меня, такъ скажите, что я уѣхалъ въ департаментъ.

ДЕЖУРНЫЙ.

Хорошо-съ.

(*Секретарь уходитъ.*)

ЧИНОВНИКЪ.

Скажите пожалуйста, Княгиня собирается за границу? Куда она хочетъ?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

На теплыя воды-съ. Только еще не извѣстно скоро ли. Намедни....

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Князь, съ нимъ Начальникъ канцеляріи, и прежніе.

(*просители раскланиваются.*)

КНЯЗЬ.

Нѣтъ возможности! (*Увидѣвъ экзекутора.*) Что вы не сдѣлаете ни какихъ распоряженій на счетъ мухъ въ моемъ кабинетѣ. Тамъ рѣшительно нельзя быть.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Я полагалъ бы, лучше всего мухоморы могутъ....

КНЯЗЬ.

Ну и прекрасно! Зачѣмъ же дѣло стало?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Да такъ, какъ ихъ, ваше сіятельство, во все лѣто понадобится много, такъ я заготовлю записку въ разсужденіи поставки мухоморовъ: сдѣлать ли торги, или....

КНЯЗЬ.

Что за торги! Это дѣло не терпитъ времени. Покуда будутъ торги, да переторжки, такъ мухи умрутъ отъ старости. Купите сами, вотъ и все тутъ.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Слушаю-съ.

(*Уходитъ.*)

КНЯЗЬ.

(*Начальнику канцеляріи, указывая на просителей.*)

Я займусь съ ними, а вы попомните пока за этимъ дѣломъ.

(*Разговариваетъ шопотомъ съ Чиновникомъ для особ. пор., который потомъ раскланивается и уходитъ. Начальникъ канцеляріи въ это время говоритъ съ дежурнымъ.*)

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Сходите теперь въ канцелярію, и спросите тамъ дѣло: о мѣщанинѣ Барановѣ. (*Тихонько.*) Посмотрите, есть ли опись, перебѣлены ли отпуски? Ежели дѣло не въ исправ-

ности, такъ вы принесите сюда какое нибудь другое дѣло, похожее, какъ будто по ошибкѣ, а между тѣмъ скажите, чтобы поскорѣй исправили.

ДЕЖУРНЫЙ

Слушаю-съ.

(*Уходитъ.*)

ИЗРАЗЦОВА (*въ полголоса.*)

Смѣю ли безпокоить просьбою ваше сіятельство? Я 5 класса, Изразцова....

КНЯЗЬ.

Что вамъ угодно?

ИЗРАЗЦОВА.

У васъ производится дѣло по моей просьбѣ. Я подала ее мѣсяца три тому назадъ, такъ вотъ я желала бы....

КНЯЗЬ.

Объ чемъ ваше дѣло?

ИЗРАЗЦОВА.

Объ этомъ... ну вотъ.... о противузаконномъ поступкѣ... извѣстно вамъ безъ сомнѣнія... Изразцовой дѣло...

КНЯЗЬ.

Что же вы хотите?

ИЗРАЗЦОВА.

Я бы желала узнать, въ какомъ положеніи теперь дѣло это находится.

КНЯЗЬ.

Не угодно ли вамъ будетъ справиться объ этомъ въ канцеляріи: у меня на дому дѣла не пропзводятся.

ИЗРАЗЦОВА.

Конечно-съ; да посудите, какъ же мнѣ самой итти въ канцелярію, гдѣ все одни мужчины. Ну, а посылать кого нибудь я также не хочу: это значило бы еще больше разглашать... дѣло такого рода....

КНЯЗЬ (*начальнику канцеляріи.*)

Вы не помните ли, что сдѣлано по ихъ..... по Изразцовой просьбѣ?

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Да еще собираются свѣдѣнія.

ИЗРАЗЦОВА.

Ахъ, Боже мой! Я думала, что уже скоро къ концу.

(*Изразцова разговаривала не совсѣмъ громко. Князь подошелъ къ другому просителю и читаетъ просьбу.*)

Такъ собираются свѣдѣнія? Прощайте, ваше сіятельство. Извините меня.

(*Князь не слышитъ.*)

(*погромче*) Прощайте, ваше сіятельство.

(*Князь все не слышитъ.*)

(*тихо*) Какъ это скучно! — Ваше сіятельство!

КНЯЗЬ.

Что изволите?

ИЗРАЗЦОВА.

Прощайте-съ.

КНЯЗЬ.

Прощайте, прощайте.

(*Просителю.*)

Хорошо-съ.

(*Проситель уходитъ и Изразцова такъ же.*)

(*Беретъ просьбу у Герасимова.*)

Вы желаете опредѣлиться въ канцелярію на мѣсто сто. іоначальника?

ГЕРАСИМОВЪ.

Да-съ; или хоть исправляющимъ должность.

КНЯЗЬ.

Я не знаю право.... Чинъ вашъ.... Да вы еще не были совсѣмъ въ гражданской службѣ, такъ вдругъ столоначальникомъ....

ГЕРАСИМОВЪ.

Я пять мѣсяцевъ исправлялъ должность баталіоннаго адьютанта.

КНЯЗЬ.

Помилуйте, это что такое....

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Ваше сіятельство, ваканціи столоначальника теперь и нѣтъ въ канцеляріи; была одна, да уже съ недѣлю замѣщена.

КНЯЗЬ.

А! ну такъ что жъ и толковать по пустому. — Вы слышали: ваканціи нѣтъ тамъ...

ГЕРАСИМОВЪ, (*раскланиваясь:*)

Извините, что я безпокоилъ ваше сіятельство.

(*Уходитъ.*)

КНЯЗЬ (*чиновнику:*)

Вы, что скажите?

ЧИНОВНИКЪ.

Я отправляюсь завтра, такъ пришелъ откланяться вашему сіятельству.

КНЯЗЬ.

А! ну съ Богомъ!

ЧИНОВНИКЪ.

Не изволите — ли еще приказать чего?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, кажется ничего. Поѣзжайте.

(*Чиновникъ уходитъ.*)

(*Гусева, съ платкомъ на головѣ, подаетъ просьбу:*)

КНЯЗЬ.

Что это? Я ничего не разберу. Кто писалъ эту просьбу? и не подписано даже имяни.

ГУСЕВА.

Золовкинъ племянникъ, батюшка, писалъ. Онъ въ желѣзномъ ряду торгуетъ. Не взыщите, ваше превосходительство; сама-то я не грамотная, вдовье дѣло; вижу, что другіе, какъ-то, по-аккуратнѣе, пишутъ. Жалѣю, что не попросила офиціанта, Алексѣя Иваныча: онъ пишетъ деликатно....

КНЯЗЬ.

Да въ чемъ же дѣло?

ГУСЕВА.

А вотъ, смѣю просить вашу милость... (*Плачетъ.*)

КНЯЗЬ.

Объ чемъ же просишь?

ГУСЕВА.

Объ харчевнѣ, батюшка.

КНЯЗЬ.

Какъ, объ харчевнѣ?

ГУСЕВА.

Да-съ, позволить, завести мнѣ харчевню. Окажите эту Божескую милость, ваше превосходительство.

КНЯЗЬ.

Да это совершенно не отъ меня зависитъ.

ГУСЕВА.

Какъ же? Отъ васъ.

КНЯЗЬ.

Кажется, я долженъ лучше знать.

ГУСЕВА.

Да я слышала, на-вѣрное, что отъ васъ, батюшка.

КНЯЗЬ.

Такъ, это не правда выходитъ.

ГУСЕВА

Экая причина! Ахъ, ты Господи! А все это, Данило Гаврилычь, вражій сынъ. — Я де-скать, знаю! — Чтобъ ему ни дна, ни покрышки. Прости-те, батюшка! (*уходя:*) Да и я-то, шальная, нашла у кого спрашивать!... Ахъ ты, Владычица!...

(*Всѣ просители ушли, кромѣ Михайлова.*)

КНЯЗЬ.

Вамъ что угодно?

МИХАЙЛОВЪ, (*оглядываясь:*)

Сынъ мой, Михайловъ, служитъ, въ Канцеляріи вашего сіятельства. Онъ вѣроятно, подалъ прошеніе, о дозволеніи сочетаться бракомъ...

КНЯЗЬ.

Ну-съ?

МИХАЙЛОВЪ.

Такъ, я бы просилъ, ваше сіятельство, не давать ему позволенія.

КНЯЗЬ.

Что такое?

МИХАЙЛОВЪ.

Да онъ хочетъ жениться, на своей кухаркѣ.

КНЯЗЬ.

Развѣ онъ васъ не слушаетъ?

МИХАЙЛОВЪ.

Что-жъ дѣлать-съ! А боюсь что-бъ онъ не обвѣнчался тихонько. Прикажите, ваше сіятельство, протянуть это на недѣлю, потомъ, будетъ постъ, и я приму какія нибудь мѣры.

КНЯЗЬ.

Хорошо-съ.

МИХАЙЛОВЪ.

Чувствительнѣйше благодарю, ваше сіятельство.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

КНЯЗЬ И НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

КНЯЗЬ.

Ну, всѣ, слава Богу. У васъ есть бумаги?

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Есть, одна записка.

КНЯЗЬ.

Велика?

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Нѣтъ-съ. (*Читаетъ:*) «По прошенію иностранца Биргефена, о запрещеніи, 12 класса Турму, ловить «воронъ.

КНЯЗЬ.

Что такое? ловить воронъ?...

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Да-съ, о запрещеніи, 12 класса Турму, ловить воронъ. Турмъ этотъ служитъ у насъ въ канцеляріи, такъ одинъ иностранецъ подалъ о томъ прошеніе. Онъ не жаловался Полиціи, потому, что хочетъ, чтобы это кончилось безъ огласки.

КНЯЗЬ.

Да какая надобность ему запрещать? — Читайте.

начальникъ канцеляріи (*читаетъ.*)

«Саксонскій уроженецъ, Эристъ Биргефенъ, въ поданномъ на имя вашего сіятельства прошеніи, изъясняетъ, что по многолѣтнихъ опытахъ, нашелъ онъ средство сдѣлать годнымъ къ употребленію въ пищу мясо воронъ и галокъ, и извлекать значительныя выгоды изъ ихъ перьевъ и пуху. Устроивъ особенную, совершенно новаго рода, западню, для ловли вышеупомянутыхъ птицъ, онъ имѣлъ намѣреніе просить на то привилегіи, и потомъ, для приведенія въ дѣйство предпріятія сего, составить компанію на акціяхъ. Биргефенъ, надѣялся принести тѣмъ самымъ большую пользу промышленности, и открыть новый источникъ народнаго богатства. Служащій въ канцеляріи, чиновникъ Турмъ, которому онъ, Биргефенъ, по знакомству, объявилъ о намѣреніи своемъ, успѣлъ выѣдать объ устройствѣ назначеной западни. и самымъ коварнымъ образомъ, сдѣлавши нѣсколько таковыхъ, по образцу оной, занимается уже на Крестовскомъ, въ лѣсу, ловлею помянутыхъ птицъ.

Биргефенъ присовокупляетъ, что подобныя дѣйствія Турма, какъ неправильныя, и заключающія въ себѣ болѣе, или менѣе, прямое похищеніе собственности, не соотвѣтствуютъ правиламъ благороднаго человѣка, и будутъ вредны, для него, Биргефена, на случай, могущей послѣдовать привилегіи, и не желая заводить съ нимъ формальнаго процесса, проситъ впушить ему, Турму, всю несправедливость его поступка, и вмѣстѣ съ тѣмъ, обязять подпиской, что онъ не будетъ болѣе ловить оныхъ птицъ съ помощію, вышепомянутой западни, а равно, не будетъ разглашать секрета, касательно вороньяго мяса и пуху.

12 класса, Турмъ, отозвался, что извѣтъ на него, иностранца Биргефена, не имѣетъ никакого основанія потому, 1.) Хотя онъ ловитъ воронъ, впрочемъ, для собственнаго удовольствія, безъ всякаго, для Биргефена, вредительнаго намѣренія, но по сіе время, не могъ поймать ни единой подобной птицы, да и, какъ слышалъ отъ знающихъ людей, птицъ сихъ, западнею поймать не возможно. 2.) Западню свою, сдѣлалъ онъ вовсе не по образцу Биргефеновой, а по образцу, таковой, купленной имъ, въ птичьемъ ряду, устроивъ оную только гораздо въ большемъ размѣрѣ и съ нѣкоторыми измѣненіями, собственнаго изобрѣтенія. Что касается до просьбы Биргефена, обязать его, Турма, подписью, не ловить воронъ и не разглашать секрета о способѣ приготовленія мяса ихъ и обработываніи пуху, чиновникъ сей объявилъ, что онъ ловитъ означенныхъ птицъ, какъ выше упомянулъ, для собственнаго удовольствія, чего ему никто воспретить не можетъ, а разглашать секрета, не намѣренъ и самъ, потому уже только, чтобы не прослыть въ обществѣ за сумаброднаго человѣка.

Канцелярія, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла сего, и не входя въ изслѣдованіе касательно западни Турма, сдѣланной яко бы по образцу Биргефеновой, равно какъ и о секретѣ послѣдняго, такъ какъ сіе не относится до ея сужденія, —

находитъ, что еслибы 12 класса Турмъ и въ самомъ дѣлѣ ловилъ воронъ и галокъ, сего ему воспретить нельзя, ибо птицы сіи, какъ видно изъ Указа Прав. Сената отъ 17 Іюля 1763 года, суть хищныя, которыхъ дозволено истреблять всякимъ образомъ. Посему канцелярія полагаетъ объявить Биргефену, что воронъ и галокъ въ Имперіи Россійской находится весьма значительное число и кромѣ тѣхъ, кои существуютъ на Крестовскомъ Острову и всѣ онѣ имѣютъ, безъ сомнѣнія, одинаковыя качества, слѣдовательно ловленіе оныхъ птицъ Турмомъ не сдѣлаетъ никакого ущерба, да и по существующему положенію воспрещено быть не можетъ. Относительно же предметовъ, касающихся привиллегіи, предоставить Биргефену обратиться куда слѣдовать будетъ, на основаніи законовъ.

Канцелярія имѣетъ честь представить о семъ на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства.»

КНЯЗЬ.

Прекрасно! – Исполнить; (*подписываетъ.*) Ну, а больше у васъ нѣтъ бумагъ?

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Нужныхъ нѣтъ-съ.

КНЯЗЬ.

А что дѣло о Баронессѣ не принесли еще?

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Я послалъ давно: теперь вѣрно скоро.... Можетъ быть надо какую нибудь выписку сдѣлать.

КНЯЗЬ, (*смотря на часы*).

Ну да ужъ оставить это до завтра; мнѣ пора въ комитетъ.

КАММЕРДИНЕРЪ (*приноситъ пакетъ.*)

Сейчасъ принесли.

КНЯЗЬ.

Готова карета?

КАМЕРДИНЕРЪ.

Готова-съ.

КНЯЗЬ.

Шляпу. – (*Читаетъ*) – А! Пожалуйста напишите отвѣтъ отъ моего имени, какъ это было у насъ въ такомъ же случаѣ, да поскорѣе: это нужное.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ (*пишетъ*), потомъ КНЯГИНЯ.

КНЯГИНЯ.

Здравствуйте. А что Галактіонъ Семеновичъ еще дома?

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Уѣхалъ сію минуту въ комитетъ.

КНЯГИНЯ.

Какой комитетъ? сегодня пятница.

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Да-съ, экстренное засѣданіе.

КНЯГИНЯ.

Да, да! Я и забыла. Объ чемъ бы это могло быть? Вы не знаете?

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Нѣтъ-съ.

КНЯГИНЯ.

Это очень любопытно. Для меня такъ интересно знать это, что я бы готова спрятаться въ комитетѣ подъ столомъ и просидѣть тамъ все время, чтобы только слушать объ чемъ будутъ говорить. Надобно непремѣнно узнать. Ну, а что отчетъ нашъ?

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Готовъ-съ.

КНЯГИНЯ.

Браво! Вы не помните сколько было исходящихъ?

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Да слишкомъ 5400.

КНЯГИНЯ.

Ого! Ну, а не рѣшенныхъ дѣлъ много осталось?

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Кажется 128.

КНЯГИНЯ.

128. Прошлаго года было 135. A propos, что дѣло Изразцовой?

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Еще не кончено-съ. Она сама приходила сегодня сюда справляться.

КНЯГИНЯ.

Вотъ какъ. А у кого это дѣло въ столѣ?

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Оно было въ столѣ у Лабазникова, котораго недавно уволили.

КНЯГИНЯ.

У него? Бѣдненькій! Мнѣ его жаль.

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Какъ же быть! Потерялъ дѣло на улицѣ; фонарщикъ поднялъ, да и представилъ въ часть. Князь очень гнѣвался. Нельзя было ни какъ пособить.

КНЯГИНЯ.

Ужъ эти фонарщики вѣчно суются, гдѣ ихъ не спрашиваютъ. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть хорошо-ли горятъ фонари, эти господа расхаживаютъ только по улицамъ, да подбираютъ дѣла. По крайней мѣрѣ аттестатъ дадутъ хорошій?

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Да-съ, кажется.

КНЯГИНЯ.

Онъ просилъ меня написать Марьи Петровнѣ, — а ужъ та укажетъ, что дѣлать.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ДЕЖУРНЫЙ И ПРОЧІЕ.

КНЯГИНЯ.

Ахъ! Вы сегодня дежурные? Я очень рада! Я вамъ могу дать маленькое порученіе. (*Начальнику канцеляріи.*)

Вы позволите имъ съѣздить въ Голландскій магазинъ, на полчаса.

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Помилуйте ваше сіятельство...

КНЯГИНЯ.

Я очень довольна вашей покупкой; мнѣ и самой не съумѣть бы лучше. Сейчасъ видно у кого есть сестрицы. — Такъ вотъ, сдѣлайте

одолженіе, купите еще той матеріи полтора аршина, или дайте-ка, я лучше прикину, чтобы опять не ошибиться....

(*Уходитъ.*)

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Что вы такъ долго?

ДЕЖУРНЫЙ.

Нѣкому было скрѣпить отпуски-съ.

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Вѣдь я сказалъ, принести въ такомъ случаѣ какое нибудь другое дѣло.

ДЕЖУРНЫЙ.

Похожія дѣла также не совсѣмъ исправны.

НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ;

(*Махнувъ рукой.*)

Запечатайте это, да отправьте поскорѣе. Напишите: *нужное.*

(*Уходитъ.*)

ДЕЖУРНЫЙ

Свѣчку! (*Запечатываетъ*) Отдайте курьеру, чтобы онъ поскорѣе отвезъ: нужное.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ДЕЖУРНЫЙ, ЭКЗЕКУТОРЪ, И ПОТОМЪ ЛАКЕЙ

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Что это, вы посылаете куда нибудь?

ДЕЖУРНЫЙ.

Да-съ

ЭКЗЕКУТОРЪ.

(*Увидя на полу слѣды.*) Скажите, какой это неучъ приходилъ сюда, и не вытеръ ногъ прежде? Вы не видали?

ДЕЖУРНЫЙ.

Не знаю; я не былъ здѣсь.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Стало быть....

ЛАКЕЙ (*приноситъ письмо.*)

Вотъ, сударь, пакетъ вашъ: нѣкого послать теперь.

ДЕЖУРНЫЙ.

А что курьеры дѣлаютъ?

ЛАКЕЙ.

Одинъ ужъ давно уѣхалъ съ пакетами; другой....

ДЕЖУРНЫЙ.

Пустяки, ничего еще не посылали.

ЛАКЕЙ.

Не могу знать-съ, онъ такъ сказывался по крайней мѣрѣ; другой посланъ къ Баронессѣ.... Какъ ихъ.. да; Фабель.... къ Баронессѣ Фабель, узнать о здоровьи попугая....

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Ну, а третій?...

ЛАКЕЙ.

Третьяго-съ ключница посылаетъ въ милютины лавки за прованскимъ масломъ.

ДЕЖУРНЫЙ.

Вотъ прекрасно! Ты бы сказалъ, что пакетъ нужный.

ЛАКЕЙ.

Я сказывалъ-съ, да она говоритъ, что масло еще нужнѣе.

ДЕЖУРНЫЙ.

Что жъ она сама нейдетъ или не пошлетъ кого нибудь другаго?

ЛАКЕЙ.

Не знаю-съ, говоритъ что курьеръ бывалъ, что онъ знаетъ.

ДЕЖУРНЫЙ.

Что же дѣлать, Григорій Андреичъ!

ЭКЗЕКУТОРЪ.

А кому этотъ пакетъ? (*Смотритъ.*) Постойте-ка.... Счастливая мысль!... (*Лакею.*) Позови кучера. Онъ сейчасъ ѣдетъ въ кузницу, такъ вотъ пускай и завезетъ; ему по дорогѣ будетъ

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

КНЯГИНЯ и ДЕЖУРНЫЙ.

КНЯГИНЯ.

Вотъ вамъ образчикъ; возьмите еще полтора аршина. Да скажите Голландцамъ, чтобъ они подали счетъ; я думаю, ужъ много накопилось?

ДЕЖУРНЫЙ.

Ваше сіятельство, а ежели тамъ нѣтъ больше этой матеріи?

КНЯГИНЯ.

Какъ це быть! Ну, если нѣтъ, такъ спросите въ англійскомъ магазинѣ, или гдѣ хотите, только, пожалуйста, поскорѣе; я буду дожидаться.

(*Дежурный уходитъ.*)

Не забудьте: полтора аршина.

ЯВЛЕНІЕ XV.

КНЯГИНЯ; (*разсматриваетъ бумаги, которыя лежатъ на столѣ; входитъ* ЭКЗЕКУТОРЪ.

А, Григорій Андреевичъ, что скажете?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Ваше сіятельство изволили приказать мнѣ заготовить письмо къ графу Дарамкову, по дѣлу вдовы Пестровой.

КНЯГИНЯ.

Ахъ, да. Покажите. (*Читаетъ.*)

«Милостивый государь,

«Графъ Аѳонасій Тимоѳеевичъ!

«Въ письмѣ моемъ, отъ 3 числа текущаго мѣсяца, я обращалась къ «вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою объ учиненіи завися«щаго отъ васъ, милостивый государь, распоряженія, касательно «того, чтобы дѣло вдовы Пестровой «приведено было къ скорѣйшему «окончанію. Означенная вдова....

— Знаете ли что, я лучше сама поговорю объ этомъ съ графомъ; я увижусь съ нимъ завтра.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Какъ угодно-съ.

КНЯГИНЯ.

Да, это лучше будетъ.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Маленькій горбатый чиновникъ приходилъ вчера опять.

КНЯГИНЯ.

Звѣревъ? Я обѣщала опредѣлить его куда нибудь, а у насъ нѣтъ теперь ваканціи. Мнѣ жаль его, право. Надобно будетъ попросить Тонкогорлова. Да вотъ, вы напишите ему, что податель письма такой-то... ну, что, онъ уродъ.... что ему нечего ѣсть,... что я принимаю участіе въ этомъ чиновникѣ и прошу сдѣлать мнѣ удовольствіе опредѣлить Звѣрева на мѣсто помощника журналиста. Вѣдь ему того и хочется?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Да-съ.

КНЯГИНЯ.

Ну, и напишите такъ.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

То есть, вы изволили сказать что желаете сдѣлать себѣ удовольствіе и просите принять въ томъ участіе.

КНЯГИНЯ.

Ахъ нѣтъ! я принимаю въ немъ участіе и прошу.... Да ужъ лучше я вамъ продиктую, а то вы опять напутаете: это надо написать хорошенько. — Какъ зовутъ Тонкогорлова, Спиридонъ Осипычь или Осипъ Спиридонычь? Я что-то не помню. Посмотрите въ адресъ - календарь. Ну что, нашли? — А?— Дайте, ужъ я сама...

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Сію минуту. Спиридонъ Осипычь.

КНЯГИНЯ.

Спиридонъ Осипычь? Точно? Ну пишите.

(*Экзекуторъ садится писать*)

КНЯГИНЯ (*диктуетъ.*)

«Милостивый государь, Спиридонъ Осиповичь! Податель сего письма, Коллежскій Секретарь».... Вѣдь онъ Коллежскій Секретарь?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Да-съ.

КНЯГИНЯ.

«Коллежскій Секретарь, Звѣревъ, «есть человѣкъ, весьма обиженный «природой, какъ-то: онъ горбатъ «сзади и спереди.»

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Сзади и спереди.

КНЯГИНЯ.

Точка.» Сей чиновникъ обладаетъ «всѣми прекрасными качествами, но, «получая довольно скудное жало«ванье и питая изъ онаго престарѣлую родительницу свою и пятерыхъ сестеръ»....

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Осмѣлюсь доложить вашему сіятельству: у него только двѣ сестры.

КНЯГИНЯ.

Двѣ? Ну что такое, напишите пять: кто ихъ пойдетъ свидѣтельствовать!... «Пятерыхъ сестеръ, «проситъ ходатайства моего для «предложенія на службу въ депар«таментъ, состоящій подъ вѣденіемъ «Вашего Превосходительства.» Написали? «Имѣя въ виду горестное «положеніе сего чиновника,» нѣтъ, «онаго чиновника» въ скобкахъ: «на которое нельзя зрѣть безъ со«страданія, и принимая въ немъ «живѣйшее участіе, я предаю зло«получнаго Звѣрева на Ваше, ми«лостивый государь, благосклонное «расположеніе.» — Точка. «Помѣ«стите сего гонимаго судьбою чело«вѣка на ваканцію помощника жур«налиста. Вы окажете личное для «меня одолженіе, не говоря о тѣхъ «плодахъ, которые растутъ»....

(*Экзекуторъ смотритъ съ удивленіемъ.*)

Нѣтъ, нѣтъ, постойте! «Не гово«ря уже о томъ, что подобныя дѣ«ла милосердія приносятъ плоды «тамъ, за дверями гроба.» Это хорошо сказано. Ну теперь, «съ со«вершеннымъ почтеніемъ»....

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Позвольте, я тутъ подчищу немного. Я послушался: вмѣсто одолженія написалъ предложеніе.

КНЯГИНЯ.

Поправили? Ну дайте. Ахъ, Боже мой, сколько вы занятыхъ наставили! — (*Подписываетъ.*)

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Если много кажется, такъ можно-съ выскоблить. Кто какъ любитъ.

КНЯГИНЯ.

Да нѣтъ ужъ, разумѣется выскоблите нѣкоторыя.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Прикажите, ваше сіятельство, послать сегодня письмо это?

КНЯГИНЯ.

Какъ послать! Отдайте Звѣреву, пускай онъ самъ отнесетъ. Развѣ вы забыли, что онъ податель?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Точно-съ; виноватъ.

КНЯГИНЯ.

Ну, а списокъ чиновникамъ нашимъ, которые не женаты, вы принесли?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Какже-съ. Вотъ-съ.

КНЯГИНЯ (*читаетъ.*)

«Петръ Ивановичъ Трубачистовъ, «Коллежскій Совѣтникъ, Орденовъ «Св. Станислава 2-й ст. и Св. Вла«димира 4-й ст. Кавалеръ, имѣетъ «бронзовую медаль 1812 года и «знакъ отличія безпорочной служ«бы за XXX лѣтъ.» Только? А есть-ли у него какое состояніе, вы и не написали. Это бы тутъ очень не мѣшало; а знакомъ отличія безпорочной службы женихи хватать не должны: невѣстѣ вовсе не интересно знать, что нарѣченный ея состоитъ 40 лѣтъ на службѣ. Когда-то вы будете умнѣе, Григорій Андреичъ?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

У него ничего нѣтъ-съ.

КНЯГИНЯ.

Старикъ, ничего не имѣетъ! Чтожъ въ немъ толку?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Прекрасный человѣкъ-съ.

КНЯГИНЯ.

Скажите! – Посмотримъ, кто тамъ еще. Какія ужасныя фамиліи! Неуже-ли въ самомъ дѣлѣ есть такая фамилія: «Горшокъ?»

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Да-съ; онъ изъ Малороссіянъ. Впрочемъ онъ вдовецъ и заклялся, что никогда больше не женится.

КНЯГИНЯ.

Передъ нимъ! – Не нужно бы его и писать.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Да чтобъ не пропустить кого нибудь.

КНЯГИНЯ.

«Веленицкій,» – какой это Веленицкій? Не тотъ-ли, который теперь исправляетъ должность секретаря?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Тотъ-самый-съ.

КНЯГИНЯ.

А! Чего же лучше! У него есть что нибудь?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Кажется, гладко-съ.

КНЯГИНЯ.

Ну да какъ получитъ хорошее мѣстечко.... А что вы не знаете, онъ расположенъ жениться?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Еслибъ намекнуть, такъ я думаю почему бы....

КНЯГИНЯ.

А куда онъ теперь ушелъ?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Немогу знать-съ, только, кажется хотѣлъ скоро притти.

КНЯГИНЯ.

Сколько онъ получаетъ жалованья?

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Двѣ тысячи. Да чуть не забылъ сказать: говорятъ, онъ хлопочетъ попасть на мѣсто Петухова въ Воронежъ.

КНЯГИНЯ.

Ну и прекрасно! Это славное мѣсто; я знаю. Акулина Марковна....

ЯВЛЕНІЕ XV.

СЕКРЕТАРЬ И КНЯГИНЯ.

(Экзекуторъ вскорѣ уходитъ.)

КНЯГИНЯ.

А, здравствуйте! Мы только что объ васъ говорили. Правда ли это, что вы хотите насъ оставить?

СЕКРЕТАРЬ.

Да; я думаю ѣхать въ Воронежъ.

КНЯГИНЯ.

Что вамъ такъ вздумалось? Наскучило здѣсь?

СЕКРЕТАРЬ

Батюшка хочетъ: онъ старъ, я теперь одинъ.

КНЯГИНЯ.

Да, ну конечно. Вы тамъ намѣрены служить?

СЕКРЕТАРЬ.

Да; я бы желалъ опредѣлиться куда нибудь.

КНЯГИНЯ.

Трудно найти скоро хорошее мѣсто.

СЕКРЕТАРЬ.

Что жъ дѣлать, ваше сіятельство!

КНЯГИНЯ.

Жаль, право, что вы уѣдете отъ насъ.

(Секретарь кланяется.)

КНЯГИНЯ.

(Хочетъ уйти, потомъ опять возвращается.)

Я васъ хотѣла спросить что-то.... Ахъ, да: скажите, пожалуйста, вы женаты, или нѣтъ?

СЕКРЕТАРЬ.

Нѣтъ.

КНЯГИНЯ.

Нѣтъ? Вообразите, мнѣ все казалось, что вы женаты; я бы готова спорить объ этомъ, а вы, можетъ быть, никогда и не помышляли о женитьбѣ.

СЕКРЕТАРЬ.

Почему же; если судьба....

КНЯГИНЯ.

Конечно; для чего не жениться?

(Хочетъ уйти, потомъ возвращается.)

A propos, хотите, я вамъ найду невѣсту?

(Секретарь кланяется.)

КНЯГИНЯ.

Вы видали Вариньку, воспитанницу мою?

СЕКРЕТАРЬ.

Да, я имѣлъ удовольствіе видѣть одинъ разъ.

КНЯГИНЯ.

Видѣли? Ну, какъ вамъ кажется? Она не дурна. Женитесь-ка на ней. А? Кромѣ шутокъ.

СЕКРЕТАРЬ (*кланяется*)

Я не знаю, еще что угодно будетъ сказать на это Варварѣ Николаевнѣ....

КНЯГИНЯ.

Ужъ это не ваша забота. Она круглая сирота; вы сдѣлаете доброе дѣло. А? Я прошу васъ, для меня.

(*Секретарь кланяется.*)

КНЯГИНЯ.

Ну, рѣшайтесь скорѣй. Какъ не стыдно! Васъ проситъ дама.

СЕКРЕТАРЬ

Ваше сіятельство.... если вамъ такъ угодно.... я готовъ.... я очень радъ....

ЛАКЕЙ.

Генеральша Сѣновалова.

КНЯГИНЯ.

Проси. — Мнѣ это очень пріятно. Я ни сколько не сомнѣвалась въ вашей добродѣтели. Вы можете надѣяться, что если что только отъ меня зависѣть будетъ.... (*Входитъ Сѣновалови.*) Ахъ, Марья Ивановна!

Сѣновалова.

Я къ вамъ, матушка Княгиня, на счетъ вашей Вариньки.... Добрыя вѣсти!...

Княгиня.

Пожалуйте.... (*Уходитъ съ нею въ свои комнаты.*)

(*Секретарь ходитъ задумавшись по горницѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ XVI.

СЕКРЕТАРЬ, ПОТОМЪ ВБѢГАЕТЪ ЭКЗЕКУТОРЪ.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Скажите, гдѣ Княгиня? Къ ней письмо въ собственныя руки.

СЕКРЕТАРЬ.

Кто-то пріѣхалъ къ ней.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

Все равно; надо подать. (*Уходитъ въ комнаты Княгини.*)

(*Секретарь опять прохаживается, задумавшись.*)

ЭКЗЕКУТОРЪ.

(*кричитъ въ дверяхъ.*)

Вамъ жениться не надобно. Сейчасъ получила Княгиня предложеніе. Выгодная партія. Княгиня приказала сказать вамъ это.

(*Обращаясь въ комнаты Княгини.*)

Сію минуту-съ. (*Секретарю.*) Она, говоритъ, что очень довольна вашимъ усердіемъ, обѣщается за то похлопотать о мѣстѣ для васъ, и говоритъ: что ваша добродѣтель восторжествуетъ.

(*Секретарь радуется.*)

КОНЕЦЪ.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ

МОЕЙ ЮНОСТИ.

Всѣмъ извѣстно, какое вліяніе имѣетъ литература на нравы общества и на ходъ образованности. Но сценическія зрѣлища, которыя суть не что иное, какъ литература въ дѣйствіи (en action), производятъ большее впечатлѣніе въ умахъ, потому что, представляя намъ прошлое и настоящее въ живыхъ, одушевленныхъ картинахъ, преподаютъ, такъ сказать, осязательные уроки общественной и семейной жизни. Отъ того, въ старину, называли театръ *школою нравовъ*. Хорошій театръ есть важное пособіе къ воспитанію, не только настоящаго поколѣнія, но и будущаго, разумѣя подъ словомъ воспитаніе преобразованіе нравовъ общества. Подъ названіемъ *хорошаго* театра, понимаю я отличную труппу артистовъ и занимательный репертуаръ. Одно безъ другаго процвѣтать не можетъ. Писатели возбуждаются къ труду талантливыми артистами; артисты одушевляются хорошими піесами. Основаніемъ всему служитъ умное театральное управленіе.

Теперь почти въ цѣлой Европѣ исчезаетъ истинная аристократія, эти, такъ сказать, природные вельможи, или, какъ говорится по Русски: *барство* и *бары*. Все теперь уравнивается, слѣдуя общимъ европейскимъ обычаямъ, и къ этому ведетъ и нынѣшній образъ жизни, и нравы, и даже одежда. Теперь камердинеръ точно такъ одѣтъ, какъ его баринъ, и они, встрѣчаясь на гульбищѣ, раскланиваются, какъ знакомые! Я еще видѣлъ русскихъ баръ, или вельможъ, въ полномъ значеніи этого слова! Я помню еще Льва Александровича Нарышкина, помню Графа Александра Сергѣевича Строганова, истинныхъ русскихъ бояръ по патріотизму, гостепріимству, щедрости и добродушію, которые могли бы служить образцами вельможамъ (grands seigneurs) Двора Лудовика XIV, по утонченности, образованности, просвѣщенію и любви ко всему изящному, высокому! Все, что только отличалось умомъ, талантомъ, чѣмъ нибудь необыкновеннымъ — все толпилось въ домахъ Л. А. Нарыш-

кина и Графа А. С. Строганова. Прекрасныя, умныя и даровитыя дамы высшаго круга и бѣдныя дворяники, знаменитыя артистки и художницы, встрѣчались въ залахъ сихъ вельможъ, среди государственныхъ мужей, высшихъ чиновниковъ, блистательнаго юношества, знати, и гдѣ находили почетное мѣсто поэты, литераторы, артисты, художники. — Всѣ были какъ въ родномъ домѣ у Л. А. Нарышкина и Графа А. С. Строганова. Дачи ихъ были публичными гульбищами; столъ открытъ для всѣхъ представленныхъ однажды; балы — для цѣлаго города, а кромѣ того, ежедневные вечера служили мѣстомъ свиданія всѣмъ любителямъ изящнаго. — Что было тогда въ Петербургѣ — трудно повѣрить! Теперь отъ таланта отворачиваются, если онъ не идетъ путемъ искательства, а тогда искали талантовъ, холили ихъ, лелѣяли, нѣжили! Спросите у стариковъ (напримѣръ, у И. А. Крылова): они вамъ поразскажутъ, а можетъ быть, и прольютъ слезу, на гробѣ русскаго барства!

По кончинѣ Льва Александровича Нарышкина, сынъ его, Александръ Львовичъ, наслѣдовалъ всѣ барскія его добродѣтели, все изящество вкуса, все русское гостепріимство, и сталъ, такъ сказать, главою высшаго общества. Ростъ, пріемы, красота лица Александра Львовича, привлекали къ нему взоры, а любезность очаровывала сердца. Остроумный, какъ Ришелье, колкій, какъ Рокелоръ, веселый, ласковый, привѣтливый, онъ былъ душею каждаго общества, а въ домѣ своемъ единственный хозяинъ. Имѣя основательныя понятія обо всѣхъ искусствахъ, будучи даже истиннымъ знатокомъ музыки и живописи, любя и зная литературу, Александръ Львовичъ былъ, такъ сказать, созданъ на званіе директора театровъ. Здѣсь онъ былъ точно въ своей сферѣ. Какъ знатный баринъ тогдашняго времени, онъ не могъ заниматься хозяйственными мелочами. Въ этомъ отношеніи, онъ всегда полагался на другихъ. Онъ смотрѣлъ на вещи съ высока, и видѣлъ во всемъ одно изящное, и отъ того хозяйственная машина театральнаго управленія двигалась медленно. Но не взирая на то, что артисты претерпѣвали иногда отъ замедленія въ хозяйственныхъ расчетахъ, всѣ они любили душевно своего директора, всѣ старались угождать ему, заслужить его благоволеніе — и дѣло искусства шло превосходно. Александръ Львовичъ Нарышкинъ зналъ хорошо, что общіе недостатки всѣхъ артистовъ и литераторовъ суть раздражительность и утонченное самолюбіе; зналъ онъ, что безъ этихъ недостатковъ не было бы ни артистовъ, ни литераторовъ, а потому и умѣлъ обходиться съ этими болѣзненными частями ихъ сердца, какъ искусный докторъ. А. Л. Нарышкинъ былъ вѣжливъ, деликатенъ съ артистами, не фамиліярился съ ними, но обходился ласково, по-барски, покровительствовалъ имъ, гдѣ и какъ могъ, входилъ въ ихъ положеніе, мирилъ или дружилъ между собою, и былъ настоящимъ отцемъ великаго семейства артистовъ и литераторовъ. «Господа, прошу васъ!«

въ устахъ А. Л. Нарышкина значило болѣе всѣхъ строжайшихъ приказаній. «Господа — я недоволенъ!» приводило въ отчаяніе, болѣе нежели штрафы и аресты, а слово «благодарю» возбуждало восторгъ. А. Л. Нарышкина любили — а въ искусствахъ только любовью можно двигать сердца.

Безспорно, что природа создаетъ таланты, но для образованія ихъ нужно много условій. Природа только кладетъ въ душу искру, которая погаснетъ, если образованіе не поможетъ воспламененію, и природныя способности могутъ принять дурное направленіе безъ ученія и образцовъ. Литераторы и драматическіе артисты должны слѣдовать внушенію природы, не пренебрегая, однако жъ, наукою и великими образцами. Истинный талантъ никогда не будетъ подражателемъ; онъ не *перейметъ* ничего, но *усвоитъ* себѣ все хорошее, и чужое совершенство, пробудивъ въ немъ дремавшее до того чувство и воспламенивъ мысль, породитъ его собственное совершенство. Хорошіе примѣры и образцы спасительны во всякомъ дѣлѣ. Истину эту мы видѣли въ нашемъ театрѣ.

Въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II, въ Петербургѣ была отличнѣйшая труппа французскихъ актеровъ; Офренъ и Флоридоръ были знамениты въ цѣлой Европѣ, какъ трагическіе актеры, и актрисы Лесажъ и Гюсъ, были то самое, что въ послѣдствіи Жоржъ и Дюшенуа. Въ комедіяхъ отличались актеры: Дорсевиль, Бурде, Дельпп, Фастье; актрисы: Добкуръ, Мишленъ, Дюфуа. Семь лѣтъ сряду (отъ 1783 до 1791), петербургская нѣмецкая сцена имѣла лучшіе сюжеты Германіи: знаменитаго Опица, Картнера, Кронштейна, Фіалу и прославленную актрису Теллеръ. Въ послѣдствіи, подъ дирекціей Коцебу, Нѣмецкій театръ славился актрисами Миллеръ и Леве; актерами Аресто и Линденштейномъ. Италіянская Опера была превосходная. Еще я помню знаменитаго комика Ненчини, (который образовалъ Замбони), помню превосходную пѣвицу Манджорлети (примадонна), Паскуа, и Ронкони (теноры). Инспекторомъ театральной школы (отъ 1787 до 1795), былъ несравненный Дмитревскій, которому удивлялись Лекенъ въ Парижѣ и Гаррикъ въ Лондонѣ. Дмитревскій, первый актеръ своего вѣка!—Онъ скончался только въ 1821 году, на 85-мъ году отъ рожденія, но до глубокой старости сохранилъ въ душѣ любовь къ искусству и силу таланта. Еще въ 1812 году онъ выходилъ на сцену, въ драмѣ *Всеобщее ополченіе*, и хотѣлъ играть, въ 1817 году, въ пользу семейства питомца своего Яковлева. Никогда не отказывалъ Дмитревскій въ совѣтахъ возникающимъ талантамъ и, даже безъ просьбы, внушалъ имъ полезныя истины. Все это сильно дѣйствовало на образованіе сценическихъ талантовъ. Въ первые годы царствованія Императора Александра I-го, Петербургъ также имѣлъ превосходную французскую труппу, особенно во время посольства знаменитаго Герцога Виченцскаго (Коленкура), когда Наполеонъ, дорожа дружбою нашего Государя,

согласился на просьбу своего посла, и уступилъ Петербургу нѣсколько первыхъ сюжетовъ парижской сцены. У насъ была первая, въ то время, трагическая актриса Жоржъ, первый танцоръ парижской сцены Дюпоръ. Оркестромъ дирижировали Буальдье, Лафонъ! У насъ былъ первый въ мірѣ хореграфъ Дидло, не имѣющій въ своемъ ремеслѣ ни предшественниковъ, ни послѣдователей, Дидло единственный, неподражаемый, истинный поэтъ, Байронъ балета! И что за таланты помогали ему въ образованіи труппы! Вы видали еще, иногда, на сценѣ старика Огюста; вообразите же себѣ, что это былъ за человѣкъ, въ юности своей! Словомъ, все содѣйствовало успѣхамъ искусства и развитію талантовъ. Театральная школа, какъ роскошный цвѣтникъ воздѣлываемый искусною рукою, приносилъ богатые дары, а кромѣ того таланты во всѣхъ слояхъ общества, согрѣваемые благотворными лучами искуства, спѣшили отвсюду въ достойный храмъ его. Никогда Россія не видала, въ одно время, столько отличныхъ писателей и драматическихъ артистовъ, какъ въ первую половину царствованія Александра I-го, и едва ли гдѣ либо было ихъ столько, въ одно время. Эта эпоха была для насъ то же, что для Рима вѣкъ Августа.

Изъ старинныхъ актеровъ, бывшихъ украшеніемъ сцены, въ концѣ XVIII вѣка, я видѣлъ на сценѣ Крутицкаго, Сандунова и Шушерина. Перваго видѣлъ я нѣсколько разъ на сценѣ, а въ послѣдній разъ, уже послѣ его отставки, когда онъ игралъ, не помню въ чей бенефисъ, созданную имъ роль *Мельника*. Совершенство въ полномъ смыслѣ слова! Манера, ухватки простонародныя, но какъ то облагороженныя; голосъ, взглядъ — все было въ немъ неподражаемо. Не даромъ Екатерина Великая восхищалась Мельникомъ! Какъ теперь вижу Крутицкаго! Лице у него было красивое, но какъ будто сжатое съ обѣихъ щекъ, рябоватое, носъ востръ, губы малыя, глаза удивительно живые. Сынъ его воспитывался вмѣстѣ со мною въ кадетскомъ корпусѣ, (*) и отецъ почти въ каждый капунъ праздника приходилъ за сыномъ своимъ. Крутицкій (отецъ) любилъ разговаривать съ кадетами. Однажды кадеты собрались играть, въ корпусѣ, *Мельника*, и знаменитый актеръ, узнавъ объ этомъ, взялся быть нашимъ учителемъ. Подъ его руководствомъ піеса сыграна была превосходно. Сандуновъ пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ Москвы, и я видѣлъ его въ комедіи-фарсѣ Мольера: *Скапиновы обманы*, въ которой Сандуновъ игралъ Скапина, а Рыкаловъ обманутаго отца.— Послѣ видѣлъ я эту комедію нѣсколько разъ на парижской сценѣ, играемую лучшими актерами, и всегда вспоминалъ о Петербургѣ, потому что нигдѣ не встрѣчалъ лучшихъ комическихъ актеровъ, какъ Рыкаловъ и Сандуновъ. Труд-

(*) Но онъ былъ не кадетомъ, а гимназистомъ. Тогда въ Сухопутный Шляхетной Кадетскій Корпусъ въ кадеты принимали только родовыхъ дворянъ, а дѣти чиновниковъ, священниковъ и т. п. поступали въ гимназисты, которые не носили военныхъ мундировъ и выходили изъ корпуса въ гражданскую службу.

но вообразить, какой комизмъ умѣлъ сообщить Рыкаловъ каждому своему слову, каждому взгляду, каждому движенію! Когда, онъ бывало, завопитъ: «Да за чѣмъ его чортъ на галеру-то посилъ!» — невольный хохотъ раздавался во всѣхъ концахъ театра. Сандуновъ былъ тогда уже весьма немолодъ, но въ игрѣ его была живость юноши. Лишь только вышелъ онъ на сцену, оглянулся, потеръ руки и пожалъ плечами—то, не сказавъ еще ни слова, уже характеризировалъ свою роль: нельзя было не догадаться, что этотъ Скапинъ плутъ. Какія интонаціи въ голосѣ, какая естественность въ движеніяхъ, что за плутовскіе взгляды и ухватки! Моліеръ расцѣловалъ бы нашего Скапина, если бъ даже не понималъ по-русски. Рыкаловъ былъ безподобенъ въ роляхъ комическихъ стариковъ, но лучше всего въ Моліеровскихъ піесахъ: въ *Скупомъ*, *въ Лекарѣ по неволѣ*, *въ Мѣщанинѣ во дворянствѣ*. Рыкаловъ былъ высокъ ростомъ и имѣлъ глаза на выкатѣ, которымъ онъ умѣлъ сообщать неподражаемое выраженіе простоты и добродушія. Тонъ голоса удивительно примѣнялся къ выраженію глазъ, и въ движеніяхъ его была такая естественность, что зритель совершенно забывался. Пономаревъ игралъ простаковъ слугъ, подьячихъ и комическихъ стариковъ въ операхъ (Кифара въ Русалкѣ). Тѣ которые видали его въ старости, не могутъ имѣть понятія о томъ, чѣмъ онъ былъ въ молодыхъ лѣтахъ и въ зрѣломъ возрастѣ. Игра его была просто неподражаема. Теперь объ этомъ и память погибла! Голосъ его имѣлъ какое-то комическое выраженіе. Роль подъячаго создана имъ на русской сценѣ, и теперь нѣтъ болѣе ни подлинниковъ въ обществѣ, ни копій на сценѣ. Этого мы уже не увидимъ, равно какъ и деревенскаго лакея! Когда, бывало, Пономаревъ появится на сцену, въ свѣтло-зеленомъ мундирѣ, въ красномъ камзолѣ, красномъ исподнемъ платьѣ, низкой треугольной шляпѣ, и затянетъ своимъ козлинымъ голосомъ подъяческіе куплеты — умора! Надобно было падрываться со смѣху, когда, не помню, въ какомъ-то дивертисементѣ, Пономаревъ запоетъ плачевнымъ голосомъ жалобу объ уничтоженіи питейнаго дома на Стрѣлкѣ (*), куда собирались преимущественно закоренѣлые подьячіе. Въ роли комическихъ лакеевъ Пономаревъ смѣшилъ до слезъ, одними своими ухватками, хотя бы въ роли его и не было ничего остроумнаго. Въ *Недорослѣ* фонъ-Визина, онъ былъ единственъ: онъ еще копировалъ съ натуры! Публика наша видѣла первоклассныхъ италіянскихъ буффо въ лицѣ Непчини и Замбони, и при всемъ томъ, и раекъ, и ложи перваго яруса отдавали справедливость Воробьеву, ученику знаменитаго Дмитревскаго. Въ роли Тарабара (въ Русалкѣ) онъ смѣшилъ всѣхъ, безъ исключенія, но въ италіянскихъ операхъ, напримѣръ въ *Музыкальномъ фанатикѣ*, удивлялъ знатоковъ своимъ неподдѣльнымъ комизмомъ. Во-

* На Васильевскомъ Острову.

робьевъ одаренъ былъ отъ природы чудеснымъ свойствомъ смѣшить, даже молча. Бывало, выйдетъ на сцену, станетъ въ позитуру, сложитъ руки на груди или заложитъ на спину, взглянетъ на публику — и раздался хохотъ. Онъ былъ небольшаго роста, плотный, круглолицый, съ огненными взорами. Веселость его была неистощима, даже вић сцены. Мнѣ случалось обѣдать съ нимъ часто, въ холостыхъ обществахъ, между офицерами гвардіи. Воробьевъ смѣшилъ насъ до полусмерти своими фарсами и остротами. Я впервые услышалъ отъ него остроту, которая часто послѣ повторялась. «А ты какое вино любишь?» спросилъ его за столомъ хозяинъ. «Чужое,» отвѣчалъ хладнокровно Воробьевъ. «Ты сегодня пѣлъ что-то въ полголоса,» сказалъ ему однажды А. Л. Нарышкинъ.» Другая половина голоса осталась въ кассѣ, ваше высокопревосходительство,» отвѣчалъ Воробьевъ, намекая на минувшій срокъ уплаты жалованья. Однажды, за кулисами, какой-то второстепенный актеръ, первоклассный жрецъ Бахуса, наткнулся, въ торопяхъ, на Воробьева, и они оба ушиблись. «Теперь вижу, что тебя не даромъ называютъ полною бочкою,» сказалъ Воробьевъ: «если бъ ты былъ пустою бутылкою, то я бы вѣрно разбилъ тебя теперь лбомъ въ дребезги.» — Въ моемъ присутствіи, за столомъ, у общаго нашего пріятеля, капитана лейбъ - гвардіи егерскаго полка К. Ч., при раскупориваніи шампанской бутылки, пробка ударила по губамъ одного изъ собесѣдниковъ, который надоѣлъ Воробьеву своими плоскими шутками. «Хорошо, что закупорили вздоръ!» примолвилъ Воробьевъ. Впрочемъ, при необыкновенномъ дарованіи и неисчерпаемой веселости, строгая критика не всегда была довольна игрою Воробьева, потому что онъ, для угожденія толпѣ, иногда слишкомъ фарсилъ и утрировалъ роли, и часто, не изучивъ ихъ, замѣнялъ промежутки своими шутками и прибаутками, которыя сбивали съ толку другихъ актеровъ. Иногда также онъ фальшилъ и не соблюдалъ такта. Но истинный его комизмъ и удовольствіе, которое онъ доставлялъ своимъ чуднымъ талантомъ, заставляли публику прощать ему все, и Воробьевъ, до кончины своей, оставался ея любимцемъ. Покойный Рамазановъ былъ его ученикомъ, но онъ далеко отсталъ отъ Воробьева! Пѣвцами всегда былъ бѣденъ нашъ театръ, и я помню только двухъ: Самойлова и Злова. Гуляевъ имѣлъ прекрасный голосъ, но вовсе не умѣлъ играть, а потому ему рѣдко давали роли. Самойловъ, въ молодости своей, былъ чрезвычайно хорошъ въ небольшихъ операхъ, особенно въ русскихъ водевиляхъ. Онъ былъ красивъ лицемъ, превосходно сложенъ, и хотя отъ робости сначала всегда игралъ неловко, но ободрившись и войдя въ роль, игралъ безподобно. Онъ отлично хорошъ былъ въ роляхъ молодыхъ офицеровъ, русскихъ парней и вообще влюбленныхъ. Въ послѣдствіи онъ составилъ се-

бѣ славу въ роли *изступленнаго*, выполняя эту трудную роль съ величайшимъ искусствомъ; онъ также превосходенъ былъ въ операхъ Іосифъ. Въ молодости, Самойловъ обладалъ чистымъ, звонкимъ теноромъ, переходившимъ легко въ сопрано. — Зловъ пѣлъ басомъ, и голосъ его высоко цѣнили всѣ дилетанты, хотя онъ плохо зналъ музыку и пѣлъ болѣе по слуху; онъ былъ также не дурной актеръ. Въ драмахъ и трагедіяхъ первые актеры были Шушеринъ и Яковлевъ. Шушеринъ долго былъ на московской сценѣ, а на петербургскую перешелъ уже въ пожилыхъ лѣтахъ. Онъ игралъ превосходно роли стариковъ и тирановъ въ трагедіяхъ. Невозможно лучше выполнить ролей *Эдипа* и *Короля Лира!* Шушеринъ былъ человѣкъ весьма умный и начитанный: онъ изучалъ глубоко характеры представляемыхъ имъ лицъ. Игра его была благородная, дикція чистая, движенія и всѣ пріемы естественные. Онъ не жертвовалъ искусствомъ для пріобрѣтенія милости райка. Славу его вскорѣ затмилъ Яковлевъ, любимый ученикъ Дмитревскаго, нашъ русскій Тальма. Память Яковлева останется незабвенною. Онъ былъ средняго роста, какъ Тальма, прекрасенъ лицемъ и съ физіономіей, исполненной выразительности. Глаза его пылали геніяльностью. Въ римскомъ или греческомъ костюмѣ на него нельзя было наглядѣться. Голосъ его чистый, сребристый, имѣлъ необыкновенную прелесть, и доходилъ до глубины души слушателя. Во роляхъ, основанныхъ на сильномъ чувствѣ, онъ былъ безподобенъ; но въ роляхъ тирановъ и злодѣевъ онъ былъ ниже Шушерина. При выраженіи сильныхъ страстей, Яковлевъ часто слишкомъ кричалъ и горячился. По моему мнѣнію, онъ гораздо былъ лучше въ драмахъ, нежели, въ такъ называемыхъ, греческихъ и римскихъ трагедіяхъ, можетъбыть, и отъ того, что драмы естественнѣе тогдашнихъ классическихъ трагедій. Я не могу себѣ представить ничего совершеннѣе, какъ Яковлева, въ роли Вольфа, въ піесѣ Коцебу: *Гусситы подъ Наумбургомъ*, и въ роли музыканта Миллера, въ трагедіи Шиллера: *Коварство и любовь*. Когда въ первой изъ сихъ піесъ, несчастный отецъ затруднялся въ выборѣ дѣтища, которое должно отправить въ лагерь свирѣпыхъ Гусситовъ, когда онъ утѣшалъ безутѣшную мать — сердце надрывалось, и всѣ мы рыдали въ театрѣ. Эта сцена такъ рѣзко напечатлѣлась въ моей памяти, что мнѣ кажется, будто я вчера только видѣлъ ее! Яковлевъ, актеръ по страсти, глубоко изучалъ свои роли, и тамъ, гдѣ недоставало ему науки, замѣняло чувство и инстинктъ. Какъ хорошъ онъ былъ въ роли *Фингала, въ Димитріи Донскомъ* (трагедіяхъ Озерова)! Не только ни одинъ стихъ, но ни одно слово поэта не пропадали! Несравненный актеръ все умѣлъ, такъ сказать, озолотить своимъ искусствомъ. Ни одинъ актеръ не трогалъ меня такъ сильно, какъ Яковлевъ. Повторяю, сила его

была въ выраженіи чувства, а не страсти. Въ первомъ онъ былъ неподражаемъ, потому что слѣдовалъ внушенію души; а во второмъ случаѣ онъ отрывался отъ натуры и увязалъ въ сѣтяхъ искусства.

Но двѣ неоцѣненныя жемчужины, украсившія вѣнцы Русской Таліи и Мельпомены, были двѣ сестры Семеновы (Катерина Семеновна и Нимфодора Семеновна). Обѣ красавицы, въ полномъ значеніи слова, онѣ созданы были самою природою сообразно своему назначенію. Старшая сестра, Катерина Семеновна, актриса трагическая, имѣла черты лица греческія, правильныя, гордый взглядъ и, при умѣренномъ ростѣ, благородную осанку и величавую поступь. Даже въ улыбкѣ ея было что-то высокое, а въ голосѣ какая-то необыкновенная сила. Она была особенно хороша, когда, проникнутая ролею, забывалась на сценѣ, и это случалось съ нею весьма часто, всегда почти, когда ей надлежало выражать сильное чувство матери или оскорбленную любовь. Тогда она была уже не актриса— но настоящая мать, или оскорбленная жена! Въ выраженіи лица, въ голосѣ, въ жестахъ, она не слѣдовала тогда никакимъ правиламъ искуства; но увлекаясь душевными движеніями, воспламеняясь страстью, была точно то самое лице въ натурѣ, которое представляла. Семенова видѣла Жоржъ, но она переняла у этой прелестной актрисы только благородство въ позахъ, а въ игрѣ слѣдовала всегда собственному вдохновенію. Я отдаю преимущество Семеновой предъ Г-жами Жоржъ и даже Дюшенуа, во всѣхъ роляхъ, гдѣ надлежало выражать сильное чувство. Весьма замѣчательно, что Французскіе знаменитые актеры и актрисы превосходили Яковлева и Семенову въ выраженіи сильныхъ порывовъ злыхъ страстей, какъ то: гнѣва, мести, злобы, коварства, кровожадности; а наши русскіе артисты, Яковлевъ и Семенова, превосходили Французовъ въ выраженіи сильныхъ ощущеній души нѣжной, любви, дружбы, родительской привязанности и т. п. На Русскихъ и на Французахъ отражалось состояніе общества: еще французская революція была въ свѣжей памяти, и на русскомъ обществѣ еще скользили послѣдніе лучи блистательнаго вѣка Екатерины II, вѣка, такъ сказать, рыцарскаго и страстнаго. Вы видѣли изображеніе Грацій въ живописи и ваяніи — но живая, одушевленная Грація, была Нимфодора Семеновна Семенова, въ своей юности. Прелестныя черты лица, глаза исполненные огня и нѣжности, ростъ, станъ и притомъ всѣ пріемы, всѣ движенія составляли вмѣстѣ полное совершенство. Голосъ у нея былъ небольшой, но весьма пріятный, и она пѣла весьма мило въ небольшихъ операхъ и водевиляхъ. Она была притомъ превосходная актриса, въ двухъ противоположныхъ амплуа, и именно, въ роляхъ наивныхъ дѣвушекъ и въ роляхъ молодыхъ барынь. Въ послѣднихъ роляхъ она отличалась благородствомъ пріемовъ и прекраснымъ свѣтскимъ тономъ, что у насъ большая рѣдкость на сценѣ. Подобно метеору, блеснула на нашей сценѣ Г-жа

Болина, восхищавшая публику своею необыкновенною красотою и талантомъ, въ тѣхъ же роляхъ, какъ и Н. С. Семенова. Но Г-жа Болина недолго была на сценѣ и вышла замужъ за дворянина хорошей фамиліи и достаточнаго состоянія, человѣка отличнаго умомъ и благородствомъ чувствъ. Г-жа Каратыгина (мать нынѣшнихъ артистовъ) играла отлично въ драмахъ и не охотно пускалась на поприще трагедіи. Когда она играла въ драмахъ, вмѣстѣ съ Яковлевымъ — это было совершенство! К. С. Семенова, напротивъ того, не могла играть въ драмахъ. Это была богиня, которая сходила съ Олимпа на землю—только въ необыкновенныхъ случаяхъ, когда надлежало страсть возвысить до героизма. Въ игрѣ Каратыгиной было весьма много чувства и нѣжности; она умѣла оттѣнивать каждую мысль автора и переливала каждое свое ощущеніе въ сердце зрителя.—Для комедіи, мы имѣли Рахманову, игравшую въ совершенствѣ русскихъ старухъ и деревенскихъ барынь. К. И. Ежова занимала, въ послѣдствіи, то же самое амплуа, съ большимъ успѣхомъ, но никогда не могла сравняться съ Рахмановой. Въ операхъ и водевиляхъ первое мѣсто занимала Г-жа Черникова (нынѣ Г-жа Самойлова). Она была чрезвычайно мила собою, пѣла безподобно и играла прелестно. Лучшей актрисы и пѣвицы я не видалъ на нашей сценѣ. Г-жу Сандунову я видалъ уже въ пожилыхъ лѣтахъ, и хотя она еще пѣла хорошо, но уже не могла производить эффекта на сценѣ. Въ оперной же труппѣ, хотя уже позже, отличалась, какъ и нынѣ отличается, Г-жа Воробьева (нынѣшняя Г-жа Сосницкая) въ роляхъ субретокъ и первыхъ любовницъ. Г-жа Сосницкая прежде часто игрывала въ комедіяхъ, и по справедливости занимала въ нихъ первое мѣсто. Актриса умная, отчетливая, съ необыкновеннымъ талантомъ, красавица, Г-жа Воробьева, приводила публику въ восторгъ, въ первые годы своего вступленія на театръ. Но будучи несравненною въ роляхъ молодыхъ дѣвицъ, Г-жа Воробьева уступала, однако жъ, въ роляхъ субретокъ г-жѣ Асенковой (Александрѣ Егоровнѣ), матери нынѣшней артистки. А. Е. Асенкова была неподражаема въ роляхъ служанокъ, перенявъ благородство французскихъ субретокъ и сохранивъ русскую характеристику. Она была прелестна собою, удивительно ловка и умѣла сохранять въ игрѣ естественность. Плутовскіе взгляды, хитрая улыбка, притворство и всѣ продѣлки служанокъ она изображала такъ превосходно, что въ самомъ Парижѣ, отечествѣ субретокъ, ей бы отдали справедливость. Несравненный нынѣ И. И. Сосницкій былъ тогда юношей, и еще въ школѣ обнаружилъ талантъ, который развился съ такимъ блескомъ и составляетъ украшеніе нашей сцены.

Я назвалъ только первостепенные таланты; но вообще труппа такъ была составлена и такъ искусно управляема, что каждая піеса была хорошо разыграна въ цѣломъ, даже при участіи посредственности. Извѣстно, что успѣхъ піесы, по боль-

шей части, зависитъ отъ ея обстановки, т. е. отъ распредѣленія ролей по способностямъ актеровъ и отъ навыка ихъ къ изображенію извѣстныхъ характеровъ, а потому и слава труппы сопряжена съ искусствомъ управлять ею.

Балетъ петербургскій не уступалъ ни сколько парижскому, а въ отношеніи постановки на сцену и содержанія балетовъ, даже превосходилъ парижскую Большую Оперу (grand opera). У насъ былъ первый хореграфъ въ мірѣ, какъ я уже сказалъ, Дидло. Миѳологическіе балеты его сочиненія — настоящія поэмы, а по моему мнѣнію, только миѳологическіе или фантастическіе балеты могутъ быть занимательны для образованнаго человѣка, обладающаго изящнымъ вкусомъ. Воображеніе зрителя разыгрывается, когда онъ видитъ предъ собою олицетворенными вымыслы баснословія и созданія фантазіи, и воздушныя пляски богинь, нимфъ, фей и другихъ сверхъестественныхъ созданій поэзіи, такъ сказать, понятны уму. Напротивъ того, героическіе балеты т. е. выраженіе отвлеченностей мимикою и происшествій танцами — есть нелѣпость, которая могла нравиться только въ Римѣ и въ Византіи, во время упадка изящнаго вкуса и разстройства нравовъ. Дидло постигнулъ это, и въ его балетахъ можно было понимать содержаніе, даже не заглядывая въ программу, а вспомнивъ только преданія баснословія или содержанія старинныхъ сказокъ. Дидло говорилъ, весьма умно, что въ балетахъ никогда не должно связывать прошедшее съ настоящимъ, а должно только изображать настоящее, потому что мимикою и танцами нельзя растолковать прошлаго и что зритель, доискиваясь смысла балета въ программѣ, уже лишается половины наслажденія, а именно нечаянности. — Можетъ ли быть что нибудь лучше, какъ балеты Дидло: *Зефиръ и Флора*, *Ацисъ* и *Галатея* и другіе въ этомъ родѣ! Тутъ видѣли мы весь Олимпъ, со всею роскошью греческаго воображенія, видѣли оживленными преданія древнихъ поэтовъ, просвѣтившихъ родъ человѣческій. Никто, кромѣ Дидло, не умѣлъ такъ искусно пользоваться кор-де-балетомъ. Изъ этой толпы милыхъ воздушныхъ дѣвицъ, Дидло, какъ будто изъ цвѣтовъ, составлялъ гирланды, букеты, вѣнки. Каждая сцена изображала новую восхитительную картину, изъ группъ, расположенныхъ геніяльно, живописно, очаровательно. Не довольствуясь землею, Дидло вознесъ свои живые цвѣты на небеса, и сталъ помѣщать группы въ воздухѣ, въ соотвѣтственность съ земными группами. Онъ первый ввелъ въ балеты, такъ называемые, *полеты*, т. е. воздушныя сцены, и петербургскому театру стала подражать вся Европа. Среди этихъ живыхъ картинъ, Дидло помѣщалъ отдѣльные танцы первыхъ сюжетовъ балетной труппы.

Въ послѣднее время нашъ театръ долженъ былъ заимствоваться солистками изъ Парижа. Мы имѣли Г-жъ Бертранъ, Пеисаръ, Круазетъ пока наконецъ не привлекли на нашу сцену единственную Г-жу Таліони. Правда, танцорки, подобной Таліони, у насъ не было, потому что

подобной ей не бывало до сихъ поръ въ мірѣ; но у насъ были превосходныя танцорки, которыя и теперь принимаемы были бы съ восторгомъ въ Парижѣ и Лондонѣ, въ отсутствіе г-жи Таліони, и могли бы даже танцовать съ нею, отдавая однако жъ ей первенство въ граціозности. У насъ была Данилова-прелесть прелестей! Это была одна изъ тѣхъ красавицъ, которыя появляются однажды въ вѣкахъ! Черные волосы, огненные глаза, черты лица правильныя, но не греческія, а заокругленныя, т. е. носящія на себѣ отпечатокъ славянской національности, улыбка, истинно райская, ростъ средній и формы Венеры Медиційской! Граціи во взорахъ, въ позахъ, во всѣхъ движеніяхъ — бездна! Легкость удивительная! Въроли *Флоры*, *Психеи*, Данилова приводила въ восторгъ зрителей. Данилову учили танцовать первые люди въ своемъ ремеслѣ: Дидло и Дюпоръ. Что было бы, если бъ Данилова видала Г-жу Таліони, и что было бы, если бъ Г-жа Таліони была Даниловой, этой Венерой, со всѣми ея прозваніями! Данилова умерла въ юныхъ лѣтахъ, какъ говорили тогда, отъ страсти. Зефиръ, невѣрный зефиръ — Дюпоръ — измѣнилъ своей Флорѣ! Вся Россія знаетъ стихи Пушкина на танцы Истоминой (Авдотьи Ильиничны)(*). Когда это было писано? Непостигаю, что бы написалъ Пушкинъ, если бъ онъ видѣлъ Истомину въ юности ея! Какъ она была мила, какъ граціозна, какъ прелестна во всѣхъ позахъ! Въ формахъ она едва ли уступала Даниловой. Танцы ея характеризировалъ Пушкинъ, а онъ списывалъ съ натуры. Лихутина также была чрезвычайно стройна, граціозна и превосходная танцовщица. Иконина отличалась въ пантомимѣ и серьозныхъ позахъ. Это была Діана, Юнона или Минерва. Кор-де-балетъ составленъ былъ изъ рѣдкихъ красавицъ. Это въ полномъ смыслѣ былъ дворъ Калипсы! Весьма замѣчательно, что всѣ первыя танцовщицы того времени и почти всѣ лучшія актрисы были прекраснаго роста и отличныхъ формъ. Теперь народъ какъ-то мелчаетъ! Не видно ни гигантовъ временъ Екатерининскихъ, ни женщинъ съ формами и ростомъ Афродиты-Каллипиги. Евгенію Ивановну Колосову (мать Г-жи Каратыгиной старшей), видалъ я уже тогда, когда она играла только роли пантомимныя и не танцовала въ балетѣ, а только плясывала по-русски. Никто, ни до нея, ни послѣ нея, не постигнулъ въ такой степени русской пляски! Каждый ея шагъ, каждый взглядъ, каждое движеніе возбуждали шумный восторгъ, и зрители вопили и аплодировали безъ умолку, во все продолженіе пляски, заставляя ее повторять по нѣскольку разъ. У насъ была особенная, единственная и неподражаемая танцовщица для цыганской пляски, Г-жа Карачинцова, которая умѣла соединить въ себѣ всю пламенность цыганскихъ пріемовъ съ изяществомъ искусства. Это была пляска совершенно ориги-

(*) Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна и проч.
см. *Онѣгинъ*.

нальная, какой не видывалъ ни одинъ европейскій театръ!

Во всю жизнь мою не видывалъ я такого танцора, каковъ былъ Дюпоръ. При небольшомъ ростѣ онъ былъ удивительно хорошо сложенъ, ловокъ, живописенъ, граціозенъ во всѣхъ движеніяхъ и легокъ, какъ птица. Въ два скачка онъ, такъ сказать, перелеталъ сцену Большаго Театра, во всю ея длину, и порхалъ по ней, едва дотрогиваясь помоста. Это былъ настоящій, олицетворенный *Зефиръ*, достойный *Флоры* — Даниловой и *Сильфиды* — Таліони! Дюпоръ былъ геній своего ремесла. Много слыхалъ я о Вальберхѣ, который, какъ сказываютъ, занималъ первыя роли даже на парижскомъ театрѣ, но я не видалъ его въ танцахъ. Онъ выходилъ иногда на сцену, только въ роляхъ мимическихъ, и имѣлъ званіе балетмейстера. Огюстъ танцовалъ превосходно, отличалось особенно граціозностью. Изъ нашихъ русскихъ танцоровъ, учениковъ Дидло, первое мѣсто занималъ Люстихъ, а по немъ Гольцъ, который теперь играетъ мимическія роли. Вы и теперь видите въ немъ превосходную методу Дидловской школы, глубокое изученіе мимики и граціозность позъ.

Декораторы у насъ были первые въ Европѣ, а именно Гг. Гонзаго и Корсини. Они отличались не пестротою декорацій, не яркостью красокъ, не фантастическою дикостью композиціи, но естественностью и удивительнымъ соблюденіемъ перспективы, мѣстностей и приличій. Взгляните на наружную галерею дворца въ Павловскѣ, расписанную Гонзаго, и вы удостовѣритесь, что это былъ геніяльный художникъ. Нынѣшнія декораціи поражаютъ зрѣніе, а тогдашнія обманывали его и заставляли зрителя забываться. Гонзаго и Корсини въ декораціонной живописи были то же, что Рафаэль и Рубенсъ въ своемъ родѣ.

Однимъ словомъ, все вмѣстѣ составляло превосходный театръ, и публика любила его. Теперь только Французскій Театръ посѣщается высшимъ обществомъ, и то въ извѣстные спектакли, а въ Большой Театръ заманиваетъ одна Таліони. Въ то время, о которомъ я говорю, русскій театръ никогда не бывалъ такъ пустъ, какъ нынѣ Александринскій. Всегда почти всѣ мѣста были заняты. За то и мѣста были дешевле! Креселъ всего было три ряда, и кресла стоили только два рубля съ полтиной мѣдью. Въ кресла садились одни старики, первые сановники государства. Офицеры гвардіи и всѣ порядочные люди помѣщались въ партерѣ, на скамьяхъ, за рубль мѣдью.

Актеры тогда жили дружно между собою, и часто сходились къ одному изъ товарищей, или къ любителямъ театра. Въ то время были другіе нравы и обычаи. Тогда вообще жили на англійскую или на древне-русскую стать, т. е. тогда не стыдились приносить жертвъ Бахусу. Между юношествомъ господствовалъ какой-то духъ молодечества, а къ нему причислялись также попойки. Особенно отличались этимъ молодые купцы. Кто попалъ въ ихъ общество — бѣда, запоятъ! Въ загородныхъ трактиръ-

рахъ, на Красномъ Кабачкѣ, въ Желтенкомъ, въ Екатерингофѣ, на Крестовскомъ Острову происходили настоящія оргіи! Зимою туда катятъ, бывало, сотни сапей, запряженныхъ тройками, лихими рысаками, иноходцами. Лѣтомъ разъѣзжали по островамъ, на катерахъ, съ музыкою и пѣсенниками. Заѣхавъ въ трактиръ, шампанскаго спрашивали не бутылками, какъ нынѣ, а цѣлыми корзинами! Вмѣсто чаю молодцы пили пуншъ! Музыка, пѣсенники, плясуны и плясуньи, крикъ, шумъ и мертвая чаша! Тогда это почиталось молодецкою забавою! Слава Богу, что прошли эти времена, которыя, вѣроятно, и не возвратятся. Молодежь и купцы искали знакомства съ актерами, и по тогдашнему обычаю, подчивали ихъ по-русски т. е. *до пельзя!* — Это имѣло вредное вліяніе на нравы! Должно сказать правду, почти всѣ лучшіе наши актеры, по духу времени, посвящали много времени забавамъ, и иногда переливали чрезъ край. Но за то они и понимали свое дѣло, и не на нихъ ли засмотрѣвшись, И. А. Крыловъ написалъ:

«По мнѣ, такъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй.»

Яковлевъ былъ сначала серьозенъ въ обществѣ, но когда разогрѣвался веселою бесѣдою и пѣнистою влагою, то начиналъ пѣть духовныя мелодіи Бортнянскаго, и любилъ, чтобъ ему вторили. Иногда онъ принимался декламировать, а иногда любилъ разсказывать о своемъ купеческомъ житьѣ, о томъ, какъ почувствовалъ страсть къ театру, какъ украдкою учился декламировать съ другомъ и товарищемъ своимъ Жебелевымъ, который, сказать мимоходомъ, былъ отличенъ въ нѣкоторыхъ роляхъ, особенно въ роли Трише, *въ Модной лавкѣ*, соч. И. А. Крылова. Иногда на Яковлева находилъ приступъ гордости, и онъ воображалъ себѣ, разумѣется, будучи на веселѣ, что онъ точно герой. Возвращаясь, однажды, изъ-за города, на вопросъ часоваго, на заставѣ, кто ѣдетъ, Яковлевъ отвѣчалъ: Князь Московскій, Дмитрій Донской (трагедія Озерова). На другой день, по сообщенному рапорту, узнали, кто этотъ Московскій Князь, и помыли ему порядкомъ голову. Яковлевъ былъ весьма набоженъ, и почти каждое воскресенье пѣвалъ на клиросѣ. Чуждый зависти, Яковлевъ за пріятеля готовъ былъ въ огонь и въ воду; онъ былъ истинно добрый человѣкъ, благодѣтельный, благодарный за всякое добро и услугу. Онъ любилъ страстно литературу, читалъ все хорошее, и даже самъ писалъ недурные стихи, по тогдашнему времени. Воробьевъ, Рыкаловъ, Сандуновъ, Шушеринъ были также люди начитанные, любители и знатоки литературы.

Вы захотите знать о тогдашнемъ репертуарѣ? Скажу вамъ смѣло, что онъ былъ богатъ, разнообразенъ и чрезвычайно занимателенъ, а потому и привлекалъ многочисленную публику. Тогда у насъ была своя *русская трагедія*. Піесы Озерова разыгрывались съ величайшимъ и заслуженнымъ успѣхомъ. Нынѣшніе наши доморощенные Квинтиліяны не отдаютъ спра-

ведливости Озерову, и трагедіи его уже сошли со сцены. Но гдѣ у насъ лучшее? Все таки Озеровъ остается нашъ *единственный* трагикъ! Съ тѣхъ поръ литература наша, слѣдуя французской модѣ, приняла другое направленіе, а драматургія стала облекаться въ нѣмецкія формы. У насъ теперь принято за правило, не писать для сцены александрійскими стихами, съ риѳмами, но пятистопными ямбами, безъ риѳмъ. Съ малыми исключеніями, эти пятистопные ямбы, просто—рубленая и надутая проза! Гармонія языка исчезла подъ перомъ новыхъ нашихъ геніевъ, и прослушавъ піесу, не выпесешь изъ театра ни одного стиха, въ памяти. Теперь только и рѣчей что о Шекспирѣ, а я той вѣры, что Шекспиру подражать не можно и не должно. Шекспиръ долженъ быть для нашего вѣка *не образцемъ*, а только историческимъ памятникомъ. Нашъ вѣкъ требуетъ другаго языка, другихъ идей, другаго плана въ трагедіи и вовсе иной завязки. Теперь европейская литература находится въ пароксизмѣ. Всѣ народы стремятся къ тому, чтобъ создать собственную, національную литературу, а мы прислушиваемся къ эху и подражаемъ *опытамъ* другихъ, опытамъ незрѣлымъ и часто уродливымъ! Прежде, основаніемъ трагедіи были страсти, а нынѣ эгоизмъ, мизантропія и холодное злодѣйство. Нѣтъ спора, что Озеровъ заимствовалъ формы у Расина, Корнеля и Дюсиса, но это было тогда въ духѣ времени. Однако жъ Озеровъ умѣлъ какъ-то обрусить эти чужія формы, и потому сильно дѣйствовалъ на своихъ современниковъ. Его *Димитрій Донской*, *Фингалъ*, *Эдипъ въ Аѳинахъ*, *Поликсена*, суть творенія, носящія отпечатокъ великаго дарованія! При игрѣ Яковлева и Семеновой, трагедіи Озерова производили удивительный ефектъ! Мы, современники, знали ихъ почти наизустъ, и въ дружескихъ бесѣдахъ повторяли цѣлыя тирады. А теперь, изъ какого трагика прикажете изучать наизустъ тирады? *Пожарскій*, Крюковскаго, имѣлъ блистательный успѣхъ, и долгое время былъ любимою піесою публики. Съ удовольствіемъ смотрѣли иногда *Рослава*, Княжнина. Изъ иностранныхъ трагиковъ, мы видали на сценѣ творенія Расина, Корнеля, Вольтера, Шиллера и даже Шекспира.

Тогда, по счастью, не знали еще мелодрамы, этого исчадія испорченности нравовъ и изящнаго вкуса. Народныхъ драмъ было у насъ немного. Только драмы Н. И. Ильина, имѣли въ свое время большой успѣхъ. Но за то переводными піесами репертуаръ нашъ былъ весьма богатъ, и все, что только имѣло успѣхъ во Франціи и Германіи, было перенесено на нашу сцену. Лессингъ, Шиллеръ, Гете, Мерсье, по справедливости восхищали насъ, и Коцебу управлялъ деспотически сердцами. Драма его: *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*. была играема, съ неимовѣрнымъ успѣхомъ, на всѣхъ европейскихъ театрахъ.

Здѣсь кстати сказать особо нѣсколько словъ о Коцебу, котораго сочиненія составляли большую

часть тогдашняго репертуара. Нѣмецкіе ученые и литераторы, по личной ненависти къ Коцебу, за его политическія мнѣнія, ославили его, и хитросплетенными софизмами заглушили заслуженную имъ славу. Мы, вѣчные подражатели всего заграничнаго, хотя менѣе всего занимаемся нѣмецкою литературою, переняли, однако жъ, мнѣніе юной Германіи на счетъ Коцебу, и не только въ журнальныхъ разглагольствіяхъ стали бранить его сочиненія, но даже придумали на него куплетцы и эпиграммы, будто въ угоду нѣмецкимъ буршамъ. Лѣтъ за пятнадцать или за восемнадцать предъ симъ — это весьма нравилось нашимъ юнымъ литераторамъ! Кончилось тѣмъ, что и у насъ Коцебу исключенъ изъ списковъ драматическихъ писателей! Во имя любви моей къ литературѣ, умоляю Творца, да ниспошлетъ намъ писателя съ дарованіемъ Коцебу, для оживленія нашей сцены! Я первый преклонилъ бы предъ нимъ чело! Утверждаю рѣшительно: Коцебу писатель съ истиннымъ, неподдѣльнымъ дарованіемъ! Въ драмахъ онъ насильно исторгаетъ у васъ слезы, а въ комедіяхъ смѣшитъ до слезъ. Конечно, не всѣ его піесы имѣютъ равное достоинство, но всѣ его піесы носятъ на себѣ отпечатокъ дарованія, и всѣ имѣли полный успѣхъ. Я не видалъ паденія піесъ Коцебу! Никто не умѣлъ такъ хорошо схватить смѣшной стороны нѣмецкихъ биргеровъ, ландъ-юнкеровъ, гордыхъ бароновъ, чванныхъ нѣмецкихъ барынь, и никто такъ искусно не изображалъ милыхъ, добрыхъ романическихъ Нѣмочекъ! Коцебу проникъ глубоко въ тайники сердца человѣческаго, и зналъ вполнѣ то общество, которое описывалъ. По моему мнѣнію, если бъ онъ написалъ одну только драму свою: *Гусситы подъ Наумбургомъ*, въ которой родительское сердце, такъ сказать, разанатомировано, то онъ уже за это достоинъ былъ бы почетнаго мѣста между драматическими писателями. Теперь сочинители драмъ, комики и водевилисты безъ милосердія грабятъ Коцебу, и бранятъ его, а я скажу откровенно, что если бъ и теперь стали давать піесы Коцебу, только въ лучшемъ переводѣ, то онѣ и теперь имѣли бы большій успѣхъ, нежели тысячи нашихъ эфемерныхъ водевилей.

Кромѣ комедій Коцебу, у насъ давали русскія оригинальныя комедіи фонъ-Визина, Княжнина, Капниста и Князя А. А. Шаховскаго, котораго дарованіе было тогда въ полномъ цвѣтѣ; хотя лучшее свое произведеніе, *Аристофана*, онъ написалъ гораздо позже, почти въ концѣ своего литературнаго поприща. Достоинство *Недоросля и Бригадира* всѣмъ извѣстны. *Чудаки и Хвастунъ* Княжнина — превосходныя піесы, которыя и теперь, не взирая на устарѣлый слогъ, можно назвать образцовыми. Князь А. А. Шаховской безспорно обладаетъ истиннымъ комизмомъ, и, что весьма важно, онъ знаетъ совершенно сцену. Піесы его имѣли чрезвычайный успѣхъ и доставляли необыкновенное удовольствіе публикѣ. И. А. Крыловъ, первый евро-

пейскій баснописецъ, написалъ одну комедію: *Модная лавка*, которая неподдѣльнымъ юморомъ доставляла долгое время наслажденіе любителямъ театра. Изъ иностранныхъ произведеній, сверхъ піесъ Коцебу, у насъ играли комедіи Мольера, Фабръ-Деглантина, Шериданову: *Школа злословія* и множество піесъ другихъ авторовъ, которыхъ я теперь не вспомню. Довольно сказать, что комическій репертуаръ былъ богатъ, и что зрители хохотали не отъ пошлыхъ каламбуровъ и двусмыслій, какъ нынѣ, но отъ подлиннаго комисма.

Тогда у насъ былъ свой *русскій водевиль*, который называли, несправедливо, оперою. Играли, совершенство русскаго ума и русскаго юмора: *Мельникъ*, соч. Аблесимова. Княжнина: *Сбитенщикъ*, *Несчастіе отъ кареты*, *Скупой*, *Притворно сумашедшіе*, *Мужья женихи своихъ женъ* имѣли большой успѣхъ. *Любовную почту* прелестную оперетку — я также причисляю къ водевилямъ. Князь А. А. Шаховской началъ уже позже писать водевили (съ 1814 года), и имѣлъ въ этомъ родѣ такой же успѣхъ, какъ и въ комедіяхъ. Всѣ лучшіе французскіе водевили переводились. Надобно замѣтить, что духъ и складъ тогдашняго водевиля былъ гораздо лучше нынѣшняго. Теперь не заботятся о завязкѣ, о характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ, а хлопочутъ только о каламбурахъ въ куплетахъ и объ остротахъ въ разговорѣ. Тогдашній водевиль былъ не что иное, какъ маленькая комедія съ куплетами, приноровленными къ содержанію піесы, а не пришитыми къ водевилю безъ всякаго смысла, для выказанія остроты автора. Въ примѣръ истинно русскихъ водевилей поставляю: *Казака стихотворца и Ломоносова*, соч. Князя А. А. Шаховскаго! Господа водевилисты, дайте намъ что нибудь подобное! Загляните въ прошлое, оглянитесь въ настоящемъ! Сюжетовъ бездна! Уже ли вы не находите ничего занимательнаго въ русскомъ быту, что прибѣгаете къ передѣлкѣ французскихъ водевилей на русскіе нравы? Эти передѣлки почти то же, что вывороченное на-изнанку платье!

Сберегая славу русскаго театра, дирекція не давала большихъ оперъ, написанныхъ для первыхъ голосовъ Италіи, и тѣмъ не поставляла артистовъ въ непріятность предпринимать дѣло превыше силъ своихъ. У насъ давали тогда небольшія французскія оперы, премилыя и легкія: Боэльдье, Далейрака, Николо Изуара, Мегюля, напримѣръ *Калифъ Багдадскій*, *Алина*, *Королева Голконды*, *Павелъ и Виргинія*, *Тетка*, *Аврора Водовозъ*, и т. п., столь же занимательныя по содержанію, какъ пріятныя по музыкѣ; также малые Италіянскіе оперы Буффа, каковы *Два сельца*, *Фанатикъ музыкальный*, *Тайный бракъ* и т. п. Иногда даже появлялись у насъ оперы Моцарта. У насъ былъ свой отличный композиторъ легкой музыки Титовъ. Нѣкоторыя его партитуры превосходны. О. А. Козловскій, бывшій Директоромъ музыки, написалъ

прекрасную и характеристическую музыку для Озерова *Фингала*. — Гг. Кавосъ и Антонолини писали милую музыку для геніяльныхъ балетовъ Дидло и аранжировали музыку для водевилей. Долгое время модною піесою была *Русалка*, дошедшая наконецъ до четырехъ частей. Эта опера поступила наконецъ въ воскресные спектакли, и послѣ того надоѣла, отъ частыхъ повтореній. *Въ Русалкѣ*, однако жъ, есть много пріятныхъ мотивовъ, а главное ея достоинство въ томъ, что музыка ея не превышала способностей пѣвицъ и пѣвцовъ, и отъ того опера шла хорошо. Должно отдать справедливость храбрости и неустрашимости нынѣшнихъ артистовъ! Они, съ геройскимъ самоотверженіемъ берутся пѣть партіи, написанныя для Гг. Рубини, Тамбурини, Нурри, Г-жъ Малибранъ, Каталани, Зонтагъ! Тогдашніе артисты были робки, и пѣли только то, что могли хорошо спѣть.

Я не могу исчислить здѣсь всего тогдашняго репертуара, а только сообщаю нѣкоторое понятіе о духѣ его. Не думайте, чтобъ я потому только хвалилъ старину, что въ молодости все кажется человѣку *лучше, красивѣе, пріятнѣе!* Нѣтъ, я и теперь умѣю цѣнить и наслаждаться высокими талантами В. А. Каратыгина, А. М. Каратыгиной, И. И. Сосницкаго, Щепкина, и сознаюсь, что никогда не бывало такой танцорки, какъ Г-жа Таліони! Но блескъ театра составляетъ цѣлое (ensemble). Чтобъ игра на фортепіано была пріятною, надобно, чтобъ инструментъ былъ настроенъ и поты хороши. Старинная нѣмецкая пословица справедлива, что одна ласточка не составляетъ еще весны! Главное, что драматическая наша литература, какъ и вся изящная словесность, въ совершенномъ упадкѣ. Весьма немногіе изъ хорошихъ писателей русскихъ (а всѣхъ хорошихъ русскихъ литераторовъ можно нынѣ счесть по пальцамъ) рѣшаются работать для сцены, и даже немногіе принимаются за переводы. Изъ хорошихъ переводчиковъ піесъ серьезныхъ и важныхъ, я могу назвать только П. Г. Ободовскаго. — Князь А. А. Шаховской, Н. И. Хмѣльницкій замолкли, и ихъ прекрасныя піесы уже сошли со сцены. М. Н. Загоскинъ, написавшій нѣсколько веселыхъ, характеристическихъ піесъ, бросился въ другой родъ, а по драматургіи вступилъ въ невыгодное для себя соперничество съ неподражаемымъ Грибоѣдовымъ, который, по несчастью, создалъ одно только совершенство (chef-d'oeuvre), высшее, однако жъ, въ чтеніи, нежели на сценѣ. Н. В. Кукольникъ пишетъ прекрасныя драматическія поэмы для кабинетнаго чтенія, а не для сцены. Драмы барона Розена, прекрасныя по вымыслу и чувству, имѣютъ мало движенія на сценѣ. Одинъ Н. А. Полевой, неутомимый дѣлатель во всѣхъ отрасляхъ литературы, изъ любви къ ней и изъ жалости къ безплодію драматической почвы, оживляетъ русскую сцену оригинальными произведеніями. — Большая часть этихъ піесъ (почти всѣ) имѣли удивительный успѣхъ

и это должно обезоружить умную критику. Гоголь *Ревизоромъ* доказалъ, что онъ имѣетъ комическій талантъ. Если-бъ онъ больше работалъ и трудился, то занялъ бы почетное мѣсто между русскими драматическими писателями. Нашу литературу освѣтила уже самая пріятная надежда, при появленіи *Бориса Годунова*, Пушкина, и *Горе отъ ума*, Грибоѣдова. Эти два генія могли бы создать самородную оригинальную русскую трагедію и комедію. *Борисъ Годуновъ* писанъ не для сцены, но Пушкинъ доказалъ этимъ созданіемъ, что, подчинясь условіямъ сцены, онъ могъ бы стать на ряду съ Шиллеромъ. Показавъ Мольеровскій талантъ въ изображеніи характеровъ и въ изложеніи, Грибоѣдову стоило только дать болѣе дѣйствія, болѣе движенія комедіи, чтобъ сравняться съ безсмертнымъ Мольеромъ. И Пушкинъ и Грибоѣдовъ въ могилѣ!.... Пушкины и Грибоѣдовы раждаются вѣками! Но я уже увлекся за предѣлы прошлаго.... Кончаю усерднымъ желаніемъ, чтобъ оно повторилось въ будущемъ!

ѲАДДЕЙ БУЛГАРИНЪ.

ГРѢШНИЦА.

РАЗСКАЗЪ ДЛЯ ДРАМЫ *.

Я искалъ себѣ другой квартиры, и ненаходилъ. Мнѣ хотѣлось, чтобъ улица была сколь можно отдаленная и вмѣстѣ чистая; чтобъ она была несовершенно безлюдная, и чтобы при жильѣ былъ садикъ. Бродя по вечерамъ, я однажды остановленъ былъ уютною наружностію домика. Черезъ заборъ виднѣлись вершины березъ, густая зелень мелколиственныхъ акацій и развалистыя вѣтви яблонь; на воротахъ, былъ прибитъ лоскутъ синей бумаги, укрѣпленный рамочкою изъ драни. Дернувъ за отломокъ прутика, привязанный къ веревочкѣ, которая открывала щеколду, я вошелъ въ калитку, и сдѣлавъ шагъ, былъ встрѣченъ дородною женщиною, простаго состоянія, лѣтъ пятидесяти.

— Что угодно? – спросила она.

— Не отдается ли у васъ квартира? Вы хозяйка дома?

— Да, – отвѣчала женщина, и внимательно осматривая меня, прибавила: – А какъ вамъ требуется?

— Такъ, – комнатки двѣ, три.

— Есть, сударь, четыре комнатки съ кухней; прошу пожаловать. – Мы вошли на деревянную лѣсенку. Отворяя дверь и впуская меня въ прихожую, хозяйка сказала въ полголоса: «тутъ живутъ еще, батюшка; да ничего, ужъ теперь скоро очистится.»

— Какъ же? – спросилъ я, останавливаясь.

Но хозяйка отперла другую дверь, и громко повторяя: «Ничего, ничего сударь, пожалуйте, войдите-съ!» — почти втащила меня за руку.

Въ прихожей было темно, грязно, душно. На полу валялась щепа и обломки полугнилаго дерева; въ углу стояло ведро и, на скамьѣ, корыто съ мыльною водою. Въ комнатѣ, запыленныя и закоптѣлыя стекла оконницъ, были почти совершенно закрыты широко и безпорядочно разрошимися листьями настурцій и герани. Возлѣ стоялъ изломанный стулъ; въ углу лежалъ большой узелъ, какъ будто грязна-

* Предлагаемый здѣсь разсказъ есть эпизодъ изъ новаго романа одного изъ извѣстныхъ нашихъ писателей, который вскорѣ выдетъ въ свѣтъ подъ названіемъ: *Мѣщанинъ*.

го бѣлья, увязаннаго въ простыню; на покороблennомъ комодѣ, вмѣсто ножекъ подпертомъ кирпичами, лежали обломокъ зеркальца, полуразбитая чашка; на гвоздяхъ, по стѣнѣ, висѣло изношенное тряпье; подалѣе, на оборотенномъ вверхъ дномъ ушатѣ, съ отбитыми ушами, стояла кружка и лежала большая церковная книга съ застежками.

Эта картина нищеты поразила меня самымъ непріятнымъ образомъ. Я хотѣлъ выйти, но оборотясь къ противуположной окнамъ стѣнѣ, увидѣлъ въ углу, на клочьяхъ соломы и сѣна, покрытыхъ грубымъ холстомъ, женщину, закутанную въ какой то капотъ, и дѣвочку, лѣтъ 8 или 9, въ рубашечкѣ, полунагую. — Сидя на полу, дитя держало въ поднятыхъ ручонкахъ книгу, передъ лицемъ лежавшей женщины. Присутствіе наше, казалось, вовсе не разстроивало ихъ. Какъ будто привыкнувъ къ подобнымъ посѣщеніямъ, дитя даже необоротилось, а женщина недвижно продолжала смотрѣть въ книгу, которая застѣняла отъ меня ея лице.

—Что это? – спросилъ я хозяйку въ полголоса.

—Больная.....

—Больная? А вы вводите меня сюда,—продолжалъ я; такъ куда же вы денете ее, если я найму квартиру?

—Куда? – отвѣчала она сердито и громко.—Вотъ цѣлые годы такъ, и выжить не могу; разореніе да и только, хоть бы умерла ужъ скорѣе, прости Господи.....

—Что вы, что вы!—сказалъ я,—боитесь ли Бога?—и тотчасъ вышелъ. Хозяйка послѣдовала за мною, и бережно затворя двери, величала меня, съ испуганнымъ видомъ:

—Гдѣ вы сами живете? спросилъ я.

—Во флигелечкѣ, сударь.

—И никто болѣе не живетъ въ домѣ?

—Никто, батюшка; посудите сами.....

—Этотъ садъ принадлежитъ вамъ?

—Мой-съ.

—Зайдемте же къ вамъ; я хочу непремѣнно знать, кто эта женщина; иначе не найму.

Мы вошли въ комнату; отодвигая столъ и указывая мнѣ мѣсто на диванѣ, хозяйка тотчасъ было схватила съ окна штофикъ и рюмку.—Не безпокойтесь, сказалъ я, сядьте здѣсь, возлѣ, Домикъ вашъ я найму; уединенное положеніе и садикъ нравится мнѣ; но съ условіемъ: я требую, чтобъ вы разсказали, кто женщина, которую я тамъ видѣлъ, и прошу не утаивать.....

—Что намъ таить, батюшка, извольте. Какъ нанимали онѣ у меня домъ, такъ пріѣзжали въ каретѣ, да въ колескѣ, и переѣхали сюда съ такимъ хозяйствомъ, что твоя чаша полная, а теперь, бѣдняга, вотъ дошла до какой окказіи!.... Я, господинъ, не доложила вамъ о цѣнѣ: домишко-то ходитъ по 520 рублей въ годъ.

—Хорошо, хорошо; извольте сказывать: кто она?

—Женщина она страхъ добрая; да что жъ, сударь, дѣлать, если Богъ послалъ такую неудачу? Я, чай, дня черезъ четыре умретъ ужъ непремѣнно; долѣе врядъ-ли теперь, сердечная, протянетъ; такъ я тотчасъ очищу для васъ квартиру. А вотъ, батюшка, къ ней и банька, тамъ, за огородцемъ, и кладовая особая.....

—Ну, оставьте это, пожалуста; я сказалъ, что найму вашъ домъ, если вы разскажете все, что знаете объ этой жилицѣ, съ самаго начала.... Садитесь.

—Вотъ, о Троицѣ будетъ, сударь, равно пять лѣтъ, сидѣла я у окна, вдругъ слышу — экипажъ. У насъ дрожки ѣздятъ, а экипажей-то по улицѣ мало слышно, такъ я и высунулась; смотрю — коляска, и сидятъ кавалеръ, военной, молодецъ такой и барыня, нарядная, да такая хорошая, что чудо. Проѣхали они и посмотрѣли на меня, потомъ на ворота, а на нихъ, былъ тогда, отецъ мой, билетъ, тотъже, что ваша милость и теперь видѣли. Я глядь, анъ они и вернули; да и остановились прямешенько противъ окна.— «А что?— спросилъ кавалеръ, — у тебя, матушка, есть, кажется, квартира? »—Есть, ваше благородіе. — Господа-то вышли тотчасъ, а я и давай показывать имъ домъ, и въ кухоньку зашли, и въ баньку, и въ садикъ.—Кавалеръ все что-то по французски что-ли скажетъ барынѣ, а она поднимете вуаль, красавица, свѣженькая такая, да полненькая, алая и съ свѣтлыми, будто звѣздочки, глазками, побѣжитъ, да всѣ уголки, батюшка, сама еще разъ осмотритъ, и по иностранному же ему и отвѣчаетъ что-то. Такъ они съ полчаса пробыли.— «Такъ нравится тебѣ, Лиза?»—спросилъ кавалеръ, и поцѣловалъ ее. — Другъ мой, сказала о насъ, ты знаешь, мнѣ вездѣ нравится съ тобою!—«Ну, за мною вашъ домъ; матушка, вотъ вамъ сто рублей въ задатокъ.»— У меня, сударь, отвѣчала я, ходитъ по 45 рублей въ мѣсяцъ. Все равно ужъ тамъ мы сосчитаемся; завтра я пришлю сюда рабочихъ, чтобъ все исправили и очистили, какъ я прикажу.» —А имячко ваше, сударь, позвольте узнать?—«Послѣ, послѣ!» сказалъ онъ. — Я поклонилась, а они сѣли, да и уѣхали.

Черезъ день, пришли рабочіе всякіе: штукатуры и печники и маляры; затирали стѣны, оклеивали ихъ узорными бумажками; такими, что парча сущая; расписали потолки; печки всѣ вычинили; тамъ подѣлали занавѣси, въ одной комнатѣ, батюшка, шелковыя, а въ другой кисейныя; на полахъ коврики разложили, да и стали носить мебель. Истинно государь мой, загляденье было: клавикорды, зеркала, всякіе диванчики, столики и кресла. Люди сказывали, что все отъ Нѣмца, что богатымъ дѣлаетъ и живетъ, кажется, у того мосту, какъ бишь.....

—«Ну, хорошо, — что же потомъ?»

—А потомъ, отецъ мой, переѣхали они сами. Ужъ истинно и въ царскихъ-то покояхъ лучше быть нельзя. Я не могла нарадоваться, глядя на свой домикъ: игрушка сущая! Кавалеръ не остался жить, а только пріѣзжалъ, почитай, всякій день, а осталась жить барыня, Лизавета Егоровна, да барышня Надежда Николаевна, ей было тогда годика два, три, не болѣе.—Кухарка и горничная, насмныя, не могли нахвалиться Лизаветой Егоровною. Ужъ такая, говорятъ, была барыня разумная и добрая, что другой, какъ клада, не отыщешь. И точно, батюшка, сама я насмотрѣлась довольно, что за ангелъ такой: ласковая, прекрасная собою, не повѣрите; а какая хозяйка, Господи Боже мой! — Тутъ старуха принималась горько плакать.

—«Вотъ видите, говорилъ я ей, вы плачете теперь сами; а тамъ, Богъ знаетъ, какъ съ нею обходитесь?»

— Да что же, отецъ мой; какъ же быть-то мнѣ? Вѣдь я самая бѣдная; а вѣдь бьюсь ужъ съ нею сколько лѣтъ; не умирать же и мнѣ съ голоду, за нее, родимую; наше дѣло вдовье; доходишко скудный, только съ дому, а что съ нея

взять?—Вотъ, третій годъ совсѣмъ больна; посудите, куска хлѣба нѣтъ, а у меня изъ за нея домъ безъ жильцовъ, и тоже часто сижу безъ хлѣба.

—«Ну, — продолжайте!»

— Мастерица такая была на всякое дѣло и рукодѣлье. Бывало, цѣлый день, какъ муравей, то вышиваетъ, то картинки рисуетъ, то читаетъ или пишетъ, или играетъ на клавикордахъ, да поетъ, или цвѣточки дѣлаетъ; и всегда веселая, какъ птичка небесная, а набожная и добрая, какъ ангелъ. Истинно радость была; все бы смотрѣлъ на нее, сложа руки! — Кавалеръ пріѣзжалъ въ разные часы, то поутру, то вечеркомъ или къ обѣду. Она, голубушка, бывало, ждетъ его, и когда издали чуть заслышитъ дрожки или коляску, выбѣжитъ на крылечко и бросится къ нему на шею, да какъ цѣлуетъ его, да сама какъ плачетъ и смѣется отъ радости! Ну! ужъ любила его злодѣя, истинно, такъ, что не приведи Богъ! А тутъ Наденьку принесутъ, и Боже мой, Боже, какъ они ее ласкаютъ, да тѣшатъ. Мы простые люди, любуемся изъ за уголка, да дивимся. Ужъ такой онъ, говоримъ счастливой; знать, въ рубашкѣ родился. Женщины, видите, сказывали, что она называла его все дядюшкой... ну, государь мой, не учить мнѣ васъ—извѣстное дѣло.... А сама-то она была штабъ-офицерская дочь, маіора армейскаго; его убили въ войнѣ, а ее и взяли маленькую въ какой то казенной пансіонъ; потомъ, какъ выучили всему да выпустили, она жила за городомъ, въ Рамбовѣ, что-ли, съ матушкой. Тамъ то и съ кавалеромъ познакомилась, потому что ихъ баталіонъ становалъ тамъ на квартирахъ. Видно, офицеръ-то помогалъ имъ и деньгами; онѣ, бѣдныя сказываютъ, сильно перебивались: извѣстно, что у армейскаго маіора останется! Мать была старая и больная женщина; бывало, когда груститъ о дочери: не печальтесь, говоритъ ей офицеръ, такой невѣстѣ женихъ сыщется; она такъ мнѣ нравится, что я самъ женился бы на ней, тотчасъ, право, да теперь не могу еще; подождемъ немного.— Вотъ, зимою когда офицеръ былъ въ Петербургѣ, мать вдругъ померла; дочери было лѣтъ 18; что дѣлать бѣдной! Кое у кого позаняла, кое что продала, работала, тянулась, какъ могла. Тутъ открылись должишки, оставленные матерью; платить было нечѣмъ; захватили у бѣдной платья и мебель; продали: сироту всякій обидитъ; а потомъ случился пожаръ и послѣднее сгорѣло до питки! — Какъ быть? къ кому кинуться! гдѣ жить? чѣмъ питаться? Хотѣла она итти въ Питеръ, хоть въ услуженіе, да и одѣться-то не во что. Вотъ и написала она письмецо къ прежнему благодѣтелю, чтобъ помогъ на время, а сама, скрѣпя сердце, пошла, горемычная, просить, Христа ради, по улицѣ. — Посудите, батюшка, при такомъ воспитаніи..., а какъ быть? Долго не было отвѣта; потомъ, писалъ ли онъ, самъ ли пріѣхалъ, не извѣстно, только узнала послѣ, что онъ, ее голубушку, привезъ въ Петербургъ.

Что тамъ было не знаемъ; а у меня прожили онѣ въ радости и довольствѣ болѣе года; какъ монашенька Лизавета Егоровна, бывало, никуда не выходила, развѣ по двору, да въ садикѣ прогуляется, или сидитъ за работой, или съ книгою, а не то, рѣзвится съ Надеженькой. По воскресеньямъ, бывало, одѣнется скромнехонько, и пойдетъ себѣ съ дѣвушкой въ приходскую церковь, да станетъ въ самой уголокъ, и мо-

лится,—что загляднешься да запла-чешь. — Вотъ, стали мы замѣчать, что дядюшка-то началъ ѣздить поръже, нѣтъ его день, нѣтъ три, а тамъ и недѣлю; а она горюетъ, бѣдняжка; сядетъ на диванъ и плачетъ тихонько.—Иной разъ, вдругъ выбѣжитъ въ прихожую: Смотрите, смотрите, говоритъ; кажется, пріѣхалъ? — Нѣтъ, сударыня, никого — отвѣчаютъ дѣвки. Войдетъ опять, бѣдненькая, возьметъ Надю на колѣни, цѣлуетъ ее и рыдаетъ пуще. Сердце у насъ такъ и надрывается отъ жалости; ну, а сказать ей ничего не можемъ. Вотъ, какъ пріѣдетъ дядюшка, то ужъ вдругъ сдѣлается счастлива, такъ что и вздумать нельзя; куда дѣнутся слезы и горе! А онъ поговоритъ что-то громко, да и собираться; она давай упрашивать: рано, говоритъ, побудь еще, я тебя опять долго не увижу. — Нѣтъ, скажетъ, завтра буду, да и побожится еще: ей Богу! — Она и проводитъ его за калитку и пока пыль видна отъ колесъ, все смотритъ вслѣдъ, да благословитъ и креститъ его изъ подтишка ручкою, а посалъ, войдетъ въ комнату, сядетъ, задумается, и ничего ужъ не видитъ и не слышитъ. Ну, а завтра, извѣстно, дядюшки нѣтъ, какъ нѣтъ.

Такъ, государь мой, велось дѣло. Бѣжалъ онъ все рѣже, а между тѣмъ и денегъ то у нея, бѣдной, не хватало то на то, то на другое; у него ни за что не проситъ; призоветъ меня или Дуню, закрасивѣется сама, да и говоритъ: Денегъ нужно бы; пожалуста, душенька, заложи это, или продай вонъ то. — Вдругъ дядюшка вовсе пересталъ ѣздить. Нельзя сказать, въ какую печаль впала тогда Лизавета Егоровна; — она была, какъ убитая. Повѣрите ли, батюшка, не кушала почти ничего по цѣлымъ днямъ; ночью встанетъ тихохонько, думаетъ, мы не слышимъ, и ходитъ по комнатѣ, заливаясь горькими слезами, или бросится передъ иконою на полъ, да и лежитъ цѣлые часы. — Въ два мѣсяца исхудала, побѣднѣла, узнать нельзя; слабая стала, какъ ребенокъ; все ей сдѣлалось противно; бросила хозяйство, работу, музыку; ничѣмъ не занимается у себя; никому словечка не молвитъ, только ходитъ въ церковь. Тихо стало у насъ въ комнатахъ, какъ въ гробѣ. Шепча между собою въ передней, мы слушаемъ, бывало, ея рыданія, да всякій день съ утра ужъ и несешь изъ дому что нибудь продавать, знаете, батюшка, за грошъ, что можетъ, болѣе 25 рублей стоитъ, а то ни хлѣба, ни дровъ, ни свѣчей купить не на что; мебель и платье убывали со дня на день.

Разъ надѣла она шляпку, старый капотикъ, и вышла рано, рано поутру. Мы ее ждать, ождать; нѣтъ къ завтраку, нѣтъ и къ обѣду, нѣтъ и къ вечеру. — Ночью вернулась, часу во второмъ; ничего таки не сказала, сѣла въ уголокъ и просидѣла такъ до другаго дня, почти до обѣда. Въ это время солдатъ какой то принесъ письмо, спросилъ: тутъ ли живетъ Лизавета Егоровна, отдалъ намъ, и ушелъ. Дѣвушка подала ей письмо; она взяла, да и говоритъ: Хорошо, душенька, поди себѣ! Та и вышла; минуты черезъ двѣ, слышимъ мы, крикнула барыня такъ страшно, какъ будто ее кто ножемъ ударилъ въ сердце. Открыли дверь, а она, сердечная, на томъ же мѣстѣ, открывъ глаза, разинувъ роть, и держа въ рукахъ письмо, сидитъ, какъ каменная. Боже мой! въ жизни не видывала страху такого! Вся окочепѣла; столбнякъ, что ли напалъ; повѣрите ли, ни рукъ, ни ногъ разогнуть не можно; письмо то, какъ будто приросло къ пальц-

цамъ, а глаза стали, какъ стеклянные — ужасъ! Мы воды, водки, курить перьями, тереть ее; куда-тебѣ! Ничего, таки каменная, совершенно каменная! Такъ пробились всю ночь; на утро пришла въ себя, тотчасъ и слегла; стала страшно кашлять, чахнуть, а тамъ и кровь начала часто итти горломъ.... Испортили ее, сердечную, этимъ письмомъ, батюшка! Съ тѣхъ поръ такъ, отецъ мой, и пошло.

—«Что же вы не отыскали тогда доктора?»

— Строго запретила; да и чѣмъ было доктору-то платить? Извѣстно, даромъ они и воды не дадутъ выпить. Ничего, говорила она, я съ дѣтства была испугана; это не въ первый разъ; не безпокойтесь, мои добрыя чулочки само собою.

Въ эту минуту разсказъ старухи былъ прерванъ Надеждой. Дѣвочка вбѣжала въ комнату съ кружкою въ рукѣ: «Бабушка,»—сказала она слабенькимъ голосомъ, «дайте, ради—Христа, кваску, маменька просить; страшно такъ закашлялась.

— Возьми, Надеженька.....

Квасу! Боже мой!—Да подите же сами, сказалъ я хозяйкѣ.— Она пошла и вскорѣ возвратилась. — Ну, что?—спросилъ я.—Это не въ первый разъ; совсѣмъ худа, сердечная.

—Нужно же помочь! И она никакого непринимала лекарства? никто не видалъ ея?

— Никто; вотъ почти три года сряду больна; иногда приходитъ конецъ концемъ; а когда по отойдетъ немного, тотчасъ принимается за работу: шьетъ и моетъ бѣлье; а еле держится. Да велика ли, отецъ мой, помощь отъ этого? Вы сами видѣли: все продано, едва остается тряпье, чтобъ одѣться и прикрыться.

— Это ужасно! Нѣтъ ли у васъ здѣсь хорошей женщины, чтобъ была при ней, я заплачу все, что нужно?

— Есть батюшка безъ мѣста женщина, сосѣдка; жила въ хорошихъ домахъ въ нянькахъ.

—Возьмите ее тотчасъ. Вотъ вамъ денегъ до времени, а ужъ я сдѣлаю остальное.

Было еще утро; къ вечеру больная получила все самое нужнѣйшее: готовое бѣлье, хорошую постель, нѣсколько простой мебели, платья, домашней утвари и пособіе отъ доктора, который посѣтилъ ее вмѣстѣ со мною.

Сердцу моему было неизъяснимо сладко, когда, на другой день, войдя къ страдалицѣ, я увидѣлъ комнатку ея чистою, въ порядкѣ, снабженною всѣмъ необходимымъ; а ее, въ свѣжемъ бѣльѣ и платьѣ. Въ старухѣ, которую наняли, къ счастью, нашли добрую, услужливую женщину.

Докторъ обѣщался посѣщать больную ежедневно; онъ передалъ мнѣ діэтическія наставленія, но объявилъ откровенно, что спасенія нѣтъ: чахотка достигла высшаго періода. Онъ полагалъ, что надлежащими пособіями можно было только уменьшить страданія, продлить на неопредѣленное время жизнь и приготовить кончину спокойную.— Я приказалъ очистить себѣ отдѣльную комнатку, и переѣхалъ въ тотъ же день. Что влекло меня, что меня привязало съ первой минуты къ больной,—извѣстно Богу; то было дѣло моего Ангела-Хранителя!

Когда я въ первый разъ сѣлъ возлѣ кровати, больная благодарила меня съ глубокою признательностію, но съ выраженіемъ совершенной безнадежности. Она была тверда духомъ и увѣрена въ неизбѣжной, близкой кончинѣ. Я изумился. Нѣсколькихъ словъ было достаточно, чтобъ видѣть въ ней женщину

очень хорошо образованную, чувствительную до высшей степени, выстрадавшую много, извѣданную на осемкѣ злополучія, и окончательно воспитанную уроками одинокаго мышленія, терпѣнія и вѣры. Отъ меня не скрылось, что она была удивлена противорѣчіемъ моего языка и обращенія съ моею наружностію. —

Елисаветѣ было не болѣе 26 лѣтъ. Она была истинно прекрасна. Истощенное болѣзнію лицо выражало необыкновенное благородство. На немъ лежало возвышенное и стройное спокойствіе, эта печать продолжительной, внутренней борьбы, въ которой чистое духовное начало, одержавъ верхъ и учредивъ нераздѣльно мирное владычество свое въ человѣкѣ, облекаетъ его своею священною тишиною. Темнорусые волосы, раздѣлялись на двѣ густыя косы, съ обѣихъ сторонъ ея лица сближались по щекамъ вокругъ ушей. На этихъ нѣжныхъ впалыхъ щекахъ игралъ обманчивый румянецъ, какъ послѣдній отблескъ солнца подъ исходъ жаркаго дня. Глаза голубые, ослабленные слезами, смотрѣли такъ уныло, такъ жалобливо, и вмѣстѣ такъ свѣтло и утѣшительно изъ подъ длинныхъ рѣсницъ, какъ смотритъ рогъ молодой луны изъ за облака, закрывающаго отъ него любимую землю. Въ нихъ рисовался слѣдъ тихой мечтательности, выражалась доброта души, глубокая, важная скорбь и самоувѣренная покорность Провидѣнію.

Трогательна была наружность этой прекрасной обреченницы неизбѣжной кончины, этой избранной жертвы, если нерашнодушно, то презрительно закланной на алтарѣ сластолюбія. Невинный ребенокъ, милая Надежда вызывала изъ сердца самое живое участіе! Бѣдняжка! Она рѣзво встрѣчала жизнь повитую бѣдствіемъ, взлелѣянную нищетою, назначенную безпощадному отверженію; въ неразумѣ, въ счастливой безпечности своего возраста, она, играла этою розою, не видя острыхъ ея шиповъ; она не знала лучшаго; не понимала того, что было, не предвидѣла того, что ждетъ ея на землѣ. Какъ часто мать ласкала дѣвочку съ задумчивостію, невольно наводившею умиленіе; обвивъ руками ея красивую головку, Елисавета съ увлеченіемъ цѣловала дочь въ лобъ, уста и очи, и устремляя къ небу томные глаза, изъ которыхъ выкатывались жемчужныя слезы, впадала вдругъ въ раздумье, уносившее ее далеко или въ печальное минувшее, или въмрачное будущее. О, что совершалось тогда въ глубинѣ ея души! Волненіе ея мыслей обнаруживалось быстрымъ трепетомъ впалой груди, мгновеннымъ блистаніемъ глазъ. Уста ея раскрывались для горькой улыбки, для тяжелаго вздоха, или сжимались, какъ у человѣка, желающаго заглушить крикъ, исторгаемый нестерпимою болью!

Я не смѣлъ дышать въ эти великія минуты святой скорби. Много разъ, долго съ безмолвною и глубокою тоскою, но вмѣстѣ съ страшною жадностію, я всматривался въ эти нѣмыя и краснорѣчивыя картины настоящаго страданія. — Въ нихъ высказывалась повѣсть цѣлой жизни; онѣ отражали всю душу страдалицы; развертывали мнѣ широкое поле для поучительныхъ сближеній, представляли обильную пищу для ненависти къ людямъ, и вмѣстѣ для высокаго уваженія къ высокой природѣ человѣка! —

Медикъ предвидѣлъ все вѣрно: больная гасла, какъ лампада, поядающая послѣднія капли своего елея, тихо. Я неслыхалъ отъ нея ни

жалобъ, ни ропота; участіе мое перешло въ самую безпредѣльную и горячую дружбу. Я уважалъ эту женщину, я привязался къ ней душею; проводя съ нею цѣлые дни, боялся выйти изъдому, не надѣясь, по возвращеніи, найти ее живою. Я вслушивался въ ея голосъ; онъ казался мнѣ гармоническимъ, какъ ропотъ струи, умирающей б. лизберега. Я плѣнялся ея умными рѣчами; дивился ея смиренію, ея вѣрѣ, какъ алмазъ твердой и чистой, и неисчерпаемой добротѣ ея сердца. — Я заглядывался на медленныя и стройныя движенія этой милой женщины, на невыразимую прелесть кроткаго ея лица; она казалась мнѣ не земнымъ существомъ. Ея страданія и покорность, ея красота, добродѣтель и страшная участь, переносимая съ истиннымъ геройствомъ, присутствующая, неотразимая смерть, горькое мое одиночество, все порождало во мнѣ дружбу, проникнутую священнымъ уваженіемъ, и я любилъ Елизавету, какъ ангела. Да, я любилъ ее со всею горячностію души, которая искала въ жизни участія, и была обманута во всемъ! Я любилъ ее, какъ узникъ, томящійся въ душной темницѣ, любитъ лучь свѣта, неожиданно проникающій въ его мрачное заточеніе, какъ любитъ онъ надежду на избавленіе, нечаянно посѣтившую его страданіе. Любовь моя росла и ввергала меня въ отчаяніе; иногда я не могъ смотрѣть на Елисавету; поспѣшно удаляясь въ свою комнату, я бросался въ кресла и предавался совершенно отчаянію. Возможно ли, чтобъ это существо погибло, какъ скошенный цвѣтокъ, угасло, какъ брошенный свѣтильникъ! Нѣтъ, она будетъ жива..... Лиза! — Боже мой! она уже полумертвая!

Въ хорошую погоду мы хаживали въ садикѣ, бесѣдовали, и каждая бесѣда открывала мнѣ въ ней новыя, незамѣченныя достоинства. Иногда я читалъ, она занималась какимъ нибудь легкимъ рукодѣліемъ. У насъ не было роскоши, не было обилія, но не было и недостатка ни въ чемъ. Кто заглянулъ бы тогда въ этотъ маленькій домикъ, укрывшій двухъ жалкихъ страдальцевъ, тотъ сказалъ бы, что въ немъ живутъ избранные Небомъ счастливцы! И точно, эта небесная душа казалась совершенно счастливою; а я, клянусь, если бъ не мысль о ея кончинѣ, я, тоже, глядя на нее, слушая ее, упиваясь ея христіанскою бесѣдою, живя съ нею подъ одною кровлею, дыша однимъ воздухомъ, былъ бы совершенно счастливъ! Я позабылъ весь міръ, всѣ печали; прошедшее для меня какъ будто не существовало! Елисавета рѣчами и примѣромъ пролила небесное спокойствіе на мою душу. Мнѣ открывалась новая грань жизни; я перерождался; я видѣлъ, что я не оставленъ Богомъ, что я былъ нуженъ на свѣтѣ.

Прошло лѣто. Осенью больная, къ удивленію моему и радости, сдѣлалась свѣжѣе, живѣе; всю зиму это состояніе поддерживалось, и надежда понемногу начала вкрадываться въ мое сердце.

— Не правда ли, говорилъ я Елисаветѣ, вы чувствуете себя гораздо сильнѣе?

«Потому что становлюсь со дня на день здоровѣе душею; и вамъ, мой добрый другъ, вамъ я одолжена этимъ. Вы безпредѣльно добры! Богъ любитъ васъ и потому послалъ васъ на благой, на великій подвигъ искупленія грѣшницы. Твердость моя начинала слабѣть...»

— Нѣтъ, вы примѣромъ своимъ нау-

чилъ меня слабаго... Но въ самомъ дѣлѣ, силы ваши возвращаются?

«Добрый мой другъ!» сказала она, подавая мнѣ руку и кротко улыбаясь, «неужели мы будемъ обманывать себя? Во мнѣ не болѣзнь, но смерть, смерть неизбѣжная; она здѣсь, въ груди, въ головѣ, въ сердцѣ, въ цѣломъ составѣ моемъ; я носила ее долго, какъ тяжелый камень; но вотъ, она созрѣла, и я лелѣю ее теперь, какъ сладкую надежду; теперь я уразумѣла всю благость Вышняго. Онъ не призвалъ меня къ себѣ смущенную, отчаянную, отверженную, но явилъ на мнѣ великую милость, послалъ мнѣ васъ. Подъ вліяніемъ благодатной дружбы я чище омылась раскаяніемъ и молитвою. Въ болѣзни, которая уноситъ такъ быстро мои силы, Онъ отсрочиваетъ еще послѣдній часъ, чтобы благодарностію и любовію я, можетъ быть, успѣла и вамъ воздать за добро.»

— Елисавета, безнадежность непростительна христіанину...

«Безнадежность? А какая же надежда слаще для него надежды умереть съ прощеніемъ Неба? Помыслите, какъ встрѣтились мы? И зачѣмъ? О! цѣли Провидѣнія неисповѣдимы! Мы были нужны другъ другу; Богу извѣстно все... Я не спрашивала васъ, кто вы, я не знаю того донынѣ, и зачѣмъ? Что въ имени? Къ чему для души любопытство ума? Вы другъ мой, благодѣтель! Но развѣ могли вы полагать, что отъ вниманія и чувства моего ускользнутъ рѣзкія особенности: ваша одежда, ваша образованность, благородство помысловъ, глубокая тоска души вашей... Нѣтъ, нѣтъ, я вижу и въ вашей судьбѣ есть тяжелыя тайны! Не довѣряйте мнѣ ихъ, если того не требуетъ сердце, если къ тому не допускаютъ обстоятельства; онѣ не уменьшатъ, не усилятъ моего безпредѣльнаго къ вамъ чувства; ничто не можетъ сдѣлать его полнѣе, чище. Но другъ мой, кто знаетъ, можетъ быть, я, грѣшная, представивъ вамъ очевидный примѣръ бѣдствій жизненныхъ и неизмѣримой благости Неба, буду причиною хоть малаго утѣшенія? Не увручую ли я хотя одну изъ душевныхъ вашихъ ранъ? Не примирю ли я васъ съ кѣмъ либо? Моя полная исповѣдь Богу и милость Его не укажетъ ли и вамъ, добрый мой другъ, того единаго пути, на которомъ долженъ искать человѣкъ источника исцѣленія всѣхъ недуговъ?»

— Да, Елисавета, я вамъ обязанъ стократъ болѣе, нежели вы мнѣ. Вы, какъ лучь солнца радости, освѣтили мою скорбную дорогу. Скажите, въ ваши лѣта, гдѣ взяли вы этотъ высокій разумъ?

«Такъ, и я сдѣлала что нибудь доброе! А вы знаете лучше меня, какъ это отрадно сердцу! О, Боже мой! благодарю Тебя за это счастіе. Какое неизмѣримое пространство пройдено въ короткое время, какая чудная разница! Я кому нибудь была нужна; я сдѣлала доброе благодѣтелю, другу! А давно ли презрѣнная, жалкая, стыдясь самой себя, отверженная, я была игралищемъ тысячи смутныхъ побужденій, жертвою нищеты и страшныхъ угрызеній совѣсти, за преступленіе...»

— Елисавета, не называйте несчастія вашего преступленіемъ. Если бы вы были опытны, если бы вы тогда знали лживость человѣка, если бы нищета...

«●! все равно, все равно: я была преступна! Голодъ ужаченъ! Въ семнадцать лѣтъ, больно умирать отъ него: зимнія ночи длинны, холодны, мучительны для воспитанной нищей дѣвочки. Согрѣваться однимъ дыханіемъ, быть въ ру-

бищѣ, отирать леденѣющія слезы косою, трепеща отъ томительной лихорадки, подкладывать подъ голову только окоченѣлую руку, протягивать ее подъ окнами домовъ, сгарая отъ стыда, останавливать на дорогѣ проходящихъ, и прося во имя Христа, видѣть ихъ оскорбительную улыбку, вмѣсто хлѣба и участія слышать: «ты такъ хороша, ты такъ молода, поди, не умрешь съ голоду, захочешь—и будутъ у тебя деньги! О Это ужасно! ужасно! Я не выдержала, я протянула руку къ другу, къ человѣку, котораго тайно любила. Жестокихъ борѣній стоила мнѣ эта гибельная рѣшимость, но не во имя любви, которую я всегда скрывала, а во имя Бога Спаса, во имя добра, я просила подаянья—и вдругъ на меня посыпались: участіе, благодѣяніе, ласки, золото, выраженіе чувствъ самымъ нѣжныхъ и святыхъ. Полуубитая страданіемъ, неопытное дитя, обманутая, обаянная избыткомъ счастія, я довѣрчиво заснула нищею, а проснулась на богатой кровати, безчестною! И ни довольство, ни всѣ признаки участія, всѣ попеченія не заглушили бы природнаго голоса совѣсти и добродѣтели; не успокоили бы муки моей; но я любила и любима давно. Я страстно любила его съ тѣхъ поръ, какъ онъ вошелъ въ нашъ уединенный домъ, и когда я изъ жизни не знала ничего, кромѣ уроковъ, почерпнутыхъ воображеніемъ изъ пламени сердца, изъ пылу юности и потребности любви, и взлелѣянныхъ чтеніемъ романовъ и поэзіи. Я любила, когда существо мое, не понимая никакой склонности, кромѣ склонности къ матери, чувствовало недостатокъ другой. Я любила и потому вѣрила всему. Мнѣ клялись именемъ Бога, я несмѣла сомнѣваться. Я страстно любила, говорю я, —а любовь женщины есть вся ея жизнь и сила!.. И все таки я была преступна! И въ самую минуту обаянія, когда совѣсть страсти говорила мнѣ: для любви полной и безграничной всякое пожертвованіе возможно, всякое прекрасно, мнѣ казалось, что въ душѣ раздавался стонъ другой совѣсти, которая скорбно повторяла: твое великое пожертвованіе низко; есть другое, возвышеннѣйшее: сохрани себя чистою! Бореніе, томленіе и трепетъ, отчаянная битва страсти, заглушающей все, съ святою стыдливостію, никогда неподавляемою совершенно, уже и въ минуту наслажденія, но не блаженства чистаго, отравляли самую страсть мою, и тогда я смутно сознавала себя преступною! Тяжкой горько созрѣвалъ ядовитый плодъ слабости, воспрепятствовавшій мнѣ побѣдить въ минуту опасности увлеченіе страсти земной, страстію высокою, благородною-любовію духа. Напрасно, бѣдныя, преступныя женщины, мы усиливаемся извинять себя безграничностію любви, для которой нѣтъ невозможной жертвы, не разумъ, а душа обличаетъ лживость этого предлога. Высшая любовь есть высшая чистота, высшее уваженіе къ предмету страсти и къ себѣ для любимаго предмета! И никогда женщина не забываетъ того, но только заглушаетъ этотъ внутренній голосъ, когда созрѣлъ плодъ стыда. Богъ провелъ меня сквозь великія страданія, чтобъ раскаяніемъ моимъ и Своею милостію смыть съ моего чела клеймо позора! Онъ послалъ мнѣ утѣшителя, ангела въ небѣ, на землѣ далъ друга, и все пришло въ стройность! Да, человѣкъ нуженъ человѣку! О! да будетъ свято великое имя Бога! Я жду теперь кончины, какъ усталый путь-

никъ ждетъ встрѣтить глазами прохладный кровъ своего дома.»

— Почему же не молить Бога, чтобъ онъ теперь продлилъ жизнь, не грозящую болѣе бѣдствіями? Вы счастливы, вы спокойны въ совѣсти...

«А въ чемъ можемъ мы быть увѣрены? Родимся – проснемся, умремъ – засыпаемъ; мы дремлемъ между двухъ сновъ; настоящее, радостное пробужденіе наше–тамъ...

Наступила весна, рѣки вскрылись, птички высоко поднимались въ воздухѣ, кружились съ веселыми пѣснями; на деревьяхъ завязывались почки; молодые побѣги стремились во всѣ стороны; трава пробивалась, зеленѣла. Острый живительный воздухъ проникалъ весь составъ земли, всѣ ткани созданія. Елизавета вдругъ начала слабѣть, когда все оживало; но по мѣрѣ того, какъ тѣло ея истомлялось, душа и умъ окрылялись чрезвычайною дѣятельностію и силою. Я никогда не могъ уловить въ ней малѣйшаго признака тоски. Она не только не искала разсѣянія, но съ торжественнымъ спокойствіемъ повторяла мнѣ, когда я приглашалъ ее къ отдыху или слушанію какого-нибудь легкаго чтенія: «Нѣтъ, другъ мой! оставимъ теперь все это; время сближается, минуты дороги; не станемъ метать ихъ неразумно, чтобъ не раскаяваться послѣ. Будемъ вмѣстѣ; мнѣ нужно бодрствовать, да не изыду во срѣтеніе желаннаго жениха, какъ дѣва юродивая, съ свѣтильникомъ безъ елея.»

Такъ съ минуты на минуту ближе познавая Елисавету, я болѣе и болѣе цѣнилъ это сокровище, которое долженъ былъ скоро утратить.

Мнѣ казалось, что съ послѣднимъ ея вздохомъ порвется нить моего существованія. Она и надежда составляли тогда мой міръ. Я такъ былъ привязанъ къ нимъ, любовь моя къ страдалицѣ, эта высокая любовь полустарика, истомленнаго бурями жизни и почти не навидѣвшаго человѣчество, была такъ чиста, такъ нова, что я не могъ безъ ужаса подумать о ея смерти! Подъ часъ, какъ ребенокъ, я увѣрялъ себя, что этого быть не можетъ, и послѣ, смиряясь предъ неумолимою необходимостью разлуки, услаждалъ себя мыслію сосредоточить на дочери всю нѣжность мою къ ея матери. Въ бесѣдахъ нашихъ, свѣтлая душа ея и теплое, незлобливое сердце, безъ стѣсненія раскрывались во всей роскоши. Когда съ трогательною простотою она довѣряла мнѣ, какъ откровенный ребенокъ, какъ христіанинъ, не стыдящійся сознанія, всѣ подробности ужасной повѣсти своей жизни, жизни, полной вѣковаго страданія, перенесшей мѣстницу чувствъ самыхъ завѣтныхъ и вполнѣ презрѣнныхъ, и долженствовавшей угаснуть на двадцать шестомъ году, о, тогда я изумлялся: что выстрадала, бѣдная, что вынесла она! Тутъ не было честолюбія гордости и злобы; тутъ не было расчета... одно чувство святое и чистое! Какъ гнусно черны люди! И это игрушка, которою едва ли не каждый изъ мужчинъ игралъ въ безумной, въ полуживотной своей юности! И этимъ пятномъ едва ли не каждый осквернялъ чистѣйшій, прекраснѣйшій возрастъ своей жизни! И эта хладнокровная шутка, дерзская насмѣшка грязнаго червяка, ползущаго на дивный плодъ, чтобъ злобно источить его сердцевину, чтобъ созданіе роскошное и цѣлебное для жизни и украшенное лучшими дарами Неба, обратить въ нечистый тлѣнъ, совершается равнодушно, съ

беззаботною холодностію, равною только неистовой жаждѣ дикаго звѣря къ добычѣ, образованнаго человѣка къ чувственному наслажденію! И нѣтъ въ облакахъ грома, который бы мгновенно испепелилъ изверга! И нѣтъ въ рукахъ людей закона, который бы оклеймилъ, страшно обезобразилъ человѣка, чтобъ онъ служилъ позорищемъ, ужасающимъ другихъ? И чѣмъ выше, тѣмъ не болѣе ли этихъ людей на лѣствицѣ общественной, и чѣмъ они презрѣнѣе, тѣмъ не менѣе ли они презираемы! И Небо допускаетъ, чтобы развратное богатство и пышная ничтожность, обманувъ невинность, святую своимъ неразумѣемъ, обоявъ ее разгаромъ чувствъ безбожными клятвами, или властью, самомъ, ложью и пригоршнями золота возмутивъ разсудокъ безсильной бѣдности, давили стопою самое чистое существо, какъ ядовитаго гада!!

Елисавета! бѣдное, милое существо! Такова была твоя участь! Прелестный цвѣтокъ, созданный благостію Бога, для чего природа такъ любовно надѣлила тебя дарами своими? Ты должна была дивною прелестью украсить чей нибудь скорбный путь; ты должна была вплестись въ чей нибудь страдальческій вѣнокъ, и превратить его колючія тернія въ роскошныя розы; создать блаженство цѣлой семьи; оживить цѣлую пустыню бытія!... Явился безсильный человѣкъ, ничтожное дитя, зрѣлое только развратомъ, и насмѣшливо измѣпилъ твое предназначеніе, потому, что ты была слишкомъ чиста, слишкомъ слаба. Горе, горе! Невинность и добродѣтель не всегда ли въ обществѣ безсильны передъ порокомъ?— Ты не умѣла постигнуть: что въ завѣтномъ, въ самомъ священнѣйшемъ чувствѣ человѣка, есть то же грязь и прахъ, которые онъ неизбѣжно несетъ съ собою и сыплетъ повсюду на пути! Когда рука любимаго подавала тебѣ чашу, на днѣ которой была искусно приготовлена отрава, когда милыя тебѣ уста, осмѣлясь призывать Бога въ свидѣтели, говорили тебѣ: «Пей: это чистѣйшій медъ!»—ты пила, бѣдное дитя, напитокъ, охмѣляющій взрослыхъ; и что сталось съ тобою? За невинность — ты виновна; за вѣру — ты преступна; за любовь—ты попрана, уничтожена, разбита; за наслажденіе — тебя одарили презрѣніемъ, муками и нищетою!—Одинъ удѣлъ, одинъ только путь тебѣ открывалъ свѣтъ, закрывая всѣ другіе предъ тобою: путь жизни развратной; но вѣра, небесный учитель, шепнула тебѣ о стезѣ скорбей и раскаянія, она сказала: «Страдай, ты мать..... Еще есть примиреніе съ собою и Небомъ: оно въ страданіи и раскаяніи.»—И вотъ, слабая, безпомощная, ты, тотчасъ, заслыша этотъ шопотъ, безстрашно кинулась въ долгую муку! Ты рѣшилась, не колеблясь ни минуты, нести на себѣ тяжелый крестъ, собственными муками окупить чужой грѣхъ, и въ то время, какъ ты, отчужденная, томилась, освѣтляясь добродѣтелью и раскаяніемъ, онъ, грязной, жилъ въ спокойномъ довольствѣ; блестѣлъ можетъ быть въ отличіяхъ и въ уваженіи свѣта; и если бъ этотъ жалкій свѣтъ взглянулъ на него и на тебя теперь, въ минуты торжественнаго твоего величія, о, безъ сомнѣнія, надѣвъ маску обезображеннаго правосудія, онъ безмысленно оправдалъ бы злодѣя, и одну тебя, бѣдную, во имя оскверненной имъ добродѣтели, поразилъ бы безпощаднымъ презрѣніемъ и гоненіемъ! Гдѣ жъ владычество свѣтлаго разума, за которымъ люди гоняются, которымъ они, безумно ки-

чатся, если исторія жизни являетъ намъ только несправедливые законы страстей и выгодъ личныхъ? А между тѣмъ, изъ тысячи злополучныхъ, подобныхъ тебѣ, Елисавета, но лишенныхъ той высокой вѣры и твердости духа, которыя Небо послало тебѣ во спасеніе, сколь многія, безсильныя грѣшницы безответно не властны въ судьбѣ своей? Сколь многія совершенно невинны, и сколь немногія истинно виновны! Время не останавливалось, и со дня на день все болѣе надламывалось послѣднее кольцо, приковывавшее меня къ жизни. Я долженъ былъ лишиться друга, съ которымъ меня связалъ самый прочный узелъ, узелъ страданій и утѣшенія. Эта женщина согрѣла, освѣтила участіемъ унылое мое существованіе, долженствовавшее медленно и тяжко влачиться въ нераздѣльномъ одиночествѣ; она переродила меня духомъ, и покидала! Мрачный видъ медика, котораго я не смѣлъ уже спрашивать о больной, боясь услышать то, въ чемъ къ несчастію сердце мое было слишкомъ увѣрено, подтверждалъ опасенія наши. Всѣ въ домѣ предавались нѣмой печали, Елисавета одна была спокойна, почти весела, и въ веселіи ея небыло принужденія, но что-то важное и свѣтлое, какъ веселіе души послѣ прекраснаго дѣла. Для выраженія ея полнѣйшей, чистой дружбы ко мнѣ, ея любви къ дочери, ея вниманія къ служанкамъ, ея ровнаго, тихаго нрава, я не нашелъ бы словъ. Въ тѣ минуты, когда сердечный разговоръ или увлекательныя ласки Надежды невольно вызывали нѣжное чувство изъ глубины души ея, и тогда она видѣла, что слезы могутъ измѣнить ей противъ воли, что слезы могутъ обнаружить слабость, которая поколебletъ насъ, Елисавета чудесно умѣла остановить этотъ потокъ раздраженной чувствительности. Она сводила рѣчь, или удалялась въ свою комнату, и укрѣпясь тамъ молитвою, чрезъ нѣсколько минутъ являлась съ покойнымъ лицемъ праведницы, со взоромъ яснымъ и безъ заботнымъ.

Однажды, вставъ ранѣе обыкновеннаго, я вышелъ въ садикъ, сѣлъ на скамью и погрузился въ глубокую задумчивость. Елисавета спала еще. Вдругъ чья то рука бережно легла на мое плечо; я оглянулся: то была она. Другъ мой, сказалъ я, встревоженный,—такъ рано? Воздухъ сыръ и еще холоденъ.

»Не бойтесь, я тепло одѣта. О чемъ вы думали?» спросила она, садясь возлѣ.

— Я? о красотѣ мірозданія. Я смотрѣлъ на чудную дѣятельность растительности; замѣтьте, въ нѣсколько дней какъ все поднялось...

»Да, все торопиться къ цѣли; все это выбивается изъ мрака, изъ праха; все хочетъ освободиться отъ земли, и едва пригрѣется взглядомъ свыше, едва вкуситъ отъ пищи небесной, все вдругъ преображается, покрывается листьями, убирается душистыми цвѣтами, даетъ сочные плоды! Да, да, все это идетъ выше, выше, все тянется къ теплу, къ свѣту; все бѣжитъ къ небу! Взгляните, земля только что проснулась; солнце, слабый отблескъ Божьяго величія, едва взошло, и вотъ волнистыми разливами нетерпѣливо поднялись уже отъ лица земли роса и туманы, какъ будто слезы страдальцевъ, какъ будто желанія, надежды, молитвы смертныхъ, какъ будто грѣхи ихъ! Туда торопитесь: тамъ исполненіе всѣхъ надеждъ, утоленіе всѣхъ страданій, тамъ милость и прощеніе, тамъ нетлѣнное богатство, дивная красо-

та и вѣчная жизнь раздаются щедрою рукою Отца общаго...»

— Да, добрая Елисавета, да, я чувствую это: тамъ все великое; но и земля не прекрасна ли тоже? Каждое изъ этихъ существъ развѣ не назначено для благостной цѣли? И каждое выполнитъ ее, оставитъ по себѣ воспоминаніе: ароматы, плоды, сѣмена...

Но какъ неизмѣримо выше цѣль нашего существованія! И мы развѣ не оставимъ по себѣ памяти, несравненно прочнѣйшей: завѣтной и сладкой памяти нашей дружбы? памяти о грѣхахъ нашихъ, вызывающихъ ежечасно спасительную молитву? памяти о добродѣтеляхъ, требующихъ благословенія?—Ароматы разсѣются, цвѣты увянутъ, утратятъ блескъ, а сѣмена только чрезъ тлѣніе выйдутъ на свѣтъ и тепло, которыхъ плодотворная сила облечетъ ихъ новою жизнію. Такъ и душа перейдетъ къ бытію чистому, вѣчному, когда оставитъ тлѣнію тѣло.

— Душа прекрасная, какъ ваша, Елисавета, и на землѣ создастъ вокругъ себя рай...

«Что мы здѣсь?... То слишкомъ взыскательные, то пристрастные, мы увеличиваемъ пороки враговъ, или скрываемъ недостатки людей, которыхъ любимъ. А вы любите меня? Не правда ли?..»

— Могу ли не любить ту, которой обязанъ чистымъ міромъ души и великими уроками, не найденными мною ни на продолжительномъ, шумномъ торжищѣ жизни, ни въ безумномъ одиночествѣ.

«Такъ сохраните же это чувство въ памяти сердца; не зарывайте его со мною въ могилу; перенесите его на бѣднаго ребенка: будьте отцемъ Надежды! Вотъ моя молитва, послѣдняя...»

— Послѣдняя? Елисавета...

«Да, другъ мой, послѣдняя!» Тутъ она нѣжно взяла мою руку, и устремивъ на мои глаза свой свѣтлый, спокойный взоръ, продолжала медленно «Вы знаете, существуетъ мнѣніе, и можетъ быть, иногда справедливое, будто страдающіе чахоткою не подозрѣваютъ своей болѣзни и не думаютъ о возможности близкой смерти...»

Я побѣдѣлъ; она почувствовала, какъ рука моя содрогнулась въ ея рукахъ. «Посмотрите,» сказала она, «какъ солнце радостно свѣтитъ тамъ; мы здѣсь сидимъ въ тѣни; пройдемся лучше по тѣмъ дорожкамъ.» Я всталъ; она поддерживая меня болѣе, нежели опираясь, медленно продолжала прерванный ею разговоръ. Слѣдя всѣ впечатлѣнія своей рѣчи на лицѣ моемъ, она по временамъ перемѣшивала ее отступленіями, желая, какъ можно легче высказать тяжелую для меня истину. Я не смѣлъ прерывать, не могъ возражать, и слушалъ ее съ покорностію ребенка.

— «Вы знаете» продолжала она, «какъ ложно это мнѣніе въ отношеніи ко мнѣ; да и ко всѣмъ незараженнымъ въ концѣ безпечностію о душѣ. Возможно ли, чтобъ Богъ, нехотящій смерти грѣшника, но еже обратится ему живу быти, не снялъ слѣпоты съ очей внутреннихъ, и допустилъ душу погружаться въ суеты міра въ то время, когда она, какъ блудный сынъ, съ томительною поспѣшностію грѣховъ приближается къ священному порогу отцовскаго дома?... Послушайте... какая чудесная пѣсня! Какая эта птичка, другъ мой?

— Жаворонокъ....

— Я думала ласточка. Говорятъ, онѣ поютъ удивительно.

— Ихъ очень рѣдко можно слышать.....

— Мнѣ всегда казалось, что пѣ-

ніе птицъ имѣетъ тайный смыслъ; повѣрьте мнѣ: то молитва, хвала Богу. Лѣтомъ когда я хаживала въ церковь.... да, къ слову о церкви: знаете ли, что я начну говѣть съ понедѣльника? Погода прекрасная, и я чувствую себя довольно сильною.... Когда я бывала лѣтомъ въ церкви, пѣніе птичекъ, пролетавшихъ мимо открытаго окна, сливаясь съ голосами клира, производило на меня необыкновенное дѣйствіе; душа еще болѣе располагалась къ умиленію, какъ будто просилась въ небо, чтобъ исчезнуть тамъ съ этою пѣснію и слиться съ предвѣчнымъ началомъ своимъ.... Я буду тамъ, другъ мой, скоро!..»

— Скоро.... знаемъ ли мы, Елисавета, что опредѣлено намъ свыше?

—«Знаемъ, мой другъ. Хотите присѣсть подъ этой акаціей?

Мы сѣли.

«Вѣрьте мнѣ, черезъ мѣсяцъ эта акація вся будетъ покрыта зеленью и золотистыми цвѣтами; тогда вы уже одни сядите здѣсь, въ тѣни; Надежда будетъ рѣзвиться на травѣ, и глядя на милое дитя, вы помянете набожно ея мать, между тѣмъ, душа моя будетъ носиться надъ вами и всѣмъ намъ будетъ сладко!»

— Черезъ мѣсяцъ,—повторилъ я въ полголоса.

—«Я здѣсь такъ счастлива, какъ никогда люди не бывали счастливы; представьте же, тамъ я буду несравненно счастливѣе, и неужели вы хотѣли бы...»

— Черезъ мѣсяцъ! черезъ мѣсяцъ!—повторялъ я невольно.

«Да, около того времени, днемъ ранѣе, днемъ позже. Повѣрьте, есть внутренній голосъ, не обманывающій..... умирающаго: это добрый и правдивый глаголъ свыше. Потому-то непремѣнно я хочу говѣть теперь; я все еще неготова. Другъ мой, невообразимо важенъ шагъ, который мнѣ предстоитъ!... Можно ли пригласить къ намъ отца Симіона? Онъ благочестивый и умный священникъ: его напутствія будутъ намъ обоимъ полезны.»

— Пригласимъ сегодня же, если вы желаете.

—«Благодарю васъ.... Надя, я думаю, проснулась.—Милое дитя моей печали!... Видите ли, я разстанусь со всѣмъ, что мнѣ драгоцѣнно; но могу ли скорбѣть? я иду къ Отцу, и ей оставлю здѣсь отца, неправда ли?

— Клянусь! она будетъ моею дочерью....

—«Я и безъ клятвы вѣрю душѣ вашей; да сохранитъ васъ Провидѣніе.... О! да сохранитъ оно васъ долго, долго!... Дайте мнѣ руку; будемъ готовы къ близкой разлукѣ... поцѣлуйте меня; пусть небо видитъ этотъ поцѣлуй, святой, чисто, истинной любви и замогильной благодарности. — Мой утѣшитель! мой другъ! отецъ мой!»

Мы обнялись, и въ горестномъ поцѣлуѣ слезы наши долго, долго смѣшивались. — Я не могу описать вамъ чуднаго состоянія моей души въ ту минуту.....

Елисавета встала со скамьи; лицо ея выражало священную грусть; она взяла меня за руки, безмолвно устремила глаза на небо, медленно свела ихъ на меня, и тихо сказала: «Вотъ первый нашъ поцѣлуй; другой примите отъ меня, когда я буду прощаться съ живыми; послѣдній дайте мнѣ, когда будете прощаться съ мертвою! —Пойдемте; смиреніе и вѣра поддержатъ насъ.»

Мы медленно направились къ дому. Не знаю, кто изъ насъ былъ слабѣе.

Елизавета говѣла съ глубокимъ, святымъ чувствомъ, и это безпрерывное бодрствованіе духа быстро истомило остатокъ ея силъ;

страшная болѣзнь шла твердо къ своей цѣли, и съ часу на часъ сильнѣе сжимала въ неутомимыхъ объятіяхъ свою чистую жертву. Больная слегла наконецъ; иногда только, по желанію Елисаветы, поднявъ съ постели, мы сажали ее въ кресла. Но, не смотря на слабость, она или сама читала евангельскія поученія. Дѣянія Апостольскія и молитвы, или просила меня читать ихъ. Иногда, насытясь этой духовной пищей, она приклонясь ко мнѣ, въ полголоса говорила о добродѣтели и порокѣ, о любви къ ближнему, о милости и прощеніи, съ чистымъ воззрѣніемъ, съ глубокою истиною, съ увлекательностію, простотою и силою, которые, какъ дивные дары, даются человѣку въ извѣстныя минуты только страданіемъ и вѣрою, и остаются не доступными намъ гордымъ лжеумствователямъ!

Поученія умирающей врѣзывались въ мое сердце; нерѣдко они такъ близко примѣнялись къ моему положенію, къ моей жизни, что я невольно думалъ, не извѣстны ли Елисаветѣ главныя обстоятельства ея? Нѣтъ, то было невозможно; сначала я ей не довѣрилъ ихъ, не знаю почему; послѣ было поздно. — Ея слова падали прямо на раны моей души; ихъ глубокая христіанская философія, непонятная кротость и разумъ, начинали давать порядку моихъ мыслей совершенно новое направленіе. Мнѣ становились просты многія неразгаданныя печалимоей жизни; мнѣ открывались и мои ошибки.... но тогда это молніею проблескивало въ моей головѣ, — вскорѣ я забывалъ опять все, чтобъ заниматься ею; позже, они составили важнѣйшую-эпоху въ исторіи моего разума и сердца.

Такъ, когда я старался видами на безбѣдное спокойствіе, даже на счастливое будущее, ослабить въ ней скорбную, всегда сущую мыслью близкой смерти, она говорила мнѣ:

— Нѣтъ, другъ мой, или дружба ко мнѣ или неопытность въ жизни вводятъ васъ въ горькое заблужденіе. Теперь я счастлива, конечно; но это минутный только сонъ; онъ разсѣется. — Я счастлива потому, что близка къ смерти. — Если бъ я осталась жить, Богъ могъ бы призвать васъ къ себѣ внезапно, что сталось бы опять со мною? А если бы вы и прожили долго, долго; если бъ я даже была чиста, богата, спокойна, на комъ, когда не на дочери, сосредоточу всѣ самыя завѣтныя чувства? А что ждетъ ее бѣдную? — О! есть бичь ужасный, всегда, ежеминутно разящій, неумолимый! Этотъ бичь: мнѣніе; оно переноситъ месть свою чрезъ цѣлый рядъ поколѣній! Провидѣніе справедливо и мудро; умереть должно мнѣ; не забудьте, я была преступна, безчестна....

— Елисавета, вы ошибаетесь; вы не были безчестны. Безчестный воспользовался вашими шестнадцатью годами, вашею бѣдностію, неопытностію и любовію. Преступленіе ваше принадлежитъ свѣту! Да будетъ онъ проклятъ, этотъ свѣтъ, требующій добродѣтели и силы отъ голода и нищеты, и терпящій, лелѣющій порокъ въ богатствѣ. Прошедшее ваше тяжелый сонъ; забудьте его....

— Остановитесь, остановитесь! Не проклинайте никого; но говоря о моемъ прошедшемъ взвѣсьте, оцѣните будущее! — повторяла она. — Вы никогда, можетъ быть, не думали, другъ мой, о мнѣніи; я не знаю свѣта большаго, но мышленіе объяснило мнѣ законы общественности. Ужасная гидра! Къ чему послужило бы человѣку отрубать безчисленныя ея головы, если онѣ воз-

раждаются мгновенно? — Я была безчестна, а дочь моя не имѣетъ имени. Мнѣніе наложитъ на насъ эти два клейма, и въ какомъ бы положеніи мы ни были, ничѣмъ, никогда, мы не стерли бы ихъ, ни въ жизни, ни даже послѣ смерти. Вы видите, скажете вы мнѣ, множество такихъ людей въ обществѣ. Гдѣ ихъ клейма? Подъ золотомъ! Насъ они вездѣ обнаруживали бъ въ обществѣ, на улицѣ, въ церкви, въ бѣдности, въ богатствѣ. Глядя на прекрасную, невинную Надежду, люди шептались бы злобно, и указывая пальцемъ, презрительно говорили бы: «Это дочь безчестной женщины, а вотъ и мать ея.» Они полагали бы, что въ отношеніи къ ней все имъ позволено. Самая высокая добродѣтель не спасла бы ни меня, ни ее; отстраняя дѣйствія наши, забывая наши достоинства, всѣ повторяли бы то же, и еще болѣе. Если бъ она умерла дѣвицей, на камнѣ ея, я не смѣла бы написать ни чьего имени; если бъ наконецъ мужчина, презирая мнѣніе далъ бы ей свое имя, санъ, знаменитость, оградилъ бы ее своею силою, злобный свѣтъ принялъ бы бѣдную, и открыто льстя не ей, но ея званію, богатству, вліянію, онъ скрытно злорѣчилъ, поносилъ бы невинную безъ пощады, и провозглашая тайну ея рожденія, дочь мою живую, заставилъ бы возненавидѣть жизнь, а мать ее, мертвую, заставилъ бы и въ могилѣ трепетать отъ печали. О, это ужасно!! И вездѣ, всегда, среди вельможъ и народа было бы одно и то же; одни злы, другіе глупы, но мнѣніе общій ихъ царь. Все рушится, все гибнетъ — мнѣніе остается! Люди — не ангелы, свѣтъ не лоно Бога. Пусть преступленіе и порокъ покаются, исправятся, обратятся даже въ высшую добродѣтель: не того ли требуетъ отъ нихъ небо и законы общества? Да; и Богъ проститъ имъ; они святы, они чисты предъ Нимъ, они возрождены совершенно; но то Богъ! А люди? люди не простятъ имъ никогда; не тому учитъ ихъ мнѣніе; люди обнимутъ ихъ дружественно, и цѣлуя, лаская, сжимая въ объятіяхъ, выждутъ минуты самой убійственной—и вдругъ скажутъ громко въ лице: «вспомни, что ты была прежде! Коварный обманъ! Не лучше ли: не требуя исправленія, прямо зарѣзать несчастныхъ! Такъ мнѣніе убиваетъ все, даже самую добродѣтель! Вы не испытали этого; вы не думали объ этомъ. Повѣрьте мнѣ: горе человѣку, вооружившему противъ себя мнѣніе; кто бы онъ ни былъ, гдѣ бы ни былъ, оно неумолимо будетъ преслѣдовать его даже за предѣлы гроба; а кто захочетъ, дерзкій, побѣдить мнѣніе, тотъ самъ падетъ непремѣнно подъ его ударами!!

Она не знала, какъ мѣтко падала на мои раны страшная истина этихъ словъ.

Елисавета любила, чтобъ мы были въ одной комнатѣ съ нею, и потому мы часто обѣдали близъ ея кровати, наблюдая возможную тишину. Священникъ и докторъ посѣщали насъ почти каждый день.

Больная страшно слабѣла; она говорила уже мало, и нерѣдко цѣлые часы просиживала въ молчаніи, углубясь въ себя: но всегда привѣтствовала каждаго изъ насъ улыбкою.

Въ началѣ Іюня, въ одинъ день, столъ былъ накрытъ въ комнатѣ, гдѣ Елисавета сидѣла въ большихъ креслахъ. Надежда у ногъ ея перебирала книжечку съ картинками; близъ окна, я съ докторомъ занимался приготовленіемъ подкрѣпительнаго питья. Нѣсколько разъ уже собирались подавать обѣдать, но

Елисавета, впервые вмѣшиваясь въ это, останавливала всегда словами: «Подождать бы немного.» Вдругъ вошелъ священникъ.

— А, батюшка! сказалъ я,— не ждалъ васъ сегодня; очень радъ!

«А я ждала,» тихо произнесла Елисавета, улыбаясь, «я знала!..» Она хотѣла приподняться, но не имѣла силы, и сложивъ руки, склонивъ къ нимъ голову, сидя, приняла его благословеніе и въ то же время сказала ему что-то на ухо.

Едва мы пообѣдали, священникъ ушелъ. Вскорѣ Елисавета подозвала меня: «другъ мой,» сказала она, я всѣхъ обезпокою сегодня... перенесите меня въ садъ... небо такъ прекрасно... воздухъ тихъ... такъ нужно...

Я взглянулъ на доктора, онъ пощупалъ ей пульсъ, и сказалъ: «можно, можно; сегодня пульсъ гораздо лучше.» Елисавета улыбнулась. Я вскорѣ долженъ былъ понять значеніе этой улыбки. При пособіи служанокъ, мы исполнили желаніе больной.

Когда душа настроена, самыя ничтожныя обстоятельства привлекаютъ на себя особенное вниманіе. Пронося больную по тѣсной дорожкѣ, одна изъ служанокъ сломала кипарисное деревцо, которое Елисавета сама посадила въ началѣ весны; она замѣтила это, просила подать ей вѣтку, и ломая ее на части, задумчиво бросала ихъ по дорогѣ. Далѣе, близъ площадки, гдѣ она желала, чтобъ мы поставили ее, докторъ наступилъ въ травѣ на молоденькую птичку, вѣроятно выпавшую изъ гнѣзда или заѣденную кошкою; намъ сдѣлалось грустно.

«Здѣсь» шепнула мнѣ Елисавета, когда мы донесли ее до мѣста, гдѣ боковая дорожка разширяясь, упиралась въ небольшую липовую бесѣдку; «останьтесь одни» прибавила она. «По знаку моему всѣ отошли; я придвинулъ маленькую скамью и сѣлъ возлѣ.

Опустивъ глаза, Елисавета молчала нѣкоторое время; она погружена была въ глубокое размышленіе и казалось, собирала силы. Потомъ, какъ бы очнувшись, посмотрѣла кругомъ, и съ чувствомъ остановивъ на мнѣ взоры, показывая частицу кипарисной вѣтки, оставшуюся въ ея рукѣ сказала: «видите ли? Мѣсяцъ минулъ, слабое деревцо сломано, красный путь смерти усыпанъ не увядающею зеленью! «Прилягте головою сюда,» прибавила она, приклоняя свою голову къ правому плечу; «вамъ будетъ слышнѣе.» Я исполнилъ; въ этомъ положеніи я не могъ видѣть ея ангельскаго лица; она, можетъ быть, того и хотѣла; за то, какъ слушалъ я: я почти не дышалъ, но сердце и всѣ пульсы во мнѣ бились такъ, что стукъ ихъ отдавался въ ея плечѣ. Дыханіе Елисаветы было тяжело; голосъ слабъ, но твердъ и выразителенъ. Положивъ лѣвую руку на мою щеку, она то ласкала меня по лицу, то, едва чувствительнымъ движеніемъ прижимала мою голову къ плечу Медленна была рѣчь, очевидно было, что она понимала свою слабость.

«Другъ мой..... не прерывайте меня!»— такъ она начала.—«Часъ близокъ..... минуты изочтены..... воспользуемся! Я должна умереть здѣсь, — гдѣ предавалась преступной страсти! Здѣсь!... Я много страдала одинока... слезами укрѣпляя духъ; здѣсь небо послало мнѣ раскаяніе и васъ!... Здѣсь, передъ небомъ и вами я должна принести послѣднее покаяніе, омыться послѣднею очистительною слезою... забыть, простить все, чтобъ вымо-

лить себѣ и другимъ прощеніе! — «Она замолчала на минуту.

«На этомъ мѣстѣ, другъ мой, я еще пила ядовитые обманы жизни, и здѣсь же начала разгадывать ихъ страшную лживость... Здѣсь выпью послѣднюю каплю изъ чаши истинны вѣчной... прочту великую, тайну... приму судъ и правду!... О страшно и отрадно! — Пусть солнце, которое видѣло меня здѣсь нечистою, взглянетъ на обѣленную честною смертію!...

Слезы мои ручьемъ текли по лицу, и омывали ея руку, которую я безмолвно цѣловалъ.

Елисавета продолжала: — «Я не принадлежу болѣе землѣ; но на ней еще душа моя горько тоскуетъ... о тебѣ, другъ мой! Ты заковалъ въ сердцѣ своемъ какую-то глубокую тайну... я не знаю ея,.. но чтобы то ни было,.. молю тебя, именемъ Бога живаго... обѣщай мнѣ...

— Что хочешь! Что хочешь!

— Терпѣливо-углубись въ душу свою. — Если есть въ ней злоба, пожги ее... огнемъ вѣры! Не самъ ли ты виновенъ?... Не самодѣянъ ли? Нѣтъ ли гордости, жестокости въ сердцѣ? .. Справедливъ ли ты? Не обманываешься ли умствованіемъ? Я молчалъ; я такъ былъ малъ съ моими печалями и тревогами моей гордости противъ великаго ея спокойствія, смиренія и высокаго открытаго Богомъ разума!

— Другъ!... продолжала она прерывисто, — прощеніе злодѣямъ... гонителямъ помилованіе... миръ съ врагами! – Любовь и чувство всѣмъ! Богъ поможетъ!..... Великолѣпно благъ Онъ къ кроткимъ!... Въ смиреніи ищи милости!... Будь снисходительнѣе къ свѣту,.. строже къ себѣ... Мы не любимъ прощать обидъ; полагаясь на дѣтскія силы наши, вѣря собственной гордости,.. мы не ищемъ совѣта ни въ людяхъ, ни въ Богѣ... за то и наказаны!... Въ нищетѣ, въ горѣ, въ отчаяніи провлачатся дни, и вотъ.. настаетъ часъ, который вдругъ обличаетъ все, раскрываетъ правду; но поздно, поздно!... Отравивъ питіе жизни, разорвавъ связи... мы отравляемъ и сладость самой смерти!... О! жизнь, великое, прекрасное созданіе Божіе!... дай мнѣ, умирающей, слово примириться съ нею! Къ Богу, другъ мой, къ Нему: Онъ совѣтникъ благой и мудрый... Завѣщаю тебѣ мое Евангеліе; читай, читай его, въ немъ развязка и исцѣленіе болѣзней...

Отдохнувъ нѣсколько, она сказала слабымъ голосомъ: «Дочь,.. единственное мое сокровище,.. завѣщаю тебѣ же... сохрани ее: да не будетъ виновна, подобно матери! Имя отца узнаешь изъ писемъ.» – Голова ея тихо склонилась къ груди. «Твори о мнѣ молитвы, шептала она, какъ будто усыплялась, — «и о немъ; его, можетъ быть, уже нѣтъ на свѣтѣ»... Потомъ прибавила торопливо: «Гдѣ Надежда? Гдѣ отецъ духовный?.... Пора! пора!.....

Надежду привели; священникъ, докторъ и служанки приблизились. Какъ нѣжно прощалась Елисавета съ дочерью, какъ она ласкала ее, какъ лобызала; сколько разъ благословляла ее слабою рукою. Какъ искренно она благодарила врача, хозяйку дома, меня; какъ униженно просила у служанокъ прощенія въ несправедливостяхъ, въ обидахъ, которыя могла имъ нанести. Потомъ, поцѣловавъ каждаго, успокоивъ волненіе чувствъ минутнымъ молчаніемъ, взглянула на священника и сказала твердо: — «Я кончила съ землею.»

Онъ подошелъ; Елисавета просила, чтобъ мы, опустивъ ее на колѣни, поддерживали, и въ этомъ положеніи, съ трогательнымъ сми-

реніемъ прослушавъ молитвы, приступила къ громкой исповѣди. Внятно, хотя слабо, каясь въ грѣхахъ своихъ, она безъ стѣсненія себя одну предъ лицемъ Бога признавала виновною въ несчастіи своей жизни, и голосомъ, проникавшимъ въ сердце, молила отпущенія и помилованія! — За исповѣдью она приступила къ причащенію. — Когда эти великія таинства были совершены: «Боже! милосердый!» сказала она, преклонивъ главу — «благодарю Тебя!» Священникъ, тронутый до глубины души, заплакалъ, и накрывая голову Елисаветы воскріліемъ своей одежды, произнесъ: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ...»

Елисавета тяжело лежала на рукахъ нашихъ; мы взглянули, — она была безъ чувствъ.

Это состояніе вскорѣ прекратилось при пособіяхъ, указанныхъ докторомъ. «Какъ странно,» сказала она, прійдя въ себя, довольно живо и внятнымъ голосомъ;» нѣсколько минутъ тому назадъ, я думала, что умру тотчасъ; удивительно!... какая перемѣна.. я совсѣмъ здорова, я тотчасъ встану... посмотрите.»

Голова ея опрокинулась на спинку креселъ, слова замерли на устахъ, руки безсильно опустились съ двухъ сторонъ. Стоя на колѣняхъ, я схватилъ одну; Надежда инстинктивно прильнула розовенькими губками къ другой.

«Теперь скоро!...» сказалъ мнѣ тихо докторъ: этотъ признакъ не обманчивъ. Священникъ внимательно глядя на Елисавету, читалъ тихо отходныя молитвы. Вечеръ былъ обворожительный, воздухъ даже не шелестилъ листьями, въ нѣмой тишинѣ раздавалось только тяжелое дыханіе моего друга и не связные слова, по временамъ вылетавшія изъ блѣдныхъ ея устъ: — «Свѣту!... Свѣту!... Холодно... темно!!... О! какъ сладко!... Возьми Евангеліе, вотъ тепло и свѣтъ... выше, выше!... другъ мой... читай, читай его... какое счастіе... Надежда... Я совсѣмъ здорова!... Совсѣмъ!... Да... вотъ тотчасъ.. встану!... Пойдемте!... полечу!... гдѣ крылья!...

Я не могъ смотрѣть на умирающую; склонивъ голову къ ея рукѣ, которая холодѣла и все тяжелѣе налягала на мою руку; удерживая біеніе сердца, я ловилъ чуть перемежающееся дыханіе Елисаветы; мнѣ казалось, что я умираю самъ; я ничего не видѣлъ, не могъ ничего слышать, не могъ плакать; я задыхался..... Долго, долго стоялъ я въ какомъ-то безчувствіи, ощущалъ около себя какое-то движеніе, слышалъ какіе-то звуки, но не понималъ ихъ.

— Встаньте же, встаньте! — Говорили мнѣ громко на ухо.

Боже мой! Встаньте! — говорилъ докторъ. Что съ вами? Развѣ вы не видите, что болѣе получаса все кончено: ее уже нѣтъ!

— Не можетъ быть! Я вскочилъ; она сидѣла съ тою же ангельскою кроткою улыбкою на полуоткрытыхъ устахъ, съ тѣмъ же ненарушимымъ спокойствіемъ на высокомъ челѣ; ея распущенные волосы, сквозя, окружали голову, какъ сіяніемъ. Лице ея казалось прозрачнымъ. Солнце садилось; красноватые лучи, падая на умершую, румянцемъ счастія отсвѣчали мраморную ея бѣлизну и въ тусклыхъ очахъ зажигали свѣтильникъ новой жизни; она казалась свѣтящеюся, и была прекрасна, какъ можно вообразить прекраснымъ ангела?

— Нѣтъ, не можетъ быть! — вскричалъ я. — Кончено, говорите

вы? Можетъ ли такъ все вдругъ кончиться? Она жива, жива, взгляните! Я бросился, хотѣлъ приблизиться къ устамъ, чтобъ увѣриться, что они дышатъ; но въ это мгновеніе прелестная лазоревая бабочка, пролетая мимо, испуганная мною, увертываясь, задѣла меня крыломъ по лицу; я невольно остановилъ на ней взоръ; извилисто поднимаясь въ воздухъ, она блестѣла, какъ звѣздочка, подъ лучами вечерняго солнца, и наконецъ угасла, какъ искра, въ поднебесной. — Я слѣдилъ ее, доколѣ могъ; мнѣ казалось, что то была — кроткая, незлобивая душа Елисаветы, воспарившая къ чистому своему источнику и дружественно простившаяся со мною!

Тогда, не удерживая въ груди рыданій и стона, я предался громкому изліянію горести! — Горькій плачь присутствовавшихъ сочетался съ моимъ. Съ горячностію я прильнулъ къ холоднымъ устамъ покойницы, изъ которыхъ такъ сладко лился цѣлебный елей на раны моей души, и напечатлѣлъ на нихъ долгій, скорбный, послѣдній поцѣлуй! Солнце легло, и сумракъ одѣлъ эту картину печали своимъ трауромъ! — Все было кончено; все — непонятно!

Долго, долго послѣ того, проводивъ ее въ могилу, я не могъ увѣрить себя, что Елисавета точно померла; мнѣ казалось то сонъ, обманъ; я ждалъ, что она воротится и съ вѣстію любви и счастія вдругъ явится между мною и Надеждою. — Да, повѣрьте, эта мысль была во мнѣ необыкновенно жива и естественна; убѣжденіе разрушило мечту живой печали, чтобъ превратить ее въ глубокое уныніе, тихое, но вѣчное!»

Я купилъ домъ, и съ той минуты живу въ немъ, посвятивъ себя безраздѣльно воспитанію Надежды.

А. НОВОМЛИНСКІЙ.

МУЗЫКА ВЪ ШВЕЦІИ.

Шведскій народъ въ самыя отдаленныя времена обладалъ національными пѣснями, которыя привлекли вниманіе и заслуживали похвалу отъ величайшихъ композиторовъ. Но только въ концѣ прошедшаго столѣтія начали обработывать въ Швеціи музыку вообще, и въ особенности музыку ученую.

Въ концѣ XVI вѣка упоминаютъ *Іоанна Колумбуса* (Jean Columbus), который первый началъ преподавать теорію музыки. *Гельмрихъ Романъ* (Helmrich Roman), родившійся въ 1694 году, первый изъ шведскихъ скрипачей пріобрѣлъ извѣстность и внѣ своего отечества. Но музыка, какъ и все изящное, въ Швеціи не прежде двинулась впередъ, какъ въ царствованіе Густава III, и подъ его мощнымъ правительствомъ. — Тогда-то образовался оркестръ Большой Оперы. Вскорѣ послѣ того уже давали оригинальную оперу «Оетида и Пелей», сочиненную *Веландеромъ* (Wellander) и положенную на музыку г-мъ *Уттини* (d'Uttini). Въ 1782 году, для открытія залы Большаго Театра, давали оперу «Кора и Алонзо» самая піеса написана была *Адлербетомъ* а музыка *Науманномъ* (Naumann), артистомъ композиторомъ, котораго Густавъ вызвалъ изъ Германіи. Науманнъ еще сочинилъ музыку для оперы «Густавъ Ваза», которая тогда произвела большое впечатлѣніе и долгое время держалась на сценѣ. Въ этой операѣ не достаетъ связи между отдѣльными частями, потому что она, такъ сказать, составилась сама собою: вначалѣ было положено на музыку только нѣсколько нумеровъ; но число этихъ отдѣльныхъ отрывковъ умножилось, и составилась изъ нихъ цѣлая опера.

Краусъ (Graus), котораго также вызвали изъ Германіи, для занятія мѣста капельмейстера послѣ Науманна, очень много споспѣшествовалъ развитію вкуса въ музыкѣ и образовалъ многіе таланты. Онъ обратилъ на себя вниманіе сочиненіями классическими, которыя высоко цѣнилъ самъ Гайдинъ. Краусова музыка на погребеніе Густава III есть превосходное произведеніе.

Аббату Фоглеру (Abbé Fogler) Стокгольмъ особенно обязанъ совершенною организаціею оркестра. Пѣніе было также имъ усовершенствовано: Фоглеръ привелъ хоры въ такой порядокъ, какого еще не было въ Стокгольмѣ; онъ сочинилъ также оперу «Густавъ — Адольфъ». Церковная музыка Фоглера для органа доказываетъ, что для истиннаго таланта все возможно.

Начало XIX вѣка было печальною эпохою музыки въ Швеціи. До 1810 года почти никто не занимался музыкою; только въ это время король Карлъ XIII вновь извлекъ ее изъ забвенія. Директоромъ оркестра былъ именованъ *Дюпюи*, уроженецъ Женевскій. При немъ оркестръ совершенствовался болѣе и болѣе. Дюпюи сочинилъ много оперъ комическихъ, прекрасную музыку на погребеніе королевы Софіи Магдалины, и проч.

Въ послѣднее время, слѣдующія особы наиболѣе отличились талантомъ и сочиненіями.

Бервальдъ (Berwald) извѣстенъ, какъ капельмейстеръ; онъ занимаетъ это мѣсто донынѣ.

Бернгардъ Крузель (Bernhard Crusell), родившійся въ Финляндіи. *Линдбладъ* (Lindblad) и *Гейеръ* (Geyer) извѣстны, какъ отличные композиторы.

Какъ исполнитель, Крузель обратилъ на себя общее вниманіе своимъ кларнетомъ. Какъ композиторъ, Крузель извѣстенъ оперою. «Маленькая невольница Али-Баба» (La petite esclave Ali-Baba). Эта опера изобилуетъ самыми счастливыми идеями, выраженными мастерски. Крузелевы адажіо исполнены чувства; романсы — мелодіи очаровательной. Его сочиненія для кларнета извѣстны вездѣ. Въ твореніяхъ Крузеля всегда есть нѣжность, пѣніе и грація, а инструментовка очень разнообразна.

Линдбладъ извѣстенъ, какъ сочинитель оперы «Фрондеры» (les Frondeurs). Эта музыка доказываетъ, что Линдбладъ изучалъ великихъ творцевъ германскихъ. — Романсы его прелестны.

Юный артистъ *Брендлеръ* (Brendler), такъ много обѣщавшій, умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ. Онъ оставилъ доказательства своего таланта въ операхъ «Рино» (Opéra de Ryno); онъ сочинилъ нѣсколько нумеровъ для каждаго дѣйствія этой оперы, и не кончилъ ни одного. Дополнительные нумера написаны кронпринцемъ Оскаромъ (Prince Royal), который, кромѣ этой оперы, сочинилъ много музыкальныхъ піесъ, исполненныхъ чувства и мелодіи.

Знаменитый историкъ и поэтъ *Гейеръ* долженъ быть также упомянутъ, какъ авторъ прелестныхъ романсовъ и народныхъ пѣсенъ, квартетовъ и многихъ піесъ на четыре руки.

Кромѣ Стокгольма, занимаются музыкою въ Упсалѣ. Тамошній директоръ музыки, г-нъ *Геффнеръ* (Haeffner), извѣстенъ собраніемъ народныхъ пѣсенъ.

Что касается до теоріи музыки, то для сей цѣли существуетъ въ Стокгольмѣ *Академія Музыкальная*. Но эта академія очень нуждается въ денежныхъ средствахъ, и потому ограничивается однимъ образованіемъ церковныхъ органистовъ.

Для пѣнія и для исполненія великихъ классическихъ произведеній существуетъ *Общество Гармоническое* (Harmoniska Sallskupet), подъ управленіемъ лучшихъ артистовъ, которое особенно извѣстно превосходными хорами. Всѣ свѣдущіе дилетанты могутъ принимать въ нихъ участіе.

Пробѣжавъ исторію музыки и бросивъ взглядъ на нынѣшнее состояніе этого искусства въ Швеціи, надобно сознаться, что Шведы въ немъ отстали. Вкусъ къ музыкѣ классической развился очень поздно. Большая часть отличныхъ артистовъ и капельмейстеровъ, извѣстныхъ своими сочиненіями, были иностранцы. Исключая Густава III, музыка не встрѣчала ни въ комъ ни мощнаго покровительства, ни одобренія замѣчательнаго. Число истинныхъ любителей музыки въ высшемъ обществѣ шведскомъ незначительно. Въ среднемъ состояніи встрѣчается много талантовъ музыкальныхъ и болѣе знаній въ этомъ искусствѣ; но говоря вообще, Шведская музыка не такъ обработана, какъ бы она того заслуживала.

Н. ШТИГЛИЦЪ.

ШВЕДСКІЙ ТЕАТРЪ (*).

Начало шведскаго театра относится къ концу XVI вѣка. Въ то время Упсальскіе ученики уже давали драматическія представленія. Въ царствованіе Христины представлялись сочиненія *Шернельма* (Sternhielm) и балеты съ французскими куплетами. Въ 1737 году, національный театръ, образованный *графомъ Гёпкеномъ* (Höpken), далъ первое представленіе. Вскорѣ послѣ того, *Далинъ* поставилъ на сцену свою піесу «Брюнильда» (Brynilda), которая сдѣлала въ то время эпоху, хотя для насъ уже мало имѣетъ цѣны.

Усовершенствованіе шведскаго театра принадлежитъ временамъ Густава III. Сей король желалъ доставить своимъ національнымъ артистамъ образецъ для подражанія, и вызвалъ хорошую труппу французскую.

Изъ числа писателей, обогатившихъ репертуаръ шведскаго театра, мы назовемъ слѣдующихъ:

Кексель (Kexell) написалъ многія комедіи, для нашего времени впрочемъ устарѣвшія.

Челькренъ (Kellgren) сочинилъ драму «Христина», піесу очень посредственную. Его лирическая трагедія «Густавъ Васа» и лирическая драма «Густавъ Адольфъ и Евва Браге» (**) доставили ему почетное мѣсто между шведскими поэтами.

Баронъ *Адлербетъ* (Adlerbeth) написалъ «Федру и Ипполита», «Ифигенію въ Авлидѣ,» и «Эдипа,» подражая французской классической школѣ.

Реммерсъ (Remmers) и *Валеріусъ* отличились переводами многихъ французскихъ піесъ.

Баронъ *Акерельмъ* (Akerhjelm) заслужилъ вниманіе своею народною трагедіею «Энгельбрехтъ.»

Наконецъ, самъ *Густавъ III* написалъ много драмъ, которыя имѣли успѣхъ; напримѣръ, «Сири-Браге» и «Іоанъ Галленштерна (Gy-Henstjerna); драмы, эти заимствованы изъ шведской исторіи.

Въ правленіе Густава IV, театръ шведскій, вмѣстѣ съ прочими изящными искусствами пришелъ въ упадокъ; только въ послѣдніе годы, шведская сцена начала подниматься. Въ это время *Бесковъ* (Beskow) обогатилъ драматическую поэзію, (самую бѣдную отрасль шведской литературы) многими прекрасными произведеніями, какъ напримѣръ: «Брикъ XIV.» Недавно Бесковъ напечаталъ свои «Драматическіе опыты.» Въ этой книгѣ находимъ двѣ піесы: «Торкель Кнутсонъ» и «Биргеръ и его семейство.»

Остальное въ шведскомъ репертуарѣ, какъ и у всѣхъ народовъ, ограничивается теперь только переводами новѣйшихъ піесъ французскихъ Скриба и компаніи.

(*) Изъ всѣхъ европейскихъ театровъ менѣе другихъ извѣстенъ шведскій, даже въ самой Германіи. Мы полагаемъ, что сообщая сію *оригинальную* статью о шведскомъ театрѣ, оказываемъ услугу для всѣхъ любителей общей европейской литературы.

(**) Для этихъ піесъ Густавъ III сочинялъ планы и канву.

Изъ артистовъ, украшавшихъ своими талантами шведскій театръ, мы назовемъ *Карстена* артиста опернаго, *Іортсберга* отличнаго комика, *Видерберга* и *Дебрюна* (Widerberg et Debruen), трагиковъ, и г-жъ *Торсловъ* и *Рюкманъ*.

Стенборгъ долженъ быть упомянутъ, какъ основатель театра драматическаго, на которомъ образовались самые лучшіе таланты.

Никогда стокгольмская сцена не обладала такимъ пѣвцемъ, каковъ былъ *Карстенъ* (Karsten). Въ то же время онъ былъ хорошимъ актеромъ. Особенно къ нему шли роли въ піесахъ содержанія возвышеннаго, напримѣръ, въ піесахъ: «Эдипъ», «Христина» и проч.

Самымъ прекраснымъ украшеніемъ шведской сцены, какъ актеръ, былъ *Іортсбергъ* (Hjortsberg), талантъ истинно превосходный. Надобно было изумляться его игрѣ, всегда естественной, всегда примѣненной къ роли, всегда точно выражающей характеръ, который данъ авторомъ. Ролямъ самымъ не значительнымъ Іортсбергъ умѣлъ сообщить прелесть. Будучи человѣкомъ образованнымъ, онъ въ то же время переводилъ многія піесы, которыя заслужили одобреніе Шведской Академіи. Іортсбергъ еще живъ, но сцену онъ давно оставилъ.

Изъ актеровъ, которые теперь находятся на стокгольмской сценѣ, мы назовемъ: *Альмлёфа* (Almlöf), отличнаго трагика. Съ прекрасною наружностью у него соединяются звучный голосъ и прекрасная дикція.

Торсловъ (Thorslow), послѣ Іортсберга первый талантъ въ Швеціи. Онъ заслужилъ равную похвалу, какъ въ высокой комедіи, такъ и въ трагедіи.

Севелинъ (Sewelin) долженъ быть упомянутъ, какъ хорошій комикъ.

Дѣвица *Гёквистъ*, (Högquist) юная актриса, соединяетъ съ прелестною наружностью привлекательный органъ и много граціи. Она показала большой талантъ къ высокой комедіи, равно и въ роляхъ трагическихъ. Особенно же въ новыхъ комедіяхъ и водевиляхъ, перешедшихъ съ парижской сцены на стокгольмскую, Гёквистъ играетъ чрезвычайно хорошо.

Актриса, подающая большія надежды, есть, г-жа *Гортсбергъ* (Hjortsberg). Она равно прелестна въ трагедіи, въ комедіи и въ водевилѣ. Подписка, въ пользу ея собранная въ высшемъ стокгольмскомъ обществѣ, доставляетъ ей средства отправиться въ Парижъ для усовершенствованія себя въ сценическомъ искусствѣ. Отъ этого путешествія ожидаютъ очень многаго.

Опера въ Стокгольмѣ ниже посредственности, относительно къ отдѣльнымъ партіямъ. Хоры посредственны и, оркестръ превосходный. Г-нъ *Сельштремъ* (Sällström), котораго теноръ, тихій (doux) и меланхолическій, былъ предметомъ удивленія публики, началъ терять голосъ. Между пѣвицами только одна дѣвица *Линнъ* (Linn) много обѣщаетъ. — Большую часть новыхъ знаменитыхъ оперъ въ Стокгольмѣ не даютъ. Когда въ театрахъ другихъ столицъ опера уже давнымъ давно входитъ въ составъ репертуара, въ Стокгольмѣ она еще кажется новостію.

Что касается до балета, о немъ не стоитъ и упоминать. Между иностранными артистами, украшавшими стокгольмскій балетъ, должно замѣтить имя *г-на Тальони* женатаго на дочери актера Карстена, и отца знаменитой танцовщицы сего имени. *Іогансонъ* (Johanson)

единственный танцовщикъ заслуживающій вниманіе.

Архитектура стокгольмскаго театра отличается хорошимъ вкусомъ. Въ правленіе Густава III, въ 1782 году, окончено это зданіе, и, десять лѣтъ спустя, здѣсь же несчастнымъ образомъ погибъ Густавъ въ маскерадѣ. Театръ имѣетъ превосходное положеніе, помѣщаясь на берегу Мелара, на площади Густава Адольфа, одной изъ лучшихъ стокгольмскихъ площадей.

Зала, украшенная золотомъ по бѣлому полю, можетъ вмѣщать въ себѣ до 1100 человѣкъ. Но сидѣть тамъ очень дурно, по причинѣ весьма узкихъ ложъ и весьма малыхъ мѣстъ въ партерѣ. Освѣщеніе залы также очень дурно. Въ отношеніи акустическомъ, осуждать нельзя.

Пробѣгая репертуаръ шведскаго театра, удивляешься малому числу піесъ оригинальныхъ. Большая часть переводы съ французскаго. Трагедія рѣдко является на сценѣ; хотя и есть трагедіи національныя, впрочемъ мало ихъ. Постановка піесъ по большей части посредственная. — Вспомогательныя средства театра весьма незначительны. — Государственные чины предоставили королю 100,000 банковыхъ талеровъ для поощренія изящныхъ искусствъ. Король жалуетъ театру 36,000 банковыхъ талеровъ.

Дирекція не имѣетъ достаточнаго для покрытія издержекъ дохода Долгъ театральный уже 15 лѣтъ увеличивается со дня на день. Теперь онъ простирается до 50,000 банковыхъ талеровъ.

Жалованье актерамъ незначительно, и потому они не въ состояніи предпринимать поѣздокъ за границу, для усовершенствованія себя, смотря на великихъ артистовъ, которыхъ такъ мало на шведской сценѣ.

Н. ШТИГЛИЦЪ *.

* Бывшій секретаремъ при посольствѣ нашемъ въ Стокгольмѣ.

ИСТОРІЯ БАЛОВЪ И МАСКЕРАДОВЪ.

Теперь, когда зима загладила воспоминаніе лѣта пушистымъ снѣгомъ, когда блестящіе инеи замѣнили зеленые листья деревъ, и пухлыя плечики дамъ сбросили прозрачные газы, чтобъ, по модѣ затѣйницы Клеопатры, обвиться безвредными змѣями изъ собольихъ хвостовъ, всего приличнѣе говорить о зимнихъ увеселеніяхъ. Музыка, пѣніе, пляска необходимы для рода человѣческаго. Они необходимы для души, какъ воздухъ для легкихъ и пища для желудка. Звуки и движеніе составляютъ гармонію природы. Человѣкъ есть цѣлая природа въ микроскопическомъ видѣ, слѣдовательно въ немъ должны быть тѣ же стихіи. Пѣніе птицъ, шумъ вѣтра, шелестъ листьевъ, журчаніе волнъ, ревъ моря и перекаты эха, не составляютъ ли самаго величественнаго оркестра, подъ который кружатся листья и прахъ, качаются деревья, скачутъ волны и прыгаютъ звѣри и птицы? Вѣчная музыка, вѣчная пляска въ природѣ! Балъ, который начался съ пятаго дня творенія и продолжается донынѣ съ промежутками для отдыха, съ холодными, снѣжными зимами. Зимою хоры птицъ замѣняются скрипомъ снѣга подъ лезвіемъ подрѣзовъ и вьюгою мятели, а заплясать можно развѣ отъ мороза. За то зима въ природѣ замѣняется весною на щечкахъ нашихъ дѣвъ; и такъ нѣтъ худа безъ добра. Госпожа Пипеле не даромъ сказала:

Et l'hiver a des jours sans nuages,
Et sous la neige il est des fleurs!
И зимой есть безоблачные дни,
И подъ снѣгомъ есть цвѣты.

Какъ дама, она лучше всѣхъ это чувствовала.

Пляска и пѣсни современны человѣку. Фовелъ и Ювалъ были первоначальниками изобрѣтательности человѣческой. Послѣ топора, прежде всего придумана дудочка. Изобрѣтатель ея увѣковѣченъ Исторіею: и было за что подъ его дудку плясали всѣ малоазійскія красавицы. Первобытные балы были пастушескія игры, милыя, невинныя пляски, какъ мы ихъ видѣли въ книжкахъ Геснера и въ прелестныхъ идилліяхъ В. И. Панаева. Когда Дафна съ Даметомъ, Тирсисъ съ Хлоею, Алимъ съ Деліей и Меналкъ съ Лидіей становились плясать вавилонскую мазурку, у нихъ вѣрно не было злыхъ умысловъ. Тогда не знали еще балетовъ, тогда не существовало танцмейстеровъ, и за невѣстами не давали приданаго. Пастухи и пастушки импровизировали свои па, перенимая ихъ у невинныхъ барашекъ и козочекъ, своихъ подругъ въ горѣ и радости. Руки ихъ плавно разсѣкали воздухъ, но соприкасаясь, не сливались въ судорожное пожатіе; въ глазахъ ихъ зажигались радостные огоньки, но о *глазкахъ* едва ли имѣли понятіе. Всѣ эти усовершенствованія вмѣстѣ съ короткими тюниками ввели, въ послѣдствіи, первыя танцовщицы, веселыя жрицы Бахуса—неистовыя вакханки. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сталъ чувствовать подъ собою ноги, онъ употреблялъ ихъ сперва на пляску, потомъ на шарканье. Люди плясали подъ Божьимъ небомъ, на муравѣ луговъ; шаркать стали въ гостиныхъ и переднихъ. Зима, строгая, завистливая мегера наслажденій, ограничивала бѣдныя ноги однимъ шарканьемъ. Человѣку стало досадно. Чтобъ открыть полную дѣятельность двумъ благороднымъ членамъ своего тѣла, онъ придумалъ зимнія, домашнія сходбища съ музыкой и пляскою. Балъ родился незамѣтно. Но гдѣ же онъ родился? Пожалуй, и за родину этой веселой улыбки человѣческой жизни станутъ спорить 70 городовъ, 40 государствъ и четыре страны свѣта, какъ нѣкогда спорили за родину Омира.

Разсматривая исторію царствъ и народовъ, мы находимъ матеріялы и для исторіи баловъ.

Древніе не давали баловъ въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ нынѣ понимаемъ. Но у древнихъ были свои сходбища и пиры, нѣсколько похожіе на наши рауты. Древніе знали одну пластическую грацію, грацію дородства и силы. Движенія ихъ не походили на рѣзвыя, легкія движенія нашихъ дансеровъ. Они принимали важныя, мужественныя формы атлетовъ, готовыхъ на ратоборство. Гладіаторы были лучшіе ихъ танцовщики; битва Горацієвъ и Куріяцієвъ лучшій танецъ, выполненный въ древности. Ихъ пиршества украшались поединками. Звонъ мечей о щиты и кубковъ о кубки замѣнялъ оркестры. Лучшій Страусъ того времени былъ тотъ, кто умѣлъ своему противнику эффектно раскроить черепъ или гармонически перешибить ребра. Древніе историки Геродотъ и Страбонъ, Гомеръ и Гезіодъ, однако упоминаютъ, что пиры Грековъ и Римлянъ иногда оканчивались пляскою, въ которой принимали участіе даже величайшіе герои. Названія этихъ плясокъ бытописатели намъ не сберегли; сколько можно догадываться, это были не французскія кадрили и не нѣмецкіе вальсы. То были пляски, въ которыхъ болѣе кружились головы, чѣмъ люди, а ноги сами сплетались въ глисады и па де зефиры. Однако историки не забыли прибавить, что кромѣ Бахуса и Александра Филипповича Македонскаго, всѣ герои древности: Озирисъ, Кадмъ, Иракль, Тезей, Кастеръ и компанія, Ахиллъ, Эней, Беллерефонъ, Эпаминондъ и оба Сципіона, въ этихъ пляскахъ умѣли сохранить величіе и важность и были крѣпки на ногахъ.

Сократъ, который, какъ извѣстно, всегда плясалъ подъ дудку своей жены, и даже самъ патетическій Платонъ, эта мокрая курица, по опредѣленію Діогена, любили посѣщать пиры, оканчивавшіеся пляскою. Сократъ даже изобрѣлъ свой собственный танецъ, въ родѣ славяно-россійскаго трепака, извѣстный подъ названіемъ мемфитической пляски. Старикъ былъ очень веселъ, особливо, когда бывалъ на веселѣ. Пиры древнихъ имѣли свое особенное божество, Комуса. Веселый богъ возліяній и пляски изображался цвѣтущимъ юношей, въ вѣнкѣ изъ розъ, съ наклоненнымъ факеломъ въ одной рукѣ, означавшимъ, вѣроятно, потухающій огонь разсудка, и съ палкою въ другой. Палка давалась ему, разумѣется, для того, чтобъ бить.... тактъ; онъ былъ хороводъ, то есть — капельмейстеръ. Иногда онъ держалъ правой рукой кубокъ, а лѣвой блюдо съ плодами. Это изображеніе, кажется, ближе подходило къ древнимъ баламъ и вечерникамъ. Древній міръ имѣлъ свои формы, свои идеи и свои особенности: онъ праздновалъ балы по своему, и веселился не хуже насъ грѣшныхъ.

Съ новымъ порядкомъ вещей, возникли новыя идеи и новаго рода балы. Въ древности мужчина дрался, геройствовалъ и пожиналъ лавры, а женщина и приправляла ими кушанья. Сильный искалъ бесѣды съ сильнымъ, мудрый съ умнымъ; женщина была слаба и не знала философскихъ системъ. Она воевала дома, умничала надъ горшками, и почиталась безподобною механическою утварью. Сближеніе половъ было рѣдко и невозможно.

Въ новѣйшія времена человѣкъ сдѣлался мечтателенъ и влюбчивъ. Средніе вѣки дали ему романтическое направленіе: женщина стала нѣжна, кокетлива, и властолюбива. Сближеніе—обратилось въ необходимость. Не помню, кто изъ философовъ сказалъ, что женщина есть самопрялка, на которой родъ человѣческій прядется въ тонкія нити. Онъ совершенно правъ, ибо съ тѣхъ поръ, какъ женщины забрали насъ въ руки, чудо, что изъ насъ вышло. Весь родъ человѣческій переродился отъ женщинъ. Явились искусства, художества и литературы, родились наряды, щегольство, моды, ревность, легкомысліе, балы и маскерады. Любовь завязала узелъ всѣхъ комедій на сценѣ и всѣхъ комедій въ жизни дѣйствительной. Женщины запутали этотъ узелъ, и цѣлое человѣчество хлопочетъ около него, путаетъ, распутываетъ и запутывается, а концевъ не отыщетъ и самъ сатана, хотя бы онъ былъ вооруженъ мечемъ Александра Македонскаго.

Причина этому самая простая. Женщины лучше насъ притворяются въ любви, не потому, чтобъ онѣ были коварнѣе насъ, но потому, что языкъ страстей имъ извѣстенъ по грамматикѣ Н. И. Греча, а мы на немъ лепечемъ только одни склады. Въ сердцѣ женщины нѣжность пола и робость характера такъ перемѣшаны съ порывами страстей, что бездѣлица можетъ ихъ увлечь и бездѣлица остановить. А когда женщина увлекается: бѣда! Это все равно, что скрыпка Паганини, рулада Малибранъ или ножка Таліони: онѣ все увлекаютъ за собою.

Мудрено ли послѣ этого, что мужественный полъ героевъ превратился въ пятиметровъ, мѣняетъ прически и платья, и выплясываетъ кадрили на балахъ? Кто не пойдетъ кружиться въ вальсѣ, когда ему вскружитъ голову вертлявая головка съ парой конгревовскихъ взоровъ. Человѣкъ не дубъ, а и тотъ вихри вырываютъ съ корнемъ: мужское сердце помягче и полегче дубовой сердцевины.

И такъ женщины, или лучше сказать, для женщинъ придумали балы съ танцами граціозными, пламенными, рисующими страсти и увлеченіе сердца.

Когда же ввелась въ обычай умная выдумка баловъ? — Трудно опредѣлить эпоху: она теряется, какъ и все то, чего историки не знаютъ, *во мракѣ неизвѣстности*. Да и нужна ли эра для баловъ? Тутъ нужны душа, умъ, любезность, ловкость, а пуще всего, пара здоровыхъ ногъ, не бывшихъ въ передѣлкѣ у Гиршфельдта*. Мезере говоритъ, что уже при первыхъ французскихъ корольхъ былъ обычай, на зимовкахъ давать праздники для военачальниковъ и лагерные балы для молодежи. Первыя столѣтія новѣйшей исторіи не оставили намъ памятниковъ знаменитыхъ баловъ, если балы только могутъ оставлять по себѣ памятники. Обратимся прямо къ вѣку Людовика XII. Бывши въ Миланѣ, Людовикъ вздумалъ дать балъ и созвать всѣ важныя лица, которыхъ привлекло туда его присутствіе, а главное, всѣхъ черноокихъ сиьоръ Миланскихъ, которыя славились своею красотою. Большая часть гостей состояла изъ кардиналовъ и прелатовъ Нарбонскихъ и Сен-Северинскихъ. Почтенныя особы, разумѣется, не могли пуститься въ плясъ, что не мало бѣсило короля. Огненныя миланочки сидѣли на мѣстахъ за неимѣніемъ кавалеровъ, и онъ не могъ видѣть быстроты узкихъ ножекъ, миловидности ихъ формъ и гибкости стана. Король замѣтилъ это Пибераку, и услужливый поэтъ тотчасъ же скропалъ четверостишіе, которое оканчивалось словами:

«N'aille au bal, qui n'y voudra danser!»
Тотъ на балъ не ходи, кто не хочетъ плясать.

Но балъ Людовика XII былъ не первый въ этомъ родѣ. И до него давались балы, конечно, не столь блистательные. Во Франціи ввелось наконецъ въ обычай, что тѣ особы, которыхъ привлекло на балъ любопытство, а не желаніе танцовать, одѣвались въ особенный костюмъ. Мужчины обыкновенно закутывались въ плащи съ капуцинскимъ колпакомъ (капишономъ), ниспадавшимъ на лице, а дамы закрывались покрывалами. Ихъ не приглашали на танцы, и онп оставались спокойными зрителями чужаго веселія: За величайшее невѣжество почиталось узнавать имена замаскированныхъ или поднять покровъ съ ихъ лица.

Когда Донъ-Жуанъ Австрійскій былъ еще вице-королемъ Нидерландскимъ, онъ однажды явился въ великолѣпномъ плащѣ съ капишономъ на придворный балъ въ Парижѣ, чтобъ полюбоваться ножкой Маргариты Валуа, которая въ то время слыла въ Европѣ первой танцовщицей и царицей баловъ.

Съ тѣхъ поръ вошли въ обыкновеніе маскерады, которыхъ первая мысль занесена крестоносцами съ Востока, и которые, къ несчастію, впервые начались на печальныхъ сборищахъ инквизиціи. Придворные-кавалеры старались въ маскерадахъ превзойти другъ друга роскошью и богатствомъ костюма, дамы новизною, блескомъ и изысканностью своею убора.

Кардиналъ Паллавичини разсказы-

* Мозольный операторъ.

* Въ Персіи давно существовалъ обычай таинственныхъ собраній, извѣстныхъ подъ именемъ: Маскари.

ваетъ, что въ 1562 году, когда Филиппъ II, Испанскій, прибылъ въ Тріентъ на соборъ, глава собора кардиналъ Геркулесъ Мантуанскій собралъ членовъ на особенное совѣщаніе. Цѣлію этого комитета было устройство въ честь короля достойнаго праздника. Празднество началось великолѣпнымъ обѣдомъ, а кончилось баломъ на италіянскій манеръ. Всѣ знатныя дамы города были приглашены и явились въ великолѣпныхъ кастюмахъ. Король былъ въ упоеніи отъ пира и отъ прелестныхъ глазъ красавицъ. Онъ самъ началъ танцовать, и члены собора отъ него не отставали. Но болѣе всего балы во Франціи господствовали при Карлѣ IX, Генрихѣ III и преимущественно при Екатеринѣ Медичи, которая наконецъ, въ 1572 году, устроила и знаменитый балъ Варѳоломеевской Ночи, гдѣ вино и звуки лились въ залахъ дворца, а кровь Гугенотовъ и предсмертные вопли на улицахъ Парижа. Эта женщина, столь жестокая сердцемъ, имѣла превосходный вкусъ въ устройствѣ праздниковъ. Не помню, гдѣ я читалъ, кажется, у Каппфига, что она однажды давала очаровательный праздникъ на небольшомъ островѣ недалеко отъ Байоны. Она приказала изъ деревьевъ и цвѣтовъ устроить восемнадцать бесѣдокъ, которыя были великолѣпно иллюминованы большими люстрами, повѣшенными на вѣтвяхъ. Въ каждой находился столъ съ драгоцѣннымъ приборомъ. Столъ для королевской фамиліи былъ поставленъ выше другихъ, такъ, что весь амфитеатръ открывался августѣйшимъ взорамъ. Всѣ придворные были закостюмированы: фрейлины нимфами, наядами и сильфидами; кавалеры силенами и геніями; а пажи амурами. Сильфиды прислуживали у стола; наяды изъ золотыхъ урнъ разливали, разумѣется, не воду, а вина; фавныподавали имъ изъ лѣсу блюда и кубки. Сатиры и нимфы съ амурами въ этовремя кружились въ веселыхъ хороводахъ. Музыка, пѣсни, чоканье покаловъ, яркіе огни и быстрыя движенія цѣлыхъ группъ, придавало всему видъ очарованія; но природа рѣшилась отмстить гордой королевѣ, то, что она хотѣла помрачить ея почныя прелести блескомъ искусства и роскоши. Небо покрылось тучами, громъ заглушилъ трубы и литавры, и сильный дождь развелъ вина. Картина внезапной суматохи была уморительна. Стихіи тѣшились надъ не призванными богами и богинями; наяды промочило дождемъ до костей; у сильфидъ вѣтеръ срывалъ шарфы и тюники; амуры растеряли башмаки; нифры и промочили ноги, а бѣднымъ фавнамъ и сатирамъ нечемъ было даже промочить горла: это была самая роскошная пародія на Олимпъ. Но замѣчательнѣе всего на этомъ праздникѣ было то, что во время ужина танцовщики и танцовщицы изъ всѣхъ провинцій Франціи въ своихъ національныхъ костюмахъ танцовали народныя пляски, подъ употребительные въ ихъ странахъ инструменты: жители Пуату плясали подъ волынку; жители Прованса подъ флажолетъ съ тамбуринами; Бургиньонцы и Шампанцы подъ звуки гобоевъ, Бретанцы подъ скрыпку, а Бискайцы подъ дробы большаго барабана, получившаго отъ нихъ названіе *tambour basque*.

Балы входили во вкусъ Французовъ постепенно, а изъ Франціи растпространялись по-всюду. Къ этому много способствовало то, что французы, полюбя такого рода увеселеніе, давали балы при всякой вѣрной окказіи, особливо при пріемѣ иностранныхъ посольствъ. Балы устроивались обыкновенно въ Парижской ратушѣ (hotel de ville) начинались веселой попойкой, а оканчивались увеселительными огнями. Примѣръ такого бала мы можемъ привесть изъ временъ Генриха IV, знаменитаго героя весельчака, объ которомъ народъ недавромъ сложилъ пѣсню:

Vive Henri IV.
Vive ce Roi vaillant!
Ce fut un diable a quatre.... et ct.

Тринадцать швейцарскихъ кантоновъ прислали къ нему значительную депутацію, состоявшую изъ почетнѣйшихъ бургомистровъ, для возобновленія союза съ Франціею. Городовая дума рѣшилась угостить депутатовъ на удивленіе. По примѣру многихъ замысловатыхъ распоряженій, сдѣлали смѣта всѣ нужныя приготовленія, а потомъ смѣту издержкамъ, и вышло, что велемудрый

магистратъ совсѣмъ не имѣлъ средствъ къ выполненію своего намѣренія. Но праздникъ былъ уже объявленъ; почетный зовъ сдѣланъ; парижане шили кафтаны, дамы низали полосы — хоть разорвись, а подавай торжество. Что дѣлать? Пришлось просить короля о вспомоществованіи. Дума подала ему адресъ, въ которомъ просила, на одинъ только день наложить легкую пошлину на краны водопроводовъ и на ведра бассейновъ парижскихъ, чтобъ на этотъ сборъ достойнымъ образомъ угостить швейцарское посольство. Генрихъ прочелъ и сказалъ: «Господа! Одному Богу подобаетъ превращать воду въ вино. Найдите средство напоить монхъ союзниковъ, не томя жаждою подданныхъ—и я его одобрю.» — Дума вошла въ долги и вышла суха изъ воды: балъ разыгрался на чудо.

Домъ ратуши, всегда вмѣщавшій общество самыхъ радушныхъ, краснощекихъ и дородныхъ ратсгеровъ, которые отъ хлѣба—соли не отказывались и до вина и елея были охочи, обратился просто въ домъ дворянскаго собранія. Почтенные правители города занимались одними завтраками, обѣдами и вечерниками, а о дѣлахъ думали въ свободныя минуты отъ дѣла, т. е. между похмѣльемъ и завтракомъ. Они дѣлали нововведенія на балахъ, а законы оставались по старому, и провосудіе болѣе зависѣло отъ варенія желудка, чѣмъ отъ движенія головы. Впрочемъ, можетъ быть, почтенные администраторы были одинакаго мнѣнія съ Брилла—Савариномъ, который сказалъ, что всѣ великія мысли выходятъ изъ желудка.

Расточительное царствованіе Людовика XIV было золотымъ вѣкомъ баловъ, маскерадовъ и пирушекъ. Ратсгеры занимались своимъ дѣломъ безъ просыпу. Но хитрая Франциска Добиньи, вдова Скарона, славная подъ именемъ Госпожи Ментенонъ, перебила у нихъ ремесло и перенесла великолѣпіе королевскихъ праздниковъ въ смиренную обитель Сенсирскаго монастыря. Людовикъ былъ пылокъ, роскошенъ, имѣлъ тонкій вкусъ и слабое сердце; онъ выбралъ себѣ въ друзья Мазарина, въ министры Кольберта, въ божество—любовь, въ геніи—хорошенькихъ женщинъ. Царствованіе его было блистательно: балы процвѣтали. Первые умы Франціи вели дѣла внѣшнія; первыя красавицы управляли внутри. Сперва сентиментальная Лавальеръ, потомъ остроумная Монтеспань, тамъ наивная Фонтанжъ и конецъ набожная Ментенонъ. Въ 1684 году городская дума дала балъ въ честь выздоровленія короля, которой превзошелъ великолѣпіемъ и изысканностію все, до толѣ виданное. Вся королевская фамилія принимала участіе въ танцахъ. Принцесса Конти была царицею бала; она танцовала, какъ амуръ. Балъ начался тотчасъ послѣ обѣда; и не смотря на свѣтлый вечеръ, историкъ увѣряетъ, что богатство нарядовъ дамскихъ затемняло самое солнце. Танцы тогдашніе были важны, медленны, но граціозны; они обрисовали станъ и гибкость тѣла. Въ нихъ было много принужденнаго, но и много любезности и ловкости. Трехъудовые, алюнжевые парики мужчинъ и длинные шлейфы дамъ, не давали молодежи расходится. Аббатъ Ривіеръ длинными кудрями своихъ париковъ связалъ молодыхъ танцовщиковъ по рукамъ и по ногамъ. Употребительнѣйшіе танцы того времени были: курантъ (родъ польскаго), баканнъ, канари, паспіе, минуэтъ и гавотъ. Всѣ они выражали вѣжливость кавалера къ дамѣ и любезность дамы къ кавалеру. Изгнанный англійскій король Іаковъ, скрѣпя сердце, такъ же танцовалъ на французскій ладъ. Что дѣлать! Тогда Франція подавала темпы всей Европѣ, и Европа по первому аккорду, вмѣстѣ съ нею начинала съ правой ноги.

Но въ это время, одна Россія, не подчинялась вліянію Франціи, сильная могучимъ геніемъ Петра, гордая юными своими силами, заводила у себя ауты и ассамблеи, на манеръ европейскій, съ какимъ то тайнымъ страхомъ и неувѣренностію, единственно въ угоду великому своему преобразователю. Первое понятіе о европейскихъ балахъ и танцахъ Россія получила при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ. До тѣхъ поръ отечество наше знало одну музыку, разгульныя, веселыя, унылыя и рузудалыя свои хороводныя свадебныя и подблюдныя пѣсни. До тѣхъ поръ, важнымъ чиномъ тянулись стройные круги хороводовъ, заплетались

веселые плѣтни, или, въ минуты раздолья, когда у русскаго человѣка косякъ рубашки и душа на распашку, подъ сякою ловкій парень билъ трепака и отхватывалъ комаринскаго. При Алексѣѣ Михайловичѣ малороссійское казачество занесло въ Москву свой буйный, удалой танецъ. Казачекъ вошелъ въ моду; но всѣ эти танцы показывали еще крѣпкую преграду, которая существовала между теремами и свѣтлицами дѣвическими и сходною избою мужской половины. Только въ извѣстное время, въ урочные дни оба пола сближались. Одни святочныя посидѣлки и вечерницы развязывали нѣсколько свободу и словоохотство и русская шутка находили просторъ. Но и тутъ все обходилось чинно и важно; веселость имѣла границы, шутка свое приличіе, а все вмѣстѣ, одну цѣль и одинъ конецъ: брачный вѣнецъ. Смотры невѣстъ принадлежали къ торжествамъ совсѣмъ не забавнымъ.

Въ 1675 году прибыла въ бѣлокаменную столицу труппа странствующихъ комедіянтовъ (*). Нѣмцы били челомъ Царю и Великому Государю о дозволеніи имъ на потѣху честному православію устроить podium и на оном въ пляскахъ французскихъ и на музыкійскихъ струментахъ разныхъ изобразить камедь въ лицедѣйствіяхъ о царѣ *Ассуирѣ и Эсвири*. Царь призадумался. Не противно ли будетъ такое лицедѣйство правиламъ вѣры святыя и обычаю русскому? Онъ подозвалъ къ себѣ *Водопойцу*, любимаго своего саксонца — толмача, и приказалъ распросить нѣмцевъ подробно о ихъ забавахъ и игрищахъ. Когда они объяснили все дѣло, Алексій Михайловичъ вопросительно взглянулъ на отца-духовника своего.» Если бъ таковыя позорища были богомерзки и нравамъ вредны весьма, отвѣчалъ духовникъ, то христолюбивые государи иныхъ земель и у себя бы ихъ не дозволяли. Но всякое веселіе и пляска позволительны въ дни воскресные и примѣры есть, что и при вѣчноблаженныя памяти благовѣрныхъ Императорахъ Палеологахъ, таковыя игрища Церковію возбраняемы не были и въ потѣху свѣтлыхъ очей царственныхъ въ Царьградскихъ Палатахъ исполнялися.»

Вслѣдствіе этаго Царь далъ позволеніе нѣмцамъ устроиться въ Преображенскомъ дворцѣ, и самъ, со дворомъ своимъ, обѣщалъ лично присутствовать на ихъ камеди въ день субботній, сырныя недѣли. Наскоро былъ сдѣланъ родъ амфитеатра. Впереди возвышался помостъ, сколоченный изъ досокъ и убранный алымъ сукномъ и елками. Передъ нимъ стояло Царское кресло, позади котораго была устроена галлерея съ рѣшетками, въ родѣ нынѣшнихъ закрытыхъ ложъ, для Царицы Наталіи Кириловны и дѣтей Царскихъ.

Наконецъ насталъ день представленія. Въ часъ, тотчасъ послѣ обѣда царскаго, къ селу Преображенскому потянулся великолѣпный поѣздъ. Впереди нѣсколько придворныхъ слугъ, въ красныхъ кафтанахъ и заячьихъ шапкахъ, верхами, очищали дорогу. За ними восемь статныхъ коней, бѣлыхъ, какъ снѣгъ, подъ красными, шелковыми попонами съ серебряною бахрамою, стройнымъ цугомъ везли великолѣпную, раззолоченую и выбитую алымъ сукномъ карету. Рѣшетчатыя оконницы были подняты: въ ней сидѣла Царица съ дѣтьми; конный отрядъ стрѣльцевъ сопровождалъ ее. За нимъ слѣдовало нѣсколько каретъ въ одну и двѣ лошади съ придворными боярынями и барскими барынями. Потомъ опять отрядъ стрѣльцовъ. Тутъ два постельника несли двѣ подушки изъ краснаго бархата съ золотой бахрамою, а два конюшіе вели подъ узцы пару превосходныхъ арабскихъ коней, покрытыхъ великолѣпными попонами. Широкія пошевни, обитыя отборными соболями, съ горностаевой полостью и широкимъ, ярко-узорчатымъ ковромъ сзади, котораго тяжелыя кисти касались почти до земли, были упряжены шестернею. Въ нихъ сидѣлъ самъ Царь. За нимъ, и около него ѣхали первые сановники верхами. Кортежъ заключался стрѣлецкимъ взводомъ. Прибывъ на мѣсто, всѣ вышли чинно и расположились, кому гдѣ слѣдовало. *Набольшій въ домѣ*, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, встрѣчалъ гостей у самаго входа и каждому указывалъ мѣсто. Царь вошелъ,

(*) Смотри: Сказанія Якова Рейтенфельса: de rebus Moscowiticis ad Serenissimum Magnum Hetruriae Ducem Cosmum Tertium. Patavii, anno 1680 и разрядныя книги посольскаго приказа при Артамонѣ Матвѣевѣ, 1676 года.

поклонился на всѣ четыре стороны и занялъ свое кресло, возвышенное на нѣсколько ступеней, покрытыхъ краснымъ сукномъ. По бокамъ его стали два молодыхъ Князя въ бѣлой одеждѣ и высокихъ, бархатныхъ шапкахъ: одинъ держалъ слоновую сѣкиру, другой булаву. Возлѣ себя Царь посадилъ Князя Грузинскаго, а по лѣвую руку велѣлъ стать главнымъ переводчикамъ Грецію и Виніо. Позади кресла сталъ Костеръ фонъ-Розенбергъ, главный врачь и любимецъ царскій. Комнатные и думные бояре: Кириллъ Нарышкинъ, Долгорукій, князь Юрій Ромодановскій, Матвѣевъ, Одоевскій и Дохторовъ помѣстились около Царя въ полукружіи на лавкахъ. Стольники, постельники, жильцы и боярскія дѣти стали на помостахъ, очистивъ средину для дѣйствія. Оружничій боринъ хлопоталъ, суетился, смотрѣлъ за порядкомъ, зажигалъ свѣчи и распоряжался на сценѣ. Царь былъ веселъ. Большіе голубые глаза его быстро обѣгали всю залу и съ любопытствомъ смотрѣли на приготовленія. На важномъ, полномъ лицѣ его заранѣе рисовалась милостивая улыбка. Наконецъ все затихло. »Готово?» сказалъ Царь, и подалъ знакъ рукою. Музыка загремѣла. Она состояла изъ ручнаго органа, двухъ флейтъ, скрипки и барабана. На сцену вышелъ актеръ, одѣтый Орфеемъ. Съ нимъ вышли двѣ подвижныя пирамиды, съ гіероглифическими надписями и транспарантами. Онъ подошелъ къ авансценѣ, трижды низко поклонился и запѣлъ въ честь Царя куплеты. Стихи не завидны, но въ нихъ выражена похвала Алексію Михайловичу, — достойному вѣчной и присносла́вной памяти. Я приведу здѣсь стихи въ подлинникѣ, и по возможности въ близкомъ переводѣ, который, разумѣется, по достоинству версификаціи не уступаетъ подлиннику.

Ist nun der gewünſchte Tag
Dermaleins erſchienen,
Das man dir zur Freude mag
Großer Zaare dienen!

Unſre Unterthänigkeit
Muß zu deinen Füßen
Darthun ihre Schuldigkeit
Und ſie dreimal küſſen:

Groß iſt zwar Dein Fürſtenthum
Das dein Witz regieret,
Größer doch der Tugendruhm
So dich höher führet.

Dein Verſtand und Heldenmacht
Kann uns zubereiten,
Nach der langen Kriegesnacht,
Goldne Friedenszeiten.

Das gerechte Strafgericht
Und zugleich die Güte,
Machen, durch ihr Himmelslicht
Göttlich dein Gemüthe.

So kann deine Treflichkeit
Sich dem Himmel gleichen,
Weil dir noch zu unſrer Zeit
Alle müſſen weichen.

Du, der Ruſſen helle Sonn',
Mit dem Mond und Sternen,
Lebet ſtets in höchſter Wonn'!
Unglück ſich von ferne!

Herrſche lang, o Himmelsfreund!
Mißgunſt du muß ſchweigen,

Такъ насталъ желанный день (*)
Надъ Россійскимъ краемъ,
Гдѣ тебя, великій Царь
Тѣшить мы дерзаемъ!

Наша преданность къ стопамъ
Царскимъ припадаетъ,
И по долгу тѣ стопы
Трижды лобызаетъ.

Велика твоимъ умомъ
Мощная держава,
Добродѣтели-жъ Твоей
Много громче слава.

Послѣ ночи долгихъ битвъ,
Свѣтлый умъ героя
Уготовитъ вѣрно день
Мира и покоя.

Твой правдивый приговоръ,
Вмѣстѣ съ благодатью,
Освящаютъ кроткій нравъ
Райскою печатью.

Велелѣпіе твое
Съ небомъ лишь сравнится,
И въ нашъ вѣкъ передъ тобой
Всѣ должны склониться.

О, Россіи солнце — царь!
И луна съ звѣздами,
Будьте далеки отъ бѣдъ!
Божій миръ надъ вами!

Царствуй долго, другъ небесъ!
Козни умолкаютъ:

(*) Вѣроятно никто не взыщетъ за такія вирши. Тутъ видно одно усиліе передать повѣрнѣе мысль подлинника.

Welche Gott so nahe seynd
Müßen wohl gedeihen!

Drum wohlan mein Seitenwerk!
Laß dich lieblich zwingen,
Und du Pyramidenberg
Hüpfe nach dem Singen!

Богу близкіе, отъ нихъ
Только процвѣтаютъ.

Такъ начнемъ свои дѣла!
Сдѣлай одолженье
Пирамидная гора
Попляши подъ пѣнье!

Послѣдній куплетъ особенно замысловатъ, не правда ли? — За тѣмъ началось pas de trois двухъ пирамидъ и Орфея. Послѣ того съ прочими актерами и актрисами, разряженными въ пухъ, Орфей выполнилъ нѣсколько національныхъ своихъ танцевъ. И такъ родился первый балъ и первый спектакль въ Россіи. Русскій человѣкъ смѣтливъ, досужъ и ловокъ. Люди Артамона Сергѣевича Матвѣева, подсмотрѣли всю потѣху до подноготной, скоро переняли заморскую мудрость и *залихватски* передразнивали ихъ у себя въ домѣ, а потомъ и на царскихъ вечеринкахъ. Царь былъ очень доволенъ нововведеніемъ, щедро одарилъ нѣмецкихъ комедіянтовъ, и впослѣдствіи полюбилъ ихъ пляски.

Что же касается до театральныхъ представленій, они въ то время ограничивались пока кулачными боями на Москвѣ рѣкѣ и травлею самоѣдскихъ медвѣдей *британцами* и другими собаками *страшныхъ породъ*.

Настоящая эпоха русскихъ баловъ началась въ одно время съ настоящею политическою жизнью русскаго народа: при Петрѣ Великомъ. До Петра было совсѣмъ не то, что теперь. Русскіе не охотно усвоивали себѣ обычаи чужестранные: они боялись утратить черты своей народности, характеръ важной славянщины. Балы, какъ и многія умныя обыкновенія западной Европы, были введены у насъ мѣрами, почти насильственными, и находили въ приверженцахъ старины усердныхъ и постоянныхъ враговъ. Когда великій преобразователь Россіи возвратился изъ путешествія своего за границу, онъ въ 1717 году, указомъ повелѣлъ придворнымъ веселиться и давать балы и рауты, подъ названіемъ *ассамблей*, на которые бы сходились мужчины и женщины. Ни одно изъ нововведеній Петра не находило столько враговъ, какъ ассамблеи, ни одно изъ нихъ не противорѣчило такъ явно съ принятыми обычаями, но по странной игрѣ случая, ни одна новость не ввелась такъ скоро и не сдѣлалась столь общенародною, какъ ассамблеи. Къ этому много способствовало затворничество нашихъ женщинъ, жившихъ въ теремахъ и вышкахъ, за косящатыми окнами, что было равно тягостно *для прекраснаго и для влюбленнаго* пола.

Русскія дѣвы и молодежь охотно подчинялись волѣ Государевой; морщились старики, вопіяли матери, устарѣлыя и безобразныя женщины.

Ассамблеи давались по очереди всѣми особами, извѣстными лично Государю, по составленному имъ списку. Царь съ семействомъ присутствовалъ на каждомъ изъ нихъ. Хозяинъ обязанъ былъ только хлопотать объ угощеніи, не о поклонахъ, не о встрѣчѣ и проводахъ гостей. Обыкновенно, подъ ассамблеи занимали четыре комнаты. Въ одной бесѣдовали старики, какъ водится, о старинѣ; въ другой танцовала и веселилась молодежь; въ третьей курили табакъ и пили вино и меды; а въ четвертой играли въ шахъ-и-матъ и въ шашки. Въ то время не умѣли еще смѣшивать королей съ тузами и дамъ съ холопами; пятьдесятъ два корсара черной и красной масти не овладѣли еще душей, умомъ и карманами русскими; карты были неизвѣстны. Азартъ былъ хорошъ на войнѣ, а въ мирное время предосудителенъ. Блаженныя времена! На ассамблеи скликали обыкновенно барабаннымъ боемъ и прибитыми на перекресткахъ улицъ объявленіями. Много любезностей двора Людовика XIV закралось на наши балы. Каждый балъ имѣлъ свою царицу, которую выбиралъ самъ хозяинъ, поднося ей живую розу. *Царица бала* могла выбрать себѣ *царя души* по своему произволу, и счастливецъ, за выборъ, обязанъ былъ отплатить своей владычицѣ баломъ въ своемъ собственномъ домѣ

Она обыкновенно дарила ему свой цвѣтокъ. Такимъ образомъ одинъ балъ подавалъ другому руку, и наконецъ изъ бальныхъ цвѣтовъ составлялась цѣлая гирланда удовольствій и увеселеній. Петръ мастерски умѣлъ сажать сѣмена своихъ умныхъ нововведеній въ русскую почву: они непремѣнно должны были пустить корни. Первые уроки въ танцахъ русскія красавицы и кавалеры получили сперва отъ Петра, мастера во всемъ, потомъ отъ шведскихъ офицеровъ, бывшихъ въ Россіи въ плѣну, во время Сѣверной Войны. Музыка бальная состояла изъ литавръ, фаготовъ, флейтъ, гобоевъ и русскихъ роговъ. Рога завелись у русскихъ бояръ, гораздо прежде баловъ, съ тѣхъ поръ, какъ они стали ходить на охоту. Танцы тогда извѣстные были: менуэты, польскій, англійскій контрдансъ, вальсъ и гросфатеръ. Послѣдній особенно любилъ самъ Императоръ. Часто онъ собиралъ букетъ старичковъ на балѣ, давалъ каждому по старушкѣ, самъ бралъ даму, становился въ первую пару и затѣвалъ такія мудрепыя фигуры и затѣйливыя па, что возбуждалъ всеобщую веселость. Всѣ должны были рабски подражать ему; кто не могъ или не хотѣлъ, осуждаемъ былъ осушить кубокъ *большаго орла*. Это была огромная чаша, поддерживаемая двухглавымъ орломъ, которая

Тѣмъ одинъ лишь отличалась,
Что жажду скиѳскую поя,
Бутылка полная вливалась
Въ ея широкіе края.

Петръ былъ ловче всѣхъ и танцовалъ съ удивительною легкостію и пріятностію. Между дансерами особенно отличались: графъ Ягужинскій, князья Трубецкой и Долгорукій и графъ Головкинъ. Изъ дамъ первое мѣсто занимала Великая Княжна Елисавета Петровна и Княжна Кантемиръ, сестра русскаго поэта Антіоха Кантемира.

При Екатеринѣ I ассамблеи придворныя совершенно прекратились; но это не уничтожило баловъ въ Россіи. Начало было положено, и молодежь до того пристрастилась къ танцамъ, что старина, охрипнувъ отъ крика, умолкла, и глядя на фигуры, которыя дѣвы и юноши выписывали ногами, махнула на нихъ рукой. Балы обратились въ потребность и развились во всѣхъ слояхъ общества быстро, какъ веселые круги вальса.

Въ царствованіе Императрицы Анны, дворъ нашъ отличался великолѣпіемъ. Балы были блистательны. Шашки замѣнились картами, гросфатеръ—хлопушкою и а-ла-грекомъ, барабанный бой—приглашеніями, вина и меды—оршадомъ и лимонадомъ; кубокъ большаго орла пересталъ играть роль; трубки и табакъ—были изгнаны. Дворъ не принималъ болѣе участія въ балахъ частныхъ людей, которые завели на своихъ вечеринкахъ новые обычаи, по примѣру придворному. Балы данные Императрицею въ честь съѣхавшихся азіатскихъ пословъ: Турецкаго, Китайскаго и Бухарскаго, въ построенномъ тогда Зимнемъ Дворцѣ и въ Лѣтнемъ Саду по случаю взятія Данцига въ 1735 году, гремѣли своимъ великолѣпіемъ, блескомъ и новизною. Не стану распространяться въ описаніи очаровательныхъ праздниковъ: Анны почтенный нашъ литераторъ А. Кариньовичъ предупредилъ меня въ этомъ. Масляница была посвящена Анной Іоанновной русскимъ играмъ и забавамъ, пляскѣ и пѣснямъ по старинѣ. Слѣдуя нововведеніямъ затѣйливой Европы, Императрица заботилась и о томъ, чтобъ русская національность не утрачивалась.

Со временъ Елисаветы Петровны танцы получили болѣе правильности. Въ Россію прибылъ танцмейстеръ Ланде съ бойкими ногами и смѣтливой головой. Ему достались въ удѣлъ всѣ будущіе дансеры россійскаго войска, первый шляхетный корпусъ; ему попались въ передѣлъ всѣ русскія ноги съ претензіями на благовоспитанность. Ланде былъ оборотливъ, скоръ на руку, легокъ на ногу,—его прыжки повели его далеко, даже во дворецъ, и счастіе везло ему на пропалую. Въ танцы вошла грація и ловкость; ноги шаркали съ душею, поклоны стали ниже и фигурнѣе, улыбки выразительнѣй. Тутъ только постигли всю прелесть баловъ, всѣ выгоды сближеній—все очарованіе женской предести. Го-

ловы разгорячались, вино искрилось глаза сверкали, кровь била бѣлымъ ключемъ, а сердце малтникомъ. Амуръ сдѣлался оберъ-церемоніймейстеромъ баловъ, а нитрижки сердца заплетали кадрили и матрадуры. А гдѣ вмѣшаются любовныя шашни, тамъ и притворство—тутъ, какъ тутъ. Нужны были испытанія—и вотъ маскерадъ родился, какъ потребность. Доголѣ маскерадовъ у насъ не было. Правда, русскій народъ рядился иногда о святкахъ еще съ XVI столѣтія. Шаманъ, коза и медвѣдь, вотъ были употребительнѣйшія маски, или, какъ это называлось, рожи народа. Но эта потѣха строго преслѣдуема была правительствомъ, какъ обычай богопротивный. У насъ много есть старинныхъ запретныхъ грамотъ и патріаршихъ указовъ противъ этого обыкновенія, которое, по видимому, въ Восточную Русь занесено новгородскою вольницею, перенявшей его у Ганзы.—Первоначальные маскерады наши ограничивались тѣмъ, что представляли свѣтъ наизворотъ, то есть мужчины — одѣвались женщинами, а дамы—въ мужское платье. Что можетъ быть проще и милѣе? Узкій мундиръ обрисовываетъ превосходно красивыя формы прекрасной женщины. Костюмъ этотъ щекочетъ глазъ и дразнитъ воображеніе; и въ старину, какъ и нынѣ, такая уловка женскаго кокетства оставалась не безъ успѣха. То, что могло поставиться въ недостатокъ женскому платью, отлично прикрывалось лампасами и пряталось въ ботфорты. Дѣвственная скромность исчезала подъ свободными пріемами мужчины, а маленькая вольность въ женщинѣ всегда нравится. Притомъ умъ многихъ женщинъ то же, что запахъ нѣкоторыхъ цвѣтовъ: сперва онъ услаждаетъ нервы, а подъ конецъ производитъ боль въ головѣ. Подъ маскою и этотъ недостатокъ исчезалъ.

При Екатеринѣ Великой балы и маскерады давались совершенно на европейскій ладъ. И такъ мы можемъ окончить исторію баловъ до нашихъ временъ и обратиться къ значенію бала современнаго.

Прежде всего предложимъ себѣ вопросъ: откуда взялось странное изрѣченіе: *давать балы*?—Это выраженіе получило начало свое въ XV столѣтіи, когда городскія общины гражданственно образовались въ цѣлой Европѣ и приняли разныя общія правила и обычаи.

Оно родилось въ Германіи. Балъ, Ball, есть слово нѣмецкое, значущее мячь, шаръ. Выраженіе *давать балы*, нѣмецкій писатель Нахтигаль поясняетъ старинымъ германскимъ обычаемъ. Въ деревняхъ нѣмецкихъ, на второй и третій день Свѣтлаго Воскресенія, молодыя дѣвушки обыкновенно собирались съ тѣмъ, чтобъ поднесть своимъ подругамъ, вышедшимъ замужъ, по мячику, набитому шерстью или пухомъ. Сперва мячикъ натыкали на длинный шестъ, носили его по всей деревнѣ съ пѣснями, потомъ шестъ вбивали въ землю передъ домомъ новобрачной, а ей самой подносили мячикъ. Молодая обязывалась угостить все общество и поставить дѣвушкамъ и юношамъ безвозмездно музыку для пляски. Сколько было молодыхъ замужнихъ женщинъ, столько давалось мячей или баловъ, т. е. вечеринокъ съ пляскою (*).

Въ наше время балъ есть уже не простая забава: это дружескій союзъ, благодѣтельное сближеніе, уровень лѣтъ, состояній, необходимый въ общественной жизни. Подъ маскою всеобщаго убійства времени, кроются виды, планы, надежды и жизнь. Мало ли есть людей, которыхъ бойкія ноги довели далеко. Иной однимъ прыжкомъ попалъ на видное мѣсто; другой гліссадою и курбетомъ достигъ до *степеней извѣстныхъ*! Нерѣдко дробью ногъ выбиваются—порядочные доходы. До чего не доводятъ танцы, до чего не доходятъ лансеры съ гибкими членами! Вѣкъ нашъ есть вѣкъ индустріи, паровъ и машинъ. Балъ есть не что иное, какъ огромная машина, гдѣ все приводится въ движеніе парами, то есть, чадомъ воображенія, дымомъ мечтаній и испареніями головы и сердца: честолюбіемъ, любовью и чувственностію. Въ этой

* Roby. Panthcon P. V. p. 236.

машинѣ, старыя дѣвы — служатъ механикой злословія, молодые франты — снарядомъ комплиментовъ. Это двѣ вещи, необходимыя для смазки колесъ общественной жизни. Кого не увлекали балы въ лѣта юности, кого не привлекали они въ возрастѣ ума или расчета, какъ вамъ угодно? — Вообще, человѣкъ ужъ такъ созданъ: онъ больше гоняется за наслажденіемъ, чѣмъ за существеннымъ благомъ, болѣе любитъ удовольствіе, чѣмъ счастіе; веселаго собѣседника, чѣмъ друга; попугая, обезьяну и комнатную собачку больше всякаго полезнаго животнаго; танцовщицу и актрису больше ихъ искусства и румянца дѣвственной красоты. — Кто будетъ возставать противъ бала? Онъ миритъ самаго закоснѣлаго мизантропа съ человѣчествомъ. Хотите испытать его магическое дѣйствіе: ударьте въ смычки и *тарелки* — и друзья налетятъ къ вамъ со всѣхъ сторонъ, похвалы посыплются градомъ, который разумѣется растаетъ къ концу бала, отъ душной атмосферы. А сколько тутъ жизни, любви и дружбы! Въ кругахъ вальса души сливаются, какъ бы въ одну огромную, оборотливую душу; за бальнымъ ужиномъ, кажется, всѣ сердца бьютъ и брызжутъ, какъ искрометныя вина, а при вкусныхъ блюдахъ — кто-же не въ своей тарелкѣ? — Словомъ, балъ есть жизнь въ миніатюрѣ, со всѣми ея обольщеніями, интрижками, странностями, кознями, со всѣмъ, что есть въ ней сладкаго и горечи. — Но полно! Проза *для* поэтической выдумки человѣческой неприлична: она и мнѣ и вамъ надоѣла. Перейдемъ отъ этой титулярной совѣтницы, къ увлекательной танцовщицѣ — риѳмѣ, къ веселой поэзіи, которая пляшетъ на всѣ темпы, кружится стихами и быстро перебираетъ *стопами*. Вотъ куплеты, изображающіе исторію бала, — хорошо ли, дурно ли — Богъ вѣдаетъ, но что они вѣрны, за это ручаюсь —

Былъ Римъ! — Предъ нимъ дрожали тропы!
Но что же — намъ оставилъ онъ?
На мѣсто лавровъ — макароны
И комедьянтовъ — легіонъ. —
За тѣмъ и Спарта оплошала,
За тѣмъ упалъ и грозный Римъ,
Что мудрость древняя не знала,
Какъ балъ для царствъ необходимъ.

Балъ созданъ новыми вѣками!
И мы должны благословлять
Того, кто выдумалъ балами
Серіозный міръ побаловать.

Балъ настоящая находка
Для юныхъ франтовъ и для дамъ:
Его съ восторгомъ ждетъ красотка,
Онъ праздникъ пасмурнымъ отцамъ.
Чтобъ дочка куколкой одѣлась,
Хлопочетъ опытная мать,
И чтобъ она не *засидѣлась*,
Везетъ ее по танцовать.

Балъ можемъ мы сравнить съ турниромъ,
Съ ареной важной суеты:
Гдѣ первымъ ставятся кумиромъ
Сердца и деньги красоты,
Одинъ пронзить ихъ шпорой хочетъ,
Тотъ аксельбантомъ притянуть,
А третій изъ того, хлопочетъ
Чтобъ въ сундучекъ ся скакнуть,
Тотъ хочетъ пыль пустить ногами,
Тотъ мадригальчикъ отпустить,
Тотъ наровитъ плѣнить усами,
А тотъ глиссадой обольстить.

Судья тутъ ищетъ развлеченья,
А воинъ доблестныхъ побѣдъ;
Тотъ повышенья, тотъ имѣнья,
Тотъ покровительства привѣтъ.
Для всѣхъ открытыя дороги:
Порхаетъ, прыгаетъ народъ!
И у кого проворнѣй ноги,
Скорѣе къ цѣли тотъ дойдетъ.

А дѣвы, станъ свивая гибкій,
Въ корсетѣ узкомъ чуть дыша,
Всѣмъ раздаютъ свои улыбки
Подъ дроби мелкихъ антраша.
И даже докторъ благодарный,
Смотря на танцы у дверей,
Любуется въ душѣ коварной
Грядущей практикой своей.

Всѣ рѣзвы, веселы какъ дѣти!
Лепечутъ нѣжно, какъ птенцы;
А между тѣмъ повсюду сѣти,
И всюду ловкіе ловцы.
Не надрывайте даромъ груди:
Труду до цѣли далеко!
Вѣдь и ногами выйдешь въ люди,
Лишь только прыгай высоко!

Танцмейстеръ и профессоръ *слова*
Равны по службѣ и въ чинахъ;
Но первый обогналъ другаго
За тѣмъ, что легче на ногахъ.
Давайте балы понедѣльно,
Они васъ къ цѣли приведутъ;
Тѣ скажутъ: *человѣкъ-то дѣльный!*
Другіе: *онъ ужасный плутъ!*
И пусть о балѣ бьютъ тревогу,
А результатъ его такой.
Онъ на короткую васъ ногу
Поставитъ съ сильною рукой!

Балы — *игрушка* — въ общемъ мнѣньи,
Но не таковъ ихъ тайный смыслъ:
То плодъ роскошный упоенья,
А какъ раскусишь, такъ онъ кислъ.
А что тутъ лести, вѣроломства,
Интригъ, уловокъ и причудъ!
Тутъ вся *исторія знакомства*,
Хоть балъ *игрушкою* зовутъ.

Мы въ *польском* дѣвушку заводимъ!
Разсудокъ въ *вальсѣ* узнаемъ;
Въ *кадрили* къ сердцу переходимъ

И глазки приступомъ берем.
Въ *мазурк*ѣ рѣчію живою
Даемъ двусмысленный намекъ:
И что въ душѣ, что за *душею*,
Узнаемъ вдоль и поперегъ.

Но наконецъ къ развязкѣ сцены,
Въ кружокъ довѣрчивый стѣснены,
Безъ прихотливой перемѣны,
Часъ цѣлый вьется *котильонъ*.
Ужъ дремлетъ на софѣ старушка,
А мы въ углу..., рука съ рукой...
И часто... бальная игрушка—
Опасной кончится игрой!

Балъ созданъ нашими вѣками,
Того должны мы выхвалять,
Кто человѣчество балами
Затѣялъ первой баловать!
Теперь идетъ нравоученье:
(Хоть ихъ не очень любитъ свѣтъ!)
Къ баламъ питая уваженье,
Хочу я вамъ подать совѣтъ:
Чтобъ въ обществѣ незнать опалы,
Людскія прихоти любя,
Вы на балахъ—точите балы,
Балы давайте у себя.—

Балы и маскерады нынѣ падаютъ почти во всей Европѣ: это очень жаль. Домашніе балы становятся рѣдки, публичные—чопорны! Нѣтъ общей веселости, всѣ другъ друга чинятся; ноги важно шагаютъ, лица серіозны, какъ на академическомъ засѣданіи, улыбка и радость бѣгутъ съ баловъ. Балъ, на которомъ не танцуютъ, похожъ на лекцію, на которой спятъ. А таковы самые блистательные балы Парижской оперы и маскарады нашихъ театровъ. Они сходны съ солнечной стороной Невскаго проспекта въ два часа: все на ней движется; одни бѣгутъ по дѣлу, другіе ходятъ по предписанію, а прочіе плетутся нога за ногу такъ—отъ нечего дѣлать. Гдѣ ноги въ бездѣйствіи, тамъ и сердце спокойно, а гдѣ сердце спокойно, прекрасный полъ въ половину прекрасенъ. Когда смотришь на нынѣшній французскій кадриль, на это важное тарканье, на значительные шаги, на недвижное туловище танцующихъ, всегда кажется, что эти люди собрались на службу и толкутся по должности. Только въ Германіи сохранились еще слѣды баловъ старинныхъ, веселыхъ, безумныхъ. Только тамъ еще выплясываютъ отъ души подъ волшебные смычки Страуса и Ланнера! Порывы оркестра взвиваютъ быстрые вихри вальсовъ, которые вьются цѣпочкой, заплетаясь своими кольцами. Нѣмецъ важенъ за дѣломъ, но когда дѣло идетъ о веселіи, онъ катается шаромъ и разсыпается мелкимъ бѣсомъ. Хорошо бы и намъ принять за правило стихъ Грибоѣдова:

Когда въ дѣлахъ, я отъ веселій прячусь,
Когда дурачиться—дурачусь!

Нѣмцы, можетъ быть, плашутъ изъ уваженія къ Шиллеру, который такъ превосходно воспѣлъ танцы:

Siehe, wie schwebenden Schritts im Wellenschwung sich die Paare
Drehen! Den Boden berührt kaum der gefügelte Fuß!

Нашъ Державинъ воспѣлъ славянскую пляску не хуже Шиллера. Въ память Державину —

Полноте вздорить! Начнемте плясать!

ѲЕДОРЪ КОНИ.

КОЛИЗЕЙ,

ДРЕВНІЙ ТЕАТРЪ РИМЛЯНЪ.

По древесной аллеѣ, пролегающей паралельно съ вырытою *священною улицею* (via sacra), мимо четырехъ древнихъ храмовъ, прошелъ я къ тріумфальной аркѣ Титовой, хотѣлъ было разсмотрѣтъ ее, — но вдругъ передо мною явился исполинскій *Колизей*, и вмигъ будто поглотилъ меня въ свою внутренность. Я обомлѣлъ въ этой дивной овальной оградѣ, въ этой свѣтлой безконечности гармоніи и величія! Напрасно будешь искать словъ, чтобъ выразить живость перваго, видомъ Колизея произведеннаго, впечатлѣнія! Можно только сказать, что въ эту минуту чувствуешь себя вровень съ Колизеемъ.—Колоссально-возвышеннымъ, гармонически вѣченнымъ, какъ и *онъ!* Съ вершины его, въ длину, видъ еще поразительнѣе. Чудная панорама окрестности исчезаетъ передъ высшимъ чудомъ архитектуры.... невольно простираешь къ нему руки, чтобъ его обнять! Удивительная стройность этой эллиптической формы умѣряетъ, въ отношеніи къ мелкому человѣку, колоссальность зданія—и потому-то человѣкъ простираетъ къ нему объятія. Что долженъ былъ почувствовать создатель Колизея, впервые—съ *этого* пункта—смотрѣвъ на свое совершенное созданіе? Не страсть Пигмаліонову: оживить свое произведеніе, но желаніе, самому превратиться въ камень и быть *камнемъ Колизея*—быть составомъ столь огромной гармоніи!... Деревянный краснаго цвѣта крестъ, на каменномъ подножіи, поставленъ въ самомъ центрѣ арены; по окружной линіи ея сооружены четырнадцать небольшихъ часовень. Двѣ молодыя женщины взошли и приложились къ кресту. Я чувствовалъ значеніе креста на *такомъ* мѣстѣ, высокую благодать Вѣры Назорея, воцарившей тихій, священный миръ Христіанства на кровавомъ театрѣ суровыхъ языческихъ увеселеній. Но мысль о борьбѣ гладіаторовъ, о геніяльной суровости древняго міра,—мысль обо всемъ, что ни случилось на этой сценѣ,—невольно нѣмѣетъ передъ чистымъ изяществомъ искусства, совершившаго здѣсь столь чудесное эллиптическое теченіе.... въ *Колизеѣ* не чувствуешь другой власти на землѣ, кромѣ искусства!... Во время разрушительнаго варваризма не признавали сей власти: тотъ деревянный крестъ спасъ Колизей, какъ мы увидимъ ниже. Слава кресту—онъ и здѣсь совершилъ свою спасительную миссію! Не оставляйте же его долѣе въ обаятельномъ кругу мірскаго величія, въ языческомъ амфитеатрѣ,—отнесите его на святое мѣсто!—Вотъ, что оставилъ Колизей въ моей памяти, послѣ первой прогулки по Риму! Сей отголосокъ перваго впечатлѣнія, да послужитъ введеніемъ къ описанію, болѣе спокойному и прозаическому.

При всѣхъ поврежденіяхъ, нанесенныхъ амфитеатру временемъ и варварами, онъ еще до такой степени представляетъ гармоническое цѣлое, что нескоро допуститъ васъ до подробнаго разсмотрѣнія составовъ его: вы все остаетесь подъ вліяніемъ всеобщаго эффекта. Есть еще другой—столь же несомнѣнный—критеріумъ его конечнаго совершенства: Колизей не допускаетъ и пробѣжать чудную его исторію—чувственный видъ его занимаетъ всю душу человѣка! Сколько разъ случалось мнѣ, на пути отъ Капитолія до Тито-

выхъ воротъ, приближаться къ Колизею съ твердымъ намѣреніемъ: на этотъ разъ, посреди самой арены, въ трагическихъ подробностяхъ развѣдывать судьбы и таинства Колизея; но на первомъ шагу во внутренность его, бывало, затмится яркая фантасмагорія моихъ воспоминальныхъ и проницательныхъ о прошедшемъ мыслей, и вижу и чувствую не иное что, какъ вѣчное произведеніе образовательнаго искусства.

Представимъ въ бѣглыхъ очеркахъ исторію Колизея. Императоръ Веспасіанъ Флавій началъ строить сей величайшій изъ всѣхъ древнихъ амфитеатровъ, отъ чего онъ и назывался въ старину—да и понынѣ справедливѣе называется — флавіанскимъ амфитеатромъ. Наименованіе *Колизея* или *Колоссея* дано ему въ восьмомъ вѣкѣ, вѣроятно, по причинѣ колоссальности его. Нѣсколько тысячъ плѣнныхъ Іудеевъ были строителями этого монумента, сооруженнаго будто бы въ память того, что Іуден перестали быть *народомъ*. Сіи стройныя массы травертина складывались при заунывныхъ пѣсняхъ арфы Сіона. Въ теченіе вѣковъ, въ этой оградѣ разыгрывались гладіаторскія *игры* (т. е. игры на жизнь и смерть), навмахіи (арена могла быть и затопляема водою), битвы съ дикими звѣрями, сценическія представленія разнаго рода и, травля христіанъ львами и тиграми, въ царствованіе Діоклитіана. Въ XI и XII-мъ вѣкахъ, Колизей служилъ феодальною крѣпостью, потомъ чумнымъ лазаретомъ, послѣ того фабрикою и, наконецъ, пристанищемъ для рыцарскихъ турнировъ. На исходѣ XIV-го вѣка распались, на западной сторонѣ, верхніе ярусы и вся наружная линія портика — и дивное зданіе сдѣлалось каменоломнею, доставлявшею матеріялъ для постройки нѣкоторыхъ лучшихъ въ нынѣшнемъ Римѣ дворцевъ и пристани Ripetta. Такое святотатство продолжалось бы до послѣдняго камня, если бъ одинъ изъ Папъ не догадался поставить на аренѣ тотъ деревянный крестъ—т. е. *спасти* Колизей именемъ *погибшихъ въ немъ* христіанскихъ мучениковъ. Сіе послѣднее событіе достойнымъ образомъ довершаетъ всемірную исторію Колизея, въ которомъ каждый вѣкъ, такъ сказать, разыгрывалъ свою главную характерную сцену. Около половины зданія понынѣ осталось въ первобытной вышинѣ, почему воображеніе легко возстановляетъ оное въ цѣлости. Поврежденія не вредятъ Колизею ни въ идеѣ, ни въ чувственномъ явленіи, но только придаютъ емутаинственное очарованіе развалины, которую всегда будешь описывать какъ не-развалину. Мы уже знаемъ, что форма ея эллиптическая. Наружная сторона состоитъ изъ четырехъ ярусовъ. Каждый особеннаго чина архитектуры: первый дорическаго, второй іоническаго, третій коринѳскаго. Эти три яруса содержатъ въ себѣ каждый по осьмидесяти арокъ, съ колоннами въ простѣнкахъ. Четвертый ярусъ есть овальная аттика съ коринѳскими—рядамъ колоннъ, соотвѣтствующими—пилястрами, и съ окнами, на мѣсто арокъ. Внѣшняя окружность зданія имѣетъ 1640 футовъ; внутренняя—т. е. арена—пристанище — 748 футовъ (285 въ длину и 182 въ ширину). Изъ этого явствуетъ, сколь широко основаніе, отъ котораго надъ ареною пятьдесятъ круговъ сидѣльныхъ мѣстъ, въ видѣ ступеней, амфитеатрально восходили до вышины въ 160 футовъ. На поворотахъ эллипсиса два главные сквозные входа; одинъ обращенъ ко храму Венеры и Риму, другой къ Латерану. Въ эти врата, у коихъ теперь расхаживаютъ часовые, шествовали члены императорскаго семейства, весталки, сенаторы, должностныя особы и занимали бель-этажъ (podium); народъ входилъ въ арки, по двадцати каменнымъ лѣстницамъ во внутреннихъ корридорахъ, достигалъ верхнихъ портиковъ и черезъ, такъ называемые, *истоки* (vomitoria) разливался по сидѣльнымъ рядамъ. Раекъ (maeniaum) имѣлъ деревянныя ложи и былъ преимущественно назначенъ для женщинъ. Всего могло помѣщаться въ амфитеатрѣ до ста тысячъ зрителей, и всякій изъ нихъ свободно могъ видѣть и быть видѣнъ, когда обращеніемъ большаго пальца руки внизъ или вверхъ рѣшалъ: жить, или не жить побѣжденному гладіатору!—Сидѣльныя мѣста всѣ разру-

щены; они-то въ особенности послужили матеріяломъ *для* новѣйшихъ построекъ; но расположенныя по корридорамъ лѣстницы довольно хорошо сохранились. Видна еще и нумерація аркъ отъ XXIII до LIV. У обоихъ главныхъ входовъ возстановлена стѣна до первобытной вышины, и оттуда чудесный видъ на Римъ и еще чудеснѣйшій во внутренность самаго Колизея. Поврежденные своды живописно обросли зеленью. При папѣ Піи VII докопались до открытія, что подо всею ареною находится массивная съ корридорами и небольшими покоями подстройка, коей назначеніе составляло важный предметъ антикварскихъ споровъ. Удивлялись этому открытію, какъ будто бы мѣсто сценическихъ представленій могло быть безъ подполья! Зданіе стоитъ на эллиптическомъ цоколѣ въ три ступени.

Вездѣ, по наружной сторонѣ, въ спайкахъ, видны печальные слѣды похищеннаго варварами желѣза, коимъ Римляне прикрѣпляли массивныя постройки. На всѣхъ значительныхъ древнихъ стѣнахъ встрѣчается то же самое, но нигдѣ оно не бываетъ столь непріятно *для* глазъ, какъ на исполинской, стройной массѣ Колизея. При этомъ случаѣ нельзя опять не вспомнить, что въ вѣка грубой силы *желѣзо* было драгоцѣннѣйшимъ металломъ! Варвары до-чиста прибрали оное во всемъ обширномъ Римѣ, не трогая несмѣтнаго количества бронзы Пантеона, до которой добрался образованный понтификальный варваръ Урбанъ VIII.—Если вы съ сѣверо-западнаго поворота эллипсиса наглядѣлись на Колизей, какъ на гармоническое цѣлое, то надобно поскитаться по корридорамъ верхнихъ ярусовъ, чтобы понять, какое безконечное разнообразіе чудныхъ эффектовъ представляетъ онъ, какъ *руина:* отъ каждой арки открывается видъ другой, но всегда живописный, очаровательный! Это надобно *видѣть*—подробнѣйшее описаніе не даетъ ни какого о томъ понятія. Подумаешь, что судьба разрушила часть Колизея именно для того, чтобы показать, во сколько невообразимо-различныхъ видовъ можетъ разбиться врожденная истинному художественному произведенію красота, не переставая быть дивною красотою во всѣхъ и всякаго рода увѣчіяхъ—т. е. другими словами — что вѣчная гармонія проявленнаго искусства, если должна разбиться вещественно, то разбивается не въ иное что, какъ только въ *красоты*!

На моихъ прогулкахъ по амфитеатру любилъ я вспоминать, какимъ представлялся онъ тому и другому великому человѣку. Гёте сказалъ о Колизеѣ: «Онъ такъ великъ, что образа его не удержишь въ душѣ; память рисуетъ его въ меньшихъ размѣрахъ; возвратясь къ нему, всегда находишь, что онъ *больше*!» Я силился испытывать на себѣ сіе замѣчаніе поэта, котораго изреченія объ искусствѣ привыкъ я считать аксіомами: оно не могло убѣдить оппозиціи моего собственнаго чувства. Съ перваго посѣщенія, память моя усвоила себѣ *величину* Колизея и, въ этомъ отношеніи, я въ послѣдствіи встрѣчалъ его, какъ стараго знакомаго; но величественное его изящество всякій разъ имѣло *для* меня прелесть новизны и представляло новую варіяцію на тему перваго впечатлѣнія. Однако, умомъ понимаю я замѣчаніе Гёте. Древняя архитектура владѣла прекрасною тайною, произведенія свои посредствомъ чувственнаго обмана, проявлять въ большихъ противу дѣйствительнаго размѣрахъ. По дивному согласію формы съ величиною, отчасти, и по мѣстнымъ причинамъ, Колизей съ виду больше, нежели въ математической дѣйствительности. Поклонникъ наукъ, любившій во всемъ чрезвычайную точность, Гёте,—на уходѣ отъ амфитеатра, вѣроятно, вспоминалъ только о вышеприведенныхъ числахъ футовъ, и — по этому воображаемый имъ образъ Колизея-должествовалъ быть меньше, нежели Колизей въ чувственномъ созерцаніи. — Не столь легко понять Бейрона, которому мечталось, что Римъ въ единомъ монументѣ хотѣлъ соединить *всѣ свои тріумфальныя врата.* Идея, — разумѣется,—колоссальная! Но гдѣ же чувственная правда? Кто имѣлъ случай видѣть Колизей своими глазами, тотчасъ убѣдится въ чрезмѣрной изысканности этой фразы. Можетъ ли *овальная* аркада, да еще тройная, — одна надъ дру-

гою, естественнымъ образомъ навести на умъ мысль о *братахъ*? Кажется, сосѣдство тріумфальныхъ воротъ Тита и Константина навело эту идею прежде, нежели Колизей самъ заговорилъ воспламененной душѣ Бейрона. Всегда любопытно изслѣдывать геніяльныя заблужденія Титанской фантазіи.

Всякому извѣстно, или по опыту, или по наслышкѣ, что лунный свѣтъ имѣетъ въ Римѣ особенное, чудно-прекрасное дѣйствіе, которому не бываетъ подобнаго въ цѣломъ свѣтѣ. Все мелкое, новѣйшее и ничтожное покрывается широкими разливами свѣта и тѣни, магнически между собою расположенными; а все великое, грандіозное, собственно-*Римское* выходитъ наружу въ таинственномъ преображеніи, такъ, что лунное сіяніе кажется самымъ естественнымъ освѣщеніемъ вѣчнаго Рима, какъ привидѣнія древности. Сіе замѣчаніе относится въ особенности къ Колизею. Я видѣлъ его три вечера сряду во всемъ блескѣ Римскаго полнолунія, и мнѣ не забыть этихъ впечатлѣній! Видъ зданія совершенно измѣняется; художественная гармонія, которая исключительно первенствуетъ днемъ, — прячется ночью; характеръ развалинъ, колоссальное, мистическое съ своимъ страхомъ, преимуществуетъ; амфитеатръ кажется еще огромнѣе и является въ какомъ-то неземномъ освѣщеніи. Иныя арки, въ подномъ смыслѣ слова — лучезарны; другія наполнены мрачною тьмою; въ третьихъ сіи крайности или сталкиваются рѣзкою линіею, или сливаются въ необычайныя сумерки. Дивныя силы свѣта и тѣни разыгрываютъ изумительную, полную эффектовъ игру. Колизей становится пѣкопмъ міромъ духовъ, олицетворяющимъ всѣ историческія воспоминанія и вызывающимъ на свободный разгулъ всѣхъ геніевъ человѣческой фантазіи. Нигдѣ не мечталъ я столь живо, грозно и обильно. Сколько тысячъ людей испустили дыханіе въ этой оградѣ! Сколько разъ этотъ колоссальный бассейнъ могъ бы быть до краевъ наполненъ пролитою въ немъ кровью!... Но оставимъ подобныя размышленія — не буду говорить о своихъ ночныхъ на яву грезахъ въ Колизеѣ! Вообразимъ амфитеатръ снизу до верху унизанный народомъ... можно ли представить себѣ что-либо превосходнѣйшее? Можно ли было выдумать восхитительнѣйшее взаимное отношеніе между народомъ и созданіемъ искусства! Амфитеатръ, въ своемъ величіи и въ благородной своей простотѣ, не допускалъ ни какихъ художественныхъ украшеній, именно потому, что не могъ достойнѣе быть украшенъ ничѣмъ инымъ, кромѣ *народа*! Симъ способомъ созданіе искусства переходило въ существенную жизнь, какъ статуя Пигмаліонова, съ тою только спасительною разницею, что оно — при этомъ — не переставало быть созданіемъ искусства; — а съ другой стороны народъ, или лучше сказать *чернь*, которая и въ дѣйствительности, и въ собственныхъ своихъ понятіяхъ, и въ произведеніяхъ величайшаго изъ поэтовъ — Шекспира — представляется не иначе, какъ нестройнымъ, неразумнымъ стадомъ, — получала отъ амфитеатра художественную стройность, высшую значительность, самосознаніе, и видѣла себя въ этихъ овальныхъ рядахъ пересозданною въ единый огромный, истинно-царственный ликъ человѣчества — т. е. народъ превращался въ идеалъ искусства, не переставая быть живымъ народомъ! Только древнее искусство могло осуществить подобную идею! —

Но съ этой идеальной высоты, на которую мы теперь возвели народъ, не трудно ли будетъ сообразить съ *нашими* понятіями безчеловѣчную суровость его увеселеній въ амфитеатрѣ? Мы должны сложить съ себя свой образъ мыслей и теперь держаться римской природы. Римляне были народъ столь практическій, что не легко было вразумить въ ихъ художественный обманъ — иллюзію; они и въ искусствѣ предпочитали существенную правду. Вмѣсто воображаемыхъ страданій, при сценическихъ представленіяхъ, имъ нужны были страданія дѣйствительныя — и вотъ вамъ гладіаторскія игры!.. Мы должны сознаться, что природа человѣческая вообще, по врожденной, первобытной склонности, стремится къ зрѣлищу существенныхъ страданій; если

высшее и чисто-моральное образованіе не обуздываетъ сего порыва, то природа далеко увлекается своимъ инстиктомъ. Вспомнимъ еще, что гладіаторы, по крайней мѣрѣ въ первыя времена, были исключительно *преступники*, приговоренные къ смерти. Великою милостью долженъ былъ считаться обычай, который — вмѣсто того, чтобы предать ихъ—связанныхъ—мечу правосудія,— развязывалъ имъ руки, вручалъ оружіе, для защиты отъ смерти, и каждаго изъ сихъ осужденныхъ бойцевъ удѣлялъ надеждою жизни и побѣды. Мужественная покорность побѣжденнаго, безъ сомнѣнія, проистекала изъ сознанія, что онъ умиралъ въ виду цѣлаго народа, (смерть на людяхъ красна!) въ виду народа, который могъ свидѣтельствовать объ усиліяхъ его въ послѣдней борьбѣ, и коему онъ, если не удостоился жизнеспасительнаго знака, могъ еще быть угоденъ своею смертью, поелику не могъ дѣлать ничего лучшаго. Къ жалкому отчаянію едва ли доставало бы и физическихъ силъ, истощенныхъ отъ ранъ и отъ долгой битвы. Весь народъ ликовалъ при смертномъ ударѣ. Къ вышеупомянутому коренному инстинкту нашей природы присовокуплялось и то, что у Римлянъ всякое презрѣніе смерти и храбрость до конца, была одна изъ главныхъ идей, изъ коихъ Римъ развился до всемірности. Чѣмъ болѣе величіе его склонялось къ упадку, и идея сія умирала въ гражданинѣ, тѣмъ болѣе сей послѣдній и хотѣлъ видѣть ее осуществленную внѣ себя и такимъ образомъ еще чувствовать себя римляниномъ—и ловкая политика Цесарей согласовалась съ тѣмъ, чтобъ угнетенный народъ имѣлъ еще, по крайней мѣрѣ въ амфитеатрѣ, сознаніе своей важности, властвуя своимъ голосомъ и рѣшая, по своему произволу, судьбу побѣжденнаго гладіатора. Подобнымъ путемъ охота къ сценическимъ увеселеніямъ должна была, не только въ простомъ народѣ, но и въ сердцѣ нѣжной весталки, содѣлаться звѣрскою жаждою крови, *безъ сьдома* самихъ зрителей, ибо они хотѣли только сильныхъ впечатлѣній,—*афекта*,—какъ выражается германская эстетика. Если судить о тѣхъ зрителяхъ,—что и справедливо съ *этой* точки зрѣнія, то они, любуясь страшною рѣзнею гладіаторскою, не были ни на волосъ безчеловѣчнѣе тѣхъ, которые въ наше время всего болѣе любятъ кровопролитную мелодраму или трагедію въ новѣйшемъ французскомъ родѣ. Все различіе состоитъ только въ *понятіяхъ* о сценическихъ потѣхахъ, объ истинѣ искусства и вещественной правдѣ, и о томъ, какимъ образомъ должно, удовлетворяя тому таинственному инстинкту, направлять его ко благу. Всякая чрезмѣрность грубой природы понятна и сносна для ума; но кровожадныя заблужденія ума останутся на всегда неразгаданнымъ и нестерпимымъ страшилищемъ для природы.

Оправдывалъ Колизей въ гладіаторскихъ играхъ, снимая,—такъ сказать,—ужасъ, навѣшенный на него съ моральной стороны,—роднившся съ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ души къ міру и къ жизни. Днемъ и лунною ночью открываетъ онъ безконечный просторъ эстетическому восторгу и живой мечтательности нашего духа; а вечернею порою, когда, усталый отъ прогулки по Риму, зайдешь въ Колизей и сядешь тамъ, то, при совершенномъ бѣздѣйствіи утомленнаго ума, отъ Колизея еще подышетъ на тебя чѣмъ то невыразимо-благопріятнымъ, будто вступилъ ты подъ домашній кровъ, гдѣ всею душею чувствуешь себя *дома*. Глаза невольно устремятся на окно Колизейскаго сторожа... Что, если бъ этотъ человѣкъ могъ понять геній мѣста, гдѣ жительствуетъ,—ни единый князь въ мірѣ ни имѣлъ бы столь великолѣпнаго, не одинъ анахоретъ въ пустынѣ столь аскетическаго жилища, какое имѣетъ *онъ*! Его обитель— чудный центръ, *стѣнной вѣнецъ* вѣчнаго Рима! Онъ въ *этомъ* вѣнцѣ, могъ бы быть властелиномъ лучшаго княжества на свѣтѣ—человѣкомъ вселенной!..

БАРОНЪ РОЗЕНЪ.

ЗАКУЛИСНАЯ ХРОНИКА.

ДВѢ ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ЯКОВЛЕВА.

Великій русскій трагикъ конца XVIII столѣтія, Яковлевъ, всегда отличался на сценѣ и въ обществѣ своимъ умомъ и благородствомъ характера. Любя искусство свое страстно, онъ вполнѣ постигалъ, какихъ усилій стоитъ достигнуть до совершенства въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, и потому уважалъ всякій трудъ, а прилежаніе ставилъ почти на ряду съ талантомъ. «Человѣкъ съ природнымъ дарованіемъ, — говорилъ онъ часто, — есть наслѣдникъ милліонера, который мотаетъ безотчетно и безъ оглядки; онъ родился въ золотой сорочкѣ и не знаетъ цѣны золота. Человѣкъ, наживающій талантъ трудомъ и заботою, похожъ на купца, который началъ съ копѣечной коврижки, а кончилъ покупкою корабля съ грузомъ пряныхъ кореній.»

Мысль свою артистъ оправдывалъ и на дѣлѣ, какъ мы увидимъ.

I.

Однажды Яковлевъ былъ приглашенъ на экзаменъ въ семинарію. Между студентами особенное вниманіе его привлекалъ молодой человѣкъ, высокаго роста, весьма пріятной наружности, съ звучнымъ, одушевленнымъ органомъ. Кромѣ внѣшнихъ качествъ, юноша отличался отъ своихъ товарищей успѣхами въ языкахъ и наукахъ. Яковлевъ внутренно полюбилъ его.

По окончаніи экзамена трагикъ подозвалъ къ себѣ молодаго богослова. Юноша робко подошелъ. Желтый, фризовый сюртукъ, съ спинкою на лопаткахъ и полами, доходящими до пятокъ, похожъ былъ болѣе на футляръ для человѣческой фигуры, чѣмъ на одежду, и составлялъ явную дисгармонію съ его атлетическими формами и открытымъ лицемъ.

«Послушай, другъ? сказалъ ему Яковлевъ. Не хочешь ли итти на театръ? — Ты будешь славнымъ Агамемнономъ и можешь угостить публику лихимъ Донскимъ! Я увѣренъ, что она будетъ отъ тебя въ упоеніи!»

— Нѣтъ! отвѣчалъ семинаристъ. Я посвятилъ себя ученому званію и не отступлюсь отъ моего призванія. Научать хочу православныхъ, не забавить.

«Да развѣ ты думаешь, что актеръ скоморохъ, на потѣху народу служащій?» Возразилъ Яковлевъ съ жаромъ. — «Жестоко ошибаешься! Ты будешь научать словомъ, я потрясу примѣромъ; ты тронешь душу до умиленія, я возвышу ее до благородства; ты прольешь въ грудь преступника раскаяніе, я сдавлю ее ужасомъ! Чай, мы [illegible] друга стоимъ? Громи же порокъ словомъ разума, а я, устрашу его лицедѣйствомъ, и оба мы будемъ служить добродѣтели! — Но скажи, пожалуй, почему ты такъ плохо одѣтъ: я вижу голые локти и въ сапогахъ прорѣхи. Ужъ не циникъ ли ты? Ха! ха! ха!»

— Да; отвѣчалъ, покраснѣвши, студентъ. Omnia mea mecum porto! — Кто трудится для духа, тому нѣкогда работать на тѣло. Бѣдность не порокъ, и сознаніе въ ней не грѣхъ.

Яковлевъ улыбнулся. Онъ молча опустилъ руку въ карманъ, развязалъ бумажникъ, вынулъ сторублевую ассигнацію, и подалъ ее семинаристу. Студентъ отступилъ отъ удивленія.

«Возьми! сказалъ актеръ. Наукѣ у Искусства занимать не стыдно!»

— Много! возразилъ студентъ скромно.

«Много, чтобъ пріобрѣсть трудомъ, и мало, — чтобъ наградить за трудъ!» И они разстались.

II.

Яковлевъ былъ небольшой охотникъ до картъ. Часто просиживалъ онъ ночи, за книгою или ролью; но найти у него въ домѣ карты, кромѣ географическихъ, было трудно. Однажды онъ былъ на крестинахъ у одного изъ своихъ сотоварищей. Вечеромъ раскинулись столы, и ламушъ и банкъ начали на нихъ разыгрывать свою обычную траги-комедію. Яковлевъ сталъ за стуломъ своего трагическаго соперника, актера безсмысленнаго и бездарнаго, но удивительнаго понтера, и, глядя на игру, не могъ удержаться отъ зѣвоты.

— Яковлевъ, полно зѣвать: поставь карточку! сказалъ игрокъ, которому везло нелѣпое счастіе.

Яковлевъ взялъ колоду, машинально выдернулъ четверку — и положилъ на столъ.

— На этомъ далеко не уѣдешь!

«Напротивъ, четверка везетъ лучше двойки.» Отвѣчалъ Яковлевъ, и загнулъ уголъ. Его карта была дана, соперникова двойка убита.

Яковлевъ поставилъ даму.

— Посмотримъ, сказалъ съ усмѣшкою соперникъ, какъ то тебя любятъ дамы?

«Болѣе, чѣмъ тебя холопы. Твой валетъ битъ, моя дама взяла.

— Этакъ тебѣ, пожалуй, дадутъ и туза.

«Можетъ быть! За то твой король не надеженъ. Съ королями тебѣ всегда неудача.

— Странно! сказалъ соперникъ, который начиналъ сердиться, при Яковлевѣ мнѣ всегда несчастіе.

«Правда! отвѣчалъ трагикъ, это всѣ замѣчаютъ: когда я играю — ты проигрываешь, когда ты играешь — я въ выигрышѣ.»

За то въ коммерческихъ играхъ тебѣ до насъ далеко.

«И то справедливо. Ты играешь всегда разсчитанной игрой и выходишь козыремъ. Я выхожу простою мастью, выхожу, какъ Богъ на душу положитъ и часто выхожу изъ себя, потому что забываюсь.

СТРАННОСТИ БУЛАХОВА.

Булаховъ былъ безспорно однимъ изъ лучшихъ пѣвцевъ въ Россіи. Бархатный, золотистый его голосъ лился, какъ ручей, звучалъ, какъ червонецъ. Булаховъ зналъ отлично музыку, пріобрѣлъ прекрасную методу пѣнія и мастерски умѣлъ владѣть своими средствами. Онъ былъ не даромъ любимцемъ московской публики, которая въ его пѣніи съ каждой новой ролью открывала новую сладость, новыя прелести. Но въ Булаховѣ было много странностей. Съ непомѣрной любовію къ музыкѣ, онъ соединялъ удивительную безпечность характера. Каждой партіей онъ занимался съ любовію и стараніемъ, а на слова, на смыслъ роли, почти не обращалъ ни какого вниманія. Отъ этого, не смотря на многолѣтнюю сценическую опытность, онъ оставался актеромъ весьма посредственнымъ. Необыкновенное его добродушіе и наивность привлекали къ нему всѣ сердца, и сама публика часто смѣялась надъ его промахами, но никогда не могла на него разсердиться. Московская закулисная хроника сохранила о любимомъ своемъ тенорѣ такъ много анекдотовъ, что ими можно бы наполнить цѣлый томикъ. Мы сообщимъ здѣсь нѣкоторые изъ нихъ, которые показываютъ въ полной мѣрѣ разсѣянность артиста и забавны по своей наивности.

I.

Въ операхъ *Жоконда* или *Искатели приключеній* «Николо Изуара» Булаховъ занималъ роль Жоконда. Во время дуэтта съ Графомъ Робертомъ въ третьемъ актѣ, Булахову надлежало пѣть, спрятавшись за кустомъ. Кустъ былъ отнесенъ въ глубину сцены; и слова суфлера, заглушаемыя оркестромъ, съ трудомъ долетали до него. Булаховъ, имѣвшій удивительную способность играть и пѣть по суфлеру, пользовался ею и почти никогда не заучивалъ стиховъ своей партіи. На этотъ разъ, онъ былъ въ затруднительномъ положеніи. Онъ подставлялъ ухо; то правое, то лѣвое, онъ силился самъ придумать текстъ на свой мотивъ, все напрасно; съ первыхъ нотъ онъ сталъ

въ тупикъ и преспокойно отправился за кулисы. Тутъ встрѣтилъ его испуганный Кротовъ, тогдашній режиссеръ.

«Булаховъ! Помилуй, братецъ! Тебѣ надо быть на сценѣ!»

— Знаю, знаю, *братикъ-сударикъ!* отвѣчалъ простодушно Булаховъ. Я нарочно ушелъ! Дай Лаврову *спѣть дуэтъ*, а тамъ я и выйду!»

II.

Не помню хорошенько, въ какой изъ старинныхъ русскихъ оперъ, кажется, въ *Ильѣ Муромцѣ*, Булаховъ занималъ главное лице, написанное для тенора. Въ одной изъ сценъ ему надлежало плыть по рѣкѣ въ лодкѣ. Въ то время еще роскошь обстановки, мишура, бархатъ и парча, въ ожиданіи выставки издѣлій промышленности, не тѣснили искусства со сцены. Тогдашніе декораторы и машинисты соединялись, чтобъ простымъ подражаніемъ природѣ сохранить иллюзію зрителей. Въ сценѣ, о которой мы говоримъ, декорація представляла рѣку, берега ея терялись вдали. Для большаго правдоподобія, машинистъ Шредеръ устроилъ нѣсколько наклонныхъ скатовъ за волнами, по которымъ лодка должна была плыть. На доскахъ скатовъ были выдолблены колеи, въ нихъ вставлялись колеса лодки, и ее тянули веревками изъ одной кулисы въ другую. Механика самая простая и немногосложная. Мѣсто, откуда лодка должна была двинуться, было довольно высоко: сажени три съ половиной отъ сцены. Булаховъ сѣлъ. Знакъ былъ поданъ и работники машиниста принялись за дѣло. Только, прокатившись нѣсколько аршинъ, Булаховъ замѣтилъ, что одно колесо выбилось изъ колеи и катилось по гладкимъ подмосткамъ. Трусливый отъ природы, онъ пришелъ въ ужасъ, началъ метаться изъ стороны въ сторону, глядѣлъ внизъ, шепталъ за кулисы и наконецъ, видя, что все тщетно, вскочилъ въ лодкѣ и началъ кричать:

«Шредеръ! разбойникъ! стой! стой! не плыву дальше.... Что ты! шею мнѣ свернуть хочешь, что ли? Стойте! Пустите! Я выйду... не могу.»

— Нельзя, отвѣчалъ ему Шредеръ шопотомъ, тутъ вода.

«Какая вода, братикъ! — Я пѣшкомъ пойду... не утону, авось! Ахъ! злодѣи! Губите! губите! Расшибусь... Ахъ! Гворецъ ты мой! Ну, я поплыву, разбойникъ! Пусти только!»— Машинистъ не унывалъ, Булаховъ приходилъ въ отчаяніе, публика помирала со смѣху. Наконецъ Муромецъ нашъ благополучно достигъ до берега. Онъ вышелъ изъ лодки, глубоко вздохнулъ и преспокойно началъ свою выходную фразу:

«Какая безмятежная рѣка! Какое спокойное плаваніе!»

Театръ загремѣлъ отъ рукоплесканій и хохота.

НАХОДЧИВОСТЬ.

Веселый, забавный и талантливый комикъ московскаго театра В. И. Живокини, отличается своей непринужденною игрою и находчивостью на сценѣ. Въ извѣстной комедіи Мольера: *Школа женщинъ*, прекрасно переведенной Н. И. Хмѣльницкимъ, Живокини занималъ роль слуги Алима. Во второмъ явленіи перваго дѣйствія, Арнольфъ, господинъ его, послѣ кратковременной отлучки, возвращается домой. Слуги выбѣгаютъ къ нему на встрѣчу. Въ глупой радости, Алимъ забываетъ даже снять передъ нимъ шляпу. Арнольфъ, раздраженный дерзостью слуги, въ гнѣвѣ сшибаетъ съ него шляпу, говоря:

Какъ смѣешь ты, дуракъ, быть въ шляпѣ здѣсь?
Вотъ скотъ, часъ отъ часу глупѣетъ!

Къ несчастію, ударъ былъ такъ силенъ, что, вмѣстѣ съ шляпою, сшибъ огромный, рыжій парикъ, построенный совсѣмъ не по черепу Живокини, и въ которомъ голова артиста вертѣлась, какъ въ котлѣ. Въ партерѣ раздался смѣхъ, но нашъ герой ни мало не смутился:

«Виноватъ, сударь! *опростоволосился!*» отвѣчалъ онъ, указывая одной рукой на сорванный парикъ, а другою на обнаженную свою голову, съ зачесанными на затылокъ волосами. Каламбуръ былъ одобренъ громкимъ рукоплесканіемъ.

ЗАМЫСЛОВАТЫЕ ОТВѢТЫ.

Одинъ изъ молодыхъ театральныхъ критиковъ иногда ясными доводами и строгими замѣчаніями приводилъ въ отчаяніе бездарныхъ актеровъ и претендательныхъ актрисъ. Болѣе всего негодовалъ на него молодой режиссеръ, не посвященный въ свое дѣло и, безпрерывными промахами и нелѣпостями на сценѣ, подававшій критику обильные случаи для насмѣшки.. Желая отмстить своему рецензенту, онъ прибѣгалъ къ различнымъ средствамъ, сочинялъ на него куплеты, выводилъ его въ піэсахъ, научалъ другихъ актеровъ дѣлать на него намеки, называлъ его скотомъ, лошадью и такъ далѣе. Такъ, какъ это было не на первоклассной сценѣ, то подобныя выходки дозволялись. Но, къ несчастію, онѣ не помогали. Рецензентъ смѣялся, публика пикала.

Режиссеръ, выведенный изъ терпѣнія, рѣшился наконецъ на послѣднее средство. Онъ отправился въ квартиру рецензента и, за фамильную дощечку на его дверяхъ, заткнулъ бумагу, съ надписью: *Оселъ*.

Рецензентъ нашелъ записку, и тотчасъ догадался, кто былъ ея авторомъ. На другой день онъ встрѣтилъ режиссера въ театрѣ.

«Ахъ, я вамъ очень благодаренъ, сказалъ онъ ему. Вы вчера удостоили меня вашимъ посѣщеніемъ.»

Я?! — отвѣчалъ режиссеръ съ притворнымъ удивленіемъ. — Я и не думалъ.

«Помилуйте! какъ-же попала ко мнѣ на дверь ваша визитная карточка?»

Мать одного водевилиста купила скворца и жаловалась гостю, что никакъ не можетъ его выучить свистать.

«Помочь не трудно! отвѣчалъ гость. Сверзите его въ піесу вашего сына, и онъ вѣрно засвищетъ!»

Между обожателями одной кокетливой актрисы, находился такъ-же молодой купчикъ изъ мѣняльной лавки, который весьма удачно пользовался своей русской прической, чтобъ походить на француза, разорялся на театръ и проматывался на шампанское вино, которое пилъ и заставлялъ пить за ея прелести и здоровье.

«Вотъ тебѣ еще опасный соперникъ!» сказалъ, шутя, уланскій поручикъ, молодому человѣку, нѣсколько лѣтъ, съ удивительнымъ постоянствомъ, вздыхающему по актрисѣ. — Никогда! сказалъ съ гордостью молодой человѣкъ. Я и онъ-большая разница! «Ты правъ, прибавилъ стоявшій тутъ каламбуристъ; разница большая: *ты поэтъ*, и стихами доказываешь своей богинѣ, что любишь ее *постоянно*, а онъ *измѣняетъ*.

Къ молодому литератору въ Москвѣ зашелъ пріятель его молодой актеръ. Начали разсуждать о настоящемъ положеніи русской сцены и ея представителяхъ. Непримѣтно рѣчь склонилась на талантъ одного изъ первоклассныхъ русскихъ артистовъ.

«Его дарованія блистали бы ярче, говорилъ литераторъ, если бъ онъ побольше обдумывалъ свои роли и нѣкоторые характеры оттѣнялъ *сатирою*....»

— Да, — прервалъ его актеръ, глядя на портретъ Буало, который висѣлъ передъ нимъ на стѣнѣ: — онъ вѣрно сталъ бы великимъ актеромъ, если бъ не имѣлъ *нѣкоторыхъ* слабостей и былъ *Boi-l'eau*.

Ангелъ бѣдныхъ.

Дѣло было въ Неаполѣ. На театрѣ Сан-Карло былъ труженикъ, фигурантъ въ корде-балетѣ, Дуранте. Онъ кормился ногами, добывалъ хлѣбъ въ потѣ лица и рѣдкій faux pas сходилъ ему съ рукъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ давали новую оперу Доницетти. Народъ ломился въ театръ, у кассы дрались за билеты. Что то необыкновенное влекло публику въ театръ. Цѣны были удвоены, а бѣднѣйшіе люди, чуть чуть не лазароны, охотно давали въ четверо и въ пятеро, лишь бы попасть въ заманчивый спектакль. Въ немъ участвовала знаменитѣйшая пѣвица Европы.

Во второмъ актѣ, гдѣ у Доницетти обыкновенно пляшутъ, Дуранте вытянулся за правой кулисой, потперъ руки въ бока, занесъ правую ногу, и готовился па де зефиромъ выскочить на сцену, какъ вдругъ аппоплексическій ударъ срѣзалъ его съ ногъ. Онъ упалъ

и чрезъ нѣсколько минутъ испустилъ духъ. Дюранте былъ очень бѣденъ, имѣлъ большое семейство, и дѣйствительно былъ въ загонѣ. Каждый день могъ онъ запѣть:

Что за жалкое созданье,
Беззащитный фигурантъ!

Долги въ булочной, штрафныя деньги въ кассѣ театра и восемь паръ танцовальныхъ башмаковъ остались въ наслѣдство его женѣ и дѣтямъ. Участь ихъ была печальна. Вдругъ къ неутѣшнымъ нищимъ является артистка, геній по душѣ и таланту. «Вы бѣдны, говоритъ она, вы всѣми оставлены — я за васъ! Я пою въ вашу пользу!» Недѣлю спустя, была назначена *Семирамида*, Россини; имя знаменитой пѣвицы было напечатано полуаршинными буквами; деньги сыпались золотымъ дождемъ, ибо билеты раздавала сама Дания. Наконецъ она явилась и къ королю Неаполитанскому.

— Ваше величество! Я даю спектакль въ пользу семьи бѣднаго моего товарища Дюранте.»

— Вижу, синьора, что сердце ваше такъ же чисто и прекрасно, какъ вашъ голосъ! — отвѣчалъ король.

— «Ваше величество! Голосъ и сердце, безъ помощи благодѣтельной руки, не накормятъ бѣдняковъ. Королева и принцъ Салернскій пожаловали мнѣ по 500 франковъ. Надѣюсь, что король не отстанетъ въ великодушіи, отъ августѣйшихъ своихъ родственниковъ.»

— Сколько же я долженъ дать?—спросилъ король съ улыбкою.

— «Не меньше тысячи!» сказала пѣвица.

— Вотъ двѣ! — отвѣчалъ король. — Жалѣю, что не могу дать больше. Когда Господь посылаетъ своихъ ангеловъ за милостынею для бѣдныхъ, нищіе становятся богаче королей!

Семейство Дюранте получило отъ знаменитаго спектакля 28 тысячъ франковъ. Вдова и сироты счастливы, а ангелъ ихъ улетѣлъ на небо. Пѣвица въ тотъ же годъ умерла въ Брюсселѣ. Имя ея: *Малибранъ*.

КИНЪ И ШЕКСПИРЪ.

Геніальный человѣкъ всегда порождаетъ нѣсколько другихъ геніевъ. Эта истина неоспорима. Не будь Шекспира, Англія не имѣла бы Гаррика и Кина, двухъ великихъ артистовъ, которые въ сценическомъ искусствѣ достигали почти до величія безсмертнаго драматурга. Превосходнѣйшіе характеры Шекспира, какъ будто нарочно писаны для Кина и Гаррика. Гаррикъ и Кинъ, какъ бы созданы для характеровъ шекспировскихъ. Гаррикъ въ *Ричардѣ III* и *Королѣ Лирѣ*, Кинъ въ *Гамлетѣ* и *Ромео*, — были неподражаемо высоки. Оба чувствовали всю красоту своихъ созданій, и гордились ими. Бурный, неистовый Кинъ не зналъ предѣловъ любви своей къ пдолу своему Вильяму (Шекспиру). Когда составлялся въ Лондонѣ комитетъ для воздвиженія Шекспиру памятника, Кинъ изъявилъ желаніе быть сочленомъ. Аристократы, затѣявшіе дѣло, не хотѣли допустить въ свое общество актера. «Хорошо же!»—воскликнулъ Кинъ въ негодованіи. Я самъ воздвигну Шекспиру памятникъ, который будетъ гораздо великолѣпнѣе. «Я увѣковѣчу лучше его созданіе, я сыграю Гамлета въ пользу комитета.» Чрезъ семь дней Кинъ вышелъ въ первый разъ въ Гамлетѣ и обезсмертилъ себя этой ролью. Комитетъ долженъ былъ принять сборъ спектакля, который простирался за полторы тысячи фунтовъ стерлинговъ. Такую жертву могъ принесть одинъ великій артистъ, и никто изъ аристократовъ не смѣлъ съ нимъ болѣе равняться.

ХИТРОСТЬ МОЛІЕРА.

За нѣсколько дней до перваго представленія комедіи *Жоржъ Дандень*, къ Моліеру пришелъ одинъ изъ друзей его, и совѣтывалъ перемѣнить названіе и нѣсколько сценъ піесы, потому, что въ Парижѣ въ то время жилъ нѣкто Дандень, человѣкъ богатый, съ вліяніемъ и связями. Но несчастію, двѣ или три сцены Моліеровой комедіи и нѣкоторыя черты главнаго характера были, какъ будто списаны съ натуры съ г. Дандена. Пріятель увѣрялъ Моліера, что безъ интригъ и жалобъ не обойдется. Моліеръ

поблагодарилъ за предостереженіе, и въ тотъ же день принялъ мѣры противъ Созіи своего геров. Онъ узналъ, гдѣ живетъ г. Данденъ, отправился къ нему, и объявилъ, что онъ написалъ новую комедію, что онъ много слышалъ о его драматическихъ знаніяхъ и отличномъ вкусѣ и потому пришелъ просить, чтобъ онъ позволилъ ему прочесть піесу въ его домѣ и сказалъ бы о ней откровенное свое мнѣніе. Данденъ былъ въ восторгѣ, въ тотъ же вечеръ созвалъ своихъ друзей и знакомыхъ и съ торжественнымъ видомъ знатока ожидалъ Моліера. Авторъ явился. Чтеніе продолжалось нѣсколько часовъ. Хозяинъ помиралъ со смѣху и аплодировалъ:—Мольеръ внутренно торжествовалъ. По окончаніи чтенія, Данденъ разсыпался въ похвалахъ, не совѣтовалъ измѣнять ни строчки и предсказывалъ піесѣ огромный успѣхъ.

Первое представленіе было назначено. Данденъ явился первый. Онъ не переставалъ хлопать, и когда успѣхъ увѣнчалъ Моліера, онъ всталъ и обратился съ самодовольствіемъ къ друзьямъ своимъ.

«Что? не говорилъ я вамъ, что это лучшая піеса Моліера! О! что я похвалю, то должно имѣть успѣхъ: я знатокъ въ этомъ дѣлѣ; спросите у Моліера!»

ПОРТРЕТЪ СЪ ПОКОЙНИКА.

Извѣстный англійскій писатель, Фильдингъ умеръ въ то время, какъ сочиненіе его «*Томъ Джонъ*» печаталось. Издатель онаго обѣщалъ публикѣ приложить портретъ автора. При жизни съ Фильдинга никогда не списывали портрета; болѣзнь и смерть исказили его черты. Дать публикѣ вѣрный портретъ ея любимца стало невозможно. Издатель былъ въ отчаяніи. Наконецъ онъ вспомнилъ, что Гогартъ былъ другомъ Фильдинга. Онъ бросился къ нему и умолялъ на память нарисовать портретъ автора. Гогартъ не соглашался. Онъ не хотѣлъ замарать своей славы фантастическимъ и несходнымъ изображеніемъ друга. Бѣдный издатель плакалъ съ досады и огорченія и, повѣся голову, отправился домой. Въ тотъ же вечеръ Гогартъ работалъ въ своей мастерской. Онъ набрасывалъ эскизы нѣсколькихъ новыхъ каррикатуръ. Стѣнные часы только что пробили полночь. Вдругъ къ нему входитъ слуга и докладываетъ, что кто-то пришелъ и проситъ позволенія съ нимъ видѣться. Гогартъ удивился ночному посѣщенію, однако велѣлъ просить. Дверь отворяется, и къ нему входитъ... кто бы, вы думали?—Самъ Фильдингъ. Гогартъ отступилъ отъ ужаса и удивленія. За пять дней предъ тѣмъ, онъ самъ былъ на похоронахъ своего друга и бросилъ на гробъ его послѣднюю горсть земли. Привидѣніе, молча, ему поклонилось, потомъ сѣло на стулъ, и приняло положеніе человѣка, съ котораго хотятъ писать портретъ. Но Гогартъ не могъ притти въ себя, и карандашъ дрожалъ въ его рукѣ. Наконецъ покойникъ потерялъ терпѣніе и глухимъ, гробовымъ голосомъ воскликнулъ:

«Что же ты, Гогартъ! Теропись. Ночный срокъ кратокъ. Я скоро долженъ возвратиться въ могилу.»

Живописецъ чуть не упалъ въ обморокъ. Покойный Фильдингъ преспокойно взялъ стоявшій на столѣ графинъ и началъ спрыскивать Гогарта водою. Когда онъ нѣсколько оправился, замогильный другъ сказалъ ему: «Неужли видъ смерти такъ тебя пугаетъ, что ты не хочешь даже сохранить для потомства черты любившаго тебя друга?» Художникъ, не будучи въ состояніи объяснить себѣ этаго явленія, схватилъ листъ бумаги и быстро набросалъ очеркъ лица Фильдинга. Когда портретъ былъ готовъ, покойникъ подошелъ къ столу, взглянулъ на него, потомъ въ туалетное зеркальце, которое тутъ-же стояло, и сказалъ: «Похожъ! Спасибо! Дай же въ послѣдній разъ руку—другу, котораго ты никогда болѣе не увидишь! Гогартъ медлилъ, но привидѣніе схватило его за руку и такъ сильно ее сжало, что живописецъ невольно вскрикнулъ. Въ то же мгновеніе черты покойника стали измѣняться, станъ его выпрямился, онъ становился выше, мрачное выраженіе лица принимало улыбку, глаза начинали оживать отъ своей неподвижности. Фильдингъ взялъ поло-

тенце, отеръ имъ лице, бросилъ съ себя саванъ и предъ изумленнымъ Гогартомъ сталъ — великій англійскій актеръ Давидъ Гаррикъ, умирая со смѣху. Лице Гаррика имѣло необыкновенную способность принимать всякія черты. Бывши хорошо знакомъ съ Фильдингомъ и желая помочь бѣдному издателю, онъ рѣшился разыграть предъ Гогартомъ роль покойника. Гогартъ отъ души посмѣялся надъ умною шуткой; издатель Тома — Джона велѣлъ выгравпровать очеркъ, нарисованный Гогартомъ, и всѣ удивлялись необыкновенному его сходству съ Фильдингомъ. Всѣ нынѣ существующіе портреты этого писателя сняты съ Гогартова очерка.

МЕДВѢДЬ ТЕНОРЪ.

Это было въ 1796 году.

Къ операмъ, которыя тогда производили большой эфектъ на парижскихъ, лондонскихъ и германскихъ сценахъ, принадлежала превмущественно «*Молочница*» (La Laitiére), сочиненія Дюни.

Содержаніе этой оперы отличается допотопной наивностью. Все въ ней странно до безконечности. Молочница строитъ воздушные замки на крынкѣ съ молокомъ и сама разрушаетъ ихъ, уронивъ краегульный камень своего зданія на землю. Влюбленный охотникъ основываетъ все на медвѣжей шкурѣ. Самъ медвѣдь, одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, дозволяетъ убить себя безъ малѣйшаго сопротивленія, для того единственно, чтобъ составить счастіе бѣдныхъ любовниковъ. Все это такъ просто, такъ натурально! Выходитъ охотникъ, выходитъ медвѣдь, оба другъ другу кланяются. Охотникъ стрѣляетъ —медвѣдь падаетъ. Побѣдитель садится на своего врага и затягиваетъ пѣсенку:

Ура! ура! медвѣдь мой издыхаетъ!
Любовь, любовь, любовь все побѣждаетъ.

Что можетъ быть милѣе, естественнѣе этого?

Въ Лондонѣ особенно восхищались остроумнымъ содержаніемъ и прелестью мотивовъ *Молочницы*. Въ самое короткое время опера была повторена двѣнадцать разъ и всегда съ возрастающимъ успѣхомъ.

Въ одно прекрасное утро, является къ статисту, который съ особеннымъ достоинствомъ представлялъ медвѣдя, молодой человѣкъ, весьма благовидной наружности.

— Не вы ли мистеръ Теплтонъ? — спросилъ молодой человѣкъ.

«Я самъ, къ вашимъ услугамъ.»

— Вы играете въ нынѣшней операѣ медвѣдя?—

«Такъ точно.»

— Послушайте, мистеръ Теплтонъ, у меня есть до васъ просьба.

«Что прикажете?

— Уступите мнѣ сегодня медвѣдя.

«Какъ! вы хотите...»

—Хочу дебютировать въ вашей роли.

«Ого! Но знаете ли вы, молодой человѣкъ, что это не такъ легко! Надо быть очень твердымъ на заднихъ лапахъ! На первый случай вы могли бы выбрать роль полегче.»

— Но я видѣлъ васъ двѣнадцать разъ въ этомъ трудномъ характерѣ, который вы передаете съ удивительной натурой...

«Надѣюсь! — Но чего мнѣ это стоило? Я два мѣсяца изучалъ нравы медвѣдей въ Парижѣ, когда былъ сторожемъ Ботаническаго Сада. Притомъ я созданъ для ролей четвероногихъ. Я игралъ лѣвую ногу слона въ балетѣ *Торжество Ассура*, съ удивительнымъ совершенствомъ; я игралъ оленя въ *Древѣ Діаны*, и жена увѣряютъ, что эта роль комиъ очень идетъ; я игралъ Коко, бразильскую обезьяну, и всѣ сознались, что такого великолѣпнаго животнаго еще не видывали. Директоръ нашъ хочетъ поставить трагедію: Сенаторъ Перона, гдѣ я буду представлять осла, и повѣрьте, лицемъ въ грязь не ударюсь..»

— О, я въ этомъ увѣренъ. Но я такъ прилежно изучилъ вашу игру, что, надѣюсь, безчестія вамъ не принесу... хотя буду только слабою копіей вашего великаго дарованія. И такъ вы согласитесь...

«А что на это скажетъ г. режиссеръ и директоръ? Если они узнаютъ...»

—Они не должны ничего знать. Дѣло останется между нами.

«Но какъ...»

— Извините, что я васъ перебью:

сколько вы получаете жалованья?

«Тридцать пенсовъ въ вечеръ.»

— Вотъ вамъ тридцать гиней, только рѣшитесь!

«Тридцать гиней!—Но здѣсь больше тридцати...»

— Здѣсь пятьдесятъ! Остальныя за то, что вы дадите мнѣ свой костюмъ, и поможете одѣться въ уборной. — И такъ: медвѣдь за мной?—

«Какой медвѣдь устоитъ противъ такого сота? Нечего дѣлать: уступаю вамъ баранью шкуру и свои лавры, но только на одинъ вечеръ.»

— На одинъ, не больше.

Вечеромъ театръ былъ такъ полонъ, что яблоку негдѣ было упасть. Каждое лице: молочницу, охотника и медвѣдя принимали рукоплесканіями, почти каждую арію повторяли. Медвѣдь сыгралъ первую свою сцену съ такой патетической важностію, съ такимъ звѣрскимъ совершенствомъ, что его тотчасъ же вызвали. Онъ вышелъ, поклонился почтительно, шаркнулъ одной изъ переднихъ лапъ и съ внутреннимъ умиленіемъ удалился въ уборную.

Медвѣдь пашъ съ каждымъ днемъ совершенствуется, говорили въ партерѣ. Онъ глубоко постигъ медвѣжью натуру. Онъ играетъ, какъ будто выросъ въ берлогѣ. Премилый медвѣдь, прелестный медвѣдь! восклицали дамы.

— Ну, что вы скажете, мистеръ Теплтонъ, спросилъ молодой человѣкъ у своего предшественника.—

«Недурно! — Годдемъ! — Вы не безъ таланта. Побольше одушевленія, побольше чувства въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вы чешете лапой за ухомъ,—и вы сыграете очень хорошо.

Наконецъ наступила послѣдняя сцена. Медвѣдь выходитъ. Охотникъ ему кланяется. Медвѣдь невѣжливъ; онъ не возвращаетъ поклона. Охотникъ идетъ на него съ ружьемъ, медвѣдь становится въ оборонительное положеніе. Охотникъ стрѣляетъ... медвѣдь долженъ упасть, но медвѣдь не падаетъ.

«Падай, братецъ шепчетъ ему охотникъ. Слышишь-ли, упади!»

Но медвѣдь и не думаетъ. Онъ подымается на заднія лапы и идетъ прямо на своего соперника.

«Постой, медвѣдь! кричитъ охотникъ, я съ тобой справлюсь!» и хочетъ пришибить его прикладомъ...» Мистеръ Теплтонъ, вы вѣрно съ ума сошли, или выпили лишнюю кружку портеру!»

Медвѣдь хватается за ружье, вырываетъ его и ломаетъ. Охотникъ остолбенѣлъ. Потомъ начинается между ними борьба, медвѣдь сшибаетъ его съ ногъ, садится ему на спину и начинаетъ пѣть его арію:

Ура! ура! охотникъ издыхаетъ!
Медвѣдь, медвѣдь, медвѣдь все побѣждаетъ!

Публика хохочетъ до упаду. Неожиданная сцена ее поразила. Но съ первыхъ нотъ медвѣдь обнаружилъ удивительно пріятный, сильный и гибкій голосъ. Ему кричатъ: фора! Онъ повторяетъ нѣсколько разъ свои куплеты, и только что занавѣсъ опустился, начали его вызывать.

Режиссеръ ищетъ повсюду таинственнаго пѣвца въ медвѣжей шкурѣ и не находитъ: онъ исчезъ.

Публикѣ объявляютъ, что четвероногій теноръ убѣжалъ. Публика хочетъ знать его имя. Никто не знаетъ. Шумъ и крикъ продолжаются до полуночи, и всѣ наконецъ расходятся.

На слѣдующій день во всѣхъ лондонскихъ газетахъ, читали слѣдующее объявленіе:

Талантливый медвѣдь, который вчера имѣлъ счастіе такъ понравиться почтеннѣйшей публикѣ, принятъ къ театру на первыя теноровыя партіи: имя его *Ріэлидъ*.

Въ послѣдствіи это былъ первый пѣвецъ Англіи. Нынѣ онъ находится въ Королевской Капеллѣ: ему 70 лѣтъ.

Ѳ. — — ни.

ПАНОРАМА

ВСѢХЪ ВОЗМОЖНЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ТУРЦІЯ.

Константинополь. Съ недавняго времени въ Константинополѣ основано два амфитеатра и одинъ театръ, на которомъ играетъ италіянская оперная труппа. Она составлена изъ прекрасныхъ пѣвицъ и пѣвцевъ, отчасти выписанныхъ изъ Италіи, частію перешедшихъ съ нашей одесской сцены. Турки видимо пристращаются къ италіянской музыкѣ. Любимѣйшія ихъ оперы суть: *Семейства Монтекіевъ и Капулетъ*, — *Италіянка въ Алжирѣ* и *Турокъ въ Италіи*. Но послѣднимъ извѣстіямъ изъ Царьграда, узнаемъ мы, что нынѣ тамъ открытъ еще одинъ театръ, на которомъ играютъ только оригинальныя турецкія піесы. Это начало турецкаго народнаго театра, это зародышъ будущей восточно-европейской драматической литературы, свѣжей, могучей и оригинальной. Представленія на этомъ театрѣ состоятъ изъ разговорныхъ сценъ въ турецкомъ вкусѣ, съ примѣсью музыки. Оркестръ составленъ изъ двухъ духовыхъ инструментовъ и трехъ литавръ. Кромѣ того, играетъ не маловажную роль *хоръ*, изъ шести человѣкъ, который вмѣшивается, какъ у древнихъ, въ дѣйствіе, поетъ и пляшетъ, гремя тамбуринами. Четыре молодыхъ актера, въ женскихъ платьяхъ, выполняютъ пляски одалискъ. Не смотря на всю ихъ неловкость, нельзя не сознаться, что въ ихъ позахъ и движеніяхъ есть много граціи, совершенно незнакомой европейцамъ. Турецкій театръ начинаетъ жить *съ начала* и по своимъ собственнымъ началамъ; онъ ничего не перенялъ у нашихъ сценъ. Пока онъ существуетъ даже безъ декорацій и костюмовъ. Однако хоръ, оркестръ и балетъ и у турокъ образовались, какъ мы видимъ. Восточная цитра мало по малу исчезаетъ изъ гаремовъ: ее замѣнило фортепіано, италіянская опера имѣетъ успѣхъ, турки сластолюбивы и перемчивы; соображая все это, почти нельзя усомниться въ возможности, если не въ излиществѣ, мусульманской народной оперы. Конечно, трудно опредѣлить, какъ и когда разовьется у турокъ наклонность ихъ къ драматическому искусству и породитъ самобытные таланты; но почти достовѣрно, что рано или поздно, европейцы будутъ любоваться на Константинопольской сценѣ турецкимъ *Гамлетомъ*, когда онъ патетически произнесетъ: *Я девлетъ баша, я кусгунъ леше* (*)! или *Донъ-Жуаномъ* въ послѣдней аріи, а мы прочтемъ на какой-нибудь изъ нашихъ афишъ: *Дѣвица Фатима Чатдимъ-Бюльбюль* (**), первая пѣвица съ Царьградскаго придворнаго театра, въ первый разъ выполнитъ роль *Алисы.*» Аллахъ-Керимъ! То-то будетъ забавно!

ИТАЛІЯ.

(Письмо отъ 10 Декабря 1839.)

Миланъ — не имѣетъ своей драматической труппы и довольствуется съ сентября по февраль представленіями придворныхъ актеровъ Сардинскаго короля. Труппа сія состоитъ подъ управленіемъ синьоры Марчіони, и почитается первою во всей Италіи. Но въ самомъ дѣлѣ, труппа Марчіони, какъ и всякая, находящаяся подъ вліяніемъ женской прихоти и женскаго самолюбія, весьма посредственна. Въ Италіи господству-

(*) *Быть или не быть!* знаменитый монологъ въ Гамлетѣ.

(**) Веселый соловей.

ет музыка. Опера Италіянская есть верхъ красоты и совершенства. Это торжество человѣческой природы надъ всѣми инструментами міра. За то сценическое искусство: драма и комедія, въ жалкомъ состояніи. Но величайшій ужасъ изъ ужасовъ есть трагедія италіянская. Въ Сардинской труппѣ есть очень хорошіе актеры, со смысломъ, съ душею; но смыслъ ихъ окованъ цезурой и риѳмами, а душа законопачена въ риторекія охлопки. Они пѣвцы въ трагедіи, какіе и у насъ еще водятся, и танцовщики въ страстяхъ, какихъ производитъ Германія. Надутая *декламація* и узорчатыя *позы* — вотъ формы, въ которыхъ выражаютел ихъ таланты. Сама Марчіони слыветъ еще, по старой памяти, хорошей актрисой. Завыванья, вскрикиванье и всплескиваніе руками, вотъ орудія, которыми она завоевала сердца публики. Натуры не ищите въ этой женщинѣ. Она ел боится, какъ могильнаго червя своей славы. Слава же ся относится къ тѣмъ блаженнымъ временамъ, когда публика, драмы и актрисы были плаксивы, когда обильный источникъ *слезъ горючихъ* проливался въ ложахъ, и на сценѣ: — (смотри *Эйлалію* въ двадцатыхъ годахъ.) Синьора Марчіони постоянна: это рѣдкость у всѣхъ актрисъ вообще, а у италіянскихъ въ особенности! — Она начала свое поприще слезно и полагаетъ, что и кончить надо его такожде — потому

И плачетъ хладными слезами
Не умолкая никогда.

Притомъ у нея есть важный недостатокъ, общій у всѣхъ актрисъ-директрисъ: она *не старѣется*, играетъ роли невинныхъ дѣвушекъ отъ 16-ти до 18-ти лѣтъ, включительно. Дальше она нейдетъ и знать не хочетъ времени, которое ей выписало преогромный счетъ въ сорокъ восемь лѣтъ. У италіянской публики есть порокъ, погубившій во многихъ странахъ искусство: это недостатокъ *иллюзіи*. Она не хочетъ видѣть на сценѣ *представляемое* лице, а *представляющее*, актера или актрису. Но *фарсеръ* и *хорошенькое личико* всегда выигрываютъ въ ея глазахъ, ибо она не повѣряетъ, такъ ли создана роль, вѣрно ли схваченъ характеръ, есть ли натура въ выраженіи.—Для перваго представленія труппа Марчіони выбрала драму: *птица* (La lectrice) и выполнила ее *важно*. Вообразите себѣ, что главную роль, въ которой наша Каратыгина стар. такъ хороша, а г-жа Алланъ —очаровательна, играла *опал* с. Марчіони. Сцена, гдѣ слѣпой отецъ узнаетъ дочь, была вѣнцемъ безчеловѣчнаго, неестественнаго, напыщеннаго, смѣшнаго и жалкаго вмѣстѣ. Передать этого нельзя, и вообразить нельзя, — а сойти съума есть отъ чего. То былъ ревъ, лай, чмоканье, завываньe и вопль! Точь-въ-точь, какъ въ фантастическихъ охотахъ Ламотта-Фуке. А публика, зараженная примѣромъ актеровъ, ну ревѣть съ ними въ запуски; кто кого переоретъ. Актеры дошли до конвульсій, но свое взяли. Весь театръ походилъ на адъ, или по крайней мѣрѣ, на *Волчью долину*. — Если вы видѣли одну труппу италіянскихъ актеровъ, то вы видѣли всѣ труппы цѣлой Италіи: репертуаръ у всѣхъ одинъ и тотъ же и пороки тѣ же. Репертуаръ ихъ состоитъ изъ сорока или пятидесяти піесъ, большею частью, переводныхъ. Изящество костюма, тонкость манеръ, выразительность разговора — вещи, совсѣмъ незнакомыя италіянскимъ актерамъ. Въ комедіи у нихъ преобладаетъ тривіальность и грубая шутка, фарсъ. Намеки на чей либо счетъ, оскорбленіе личности, подражаніе одеждѣ, физіономіи, манерамъ кого нибудь, строго воспрещается на италіянскихъ театрахъ; какъ средство низкое и пошлое. Ни одна директриса, ни одинъ содержатель театра такой вины не принялъ бы на себя. Кромѣ того подобныя остроты, тамъ тотчасъ находятъ возраженія не менѣе *острыя*, въ стилетъ и клинкъ. Одно, въ чемъ италіянскіе актеры безподобны, — это комедіи Гольдони; сколько тутъ ума, веселости и натуры! Прелесть! Піесы Гольдони ни на одномъ театрѣ въ мірѣ не сыграютъ лучше, какъ на италіянскомъ. Лучшими комиками въ Италіи можно назвать *Бона* и двухъ *Альберти*, отца и сына. Отецъ въ роляхъ *буффо* неподражаемъ. Актрисъ—*хорошенькихъ* въ Италіи много; *хорошей* — ни одной! Смотря на національные театры Италіи, нельзя

воскликнешь: «О, священное искусство! Ты процвѣтаешь здѣсь въ зданіяхъ древности, въ рѣзцѣ ваятеля, въ кисти живописца, въ глоткахъ пѣвицъ, — за чѣмъ же ты не забредешь, хоть непарокомъ, на сцену, первый и величайшій храмъ твой, и не изгонишь промышленниковъ и торговцевъ бичемъ критики, и не поставишь себѣ достойныхъ жрецевъ, съ призваніемъ истиннымъ?»—Оперный Театръ въ Миланѣ превосходенъ. Но высокой, истинно прекрасной музыки здѣсь не услышишь. Музыку слушай въ Германіи,— пѣніе въ Италіи. Здѣшняя дирекція заразилась общею манією современныхъ театровъ: она гонялся за новизной. Давай, что хочешь, только новое! Монотонный Беллини и мыльный Доницетти, съ компаніей мелкихъ композиторовъ, со всѣмъ выжили со сцены игриваго Россини и мелодическаго Меркаданте. Недавно еще давали новую оперу: Oberto Conte S. Bonifazio; она упала съ перваго раза, и имя композитора утратилось для потомства. За то всеобщій восторгъ возбудила десятилѣтняя примадонна *Мартина Кристани*, которая пѣла на сценѣ арію изъ Нормы: Casta diva; и каватину Антонины изъ Велисарія: Oh! desio della vendetta? Дѣвочка эта по голосу и по лавѣ чувства есть необыкновенное явленіе. Она обѣщаетъ новую Малибранъ. И это диво такъ же изъ Спиліи, которая въ пять лѣтъ подарила Европу пятью чудесными дѣтьми: *Цуггаро*, *Манджіомели*, *Пульезе*, *Сиракузо* и *Ландамино*. Драматическая литература піаліянцевъ гораздо интереснѣе ихъ театра. На дняхъ вышла прекрасная историческая драма молодаго италіянскаго еврея, Джюзеппе Ревере. Она названа: *Лоренцо де Медичи*. Въ предисловіи авторъ именуетъ себя ученикомъ Шиллера и жестоко возстаетъ противъ подражателей *неистовой школы* французской литературы. Драма его можетъ имѣть блистательный успѣхъ на всякой европейской сценѣ, кромѣ италіянской.

Римъ и *Неаполь*. Въ Неаполѣ 19 ноября давали въ первый разъ, на театрѣ *Сан-Карло*, новую оперу, подъ названіемъ: Il conte de Chalons (Графъ шалонскій). Она имѣла блистательный успѣхъ. Либретто написано синьоромъ Камарано, музыка сочиненія *Лилло*. И Римъ увѣнчалъ восторженнымъ пріемомъ новую оперу синьора Сави: «Catarina di Cleves.» Театръ де ла Вилле давно не помнитъ такаго успѣха и такой мелодической, изящной партитуры. Въ то время, какъ два новые маэстра италіянской школы торжествовали свой успѣхъ въ Римѣ и Неаполѣ, въ — *Тріестѣ* — прусскій капельмейстеръ *Отто Николаи* произвелъ furore своею оперой: «Генрихъ II», въ которой отличилась знаменитая германская пѣвица *Каролина Унгеръ*. Инструментовка и ученое нѣмецкое сочетаніе гармоніи съ мелодіею, составляютъ отличительныя качества этой оперы, достойно увѣнчанной публикою. Впрочемъ средства тріестской труппы превосходны. Тамъ нынѣ гостятъ г-жи Унгеръ Шоберлехнеръ и Розетти, теноръ Поджи, и чудесные басисты Ферлотти и Капелли. Такіе голоса и таланты чего не подымутъ превыше небесъ! *Bonaventura.*

Англія.

Лондонъ. Отличный актеръ Гаймаркетскаго Театра, въ Лондонѣ, *Шериданъ Ноульсъ*, есть вмѣстѣ и прекрасный драматическій писатель. Онъ прославился драмою своею: *Горбунъ*, переведенною на всѣ языки, кромѣ нашего. Недавно давали новую его трагедію: *Вильгельмъ Телль*. Самые строгіе критики ставятъ это произведеніе на ряду съ Шиллеровымъ Теллемъ. Герой Шиллера лице чисто идеальное, противопоставленное жестокосердію и несправедливости Гесслера. У Ноульса Телль и Гесслеръ не таковы: это лица, выхваченныя изъ дѣйствительной жизни, это люди, съ обыкновенными человѣческими страстями и побужденіями, лица — шекспировскія. Телль его необузданный горецъ, высокомѣрный сынъ природы, возстающій противъ малѣйшаго ограниченія общественныхъ условій. Гесслеръ не тиранъ, не извергъ, но человѣкъ съ твердой душей и здравымъ умомъ: онъ придумалъ мѣ-

ры, по его мнѣнію, необходимыя для скрѣпленія Швейцаріи съ Австріей, но ошибся въ ихъ выборѣ, по незнанію правовъ страны, въ которой господствуетъ. Вотъ вся его вина. Идеальныя стороны Шиллеровой драмы, у англійскаго поэта обращенны въ практическія истины и производятъ на зрителя сильный эффектъ. Стихи драмы прекрасны.

Сиръ Эдуардъ Литтонъ Бульверъ, авторъ превосходныхъ піесъ: «Герцогиня Лавальеръ», «Ліонская дѣвушка» и «Ришелье», отдалъ такъ же новую драму на сцену. Она называется: «*Норманъ*, или *Родовое право*.» Главная роль назначена для перваго англійскаго трагика *Макреди*. Въ свое время мы будемъ говорить объ ней подробнѣе.

Франція.

Парижъ. Франція есть страна величайшей драматической дѣятельности. Нигдѣ не раждается больше піесъ и талантовъ, нигдѣ ихъ столько не умираетъ. Французамъ театръ потребенъ, какъ воздухъ. Каждый день вмѣстѣ съ солнцемъ выводитъ сценическую новинку: съ каждой ночью забываются тревоги дня и его новизны. Если новость пережила нѣсколько сутокъ, то она долговѣчна и достойна вниманія. Разсмотримъ замѣчательныя новости прошедшаго мѣсяца. О! ихъ не обереться! Не говоря о сто одной дюжинѣ водевилей, которые развлекаютъ парижскую публику, французовъ въ настоящую минуту занимаютъ четыре главныя вещи: *Жидовка Рашель, звѣробой Картеръ, танцовщица Люція Грань и Ромео и Юлія—Берліоза*. Ни одна актриса въ мірѣ не производила такого рѣшительнаго успѣха съ перваго шага своего на сцену, какъ дѣвица Рашель. Толпа кипѣла въ театрѣ Высокой Комедіи, когда она дебютировала, а лукавый фельетонистъ Жюль-Жаненъ поддавалъ ей пару своими статьями въ *Журналѣ Преній*: Что же было причиною такого успѣха? Многіе изъ нашихъ путешественниковъ, видѣвшіе ее въ Парижѣ, не сходятся въ своихъ мнѣніяхъ о ея игрѣ. Одни говорятъ: *Это женщина съ необыкновеннымъ талантомъ?* Другіе: *Это просто мыльный пузырь журналистики, пуфъ остроумнаго Жанена*. Мы не впдали д. Рашель, но прочитавши все, что объ ней было писано, сличивъ всѣ взгляды опытныхъ людей на ея достоинства и недостатки, думаемъ, что можемъ опредѣлить ея талантъ и опровергнуть оба вертикальныя мнѣнія, которыя приведены выше. Французская трагедія XVIII вѣка писалась не для актеровъ, а для чтецовъ; она состояла изъ полированныхъ фразъ и блестящихъ стиховъ; чувства и мысли ея были сентенціи; она заимствовала силу и эффектъ отъ одной декламаціи. Дѣйствіе замѣнялось разсказами, сила души силою груди, а порывы чувства порывами голоса. Кто хорошо произносилъ свои тирады, слылъ отличнымъ актеромъ, у кого было больше нотъ въ голосѣ, тотъ почитался геніемъ. Хорошо прочитанная піеса производила тогда такой же эффектъ, какъ нынѣ хорошо сыгранная. Знаменитыя Жоржъ и Дюшенуа, могли бы быть столь же знаменитыми на каѳедрѣ парламента, какъ они были на сценѣ. Смѣемъ думать, что даже самый Лекень былъ великъ только *пластически*, ибо другаго величія не было въ самомъ созданіи тогдашнихъ трагедій. Французскій театръ того времени имѣлъ вліяніе на сцены цѣлой Европы, кромѣ англійской. Мы еще помнимъ нашихъ знаменитыхъ декламаторовъ, которые тогда славились, которые въ настоящее время смѣшны. Романтическая школа французской драматургіи дала новую жизнь театру и актерамъ. Дѣйствіе закипѣло на сценѣ, душа въ дѣйствующихъ. Актеры стали говорить и ходить по сценѣ по внушенію внутренняго чувства, по природѣ, не по цесурѣ и риѳмамъ стиха, не по принятымъ формуламъ. Вскорѣ постигли всю нелѣпость героическихъ трагедій; современная драма была взята изъ жизни народной и перешла въ жизнь народа. Театръ Французской Комедіи упалъ и опустѣлъ. Одни ветераны жизни и искусства ходили туда, съ книгою въ рукахъ, повѣрять стихи Расина Корнеля и Вольтера. Въ эту безотрад-

ную эпоху, вдругъ явилась на сценѣ дѣв. Рашель, на развалинахъ старинной трагедіи, между обломками древнихъ предразсудковъ искусства, юный, душистый цвѣтокъ. Рашель была молода, смугла и выразительна, какъ еврейка, пламенна, какъ дити Востока, глубоко—чувствительна, какъ парія, изгнанница цѣлаго міра. Она не образовалась въ школѣ Жоржъ и Дюшепуа; искры искусства были заронены ей въ душу свыше; ихъ раздувала страсть ея къ театру. Она вышла, какъ ребенокъ, сильно чувствующій свои страданія, и выражала ихъ не заученымъ голосомъ души. Гдѣ не хватало органа, являлись краснорѣчивыя слезы. Рашель говорила и плакала человѣческимъ голосомъ и человѣческими слезами. И посѣтители *Французскаго Театра* въ первый разъ увидѣли, что героини ихъ любимыхъ трагедій, люди, женщины, чувствующія и дѣйствующія, какъ они, и въ душахъ ихъ родилось сочувствіе. Успѣхъ Рашель былъ рѣшенъ и вѣренъ. Слѣдовательно, не силою таланта, не прихотью журналиста Рашель завоевала свою славу: она пріобрѣла ихъ любовью къ дѣлу и прекрасными органами души и тѣла. На ней осуществился стихъ Горація:

S vis me flere, dolendum est primum ipsi tibi:
Если хочешь, чтобъ я плакалъ, заплачь сперва самъ.

Рашель заплакала, и публика за нею, Рашель расцвѣла улыбкой, и публика ударила въ ладоши отъ радости. Но эти безпрерывныя усилія души, неумѣющей сильно выражаться, не чувствуя глубоко, истощили юную жизнь актрисы. Рашель больна, и больна серіозно, и можетъ быть, жизнью пожертвуетъ за наслажденіе своихъ поклонниковъ. Она должна была оставить на время помостъ театра, на которомъ стяжала первые лавры. Ей былъ предписанъ отдыхъ и покой. Но горе тому, кто сталъ высоко на лѣствицѣ славы! Зависть не знаетъ покоя; она сторожитъ каждый шагъ своей жертвы; она грызетъ ступени лѣстницы зубами крысы и грызетъ до тѣхъ поръ, пока она обрушится. Прославленному надо сойти съ череды своей, или неутомимою дѣятельностію разрушать злые умыслы. Знаменитая актриса Марсъ, которая прежде всѣхъ зааплодировала торжествующей Рашели, скоро увидѣла, что слава молодой еврейки ростетъ выше ея собственной головы. Надо было разбить ея вѣнецъ, надо было заслонить пламенникъ ея таланта и Марсъ изобрѣла дѣвицу Дозъ, богатую здоровьемъ и огнемъ глазъ, съ шестнадцатью годами и темнорусыми кудрями на головѣ, съ наивностью ребенка и съ кокетствомъ въ сорокъ лѣтъ. Дѣвицу Дозъ вывела она на сцену, чтобъ ею ослабить послѣднія силы бѣдной Рашели. И Рашель вдругъ выздоровѣла и снова явилась на доскахъ. Этотъ переходъ естественъ: ничто не придаетъ человѣку столько силы, какъ страсти. Полубольная, слабая Рашель на дняхъ опять вышла въ трагедіи: «Цинна.» Восторгъ и рукоплесканія ее привѣтствовали, болѣе ей ничего не нужно было. Но силы ея истощились отъ волненій; она едва доиграла свою роль. Публика съ неистовствомъ вызвала свою любимицу, а доктора выслали ее — въ Италію, на цѣлебныя воды. Болѣзнь глубоко запала въ грудь ея и едва ли не принесла съ собою смерти. А между тѣмъ злоба торжествуетъ; не могши растоптать прекраснаго цвѣтка, она его по крайней мѣрѣ скосила. Но какъ возвышенно прекрасна была Рашель въ этомъ представленіи, которое для нея, быть можетъ, было пѣснью лебедя! Вся знать, весь цвѣтъ Парижа — присутствовали на ея торжествѣ. Министръ народнаго просвѣщенія, Дюшатель, восхищенный ея игрою, прислалъ ей, какъ дань своего уваженія, собраніе всѣхъ лучшихъ классиковъ французской сцены, въ великолѣпныхъ переплетахъ, украшенныхъ вензелемъ артистки. Вотъ письмо, при которомъ книги были къ ней отправлены: «*Я собралъ творенія лучшихъ нашихъ драматическихъ писателей, чтобъ ихъ представить вамъ, какъ поощрительную награду за талантъ и труды. Счастливымъ почту себя, если они послужатъ вамъ для изученія ролей и еще для большаго развитія*

дарованія; которое прибавило еще одну новую славу къ блеску французской сцены!» Но къ чему послужатъ теперь всѣ эти почести, къ чему послужатъ всѣ классики? Они погубили юный талантъ на сценѣ, едва ли они спасутъ его въ переплетѣ. Теперь слѣдуетъ вопросъ: справедливо ли мнѣніе, что Рашель воскресила классическую трагедію во Франціи? Нѣтъ! Она могла дать душу нѣкоторымъ характерамъ своей индивидуальностію, она могла искрами своего таланта разжечь пламя страсти въ нѣкоторыхъ громкихъ фразахъ, но воззвать къ жизни цѣлыя созданія мертворожденныя, — не въ ея силахъ. Лучшимъ доказательствомъ, что классическій театръ палъ, могутъ служить слова одного изъ образованнѣйшихъ и умнѣйщихъ французовъ настоящаго времени, Г. Тьерса. Сосетъ, предсѣдатель палаты депутатовъ, встрѣтясь съ Тьерсомъ въ фое французскаго театра, спросилъ его: Pourquoi la Rachel est-elle si maigre? (Отчего Рашель такъ худа?) Тьерсъ отвѣчалъ каламбуромъ: Parcequ' elle se nourrit de racines (Racine.) (оттого, что она живетъ одними кореньями (Расиномъ.) Въ этой насмѣшкѣ ясно обнаруживается не уваженіе нынѣшнихъ французовъ къ классической трагедіи.

Звѣробой Картеръ. Никогда и ни объ чемъ еще не говорили и не писали такъ много, какъ объ укротителѣ дикихъ звѣрей Ванъ-Амбургѣ. Всѣ дивились его чудному дару обходиться съ львами и тиграми, за панибрата, безъ церемоніи и принужденія. Натуралисты, психологи и физики пустились въ изслѣдованіе его хитрой науки. Одни видѣли тутъ сверхестественное вліяніе; другіе открывали въ глазахъ его магнетическую силу, покоряющую животныхъ; третьи говорили, что онъ дѣлаетъ звѣрямъ какія-то операціи. Кто былъ полѣнивѣе и попроще вѣрилъ слѣпо сказкамъ, распускаемымъ на счетъ Ванъ-Амбурга, и который онъ старался укоренить своимъ подтвержденіемъ. Объ немъ разсказывали чудеса. Когда ему было двѣнадцать лѣтъ, имъ овладѣла мысль укрощать дикихъ звѣрей. Онъ ушелъ изъ дома родительскаго въ сѣверо-американскіе лѣса; сжился съ самыми дикими племенами; изучилъ ихъ охоту, ихъ хитрости и уловки при ловлѣ звѣрей и наблюдалъ за самой природой страшныхъ враговъ своихъ. Вскорѣ онъ прослылъ отважнѣйшимъ изъ охотниковъ. Необыкновенною смѣлостію и желѣзной волей онъ дошелъ до того, что сталъ побѣждать звѣрей въ единоборствѣ. Чрезъ двѣнадцать лѣтъ, съ сознаніемъ своего искусства украшенія и своей власти надъ звѣрьми, онъ возвратился къ родителямъ. Большія несчастія постигли его родныхъ, во время его отсутствія. Онъ рѣшился помочь имъ дивнымъ своимъ талантомъ, отправился въ глушь лѣсовъ, терпѣлъ голодъ и жажду, подвергался опасностямъ, жилъ, ѣлъ и спалъ съ тиграми и львами и наконецъ—возвратился назадъ, сопровождаемый послушною стаею хищныхъ звѣрей, чтобъ показать Америкѣ и Европѣ чудеса, какихъ не только на дѣлѣ еще не видывали, но и въ Исторіи, не встрѣчали. И дѣйствительно представленія Ван-Амбурга такого рода, что должны были возбуждать всеобщее удивленіе. Человѣкъ входилъ въ клѣтку, наполненную кровожадными звѣрьми, дразнилъ ихъ и ласкалъ, билъ и садился на нихъ, клалъ имъ въ пасти руки, ноги и голову — и выходилъ изъ своей западни здравъ и невредимъ! Было чему дивиться. — Но два человѣка усомнились въ его непонятной силѣ, два человѣка думали, что рано или поздно звѣри познаютъ свое преимущество надъ человѣкомъ и разорвутъ цѣпи рабства, что дружба эта не можетъ быть долговѣчною и что у четвероногихъ, вѣроятно такъ-же, какъ и у людей:

Всѣ други, всѣ пріятели
До чернаго лишь дня.

Эти два человѣка были, Парижскій докторъ Доннѣ и чудакъ-англичанинъ, который, какъ тѣнь вездѣ слѣдилъ за Амбургомъ, чтобъ дождаться наконецъ великолѣпнаго спектакля, въ которомъ львы и тигры растерзаютъ своего укротителя. Недавно львица, на которой было усѣлся Амбургъ, въ порывѣ нетерпѣнія укусила его за икру. Нетерпѣніе въ госпожахъ львицахъ есть весьма дурной признакъ; за нимъ обыкновенно

слѣдуютъ пощечины, за пощечинами — царапины и такъ далѣе: Бѣда попасть къ нимъ на зубокъ! Амбургъ слегъ, а Англичанинъ праздновалъ побѣду и надежду на скорый конецъ своихъ странствованій. Но вотъ явился Картеръ въ Парижѣ, который опровергъ всѣ догадки объ укрощеніи звѣрей и уничтожилъ всѣ сказки Ван-Амбурга. Картеръ рѣшительно творитъ чудеса. Онъ не только укротилъ своихъ звѣрей, но научилъ ихъ сценическому искусству. Его звѣри актеры съ душой, со смысломъ, съ любовію къ искусству. По таланту и по уму они превосходятъ многихъ двуногихъ своихъ собратій. Картеръ даетъ представленія свои на Театрѣ *Олимпійскаго цирка*. Они состоятъ въ трехактной драмѣ: *Левъ пустыни*, гдѣ люди и звѣри дѣйствуютъ вмѣстѣ и таланты звѣрей одерживаютъ верхъ надъ людьми. Драма имѣетъ полный смыслъ и много разительныхъ, величественныхъ сценъ, отъ которыхъ волосъ встаетъ дыбомъ и сердце обливается кровью. Дѣйствіе происходитъ въ Алжирѣ во время послѣдней Французской войны. Успѣхи Французскаго оружія въ Африкѣ возстановили все населеніе къ народной войнѣ. Она кипитъ въ полномъ разгарѣ со всѣми своими ужасами и жестокостями. Алжирцы не считаютъ врага, даже безоружнаго: французскіе плѣнники предаются мучительнѣйшимъ истязаніямъ и пыткамъ. Абдалла, молодой Бедуинъ, съ прискорбіемъ видитъ кровожадность своихъ собратій. Онъ рѣшается спасти отъ ихъ ярости нѣсколькихъ плѣнниковъ и скрываетъ ихъ въ своемъ домѣ. Буйная толпа требуетъ ихъ выдачи, влечетъ юношу къ Дею и обвиняетъ въ измѣнѣ вѣрѣ и отчизнѣ. Дей велитъ ему вырѣзать языкъ. Судъ короткій, но ужасный. Несчастный Абдалла, преслѣдуемый позоромъ и отчаяніемъ, рѣшается навсегда оставить неблагодарную отчизну и бѣжать на границу къ французскимъ войскамъ, за которыя пострадалъ. Дей узнаетъ о его намѣреніи и шлетъ за нимъ погоню. Абдалла скрывается въ степи. Истомленный жаждою, знаемъ Африканскаго солнца и усталостію, изгнанникъ почти безъ силъ падаетъ у подошвы крутой скалы и засыпаетъ. Ужасная ночь наступаетъ за знойнымъ днемъ. Степь, безмолвная, какъ могила, вдругъ оглашается концертомъ, проникающимъ до мозга костей. То свистъ симуна; клубящаго вихри песка, то вой шакаловъ, то ревъ и рыканіе дикихъ звѣрей, выходящихъ на охоту. Страшное населеніе степи пробудилось отъ сна, оно почуяло добычу и стекается со всѣхъ сторонъ. Въ темнотѣ ночи, въ чащахъ кустовъ дико сверкаютъ ихъ очи; какъ блуждающіе огни. Вотъ на скалѣ является огромный левъ, онъ видитъ спящаго человѣка и какъ стрѣла летитъ на нею съ высоты. Ужасная картина: человѣкъ пробуждается въ объятіяхъ льва. Но чувство жизни еще сильно, между ними завязывается смертельный бой? Оба ревутъ, оба катаются по землѣ. Вы видите, какъ ужасные когти впились въ ребра юноши, вы видите кровавый зѣвъ поглащаетъ его голову, но юноша еще живъ и бьется съ врагомъ своимъ на смерть.... Левъ беретъ силой, человѣкъ увертливостью. Мощными руками онъ схватываетъ зубастыя челюсти и, какъ новой Самсонъ, раздираетъ ихъ и придавливаетъ ногой хребетъ ужаснаго звѣря къ землѣ. Царь природы торжествуетъ надъ царемъ звѣрей. Но погодите радоваться и гордиться его побѣдой: опасность еще не миновала. Вотъ цѣлая стая тигровъ, львовъ, барсовъ и гіенъ бросаются на нашего героя. Онъ не унываетъ, онъ смѣло идетъ къ нимъ на встрѣчу, громитъ ихъ ударами и взоромъ пришибаетъ къ землѣ; и вотъ ужасныя жильцы степи, какъ покорныя собаки, ползутъ къ стопамъ своего повелителя и, какъ презрѣнные рабы, лижутъ кровожавными языками ноги, которыя ихъ попираютъ. Абдалла позналъ тайную свою силу укращенія звѣрей и онъ благодаритъ Аллаха, который ниспослалъ ему этотъ дивный даръ за его покорность, отвагу и доброе сердце. Теперь Абдалла дѣлается другомъ своихъ звѣрей и звѣри ему служатъ, какъ рабы. Онъ стелетъ себѣ постель изъ двухъ тигровъ и гіенны; льва кладетъ въ головы, барсы стерегутъ его сонъ у ногъ своего властителя. Но судьба не истощила еще всѣхъ бѣдствій надъ нимъ. Степь опять огласилась шумомъ. Даль-

ное эхо повторяетъ голоса и звукъ оружія. Погоня отыскала слѣды бѣглеца. Вотъ они, дикіе, кровожадные люди; ихъ сердца жесточе звѣрей, ихъ ненависть не примиримѣе. Но здѣсь злоба ихъ не восторжествуетъ. Съ Абдаллою его степное ополченіе. Оно кидается на отрядъ, оно повергаетъ воиновъ на землю и влечетъ ихъ въ свои пещеры. — Вдали замираетъ послѣдній, болѣзненный вопль растерзанныхъ. За нимъ слѣдуетъ гробовое молчаніе. Эта сцена обдаетъ васъ холоднымъ потомъ и превышаетъ всякій трагическій эффектъ. — Въ третьемъ дѣйствіи Французы празднуютъ взятіе Алжира. Войска ихъ съ побѣдною музыкой входятъ въ городъ. За ними слѣдуетъ Абдалла, какъ Орфей, въ колесницѣ запряженной львомъ, и преслѣдуемой двумя тиграми, двумя барсами, леопардомъ и гіеною. Онъ помогъ французамъ взять городъ и это его торжество. Онъ опять въ кругу семейства, въ объятіяхъ матери и звѣри его прыгаютъ отъ радости около этой трогательной семейной карты.—Вотъ содержаніе піесы «Левъ пустыни» и представленій Картера, который занимаетъ въ нихъ главную роль. Ясно видно что вся піеса написана для главнаго трагическаго актера его труппы, для огромнаго Бенгальскаго льва. Но что это за величественный актеръ! Когда раздается его голосъ, все трепещетъ и голоса его наперстниковъ умолкаютъ. Всякій вымыселъ исчезаетъ передъ грандіозными картинами природы, которыя развиваются предъ глазами зрителей. А что дѣлается въ партерѣ и ложахъ! Тамъ другой спектакль, не менѣе любопытный! Страхъ, ужасъ, восторгъ волнуютъ толпу. Аплодисманъ, крики, всхлипыванія и восклицанія сливаются съ оркестромъ, свистомъ вѣтра и ревомъ звѣрей. Ужасная, нестройная, но величественная гармонія. Но теперь все таки остается не рѣшеннымъ вопросъ: какимъ образомъ достигъ Картеръ до такой власти надъ чудовищами лѣсовъ и степей? Самымъ простымъ. Онъ бралъ звѣрей маленькими и воспитывалъ ихъ въ кругу людей, въ домѣ, какъ собакъ, истреблялъ ихъ инстинктъ, пріучая къ покорности и боязни. Члены французской академіи Флуренсъ въ прекрасной статьѣ, помѣщенной въ «Journal des Savans» приводитъ, изъ большаго зоологическаго сочиненія Кювье, множество примѣровъ, что и прежде Амбурга и Картера дикихъ звѣрей дѣлали ручными. Все зависитъ отъ воспитанія, изученія ихъ нравовъ и терпѣнія человѣческаго. Загадка разрѣшается очень просто. Одинъ только есть звѣрь въ природѣ, самый неукротимый — и это : *человѣкъ*.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СИМФОНІЯ БЕРЛІОЗА:

Ромео и Юлія

имѣла неимовѣрный успѣхъ въ Парижѣ.

Бетговенъ неподражаемъ въ своихъ пастушескихъ и героическихъ симфоніяхъ. Все, что было написано послѣ него въ этомъ родѣ, стало ниже его произведеній. Всѣ стихіи музыки сосдинены въ его симфоніяхъ; но намъ всегда казалось, что онѣ были бы еще выше, если бъ изображали какую нибудь идею драматическую. Движеніе драмы, разгаръ страстей, порывы дѣйствія, придаютъ музыкѣ колоритъ и новую жизнь. Та же мысль, кажется, запала и въ душу Берліоза, и онъ создалъ своего: Ромео и Юлію. До сихъ поръ Гекторъ Берліозъ былъ извѣстенъ, какъ отличный контрапунктеръ, знаменитый критикъ музыкальный и авторъ хорошей оперы: *Бенвенуто Челлини*. Паганини сталъ предъ нихъ на колѣна, во время исполненія его музыкальныхъ піесъ, признавъ его отличнѣйшимъ музыкантомъ въ Европѣ, и въ знакъ уваженія и дружбы, прислалъ ему 10,000 франковъ. Уваженіе самое полновѣсное, дружба самая безкорыстная. Паганини купилъ на эти деньги время критика—Безліоза, чтобъ перепродать его Безліозу — композитору. Безліозъ совѣстно поступилъ съ своей покупкою: онъ употребилъ ее на созданіе драматической симфоніи «*Ромео и Юлія*». Текстъ для симфоніи написанъ Эмилемъ Дешаномъ. Для исполненія ея требуется слишкомъ 200 музыкантовъ, а продолжается она около трехъ часовъ. Чтобъ дать понятіе,

какъ составлена симфонія Берліоза, приведемъ здѣсь ея сценировку, или программу. № 1. Инструментальная интродукція: битва, звукъ оружія, трубъ и барабановъ, выходъ Принца. *Первый прологъ:* небольшой хоръ, арія для контральта, скерцо для тенора съ хоромъ и финалъ пролога. № 2. Ромео одинъ. Отдаленные звуки бала и концерта. Великолѣпный пиръ Капулета: анданте и аллегро для одного оркестра. № 3. Тихій и уединенный садъ Капулета. Молодые Капулеты возвращаются съ пира; бальныя вспоминанія для пѣнія и оркестра. Юлія на балконѣ, Ромео въ тѣни бесѣдки; адажіо для оркестра. № 4. Фея Мабъ; скерцо для оркестра. № 5. *Второй прологъ:* небольшой хоръ. Похороны Юліи; для хора и оркестра; маршъ фугою: для оркестра и голосовъ въ перебивку. № 6. Ромео въ гробницѣ Капулетъ. Пробужденіе Юліи: для одного оркестра. № 7. Финалъ, для двухъ большихъ и одного малаго оркестра и отца Лоренцо. Ссора Монтегіевъ и Капулетъ на кладбищѣ. Клятва примиренія. Общій хоръ. — Гармонія и оркестровка всегда отличали всѣ созданія Берліоза; но его упрекали въ бѣдности мелодіи. Въ симфоніи своей онъ показалъ, что и съ этой стороны талантъ его развитъ въ высокой степени. Мелодія — есть вдохновеніе, поэзія и голосъ музыки; она осуществляетъ мысль поэта музыканта, и только ею обнаруживается геній композитора. Странно было бы предполагать отсутствіе оной въ Берліозѣ. Недостатокъ мелодіи въ его прежнихъ твореніяхъ можно объяснить особенностію или ложнымъ направленіемъ его системы. Два мѣста въ симфоніи Берліоза произвели невѣроятный эффектъ. Первое — есть интродукція праздника у Капулета. Выходъ Принца предвѣщается тромбонами и офиклейдами: въ этой піесѣ господствуетъ какое-то потрясающее величіе. Второе мѣсто — есть самый праздникъ. Въ мотивѣ его много энергіи и пѣнія. Смѣлые духовые пассажи придаютъ ему грандіозность и силу. Во всей симфоніи Берліозъ показалъ себя царемъ оркестровки. Инструментація его есть живопись, гдѣ самые яркіе цвѣта сливаются съ тѣнями въ увлекательную гармонію. Симфонія: Ромео и Юлія — есть колоссальный памятникъ современной музыки. Потребность такого рода музыки давно была ощутительна. Доказательствомъ тому можетъ служить, что и у насъ, еще прошедшимъ лѣтомъ, Д. Ю. Струйскій написалъ драматическую симфонію: *Аббадона*, на слова В. А. Жуковскаго:

Сумрачевъ, тихъ, одинокъ на ступеняхъ подземнаго трона и т. д.

Молодой нашъ композиторъ еще боялся выступить съ смѣлымъ своимъ нововведеніемъ, не подозрѣвая, что во Франціи та же идея шевелилась въ душѣ Берліоза, который теперь такъ блистательно предупредилъ его.

— *Люція Гранъ.* Мы похитили у Большой Французской Оперы — лучшее ея украшеніе, легкую, воздушную, очаровательную Марію Таліони. Поэтическій балетъ Сильфида, восхищавшій парижанъ столько лѣтъ, не могъ съ тѣхъ поръ возобновиться. Онъ утратилъ свою душу, крылатую Сильфиду, которая упорхнула на хладный Сѣверъ, къ невскимъ берегамъ. Долго парижане терпѣли и крѣпились: ждали возврата своей воздушной богини; она не возвращалась. Они надѣялись, что морозы Сѣвера оледенятъ страсть ея къ искусству и заставятъ возвратиться на Западъ, но русская привѣтливость отогрѣла ея талантъ лучше полуденнаго солнца. Тогда Французы выписали себѣ Фанни Эльслеръ, и восхищались ею, сколько могли, восхищались два, три мѣсяца, полгода, годъ — наконецъ надоѣло. Сердце встосковалось по Таліони. Сильфида сдѣлалась потребностію. Но Сильфида порхала легкой *Тѣнью* по великолѣпнымъ цвѣтникамъ нашего Большаго Театра и не думала разстаться со сценою, гдѣ ея прелести развивались такъ блистательно. Тогда Французская Опера, потерявъ терпѣніе, отыскала Люцію Гранъ, черноглазую, курносенькую, тоненькую дѣвочку, надѣла ей на голову вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ, прицѣпила къ пухлымъ плечикамъ розовыя, газовыя крылья, и пустила ее порхать по сценѣ, говоря: *будь Сильфида!* Тутъ

случился фельетонистъ Жюль-Жаненъ, послѣ тучнаго обѣда съ вестфальскимъ окорокомъ и тремя сотнями устрицъ, которыя худо варились въ желудкѣ на трехъ бутылкахъ Венгерскаго: онъ хотѣлъ видѣть Сильфиду, и увидалъ Люцію Гранъ; схватилъ въ досадѣ листъ бумаги и перо.... и *пошло писать*! На другой день читали въ Journal des Debats: «что дѣвица Гранъ — дѣйствительная, урожденная Сильфида, что она составлена изъ воздуха и надута воздухомъ; что она не только лучше Г-жи Эльслеръ, но и самой Таліони»— и проч. и проч. На третій и четвертый день двери Большой Оперы ломились отъ толпы, которая стремглавъ спѣшила взглянуть на это чудо дивное, которое осмѣливается быть даже лучше Таліони!—Чѣмъ же кончилось?—Люція Гранъ имѣла два дня блистательный успѣхъ, два дня—посредственный, день ни какого, и теперь обратилась въ обыкновенную солистку оперы. Пуфъ Жюль-Жанена не надулъ публику *воздухомъ*. Трудно быть лучше Таліони: она родилась въ Швеціи, выросла въ Италіи, воспиталась въ Парижѣ, и заимствовала отъ каждой страны лучшее для танцовщицы: *прелесть, грацію и легкость*.

— Но за то другая танцовщица имѣла 18 декабря необыкновенный успѣхъ въ Парижѣ. Это молодая, прехорошенькая Американка, дѣвица *Майвудъ*. Ей только 16 лѣтъ; но талантъ ея обѣщаетъ со временемъ поставить ее въ число первыхъ балетныхъ свѣтилъ Европы.

— Изъ мелкихъ новостей парижскихъ театровъ, мы упомянемъ только о нѣкоторыхъ. Сынъ знаменитаго баснста *Лаблаша*, такъ же пѣвецъ съ достоинствомъ. Онъ дебютировалъ въ Лондонѣ съ большимъ успѣхомъ и теперь принятъ въ Италіянскую Оперу, въ Парижѣ. Clémence [Клеменція), комедія въ 3 дѣйст., сочиненія Г-жи Анселю, имѣла блистательный успѣхъ на театрѣ *Драматической Гимназіи*. Въ этой піесѣ сочинительница далеко превзошла первую свою драму: *Маріи, или Три эпохи*. Дѣло рѣшеное: Г-жа Анселю совсѣмъ отбила хлѣбъ у своего мужа, Г-на Анселю, котораго французскіе критики нынѣ называютъ не иначе, какъ *мужемъ Г-жи Анселю*.—На театрѣ *Пале-Роялѣ* увѣнчанъ успѣхомъ двухактный водевиль *Балра*, подъ названіемъ: Les Avoués en vacances (Гуляики адвокатовъ). Веселость, острота и неподдѣльный комизмъ, вотъ его достоинства. Этотъ авторъ ужасно плодовитъ; онъ не пишетъ, а *несется* водевилями, какъ курица. На другой вечеръ играли его *Фражолетту* на театрѣ *Разнообразія* [variétés] и такъ же съ успѣхомъ, и въ то же время разучиваютъ на разныхъ парижскихъ сценахъ восемь новыхъ піесъ его сочиненія!

Громкая комедія Г-жи *Эмиль Жирарденъ*: L'école des Journalistes [Школа журналистовъ], запрещена правительствомъ, потому что въ ней нашли намеки и личности на живыхъ людей, непозволительныя въ образованномъ обществѣ. За то французскіе театры готовятъ много хорошаго, новаго: трагедію Делавиня «*Старость Сида*», комедію Скриба «*Злословіе*» и еще двѣ комедіи «*Школа свѣта*» и «*Великій человѣкъ*». За столько благородныхъ жертвъ на алтарь искусства можно пожертвовать одной ничтожной пасквилью.

ГЕРМАНІЯ, ВЕНГРІЯ И БОГЕМІЯ.

Берлинъ, наслаждается частыми представленіями прекрасной трагедіи Фоглл: *Христина Шведская*, которая недавно дана въ первый разъ и имѣла блистательный успѣхъ.

Въ *Вѣнѣ*, поэтъ *Леополдъ Шефферъ* пишетъ большую героическую оперу «*Гекубу*», а знаменитый Маршнеръ, котораго прекрасную оперу: *Рыцарь храма и Жидовка*, мы на дняхъ слышали на нашемъ Нѣмецкомъ театрѣ, трудится надъ партиціей лирической оперы: (Принцъ Гомбурскій), которая скоро будетъ представлена на сценѣ.

— *Карлсруэ*. На здѣшнемъ придворномъ театрѣ дана трагедія молодаго поэта *И. Куранда*, подъ названіемъ «*Послѣдняя бѣлая роза*.» Эта піеса замѣчательное явленіе въ нынѣшней драматической литературѣ Германіи. Она пс-

полнена поразительныхъ сценъ и высокихъ, современныхъ идей. Успѣхъ ея доходилъ на торжество.

— Венгерскіе Словаки ревностно пекутся о распространеніи просвѣщенія между своими славянскими собратіями. Духъ германскихъ нравовъ и образованія совершенно поглощаетъ народность славянщины, но она крѣпко стоитъ за свою самобытность и въ жестокой борьбѣ сохраняетъ еще свой древній характеръ. Въ послѣднее время въ особенности зашевелился славянскій духъ въ литературѣ, въ исторіи и въ искусствахъ Богеміи, Венгріи и Моравіи. Теперь почти вездѣ устроиваются театры для представленій на славянскихъ нарѣчіяхъ, что необходимо должно привесть въ движеніе народность и развить самостоятельное образованіе Чеховъ и Словаковъ. За мѣсяцъ предъ симъ, извѣстный славянофилъ Каспаръ Фейэрматаки открылъ народную сцену въ городкѣ С. Никласѣ, на которой играютъ двѣ вольныя труппы актеровъ: одна состоитъ изъ гражданъ города, другая изъ студентовъ. Они даютъ попеременно трагедіи и комедіи на чешскомъ и богемскомъ языкахъ, а сборъ назначенъ на образованіе дѣтей въ духѣ славянской народности. Мы должны желать всѣхъ возможныхъ успѣховъ нашимъ соплеменникамъ и радоваться ихъ стремленію воскресить стихіи великаго славянскаго племени!

ИСПАНІЯ.

Мадритъ, столица Испаніи, кромѣ двухъ народныхъ театровъ, имѣетъ еще одинъ, назначенный для Италіянской Оперы. И испанцы заражены общей маніею времени: и они переводятъ и кроятъ на свой покрой французскіе драмы и водевили. А между тѣмъ великіе творцы ихъ: Лопецъ де Вега, Кальдеронъ, де Кастро, Леандръ Фернандецъ Моратина, Мартинецъ де ла Роза, гніютъ въ шкафахъ театральныхъ библіотекъ. Испанцы страстно любятъ танцы. И можно ли не любить пляски въ странѣ, гдѣ она такъ жива, огненна и возвышенно граціозна. Нѣтъ такой драмы и комедіи въ мірѣ, къ которой испанцы не приплели бы танцевъ. Есть у нихъ и свои маленькія піески, по большей части народные фарсы, но фарсы забавные, остроумные и почти всегда написанные прекраснымъ языкомъ. Въ антрактахъ опять пляшутъ *фанданго* или *болеро* На оперномъ театрѣ даютъ, четыре раза въ недѣлю, италіянскія оперы и балеты. Здѣсь Россини еще — царь неограниченный. Здѣсь игривые его мотивы во всей силѣ владычествуютъ надъ сердцами. Испанія стала новой музыкальной отчизной для великаго маэстра. Странно покажется, что при всей любви къ изящнымъ искусствамъ, къ музыкѣ, у испанцевъ сохранилась неодолимая страсть къ варварскимъ, народнымъ зрѣлищамъ. Каждую недѣлю два раза, за воратами Алкалы, бываютъ бои быковъ и травли. Кортесы хотѣли было истребить этотъ обычай силою, но принуждены были уничтожить свое запрещеніе: онъ слишкомъ глубоко пустилъ корни въ народѣ и сжился съ его нравами.

ГРЕЦІЯ, ЕГИПЕТЪ — И АЛЖИРЪ

такъ-же заводятъ свои театры. Потребность зрѣлищъ сдѣлалась общею и повсемѣстною. Въ Александріи, нѣкто г. Серванъ основалъ труппу французскихъ актеровъ, которые съ 1-го ноября, истекшаго года, начали давать небольшія комическія оперы и водевили. Нельзя себѣ представить жадности и наслажденія египтянъ, съ которыми они посѣщаютъ свой театръ. Греческій король, Оттонъ I, посылалъ недавно придворнаго своего пѣвца и капельмейстера, Курбари, въ Миланъ, чтобъ тамъ навербовать труппу италіянскихъ артистовъ, для опернаго театра, который теперь отстроенъ въ Аѳинахъ.

Софоклъ, Аристофанъ, Менандръ и Эврипидъ,
Возставьте изъ гробовъ, зовите Эвменидъ!
Когда воскресъ Ѳеатръ, зачѣмъ вашъ геній спитъ?

Давно ли въ нашихъ комедіяхъ писали:

Алжирцы всѣ шалятъ?
Алжирцы! Это срамъ! Ихъ надобно унять!

А теперь алжирцы, прельщенные театромъ, который въ Константинѣ завели французскіе солдаты, сами начинаютъ писать камедіи, гдѣ выставляютъ наши европейскія шалости. Говорятъ, что въ Алжирѣ открывается свой народный театръ. Французское правительство не только не препятствуетъ, но даже всѣми мѣрами старается поддержать это предпріятіе, какъ средство къ образованію народа.

СѢВЕРНАЯ АМЕРИКА.

Въ Филадельфіи и Нью-Іоркѣ — театры въ совершенномъ упадкѣ. Они пробиваются разными крохами, падающими съ скудной сцены англичанъ. Театры теперь однако поднимаются *на ноги*. Нельзя сказать, чтобъ они взялись за умъ, ибо они принялись за танцы. Знаменитая Фанни Эльслеръ выписана въ Американскіе Штаты, чтобъ ловкимъ пируэтомъ вскружить голову публики и притянуть ее въ театръ силою своего таланта и ногъ. Она уже отправилась въ путь далекій, чрезъ Ливерпуль, на англійскомъ пароходѣ — и будетъ танцовать 30 разъ въ Нью-Іоркѣ, 15 въ Филадельфіи и 15 въ Бостонѣ. Вѣроятно, при ея появленіи *бостонъ* уничтожится отъ удивительной ея *игры*. Въ Бостонѣ и сестра ея идетъ къ ней въ вистъ, и въ успѣхѣ вѣрно репонса не будетъ. За каждое представленіе Фанни Эльслеръ, ей назначено по 3500 фраковъ, стало быть, весь сѣверо-американскій доходъ ея составитъ 210,000 франковъ, безъ путевыхъ издержекъ, которыя театры приняли на свой счетъ и застраховали въ 10000 франковъ. Когда первый бостонскій скороходъ узналъ объ этомъ, онъ сказалъ: «Слушай, жена, если намъ Богъ пошлетъ дочку, такъ мы выучимъ ее сперва танцовать, а потомъ ходить: это выгоднѣе.»

Пролетѣвши, со мной, любезный читатель, на коврѣ самолетѣ чрезъ всѣ возможныя сцены въ Европѣ, Африкѣ и Америкѣ, вы вѣроятно такъ же устали, какъ и я! Теперь бы слѣдовало посмотрѣть, что дѣлается у насъ дома.... но.... но.... Знаете, что? Раскинетесь лучше на покой: вотъ вамъ Гамбсовъ стульчикъ, бросимъ перо, чернилицу и всякія дрязги, предадимся нашему dolce far niente и станемъ разсматривать —

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ПЕРВОЙ КНИЖКѢ ПАНТЕОНА.

1-е Картинка.

Это что такое? А! *Странствующіе музыканты*, написанные Вѣнскимъ художникомъ *Гофманомъ* и гравированные Андреемъ Гайгеромъ. Посмотрите на эти три фигуры: сколько въ нихъ жизни, краснорѣчія, и типическаго характера. Какъ выражена на этихъ лицахъ и въ самомъ костюмѣ жизнь истиннаго художника; и притомъ художника нѣмца, воплощеннаго фантаста, Гоффмана, преданнаго искусству душей и тѣломъ и довольнаго собой даже въ нищенскихъ заплатахъ. Изъ каждой физіономіи видно, какъ это тріо скрипки, кларнета и віолончеля стройно и народно. Въ немъ столько же согласія, какъ симпатіи въ душахъ самихъ музыкантовъ, у которыхъ за душой ничего нѣтъ. Самодовольствіе и любовь къ музыкѣ написаны въ глазахъ и въ улыбкѣ каждаго. Это добрыя дѣти, которыхъ взлелѣяла муза, но которыя въ черномъ тѣлѣ у судьбы, пасперницы музъ. Это неудавшіеся Паганини, Вьетаны, Ромберги и Серве. Ихъ театръ цѣлый міръ, ихъ оркестръ подъ окномъ каждой красавицы, ихъ инструменты выносятъ дождь и холодъ, ихъ веселость не разстроивается ничѣмъ на свѣтѣ. Они живутъ музыкой, и поютъ и играютъ, какъ птицы поднебесныя, отъ всей души и глотки; и питаются они такъ-же, какъ птицы, чѣмъ Богъ пошлетъ. А сколько пожекъ прыгаютъ подъ ихъ смычки? А сколько сердецъ бьютъ имъ такту? А сколько тяжелыхъ вздоховъ замѣняютъ имъ недостатокъ духовыхъ инструментовъ, когда они въ воскресенье сидятъ на крылечкѣ трактира, передъ которымъ кружатся веселыя пары? — О, въ жизни этихъ музыкальныхъ ходебщиковъ много поэзіи, много предметовъ для размышленій? Но я ихъ пре-

Пантеонъ Русскаго Театра №1.

Hofmann del. Aud. Geiger sc.

Странствующіе Музыканты.

доставляю вамъ, любезный читатель... А мы, пока, обратимся къ приложенію

2-му.

СВѢТЛАНА, БАЛЛАДА В. А. ЖУКОВСКАГО, МУЗЫКА К. АРНОЛЬДА.

Въ прошедшемъ годѣ С. Петербургское филармоническое общество задало тему: *положить на музыку эту прекрасную балладу*, и открыло конкурсъ на премію, состоящую изъ серебряной лиры. Изъ нѣсколькихъ представленныхъ манускриптовъ нотъ, общество *признало единогласно лучшею* музыку подъ девизомъ: *in Deo spes mea*, которую мы теперь предлагаемъ нашимъ подписчикамъ. Авторъ этой русской, народной кантаты К. К. Арнольдъ, молодой музыкантъ, природный русскій дворянинъ, воспитанный въ Россіи, и находившійся въ рядахъ русскихъ войскъ, въ послѣдней войнѣ противъ польскихъ мятежниковъ. Теперь онъ перешелъ въ гражданскую службу и посвятилъ себя музыкѣ, которою занимается съ любовью и усердіемъ. Онъ извѣстенъ уже по нѣсколькимъ отрывкамъ изъ оперы своей *Цыганка* и по многимъ пріятнымъ романсамъ. Въ напечатанной здѣсь тетрадкѣ находится только 1-е отдѣленіе всей баллады «*Свѣтлана*», которая состоитъ изъ трехъ отдѣленій, имѣющихъ отдѣльный музыкальный смыслъ и составляющихъ каждое особенную піесу. Остальныя два отдѣленія будутъ приложены при слѣдующихъ книжкахъ Пантеона. Всѣ вмѣстѣ составятъ около 30 печатныхъ страницъ нотъ.

3. ОБЕРТКА НА ПЕРВУЮ ЧАСТЬ ПАНТЕОНА.

При этой книжкѣ раздается такъ-же обертка на *первую часть* Пантеона. Она должна заключить въ себѣ три книжки Пантеона. Реліефное окно, въ новѣйшемъ вкусѣ *рококо*, вмѣщающее заглавіе изданія, украшено фигурами, которыя, можетъ быть, не для всѣхъ покажутся понятными, и требуютъ поясненія. На верху лучезарный *фениксъ*, эмблема совершенства, возникаетъ изъ пепла разрушенной сцены, съ которой два *генія искусства* сгоняютъ всѣхъ животныхъ, забравшихся не въ свое мѣсто: *Жоко*, *бразильскую обезьяну*, *Обріеву собаку*, *Сороку воровку*. Тутъ бы можно было помѣстить и *лошадей*, *слоновъ*, *тигровъ и львовъ Амбурга*, и многихъ другихъ; но мѣсто не позволяло художнику разгуляться на ихъ счетъ. Направо сидитъ *Пьеро*, олицетворенная глупость и неѣжество, а налѣво *Арлекинъ*, воплощенная насмѣшка надъ глупостью и невѣжествомъ. Это цѣль и область комедіи. Внизу видны аттрибуты *Момуса*, бога шутки, которыя могутъ служить вмѣсто эпиграфа:

Смѣяться право не грѣшно
Надъ тѣмъ, что кажется смѣшно!

или стиха Берни:

La joie est bonne à mille choses,
Mais le chagrin n'est bon à rien.
Веселость пригодна на сотню вещей,
А скука совсѣмъ ни къ чему не годна!

Театральныя маски, фантастическія птицы и цвѣты и множество сплетеній изъ веревокъ, означаютъ механизмъ, лицедѣйство и замапчивость сцены.

Е. К.

ДОЧЬ
ІОАННА III.

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Барона Розена.

Санктпетербургъ, лѣтомъ 1835 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Іоаннъ III, Великій Князь всея Россіи.

Софія, супруга его.

Елена, ихъ дочь.

Князь Мануилъ Рало, свойственникъ Палеологовъ.

Фіоравенти Аристотель, италіянскій зодчій.

Князь Иванъ Юрьевичъ Патрикеевъ, старшій боярин.

Княгиня Ряполовская, его дочь.

Петръ Бѣлый
Станиславъ Гастольдъ } великіе послы литовскіе.

Бояре, Стольники и свита Софіи — боярыни и боярышни.

Действіе IV. Явленіе VI.

ДОЧЬ ІОАННА III.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Великокняжескій садъ противъ кремлевской горы, на берегу Москвы-рѣки; садъ убранъ въ итальянскомъ вкусѣ. На авант-сценѣ бесѣдка, осѣняемая тополемъ, и кустъ гвоздики.

ІОАННЪ, (*одинъ.*)

Великій Князь литовскій шлетъ послова,
Въ супружество просить моей Елены!
Я съ дочерью любимой не могу
На цѣлый вѣкъ разстаться! не могу я
Столь милое созданье отпустить
Въ злокозненную Витовтову землю!...
Но если благо отчины моей
Потребуетъ такой ужасной жертвы —
Да мимо идетъ чаша!..

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕЖНІЙ И СОФІЯ.

СОФІЯ.

Посмотри,
Какъ по-саду порхаютъ наши дѣти,

Что ласточки! Какъ любо имъ гулять
На полной волѣ, кто куда захочетъ!

ІОАННЪ.

Съ особеннымъ участіемъ гляжу,
Когда Елена наша въ рѣзвыхъ играхъ,
Веселая, какъ солнышко, горитъ;
Ея златая воля на исходѣ:
Она уже невѣста!... Отъ чего
Она сегодня тѣшилась такъ мало
Въ кругу другихъ, и молча отстаетъ,
И ищетъ мрачныхъ, отдаленныхъ сѣней?

СОФІЯ.

Мѣшаетъ намъ веселіе извнѣ,
Когда въ душѣ есть лучшее веселье.

ІОАННЪ.

Какое же веселье?

СОФІЯ.

Государь!
Въ ея лѣта у дѣвы сердце полно;
Душа горитъ и чувствуетъ; въ душѣ
Весна, какой на сѣверѣ не видно!
И умъ выводитъ свѣтлыя мечты
И свѣтлыми мечтами веселится!
То внутренняя жизнь въ своемъ цвѣту,
То красная дѣвическая юность!

ІОАННЪ.

Гречанка ты—и въ *Римѣ* возросла!
На сѣверѣ, межъ нами, иностранен
Твой образъ мыслей, образъ чувствъ твоихъ!
Какъ полъ мужской, на югѣ и востокѣ,
Въ различныя художества вдался,
Которыхъ мы не знаемъ, такъ и жены
Тѣхъ дальнихъ странъ взялися выводить
Изъ сумрачныхъ пучинъ души и сердца
Мудреныя видѣнія и сны,
И тонкости такія въ дѣлѣ чувства,
Какихъ не знаютъ жены на Руси.

СОФІЯ.

Когда нибудь узнаютъ.

ІОАННЪ.

Мнѣ сдается,
Чѣмъ болѣе утѣшенъ человѣкъ,
Тѣмъ и живѣй желаетъ сообщаться.
А кто въ часы сердечной полноты
Бѣжитъ людей, тотъ полонъ чѣмъ-то грустнымъ...
И, можетъ быть, въ Елениной душѣ
Предчувствіе какой-то скорбной доли!..

СОФІЯ.

Твоя къ Еленѣ отчая любовь
До суевѣрной нѣжности доходитъ!
Но вотъ! Спроси у ней самой; она
Сюда идетъ съ Княгиней Ряполовской.

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ПРЕЖНІЕ; ЕЛЕНА И КНЯГИНЯ РЯПОЛОВСКАЯ.

ІОАННЪ.

Ты разлюбила игры, дочь моя:
Степенною старушкою гуляешь!

ЕЛЕНА.

Я игръ не разлюбила; но отъ нихъ
На сладостномъ раздумьи отдыхаю.

ІОАННЪ.

Я видѣлъ, ты сидѣла въ забытьи,
Тамъ, на скамьѣ, подъ липой вѣковою,
И къ небу обращенная лицемъ.

ЕЛЕНА.

Какъ полюбуюсь досыта цвѣтами,
На всѣ красы земныя нагляжусь,—
Душа моя вспорхнетъ, какъ голубица,
Къ поднебесью; съ небесной высоты
Земнымъ полнѣй и лучше наслаждаюсь!
Смотри: единый облакъ средь небесъ!
На этотъ бѣлый облакъ я глядѣла,
И чудная мнѣ видѣлась мечта:
Неявственно сперва, сквозь эту дымку,
Обозначалось личико одно,
Подъ сѣнью крылъ; потомъ другое, третье—
И напослѣдокъ столько набралось

Блестящихъ личикъ и блестящихъ крыльевъ,
Что показалось, будто облакъ весь
Составленъ былъ изъ ангельскихъ головокъ—
И всѣ онѣ на землю и на насъ
Съ привѣтливымъ участіемъ смотрѣли...

ІОАННЪ.

Елена! ты на явѣ видишь сны:
Напряжено твое воображенье!

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, Государь! Я чувствую въ себѣ
Такую стройность и такую радость!
Мой сонъ исчезъ – и вдругъ мелькнула мысль:
То, можетъ статься, души нашихъ предковъ,
Владимірова дома, что съ небесъ
Еще глядятъ на прежнее владѣнье,
Любуются величіемъ Руси
И счастье шлютъ творцу ея величья!
Что, если бъ мы, чрезъ много, много лѣтъ,
Когда насъ всѣхъ уже не будетъ въ мірѣ,
Могли слетѣться также въ ликъ одинъ,
Единымъ, свѣтлымъ облакомъ надъ Русью,
И посмотрѣть на край, гдѣ жили мы,
И, видя въ немъ блаженство, миръ и радость,
Промолвить: *мы* мелькнули на землѣ—
Но милая Россія безконечна!...

ІОАННЪ.

Вотъ яркая черта *моей* души
Въ твоихъ мечтахъ дѣвическихъ блеснула!
Отъ матери наслѣдовала ты
И женскую красу, и тонкость чувства,
И быстроту ума; но отъ меня
Ты русскую наслѣдовала душу,
Любовь къ странѣ родной: ты дочь *моя!*
На небеси, конечно, будемъ вмѣстѣ.
Желаю, чтобъ и прахъ нашъ на Москвѣ
Покоился въ одной и той же церкви!..

ЕЛЕНА.

Когда и Государынѣ и намъ
Ты дашь мѣста въ Архангельскомъ Соборѣ,
Тогда мы будемъ вмѣстѣ:—власть *твоя!*

СОФІЯ.

Ты выйдешь замужъ, — а жена и въ смерти
Съ супругомъ дѣлитъ одръ!

ЕЛЕНА.

Такъ и ему
Со мной могилу дайте тамъ!

СОФІЯ.

Но если
Ты выйдешь....

ІОАННЪ, (*живо прерывая ее.*)

Что о смерти говорить!

ЕЛЕНА, (*матери.*)

Я не могу того оставить края,
Гдѣ родилась! Вѣнокъ изъ русскихъ розъ
Дороже мнѣ заморской діадимы;
И этотъ русскій тополь для меня
Милѣе всѣхъ инодержавныхъ скиптровъ,
Мой стройной тополь – онъ любимецъ мой!

СОФІЯ.

Онъ твой любимецъ, да, я это знаю:
Пять лѣтъ тому, въ прекрасный майскій день,
Нашъ Мануплъ Рало, изъ чуждыхъ краевъ
Пріѣхавшій, разсказывалъ тебѣ
И мнѣ о югѣ здѣсь, подъ этимъ древомъ....

ЕЛЕНА.

И мнѣ съ тѣхъ поръ мечтается, что онъ
Съ собой привезъ Италію на сѣверъ!
Нашъ край услышалъ о красахъ ея,
И, въ вожделѣнномъ съ ней соревнованьи,

Роститъ весну богаче и пышнѣй —
И тополь мой свѣжѣе зеленѣетъ
И надо мной мечтательно шумитъ
О той странѣ!...
Какъ дѣвы Индостана
Голубятъ амру, дерево любви —
Такъ *я* ласкаю этотъ тополь милый:
Онъ чѣмъ-то сладкимъ манитъ — онъ мой другъ!
(Молчаніе.)
И тутъ моя душистая гвоздика!
(Приклоняется къ цвѣтку.)
Не *я* ли возлелѣяла тебя,
Сама струею свѣжей воспитала,
Какъ нѣжнаго младенца берегла?
Такъ, ты моя питомица родная!
(Ряполовской.)
Пойдемъ, Марія: я теперь хочу
Повеселиться!
(Уходитъ съ нею.)

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ ЕЛЕНЫ И РЯПОЛОВСКОЙ.

СОФІЯ.

Сколько чувствъ и жару
Въ ея душѣ! Какая будетъ мать,
Какая будетъ нѣжная супруга!

ІОАННЪ.

Для ней природа русская жива:
Она съ цвѣткомъ и съ деревомъ сродпилась!
Какая умилительная страсть
Къ своей землѣ!

СОФІЯ.

Несродно русской дѣвѣ
Такое направленіе любви
Къ отечеству! То *греческое* чувство,
Дающее всему и жизнь и ликъ;
То юга жаръ, развитый въ русской дѣвѣ
Образованьемъ сердца и ума!

ІОАННЪ.

Сіе развитье мило, но опасно:
Оно отъ нравовъ нашихъ далеко
Ушло впередъ! Душа и сердце женщинъ
У насъ должны остаться въ простотѣ,
Во грубомъ первообразѣ природномъ,
Въ какомъ-то мирномъ, непробудномъ снѣ,
Чтобъ не скучать обычною неволей!
У насъ дѣвицамъ нѣтъ сердечныхъ правъ,
Сердечной льготы, выбора во бракѣ,
Участія въ общественномъ быту;
Такъ для чего воздѣлывать ихъ душу
И сѣменами чувства засѣвать?
Обучена Елена книжнымъ знаньямъ,
И греческой свободѣ думъ и чувствъ,
И пламенной мечтательности юга;
Она, туземныхъ нравовъ не спросясь,
Распорядитъ сама дѣвичьимъ сердцемъ
На полной волѣ... Другъ мой! Для чего
Ты крылья ей дала, какъ голубинѣ:
На этихъ крыльяхъ ей не погулять!
Сознанье крыльевъ, въ тѣсной клѣткѣ
Для ней удвоитъ скуку тѣсноты!

СОФІЯ.

Нѣтъ, Государь! Развитье силъ душевныхъ
Всегда полезно! Правда, въ комъ нѣжнѣй
И тоньше чувство, тотъ и больше страждетъ
Отъ горести внезапной; но за то
Онъ и скорѣй ее преодолѣетъ
И освятится чувствомъ торжества!
Счастливѣе своимъ образованьемъ
Себя Елена чувствуетъ теперь
И на землѣ живетъ, какъ духъ блаженный....
А въ будущемъ, надѣюсь, что она,
Какой бы ей ни выпалъ жребій въ мірѣ,
Его снесетъ съ величіемъ души —
И вотъ прекрасный плодъ образованья!

ІОАННЪ.

Ты облегчила сердце у меня.

СОФІЯ.

Такъ ты уже рѣшилъ судьбу Елены?

ІОАННЪ.

Ужель, безъ совѣщанія съ тобой,
Я захочу рѣшить такое дѣло?
Ты *мать:* найди для дочки жениха,
Тогда мы вмѣстѣ выданье обсудимъ.

СОФІЯ.

Какъ думаешь: Великій Князь Литвы?..

ІОАННЪ.

Будь проклятъ этотъ выборъ окаянный!
Отецъ на жизнь мою злоумышлялъ —
А мнѣ ль еще, для сына Казиміра,
Зѣницу ока вырвать, дочь мою,
Обнявшую съ горячностію милой
Меня и край родимый — оттолкнуть,
Повергнуть въ логъ звѣриный!...

СОФІЯ.

Аристотель
Сюда идетъ!

ІОАННЪ.

Софія! жертвъ такихъ
Не хочетъ Богъ!...

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРЕЖНІЕ И АРИСТОТЕЛЬ.

СОФІЯ.

Синьоръ Фіоравенти!
Господь тебя чрезъ мѣру одарилъ
Талантами: славнѣйшій въ мірѣ зодчій
Колокола и пушки льетъ, мосты
Чрезъ рѣки строитъ и чеканитъ деньги,
И наконецъ разводитъ вертоградъ!
Какимъ искусствомъ могъ бы это мѣсто
Пересоздать въ какой-то чудный садъ
Гесперіи! Я милостивымъ словомъ
Тебѣ желаю ото всей души:
Въ своемъ увеселительномъ твореньи
Италію живые вспоминать!...

(Уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ СОФІИ.

ІОАННЪ.

И *я* тобой доволенъ, Аристотель!
Роскошествомъ украсилъ ты мой садъ.
Я каждый разъ имъ сызнова любуюсь,
Когда прійду отъ царственныхъ трудовъ
Сюда на вольный отдыхъ и прохлады.
Меня не столько пестрота цвѣтовъ,
Чужое благолѣпіе въ теплицахъ
И красота бесѣдокъ, сколько чинъ
Единовластнаго порядка тѣшитъ!
Вы, Итальянцы, нечего сказать,
Одарены великимъ разумѣньемъ
Во всѣхъ дѣлахъ мірскихъ; но отъ чего
Не можете земли своей устроить
Въ единый государственный составъ?

АРИСТОТЕЛЬ.

У насъ цвѣтутъ искусства и науки;
Художниками славится нашъ край:
Италія картинная палата,
Огромный пѣвчій хоръ, изящный строй
Разнообразныхъ, велелѣпныхъ зданій,
И область стихотворства и любви!
Свою картину пишетъ живописецъ;
Пѣвецъ свой голосъ гнетъ и сыплетъ въ дробь;
Обожествляетъ женщинъ стихотворецъ,
Выводитъ адъ, чистилище и рай;
А зодчій строитъ мостъ, иль ставитъ церковь,
Сдвигаетъ колокольню....

ІОАННЪ.

Это *ты!*
И ты одинъ свершилъ такое чудо!

АРИСТОТЕЛЬ.

Вотъ, я хотѣлъ сказать: художникъ царь
Въ волшебномъ царствѣ чувствія и мысли;
Но въ земскомъ дѣлѣ малый человѣкъ!
Онъ вѣдаетъ *свое*—ему нѣтъ дѣла,
Хоть развались земля!...
Когда-то жилъ

Механикъ знаменитый въ Сиракузахъ.
На площади жезломъ онъ по песку
Чертилъ круги; и Римляне въ то время
Тотъ городъ брали приступомъ; но онъ
Не слышитъ суматохи. Вотъ, на площадь
Нахлынули враги—онъ имъ въ сердцахъ
Кричитъ: «Круговъ моихъ не заметайте!»—
И былъ ему ответъ — ударъ копьемъ!

ІОАННЪ.

У васъ и люди царственные были:
Ко славѣ будь помянутъ между нихъ
Лаврентій Медичи. Но онъ старался
Лишь уровнять пронырливую власть
Ничтожныхъ княжествъ. Надлежало бъ думать
Флоренцію сначала покорить
Единовластью, а потомъ разумно
Своимъ державнымъ скиптромъ поводить
По областямъ и княжествамъ удѣльнымъ.

АРИСТОТЕЛЬ.

Онъ также былъ *художникъ*, и писалъ
Для женщины любовныя канцоны!
Но будемъ ли винить его за то?
Италіи не быть уже единой
Великою державою! Она,
При Римлянахъ цвѣла всемірной жизнью,
И силы государственной ядро,
Прекрасное и свѣтлое, какъ солнце,
Разорвалось и въ иверняхъ блеститъ!
Но иверямъ вовѣки не составить
Блистательнаго прежняго ядра!

ІОАННЪ.

Хочу тебѣ ответить той же притчей
И доказать примѣромъ: Русь была,
При Ярославѣ, сильнымъ государствомъ,
И также, какъ ядро, разорвалась
На иверни, на множество удѣловъ;
И слишкомъ двѣсти лѣтъ по ней Орда
Прожорливой носилась саранчею;
И Гедимина богатырскій родъ
Насъ обрывалъ; раздоръ междоусобный
Подрѣзалъ государственную жизнь....
Но *я* съумѣлъ остановить разстройство
И, переплавивъ иверни, изъ нихъ
Державный образъ государства вылить
И жизни духъ вдохнуть въ его составъ!

АРИСТОТЕЛЬ.

При Ярославѣ красовалось только
Младенчество народа твоего!
Суровая судьба остановила
Дальнѣйшее развитье свѣжихъ силъ;
И Русь подъ ней, какъ озимь подъ снѣгами,
Сохранная лежала въ долгомъ снѣ.
Народная таилась самобытность
Въ святыхъ дарахъ креста, и твой народъ
Со скаредной Ордою не смѣшался.
Россіи государственная жизнь
Во чревѣ смутъ и золъ междоусобныхъ
Невидимо и тайно зачалась
И наконецъ, при дивномъ предвѣщаньи
Величія и славы, родилась
Въ *твоемъ* лицѣ — самодержавной властью!
Господь *тебѣ* Россіи далъ!... У насъ
Иначе: *мы*, на старостя народной,
Долженствовали выродиться! Мы,
Съ иноплеменной кровію смѣшавшись,
Переродились только для искусствъ,
И межъ собой искусства возродили!

ІОАННЪ.

Каковъ бы ни былъ вашъ народъ—въ *одномъ*
Великомъ мужѣ царственномъ могло бы
Свершиться царства пакибытіе!
Зачѣмъ въ народѣ нѣтъ такого мужа?
Вы отъ сластей и прелестей искусствъ
Изнѣжились; вы жизнь ведете пиромъ
И пѣснями; вы жаждете забавъ
И безпрерывной чувственной хмѣлины!
А тотъ, кто хочетъ царство заложить,
Будь воздоенъ волчицею, какъ Ромулъ!
Движенья сердца узами стѣсни;
Куни трудомъ душевнымъ твердость духа,
Отъ всѣхъ соблазновъ міра отложись,

* См. Исторію Карамзина, томъ V, страница 270, примѣчаніе 286.

И, выстрадавъ суровое величье,
Онъ будетъ грознымъ богомъ для людей!

АРИСТОТЕЛЬ.

Покинулъ насъ орелъ капитолійскій
И прилетѣлъ на сѣверъ, и *тебя*
Пріосѣнилъ великимъ духомъ Римлянъ!
Онъ, мудрымъ устроеніемъ твоимъ,
Въ теченіи вѣковъ, съ кремлевскихъ башень,
Во образѣ двуглавомъ облетитъ
Весь міръ земной побѣдоноснымъ лётомъ:
Ты заложилъ въ Москвѣ *нетленный Римъ!*

ІОАННЪ.

Я заложилъ на вѣчныхъ основаньяхъ
Святое зданье царства моего.
И будетъ мой народъ великъ и вѣченъ!
Но *дорого* мнѣ стоитъ мой народъ!..
Я сердцемъ влекся къ людямъ въ дни младые
И съ ними братски жизнь дѣлить хотѣлъ.
Но, разгадавъ властительскую тайну,
Я сердце скиптромъ царственнымъ пронзилъ,
Уединился въ хладное величье,
Въ неумолимость душу заковалъ,
Обожествилъ особу Вѣнценосца,
Небеснымъ громомъ взоръ вооружилъ,
Вокругъ себя поставилъ страхъ и трепетъ —
И создалъ Русь, и съ твердостью для ней
Пожертвовалъ и братьями родными!
Ахъ! Тяжело въ великихъ мужахъ быть!..

АРИСТОТЕЛЬ.

Прошла година жертвоприношеній!
Теперь ты можешь сердцемъ отдыхать
И о своемъ созданьи веселиться.

ІОАННЪ.

Отечество, быть можетъ, отъ меня
Потребуетъ еще труднѣйшей жертвы!
Я для него готовъ, какъ Авраамъ,
Надъ дѣтищемъ роднымъ свершить закланье!
Но, можетъ быть, Всевышній и меня,
Какъ Патріарха, чудомъ остановитъ!...
Могу съ врагомъ сердечный миръ свести,
Могу простить врагу злоумышленье
На жизнь мою, какъ вѣра мнѣ велитъ;
Но наградить врага моей *Еленой*
И ей обитель вчужѣ сотворить —
Спаси меня, Господь, отъ этой скорби!..

АРИСТОТЕЛЬ.

Ты Богу дай какой-либо обѣтъ,
И эта скорбь должна промчаться мимо
Того, кто столько жертвъ ужъ принесъ!

ІОАННЪ.

Даю обѣтъ: когда моя Елена
Въ Россіи выйдетъ замужъ: отпустить
Тебя въ твою отчизну!.. Аристотель,
Я про себя законоположилъ,
Не отпускать полезныхъ иностранцевъ;
Изъять *тебя*—мнѣ, право, не легко!
Но если будешь окупъ за Елену,
Такъ Богъ съ тобой!—На сердце положи
Мое великокняжеское слово
И тщательно храни отъ языка —
Я смертію казню и за нескромность!
(Уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

АРИСТОТЕЛЬ, *(одинъ.)*

О чемъ давно и думать я не смѣлъ,
То *онъ* теперь въ *обѣтъ* себѣ поставилъ!
Возможно ли? Еще надежда есть
Божественную родину увидѣть!
Италія, Италія! Ужель
Тебя еще мои увидятъ очи!
Княжну Елену выдать поскорѣй
Въ Россіи замужъ!... Кто чета Еленѣ?
Князь Мануилъ Рало! Онъ вмѣстѣ съ ней
Надъ пѣснями Петрарки воздыхаетъ —
Навѣрное Петрарка ихъ слюбилъ!
При всевозможной скромности къ обѣту,

Я сокровенно *действовать* могу.
Уже давно я друженъ съ Мануиломъ;
Мнѣ надобно вывѣдывать любовь,
И выманить сердечное признанье,
Мечтателя тихонько разбудить,
И, вразумивъ въ возможность обладанья,
Къ ногамъ Елены быстро устремить!...
Не онъ ли? Да! Сюда идетъ. Тѣмъ лучше:
Я не подамъ и виду, что хотѣлъ
Его искать!

(*Облокотясь о дерево, погружается въ задумчивость, и внезапно пробуждается, будто отъ прихода Мануила.*)

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПРЕЖНІЙ И МАНУИЛЪ.

МАНУИЛЪ.

Прости меня, maestro!
Я помѣшалъ: ты вѣрно былъ мечтой
Въ Венеціи?

АРИСТОТЕЛЬ.

Съ недавнихъ поръ приходятъ
Иныя думы: мнится, настаетъ
Мой часъ послѣдній... ангелъ мнѣ явился!

МАНУИЛЪ.

Во снѣ?

АРИСТОТЕЛЬ.

Въ яву, и въ образѣ земномъ
Прекрасной дѣвы!

МАНУИЛЪ.

Можетъ ли являться
Въ столь миломъ видѣ мысль о смерти?

АРИСТОТЕЛЬ.

Князь!
Въ твои лѣта красавица иное
Для сердца значитъ! Я давно старикъ,
Далече юность; но и нынѣ могъ бы
Держать бесѣду съ юношей о томъ,
Чѣмъ для меня была моя Сабина!..
Я испыталъ великую любовь....
Святая скорбь всю жизнь мою проникла;
Страдальчески я чувствовалъ въ душѣ,
Что только въ пѣснях чувствуютъ поэты!
Неблагодатна страсть моя была,
И рѣзкой бурей отдѣлила юность
Отъ зрѣлыхъ лѣтъ!... Ты на меня глядишь
Съ сочувствіемъ; ты знаменія страсти
На старости преклонной не искалъ!

МАНУИЛЪ.

Ты юношески чувствовалъ когда-то,
И въ *эти* лѣта чтишь свою любовь!
Въ твоей душѣ понынѣ ходятъ искры
Того огня, чѣмъ вспыхнула душа
На утрѣ дней. Единственный ты старецъ!
Я большаго довѣрья твоего
Желалъ бы быть достойнымъ!

АРИСТОТЕЛЬ.

Сонъ любовный,
Какъ метеоръ чудесный, промелькнулъ..
Я въ жизнь смотрѣлъ глубоко и дознался,
Что потъ труда цѣлительный бальзамъ
Для тайныхъ язвъ. Я предался искусству.
Судьба меня въ Россію привела.
Врача казнили. Страхомъ потрясенный,
Я пожелалъ уѣхать. На меня
Великій Князь взглянулъ тѣмъ гнѣвнымъ взглядомъ,
Что въ обморокъ ввергаетъ женъ. Съ тѣхъ поръ
Меня томила безнадежность. Ангелъ
Явился мнѣ: Княжна *Елена!*...
Князь,
Ты изумленъ! И *я* былъ въ изумленьи,
Когда давно знакомое дитя
Моимъ очамъ предстала дѣвой неба!...
Во мнѣ разсвѣтъ весенній занялся:
Раздоръ душевный, мутныя заботы,
Горячая по родинѣ тоска —
Все растопилось яснымъ, сладкимъ міромъ
Въ моей груди, и кровь моя легка,

Какъ бы эѳиръ, и духъ мой живо тронутъ....
Пророчественный голосъ говоритъ
Въ моей душѣ: «Житейскій путь твой конченъ:
Се воздухъ неба дышитъ на тебя!»

МАНУИЛЪ.

О нѣтъ, тебя обманываетъ старость!
Ты *чувствуешь:* прекрасная Княжна
Плѣнительный предметъ любви послѣдней!

АРИСТОТЕЛЬ.

Скажи мнѣ: что̀ послѣдняя любовь?
Не *смерть* ли! *Мнѣ* Елена ангелъ смерти,
Тебѣ же — ангелъ жизни и любви!
(Молчаніе.)
Ты правъ: она плѣнительная дѣва!
Въ ея кругу волшебномъ ты живешь.
Она *тебя* свѣтло осіяваетъ
Своей красою... *Ты* столь близокъ къ ней,
Что могъ бы слышать тихія движенья
Ея души, и видѣть образъ свой
Въ ея глазахъ и въ солнечномъ зерцалѣ
Ея лица.....

МАНУИЛЪ.

О старецъ! Ты любилъ,
Ты и понынѣ юноша душею!
Прими жъ мое признаніе: люблю
Дитя боговъ!
(Обнимаетъ его.)
Какъ тѣсно было въ сердцѣ
Отъ чувствъ горючихъ! Молнійной стрѣлой
Глаголъ любви изъ устъ моихъ исходитъ,
И легче сердцу! Счастіе мое,
Что я нашелъ тебя!

АРИСТОТЕЛЬ

Ты объяснился
Съ Княжной Еленой?

МАНУИЛЪ.

Ежели она
Мнѣ смотритъ въ душу, то и знаетъ тайну —
Другому же признанью не бывать
Межъ ей и мной!

АРИСТОТЕЛЬ.

Какъ скроменъ Князь изъ дома Палеологовъ!

МАНУИЛЪ.

Безземельный Князь!..
(Молчаніе.)
Зачѣмъ меня смущать? Любовь не пища,
А запахъ розъ!

АРИСТОТЕЛЬ.

Въ *супружествѣ* любовь
Вѣнецъ земнаго счастія пріемлетъ!

МАНУИЛЪ.

Ахъ, за меня ль Елену отдадутъ!

АРИСТОТЕЛЬ.

Какъ не отдать? Ты въ милости великой!
Тебя, какъ сына, держитъ Іоаннъ;
Софія видитъ страсть твою и терпитъ;
Сама Елена смотритъ на тебя
Умильнымъ взоромъ нѣжной голубицы—
Чего ты ждешь? Она твоя, бери!

МАНУИЛЪ.

Возможно ли?

АРИСТОТЕЛЬ.

Весьма!

МАНУИЛЪ.

О вѣщій старецъ,
Благослови тебя Всевышній!

АРИСТОТЕЛЬ.

Князь!
Ты времени не трать, и, если можно,
Сегодня, здѣсь съ Еленой объяснись!

МАНУИЛЪ.

Сегодня? Нѣтъ! Дайвремя, дай обдумать!
Я счастливъ былъ досель; моя любовь
И безъ земныхъ надеждъ была блаженствомъ....

Сорву ли съ древа листъ и посмотрю:
На томъ листѣ рисуется Елена!
Всмотрюся ли въ вечернюю звѣзду:
Звѣзда пріемлетъ милый ликъ Елены!
Забудусь ли среди красотъ весны:
Весна совьется пышною гирляндой
Вкругъ образа Еленина!.. Вездѣ
Мнѣ видѣлся сей ангелъ нѣжнымъ другомъ
Моей души! Нежданно въ грудь мою
Закинулъ ты тревожную надежду...
Судьба моя близка, и я страшусь
Сей близости!... Грядущее безвѣстно!

АРИСТОТЕЛЬ.

Упустишь время; между тѣмъ, Княжна
Быть можетъ по. литическою жертвой:
Литовское посольство ѣдетъ къ намъ!

МАНУИЛЪ.

Миръ заключить!

АРИСТОТЕЛЬ.

Потомъ Елену сватать
За Александра!

МАНУИЛЪ.

Боже мой! Такъ все
Потеряно! Я знаю Государя:
Онъ все приноситъ въ жертву для Руси!

АРИСТОТЕЛЬ.

Онъ могъ бы Ифигеніей своею
Пожертвовать, но съ горестью святой!
Спаси его отъ тягостнаго долга,
Спаси Княжну! Останься здѣсь; она
Сейчасъ сюда прійдетъ обычнымъ кругомъ;
Въ пяти словахъ съ Еленой объяснись
И ей вели отцовскаго согласья
Просить еще сегодня; Государь
Теперь въ такомъ расположеньи духа,
Что не откажетъ дочери ни въ чемъ.

МАНУИЛЪ.

Вотъ тамъ *она* — фата ея мелькаетъ!
Она прійдетъ, я тутъ ея дождусь!
Хранительные духи сей бесѣдки,
Гамадріада тополя ея
Внушаютъ мнѣ восторженную смѣлость.
И мигомъ разрѣшатъ языкъ моимъ,
Отъ полноты досель безмолвнымъ, чувствамъ!
Здѣсь, иль нигдѣ, теперь, иль никогда—
Соединю всю страсть въ глаголъ единый,
И этотъ зажигающій глаголъ
Въ ея младую душу перекину!...
Она идетъ рѣшить мою судьбу;
Она блеститъ веселостію милой,
Благовѣствуя счастье и любовь!...
Она идетъ, не чуя близкой бури
Моей души! Зачѣмъ она душей
Не предугадываетъ близкой бури?...
Какой великій, тягостный моментъ!
Ну, ежели при первомъ смѣломъ словѣ,
Ея безпечно-ясное лице
Подернется грозой неголованья....

АРИСТОТЕЛЬ.

О, не робѣй!

МАНУИЛЪ.

Лишь издали она
Мнѣ равная! Чѣмъ ближе, тѣмъ и выше
Подъемлется въ достоинствѣ... Она,
При каждомъ шагѣ, ярче мнѣ являетъ
Огромное значеніе Руси,
Верховный санъ и дивное величье
Самодержавца Русскаго; а *я*
Изъ Византіи выходецъ несчастный....

АРИСТОТЕЛЬ.

Ты *царской* крови Князь—и, сверхъ того
Любовію Княжны ознаменованъ!

МАНУИЛЪ.

О нѣтъ! Привычка, дѣтская игра
Фантазіи, одна пустая дружба!
Она идетъ; Марія съ ней! Уйду!
Мнѣ не о чемъ съ Еленой объясняться:
Мнѣ ль мѣряться съ властителемъ Литвы!...

АРИСТОТЕЛЬ.

Останься, Князь!

МАНУИЛЪ.

Литовская корона

На головѣ Княжны, а надо мной
Все зданье міра рушится въ обломки!..
(*Уходитъ поспѣшно.*)

АРИСТОТЕЛЬ, (*одинъ.*)

О молодость безумная! Пойду,
Пришлю его къ Еленѣ непремѣнно.
(*Также уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЕЛЕНА И МАРІЯ.

ЕЛЕНА.

Сказала въ шутку матушка моя,
Что, можетъ быть, въ чужбину выйду замужъ;
Среди веселій эта шутка мнѣ
На умъ приходитъ думою немилой.

МАРІЯ.

Должно быть трудно съ родиной своей
Навѣкъ проститься; но въ любезномъ мужѣ
Ты родину и болѣе найдешь,
Чѣмъ въ теремѣ дѣвическомъ оставишь.

ЕЛЕНА.

Знакомъ ли былъ тебѣ твой Симеонъ
До твоего замужства?

МАРІЯ.

На сговорѣ
Я въ первый разъ увидѣла его!

ЕЛЕНА.

Ужели всѣ дѣвицы совершаютъ
Сей важный шагъ съ повязкой на глазахъ?
Твой жребій былъ хорошъ; но будь онъ дуренъ?

МАРІЯ.

Въ дѣвицахъ часто ропщемъ мы на то,
Что насъ въ такомъ затворничествѣ держатъ
Но, знать, постановленіе отцевъ
Основано на опытахъ разумныхъ!
У насъ, въ неволѣ, сердце такъ свѣжо
И просится любить, кого позволятъ,
Лишь бы *любить!* Начнется сватовство;
Одно названье *суженаго* тронетъ
Дѣвичье сердце! Первый поцѣлуй,
Досвадебный обычай, игры, пѣсни,
И плачъ прощальный, и великій мигъ
Благословенья Образомъ – невольно
Того полюбишь, кто причина тѣхъ
Душевныхъ смутъ, и слезъ, и потрясеній,
А торжество вѣнчанья явитъ въ немъ
Поставленнаго Богомъ господина!...
Каковъ бы ни былъ мужъ мой для другихъ,
Въ пирахъ, иль въ Думѣ, иль на ратномъ полѣ —
Онъ будетъ дома *для* меня хорошъ,
Когда молчаньемъ, лаской покорной,
Порядкомъ въ домѣ, нѣжнымъ за дѣтьми
Смотрѣніемъ и скромностію женской
Ему всечасно буду угождать —
И тѣмъ-то всѣ супружества счастливы!

ЕЛЕНА.

И *я* могу покорствовать судьбѣ!
Мнѣ кажется, безъ ропота, безъ страха
Я, для достойной цѣли, жизнь свою
Могла бъ отдать! Могла бы въ наши лѣты,
Когда столь красенъ міръ въ монхъ глазахъ,
Укрыться въ этотъ *черный* саванъ, въ этотъ
Небесный гробъ, что *схимою* зовутъ!
Но *то*, что выше юности и жизни:
Моя *любовь*, я ею не могла бъ
Пожертвовать обычаю мірскому!
Моя любовь покорна лишь себѣ!
Лишь для *любви* храню любви лобзанье
И тихую горячность ласкъ монхъ!
Я расплету дѣвическую косу
Лишь для *того*, кого моей косой
Распущенной хотѣла бы съ восторгомъ
Обвить и крѣпко къ сердцу привязать!..

МАРІЯ.

Иначе ты воспитана; въ дѣвицахъ
Живешь на волѣ; около себя

Людей и свѣтъ и молодцевъ ты видишь;
Инаково и быть должно твое
Понятіе о счастіи въ замужствѣ!
Навѣрное, по сердцу ты уже
Нашла себѣ голубчика, и мимо
Сердечнаго не хочешь никого!

ЕЛЕНА.

Я предъ тобой, сестрица, не имѣю
Душевной тайны.

МАРІЯ.

Знать, тебѣ самой
Еще не внятенъ тихій говоръ сердца;
Но ты не въ шутку сердце распроси
Про Князя Мануила!

ЕЛЕНА.

Слушай правду!
Отъ дѣтскихъ лѣтъ привыкла я къ нему;
Тогда меня игрушками онъ тѣшилъ,
И весело мнѣ было съ нимъ; потомъ
Разсказывалъ мнѣ греческія сказки,
И я любила слушать: наконецъ
Своимъ умомъ и милою душею
Во мнѣ развилъ столь много теплыхъ чувствъ,
И свѣтлыхъ думъ, и радостныхъ познаній,
И сталъ мнѣ дорогъ, словно братъ родной!
Любовь, какъ пишутъ въ книгахъ, мучитъ сердце;
А я была спокойна и рѣзва.
Сегодня эта шутка о замужествѣ
Меня смутила; тотчасъ Мануилъ
Пришелъ на умъ, и сердце содрогнулось!

МАРІЯ.

Такъ сердце вѣсть даетъ, что Мануилъ
Твой суженый!

ЕЛЕНА.

Мой суженый! Быть можетъ;
Я думаю, что *такъ*!

МАРІЯ.

Какъ хорошо,
Когда въ женахъ и ты, сестрица, будешь!

ЕЛЕНА.

Мой Мануилъ сегодня какъ-то дикъ
И насъ съ тобою будто избѣгаетъ.

МАРІЯ.

Богъ вѣдаетъ, что на сердцѣ лежитъ,
Но молодецкомъ? Можетъ статься, горе,
Что къ намъ не смѣетъ сватовъ подослать:
Вѣдь ты такая знатная невѣста,
Что и подумать страшно! Если ты
Себѣ творишь судьбу по волѣ сердца,
Такъ и сама избранника должна
Привѣтствіемъ сердечнымъ обнадежить.
Ты въ добрый часъ къ милому пришатнись
И пріодѣнь его фатой шелковой,
Какъ говорится въ пѣсенкѣ одной.

ЕЛЕНА.

«Полюбила красна дѣвушка»...

МАРІЯ.

Ну, да!

ЯВЛЕНІЕ X.

ПРЕЖНІЯ И МАНУИЛЪ.

МАНУИЛЪ, *(встревоженный.)*

Княжна! Старикъ, Князь Патрикеевъ
Сейчасъ пришелъ сказать, что на рубежъ
Пріѣхало литовское посольство!

ЕЛЕНА.

Такъ что же?

МАРІЯ.

Князь! Ты насъ перепугалъ:
Я думала, съ отцемъ моимъ несчастье
Случилось.

ЕЛЕНА.

Что съ тобою? ты смущенъ!
Какъ могъ пріѣздъословъ тебя встревожить?

МАНУИЛЪ.

Они отъ насъ тебя-то увезутъ

Съ собой въ Литву, невѣстой Александра!...

ЕЛЕНА, (*схвативъ его руку.*)

Ахъ, Мануилъ! Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть!
Я не хочу!

МАНУИЛЪ.

Литовская корона
Тебя прельститъ; уговорятъ тебя,
И ты покинешь насъ неумолимо,
И дневный блескъ отъ насъ возьмешь въ Литву,
И за собою на Москвѣ оставишь
Ужасную египетскую тму?

ЕЛЕНА, (*оглядываясь.*)

Нѣтъ никого! Гдѣ наши?

МАНУИЛЪ.

Аристотель
Ихъ всѣхъ въ теплицы дальнія повелъ.

ЕЛЕНА, (*съ особенною значительностію.*)

А ты поѣдешь ли со мною въ Вильну?

МАНУИЛЪ.

Я умереть пойду въ Ерусалимъ!

ЕЛЕНА, (*съ улыбкою.*)

Не лучше ли обоимъ здѣсь остаться?
(*Приходитъ постепенно въ восторгъ, въ продолженіе слѣдующихъ стиховъ.*)
Плѣнителенъ отечественный міръ!
Въ землѣ родной будь мой вѣнчальный праздникъ!
Счастливое дѣвичество мое
Да отпѣваютъ русскія дѣвицы!
Сюда къ себѣ и ангеловъ съ небесъ
Я будто жду во свадебные гости —
Благословить союзъ сердечный, душъ
Созвучіе святое.... да пріидетъ
Блистательное царствіе любви!
(*Молчаніе.*)
Я изберу сама милаго друга!...
(*напѣвъ*).
«Полюбила красна дѣвушка
Мануила, добраго молодца,
Пріодѣла фатой шелковой, (*пріодѣваетъ его своей фатою.*)
Назвала его дружкомъ миленькимъ!

МАНУИЛЪ.

Елена! Ангелъ Божій!

ЕЛЕНА.

Я твоя!

КОНЕЦЪ 1-го ДѢЙСТВІЯ.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Палата Великой Княгини.

СОФІЯ, (*одна.*)

Я слишкомъ двадцать лѣтъ его жена.
Отъ первыхъ дней супружества донынѣ,
Онъ часто мнѣ не мужъ, а Государь!
Когда со мной разсудитъ совѣщаться,
Тогда легко поставлю на своемъ;
Но если что рѣшилъ онъ самъ собою,
Тогда и сверхъестественная власть
Его желѣзной воли не преклонитъ!
И такъ моей Еленѣ не дѣлить
Литовскаго престола съ Александромъ!
Какъ жаль! А все клонилося къ тому:
Для сватовства пріѣхало посольство!
Какой же есть другой женихъ? Конрадъ,
Князь мазовецкій! Нѣтъ! его корона
Разлуки вѣчной съ дочерью *такой*
Не стоитъ!...

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕЖНІЯ И ЕЛЕНА.

ЕЛЕНА.

Государыня! Я рада,
Что ты одна!

СОФІЯ.

Ты хочешь что-нибудь
Довѣрить мнѣ?

ЕЛЕНА.

Довѣрить, и съ тобой
Поговорить о многомъ!

СОФІЯ.

Говори!

ЕЛЕНА.

Мнѣ хочется поговорить съ тобою,
Какъ съ *матерью*.

СОФІЯ.

Мой другъ! Во мнѣ ты *мать*
Всегда найдешь!

ЕЛЕНА.

Родимая! Ты вѣрно
Замѣтила, что я дней шесть уже
Въ смущеніи, въ душевномъ безпокойствѣ?

СОФІЯ.

Я не люблю допрашиваться тайнъ;
Я твоего довѣрья ожидала.

ЕЛЕНА.

Я покраснѣла; погляди: лице
Горитъ огнемъ; душа моя въ смятеньи;
Языкъ коснѣетъ . . . трудноговорить . . .
Ты, матушка, начни со мною слово!

СОФІЯ.

Я тайнъ твоихъ не знаю.

ЕЛЕНА.

Какъ не знать?
Съ твоимъ умомъ легко бы догадаться,
Что на-сердцѣ у дочери твоей!
Ты на меня глядишь—и взглядъ твой зоркій
Чувствительно доходитъ до души
И тамъ мою развѣдываетъ тайну . . .
И ты сама была въ моихъ лѣтахъ,
Ты знаешь все, а говорить не хочешь!...
Ужели въ правду сватаетъ меня
Литовское посольство?

СОФІЯ.

Заикнулись
О томъ послы; еще заговорятъ.
Легко могло бы дѣло состояться;
Но есть одна помѣха: Государь
На выданье твое не соизволитъ.
А ты сама хотѣла ли бы быть
Великою Княгинею литовской?

ЕЛЕНА.

Не хочетъ мой родитель, не хочу
И я сама!

СОФІЯ.

Но если бъ онъ услышалъ,
Что *ты* былабъ согласна: мы тогда
Его уговорили бъ, можетъ статься.

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, нѣтъ! Я не хочу, я не могу!
Не говори объ этомъ, ради Бога!
Не нуженъ мнѣ Великій Князь Литвы;
Онъ и тебѣ, какъ зять, ненуженъ тоже!
Забудь о немъ! Не ты ли мнѣ сама
Съ младенчества назначила *другаго*...
Я съ нимъ давно слюбилась; мы уже
И объяснились... дай мнѣ *Машула*!..
(*Обнимаетъ ее.*)

СОФІЯ.

Какъ? *Онъ* въ любви тебѣ открылся?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ,—
Онъ не посмѣлъ; а *я* ему открылась!

СОФІЯ.

Такъ своевольно, не спросясь меня?

ЕЛЕНА.

Я увлеклась нечаянно, невольно!
Одинъ восторгъ, одинъ порывъ души
Меня на грудь возлюбленнаго кинулъ
Въ забвеніи!...
Родимая! Ужель
О нашихъ отношеніяхъ взаимныхъ
Не знала ты? Ужели ты досель
Не доброхотствовала нашей страсти?

СОФІЯ.

Я только *умъ* его съ твоимъ умомъ,
Для выгоды твоей, желала сблизить.

ЕЛЕНА.

Ужель за *сердце* дочери своей
Ты не боялась?

СОФІЯ.

Княжеская дѣва
Выходитъ замужъ не по сердцу; блескъ
Супружества для ней замѣна счастья!
Въ возмездіе за то, ей должно быть
Дозволено: въ дѣвическое время
Отпраздновать сердечную весну,
Восчувствовать, любить душею полной,
И развести эдемъ въ своихъ мечтахъ,
И съ ангелами жить, и съ ними пышно
Разыгрывать великую игру
Душевнаго восторга ... словно геній,
Надъ жизнію носиться высоко..
Но часъ пришелъ—и княжеская дѣва,
Какъ бы слезу съ очей, сотретъ съ души
Сей райскій сонъ, навѣкъ умолкнетъ сердцемъ;
Къ существенности важной обратясь,
Свой вѣнценосный жребій твердо пріймет
И отойдетъ во царствіе свое!

ЕЛЕНА.

Ужель такой немилосердый жребій
Ждетъ и меня! повѣдай: вся Литва
И Польша вмѣстѣ—стоятъ ли восторга
Любовныхъ сновъ!... Не стыдно мнѣ любить
Палеолога: у него есть сердце,
Прекраснѣе короны! Есть душа —
Богаче всѣхъ великихъ княжествъ въ мірѣ!
Иль съ *нимъ* дозволь мнѣ жизнь мою дѣлить,
Или, какъ геній смерти, факелъ жизни
Твоей Елены долу обрати!

СОФІЯ.

Умѣрь любви стремительную пылкость
И положись на опытность мою!

ЕЛЕНА.

Я не хочу величія земнаго!
Я у тебя прошу одной любви,
Безъ княжескаго блеска, безъ короны!
Простой вѣнокъ изъ сельскихъ васильковъ
Будь знаменьемъ супружескаго счастья!
Съ сердечнымъ другомъ буду я вездѣ
Царицею *вселенной*: ибо буду
Счастлива! Дай мнѣ быть *счастливой*! Дай
Мнѣ жизнь вести блаженную на свѣтѣ!
Родимая! промолви что—нибудь —
Промолви: *да!*

СОФІЯ.

Ужель за Александромъ
Не быть тебѣ! Ужели Государь...

ЕЛЕНА.

И ты еще не знаешь Государя!
Изъ свѣтлаго, обширнаго ума,
Изъ теплаго, заботливаго сердца
Проистекаютъ помыслы его;
Изъ помысловъ растетъ и крѣпнетъ воля;
Окрѣпнувъ, воля царская тверда
И непреложна, какъ законъ природы!
То счастіе для всѣхъ его людей,
И для меня въ особенности нынѣ!
Воззри на выборъ сердца моего;
Моей любви будь ангелъ-покровитель!
Промолви: *да*—и ты подышишь намъ
Всей прелестью и сладостію неба.

СОФІЯ.

Твой Мануилъ очаровалъ тебя...

ЕЛЕНА *(живо прерывая ее.)*

Мой Мануилъ! Ты назвала его
Моимъ... *(Спѣшитъ къ дверямъ)*
Иди-же, Князь!

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ПРЕЖНІЯ и МАНУИЛЪ.

ЕЛЕНА, *(взявъ его за руку.)*

И на колѣна!
Предъ матерью моей!

ЕЛЕНА И МАНУИЛЪ (*преклонивъ колѣна.*)

Благодаримъ!

СОФІЯ (*поднемля ихъ.*)

Князь Мануилъ! Во многомъ,— признаюся,
Ты былъ полезенъ дочери моей;
Ты въ ней развилъ понятія о многомъ,
Но объ одномъ корыстно ты молчалъ:
О долгѣ лѣвы княжеской: для блеска
Пожертвовать любовью! *Ты* одинъ
Съ успѣхомъ могъ бы ей такую правду
Преподавать! Довѣріе мое
Ты оправдалъ весьма несовершенно!

МАНУИЛЪ.

Монархиня! Я не могу теперь
Но твой упрекъ держать отвѣта: буря
Въ моемъ умѣ и сердцѣ! Не считай
Меня виновнымъ! Если же считаешь,
То соизволь простить!

СОФІЯ

Твой изворотъ
Недуренъ!

МАНУИЛЪ.

Мнѣ ль достоило коснуться
Сего предмета нѣжнаго въ рѣчахъ
Съ твоей Еленой? мигъ мимотекущій
Былъ *нашъ*! О будущности наша мысль
Не думала гадать! Мы веселились,
Какъ дѣти царства Божьяго; на міръ,
Свѣтло глядѣли, какъ на садъ Господень!
Мы разрѣшали важность бытія
Въ простыя ощущенія природы,
Въ живыя мысли, въ радужные сны!
Намъ истины суровыя являлись
Въ игривомъ видѣ геніевъ-дѣтей,
Мечтательно украшенныхъ цвѣтами;
И истина суровѣйшая — смерть —
Была для насъ таинственной Нептой,
Подъ длинной, неподъемлемой фатой,
Скрывающею ликъ красы предвѣчной...
И любопытство наше до фаты
Дотрогивалось съ трепетомъ священнымъ;
Такъ жили мы — и жизнь была красна!
Но вдругъ въ мою пріимчивую душу,
Какъ бы богиня съ горнихъ мѣстъ, низшла
Твоя Елена, пышно за собою
Ведя на землю весь Олимпъ любви!...

ЕЛЕНА

Ты *мнѣ* прости, какъ матерь; *онъ* невиненъ!

СОФІЯ.

Князь Мануилъ! Чѣмъ могъ ты заслужить
Такое счастье?

МАНУИЛЪ.

Лучшая росинка
Порой блеститъ на травкѣ полевой!

ЕЛЕНА.

Ты—полевая травка? Не дозволю,
Чтобъ унижался *тотъ*, кто избранъ мной;
Пріосѣненъ моей фатой дѣвичьей,
Моей рукой ласкательно обвитъ,
Лобзаніемъ моимъ ознаменованъ,
Въ моей душѣ любовью возведенъ
И коронованъ!

(*Обратясь къ матери.*)

Дщерь Палеологовъ!
Не дозволяй и *ты*, чтобъ кровь Царей
Въ потомкѣ Константина унижалась:
Онъ равенъ мнѣ, достоинъ онъ меня!

МАНУИЛЪ.

Монархиня! изволь мнѣ цѣль означить,
Какую хочешь трудную, и дочь
Наградою назначь за достиженье!
Ужель не возмогу *я*, какъ Гаральдъ,
Воинствовать и мужествовать въ чужѣ
И, перекатнымъ громомъ дѣлъ монхъ,
На всѣ четыре стороны вселенной
Вѣсть о себѣ немолчную давать
И, на побѣдной колесницѣ славы
Въ престольный градъ Россіи возвратясь,
Съ красавицею русской обвѣнчаться!...

ЕЛЕНА.

Родимая! ты слышишь звучный гласъ
Души геройской! ликъ твой освѣтился
Благоволеньемъ — обними же насъ
Обоихъ вмѣстѣ!

СОФІЯ.

Другъ мой! съ Государемъ
Поговори о выборѣ твоемъ,
И, если твой отецъ согласенъ будетъ—
Такъ Богъ съ тобой!

ЕЛЕНА.

Мнѣ стоило труда
Тяжелаго: сказать *тебѣ* объ этомъ—
Отцу же мнѣ сказать не можно!

СОФІЯ.

Ты
Любимица его: онъ — можетъ статься—
Скорѣй меня промолвитъ *да!*

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, нѣтъ—
Я не могу: стыдливости румянецъ
Меня сожжетъ! мнѣ разговоръ такой
Съ отцемъ претитъ и дѣвственная совѣсть!
Хотя онъ мой родитель—но онъ *мужъ*—
И мужъ отъ дѣвушки не долженъ слышать
О женскомъ дѣлѣ! Богъ между отцемъ
И дочерью-невѣстою поставилъ
Посредницею *мать!* она — жена—
Свободно можетъ рѣчь вести съ супругомъ
И, помня время дѣтства, лучше всѣхъ
Отца съ дочернимъ чувствомъ ознакомитъ.
Ты, матушка, за насъ поговори:
Тебѣ дано: съ плѣнительнымъ умѣньемъ,
Съ неотразимой силой убѣждать —
Ты въ языкѣ своемъ владѣешь лирой
Орфеевой!

СОФІЯ.

Ласкательница! что
Съ тобою дѣлать!

ЕЛЕНА.

Дай скорѣй услышать
Отраднѣйшую вѣсть! не изберу
Счастливую минуту!

СОФІЯ.

Будь спокойна!
Сегодня же съ отцемъ поговорю.

ЕЛЕНА (*съ восторгомъ обнимая мать*)

Родимая!

МАНУИЛЪ.

Монархиня! прости мнѣ
Блистательное счастіе мое!
Есть у меня завѣтныя поминки
Изъ Греціи: изъ нихъ ты назови
Мнѣ драгоцѣнность лучшую—и брошу
Ее въ пучину водъ, какъ Поликратъ,
Чтобъ примирить съ собою Немезиду!

(Входитъ Ряполовская.)

МАРІЯ.

Отъ Государя стольникъ: Государь
Сейчасъ прійдетъ сюда въ твою палату.

СОФІЯ.

Я жду Его Величества.

(Елена подходитъ къ Ряполовской и тихо разсказываетъ ей о своемъ счастіи. Марія уходитъ.)

СОФІЯ, (*Мануилу*).

Мой сынъ,
Не искушай судьбы!

МАНУИЛЪ.

Твой *сынъ*.... о матерь!

(*Наклоняется лицемъ на ея руку и въ этомъ положеніи пребываетъ нѣсколько времени. Елена цѣлуетъ мать.*)

СОФІЯ.

Теперь идите съ миромъ.

ЕЛЕНА.

Отдаю
Въ твои благотворительныя руки
Мой жребій: будь мнѣ свѣтлымъ божествомъ!

(*Взявъ Мануила за-руку.*)
Князь Мануилъ! пойдемъ въ мою свѣтлицу;
Я и Марію нашу позвала.
(*Уходятъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

СОФІЯ, (*одна.*)

За *милаго* она выходитъ замужъ!
За много лѣтъ тому и у меня
Въ душѣ рвалось подобное желанье....
Въпрекрасный римскій вечеръ, на мосту
Санкт-Анджело, та памятная встрѣча....
(*Молчаніе; лице одушевляется меланхолическою улыбкою.*)
Пусть сбудется на дочери моей,
Въ чемъ было *мнѣ* отказано судьбою —
И сбудется на матери самой!
Почто жъ въ моей душѣ противорѣчье?
Мнѣ жаль Литвы! Я дочь свою могла бъ
Безжалостно отдать за Александра!
Любовь есть *сонъ*, и лучшій сонъ; вѣнецъ
Есть лучшая *существенность* — чтожь лучше?
Люблю мою Елену, но люблю
И свѣтлое величье.....
Государь!
(*Идетъ къ нему на встрѣчу и поклонляется.*)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

Прежняя и Іоаннъ.

ІОАННЪ.

Твой умъ порою былъ мнѣ соправитель:
Я и теперь хочу въ твоемъ умѣ
Держать съ тобою рѣчь и совѣщанье,
Какъ съ мудрой государственной женой!

СОФІЯ.

Мнѣ кажется, ты чѣмъ-то важнымъ занятъ.

ІОАННЪ.

Когда всѣ силы духа моего
Въ живомъ движеньи, помыслы толпятся
И межъ собою спорятъ горячо,
И долго мнѣ неможно этой смуты
Единому *рѣшенью* покорить —
Тогда люблю внимать чужому слову:
Бесѣды ходъ порой, какъ бы шутя,
Распутываетъ умственную трудность,
И невзначай мелькнетъ, при мнѣніи словъ,
Чего съ такимъ упорствомъ и насильемъ
Напрасно умъ искалъ наединѣ.

СОФІЯ.

Я слушаю внимательно.

ІОАННЪ.

Софія!
Мириться ли съ Литвою, или нѣтъ?
Вотъ роковой вопросъ — и разрѣшенье
Послѣдствіями важно для Руси.
Я взвѣшиваю тщательно и строго
Великій случай на вѣсахъ ума;
На сторонѣ моей не мало выгодъ:
Союзники державные, друзья
Въ землѣ врага, надежные стратиги,
Воинственная, опытная рать,
Удачный ходъ войны, казны достатокъ
И долгій навыкъ въ царственныхъ дѣлахъ,
И благодать во всемъ; а напослѣдокъ,
И знаменіе Вѣры, громко къ намъ
Зовущей чадъ своихъ, въ Литвѣ гонимыхъ,
И нѣкогда отторженныхъ отъ насъ! —
На сторонѣ врага боязнь измѣны,
Страхъ имени и счастья моего,
Раздоръ вельможъ, неопытная юность,
Безпечность, слабость духа! Сверхъ того:
Разстроенное войско, недостатокъ
Казны и всякихъ способовъ къ войнѣ!
И такъ вопросъ: воспользоваться ль этимъ,
Воздвигнуться ль побѣдою на все,
Что встарину къ Руси принадлежало —
Иль въ благодати мѣру знать и быть

Довольну важнымъ царства расширеньемъ,
И за собою миромъ утвердить
Всѣ новоприобрѣтенныя земли?

СОФІЯ.

Когда въ свойствѣ съ Литвою не бывать,
То отъ нея себѣ уже присвоить
Что только можно отрубить мечемъ!
Поразгромить Литву и обезсилить,
И подъ рукою крѣпкою держать!
Ерусалимъ Россіи, древній Кіевъ...

ІОАННЪ.

Стяжаніе не легкое, мой другъ!

СОФІЯ.

Но сбыточное въ нынѣшнее время!
Воспользуемся случаемъ благимъ:
Побѣдоносной рати все возможно
При разумѣ и счастіи твоемъ!
Да будетъ рать съ Литвой!.. Твоя Елена
Въ Россіи хочетъ жить и умереть,
И, стало быть, въ Россіи выйти замужъ!
Такъ вотъ пора для ней завоевать
Приличное властительское вѣно!
Межъ царедворцевъ-юношей у насъ
Есть царской крови Князь благонадежный....
Какъ Ярославовъ мужественный зять,
Онъ хочетъ громкой славою героя
Свою *Елисавету* заслужить!

ІОАННЪ.

Князь Мануилъ! Его Елена любитъ?
(*Задумчиво и грустно.*)
Давно я это думалъ— я давно
Предвидѣлъ это! Такъ Елена любитъ—
И горячо должна любить она!

СОФІЯ.

Да, Государь! и непремѣнно замужъ
За Мануила просится.

ІОАННЪ, (*съ сожалѣніемъ.*)

Зачѣмъ
Ты не вчера сказала мнѣ объ этомъ!

СОФІЯ.

Я и сама узнала лишь теперь!
Нечаянно пришла ко мнѣ Елена
И принялась просить; подозвала
И Мануила. Оба, на колѣнахъ,
Ходатайства молили моего
У Государя; *я* долженствовала
Имъ обѣщать согласіе мое,
Когда и ты на это сонзволишь!

ІОАННЪ.

О, если бы *вчера*!

СОФІЯ.

Ты обѣщалъ
Ее *другому*?

ІОАННЪ.

Нѣтъ!.

СОФІЯ.

А для нея
Въ Россіи нѣтъ достойнѣйшаго мужа!
Такъ отъ чего не *нынѣ*, а *вчера*?

ІОАННЪ.

Софія! *ты* могла бы дать имъ слово
И за *меня*! Я бъ долженъ былъ сдержать
Обѣщанное царскою супругой,
Сдержать ненарушимо—я тебѣ
Простилъ бы сей поступокъ самовластный—
Отъ всей души простилъ бы!...

СОФІЯ.

Я тебя
Не понимаю! Если бы и не былъ
Ты Государь, все былъ бы ты *отецъ* —
Отцу рѣшить!

ІОАННЪ.

Законъ несправедливый!
Дочь не отцу,—а матери своей
Страданій горькихъ стоитъ! Мать подъ сердцемъ
Ее питаетъ жизнію своей
И вноситъ въ міръ такъ близко мимо смерти!
Такъ *матери* рѣшить, а не отцу!
Между *вчера* и *нынѣ* только помыслъ,
Мелькнувшій въ часъ безсонницы!... Ужель
Наитіе святое каждый помыслъ?
Несовершенъ и теменъ человѣкъ!

Послѣдую, хоть *разъ*, внушенью *сердца*,
А не ума! Такъ согласилась ты
На бракъ Елены съ Княземъ Мануиломъ?

СОФІЯ.

Нѣтъ лучшаго въ Россіи!

ІОАННЪ.

Говори:
Ты согласилась искренне, душевно?

СОФІЯ.

Когда уже взялася быть за нихъ
Ходатаемъ, то вѣрно согласилась!

ІОАННЪ.

Ты *мать*—и воля матери свята
Передъ супругомъ въ жребіи дочернемъ!
Такъ, въ добрый часъ, во Имя Бога: быть
По *твоему*!

СОФІЯ.

Порадуются дѣти!

ІОАННЪ.

Не должно медлить! Нынѣ будь сговоръ,
Дѣвичникъ завтра, послѣ завтра свадьба!
Отпраздновавъ веселье, о Литвѣ
Поговоримъ. Вели позвать Елену
И Мануила! Мнѣ бы поскорѣй
Ихъ осѣнить своимъ благословеньемъ
И кончить это дѣло навсегда!

СОФІЯ.

Какое жъ ей приданое?

ІОАННЪ.

Богата
Моя казна!

СОФІЯ.

Съ богатою казной,
Въ цвѣтномъ нарядѣ, въ пышныхъ узорочьяхъ
Идетъ и дочь боярская къ вѣнцу;
А для Елены требуется больше!

ІОАННЪ.

Чего жъ?

СОФІЯ.

Нельзя ль ей область удѣлить,
Назвать Великимъ Княжествомъ удѣльнымъ —
Какъ Тверь была, какъ въ наши дни Рязань —
Чтобъ дочь твоя въ коронѣ красовалась!

ІОАННЪ.

Мнѣ ль самому Россію обрывать,
Когда съ такимъ трудомъ неимовѣрнымъ
Я въ тридцать лѣтъ едва устроить могъ
Разрозненныя части во едино!

СОФІЯ.

О нѣтъ, не трогай цѣлости Руси!
Ты отъ Литвы, въ приданое Еленѣ,
Мечемъ Смоленскъ иль Кіевъ удѣли!

ІОАННЪ.

Когда бъ я взялъ и всю Литву и Польшу,
И Грузію, и Крымъ и Ямскій край,—
Я и тогда бы ни единой веси
Не могъ отдать въ особенный удѣлъ!

СОФІЯ.

Надъ симъ удѣломъ *ты* держалъ бы руку
Верховной власти; зять твой долженъ

Голдобникомъ твоимъ порфиророснымъ—
Ничѣмъ инымъ!

ІОАННЪ.

Нѣтъ, ни за что! нѣтъ, нѣтъ!
Повѣрь: изъ этой искры непримѣтно
Развился бъ тотъ же гибельный пожаръ,
Что на Руси свирѣпствовалъ два вѣка.
Софія! *ты* не зрѣла и слѣдовъ
Удѣльнаго въ отечествѣ хозяйства!
А *я*, я видѣлъ ужасы его
Въ страданіяхъ народныхъ и на бѣдномъ
Родителѣ, которому глаза
Желѣзомъ раскаленнымъ выжгли! Самъ я,
Младенецъ шестилѣтній, трепеталъ
Предъ извергомъ Шемякою... донынѣ
Горька объ этомъ память! Дай, Господь,
Чтобы мои державные потомки
Вели мою Россію тѣмъ путемъ,

На коемъ *я* стремлю ее къ величью—
И никогда удѣламъ не бывать!

СОФІЯ.

Какъ Государь всея Руси, ты долженъ
Имѣть въ виду величіе Руси:
Но *я*, какъ мать Елены, *мать*, въ чьи руки
Ты положилъ дочернюю судьбу,
Облзываюсь думать о величьи
Судьбы дочерней: наша дочь теперь
Не можетъ быть за Княземъ Мануиломъ!

ІОАННЪ, (*вздрогнувъ, потомъ съ горькою улыбкою.*)

Тамъ вотъ твое ходатайство!

СОФІЯ.

Ужель
Еленину потомству затеряться
Въ толпѣ простыхъ и бѣдненькихъ Князьковъ!
Дочь Рюрика и греческихъ Державцевъ,
Должна *твоя* блистательная дочь
Имѣть судьбу блистательную въ мірѣ!

ІОАННЪ.

О, если бы *вчера* — она была бъ
Веселою невѣстой Мануила!
А *нынѣ* мнѣ такою рѣчью вновь
На умъ приводишь тотъ державный помыслъ,
Который *я*, по слабости *отца*,
Запамятовать *силился*.... Послушай!
Съ начальныхъ дней княженья моего,
Обыкъ *я*, въ безднѣ собственнаго духа,
Держать о важныхъ случаяхъ совѣтъ,
Разгадывать успѣхъ предположеній;
И вдругъ, бывало, лучъ мелькнетъ во тмѣ,
Расширится въ державственную думу,
И такъ свѣтло становится въ умѣ,
Что свѣтъ такой быть можетъ только свыше!
Повѣріе народа, что Господь
На умъ Царей кладетъ благія мысли,
Святою правдой явлено на мнѣ:
На все, что мнѣ подобнымъ откровеньемъ
Сходило въ душу—смѣло я дерзалъ—
И чудная во всемъ была удача!
Пріѣздъ пословъ меня въ раздумье ввелъ,
Но откровенье долго не мелькало;
И наконецъ вчера, въ полночный часъ,
Меня пріосѣнило свѣтлой думой,
Что мутнымъ чувствомъ двигалось доселѣ:
Не затѣвать войны кровопролитной,
Которой долголѣтность за предѣлъ
Моихъ сочтенныхъ дней должна продлиться;
Но повернѣй вести свои дѣла,
И простереть десницу надъ Литвою,
Подъ власть пріявъ властителя Литвы!
Для этого, Софія, намъ прійдется—
(*Съ тяжелымъ вздохомъ.*)
Пожертвовать Еленою!...

СОФІЯ.

Рѣшился ты? Се мысль твоя отъ Бога!
Ты былъ всегда великій Государь;
Но вотъ твой лучшій, величайшій подвигъ!
Какой залогъ прекраснѣйшихъ надеждъ!
Когда твой умъ строптиваго Гирея
И Молдавана водитъ на цѣпи,
То *зять* въ сыновнемъ будетъ послушаньи—
И непримѣтно можешь ты Литву
Къ конечному готовить покоренью
Подъ русскую державу!

ІОАННЪ.

Вотъ, зачѣмъ
Я и рѣшаюсь!... Мечъ прошелъ сквозь душу
При этой мысли жертвенной.... моя
Елена!... Сердце съ ужасомъ отвергло
Сей помыслъ; умъ въ смятеніе пришелъ;
Я у тебя хотѣлъ искать совѣта,
Но здѣсь опять на мысленный кинжалъ
Наткнулся сердцемъ ... Бѣдная Елена!,

СОФІЯ.

Ты, Государь, въ величіи своемъ
Поборешь грусть свою; но объ Еленѣ
Ты на меня заботу возложи:
Я ублажу ее моей любовью,

Уговорю, утѣшу, приведу
Въ безропотную жребію покорность!

ІОАННЪ.

Да, приведи—чтобъ, ради Бога, мнѣ
Ее не видѣть въ горькомъ сокрушеньи,
Въ слезахъ горючихъ, блѣдную, какъ смерть;
Чтобъ мнѣ не слышать жалобныхъ стенаній
Отъ *той*, чей милый голосъ мнѣ досель
Лелѣялъ слухъ ласкательствомъ дочернимъ!

СОФІЯ.

Я ей скажу, что мнѣ не удалось
Теперь о ней поговорить съ тобою,
И что навряд удастся до тѣхъ поръ,
Пока не кончимъ спорныхъ дѣлъ съ Литвою.
Я понемногу буду обрывать
Ея надежду: быть за Мануиломъ,
И, возбудивъ сомнѣніе въ твоемъ
Согласіи, я ей на видъ поставлю
Любезнаго на тронѣ жениха....
(*Входитъ Кн. Патрикеевъ.*)
По твоему ль наказу Патрикеевъ?...

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПРЕЖНІЕ, И КНЯЗЬ ПАТРИКЕЕВЪ.

ІОАННЪ.

Онъ здѣсь уже?
(*Патрикееву.*)
Ну, скоро, Князь Иванъ,
Ты проводилъ своихъ гостей литовскихъ!

ПАТРИКЕЕВЪ.

Я досыта успѣлъ ихъ покормить
И проводилъ ихъ, слава Богу, пьяныхъ!

ІОАННЪ.

Что говорятъ?

ПАТРИКЕЕВЪ.

На этотъ разъ у нихъ
Нѣтъ хитрости въ засадѣ; и въ хмѣлинѣ
И въ трезвости *одно* на языкѣ:
Давайте сладимъ крѣпкій, вѣчный миръ!
Давно бъ пора намъ—людямъ сопленнымъ—
Быть за-одно, держать между собою
Странноприимство, искреннее братство,
И сватовство и кумовство!

ІОАННЪ.

Опять
О дочери моей заговорили?

ПАТРИКЕЕВЪ.

Да, Государь! Я перебилъ ихъ слово:
«Сперва-то, братцы, *миръ*; потомъ пускай
О сватовствѣ пойдутъ переговоры!»
Кажись, не очень крѣпко постоятъ
За *то*, что мы теперь у нихъ отняли;
А ежели Господь тебѣ на умъ
Положитъ: дочь Великою Княгиней
Литовскою пожаловать—тогда
Не худо бы и области Смоленской
Потребовать не въ шутку: можетъ быть,
Уступятъ, если горячо поспоримъ.
У насъ невѣста, что Царевъ алмазъ,
И дешево продать ее не должно.

ІОАННЪ, (*значительно.*)

Но все-таки *продать!* Ты, Князь Иванъ,
Своей не продалъ дочки; а *мою*-то
Продать хотите!

ПАТРИКЕЕВЪ.

Государь! не *мы*....

СОФІЯ, (*Патрикееву.*)

Не продаютъ Царевенъ, а прилично
Пристраиваютъ! Какъ ты *простъ*, старикъ!

ІОАННЪ.

Оставь его! Старикъ мой правъ—а правда
Всегда проста!... Когда же ты опять
Увидишься съ литовскими послами?

ПАТРИКЕЕВЪ.

У нихъ я завтра буду на пиру.

ІОАННЪ.

Такъ приступи уже къ переговорамъ.

По долгомъ совѣщаніи съ собой,
Я положилъ, внушеніемъ Господнимъ:
Не требовать старинныхъ областей;
Но всѣ мои вопискія стяжанья,
И все, что мнѣ любовно поддалось,
Навѣкъ оставить отчиной моею!
Я ни единой пяди той земли
Не возвращу для мира! Государемъ
Всея Руси Литва меня должна
Именовать! О сыновьяхъ Шемяки
И о другихъ, подобныхъ имъ, Князьяхъ
Держаться силы прежнихъ обязательствъ!
Ты вѣдаешь всѣ прочія статьи
На счетъ обидъ взаимныхъ и торговли,
И пропуска пословъ, и всѣхъ людей;
Что мы изъ чуждыхъ странъ пріемлемъ въ службу.
На этой волѣ жалую Литвѣ
Надежный миръ — и дозволяю сватать
Мою Елену! Тамъ опять пойдетъ
Иная рѣчь о греческомъ законѣ.

ПАТРИКЕЕВЪ.

Они еще желаютъ, чтобъ твое
Величество ихъ помирилъ съ Гиреемъ
И со Стефаномъ.

ІОАННЪ.

Отповѣдь имъ дать,
Что могутъ сами вѣдаться и съ Ханомъ,
И съ Господаремъ!

СОФІЯ.

Ты легко бы могъ
Ихъ помирить!

ІОАННЪ.

Я не хочу! Какъ скоро
Зять согрубитъ, иль ради нашей Вѣры—
Обидитъ дочь, то пригодятся намъ
Мои ручные волки!

СОФІЯ.

Если Ольгердъ —
Язычникъ—былъ почтителенъ къ своей
Супругѣ русской; ею въ Христіанство
Былъ обращенъ и схиму воспріялъ —
То наша дочь ужели не съумѣетъ
Любезностью и силою ума
Въ любви держать воспитаннаго мужа,
И сладить дружбу крѣпкую межъ нимъ,
И межъ отцемъ и Вѣрой православной!

ІОАННЪ.

Желать не надо лучше! Но, межъ тѣмъ,
Себѣ оставить средство: сладить страхомъ,
Когда уже любовью не возьмешь!
Такъ не мирить Литвы съ Менгли-Гиреемъ
И со Стефаномъ!

ПАТРИКЕЕВЪ.

Слушаю!

ІОАННЪ.

Иди!
(*Патрикеевъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ ПАТРИКЕЕВА

ІОАННЪ.

Софія! Ты насильственной печалью
Подернула свой ликъ: въ твоихъ очахъ
Я вижу отблескъ радости душевной.

СОФІЯ.

Супружество блистательное есть
И для Царевны счастіе большое;
Но жаль разстаться съ дочерью своей!
Печаль и радость, въ материнскомъ сердцѣ,
Суть равносильны, въ случаѣ такомъ,
И дружески, вліяніемъ взаимнымъ,
Между собою вѣдаются, такъ,
Что можно бы сказать: печальна радость,
А радостна печаль!

ІОАННЪ

Ахъ, это словъ
Игра пустая! Трогательнѣй было бъ,
Когда бы ты, безъ всякаго на блескъ
Воззрѣнія, во жребіи дочернемъ

Душей держалась темной стороны!
Ей предстоятъ страдальческія скорби:
Она должна пожертвовать своимъ
Сердечнымъ другомъ, это значитъ: сердце
Свое сперва разбить она должна—
Ей будетъ больно, черезмѣрно больно!
Потомъ она покинетъ край родной,
И насъ-то всѣхъ, съ увѣренностью страшной,
Что намъ ужъ нѣтъ свиданья на землѣ—
Должно быть трудно, черезмѣрно трудно!
И наконецъ, въ краю чужомъ, вдали
Отъ всякаго участья, какъ голубка,
Закинутая бурей за моря,
Въ станицу хищныхъ птицъ, она вотъ скуетъ
Свою чистой, русскою душей —
Должно быть грустно ей, до смерти грустно!..

СОФІЯ.

По опыту я знаю, Государь,
Что родина супруга очень скоро
Становится и родиной жены!
Мнѣ жаль моей Елены! Но я знаю:
Она себя найдетъ въ своей душѣ,
Въ своемъ вѣнцѣ, на Ольгердовомъ тронѣ!

ІОАННЪ.

Нѣтъ, ты не знаешь дочери своей!
Повѣрь: она съ безчувственностью мертвой
На томъ престолѣ будетъ возсѣдать,
Какъ эта португальская Княгиня,
Подъятая изъ гроба для вѣнца,
Для почестей и пышныхъ поклоненій!
(*Молчаніе.*)
Еще она *моя*! Она еще
Не отдана! Послы еще, быть можетъ,
За области поспорятъ, захотятъ
Какой-нибудь уступки... нѣтъ, не будетъ!
И если въ *три* дни не подписанъ миръ,
Какой хочу, тогда, клянуся Богомъ,
Великолѣпно на четвертый день
Помолвлю дочь за Князя Мануила!..,
(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII

СОФІЯ. ПОТОМЪ АРИСТОТЕЛЬ.

СОФІЯ.

Какъ можно въ *три* дни? Боже мой!
(*Входитъ Аристотель.*)
Синьоръ!
Чего тебѣ?

АРИСТОТЕЛЬ.

Сегодня понедѣльникъ,
День чтенія.

СОФІЯ.

Ахъ, да!

АРИСТОТЕЛЬ.

Я получилъ
Черезъословъ литовскихъ изъ Феррары
Прекрасные сонеты одного
Поэта молодаго, Аріоста;
Въ немъ такъ и брызжетъ даръ!

СОФІЯ.

Черезъословъ!
Ты былъ у нихъ?

АРИСТОТЕЛЬ.

Нѣтъ, не былъ.

СОФІЯ.

А ты будешь?

АРИСТОТЕЛЬ.

Не знаю, можно ль?

СОФІЯ.

Можно! Побывай,
И непремѣнно завтра, предъ обѣдомъ!
Ты можешь намъ полезенъ быть: тебя,
Безъ всякаго сомнѣнія, распросятъ
О средствахъ государственныхъ къ войнѣ;
Тебѣ повѣрятъ, свѣдущему мужу!
Ты настращайословъ и убѣди
Принять скорѣй условія, какія
Имъ завтра же предложитъ Князь Иванъ;
Ты имъ клянись, что споры безполезны;
Что Государь сбирается отнять

У нихъ все то, что прежде было наше,
Когда въ *два дня* не сладятъ мировой!

АРИСТОТЕЛЬ.

Въ *два дня* !

СОФІЯ.

Что дѣлать! Времени немного,
Но Государь такъ хочетъ! Норови,
Чтобъ согласились въ *два* дня, ради Бога!
Мнѣ это нужно, очень нужно! Ты
Не спрашивай, зачѣмъ? Узнаешь послѣ!
Какъ думаешь: успѣешь ли, синьоръ!

АРИСТОТЕЛЬ.

Я постараюсь!

СОФІЯ.

Нынѣ не до чтенья:
Я занята, я къ дочери пойду!
Ахъ, ты меня обяжешь чрезвычайно,
Если успѣешь, а за мной твое
Не пропадетъ стараніе! Я знаю,
Чего ты хочешь:
(*понижая голосъ.*)
Выпрошу тебѣ
Желаемую милость!
(*громче.*)
Будь увѣренъ!
(*Уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

АРИСТОТЕЛЬ, (*одинъ.*)

Догадываюсь, для чего тебѣ
Столь нуженъ *миръ!* Но, видно, Государю
Не очень нуженъ! Началась игра
Моей затѣи ... Слово Іоанна
Вѣрнѣй твоихъ двусмысленныхъ рѣчей!
Сама ты входъ къ посламъ мнѣ разрѣшила ...
Такъ отъ меня теперь зависитъ все, —
Я властелинъ событій на минуту:
Судьбу двухъ царствъ и жребій двухъ сердецъ,
И собственной судьбы своей развязку —
Все въ этотъ мигъ я долженъ разыграть,
Я буду смѣло дѣйствовать! ... Софія!
Я улечу за Альпы ... а за мной,
Какъ градъ, твои посыплются проклятья!

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ,

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната въ литовскомъ подворьи.

ЛИТОВСКІЕ ВЕЛИКІЕ ПОСЛЫ: ПЕТРЪ БѢЛЫЙ И СТАНИСЛАВЪ ГАСТОЛЬДЪ.

ПЕТРЪ.

Уладимъ ли съ упрямымъ старикомъ?
Мнѣ кажется, напрасно будутъ споры —
Не возвратятъ захваченныхъ земель!
Намъ остается рѣзкая дилемма:
Иль миръ безъ пихъ, или война за нихъ!

СТАНИСЛАВЪ.

Панъ воевода! Мы теперь не можемъ
Сложить полы одежды и сказать,
Какъ Римлянинъ въ Сенатѣ карѳагенскомъ:
«Вотъ *миръ*, и вотъ *война*! Что нужно вамъ?»

ПЕТРЪ.

И намъ отвѣтятъ также: «Сами дайте,
Что *вамъ* угодно!»

СТАНИСЛАВЪ.

Честь тогда велитъ
Сказать: *войну*! И это слово нынѣ
Сгубило бы Литву! Ты знаешь самъ,
Какъ ненадежно наше положенье!
Республика оборванный корабль
Горація: нѣтъ цѣлаго вѣтрила,
И нѣтъ для насъ спасительныхъ боговъ
Въ кровавомъ морѣ ратныхъ треволненій!

ПЕТРЪ.

Ты правъ: Литва растрепанный корабль,
И кормчій нашъ неопытенъ и молодъ!
Но жалко будетъ миромъ уступить
Прекрасныя черниговскія земли!

СТАНИСЛАВЪ.

Что дѣлать: намъ нельзя ихъ воротить
Оружіемъ—мы больше потеряемъ!
Теперь лишь миромъ можемъ мы спасти
Всю прочую литовскую Россію,
Колеблемую ревніемъ къ Москвѣ.

ПЕТРЪ.

Не страшно ли? У насъ въ такой свободѣ
Блаженствуютъ удѣльные Князья;
А между тѣмъ охотно поддаются
Тому, кто всѣмъ удѣламъ смертный врагъ;
Кто обобралъ и сродниковъ и братьевъ,
И только хочетъ властвовать одинъ!

СТАНИСЛАВЪ.

Свобода, въ *нашемъ* смыслѣ, есть пустая
Теорія! Всегда держался міръ
И держится практическаго чувства!
Въ живомъ сознаньи немощи своей,
Сиротствуетъ природа человѣка
И подъ защиту *сильнаго* идетъ,
На коемъ блещетъ знаменье величья!
Блистательный, великій Іоаннъ
Въ своей рукѣ могущественной держитъ
Восточной церкви славную хоругвь,
Своихъ единовѣрцевъ призывая,
Которыхъ митрополія *Москва*!
И всѣ Князья Владимірова рода,
Невольно всѣ единовѣрцы въ немъ
Семейственнаго видятъ Патріарха,
Въ великолѣпной глоріи побѣдъ,
И мудрости, и счастія и славы!
Родное чувство ихъ влечетъ къ сопамъ
Могучаго Монарха!

ПЕТРЪ.

Развѣ миромъ
Удержишь ихъ? При Казимірѣ былъ
Съ Москвою миръ, а Государь Московскій
Ихъ принималъ въ подданство!

СТАНИСЛАВЪ.

Мы его
Обяжемъ договорною статьею:
Впредь не чинить такого намъ вреда.
Мы вступимъ съ нимъ въ родство! Уженли съ зятемъ
Не будетъ онъ иначе поступать,
Какъ поступалъ съ покойнымъ Казиміромъ?
Онъ, говорятъ, чрезмѣрно любитъ дочь;
Ея обидѣть не захочетъ въ мужѣ;
Ненарушимо держитъ онъ досель
Честное братство съ Ханомъ, съ Государемъ!
Ты будь увѣренъ, что никто отъ насъ
Не перейдетъ къ нему, когда межъ тестемъ
И зятемъ будетъ крѣпкая пріязнь.

ПЕТРЪ.

Послушай: къ намъ пріѣдетъ Фіоравенти.
Онъ двадцать лѣтъ въ Москвѣ, и при Дворѣ;
Бывалъ въ походахъ ратныхъ; знать онъ долженъ
На сквозь Россію. Умный человѣкъ,
И съ духомъ наблюдательнымъ. Не Русскій,
Онъ будетъ безпристрастенъ. Онъ бы могъ
Намъ сообщить полезнѣйшія вѣсти,
По коимъ намъ вѣрнѣй бы разрѣшить
Тяжелую задачу объ уступкѣ.
Онъ сносится съ Италіей чрезъ насъ—
Онъ отплатитъ намъ долженъ этой службой!

СТАНИСЛАВЪ.

Онъ прежде здѣсь въ подворьи не бывалъ,
Не смѣлъ имѣть прямыхъ съ Литвой сношеній,
Когда пріѣдетъ сегодня, то какъ тварь
Московскаго Правительства, и будетъ
О грозномъ русскомъ войскѣ говорить.
И безъ него довольно вѣрно знаемъ,
Что Іоаннъ теперь сильнѣе насъ.

ПЕТРЪ.

Мы съ первыхъ словъ узнаемъ, отъ себя ли,
Отъ Іоанна ль будетъ говорить?

Когда его любовно обласкаемъ,
То кое-что, по совѣсти прямой,
Повыспросимъ: онъ добрый Итальянецъ!

СТАНИСЛАВЪ.

Ты думаешь, что можно задарить
Художника такого?

ПЕТРЪ.

Можно, братецъ!
Не золотомъ, а *лестью*!...
Вотъ онъ здѣсь!

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕЖНІЕ И АРИСТОТЕЛЬ.

АРИСТОТЕЛЬ.

Имѣю честь представиться: я зодчій
Фіоравенти.

СТАНИСЛАВЪ.

Здравствуйте, синьоръ!
Мы не хотѣли было вѣрить счастью
И рѣдкой чести видѣть *васъ*!

ПЕТРЪ, (*даетъ ему руку.*)

Добро
Пожаловать! Какъ хорошо ты сдѣлалъ,
Что на себя даешь хоть посмотрѣть!
О, какъ давно тебя желалъ я видѣть!
Повсюду слава красная твоя,
Какъ божество блистательное ходитъ;
А самъ на край вселенной отошелъ
Великій мужъ пятнадцатаго вѣка!
Позволь себя обнять!
(*Обнимаетъ и цѣлуетъ его.*)
Въ моемъ лицѣ
Привѣтствуетъ тебя народъ сарматскій!

СТАНИСЛАВЪ.

И здѣсь, въ Оулесскомъ царствѣ, вы въ чести
И въ милости! Ничѣмъ не могъ бы гешій
Свидѣтельствовать лучше о своемъ
Богоподобномъ первенствѣ на свѣтѣ!

АРИСТОТЕЛЬ.

Позвольте васъ сперва благодарить
За вещи, мнѣ доставленныя вами...

ПЕТРЪ.

Синьоръ! Какая проза! Мы тобой
Приведены въ восторгъ, во вдохновенье;
Оставь въ покоѣ мелочь бытія!

АРИСТОТЕЛЬ.

Я здѣсь живу, какъ бы въ тюрьмѣ пространной;
А эта мелочь—милое окно,
Въ которое гляжу на свѣтъ прекрасный!

ПЕТРЪ.

Да, ты лишенъ прямаго сообщенья
Съ Европою, и рѣдкая къ тебѣ
Доходитъ вѣсть о свѣтѣ. Мы готовы
Тебѣ служить!

СТАНИСЛАВЪ.

Вы свѣтите, синьоръ,
Такъ ярко свѣтомъ собственнымъ, что вами
И Троглодитовъ подземельный логъ
Преобратился бъ въ свѣтлый храмъ искусства;
И, если бъ въ васъ затмился *этотъ* свѣтъ,
То вы сіяли бъ милостью Державца!

АРИСТОТЕЛЬ.

Я здѣсь совсѣмъ отвыкъ отъ свѣтскихъ формъ,
И трудно мнѣ условленнымъ нарѣчьемъ
На свѣтскую учтивость отвѣчать.
У насъ языкъ простой, чистосердечный—
Мы не ведемъ правительственныхъ дѣлъ!

ПЕТРЪ.

Политикой мы сносимся, по долгу,
Съ намѣстникомъ московскимъ; но съ тобой—
И съ цѣлымъ свѣтомъ—мы прямые люди!

Ты въ милости—и стоишь ты того!
Но вотъ, что худо: держитъ противъ воли!

АРИСТОТЕЛЬ.

Москвѣ я нуженъ: вотъ и милость вся—
Вотъ и зачѣмъ отъ службы не уволятъ!

СТАНИСЛАВЪ.

Быть можетъ, васъ съ Великою Княжной
Отпустятъ къ намъ: мы сватаемъ Елену.

ПЕТРЪ.

А если не дойдетъ до сватовства,
То есть, когда не можемъ сладить мира;
Тогда, синьоръ, мы встрѣтимся съ тобой
На ратномъ полѣ. Ты громить насъ будешь
Снарядомъ огнестрѣльнымъ; если насъ
Убьешь, что дѣлать, напередъпрощаемъ!
Возьмешь ли насъ въ полонъ Московскій—будь
Ходатаемъ за насъ у Іоанна!
Но ежели судьба отдастъ тебя
Въ Литовскій плѣнъ, то мы съ тобой поѣдемъ,
Въ Венецію ,и будемъ пировать
Въ твоемъ дворцѣ и пѣть: Nunc est bibendum!

АРИСТОТЕЛЬ.

Я къ вамъ въ полонъ никакъ не попадусь —
И вамъ добра желаю въ ратномъ дѣлѣ!

ПЕТРЪ.

Ужель твоя художничья душа
Не просится въ родимый край искусства?

АРИСТОТЕЛЬ.

Я рвусь душей на родину свою,
Но не пойду отсель путемъ безчестнымъ!

ПЕТРЪ.

У генія чистѣйшая душа!
Намъ жаль тебя: въ глуши гиперборейской
Сиротствуетъ всемірный гражданинъ!
Ученый свѣтъ лишенъ тебя; ты долженъ
Хоть чѣмъ-нибудь вознаградить его.
Россія нѣкій новый міръ безвѣстный;
Европа проситъ свѣдѣній объ ней;
А мы—хоть и сосѣди—но воюемъ
Между собой ужъ нѣсколько вѣковъ,
И знаемъ только ратный мечъ Россіи!
Не стоило и спрашивать объ ней,
Когда она была улусъ татарскій;
Ее недавно создалъ Іоаннъ.
Посолъ, иль путешественникъ, не можетъ
Имѣть вѣстей подробныхъ обо всемъ.
Ты могъ бы любопытнѣйшую книгу
Объ этомъ государствѣ написать!
Не самъ ли ты механикой своею
Изъ старой оси вывихнулъ его,
Не требуя, подобно Архимеду,
Клочка земли, отдѣльно отъ земли!

АРИСТОТЕЛЬ.

Я иногда объ этой книгѣ думалъ —
Нѣтъ времени покуда!

ПЕТРЪ.

Между тѣмъ,
Хоть на словахъ, ты могъ бы добрымъ людямъ
То передать, чего ученый свѣтъ
Ждетъ отъ тебя. Въ Европѣ есть идея:
На исламизмъ возстать и за Босфоръ
Отбить Турковъ. Государь Московскій
Палеологовъ сродникъ, долженъ быть
Агамемнономъ сей войны, и первый
Подвинуть рать! Вотъ, почему Москва
Для всѣхъ предметъ живаго любопытства—
А ты молчишь!

АРИСТОТЕЛЬ.

Великій Іоаннъ
Свое уже исполнилъ назначенье,
И отъ трудовъ усталъ! Пора побѣды
Еще далече! Организмъ Россіи
Сперва окрѣпнуть долженъ; рать должна

Устроиться иначе: что за войско,
Когда никоимъ образомъ нельзя
И годъ одинъ держать его во сборѣ?
Походъ крестовый дѣтская мечта!
Москва съ *Литвой* еще не можетъ спорить
О Кіевѣ, и черезъ двѣсти лѣтъ
Еще не сможетъ! Пять иль шесть удѣловъ
Изъятою отпали отъ Литвы —
И *это ли* доказываетъ силу
Московскую?

ПЕТРЪ.

Мы ихъ возьмемъ назадъ:
Иль мирнымъ договоромъ, иль войною!

АРИСТОТЕЛЬ, (*понизилъ голосъ.*)

Вы ихъ возьмете *спором*ъ, здѣсь въ Москвѣ,
Когда угодно будетъ—хоть недѣлю
Съ Намѣстникомъ Московскимъ толковать!

СТАНИСЛАВЪ.

По Іоаннъ своихъ завоеваній
Не уступалъ донынѣ, и теперь,
Безъ крайности, конечно, не уступитъ!

АРИСТОТЕЛЬ.

Онъ съ *виду* тотъ же все: когда велитъ,
То грянетъ въ строй распущенное войско,
И крымскій коршунъ быстро налетитъ,
И молдаванскій левъ взъерошитъ гриву!
Но разсмотрите ближе: Іоаннъ
Не *тотъ* уже! Его послушный коршунъ
Въ своемъ гнѣздѣ не силенъ, и глядитъ
Съ болзнію на Кафу, да хлопочетъ
О дружескомъ убѣжищѣ въ Москвѣ!
А молдаванскій левъ, въ борьбѣ съ Султаномъ,
Себѣ ужъ выгрызъ зубы, и ничѣмъ
Не можетъ быть союзнику полезенъ,
Какъ только *ревом*ъ! Это все еще
Не главное. Въ любимомъ старшемъ сынѣ
Упалъ въ могилу несозрѣвшій плодъ
Трудовъ отцовскихъ: Государь великій
И полководецъ, страшный для Литвы—
Россійскій *Цесарь* умеръ въ немъ!.. Родитель
Въ своей семьѣ не видитъ никого,
Кому бы завѣщать свое величье,
И медлитъ назначеніемъ себѣ
Преемника. Законнѣйшій наслѣдникъ
Безспорно есть Димитрій, внукъ его;
Но хитрая Гречанка, безъ сомнѣнья,
Престолъ доставить сыну своему!
Затѣялись различныя интриги
Обѣихъ сильныхъ партій; перевѣсъ
На сторонѣ любимой Молдаванки!
Димитрія желаетъ весь народъ —
Такъ смутамъ быть по смерти Іоанна!
Онъ это видитъ ясно — и въ Литвѣ,
Чрезъ дочь свою Елену, ищетъ друга—
Поборника для сына своего.
По этому, *я* думаю, впервые
Уступитъ онъ стяжаніе меча!

ПЕТРЪ.

Ты правъ! Твой взглядъ глубокъ, оригиналенъ!
Ты истинно великій дипломатъ!
Напишешь ты *классическую* книгу
О княжествѣ московскомъ!

АРИСТОТЕЛЬ.

Продолжись
Война съ Литвой, то выгода сначала
Была бы на московской сторонѣ:
Литовская Россія пострадала бъ!
Но Іоаннъ, какъ умный Государь,
Для краткаго, неважнаго успѣха
Не вовлечетъ земли своей въ войну,
Въ великую борьбу на жизнь и на-смерть!
Откуль возьмутся средства? Іоаннъ
Одинъ и старъ! Стефанъ и хитрый Крымецъ
Не захотѣли бъ, если бъ и могли,
Участвовать въ войнѣ, успѣхъ которой
Съ излишествомъ возвысилъ бы Москву;
А *четверо*-то юныхъ Ягеллоновъ,
На четырехъ престолахъ.... напади
На одного изъ нихъ *завоеватель*—
Они забудутъ шалости любви
И юности, взалкаютъ славы прѣдковъ
И будутъ всѣ *единый человѣкъ*
Въ священномъ дѣлѣ братства и отчизны,

И княжества московскаго столбы
Въ порывахъ изступленья опрокинутъ!

ПЕТРЪ.

Опять ты правъ, и даже въ этомъ правъ,
Что съ граціями рѣзво шутитъ Альбертъ!

АРИСТОТЕЛЬ.

Я васъ прошу покорно объ одномъ:
Чтобъ Князь Иванъ отнюдь недогадался,
О чемъ была бесѣда мѣжду насъ!
Его встрѣчайте изъявленьемъ вашей
Готовности: поладить поскорѣй;
Упомяните даже объ уступкѣ,
Держите пиръ веселый—а потомъ,
И по немногу, то, что вамъ угодно!
Нехорошо, когда хоть что-нибудь
Припишутъ *мнѣ*!

ПЕТРЪ.

Извѣстно ль Государю,
Что ты у насъ?

АРИСТОТЕЛЬ.

О нѣтъ! и онъ навряд
Позволилъ бы! Одна Софія знаетъ
И выписать велѣла кое-что
Изъ-за границы. Будьте осторожны:
Вы можете сгубить меня *однимъ*
Двусмысленнымъ словечкомъ!

ПЕТРЪ.

Осторожность
Намъ за привычку: мы послы! Синьоръ,
Не безпокойся!

АРИСТОТЕЛЬ.

Мнѣ пора!

ПЕТРЪ.

Спасибо
За честь знакомства личнаго съ тобой,
И за твою *пріятную* бесѣду! (*Даетъ ему руку.*)

СТАНИСЛАВЪ, (*также даетъ ему руку.*)

Я вѣчно буду помнить этотъ день,
Когда со мной бесѣдовалъ великій
Чинквечентистъ!

АРИСТОТЕЛЬ.

Благодарю за честь!
(*Уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ АРИСТОТЕЛЯ.

ПЕТРЪ.

Ну, Станиславъ! Что скажешь? Отгадалъ ли?
Подосланъ ли maestro насъ пугать
Могуществомъ Россіи?

СТАНИСЛАВЪ.

Кто бъ подумалъ!
Я удивленъ; ума не приложу:
Что побудить могло Фіоравенти,
Держать *такія* съ нами рѣчи!

ПЕТРЪ.

Лесть,
Повѣрь мнѣ, *лесть* одна! Давно я знаю
Художниковъ: хотя у нихъ душа
И спрятана въ чугунную темницу
Данаиду—разсыпься золотымъ
Надъ ней дождемъ искусной, тонкой лести—
И дѣвственная плѣнница сейчасъ
Тебѣ отверзетъ душу и объятья!
Каковъ maestro? Право, молодецъ!
Онъ совершенно съ новой точки зрѣнья
Намъ показалъ посольскія дѣла!
Онъ ободрилъ меня; онъ спасъ удѣлы
Литовскіе: теперь ихъ отстоимъ!

СТАНИСЛАВЪ.

Онъ показалъ Россію въ свѣтѣ слишкомъ
Невыгодномъ; пристрастенъ онъ къ Литвѣ!
Но важное онъ сдѣлалъ намъ открытье
Въ самомъ семействѣ Іоанна... Вотъ,
Что истина, и что Литвѣ поможетъ!

ПЕТРЪ.

Такъ рѣшено, товарищъ! Мы Москвѣ
Ни одного удѣла не уступимъ?

СТАНИСЛАВЪ.

Сдается мнѣ, непскрепъ нашъ спиьоръ
И къ намъ пришелъ съ намѣреньемъ нечистымъ,
Невѣдомо, съ *какимъ*? но что-то есть
Несхожее съ простымъ чистосердечьемъ.
Не для того ли хочетъ онъ войны,
Чтобы бѣжать удобнѣе, пробраться
Въ Италію свою? Мы не должны
Имѣть къ нему довѣріе слѣпое.

ПЕТРЪ.

Ты мнителенъ чрезмѣрно!

СТАНИСЛАВЪ.

Ты чрезчуръ
Довѣрчивъ! Лучше кончить поскорѣе,
И взять съ собой Московскую Княжну,
И для нея одинъ иль два удѣла —
Когда нельзя иначе—уступить!

ПЕТРЪ.

Одинъ удѣлъ, пожалуй, но не больше!
Я слышу шумъ на улицѣ.
(*Идетъ къ окну.*)
Иди,
Смотри: съ какой великолѣпной свитой
Въ подворіе въѣзжаетъ старый Князь!
Его должно встрѣчать съ великой честью!
Поди, пріими его въ сѣняхъ; а я
На встрѣчу вамъ, въ дверяхъ сего покоя,
По званію старѣйшаго посла.
(*Станиславъ уходитъ.*)
Ужель хитритъ maestro?
(*Молчаніе.*)
Быть не можетъ:
На это нѣтъ причины никакой!...

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Прежній. Князь Патрикеевъ; за нимъ Станиславъ и часть свиты Князя.

ПАТРИКЕЕВЪ.

Богъ помочь вамъ, великіе послы!

ПЕТРЪ.

Съ тобой на вѣкъ пребудь милость Бога
И милость Государя твоего!

ПАТРИКЕЕВЪ.

За красное привѣтственное слово
Благодаримъ!

СТАНИСЛАВЪ.

Почтенный Князь! изволь
Пожаловать во смежную палату —
Тамъ болѣе прохладъ, да пиръ готовъ!

ПАТРИКЕЕВЪ.

Мы вѣдаться успѣемъ съхлѣбомъ-солью;
Не худо бы сперва потолковать
О нашемъ дѣлѣ!

ПЕТРЪ.

Мы не прочь отъ дѣла,
Когда за нимъ пріѣхали сюда;
Но вотъ помѣха, Князь: желудокъ тощій
Не ладитъ съ дѣломъ!

ПАТРИКЕЕВЪ.

Лучше было бъ намъ
За пиръ садиться съ доброю надеждой:
Обоимъ Государямъ угодить,
И впереди богатыя пирушки
И праздники родства воображать!
Пустыхъ, обычныхъ словъ теперь не надо;
Не нуженъ намъ ни Кіевъ, ни Смоленскъ!
Условья мира до-чиста и съ-разу
Я вамъ скажу—и съ-разу по рукамъ!

ПЕТРЪ.

Пустыхъ, обычныхъ словъ и намъ не надо;
Не нуженъ намъ ни Новгородъ, ни Псковъ;
И, ежели условья сообразны
Хоть кое-какъ съ достоинствомъ Литвы —
То по рукамъ—и миръ на многи лѣта!

ПАТРИКЕЕВЪ.

Чѣмъ *нынѣ* всякъ владѣетъ, то и будь
Ему навѣки собственность святая —
И непреложенъ новой будь рубежъ!

ПЕТРЪ.

Пора къ столу, всповельможный старецъ!
Ты Ольгерда праправнукъ; мы послы
Литовскіе—навѣрнос уладимъ!
Литва и Русь въ тебѣ уже слились
И, напослѣдокъ, въ насъ во всѣхъ сольются.
Начнемъ заздравнымъ кубкомъ!

ПАТРИКЕЕВЪ.

Такъ и быть!
(*Всѣ уходятъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

Палата въ Кремлевскомъ Дворцѣ. Велико Княжеское сѣдалище на возвышенномъ мѣстѣ, богато убранное, подъ балдахиномъ.

Елена и Марія.

ЕЛЕНА.

Ужель, въ такую долгую бесѣду,
Не удавалось матушкѣ моей
Схватить одну удобную минуту,
Чтобъ десять словъ промолвить обо мнѣ!
О чемъ же говорила съ Государемъ?
Три цѣлыхъ дня велѣла подождать!
Изъ нихъ прошелъ одинъ-то, слава Богу!
Второй идетъ—но скоро ли пройдетъ?
А третій день—когда еще настанетъ!
Къ несчастію, и матушка въ дурномъ
Расположеньи духа и не любитъ
Со мной о Мануилѣ говорить.
Что Мануилъ ей сдѣлалъ? и давно ли
Она сама соединила насъ
И Мануила *сыномъ* называла?

МАРІЯ.

Сдается мнѣ, что матушка къ тебѣ
Неискренна: Литвина хочетъ въ зяти
И, можетъ статься, съ Государемъ рѣчь
О немъ вела, и неуспѣхъ ей горекъ!

ЕЛЕНА.

Не трогай дѣтской вѣры въ *мать!* Она
Родная мать мол—и не могла бы
Въ подобный мигъ торжественный меня
Обманывать! Она жъ не отпиралась
Въ пристрастіи къ Литвину! Жалко мнѣ,
Что матушка нерадостна; быть можетъ,
Ей Государь немилое сказалъ...
Хочу идти къ нему и на колѣнахъ
Его молить, чтобъ матери моей
Онъ возвратилъ веселіе и радость!

МАРІЯ.

Нѣтъ, не ходи: на свадьбѣ на твоей
Развеселится, вмѣстѣ съ нами! Слушай:
Когда своихъ родителей теперь
Въ согласіе сведешь, то будетъ худо
Для Мануила, для тебя самой:
Богъ знаетъ, что затѣется съ послами,
Окромѣ мира!

ЕЛЕНА.

Матушка сама
Сказала мнѣ, что Государь и слышать
Не хочетъ о литовскомъ сватовствѣ.

МАРІЯ.

Дай только время ей—она съумѣетъ
Уговорить супруга своего;
Причины государственныя могутъ
Способствовать желанію ея....
Такъ не ходи бѣду себѣ накликать!

ЕЛЕНА

Ты развѣ знаешь что нибудь?

МАРІЯ.

О нѣтъ;
Но у меня заговорило сердце
Такимъ понятнымъ, гласнымъ языкомъ,
Какъ человѣкъ!

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

Прежнія и Князь Патрикеевъ.

ЕЛЕНА.

Вотъ твой отецъ!
(*Патрикееву.*)
Ты нынѣ
Въ подворіи литовскомъ, у пословъ,

Обѣдалъ. Рѣчь навѣрное о мирѣ
У васъ зашла: что говорятъ они?

ПАТРИКЕЕВЪ.

Ужъ эти мнѣ послы! Сначала дѣло
Пошло было на ладъ, и рѣчь велась,
Какъ слѣдуетъ. Я думалъ, тутъ же кончимъ
И выпьемъ чашу мирную; по врагъ
Попуталъ! Слово за-слово—и вышло
На чистую повѣрку, что хотятъ
Всѣхъ областей Черниговскихъ. Я плюнулъ
И шапку взялъ; а Станиславъ меня
Удерживалъ и всячески метался,
И языкомъ, что мельницей, мололъ—
А толку было мало: согласились
Одинъ удѣлъ за нами утвердить!
Тутъ я махнулъ рукой и вышелъ въ двери;
Кричатъ вослѣдъ: «Бояринъ! воротись—
Хоть кончить съ нами миръ!» Но я уѣхалъ
Домой; мой гнѣвъ сильнѣе былъ меня!

ЕЛЕНА.

Что Государь сказалъ при этой вѣсти?

ПАТРИКЕЕВЪ.

Забилось сердце крѣпко у меня,
Какъ подходить я сталъ къ его порогу:
Я подавалъ надежду сладить миръ
На всѣхъ завоеваньяхъ, безъ изъятья.
Перекрестясь, вошелъ я, разсказалъ:
Вотъ такъ и такъ! А Государь ни сколько
Не разсердился! Молча до конца
Все выслушать изволилъ и примолвилъ:
«Знать, Богу такъ угодно!» и велѣлъ
Отрѣзать всѣ сношенія съ послами
И поскорѣй ихъ выслать изъ Москвы.
Они, въ отвѣтъ, тотчасъ меня просили
Возобновить сношенья. Не хочу.
Теперь они желаютъ Государю
Откланиваться. Какъ мнѣ быть? такой
Хотя и есть посольственный обычай,
Но можно ли докладывать о тѣхъ,
Кому уже указанъ путь обратный—
Или не можно—вѣдаетъ Господь!
Настаиваютъ, просятъ, нѣтъ отбоя!

МАРІЯ.

Наказано посламъ уѣхать: такъ нельзя
Докладывать: ты можешь впасть въ немилость?

ЕЛЕНА.

Не состоялся миръ; но для чего
Отказывать посламъ въ чести обычной!
Когда *тебѣ* не хочется идти —
Такъ *я* пойду!

ПАТРИКЕЕВЪ.

Ахъ, сдѣлай милость!

МАРІЯ (*Еленѣ.*)

Что ты!

ПАТРИКЕЕВЪ (*Маріи.*)

А ты что?

МАРІЯ.

Ей не ловко хлопотать
За этихъ-тоословъ: она дѣвица!
Пускай они уѣдутъ поскорѣй—
Мой Симеонъ такъ радъ войнѣ съ Литвою!

ЕЛЕНА.

Ужель могла бъ *я миръ* возстановить?
Вообрази большое поле брани!
Рѣшилась битва; тысячи лежатъ
Въ своей крови, изрубленныхъ, увѣчныхъ....
Другіе вопятъ, стонутъ и хрипятъ,
Отчаянно съ грядущей смертью споря...
Вся это *я* могла бъ предупредить—
И эти жертвы брани были бъ живы,
И матери имѣли бъ сыновей,
Мужей имѣли бъ плачущія вдовы—
И *мнѣ* ль нейти, со страха за себя!
(*Смотритъ на Марію.*)
На Господа кладу свою надежду....
Что суждено, *то* будетъ: *я* иду!...
(*Уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПРЕЖНІЕ, кромѣ ЕЛЕНЫ.

ПАТРИКЕЕВЪ.

Я радъ, что могъ избавиться такого
Опаснаго доклада! Что съ тобой?

МАРІЯ.

Я жду ея.....

ПАТРИКЕЕВЪ.

Кому-то будетъ милость?
Ты не слыхала ль отъ нея, кому?

МАРІЯ.

Нѣтъ, ничего не знаю: что̀ такое?

ПАТРИКЕЕВЪ.

Вотъ, здѣсь, въ палатѣ, будетъ торжество,
И велѣно собраться всѣмъ боярамъ;
Окромѣ насъ, и Аристотель званъ,
И Князь Рало. Большая будетъ милость:
Готовятъ шубу, съ золотомъ атласъ,
На горностаяхъ; саблю дорогую,
Всю въ жемчугахъ, на золотой цѣпи;
Алмазный крестъ и остроги златыя....
Пожалуютъ кого-то, посвятятъ
Въ *Золотоносцы*!

МАРІЯ.

И никто не знаетъ,
Кого?

ПАТРИКЕЕВЪ.

Никто! рѣшительно никто!

МАРІЯ.

Кого нибудь ужъ вѣрно именуетъ
Гаданіе бояръ?

ПАТРИКЕЕВЪ.

Что тутъ гадать
И голову ломать: сейчасъ узнаемъ!
Пора бы собираться господамъ.

МАРІЯ.

Вотъ и Елена!

ПАТРИКЕЕВЪ.

Скоро воротилась!

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Прежніе и Елена.

ЕЛЕНА, (*весело Маріи.*)

Все хорошо—и очень хорошо!
(*Патрикееву.*)
Обычнымъ чиномъ Государь не можетъ
Принять пословъ; но, ежели хотятъ
Быть за-просто, въ числѣ бояръ, то могутъ
Сейчасъ явиться съ ними ко Двору,
Поклонъ прощальный справить Государю.

ПАТРИКЕЕВЪ.

Такъ надобно дать знать имъ поскорѣй!
(*Уходитъ.*)

МАРІЯ.

Ты говоришь: все хорошо! не вижу
Хорошаго ни сколько! Ахъ, послы!

ЕЛЕНА.

Пойдемъ, я разскажу тебѣ: все чудо,
Какъ хорошо! (*Хотятъ идти.*)

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ПРЕЖНІЯ И КНЯЗЬ МАНУИЛЪ.

МАНУИЛЪ.

Елена!

ЕЛЕНА.

Мануилъ

МАНУИЛЪ.

Ты радостно сіяешь, словно роза
На вешнемъ солнцѣ! Молви: что съ тобой?

ЕЛЕНА.

Я веселюсь въ душѣ великолѣпной
Надеждою—я у отца была!

МАНУИЛЪ.

Онъ знаетъ?

ЕЛЕНА.

Надо думать, что онъ знаетъ;
Одушевленный глазъ его горѣлъ
Такимъ прекраснымъ, чуднымъ выраженьемъ!
Онъ у меня взялъ руку и пожалъ;
Онъ улыбнулся—и въ его улыбкѣ
Проглянула святая благодать!
Меня ласкалъ онъ часто, но донынѣ
Отъ нѣжности отцевской на меня

Не вѣяло такимъ благословеньемъ!
Безмолвнымъ, безсловеснымъ языкомъ
Онъ про *тебя* бесѣдовалъ со мною,
Такъ явственно, какъ будто на словахъ!
Онъ знаетъ—онъ согласенъ!

МАНУИЛЪ.

Ангелъ-дѣва!
Доныне человѣческая грудь
Въ себѣ такого счастья не вмѣщала,
Какимъ *моя* полна; она могла бъ
Обогатить весь миръ своимъ блаженствомъ!
Я на тебя гляжу—на всей землѣ
Тебѣ подобной не было, не будетъ!.....
Ты въ красотѣ небесной предо мной—
Какъ небожитель въ свѣтломъ одѣяньи,
Въ лучеобразномъ вѣнчикѣ своемъ!...

ЕЛЕНА.

О нѣтъ! не что иное я, какъ только
Твоя *любовь*—и не желаю быть
Ничѣмъ иным!...
А намъ пора, Марія!
(*Уходитъ съ Маріею.*)

=

ЯВЛЕНІЕ X.

ПРЕЖНІЙ, АРИСТОТЕЛЬ, ПОТОМЪ БОЯРЕ.

МАНУИЛЪ.

Maestro! всѣмъ обязанъ я *тебѣ*!

АРИСТОТЕЛЬ.

Мы, кажется, выигрываемъ дѣло!
Ты не видалъ Софіи съ той поры,
Какъ былъ у ней съ Еленой?

МАНУИЛЪ.

Нѣтъ, не видѣлъ:
Она не въ духѣ что-то, иль больна.

АРИСТОТЕЛЬ.

Да, на меня немножко негодуетъ.

МАНУИЛЪ.

а что?

АРИСТОТЕЛЬ.

Да такъ! Я дурно ей читалъ
Бокаціо!

МАНУИЛЪ.

Ты шутишь!

АРИСТОТЕЛЬ.

Послѣ завтра
Тебѣ я все подробно разскажу.
Ты не слыхалъ, кто будетъ кавалеромъ
Златыхъ острогъ?

МАНУИЛЪ.

Не знаю, не спросилъ,
И до *того* ли мнѣ! ...
Вотъ и бояре!
(*Бояре собираются на задней сценѣ.*)

АРИСТОТЕЛЬ.

Какъ шелъ сюда, я слышалъ, что посламъ
Дозволено откланиваться нынѣ,
Но за-просто, въ числѣ бояръ!

МАНУИЛЪ.

Ужель
Имъ надобно такого униженья
Ихъ званія? Ужель прійдутъ?

АРИСТОТЕЛЬ.

Какъ знать!

МАНУИЛЪ.

Не думаю!

АРИСТОТЕЛЬ.

Вотъ, идутъ! отстранимся!

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

Прежніе и послы. Они учтиво поклоняются боярамъ, изъ коихъ немногіе отвѣчаютъ небрежнымъ наклоненіемъ головы. Къ нимъ никто не подходитъ.

ПЕТРЪ.

Какой пріемъ со стороны бояръ!

СТАНИСЛАВЪ.

Вотъ, какъ желаютъ мира!... Это явно,
Что мы вдались въ обманъ, что насъ провелъ

Фіоравенти!

ПЕТРЪ.

Можно ли поправить
Досадную ошибку, завязать
Переговоры?

СТАНИСЛАВЪ.

Надо постараться!
Увидимъ, *какъ* насъ пріметъ Государь!
(*Подходитъ къ нимъ Аристотель*)

СТАНИСЛАВЪ.

Maestro! ваши умозаключенья
Ошибочны!

АРИСТОТЕЛЬ.

Я знаю свой предметъ
Получше васъ!...
(*Понижая голосъ.*)
Великою ошибкой
Считаю *то*, что *вы* пришли *сюда!*
Иль вы пришли откланиваться *гордо?*
Московскіе послы догонятъ васъ
И перегонятъ, на дорогѣ въ Вильну....
Тогда поймете правду словъ моихъ!
(*Отходитъ къ боярамъ на заднюю сцену.*)

ПЕТРЪ.

Не вѣрится, а хочется повѣрить!

СТАНИСЛАВЪ.

Онъ насъ уже однажды обманулъ:
Ему теперь ни въ чемъ не должно вѣрить—
Онъ просто плутъ!

ПЕТРЪ.

Не все ль равно ему:
Война иль миръ? Ему какая польза?

СТАНИСЛАВЪ.

Я говорю: онъ Іоанна тварь!
Войны желаетъ Государь Московскій—
И, для благаго вида одного,
Предъ свѣтомъ, предъ Стефаномъ и Гиреемъ,
Показывалъ готовность къ миру. Онъ
Сбирается на насъ войной великой—
А мы—ты знаешь!

ПЕТРЪ.

Знаю! Но посмотримъ,
Какъ пріметъ насъ—и *это* все рѣшитъ.

ПАТРИКЕЕВЪ.

Бояре, становитесь по порядку!
(*Они становятся полукругомъ по обѣимъ сторонамъ Великокняжескаго сѣдалища. Аристотель и Мануилъ крайніе, по правую руку.*)

ПЕТРЪ.

Гдѣ намъ стоять?

ПАТРИКЕЕВЪ.

Пожалуйте сюда!
(*Ставитъ ихъ крайними по лѣвую руку.*)
Пришлося ладно: Русскіе въ серединѣ,
А по два иностранца по краямъ!
(*Глубокое молчаніе.*)

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

Іоаннъ, въ горностаевой мантіи, въ шапкѣ съ собольею опушкою и коронообразнымъ верхомъ, становится посреди собранія. Всѣ кланяются низко.

ІОАННЪ.

Богъ помочь вамъ, любезные бояре!
(*Всѣ опять кланяются.*)
Я, Божіею милостью, держу
Ужъ слишкомъ тридцать лѣтъ державный скипетръ,
И Богъ досель благословлялъ меня
Великими успѣхами и счастьемъ,
И ревностною службою бояръ—
Я васъ благодарю, мои бояре!
(*Бояре кланяются.*)
На старости Господь мнѣ указалъ
Славнѣйшій трудъ! Не хочетъ миръ державный
На рубежѣ, между Литвы и насъ,
Свою поставить скинію святую!

Намъ ратный Богъ велитъ стяжать мечемъ
Завѣтную отчизну нашихъ предковъ —
Война съ Литвой!... На Кіевъ и Смоленскъ
Воздвигнемся всеобщимъ ополченьемъ —
За насъ Господь, зане возьмемъ *свое*,
А не чужое! Русь мы возстановимъ
Въ первообразной цѣлости ея!
Что ни возьмемъ, все это *Русь*, родное
Отечество! — Въ литовскихъ областяхъ
Родные храмы разверзаютъ двери,
Для нашихъ благодарственныхъ молебствій
Всевышнему за Русскія побѣды!
Родные братья, подъ чужимъ ярмомъ,
Отъ насъ, во имя нашихъ предковъ, просятъ
Старинной русской власти надъ собой.
Идемъ освободить несчастныхъ братьевъ,
Побратски съ ними Русскій міръ держать,
Блистательный отечественный праздникъ —
Вы Русь уже прославили.... еще
Прославьте!

ПАТРИКЕЕВЪ.

Отче Государь! Во имя
Твое прославимъ Русь!

БОЯРЕ.

Прославимъ!

ІОЛИНЪ.

Честь
Святой Руси и на землѣ и въ вышнихъ!
(*Молчаніе.*)
Между родныхъ отечества сыновъ,
Въ соборѣ вашемъ зрится иностранецъ,
Достойный вашихъ хвалъ и хвалъ моихъ,
За долгую и памятную службу.
Его честить хотѣлъ я — и позвалъ
Въ почтенный кругъ боярскій!... Аристотель!
Ты заслужилъ почетъ — и для того
Скажу при всѣхъ боярахъ: ты достоинъ
Быть *Русскимъ!*

(*Аристотель низко кланяется.*)

Старый, ревностный слуга!
Прійдетъ пора, когда ты насъ оставишь —
И мы тебя, на проводахъ, еще
Пожалуемъ поминомъ заслуженнымъ;
Въ своей землѣ свидѣтельствуй о насъ!

АРИСТОТЕЛЬ.

И тамъ себя считать я буду *вашимъ*
И славу проповѣдывать твою!

ІОЛИНЪ.

Князь Манулъ! ты младъ еще лѣтами,
Но ты уже въ посольственныхъ дѣлахъ
И на войнѣ большія службы справилъ:
Ты проявлялъ въ посольствахъ зрѣлый умъ,
А на войнѣ познаніе и доблесть!
Моей хвалой я умъ твой награждалъ,
А мужество твое ознаменую
Великимъ знакомъ милости моей —
Я жалую тебя въ *Золотоносцы!*
Давайте!

(*Стольники подносятъ вышеозначенные аттрибуты.*)

Привинтите остроги!

(*Привинчиваютъ Манулу шпоры.*)

Навѣсьте саблю!

(*Навѣшиваютъ ему черезъ плечо цѣпь съ саблею.*)

Вотъ теперь ты рыцарь!
Надѣньте крестъ алмазный!

(*Исполняется.*)

Вотъ, теперь
Ты крестоносный рыцарь Русскій!

(*Стольникамъ.*)

Шубу!

(*Надѣваютъ ему горностаевую мантію.*)

Князь Манулъ, мой сродникъ по женѣ!
Я здравствую тебя на знатномъ чинѣ
Золотоносца! Мѣсто я тебѣ
Въ войскахъ моихъ великое назначу...
Въ семъ облаченьи, милостью моей,
Какъ яркими лучами осіяномъ,
Передъ полками Русскими, во мглѣ
И въ дымѣ сѣчь, гори звѣздой побѣды!

Звѣздою Виѳлеемскою явись
Надъ Кіевомъ — и царствіе другаго
Въ Израилѣ Царя ознаменуй!...

МАНУИЛЪ.

Я въ милости твоей преображаюсь....
Какъ вдохновенье жаркое, лежитъ
На раменахъ моихъ сія одежда!
Подъ симъ крестомъ волнуется въ груди
Божественный восторгъ! Прикосновенье
Сего меча въ мою десницу льетъ
Кипучею струею мощь и крѣпость!
Душа моя горитъ, какъ купина,
Пылающимъ явленьемъ бога брани!..

ІОАННЪ.

Явъ юношѣ люблю живой восторгъ —
Онъ громкія дѣла благовѣствуетъ.

МАНУИЛЪ.

Я въ живости восторга позабылъ
Благодарить Подателя восторга —
(*Преклоняя колѣно предъ Іоанномъ.*)
Благодарю!

ІОАННЪ.

Младый герой! возстань —
И преклони Литву передо мною!

МАНУИЛЪ, (*вставъ.*)

Ты побѣдишь, великій Государь!
Вокругъ твоихъ хоругвей крестоносныхъ
Слетаться будетъ ангеловъ соборъ —
И огненнымъ столбомъ святая Сила
Проложитъ путь къ стяжаніямъ святымъ!

ІОАННЪ.

Да будетъ съ нами ратный Богъ!

ВСѢ, (*кромѣ пословъ.*)

Да будетъ!

ІОАННЪ, (*садясь.*)

Князь Патрикеевъ! Именемъ моимъ
Вели посламъ откланиваться.

ПАТРИКЕЕВЪ.

Паны!
Извольте къ Государю подойдти!
(*Бояре подаются назадъ; послы подходятъ и кланяются.*)

ІОАННЪ.

И такъ не быть пріязни между нами!
Скажите Государю своему,
Что я иду на васъ войной великой —
Чтобы онъ былъ готовъ меня принять!

ПЕТРЪ.

Судьбу войны вручаемъ богу брани!

СТАНИСЛАВЪ.

Когда межъ нами долгая война
Подъемлется, и нѣтъ надежды скоро
Опять въ твоей столицѣ побывать —
То мы еще желали бъ, предъ отъѣздомъ,
Свое благоговѣнье изъявлять
Женѣ знатнѣйшей, первой въ мірѣ сановъ!
Благоволи сподобить насъ: склонить,
По рыцарскимъ обычаямъ, колѣна,
Предъ дочерію греческихъ Царей!

ПЕТРЪ.

Мы женскій полъ колѣнопреклоненьемъ
Честить обыкли; къ дочери Царей
Благоговѣть подавно подобаетъ:
И такъ ты намъ дозволь, о Государь,
Предстать твоей супругѣ Августѣйшей?
(*Лице Іоанна выражаетъ душевную борьбу.*)

ІОАННЪ.

Когда моя супруга пріиметъ васъ —
То я на эту честь соизволяю!
(*Встаетъ и уходитъ.*)
(*Бояре въ движеніи.*)

АРИСТОТЕЛЬ, (*про себя.*)

Какая хитрость!...
(*Мануилу.*)
Князь! Не хорошо
Для насъ! Она ихъ *пріиметъ*... Что-то будетъ!...
(*Мануилъ такъ пораженъ словами Аристотеля, что не замѣчаетъ поздравленія бояръ, тѣснящихся вокругъ него.*)

КОНЕЦЪ III-го ДѢЙСТВІЯ.

ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Палата Великой Княгини. Софія, въ сопровожденіи блестящей свиты, которая отходитъ на заднюю сцену. Аристотель становится отдѣльно и ближе. Послы, вводимые Патрикеевымъ, преклоняютъ предъ Государынею колѣна и тотчасъ встаютъ.

СОФІЯ.

Вполнѣ цѣню, ве. ликіе послы,
Вашъ утонченный рыцарскій обычай:
Мнѣ истинно пріятно видѣть васъ!

ПЕТРЪ.

Мы въ непремѣнный долгъ себѣ вмѣнили:
Справлять предъ славной дщерію Царей
Колѣнопреклоненье всей Европы!

СТАНИСЛАВЪ.

Монархиня! не только свѣтлый родъ
Палеологовъ, но и *личность* ваша,
Молва о вашемъ выспреннемъ умѣ —
Склоняетъ міръ къ стопамъ жены великой!

СОФІЯ.

Вы съ рыцарскимъ обрядомъ, господа,
И рыцарскій языкъ соединили!
Я для Европы, въ юности моей,
Была предметомъ *любопытства*: гибель
Моей земли, геройственная смерть
Послѣдняго владыки Византіи
И знаменитость рода моего —
Влекли ко мнѣ всемірное участье,
И говорили люди обо мнѣ!
Но я давно исчезла для Европы
Въ супружествѣ, въ семейственномъ быту,
Въ кругу моихъ безвѣстныхъ міру дѣйствій!

ПЕТРЪ.

Вы не исчезли: міръ считаетъ васъ
Великой соправительницей мужа!

СТАНИСЛАВЪ.

Вы не могли исчезнуть! Съ высоты
Святаго Рима, яркой авреолой,
Вы въ новое отечество неслись,
Въ сопровожденьи всѣхъ художествъ юга!
Съ живымъ участьемъ вслѣдъ Европа вамъ
Вослѣдъ смотрѣла; ваше восхожденье
На дальній сѣверъ, разливая свѣтъ
По сумрачной Московіи, открыло
Очамъ людей великій, новый міръ,
Гдѣ многое манило любопытство.
Какъ мощный замокъ, скрытой темнотой,
Выходитъ вдругъ нуружу въ лунномъ свѣтѣ —
Явился Кремль и, на стѣнахъ Кремля,
Высокій кедръ — московскій Самодержецъ—
И кедра верхъ торжественнымъ вѣнцемъ
Прекрасная покрыла авреола
И вѣчнымъ блескомъ свѣтитъ во весь міръ!
Монархиня! мы не успѣли въ дѣлѣ
Посольственномъ; но предъ лицемъ Литвы
Мы похвалиться можемъ *тѣмъ*, что съ Вашимъ
Величествомъ имѣли рѣчь, чего
Не сподоблялись прежнія посольства;
И ради этой чести да простятъ
Намъ неудачу въ нашихъ порученьяхъ.

СОФІЯ.

Какъ женщинѣ, мнѣ крайне жаль, что миръ
Не состоялся! Миръ стихія женщинъ,
Святое слово жизни, свѣтлый ключъ
Всѣхъ благъ земныхъ и царственнаго счастья!
Мысль о войнѣ прискорбна и тяжка,
И, сверхъ того, мы рѣдко понимаемъ
Необходимость горестнаго зла!

СТАНИСЛАВЪ.

О, сколько правды въ чисто женскомъ чувствѣ,
И какъ невѣренъ гордый умъ мужчинъ!

ПЕТРЪ.

Да, если бы, въ мужскихъ переговорахъ,
Прекрасный женскій голосъ иногда

Могъ раздаваться—войнъ бы меньше было!

СТАНИСЛАВЪ.

Въ особенности голосъ *той* жены,
Которая, пося по праву имя
Премудрости, для мужа своего
Есть лучшая совѣтница на тронѣ,
А для Руси счастливая судьба!

СОФІЯ.

Когда вліянье женщинъ такъ полезно,—
Зачѣмъ съ собой вы не взяли супругъ?
Я и мои боярыни, быть можетъ,
Устроили бы съ ними вѣчный миръ!

ПЕТРЪ.

Мы не шутя объ этомъ сожалѣемъ,
Тѣмъ болѣе, что нашъ другой наказъ,
Какъ увѣряютъ, женское есть дѣло!
На мирѣ мы хотѣли основать
И двухъ особъ двухъ народовъ счастье—
Нейдетъ!

СТАНИСЛАВЪ.

Вчера присутствовали мы
На торжествѣ весьма необычайномъ:
Какъ Адріанъ, московскій Государь
Себѣ избралъ любимца Антиноя!
Золотоносцу юному открытъ
Блестящій путь не только къ высшей чести,
Но и къ такому *счастію*, въ какомъ
И Вѣнценосцы избранному будутъ
Завидовать....

СОФІЯ.

Лишь Адріанъ могъ быть
На тронѣ страстнымъ другомъ неумѣстно!
Не человѣкъ единый—весь народъ
Есть Антиной Властителя Россіи!
Онъ никогда любимцевъ не имѣлъ.
Здѣсь, при Дворѣ, обычай стародавній:
Дарить за службу платья. Князь Ралѣ
Сподобился еще острогъ и сабли,
Какъ иностранный рыцарь. Можетъ быть,
Со временемъ получитъ и боярство,
Когда съумѣетъ въ милости пребыть;
Но счастія другаго, Вѣнценосцамъ
Завиднаго, не знаю, никогда
И быть не можетъ!

СТАНИСЛАВЪ.

Въ этотъ разъ такъ скоро
Пресѣклась рѣчь о мирѣ, будто бъ мы
Еще не начинали разсужденій,
А только нынѣ думаемъ начать.

ПЕТРЪ.

И не было еще переговоровъ,
Былъ за столомъ лишь дружественный споръ —
И кончилось непачатое дѣло!
А, впрочемъ, быть иначе не могло,
Когда Москва завоеваній жаждетъ.

СОФІЯ.

Хоть здѣсь не мѣсто, хоть теперь уже
Не время разсуждать о семъ предметѣ,
Но я желала бъ васъ спросить: ужель
Вините пасъ въ незаключеный миръ?
Обычай дружный, коимъ начались
Переговоры наши, отчужденье
Старинныхъ формъ тяжелыхъ, путь прямой
Къ желанной цѣли, требованій скромность—
Доказываютъ, съ нашей стороны,
Не горестную страсть къ завоеваньямъ,
Но добрую готовность къ миру. Мы
Вамъ возвратить своихъ земель не можемъ;
Удерживаемъ собственность—и вотъ
Единая препона примиренью...
Такъ не Москва несетъ вину войны!

СТАНИСЛАВЪ.

Рѣчь объ уступкахъ минула такъ скоро,
Что нѣкогда намъ было уступить,
Въ соображенье взять условья мира!

ПЕТРЪ.

Могли ли бъ мы предъ Сеймомъ отвѣчать
Когда бы на великія уступки
Мы согласились съ разу, въ торопяхъ?
При заключеньи мира разсуждаютъ,

Доказываютъ, спорятъ горячо,
И медленно хаосъ противорѣчій
Приводится въ порядокъ, въ мудрый чинъ
Народныхъ благъ и обоюдныхъ выгодъ.
Мы уступали вамъ одинъ удѣлъ;
Мы постепенно, въ продолженье споровъ,
Сближались бы въ условьяхъ; наконецъ
Съ послѣднихъ словъ сошлись бы вѣроятно.

СОФІЯ.

Не странно ли? съ обѣихъ со сторонъ
Желанье мира—а война тѣснится
Между народовъ!

СТАНИСЛАВЪ.

Лишь бы завязать
Переговоры—миръ еще возможенъ!

ПЕТРЪ.

Литва народъ воинственный; войнѣ
Обязанъ онъ могуществомъ и славой!
Но нашъ властитель юный возлюбилъ
Московію; въ сердечномъ съ ней союзѣ,
Онъ для себя и для земли своей
Какихъ-то благъ прекрасныхъ ожидаетъ...
Мы любимъ Государя своего;
Мы съ искреннею радостью готовы
Творить ему угодное во всемъ,
Что не противно пользамъ государства.

СТАНИСЛАВЪ.

Онъ юноша съ мечтательнымъ умомъ,
Поклонникъ музъ и другъ богинь звуковъ!
Съ возвышеннымъ пристрастьемъ любитъ онъ
Классическую Грецію; душею
Боготворитъ завѣщанную намъ
Послѣднюю изящную эмблемму
Всѣхъ эллинскихъ красотъ и совершенствъ—
Васъ, Государыня! Вы для него
Аѳина нашихъ дней! Благоговѣйно
Онъ жертвуетъ на вашемъ алтарѣ.
Есть у него вашъ образъ живописный,
Съ васъ снятый въ Римѣ....

СОФІЯ.

Въ юности моей!

СТАНИСЛАВЪ

И этотъ образъ дышитъ вдохновеньемъ
Чувствительному юношѣ; молва
Приноситъ вѣсть, что этотъ дивный образъ
Живетъ донынѣ въ той же красотѣ—
Что сами вы съ себя, путемъ природы,
Свой ликъ *живой* списали, что въ Москвѣ,
Подъ именемъ другимъ, но въ томъ же видѣ,
Цвѣтетъ красою греческою дочь
Палеологовъ—славный идолъ Рима
Въ былые дни! Нашъ юный Государь
На этотъ ликъ съ тѣхъ поръ глядитъ очами
Пигмаліона!...

СОФІЯ.

Страстная душа
Любителя музыки на престолѣ!
Отрадно сердцу видѣть иногда
Корону въ чистой жреческой повязкѣ
Священнаго искусства,—двухъ властей,
Столь разнородныхъ, дивное сліянье!
Свезите Государю своему
Мой искренній привѣтъ, мое желанье
Ему добра.

СТАНИСЛАВЪ.

Сей ласковый привѣтъ
Ему и намъ раздастся звукомъ флейты,
Въ гремящемъ разногласіи державъ
Ужель война межъ насъ необходима?
Намъ кажется, Монархиня, еще
Возможенъ миръ посредничествомъ вашимъ?..

СОФІЯ.

Вы говорите, лишь бы завязать
Переговоры! Ихъ нельзя иначе
Вновь завязать, какъ съ вашей стороны
Согласіемъ начальнымъ: за Москвою
Всѣ спорные удѣлы утвердить!

ПЕТРЪ.

Ужели *всѣ* удѣлы?

СОФІЯ.

Всѣ!—Иначе
Надежды нѣтъ!

ПЕТРЪ.

Монархиня! нельзя:
Для своего властителя не можемъ
Отечества забыть!

СТАНИСЛАВЪ.

Устроимъ миръ—
Откройте только путь къ переговорамъ!

СОФІЯ.

Вы знаете условья: это путь
Единственный! Инаго нѣтъ; повѣрьте,
Инаго нѣтъ!

(Молчаніе.)

Творите, господа,
То, что̀ своимъ считаете вы долгомъ.
Докажетъ время, *лучшее* ли вы
Для своего отечества избрали?
Объ этомъ съ вами мнѣ не разсуждать!
Вамъ, ближе всѣхъ, извѣстно положенье,
Въ какомъ Литва; но я другимъ путемъ
Могу провидѣть будущности тайну.
Вы нарекли меня Аѳиной; нѣтъ,
Я Пиѳія, я только жрица бога
Оракуловъ—я имъ теперь полна —
Судьба войны душѣ моей открыта.....
Москва поетъ на полѣ боевомъ
Побѣды гимнъ; литовская Россія
Толпами къ ней спѣшитъ въ родимый стан
И, вмѣстѣ съ ней, ведетъ по Русскимъ пѣснямъ
Въ Смоленскъ и въ Кіевъ ратный хоровод;
И крымскій соколъ рѣетъ по Волыни—
Довольно, если вѣруете вы
Въ пророчество пиѳійскихъ вдохновеній,
А если нѣтъ—да выпадетъ Литвѣ
Назначенный сей жребій!...

СТАНИСЛАВЪ.

Вашъ оракулъ
Нерадостенъ! Такъ дайте намъ другой
Завѣтъ судьбы!

ПЕТРЪ.

Ужасенъ вашъ оракулъ!
Но если боги злобствуютъ на насъ,
Отечество намъ будетъ Провидѣньемъ!

СОФІЯ, *(дѣлая движеніе, будто хочетъ откланяться.)*

И такъ мы...

СТАНИСЛАВЪ.

Государыня? *Одно*
Еще дозвольте слово!

СОФІЯ.

Что̀ такое?

СТАНИСЛАВЪ.

Когда бъ съ небесъ нечаянно сошелъ
Отрадный миръ, имѣли бъ мы надежду
Счастливаго успѣха и въ другомъ
Важнѣйшемъ дѣлѣ нашего посольства?

СОФІЯ.

Подъ скиптромъ мира всякое цвѣтетъ
Для смертнаго блаженство; но на крыльяхъ
Уходитъ случай, и единый день
Измѣнитъ все, и мрачная завѣса
На вѣкъ закроетъ живописный впдъ
Торжественнаго братства двухъ народовъ!

СТАНИСЛАВЪ.

Вы мощнымъ краснорѣчіемъ своимъ
Не только эти спорные удѣлы,
Но и весь міръ могли бъ завоевать!

ПЕТРЪ.

Вы, можетъ быть, властительницѣ нашей
Дадите въ *вѣчно* спорныхъ два иль три
Удѣла?

СОФІЯ.

Наши долгія сношенья
Съ татарскою ордой ввели у насъ
Другой обычай: не даемъ мы вѣна,
А требуемъ *калыма*!

ПЕТРЪ.

Цѣлый Сеймъ

Не могъ бы спорить съ вами!

СОФІЯ.

А калымомъ
Мы будемъ землю спорную считать!

СТАНИСЛАВЪ.

Монархиня! Вы *этимъ* оборотомъ,
Вы греческою тонкостію чувствъ
Угомонили наше самолюбье!...

ПЕТРЪ.

Удѣлы *ваши*... снарядите сборъ
Для заключенья мира!

СОФІЯ.

Вы рѣшились—
Вы кончите сегодня договоръ?

ПЕТРЪ.

Ужъ спорныхъ нѣтъ статей; мыможемъ кончить
Въ единый часъ!

СОФІЯ.

Да будетъ *вѣчный миръ*
Между Литвой и Русью!

СТАНИСЛАВЪ.

Миръ и дружба!

СОФІЯ (*отпуская пословъ.*)

Боляре вамъ назначать сборъ, и мы
Увидимся, какъ искренніе други.

(*Послы уходятъ.*)

АРИСТОТЕЛЬ (*про себя.*)

Свершилось! Нѣтъ надежды для меня!
И ты, Княжна несчастная, погибла!...

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕЖНІЕ КРОМѢ ПОСЛОВЪ.

СОФІЯ (*Аристотелю.*)

Устроилось, синьоръ! въ послѣдній мигъ
Устроилось! *Тебѣ* я безъ сомнѣнья,
Обязана...

АРИСТОТЕЛЬ.

Не *мнѣ*, я ничего
Не сдѣлалъ! Случай, крайность обстоятельствъ...

СОФІЯ (*Патрикееву.*)

Вотъ, Князь Иванъ! Учись, какъ рѣчь вести
Съ послами. Пылкость крайне неумѣстна!
Поди сейчасъ, дай Государю вѣсть,
Что намъ Литва удѣлы уступаетъ,
И что послы готовы миръ сложить
На всей извѣстной волѣ Государя,
Хоть въ два часа!

ПАТРИКЕЕВЪ.

Иду. (*Уходитъ.*)

СОФІЯ.

Поди же всѣ;
Мнѣ никого не надо. Позовите
Ко мнѣ Княжну Елену.

(*Всѣ уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

СОФІЯ (*Одна.*)

Наконецъ
Устроилось! Горячее желанье
Сбывается... Господь, благодарю:
Ты дочери моей даешь корону
И на престолѣ мѣсто!...
Государь
Въ душѣ не будетъ радъ нежданной вѣсти;
Но не допуститъ гордость и души
Величіе досаду обнаружить
За исполненье собственной его
Прекрасной мысли. А труднѣе будетъ
Уговорить Елену, привести
Бунтующую страсть въ повиновенье;
Но я должна успѣть, должна, должна,
Хоть разорвись родительское сердце!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕЖНІЯ И ЕЛЕНА.

ЕЛЕНА.

Ужели правда? Слышу, что съ Литвой
Устроенъ миръ! Но какъ ты долго съ ними

Держала рѣчь. Теперь пора рѣшить
Мою судьбу! Иди же къ Государю!
Иди сейчасъ, и воротись сейчасъ,
Не медли, ради Бога!... Что съ тобою?
Ты смущена!

СОФІЯ.

Нѣтъ, я не смущена...
Мое дитя, Елена! я какъ душу
Тебя люблю...

ЕЛЕНА.

Но друга моего
Ты разлюбила?...

СОФІЯ.

Нѣтъ, я безъ причины
Не разлюблю. Я позвала тебя
На долгую со мной бесѣду, слушай!

ЕЛЕНА.

На долгую бесѣду? Ты меня
Опять литовскимъ Княземъ хочешь мучить?
Молю тебя, не говори о немъ!
Иль Мануилъ, иль смерть, или рѣшаюсь
Сама просить родителя!

СОФІЯ.

Сама
Съ нимъ обо всемъ ты можешь перемолвить,
Но только слушай прежде рѣчь мою.
Я сдѣлала свое, я обѣщанье
Тебѣ сдержала: ото всей души
Просила Государя осчастливить
Тебя и Мануила. Государь
Нахмурилъ ликъ и сухо мнѣ отвѣтилъ:
«Нельзя: уже иначе рѣшено!
Надѣюся Литву принудить къ миру,
Какого *я* хочу, и дочь мою
Елену выдамъ»...

ЕЛЕНА (*прерывая ее.*)

Матушка, умолкни!
Не говори напрасно, ничего
Не слышу...

СОФІЯ.

Ахъ! какъ ты блѣдна, Елена,
Какъ ты дрожишь! Опомнись, ободрись,
Не упади! Елена, успокойся...

ЕЛЕНА (*слабымъ голосомъ.*)

Не *ты* ль сказала мнѣ, что Государь
О сватовствѣ литовскомъ знать не хочетъ?

СОФІЯ.

Онъ точно прежде слышать не хотѣлъ
О выданьи твоемъ за Александра;
Онъ самъ тебѣ повѣдаетъ, какъ въ часъ
Безсонницы, въ раздумьи державномъ,
Ему пришла нерадостная мысль,
Какъ будто нѣкій духъ ее навѣялъ.
Ему пріятнѣй было бы тебя
Но сердцу выдать замужъ ... что же дѣлать?
Послы на миръ согласны, ты должна
Увѣковѣчить миръ своимъ замужствомъ!

ЕЛЕНА, (*ободрясь.*)

Что говоришь: увѣковѣчить миръ?
Одна *любовь* вѣчна на этомъ свѣтѣ,
Все прочее *мишурно*, а всего
Скорѣе *миръ* преходитъ!... Что за призракъ
Въ безсонный часъ поколебалъ отца?
Онъ тверже всѣхъ духовъ державнымъ духомъ!
Вчера возводитъ друга моего
Въ Золотоносцы, явно знаменуетъ
Торжественнымъ согласіемъ отца
Сердечный выборъ дочери, сегодня ж...
Нѣтъ, матушка, я вѣрить не могу,
Жестокую со мной ты шутишь шутку!

СОФІЯ.

Все торжество вчерашнее не что
Иное было, какъ обманъ роскошный,
Чтобы пословъ литовскихъ настращать,
И удалось! Имъ было стыдно, тутъ же
На всѣ уступки согласиться; чтожъ
Придумали? Быть рыцарями, чинно
Передо мной колѣно преклонить,
Чтобы просить подъ симъ предлогомъ мира.

ЕЛЕНА.

Нѣтъ! Государь не шутитъ торжествомъ
И пригласить пословъ Литвы не думалъ!

Никто объ нихъ докладывать не смѣлъ,
Я доложила! Государь дозволилъ,
Не безъ презрѣнья, горькаго для нихъ.
Я ничего о торжествѣ не знала;
Но на отца взглянувши, я тотчасъ
Уразумѣла милость къ Мануилу
И свѣтлый помыслъ насъ соединить.
Есть у него пора, когда молчаньемъ
Столь многое высказываетъ онъ:
Его душа на ликъ, какъ солнце, вышла;
Онъ полонъ былъ величья и любви,
Какъ нѣкій богъ!

СОФІЯ.

Елена, ты ошиблась:
Что ты сама *хотѣла* видѣть, *то*
И видѣла въ глазахъ его! Мой ангелъ,
То было *умиленье*, что ты,
На перекоръ любви своей, пріимешь
Судьбу иную, какъ и онъ и я
Тебѣ желали бъ...

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, я не ошиблась!
Всегда ко мнѣ былъ искренъ Государь,
И не было донынѣ между нами
Недоумѣнья! Держитъ онъ всю Русь,
Какъ милое дитя, на отчемъ сердцѣ:
Такъ дочери своей не оттолкнетъ!
Убить меня во цвѣтѣ не захочетъ!
Но ежели я *матери* въ своей
Родительницѣ больше не имѣю,
То онъ въ одномъ лицѣ *отецъ* и *мать*!

СОФІЯ (*съ нѣжнымъ упрекомъ.*)

Елена!...

ЕЛЕНА (*ласкаясь къ ней.*)

Ты всегда мнѣ матерь! Помню
Всѣ ласки, всю любовь твою ко мнѣ,
Благодарю! Но для чего ты стала
Врагомъ моей надежды? Для чего
Свой умъ лелѣешь гордою мечтою,
Когда мою скромнѣйшую судьбу
Съ изображеньемъ души благословила?
Ты мнѣ за вѣру дѣтскую въ тебя
Зловѣщею неискренностью платишь;
Ты думаешь отца уговорить;
Ты собираешь тучи надъ мною;
Ты прочишь мнѣ пожизненную скорбь—
Ахъ, матушка!

СОФІЯ.

Свидѣтельствуюсь Богомъ,
Что я ужъ забыла о Литвѣ,
Что это самъ родитель твой умыслилъ!
Душа моя! подумай: *какъ* тебѣ
Противиться отцевскому велѣнью,
Когда отецъ твой — русскій Государь!
Тебѣ легко понять, какъ недостойно
Насиліе терпѣть! Насилье стыдъ
Людскому сану. Нравственная воля
Не звукъ пустой — и ею человѣкъ
Еще свободенъ въ нуждахъ величайшихъ.
Спаси жъ свой санъ людской и уничтожь
Въ ея *понятьи* ту необходимость,
Съ которою въ *существенности* ты
Не можешь спорить! Другъ мой! *добровольно*
То избери, къ чему тебя судьба
Могуществомъ своимъ принудить хочетъ,
И всемогущая судьба ничто
Передъ людскимъ величіемъ! Елена!
Своимъ свободнымъ выборомъ твори,
Что, безъ того, насильемъ горькимъ будетъ

ЕЛЕНА.

Насильемъ горькимъ? Разсуждай умомъ—
Я разсуждаю сердцемъ! Новый выборъ
Ужъ невозможенъ мнѣ — *я избрала*!
Когда бъ я знала, что безсильна будетъ
Передъ моимъ отцемъ мольба моя —
То предъ тобой теперь я бъ не стояла
Съ сознаньемъ сердца, полнаго любви
И юной жизни! Нѣтъ — я на помостѣ
Лежала бы, какъ скошенный цвѣтокъ—
И этимъ уничтожила бъ насилье!

СОФІЯ.

Ужели, въ самомъ дѣлѣ, хочешь быть
Причиною раздоровъ безконечныхъ
Между Литвой и Нами? на *тебѣ*
Взыскалъ бы Богъ всѣ бѣдствія грядущихъ,
Жестокихъ войнъ; супружество твое
Покрылось бы навѣкъ кровавой мглою,
Въ которой тѣни падшихъ за твое
Упорство малодушное, блуждали бъ
И плакались бы Богу на тебя!

Вотъ были бъ сны твоей любви, вотъ былъ бы
Твой мнимый рай? *Тебя ли* столько золъ
Принятъ не раздражительную совѣсть!
Ты Царственная дѣва — ты должна
Возвыситься надъ чувствіемъ обычнымъ;
Народовъ благо есть любовь твоя,
Твой рай, твое супружнее блаженство!
Будь велика душей; яви себя
Багрянородной дщерью *Іоанна*!
Безропотно пріими свою судьбу,
И дѣвственнымъ души своей геройствомъ
Свидѣтельствуй о племени своемъ —
И Государь съ священнымъ умиленьемъ
Свою обниметъ Царственную дочь,
И никогда не плакавшія очи
Восплачутъ... ты узнаешь — какъ свѣтла,
Какъ радостна побѣда надъ собою!...

ЕЛЕНА.

Какъ *я* могу причиной быть войны,
И ратныхъ бѣдъ и смерти многихъ тысячь?
Миръ заключаютъ — моего отца
Могущество есть лучшая порука
Въ надежной дружбѣ съ немощной Литвой!

СОФІЯ.

Миръ заключаютъ, но послы согласны
Намъ уступить удѣлы, только съ тѣмъ,
Чтобъ намъ исполнить просьбу Александра:
Дѣлить съ тобой и жизнь и тронъ Литвы.

ЕЛЕНА.

Ужель должна Россія, какъ Аѳины,
Цѣной дѣтей купить постыдный миръ?
Ужель Россія Царственную дѣву
На жертву Минотавру отдаетъ?
Такъ *это* плодъ счастливыхъ ратныхъ дѣйствій!
Нѣтъ, Государь величественъ и гордъ;
Россія честь свою высоко цѣнитъ —
И *я* въ святой сѣни ея побѣдъ!

СОФІЯ.

Дитя мое, ошибочно ты судишь!
Москва Литвѣ предписываетъ миръ
Мечемъ побѣды, и Литва согласна
На тягостныхъ условьяхъ миръ принять,
Чтобы *просить* свойства съ врагомъ могучимъ!
Мой другъ, еще сомнителенъ успѣхъ:
На счетъ закона греческаго будемъ
Неслыханнаго требовать; еще,
Легко быть можетъ, дѣло разойдется.
О, если бы ты вѣдала, *каковъ*
Твой Минотавръ? Красавецъ юный, свѣжій,
Твой страстный другъ, по слухамъ о тебѣ!
Восторженный поклонникъ сновидѣнья,
Въ которомъ онъ тебя боготворитъ!

ЕЛЕНА.

Его мечты и чувства неизвѣстны
Тебѣ и мнѣ.

СОФІЯ.

Я отъ пословъ его,
Узнала все! Елена! если Промыслъ
Его тебѣ предложитъ — покори
Разсудку сердце! Будь тому супруга,
Кто голову твою пріосѣнитъ
Двойнымъ символомъ высшаго величья,
И высшаго блаженства на земли:
Святымъ вѣнцемъ супружества и царства,
И очаруетъ жизнь твою своей
Восторженной, прекрасною любовью, —
Ему ты будь супругой!...

ЕЛЕНА.

Никогда
Ты не любила!....

СОФІЯ.

Я ли не любила!
Ахъ, дитятко мое! И у меня
Есть повѣсть сердца, огненная повѣсть,
Любви слезами залитый волканъ,
Подъ этою наружностью спокойной!...
Италія, любовь и блескъ вокругъ,
И чувственное небо надо мною,
А въ нѣдрахъ дѣвы греческая кровь,
И на мосту Санть-Анджело, какъ ангелъ
Величественъ и милъ... Зачѣмъ тебѣ
Сказать о *немъ*?... То не былъ твой родитель —

То былъ *избранникъ* сердца!... Колесомъ
Изъ пламени во мнѣ вращалось сердце...
Изъ моего ума *лились* мечты,
Какъ легіоны свѣтлыхъ привидѣній,
И для меня завоевали міръ
И всѣ мірскія радости и блага!
Былъ велелѣпный рай, былъ богъ любви
Въ моей душѣ, и *я* ли не любила!...

ЕЛЕНА.

Да, ты любила!

СОФІЯ.

Посреди блаженствъ
Моей любви раздался громъ трескучій...
Вокругъ меня въ обломки падалъ міръ,
И сердца другъ исчезъ въ обломкахъ міра!
Упадшая, въ душѣ я поднялась;
По первому велительному зову
Моей судьбины, съ твердостью нѣмой
При морѣ слезъ, обѣими руками
Разорвала я сердце пополамъ,
Какъ покрывало!

ЕЛЕНА.

Больно!

СОФІЯ.

Нѣтъ, Елена!
Величіе поступка въ тотъ же мигъ
Умѣритъ боль, уймется и улелѣетъ,
И слезы льются сладко, какъ бальзамъ.
Съ любовію меня встрѣчали люди
Грядущаго супруга... Сколько благъ
Въ возвышенномъ, прекрасномъ назначеньи:
Быть матерью народа! О себѣ
Самой забудешь. Что казалось горемъ,
Становится блаженствомъ. Я была
Съ отцемъ твоимъ счастлива, слава Богу!
Быть и тебѣ счастливою, когда,
Какъ я, заслужишь счастье отреченьемъ...
Такъ заслужи! Примѣру моему
Съ величіемъ послѣдуй! Богъ возлюбитъ
Того, кто силенъ будущность свою
Основывать на дѣлѣ благородномъ!
Что испытала я сама, того
И отъ тебя я требую, не больше!
Отецъ велитъ, судьба и Богъ велятъ,
Напрасны будутъ жалобы и слезы...
Елена, ты должна, должна, должна!...

(Обнимаетъ ее съ изступленіемъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРЕЖНІЯ И МАНУИЛЪ (*встревоженный.*)

СОФІЯ.

Тебя кто кликнулъ?

ЕЛЕНА.

Мануилъ! Я рада,
Что ты пришелъ! (*Беретъ его за руку.*)

МАНУИЛЪ.

Монархиня, прости!
Мнѣ говорили, что Княжна Елена...

СОФІЯ.

Ты лишній здѣсь!

ЕЛЕНА.

Ему нельзя уйти:
Я за руку держу милаго друга,
Того, кого ты *сыномъ* назвала!
Ты этимъ словомъ насъ соединила!
Услышалъ Богъ, а мы благодарнымъ...
И отъ тебя идемъ мы къ Государю!

МАНУИЛЪ.

Упросимъ Государыню сперва:
Мы не успѣемъ, если матерь въ гнѣвѣ!

ЕЛЕНА.

Я рада бы упрашивать, мой другъ,
На матушку моя неупросима!

(Хочетъ идти съ Мануиломъ.)

СОФІЯ.

Остановись, Елена! Не ходи!
Отецъ вспылитъ до яростнаго гнѣва,
Забудется, боюсь!... *Ты*, Мануилъ,
Уйди, сейчасъ!

МАНУИЛЪ.

Пусти жъ меня, Елена!

ЕЛЕНА.

Пойдемъ къ отцу! упросимъ мы отца,
Или умремъ отъ гнѣва Государя!
А если мы не можемъ жизнь дѣлить!
То, кромѣ смерти, ничего не надо,
И отъ руки *того*, кто насъ любилъ
Такою чистой отческой любовью,
Намъ будетъ смерть легка...
пойдемъ къ нему!
(*Хотятъ идти.*)

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПРЕЖНІЕ И ІОАННЪ.

(*Мануилъ отстраняется.*)

ЕЛЕНА.

Ахъ, Государь! Ты здѣсь! Я прибѣгаю
Къ родительскому сердцу твоему,
Какъ въ нѣкое убѣжище святое,
Куда мірская власть не досягнетъ!
Я *одного тебя* имѣю въ мірѣ,
Когда и мать родная ...
(*Обнимаетъ отца.*)

ІОАННЪ, (*поборая умиленіе.*)

Дочь моя!
Ты дорога мнѣ, какъ зѣнница ока!
Но въ *этотъ* мигъ на нѣжности твои
Отвѣтствовать я тѣмъ же не умѣю...

ЕЛЕНА.

О, для чего, въ сей важный мигъ судьбы,
Невеселъ взглядъ родителя драгаго!
Пусть солнышко взойдетъ въ твоихъ очахъ,
Гдѣ мнѣ досель всегда оно сіяло!
Родитель мой! Не отсылай меня
Въ Литву, какъ въ гробъ!...

ІОАННЪ.

Елена! Мнѣ съ тобою
Не говорить объ этомъ: не хочу,
Чтобъ ты была въ скорбяхъ и въ изступленьи!
Я матери твоей велѣлъ съ тобой
Уладить дѣло: все, что скажетъ матерь,
То отъ меня!

ЕЛЕНА.

Хоть солнца не видать
Въ ненастный день, но все-таки мы знаемъ,
Что красное горитъ на небесахъ!
Хоть я теперь любви твоей обычной
Не вижу окомъ, но любовь твою
Я чую сердцемъ...въ отческое сердце
И въ этотъ мигъ я вѣрую еще
Той вѣрою, съ какою страстотерпецъ
Срѣтаетъ смерть на пламенномъ кострѣ!
Ты мой отецъ, заступникъ, покровитель!
Ты надо мной, надъ дочерью родной,
Не совершишь столь грознаго дѣянья!
Безжалостно не свяжешь рукъ монхъ;
Монхъ очей повязкой не покроешь,
Чтобъ слезъ монхъ не видѣть; не зажмешь
Дочернихъ устъ платкомъ, чтобы не слышать
Послѣднихъ воплей! Нѣтъ, отецъ родной!
Свячи вѣнчальной въ связанныя руки
Ты дѣтищу души своей не дашь!
Не отошлешь меня въ чужую землю,
Какъ горькую преступницу на казнь!

ІОАННЪ.

Не говори о казни и насильи!
Какой изъ рукъ Всевышняго тебѣ
Въ сей жизни выпалъ жребій, тотъ и пріймешь!
Я здѣсь тебя надѣялся найти
Въ возвышенномъ спокойствѣ тихой скорби,
Въ дѣвической покорности судьбѣ,
И укрѣпить хотѣлъ твою покорность
Моей любовью отческой; а ты
Въ безпамятствѣ и въ горькомъ изступленьи!

ЕЛЕНА.

Ахъ, Государь! Я вижу: мнѣ не жить!
Но если мнѣ не *жить* въ Россіи милой,
То умереть, чтобъ Русскою землей
Рука отца засыпала мнѣ очи!
Я не могу покорствовать судьбѣ;

Пришлось бы вамъ связать меня и выдать!
Избѣгнемъ срама горькаго, и нѣтъ
Спасенія инаго, кромѣ смерти!
Родимый, *ты* всегда меня любилъ;
Единый Богъ твои исчислилъ ласки...

ІОАННЪ.

Елена, ради Бога, перестань!

ЕЛЕНА.

Я возрославъ твоей любви, какъ травка
На вешнемъ солнцѣ весело растетъ;
Ты жъ погуби меня, какъ солнце лѣта
Ту травку губитъ, что дитя его...
(*На колѣнахъ.*)
Я умереть должна, и такъ, родимый!
Казни меня! Молю тебя, казни!

ІОАННЪ (*въ сторону.*)

Умолкни, дочь!

ЕЛЕНА.

Казни за ослушанье!...
На лобномъ мѣстѣ дочери своей
Казнить не станешь! Также не захочешь,
Чтобъ кровь моя лилась, и палачамъ
Ты не отдашь меня! Ты *самъ*, родитель,
Даруй мнѣ смерть, чтобъ на *твоихъ* рукахъ
Мнѣ умереть!...
Я слабое созданье,
Дитя, цвѣтокъ; ты сильный богатырь...
(*Встаетъ и наклоняется впередъ, будто бы ожидая исполненія своей просьбы.*)
Схвати меня — и задави до смерти
О грудь твою!...

ІОАННЪ.

Иль плакать, какъ жена!
Или, какъ левъ, свирѣпствовать ...
(*Бросаясь на* МАНУИЛА.)
Будь проклятъ!
Какъ тать, ты сердце дочери укралъ,
Опустошилъ мой домъ своимъ коварствомъ,
Мою Елену губишь! Безъ тебя,
Все было бы иначе! *Ты* причина
Монхъ несчастій! Сокрушу тебя
Могуществомъ моимъ, живаго въ землю,
Тебя зарою!... Что ты такъ стоишь,
Безъ страха, безъ боязни! Какъ ты смѣешь
Не трепетать меня?,,
Гей, люди!
(*Нѣсколько Стольниковъ.*)
ІОАННЪ, (*указывая на Мануила.*)
Взять,
Отвесть въ тюрьму да заковать въ желѣзы!
(*Берутъ и отводятъ Мануила.*)

ЕЛЕНА.

Ахъ, онъ невиненъ!...
(*Падаетъ безъ чувствъ.*)

ІОАННЪ, (*Софіи.*)

Мать! поди сюда!
Се дѣтище твое, а ты не плачешь!...
(*Женщины и дѣвушки прибѣгаютъ поднимать Елену.*)
Не трогайте ея! Пускай умретъ,
У *насъ* умреть!...
(*Смотритъ на Елену.*)
Дитя мое!
Берите!...
(*Софія и женщины подымаютъ ее.*)

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ПЯТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната Елены.

ЕЛЕНА, (*въ креслахъ, блѣдная и томная;*) МАРІЯ.

ЕЛЕНА.

Ужъ *пятый* день, какъ бѣдный Мануилъ
Въ неволѣ горькой! Правда ли, Марія,
Что не въ цѣпяхъ?

МАРІЯ.

Ей Богу, не въ цѣпяхъ:

Мой Симеонъ крестомъ клянется; тотчасъ
Былъ отмѣненъ наказъ.

ЕЛЕНА.

И безъ цѣпей
Горька неволя! *Пятый* день! Когда же
Освободятъ!

МАРІЯ.

Спокоенъ онъ и тихъ.
Онъ впдѣлъ, ты безъ чувствъ упала; думалъ,
Что ты мертва—и самъ онъ помертвѣлъ
И простоналъ! Съ тѣхъ поръ, какъ онъ увѣдалъ
Что ты жива....

ЕЛЕНА.

Марія! *Для* чего
Желаетъ онъ, чтобъ я жила? Какая
На свѣтѣ жизнь, когда не жить душей,
Когда душа убита!... Ясно вижу,
Что нѣтъ уже надежды: мы навѣкъ
Разлучены!.. Онъ возвратить мнѣ хочетъ
Любовь моихъ родителей и жизнь —
И, поручивъ меня любви Господней,
Онъ самъ пойдетъ, я знаю, онъ пойдетъ
И обрѣтетъ погибель въ первой битвѣ!
Я и въ чужихъ устахъ его души
Таинственный языкъ уразумѣла!...
Просить о немъ не смѣю: я боюсь,
Что съ нимъ поступятъ хуже: мой родитель
Въ скорбяхъ и въ гнѣвѣ! Да, всему конецъ!
Любовь моя спасется только въ смерти...
Я умереть должна, и я хочу!

МАРІЯ.

Зачѣмъ себя тревожить черной мыслью?
Ты такъ слаба еще!

ЕЛЕНА, (*встаетъ.*)

Одинъ ударъ
Кинжаломъ въ грудь—и жизнь изъ этой раны
Порхнула бы, какъ пташечка, изъ рукъ!

МАРІЯ.

Одинъ ударъ, но грѣхъ-то многократный,
Но смертный грѣхъ—самоубійство!

ЕЛЕНА.

Да!...
Но *то* зовутъ самоубійствомъ, если
Какимъ нибудь орудіемъ себя
Лишаешь жизни; не хочу орудья,
Мнѣ и не надо: сердце у меня
Потрясено до крайности послѣдней!
Я мыслію *одной* воображу
Всю боль разлуки вѣчной съ милымъ другомъ;
Почую все несчастіе свое
Единымъ чувствомъ, что сильнѣе жизни,
Что горше самой смерти—и ужель
Не разорвется сердце!...

МАРІЯ.

Было бъ тоже
Самоубійство!

ЕЛЕНА.

Тоже? Такъ хочу
Расплакаться до смерти, задушиться
Сердечнымъ воплемъ....

МАРІЯ.

Ахъ, Елена! Тожъ
Самоубійство, если бы возможно!

ЕЛЕНА.

Ужели *все самоубійство*! Что́ жъ
Дозволено, когда уже не можемъ
На свѣтѣ жить?

МАРІЯ.

Душа моя! Сложи
Всю скорбь свою въ отеческія руки
Всевышняго — Онъ пріиметъ скорбь и дастъ
Тебѣ въ обмѣнъ и силы и терпѣнья.

ЕЛЕНА.

Я только вмѣстѣ съ волосомъ моимъ
Съ главы моей могла бы, въ постриженьи,
Всѣ страсти снять и Господу вручить!
Не допускаютъ! Ну, такъ допустите

Хоть умереть!... Я въ жизни молодой
На крыльяхъ шла—вы крылья преломили!
Въ моей любви цвѣткомъ я расцвѣла —
И вы цвѣтокъ нещадно растерзали!
Вы надо мной свершили крайность зла,
А умертвить до смерти не хотите!

МАРІЯ.

Благословенье отчее еще
Тебѣ въ разбитомъ сердцѣ домъ построитъ!

ЕЛЕНА.

Тамъ сѣнь была—разрушили ее,
И только сѣнь могильную поставятъ!

МАРІЯ.

Благословенье Божіе тебя
Надъ горестью еще возвысить можетъ,
Какъ сельный кринъ надъ прахомъ...

ЕЛЕНА.

Если все
Самоубійство, если нѣтъ инаго
Спасительнаго средства—такъ хочу
Молитвами святыми истомиться,
Въ страстяхъ моихъ угаснуть—и упасть,
Предъ Образомъ святымъ, на лоно смерти!...

(*Упадаетъ въ кресла.*)

МАРІЯ.

Душа моя! Предъ Образомъ святымъ
Пріобрѣтешь не смертную истому,
А Духъ Святый повѣетъ надъ тобой
И усмиритъ мятежъ твоихъ страданій!
Отъ одного хотѣнья умереть
Ты не умрешь! Велико возлюбленье
Души твоей, и страсть твоя сильна;
Но что любовь передъ отцевской волей?
Ничто!

ЕЛЕНА.

Марія! Вымоли мнѣ смерть
У Господа!

МАРІЯ.

Такой молитвы грѣшной
Не пріиметъ Богъ, а гнѣвно на меня
Вспять обратитъ ее невзгодой тяжкой!
Ты объ одномъ подумай: если ты
Теперь умрешь въ сердечномъ сокрушеньи,
Тогда и бѣдный другъ твой пропадетъ!
Онъ за твои страданія въ темницѣ —
За смерть твою павѣрное его
Казнили бъ *смертью!*...

ЕЛЕНА, (*вставъ.*)

Ахъ, Марія, что ты!
Но это *правда*, это можетъ быть!
Я видѣла отца въ свирѣпомъ гнѣвѣ —
Онъ горькую неправду сотворилъ!
Вообрази отчаянное горе,
Когда умру; къ несчастью, онъ меня
Такъ много любитъ—въ этомъ положеньи
Ужасное онъ могъ бы совершить!
Мой бѣдный другъ, онъ за меня въ темницѣ,
И за меня, увы!—Должна *я жить!*..

(*Упадаетъ опять въ креслы, закрываетъ лице и рыдаетъ.*)

МАРІЯ.

Мой другъ! Сама ты видишь: нѣтъ дороги
Иной, окромѣ узкаго пути
Покорности! *Одно* промолви слово —
И бѣдный другъ твой выйдетъ изъ тюрьмы,
И вновь въ твоемъ семействѣ будетъ радость!
Конечно, это слово тяжело;
Но чистымъ сердцемъ всяческое горе
Перенесешь; покорности слеза,
Что Божія роса, свѣжитъ и нѣжитъ.
Ни санъ, ни воспитаніе твое,
Ниже любовь великая не могутъ
Изъять тебя изъ общаго для всѣхъ
Постановленья прадѣдовъ и дѣдовъ:
Дѣвицамъ воли нѣтъ!

ЕЛЕНА, (*въ забытьи.*)

«И у меня
Есть повѣсть сердца, огненная повѣсть...
Изъ моего ума лились мечты,
Какъ легіоны свѣтлыхъ привидѣній....
Вокругъ меня въ обломки падалъ міръ—
И сердца другъ исчезъ въ обломкахъ міра.....

Былъ рай, былъ богъ любви въ моей душѣ —
И я ли не любила!...»

МАРІЯ.

Что такое?

ЕЛЕНА.

Я гдѣ-то что-то слышала.... мечта
Залетная, чужая.... сонъ сердечный!

МАРІЯ.

Бываетъ, ночью снится дивный сонъ,
И чувствуешь во снѣ совсѣмъ иначе —
Какъ-то нѣжнѣе, чище и свѣжѣй;
О чемъ-то сладкомъ какъ-то сладко плачешь...
Проснешься — вдругъ дѣйствительность тебя
Обдастъ своимъ житьемъ-бытьемъ привычнымъ,
И грубымъ все покажется сперва.
Я думаю, мы послѣ смерти будемъ
Всегда такимъ привольнымъ чувствомъ жить.
Твоя любовь, мой другъ, есть сонъ подобный,
И для него земная жизнь груба.
Тебѣ онъ снился въ красные денечки...
Прошла пора.... ты вѣкъ свой проживи —
На небесахъ твой сонъ тебѣ доснится...
Не дологъ вѣкъ земной — еще есть жизнь.

ЕЛЕНА, (*вставъ.*)

Еще есть жизнь — и свѣтлая, какъ наши
Дѣвическіе сны.... другая жизнь....
Ее мое познанье обронило
Въ страстяхъ моихъ — и ты, мой другъ, нашла
Небесный кладъ!...
Затерянная въ мірѣ,
Убитая въ любви своей души,
Предъ *Вѣчною Любовію* не будетъ
Утрачена! Еще есть жизнь, еще
Есть у души моей святая сила!...
Сведи меня въ палату Образовъ:
Хочу въ слезахъ упасть къ ногамъ Господнимъ....
Несчастная, душей все *то* пойму,
Что намъ Господь въ несчастьи открываетъ...
(*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Палата во дворцѣ.

ІОАННЪ И ПАТРИКЕЕВЪ.

ІОАННЪ.

Что, Князь Иванъ!

ПАТРИКЕЕВЪ.

Да, Государь! Послы
И въ *томъ* согласны: греческую Церковь
Великій Князь Литвы въ своемъ дворцѣ
Для дочери твоей поставитъ тотчасъ,
Когда ему пожалуешь ее
Въ супружницы!

ІОАННЪ.

А спорили?

ПАТРИКЕЕВЪ.

Ни сколько!
Самъ Александръ о томъ упомянулъ
И наказалъ посламъ уступку эту.

ІОАННЪ.

Какъ онъ прозорливъ!

ПАТРИКЕЕВЪ.

Уступивъ во всемъ
И обязавшись: греческую Вѣру
Въ Литвѣ держать въ свободѣ и въ чести,
Они теперь рѣшительнаго слова,
На счетъ Княжны, съ покорностію ждутъ
И, въ случаѣ согласія, желали бъ
Представиться и справить свой поклонъ
Властительницѣ будущей.

ІОАННЪ.

Недужна
Моя Елена: потому еще
Нельзя сказать рѣшительнаго слова!

Ты приведи пословъ чрезъ часъ: я самъ
Хочу объ этомъ съ ними перемолвить.
Здѣсь Аристотель?

ПАТРИКЕЕВЪ.

Здѣсь!

ІОАННЪ.

Такъ позови!

(*Патрикеевъ уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ПРЕЖНІЙ И АРИСТОТЕЛЬ.

ІОАННЪ.

Судьба отвергла окупъ за Елену:
Она выходитъ замужъ не въ Руси —
Ты долженъ помнить, Аристотель!

АРИСТОТЕЛЬ.

Помню.

ІОАННЪ.

Такъ нѣтъ уже надежды для тебя?

АРИСТОТЕЛЬ.

Моя судьба всегда была и нынѣ
Еще осталась въ милости твоей.
На родинѣ хотѣлось бы могилы:
Земля родная легче для костей —
Чужая давитъ! Всякому отъ Бога
Свой жребій; мнѣ и дочери твоей
Могила въ чужѣ!

ІОАННЪ.

Ужь того довольно,
Что *жизнь* вдали отъ родины трудна;
Пусть будетъ смертный сонъ и въ чужѣ мирен!
Какъ часто власть мірская пособить
Не можетъ горю; но и часто можетъ!
До старости ты вѣрно мнѣ служилъ;
Я наградить хочу твое усердье—
Итакъ Господь съ тобою..... возвратись
Въ свою отчизну!

АРИСТОТЕЛЬ.

Государь! ужели
Соизволяешь отпустить меня?

ІОАННЪ.

Литовская могила для Елены
Не будетъ легче, если и твои
Въ чужой могилѣ опочіютъ кости.
Такъ возвратись на родину свою!

АРИСТОТЕЛЬ.

Благодарю!

ІОАННЪ.

Ты воленъ, Аристотель!
Сбылось твое желаніе; теперь
Корысти нѣтъ хитрить и лицемѣрить!
Теперь ты долженъ *правду* мнѣ сказать
И отплатить мнѣ *искреннею правдой*.
О чемъ я буду спрашивать тебя,
На то держи отвѣтъ прямой, какъ будто
Ты не въ моей ужь власти; отвѣчай,
Какъ будто изъ окна своей палаты
Въ Венеціи!

АРИСТОТЕЛЬ.

Я буду отвѣчать
Отъ сердца прямо.

ІОАННЪ.

Поклянись мнѣ въ томъ.

АРИСТОТЕЛЬ.

Клянусь!

ІОАННЪ.

У насъ, тебѣ не безъизвѣстно,
Родители судьбой своихъ дѣтей
Распоряжаютъ строго, самовластно,
И женятъ ихъ и замужъ выдаютъ,
О томъ въ сердцахъ дѣтей не совѣщаясь.
Издавна *такъ* ведется—и въ избѣ
Крестьянина, и въ княжеской палатѣ.
Но старина обычая еще
Не есть весьма надежный признакъ правды:
Есть заблужденья вѣковыя. Мы
Не цѣлый міръ. Желательно мнѣ вѣдать
Другихъ народовъ мнѣніе о томъ.

Образованьемъ *твой* народъ далеко
Всѣ прочіе въ нашъ вѣкъ опередилъ,
А *ты* одинъ изъ славныхъ и изъ первыхъ
Сего народа — *ты* же мнѣ скажи:
Отцу законъ природы далъ ли право
Принудить дочь къ замужству, и тогда,
Когда ея приходитъ сердце въ ужасъ;
Когда она монашество и смерть
Предпочитаетъ горькому насилью?
Ты вспомни клятву—молви *правду* мнѣ!

АРИСТОТЕЛЬ.

Отцу законъ природы предоставилъ
Права большія; давъ дитяти жизнь,
Онъ и убить дитя имѣлъ бы право,
Тѣмъ болѣе, что гибельный ударъ
Идти чрезъ сердце отческое долженъ;
И многіе народы встарину
Общественнымъ закономъ утверждали
Уставъ природы. Нынѣ умъ людской,
Природу взявъ подъ строгую опеку,
Вручилъ такое право *одному*,
Отцу всего народа—Государю!

ІОАННЪ.

Такъ дочь свою подавно я могу
Къ немилому супружеству принудить!

АРИСТОТЕЛЬ.

Нѣтъ, Государь!... природа не даетъ
Тебѣ такого горестнаго права!

ІОАННЪ.

Что? Я могу дитя свое убить,
А не могу его принудить къ браку!

АРИСТОТЕЛЬ.

Нѣтъ, Государь! Убьешь свое дитя—
И отойдетъ душа, безъ поврежденья!
Насильственнымъ же бракомъ осквернишь
Плоть и душу дочери несчастной!
Подобный бракъ есть незаконный бракъ,
И срамный грѣхъ предъ Богомъ и природой!

ІОАННЪ.

Языкъ у правды жестокъ!

АРИСТОТЕЛЬ.

Государь!
Мой голосъ изъ окна моей палаты
Венеціянской рѣчь съ тобой ведетъ.
Я обязался клятвой молвить правду!

ІОАННЪ, (*задумчиво.*)

Подобный бракъ есть незаконный бракъ!

АРИСТОТЕЛЬ.

И срамный грѣхъ предъ Богомъ и природой!..,
Ты мнѣ прости, великій Государь,
Что истина оспоривать дерзаетъ
Одно изъ правъ твоихъ—осталась власть
Нарушить правду!

ІОАННЪ.

Нѣтъ, отъ *этой* власти
Торжественно и громко откажусь!
Такъ это *правда?*

АРИСТОТЕЛЬ.

Истинная правда,
Какую только можетъ умъ понять!

ІОАННЪ.

Она и мнѣ понятна! Аристотель,
Благословляю правду!...
А когда
Ты въ путь-дорогу?

АРИСТОТЕЛЬ.

Ежели дозволишь,
Дня черезъ три.

ІОАННЪ.

Вели ко мнѣ придти
Золотоносцу въ полномъ облаченьи.
(*Аристотель уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕЖНІЙ И СОФІЯ.

ІОАННЪ.

Что дочь моя?

СОФІЯ.

Теперь еще слаба,

Но къ лучшему идетъ ея здоровье;
Въ немного дней оправится совсѣмъ.

ІОАННЪ.

Она была въ ужасномъ положеньи,
И къ смерти близко.

СОФІЯ.

Много помогло,
Что Симеонъ сталъ вѣдать Манунла
И чрезъ Марію вѣсти сообщать.
Нашъ плѣнникъ, право, стоилъ снисхожденья:
Онъ благородно сѣтуетъ о томъ,
Что огорчилъ насъ всѣхъ сердечнымъ горемъ;
И молитъ нашу дочь забыть о немъ.

ІОАННЪ.

Едва ль сіе моленіе поможетъ
Его забыть.

СОФІЯ.

Но для нея уже
Надежды нѣтъ, и худшее минуло,
И понемногу все въ ея душѣ
Устроится. Одно ея тревожитъ:
Плѣнъ Манунла! Соизволь его
Освободить, куда нибудь за дѣломъ
Посольственнымъ отправить далеко,
И расцвѣтетъ опять твоя Елена.

ІОАННЪ.

Онъ, безъ вины, печальный терпитъ плѣнъ —
Хочу воздать ему большимъ возмездьемъ!
Я имъ доволенъ! Но не столько я
Доволенъ ею: болѣе величья,
Спокойствія и твердости души
Могла бъ имѣть и въ *этихъ* отношеньяхъ
Дочь Іоанна!

СОФІЯ.

Да, она могла бъ,
Долженствовала бъ!

ІОАННЪ.

Ты пенять не можешь,
И не должна: *ты* душу у нея
Воспламенила южнымъ воспитаньемъ—
И этотъ пламень сталъ огнемъ любви!
Вся жизнь ея любовь—любовь такая,
Какой никто не могъ вообразить;
Такъ и судить почти не можно. Вѣрность
Есть добродѣтель первая въ любви;
Такъ только въ крѣпкой вѣрности и можетъ
Являться все величіе души—
И эту умилительную вѣрность
Монашествомъ и смертію она
Запечатлѣть готова... Это можетъ
Лишь сильная, прекрасная душа!
Ее награда Божія не минетъ;
Къ концу приходитъ скорбный путь страстей..
Мой другъ! ты крылья ей дала, такъ дай же
И волю ей!...

СОФІЯ.

Она идетъ сюда.

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРЕЖНІЕ И ЕЛЕНА.

ЕЛЕНА, (*поклонившись родителямъ.*)

Родимая, я шла къ тебѣ.

ІОАННЪ.

Я думалъ,
Что ты ко мнѣ!

ЕЛЕНА.

Я съ матерью потомъ
Къ тебѣ прійти хотѣла.

СОФІЯ.

Милый другъ мой!
Въ твоей душѣ случилось что-нибудь:
Твой блѣдный видъ столь свѣтелъ и спокоенъ.

ЕЛЕНА.

Я къ вамъ пришла изъ области молитвъ,

Гдѣ утопала духомъ въ блескѣ неба...
Тотъ свѣтъ, который видишь тына мнѣ,
Есть яркое души преображенье,
Есть сила свыше!... Существо мое
Очистилось отъ слезнаго тумана,
Отъ духоты страстей—я къ вамъ пришла
Съ сознаніемъ вины своей предъ вами.
Прости меня, родимая: въ пылу,
Въ чаду мятежныхъ чувствъ, я согрѣшила
Передъ тобой!

СОФІЯ.

Я этого не помню.

ЕЛЕНА.

Я матери сказала: Государь
Въ одномъ лицѣ мнѣ есть отецъ и матерь!

ІОАННЪ.

Дитя мое! въ *одномъ* ошиблась ты —
Но прежде въ томъ ошиблась и природа:
Я *мать* тебѣ, она жъ тебѣ *отецъ*!

ЕЛЕНА.

Твоя ко мнѣ отеческая нѣжность
Ввела меня предъ матерію въ грѣхъ,
Ввела меня во грѣхъ и предъ тобою!
(*Матери*)
Я говорила (горько каюсь въ томъ),
Что ты моя *родительница* только —
Прости жъ меня!

СОФІЯ.

Давно простила я,
И отъ души я все тебѣ прощаю.

ЕЛЕНА.

Благодарю!... Въ то время ты еще
Прекраснаго мнѣ сказывала много;
Но я тогда, въ тревожной суетѣ,
Въ твои слова душей не вразумлялась.
Не понапрасну рѣчь твоя велась —
И сѣмя, въ бурю сѣянное, пало
Въ бразды моей взволнованной души,
И вотъ, теперь взошло и прозябаетъ....
Я помню все, что говорила ты!

СОФІЯ, (*съ живостью.*)

И ты теперь...

ЕЛЕНА, (*обратясь къ отцу.*)

Возлюбленный родитель!
И предъ тобой виновна я: тебя
Я довела до гнѣва и до скорби!
Забудь мою вину и возврати
Мнѣ прежнюю любовь свою и нѣжность:
Онѣ *моими* были съ дѣтскихъ дней!
Была твоя Елена такъ несчастна
И такъ ничтожна, безъ любви твоей!

ІОАННЪ.

Дитя мое! Вины твоей не знаю!
Однажды въ жизнь я былъ къ тебѣ суровъ;
Но я могу воздать тебѣ сторицей —
И я хочу!

ЕЛЕНА.

Я радуюсь возврату
Твоей любви! Родитель мой! ничѣмъ
Я огорчать тебя уже не буду;
Такъ объ одномъ могу тебя просить —
Могу ли?

ІОАННЪ.

Можешь!

ЕЛЕНА.

И мое моленье
Тебя никакъ не огорчитъ?

ІОАННЪ.

Ничуть!

ЕЛЕНА.

Такъ тяжело для сердца: быть причиной
Несчастія другаго! Ты меня
Единымъ словомъ можешь осчастливить!
Я эту милость во всю жизнь свою
Благодареньемъ памятовать стану...
Молю тебя, родимый: будь такъ добръ
И выпусти на волю Мануила!...

ІОАННЪ.

Я наказалъ ужъ выпустить его,
Твоей о томъ не дожидаясь просьбы;
Я это, знаешь, сдѣлалъ потому,
Что ты моя любимица Елена!

ЕЛЕНА.

Охъ, какъ ты добръ и милостивъ — тебя
Богъ наградитъ!

ІОАННЪ.

Что выполнено было
До просьбы, — въ счетъ не ставится!
Проси
О чемъ нибудь другомъ — и я исполню!

ЕЛЕНА.

Ужель *одно* моленіе еще
Дозволишь мнѣ?

ІОАННЪ.

Проси, и если это
Во власти человѣческой, въ рукѣ
Самодержавца Русскаго, такъ будетъ
Исполнено!

СОФІЯ (*въ сильномъ безпокойствѣ.*)

Елена ни о чемъ
Просить не станетъ, что нелюбо будетъ
Родителямъ!

ЕЛЕНА.

Ахъ, въ томъ-то дѣло: вамъ
Моленіе мое нелюбо будетъ!

ІОАННЪ.

Проси!

ЕЛЕНА.

Мое прошенье, Государь,
Боюсь, тебѣ не стало бы въ досаду!

ІОАННЪ.

Съ охотою исполню: говори!

ЕЛЕНА, (*матери.*)

Дозволь и *ты*!... Навѣрное дозволишь!
(*Іоанну*)
Будь милостивъ, родитель: тяжело
Мое прошенье!... Можно ли мнѣ видѣть
Его... при васъ... и высказать ему
Послѣднюю любовь, и съ нимъ проститься,
До вѣчности проститься!...
(*Іоаннъ безмолвствуетъ въ изумленіи.*)

СОФІЯ.

Я вижу: ты рѣшилась! Ты насъ хочешь
Обрадовать покорностью своей,
Согласьемъ добровольнымъ осчастливить!

ЕЛЕНА.

А какъ же я посмѣла бъ, безъ того,
Предстать предъ ваши очи?

СОФІЯ.

Ты рѣшилась!

ІОАННЪ.

Елена! *Этой* просьбы я никакъ
Не ожидалъ!

ЕЛЕНА.

Того я и боялась!
Но ты не въ гнѣвѣ, Государь, а *я*
Не такъ слаба, какъ думаешь; имѣю
Довольно силъ, довольно, чтобъ снести
Послѣднее прощаніе...

ІОАННЪ (*тронутый.*)

Ты плачешь!

ЕЛЕНА.

Одна, иль двѣ слезинки; я теперь
Уже не плачу.

ІОАННЪ.

Вѣрно ты боишься,
Чтобъ не связали рукъ твоихъ, очей
И слезъ твоихъ повязкой не закрыли,
И не зажали устъ твоихъ платкомъ?

ЕЛЕНА.

Не будетъ нужно; я имѣю силу
Сама пріять свою судьбу изъ рукъ
Всевышняго!

ІОАННЪ.

Всевышній испытуетъ,
Кого онъ любитъ; велика Его
Святая милость! Въ мигъ сильнѣйшей боли,
Онъ можетъ чашу горькую твою
Преобратить во сладостную чашу!

ЕЛЕНА.

Господь уже прославился въ грозу
Моихъ страстей: упадшую онъ поднялъ,
Поставилъ крѣпко въ милости Своей,
Душею къ небу!...

СОФІЯ.

Милая Елена,
Ты побѣдила скорбь свою! Зачѣмъ
Искать еще борьбы упорной съ сердцемъ?
Оно есть врагъ отчаянный! Твое
Послѣднее прощанье съ другомъ дѣтства
До крайности разстроило бъ тебя.

ЕЛЕНА.

Стою въ любви Господней, скорбь земная
Меня уже не можетъ уронить!
Но я хотѣла бъ видѣть Мануила!
Съ живымъ, на время отходящимъ въ путь,
Съ собратомъ умирающимъ и съ мертвымъ
Прощается, кто близокъ по родству
И по любви... Для страждущаго сердца
Прощанье есть торжественный обрядъ,
Соборованье муромъ утѣшенья!
Разлука, безъ прощанія, горька,
Какъ смерть, безъ таинствъ Вѣры Христіанской!
Я разстаюсь до гроба съ *тѣмъ*, кому
Принадлежать я думала въ сей жизни...
Я оправдать себя должна предъ нимъ;
Ему повѣдать, *что* мнѣ на молитвѣ
Открылъ Господь, и чѣмъ моя душа
Теперь сильна снести прощанье съ домомъ
Родительскимъ, съ отчизною, и съ *нимъ*!

ІОАННЪ

Хочу послушать, что тебѣ Всевышній
Открылъ въ твоихъ скорбяхъ. И *мнѣ* Господь...
Елена! Ты сейчасъ увидишь друга,
И, ежели прощанья не снесешь...

ЕЛЕНА.

Охъ, я его увижу! ... Мой Родитель,
Могу снести прощанье, и снесу!

ІОАННЪ.

Но если сила духа ослабѣетъ,
Такъ не крѣпись чрезъ силу, упади
Въ объятія отца, и Богъ поможетъ!

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПРЕЖНІЕ И МАНУИЛЪ, ВЪ ОДЕЖДѢ ЗОЛОТОНОСЦА.

ІОАННЪ.

Золотоносецъ! здравствую тебѣ
На свѣтлой волѣ!

МАНУИЛЪ.

Мнѣ была неволя
Лишь тѣмъ горька, что я разстроилъ миръ
Твоей семьи!

ІОАННЪ.

Моя Елена хочетъ
Поговорить съ тобою.

ЕЛЕНА.

Мануилъ!
Навѣрное ты чувствуешь и знаешь,
Зачѣмъ теперь мы видимся съ тобой!...

МАНУИЛЪ.

Твой взоръ, твой голосъ... Этотъ свѣтлый отблескъ
Торжественнаго чувства на лицѣ —
Какъ не понять? Мы видимся съ тобою
Въ послѣдній разъ!

ЕЛЕНА.

Въ послѣдній разъ! Мой другъ,
Въ послѣдній разъ!...

МАНУИЛЪ.

Елена! Въ *этомъ* видѣ
Душевнаго величья своего,
Ты не должна дать власти умиленью!
На той священной, чистой высотѣ,
Гдѣ мы теперь стоимъ, уже не плачутъ!
Должна лежать подъ нами глубоко,
Какъ бы туманъ, земля и все земное;
И долженъ быть великъ послѣдній часъ
Такой любви, какъ наша!.. этимъ часомъ
Мы благородно заплатить должны
Судьбѣ за все минувшее блаженство!

ЕЛЕНА.

И мы заплатимъ!...

(*Молчаніе.*)

Помнишь ли? Въ саду...
Моя Фата, та самая!...

МАНУИЛЪ.

Елена!
Твоя фата...кремлевскій садъ... *тотъ* мигъ,
И *этотъ* мигъ!...Елена, ради Бога,
Не говори мнѣ о фатѣ своей!...

ЕЛЕНА.

Ты умиленъ! Во всемъ величьи духа,
При всемъ желѣзномъ мужествѣ твоемъ,
Ты умиленъ, и это умиленье
Сластитъ разлуки горечь для меня!
И такъ еще въ послѣднее прощанье
Другъ друга любимъ столько же, какъ мы
Тогда любили!...Столько мукъ сердечныхъ
Не истощили сердца!...Знать, ничто
Не истощитъ великой, вѣчной силы
Души любящей...Знать, тебя любить
Я буду вѣчно, стало быть и вѣчно,
Одна въ душѣ, по миломъ тосковать!...

МАНУИЛЪ.

Глядитъ на насъ съ печалью твой родитель!
Ты дочь его *родная; я* ему
Родня еще не столько царской кровью
Палеологовъ, сколько по твоемъ
Прекрасномъ сердцѣ! будемъ же достойны
Сего родства! Поймемъ, что твой отецъ
Тобою, въ сердцѣ собственномъ, народу
Приноситъ жертву грустную...поймемъ,
Что онъ въ душѣ страдаетъ вровень съ нами!
Не затруднимъ великому отцу
И безъ того уже тяжелой жертвы!

ЕЛЕНА.

Я поняла! Ты видишь, я еще
Не залилась слезами! Другъ мой, слушай:
Мы были столь счастливы; мы съ тобой
Такъ горячо любились; съ нами шла
Земнымъ путемъ столь милая надежда;
Казалась раемъ будущность! но вдругъ...
Гроза...Ты знаешь!...
Небо къ намъ доголѣ
Свою земную сторону, любовь,
Во всемъ великолѣпьи обращало;
И лишь въ одной способности: любить,
Душевное развитье процвѣтало.
Въ мечтахъ любовныхъ миновали насъ
Строжайшія обязанности жизни,
И потому нежданная судьба
Меня нашла столь немощной и горькой!
Въ отчаяньи безмолвномъ я дошла
До крайности, насильственно хотѣла
Отпасть отъ жизни!...

МАНУИЛЪ.

Сердца моего
Смертельное стѣсненье говорило,
Что ты въ страстяхъ ужасныхъ...

ЕЛЕНА.

На меня
Воззрѣлъ Господь и силу далъ молиться...
Гроза души въ обильный, тихій плачъ
И въ теплое смиренье разрѣшилась;
Мой умъ прозрѣлъ...Иначе сталъ весь міръ,
И засіяло въ горнихъ, и дохнуло
Небеснымъ духомъ Вѣры и Креста,
Покорности, величія людскаго,
Страстотерпѣнья кроткаго и всѣхъ
Блаженныхъ добродѣтелей Сіона!
Мечталось мнѣ, торжественнымъ путемъ
Я перешла рубежъ моей отчизны...
Гонимый чуждой вѣрою народъ,
По Церкви намъ родной, встрепенулся,
Заликовалъ, порывистой толпой
Тѣсня мою широкую дорогу...
И громкимъ звономъ праздничнымъ меня
Привѣтствовали греческіе храмы:
Дочь Іоанна, Русская Княжна
На тронъ Литвы возноситъ Православье,
Родную дружбу, вѣчный съ Русью миръ!
Конецъ прискорбнымъ ссорамъ обоюднымъ,
И бѣдствіямъ и нуждамъ вѣковымъ!
На родину возвратъ военноплѣннымъ!
Потѣмъ полямъ, гдѣ прежде битвы пли,
Гдѣ пѣкій ярый, громкій адъ дымился,
Блистательный раскинулся теперь
Церковный праздникъ и народный праздникъ!...

ІОАННЪ.

Елена!

МАНУИЛЪ.

Дѣва сердца моего,
Какъ ты прекрасна!

СОФІЯ.

Княжеская дѣва!

ЕЛЕНА.

Я вслушивалась въ радость торжества;
Я видѣла блаженство милліоновъ;
Я поняла, что отъ меня на нихъ
Благословенье Божіе нисходитъ...
И я, тогда не чувствовала я,
Что у меня въ груди разбито сердце;
Что далеко остались назади
Мой свѣтлый отчій домъ, моя Россія,
Все милое, родное...что *одна*
Всю жизнь прожить должна я въ чуждыхъ людяхъ...
Я это *все* забыла: я жила
Въ тотъ мигъ великимъ счастьемъ милліоновъ...

ІОАННЪ.

Ужели *ты* дѣвической душей
Уразумѣть могла *такое* чувство,
Какимъ живетъ лишь мужественный духъ
Помазанника Божьяго?...Елена!...
(*Обнимаетъ ее.*)

МАНУИЛЪ.

Теперь ты ясно видишь, Государь!
Зачѣмъ она была, отъ колыбели,
Сердечная любимица твоя!
Ты чувствовалъ правдиво и въ пристрастьи:
Ты награжденъ за всю твою любовь—
Се *дѣва!*..

ІОАННЪ.

Ясно вижу, понимаю
Теперь и *то*, зачѣмъ она *тебя*,
А не другаго, сердцемъ полюбила!

ЕЛЕНА, (*Мануилу.*)

Я думала: монашество и смерть
Суть высшія для сердца жертвы, въ наши
Лѣта младыя! Есть еще одна —
Труднѣйшая и высшая!... Любимецъ
Души моей! Мнѣ эту чашу пить
Даетъ судьба.... я буду пить!... но прежде,
Чѣмъ мы навѣкъ разстанемся—скажи,
Повѣдай мнѣ, что сбудется съ тобою?
Такое сердце, какъ твое, всегда
Должно любить, всегда переливаться
Любовнымъ чувствомъ въ нѣжное къ нему
Сочувствіе другаго! *что* ты вмѣсто
Меня полюбишь?...

МАНУИЛЪ.

Кто любилъ въ свой вѣкъ
Такую дѣву, первенцы драгіе
Такого сердца въ даръ пріялъ, тотъ *жилъ*....
И для *него* земля уже безъ свѣта
И безъ весны!...
Я рыцарь! Этотъ мечъ
Меня въ свою кровавую отчизну
Влечетъ, какъ другъ, и сердцу говоритъ,
Что, послѣ дней любви, осталась только
Героя смерть, дабы земная жизнь
Въ возвышенномъ значеньи совершилась!...

ЕЛЕНА.

О нѣтъ, живи!

МАНУИЛЪ.

Повѣрь: и для тебя
Гораздо лучше, какъ меня не станетъ!
Тебѣ просторнѣй будетъ безъ меня....
Тебѣ великій міръ воспоминаній
Откроетъ смерть моя, и въ тѣ часы,
Когда тебѣ сгрустнется въ чужѣ, будешь
Сочетаваться съ тѣнію моей,
Какъ съ тѣнью Ахиллесса сочеталась
Когда-то Ифигенія, и *ты* —
Ты нынѣ Ифигенія Россіи!

ЕЛЕНА.

Когда ты живъ, то лучше для меня:
Я буду жить въ одномъ съ тобою мірѣ,
Какъ бы въ единомъ зданіи большомъ!
Хоть и встрѣчаться никогда не будемъ,
Но мысль, что мы подъ кровомъ подъ *однимъ*,
Есть призракъ счастья, есть полусвиданье!...
Тебѣ въ Россіи грустно безъ меня
Такъ уѣзжай въ Италію—ты любишь
Страну боговъ!...

СОФІЯ.

Но воротись опять!

Мы будемъ ждать тебя! Любить мы будемъ
Тебя, какъ сына; мы съ тобой, подъ часъ,
Замолвимъ слово про *нее*....

ІОАННЪ.

Угоденъ
Ты былъ мнѣ съ юныхъ лѣтъ; но съ той поры,
Какъ знаменье любви своей великой
Елена возложила на тебя—
Ты у меня поставленъ подлѣ сердца!

ЕЛЕНА.

Такъ воротись въ Москву, и за меня
Люби мою семью, мою Россію!

МАНУИЛЪ.

Я возвращусь, я буду за тебя
Все русское любить съ пристрастьемъ пылкимъ!
Россіи воздухъ будетъ для меня
Твоимъ дыханьемъ сладкимъ... Какъ *тебя* я
Любилъ безмѣрно, буду я любить
Твою Россію, и твоя Россія
Будь сладостная память о тебѣ!...

ЕЛЕНА.

О, Мануилъ!
(*Беретъ его руку; молчаніе.*)
Не собственнымъ блаженствомъ
Я жить должна! ... Дай вспомнить, что Господь
Мнѣ завѣщалъ! ... Дай вспомнить, ради Бога,
Какъ оживаетъ скорбная душа
Величественнымъ благомъ милліоновъ!...
Тяжелъ мой крестъ!... Минула слабость... я
Опять сильна пріять великій жребій,
И я пріемлю съ твердостью!...

МАНУИЛЪ.

Пріими!
Твоя судьба божественна: ты будешь
Создательницей вѣчныхъ въ мірѣ благъ!...
Въ сей грустный часъ, какъ свѣтлое видѣнье,
Надъ нами мудрость Божія паритъ...
Мы познаемъ ея святое дѣло:
Она изъ сокрушенья двухъ сердецъ,
Двухъ преходящихъ призраковъ на свѣтѣ,
Выводитъ въ сущность благоденство царствъ,
Семейственный союзъ полувселенной!...

ЕЛЕНА.

И эти сокрушенныя сердца
Еще живутъ святымъ, великимъ чувствомъ!...

ІОАННЪ (*Елень.*)

По крайней правдѣ сердца твоего
Держи отвѣтъ: сего святаго чувства,
Которымъ ты во днешній день полна,
Достанетъ ли на цѣлый вѣкъ... Подумай:
На цѣлый вѣкъ! То не недѣля, годъ,
А цѣлый вѣкъ!...

ЕЛЕНА.

Единый день Господень,
По времени, что тысяча годовъ!
Достанетъ!...

МАНУИЛЪ.

Ангелъ Божій!

ІОАННЪ И СОФІЯ.

Ангелъ Божій!

ЕЛЕНА.

Настало наше время... Мануилъ!
Мой незабвенный другъ, прости! Будь счастливъ
И безъ меня!...
(*Долгія объятія.*)

МАНУИЛЪ.

Ты страждешь; по *одной*
Слезинкѣ плачешь медленно... Дай волю
Своимъ слезамъ!...

ЕЛЕНА.

Онѣ затмятъ мой взоръ,
А явственно тебя хочу я видѣть
Въ послѣдній разъ.

МАНУИЛЪ (*Іоанну.*)

Такъ отпусти меня
Съ благословеньемъ!

ІОАННЪ.

Я еще съ тобою
Наединѣ прощусь.

СОФІЯ.

И я еще
Тебя увижу.

ЕЛЕНА.

Я, я не увижу!
Прости!... прости!...

МАНУИЛЪ.

Елена!...

ЕЛЕНА.

Мануилъ!...
(*Обнимаются. Мануилъ поспѣшно уходитъ. Елена садится въ кресла и закрываетъ лице покрываломъ. Софія подходитъ и цѣлуетъ ее въ голову.*)

СОФІЯ.

Тебѣ нужна въ сію минуту *матерь*—
И ты ее найдешь въ моей любви!

ІОАННЪ.

Господь рѣшилъ!... Елена! Твой родитель,
Самодержавецъ Русскій, предъ своей
Великой дщерью долженъ поклониться!
(*Припадаетъ къ спинкѣ кресель и остается въ склоненномъ надъ дочерью положеніи.*)

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ПРЕЖНІЕ, ПАТРИКЕЕВЪ; ПОТОМЪ ПОСЛЫ И БОЯРЕ.

ПАТРИКЕЕВЪ.

Пришли послы.

ІОАННЪ.

Послы!.. Не для того
Я ихъ призвалъ—Господь рѣшилъ иначе!
(*Елепѣ.*)
Душа моя! я думаю, теперь
Ты ихъ принять не можешь?

ЕЛЕНА, (*встав и откинувъ покрывало.*)

Все свершилось —
Такъ я могу.... и лучше для меня,
Теперь!

ІОАННЪ,

Такъ приведи
(*Елена становится между обоихъ родителей, которые берутъ ея руки. Послы и бояре.*)

ІОАННЪ.

Послы! Межь нами
Все кончено! Вотъ дочь моя: она
Соизволяетъ на прошенье ваше!

ПЕТРЪ.

Благодаримъ!

СТАНИСЛАВЪ.

Великая Княжна!
Мы въ васъ съ живымъ привѣтствуемъ восторгомъ
Всерадостное счастіе Литвы!

ІОАННЪ.

Я вамъ даю возлюбленную дочерь,
Въ залогъ святаго мира между насъ!
Я бъ не далъ вамъ ея, когда бъ не думалъ,
Что только этимъ способомъ Литва
И—Русь и Польша вмѣстѣ съ ними—будетъ
Со временемъ *единый человѣкъ*,
Сильнѣйшая держава въ цѣломъ мірѣ!
О Господѣ надѣюся того—
И вамъ даю мою родную душу,
Мою Елену!

СТАНИСЛАВЪ.

Государь! съ тобой
Мы дѣлимъ эту свѣтлую надежду
Конечнаго единства нашихъ царствъ!
Въ Монархіи свои съ благоговѣньемъ
Мы дочь твою пріемлемъ и предъ ней
Колѣно клонимъ.....
(*Оба посла преклоняютъ колѣно.*)

ЕЛЕНА.

Да, послы! Я ваша
Монархиня! Возстаньте!...
(*Послы встаютъ.*)
Вы меня
Сопроводите въ Вильну!....
Два родные,
Разрозненные брата съ дѣтскихъ лѣтъ,
Противъ природы, во враждѣ взаимной
Воспитанные, съ яростью ведутъ
Между собою смертный поединокъ.
Меня Всевышній шлетъ ихъ помирить!
Беру у брата Русскаго десницу
И дружески кладу ее во длань
Литвина — братья! дорого мнѣ стоитъ
Миротворенье — стоитъ мнѣ семьи
И родины! Съ горячностью держите
Между собою братскую любовь!
Я всѣмъ для васъ пожертвовала въ жизни,
Чѣмъ только можетъ жертвовать душа—
И такъ *любитесь*, братья, межь собою
Изъ рода въ родъ!

СТАНИСЛАВЪ.

Да будетъ! Мы теперь
На вѣки братья — мы родные братья!.
(*Послы и бояре обнимаются. Елена склоняетъ голову на грудь отца и плачетъ.*)

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

ФЕВРАЛЯ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

СОЧИНЕНІЯ

Захарія Вернера.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

А. СТРУГОВЩИКОВА.

Мы надѣемся, что наши подписчики не взыщутъ, что мы *пятнадцатаго февраля* — даемъ имъ *двадцать четвертое*. *Ред.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Куницъ-Куртъ, швейцарскій поселянинъ.

Гертруда, жена его.

Куртъ, ихъ сынъ (какъ путешественникъ неузнанный.)

Дѣйствіе въ хижинѣ на альпійскихъ горахъ между Кандерштегомъ и Лейкомъ въ Швейцаріи.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ ФЕВРАЛЯ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Изба съ поперечною перегородкою; на ней коса и большой ножъ; въ углубленіи, съ лѣвой стороны, соломенная постель и старыя кресла; на авап-сценѣ столъ и два стула; направо отъ перегородки пучекъ соломы. Комната освѣщена лампадою. Ночь; бьетъ одиннадцать часовъ.

ГЕРТРУДА, *(одна за самопрялкою).*

Одиннадцать.... Изъ Лейка мужъ нейдетъ,
А на зарѣ отправился туда.
Ну, если на дорогѣ что̀ случится?—Боже!
Какая ночь! Какая буря! Такъ!
Я вспомнила, такъ точно, въ этотъ день
И въ этотъ самый часъ свершилось преступленье!
Ужасный ножъ, тебя я помню, помню ссору....
Такъ вотъ февраль! Вотъ страшный, черный день!
Старикъ отецъ, вотъ часъ твоей кончины!
(Послѣ краткаго молчанія.)
Ни хлѣба нѣтъ крохи, чтобъ голодъ утолить,
Ни хворосту, ни дровъ, чтобы согрѣться.
Жестокіе сосѣди взяли все!
О если бъ намъ избавиться отъ нихъ!
Но мы еще должны! Сбылось надъ нами
Твое ужасное проклятіе, отецъ!
Былъ сынъ, одна отрада—нѣтъ его!
Наслѣдовалъ и онъ проклятье дѣла:
Родной сестры убійца—онъ погибъ!
Ахъ, если бъ и меня ты, смерть, не пощадила!
И страшно мнѣ и холодно. Ахъ, чѣмъ бы
Развеселить себя? Спою-ка пѣсню.
(Говоритъ въ забытьи.)
«Что твой ножъ весь въ крови?
Кто твой врагъ, назови!
Я злодѣя убилъ,
Кровью ножъ обагрилъ!»
Вотъ пѣснь! Негодная, изъ головы нейдетъ.
(Къ окну подлетаетъ сова и съ шумомъ ударяетъ крыльями въ стекла.)
Кто тамъ стучитъ? Мой мужъ, не ты ли?
Ахъ, нѣтъ! О, какъ сова къ окну прильнула,
Какъ страшно у нея во тьмѣ сверкаютъ
Огромные глаза; вотъ поднялась,
Летитъ она, и машетъ мнѣ крылами,
Какъ бы зоветъ съ собою въ дальній путь

А говорятъ, сова худой предвѣстникъ:
Знать, скоро быть покойнику у насъ.
Предчувствіе мое стѣснило сердце!
Недоброе сулишь ты мнѣ, судьба!
Какая жизнь! Тоска, да страхъ, да голодъ,
Да вѣчный бури свистъ—вотъ спутники мои,
Вотъ гости дорогіе!—Боже мой!
Хоть пѣсней бы себя развеселить!
(поетъ.)
«Ахъ, какъ хорошъ крестьянскій бытъ —
Одна соха его забота!
Онъ счастливъ, онъ одѣтъ и сытъ,
Награжденъ его работа!
Наденетъ шляпу на бекрень,
Украситъ лентой голубою,
Поетъ и веселъ цѣлый день,
Спокоенъ тѣломъ и душою.»
Стучатъ! *(У дверей слышенъ стукъ; она спѣшитъ отворить.)*
Мой мужъ!—Какъ долго ты ходилъ.

=

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ Кунцъ Куругъ съ дубинкою и фонаремъ въ рукахъ.

ГЕРТРУДА, *(отряхивая снѣгъ съ его платья.)*

Не стыдно ли? Ну гдѣ такъ долго былъ?

КУНЦЪ.

Я до костей промокъ!---Огня!

ГЕРТРУДА.

Огня — ты знаешь...

КУНЦЪ.

Да, знаю я: пѣть дровъ; что за бѣда!
Теперь съ тобой повеселимся мы!

ГЕРТРУДА.

Чему?

КУНЦЪ.

Читай, Господь судьбу рѣшилъ;
Мнѣ самъ Судья бумагу эту далъ.
На мѣсяцъ у него просилъ отсрочки я
Рыдая, на колѣняхъ я просилъ.

ГЕРТРУДА.

Ну, что жъ, онъ далъ тебѣ?

КУНЦЪ.

А вотъ, прочти,
Такъ тверже будешь знать.

ГЕРТРУДА.

О Боже правый!
(Читаетъ въ слухъ.)
«Симъ объявляется союзныхъ войскъ отставному солдату Кунцъ Куруту съ женою, что если они 25-го Февраля къ 8-ми часамъ утра не заплатятъ позаимствованной ими у пастуха Ивана Югера суммы, по векселю въ 300 гульденовъ, то не смотря ни на какія отговорки, домъ его съ землею продать съ публичнаго торга, а какъ вырученныхъ отъ сей продажи денегъ не достанетъ на удовлетвореніе всѣхъ прочихъ его долговъ, то заключить его, согласно съ требованіемъ кредиторовъ, въ темницу. Лейкъ, 24 Февраля. Оберъ Баллійскаго суда Судья и Засѣдатель.»
Творецъ! Скажи, ты къ Югеру ходилъ?
Ужели ты не упросилъ его
Хоть малую намъ дать отсрочку?

КУНЦЪ.

Какже, былъ,
Пыталъ его проспть и умолять,
Чтобъ срокъ продлилъ хоть на недѣлю,
— тщетно!
«Я не богатъ! мнѣ нечего терять,
Ты завтра жеплати, не то, въ тюрьму.
Отъ нищихъ нѣтъ покойнаго мнѣ дня.»
Негодный говорилъ—и вытолкалъ меня.

ГЕРТРУДА.

Но, можетъ быть, сосѣди и родня....

КУНЦЪ.

Что за родня, и знать не хочетъ насъ.
Былъ я у всѣхъ—мнѣ двери указали.

ГЕРТРУДА.

Пока ты былъ богатъ, мы сколько разъ
Кормили ихъ и отъ души ласкали!

КУНЦЪ.

Забыто все!

ГЕРТРУДА.

Да ты теперь принесъ ли что нибудь?

КУНЦЪ.

(Вынимаетъ изъ кармана кусокъ хлѣба и кладетъ на столъ.)

Мнѣ хлѣба далъ ломоть бѣдняжка Генни.
И онъ, какъ мы, съ судьбою не въ ладу.
Ну, съ голода сегодня не умремъ.

ГЕРТРУДА.

А завтра что?

КУНЦЪ.

Насъ поведутъ въ тюрьму.
Но, другъ! Я смерть по волѣ изберу:
Свободный жилъ—свободный и умру.

ГЕРТРУДА.

Ужасенъ ты! Неужли нѣтъ надежды?

КУНЦЪ.

Кто проклятъ разъ, тотъ проклятъ навсегда.

ГЕРТРУДА.

Мой мужъ! Ты знаешь Гретли? Онъ отъ насъ
Недалеко, не болѣе двухъ миль;
Вѣдь въ домъ къ нему забраться не опасно.....
И сыромъ и скотомъ запасся онъ,
А денегъ у него какъ сѣна много!
По вечерамъ онъ пьянъ, живетъ одинъ,
Благословитъ Господь, мы отдадимъ ему.
Ты понялъ, что хотѣла я сказать?

КУНЦЪ.

Что говоришь, жена?

ГЕРТРУДА.

Я въ этомъ вижу
Послѣднее, единственное средство
Спасти себя; а мы, пожалуй,
Когда опять разбогатѣемъ сами,
Что взяли, то ему и возвратимъ!

КУНЦЪ.

Мнѣ предлагать, жена, ты это смѣешь?
Мнѣ, бывшему союзныхъ войскъ солдату?
Ты смотришь на меня и не краснѣешь?
Я знаю, кто былъ Тель и Винкельридъ!
Я этою рукою отнялъ знамя,
За родину сражался, пролилъ кровь!
И мнѣ теперь!... Нѣтъ, нѣтъ, я не таковъ!
Мнѣ ль плутомъ быть, и мнѣ ли воровать?
Ты этого не смѣй и повторять!

ГЕРТРУДА.

Прости меня, мой другъ, и не сердись.

КУНЦЪ.

Подумай, чья ты дочь, и постыдись!
Ты хочешь красть!

ГЕРТРУДА.

Твое несчастье
Въ отчаянье меня приводитъ, Кунцъ!
Да! Жизнію моею я готова
Спасти тебя.

КУНЦЪ.

Заботься о себѣ:
Несчастіе мое уже не ново;
Противиться я не могу судьбѣ,
Но имени отца не посрамлю;
Изъ рода моего я первый буду
Носить оковы—нѣтъ, я это не стерплю!
Рѣшился я, и твердъ останусь въ томъ:
Когда они придутъ, чтобы вести въ тюрьму
И мы дойдемъ вонъ до того утеса,
Надъ озеромъ — я съ смѣлостью знакомъ,
Мнѣ Богъ судья!—Съ утеса брошусь въ воду!

ГЕРТРУДА.

О, Боже мой!

КУНЦЪ.

Нѣтъ средствъ: мнѣ надо умереть.
Лишь смертью отъ тюрьмы себя спасу.

ГЕРТРУДА.

Ахъ нѣтъ! твоей я смерти не снесу,
И неужели нѣтъ другаго средства?
Оставимъ домъ проклятьемъ отягченный,
Пойдемъ туда, въ тотъ благодатный край,
Гдѣ солнце льетъ равно на всѣхъ сіянье,
Въ той сторонѣ ужасныхъ нѣтъ людей,
Богъ милостивъ, жить будемъ подаяньемъ!

КУНЦЪ.

Итти теперь? Зимой? Безъ хлѣба? Нѣтъ, жена!
Напрасный трудъ! Смотри, какъ хорошо
Мы оградить себя умѣли: здѣсь
Высокая стѣна гранитныхъ скалъ,
Тамъ водопадъ надъ бездною, а вотъ
Громады снѣжныя и сосны вѣковыя;
Не хочешь ли, пройдемся погулять.
Чудесная прогулка, ха, ха, ха!
Вотъ будетъ ровно двадцать восемь лѣтъ,
Какъ жребій ты со мною раздѣляешь;
Но мнѣ пора! Быть можетъ, если ты
Останешься одна, Господь скорѣе
Благословитъ тебя съ престольной высоты;
Но будешь, другъ, не подаяньемъ жить.
Трудами обѣщай кормиться — да!
Трудами, говорю. Нѣтъ, Курута жена
Презрѣнной быть не можетъ, не должна.

ГЕРТРУДА.

Не вѣрю, чтобы ты меня оставилъ.

КУНЦЪ.

Вѣрь!
Предъ Бога я предстану, и тогда...

ГЕРТРУДА.

Чтобъ имя посрамить самоубійствомъ?
На поруганіе отдать свою жену?
Мой мужъ! Равно для всѣхъ страдалъ Спаситель;
Теперь и нашъ защитникъ будетъ Онъ!
Ты соблазненъ врагомъ—бѣги его,
О Богѣ вспомни, и молись!

КУНЦЪ.

Съ тѣхъ поръ,
Какъ умеръ онъ, молиться не могу.

ГЕРТРУДА.

О горе, горе!

КУНЦЪ.

На, вотъ Библія, читай.
(*Беретъ лежащую на печкѣ Библію и подаетъ ее Гертрудѣ; изъ книги выпадаетъ листокъ.*)
И за меня молись.

ГЕРТРУДА.

Ты обронилъ листокъ!

КУНЦЪ.

Не тотъ ли это? Да, онъ самый, онъ!
(*Читаетъ.*)
Тысяча семь сотъ семьдесятъ седьмаго года, февраля въ двадцать четвертый день, въ 12 часовъ по полуночи, скончался отецъ мой Христоферъ Курутъ на 75-мъ году отъ....
И крестъ внизу! Смотри, довольно ли великъ,
Чтобы прикрыть имъ то, что произнесъ старикъ?

ГЕРТРУДА.

Не говори, отъ ужаса умру!

КУНЦЪ.

Которое число сегодня?

ГЕРТРУДА.

Все равно.

КУНЦЪ.

Нѣтъ, покажи приказъ, я знать хочу.

ГЕРТРУДА, (*беретъ со стола приказъ, смотритъ и подаетъ его Кунцу.*)

Моли Того, Кто всѣ грѣхи прощаетъ!

КУНЦЪ, (*читаетъ.*)

«Лейкъ, февраля въ двадцать четвертый день.»
Такъ! Въ этотъ день скончался мой отецъ!
Послушай, другъ, изъ Лейка идучи
Тропинкою, что извилась змѣею
По высотамъ Альпъ-Гемми; знаешь ты:
Я мужъ! Не трусъ! Боюсь безчестья только,
Не въ первый разъ пути тропинкой было,
Сто разъ по ней и въ день и въ ночь ходилъ;
Сегодня жъ ей не видѣлъ я конца!
Во тьмѣ ночной, блуждая по утесамъ,
Я тяжкій страхъ почувствовалъ въ душѣ;
Вся жизнь моя, какъ бы грамада скалъ,
Гдѣ выхода напрасно я искалъ,
Передо мной нестройная носилась!
Минуя озеро, съ утеса на долину
Я устремилъ мой взоръ, и въ ней
Все было тьмой, какъ въ совѣсти моей.
Направилъ путь къ восточной сторонѣ,
Взглянувъ впередъ: грядою облака
По ледянымъ грамадамъ разстилались.
Вотъ, вижу, снѣжною качая головой,
Изъ нихъ одна возстала предо мной.
То образъ былъ отца въ тяжеломъ, мертвомъ снѣ.
Отъ ужаса во мнѣ вся кровь застыла,
И замеръ я, какъ будто былъ на плахѣ.
Но вдругъ, смотрю, откуда ни возмись,
На ручку фонаря, который догаралъ,
Какъ на берегъ морской, спокойно воронъ сѣлъ. —
Онъ замахалъ крылами, и отъ крылъ
Раздался стонъ, какъ будто стонъ отца;
Онъ между тѣмъ свой клювъ точилъ о край фонарный.
И вспомнилъ я ужасный ножъ!
(*Показываетъ на стопу.*)
Жена!
Я задрожалъ впервые, какъ ребенокъ!

ГЕРТРУДА.

Ахъ, замолчи!

КУНЦЪ.

Мнѣ въ сердце мысль проникла;
Убійца ты!—Убійцу сына вспомнилъ,
И я сомкнулъ отъ ужаса глаза!

ГЕРТРУДА.

Молись, мой мужъ! Забудь проклятье!

КУНЦЪ.

Нѣтъ!
Убійство мнѣ путь къ небу заградило!
(*Слышенъ стукъ у дверей.*)

ГЕРТРУДА.

Стучатъ! —

КУНЦЪ.

Ужъ не мертвецъ ли всталъ изъ гроба?

ГЕРТРУДА.

О нѣтъ, конечно къ намъ отъ бури путникъ
Сюда зашелъ.

КУНЦЪ.

Приди хоть духъ нечистый,
Я не боюсь! Чего бояться мнѣ?
(*Гертруда отворяетъ дверь.*)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

(Входитъ Куртъ въ хорошемъ дорожномъ одѣяніи, съ рапирою, капканомъ и поясомъ, изъ котораго торчатъ два пистолета, въ рукахъ потухшій фонарь и длинный посохъ.)

КУРТЪ.

Богъ въ помощь!

КУНЦЪ.

Просимъ, добрый путникъ!

КУРТЪ.

Позвольте мнѣ.... (*про себя.*)
Благодарю, Создатель!
Восторгъ души я скрыть едва могу!

КУНЦЪ.

Къ услугамъ! Что угодно вамъ?

КУРТЪ.

Прошу пріюта,
Покоя теплаго прошу, хозяинъ мой!

КУНЦЪ.

О съ радостью: пучкомъ соломы даже
Могу служить, почтенный господинъ!
И если только вамъ....

КУРТЪ.

Бесѣда, ласки ваши,
Усталаго, меня, на часъ развеселятъ.

КУНЦЪ.

Чѣмъ Богъ послалъ, сердечно ради всѣмъ.
Что видите, здѣсь все къ услугамъ вашимъ.
Да только вамъ немного пользы въ томъ:
Мы въ голодѣ и холодѣ живемъ,
И этотъ хлѣбъ—вотъ наше все имѣнье!

КУРТЪ, (*про себя.*)

Тоска и скорбь мнѣ сердце раздираютъ.
Какъ бѣдствіе родителей ужасно!
Зачѣмъ же медлю я ихъ участь облегчить?
Однако, нѣтъ, я испытаю ихъ: быть можетъ
Съ меня еще не снялъ проклятія отецъ.

ГЕРТРУДА, (*Кунцу.*)

Онъ добрый, кажется, такой.

КУНЦЪ.

Да, можетъ быть.

ГЕРТРУДА, (*обивая снѣгъ съ Курта.*)

Вы отъ бѣды спаслись, мой господинъ!
Зимою, въ ночь, ходить у насъ опасно;
Притомъ одни, почти непроходимъ
Здѣсь переходъ чрезъ Альпы — и напрасно....

КУРТЪ.

Я съ молода еще привыкъ къ утесамъ:
Швейцарія — отечество мое!

КУНЦЪ.

Швейцарецъ вы? О браво, какъ я радъ!
Вы мнѣ землякъ, и стало быть, товарищь.
(*Подаетъ ему руку.*)

КУРТЪ, (*про себя.*)

Твоя рука! Я къ сердцу моему
Прижать ее хотѣлъ бы, мой родитель!

КУНЦЪ.

Вы знаете ль, какую руку жмете
Преступную? она того не стоитъ!
И если вы....

КУРТЪ, (*про себя.*)

Несчастный мой отецъ!
Отъ горести и рѣчь моя застыла!

КУНЦЪ.

Устали вы. Ложитесь на солому,
Въ несчастіяхъ товарищь будьте намъ

КУРТЪ.

Забудемте сегодня о несчастьяхъ.
Есть у меня въ запасѣ фляжка водки,
Рейнвейну двѣ....
(*Онъ вынимаетъ изъ кармановъ фляжки, хлѣбъ и кладетъ на столъ.*)

КУНЦЪ.

Изрядно запаслись!

КУРТЪ.

Покорнѣйше прошу! (*Они садятся.*)
А вы, Гертруда?

ГЕРТРУДА.

Вы знаете меня? Скажите, это какъ?

КУРТЪ.

Я—только такъ сказалъ....

КУНЦЪ (*жене.*)

Э, э, да онъ
Не то, чтобы спроста...

КУРТЪ, (*про себя.*)

Въ моей душѣ
И радость и тоска; хотѣлъ бы и боюсь,
Боюсь открыться я.

КУНЦЪ, *(про себя.)*

Оно довольно странно.

КУРТЪ, *(про себя.)*

Предчувствіе меня гнететъ!

(Онъ вынимаетъ изъ ранца три кружки; Кунцъ часто и много пьетъ.)

Хозяинъ добрый!
Я пью за васъ, вы пьете за меня.

КУНЦЪ.

Не такъ гостей хозяинъ угощаетъ.

ГЕРТРУДА.

Но, говорятъ, что бѣдность не порокъ.

КУНЦЪ.

За упокой.

КУРТЪ.

У каждаго изъ насъ,
Конечно есть и грѣхъ и горе на душѣ.
Такъ выпьемте теперь за примиренье
И всѣхъ и каждаго; забудемъ и простимъ.

КУНЦЪ.

Нѣтъ, ни за что!

КУРТЪ, *(въ пол-голоса.)*

Прости!

КУНЦЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!

ГЕРТРУДА.

О какъ душѣ пріятно, какъ давно,
Я не пила отраднаго вина!

КУРТЪ.

Покорнѣйше прошу! Вамъ надо подкрѣпиться.

КУНЦЪ.

Благодарю, я придержусь вина:
Оно меня согрѣетъ.

КУРТЪ.

А теперь,
Я попрошу у васъ ножа, дорогой
Я потерялъ свой ножъ.

КУНЦЪ, *(жене.)*

Поди достань!

(Гертруда встаетъ, снимаетъ со стѣны ножъ, и садясь опять за столъ, подаетъ его Курту.)

КУРТЪ.

А нѣтъ у васъ ножа другаго?

ГЕРТРУРДА.

Нѣтъ!
Одинъ у насъ.

КУРТЪ, *(про себя.)*

Все кровь еще на немъ!
О лучше бъ не былъ я на свѣтъ рожденъ!

КУНЦЪ.

Вы—что примѣтили?

КУРТЪ.

Кровавое пятно...

КУНЦЪ.

Гмъ! Почему жъ кровавое оно?

КУРТЪ.

Я—только такъ сказалъ—

КУНЦЪ.

Ну, налпвайте,
Почтенный гость! — Прошедшее далеко.
Но только чуръ не говорить о томъ,
Чего не знаете, и даже не видали.

КУРТЪ.

За вашего пью сына; пейте вы,
Когда онъ живъ еще.

ГЕРТРУДА.

Ахъ, нѣтъ....

КУРТЪ, *(про себя.)*

О матерь!

КУНЦЪ.

Давнымъ давно онъ умеръ. А не правда-ль,
И намъ пора!

ГЕРТРУДА.

Довольно мы терпѣли!

КУНЦЪ.

Признаться, васъ не понимаю я.
Скажите мнѣ, зачѣмъ вы такъ одѣты,
И на какой конецъ оружьемъ запаслись?
Все это странно мнѣ; и какъ вы въ ночь,
Въ глухую эту ночь, сюда попали?

КУРТЪ.

Я въ Лейкъ иду; тамъ надо завтра быть
Ранехонько поутру, есть нужда,
И потому я долженъ торопиться.
Чтобъ время выиграть, я взялъ кратчайшій путь.

КУНЦЪ.

(*Подаетъ ему руку и жметъ ее.*)

Землякъ! Идемъ съ тобою завтра вмѣстѣ.

КУРТЪ, (*съ смущеніемъ.*)

Рука, какъ смерть холодная у васъ.

КУНЦЪ.

Боитесь смерти вы?

КУРТЪ.

О нѣтъ, ея я не боюсь ни мало!
Не разъ она передо мной летала:
Я былъ солдатъ.

КУНЦЪ.

Такъ чекнемся, товарищъ!
Въ сраженіяхъ бывалъ и я, пріятель!

КУРТЪ.

Скажите мнѣ, былъ сынъ у васъ?

КУНЦЪ.

О немъ ни слова.

ГЕРТРУДА.

Ужъ мы давно лишились его!

КУНЦЪ.

И потому молчи, ни слова, говорю!

КУРТЪ.

По правдѣ, вамъ сказать: я здѣсь бывалъ,
Я въ Шварбахѣ нерѣдко пировалъ.
Здѣсь славная гостинница была.

КУНЦЪ, (*про себя.*)

Тфу, чортъ! Онъ знаетъ все.

КУРТЪ.

А нынче
Все пусто здѣсь, вездѣ нужда и бѣдность.....

КУНЦЪ.

Вамъ все равно. Да здравствуетъ война!

КУРТЪ.

Скажите, отъ чего вы обѣднѣли?

КУНЦЪ.

Чтобъ это объяснить, начнемъ сначала;
Про моего отца придется разсказать.

ГЕТРУДА.

Мой мужъ, тебя вино разгорячило!

КУНЦЪ.

И съ сѣдою головою
Былъ я парень хоть куда;
Я съ солдатскою душею
Первый шелъ въ огонь всегда!
Велъ себя исправно, честно
И не трусилъ на войнѣ;
Мнѣ за то въ отставкѣ лестно
Вспоминать о старинѣ.
Всѣ меня въ полку любили,
И начальникъ и солдатъ;
Мнѣ за то не позабыли
Выдать славный аттестатъ!
А когда не сталъ служить,
Старичекъ, отецъ мой, снова
Предложилъ мнѣ вмѣстѣ жить,
Но—я болѣе ни слова.

КУРТЪ.

За упокой души его.

КУНЦЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!

ГЕРТРУДА.

О, примирись!

КУНЦЪ.

Не въ силахъ я, жена!

Нѣтъ! Ядомъ я не отравлю вина.
Повѣрьте, мой отецъ былъ дорогъ мнѣ!
Я смѣло шелъ противу града пуль;
Но какъ его проклятье загремѣло,
Не устоялъ.—Смотри, какъ онъ дрожитъ.

(Указываетъ на Курта.)

КУРТЪ.

Оставьте это...

КУНЦЪ.

Нѣтъ, судите сами:
Дѣло надо разобрать:
Про отца я вамъ сказалъ,
Что къ себѣ меня онъ взялъ
Чтобъ хозяйствомъ управлять.—
Я мужчина въ тридцать лѣтъ,
Тѣломъ свѣжій, статный, плотный,
Мнѣ тогда былъ красенъ свѣтъ;
Но какъ парень беззаботный,
Разсудилъ, что мнѣ нужна
Къ счастью добрая жена.—
Воборъ многимъ предстоялъ—
Жребій на нее упалъ!
Пусть она была бѣдна,
Бѣдность, право, не вредна!
Былъ бы хлѣбъ, и нѣтъ нужды!
Долгу нѣтъ—такъ нѣтъ бѣды!
Я сперва въ нее влюбился,
А потомъ на ней женился.

ГЕРТРУДА.

Безъ отцовскаго согласья
И безъ вѣдома его!

КУНЦЪ.

Вотъ, что болѣе всего
Насъ тревожило весь вѣкъ:
Онъ былъ страшный человѣкъ:
Ссорился всегда съ женою,
А за это и со мною!
Былъ объ ней дурнаго мнѣнья,
Съ ней жестоко поступалъ,
Негодяйкой называлъ.
Разъ, я вышелъ изъ терпѣнья;
Двадцать слишкомъ лѣтъ прошло
Съ той поры, вотъ, въ февралѣ
Въ это самое число,
Въ полночь и во время святокъ:
Межъ тѣмъ, какъ жена занимлася въ домѣ хозяйствомъ,
Сварливый старикъ мой шумѣлъ, и кричалъ, и бранился;
Порядкомъ въ гостяхъ у друзей подгулявши въ тотъ вечеръ,
Домой возвращаюсь, и вижу, жена моя плачетъ
Безвинно, и проситъ она у него же пощады:
Смутился я духомъ, во мнѣ ретивое забилось,
И я замахнулся, однако не съ тѣмъ, чтобъ ударить.
Хоть знаю, что худо я сдѣлалъ, вы въ этомъ повѣрьте;
Но видѣть все близкое къ сердцу въ обидѣ мнѣ тяжко.
Я могъ воздержаться сначала, но послѣ не вынесъ;
Молчаньемъ хотѣлъ я унять его лютую ярость;
Но онъ, какъ и прежде, стучалъ и, ругалъ, и сердился.
Тутъ взявшись за косу, ее началъ точить, смѣючися,
Сказавъ, что трава подрастетъ, надо будетъ косить зеленую.
За дѣло принявшись посвистывать сталъ я изъ пѣсни,
Что здѣсь старикомъ пастухомъ сложена и поется:

Наденетъ шляпу на бекрень
Украситъ лентой голубою,
Поетъ и весель цѣлый день
Спокойный тѣломъ и душою.

Какъ я пѣсню ту пѣлъ, онъ все пуще ругалъ,
И шумѣлъ, и стучалъ, и ногами топталъ.
Негодяйка! Опять повторилъ онъ женѣ.
Взволновалася кровь отъ досады во мнѣ!
И проклятымъ ножемъ, что я косу точилъ,
Тѣмъ ножемъ я въ него безъ пощады пустилъ!

(Пьетъ.)

Но старикъ мой удара не вынесъ, и весь посинѣлъ!

«Проклинаю тебя, и жену, и любви вашей плодъ!
Погубите другъ друга, какъ вы погубили отца!
Его кровь тяготѣетъ на васъ!» завопилъ онъ, и вдругъ
Ударившись тяжко, онъ мертвый лежалъ на полу.

ГЕРТРУДА (*указывая на Курта.*)

Какъ страшно онъ въ лицѣ перемѣнился.

КУРТЪ.

Разсказъ, да и вино, встревожили меня.
Но пейте,—тамъ спокойны будемъ, пейте!

КУНЦЪ.

А знаете ли вы, что мнѣ однажды
За чарою вина разсказывалъ отецъ:
Разсказывалъ, что въ февралѣ — какъ странно!
Въ двадцать четвертый день — несчастный день!
Онъ сдѣлался убійцей— и кого же?
Палъ жертвою родной его отецъ!
Вотъ, говорятъ, что будто надъ могилой
Того, кто нанесетъ ударъ отцу,
Преступница рука растетъ изъ гроба,
Но я тому не вѣрю. Сколько разъ
Я на себѣ испытывалъ повѣрье,
И надъ его могилою стоялъ:
Трава растетъ—руки я не видалъ!

КУРТЪ.

Вы, кажется, хотѣли мнѣ сказать
Причину, отъ которой обѣднѣли.

КУНЦЪ.

Я съ смертію отца извѣдалъ много горя!
Хотя по прежнему мы съ нею дружно жили,
Но тѣнь его казалася всегда
Бродила неразлучно между нами.
Прошло недѣли три со дня его кончины,
Какъ родила жена—о Боже! сына!
Кровавый знакъ носилъ онъ отъ рожденья:
Знакъ Каина носилъ онъ на рукѣ,
И съ нимъ то я всѣ горести извѣдалъ.
Ну, Богъ проститъ ему.

КУРТЪ.

А вы?

КУНЦЪ.

Его ужъ нѣтъ!
Но слушайте, жена, пять лѣтъ спустя,
Дочь родила—прекрасное дитя.

(*Курть встаетъ.*)

КУНЦЪ.

Вы ищете чего то?

КУРТЪ.

Нѣтъ: такъ долго
Я не могу сидѣть.

(*Онъ ходитъ въ продолженіе слѣдующаго разговора взадъ и впередъ.*)

КУНЦЪ.

Ну, точно Куртъ:
На мѣстѣ не сидѣлося ему!
Онъ былъ не глупъ, не золъ; но вотъ несчастье:
Строптивъ, упрямъ бывалъ онъ иногда,
И отъ чего бъ, вы думали?

КУРТЪ.

Не знаю.
Какъ холодно у васъ...

КУНЦЪ.

Послушайте,
Однажды что́ случилось въ февралѣ.
Въ день смерти старика съ сестрою онъ игралъ:
Ей было два года—ему минуло семь —
Здѣсь на полу несчастный ножъ лежалъ,
Жена предъ тѣмъ цыпленка заколола.

ГЕРТРУДА.

Теперь еще о томъ ужасно вспомнить!

КУНЦЪ.

Исчадный то подмѣтилъ, и сестрѣ
Вдругъ говоритъ: «Мы также стряпать станемъ,
Цыпленокъ ты» Въ рукахъ я вижу ножъ,
Спѣшу къ нему, смотрю—и смѣхъ и горе:
Сестра въ крови—убійца братъ родной!

КУРТЪ.

Вы прокляли его?

КУНЦЪ.

Я съ горяча
Не могъ себя отъ сердца воздержать!
Вы знаете, что судъ дѣтей прощаетъ,
А мнѣ его хотѣлось наказать,
И потому его я проклялъ—да!

КУРТЪ.

Но вы теперь, я думаю, простили?

КУНЦЪ.

Господь прощаетъ всѣхъ!

КУРТЪ, *(про себя)*

О, мой отецъ!
(Громко.)
А если бъ онъ теперь съ раскаяньемъ пришелъ?

КУНЦЪ.

Его простить бы могъ, но видѣть—никогда!

КУРТЪ, *(про себя.)*

О горе мнѣ!
(Громко.)
Извѣстья отъ него
Вы съ той поры не получали?

ГЕРТРУДА.

Нѣтъ.
Мой мужъ въ сердцахъ хотѣлъ его зарѣзать!
Не знала я отъ страха, что начать!
Чтобы спасти его, послала къ дядѣ.
Мой дядя былъ ученый человѣкъ,
И мнѣ писалъ: «Вашъ сынъ съ большимъ умомъ;
«Но страненъ онъ и дикъ, притомъ разсѣянъ,
«Охоты нѣтъ къ ученью, и строптивъ.
«А станетъ кто его въ томъ упрекать,
«То плачетъ горько онъ, и говоритъ:
«Ему нигдѣ покою не даетъ
«Родимое пятно.» Такъ онъ писалъ. —

КУРТЪ.

Скажите мнѣ, вы плакали о немъ,
Когда потомъ отъ дяди онъ бѣжалъ?

ГЕРТРУДА.

О!....

КУНЦЪ *(Гертрудѣ.)*

Берегись, жена, онъ знаетъ все!

ГЕРТРУДА.

Скажите, гдѣ вы слышали про сына?

КУРТЪ.

Я — только такъ сказалъ.....

КУНЦЪ.

Ну, право, это странно.

ГЕРТРУДА.

Сынъ жизни не былъ радъ; еще ребенкомъ
Изъ школы онъ нерѣдко уходилъ!
И дядя, какъ-то разъ, чтобы его исправить,
Въ рабочій отдалъ домъ,— тутъ онъ бѣжалъ совсѣмъ,
Какъ говорятъ, въ Парижъ; во время бунта,
Писали намъ, что будучи солдатомъ,
Онъ тамъ погибъ; и съ той поры о немъ
Извѣстья нѣтъ.

КУРТЪ.

А если бъ воротился?

ГЕРТРУДА.

Оттуда кто воротится домой?

КУНЦЪ.

Вы, кажется, смѣетесь надо мною.
Какой вопросъ!—Вѣдь я же вамъ сказалъ,
Что умеръ онъ,— чтобъ чортъ меня побралъ!

КУРТЪ.

(Ходитъ взадъ и впередъ и говоритъ, какъ бы въ разсѣянности.)

А все таки за вами есть вопросъ;
Скажите, отъ чего вы обѣдняли?

КУНЦЪ.

Что пользы мнѣ объ этомъ говорить,
Что вамъ до насъ? Вы все хотите знать,
Вопросамъ нѣтъ конца, а коротко сказать:
Все, что имѣлъ, я все и потерялъ.
Папинъ хлѣбъ сгорѣлъ, а черезъ годъ случился
Падежъ скота, а тамъ неурожай;
Все вмѣстѣ до конца насъ разорило!

КУРТЪ.

(Садясь опять за столъ.)

Какъ мнѣ васъ жаль. Могу ли чѣмъ служить?

КУНЦЪ.

Да! Деньги есть? Такъ одолжите намъ!

КУРТЪ.

О какъ небыть. Для васъ я больше бъ сдѣлалъ.
Но до утра насъ не оставитъ Богъ;
Имѣйте хоть до завтра вы терпѣнье!

КУНЦЪ.

Все: завтра, Богъ подастъ. Вотъ утѣшенье;
Но правду вамъ сказать, вину я очень радъ;
Прекрасное вино!—Скажите жъ мнѣ,
Вы какъ сюда въ глухую ночь попали?

КУРТЪ.

И я, какъ вы, извѣдалъ много горя.

КУНЦЪ.

По этому товарищи мы съ вами?

КУРТЪ.

Однажды,—я тогда ребенкомъ былъ,—
И, какъ вашъ сынъ, въ несчастную минуту
Подобное убійство совершилъ.

КУНЦЪ

Послушаемъ!

КУРТЪ.

Не растравляйте раны;
Объ этомъ я не смѣю говорить.
Чтобъ отъ бѣды спастись, я въ Бернъ бѣжалъ,
Тамъ сталъ служить, и былъ по службѣ счастливъ;
При томъ меня Полковникъ полюбилъ,
И многое въ полку мнѣ довѣрялъ.
Во время бунта онъ отправился въ Парижъ,
За Короля несчастнаго сражаться.
Онъ честью былъ всегда руководимъ.
Хоть тяжело съ отечествомъ разстаться,
Но долгъ велѣлъ,—я слѣдовалъ за нимъ.

КУНЦЪ.

Вы видѣли союзныя войска
И были при сраженьи Тюллерійскомъ?

КУРТЪ.

Ужасную я помню ночь: она,
Какъ самыя дѣла, была черна;
И съ умысломъ, казалось, сводъ небесный
Въ ту ночь огонь свой потушилъ чудесный.
Безъ ужаса я вспомнить не могу!

КУНЦЪ.

Что жъ далѣе?

КУРТЪ.

Полковникъ мой и я
Рѣшились въ Америку отплыть.
Одна нужда, несчастія одни,
И родины таинственная сила,
Насъ дружбою навѣкъ соединила.
На край бы свѣта я пошелъ за нимъ;
Я имъ, онъ мною былъ руководимъ.
Отправились мы прямо въ Сенъ-Доминго;
Товарищъ тамъ плантацію купилъ.

КУНЦЪ.

Скажите, какъ вы въ новомъ свѣтѣ жили?

ГЕРТРУДА.

Тамъ счастливо, я думаю, живутъ?

КУРТЪ.

Вездѣ равно, какъ въ старомъ, такъ и въ новомъ;

Зависитъ все отъ головы и сердца.
(Показываетъ на сердце и голову.)
О если бъ я не слѣдовалъ за нимъ,
Онъ былъ бы живъ! Онъ умеръ за меня
И на моей груди. Я занемогъ горячкой,
Онъ отъ меня на шагъ не отходилъ
И скоро самъ жестоко заразился.
Моя болѣзнь прошла, а онъ меня
Прижалъ къ груди, и съ жизнію простился.

КУНЦЪ *(про себя.)*

Какъ ножъ тогда упалъ, тотъ посинѣлъ,
Какъ хорошо смерть дѣло понимаетъ.

КУРТЪ.

Зачѣмъ меня ты пощадила, смерть?
Убійство насъ давно соединило!
Онъ отказалъ мнѣ все свое имѣнье.
Вотъ я разбогатѣлъ, а что въ томъ пользы?
Что золото?—Гдѣ радость и покой,
Когда въ груди нѣтъ тишины святой?

КУНЦЪ.

Ты слышала?.. Что жъ остается мнѣ?

КУРТЪ.

Но иногда и злому вопреки,
Надъ головой веселіе летаетъ.
Отчаянью надежда говоритъ,
Издалека мнѣ шепчетъ и взываетъ:
«Въ отечествѣ тебя ждетъ примиренье!»
Я слышу плескъ озеръ Швейцаріи родной
И шумное паденье водопада;
Они меня зовутъ: приди домой!
И ледниковъ ужасная грамада
Мнѣ говоритъ съ вершины горъ: приди,
Я преклонюсь, растаю предъ тобой.
И вотъ меня ужъ радостно встрѣчаетъ
И рогъ и пѣснь младаго пастуха,
И вотъ меня родитель обнимаетъ!..
(Опомнившись.)
Играла такъ мечта въ странѣ чужой,
И такъ звала меня въ мой край родной!!—
Теперь спѣшу родителей обнять,
Которыхъ не видалъ ужъ двадцать лѣтъ.
Быть можетъ, что и въ бѣдности они.
Я принесу родимымъ въ утѣшенье
Съ восторгомъ все имущество мое.
Въ ногахъ у нихъ я вымолю прощенье!
Настанетъ онъ, давно желанный часъ,
Блаженный часъ! Я снова оживаю!
Отца къ груди я завтра прижимаю!
(Кунцъ встаетъ.)
(Гертруда, которая прежде встала и приготовила соломенную постель за перегородкою, теперь опять входитъ въ комнату.)

КУНЦЪ.

А... гдѣ... они... живутъ?

КУРТЪ.

Вотъ, здѣсь, отсюда
Не болѣе, какъ съ милю.

КУНЦЪ.

Быть не можетъ.
Двѣ мили до ближайшаго сосѣда.
Онъ подозрителенъ. *(Про себя.)*

ГЕРТРУДА.

Скажите мнѣ,
Вы слышали въ Парижѣ, можетъ быть—
О сынѣ?

КУРТЪ.

Да, о бѣдномъ Куртѣ.—

КУНЦЪ, *(про себя.)*

И про него онъ знаетъ!

ГЕРТРУДА.

Говорятъ,
И онъ, какъ всѣ, сталъ жертвою народа?

КУРТЪ, *(про себя.)*

Я испытать ихъ долженъ!
(Громко.)
Да, я былъ
Свидѣтелемъ его несчастной смерти;
Онъ даже на моихъ рукахъ скончался.

ГЕРТРУДА.

О если бы теперь еще онъ жилъ!
Охотно бы ему я все простила!

КУРТЪ.

(Въ нетерпѣніи броситься ейвъ ноги.)
О!

КУНЦЪ.

Не люблю я этого притворства.
Что вамъ до насъ! — Ложитесь лучше спать,
Вонъ тамъ въ углу давно васъ ждетъ солома.

КУРТЪ, *(подумавши.)*

Простите, добра ночь; но я прошу
Въ восьмомъ часу меня вы разбудите.

КУНЦЪ.

Когда не я, разбудитъ стража васъ,
Которая прійдетъ за нами завтра.

КУРТЪ.

Что говорите вы?

КУНЦЪ.

Такъ филинъ прокричалъ!

КУРТЪ.

Когда прійдетъ за вами стража?

КУНЦЪ.

Завтра
Въ восьмомъ часу.

КУРТЪ.

Такъ разбудите въ семь!

КУНЦЪ.

Я вижу, вы бѣжите отъ суда —
Вамъ вѣрно отъ него ужъ доставалось.

КУРТЪ, *(про себя.)*

Въ душѣ моей и радость и тоска!

КУНЦЪ.

Ложитесь спать.

КУРТЪ.

Спокойна ночь!

КУНЦЪ.

Вамъ также.

КУРТЪ.

Ну, завтра все рѣшится!

ГЕРТРУДА.

Добра ночь!
(Она зажигаетъ въ фонарѣ свѣчу лампою, стоящею на столѣ, и отдаетъ фонарь Курту; онъ уходитъ въ каморку.)

КУНЦЪ.

Вотъ праздникъ былъ! Ну, чортъ меня возьми!
Теперь всему конецъ; осталась ночь одна.
(Садится въ кресла, за столъ.)

ГЕРТРУДА.

(Беретъ ножъ со стола и вѣшаетъ его подлѣ косы на стѣну.)
Да! Странный гость! Изъ головы нейдетъ.

КУРТЪ.

(Говоритъ въ комнатѣ самъ съ собою.)
То не мечта! Я подъ одной съ ней кровлей.
Желанный часъ, когда настанешь ты?
(Снимаетъ съ себя верхнее платье.

КУНЦЪ.

(Гертруду, которая смотритъ въ щель перегородки.)
Не стыдно ли подсматривать, жена?

ГЕРТРУДА.

Онъ кошелекъ свой вынулъ, — и его
Кладетъ на столъ. — Какъ много денегъ въ немъ!

КУНЦЪ.

Я думаю, хозяина съ тѣхъ поръ
На свѣтѣ нѣтъ, какъ онъ ему достался!

ГЕРТРУДА.

Что ты сказалъ?

КУНЦЪ.

Иди, ложися спать.

КУРТЪ *(за перегородкой.)*

Какъ часто я ребенкомъ засыпалъ
Здѣсь, въ комнатѣ, подъ пѣсни пастуховъ,

О, если бъ вы меня не оставляли,
Невинные, младенческіе сны!

(Онъ бросается, полураздѣтый, въ старыя соломенныя кресла.)

ГЕРТРУДА.

Теперь онъ самъ съ собою говоритъ
О золотѣ! —

КУНЦЪ.

Иди! ложися спать!

ГЕРТРУДА.

(Подходитъ къ столу, за которымъ сидитъ Кунцъ.)

Не будь такъ дикъ и страненъ: я иду!
А что же ты начнешь? Послушай, часто онъ
И много такъ про сына говорилъ, —
Что бъ это значило?

КУНЦЪ.

Молчи, жена!
Не раздражай меня; не то, клянуся, въ ночь
Сегодня же уйду!

ГЕРТРУДА.

Кунцъ! Боже мой,
Что мнѣ на мысль пришло! Ну, если сынъ,
Котораго считаемъ мы убитымъ,
Теперь у насъ? И это былъ бы онъ?
Надеждою духъ матери согрѣтъ!

КУНЦЪ.

Не вынесу, жена, въ томъ честь порукой!
Не знаешь ты, и развѣ не читала,
Что въ ночь, когда Союзниковъ разбили,
Убитъ нашъ сынъ? Вѣдь онъ солгалъ,
Что вмѣстѣ съ нимъ служилъ, безсовѣстно солгалъ!
Возможно ли, чтобъ сынъ давно умершій,
Изъ гроба всталъ и къ намъ теперь явился?
Нѣтъ, милая, не вѣрю сказкамъ я:
Кто за порогъ могилы перешелъ,
Тотъ на землѣ себѣ не сыщетъ мѣста.

КУРТЪ.

Не знаю, что могло мнѣ помѣшать,
Сегодня же открыться? Случай былъ,
Какой то смутный, непонятный страхъ
Удерживалъ меня. Съ какимъ восторгомъ
Прижалъ бы къ сердцу я отца и матерь!
Покорными и нѣжными словами
Я бъ испросилъ прощеніе у нихъ!
Но тщетно грудь признаніемъ дышала:
Въ устахъ оно отъ страха замирало!

ГЕРТРУДА.

(Которая между тѣмъ, готовясь лечь спать, садится на солому.)

А кто бы это былъ?

КУНЦЪ.

Ну, кто? Извѣстно!
Какой нибудь бродяга!

ГЕРТРУДА.

Онъ сказалъ:
Родители живутъ отсюда близко.

КУНЦЪ.

Солгалъ! — Сама ты знаешь, что зимой
Здѣсь совы лишь живутъ, да мы съ тобой!

ГЕРТРУДА.

Но онъ такъ тихъ и добръ. —

КУНЦЪ.

Ты думаешь?
Не видѣла ты развѣ, какъ онъ вдоль
По комнатѣ разсѣянный ходилъ,
И какъ на насъ сверкалъ глазами страшно?
Кто былъ солдатъ, тотъ дѣло понимаетъ!
Я молодцовъ такихъ встрѣчалъ нерѣдко:
Ихъ узнаютъ по огненнымъ глазамъ,
По безпокойному движенью, будто вслѣдъ
Его самъ духъ нечистый гонитъ! Вѣрь мнѣ:
Въ комъ совѣсть нечиста, тотъ всѣхъ бѣжитъ,
И всѣхъ равно подозрѣваетъ. Вѣрь!

ГЕРТРУДА.

Онъ на столѣ еще вино оставилъ.
Налей себѣ; оно тебя согрѣетъ.

КУНЦЪ.

Пожалуй! — За его здоровье пью!

(*Онъ наливаетъ себѣ и пьетъ, что въ продолженіе слѣдующей сцены онъ, какъ бы въ забытьи, повторяетъ.*)

ГЕРТРУДА, (*лежа на соломѣ, въ половинѣ сна.*)

Какъ страшно ты, судьба, играешь нами!
(*Засыпаетъ.*)

КУНЦЪ.

Хотѣлъ аминь сказать ; но съ той поры,
Какъ проклятъ я, аминь сказать не смѣю.

КУРТЪ, (*въ комнаткѣ.*)

Зачѣмъ, о Боже всеблагій!
Меня тревожишь привидѣньемъ !
Ты примири его со мной.
Сестра, быть можетъ, съ сожалѣньемъ
Теперь мнѣ руки подаетъ
И за меня къ престолу Бога
Она теперь молитву шлетъ !

КУНЦЪ.

Вотъ скоро полночь, что то будетъ завтра,
Когда часы пробьютъ здѣсь полдень? Да,
Не весело ! Какъ совы страшно воютъ!
А дѣлать нечего, съ утеса прямо въ воду.
Неужели иначе быть не можетъ ?
Не можетъ ? !

ГЕТРУДА, (*во снѣ тяжело вздыхаетъ.*)

Ахъ!

КУНЦЪ.

Она и самый домъ — все стонетъ!
Несчастный домъ! Нѣтъ никому отрады!
Бродяга тотъ, быть можетъ, онъ одинъ
Спокойно можетъ спать подъ этой кровлей. —
Онъ съ золотомъ. Ну !Я за то съ виномъ!
О если бъ ты, вино, меня спасло !
Да! Золото его могло бы . . . Нѣтъ !
Прочь отъ меня ты, дьяволъ искуситель!

ГЕРТРУДА, (*во снѣ.*)

«Что твой ножъ весь въ крови?
«Кто твой врагъ, назови !»

КУНЦЪ.

Она поетъ во снѣ! Мнѣ что-то страшно
Отъ этой пѣсни стало. Эй! Проснись !

ГЕРТРУДА, (*какъ прежде.*)

«Сатану я убилъ.»

КУНЦЪ.

Какъ тяжело она и сильно дышитъ!
Не легокъ вѣрно сонъ! Я разбужу ее.

ГЕРТРУДА, (*какъ выше.*)

«Кровью ножъ обагрилъ!»

КУНЦЪ, (*громко.*)

Жена !

ГЕРТРУДА, (*оправляясь отъ сна.*)

А? Что?

КУНЦЪ.

О Чемъ ты говоришь?

ГЕРТРУДА.

Мнѣ тяжело, мой другъ.

КУНЦЪ.

Во снѣ ты пѣла.

ГЕРТРУДА.

Кто? Я?

КУНЦЪ.

Да, ты; про ножъ, про сатану!

ГЕРТРУДА.

Ахъ да! мнѣ эта пѣснь изъ головы нейдетъ.
Ложися спать: мнѣ страшно здѣсь одной.

КУНЦЪ.

Еще одинъ стаканъ ! (*Пьетъ.*)

ГЕРТРУДА.

О, Господи, помилуй!
(*Встаетъ, утирая слезы.*)
(*Въ продолженіе слѣдующаго Куртъ становится на одно колѣно и молится*).

КУНЦЪ.

Мнѣ холодно отъ этой пѣсни стало,

А можетъ быть, нашъ гостьтому причиной.
Когда бъ я зналъ навѣрное, что онъ
Кого нибудь ограбилъ на дорогѣ, —
Не спесъ бы онъ на плечахъ головы! —

ГЕРТРУДА, *испугавшись.*

Что говоришь, мой мужъ?

КУНЦЪ.

Зачѣмъ дрожишь? —
Ты вспомнила о завѣщаньи вѣрно?
(Взоры его останавливаются на стѣнныхъ часахъ.)
А слышишь ли, какъ маятникъ стучитъ?
Мнѣ холодно! — Огня!

ГЕРТРУДА.

Ты знаешь: кѣту дровъ.

КУНЦЪ.

Сожгу косу, ее не нужно намъ.
Негодная заслуживаетъ это.

ГЕРТРУДА.

Я даже къ ней и подойти боюсь!
(Она снимаетъ со стѣны косу съ гнилой древкой, которую разламываетъ и разводитъ въ комнатѣ огонь.)

КУРТЪ, *(который до сего стоялъ на колѣнахъ и молился, встаетъ).*

Исполнилось святое назначенье,
Вершины горъ мнѣ вторятъ примиренье.
Отрадный сонъ повѣялъ надо мной!
Привѣтствую тебя въ странѣ родной!
И вамъ привѣтъ, утесы вѣковые,
Счастливыхъ дней свидѣтели нѣмые!
Забуду ли тебя, любимая свирѣль?
Я твой опять, родная колыбель!
(Онъ вѣшаетъ платье и прочіе приборы на гвоздь вбитый въ перегородку; гвоздь измѣняетъ, и вещи падаютъ на полъ.)

КУНЦЪ, *(вздрагиваетъ.)*

Что это тамъ?

ГЕРТРУДА.

Не знаю.

КУНЦЪ.

Тяжко мнѣ.
Дай Библію, жена!
(Гертруда подаетъ Кунцу Библію и подходитъ опять къ камину.)

КУРТЪ.

Гвоздь измѣнилъ.
Не разъ на немъ висѣлъ пастушій мой рожокъ.

КУНЦЪ *(читаетъ, въ Библіи).*

«Благословеніе отца воздвигаетъ дѣтямъ домы,
Проклятье матери разрушаетъ ихъ». —
Неправда! — Матерь домы воздвигаетъ,
Проклятіе отца ихъ разрушаетъ.
(Куртъ между тѣмъ вколотилъ гвоздь и повѣсилъ платье; отъ причиненнаго тѣмъ потрясенія падаетъ висящій съ другой стороны перегородки большой ножъ къ ногамъ Гертруды.)

ГЕРТРУДА, *(въ испугѣ спѣшитъ къ столу за которымъ сидѣлъ Кунцъ.)*

Ахъ!

КУНЦЪ.

(Встаетъ быстро со стула, на которомъ онъ до сего сидѣлъ и задумывается.)

Стой! Что въ мысль пришло!

ГЕРТРУДА

Кунцъ! Ножъ упалъ!

КУНЦЪ.

Не называлъ ли онъ себя убійцей? —

ГЕРТРУДА.

Нѣтъ! —

КУРТЪ, (*въ комнатку, приготовлялись ко сну.*)

Хвала тебѣ, Всевышній Богъ! Теперь
Недалеко отъ цѣли я стою.
Служитель мой мнѣ привезетъ поутру
Мое добро, и завтра въ рай земной
Ты, золото, откроешь двери мнѣ! —
(*Онъ беретъ со стола кошелекъ и кладетъ его въ голову соломенной постели.*)
Плоды терпѣнія теперь я пожинаю.
(*Ложась на постель.*)
О, родина, тебя благословляю!
(*Онъ засыпаетъ и свѣча, стоящая на столѣ въ фонарѣ, потухаетъ.*)

КУНЦЪ.

Признался мнѣ въ убійствѣ онъ: такъ стало,
Дорога всѣмъ къ нему открыта. — Да!
Всякъ вправѣ у него отнять чужое!
То самые законы дозволяютъ,
И даже такъ велятъ.

ГЕРТРУДА.

О, замолчи!

КУНЦЪ.

Его бъ я могъ убить; о томъ и воронъ
Не прокричитъ!

ГЕРТРУДА.

О ради Бога, мужъ!

КУНЦЪ.

Ну! Не шуми, жена! Оставимъ это!
Я бы хотѣлъ... вѣдь дорого намъ время!
Разбойникъ онъ! И ясно то, какъ день.
Быть можетъ, и колдунъ. Такіе люди
Отечеству вредятъ; — добычу съ нимъ
Я раздѣлить желалъ бы — только!

ГЕРТРУДА.

Ахъ!
Грѣшно, мой мужъ!

КУНЦЪ.

Ужели наша жизнь
И краденыхъ не стоитъ денегъ?
Не то, мнѣ все равно: одинъ конецъ!
Съ утеса, да и въ воду.

ГЕРТРУДА.

Нѣтъ! О нѣтъ,

КУНЦЪ.

Какъ думаешь, жена?

ГЕРТРУДА.

Что хочешь, дѣлай!

КУНЦЪ.

Такъ посвѣти.

ГЕРТРУДА, (*беретъ лампу со стола*)

О адскій трудъ!

КУНЦЪ.

Теперь полночь! Благопріятный часъ!
Онъ твердость придаетъ, и если бъ тамъ
Отецъ лежалъ въ ударѣ посиѣлый,
Я не боюсь! За чѣмъ, жена, дрожишь!
(*Гертруда въ одной рукѣ держитъ лампу, а другою обхватываетъ руку Кунца, тѣсно къ нему прижимаясь.*)

ГЕРТРУДА.

Оставь!

КУНЦЪ, (*прижимаясь къ Гертрудѣ, крадется къ дверямъ перегородки и защищаетъ ногою ножъ, передъ тѣмъ давшій со стѣны.*)

Ага! Старинный мой пріятель!
Ты здѣсь! Тебя съ собой возьму!
(*Онъ поднимаетъ ножъ.*)

ГЕРТРУДА.

Ужели
Ты хочешь его кровь пролить? . . . .

КУНЦЪ.

О нѣтъ!
Не знаешь ты: одна предосторожность!
Я былъ солдатъ и дѣло понимаю;
Такая вещь нужна на всякій случай.
(*Онъ входитъ въ комнату, въ сопровожденіи прижавшейся къ нему Гертруды.*)
Жена! Ты здѣсь не чуешь мертвеца?

ГЕРТРУДА.

О воротись!

КУНЦЪ.

Онъ спитъ! Гдѣ кошелекъ?
Смотри! Вотъ онъ торчитъ изъ подъ соломы.
Бери!

ГЕРТРУДА.

Нѣтъ, ни за что!

КУНЦЪ.

Стыдишься ты?
Согласенъ я — не слишкомъ благородно!
Безчестно! Да! — Не лучше ли оставить?

ГЕРТРУДА.

Твой Ангелъ, твой хранитель то сказалъ.

КУНЦЪ, (*прячетъ ножъ въ боковой карманъ.*)

Невинно мы умремъ! - Невинно? Ха, ха, ха!
(*Часы бьютъ двѣнадцать; Кунцъ повторяетъ всякій разъ.*)
Часъ, два, три, четыре, пять, шесть
Семь, восемь, девять, десять! одиннадцать — двѣнадцать.

ГЕРТРУДА (*тянетъ его назадъ отъ дверей.*)

Уйдемъ! Уйдемъ!

КУНЦЪ, (*отворяетъ потихонько дверь и въ ужасномъ испугѣ вдругъ ее захлопываетъ.*)

О!!! . . . .

ГЕРТРУДА.

Боже! Что съ тобой?

КУНЦЪ.

Я не пойду туда.

ГЕРТРУДА.

Что, что съ тобой?

КУНЦЪ.

Не видѣла ты развѣ старика?
Потухшими глазами онъ водилъ,
И страшно ихъ уставилъ на меня!

ГЕРТРУДА.

(*Отворяетъ дверь и осматриваетъ комнату.*)
Нѣтъ ничего!

КУНЦЪ.

Останься здѣсь... здѣсь... возлѣ...
Вотъ такъ —
(*Онъ береть Гертруду за руки.*)
Ты мнѣ молиться помоги!

ГЕРТРУДА.

(*Ставитъ лампу на полъ, и сложивъ руки поднимаетъ ихъ къ верху.*)
О Боже праведный, спаси насъ грѣшныхъ!

КУНЦЪ.

Отче нашъ! Меня Ты проклялъ....
(*къ Гертрудѣ.*)
Смотри, смотри, какъ онъ смѣется тамъ!
Хохочетъ онъ: что только надо мной,
А не надъ нимъ проклятіе гремѣло.

ГЕРТРУДА, (*тянетъ его къ дверямъ.*)

Мой мужъ, тобой нечистый духъ владѣетъ.

КУНЦЪ, (*поднимаетъ еще разъ къ молитвѣ руки.*)

Отецъ! . . . . . (*Слышенъ крикъ совы.*)
(*Гертрудѣ, смотря искоса на Курта.*)
Видала ты, какъ въ темнотѣ
Онъ по скаламъ надъ бездной бродитъ?
Отъ золота покоя нѣтъ ему!
Ты слышишь ли, оно кричитъ: идемъ!
И эхо гулъ разноситъ по горамъ.

ГЕРТРУДА.

Сова кричитъ. . . .

КУНЦЪ.

Нѣтъ! Золото кричитъ:
Спаси отъ нечестивыхъ рукъ, спаси!
Ужели я разбойника не стою?
Не я ли за отечество сражался
И храбро межъ рядовъ стоялъ, тогда

Какъ по ночамъ онъ крался на добычу?
И я теперь — я долженъ умереть!. . .
И только потому, что бѣденъ я! . . . .
(Освобождаясь изъ рукъ Гертруды, которая его тащитъ къ дверямъ.)
Нѣтъ! Нѣтъ! Спасти себя—спасти хочу!!
(Спѣшитъ къ Курту и въ неистовствѣ вскрикиваетъ.)
Мнѣ золото подай!!

КУРТЪ, *(между тѣмъ, какъ Кунцъ нагибается надъ нимъ, что бы взять изъ подъ головы кошелекъ, продуждается, вскрикиваетъ, какъ бы во снѣ.)*

Убійцы!

КУНЦЪ, *(въ ярости выхватилъ ножъ и наноситъ Курту два удара.)*

Самъ!
Убійца ты!

КУРТЪ.

— Роднаго сына вы хотите умертвить.
(Подаетъ имъ бумагу.)

ГЕРТРУДА.

Нашъ сынъ!!!

КУРТЪ.

(Собравшись съ силами, подаетъ бумаги.)
Вотъ, вотъ, прочтите... О отецъ!
(Онъ падаетъ на руки Гертруды.)

КУНЦЪ *(вырываетъ бумагу изъ рукъ Курта и спѣшитъ къ лампѣ, оставшейся на полу; развертывая бумагу, читаетъ.)*

«Свидѣтельство: Куртъ Куртъ изъ Шварбаха.»

(Бумага падаетъ изъ рукъ его.)
О проклятый! кровь сына твоего!
(Онъ бросаетъ ножъ съ такою силою на полъ, что онъ ламается.)

ГЕРТРУДА *(Заворачиваетъ Курту на лѣвой рукѣ рукавъ.)*

Родимое пятно! мой сынъ! мой сынъ!
(Она держитъ умирающаго сына въ рукахъ и падаетъ съ нимъ на колѣна передъ Кунцомъ.)
Ты и меня зарѣжь, сыноубійца!

КУРТЪ.

Отецъ! простилъ ли ты?

КУНЦЪ *(передъ Куртомъ на колѣнахъ.)*

А ты — простишь ли ты?

КУРТЪ.

Прощаю —

КУНЦЪ.

Богъ! проститъ ли Онъ?

КУРТЪ.

Его святая воля. . . . . .

ГЕТРУДА.

Умираетъ!
(Съ самаго начала представленія слышатся отдаленные роскаты грома и изрѣдка видна молнія; гроза постепенно увеличивается удары становятся сильнѣе, такъ что тотчасъ по окончаніи представленія сильный громовой ударъ зажигаетъ хижину, она разрушается; на окружныхъ высотахъ видны отряды войска).

КОНЕЦЪ.

ВОСПОМИНАНІЕ

О МОСКОВСКОМЪ ТЕАТРѢ

ПРИ М. Е. МЕДОКСѢ.

(ПОЧЕРПНУТО ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ ЗАПИСОКЪ

С. Н. ГЛИНКИ,

И ИЗУСТНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ СТАРОЖИЛОВЪ.)

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Грибоѣдовъ.

Что такое жизнь въ этомъ свѣтѣ, гдѣ, что шагъ, то новая декорація, новыя лица и новыя пружины дѣйствія? — Не есть ли она такъ-же драма, то веселая, то плачевная, то увлекательная, то забавная, то скучная до смерти. Кто-то изъ поэтовъ нашихъ очень справедливо сказалъ:

Жизнь комедія, — гдѣ случай
Людямъ роли раздастъ.

Одни терзаются, другіе дурачатся, а третьи смѣются или плачутъ и хлопаютъ имъ или свищутъ. А когда траги-комедія кончена, всѣ идутъ въ одни двери, тѣсныя, но неизбѣжныя, въ двери—гроба. И что же остается послѣ этого представленія, въ которомъ часто цѣлые народы принимаютъ участіе, которое не признаетъ трехъ единствъ Аристотеля, не разбираетъ времяни, мѣста и дѣйствія и часто разъигривается вѣками?—Одно воспоминаніе. Исторія, вотъ репертуаръ всемірной сцены, котораго вѣчная библіотека живетъ въ сердцахъ и памяти цѣлыхъ поколѣній. Но если весь міръ есть позорище дѣяній цѣлаго человѣчества, то театръ народа, въ свою очередь, есть позорище – движенія жизни и мысли въ каждомъ народѣ отдѣльно, — и потому исторія театровъ имѣетъ свое частное значеніе, такъ точно, какъ исторія цѣлаго человѣчества — значеніе всеобщее. Я намѣренъ сообщить здѣсь отрывокъ изъ Исторіи Московскаго Театра. Память о немъ сохранилась въ запискахъ С. Н. Глинки и разсказахъ, изъ которыхъ я постараюсь выбрать порядочный запасъ фактовъ, вѣроятно любопытныхъ для каждаго любителя отечественнаго искусства.

Русскій театръ былъ учрежденъ въ

Москвѣ Ѳедоромъ Григорьевичемъ Волковымъ, первымъ Русскимъ актеромъ, въ 1759 году. Онъ помѣщался въ Локателіевомъ домѣ, на красномъ прудѣ, гдѣ до тѣхъ поръ играли италіянскія оперы. Театръ тогда былъ порученъ надзору Императорскаго Московскаго Университета. Отдаленность отъ средоточія города, недостаточныя суммы на содержаніе и нѣкоторыя другія причины чрезъ два года его разрушили. Въ 1767 году, Николай Сергѣевичъ Титовъ принялъ на себя возстановленіе русскаго театра въ Москвѣ. Онъ былъ человѣкъ свѣдущій въ этомъ дѣлѣ, душевно любилъ искусство и умѣлъ выбирать людей. Представленія его труппы давались на Головинскомъ Театрѣ, построенномъ наскоро, для придворныхъ актеровъ, въ бытность Императрицы Елисаветы Петровны въ Москвѣ.—Отъ Титова театръ перешелъ къ Италіянцу Бельмонти. Онъ перевезъ его на Знаменку и вскорѣ уступилъ Князю Петру Васильевичу Урусову. Любопытно замѣтить, что публика, по какому-то предубѣжденію, почитала русскую сцену совершенно неспособною для оперы. Первую русскую оперу рѣшились играть въ 1777 году. Она называлась: «*Перерожденіе*.» Но директоръ такъ былъ неувѣренъ въ успѣхѣ, что передъ оперой заставилъ, въ нарочно сочиненномъ разговорѣ, испрашивать у публики дозволеніе сыграть ее. Однако, не смотря на зловѣщее его предчувствіе, первая опера произвела чрезвычайный эффектъ.

Настоящимъ устроителемъ порядочнаго, правильнаго русскаго театра въ Москвѣ, былъ Михаилъ Егоровичъ Медоксъ, который, съ довольно значительной и весьма хорошей труппой актеровъ, давалъ представленія на небольшомъ, деревянномъ театрѣ, на Остоженкѣ. Но театрамъ московскимъ судьбой была назначена печальная участь. Они переходили рукъ въ руки, изъ улицы въ улицу, отъ директора къ директору и отъ одного несчастія къ другому. Въ то время, какъ къ нимъ привязалась любовь народная, какъ на сценахъ являлись, можно сказать, геніальные артисты, противъ нихъ враждовали стихіи: — почти всѣ театры въ Москвѣ погибли отъ пожаровъ. Первою жертвою огня—сдѣлался Остоженскій театръ. Медоксъ не унывалъ. При помощи правительства и города, по его плану и начертанію, былъ построенъ новый театръ, обширный, роскошный, каменный — на Петровской Площади. Этотъ новый храмъ музъ приносилъ обильныя и усердныя жертвы своимъ богинямъ. Медоксъ существовалъ одними только сборами, а содержалъ труппу многочисленную и давалъ представленія блистательныя. Но еще страннѣе покажется, когда я скажу, что весь репертуаръ Медокса ограничивался тридцатью піесами и только семидесятью пятью спектаклями въ годъ. Если я говорю, что представленія его были блистательны, то разумѣю подъ этимъ, что піесы были прекрасно выбраны, отлично поставлены и превосходно исполнены. Медокса нельзя было упрекнуть ни въ одномъ промахѣ, хотя его представленія далеко отставали отъ нынѣшняго великолѣпія постановки піесъ. Смыслъ, умъ, таланты авторовъ, актеровъ и содержателя, замѣняли тогда — бархатъ, атласъ, галуны, краски, слоновъ, лошадей и сусальное золото,—которыми щеголяютъ сцены въ новѣйшія времена. Воды такъ-же не употребляли на сценѣ, однако представленія отъ того не были сухи. Причина, почему на театрѣ Медокса давали такъ мало спектаклей, зависѣла отъ его безпристрастія, любви къ искусству и уваженія къ публикѣ. Онъ смотрѣлъ на театръ, не какъ на простую забаву, а какъ на училище, въ которомъ народъ могъ почерпать свое образованіе. Порядокъ пріема піесъ былъ слѣдующій. Когда сочинители или переводчики доставляли въ дирекцію піесу, то Медоксъ

составлялъ совѣщательный комитетъ изъ главныхъ актеровъ. Если на этомъ комитетѣ большинство голосовъ рѣшало принять піесу, содержатель театра удалялся, предоставляя каждому актеру, съ общаго согласія, выбрать себѣ роль по силамъ и таланту. Потомъ онъ опять возвращался съ вопросомъ: во сколько времени піеса можетъ быть поставлена на сцену? Срока, опредѣленнаго артистами, онъ никогда не убавлялъ, а иногда даже, смотря по піесѣ, увеличивалъ его. Оттого никто не запомнитъ, чтобъ на театрѣ Медокса какая нибудь піеса была дурно слажена, плохо распредѣленами нерачительно поставлена. Каждый артистъ являлся въ своемъ характерѣ, въ роли, которая соотвѣтствовала его средствамъ и нравилась ему. Каждый отдѣльно былъ превосходенъ, совокупность (ensemble) цѣлой піесы изумительна.

Устройство тогдашняго театра походило совершенно на нынѣшнее устройство парижскихъ театровъ. Подлѣ самаго оркестра, стояли *табуреты*, занимаемые обыкновенно приглажными посѣтителями театра. Многіе изъ этихъ любителей сцены имѣли свои домовые театры, которые тогда были въ большой модѣ въ Москвѣ. Организмъ театральный былъ имъ извѣстенъ до подноготной; они понимали значеніе каждаго гвоздика въ полу, каждой веревочки за кулисами. Тайны хорошей обстановки піесъ на сценѣ были для нихъ домашнія тайны, и потому они вполнѣ могли назваться знатоками театра. Медоксъ часто руководствовался ихъ совѣтами. Онъ всегда приглашалъ ихъ на двѣ *генеральныя* репетиціи новой піесы, (которыя всегда дѣлались со всѣми декораціями и въ полномъ костюмѣ,) вмѣстѣ съ драматическими авторами и переводчиками, тогда живущими въ Москвѣ. Каждый имѣлъ голосъ, и дѣльное замѣчаніе охотно принималось артистами и директоромъ. Онъ и они стремились къ одной, общей цѣли: къ совершенству, къ изяществу и правдоподобію сцены. Эпоха эта была истиннымъ торжествомъ искусства въ Россіи. Такая ревность къ дѣлу была очень естественна: отъ *успѣха* зависѣло *счастіе* театра. Доходы его имѣли одинъ источникъ: поспектакельные сборы, а публика тогда только платила щедрую и обильную дань, когда въ театрѣ находила *наслажденіе*. Если ареопагъ знатоковъ общимъ приговоромъ рѣшалъ, что піеса идетъ успѣшно, что каждый актеръ на своемъ мѣстѣ и хорошо вникъ въ душу своей роли, Медоксъ назначалъ первое представленіе. Публика напередъ была увѣрена, что увидитъ что нибудь отличное и жадною толпою стремилась въ храмъ искусства высокаго и благороднаго, изъ котораго Аполлонъ не скакалъ еще, сломя голову. Частыя и серіозныя пробы, на которыхъ артисты благоговѣйно занимались своимъ дѣломъ, не разсуждая о фракахъ и сапогахъ, не пересуживая ближняго, не замышляя интригъ и сплетней, до того изощряли память каждаго изъ нихъ, что суфлеръ переходилъ на амплуа *безполезностей*. Это было весьма важно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, каждый артистъ игралъ съ увѣренностію, и выходилъ на сцену, какъ хорошо вооруженный воинъ, чувствующій свою силу; во-вторыхъ, изъ дыры не торчала всклокоченная голова суфлера, на которую, въ то время, еще не было изобрѣтено деревяннаго колпака; піеса разъигрывалась—безъ докучнаго *эхо*, которое иногда уничтожаетъ всякую иллюзію.

Декораціи тогдашняго театра были просты, но писались искусной рукой художника. Въ сравненіи съ нынѣшнимъ избыткомъ роскоши декораціонной, онѣ были даже скудны; но мечта существовала тогда, такъ-же, какъ и нынѣ. Она дорисовывала то, что вымыселъ декоратора не успѣвалъ передать полотну. Театральная природа всегда

останется лоскутною и картонною природой, хотя бы на нее вышло три фунта золота и десять пудъ бакану, если живительная дымка воображенія зрителя не обдастъ ее правдоподобіемъ и жизнію. Пылкій Дидеротъ, при представленіи трагедій и драмъ на *театрѣ Французской Комедіи*, всегда спѣлъ въ ложѣ, зажмурясь. «Я хочу, говорилъ онъ, слиться душею съ душами дѣйствующихъ лицъ; а для этого мнѣ глаза ненужны; на нихъ дѣйствуетъ вещественное, а для меня театръ—есть міръ отвлеченный!»

Кромѣ большаго, Петровскаго Театра, былъ тогда въ Москвѣ еще другой театръ, лѣтній, въ *воксалѣ*. Тутъ играли только маленькія комическія оперы, въ одномъ и въ двухъ дѣйствіяхъ, и такія же комедіи. За представленіемъ слѣдовалъ балъ или маскерадъ, который заключался прекраснымъ ужиномъ. И все это тогда не превышало *пяти рублей*. Нынѣ такое удовольствіе обошлось бы въ *пятьдесятъ*. Память о старинномъ московскомъ воксалѣ сохранилась только въ пѣснѣ, такъ же забытой, а тогда сочиненной по случаю прибытія въ Москву шведскаго Адмирала Розенштейна, взятаго въ плѣнъ въ битвѣ между островами Аспо, Легмою и Леллеромъ, 15 Августа въ 1789 году. Розенштейнъ былъ красивый, видный мужчина, еще молодой, но мужественный. Московскія дамы сходили по немъ съ ума и наперерывъ старались обратить на себя его вниманіе. Онѣ хотѣли довершить побѣду — любезностію, красотою и нарядами. Въ пѣснѣ, о которой выше упомянуто, между прочимъ было сказано, что модныя матушки и дочки, въ суетливомъ круженіи головъ, тотчасъ всѣ бросись на Кузнецкій Мостъ, за нарядами,

«Какъ сказали, что въ воксалѣ
Будетъ шведскій Адмиралъ.

Но Розенштейнъ (розовый камень) оставался вѣренъ своей фамиліи и своему Королю. Цвѣтущій, какъ роза, онъ былъ твердъ, какъ камень, и, отдавъ шпагу русскому военачальнику, не сдавалъ сердца русскимъ красавицамъ.

Въ саду воксала Медоксъ предполагалъ выстроить другой театръ для простаго народа, на которомъ бы представляли одни піесы *народныя* и *патріотическія*. «Вотъ, мой батюшка,» говорилъ онъ автору *записокъ*, «тутъ у насъ будутъ играть новички, а кто изъ нихъ отличится, того переведемъ на большой театръ!»— Превосходная мысль! Какъ жаль, что она не осуществилась. Такое раздѣленіе театровъ не только въ то время, но и теперь принесло бы большую пользу. Во-первыхъ, народъ имѣлъ бы свои зрѣлища, доступныя его понятіямъ, знакомящія его съ русской исторіей, облагораживающія духъ чувствомъ патріотизма, любовью къ престолу и отчизнѣ. Во-вторыхъ, тутъ могли бы развиться многіе таланты изъ чисто Русскихъ, народныхъ началъ. Можетъ быть, это породило бы у насъ гораздо ранѣе національную драму. А образованные зрители, чрезъ то избавились бы отъ спектаклей, иногда оскорбляющихъ эстетическій вкусъ, противорѣчащихъ законамъ искусства, но необходимыхъ и неизбѣжныхъ. Разбирая всѣ учрежденія и замыслы Медокса, нельзя не сознаться, что онъ былъ великій мастеръ своего дѣла, безкорыстно стремившійся къ пользамъ и славѣ Русскаго Театра и драматическаго искусства въ Россіи. Только истинныя дарованія, только трудъ и успѣхи заслуживали у него вознагражденіе и похвалу, и потому любимою его поговоркою былъ стихъ Державина:

Оселъ останется ослом,
Хотя осыпь его звѣздами,
Гдѣ надо дѣйствовать умомъ,
Онъ—только хлопаетъ ушами.

Медоксъ имѣлъ особенное художественное чутье, которое его никогда не обманывало ни въ выборѣ піесъ для театра, ни въ выборѣ представителей. Почти

всѣ члены его труппы принадлежатъ къ первокласснымъ русскимъ артистамъ. Имена: *Померанцева, Плавильщикова, Шушерина, Сандунова, Сандуновой, Синявской, Каллиграфовой*, навсегда останутся въ лѣтописяхъ русской сцены, въ красной строкѣ. Всѣ они были люди, не воспитанные для театральныхъ досокъ. Ихъ привела на помосты сцены не нужда, не протекція, не склонность къ праздной жизни и не корысть: они вышли на сцену по какому то внутреннему призванію, по неодолимой страсти къ искусству. Они родились художниками и должны были жить и умереть артистами. Таково было ихъ назначеніе свыше. Покорные назначенію, они добровольно отчудились отъ общества, презрѣли его предразсудки, въ то время еще непримиримые, и жили въ мірѣ фантазіи—бѣдномъ, но прекрасномъ и увлекательномъ. Есть вдохновеніе, которое дѣйствуетъ мимо всѣхъ училищъ; по вдохновенію они стали великими артистами, хотя артистическія начала не вколачивали имъ въ ноги батманами, въ глотки — сольфеджами и въ голову—курсами декламаціи и мимики. Чувство и мысль не нуждаются въ учителяхъ, ибо они выше всѣхъ уроковъ.

Корреджіо, всматривался въ картину *Рафаэля*, воскликнулъ: «*И я живописецъ!*» Въ послѣдствіи *Корреджіо* ставили на ряду съ Рафаэлемъ. То же было и съ актеромъ Померанцевымъ. Онъ готовился въ дьячки. Онъ имѣлъ прекрасный органъ и читалъ бойко,—для дьячка это были двѣ геніальныя способности. Невзначай онъ зашелъ въ театръ. Посмотрѣлъ, прислушался къ игрѣ актеровъ; кровь въ немъ закипѣла и въ груди вспыхнуло вдохновеніе. Какъ Корреджіо, онъ сказалъ: «*И я актеръ!*» И дѣйствительно, онъ былъ тѣмъ актеромъ, котораго Карамзинъ сравнивалъ съ великимъ французскимъ артистомъ *Моле*, восхищавшимъ всю Францію, о которомъ говорила вся Европа. Померанцевъ, одаренный природою и ростомъ и ловкостію, имѣлъ лице выразительное, душу пылкую и здоровую голову. Онъ чрезвычайно умно создавалъ свои роли въ комедіи, но въ драмѣ у него оставалась одна голая природа; всякая искусственность исчезала. Онъ увлекался чувствомъ, являлись слезы, высказывался голосъ души, а жестикуляція и позы не повиновались строгимъ законамъ тогдашняго искусства.. Но эти правила сцены и искусства для него были ненужны; когда зритель увлекался его игрой, его порывами — онъ забывалъ все на свѣтѣ, не только строгую критику. *Проперцій* говорилъ своей *Цинтіи*, любуясь ея наивной красотой: *Искусство не для тебя!* Вольтеръ повторялъ это въ своей *Заирѣ*; но нигдѣ эта мысль не была такъ кстати выражена, какъ въ стихахъ къ портрету Померанцева:

На что тебѣ искусство?
Оно не твой удѣлъ; твоя наука—*чувство*.

Жесты Померанцева были чрезвычайно однообразны, но всегда кстати. Особенно много дѣйствовалъ у него указательный перстъ, которымъ онъ иногда приводилъ зрителя въ содроганіе. Нынѣ это покажется страннымъ и смѣшнымъ; въ то время восхищало. Впечатлѣніе это словами передать трудно, надо было видѣть Померанцова въ минуты увлеченія, чтобъ извинить, или лучше сказать, понять такую странную привычку. Законы эстетистики допускаютъ иногда отступленія, особливо, когда они становятся неотъемлемой принадлежностію человѣка. Что можетъ быть безобразнѣе пятна на человѣческомъ лицѣ? А бываютъ случаи, что родимое пятнышко, пріютясь въ ямкѣ щеки или на розовомъ подбородкѣ красавицы, придаетъ особенную прелесть женской улыбкѣ и выраженію ея лица. Впрочемъ не за однимъ Померанцевымъ водился странный жестъ указательнаго пальца. Знаменитый трагикъ Девріенъ,

котораго еще не такъ давно оплакивала вся Германія, славился тѣмъ же недостаткомъ. Говорятъ, когда онъ въ роли Жида—Шейлока, въ *Венеціянскомъ купцѣ* — Шекспира, являлся въ судъ, чтобъ вырѣзать фунтъ мяса у своего должника и поднималъ злобно свой искривленный палецъ, то у зрителей волосъ становился дыбомъ. Такъ ужасенъ былъ его жестъ въ эту торжественную минуту. Все это доказываетъ только, что у великихъ артистовъ и пороки становятся иногда достоинствами. Въ подражателяхъ, тѣ же привычки бываютъ отвратительны. Причина самая простая: они, перенявъ порокъ славнаго художника, не могутъ одушевить его геніемъ, который одинъ только имѣетъ силу недостатки обращать въ красоту и совершенство. Померанцевъ былъ нестерпимъ въ созданіяхъ слабыхъ и неестественныхъ. Такъ н. пр., въ трагедіи Сумарокова-«*Синавъ и Труворъ*», гдѣ онъ игралъ *Гостомысла*, онъ совсѣмъ не умѣлъ передавать всѣхъ натяжекъ и набора риѳмъ этой трагедіи. Его чувство и вдохновеніе не находили тутъ пищи, а искусство было слишкомъ слабо, чтобъ прикрыть *красно-хитро-сплетены рѣчи* поддѣльнымъ огнемъ и колоритомъ смысла. Онъ былъ актеръ природы, и только тамъ, гдѣ человѣческая природа высказывалась энергически, талантъ его являлся во всемъ блескѣ—онъ былъ возвышенно-хорошъ.

Таковъ теперь московскій трагикъ *П. С. Мочаловъ*.

Жена Померанцева на театрѣ была совершенный *оборотень*. Изъ слезливой драмы она переходила въ живую и веселую комедію. Она являлась то сентиментальной дѣвушкой, то наивной крестьяночкой, то хитрой, оборотливой служанкой—и всегда публика встрѣчала и провожала ее рукоплесканіями. Умъ, ловкость, живость и необыкновенная веселость были особенными ея дарованіями. Она одѣвалась со вкусомъ, а глазки ея горѣли и сверкали, какъ два раскаленные угля. Публика тогдашняя любила ее до обожанія. Особливо превосходно играла она въ *Мельникѣ* Аблесимова. *Плавильщиковъ* и *Шушеринъ* были два атлета трагическаго котурна. Оба они были актеры съ талантомъ могучимъ и дѣятельнымъ, но закованнымъ совершенно въ условія тогдашней сцены. Они почти всегда нравились больше Померанцева, но никогда не увлекали зрителя такъ, какъ онъ. У нихъ все было придумано, каждый шагъ размѣренъ, каждое слово взвѣшено, каждый жестъ заученъ. Ихъ можно было скорѣе назвать живописцами лицъ на сценѣ, чѣмъ представителями. Они были прекрасныя копіи съ классическихъ статуй древняго Рима и Греціи, но не образцы людей, выхваченныхъ изъ жизни дѣйствительной. Классическая трагедія Французовъ, пересаженная въ то время въ Россію дѣятельнымъ перомъ Сумарокова, выводила на сцену однихъ только героевъ, людей оставляла за кулисами. Для изображенія ихъ высшихъ страстей и добродѣтелей, нужны были и средства нечеловѣческія, а потому актеры трагическіе пренебрегали простотой и естественностію. Разговоръ, походка, позы—все было натянуто и утрировано. Чѣмъ болѣе они удалялись отъ природы, чѣмъ менѣе походили на обыкновенныхъ людей, тѣмъ выше цѣнился ихъ талантъ. Мудрено ли послѣ этого, что Шушерина и Плавильщикова, надутыхъ декламаторовъ, всегда ставили выше Померанцева, который зналъ одно орудіе, одно искусство — внутренній голосъ души своей. Но Шушеринъ и Плавильщиковъ во всякое время были бы великими артистами, ибо всегда умѣли бы приспособить средства свои къ требованіямъ вѣка и современному взгляду на искусство, такъ же точно, какъ тогда постигли потребность своего времени.

Петръ Алексѣевичъ Плавильщиковъ былъ рѣшительный сколокъ съ знаменитаго французскаго трагика *Барона*. Кто сравнивалъ того и другаго, не находилъ въ нихъ никакой разницы. Плавильщиковъ былъ роста высокаго, широкоплечій, дородный мужчина. Лице и глаза его были способны ко всѣмъ выраженіямъ. Часто заставлялъ онъ играть мускулы лица своего чрезвычайно удачно. Декламація его была высокопарна и пышна, какъ рѣчь народнаго трибуна римскаго. Часто одушевлялся онъ жаромъ и огнемъ, которые приводили въ трепетъ весь театръ, и нерѣдко оканчивались неистовымъ крикомъ. Благородная, величественная осанка, атлетическая красота — закупали зрителя въ его пользу—съ перваго шага его на сцену. Лучшимъ доказательствомъ, что тогдашняя трагедія требовала неестественности, можетъ служить то, что Плавильщиковъ, бывшій въ трагедіи художникомъ просто пластическимъ, увлекался чувствомъ и природою въ драмахъ, которыя тогда называли — *мѣщанскими трагедіями*. Такое названіе дано имъ потому, что онѣ изображали происшествія частной жизни, а не полубоговъ и не царственныя добродѣтели. Особенно хорошъ былъ Плавильщиковъ въ драмѣ Н. Н. Сандунова: *Отецъ семейства*. Онъ трогалъ зрителей до слезъ: простота и непринужденность его были увлекательны. Но торжествомъ его почиталась роль *Старна, въ Фингалѣ*—Озерова. Плавильщиковъ былъ человѣкъ образованный, много читалъ, самъ писалъ для сцены. Въ піесахъ его есть вездѣ вымыселъ, естественный ходъ происшествій и много энергіи. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ: *Ермакъ*, *Тахмасъ Кулы-Ханъ*, *Графъ Вальтронъ*, *Бобыль*, *Мельникъ и Сбитенщикъ*. Онъ прежде былъ учителемъ и любилъ хвалиться тѣмъ, что первый изобрѣлъ способъ учить дѣтей русской исторіи по портретамъ русскихъ государей. Какъ человѣкъ — онъ отличался прямизною, правдивымъ характеромъ, и нелицемѣрными чувствами чести, любви и дружбы.

Шушеринъ въ *искусственности* превосходилъ даже Плавильщикова. Въ трагедіи онъ всегда былъ на ходуляхъ. Онъ расчитывалъ не только каждый шагъ, каждое движеніе, но, кажется, и каждую паузу между словами. Всѣ свои роли твердилъ онъ передъ зеркаломъ и до тѣхъ поръ повторялъ ихъ такимъ образомъ, пока извѣстный жестъ, или выраженіе лица, при извѣстномъ словѣ, обращались ему въ машинальную привычку. Онъ, такъ сказать, не *игралъ*, но *повелъвалъ надъ собою* — на сценѣ, (il se gouvernait). Голосъ, осанка, движенія, — все было въ немъ до такой степени *трагико-вычурное*, — что часто переходило не только за предѣлы натуры, но даже и правдоподобія. И при всѣхъ недостаткахъ, Шушеринъ былъ великій артистъ. Да, *великій!* потому, что его недостатки были неотъемлемою потребностію вѣка, который во всемъ искалъ одного наружнаго проявленія, а надъ глубинами души человѣческой скользилъ съ французскою легкостію и безотчетностію. Вѣкъ этотъ родился во Франціи, въ блистательное царствованіе Людовика XIV, и оттуда жилы его разлились по цѣлой Европѣ. Шушеринъ, какъ и Плавильщиковъ, дѣлался *условнымъ* только тогда, какъ сбрасывалъ тогу и переходилъ въ *мѣщанство*, т. е. въ драму. Въ «*Сынѣ любви*» Коцебу—онъ очаровывалъ зрителей глубиною чувства и простотою выраженія; въ роли Негра *Кекури* въ «*Попугаѣ*»—того-же Коцебу, онъ былъ неподражаемъ. Въ улыбкѣ Шушерина скрывалась какая-то язвительная насмѣшка, много хитрости и лукавства. Въ комнатѣ онъ былъ не хорошъ собою, — на сценѣ—красавецъ. Глаза его походили на огнедышущія жерла. Часто вмѣсто словъ—онъ отвѣчалъ однимъ взглядомъ,

одной улыбкой, и выше этого краснорѣчія немогла статьи ни одна классическая фраза. Такія минуты были блистательнѣйшими въ его игрѣ. Характеръ Шушерина отличался пылкостью и рѣшительностью. Съ московской сцены онъ перешелъ на петербургскую, гдѣ блистательно началъ свое поприще. Здѣсь лучшими его ролями почитались—Христіерна, Ярба, Варуцкаго; а игра его въ *Царѣ Эдипѣ* и *Королѣ Лирѣ*, (въ то время еще *Леарѣ*), была вѣчнымъ торжествомъ для художника. Никто изъ знаменитѣйшихъ актеровъ того времени не смѣлъ взяться за эти двѣ роли, почитая Шушерина — *неподражаемымъ*. Но судьба, какъ будто хотѣла показать Шушерину, что превратности существуютъ не на одной сценѣ, но и на всѣхъ перекресткахъ жизни: по многимъ непріятнымъ для артиста обстоятельствамъ, Шушеринъ долженъ былъ опять переселиться въ Москву. Здѣсь надѣялся онъ упокоить свою старость, построилъ себѣ уютный домикъ и, въ Іюнѣ 1812 года, праздновалъ въ немъ новоселье. С. Н. Глинка, выпивая заздравный кубокъ, сказалъ: «Хозяину дай Богъ пожить еще сто двадцать лѣтъ, а дому не устоять!» Тогда всѣ дивились такому предсказанію. Къ несчастію, оно сбылось осенью того-же года: домъ Шушерина сгорѣлъ во время торжественнаго жертвоприношенія Москвы на алтарѣ русскаго патріотизма, хозяинъ пережилъ его только нѣсколькими мѣсяцами.

Сила Николаевичъ Сандуновъ почитался первымъ комикомъ на русскихъ сценахъ. Амплуа его—были роли слугъ. Въ то время господствовала на русской сценѣ французская комедія, въ которой всѣ интриги обыкновенно завязывались и покоились на плутѣ—слугѣ и увертливой служанкѣ. Слѣдовательно амплуа Сандунова—было тогда самое трудное. Сандуновъ дѣйствительно былъ актеръ необыкновенный, по уму гибкому и просвѣщенному, по таланту сценическому и по стойкости характера. Все то, что плѣняетъ насъ въ Бомарше, досталось въ удѣлъ Сандунову: та же пылкость души, тотъ же пламень воображенія, та же язвительная острота и изворотливость ума. На сценѣ, онъ былъ, какъ дома: смѣлъ, развязенъ и ловокъ. Сандуновъ—былъ en vogue, т. е. актеръ модный. Ему старались подражать молодые люди въ обществѣ: такъ пріемы его были благородны и пріятны. Необыкновенный умъ Сандунова пріобрѣлъ ему столько же друзей въ свѣтѣ и преимущественно между знатью, сколько талантъ завоевалъ — сердецъ съ помостовъ сцены. Онъ былъ росту небольшаго, но прекрасно сложенъ; говорилъ, прищуривая глаза, но сквозь эти щелки вѣкъ вырывались язвительныя молніи; онъ высматривалъ каждое движеніе того, съ кѣмъ говорилъ и, казалось, проникалъ его насквозь. Молодая, кругленькая, живая и кокетливая *Полянская*—мастерски вторила Сандунову въ роляхъ служанокъ. Видѣть ихъ вмѣстѣ на сценѣ, было истинное наслажденіе. Для нихъ была передѣлана знаменитая комедія: «*Марва* и *Угаръ*, или *Лакейская война*» которая имѣла необыкновенный успѣхъ. Для Полянской А. Ѳ. Малиновскій перевелъ прекрасную комедію: «*Хитрость противъ хитрости*,» въ которой она играла служанку *Лизетту* съ неподражаемымъ искусствомъ и ловкостью. Сандуновъ имѣлъ рѣдкое достоинство для актера, достоинство, которымъ нынѣ по преимуществу владѣетъ, по смерти незабвеннаго Дюра, одинъ только Сосницкій: именно *разнообразіе*. Сандуновъ каждой роли давалъ свой колоритъ и превосходно оттѣнялъ характеры. Онъ былъ веселъ, живъ, игривъ, разсыпался мелкимъ бѣсомъ и всегда былъ въ движеніи на сценѣ. Онъ такъ глубоко вникалъ въ характеръ сво-

ей роли, что совершенно отдавался своему увлеченію; во время игры, весь міръ для него не существовалъ; онъ зналъ только тѣхъ людей, которыхъ авторъ поставилъ возлѣ него на сценѣ. Въ продолженіе всего своего сценическаго поприща онъ разъ только попалъ въ просакъ на театрѣ, но и тутъ смѣлость, умъ и острота помогли ему вывернуться съ честью. Сандуновъ, одаренный всѣми талантами сценическими, былъ жестоко обиженъ природою въ отношеніи къ музыкѣ. У него, какъ говорится, не было *ни гласа, ни послушанія* т. е. ни голоса для пѣнія, ни даже музыкальнаго слуха: не смотря на то, онъ затѣялъ разыграть роль тюремщика въ старинной оперѣ: «*Рауль Серъ-де Креки.*» Это было въ его бенефисъ. Бенефисы тогда давались рѣдко. Даже первоклассные артисты получали бенефисъ только за многолѣтніе успѣхи и труды. Администрація театральная сама заказывала новыя піесы авторамъ и платила имъ за трудъ щедрою рукою, а при большомъ успѣхѣ, сверхъ того, давала представленіе въ ихъ пользу; бенефиціантъ же имѣлъ право изъ всего репертуара выбрать себѣ любую піесу, но отнюдь не смѣлъ давать піесъ новыхъ и еще не игранныхъ въ дирекцію. И такъ Сандуновъ выбралъ оперу Рауль де Креки. И піеса была хорошая и бенефиціантъ былъ любимецъ публики, слѣдовательно въ театръ народу набралось много. Всѣ любопытствовали услышать, какъ-то запоетъ Сандуновъ, который такъ ловко игралъ *Полиста*, въ *Хвастунѣ*–Княжнина; *Скапина* и *Гарпагона*–въ комедіяхъ Моліера. Сандуновъ вышелъ. Его привѣтствовали тремя залпами рукоплесканій. Но едва онъ затянулъ первую свою арію.

Лишь взойдетъ заря багряная,
Въ гости къ бочкамъ я хожу — и пр.

какъ весь театръ залился хохотомъ. Сандуновъ такъ перепуталъ слова и ноты, запѣлъ такъ въ разладъ съ музыкой, что оркестръ остановился. Но смѣлый Сандуновъ, не смутившись ни мало, махнулъ рукой, допѣлъ свою арію безъ музыки и наконецъ, подойдя къ оркестру, сказалъ публикѣ, какъ бы по секрету:

Пусть себѣ театръ смѣется,
Что успѣлъ пѣвца поддѣть:
Сандуновъ — самъ признается,
Что плохой онъ мастеръ пѣть. —

Театръ загремѣлъ отъ *браво* и рукоплесканій. Никогда еще оперный пѣвецъ не имѣлъ такого блистательнаго успѣха, какъ Сандуновъ въ эту минуту.

Сандуновъ, такъ-же, какъ и его товарищи, ѣздилъ въ Петербургъ. Здѣсь блистала въ то время красотой, талантомъ и необыкновеннымъ голосомъ молодая артистка *Ѳедорова*, переименованная въ *Уранову*. Съ голосомъ чистымъ, какъ хрусталь, и звонкимъ, какъ золото, она соединяла удивительное мастерство пѣнія, прелесть и грацію — игры. Императрица Екатерина II ее чрезвычайно любила и называла не иначе, какъ своей *Лизой*. Сандуновъ влюбился въ Елисавету Семеновну Уранову — по уши. Она, съ своей стороны находила Сандунова умнѣе, милѣе и любезнѣе — всѣхъ своихъ обожателей. И такъ союзъ сердецъ былъ заключенъ; надлежало только соединить руки. Но тутъ нашлись добрые люди, которые на то были, чтобъ разорвать союзъ сердецъ и разбить свадьбу. Сперва употребляли хитрости, потомъ силу и почти насиліе. Главнымъ лицемъ въ этой интригѣ былъ одинъ Графъ, умный, добрый, но слишкомъ пламенный вельможа. Изъ этого вышла самая эффектная сцена на театрѣ. Въ Эрмитажномъ Театрѣ давали оперу: *Федулъ съ дѣтьми*, сочиненія самой Императрицы. *Лиза*, превзошла себя въ этой оперѣ. Екатерина была въ восхищеніи и часто ей кивала головой съ одобрительной улыбкой. Когда Лиза пропѣла послѣднюю арію и всѣ зрители осыпали ее рукоплесканіями, Императрица бросила ей свой букетъ. Лиза схватила его, поцѣловала и, подбѣжавъ на аванъ-сцену, упала на колѣна и

закричала: «Матушка Царица! Спаси, спаси меня!» -- Зрители были поражены такимъ неожиданнымъ явленіемъ. Екатерина встала и съ участіемъ и любопытствомъ обратилась къ пѣвицѣ. Лиза, въ ту жъ минуту вынула просьбу и подала ее Государынѣ. Тутъ излагала она всѣ обстоятельства, препятствовавшія ей выйти за мужъ и весь пламень страсти своей къ Сандунову. На слѣдующій день Лиза и Сандуновъ представлялись Ея Величеству, а чрезъ три дня, во дворцѣ, Императрица отпраздновала ихъ свадьбу. Монаршая милость не ограничилась этимъ. Екатерина подарила Лизѣ богатое приданое и сама присутствовала при одѣваніи невѣсты подъ вѣнецъ — и при вѣнчаніи. — Кромѣ богатаго гардероба, множества брилліянтовъ и золотыхъ вещей, Императрица подарила прекрасной невѣстѣ то, что для сердца русскаго всего дороже и милѣе: — она подарила ее словомъ радушія, словомъ любви и благоволенія Монаршаго. При одѣваніи Лизы, ей услуживали всѣ артистки театра и пѣли хоромъ слѣдующую русскую пѣсню:

Какъ красавица одѣвалася,
Одѣвалася, снаряжалася
Для милаго друга
Жданнаго супруга,
Всѣ подружки,
Другъ отъ дружки,
Ей старались угождать,
Красавицу снаряжать!
За любовь, за ласку –
Та поясъ несетъ,
Та несетъ повязку,
Та кольцо даетъ.
Всѣ подружки,
Другъ отъ дружки,
Угождать старались ей
За доброе сердце;
А доброе сердце
Намъ *всего милый!*

Начало этой пѣсни находится въ операхъ Императрицы *, но никто не зналъ, кто придѣлалъ къ ней остальные стихи, напечатанные здѣсь курсивомъ. Секретъ открылся на другое утро, когда открыли сундуки съ приданымъ. Въ первомъ изъ нихъ, сверхъ всего, лежала пѣсня; начертанная рукою автора, подъ ней было подписано:

Любовь и милость переживаютъ все на свѣтѣ. Такъ случилось и съ этою пѣснею. Изъ Москвы, брошенной въ блестящей порфирѣ пожаровъ, на жертву непріятелю, С. Н. Сандуновъ бѣжалъ въ 1812 году въ Сумы, къ другу своему А. А. Палицыну, переводчику *Новой Элоизы* Ж. Ж. Руссо, изданной въ восьмидесятыхъ годахъ, книгопродавцемъ Сопиковымъ. Палицынъ едва узналъ ловкаго Скапина и Фигаро: онъ явился въ бородѣ и крестьянской сермягѣ. Когда въ послѣдствіи, свидѣлся съ нимъ авторъ записокъ, изъ которыхъ мы черпаемъ наши свѣдѣнія, Сандуновъ сказалъ ему: «Всѣ мои пожитки погибли, но я объ нихъ не жалѣю. У меня уцѣлѣли двѣ вещи, для меня самыя дорогія: мраморный бюстъ матушки Екатерины и Ея пѣсня. Она всегда у меня въ карманѣ, вотъ тутъ — близъ сердца. Съ этой пѣснью узналъ я свѣтъ, съ нею и въ гробъ лягу!»

Но комическая свадьба Сандунова произвела еще двѣ комическія сцены въ театрѣ. Нѣсколько дней спустя послѣ вѣнчанія, давали на большомъ театрѣ, всѣми тогда любимую, оперу Cosa rara, *Рѣдкая вещь*. Вельможа, обожатель Лизы, сидѣлъ въ одной изъ крайнихъ ложъ бель-этажа. *Елисавета Семеновна Сандунова*, была очаровательна въ этой операѣ. Когда дѣло дошло до лучшей ея аріи, она ловко вынула изъ ридикюля кошелекъ съ деньгами, подошла къ самому оркестру, и обратясь къ вельможѣ, подняла кошелекъ, и съ самой сардонической улыбкой, устремивъ на него свои большіе, лукавые глаза, запѣла:

Престаньте льститься ложно
И думать такъ безбожно,
Что деньгами возможно
Въ любовь къ себѣ склонить!
Тутъ нужно не богатство,
Но младость и пріятство...
Еще что-то такое....

Тутъ сдѣлала она значительное фермато, и потомъ со смѣхомъ продолжала:

Что можетъ насъ плѣнять,
Что можетъ — уловлять.

Весь театръ захлопалъ, захохоталъ. Умный вельможа хохоталъ и хлопалъ громчевсѣхъ, и первый потребовалъ повторенія. Ударъ былъ отраженъ и ловко и благородно. На другой день Е. С. Сандунова получила отъ него въ подарокъ шкатулку, наполненную брилліантами. Отказаться, значило бы оскорбить великодушнаго Графа. Подарокъ былъ принятъ, но Сандуновъ, какъ человѣкъ смышленый, такъ же понялъ, что за брилліянты сильныхъ покровителей, прекрасныя женщины иногда отплачиваютъ жемчугомъ слезъ, и потому рѣшился поскорѣй разстаться съ Петербургомъ. Въ послѣдній свой спектакль онъ выбралъ комедію Клушина «*Смѣхъ и горе*», къ которой авторъ нарочно для него придѣлалъ родъ пролога. Въ немъ Сила Николаевичъ прощался съ публикой, говорилъ, что съ душевнымъ прискорбіемъ оставляетъ Петербургъ, но что долженъ бѣжать со сцены —

Гдѣ графы и бароны
Въ подарки тратятъ милліоны,
И Силу — силою гнетутъ.

Онъ переселился съ женой своей опять

* См. *Русскій Оеатръ*, изданный Академіею Наукъ.

въ Москву, гдѣ молодая чета талантовъ была принята съ восторгомъ. Первымъ дѣломъ Сандунова, по возвращеніи въ *бѣлокаменную*, было помолиться всѣмъ ея святынямъ и пожертвовать брилліянтами, полученными его женою въ подарокъ отъ Графа, въ пользу сиротъ Воспитательнаго Дома. Эта нравственная черта Сандунова такъ возвышенна, такъ благородна, что должна сохраниться въ лѣтописяхъ потомства.

Нужно ли говорить о талантѣ Е. С. Сандуновой? Кто не слыхалъ объ этой очаровательной актрисѣ-пѣвицѣ? У кого изъ старожиловъ не забьется сердце при одномъ воспоминаніи объ ней?—Это былъ одинъ изъ тѣхъ народныхъ талантовъ, которыми Россія гордится. Въ свое время Сандунова не знала соперницъ, не только въ отечествѣ, но и во всей Европѣ. Я видѣлъ Сандунову въ послѣдніе годы ея жизни. Я былъ еще мальчикомъ, лѣтъ двѣнадцати; ей было около сорока лѣтъ. Часто пріѣзжала она въ школу, гдѣ я первоначально воспитывался, къ женѣ содержателя, Е. Ф. Дюбюкъ,* съ которой была въ дружбѣ. Какъ теперь гляжу: Сандунова была росту средняго и чрезвычайно стройна. Во всѣхъ ея движеніяхъ и въ осанкѣ высказывалось благородство и чувство собственнаго достоинства. Большіе, темные глаза ея, какъ будто всегда смѣялись. Улыбка на лицѣ не сглаживалась и высказывала доброту души и невольно къ ней привлекала. А въ голосѣ ея и въ манерѣ говорить было что-то такое сладкое, такое очаровательное,—что трудно выразить словами. Я не зналъ тогда и не могъ еще понимать высокаго значенія Сандуновой въ мірѣ искусства, но какая-то непонятная сила привязывала меня къ этой женщинѣ. Едва пріѣзжала Е. С., я начиналъ дурачиться и шалить для того только, чтобъ попасть въ наказаніе подъ арестъ, въ гостиную содержателя, и наслушаться рѣчей Сандуновой, которая обыкновенно любила бесѣдовать съ старикомъ. Часто заслуживалъ я ея ласки и еще чаще забавлялъ ее моею неспособностію къ музыкѣ. За то, однажды, я удостоился слышать Сандунову и однимъ пальцемъ акомпанировать ей на фортопьянѣ пѣсню: *Ѣхалъ казакъ за Дунай*. Звуки эти до сихъ поръ у меня въ памяти. Ловкая, смѣлая, развязная на сценѣ, Сандунова была удивительно скромна и даже застѣнчива въ обществѣ. По этому Князь Ю. В. Долгорукій, который любилъ Сандунову съ отеческой нѣжностью, часто говорилъ про нее: «Въ Лаудонѣ были два человѣка: Лаудонъ комнатный,—застѣнчивый и робкій, и Лаудонъ-полководецъ—пламенный и быстрый. Тоже и моя Елисавета Семеновна: въ комнатѣ она робка,—кажется, стыдится слово вымолвить, а на театрѣ-въ ней все жизнь, огонь и прелесть!» Лучше этого Сандунову обрисовать нельзя.

Сандуновъ похороненъ въ Москвѣ, на Лазаревомъ Кладбищѣ. Надъ прахомъ его поставленъ простой, но великолѣпный памятникъ. Онъ весь чугунный. Надъ гробницею стоитъ большой крестъ съ лавровымъ вѣнкомъ. Къ нему прислоненъ огромный, развернутый свитокъ, на которомъ читается слѣдующая надпись:

Я былъ актеръ, жрецъ Таліи смѣшливой!
И кто меня въ семъ жрицествѣ видалъ,
Тотъ мнѣ всегда рукоплескалъ.
Но я не зналъ надменности кичливой!
Въ смыслъ надписи, прохожій, проникай!
Тщеславься жизнію, но знай,—
Что міра этого актеры и актрисы,
Окончивъ роль,—какъ я, уйдутъ всѣ за кулисы!
Кто роль выдержать умѣетъ до конца,
Тотъ воздаяніе получитъ—отъ Творца.

Утверждаютъ, что эту эпитафію сочинилъ самъ Сандуновъ, на смертномъ одрѣ своемъ.—Но обратимся къ остальнымъ артистамъ.

Синявская—почиталась первою трагической актрисой. Въ пламенныхъ, не-

* Мать нынѣшняго, извѣстнаго пьяниста и лучшаго ученика Фильда, А. И. Дюбюка.

нстовыхъ роляхъ — она дѣйствительно была превосходна. Она владѣла звучнымъ органомъ и хорошей методой деклама̀ціи—безъ завыванія и *драматической икоты*. Торжествомъ ея игры была роль–*Дидоны*. Тутъ истощала она всѣ свои средства и дарованія. Пламень южной страсти и порывы отчаянія мастерски рисовались на ея лицѣ, высказывались въ ея голосѣ и жестахъ. Часто она рисовалась на сценѣ, но это простительно, если мы вспомнимъ тогдашнюю трагедію и то, что Синявская была *женщина*,–и притомъ женщина—съ полными, бѣлыми плечами, съ прелестнымъ очеркомъ таліи, и красивой, уютной ножкою. Не было роли, которой она не скрасила бы игрою, и не было такой, которая отъ игры ея — утратила бы, хоть на золотникъ, смысла и значенія. Ужъ это очень важно. Каждый авторъ хотѣлъ въ ней видѣть представительницу своихъ твореній — и въ этомъ состояла ея слава.

Г-жа Калиграфова имѣла на сценѣ всѣ добродѣтели Медеи. Ее нельзя было назвать Мельпоменой: это была живая фурія, взвинтая тартаромъ, съ адскимъ смѣхомъ, адскимъ огнемъ и адскими слезами. Неистовства ея на сценѣ не знали предѣловъ. Всякая человѣческая страсть, каждое смертное чувство выражала она въ такомъ преувеличенномъ видѣ, что зритель переставалъ думать, что предъ нимъ разыгрываютъ происшествіе обыкновенной жизни и дольнаго міра. Но въ жизни за то Калиграфова была совершенной противоположностью тому, чѣмъ являлась на сценѣ: женщиной нѣжной, благородной и чувствительной. Она совершенно походила на новую Элоизу, не Жанъ-Жака Руссо, а Абѣльярдову; вся жизнь ея слилась тѣсно съ жизнью Шушерина. Въ 1813 году, въ Мартѣ, умеръ Шушеринъ. Калиграфова взглянула на него, вскричала: «Его ужъ нѣтъ!» и тутъ-же умерла отъ паралича. Ихъ хоронили вмѣстѣ.

Кромѣ упомянутыхъ артистовъ, въ труппѣ Медокса были и другіе, втораго разряда, весьма хорошіе, или правильнѣй сказать, *полезные* актеры. Изъ нихъ можно упомянуть о Калиграфѣ, Украсовѣ, Ожогинѣ, Лапинѣ. Но въ труппѣ Медокса, какъ и во всякомъ закулисномъ царствѣ, какъ бы хорошо оно ни было организовано, произошли раздоры. Это неизбѣжное слѣдствіе столкновенія артистическихъ видовъ, выгодъ и самолюбій. Ахиллесомъ этой театральной Иліады былъ Сандуновъ. Русская кровь не уживалась съ нѣмецкою расчетливостію.»» Однажды, разсказываетъ С. Н. Глинка, въ своихъ запискахъ, ко мнѣ прискакали въ лефортовскія казармы, гдѣ тогда стоялъ нашъ полкъ, Сандуновъ и Плавильщиковъ. Оба были въ попыхахъ, оба перебивали другъ друга. «Сергѣй Николаевичъ!» сказалъ мнѣ Сандуновъ, «мы пришли отъ имени всѣхъ нашихъ товарищей убѣждать васъ, чтобъ вы прекратили всѣ ваши сношенія съ Медоксомъ. Стыдно намъ, русскимъ, зависѣть отъ иностранца! Мы намѣрены взять театръ на свой отчетъ: вы наши, не такъ ли?» Надо замѣтить, что я былъ тогда театральнымъ авторомъ, писалъ піесы, прологи и переводилъ оперы для Большаго Театра. Зная, что трагикъ Шушеринъ, Калиграфова и нѣкоторые изъ нихъ товарищей, не расположены къ Сандунову и женѣ его, я отъ этой размолвки предвидѣлъ опасность для театра. Я старался ихъ успокоить и сказалъ: «Вы не собьете Медокса, а только сами перессоритесь и разбредетесь въ разныя стороны...»

Такъ и случилось. Театръ московскій разстроился. Шушеринъ, объ Мельпомены и многіе другіе перешли на петербургскую сцену. Труппа объдняла и не получила большіе люки, которые нѣкѣмъ было пополнить. Наконецъ и небо, раздраженное раздоромъ, хотѣло наказать враждующихъ и ниспослало

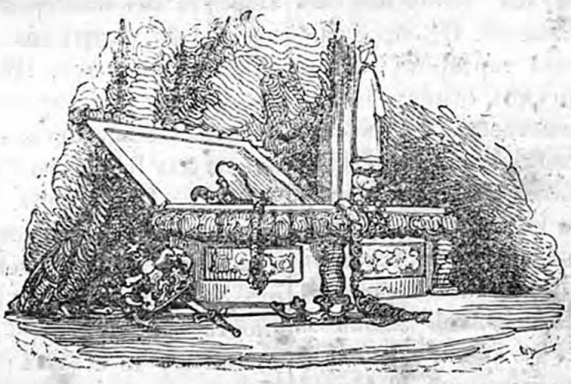
огонь на московскую сцену. Въ 1804 году, Большой Театръ сдѣлался жертвою пламени. Въ этотъ вечеръ собирались дать *Русалку*. По счастію, пожаръ обнаружился еще до поднятія занавѣса и собравшаяся публика могла спокойно выйти—изъ театра. Съ судьбой театра, построеннаго Медоксомъ, рѣшилась и судьба Медокса. Одни голыя стѣны остались отъ великолѣпнаго зданія; но Медоксъ не могъ съ ними разстаться. Онъ прилѣпился къ нимъ душей и тѣломъ, какъ улитка къ своей раковинѣ, и до конца жизни жилъ въ небольшой, деревянной пристройкѣ къ театру. Московская труппа актеровъ перешла подъ управленіе Князя Волконскаго, который пополнилъ ее сюжетами изъ своей домашней труппы.

Большой-Петровскій Театръ воздвигнутъ вновь изъ развалинъ и открытъ въ 1824 году, Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ, рѣдкимъ директоромъ по знанію сцены, уму и сердцу. Его открыли прологомъ М. А. Дмитріева «*Торжество Музъ*.» Въ немъ Геній Россіи повелѣлъ:

Воздвигнитесь, разрушенныя стѣны!
Возстань, упадшій рядъ столповъ!
Да снова здѣсь звучать и лиры вдохновенны
И гимны Ѳебовыхъ сыновъ!

Повелѣніе его исполнилось только въ половину: стѣны и столпы возстали,—но Ѳебовы сыны рѣдко въ нихъ заглядываютъ и *вдохновенныхъ лиръ* — давнымъ-давно не слышно! Sic transit gloria mundi!

ѲЕДОРЪ КОНИ.



Долгомъ почитаемъ благодарить почтеннаго Нестора Московской литературы, С. П. Глинку, за доставленіе намъ любопытныхъ матеріяловъ для этой статьи, которые, безъ сомнѣнія и по отпечатаніи его *записокъ*, будутъ прочтены съ удовольствіемъ. *Редакторъ.*

ГОРЕВЪ,

НИКОЛАЙ ѲЕДОРОВИЧЪ.

(СЮЖЕТЪ, ПОЖАЛУЙ, ХОТЬ ДЛЯ МЕЛОДРАМЫ.)

(Старому товарищу П. И. Мартосу.)

I.

Сукчна, очень скучна осень!—Весною природа дышитъ дѣвственною прелестію; она, какъ невѣста, убранная свѣжими цвѣтами, весело улыбается; грядущее сулитъ ей много. Въ яркомъ сіяніи дня веселый жаворонокъ щебечетъ про любовь; при полномъ свѣтѣ луны, въ кустѣ душистой сирени, поетъ про ту же любовь соловей; его звуки то стонутъ грустію, то страстно замираютъ, то гремятъ удовольствіемъ, счастіемъ. Слушая ихъ, вздыхаетъ дѣвушка мечтательница, робко поправляя косынку на полной груди своей, вздыхаетъ счастливый юноша, самъ не зная о чемъ, а ночныя фіялки и ландыши льютъ благоуханія, а ближній ручей такъ говорливо переливается по камышикамъ!... Настало лѣто—и природа, какъ женщина, полная жизни и страсти, роскошно хороша; цвѣты замѣняются плодами, мечты дѣйствительностію; солнце жарко смотритъ на природу, обливаетъ ее огненнымъ потокомъ лучей, сожигаетъ весеніе цвѣточные лепестки, и румянитъ сочные плоды.... Еще весело, но прійдетъ осень — приближеніе нашей старости—и грустно станетъ сердцу, способному грустить, способному чувствовать.-Кокетливый уборъ листьевъ и цвѣтовъ слетитъ съ природы — старухи, свалятся румяные плоды, птицы, какъ неблагодарныепоклонники ея прежней красоты, улетятъ туда, гдѣ имъ потеплѣе, солнце перестанетъ ласкать ее своими лучами, сѣрыя тучи, какъ нерадостныя думы, заволокутъ горизонтъ, и, какъ слезы объ утраченномъ благѣ, польется частый холодный дождикъ.... по неволѣ загрустишь! — Хорошо, если еще человѣкъ богатъ, онъ кое-какъ скроетъ, замаскируетъ скучное время, онъ покажетъ золото, и, его ближній, забывъ свое назначеніе, свою духовную гордость, засвиститъ, защелкаетъ и соловьемъ и малиновкою; тепличные цвѣты, наперекоръ природѣ, разольютъ благоуханіе въ его палатахъ; дѣвушки улыбнутся ему привѣтливо, будутъ смотрѣть на него глазами полными страсти.. и онъ, счастливецъ, въ обаятельномъ чаду забудетъ настоящее, существенное, упьется воображаемымъ! И хорошо! Наше счастіе зависитъ отъ насъ самихъ: стоитъ только вообразить, и кончено!...

Но если при наступленіи холоднаго, осенняго времени у васъ не будетъ теплаго платья, если слезы природы — именуемыя въ просторѣчьи дождемъ, наводятъ улицы и покроютъ ихъ грязью, а вы неимѣя экипажа, скрѣпя сердце должны попирать ногами эти небесныя слезы, притомъ, если ваши сапоги не въ надлежащей исправности, и вы твердо увѣрены, что пришедъ домой, не найдете ни полѣна дровъ и должны лечь въ сырой комнатѣ на холодную постель, въ мокромъ платьѣ, то какъ бы ни было пламенно ваше воображеніе, врядъ ли вы будете въ состояніи вообразить себя счастливымъ и веселымъ, особливо, если вы (чего Боже сохрани) любите дѣвушку всѣми силами души вашей и встрѣчаете холодное равнодушіе, или, если вы (это еще хуже) любили, были любимы, но обстоятельства оторвали васъ отъ своей ненаглядной.... Тогда во всякой перелетной птичкѣ вы увидите улетающую вашу радостную мечту, ваши вздохи найдутъ созвучіе въ жалобныхъ порывахъ вѣтра, каждая капля дождя прокатится холодомъ по вашему сердцу.—Послѣ этого вы не удивитесь, если я вамъ скажу, что Николай Ѳедоровичъ Горевъ очень грустно шелъ по улицамъ Москвы бѣлокаменной.

Это было осенью, тяжелыя тучи безконечною грядою лежали на небѣ; солнца сутокъ трое и въ поминѣ не было, дождикъ принимался итти въ часъ раза четыре; грязь въ немощеныхъ улицахъ доходила почти до колѣна; холодный осенній вѣтерокъ повѣвалъ лихорадкою,—по всему можно было замѣтить, что октябрь распоряжается по своему, а у него — между нами сказано—прескверныя привычки и наклонности. Николай Ѳедоровичъ грустно шелъ отъ Кремля домой, повѣся голову; шинели на немъ не было; фракъ, застегнутый снизу на двѣ пуговки, открывалъ вѣтру грудь, прикрытую пестрымъ ситцовымъ жилетомъ. Заложивъ руки въ карманы, для защиты отъ холода, Горевъ медленными, но широкими шагами мѣрялъ улицы, такъ хладнокровно, что вы бы подумали, онъ это дѣлаетъ по казенной надобности, или что онъ англійскій лордъ, который, скушавъ два, три пудинга да фунта четыре ростбифу, ищетъ аппетита къ предстоящему обѣду. Гореву итти было очень далеко: онъ квартировалъ въ приходѣ Ермолая или Николы на курьихъ ножкахъ... Нѣтъ, виноватъ, не на курьихъ ножкахъ, тотъ приходъ въ другомъ мѣстѣ, а этотъ былъ, гдѣ-то тамъ далеко, въ концѣ города, еще въ этомъ приходѣ живетъ Харитонъ огородникъ, и года три назадъ, два студента ночью спустили на вѣтеръ огромную змѣю, склеенную изъ какого-то журнала, привѣсивъ къ ней два фонаря, и этимъ ложнымъ телеграфомъ встревожили всю пожарную команду!... Помните? Ну, въ этомъ самомъ приходѣ, у самой съѣзжей, занималъ Н. Ѳ. весьма не обширную комнату, до которой отъ Кремля было добрыхъ верстъ десятокъ. Въ Кремль онъ постоянно ходилъ третій мѣсяцъ опредѣляться на службу; ему обѣщали мѣсто, но всякій разъ говорили: придите завтра—завтра опять повторяли вчерашнее, и такъ далѣе!.... Въ день, съ котораго началось мое описаніе, Ник. Федоровичу, тоже сказали, придите завтра и онъ отправился домой. Холодный вѣтеръ пробиралъ его легкое платье, холодные отвѣты начальниковъ сжимали душу, а тутъ еще въ карманѣ всего-два двугривенныхъ—«прокормиться завтраками съ недѣлю, и обѣдать будетъ не за что, совѣстно сказать, сапоги совсѣмъ износились, ноги не служатъ въ-этой проклятой грязи, того и гляди, подошвы на вѣки останутся, завтра нельзя будетъ явиться получить мѣсто; лучше взять извозчика: дамъ двугривенный и сберегу полтора рубля,— такъ думалъ Горевъ и шагалъ по улицѣ, вдругъ кругомъ его зашумѣло, запищало, будто кто вылилъ ему на голову ушатъ воды,

Ник. Ѳед. оглянулся—и улицы не видать за дождемъ, такъ и льетъ. «Извозчикъ, сюда! Потомъ въ отдаленный приходъ—и, какъ Нептунъ по морямъ въ диковинной колесницѣ, Ник. Ѳед. поѣхалъ на прекуріозныхъ дрожкахъ по жидкой грязи московскихъ улицъ.

Вотъ и заборы, и огороды, и домикъ подлѣ съѣзжей. Стой!

Прибавьте, баринъ!

— Не за что, худо везъ.

Говоря эти слова, Ник. Ѳед. разстегнулъ фракъ и опустилъ пальцы въ жилетный карманъ; пальцы, пройдя карманъ, опять явились на свѣтъ, бывшій въ низу жилета. Ник. Ѳед. проворно вынулъ руку изъ кармана, будто тамъ нашелъ змѣю, посмотрѣлъ на пальцы и опять послалъ ихъ въ карманъ; они опять немедленно явились подъ карманомъ; не было никакого сомнѣнія, что въ карманѣ существовала дыра; но Горевъ все еще сомнѣвался, торопливо вывернулъ карманъ, и тогда горкая истина явилась его очамъ. Мерзкій карманъ съѣлъ два двугривенника, ворчалъ Ник. Ѳед., а извощикъ громко требовалъ денегъ: Мнѣ, де-скать, не охота мокнуть подъ дождемъ.—Погоди, любезный говорилъ Ник. Ѳед., стуча въ дверь, видишь какое несчастіе: деньги были, да потерялись, я спрошу у хозяйки. Но дверь не отпиралась—хозяйка ушла куда-то и заперла домикъ.—

Что же, баринъ, деньги?

Видишь, любезный, никого нѣтъ.

А мнѣ что за дѣло? Я тебя везъ.

Пріѣдешь, братецъ, завтра.

Какъ бы не такъ; отъ завтраковъ не станешь сытъ.

Совершенная правда, я съ тобой согласенъ, но гдѣ же я возьму денегъ?—Какія были, потерялъ.

Извощикъ сердился, ругался, кричалъ, что его надуваютъ, словомъ поступалъ, какъ всякій русскій мужикъ, когда видитъ хотя малѣйшую возможность вольничать безнаказанно. Горевъ увѣрялъ, божился, что отдастъ завтра чтвертакъ, и по требованію извощика долженъ былъ итти въ часть къ квартальному надзирателю, чтобъ тотъ подтвердилъ его слова.

Квартальный надзиратель Курилкинъ имѣлъ въ себѣ двѣ странности: былъ очень аккуратенъ и весьма любилъ и уважалъ жареныхъ утокъ. Исполняя обязанности по службѣ, онъ готовъ былъ забыть и жену и дѣтей; но когда передъ нимъ проносили жареную утку, онъ почти былъ въ состояніи оставить всѣ казенныя дѣла, даже самыя экстренныя, и преслѣдовалъ очаровательное видѣніе. Курилкинъ продрогъ на службѣ, и воротясь домой, выпилъ добрую чарку ерофеичу, закусилъ чѣмъ то соленымъ и сѣлъ за столъ. Все шло благополучно, щи были хороши, квартальный утопалъ въ тихомъ семейномъ счастіи, вдругъ доложили о приходѣ Горева и извощика.

Пусть ихъ подождутъ, пока отобѣдаешь, душенька, сказала жена Курилкина.

Нѣтъ, моя крошечка, нельзя, это служба, отвѣчалъ Курилкинъ, нѣжно взявъ за подбородокъ свою пятидесятилѣтнюю супругу, наскоро утерся и вышелъ въ переднюю; даже въ торопяхъ вынесъ въ лѣвой рукѣ вилку съ разбитымъ черенкомъ и на вилкѣ кусочекъ хлѣба, посыпанный солью.

Горевъ разсказалъ Курилкину всю исторію своей поѣздки.

Весьма вамъ вѣрю, милостивый государь, протяжно произнесъ квартальный, но не имѣя чести знать васъ, не могу поручиться: это дѣло щекотливое!

—Я живу подлѣ васъ, въ домѣ Ульяны Михайловны.

Ульяну Михайловну знаю, но васъ, извините.—Да полиція не имѣетъ никакого предписанія дѣлать ручательства.

Не знаю, чѣмъ бы кончилось разсужденіе квартальнаго, если бы не пронесли въ это время черезъ переднюю жареную утку.

Это, кажись, утка, Петрушка?

— Точно такъ.

Ну, прощайте, господа, мнѣ нѣкогда, прощайте! И улыбаясь, вослѣдъ уткѣ Курилкинъ пошелъ къ дверямъ.

Ради Бога, если вы хотите обязать меня, развяжите съ этимъ грубіяномъ, почти сквозь слезы сказалъ Горевъ, и заступилъ дорогу квартальному,—безъ этого я, право, не уйду.

Квартальный хотѣлъ снова начать рѣчь, но, вспомня объ уткѣ, замолчалъ; ему очень хотѣлось поскорѣе окончить разговоръ; притомъ же, когда человѣкъ радъ, въ восторгѣ, онъ гораздо добрѣе, даже способенъ на самыя большія пожертвованія. Это случилось и съ Курилкинымъ: если такъ, сказалъ онъ, то Богъ съ вами, я вамъ дамъ въ займы двугривенный до завтра. Подите сюда.

Квартальный вошелъ въ гостиную, отперъ бюро, и взявъ двугривенникъ, подалъ его Гореву.

—Любили ли вы когда нибудь, мой читатель? Если да, то представьтесебѣ человѣка, который любилъ когда-то давно, въ своей юности, любилъ горячо, безумно. Прошло съ тѣхъ поръ много времяни, и рѣзвый юноша сталъ степеннымъмужемъ; прежняя любовь, кажется, совершенно забыта, и вдругъ, нечаянно попался ему въ руки платокъ надушенный (положимъ) резедою; кажется, ничего, но этотъ запахъ *любима она*, кому онъ посвящалъ первые восторги сердца, первыя мечты юности!... И вдругъ передъ нимъ воскресаютъ дни забытаго счастія, онъ жадно вдыхаетъ очаровательный ароматъ, снова переживаетъ, чувствуетъ прошедшее; онъ пьянѣетъ отъ слабаго запаха резеды; ему пріятно это упоеніе; если бы громъ разразился надъ головою мечтателя, врядъ ли бы онъ его услышалъ!...

Случалось ли вамъ быть далеко отъ родины, долго не видать ея, и вдругъ на чужой сторонѣ услышать родную пѣсню, которою васъ убаюкивали въ колыбели? Вы будете дрожать отъ этихъ звуковъ, вы готовы промѣнять ихъ на лучшія блага жизни! Умолкаетъ пѣсня, а вы долго будете прислушиваться, не воскреснутъ ли еще въ воздухѣ замершіе дорогіе звуки, не правда ли? Кажется, въ двугривенномъ Курилкина не было ни запаха резеды, ни звуковъ родной пѣсни; но Горевъ смотрѣлъ на него какими-то странными глазами; руки Горева опустились, глаза его, хотя открытые, не смотрѣли ниначто; онъ какъ будто припоминалъ что-то давно прошедшее, грустное...

Что же вы не берете? спросилъ квартальный.

— Что?

Двугривенный!...

— Ахъ! да, двугривенный! Нѣтъ, покорно васъ благодарю. Прощайте.

Что съ вами?

— Ничего! Я отъ васъ не возьму, нѣтъ, прощайте.

Въ такомъ случаѣ, извольте, какъвамъ угодно удовлетворите извощика, безъ этого васъ не выпустятъ со съѣзжей, а мнѣ пора обѣдать, жаркое простынетъ...

Со съѣзжей? Да, я не съѣзжей! Ну, Богъ съ вами, давайте его сюда! Горевъ почти вырвалъ изъ рукъ Курилкина двугривенный, бросилъ его въ глаза извочику и выбѣжалъ на улицу.

Дождь шелъ, на основаніи прежнихъ примѣровъ, весьма исправно, съ крышъ лились на улицу ручьи воды. Ник. Ѳед. скорыми шагами отправился гулять по окрестностямъ; его прежнюю мѣрную походку замѣнили быстрыя движенія; онъ почти бѣжалъ, размахивая руками, и такъ забрызгалъ, при встрѣчѣ, и безъ того уже мокрую, бабу, что она нарочно остановилась, и отправила вслѣдъ за нимъ съ полсотни разныхъ вѣжливыхъ эпитетовъ и пожеланій, которыхъ, разумѣется, Горевъ не слышалъ...

II.

Поздно вечеромъ пришелъ домой Ник. Ѳед. мокрый, измученный; его глаза горѣли лихорадочнымъ пламенемъ! «Да, да

точно такъ, это оно, но что я стану дѣлать?» ворчалъ, входя въ комнату, Горевъ. И бросился на кровать; за нимъ внесла свѣчку старушка Авдотья, единственная служанка и собесѣдница Ульяны Михайловны.

Что ты, баринъ, боленъ?

— Нѣтъ, милая, оставь меня.

Ой ли! Смотри, у тебя глаза свѣтятся, какъ у Васьки.

— У какого Васьки?

Да вотъ у сибирскаго кота, что у барыни.

—Оставь меня!

Э, баринъ, дѣло грѣшное оставить больнаго; у меня есть четверговая соль; разболтай щепотку да выпей — рукой сниметъ...

— Прощай, я спать хочу.

Встаньже, кормилецъ, перестелю постельку.

— Не нужно!

Охота же человѣку спать по уши въ водѣ! Это рыбье дѣло! ворчала Авдотья, выходя изъ комнаты.

Горевъ остался одинъ. Тихо и темно было въ его маленькой комнатѣ; за окномъ однообразно журчала вода, падая съ кровельнаго жолоба въ корыто, да изрядка, за печкою жалобно вскрикивалъ сверчокъ. Вотъ на колокольнѣ ударило полночь, а Горевъ все еще не спалъ; внутреннее волненіе не давало ему покоя; онъ переворачивался съ боку на бокъ, метался на постели, а между тѣмъ услужливое воображеніе проносило передъ нимъ длинный рядъ свѣтлыхъ картинъ прошедшаго: онъ еще Николя, такъ его называютъ и маменька и воспитанница маменьки, малая голубоглазая Варенька. У его маменьки свой домъ въ Москвѣ, съ садикомъ; на дворѣ конюшня и въ ней пара лошадей, и двѣ жирныя коровы. По двору ходятъ цесарская курочка и павлинъ, въ садикѣ есть бесѣдка изъ акацій, и множество цвѣтовъ; по сторонамъ прямой аллеи, какъ царскіе скипетры, усѣянные драгоцѣнными каменьями, растутъ стройныя мальвы, унизанныя сверху до низу махровыми цвѣтами; извилистыя боковыя дорожки обсажены кустами огневыхъ настурцій и душистыхъ левкоевъ; у бесѣдки цвѣтутъ красныя и бѣлыя розы, и не далеко въ густыхъ вѣтвяхъ крыжовника поетъ зябликъ. Николя и Варенька рѣзво бѣгали по дорожкамъ, усыпаннымъ пескомъ, срывали цвѣты, носили ихъ маменькѣ, прятались въ малину и весело хохотали, отыскивая другъ друга. А какое милое созданіе была эта Варенька! Волнистыя, русыя кудри рѣзво разбѣгались по ея бѣлымъ плечамъ; свѣжее, румяное личико; голубые глазки, полные огня, жизни и разума; розовый, вѣчно улыбающійся ротикъ.... А какъ улыбалась она! Сколько откровенности, чистосердечія, сколько прелести было въ этой улыбкѣ! Кажется, если бы Варенька подошла къ одру умирающаго, отъ ея улыбки ожилъ бы страдалецъ, она пролила бы въ него новую жизнь, и черная смерть, уже готовая вписать въ свой списокъ новую жертву, улетѣла бы далеко отъ этой ангельской улыбки!.... Но время идетъ; Николя окончилъ курсъ въ Университетѣ; уже ему минуло 18 лѣтъ, а Варенькѣ 16; она перестала бѣгать взапуски по садовымъ дорожкамъ: уже Варенька называла его Николаемъ Ѳедоровичемъ; ея веселая, безсзаботная улыбка оттѣнялась тихою грустію; ея грудь высоко подымалась и дрожала какимъ-то томительнымъ чувствомъ. Часто, бывало, выйдетъ Варенька въ садъ, сорветъ розу, станетъ у бесѣдки и слушаетъ зяблика; онъ все поетъ, а она все слушаетъ: такъ ей хорошо, здѣсь бы и цѣлый день осталась..... Варенька! закричитъ старуха въ саду. Дѣвушка вздрогнетъ, всѣ мечты ея разлетелись; смотритъ: у нея вмѣсто розы одинъ стебелекъ — и не замѣтила, какъ ощипала всѣ листочки. Я здѣсь, маменька! говоритъ она, весело подбѣгая къ старухѣ.

Что ты дѣлала, дитя мое?

— Ничего, такъ; хотѣла вамъ нарвать цвѣтовъ, да заслушалась зяблика. Охъ, какой онъ добрый!....

А ты опять плакала!....

— Какъ же не плакать, когда такъ.... весело.

И густой румянецъ вспыхнулъ на щекахъ Варенькн.

Николай Ѳедоровичъ тоже перемѣнился. Бѣда отъ наукъ! зафилософствовалъ, т. е., по просту говоря, сталъ задумчивъ, полюбилъ уединеніе. Еще на сторонѣ, кое-какъ добрые люди расшевелятъ его: онъ и говоритъ, и смѣется, и походитъ на человѣка. Чуть домой, — куда все дѣвалось! Опять ученый, опять философъ!....

Здоровъ ли ты, Николя? бывало, спрашиваетъ его маменька, и обнимаетъ его, и цѣлуетъ, и сквозь слезы смотритъ на свою радость, на своего Николиньку, а онъ будто не понимаетъ ея участія, ея любви, любви материнской!.... Странное дѣло! Неужели есть чувство священнѣе, сильнѣе этого? Неужели гадкія, старинныя книги въ пергаментномъ переплетѣ, такъ могутъ околдовать молодаго человѣка?....

Душа Никол. Ѳед. была переполнена чувствами; ему хотѣлось раздѣлить ихъ, онъ хотѣлъ высказать много, много Варенькѣ; почему же и не такъ? Развѣ я не имѣю дара слова? думаетъ, бывало, Горевъ, и весело войдетъ въ гостиную. Варенька одна сидитъ за фортепьяно. И къ чему она играетъ такія мольныя сонаты? Ник. Ѳед. очень чувствителенъ; вотъ, онъ уже разстроганъ, молча кланяется и тихо садится у фортепьяно; ему отвѣчаютъ скромнымъ поклономъ. Кажется, соната очень занимаетъ и музыканта и слушателя.

Здоровы ли вы? спрашиваетъ Горевъ.

— Слава Богу. —

Маменька въ саду?

— Да-съ.

Не всѣ имѣютъ способность играть и говорить въ одно и то же время; бѣдная дѣвушка взяла не тотъ аккордъ, хотѣла поправиться, и взяла неправильно уже два; звуки громко вопіяли противъ гармоніи, клавиши, будто на зло, ускользали изъ подъ пальчиковъ музыкантши.... Какой нибудь восточный калифъ пришелъ бы въ восторгъ отъ этой музыки. Варенька покраснѣла и окончила піесу диким, нестерпимымъ диссонансомъ. Ник. Ѳед. внимательно слушалъ.

Безподобно! прошепталъ онъ. Чья это соната?

— Плесля.

Онъ великій музыкантъ. Вы скучаете?

— О чемъ мнѣ скучать?

Какая сегодня прекрасная погода?

—Да, очень хороша.

И они замолчали. Варенька, пробовала лѣвою рукою какія то двѣ клавиши, а Горевъ молча смотрѣлъ на нее; но имъ очень не хотѣлось итти, когда ихъ позвали обѣдать.

Съ нѣкотораго времени Николаю Ѳедоровичу казалось, что Варенька груститъ, что ей скучно, что она нездорова; ему стало ея жаль; она была такъ хороша, что онъ отдалъ бы хоть жизнь за право поцѣловать ее. Эта мысль постоянно его преслѣдовала: уснетъ ли онъ, и передъ нимъ голубые глаза и розовый ротикъ волшебницы! Вотъ, онъ уже полководецъ, побѣдитель полусвѣта, его вѣнчаютъ лаврами, везутъ его на торжественной колесницѣ, но все сердце его не бьется такою радостію, ему не достаетъ чего то, и онъ спѣшитъ стереть слезу съ великолѣпной одежды. Вотъ онъ мореходецъ, исполинскіе замыслы зрѣютъ въ головѣ его; подобно Колумбу, онъ пускается открывать новый свѣтъ за полярными льдами — и открываетъ его. Народъ сбѣгается смотрѣть

на диковинки, привезенныя отважными моряками, удивляются дорогимъ мѣхамъ и невиданнымъ металламъ, царь слушаетъ разсказы героя о новомъ свѣтѣ, гдѣ нѣтъ ни солнца, ни луны, а вѣчно свѣтятъ сѣверныя сіянія; гдѣ ловкіе франты прогуливаются верхомъ на бѣлыхъ медвѣдяхъ, гдѣ деревья растутъ съ бѣлыми листочками и цвѣтутъ зелеными цвѣтами, гдѣ рѣки льются красивыми струями (въ родѣ нашего лафита). Слушаетъ царь Николай Ѳедоровича, обнимаетъ его и говоритъ: «Проси у меня, чего хочешь.» Горевъ же, запинаясь, проситъ одного только поцѣлуя отъ Варенькн. «Многаго ты просишь,» говоритъ царь важнымъ голосомъ; «но тебѣ нѣтъ отказа.» Побѣжали пажи, поскакали курьеры отыскивать очаровательницу, а Николай Ѳедоровичъ весь дрожитъ, ожидая счастливой минуты—и вдругъ пробудится... Бѣда, да и только; отъ этакихъ сновъ легко сойти съ ума.

Весною, часу въ 5-мъ или 6-мъ передъ вечеромъ, Николай Ѳедоровичъ вошелъ въ бесѣдку; Варенька выходила изъ бесѣдки; они столкнулись въ дверяхъ— и остановились. Съ минуту молчаніе. Наконецъ Горевъ началъ разговоръ печальнымъ голосомъ: — Вы все скучаете?

Нѣтъ, Николай Ѳедоровичъ.

— Вы на меня сердиты?

Молчаніе.

Съ чего это вы взяли? спросила Варенька.

— Со всего, рѣшительно со всего. Вотъ видите... и Николай Ѳедоровичъ тихо взялъ ее за руку.

— Отъ чего вы меня не зовете по прежнему Николаемъ, какъ брата? Къ чему этотъ Ѳедоровичъ? Дѣвушка молчала, рука ея дрожала въ рукѣ Горева, ея щеки горѣли, глаза были потуплены. Горевъ судорожно пожалъ ея руку, и небесноголубой взоръ Варенькн встрѣтился съ его глазами; велико было очарованіе, невольно, безотчетно Николай Ѳедоровичъ бросился къ ней на грудь; уста ихъ встрѣтились и сомкнулись безконечнымъ поцѣлуемъ.

Говорятъ, жители Москвы замѣтили въ этотъ день на небѣ очень рано передъ вечеромъ яркую звѣздочку. Иначе и быть не могло. Чистый дѣвственный поцѣлуй первой любви летитъ въ небо, сверкнетъ тамъ свѣтлою искрою, блестящею звѣздочкою, и угаснетъ, угаснетъ навсегда! Разъ человѣкъ родится, разъ умираетъ, и одинъ разъ ощущаетъ восторгъ поцѣлуя: слаба натура человѣка, она бы не вынесла въ другой разъ присутствія въ себѣ небесной радости, и благое Провидѣніе, щадя насъ, даетъ единожды, и то не всякому, это наслажденіе!...

Въ бесѣдку вошла маменька, и не кстати, а можетъ быть, и весьма кстати прервала длинный поцѣлуй. Молодые люди смѣшались, старушка, кажется, ничего не замѣчала и позвала ихъ въ комнаты, гдѣ былъ готовъ чай.

Никогда еще не замѣчалъ Николай Ѳедоровичъ у своей маменькитакого обильнаго краснорѣчія, какъ въ продолженіи всего этого вечера: старуха безъ умолку говорила, ни ему, ни Варенькѣ, а такъ, почти сама себѣ, о страстяхъ, о характерахъ, о долгѣ чести, о благородствѣ, о состраданіи, Богъ знаетъ, о какихъ отвлеченныхъ предметахъ, и говорила убѣдительнѣе профессора психологіи, подкрѣпляла свои разсказы примѣрами изъ жизни, словомъ, взяла на себя роль проповѣдника; изрѣдка посматривала на Николиньку, который какъ то весьма не ловко держался на стулѣ и смотрѣлъ въ чашку. Такъ прошелъ весь вечеръ. Николай Ѳедоровичъ, идя спать, обнялъ и горячо поцѣловалъ свою маменьку. Какъ одна минута счастія перемѣнила его: онъ сталъ опять прежнимъ Николинькой. Старуха набожно перекрестила его, онъ еще разъ ее обнялъ, и въ это время непримѣтно пожалъ Варенькѣ ручку. Всѣмъ тремъ снились самые прекрасные сны.

Насталъ 1812 годъ—пора испытаній и пожертвованій, пора славы и величія для Россіи. Народъ могучій, русскій народъ готовился къ народной войнѣ, рѣшился биться съ врагомъ на смерть за каждый шагъ родной земли, за каждую каплю воды, за каждый вздохъ роднаго воздуха. И какое было величественное зрѣлище въ этомъ приготовленіи! Грозовая туча шла съ запада; она поглотила всѣ царства Европы и гордо двигалась, гремя побѣдоносными громами. Но русскіе не пали предъ ея сокрушительною тяжестію; они молились Богу, и улыбаясь, посматривали на западъ. Внутреннее сознаніе своего достоинства укрѣпило ихъ силы, а врожденная жажда молодечества рада была помѣряться силою съ иновѣрцами. Всѣ волновались, суетились, готовили оружіе, учили ратниковъ; но ни тѣни малѣйшаго ужаса, страха, даже болзни не было видно ни на одномъ лицѣ. Предложить отдаться безъ битвы Французу или встрѣтить его съ хлѣбомъ и солью, значило накликать бѣду на свою голову. Жены сами провожали мужей своихъ на войну; мать, удерживая слезы, благословляла сына на защиту отечества; старикъ, забывъ свои сѣдины, становился въ ряды вмѣстѣ съ молодымъ внукомъ!... Чудная была пора! Свѣтлая страница въ исторіи русскихъ. Въ трудныхъ обстоятельствахъ узнается вся сила народнаго духа.

Въ домѣ старухи Горевой было необыкновенное движеніе: передъ крыльцомъ стояла почтовая повозка, запряженная тройкою лихихъ коней; въ комнатахъ живѣе двигалась прислуга; выносили дорожныя вещи, ящики съ кушаньемъ, чемоданы, и все это громоздили на повозку. Горевъ торопилъ людей, его маменька хлопотала, чтобъ чего не забыли, Варенька ушла въ гостиную, стала у окна и молча смотрѣла на природу, а между тѣмъ крупныя слезы, украдкою пробирались, катились по ея розовымъ щечкамъ. Ей было очень грустно; день былъ сѣрый, невеселый; тучи неслись по небу. Въ почтовой повозкѣ, у крыльца, коренная лошадь по временамъ встряхивала головою, и колокольчикъ отзывался такъ жалобно!..

— Все готово! сказалъ маменькѣ Николай Ѳедоровичъ.

«Хорошо,» отвѣчала старушка, «но прежде, нежели я отпущу тебя, мнѣ нужно переговорить съ тобою. Пойдемъ.»

Она вошла съ Николаемъ Ѳедоровичемъ въ гостиную и заперла за собою дверь; Варенька хотѣла выйти.

«Останься, Варенька,» сказала старуха, «ты въ нашемъ семействѣ не лишняя«, и сѣвъ на диванъ, продолжала: «Садись, Николинька, возлѣ меня, вотъ здѣсь, поближе. Сердце мое вѣщуетъ что-то не доброе; не хочется мнѣ отпускать тебя; не знаю, доведетъ ли Господь намъ увидаться...» Старуха отерла платкомъ слезы.

— Полно, маменька, перестаньте!... Будто это за горами! Черезъ недѣлю я опять обниму васъ.

«Молчи, Николя! знаешь ли ты, что будетъ черезъ недѣлю? Можно ли знать, что будетъ черезъ часъ? Молодость! у васъ все возможно! Поживешь на свѣтѣ, не станешь распоряжаться будущимъ, какъ рублемъ, который лежитъ у тебя въ карманѣ... Предчувствую, что намъ не скоро увидаться; всю ночь мнѣ снились страшные сны. Молчи, Бога ради. Ты учился многому, и по вашему, все это пустяки; я женщина не ученая и вѣрю снамъ, вѣрю предчувствіямъ: они никогда меня не обманывали... Ты любишь, сынъ мой, Вареньку, она тебя любитъ, это я давно знаю; я знаю васъ обоихъ, и радуюсь вашей склонности; она дочь друга покойнаго отца твоего, круглая сирота... Ты долженъ быть ей защитою. Обнимитесь, мои дѣти, благословляю васъ...»

И Николай Ѳедоровичъ и Варенька бросились на шею маменькѣ.

«Ну, полно, полно; дѣти, перестаньте. Ты, Николя, возвратишься въ Москву, обручишься съ Варенькою и поѣдешь въ армію. Твое желаніе для меня свято: надобно защищать отечество. Когда выгонятъ враговъ, торопись домой, вотъ твоя награда—тогда женись на Варенькѣ.»

— Но....

«Безъ *но*, Николя. Не должно веселиться, когда груститъ Царь-Батюшка, когда плачетъ Россія.»

«Варенька, поди сюда.»

Старуха подошла къ бюро, открыла его, выдвинула ящикъ, опрокинула, прижала пружинку, и двойное дно растворилось; тамъ лежала связка банковыхъ билетовъ. «Вотъ, Николя, все имущество, которое оставилъ тебѣ отецъ: здѣсь пятьдесятъ тысячъ. Если будете бережливы—не умрете съ голоду вмѣстѣ съ Варенькою. Теперь, кажется, я сказала все, что лежало на душѣ моей, продолжала старуха, запирая бюро. «Поѣзжай, сынъ мой. Да будетъ съ тобою воля Божія и мое благословеніе.»

Маменька обняла Николая Ѳедоровича, Варенька тоже; онъ сѣлъ въ повозку и поскакалъ къ петербургской заставѣ.

Если вы острякъ, любезный мой читатель, и вздумаете вослѣдъ уѣзжающему Гореву пропѣть прекрасные стихи:

Мальбругъ въ походъ поѣхалъ,
Конь былъ подъ нимъ игрень.
Когда же онъ пріѣдетъ?
Авось ли къ Троицынъ день!

то я долженъ предувѣдомить васъ, не смотря на все достоинство стиховъ, ваша острота не состоится, потому что Горевъ поѣхалъ вовсе не на войну, а въ мирный городъ россійской имперіи, въ Тверь. Впрочемъ, если я и не скажу, то всякому довольно извѣстно, что въ 1812 году Москва и Тверь между собою никакого худа не имѣли, а Николай Ѳедоровичъ скакалъ въ Тверь въ слѣдствіе нравственной эпидеміи. Какъ подумаешь, на что не бывало эпидеміи? эпидемія альманаховъ, овцеводства, свекловичнаго сахара, даже очковъ: въ 1833-мъ году оставилъ я одинъ уѣздный городъ *россійскаго государства* въ страшной эпидеміи очконосія. Вы не повѣрите—все носило очки! Самъ докторъ въ высокой степени страдалъ этою болѣзнію; полиція, судебныя мѣста, уѣздное училище,—все смотрѣло на свѣтъ Божій стеклянными глазами, не только народъ чиновный, пѣшъ, простые канцеляристы, даже школьники!.. Чуть съ глазъ начальство—за уголъ, сейчасъ на глаза оправу, и пѣтушатся по улицѣ!. Года черезъ два возвращаюсь, и не вѣрю глазамъ своимъ: ни однихъ очковъ на улицѣ, всѣ носы разсѣдланы; вездѣ такія благопристойныя лица, не тотъ городъ—прошла эпидемія!... Во время нашествія Наполеона, въ Москвѣ существовала своего рода эпидемія: всѣ бѣжали изъ Москвы. Куда? Куда нибудь! Кто въ Казань, кто въ Астрахань, кто на китайскую границу, кто на встрѣчу Наполеону, лишь бы не оставаться въ Москвѣ. Мать Горева заразилась этою болѣзнію, притомъ же и докторъ Адамъ Карловичъ совѣтовалъ ей, для поправленія физическаго здоровья, пожить въ деревнѣ, посмотрѣть, какъ коровы кушаютъ траву и покушать ихъ молока на деревенскомъ воздухѣ. Но у Горевой не было деревни. Кстати, одна ея знакомая писала изъ Твери, что верстахъ въ 20 отъ города продается небольшая, хорошая деревенька, и потому, въ одинъ день, когда Николай Ѳедоровичъ пришелъ къ матери просить ея согласія и благословенія вступить въ ряды защитниковъ отечества, она отвѣчала, что не благословитъ его, пока онъ не обезопаситъ ее отъ непріятеля, т. е. поѣдетъ въ Тверь, посмотрѣть деревню, и будетъ она окажется годною, въ чемъ не было никакого сомнѣнія, то купить ее, и тогда, прибавила старуха, я буду спокойна, останусь съ Варенькою въ деревнѣ, а ты поѣзжай изгонять непріятеля. Бѣдная, она вооб-

ражала, что къ тверской деревнѣ не можетъ приступить никакая сила иновѣрная!... Это была странность эпидеміи. Нечего дѣлать Николаю Ѳедоровичу; душа его рвалась на войну, а надо было ѣхать въ Тверь осматривать какую то усадьбу Кузовкино или Лукошкино, право, не помню хорошенько. Не скоро дѣло дѣлается, а сказка сказывается очень скоро, говоритъ русская пословица—и говоритъ, какъ и всѣ ея сестрицы пословицы, очень справедливо. Давно ли мы оставили Николая Ѳедоровича, ѣдущаго по московскимъ улицамъ къ петербургской заставѣ, а онъ уже въ Твери напился въ трактирѣ прекраснаго чаю, едва не подавился ковришкой, въ которой, какъ то нечаянно былъ запеченъ штукатурный гвоздь, узналъ практически, что *означенная* ковришка вмѣсто миндалю была изукрашена бобами, и на нанятыхъ клячахъ несется, проселочными дорогами, осматривать свою будущую резиденцію, NB. несется не ковришка, а Николай Ѳедоровичъ. Вотъ, онъ минулъ урочище Грибопёки, вотъ и деревня Клюквино, вправо Брусникино, далѣе Морошкоѣды, Лыкоплеты, а вотъ и Лукошкино: направо лѣсъ и болото, налѣво болото и лѣсъ; вправо въ лѣсу течетъ ручей и впадаетъ налѣво въ болото; этотъ ручей именуется рѣка Быстрина-Глубина. Рѣка Быстрина-Глубина на своемъ дву-верстномъ теченіи огибаетъ песчаный бугоръ, на которомъ растетъ сосновая роща; въ этой рощѣ въ жаркіе, лѣтніе дни нестерпимо пахнетъ смолою, и постоянно и въ жаръ и въ холодъ стоитъ полдесятка избъ, что и составляетъ въ буквальномъ смыслѣ деревню Лукошкино.

Прошла недѣля со времени отъѣзда Горева изъ Москвы, пора бы ему возвратиться, а его нѣтъ; только получили письмо, въ которомъ онъ писалъ, что скоро будетъ, что Лукошкино никуда не годится и что онъ посмотритъ по дорогѣ другую усадьбу-Качадыкъ, которая тоже продается, и если она получше, то купитъ. Еще проходитъ недѣля, нѣтъ Горева; еще двѣ—и слуху нѣтъ, а тутъ Французъ идетъ, вотъ, вотъ, уже подъ Москвою; всѣ добрые люди выѣхали. Куда поѣдетъ старуха Горева съ Варенькою?.. Нѣтъ сына, бѣда на плечахъ. Страшно!... А съ Николаемъ Ѳедоровичемъ было вотъ что:

Ему очень не полюбилось Лукошкино: ни мѣстоположенія, ни воздуха, ни кувшина молока, ни свѣжихъ яицъ, ни даже порядочнаго хлѣба въ немъ не было, а маменькѣ необходима была деревушка—что дѣлать? Сталъ распрашивать старосту и узналъ, что верстъ десятокъ въ сторону есть помѣщикъ Родивонъ Ивановичъ Лихошёрстовъ, который хочетъ продать свою усадьбу Качадыкъ, и что у него усадьба на порядкахъ; всякаго заведенія достаточно, а ягодъ и грибовъ хоть не берн, и хлѣбъ, де-скать, растетъ въ количествѣ, и рыба въ изобиліи, и лѣсу довольно. Попытаюсь, подумалъ Николай Ѳедоровичъ, послалъ письмо въ Москву къ матери, чтобъ не безпокоилась и самъ поѣхалъ въ Качадыкъ.—Село Качадыкъ стояло на крутой горѣ; подъ горою шла довольно глубокая рѣчка, съ обрывистыми берегами; черезъ рѣку былъ мостъ, безъ перилъ, построенный на превысокихъ сваяхъ, которыя отъ экипажа шатались во всѣ стороны, что весьма тѣшило Лихошёрстова. Съ моста прямо подымалась дорога на гору и вела къ господскому дому, а отъ дому тянулся рядъ крестьянскихъ избъ. У самаго крыльца Горевъ встрѣтилъ идущаго мужика, и спросилъ: Дома баринъ? Мужикъ посмотрѣлъ на Горева, улыбаясь замоталъ головою и пошелъ далѣе.—На крыльцѣ стояла старуха. Дома баринъ?

— Слава Богу! Дома кормилецъ!

Можно видѣть?

— Нѣту-же, нельзя, въ отлучкѣ.

Гдѣ?

— Свадьбу гуляетъ, Богъ радость далъ!

Что, онъ женится?

— Нѣту-же, сударикъ, онъ холостъ, а выдаетъ замужъ за Сеньку лакея горничную Дуняшу, и самъ на свадьбѣ, вотъ какъ!

Гдѣ же свадьба?

— Въ сборной избѣ, кормилецъ, тамъ у насъ праздничекъ далъ Господь! И пироговъ напекли, и пива и вина и бражки въ волю. Свадьба не какая нибудь простая—важная, членистая; вотъ какъ у насъ!

Хорошо, матушка, гдѣ же сборная то?

— А вотъ въ концѣ улицы, вишь передъ окнами кумъ Тереха пляшетъ, тамъ и есть.

Спасибо матушка. Прощай!

— Прощай, сударикъ-кормилецъ, то-то обрадуется гостю Родивонъ Ивановичъ!

Въ сборной избѣ на первомъ мѣстѣ за столомъ сидѣла Дуняша, краснощекая, здоровая дѣвка; съ одной ея стороны помѣщался мужъ, долговязый лакей, очень похожій на бутылку рейнвейна, а съ другой плечистый мужчина лѣтъ тридцати съ круглымъ лицемъ, какъ плошка, съ огромными усами, съ вольною рѣчью, съ зипуномъ на распашку. Это самъ Лихошёрстовъ, самъ Родивонъ Ивановичъ. Рядомъ съ нимъ помѣщался пахалъ, сѣрой песъ борзой породы. Далѣе сидѣли на лавкахъ мужики и бабы. Отецъ Дуни обносилъ честную компанію виномъ; боярину чарку вина, а пахалу кусокъ говядины. Пусть де и онъ потѣшается, пусть и онъ знаетъ праздникъ. Собака не простая—боярская!

Что вы не поете, бабы? А? сказалъ Лихошёрстовъ, покручивая усы.

—Все бы тебѣ пѣть, баринъ, да пѣть, а на водку такъ нѣтъ.

Экой свѣтъ сталъ, подумаешь, своему барину не станутъ пѣть безъ денегъ. Дѣлать нечего, вотъ гривенникъ, смотрите же!

— Споемъ, споемъ, вотъ какъ! Спасибо, кормилецъ. Гдѣ же Стешка! Безъ Стешки пѣть нельзя, темпить нѣкому.

Подать сюда Стешку! закричалъ Родивонъ Ивановичъ.

— Стешка, а Стешка! отзывались разные голоса по избѣ и по сѣнямъ.

Пришла Стешка, женщина лѣтъ подъ тридцать, полная, здоровая, стала посреди избы, подбоченилась, сказала: Эй вы, бабы голосистыя! дернула плечемъ и нѣсколько десятковъ бабьихъ голосовъ гаркнули любимую Лихошёрстова:

Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ,
Балалаечку со гуслями несетъ.
Охъ, струнка въ струнку бьетъ,
Струна струну приговариваетъ!
По широкой по муравушкѣ идетъ,
По муравушкѣ по травушкѣ.
Охъ, струнка въ струнку бьетъ,
Струна струну приговариваетъ!
Въ балалаечку поигрываетъ,
А во гусельцы побрякиваетъ.
Охъ, струнка въ струнку бьетъ
Струна струну приговариваетъ!

Живо поютъ бабы пѣсню, Стешка въ такту подергиваетъ плечами, топаетъ ногой и щуритъ глаза. «Экая баба!» поговариваютъ мужики; «посмотри, какъ темпитъ!—А еще молода, отвѣчалъ другой, дай ей въ лѣта войти.—Что-то будетъ, какъ потемпитъ она лѣтъ пятокъ, подхватываетъ третій- и Родивонъ Ивановичъ въ восторгѣ; онъ подпрыгиваетъ на одномъ мѣстѣ и кричитъ *браво!* Въ эту самую минуту вошелъ въ избу Горевъ. Можете представить, какъ обрадовало его посѣщеніе хозяина. Лихошёрстовъ не зналъ, куда посадить дорогаго гостя, продержалъ его до ночи и повелъ ночевать къ себѣ въ домъ, извинялсь, что онъ не можетъ достойно принять пріѣзжихъ гостей изъ столицы.

Трое сутокъ Лихошёрстовъ не выпускалъ Николая Ѳедоровича изъ Качадыка: то показывалъ ему свою деревню, въ которой считалось по послѣдней ревизіи 21 душа, то возилъ въ лѣса стрѣлять дроздовъ, то травилъ Пахаломъ всѣхъ возможныхъ четвероногихъ. Угощалъ, какъ друга. Утромъ часа въ четыре слы-

нитъ Николай Ѳедоровичъ, уже ругается Родивонъ Ивановичъ, уже стучатъ тарелками; минутъ черезъ пять, отворяется дверь въ его комнату и является самъ хозяинъ со свѣчею въ рукахъ, за нимъ долговязый Сенька несетъ на подносѣ графинъ съ *горьчайшею*, за Сенькою баба тащитъ селянку. Пришли, поставили всѣ снадобья на столикъ, подлѣ кровати Горева, и вышли. «Вставай, братецъ Горевъ, кричитъ хозяинъ, путные люди не спятъ такъ долго, а еще собирается служить въ военной!. Охъ, вы нѣженки, ученые, столичные! Ну же, ну!» И Лихошёрстовъ тянулъ Николая Ѳедоровича за ноги съ кровати. Дѣлать нечего, встаетъ гость, зѣваетъ, морщится, глотаетъ пріемъ *горьчайшей*, ѣстъ селянку. Иначе нельзя, а то, пожалуй, разсердится и мѣсяцъ не выпуститъ.

Такъ начинался день, а тамъ и пошелъ, и пошелъ, и пошелъ... до самаго вечера все въ этомъ же вкусѣ. Качадыкъ не полюбился Николаю Ѳедоровичу въ тысячу разъ больше Лукошкина; радъ бы уѣхать, нена чемъ. На вторыя сутки своего плѣна, онъ какъ то успѣлъ нанять у проѣзжающаго одноконную подводу, и къ удивленію и величайшей радости, не замѣтилъ со стороны радушнаго хозяина ни какого сопротивленія. Николай Ѳедоровичъ простился съ Родивономъ Ивановичемъ, сѣлъ и поѣхалъ. Пріѣзжаютъ къ мосту, нѣтъ переправы: четыре доски сорваны на мосту. Пришлось возвратиться въ Качадыкъ. Кое-какъ оборотили назадъ оглоблями повозку и потянулись на гору. Смотритъ Горевъ — его встрѣчаетъ какая то процессія: впереди идетъ Лихошёрстовъ, нѣтъ, впереди борзая собака, а за собакою баринъ, за барином кривой, рыжебородый Орфей наигрываетъ на волынкѣ нѣчто въ родѣ марша, за Орфеемъ ряды мужиковъ, бабъ и мальчишекъ, оглашающихъ Качадыкъ дикимъ крикомъ и визгомъ.

«Что, братъ, далеко уѣхалъ? а?» — кричитъ Николаю Ѳедоровичу Родивонъ Ивановичъ, подходя къ повозкѣ; вѣдь говорилъ, раньше трехъ сутокъ не отпущу, хоть умирай: у меня такой обычай. Люблю угостить добраго человѣка. А, Николай Ѳедоровичъ, каковъ мостъ? Да это просто не мостъ, а чортъ знаетъ, какая хитрая штука!» Говоря эти слова, Лихошёрстовъ тащилъ Горева подъ руку въ домъ, гдѣ было приготовлено все, какъ слѣдуетъ, для принятія дорогаго гостя. Хозяинъ подошелъ къ столу, выпилъ за здоровье Горева чарку, потомъ другую, и пошелъ, и пошелъ...

Кончились трое сутокъ карантина для Горева. Родивонъ Ивановичъ приказалъ заложить въ повозку тройку своихъ лошадей, чтобъ довезть гостя въ Тверь, съ утра поилъ и кормилъ его, самъ себя не забывая. Николай Ѳедоровичъ, чтобъ поскорѣе отвязаться отъ несноснаго хозяина, обѣщалъ ему скоро возвратиться, купить у него деревню, и итти служить въ одинъ полкъ. Николай Ѳедоровичъ сѣлъ въ повозку, а Родивонъ Ивановичъ взялъ ружье и пошелъ возлѣ повозки.

«Куда вы, Родивонъ Ивановичъ?»

— Пойду на охоту, кстати и тебя провожу до рѣки.

Повозка поѣхала шагомъ. Лихошёрстовъ, идя рядомъ съ нею, болталъ безъ умолку, клялся и божился, хотя съ нимъ никто не спорилъ.

Да, пріятель, говорилъ онъ, этотъ Наполеонъ штука замысловатая!

— Да.

Чортъ возьми, мнѣ кажется, я его гдѣ то видалъ, въ Твери или въ Торопцѣ.

— Можетъ быть.

Не можетъ быть, а должно быть, клянусь всѣмъ Качадыкомъ, это былъ онъ, этакой поджаристой!

Между тѣмъ лошади не охотно начали спускаться съ крутой горы, коренная почти садилась на крестецъ и нетерпѣливо мотала головою. — Да, поджаристой; продолжалъ Лихошёрстовъ, этакая дрянь,

намъ не почемъ, души его, бей, коли! такъ ли сослуживецъ!»

— Такъ.

«Стрѣляй его варвара! Бацъ!» и Родивонъ Ивановичъ, въ пылугнѣва, не шутя, выстрѣлилъ у самаго уха Николая Ѳедоровича; испуганныя лошади понеслись съ горы въ рѣку; къ счастію, ловкій кучеръ успѣлъ ихъ направить на мостъ, и повозка, гремя, запрыгала по ходячему мосту; Николай Ѳедоровичъ вздохнулъ свободнѣе, ожилъ, но не надолго. Лихошёрстовъ забылъ приказать положить на мостъ сорванныя доски, лошади доскакали до пустаго мѣста, бросились въ сторону, и повозка и кучеръ и лошади и Горевъ, все зашумѣло въ рѣку....

Проснулся Николай Ѳедоровичъ, смотритъ: у печки горитъ лучина, слабо освѣщая избу; въ углу старуха прядетъ ленъ; однозвучный говоръ ея самопрялки сливается съ ворчаньемъ чернаго кота, спящаго въ головахъ Николая Ѳедоровича; кругомъ черныя стѣны...

«Гдѣ я?» спросилъ Горевъ.

— Ась? сказала старуха, вытянувъ впередъ шею и останавливая рукою колесо самопрялки.

«Гдѣ я, голубушка?»

—Очнулся, родимой, очнулся! Трофимушка, а Трофимушко! очнулся!

«Слава-те, Господи! коли очнулся, проворчалъ съ полатей мужской голосъ и опять замолкъ.

Между тѣмъ къ Николаю Ѳедоровичу подошла старуха, и начала говорить: «Ничего, кормилецъ, не безпокойся, ты у добрыхъ людей, у Трофима Иванова, а я жена его; мы крестьяне Родивона Ивановича; вотъ третья недѣля, какъ Трофимушко вытащилъ тебя изъ воды, а ты все бредилъ, все былъ не при себѣ; и кучера и пристяжную одну вытащили, а гнѣдко да савраско пошли, сердечныя, ко дну. Другая недѣля идетъ, какъ нашъ бояринъ уѣхалъ въ дружину. Усни, голубчикъ, утромъ все узнаешь; но Горевъ давно уже спалъ и безъ совѣта старухи.

На утро съ ужасомъ узналъ онъ, что пролежалъ въ безпамятствѣ почти три недѣли въ избѣ добраго рыбака Трофима. «Три недѣли! А что дѣлаетъ матушка? Варенька?!.. Ѣду, сейчасъ ѣду!» И, шатаясь, Горевъ всталъ съ постели и началъ одѣваться.....

Откуда берутся у человѣка силы при необычайныхъ потрясеніяхъ? Отъ чего иногда слабаго больнаго не могутъ удержать четыре сильныхъ здоровыхъ человѣка? Отъ чего Горевъ, пролежавшій въ постели почти безъ пищи двадцать дней, вдругъ всталъ, одѣлся и совсѣмъ былъ похожъ на здороваго человѣка, если бы не измѣняли ему необычайная блѣдность и худощавость лица и впалые глаза, сверкавшіе болѣзненнымъ, лихорадочнымъ блескомъ. Трофимъ, глядя на него, покачивалъ головою.

Николай Ѳедоровичъ одѣлся въ то самое платье, въ которомъ былъ вытащенъ изъ воды; прочія всѣ его вещи и деньги, бывшія въ чемоданѣ, потонули.

«Гдѣ же мои часы?» спросилъ Горевъ.

— Э, часы-то, батюшка, не пропали: ни вѣсь какъ ихъ взялъ Родивонъ Ивановичъ.

«Вашъ баринъ?»

—Да, нашъ баринъ; говоритъ: къ чему-дескать утопленнику часы, умретъ, съ ними не хоронить стать, а выздоровѣетъ, будемъ служить вмѣстѣ—съиграемся; часы, говорятъ, вещь любопытная, у васъ кто нибудь украдетъ, а мнѣ въ походѣ, говоритъ, для безопасности пригодятся; взялъ да и поѣхалъ.

«На что же я найму лошадей?»

—Ничего, баринъ, сказалъ Трофимъ, я сегодня ѣду въ Тверь, и даромъ тебя свезу.

«Нѣтъ въ Москву, въ Москву!...»

— Въ Москву ѣхать не для чего: тамъ плохо.

«Какъ плохо?»

—Не сегодня, завтра, Французъ войдетъ; всѣ выхали изъ Москвы.

«Самъ Родивонъ Ивановичъ поѣхалъ отстаивать *ее матушку*, перебила старуха; ну, да куда ужъ ему!...»

— Говорятъ, ихъ старшой идетъ на нее, сказалъ Трофимъ, а онъ, вишь, Антихристъ, што ли.

«Баютъ, что онъ съ рогамъ, словно корова,» опять перебила старуха. «Ухъ, какія страсти!...»

Сердце Горева разрывалось отъ такихъ разсказовъ. «Матушка, Варенька, бѣдныя!» шепталъ онъ, и торопилъ Трофима ѣхать.

Въ Твери Горевъ промѣнялъ свое платье, на простое крестьянское, взялъ додачи нѣсколько цѣлковыхъ, и на эти деньги, на извощикѣ поѣхалъ въ Москву. Чѣмъ ближе къ Москвѣ, тѣмъ болѣе попадалось имъ экипажей, нагруженныхъ всѣмъ безъ различія; женщины, дѣти, старики, всѣ тянулись изъ Москвы; разсказы о непріятелѣ часъ отъ часу становились страшнѣе; Горевъ летѣлъ бы въ Москву, а тутъ иногда столько столпится встрѣчныхъ экипажей, что извощикъ стоитъ полчаса на одномъ мѣстѣ, ни назадъ, ни впередъ. Крикъ, шумъ, толкотня, давка, сущая ярмарка!

До Москвы оставадось не далеко; былъ вечеръ; Горевъ, измученный дорогою, прилегъ на повозкѣ и вздремнулъ; просыпается и чувствуетъ, что повозка стоитъ. Опять эти встрѣчные! съ досадою проворчалъ онъ, и открылъ глаза. Полнеба было объято яркимъ заревомъ, багровыя тучи носились надъ нимъ. Тихо стоялъ весь обозъ по дорогѣ, сколько можно было видѣть, опустивъ руки, молча стоялъ народъ; направо и налѣво нѣсколько человѣкъ на колѣняхъ безмолвно молились, извощикъ крестился, и лѣвымъ рукавомъ отиралъ слезы.

«Что это?» спросилъ Горевъ.

— Москва горитъ! отвѣчалъ онъ шопотомъ, и тихо зарыдалъ.

Въ это время по дорогѣ изъ Москвы проскакалъ казакъ.

«Французъ палитъ?» спросилъ кто то

— Французъ, отвѣчалъ казакъ, все вырѣзалъ, все выжегъ, ни души живой не оставилъ! И поскакалъ далѣе.

Нѣсколько дней спустя, священникъ одной изъ подмосковныхъ деревень нашелъ на погостѣ полуживаго человѣка, который безпрестанно шепталъ: «Матушка, Варенька, горятъ, горятъ!... Причемъ глаза его безумно смотрѣли во всѣ стороны....

Прошла война. Русскіе взяли Парижъ: миръ и тишина благословили Европу на новую, безмятежную жизнь; Москва начала отстраиваться, старушка возникала изъ подъ своего пепла красивою, молодою, какъ царь-дѣвица, въ родныхъ ея сказкахъ, отъ живой воды. И Горевъ пришелъ въ Москву. Тяжкая болѣзнь два года продержала его въ постели. Товарищи его возвратились на родину въ чинахъ, въ крестахъ; а онъ все тотъ же студентъ, потерялъ мать, невѣсту, состояніе, и былъ лишенъ судьбою даже удовольствія сражаться съ врагами своими и своей родины. Часто онъ ходилъ на мѣсто, гдѣ былъ его красивый домикъ съ садикомъ, гдѣ зеленѣла бесѣдка, гдѣ онъ такъ бывалъ счастливъ; тамъ чернѣли кучи обгорѣлыхъ развалинъ, и только.

Впрочемъ Николаю Ѳедоровичу обѣщали мѣсто, разумѣется, не выгодное, но все, которое могло его избавить отъ голодной смерти. Даже онъ нашелъ Вареньку; она была гувернанткою у какой то богатой дамы и жила въ довольствѣ. Николай Ѳедоровичъ, испытывавъ всѣ непріятности нищеты, не могъ и думать о женитьбѣ, даже не хотѣлъ тревожить Вареньки, не являлся никогда передъ нею, а только сквозь заборъ смотрѣлъ на нее, когда она гуляла съ дѣтьми по саду. Къ ней присватается порядочный человѣкъ, думалъ Николай Ѳедоровичъ, она съ нимъ будетъ счастлива, меня позабудетъ; долго ли дѣвушкѣ забыть любовь!... А если она изъ любви ко мнѣ выйдетъ за меня замужъ? Что я предложу ей? Кусокъ черстваго хлѣба, смоченный слезами!

Нѣтъ, не хочу возмущать твоего покоя, моя радость! Живи себѣ, мой ангелъ, счастливо. И Николай Ѳедоровичъ со слезами на глазахъ отходилъ отъ забора, и долго ему представлялся въ глазахъ голубой платочекъ Вареньки....

Вотъ какія картины прошедшаго проходили передъ глазами Николая Ѳедоровича, когда онъ лежалъ въ темной комнатѣ Ульяны Михайловны... Ночь прошла, а воспоминанія Николая Ѳедоровича дошли до вчерашняго приключенія съ квартальнымъ: онъ началъ припоминать всѣ подробности и вскочилъ съ постели; дикая улыбка пробѣжала по лицу его; еще мгновеніе, и Николая Ѳедоровича уже не было въ комнатѣ. Онъ куда то не шелъ, а бѣжалъ.

III.

Часу въ десятомъ утра, Курилкинъ сидѣлъ дома въ богатомъ шелковомъ шлафоркѣ, который недавно подарилъ ему одинъ знакомый Бухарецъ, и пилъ кофе изъ чашки, вамъ нѣтъ надобности знать, изъ какой именно, и какое кофе: это домашніе секреты. Курилкинъ пилъ кофе и курилъ трубку.

— Какой ты доброй, мой душечка, говорила ему жена, вчера ни за што, ни про што далъ двугривенный этому сорванцу.

«Ахъ, моя крошечка, какъ ты, проживъ столько лѣтъ на свѣтѣ, не знаешь, что есть такія вещи, которыя покажи только, такъ радъ отдать послѣдній грошъ; я спорю, а тутъ ровнехонько подъ носомъ пронесли утку этакую зарумяненную....

Курилкинъ улыбнулся.

— Все таки отвѣчала жена, утка не ушла бы, и двугривенный былъ бы въ карманѣ.

«И безъ этого еще цѣлый десятокъ двугривенныхъ будетъ! А это, знаешь, можетъ быть, такой человѣкъ, знаешь, подосланный отъ начальства узнать, что нибудь на счетъ добросердечія, милосердія или чего подобнаго; понимаешь »

— Баринъ, баринъ! гости! кричалъ Петрушка, вбѣгая въ комнату, гдѣ сидѣлъ квартальный съ женою.

«Что за гости?

—Какой то генералъ, кажись, полицеймейстеръ, да еще вотъ тотъ, что вчерась былъ съ извощикомъ, какъ изволили обѣдать.

«Видишь!» сказалъ тихо женѣ квартальный, значительно подымая къ верху указательный палецъ.

Между тѣмъ, гости ходили уже по гостиной. Жена квартальнаго приложила глазъ къ замочной скважинѣ, и отскочивъ отъ двери, прошептала: — Ей Богу *онъ!*

Квартальный надѣлъ мундиръ, шпагу и явился передъ начальствомъ молодецъ молодцомъ.

— Это ваше бюро? спросилъ Курилкина полицеймейстеръ.

— Мое-съ, ваше превосходительство.

— Побезпокойтесь выбрать изъ него всѣ вещи.

Квартальный робко посмотрѣлъ на Генерала, однако скоро оправился, отворилъ бюро и началъ выбирать изъ ящиковъ деньги, бумаги, кошельки, янтари, пуговицы, старые галуны и прочая... долго выбиралъ, большую кучу наложилъ на полу всякой всячины, наконецъ вынулъ изъ потаеннаго ящика серебряный свитокъ и изломанную ложечку и остановился.

— Все ли вы взяли изъ ящиковъ? спросилъ Генералъ.

— Все, ваше превосходительство.

— Ничего въ немъ не остается?

—Ничего, ваше превосходительство.

— Попросите сюда вашу жену.

Вскорѣ явилась толстая жена квартальнаго въ огромномъ чепчикѣ.

— Посмотрите, сударыня, нѣтъ ли чего вашего въ этомъ бюро?

— Нѣтъ, ваше превосходительство.

— Можетъ быть, вы забыли, гдѣ ни-

будь въ потаенномъ ящикѣ, какія бумаги или деньги?

— Никакихъ нѣтъ, ваше превосходительство, ящики всѣ на лицо, отвѣчалъ квартальный.

— Значитъ, бюро совершенно пусто?

— Пусто, ваше превосходительство.

— Извольте искать, теперь ваша очередь, сказалъ генералъ, обращаясь къ Гореву.

— Это оно, бюро моей маменьки, отвѣчалъ Горевъ, взялъ ящикъ, прижалъ пружинку, и дно отскочило въ сторону, подъ нимъ лежала связка билетовъ. Вотъ оно, вотъ мое наслѣдство! вскричалъ Горевъ, подавая Генералу билеты; здѣсь ровно пятьдесятъ тысячъ и записка моей матери.

— Пути Божіе неисповѣдимы, сказалъ генералъ, возвращая Гореву билеты. Благодарите Его, а я въ этомъ дѣлѣ слѣпое орудіе случая.

Полицеймейстеръ уѣхалъ, Горевъ тоже, квартальный и его жена долго стояли на одномъ мѣстѣ, а послѣ опомнились и сошли съ мѣстъ. Съ этой поры у квартальнаго къ двумъ первымъ присоединалась третья странность: онъ всякую старую мебель, которую ему удавалось покупать, подвергалъ строжайшему обзору, будто отыскивалъ въ ней непріятеля: жалъ руками, грызъ зубами, билъ ногами, нюхалъ, прислушивался, и послѣ этихъ опытовъ ставилъ спокойно на мѣсто.

Если вы одарены воображеніемъ, то можете представить, что Николай Ѳедоровичъ на старомъ мѣстѣ выстроилъ новый, прекрасный домикъ, развелъ садъ, устроилъ бесѣдку, женился на Варенькѣ и сталъ жить да поживать. Право, такъ! Спросите у московскихъ жителей.

Е. ГРЕБЕНКА.

БІОГРАФІЯ

ЗНАМЕНИТОЙ РУССКОЙ АРТИСТКИ

МАРЬИ ДАНИЛОВОЙ.

Кто изъ петербургскихъ жителей, посѣщающихъ театръ, не восхищался прелестью несравненной Маріи Тальони, этой олицетворенной граціей танцовальнаго искусства, которая соединила въ себѣ и воздушную легкость Сильфиды и какую-то, ей одной свойственную, цѣломудрѣнность движеній. Всѣ видѣвшіе ее давно уже дали ей названіе царицы балета, не имѣвшей предшественницъ, не могущей имѣть соперницъ. Все это такъ, но было время, когда нашъ театръ имѣлъ свою русскую Тальони, когда ей расточали такіе же похвалы и рукоплесканія, когда и она увлекала всѣхъ своею прелестью, и когда одно появленіе этой волшебницы приводило въ восторгъ цѣлую массу публики. Ноэту Тальонизвали также, какъ и нынѣшнюю, Маріей; но она была русская, была наша по сердцу и происхожденію, родилась подъ нашимъ суровымъ небомъ, на нашихъ хладныхъ берегахъ, — но съ душею огненной. Юная, прекрасная, очаровательная, она мелькнула на сценѣ нашего театра, какъ мечта поэта, не вылившаяся на бумагу, какъ свѣтлый, блестящій призракъ, и, къ несчастію, была слишкомъ рано похищена у искусства неумолимою смертью. Эта Тальони была — Данилова.

Прошло уже слишкомъ тридцать лѣтъ со времени ея кончины. Не много осталось изъ тѣхъ, которые когда-то восхищались ею; еще годъ, другой, и память объ ней истребилась бы почти совершенно; одно баснословное имя ея осталось бы на холодномъ мраморѣ, покрывающемъ ея могилу.

Но имена людей, которымъ была назначена завидная доля восхищать своихъ современниковъ, которые талантами своими украшали свой вѣкъ, не должны умирать вмѣстѣ съ ними. Память ихъ должна

быть драгоцѣнною сердцу каждаго истиннаго любителя искусствъ, а исторія ихъ жизни не можетъ быть не интересна. Вотъ что заставило насъ взяться за перо и передать печати біографію Даниловой.

Данилова родилась въ Петербургѣ, въ 1795 году, отъ благородныхъ, но бѣдныхъ родителей (Перфильевыхъ), которые не могли дать ей воспитанія, сообразнаго съ ея происхожденіемъ, и не имѣя средствъ помѣстить дочь свою въ какой нибудь частный пансіонъ, были принуждены отдать ее въ Театральное Училище, куда она поступила на восьмомъ году своего возраста, подъ именемъ Даниловой.

Въ то время Театральная Школа не имѣла еще надлежащаго устройства, и въ ней, кромѣ искусствъ, собственно сценическихъ, мало занимались преподаваніемъ наукъ, необходимыхъ для полнаго образованія артиста. Это не помѣшало, однако же, маленькой Даниловой съ жадностью приняться за ученіе, и скоро прилежаніе ея, а особенно страсть къ танцамъ и необыкновенная понятливость обратили на нее все вниманіе знаменитаго хорографа Карла Дидло, который съ 1801 года находился уже въ Петербургѣ, и кромѣ обязанности балетмейстера, занимался также преподаваніемъ танцовальнаго искусства въ Театральной Школѣ. Быстрые, необыкновенные успѣхи Даниловой вознаграждали съ избыткомъ всѣ попеченія о ней славнаго хорографа. Видя все, что могло ожидать искусство отъ этой дѣвочки, Дидло прилѣпится къ ней всею душею, и не съ большимъ, какъ черезъ годъ, она могла уже появляться на сценѣ, и занимала въ балетахъ роли маленькихъ амуровъ и геніевъ, которыя выполняла всегда отчетливо, умно и прекрасно. Съ каждымъ годомъ талантъ юной артистки развивался и получалъ опредѣлительный характеръ; она стала являться въ роляхъ болѣе значительныхъ, танцовала отдѣльныя па и скоро была отличена публикой, которая всегда принимала въ ней особенное участіе.

Въ то время, (около 1807 года) блистала на нашей балетной сценѣ славная мимическая артистка Е. И. Колосова. Она полюбила Данилову, часто навѣщала ее въ школѣ, и видя, что многочисленныя занятія Дидло не позволяли ему посвящать столько времени, сколько бы онъ желалъ, на образованіе мимическаго таланта своей юной ученицы, предложила давать ей уроки въ искусствѣ, въ которомъ сама не имѣла соперницъ. Данилова съ жадностью пристрастилась къ ролямъ пантомимнымъ; въ нихъ могла она проявлять всю свою душу, выражать свои чувства; въ нихъ была она артисткою, въ полномъ смыслѣ этого слова. Занявъ у Е. И. Колосовой всю граціозность ея пластическихъ позъ, она въ исполненіи ролей своихъ слѣдовала только внушеніямъ собственнаго сердца. Это сердце пылкое, пламенное, кипѣвшее жизнію, научало ее передавать съ поразительною истиною всѣ страсти, всѣ боренія души, всѣ порывы любви и отчаянія; особенно очаровательна была она въ роляхъ нѣжныхъ, гдѣ любовь могла выказываться во всѣхъ ея измѣненіяхъ.

Надобно сказать, что и природа щедро надѣлила Данилову всѣми дарами своими. Прекрасныя, благородныя черты лица, стройность стана, волны свѣтлорусыхъ волосъ, голубые глаза, нѣжные и вмѣстѣ съ тѣмъ пламенные, необыкновенная граціозность движеній, маленькая ножка, дѣлали ее красавицей въ полномъ смыслѣ, а воздушная легкость танцевъ олицетворяла въ ней, какъ нельзя лучше, эфирную жрицу Терпсихоры. Когда она являлась на сцену, единодушный восторгъ проникалъ всѣхъ зрителей. Данилова участвовала въ спектаклях почти каждый день, и чудныя поэтическія созданія *Дидло*, этого генія балета, умѣвшаго согрѣвать свои поэмы теплотою чувства и всею роскошью воображенія, представляли обширное поле, гдѣ необыкновенный талантъ ея могъ развиваться въ различныхъ видахъ. *Аполлонъ и Дафна*, *Фавнъ*, *Гамадріада*, знаменитые *Зефиръ и Флора*, всѣ эти балеты, которымъ теперь уже нѣтъ подобныхъ, были торжествомъ Даниловой. Съ невыразимою прелестью передавала она всѣ малѣйшіе оттѣнки поэтическихъ характеровъ, созданныхъ волшебникомъ *Дидло*, и осуществляла эфирною легкостью своихъ танцевъ тѣ воздушныя божества, которыхъ онъ выводилъ на сцену. Рукоплесканія восторженныхъ зрителей встрѣчали и провожали юную артистку, и знаменитый учитель ея, счастливый успѣхами своей ученицы, дѣлилъ съ нею свои восторги, торжество и славу.

Цвѣтущая красотою и юностью, богатая талантомъ и обожаемая публикою, Данилова была счастлива. Конечно, и ей также доставались иногда на долю тяжкія, горькія минуты, которыхъ не могъ избѣжать ни одинъ истинный талантъ, потому что зависть и клевета становятся всегда съ нимъ рядомъ и язвятъ его своимъ ядовитымъ жаломъ. Но минуты эти не оставляли въ сердцѣ ея глубокихъ впечатлѣній; она довѣрчиво взирала на будущее, разрисовывая его цвѣтистыми мечтами 16-тилѣтняго возраста. Въ числѣ ревностныхъ посѣтителей театра было много такихъ, которые преслѣдовали юную артистку самою неотвязчивою, самою настойчивою любовью; но ни любезность ихъ, ни санъ, ни богатство, ничто не могло прельстить ее; она вся принадлежала своему искусству и смѣялась надъ страстными вздохами своихъ обожателей.

Но скоро все должно было перемѣниться для нея! Судьба, какъ будто завидуя счастію, которымъ наслаждалась эта плѣнительная дѣвушка, готовила ей въ тайнѣ скорби, грусть, слезы, и что всего хуже, — холодное разочарованіе лучшихъ ея мечтаній! Изъ Парижа прибылъ въ Петербургъ знаменитый танцовщикъ Дюпоръ; во всѣхъ балетахъ игралъ онъ вмѣстѣ съ Даниловой; она была его Дафной, его Флорой; онъ танцовалъ съ нею отдѣльныя *pas*; каждое утро, каждый вечеръ былъ вмѣстѣ съ нею, и прельщенный ея красотою, умомъ и талантомъ, сталъ оказывать ей явное предъ всѣми предпочтеніе. Пламенная душа Даниловой, устоявшая противъ всѣхъ обольщеній богатства и лести, не могла остаться равнодушной къ вниманію человѣ-

ка, который былъ ей родной по таланту, и который такъ рано успѣлъ уже заслужить такую знаменитость. Съ пылкостью 16-ти лѣтняго сердца предалась она новому чувству, овладѣвшему ею, и чувство это, казалось, еще болѣе возвысило талантъ ея. Она знала, что за каждымъ ея движеніемъ слѣдилъ опытный взоръ человѣка, которому нравиться было для нея единственною цѣлію, единственнымъ желаніемъ, и она забывала все ее окружающее, сливалась, такъ сказать, съ жизнію тѣхъ созданій, которыя должна была представлять, и всѣ рукоплесканія, гремѣвшія при ея появленіи, всѣ похвалы окружавшихъ ея артистовъ, были для нея ничто, въ сравненіи съ нѣмымъ, одобрительнымъ взоромъ Дюпора, въ которомъ заключался тогда для нея весь міръ!

Около этого времени (1809) былъ возобновленъ балетъ *Амуръ и Психея*, который еще за годъ предъ тѣмъ былъ поставленъ на Эрмитажномъ Театрѣ, по случаю прибытія въ Петербургъ Ихъ Величествъ Короля и Королевы прусскихъ. Въ этомъ балетѣ, роль Амура игралъ Дюпоръ, а роль Психеи Данилова. Никогда и нигдѣ еще талантъ Даниловой не проявлялся съ такою силою, какъ въ этомъ балетѣ; роль Психеи, казалось, была создана нарочно для нея, и она выполнила ее съ тѣмъ совершенствомъ, которое принадлежитъ только талантамъ геніяльнымъ. Но эта Психея, столь нѣжная, столь любящая, и наконецъ презрѣнная и оставленная, была уже не та счастливая Данилова, которая недавно еще въ образѣ Флоры порхала по цвѣтамъ съ такою веселостью преслѣдуемая Зефиромъ. Нѣтъ, эта Психея испила уже горькую чашу разочарованій, узнала, какъ ничтожны клятвы людскія, познакомилась со всѣми мученіями ревности, и, изъ благородной гордости, изъ внутренняго сознанія собственнаго своего достоинства, должна была скрывать страданія свои въ глубокомъ тайникѣ сердца! Дюпоръ, человѣкъ, которому она предалась съ такою страстью, котораго имя думала носить когда нибудь съ гордостью любящей женщины, который первый пробудилъ въ душѣ ея упоительное чувство любви, измѣнилъ своей Флорѣ, и какъ вѣтренный зефиръ, умчался въ другую сферу, — за кулисы французскаго театра, къ ногамъ прежней своей страсти, гордой и величавой Жоржъ, прибывшей въ то время въ Петербургъ. Дюпоръ, избалованный легкими побѣдами надъ парижскими нимфами Большой Оперы, думалъ, можетъ быть, что и Данилова, этотъ цвѣтокъ нашего сурового сѣвера, бросится въ его объятія безотчетно; но убѣдясь, что она, не смотря на весь пламень страсти, никогда не забудетъ своихъ обязанностей, что она хочетъ любви постоянной, вѣчной, вѣтренный Французъ испугался этого чувства, и бѣдная Данилова была оставлена!

Эта измѣна человѣка, котораго она любила со всѣмъ увлеченіемъ первой любви, нанесла сердцу Даниловой глубокую, неисцѣлимую рану. Она старалась, однако же, скрывать, что происходило въ душѣ ея; слишкомъ гордая, она отвергла сожалѣнія окружавшихъ ее, и когда сердце ея было терзаемо всѣми му-

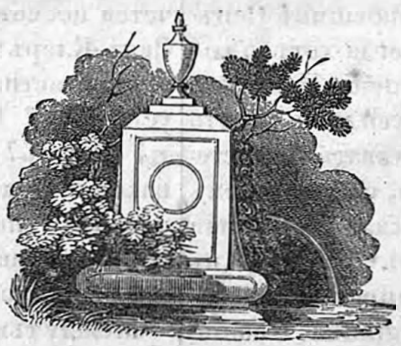
ками ревности, лице оживлялось беззаботной улыбкой веселости. Но эти внутреннія боренія, эти усилія имѣли пагубное вліяніе на ея здоровье. Она стала примѣтно худѣть; румяпецъ, блиставшій еще такъ недавно на щекахъ, уступилъ мѣсто томной блѣдности, и только по временамъ на помертвѣломъ лицѣ ея вспыхивали мгновенно огненныя розы. Постоянный глухой кашель сталъ волновать грудь ея, глаза лишились прежняго блеска: въ ней обнаружилась чахотка со всѣми ужасными своими признаками. Болѣзненное состояніе, по крайней мѣрѣ въ первомъ его періодѣ, не отвлекало Даниловой отъ обыкновенныхъ ея занятій по театру, и она по прежнему являлась въ балетахъ. Она не хотѣла допустить, чтобъ роли ея были переданы другимъ артисткамъ, а въ особенности танцовщицѣ Сенъ-Клеръ, которая всегда хотѣла соперничествовать съ нею. Наконецъ болѣзнь ея до того усилилась, что она не могла уже вставать съ постели. Мать Даниловой, съ отчаяніемъ видѣвшая, какъ угасала несчастная дочь, стала просить бывшаго въ то время главнымъ директоромъ театровъ, А. Л. Нарышкина, о выпискѣ дочери ея изъ школы, полагая, что у себя дома она будетъ имѣть болѣе средствъ облегчить ея страданія. Просьба бѣдной женщины была уважена, и Данилова, почти умирающая, оставила школу и была перевезена въ квартиру матери, въ домъ, бывшій Латышева, что у Торговаго Моста. Тамъ, окруженная заботливою попечительностію своихъ домашнихъ, навѣщаемая часто артистами, она какъ будто нѣсколько оправилась; но это былъ только минутный проблескъ жизни, и она скоро впала въ прежнюю слабость. Чаще всѣхъ пріѣзжала Е. И. Колосова, любившая ее съ нѣжностью матери. Однажды, сидя у изголовья страдалицы, она увидѣла, что та вдругъ приподнялась, взявъ Колосову за руку, сказала ей съ жаромъ: Знаете ли, маменька (она всегда называла ее этимъ именемъ), отъ чего мнѣ не хочется умирать?. Отъ того, что Сенъ-Клеръ займетъ мои роли!.. О! какъ это досадно!... Въ другой разъ, увидавъ на афишѣ, что въ тотъ вечеръ даютъ Амура и Психею, она сказала: «Какъ бы мнѣ хотѣлось посмотрѣть на балетъ, хоть изъ какого нибудь уголка сцены; нельзя ли отнести меня туда въ креслахъ; право, это не разстроитъ меня; мнѣ хочется посмотрѣть, какъ выполнитъ Сенъ-Клеръ мою роль!» Бѣдная дѣвушка, истину ли говорили тогда уста твои? Сенъ-Клеръ ли хотѣла ты видѣть? Не былъ ли тамъ еще какой нибудь другой предметъ, къ которому неслось твое сердце, и которому оно хотѣло сказать послѣднее, вѣчное прости!

Между тѣмъ болѣзнь съ каждымъ днемъ развивалась съ большею силой; всѣ лучшіе медики столицы напрасно истощали свое знаніе — больная видимо угасала!.. Весь Петербургъ принималъ участіе въ страданіяхъ своей любимицы; вельможи и богачи пріѣзжали навѣдываться объ ней, и присылали все, что только могло льстить ея вкусу или принести ей какое нибудь удовольствіе. Болѣе другихъ оказывалъ ей свою заботливую попечитель-

ность графъ П..., который не жалѣлъ ничего, чтобъ доставить ей всевозможный покой и отвратить отъ нея всѣ нужды. А. Л. Нарышкинъ, съ своей стороны, также не упускалъ ничего для ея успокоенія; а жившая у него въ домѣ г-жа Глазкова просиживала у кровати больной цѣлые дни и ночи; наконецъ Самъ Государь Александръ Павловичъ поручилъ ее попеченіямъ Своего доктора, но все это было напрасно: источники жизни изсякли въ груди страдалицы, и она скончалась 8-го января 1816 года, на 17 году своего возраста.

Тѣло ея предано землѣ на Смоленскомъ Кладбищѣ. Вправо отъ церкви, скромный памятникъ съ простою надписью украшаетъ ея могилу; на памятникѣ этомъ въ продолженіе многихъ лѣтъ виднѣлся вѣнокъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ — теперь онъ уже завялъ, — видно, давно рука, перемѣнявшая его съ такою заботливостью, охладѣла, въ свою очередь, и теперь надъ прахомъ русской Тальони плачетъ только одна развѣсистая ива.

Н. МУНДТЪ.



СТИХОТВОРЕНІЯ

И

КУПЛЕТЫ.

I.

МАЛЬВИНА И ТАНКРЕДЪ.

БАЛЛАДА.

Амуръ, смѣясь, всѣ клятвы пишетъ
Стрѣлою на водѣ.

Батюшковъ.

Прозрачная Рона,
Шумя, разстилалась въ цвѣтущихъ брегахъ;
И башниЛіона
И брегъ—трепетали въ прохладныхъ волнахъ.
На брегѣ дерновомъ
Цвѣла красота
Подъ отческимъ кровомъ,
Какъ роза подъ сѣнью роднаго листа.

И рыцари—страстной
Любовью платили красавицѣ дань;
Для взора прекрасной
Крылатые кони ихъ мчали на брань;
Но тщетно побѣда
Вѣнчала ихъ бой;
Съ душою Танкреда
Давно обручилась Мальвина душой.

И цѣпью святою
Связалъ ихъ во храмѣ супружній обѣтъ.
Блаженны собою,
Танкредъ и Мальвина забыли весь свѣтъ.
Часы пролетали
На крыльяхъ любви:
Счастливцы не знали,
Какъ въ вѣчность скрывались бѣгущіе дни.

Но страстію новой,
Воспрянувъ отъ пѣги, Танкредъ воспылалъ:
Вѣдь розы—оковы
Тому, кто однажды побѣду позналъ.
Опасность отчизны
Звала къ знаменамъ;
Страшась укоризны,
Танкредъ устремился, какъ прежде, къ вѣнцамъ.

Броней покрытый,
Онъ, полонъ отваги, Мальвинѣ вѣщалъ:
«Цвѣтами обвитый,
«Довольно во прахѣ мечъ вѣрный дремалъ!
«Грозой пробужденный,
«Онъ жаждетъ побѣдъ;
«И съ нимъ, другъ безцѣнный,
«Стремится за славой твой вѣрный Танкредъ.»

Что слава?—Мгновенье!
Жизнь хладная въ чуждыхъ потомства устахъ.
Мой другъ, наслажденье:
Любовь и вѣкъ мирный въ родимыхъ поляхъ.
О милый! Кто знаетъ,
Гдѣ смерть его ждетъ?
Старикъ отдыхаетъ,
Гдѣ юныхъ героевъ могила цвѣтетъ.

«Не бойся, заката!
«Стрѣла притупится о щитъ мой стальной;
«Опасность крылата!
«И я, побѣдитель, по прежнему, твой!
«А если кончина
«Суженный мнѣ рокъ,
«Утѣшься, Мальвина:

«Брегъ свѣтлый свиданья отъ насъ не далекъ!
«Мой ангелъ! Со мною
«Твой шарфъ бѣлоснѣжный и перстень златой;
«Въ дни мира, средь бою,
«Повсюду твой образъ пребудетъ со мной.
«Съ нимъ битва забава,
»Не страшная мнѣ;
«Съ нимъ сладостнѣй слава
«И отдыхъ желанный въ родной сторонѣ.»

Сказалъ...устремился,
Какъ вихрь громоносный, и въ мрачной дали
Отъ милой сокрылся,
Лишь слѣдъ заклубился въ летучей пыли.
Мальвина съ одною
Осталась тоской:
Другъ нѣжный съ собою
Взялъ счастье, взялъ радость и жаръ молодой.

Перуны ль, сверкая,
Изъ тучи стремятъ свой могучій полетъ,
Иль, въ небѣ пылая,
Денница на землю сіяніе льетъ —
Все было напастьемъ
Для скорбной души;
Забытая счастьемъ,
Она увядала, какъ роза въ тиши.

А рыцарь? Булатомъ
Разилъ безпощадно отчизны враговъ;
Леталъ на крылатомъ
Конѣ онъ въ средину смятенныхъ рядовъ;
Во прахъ упадала
Ихъ сила предъ нимъ,
И слава вѣнчала
Чело побѣдителя лавромъ своимъ.

И образъ Мальвины
Ему неизмѣннымъ сопутникомъ былъ;
Какъ въ земли чужбины
Онъ битву и ужасъ и смерть приносилъ.—
Съ нимъ шарфъ драгоцѣнный
И перстень златой;
Ихъ силой спасенный,
Душой онъ былъ вѣренъ подругѣ младой.

Но скоро измѣна
Исторгла изъ сердца всѣ мысли о ней.
Младая Ирена
Плѣнила Танкреда красою своей;
Родъ, славой обильный
И Княжескій санъ;
Лишь сердца Мальвины
Ей пламень волшебный судьбой не былъ данъ.

Однажды, день ясной
Склонялся къ закату съ горящихъ небесъ;
Ирена, съ прекрасной
Толпою дѣвъ юныхъ, во мракѣ древесъ
Прохлады искала...
И вдругъ предъ собой
Она увидала
Прелестнаго пажа подъ сѣнью густой.

Одежда простая
Небрежно ласкала пришельца красы;
Съ зефиромъ играя,
На плечи волнами лилися власы;
Ланиты сіяли,
Какъ утро весны
И негой пылали
Въ немъ карія очи, къ землѣ склонены.

Представъ предъ Иреной,
Пришлецъ незнакомый взоръ свѣтлый подъялъ,
И къ праху колѣно
Склоняя, ей съ тихой улыбкой сказалъ:
«Позволь мнѣ слугою
»Навѣкъ твоимъ быть.
«Клянусь предъ тобою,
«Прелестная, вѣрой и правдой служить!»—

Со взоромъ привѣтнымъ,
Ирена вѣщала: «О странникъ младой!
«Желаньемъ нетщетнымъ
«Влекомый, покинулъ ты край свой родной.
«Будь вѣренъ! Измѣна
«Сопутствуетъ злымъ.
»Будь вѣренъ! Ирена
«Пребудетъ надежнымъ покровомъ твоимъ.

«Есть рыцарь вѣнчанный,
«Въ любви и въ болѣхъ побѣдитель, Танкредъ,
«За далью туманной
«Лишь скроется солнца палящаго свѣтъ,
«Скажи ты герою,
«Чтобъ, вѣрный душой,
«Прислалъ мнѣ съ тобою
«Свой шарфъ бѣлоснѣжный и перстень златой.

«Вѣщай, что награду
«Любовь и Ирена готовятъ ему:
«Лишь полночь прохладу
«Сольетъ на долины, пусть рыцарь сквозь тьму
«Подъ сумракъ дубравы
«Ко мнѣ поспѣшитъ
«И съ лаврами славы
«Любви незабудки и миртъ съединитъ.»

Заря, потухая,
Блуждала послѣднимъ лучемъ въ облакахъ,
И риза ночная
Горѣла на небѣ въ несчетныхъ звѣздахъ.
Свершивши велѣнье
Ирены младой,
Пажъ юный въ смятеньи
Несъ шарфъ бѣлоснѣжный и перстень златой.

На крыльяхъ желанья,
Танкредъ, пробужденный любовью, летѣлъ
Къ блаженству свиданья.
Туманомъ облекшись, какъ призракъ, чернѣлъ
Боръ дальній. Окрестность

Дремала. Надъ ней,
Какъ Рока безвѣстность,
Висѣла завѣса полночныхъ тѣней.

Ужъ колоколъ мѣдный,
Стеная, означилъ полуночны чайсъ;
Какъ будто послѣдній,
Отбитаго дня умирающій гласъ.
Подъ завѣсомъ тучи
Спалъ мѣсяцъ. Скакалъ,
Какъ вихрь, конь летучій...
Но вдругъ, устрашенный, какъ вкопаный, сталъ.

Вотще надъ главою
Бичь свищетъ, какъ тайная битвы стрѣла!
Враждуя съ браздою,
Онъ пѣной покрылъ и грызетъ удила;
Мятется, подъ звонкой
Стопою летитъ,
Клубясь, прахъ тонкой
И воздухъ отъ бурнаго ржанья дрожитъ.

«Мой спутникъ во брани,
«Забыть ли тобою привычный мой гласъ,
«Что дружеской длани
«Не внемлешь свиданья втаинственный часъ?»
Такъ рыцарь вѣщаетъ,
И быстрой стопой
Коня покидаетъ,
И мертваго пажа онъ зритъ предъ собой.

О рыцарь! Судьбина
И совѣсть и въ счастьи преступныхъ разитъ!
Воззри: то Мальвина!
Затмился слезами и смертію взглядъ,
Уста не пылаютъ
Улыбкой младой,
И мертвы — лобзаютъ
Твой шарфъ бѣлоснѣжный и перстень златой.

И рыцарь унылый,
Взирая на друга, прискорбно вѣщалъ:
«На долго, пажъ милый,
«На долго сонъ очи твои оковалъ!»
Заутра дѣвица
Его не нашла....
И вмѣстѣ гробница
Мальвины и рыцаря прахъ приняла.

Въ часы, когда тучи,
Грозой ополчась, на небѣ лежатъ
И вихри летучи
Поблекшіе листья во прахъ крутятъ,
Изъ встанутъ отъ Роны
Туманы окрестъ,
Тамъ слышатся стоны...
И трепетный путникъ страшится тѣхъ мѣстъ.

А. ПИСАРЕВЪ.*

* Остроумный московскій водевилистъ, столь рано похищенный смертью у друзей, у музъ и у русской сцены.

II.

ЧУВСТВА НА МОРѢ.

Вѣтеръ по морю играетъ
И, для радости своей,
Міръ пустынный наполняетъ
Милліонами зыбей.
Жизнью зыблемыя воды,
Вѣтеръ строитъ въ хороводы
И качаетъ и кружитъ...
И пустыня заиграла,
Безкопечность заблистала
Милой пляской Нереидъ.
Пароходъ, какъ мужъ степенный,
Мимо юношескихъ пѣнъ,
Прямо къ цѣли отдаленной
Устремляетъ вѣрный бѣгъ.

Буря по морю бушуетъ,
Струй дѣвичій хороводъ
Ярымъ бѣшенствомъ волнуетъ
И неистово поетъ.
Дико, буйно, какъ Цыганки,
Какъ ѳракійскія вакханки,
Волны прыгаютъ, шумятъ;
Нагло рвутся къ пароходу —
Разъяренную природу
Имъ насытить на-захватъ.
Чолнъ идетъ, стряхая съ выи
Эту дерзкую толпу,
И наноситъ на стихіи
Богатырскую стопу.

Штормъ нагрянулъ съ большей силой,
Взвоетъ, вѣшится кругомъ —
И разступится могилой
И закроетъ насъ холмомъ.
Изъ подъ влажнаго покрова
Чуть воспрянемъ — схватитъ снова..
Круче, глубже подъ собой
Пропасть алчную раздвинетъ,
Броситъ въ пропасть и нахлынетъ
Грозно шумною горой.
Чуденъ моря образъ смутный!
Не робѣемъ, все впередъ!
Прямо въ штормъ противопутный
Мчится смѣлый пароходъ,

Силой *собственной*, духовной,
Будто нравственная тварь,
Силой движется верховной,
Какъ могущественый царь.
Духъ людской вострепенулся,
Въ вѣчной силѣ распахнулся
И возвесся надъ тобой,
Бунтъ стихійный!... На просторѣ,

Гдѣ лишь небо, штормъ и море,
Полнъ я чудною мечтой....
Я, въ хаосѣ урагана,
Торжествую, средь враговъ:
Я сильнѣе океана,
Бунта, шторма и валовъ!....

БАРОНЪ РОЗЕНЪ.

=

III.

ПОСЛѢДНЯЯ РУССКАЯ ПѢСНЯ

Н. ЦЫГАНОВА.

Залётная кукушечка
Изъ темнаго лѣсочка,
Садилась подъ окошечко
Высока теремочка.
Подъ тѣмъ-ли, подъ окошечкомъ
Березынька стояла,
На той-ли, на березынькѣ
Кукушка вскуковала.

Услышала кукушечку
Краса—душа—дѣвица,
Раскрылося окошечко
У дѣвицы въ свѣтлицѣ.
И молвила, вздыхаючи,
Кукушечкѣ дѣвица,
Рукавчикомъ стираючи
Горючую съ рѣсницы:
«Скажи ты мнѣ, кукушечка,
«Не сколько лѣтъ здѣсь жити,
«А сколько лѣтъ по миленькомъ
«Еще мнѣ потужити?
«Когда мое сердечушко
Отрадушки дождется,
«И весело, на радостяхъ,
«Въ бѣлой груди забьется?
«На долго ль я, на много ль лѣтъ
«Завѣдала кручину?
«Ахъ! скоро ль я—и вольный свѣтъ
«И грусть-тоску покину?...»
И восемь разъ кукушечка
Куку—ей скуковала;
И восемь лѣтъ, бѣдняжечка,
Ждала и тосковала.
Въ девятый годъ — и *онъ* идетъ....
На родинѣ другъ милый!...
И горькія онъ слезы льетъ
Надъ—новою могилой.

=

IV.

МАЛИНОВКА.

Люблю я, малиновка, пѣсню твою:
Она не звенитъ, не сверкаетъ,
Но много мечтаній на душу мою
И сладостныхъ думъ навѣваетъ.
Давно это было. Въ родной сторонѣ,
Какъ жизнь молодая кипѣла во мнѣ,
Лелеяла сердце надежда,
Я жилъ въ обаяньи таинственныхъ сновъ
И вѣровалъ слѣпо, невѣжда! —
Въ безмездную дружбу, въ святую любовь!...
Я помню, весною, разсвѣтной порой,
Въ саду моя пава сидѣла со мной,
На грудь мнѣ головку склонила,
И, въ сторону кудри откинувъ рукой,
Мнѣ въ очи свой взоръ утопила.
Я таялъ въ восторгѣ. Я весь трепеталъ,
И страстно коханку мою цѣловалъ.
Въ лобзаньяхъ душа улетѣть бы хотѣла...
Все цѣлой дышало. Въ стыдливыхъ лучахъ
Заря на востокѣ алѣла.
Цвѣты расцвѣтали. Далеко въ кустахъ
Малиновка пѣла.
На сѣверѣ грустномъ, въ еловой тѣни,
Гдѣ мохъ, да песокъ, да камни одни,

---

* Цыгановъ былъ замѣчательный русскій народный поэтъ. Онъ исходилъ почти всю Россію, чтобъ подслушать родные звуки у русскаго человѣка въ скорбный и веселый часъ. Онъ записывалъ ихъ пѣсни, подмѣчалъ оригинальныя выраженія, и имѣлъ особенный тактъ отличать чисто національные перлы въ русскихъ пѣсняхъ отъ искусственной поддѣлки подъ національность. Цыгановъ былъ актеромъ при московскомъ театрѣ, и притомъ актеромъ талантливымъ, особливо въ роляхъ наивно-комическихъ стариковъ. Удивительная доброта, мягкость и непритязательность права дѣлали его любимцемъ цѣлой труппы. Въ поэтическомъ отношеніи, по созданію пѣсень, Цыгановъ стоялъ гораздо выше Барона Дельвига. Пѣсни Цыганова отличаются рѣзкимъ характеромъ русицизма, теплотою и неподдѣльной простотой, тогда, какъ у Дельвига преобладаютъ вычурность въ выраженіяхъ, а въ изложеніи форма французскаго романса. Ранняя смерть не дозволила Цыганову обнародовать богатаго собранія волжскихъ, разбойничьихъ пѣсень, которыя ему удалось подслушать и отыскать въ низовыхъ губерніяхъ,—а русская литература потеряла чрезъ то чудесный матеріялъ для народной баллады. Пѣсня, здѣсьпомѣщенная, взята изъ своеручной тетради автора, которую онъ передъ смертью подарилъ мнѣ. По какому-то странному случаю она не попала въ печатный сборникъ его пѣсень. *Редакторъ.*

И здѣсь я, услышавъ малиновки пѣсню,
Забудусь на время, — душею воскресну....
И вновь надо мною минувшіе дни!
Мнѣ кажется: воздухъ Украины вѣетъ
Душистою негой опять на меня;
Заря на востокѣ опять пламенѣетъ,
И смотритъ съ улыбкой коханка моя,
Любви поцѣлуй на устахъ ея млѣетъ;...
А тамъ—надъ рѣкою—черешень цвѣтетъ—
И пѣсню малиновки тихо поетъ.

Е. ГРЕБЕНКА.

V.

КРАСАВИЦА.

Умильная, прелестная головка,
Кокетство тонкое съ сердечной добротой,
Ребенка блажь и женская уловка,
Смѣсь остроумія съ душевной простотой,
Глаза — огонь, небрежныя движенья,
Улыбка чудная—все Небомъ ей дано!
Все въ ней зоветъ на волю вдохновенье!
Всё въ ней поэзія и роскоши полно!
Порой смиренница, порою *мальчикъ*,
Она всегда равно плѣнительно мила;
Грозитъ ли вамъ ея прелестный пальчикъ
На васъ ли гордый взглядъ сурово навела.
Ее постичь возможно только чувствомъ,
А хладный, важный умъ—изящному чума!
И какъ цѣнить поэзію искусствомъ?
Любите ихъ, но только... безъ ума!

Д. СУШКОВЪ.

=

VI.

СИНЬОРЪ И ПЛЕБЕЯНКА.

Сцена изъ италіянской жизни XVII вѣка.

—

Lasciate ogni speranza!

Мантилью скинь. Покровъ ревнивый
Съ лица отбрось. Пускай твой взглядъ,
Огонь лаптть и станъ красивый
Мнѣ взоръ и сердце упоятъ.
Богъ далъ красу, чтобъ безъ уборовъ
Былъ видѣнъ творчества вѣнецъ;
И грѣхъ скрывать отъ смертныхъ взоровъ,
Чѣмъ подарилъ тебя Творецъ!

Люби меня. Ты безобидно
Составишь выгодный карьеръ.
Къ тому-жъ любить меня не стыдно:
Я знаменитый кавалеръ!
Малѣйшей прихоти послушный,
Куплю тебѣ всѣ новизны.
Вѣдь я богатъ, какъ жидъ бездушный,
Какъ плутъ — игрокъ, какъ воръ казны!

Достойный предковъ, знатныхъ родомъ,
Я не жалѣю ихъ казну,
И горделиво предъ народомъ —
Я поля шляпы не погну.
Мой домъ блеститъ рѣзной работой,
Парчей и тканью чуждыхъ странъ,
И псовъ моихъ, передъ охотой,
Токайскимъ моетъ кастеланъ,

Моей цѣпочки стокольцовой
Ты взвѣсь заманчивый металлъ....
Взгляни, какъ на груди перловой
Заблещетъ радужный опалъ.
Въ алмазахъ ты-бъ въ редутъ явилась,
Слѣпя глаза, сердца паля,
И пусть бы съ завистью косилась
Жена младая короля.

Вскрывай сундукъ, сѣдой Іуда!
Кажи намъ, адскій казначей,
Свои заморскія всѣ чуда,
Соблазны дѣвственныхъ очей!
Вотъ мой кисетъ тяжелый, звонкой....
Проворный, жидъ! Или къ родинѣ
Съ твоей заржавою душонкой
Тебя спроважу къ сатанѣ!

Смотри, красотка! Бархатъ алый
Струится въ яркой полосѣ.
Вотъ нити жемчуга, кораллы...
Пусти ихъ змѣйками въ косѣ!
Примѣрь-ка поясъ бирюзовый...
Какъ онъ роскошно обнялъ станъ,
И какъ идетъ къ тебѣ парчевый
Съ лебяжьимъ пухомъ долыманъ!

Бери все это... и остатокъ,
Зарытый въ тяжкихъ сундукахъ.
А мнѣ—дай поцѣлуй, въ задатокъ,
Испить на розовыхъ устахъ.
За это райское мгновенье,
За этотъ сладостный бальзамъ,
Я заложить готовъ имѣнье!
Я—душу Ироду продамъ!

Нѣтъ, кавалеръ мой благородный!
Возьми сокровища назадъ!
Что блескъ для дѣвицы безродной!
Къ чему плебеянкѣ нарядъ?
Повѣрь, безъ хитрости и злобы
И какъ каждому мила...
Но я пажу твоей особы —
Давно все даромъ отдала!

ѲЕДОРЪ КОНИ.

=

VII.

ПРОВИНЦІЯЛЬНЫЙ ПОДЪЯЧІЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Охъ, времячко! Скорехонько
Летишь ты, хоть безъ крылъ.
Ужъ двадцать лѣтъ ровнехонько,
Какъ въ Питерѣ я былъ.
Въ питейномъ департаментѣ
Служеніе имѣлъ,
На каменномъ фундаментѣ
Домишкомъ я владѣлъ.
Съ особами отличными
Въ знакомствѣ состоялъ,
Поклонами приличными
Начальству угождалъ.
Какъ все перемѣнилося!
Мнѣ Питеръ сталъ чужой;
Все новое явилося,
Чуть пахнетъ старивой!
Секретъ мой обнародовать
Вновь прибылъ я въ него,
Хоть много парасходовать
Пришлось мнѣ для того.
Одно мнѣ утѣшительно,
Что вѣдать кой-кому
Секретъ такой спасительно.
Приступимъ же къ нему:
Грамматику, эстетику
Изъ мысли я прогналъ.
Люблю лишь ариѳметику,
Отъ ней богатъ я сталъ.
Сперва я отъ *дѣленія*
Не мало получилъ:
Начальникъ отдѣленія
Дѣлить меня училъ.
Помѣръ повышенія,
Мой капиталъ толстѣлъ
И росъ—отъ *умноженія*
Просителей и дѣлъ.
Дало плодъ *вычитаніе*,
Какъ подчиненнымъ я
Не брать далъ приказаніе,
За *вычетомъ* себя.
Сложивъ все въ заключеніе,
Сложенье я узналъ,
И вышелъ отъ сложенія
Изрядный капиталъ.
Хоть шиворотъ на-выворотъ
Я правила прошелъ,
Не выведутъ за шиворотъ,
Куда бъ я ни вошелъ!
До Павловска катался я
Желѣзной мостовой,
Парами восхищался я
Не столько быстротой!
Въ воксалъ, въ упоеніи,
Прослушалъ я цыганъ:
Вотъ, доложу, ужъ пѣніе —
Что палкинскій органъ!...
Смотрѣлъ намѣдни *Ѳебуса*....
Въ немъ Сосницкій лихой....
Ну точно у Брамбеуса,
Я надорвалъ животики,
Отъ смѣха лопнулъ фракъ!
Читая Библіотеки
Не хохоталъ я такъ!...
Пришлося *Титулярныхъ* разъ
Мнѣ какъ-то посмотрѣть,
Вотъ здѣсь такъ, увѣряю васъ,
Другому бъ умереть!
Надъ ними, посудите-ка,
Смѣются такъ, что страхъ;
Ну, это просто критика:
Я самъ въ такихъ чинахъ!....
Вчера смотрѣлъ Тальони я,
Притомъ еще въ Тѣни:
Въ поступкахъ — благовонія
И прелести одни.
Что это за чудесница!
Не жаль пяти рублей!
Отмѣнно пляшетъ крестница,—
Но далеко — до ней....
Весь Невскій, чудо Питера,
На банькѣ облетѣлъ;
На вывѣскѣ кондитера
Я диво усмотрѣлъ:
Тамъ въ *Пчелку*, съ умиленіемъ,
Турецкій франтъ глядитъ,
Читаетъ, съ наслажденіемъ,
Гречанка *Инвалидъ*.
Онъ въ краскахъ все прелестнѣйшихъ
Представилъ на показъ;
Такихъ вещей чудеснѣйшихъ
И въ Псковѣ нѣтъ у насъ!
Не ждалъ, чтобъ умъ въ кондитерѣ
Былъ смѣтливъ такъ, клянусь....
Ужъ подлинно, что въ Питерѣ
Во всемъ изящный вкусъ....
Трубой какой-то внутренней
На Невскій изъ земли,
Свѣтящій до заутренней,
Гасъ Нѣмцы провели.
Накрытъ стеклянной шапкою,
Огонь большой такой
Горитъ гусиной лапкою!
Ну такъ,.... что день денской!
Прощайте! оставляю васъ.
Чувствъ много, мало словъ!
Въ Кунсткамеру бѣгу сейчасъ,
А завтра ѣду въ Псковъ....

ѲЕОКЛИСТЪ БОВЪ.

ПАНОРАМА

ВСѢХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Распахнись, развернись, мой коверъ — самолетъ!
Быстрымъ лётомъ несись,
И лишь тамъ опустись,
Гдѣ поманятъ насъ музы къ себѣ въ хороводъ.
Садись, мой читатель, и крѣпче держись!
Полетимъ! Поглядимъ мы съ тобою,
Чѣмъ боги изволятъ нашъ міръ забавлять!
Какъ тѣшатъ насъ грѣшныхъ игрою.
Вездѣ, гдѣ замыслимъ, мы можемъ пристать,
Лишь были бъ вниманью обновки:
Въ Парижъ и Неополь, и въ Вѣну, и въ Римъ,
Въ Европу и Африку — махомъ однимъ
Безъ всякой зайдемъ остановки,
Ужъ благо на воздухѣ станціи нѣтъ,
Хоть строить въ немъ замки частехонько свѣтъ.

ФРАНЦІЯ.

Стой! Эта голубая лента рѣки, которая опоясываетъ городъ и струится мелкими извивами по лугамъ—должно быть Сена! Такъ и есть! Мы въ Парижѣ. Куда бѣжитъ толпа по бульвару? Что за змѣиный хвостъ вьется у входа этого дома?—Ба! Да это *Театръ Драматической Гимназіи*, тотъ самый, который прежде назывался Théatre de Madame (Театромъ Герцогини Беррійской), на которомъ Скрибъ ставилъ свои остроумные водевили, гдѣ плѣняла всѣхъ наша очаровательная Алланъ. Но чтожъ тамъ можетъ быть интереснаго? Скрибъ ужъ давно утонулъ въ академическихъ креслахъ, набитыхъ лаврами; нынѣ онъ объѣзжаетъ только рысаковъ, а Пегаса отправилъ на благодарственный кормъ къ своему казначею. Послѣдній его окончательный куплетъ— самый *блестящій*, самый *звонкій*, это 150,000 франковъ ежегоднаго дохода. Сложивъ такой капитальный куплетецъ, кому придетъ охота писать водевили? Но невольное вдохновеніе попросится на лавры — или во Французскую Академію, — гдѣ весь трудъ поэта состоитъ въ томъ, чтобъ ничего не дѣлать.

Аллани такъ-же нѣтъ въ Гимназіи: она переведена въ *высшее училище* искусства на петербургскую сцену *, гдѣ одинъ Высокій цѣнитель искусства опредѣлилъ ея достоинства безсмертнымъ каламбуромъ:

Charmant talent (Charmante Allan)!

Что-же влечетъ толпу въ *Драматическую Гимназію*? Любезный читатель, возьмемте по билету; посмотримъ, что тамъ за чудеса такія. Вотъ афиша. Даютъ: *Клеменцію, драму — водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, сочиненія Анселю*. Не пугайтесь, не пугайтесь! *Госпожи*

* Въ томъ, что петербургская французская сцена—лучше Парижа образуетъ артистовъ, сознался даже завистливый Жаненъ, въ статьѣ своей о нашемъ бывшемъ актерѣ г. Лаферьерѣ.

Ансело, авторши «*Маріи или трехъ эпохъ*», а не автора «*Шестимѣсячнаго пребыванія въ Россіи*».

Клеменція, простая, невинная дѣвушка, безъ родныхъ и подпоры, но она имѣетъ алый ротикъ, розовыя щечки, голубыя глазки и каштановыя кудри. Клеменція выходитъ въ Германіи замужъ, по любви, за молодаго Барона Шатонѣфъ. Но этотъ Баронъ, изволите видѣть, поторопился жениться, не дождавшись совершеннолѣтія и родительскаго благословенія. Конечно, тутъ не его вина: такими дѣлами заправляетъ любовь, а кто ъ ей не вслитъ справляться съ метрическими книгами и геральдикой! Ей все равно, а между тѣмъ, изъ этого выходитъ препепріятная исторія. Старый Баронъ Шатонефъ, французскій эмигрантъ, и какъ всѣ старики, которымъ ничего не остается въ жизни, кромѣ древности, крѣпко опирается на свои гербы и на заслуги предковъ, за неимѣніемъ собственныхъ. Онъ кричитъ, топаетъ ногами, выходитъ изъ себя и хочетъ вывесть на свѣжую воду сына, т. е. развесть его съ женою. Затѣвается процессъ. Адвокатъ Рамберъ берется за это дѣло и обѣщаетъ Барону, что дѣло будетъ въ шляпѣ, — а сынъ его въ тюрьмѣ. Ужъ онъ исписалъ цѣлую десть бумаги, превзошелъ себя въ клаузахъ, ввернулъ такихъ крючковъ, что отнялъ у молодаго человѣка всѣ средства вывернуться. Судъ созванъ. Адвокатъ надѣлъ новый парикъ съ буклями и готовъ торжествовать побѣду, какъ вдругъ къ нему вбѣгаетъ прехорошенькая, премолоденькая женщина и кидается къ старику на шею. У старика мурашки побѣжали по спинѣ: такъ она прижалась къ его сердцу. Что же открывается? Это дочь его, потерянная имъ во время смутъ революціи и давно оплаканная, и дочь эта, кто бы вы думали?—Клеменція, жена молодаго Барона, противъ которой онъ собралъ тучу крапорѣчія, и которую хотѣлъ поразить всѣми громами приказнаго слога. Старикъ въ ужасномъ положеніи! По настоящему тутъ не отъ чего приходить ни въ какое положеніе: и вы, и я, и всякій другой на его мѣстѣ, взяли бы процессъ, розорвали на клочки, да и кончено дѣло. Ну, а онъ не такъ думаетъ. У него поговорка: хочешь жить — не берись, а взялся — удавись. Вотъ онъ, въ силу этого, и лѣзетъ самъ въ петлю т. е. идетъ въ судъ защищать процессъ стараго Барона. Какъ! противъ своей дочери? Да, противъ дочери, что же дѣлать, если ужъ старикъ такой блажной! Онъ дѣйствуетъ съ полнымъ успѣхомъ. Судьи на его сторонѣ: старые парики расходились и велятъ развести *молодыхъ*. Баронъ отсыпаетъ своему адвокату учтивости и цѣлыя пригоршни золота. Но Рамберъ все отвергаетъ и говоритъ, что обыкновенно говорится въ драмахъ въ подобныхъ случаяхъ: Нѣтъ! Не за золото продалъ я дочь мою! Звонъ его не заглушитъ ея рыданій! Слезы ея дороже обрѣзныхъ червонцевъ!... и такъ далѣе. Тогда Шатонефъ становится въ тупикъ и удивляется безкорыстію и великодушію приказнаго. Онъ потрясенъ до глубины своей подагры и, срѣзанный съ ногъ, столь рѣзкою чертою благородства адвоката, соединяетъ руки молодыхъ людей; за чѣмъ занавѣсъ и опускается. —

Найдутся люди, которые, пожалуй, скажутъ, что тутъ мало правдоподобія, что сцены натянуты, разговоръ напыщенъ, что все основано на однихъ театральныхъ эфектахъ..... Я этого не говорю! На прекрасный полъ у меня не поднимается перо! Хлопаю вмѣстѣ съ парижскою публикой, славлю мадамъ Ансело вмѣстѣ съ ея мужемъ, и вамъ совѣтую то же сдѣлать, когда *Клеменція* появится на русской сценѣ. Піеса *плачевная*, — она вѣрно у насъ будетъ имѣть огромный успѣхъ. —

Пойдемте въ другіе театры, любезный читатель, будемъ читать афиши на дверяхъ, и гдѣ найдемъ что нибудь интереснос — туда и заглянемъ. Вотъ на-

примѣръ, афишка театра *Комической Смѣси* (Ambigu-comique) гласитъ, что тамъ даютъ:

Ремесленника (L'ouvrier), драму въ пяти дѣйствіяхъ въ стихахъ, *Фредерика Сулье*. Посмотримъ, что за драма!—Въ 1795 году, во время вражескихъ нашествій на Францію, двѣ беременныя женщины скрылись въ лачужку и обѣ умерли тамъ, давъ жизнь двумъ младенцамъ. Вамъ это кажется неправдоподобнымъ? Ничего! Мало ли что случается: — вы знаете, женщины всего трусятъ, даже мирныхъ пауковъ, мошекъ и таракановъ, какъ же имъ было не испугаться Прусаковъ, въ соединеніи съ Австрійцами, Гессенцами и другими европейскими народами! Отъ испуга, очень естественно, было ускорено ихъ разрѣшеніе, доктора и акушера взять было негдѣ, что жъ имъ оставалось дѣлать? Умереть! Онѣ такъ и сдѣлали: взяли да и умерли. Главная бѣда въ томъ, что онѣ поторопились скончаться, ибо тотчасъ послѣ ихъ кончины пришелъ въ лачужку хозяинъ, плотникъ Ломбаръ. Онъ увидѣлъ мертвую жену свою и другую женщину и еще двухъ младенцевъ—и крѣпко задумался. Который же изъ нихъ мой сынъ? Какъ быть? На ручкахъ у нихъ что-то нацарапано булавками, да кто же разберетъ эти каракули? Ломбаръ подумалъ, подумалъ, да и усыновилъ обоихъ; одного назвалъ Августомъ, потому, что дѣло было въ августѣ, а другаго Викторомъ, вѣроятно потому, что Генералъ Журданъ въ это время былъ побѣдителемъ Австрійцевъ. Вотъ они росли, росли, да и выросли. Тогда Ломбаръ помѣстилъ ихъ въ Лицей, за тѣмъ, чтобъ они получили блистательное воспитаніе. Но для его же дѣтямъ плотника такое воспитаніе, спросятъ всякій? А для того, во-первыхъ, чтобъ они, строгая доски, сами были отесаны, а во-вторыхъ, для того, что автору это было необходимо нужно: иначе драма его не существовала бы. На двадцать четвертомъ году они сняли лицейскіе мундиры и подпоясались плотничьимъ фартухомъ. Но въ характерахъ ихъ была большая разница. Августъ былъ холоденъ, тесалъ бревна, читая стихи Анакреона, рубилъ съ плеча всякій вздоръ и только тѣмъ и бредилъ: какъ бы ему жениться на Жюльеттѣ, своей двоюродной сестрицѣ, и обзавестись дѣтьми и собственнымъ мастерствомъ. Викторъ, напротивъ, весь какъ будто созданъ изъ огня и полымя; рубанка и въ руки не беретъ, простаго клина не умѣетъ вколотить, точно всѣ способности сошлись у него клиномъ; пишетъ себѣ, то и дѣло, стихи, да дѣлаетъ алгебраическія выкладки и знать ничего не хочетъ. Къ тому же онъ страстно влюбленъ въ мамзель Евгенію, племянницу Маркизы Жевръ, которой, какъ-то, спасъ жизнь. Въ драмахъ, ужъ извѣстно, коли молодой человѣкъ полюбитъ молодую дѣвушку, то и она, разумѣется, пылаетъ къ нему нѣжною страстью. И такъ они оба пылаютъ. Но что за драматическая любовь, въ которой нѣтъ препятствія. Нужно непремѣнно препятствіе, подавайте намъ препятствіе! Извольте, извольте! Вотъ вамъ молодой Монпере, сынъ опекуна дѣвицы Евгеніи, который на томъ стоитъ, чтобъ на ней жениться. Изъ далека же вы намъ притянули препятствіе! Что дѣлать? Не нашлось другаго подъ рукою. Ну, вотъ, страстные любовники страдаютъ и вздыхаютъ, объясняются, то и дѣло, и клянутся въ любви, а Монпере, знай себѣ, печатаетъ свадебные билеты, да шьетъ новые кафтаны. Въ такихъ страданіяхъ драма не кончилась бы никогда, до тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ, пока не надоѣла бы намъ до смерти... Но вотъ, особенный случай, странный случай, даже, если хотите, *непонятный* случай, всему дѣлу даетъ новый оборотъ. Бѣдняка Ломбара обокрали. Воръ пойманъ, и... о судьба, судьба! Между украденными вещами находятъ портфель, а въ немъ бумаги, которыя свидѣтельствовали о тайнѣ рожденія двухъ дѣтей и о булавочныхъ ца-

рапинахъ на рукахъ ихъ. Выходитъ, что одинъ изъ нихъ внукъ Маркизы Жевръ. Вы думаете, что это Викторъ, анъ нѣтъ, —Августъ! Ну, да какъ же иначе! Въ противномъ случаѣ ни Викторъ, ни Августъ не могли бы жениться на своихъ сестрахъ. А теперь, вотъ видите ли, дѣлишки то—такъ уладились, что они оба женятся, каждый на своей возлюбленной, и авторъ пируетъ у нихъ на свадьбѣ.

Что за вздоръ вы намъ нагородили! Помилуйте, за кого вы насъ принимаете! Что это такое? Гдѣ же смыслъ, правдоподобіе, вымыселъ, поэзія... Позвольте, позвольте, господа! За что же вы на меня напали? Развѣ я написалъ эту драму? Вотъ вамъ ея авторъ, Г. Сулье,—дѣлайте съ нимъ, что угодно, когда, въ маѣ мѣсяцѣ, привезутъ вамъ его *Ремесленника* на кораблѣ, вмѣстѣ съ луковицами и кашпанами. А мое дѣло—сторона.

Нѣтъ, любезный читатель, лучше намъ отправиться въ оперные театры, тамъ насъ отпоютъ, но смысла за живо не похоронятъ. Зайдемъ на первый случай, хоть въ *Большую Оперу*. Что новаго? *Суконщикъ* (Le drapier), опера въ 3 дѣйствіяхъ, слова Скриба, музыка Галеви. А,это должно быть не дурно! Посмотримъ! Сперва Скриба на сцену, потомъ автора *Жидовки*. Вотъ въ чемъ дѣло. Суконщикъ Багю живетъ въ Шартрѣ, въ XIV столѣтіи. У него есть дочка Жанна, а у дочки два жениха, звонарь Готье и пустозвонъ Урбенъ. Первый старъ, второй молодъ—ибо онъ еще школьникъ. Суконщику, разумѣется, правится старикъ, а дочкѣ—молоденькій. Пока все въ порядкѣ; что-то дальше будетъ? Городъ Шартръ въ рукахъ Лиги, а Король Генрихъ III его осаждаетъ. Но суконщикъ и звонарь занимаются не одною выдѣлкою суконъ и трезвономъ во всѣ колокола, но и политикою—между дѣломъ. У нихъ составился заговоръ, сдать городъ Королю. Этимъ заговоромъ пользуется плутовка Жанна, для свиданія съ Урбеномъ. На бѣду шуры-муры эти дошли до свѣдѣнія Губернатора. Онъ является въ домъ суконщика съ вооруженной силой; несчастныхъ заговорщиковъ хватаютъ, а съ ними и счастливаго любовника. Жанна въ отчаяніи и проситъ Урбена спасти ея отца. Урбенъ малый услужливый, да и почему жъ не сдѣлать пріятнаго хорошенькой дѣвушкѣ—вотъ онъ и объявляетъ, что онъ одинъ преступникъ и заговорщикъ. Ему, какъ водится въ операхъ, вѣрятъ на слово. Да и когда тутъ разбирать: композиторы музыки и безъ того не любятъ длинноты въ либреттахъ. Вотъ молодца заговорщика *безъ сообщниковъ*, берутъ и во второмъ актѣ приговариваютъ къ висѣлицѣ. «Ну, повѣсятъ, такъ повѣсятъ, думаетъ онъ, что за важность! По крайней мѣрѣ это будетъ пріятно Жаннѣ! Однако за чтоже вздѣть себѣ петлю на шею, такъ, ни за что, ни прочто, здорово живешь. Ужъ коли лѣзть въ петлю, такъ по крайности—*жениться*; тогда оно въ порядкѣ вещей.» Урбенъ требуетъ руки Жанны у драпировщика и требуетъ настоятельно. «Подавай ее сюда, сейчасъ, сію же минуту, не то—все открою правительству.» Багю согласенъ, звонарь такъ-же, что прикажешь дѣлать съ сорванцемъ! И вотъ Урбена выпускаютъ изъ тюрьмы, чтобъ сыграть свадьбу и нагуляться до смерти. Иное правительство этого бы и не сдѣлало; а иной преступникъ, пожалуй, воспользовался бы этимъ и при сей вѣрной оказіи задалъ бы тягу. Но оперные правительства и преступники не таковы: они ничего не боятся и знаютъ, что этого случится не можетъ, потому, что авторъ къ развязкѣ самъ притянетъ бѣглеца за ухо. На этотъ счетъ они покойны. И такъ на другой день свадьбы, и на третій актъ оперы, назначена казнь Урбена. И вотъ его ведутъ къ висѣлицѣ, но вдругъ шумъ, громъ, пальба, трескъ, и звонъ!—Что такое? Генрихъ III ворвался въ городъ и овладѣлъ лигистами. Висѣлица сбита съ мѣста и молодыя торже-

ствуютъ! Дай Богъ имъ совѣтъ, да любовь, да долгую жизнь! Только это сомнительно.... Они что-то больно простоваты, вмѣстѣ съ батюшкой своимъ Жаномъ Багю. А поютъ они такъ монотонно, съ такой нѣмецкой ученой глубиной, что въ ней и дна не достанешь. Нѣтъ, авторъ Жидовки крѣпко оплошалъ. Ни одного нумера музыки, который бы доходилъ до сердца. Что за странная идея у этихъ господъ композиторовъ, помѣщать свою музыкальную ученость въ оперы! Какъ будто мало для этого другихъ родовъ концертныхъ сочиненій, гдѣ всякая превыспренность музыкальной математики гораздо приличнѣе и болѣе у мѣста. Опера пишется для зрителей и слушателей всѣхъ сословій и всякаго образованія. Надо, чтобъ она говорила чувству каждаго, языкомъ понятнымъ. Не всѣ любители музыки посвящены въ мемфискія таинства и геороглифическіе крючки и закавычки контръ-пункта и генералъ-баса. И послѣ этого удивляются, что въ какомъ нибудь трехъ-актномъ *Суконщикѣ* понравились только одна арія и одинъ квартетъ; а прочее все полегло сплошь да рядомъ! Но что съ ними толковать, пойдемте лучше въ *Комическую Оперу*. Здѣсь торжество! Даютъ лирическую драму, въ 2 актахъ: *Эва*. Либретто писалъ Лёвенъ и компанія, музыку сочинялъ Конола и компанія. Во Франціи все дѣлается компаніями. Фабрики заводятъ—компаніи, дороги строятъ—компаніи, журналы издаютъ—компаніи, водевили пишутъ—компаніи. А почему же и не такъ? Умъ хорошо, два лучше, а три и того лучше! Удалось, и на акцію компаніона перепадетъ кое-что; неудача—и то не бѣда: въ компаніи и смерть красна; для компаніи, говорятъ, и жидъ удавился. Въ *Эвѣ*, кажется, всѣ четыре компаніона были близки къ удавкѣ, но удивительный талантъ *Евгеніи Гарсіи* развязалъ имъ горло и спасъ *Эву* отъ паденія.—Дѣвица Евгенія Гарсіи младшая сестра Малибранъ-Гарсіи, величайшая изъ пѣвицъ нашего вѣка. Она наслѣдовала отъ сестры талантъ, голосъ, силу и методу пѣнія. Можно ли послѣ этого сомнѣваться, чтобъ такая пѣвица, у которой сильный контральто смѣшанъ съ меццо-сопрано, не произвела сильнаго впечатлѣнія при первомъ своемъ появленіи на сценѣ. Притомъ еще она явилась въ первый разъ на сцену въ Эвѣ, со всѣми увлекательными способностями прародительницы нашей Эвы. Мы съ вами, любезный читатель, можемъ смѣло сказать:

Я видѣлъ стройныя движенья,
Я понялъ дѣвы красоты,
И въ душу дивнаго видѣнья
Живыя врѣзались черты!
Она, какъ генія картина,
Передо мною развилась —
И вдохновенно каватина
Съ волшебныхъ устъ слилась....
Играли звуки благодатной,
Какъ нектаръ, вылитый въ фіалъ,
И пламень пѣти неоплатный
Восторгомъ душу наполялъ.
Такъ воина на полѣ брани
И въ пыткѣ передсмертныхъ мукъ,
Ни могъ забыть заставить раны —
Побѣды гласъ и славы звукъ!

Это сравненіе здѣсь очень кстати, потому, что торжество Евгеніи Гарсіи дѣйствительно заставляетъ забыть всю неудачу созданія Эвы. Сюжетъ Эвы былъ трактованъ и на сценѣ и въ жизни 1189 и одинъ разъ. Это новая *Нина* или *Сумасшедшая отъ любви*. Сколько женщинъ теряютъ голову отъ любви! Сколько балетовъ, драмъ, комедій, оперъ, романовъ и повѣстей вертятся на этомъ избитомъ содержаніи! А оно все не устарѣло, потому, что видѣть чувствительную женщину, лишенную разсудка,—интересно и трогательно и назидательно, а пуще всего весьма эффектно на сценѣ. Бѣдная Эва лишилась разума отъ того, что зашла въ такое мѣсто, куда ей не слѣдовало бы заходить: на войну, и тамъ во время битвы видѣла, какъ отецъ и женихъ ея потонули въ рѣкѣ. Женское любопытство никогда до добра не доводитъ: это извѣстное дѣло. По странному случаю, или по

прихоти авторовъ, женихъ ея однако, вышелъ сухъ изъ воды и остался въ живыхъ. Но Эва, въ безумствѣ не узнаетъ его до тѣхъ поръ, пока опять по странному случаю, или прихоти авторской, не видитъ его снова въ пылу битвы. Вотъ настоящее безуміе, согласитесь. Но что дѣлаетъ изъ этой безсмысленной Эвы г-жа Гарсія, этого пересказать невозможно. Какъ глубоко оттѣняетъ она каждую страсть, какъ очаровательно ужасна она въ сценахъ сумасшествія! И замѣтьте, что г-жа Гарсія ничѣмъ не обязана красотѣ: черты ея неправильны, даже грубы.

Но и въ безуміи она
Очаровательная дѣва,
Какъ чаша лиліи блѣдна,
Какъ обликъ мѣсяца томна,
И обозьстительна, какъ *Ева*!
Поблекли розаны ланить,
Уста трепещутъ, сердце бьется,
Слезою нѣги взоръ горитъ,
Струею локонъ съ плечъ бѣжитъ
И въ кудри змѣйчатыя вьется!

Конечно, если разбирать игру Гарсіи медицинскимъ образомъ и разсѣкать человѣческія чувства анатомическимъ ножемъ, какъ это дѣлается въ театральныхъ разборахъ *Репертуара Русскаго Театра*, то пришлось бы сказать, что Гарсія никуда негодная актриса и пѣвица, потому, что она въ сумасшествіи забыла заплесть косу и поетъ по нотамъ, въ ладъ съ оркестромъ, а не кричитъ пѣстовымъ голосомъ. Но да сохранитъ насъ отъ этого Аллахъ! Мы помнимъ, что театръ есть храмъ искусства, а искусство должно представлять природу не въ наготномъ видѣ, а въ формахъ изящества и красоты. Евгенія Гарсія въ такой степени владѣетъ органомъ, хорошей методой, вкусомъ и лирическимъ и драматическимъ чувствомъ, что она заставитъ забыть не только свое сумашествіе и нелѣпость піэсы, но и каждаго зрителя сведетъ съ ума. Успѣхъ ея былъ самый блистательный и самый заслуженный!

Теперь отправимся въ *Италіянскую Оперу*. Тамъ даютъ «*Инесу де Кастро*» положенную на музыку синьоромъ *Персіани*. Хотите получить понятіе объ этой оперѣ, прочтите старинную, нашлую трагедію *Ла-Мотта* того же имени. Либретто новой оперы перещеголяло еще старую трагедію нелѣпостью. Музыка соотвѣтствуетъ содержанію. Но въ ней отличаются г-жи *Персіани*, супруга композитора, и *Альбертацци*, а въ особенности *Ла-Блашъ*. Чего не вынесутъ на высокихъ и низкихъ нотахъ такіе атлеты пѣнія и музыки! Но въ этой оперѣ замѣтили грустное явленіе. Великій теноръ *Рубини*, пріобрѣтая талантъ, какъ актеръ, жестоко теряетъ какъ пѣвецъ, онъ видимо спадаетъ съ голоса, а много терять ему нельзя, ибо объемъ его голоса и такъ не великъ. *Инеса де Кастро*, имѣвшая столь блистательный успѣхъ въ Италіи, совершенно упала въ Парижѣ. Французы не довольствуются однимъ выполненіемъ, но требуютъ созданія поэтическаго въ либреттѣ и музыкальнаго въ партитурѣ, а ихъ въ Инесѣ, на бѣду, неймется! Теперь намъ остается поговорить еще объ одной оперѣ, данной на *Театрѣ Возрожденія*. Она именуется: *Цѣломудренная Сусанна* (La chaste. Suzanne и заимствована изъ Библіи г. г. Кармушемъ и Курси, а музыку на нее сложилъ *Ипполитъ Монпу*. Но для чего продолжать оную исторію, вы всѣ съ ней знакомы такъ-же, какъ и я Сюжетъ древній еврейскій. Въ піэсѣ много глаголанія, и почти совсѣмъ нѣтъ дѣйствія...а музыка... увы! Видно первый мѣсяцъ нынѣшняго года несчастливъ для композиторовъ! – Музыка вся состоитъ изъ хоровъ и, между нами сказать, право, не хороша. Въ ней еврейскаго столько же, сколько въ оперѣ М. И. Глинки китайскаго. А главное, непріятно, что она мотивами своими все напоминаетъ оперы, которыя гораздо лучше ея: то *Фенеллу*, то *Жидовку*, то

Фра Діаволо. Какъ будто Оберъ и Галеви выбрали себѣ г. Монпу въ отголоски! Плохо дѣйствуетъ парижская исправительная полиція. Она вопіетъ, когда бѣднякъ, умирающій съ голоду, протянетъ полузамерзлую руку за милостыней, или мелкій промышленникъ, въ разсѣянности, вмѣсто своего вынетъ изъ вашего кармана платокъ; а на музыкальное и литературное хищничество не обращаетъ совсѣмъ вниманія. Не будь этаго, Г. Монпу, за знаменитую свою Суссанну, прецѣломудренно высидѣлъ бы мѣсяца два подъ арестомъ и вѣрно поплатился бы тысячкой, другой франковъ.

Теперь обѣгаемъ всѣ мелкіе театры, бросимъ въ нихъ быстрый взглядъ, что подмѣтимъ, перескажемъ на скоро и съ Богомъ въ путь. Намъ еще предлежитъ дальняя дорога въ туманы Альбіона, въ патетическую Германію, подъ смѣющееся небо Италіи и далѣе, чрезъ волны Средиземнаго моря на сѣверо-восточные берега Африки. А ежели достанетъ времени и терпѣнія, за-летимъ, пожалуй, и въ Азію.

Въ Театръ *Пале-Рояля* толпа стремглавъ бѣжитъ посмотрѣть на новыя шалости историческаго повѣсы *Герцога Ришелье*, Тамъ есть молодая, черноокая кокеточка *Дежазе*, которая тогда только въ своей роли, когда играетъ въ мужскомъ платьѣ. Въ водевилѣ Ришелье, она играетъ *Фронсака* и мечетъ въ партеръ такіе взоры, что не только бѣдные студенты, но не одинъ военный, начиная отъ прапорщика до поручика включительно, не могутъ устоять противъ этого бѣглаго огня, сдаютъ свои сердца на капитуляцію и бьютъ отбой въ ладонь. Когда нибудь мы поговоримъ подробнѣе объ этой чаровницѣ и о значеніи ея амплуа въ искусствѣ, а теперь пока приведемъ остроумный куплетъ, сочиненный какимъ-то каламбуристомъ на игру ея въ *Ришелье*:

Déjazet en jouant Fronsac,
De Monsieur le caissier a rempli plus d'un *sac.*
Veut-on de bons couplets? dans la pièce elle *en chante;*
Par son talent divin, Déjazet nous *enchante,*
Et le Palais Royal, graces à *Richelieu,*
De plus en plus devient un *riche lieu.*

Это такъ хорошо что, даже непереводимо.

Въ *Театрѣ Разнообразія* открылся *Рай Магомеда*, и новый мусульманскій пророкъ, завѣщавшій правовѣрнымъ этотъ рай, есть извѣстный водевилистъ, г. Лоренсень. Піеска его животрепещетъ современностью. Молодой Французъ, начитавшись *Тысячи и одной ночи* сходитъ съ ума отъ восточныхъ прелестницъ и, для ближайшаго знакомства съ очаровательными Хуріями, отправляется въ Турцію. Онъ прибылъ въ Константинополь въ самое то время, какъ молодой Султанъ Абулъ—Меджидъ ввелъ европейскіе нравы въ своемъ сералѣ и далъ полную волю милымъ затворницамъ. Онѣ узнаютъ о цѣли путешествія Француза, зазываютъ его въ сераль, и начинаютъ съ нимъ цѣлый рядъ мистификацій самыхъ забавныхъ. Въ этомъ вся и штука, которая ужасно, какъ нравится парижскимъ швейкамъ и модныхъ торговкамъ изъ Пале-Рояля.

На *Театрѣ Драматическихъ Шалостей* царствуетъ *Король на одинъ день*, въ одномъ актномъ водевилѣ *Мишеля Массона*. Мастрилло, тосканскій пастушокъ, пасетъ себѣ овечекъ, играетъ въ рожокъ и ждетъ, да пождетъ, когда-то придетъ, къ нему на свиданье брюнетка Жуанита, живое созданье, которой очами, устами, бровями, вся голова пастушкова набита. Вотъ шорохъ! Приходитъ, но только, другой, какой-то чужой: «Спаси! Меня ищутъ! Ты слышишь, какъ пули по воздуху свищутъ! За мною погоня бѣжитъ по слѣдамъ ... Вотъ кошелекъ мой! Спаси! Такъ перстень тебѣ я отдамъ!» Мастрилло чужаго, подъ свиною родного сокрылъ шалаша. Отъ радости пляшетъ въ бѣдняжкѣ душа. Но, ахъ!

Поласкала бѣднягу недолго судьба! Тотчасъ прискакала Неапольскихъ Сбировъ гурьба. Лаврентія Медичи ищутъ они... но онъ ужъ далекъ; въ рукахъ же Мастрилло его кошелекъ. Прощайте веселые дни! За принца считаютъ они пастуха, хватаютъ, въ Неаполь везутъ и... пошла чепуха! Пастухъ управлять Неаполемъ день; онъ милуетъ, жалуетъ, любитъ народъ, тому дастъ награду, того распечетъ, и царствовать просто ему ужъ не лѣнь; какъ вдругъ появился крамолы разлящій самъ грозный Лоренцо, Король настоящій; Пастухъ свой слагаетъ непрочный вѣнецъ, ему дарятъ платье и пьесъ конецъ. Въ партерѣ смѣются отъ чистыхъ сердецъ!

Въ *Театрѣ Пантеона* — даютъ съ большимъ успѣхомъ драму: *Гвизенно*, соч *Буле*. Но *Пантеонъ Театра* — побесѣдуетъ о ней въ иное время.

Теперь потормошимъ остальныя новости Парижа и нѣкоторыхъ провинціяльныхъ сценъ Франціи. Знаменитый или знаменитая Жоржъ Зандъ-мужчина и Dudevant-женщина, написалъ или написала драму: *Ненависть въ любви* (La haine dans l'amour.) Театръ Французской комедіи ставитъ ее съ роскошью на сцену. Друзья Жоржа-Занда и обожатели г-жи Дюдеванъ — обѣщаютъ пьесѣ неистовый успѣхъ. — *Комическая опера* — ставитъ двѣ новыя оперы: «*Маріо*» — Доницетти, и «*Карлину*»—Амвросія Тома. На *Олимпійскомъ циркѣ*, со дня на день ждутъ перваго дебюта — могучаго трагическаго актера — бразильскаго льва, который не давно прибылъ въ труппу Картера и обучается у него мимикѣ и пластикѣ. Говорятъ, что онъ ревѣтъ сильнымъ, густымъ басомъ. Молодой Нѣмецкій компонистъ, *Фогель*, производитъ въ музыкальномъ мірѣ Парижа огромный эфектъ ораторіей своей: *Страшный судъ*. Всѣ въ восторгѣ отъ величія и красоты его мелодій. При такихъ достоинствахъ *Страшнаго суда*, ни какой *суду* критики *для* автора не *страшенъ!*—Нѣкто *Жюль Мюльгаузеръ* ревностно трудится надъ передачей на французскій языкъ прекраснѣйшихъ произведеній Шиллера. Въ прошломъ и нынѣшнемъ мѣсяцахъ явились въ свѣтъ переводы его: «*Коварство и Любовь*,» и «*Вильгельмъ Тель.*» А какъ онъ *переводитъ* прекрасныя пьесы великаго поэта, вы можете усмотрѣть изъ слѣдующаго. Въ «*дочери музыканта*» т. е. Коварствѣ и Любви у него пьеса кончается тѣмъ, что *Фердинандъ отправляется съ леди Мильфордъ въ церковь вѣнчаться, а Луиза отворяетъ отдушину въ нетопленой печкѣ, подставляетъ къ ней голову, дѣлаетъ два, три гримасы и умираетъ отъ угара.* Не правда ли, какъ мило и остроумно Мюльгаузеръ — поправилъ Шиллера! Это похоже на то, какъ у насъ нѣкоторые *славные драматурги* поправляютъ Шекспира, *передѣлывая его, якобы для сцены.* А вотъ вамъ и образчикъ перевода *Вильгельма Телл*:

Шиллеръ:

Mach hurtig, Jenni. Zieh die Naue ein.
Der graue Thalvogt kommt, dumpf brüllt der Firn,
Der Mytenstein zieht seine Haube an;
Und kalt her bläst es aus dem Wetterloch;
Der Sturm, ich mein', wird da seyn, eh' wir's denken.

Мюльгаузеръ:

Fais promptement, Ienny; le bateau sur la greve;
Le brouillard vint à nous; le vent du Nord se lève
Et mugit sourdement.. Le Mutenstein *a pris*
Son manteau de vapeurs. Jéntends au loin les cris
De l'aigle. L'air est froid; la tourmente, je pense,
Pourrait bien nous surprendre ici....

И на Лионскомъ театрѣ на дняхъ появилась *новая опера* въ трехъ дѣйствіяхъ, подъ названіемъ: «*Глуръ.*» Либретто Ревааля, музыка *Вовери*. Сюжетъ заимствованъ довольно счастливо изъ извѣстной поэмы лорда Байрона. Дѣйствіе

происходитъ въ началѣ греческаго возстанія за свободу, и разыгрывается то у Грековъ, то у Турокъ; то въ гаремѣ, то на освобожденныхъ эллинскихъ островахъ. Разнообразія много, сценировка удачная и эфектная. Что-же касается до музыки, она похожа на фантастическій сонъ, проводящій у васъ въ памяти лучшіе мотивы Россини, Мейербера, Спонтини, Вебера и Обера. Особливо спотыкается она на длинныхъ гекзаметрахъ —въ речитативѣ. Успѣхъ напередъ расчитанный и вѣрный! Кто же не порадуется, когда войдетъ въ общество, гдѣ собрались лучшіе старинные его друзья и пріятели?

Театральныхъ анекдотовъ во Франціи не оберешься. Разскажемъ пока одинъ, который показался намъ забавнѣе другихъ. Въ латинскомъ кварталѣ, въ Парижѣ, жили пѣвецъ и танцовщица. Онъ былъ безъ мѣста, она безъ ампліуа. Онъ пѣлъ немножко похуже, чѣмъ Брейтингъ, она дѣлала пируэтты не совсѣмъ такъ, какъ Тальони. Они жили въ одной гостинницѣ и питались надеждами на будущія блага. Пища постная, какъ вамъ извѣстно. Сперва они жили на разныхъ половинахъ, но когда узнали покороче свои таланты, то сошлись ближе и, для экономіи, взяли одну квартиру. Но и это сближеніе не помогло. Нужда заставляла ихъ быть черезъ чуръ расчетливыми, такъ, что танцовщица скоро стала дѣлать свои батманы какъ Баядерка, безъ башмаковъ, а пѣвецъ долженъ былъ продать послѣдній галстухъ, чтобъ выпсчить горло, стаканомъ гогельмогеля. Вдругъ они читаютъ въ одномъ листкѣ театральнаго Монитера слѣдующее объявленіе: «Для театра въ Кале требуется хорошій солистъ для балета, и примадонна — въ оперу. Желающіе могутъ явиться. Жалованья 10,000 франковъ и прогоны—на счетъ дирекціи.» Пѣвецъ вздохнулъ въ essмольномъ тонѣ, а танцовщица сдѣлала жете-ассамбле отъ досады. «Жаль, что у меня пѣтъ голоса,» сказала она. Пѣвецъ снова вздохнулъ—цѣлой руладой: «Да, и у меня ноги слишкомъ жидки для балета! Однако, вотъ что: поѣдемъ на всякій случай, авось либо... Двѣ недѣли спустя афиша Калескаго театра объявила: что въ *первый разъ*, г. Зефиринъ, танцоръ съ королевскаго Копенгагенскаго театра, будетъ танцовать pas de trois; а синьора Мелини, первая пѣвица съ театра della scala—будетъ пѣть арію Россини. Весь городъ всполошился. Театръ наполнился черезъ край. Дебютантовъ принимали съ восторгомъ. Правда, нѣкоторые замѣчали, что Зефиринъ, какъ мужчина, что-то слишкомъ субтиленъ и кокетливъ, а синьора Мелини поетъ немножко басовато. Но нашлись другіе, которые въ этомъ-то и полагали главныя ихъ достоинства. Вся публика единодушно апплодировала ронд-де-жамбамъ одного и низкимъ нотамъ другой, какъ небывалому, рѣдкому явленію. Послѣ спектакля дебютанты поѣхали домой, гдѣ у нихъ завязался слѣдующій разговоръ: Ну, что, какова моя выдумка? сказала пѣвица, скидавая женскій парикъ и корсетъ. «Отличная!» отвѣчалъ танцовщикъ, выбирая себѣ ситцовое платьице изъ сундука. Странное дѣло! въ женскихъ на меня вездѣ освистывали.»—А меня въ мужскихъ партіяхъ.—«Кто, что ниговори, а мужское платье придаетъ артисткѣ — много таланта!» Справедливо: все равно; какъ подъ женскимъ платьемъ, не такъ замѣтны фальшивыя ноты. Артисты продолжали восхищать публику въ Кале до тѣхъ поръ, пока богатый англійскій лордъ не похитилъ синьору Мелини со сцены, вѣроятно для Ковентгарденскаго театра; а богатая провинціяльная дама не увезла г. Зефирина въ деревню, въ танцмейстеры къ своему сыну! Sic itur ad astra. Но, passans le pas de Calais! т. е. переправимся чрезъ британскій каналъ.

АНГЛІЯ.

Недавно въ Лондонѣ давали драму Коцебу «*Примиреніе двухъ братьевъ.*» Къ концу драмы пожилая женщина встаетъ съ своего мѣста въ партерѣ, продирается между зрителей, къ толстому Англичанину, спокойно сидящему въ уголкѣ, останавливается передъ нимъ, глядитъ ему пристально въ глаза и послѣ короткаго молчанія говоритъ: «Есть ли въ тебѣ сердце?» Понимаю! отвѣчаетъ толстякъ, поднимается съ мѣста и начинаетъ обнимать старуху. Это братъ и сестра, которые вели между собою процессъ десять лѣтъ и потратили на адвокатовъ половину своего имѣнія. Публика отъ души аплодировала этой сценѣ въ партерѣ, и въ заключеніе запѣла: god save the King. Вотъ истинное торжество драматическаго писателя! Я думаю, прахъ Коцебу повернулся въ могилѣ отъ удовольствія. — Всѣ театры лондонскіе теперь готовятъ свои масляничные фарсы и пантомимы. Большія оперы и драмы отложены до времянки. Одна драма Эдуарда, Литтона Бульвера: «*Норманъ или Родовое право*», о которой мы говорили въ первой книжкѣ Пантеона, по прежнему сводитъ всѣхъ съ ума и даетъ огромные сборы. За неимѣніемъ *новѣйшихъ* новостей, мы сдѣлаемъ ей разборъ и представимъ нѣсколько сценъ въ переводѣ. Сперва поставимъ всѣ дѣйствующія лица на лицо, съ очеркомъ ихъ характеровъ и цѣлей. Тогда читателю понятнѣе будетъ и содержаніе піесы и языкъ каждаго лица: 1-е, *Лордъ Асдаль*, сынъ леди Арундель, и матушкинъ сынокъ. Онъ повѣса и мотъ. Любитъ лошадей, собакъ, хорошенькихъ женщинъ и въ особенности молодую Віолетту, пріемышь своей маменьки. 2-е, *Серъ Морицъ Беворъ*, дальній родственникъ леди Арундель, который, по закону, былъ бы наслѣдникомъ ея имѣнія, еслибъ у нея небыло дѣтей. Серъ Морицъ, жадный циникъ, старичишка, у котораго алчность поглощаетъ всѣ человѣческія чувства. 3-е, *Норманъ*, капитанъ военнаго корабля, молодой, отважный воинъ и красавецъ. Онъ настоящій герой романа, не знаетъ ни отца, ни матери, и влюбленъ въ молоденькую сироту, которой такъ-же не знаетъ, но которую онъ вырвалъ изъ рукъ морскихъ разбойниковъ. 4-е *Фалкнеръ*, другъ и товарищь Нормана. 5-е, *Онслов*, не знаменитый музыкантъ, а просто, деревенскій священникъ. 6-е, 7-е, 8-е и прочіе, гг. Госсенъ, Луке и другіе—пираты, морскіе, дѣйствительные—*разбойники*. Между женщинами въ пьесѣ играютъ главныя роли, во-первыхъ, леди Арундель, гордая, важная графиня, у которой голова составлена изъ чванства, а вмѣсто сердца—древній гербъ. Она видитъ столько ума въ возлюбленномъ своемъ сынкѣ, что въ немъ души не слышитъ. Во-вторыхъ, *Віолетта*; миленькое существо, знаете такое, какими бываютъ всѣ хорошенькія женщины въ 18 лѣтъ и *до замужства*, т. е. ангелъ земной, если на землѣ только водятся ангелы. Въ-третьихъ, *Прудепція*, служанка, во всей красѣ служаночной натуры. Дѣйствіе происходитъ на сѣверѣ Девоншира, въ царствованіе Елисаветы, и продолжается—классически—одинъ только день.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ. (*Театръ представляетъ морской берегъ; вдали виденъ замокъ Арундель. Корабль стоитъ на якорѣ, а у самаго берега ботикъ. Направо трактиръ. Дверь отворена и видно, какъ Фалкнеръ пируетъ съ матросами.* Госсенъ сидитъ на авансценѣ у столика.

Трактирщикъ, (*наливая Госсену вина*) Если это не лучшее вино съ Канарскихъ острововъ, то позволяю себя утопить въ сороковой бочкѣ. По вамъ, чай, скучно пить одному? Не хотите-ли присоединиться, вонъ къ той веселой братіи?

Госсенъ. Нѣтъ.

Трак. (*Въ сторону*). Грубоватъ, голубчикъ, нечего сказать. Если и расчеты его, такъ коротки, какъ отвѣты, такъ нечего бояться: онъ не умретъ въ долгу у трактирщика.

Госсенъ (*одинъ*). А Луке нѣтъ, какъ нѣтъ Серъ Морицъ вѣрно поторопился бы увидать стараго друга, если бъ зналъ, какія вѣсти я ему привезъ. (*Набиваетъ трубку*). Слава

Серъ Вальтеру Релейгу: онъ вывезъ намъ табакъ.... подлинно великій человѣкъ! (*Слышны веселые крики матросовъ въ трактирѣ*). Чертъ побери этихъ пьяницъ! Если бъ я зналъ, какихъ гостей угощаетъ этотъ толстый трактирщикъ, ужъ вѣрно не причалилъ бы къ здѣшнему берегу. Терпѣть не могу честныхъ людей! По какому праву они честны и мѣшаютъ ремеслу другихъ? — А, вотъ и Луке? Ну, что сказалъ старикъ?

Луке. Очень мало. Онъ самъ несетъ сюда отвѣтъ, вѣрно, изъ экономіи, чтобъ не платить за комиссію. Старый скряга! хоть бы тестонъ далъ за работу. Рожа у него точно вывѣска; такъ и написано крупными буквами: *не тронь кармана!*

Гос. А гдѣ *наши*?

Луке. Гуляютъ по городу, да наводятъ справки, какіе корабли идутъ въ море и съ какими значками. Лихой народъ.

Гос. Выбери изъ нихъ дюжину, самыхъ дюжихъ; если собраться въ лачужку, что возлѣ замка...Къ вечеру можетъ они мнѣ понадобятся. Эй! послушай, Луке! Если бъ ты надѣлалъ столько зла человѣку, что жизнь твоя стала бы ему дорога, что бы ты сдѣлалъ?

Луке. Выбралъ бы ночку потемнѣе, выждалъ бы его изъ за угла, да ужъ только и хлопоталъ бы объ томъ, чтобъ ножъ былъ острѣе.

Гос. Дѣло, братъ, дѣло... Теперь ступай (*Является Морицъ.*)

Серъ. Морицъ! Что это: ты ли? Жилъ Госсенъ! Дружище! Душа дубовикъ! Ну, какъ поживаешь? Вѣдь мы ужъ лѣтъ десятокъ съ тобой не видались! Я думалъ, что ты въ чужихъ земляхъ. (*Въ сторону*) Чтобъ тебѣ сгнить сквозь землю! А ты повзмѣнился... Что это: сабельныя царапины? Ну, ничего! Все къ лучшему! Ты отъ нихъ еще красивѣе, и страшнѣе! Настоящій морякъ!

Гос. Царапиной этой я обязанъ тому молодцу, котораго захватилъ, вамъ въ угоду.

Мор. Право! Воспоминаніе непріятное, конечно... Ну, да ужъ и ты ему вѣрно далъ знать...себя...чай подарилъ холста на саванъ... Хе! хе! хе! Славное платье—износу нѣтъ!

Гос. Нѣтъ, онъ увернулся. Онъ живъ. Вчера я его видѣлъ на день разстоянія отсюда. За тѣмъ-то я и пришелъ. Я открылъ его слѣдъ: онъ перемѣнилъ имя; теперь его зовутъ Норманъ. Кораблекъ свой завелъ, хорошее судно, — вонъ оно, — на якорѣ. Что? или это нѣсколько не развяжетъ вашего кошелька, Серъ Морицъ?

Мор. Ахъ, ты разбойникъ безсовѣстный! Не я ли отщиталъ тебѣ пять сотъ золотыхъ, да вѣдь какихъ! съ иголочки, а ты мнѣ въ награду пришелъ сказать, что онъ живъ! Хороша новость чертъ...

Гос. Стъ! (*Фалкнеръ съ матросами выходитъ изъ трактира*).

Фалкнеръ. Быть на готовѣ, ребята! Капитанъ сейчасъ явится.. онъ сказалъ, что будетъ въ этомъ часу. (*Госсену*) Эй! товарищъ! Ты кажется нашего поля ягода. Не хочешь ли плотка съ *королевской Элизы*, командуемой капитаномъ Норманомъ?

Гос. (*Въ сторону, Серу Морицу*), Норманомъ — слышите ль?

Мор. А вы служите у капитана Нормана, почтеннѣйшій? Скоро ли онъ сюда будетъ, мой почтеннѣйшій?

Фалк. Сейчасъ, *мой почтеннѣйшій*! Я его лейтенантъ,*почтеннѣйшій*! А вы, чертъ возьми, пьете за его здоровье!

Мор. Вотъ новое! А что мнѣ въ его здоровьи? въ мои лѣта за всякое здоровье не пьютъ. — Ну, Госсенъ, за мной! Разсказывай проворнѣй, все, что знаешь. Г. лейтенантъ, мое почтеніе! (*Оба уходятъ*).

Фалк. Добрый день, обоимъ!.... Чтобъ вамъ нелегкимъ вѣтромъ подуло! Кто отказывается пить безъ достаточной причины, по моему — человѣкъ подозрительный. (*Норманъ является*).

Матросы. Да здравствуетъ Капитанъ! Ура!

Норманъ. Благодарю, дѣти! Ваши радостные клики пріятнѣйшая музыка, которую я слышалъ съ тѣхъ поръ, какъ съ вами разстался. Всѣ ли дублоны истрачены?

Матросъ. Да чуть ли не такъ, Капитанъ.

Нор. Тѣмъ лучше! Легче будетъ итти на парусѣ. Ступайте въ городъ: избавьте меня отъ этихъ золотыхъ монетъ. Маршъ! За часъ до заката солнца — быть здѣсь. — Куда бы мнѣ дѣвать свое богатство, если бъ у меня не было этихъ удалыхъ головъ? Они спасаютъ меня отъ заботы копить деньги Ну, ты что подъѣзжаешь Фалкнеръ? Побывалъ ли дома?

Фалк. Увы! мой бѣдный старикъ, — благословенье надъ нимъ небесное! — узналъ бѣду и горе. Онъ работаетъ на чужомъ полѣ! Жатва плохая! Счастливъ я, что могу дать ему индійскаго золота, примолвя: «Сынъ твой, морякъ, пришелъ отогнать нищету отъ порога отцовскаго дома!»

Нор. Одинъ такой часъ, награда за трудъ цѣлой жизни. А твоя мать?.... Я не зналъ своей, но люблю, когда у человѣка глаза заплываютъ и лице мѣняется, при имени матери на устахъ. Благословила ли тебя мать?

Фалк. Да, но безъ словъ. Она благословила меня слезами, поднимая руки къ небу съ улыбкой, въ которой выражалась благодарность и молитва.

Нор. Другъ! Завидую твоему счастію.

Фалк. Довольно обо мнѣ. Что у васъ новаго? Видѣли ли вы свой западный цвѣтокъ-свою невѣсту, которую мы спасли съ отцомъ ея изъ рукъ Африканскаго разбойника?

Норм. Нѣтъ. Жаль, что не употребилъ лучше своей дѣятельности и времени. Отецъ ея умеръ. Чужой завладѣлъ ихъ домъ; а Віолетта живетъ недалеко отсюда у родственницы. Взгляни на древнія башни замка Арундель позлащенныя солнцемъ: сердце мое не обмануло, противъ нихъ мы бросили якорь. Но я не отступлю на лѣтъ стрѣлы отъ дороги ведущей къ моей Віолеттѣ, за всѣ земли, которыя я исходилъ! Болѣе: за лучшій корабль, который когда либо уносилъ побѣду по плещущимъ волнамъ.

Фалк. А нашли вы стараго священника, вашего воспитателя?

Норм. О, добрый старецъ! Прости меня. Любовь, кажется, поглощаетъ все мое существованіе. Съ тѣхъ поръ, какъ сошелъ на сушу, у меня не было мысли, мечты, надежды, которая бы не слилась съ моей страстью. Окажи мнѣ дружбу, Фалкнеръ! Отнеси это письмо къ доброму пастырю. Отсюда полчаса до его жилища. Скажи, что я приду къ нему еще нынче же вечеромъ, не то, завтра рано утромъ. Отнеси ему только добрыя вѣсти. Скажи ему, что я здоровъ, спѣшу и веселъ; прибавь, что каждый день,—(благочестивыя души насъ строго судятъ)—пусть же онъ знаетъ, что каждый день его питомецъ повторялъ святыя молитвы, которымъ научилъ онъ его младенческія уста, и каждый день призывалъ небесное благословеніе на сѣдины старца.

Фалк. Я выполню порученіе.

Норм. А я пойду къ Віолеттѣ.

Фалк. Послушайте: ваши матросы вѣрны, корабль подъ рукой.... если она скажетъ *да*, подымемъ парусъ, капитанъ, и въ море съ добычей! — Она богата?

Норм. Отецъ ея умеръ нищетѣ. Слава Богу, она не богата.

Фалк. Я восхищенъ! Если бъ у нея были земли и золото, вы, пожалуй, измѣнили бы морю.

Норм. Морю! Никогда! Даже для ея красоты не измѣнилъ бы. Славному морю, гдѣ Англія водрузила трезубецъ боговъ, гдѣ каждый вѣтерокъ привѣтствуетъ ея флаги, гдѣ нимфы Нептуна хоромъ славятъ безсмертное имя Англіи моей.... измѣнить морю!... Нѣтъ! Пусть корабль мой будетъ нашимъ домомъ, буйные вѣтры свадебнымъ гимномъ, звѣзды въ воздушныхъ чертогахъ нашими факлами!.... Прости, Фалкнеръ! (*Оба уходятъ въ разныя стороны.*)

Вторая сцена переноситъ насъ въ сады замка Арундель. Лордъ Асдаль толкуетъ своей матери объ охотѣ, о лошадяхъ и о ея питомицѣ, въ которую онъ успѣлъ влюбиться мимоходомъ. Какъ знатный баринъ, онъ полагаетъ, что дѣлаетъ большую честь бѣдной сиротѣ. Мать говоритъ, что это ребячество, шалости, что наслѣдникъ ея долженъ жениться не на бѣдной дворянкѣ, а по крайней мѣрѣ на принцессѣ крови. Віолетта съ своей стороны показываетъ совершенное равнодушіе къ нѣжностямъ Лорда, расточаемымъ ей совершенно безобидно противъ легавой собаки и шотландскаго скакуна. Тутъ является Морицъ Беворъ и объявляетъ графинѣ, что наслѣдство ея возлюбленнаго птенца находится въ опасности; что возвратился въ Англію молодой человѣкъ, который имѣлъ на это наслѣдство больше правъ, чѣмъ Лордъ Асдаль. Графиня смущена немножко, но объявляетъ Морицу, что молодому человѣку не извѣстно его происхожденіе, что тайну его рожденія знаетъ одинъ старый духовникъ, который далъ клятву не открывать ея. Всякій догадывается, что *неизвѣстный* молодой человѣкъ есть Норманъ. «Это правда, отвѣчаетъ ей Морицъ, но старикъ далъ клятву, хранить тайну только до смерти вашего отца и мужа:—они оба умерли!» Остается одна надежда, выманить у священника письменные документы; за это берется Морицъ, за добрую сумму денегъ, которую ему обѣщаетъ Графиня. Пока они поняли заключать свой торговый договоръ, а Лордъ Асдаль спуститъ зайца изъ садка, является Норманъ. Онъ застаетъ Віолетту одну. Свиданія любовниковъ во всѣхъ возможныхъ драмахъ, такъ похожи одно на другое, что• ихъ разсказывать не слѣдуетъ. Между тѣмъ Віолетта боится встрѣчи Нормана съ графиней, но Норманъ самъ ей представляется и принятъ благосклонно.

Дѣйствіе II. Норманъ не скрываетъ любви своей къ Віолеттѣ. Графиня рада. Она надѣется, что эта страсть спасетъ ее отъ Нормана, а сынка ея отъ глупости. Серъ Морицъ, такъ-же радъ. Онъ надѣется разжечь смертельную ненависть между Капитаномъ и Асдалемъ и тѣмъ избавиться отъ того или другаго, а вѣроятнѣе, отъ обоихъ. Норманъ чувствуетъ непреодолимое влеченіе къ графинѣ. Звукъ ея голоса, ея ласковое слово, — все идетъ прямо къ его сердцу. Онъ съ упоеніемъ разсказываетъ ей печальную повѣсть своей жизни.

Норманъ. До пятнадцати лѣтъ, жизнь моя протекала подъ мирнымъ кровомъ священника въ небольшой деревнѣ. Вдругъ во мнѣ пробуди-

лось неизъяснимое безпокойство: среди всѣхъ обилій природы, мнѣ чего-то недоставало. Я еще и самъ не зналъ чего. Однажды, вечеромъ, все было великолѣпно, тихо и чудесно на землѣ и въ водахъ; на звѣздномъ небѣ, все, казалось, говорило землѣ о любви... во мнѣ вдругъ пробудился какъ бы новый органъ чувства, который открывалъ мнѣ потребность сердца..... Трепещущимъ голосомъ я обратился къ священнику и спросилъ: отъ чего у меня нѣтъ матери?

Графиня. И онъ....

Норм. Онъ отвѣчалъ, со слезами, что происхожденіе мое благородно....

Граф. (*въ сторону.*) Измѣнникъ!

Норм. Что придетъ время, гдѣ онъ мнѣ все откроетъ. Слушая его, въ душѣ моей отзывались слабыя впечатлѣнія прошедшаго: я, какъ будто видѣлъ предъ собою блѣдный образъ, который поразилъ меня въ дѣтствѣ, образъ женщины, подернутый туманнымъ покровомъ: съ устъ ея лились слова ласки и любви, слова матери.

Граф. О сердце мое! Удержись!

Норм. Въ это время прибылъ въ нашу деревню морякъ, толстый и суровый, съ откровенностью и словоохотствомъ, которыя такъ нравятся дѣтямъ. У него было много разсказовъ о дальнихъ берегахъ Индіи. Я слушалъ его съ изумленіемъ и завистью. Наконецъ, слова его увлекли меня. Мнѣ казалось, что волны, омывавшія нашъ берегъ, съ веселымъ плескомъ звали меня къ себѣ. Слава Ралейга и чудеса *новаго свѣта* внушали тогда благородное рвеніе даже старцамъ; а молодежь ими увлекалась—и я—отплылъ съ моряком.

Граф. А передъ отъѣздомъ вашимъ... священникъ не поселилъ вамъ тайну вашего рожденія?

Норм. Нѣтъ. Онъ не хотѣлъ охладить моего пыла: «Ступай! сказалъ онъ мнѣ. Заслужи себѣ имя, которое бы возбудило зависть въ *гордости*, чтобъ нѣкогда *гордость*, нынѣ противъ тебя враждующая, могла признать тебя своимъ!»

Граф. (*въ сторону.*) Я отдыхаю.

Норм. О! Въ васъ прекрасная душа! Вы такъ благосклонно выслушиваете разсказы человѣка, вамъ совершенно чуждаго. Я вижу, какъ лице ваше блѣднѣетъ и опять покрывается румянцемъ.

Граф. Разсказъ вашъ такъ трогателенъ! Продолжайте,—прошу васъ.

Норм. Я довѣрился бездѣльнику! Когда мы взошли на корабль, которымъ онъ командовалъ, онъ приказалъ сковать меня и лишилъ свободы. Чрезъ нѣсколько дней мы вышли въ открытое море. Разбойникъ.... да! это былъ морской разбойникъ, команда его — пираты.... онъ позвалъ меня на палубу: «Дитя! сказалъ онъ мнѣ съ мрачной улыбкой, не проклинай меня. Я разрываю твои цѣпи: онѣ были сплетены изъ золота.... да, изъ золота твоихъ родителей!»

Граф. Ложь! Гнусная клевета!.... Повѣрьте: это ложь.

Норм. Я тоже думалъ. Кровь моя всколыхнула, я вырвалъ изъ рукъ его мечь, ударилъ имъ гнуснаго клеветника и онъ упалъ къ ногамъ моимъ. Весь экипажъ закричалъ въ изступленіи. Сотни ножей заблистали около моей одинокой головы. Но пиратъ приподнялся, удерживая одной рукой кровь, которая ручьемъ лилась изъ его головы: «Стойте! закричалъ онъ неистовымъ голосомъ: такая смерть для него слишкомъ сладостна! Придумаемъ другую!» Пираты схватили меня, привязали къ доскѣ, бросили въ море .... Я остался одинъ съ Богомъ... . Съ палубы слышался адскій хохотъ, а паруса ихъ заиграли съ вѣтромъ и скрылися вдали.

Віолетта О! я плачу.... И Богъ спасъ тебя!

Норм. День и ночь и еще день я носился по волнамъ, ближе къ смерти, чѣмъ къ жизни. Къ вечеру вѣтры утихли, небо распахнулось надо мной съ свѣтящими звѣздами. «Волны и вѣтры! Вы комнѣ сострадательные отцы и матери ..... произнесъ я невольно, шепотомъ, и горько запла-калъ.... Какъ! и вы плачете, Леди?

Граф. Я? О нѣтъ, нѣтъ!... Продолжайте!

Норм. Проснулся день. Первые лучи его озарили мнѣ вдали бѣлый парусъ....

Граф. Потомъ?...

Норм. Корабль прошелъ мимо, не замѣтивъ меня. Насталъ полдень. Меня мучили голодъ и жажда. Уста мои засохли. Я призывалъ смерть — тщетно! Я старался высвободить руки и ноги отъ веревокъ, которыя разбухли и узлами своими впились въ мое тѣло: мнѣ хотѣлось однимъ разомъ испить смерть въ кипучей влагѣ. — Напрасныя усилія! Тогда вдругъ глаза мои повстрѣчались съ кровожадными глазами морскаго чудовища... ужасная рыба слѣдила за мной подъ водою, какъ за корабленъ, съ котораго хочетъ похитить добычу. Чувство ужаса опять привязало меня къ жизни. Волосы мои стали дыбомъ, свѣтъ померкъ въ глазахъ, всѣ чувства мои онѣмѣли. Я впалъ въ мучительный сонъ, во время котораго чудовище все еще меня преслѣдовало своими влажными взорами... Наконецъ ...

Віолет. Продолжайте! продолжайте!

Норм. Наконецъ, я былъ пробужденъ. Около меня говорили на родномъ языкѣ, на мнѣ покоились сострадательные взоры.... Я лежалъ на палубѣ.... Я избѣжалъ мучительной смерти: десница Господня сохранила мой сонъ.

Віолет. Милый мой Норманъ!

Норм. Храбрый капитанъ, сподвижникъ Ралейга, командовалъ кораблемъ. Я служилъ и бился подъ его начальствомъ. Въ часъ кончины..... (Дай Богъ и мнѣ такую: онъ умеръ, какъ герой, подъ сѣнью побѣдоноснаго знамени!) въ часъ кончины онъ передалъ мнѣ въ наслѣдство нѣсколько мѣшковъ пистолей, фрегатъ и честное имя.... А ты, прелестная Віолетта! Ты знаешь лучшую черту изъ всей моей жизни!...

Граф. Вы не видали съ тѣхъ поръ священника?

Норм. Нѣтъ! Я только третьяго дня возвратился къ здѣшнимъ берегамъ. (*Подходя къ Віолетѣ.*) Эти взоры были моими звѣздами путеводными!

И Графиня и Віолетта глубоко тронуты разсказомъ Нормана. Но Графиня не упускаетъ изъ виду своего плана. Ссора между любимымъ ея сыномъ и Капитаномъ Норманомъ, ссора, которая не можетъ

иначе кончиться, какъ смертью одного изъ нихъ, еще болѣе утверждаетъ ее въ намѣреніи удалить Нормана.

Въ III дѣйствіи, Морицъ объявляетъ Графинѣ, что къ вечеру бумаги священника будутъ въ его рукахъ. Онъ скрылъ пирата Госсена въ старой часовнѣ, гдѣ священникъ назначилъ Норману свиданіе. Норманъ поспѣшаетъ еще во время, чтобъ принять послѣдній вздохъ пораженнаго старца, и бумаги, свидѣтельствующія, что онъ сынъ леди Арундель, плодъ первой любви ея къ молодому пажу, зарѣзанному, двадцать лѣтъ тому назадъ, Госсеномъ.

Дѣйствіе IV. Морицъ въ восторгѣ. Онъ близокъ къ цѣли адскихъ своихъ замысловъ. Норманъ долженъ тайно обвѣнчаться съ Віолеттой въ часовнѣ. Морицъ опять прячетъ Госсена съ ножемъ, чтобъ погибель Нормана была вѣрнѣе; онъ возбуждаетъ ревность Асдаля и совѣтуетъ ему отмстить сопернику за предпочтеніе Віолетты. Леди Арундель, напротивъ, старается укротить ревность и гордость своего сына. Въ это время ей докладываютъ, что Норманъ проситъ свиданія съ нею. Норманъ входитъ и кладетъ у дверей свой плащь и шляпу. Асдаль подмѣняетъ ихъ своей шляпой, своимъ плащемъ и спѣшитъ замѣнить Нормана у брачнаго алтаря. Норманъ требуетъ отъ Графини —имяни, имяни самаго драгоцѣннаго и сладостнаго: имяни *сына*. Эта сцена превосходна. Леди Арундель сперва отрекается отъ него, наконецъ чувство ее преодолѣваетъ и она признается Норману, что нѣкогда его любила совсѣмъ пыломъ материнскаго сердца, но когда вышла замужъ, и Богъ ей далъ другаго сына—она сосредоточила всю любовь свою на этомъ младенцѣ, котораго, не стыдясь, могла признать своимъ, которымъ могла гордиться. Въ первомъ порывѣ негодованія, Норманъ грозитъ созвать всѣхъ людей Графини и объявить имъ свои родовыя права, но сердце напоминаетъ ему, что предъ нимъ плачущая, беззащитная женщина, *мать*, и онъ отдаетъ Графинѣ свои бумаги. Леди Арундель тронута до глубины души, чувство въ ней восторжествовало, она кричитъ: *Сынъ мой! сынъ мой!* —Но сынъ ея уже далеко и не слышитъ сладостнаго звука, о которомъ мечталъ цѣлую жизнь.

Дѣйствіе V. Сердце леди Арундель разрывается на части, когда она узнаетъ объ опасности, угрожающей ея сыновьямъ. Она любитъ ихъ равно, и любитъ со всѣмъ пламенемъ страсти матери, подавленной на время въ душѣ ея безчеловѣчными чувствами честолюбія. Она бѣжитъ въ часовню. Лордъ Асдаль ведетъ уже Віолетту къ алтарю, которая, обманутая платьемъ, думаетъ, что слѣдуетъ за Норманомъ.

Пираты выходятъ изъ засады и кидаются на мнимаго Нормана. Крикъ ужаса и звукъ мечей раздается подъ сводами, но вдругъ вбѣгаетъ Норманъ съ своими людьми, спасаетъ Асдаля и убиваетъ Госсена. Но вотъ вся сцена озаряется факелами: вбѣгаетъ графиня, и въ порывѣ радости прижимаетъ дѣтей своихъ къ груди. Она торжественно провозглашаетъ Нормана своимъ сыномъ. Асдаль обнимаетъ своего изба-

вителя, какъ брата, и уступаетъ ему Віолетту. Въ эту торжественную минуту Морицъ входитъ въ часовню, чтобъ пожать плоды своихъ козней и приноситъ пирату деньги за убійство сыновей графини. Онъ пораженъ картиною, которую видитъ предъ собою. Осыпанный упреками благороднаго семейства, онъ уходитъ съ проклятіями и угрозами на устахъ и горько восклицаетъ: *Меня обокрали! Зарѣзали!*

Изъ этого краткаго изложенія всякій усмотритъ, что въ Бульверѣ, прекрасный драматическій талантъ зараженъ всѣми пороками современной драмы. Въ піесѣ его много теплоты; интересъ возрастаетъ до послѣдней сцены; характеры его смѣлы и рѣзко очерчены мыслью и чувствомъ; но въ сценировкѣ піесы, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ происшествій видны натяжки. Патріотизмъ его благороденъ: это не возгласы, мѣтящіе на историческія лица, и безъ того дорогія сердцу народа, не лесть современности, не самохвальство народное, которое г. Полевой такъ хорошо—назвалъ *кваснымъ патріотизмомъ* — у насъ, и которое въ Англіи можно бы переименовать въ *пивное* увлеченіе сердца. Нѣтъ! Патріотизмъ Бульвера состоитъ въ сознаніи силъ народныхъ, въ благородной гордости, основанной на любви къ отечеству и его доблестяхъ; энтузіазмъ Бульвера никогда не простирается за предѣлы искусства и сцены. Въ его созданіяхъ видна одна цѣль: *поэзія*. Многіе изъ критиковъ нападали на Бульвера за слишкомъ жестокій характеръ Графини; но такія нападки несправедливы. Мы въ природѣ можемъ отыскать примѣры гораздо разительнѣйшіе. И чтобъ не ходить далеко, укажемъ на мать французкаго поэта *Саважа*, которая гораздо жесточе обходилась съ своимъ сыномъ, не говоря уже о византійской Императрицѣ Ириніе, которая сына своего Константина отдала на жертву убійцъ, изъ властолюбія и о французской королевѣ Фредегонѣ, которая раздавила голову своей дочери—тяжелой крышей сундука—изъ зависти. Гордость, тщеславіе и страсть властвовать въ женскомъ сердцѣ развиваются съ такой же энергіи, какъ и любовь, и если они развились, то вѣрно подавятъ всѣ остальныя человѣческія чувства.

Италія

Представляетъ намъ на этотъ разъ очень мало любопытнаго. На оперы падежъ, а комедіи въ сухоткѣ. Доницетти вышелъ изъ моды: ему начинаютъ свистать на всѣхъ театрахъ. Въ *Феррарѣ* освистана его: *Ugo di Parigi; во Флоренціи*: Ajo nell imbarazzo; въ *Вичецѣ*: *Фауста*! Но вѣдь Доницетти не тотъ человѣкъ, чтобъ отъ этого пріунынть. У него еще дюжина оперъ на готовѣ: онъ и не бьется изъ аплодисмана, а мѣтитъ только на чистыя денежки, да какой нибудь августѣйшій подарочекъ. Его оперы похожи на взбитыя сливки, запеченныя съ сахаромъ: чуть дотронешься до нихъ критикой - онѣ пыль! Ужъ вотъ подлинно *легко* пишетъ, такъ легко, что почти ничего не остается. Посудите, до сихъ поръ лучшею его оперой почитается *Велисарій*, ну а Велисарія вы знаете по нашей сценѣ.

Между тѣмъ въ *Миланѣ*, другой современный композиторъ, Меркаданте, въ операхъ своей: Le due illustri rivali, произвелъ огромный эффектъ, только не музыкой, а забавной сценой, которая разыгралась невзначай. Синьора *Фецолини* вышла въ первый разъ въ Миланѣ въ этой операхъ. Публикѣ и безъ того уже не правились ужасныя длинноты оперы, а во время безконечнаго дуэта, между Фецолини и Терезой Брамбилла, она рѣшительно вышла изъ терпѣнія и жестоко начала свистать. Бѣдная дебютантка сконфузилась и до того расплакалась на сценѣ,

кто съ ней сдѣлалась истерика и занавѣсъ должны были опустить. Но публика, желая показать, что свистки ея относятся къ композитору, а не къ исполнителямъ, стала вызывать Фецолини — и товарищи вынесли ее на сцену—въ живописномъ *обморокѣ*. Не извѣстно, возвалъ ли аплодисманъ бѣдную артистку къ чувству, но извѣстно, что во второе представленіе, какъ дѣло дошло до роковаго дуэтта—публика крпчала ей: *фора*!

Въ *Мантуѣ* съ Меркаданте случилось другое несчастіе; тамъ опера его: *Elena da Feltre*, такъ сильно упала, что ее не могли и поднять на сценѣ. Она была слишкомъ тяжела для пѣвцевъ. Такому же бѣдствію подверглась въ *Римѣ* новая опера: «Furio Camillo.» Сочиненія Пачини.

За то *Генуа* увѣнчала своего молодаго композитора *Нини* полнымъ успѣхомъ за новую его оперу: *Жена маршала д'Анкръ* (La Marescialla d'Ancre), которой сюжетъ взятъ изъ прекрасной драмы Альфреда де Виньи. Почти каждому нумеру музыки апплодировали и маэстро вызвали, какъ у насъ г-жу Таліони, *десять* разъ къ ряду.

Драма въ Италіи была, для начала года, счастливѣе оперы.

Извѣстный въ Италіи драматическій писатель Риколини, сочинилъ для флорентинскаго театра драму: «*Розамунду*», которой содержаніе взято изъ исторіи Флоренціи. Она имѣла большой успѣхъ. Въ *Туринѣ* такъ же превозносятъ до небесъ драму Лоренца Санціонью, сдѣланную изъ біографіи знаменитаго ваятеля *Бенвенуто Челлини*. Но успѣхъ этой драмы былъ разный: въ то время, какъ Туринъ сходилъ отъ нея съ ума, Миланъ шикалъ ей безъ ума. Теперь піеса печатается и какъ выйдетъ въ свѣтъ, мы разберемъ все дѣло подробнѣе и скажемъ безпристрастно, кто правъ, кто виноватъ. — Театръ Венеціи принесъ своей публикѣ «*Жертву добраго имени*» Но справедливая публика весьма неблагосклонно приняла такую жертву и осудила автора этой драмы — ко всегдашней безвѣстности. Имя его осталось анонимомъ.

ГЕРМАНІЯ.

Вѣна. Здѣсь съ нетерпѣніемъ ждутъ новой оперы Конрадина Крейцера, подъ названіемъ: »*Два Фигаро*.«— Либретто передѣлано изъ давно избитой комедіи того же названія. Она ставится съ особеннымъ стараніемъ на Кёртнерторскомъ Театрѣ. Публика готовится слушать ее съ такимъ же страхомъ и надеждою, съ какими нѣкогда ожидала »*Генуэзку*» Линдпентнера. Вотъ до чего дошла музыкальная бѣдность въ Германіи. —»*Прогулка въ Сен-Сирѣ*,« г. г. либреттиста Бауэрфельда и композитора Дессауера была весьма неудачной прогулкой. Дорога, по которой катится музыка Дессауера давно избита и колеса самой музыки плохо смазаны: они скрыпятъ и вертятся на знакомыхъ мотивахъ. — *Штутгардъ*. Января 10-го, на здѣшнемъ театрѣ поднесли публикѣ въ первый разъ «*Послѣднюю бѣлугорозу*,» Н. Куранда. Эта пяти-актная трагедія имѣла огромнѣйшій успѣхъ — и на другихъ значительныхъ сценахъ Германіи, на которыхъ она явилась почти единовременно. Въ созданіи этой драмы много современности, глубокихъ идей, драматическаго интереса и движенія. Когда она будетъ напечатана, мы на прогулкѣ нашей захватимъ экземпляръ и дома, на досугѣ, разберемъ ее, какъ слѣдуетъ.

Въ *Лейпцигѣ* удалось намъ только собрать статистико-театральныя свѣдѣнія за прошлый 1839 годъ. Тамъ дано 360 представленій: 150 оперъ, 45 драмъ, 149 комедій и шутокъ, 39 водевилей и 5 балетовъ. Кромѣ того даны два музыкально — драматическіе вечера, два концерта скрипача Прюма, три представленія индійскихъ Баядерокъ и 2 акробатическихъ—Михаила Аверино. Изъ

новыхъ оперъ даны; *Гвидо и Жиневра*, *Престонскій пивоваръ*, *Курамо*, и *Озеро фей*. Впрочемъ все въ Лейпцигѣ обстояло благополучно.

Волфенбюттель. О, здѣсь происходятъ чудеса! Недавно давали на театрѣ *чрезвычайное* представленіе *Юдиѳи и Олоферна*, водевиля съ великолѣпнымъ спектаклемъ, передѣланнаго съ французскаго. Директоръ для *вящаго эффекта* вздумалъ сдѣлать важныя перемѣны противъ подлинника. Онъ напечаталъ въ афишѣ между прочимъ, что по сдѣланному имъ условію съ весьма талантливымъ фигурантомъ, представляющимъ Олоферна, прекрасная *Юдиѳь* дѣйствительно отрубитъ голову своему супругу и что эта, *въ самомъ дѣлѣ отрубленная голова* будетъ показана публикѣ на блюдѣ. Весь городъ бросился въ театръ: давка и сборъ были неслыханные. Спектакль шелъ, какъ слѣдуетъ. Всѣ молчали, съ нетерпѣніемъ ожидая кровавой развязки этой шутки. Наконецъ занавѣсъ поднялся въ третій разъ. Олофернъ спитъ въ креслахъ. Юдиѳь является съ предлиннымъ палашемъ, крадется къ нему.... ближе.... ближе.:.. заноситъ надъ нимъ палашъ... одинъ махъ и голова падаетъ въ мѣшокъ, который подставляетъ одинъ изъ сатраповъ. Пока все шло, какъ нельзя лучше. Публика была въ восторгѣ и удивленіи, дамы падали отъ ужаса. въ обморокъ, какъ слѣдуетъ. Наконецъ надлежало показать голову на блюдѣ. Сатрапъ подошелъ къ столу, покрытому желтымъ сукномъ, на которомъ стояло блюдо, покрылъ его мѣшкомъ, потрясъ его и — о чудо изъ чудесъ!—Голова лежала на блюдѣ.—Лице Олоферна было блѣдно, глаза вытаращены, ротъ разинутъ, волоса дыбомъ! - просто ужасъ! —Вдругъ мертвое лице сморщилось, мускулы задвигались судорожно, глаза зажмурились, ротъ разинулся больше—и.... мертвая голова—изо всѣй мочи чихнула. Публика изумилась, голова чихнула вторично, публика засмѣялась, голова — въ третій разъ! — въ партерѣ закричали: *здравія желаемъ!* Тогда голова стала отдѣляться отъ блюда и Олофернъ вылѣзъ изъ подъ стола въ костюмѣ послѣдняго покроя. Со всѣхъ сторонъ раздался апплодисманъ. Олофернъ подошелъ къ публикѣ, съ низкими поклонами, и сказалъ: извините милостивые государи и государыни! Я никакъ не могъ удержаться, чтобъ не чихнуть. Это дуракъ Брандъ, изъ зависти, что не ему дали играть Олоферна, — сыгралъ со мной такую штуку. Вотъ извольте посмотрѣть: онъ насыпалъ табаку на блюдо. Я человѣкъ порядочный: табаку не нюхаю, и трубки не курю, и въ трактирѣ не обѣдаю, это всѣмъ извѣстно. Извините, ради Бога, что случилось такое необыкновенное происшествіе!»

Громкій смѣхъ и безчисленныя *браво*, отвѣчали фигуранту Пьеса была повторена пять разъ и каждый разъ съ чиханьемъ. Директоръ въ восторгѣ! Онъ перевелъ фигуранта на амплуа комическихъ трагиковъ — и собираетъ обильную дань съ почтеннѣйшей публики, которая каждый день съ новымъ наслажденіемъ хохочетъ надъ ловкимъ фарсомъ.

Вы устали отъ путешествія, любезный читатель, я вижу. А намъ надо бы еще слѣтать въ Африку и заглянуть въ Азію. Но такъ и быть, пощажу васъ отъ дальней прогулки! У меня есть славная статейка объ *Египетскомъ Театрѣ* — князя *Люклера Мюскау* и вѣсточка о бородѣ Шекспировой *Леди Макбетъ* — въ Индіи. Подѣлюсь съ вами и тѣмъ и другимъ.

ПИСЬМО ИЗЪ АЛЕКСАНДРІИ.

Не могу выѣхать изъ Александріи, не сообщивъ вамъ извѣстія о двухъ ея театрахъ: о театрѣ французскихъ аматеровъ и италіянскихъ пѣвцовъ. Два года объ театральныя республики жили въ достаточномъ согласіи и хо-

тя были смежны, не вели между собою серіёзныхъ браней. Нужда съ одной стороны и недостатокъ въ хорошихъ артистахъ съ другой, поддерживали обоюдное согласіе и почти что дружбу. Одинъ и тотъ же оркестръ поочередно сопровождалъ ту и другую труппу, и нѣкоторые артисты были до того снисходительны, что участвовали даже въ репертуарахъ обоихъ театровъ. Но въ одно прекрасное утро вдругъ явился демонъ раздора и замахалъ своими змѣями между почтенными соперниками. Не знаю, какой важный вопросъ разъединилъ оба театра, но каждый изъ нихъ взбѣсился и пошла потѣха! Война открытая! Французы сжались около своего директора, а Италіянцы выбрали себѣ въ голову одного изъ своихъ товарищей, дюжаго малаго, весьма плохаго музыканта, но добряка и въ добавокъ кавалера Золотой шпоры. Его выбрали не только за сильное тѣлесное сопротивленіе, которымъ онъ могъ возражать дерзкому непріятелю, но и за греческій и латинскій языки, которыми онъ готовился засыпать врага, какъ картечью, если дѣло дойдетъ досудейской полемики. Первымъ слѣдствіемъ ссоры было то, что оркестъ *разстроился*, а пѣвицы подали голосъ къ аттакамъ.

Перепалки никто не могъ унять: обѣ стороны рѣшились биться до послѣдней полушки и побѣдить иль умереть!

Италіянецъ, котораго труппа не имѣла залы, рѣшился выстроить бокъ о бокъ съ своимъ соперникомъ великолѣпный театръ въ гигантскихъ размѣрахъ. Онъ открылъ подписку и воздвигъ свое зданіе, но — увы! къ несчастію, оно до сихъ поръ еще безъ крыши. Каждые три мѣсяца обѣщалъ онъ *первое представленіе*, и всегда къ сроку — открывалъ пустой ларецъ: казна его была истрачена. Французъ, имѣя порядочную залу, продолжалъ свои представленія и рыскалъ по городу и его окрестностямъ, чтобъ набрать полный комплектъ актеровъ. Нѣсколько молоденькихъ дѣвушекъ стали учиться по французски, чтобъ только явиться на помосты, аматеры — записывались въ актеры — одинъ, чтобъ щегольнуть романсомъ, другой, чтобъ блеснуть ливреею. Самородные музыканты стали появляться въ оркестрѣ. Навербовали даже арабовъ. Наконецъ, съ доброй волей съ одной стороны и снисходительностію съ другой, директоръ успѣлъ показать противнику, что онъ можетъ творить чудеса, если захочетъ. Но чрезъ полгода, не смотря на всѣ усилія своего директора, французскій театръ истощился и палъ,— но со славою: палъ побѣдителемъ. Теперь надо васъ познакомить покороче съ директорами. Если вамъ случится на александрійскихъ улицахъ встрѣтить небольшаго человѣка, съ смѣющейся физіогноміей, въ шляпѣ съ широкими полями, вы можете быть увѣрены, что это директоръ французскаго театра, воплощенный водевиль. Попробуйте промурлыкать какой нибудь оперный мотивъ, проходя мимо его. Онъ тотчасъ васъ остановитъ.—Вы, кажется, музыкантъ, если не ошибаюсь?—«Да, сударь, я пою такъ, кое-какъ, но я не артистъ.»—Шутите: вы слишкомъ скромны! Я подслушалъ въ вашемъ голосѣ двѣ, три нотки, чрезвычайно свѣженькія, и притомъ охень хорошую методу. Вы можете свести съ ума всѣхъ нашихъ дамъ. Сдѣлайте намъ честь, возьмите рольку въ новой нашей операхъ.—Отказывайтесь сколько угодно, представляйте резоны: дѣло, скорый отъѣздъ, семейныя заботы—ничто васъ не спасетъ. У него на все есть возраженія. Онъ ухватится за насъ обѣими руками и не выпуститъ изъ хищныхъ лапъ, до тѣхъ поръ, пока вы не дадите слова участвовать въ спектаклѣ — въ первую среду. Хотя онъ родомъ изъ страны тумановъ, но онъ изъ правовъ туманной дали сохранилъ только три вещи: любовь къ пиву, къ трубкѣ и голландской

рѣ любителей, гдѣ актерамъ не платятъ жалованья, ихъ можно приманить только лаской и лестью и всучить въ руки роль. Въ этомъ-то состоитъ величайшій талантъ нашего импрессаріо. Первое представленіе новой піесы для него день тріумфа. Сидя на высокомъ креслѣ, въ оркестрѣ, онъ палкою приводитъ все въ движеніе; оживляетъ вторую скрипку, придаетъ духу кларнету, умѣряетъ ревность тромбона, усиливаетъ барабанъ и придаетъ жизни контрбасу. Зная всѣ роли наизусть, онъ подсказываетъ реплики, если онѣ запаздываютъ, напѣваетъ первой любовницѣ куплеты, и глазами, голосомъ, кивкомъ головы ободряетъ актеровъ и музыкантовъ. А когда піеса кончена онъ встаетъ и откланивается съ гордымъ видомъ: глаза въ огнѣ, лобъ въ поту и грудь въ волненіи—о, тутъ онъ безподобенъ! Музыка его стихія, жизнь, душа. Всѣ карманы его набиты отрывками изъ партитуръ. Домъ его настоящая консерваторія: въ немъ скорѣй найдешь віолончель или рожокъ съ клапанами, чѣмъ стулъ, на которомъ бы можно было сѣсть. Вся мебель его завалена нотами, партиціями, піесами, и стать почти негдѣ, потому, что всѣ комнаты заставлены клавикордами, контрбасами, арфами и ихъ футлярами. Одного изъ сыновей своихъ онъ назвалъ Герольдомъ, въ честь Цампы. Другой умеръ недавно, въ то время какъ онъ распѣвалъ партію *Отца и дочери*. И чтоже! Повѣрите ли? У этого человѣка, повидимому, столь веселаго, безпечнаго, счастливаго, есть горе,—горе, которое, можетъ быть, сведетъ въ могилу: жена его *фальшивитъ*.—Но вотъ идетъ его соперникъ. Видите ли вы этого дороднаго мужчину, съ мрачнымъ видомъ, въ усахъ, какъ жандармъ, и всегда въ наполеоновской позиціи или съ одной рукой въ жилетѣ, или съ обѣими за спиной?—Намѣдни заѣзжіе иностранцы приняли его — этаго мирнаго директора совершенно спокойной труппы, — за бѣглаго заговорщика! Онъ не пристаетъ ни къ какой партіи: Французъ — съ Французами, а съ Италіянцами — Италіянецъ! И у него, какъ у его противника, есть тайное горе: онъ не надѣется, чтобъ ему поставили надгробный памятникъ! Онъ не женатъ, не отецъ, не гражданинъ, — какого же памятника можетъ онъ ожидать отъ потомства? Онъ чудится всѣхъ, всегда одинъ, всегда задумчивъ и брюзгливъ,— но безъ малѣйшей злобы. Онъ не играетъ на театрѣ, не поетъ, не дирижируетъ; иной разъ можно подумать, что онъ выбранъ въ директоры только для подписыванія бумагъ и повѣрки сборовъ. Если я когда нибудь узнаю, зачѣмъ онъ сдѣланъ директоромъ, то напишу второе письмо: причина такого выбора весьма любопытна. Сегодня я ѣду въ Капръ.

Пюклеръ Мюскау.

P. S. Кстати, разскажу вамъ забавный случай, послужившій сюжетомъ для водевиля въ египетскихъ нравахъ. Недавно въ Египетъ нарочно пріѣзжалъ богатый Англичанинъ за тѣмъ только, чтобъ послушать, какіе звуки издаетъ столбъ Мемнона. Онъ разсказалъ объ этомъ за столомъ въ трактирѣ, гдѣ остановился. Нѣсколько повѣсъ воспользовались случаемъ для шутки и поставили за памятникомъ музыканта, играющаго на гитарѣ. Англичанинъ былъ въ совершенномъ восторгѣ, когда услыхалъ отъ Мемнонова столба звуки, совершенно похожіе на пѣсню: *Малбругъ въ походъ поѣхалъ*. Онъ хочетъ написать объ этомъ въ своихъ путевыхъ запискахъ. А пока молодой французскій путешественникъ, Эвсебій де Ласаль скропалъ изъ этого случая водевиль, который въ Александріи разъигранъ съ большимъ успѣхомъ, но который англійскій консулъ на второе представленіе запретилъ.

Теперь индійскій анекдотъ. Въ Мадрасѣ недавно давали на театрѣ *Макбета*, въ которомъ роль Леди Макбетъ исполнялъ нѣкто Листей. Всѣмъ извѣстно, что въ жаркомъ климатѣ борода растетъ

непремѣнно скоро. У Аистея была самая густая, черная борода. Въ продолженіе первыхъ четырехъ актовъ, которые за чрезвычайнымъ жаромъ и духотою надо было раздѣлять большими антрактами, у Леди Макбетъ борода такъ ярко означилась, что ей передъ пятымъ актомъ непремѣнно должно было выбриться. Но за кулисами и въ уборной была такая тѣснота и давка, что Аистей велѣлъ себѣ вынесть столикъ на сцену и началъ бриться. Кто-то изъ актеровъ нечаянно задѣлъ звонокъ, а машинистъ, полагая, что это условный знакъ, въ ту жъ минуту поднялъ занавѣсъ. Къ удивленію всѣхъ фашіонаблей мадрасскихъ, Леди Макбетъ предстала ихъ взорамъ съ намыленной физіогноміей, занятая совсѣмъ не женскою частью туалета. Нельзя себѣ представить шума, смѣха и апплодисментовъ, которые произвела эта разительно комическая сцена!

Стой! Пора домой! Поговорить ли вамъ о чемъ нибудь новомъ, родномъ, русскомъ? Пожалуй, можно бы сказать многое: въ Петербургѣ есть новый балетъ: *Морской разбойникъ*—съ очаровательной Тальони; новая опера: *Престонскій пивоваръ*—Адана, съ удивительнымъ обиліемъ мотивовъ; новая драма: *Параша Сибирячка*—Полеваго, въ слезномъ родѣ; кукольный театръ Клейншнека—такъ-же съ чувствительными драмами; въ Москвѣ много готовятъ и пишутъ для театра: Г. Воскресенскій написалъ комедію: *Замоскворецкій философъ*; Г. Великопольскій оперу: *Честь и любовь*, для которой всѣ извѣстные русскіе композиторы сочиняютъ музыку; Г. Ленскій изготовилъ нѣсколько водевилей.... Но мы рѣшились обо всемъ дать подробный отчетъ въ третьей книжкѣ Пантеона—и такъ до свиданія.

Еще пару словъ. Въ первой книжкѣ Пантеона мы принесли вамъ извѣстіе изъ Константинополя, о тамошнемъ театрѣ. Одинъ очень добросовѣстный журналъ упрекаетъ насъ въ томъ, что это выдумка. Спѣшимъ выставить на улику отрывокъ изъ статьи *очевидца*, помѣщеный въ Одесскомъ Альманахѣ, на 1840 годъ:

Мѣсяца за два до моего пріѣзда, Армяне состроили противъ цирка Сулье родъ непокрытаго балагана съ мѣстами и ложами для зрителей, и даютъ тамъ по пятницамъ представленія на турецкомъ языкѣ, о которыхъ, также какъ и о представленіяхъ Сулье, извѣщается аффишами, прибитыми въ разныхъ мѣстахъ большой улицы Перы. Турецкая комедія, турецкій театръ — это должно быть что-нибудь любопытное: надо взглянуть! Вотъ въ одну изъ пятницъ я исполнилъ это намѣреніе вмѣстѣ съ нѣсколькими другими русскими, такъ же, какъ и я, заинтересованными аффишею. Пріѣзжаемъ, беремъ ложу, помѣщаемся. Народу собралось довольно. Мы сидѣли прямо противъ сцены; налѣво помѣщался на лавкахъ не-прекрасный, а справа, въ ложахъ за рѣшетками, прекрасный полъ. Прямо противъ насъ, у противоположной стѣны балагана, въ какой-то высокой будкѣ расположились два хора музыки, одна *soi-disante* европейская, другая турецкая. Представителями первой являлись турецкій барабанъ, двѣ скрипки, не измѣнявшія своей этимологіи, и флейта: они помѣщались въ самой глубинѣ. Турецкіе музыканты, родомъ жиды, согбенные подъ бременемъ огромныхъ сѣдыхъ бородъ, въ числѣ десяти человѣкъ, поджавши ноги сидѣли впереди. Передъ будкой, мѣсто усыпанное пескомъ, назначено было сценою представленія. Въ ожиданіи спектакля зрители курили табакъ и пили шербетъ и кофе, которые разносимы были желающимъ и во все продолженіе представленія. Здѣсь кстати можно замѣтить, что турецкій шербетъ есть то-же самое усладительное питье, которое въ Петербургѣ и Москвѣ квасники предлагаютъ прохожимъ, крича: «квасъ малиновой, медовой!»

Представленіе началось тѣмъ, что на сцену выбѣжало оборванцевъ съ десять въ дурацкихъ колпакахъ и какихъ-то глупыхъ халатахъ, которые стали присѣдать и коверкаться, каждый по своему, крича и шумя. Эта исторія, въ высшей степени скучная, продолжалась добрыхъ полчаса, при звукѣ дудокъ и бубенъ, раздирающихъ уши. Потомъ оборванцы ушли. Нѣсколько времени сцена оставалась пуста; но музыканты не переставали работать щеками и кулаками. Вдругъ вылѣзъ какой-то горбунъ, уродъ замѣчательный по малости роста, и сталъ смѣшить почтеннѣйшую публику разными кривляньями. Вмѣстѣ съ нимъ вышелъ на арену другой болванъ въ голубомъ халатѣ, который покривлялся, покривлялся, и убѣжалъ, потомъ воротился уже съ четырьмя или пятью мальчиками, одѣтыми въ длинное женское платье, съ длинными распущенными волосами, подбритыми у висковъ и затылка. Эти мальчики, или родъ мальчиковъ, я, право, не умѣю какъ ихъ назвать, хотя въ Турціи они имѣютъ собственное имя, начали ходить около горбуна, перескакивая съ ноги на ногу, а онъ бѣгаетъ за ними, кряхтя и махая руками. Говорятъ, что эта сцена, утомительная не менѣе предшествовавшей—насмѣшка, злая, острая сатира на нравы старыхъ Турокъ. Правда въ этомъ случаѣ извѣстна Аллаху; я не ручаюсь за вѣрность приведеннаго объясненія. Наконецъ кончилась и сцена съ мальчиками. Только одно путешественное любопытство привязывало насъ къ стульямъ: безъ того мы ни за что въ мірѣ не остались бы на полчаса. Послѣ каждой сцены мы утѣшали другъ друга, что авось слѣдующая будетъ поумнѣе. Черезъ четверть часа антракта, на сцену вынесли ширмы, вышли опять два оборванные болвана, и стали говорить и драться. Это началась собственно комедія. Какъ вамъ извѣстно уже, я понималъ по-турецки, и въ слѣдствіе этого напрягалъ слухъ, чтобы ловить турецкія остроты; но вѣтеръ былъ такъ силенъ во время этого діалога, что до меня долетали только немногіе, отрывистые звуки, изъ которыхъ я не могъ ничего понять. Между тѣмъ ближайшіе къ сценѣ иногда смѣялись, и всѣ вообще немогли довольно нарадоваться при каждой оплеухѣ, которыми актеры щедро надѣляли другъ друга. Черезъ нѣсколько времени къ этимъ актерамъ явился еще одинъ, переодѣтый женщиною, а тамъ четвертый, представлявшій какого-то эфенди, опять съ мальчикомъ. Между всѣми началась драма, по временамъ очень неблагопристойная мимически, а на словахъ вѣроятно и еще горшая. Въ-заключеніе прибѣжалъ еще болванъ въ волчьей шубѣ, и арлекинъ убилъ волка вѣеромъ. Потомъ всѣ актеры перессорились, переругались и передрались, къ величайшему удовольствію арителей, которые выразили его самымъ просвѣщеннымъ образомъ — апплодисманомъ. Турки апплодируютъ! Каково вамъ это кажется? О! Турки далеко пойдутъ! Но покуда еще драка есть необходимая развязка всякаго турецкаго драматическаго представленія. За этимъ европейскіе артисты начали представленіе на проволокѣ, и мы ушли, полумертвые отъ скуки и зѣванья.

ПЕРЕПИСКА БОГОВЪ.

ДЛЯ ПОЯСНЕНІЯ КАРТИНКИ

МАСКЕРАДЪ АПОЛЛОНА.

Милостивый государь!

Я живу на краю свѣта, т. е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ горизонтъ цѣлуется съ вѣчно юною землею, или, чтобъ выразиться прозаичнѣе и яснѣе, тамъ гдѣ кончается земля и начинается небо. Это послѣдняя ступень, которая ведетъ отъ жилища смертныхъ къ обиталищу боговъ, слѣдовательно, вы поймете, что я живу почти что въ предмѣстіи свѣтлаго Олимпа. Я служу чиновникомъ для особыхъ порученій въ канцеляріи Вулкана. Жалованье скудное, за то *отопленіе* и *освѣщеніе* даромъ. Въ тартарѣ дровъ много, а теперь даже заведена очень хорошая фабрика—стеариновыхъ свѣчей—по Каллетовой методѣ. Ходить мнѣ немножко далеко изъ Олимпа въ тартаръ, куда теперь перенесены всѣ присутственныя мѣста боговъ; ну, да что-же дѣлать: за всѣми угодьями не угоняешься. Къ тому же въ тартарѣ не было совершенно помѣщенія: проклятые грѣшники все заняли, такъ, что бѣдному чиновнику негдѣ и носа просунуть. Вулканъ меня жалуетъ, не столько за исправность, какъ за чистый почеркъ—въ англійскомъ вкусѣ. Почему я питаю сладостную надежду, въ продолженіе времяни, попасть въ собственные секретари его божества или по крайности въ столоначальники поциклоническимъ дѣламъ и подрядамъ. Мѣсто очень видное и приноситъ порядочные доходы, совершенно *законные*. Вы, можетъ быть спросите, какъ я попалъ сюда?—Я служилъ въ С. Пстербургѣ и за отличіе получилъ единовременную награду: двѣ тысячи рублей. Вотъ я и рѣшился употребить ихъ на образованіе души и мыслительной системы. Слыша, что знатные люди для этого ѣздятъ во Францію, я прикинулся больнымъ и выпросился за границу на теплыя воды. Ну, признаться, я и пилъ тамъ теплую воду—только съ ромомъ и коньякомъ и всегда послѣ этого слабѣлъ. Доктора увѣряли меня, что такъ быть должно, и что моя слабость происходитъ отъ излишней крѣпости напитка. Ну, прошу посудить, гдѣ же тутъ логика? Я побывалъ вездѣ и наконецъ даже пробрался въ городъ Парижъ. Славный городъ! Что домъ, то ресторація, и въ каждой по два, да по три бильіарда. Я то есть тамъ и дневалъ и ночевалъ — и никакое дѣло на умъ не шло. Но вотъ какая оказія мнѣ приключилась. Вамъ вѣрно извѣстно, что близъ Парижа профессоръ Бюло буравитъ какой-то *артезіанскій* колодезь. Говорятъ, что ужъ цѣлые три года сверлятъ, а воды все нѣтъ, какъ нѣтъ! Къ нему никого не подпускали, только сторожъ обѣщалъ пустить меня ночью, поглядѣть, какъ это тамъ. Мнѣ сказывали, что тамъ по ночамъ какіе то огни видны. Вотъ я прилегъ на землю и опустилъ голову въ отверзтіе. Смотрю: ничего не видать, я пониже нагнулся — все ничего, я ещепиже—да и

забылъ, что у меня голова тяжела. . . Вдругъ земля подомной осыпалась, голова перевѣсила ноги, и таки прямо туда въ жерло — бултыхъ! летѣлъ, летѣлъ — дна не видно, наконецъ съ разу ударился во что то мягкое. Когда я сталъ на ноги, лице мое было совершенно черно: я попалъ въ бочку съ мелкимъ углемъ. Я ощупалъ свой черепъ и нашелъ что по френологіи Галя, въ системѣ моихъ нравственныхъ способностей ничто не измѣнилось. Циклопы устремили на меня свои три изумленные глаза — и повели къ Вулкану, какъ чудо. Онъ осмотрѣлъ меня и хладнокровно рѣшилъ, это не чудо, а просто Арабъ. Я осмѣлился опровергнуть его мнѣніе моей родословною и прибавилъ, что я чиновникъ. «Отъ чего-же ты такъ черенъ?» Спросилъ онъ. Я отвѣчалъ: отъ сажи и угля, въ который упалъ Онъ усмѣхнулся и запѣлъ водевильный куплетъ:

Падай, только не марайся!
Все ты будешь человѣкъ!

Когда онъ узналъ, что я чиновникъ 9-го класса, онъ сейчасъ назначилъ мнѣ мѣсто, присвоенное сему чину, въ его собственной канцеляріи — съ порядочнымъ окладомъ и фунтомъ амврозіи и чаркою нектара — ежегоднаго награжденія. Теперь я живу припѣваючи и дивлюсь Французамъ, что они доселѣ все еще сверлятъ свой колодезь, не догадываясь, что провертѣли весь шаръ земной насквозь и отбили всю штукатурку въ кузницѣ Вулкана. Его божество поручаетъ мнѣ иногда свою частную переписку, которая очень интересна и назидательна. Копіи я всегда оставляю у себя. Недумайте, однакожъ, чтобъ я жилъ совершенно отчужденнымъ отъ міра. Нѣтъ! Я успѣлъ подружиться съ всесвѣтнымъ угодникомъ Меркуріемъ. Въ Олимпѣ всѣ его уже разгадали, онъ хвастунишка, высоко цѣнитъ свои заслуги и дешево берстъ за великую услугу, какого бы рода и свойства она ни была, но — онъ смѣшливый малой — и это его нѣсколько поддерживаетъ. У васъ онъ былъ бы лихимъ журналистомъ. Совѣсть у него не почемъ, а карманъ сѣдна, въ ней же пѣсть дна. Онъ большой охотникъ до современной литературы, особливо русской: она ему совершенно по сердцу. А знаете ли, отъ чего Аполлонъ любитъ засыпать послѣ обѣда подъ ея произведенія. Меня Меркурій очень жалуетъ, потому, что я самъ иногда, знаете, между дѣломъ, кропаю драмы и водевили, и все въ новомъ родѣ—такъ, что стихи мои почитаются небывалыми стихами—они совершенно подходятъ къ шероховатой прозѣ. Между нами будь сказано, я это дѣлаю просто отъ того, что не твердъ въ стихосложеніи, а дураки-то мнѣ вѣрятъ на слово, я будто изобрѣлъ новый размѣръ. Но драмы мои для Аполлона настоящее наркотическое средство и музы всѣ бѣгутъ вонъ, какъ только Меркурій развертываетъ мою тетрадь. Меркурій иногда посылается на землю, то съ депешами, то развѣдать что нибудь, или за чѣмъ нибудь инымъ. Онъ шатается между вами; но вы не можете его узнать, потому что онъ безпрестанно мѣняетъ виды. То является издателемъ книгъ, не умѣя самъ сочинять ихъ, то мѣняломъ, пользующимся перемѣнами курса, то богатымъ откупщикомъ, хвастающимъ залогами, которые не ему принадлежатъ, то акціонеромъ какой нибудь компаніи, то ученымъ, проповѣдующимъ чужія мысли и знанія, словомъ, онъ страшный промышленникъ и любитъ загребать жаръ чужими руками. Онъ то мнѣ и доставляетъ произведенія повѣйшей словесности. Намедни онъ принесъ мнѣ первую книжку Пантеона. Она произвела у насъ большой эффектъ, особливо Момусъ (который теперь служитъ въ важномъ званіи придворнаго шута при Юпитерѣ) и музы были ею очень довольны. Вотъ я и рѣшился безпокоить васъ моею покорнѣйшею просьбою. Не угодно ли вамъ помѣстить — въ Пантеонѣ — не драмы мои, нѣтъ, онѣ слишкомъ напитаны духомъ олимпійской національности, — а нѣсколько писемъ боговъ, которые у меня сохранились. Это будетъ и мнѣ и имъ очень пріятно.

ПИСЬМО I.

Вулканъ къ Діанѣ.

Не взыщи за грубый почеркъ: я пишу первымъ желѣзнымъ перомъ, ко-

торое самъ сдѣлалъ, собственно для того, чтобъ изливать имъ на бумагу мои нѣжныя чувства къ тебѣ, моя *лупоглицая серна*! (восточный слогъ). Плутонъ знаетъ, до чего дошли безмозглые люди: они рѣшительно стали хитрѣе насъ. Представь, я извелъ ужъ десять пудъ желѣза и не могу произвесть пера, лучше Англичанина Перри. Не даромъ же они говорятъ, что у нихъ желѣзный вѣкъ! Желѣзо теперь въ большой модѣ на землѣ! У нихъ есть желѣзныя воды, желѣзныя перья, желѣзныя дороги, желѣзные домы, желѣзные пароходы, желѣзныя пушки, желѣзные мосты, желѣзная воля, желѣзныя цѣпи и сердца желѣзныя! Теперь, разсказываетъ Меркурій, въ Сѣверной Америкѣ какой-то франтъ подпялся на аферу и хочетъ подняться на парахъ на воздухъ, чтобъ залетѣть къ намъ въ гости. Но это, вѣроятно, такъ же событочно, какъ росказни г. Гершеля, который будто бы въ трубу разсмотрѣлъ все твое царство и даже видѣлъ, какъ ты поутру снимаешь свой корсетъ, отправляясь на покой. — Ты не довольна своей участью и скучаешь. Да кто же нынѣ въ Олимпѣ и на землѣ доволенъ? Всѣ жалуются: тотъ, что его обнесли блюдомъ, тотъ, что обнесли клеветою, одинъ, что обошли чиномъ, другой, что обошли лѣнтомъ, завели, провели и вывѣли на чистую воду. Одинъ недоволенъ, что его книга разбирается—критикой, другой, что она не разбирается — публикой! Поди тутъ, угоди на всѣхъ. Вотъ и я, напримѣръ; дѣла у меня теперь пропасть: кую шины для желѣзныхъ дорогъ на весь олимпъ, не говоря уже о заказныхъ стрѣлахъ для Амура, вилахъ для Нептуна, и мечей для Марса. Я дивлюсь, что мои почтенные собратья совсѣмъ отстали отъ вѣка и не замѣнятъ всей этой утвари саблями, пиками и пистолетами, а между тѣмъ самъ недоволенъ вѣкомъ. Что это за вѣкъ! вѣкъ проворства и фокусъ-покусовъ! Воруютъ у бѣднаго Сатурна время, и того и гляди, пустятъ его совсѣмъ по міру съ пустою сумой. Время и пространство уничтожены, и что же остается людямъ? Пары, мечты, воздухъ, въ которомъ можно строить замки, и вода, которую можно переливать изъ пустаго въ порожнее. Вода впрочемъ играетъ весьма важную роль: она обращается въ пары, замѣняетъ всѣ, вина и всѣ лекарства, двигаетъ машины, наполняетъ сцены и драмы и идетъ на всѣческое употребленіе. Скоро люди выпьютъ всю воду, и если настанетъ свѣтопреставленіе, то вѣрно не отъ потопа, а отъ всесвѣтной водяной.

Въ моемъ домашнемъ бытувсе по старому. Предъ непогодою, чувствую ревматизмъ въ хромой ногѣ. Жена моя Венера отцвѣла, а все еще проказитъ по прежнему: отъ зеркала не оторвешь, кокетничаетъ, рядится, строитъ глазки и сводитъ всѣхъ съ ума. Она причиною многихъ страданій, а все ее любятъ.

Эскулапъ заразился новыми системами. Ты знаешь, сперва онъ всѣхъ кормилъ рвотными порошками, потомъ пѣдилъ кровь, за тѣмъ призывалъ во всѣхъ болѣзняхъ Меркурія, послѣ прописывалъ разныя пылинки, разведенныя въ сороковой бочкѣ воды, а теперь знать ничего не хочетъ, кромѣ одной воды. Онъ посылаетъ меня въ Грефенбергъ, лечить ноги у какого-то Пристница! Старикъ, кажется, совсѣмъ помѣшался! Аргосъ объ Грефенбергѣ! Толстякъ Бахусъ въ бѣшенствѣ отъ этого нововведенія. Намѣдни онъ прежарко посчитался съ Эскулапомъ и сказалъ ему, между прочимъ: «Любезнѣйшій докторъ! науку твою не должно называть ни *аллопатіею* ни *гомеопатіей*, самое приличное ей, названіе есть новѣйшее *гидропатія*, ибо, едва отрубятъ у одной медицинской системы или универсальнаго средства — голову, смотришь, тотчасъ выростаетъ другая, какъ у Гидры. Надъ этимъ рехохотался Моммусъ и мы всѣ поражали веселому богу! Онъ теперь въ большой фаворѣ при дворѣ, Юпитера и когда онъ разѣваетъ ротъ, чтобы зѣвнуть отъ скуки, всѣ уже хохочутъ, полагая, что это острота.

Обѣщанныя стрѣлы я тебѣ изготовлю немедленно. Теперь пока кую новомодныя стрѣлы для Амура: онѣ вызолочены и безъ крючковъ, чтобы всякій, по обстоятельствамъ, могъ ихъ выдернуть изъ сердца безъ всякаго вред-

наго послѣдствія. Остаюсь до вѣчности твой вѣрнѣйшій другъ и обожатель.

Вулканъ.

ПИСЬМО II.

Діана къ Вулкану.

Ты не повѣришь, любезнѣйшій Вулканъ, какая скука теперь въ Олимпѣ. Всѣ боги стали ни на что не похожи. Куда дѣвалась ихъ важность, степенность и первобытная мощь? Это ли боги древнихъ Грековъ и Римлянъ? Они столько же похожи на нихъ, какъ новогреческій языкъ похожъ на древній эллинскій, которому теперь одни люди обучаютъ дѣтей своихъ, такъ, просто *для красы*. Весь свѣтъ перевернулся: не люди стараются походить на боговъ, но боги перенимаютъ у людей! А богини.... это просто, срамъ!.... Собираются только за тѣмъ, чтобъ посплетничать, да позлословить; и ужъ тутъ разумѣется музы — первыя! Онѣ всегда слыли выскочками. Братъ мой, Аполлонъ совсѣмъ помѣшался на литературныхъ обѣдахъ, и безъ пировъ и попоекъ, никому не отпускаетъ ни вдохновенія, ни-удачи. Притомъ онъ только покровительствуетъ сильной рукѣ, а на голову не обращаетъ вниманія. Онъ до того увлекся новизной, что бросилъ свою огненную колесницу въ сарай, а самъ ѣздитъ теперь въ Вѣнской одноколкѣ съ колесами, вызолоченными сусальнымъ золотомъ; а глупые люди думаютъ, что это солнце и дивятся, отъ чего теперь такъ стало холодно во всей Европѣ! Притомъ онъ жалуется на хандру и мигрени и потому окружилъ себя дѣтьми Эскулапа, все нѣмцами, которыхъ, какъ придворныхъ своихъ фельдшеровъ, учитъ дѣлать пластыри, пилюли и водяники изъ поэзіи. Отъ того теперь всѣ нѣмецкіе доктора поэты — они фантазируютъ; а всѣ поэты — доктора: они морятъ со смѣху. Они такъ *размазываютъ* смыслъ, *катаютъ* стихи и *толкутъ* рифмы, что изъ всѣхъ ихъ произведеній выходитъ совершенно *размазанная, округленная безтолочь!* Я думаю, что братецъ мой — просто привередничаетъ и хандритъ отъ того, что только играетъ въ бостонъ и вистъ, а не занимается своимъ дѣломъ и совсѣмъ не смотритъ за музами, которыя ведутъ себя весьма неприлично. Представь себѣ, въ театръ Аполлонъ совсѣмъ не ходитъ, говоритъ, что тамъ теперь выводятъ только разныхъ животныхъ на сцену, передразниваютъ живыхъ людей, и даютъ чувствительныя драмы съ разными пѣснями и возгласами, только совсѣмъ не относящимися къ Аполлону, а древнихъ героевъ и полубоговъ, мелкій родъ человѣческій рѣшительно, согналъ съ театра, и вмѣсто гимновъ вдохновенныхъ поетъ одни водевильные куплеты, нанизанные на живую нитку. Аполлонъ теперь приказалъ, въ знакъ своей не милости, на всѣхъ фронтопахъ театральныхъ оборотить свою колесницу задомъ къ сценѣ и представить себя скачущимъ вонъ изъ театра. Управленіе-же театральнымъ вѣдомствомъ онъ поручилъ Терпсихорѣ, потому, что она легче другихъ на ногу. Она теперь предприняла совершенное преобразованіе сцены: накупила атласу, бархату, парчи, красокъ, досокъ и сусальнаго золота и хочетъ изъ всего этого составлять балеты. Балетъ, говорятъ, у смертныхъ теперь въ такомъ уваженіи, что даже оперные пѣвцы и трагики — танцуютъ на сценѣ, а смѣтливые писатели заставляютъ актеровъ разыгрывать пантомимные балеты въ драмахъ, ни на что не взирая, хотя бы дѣйствіе происходило въ снѣгахъ Сибири, или болотахъ Финскихъ. Какъ это ловко и умно! Актеру или актрисѣ легче помахать руками подъ музыку, чѣмъ автору имѣть талантъ и создать сильную сцену. Въ академическія засѣданія Аполлонъ ѣздитъ только послѣ обѣда, когда ему хочется поспать уснуть, или когда понадобится свѣрить счеты казначея. Онъ старается, чтобъ члены

всѣхъ олимпійскихъ академій были люди знатные, потому, что это виднѣе, люди старые, потому, что они смирнѣе, и люди бездарные, потому, что они придадутъ своему званію больше важности. Ахъ, кстати, знаешь ли ты, что Граціи въ опалѣ, имъ строго запрещено являться въ свѣтъ и къ нимъ допускаютъ только одну Маріо Таліони.

Аполлонъ очень скучаетъ; ни одинъ поэтъ не заглядываетъ болѣе на Парнасъ; они всѣ приносятъ жертвы журналистамъ, которые, говорятъ, платятъ за каждый стихъ, не требуя мысли и вдохновенія. Съ досады, Аполлонъ задалъ маскерадъ, гдѣ рѣшился потѣшиться на славу.

Ты не былъ на этомъ блестящемъ маскерадѣ, въ которомъ участвовали жители Олимпа; но вѣроятно любопытствуешь узнать всѣ его подробности? Изволь, мой другъ, я разскажу тебѣ все и опишу главныя маски. Самъ хозяинъ представлялъ молодаго танцмейстера въ модной прическѣ и съ лирою въ рукахъ. Вѣроятно, онъ воображаетъ, что истинная поэзія нынѣ существуетъ только въ ногахъ, а не въ душѣ и головѣ. Всѣ музы явились въ современныхъ своихъ костюмахъ и безъ масокъ. *Мельпомена*, въ видѣ разбойника, вооруженная пиками, саблями, ружьями, кинжаломъ и пистолетами—неистовствовала, подымалась на разныя фарсы и вопіяла *гласомъ веліемъ!* Этотъ костюмъ, самый модный въ новѣйшей драмѣ, произвелъ большой эффектъ на парнасскомъ маскерадѣ. *Полигимнія*, важная муза краснорѣчія, принесла все свое богатство, которое состоитъ изъ связки книгъ Демосѳена, Цицерона и другихъ:—и всѣмъ навязывала ихъ въ самыхъ красивыхъ выраженіяхъ, но ей отвѣчали, что этаго старья никому теперь и не надо, потому, что въ настоящее время изобрѣтено другоекраснорѣчіе, которое гораздо блистательнѣе и звучнѣе древняго—*золото*! Вообще эта муза, отъ старости, стала какъ-то походить на букениста. *Эрато*, одѣтая по русски, съ большимъ успѣхомъ пѣла все одну и ту же пѣсню: *Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ!*—*Эвтерпа*, мать музыки, играла нѣсколько эфектныхъ пьесъ изъ новѣйшихъ оперъ на волторнѣ, тромбонахъ, литаврахъ и колокольчикахъ. Многіе заткнули уши, чтобъ не оглохнуть отъ стука и грома ея инструментовъ и мотивовъ, но она увѣряла, что на землѣ такуюмузыку очень любятъ, и что это самыя блистательныя мѣста изъ Беллини, Россини, Пачини и многихъ иныхъ. *Кліо*, мать исторіи, просто насъ всѣхъ пристыдила. Во-первыхъ, она явилась въ такомъ затасканномъ капотишкѣ и черномъ чепцѣ, что мы всѣ ахнули; а во-вторыхъ, приклещивъ на кончикъ носа свои огромныя очки, съ разбитыми стеклами, она изволила забавляться дѣтскою игрушкою и принесла на показъ новѣйшіе труды свои, цѣлую груду историческихъ повѣстей, романовъ и сказокъ. Отъ глубокой старости—она, кажется, переходитъ къ младенчеству, и хочетъ должность свою передать Мельпоменѣ, которая такъ и теребятъ и тормошитъ ее.—*Талія*, со смерти истинныхъ сыновъ своихъ Мольера, Бомарше, Иффланда, Фонъ-Визина и Грибоѣдова, совсѣмъ почти не занимается побочными дѣтьми; она впала въ такую пошлость, что просто срамъ, поднимается на разныя штуки, чтобъ только подняться на ноги. Представь себѣ, узнавъ, что въ маскерадѣ приглашены многіе изъ смертныхъ любимцевъ музъ, она принесла съ собою кадушку съ водой. Въ ней плескались разные животрепещущіеся уродцы, которыя она называла *водевильными остротами* и множество масокъ съ извѣстныхъ лицъ. Она, какъ торговка, навязывала ихъ всѣмъ и каждому, увѣряя, что есть сцены, гдѣ такія геніяльныя произведенія съ руками оторвутъ. Неужели это можетъ быть въ

самомъ дѣлѣ? Мнѣ что то плохо вѣрится. Правда, сказывали мнѣ, что и меня на театрахъ передразниваютъ, вставляя въ стеклянный пузырь — сальную свѣчку. Хоть я не охотница до личностей, но это еще простительно, потому, что безъ меня нельзя же представить ночи, иначе никто неувидитъ, какъ и піеса пройдетъ.—Но Момусъ сыгралъ съ Талісй презабавную шутку. Не знаю, гдѣ онъ подсмотрѣлъ земныхъ водевилистовъ, и одѣлся точно, какъ они: въ полуфрачекъ, съ отложнымъ воротничкомъ, взялъ подъ мышку Французскій Словарь, а въ руку нѣсколько грамматикъ и корзиночку для закупки сюжетовъ. Въэтомъ нарядѣ онъ прошелъ мимо музы комедіи и мистификація совершенно удалась. Она тотчасъ узнала въ немъ сценическую знаменитость, подозвала къ себѣ — и пошла писать. Всѣ хохотали до упаду. Наконецъ Момусъ преналвно спросилъ у нея; какъ сдѣлать, чтобъ каждая піеса имѣла огромный успѣхъ? — На это Талія отвѣчала:

Во первыхъ насажать въ партеръ друзей своихъ,
Второе — фарсами привлечь глупцовъ вниманье,
Потомъ двусмысленность вплетайте въ каждый стихъ,
Есть много средствъ еще.....
Но смыслъ и дарованье
Есть первое изъ нихъ! —

прибавилъ мимоходомъ Апполонъ. Всѣ померли со смѣху. — *Терпсихора*, желая блеснуть какой-то странной современностью, принесла съ собою самопрялку, поставила се въ тѣни и начала на ней выдѣлывать па. Граціямъ это не понравилось. Но имъ вѣдь все не нравится; я ужъ сказывала, что онѣ въ опалѣ. — *Урапія*, муза астрономіи, была наряжена во фракъ, ловила на тарелку падающія звѣзды — и налѣпляла ихъ себѣ на грудь. Она этимъ хотѣла показать, что не всегда нужно *хватать звѣзды съ неба*, для того, чтобъ подбирать ихъ на землѣ. Между прочимъ гостями, были приглашены многія извѣстныя лица изъ драмъ, оперъ и комедій. *Роберъ*, довольно полный, кругломицый мужчина явился въ женскомъ тюникѣ. Онъ не дурно поетъ и въ тоже время прекрасно танцуетъ качучу съ кастаньетами. Насценѣ, говорятъ, это имѣетъ особенную прелесть. *Веселый Фигаро*, хотѣлъ насъ потѣшить аріей, сложенной на его *свадьбу*—Моцартомъ, но вмѣсто того только напугалъ. Сначала онъ запѣлъ, какъ слѣдуетъ, потомъ вдругъ занкнулся, поблѣднѣлъ и упалъ за-мертво на полъ. Всѣ его окружили, Эскулапъ освидѣтельствовалъ и нашелъ, что несчастной подавился высокой нотой. Проклятая *соль* остановилась у него въ горлѣ. Ссйчасъ его вынесли изъ залы, были даны всѣ нужныя пособія *поэтами — докторами*; они даже сдѣлали ему операцію критическимъ ланцетомъ,.... но, увы! все не помогло! Бѣдный Фигаро Моцарта — умеръ во цвѣтѣ лѣтъ! — *Ромео* и *Юліи* танцовали вдвоемъ — очень скучный минуэтъ подъ собственное пѣніе. Но *Юліи* отъ ужасныхъ усилій приключился обморокъ, и если бъ маленькій Ромео не поддержалъ ея, она совсѣмъ бы упала со всего размаха. — Бѣдный *Гамлетъ*, неспособный ни къ какимъ шуткамъ, ходилъ одинокій по залѣ. Вдругъ вбѣгаетъ толпа водевильныхъ фарсовъ, прыгаетъ, кривляется, поетъ и свищетъ и подшибаетъ бѣднаго *Гамлета* подъ ногп. Всѣ захохотали. «*Вотъ участь прекраснаго на землѣ!*» любезный Вулканъ. По счастію, для *Гамлета* нашлась между фарсами благодѣтельная душа: это молодая женщина, съ быстрымп глазками, которая была въ мундирѣ и ботфортахъ и называла себя *полковникомъ старыхъ временъ*. Она подала руку Гамлету и его поддерживала, пока онъ совсѣмъ сошелъ со сцены бала. — Безъ нея, Гамлетъ бы пропалъ, на пиру музъ, не смотря на то, что онъ первый сынъ Шекспира. Одинъ *Францъ Моръ*, въ костюмѣ московскаго трактирщика былъ всѣми уваженъ; онъ разносилъ бисквиты и строилъ куры *Медеѣ*, которая змѣйчатыя свои кудри за-

вила по модѣ и одѣлась истинной Флорой. *Король Лиръ* такъ же уцѣлѣлъ отъ всеобщей суматохи. Сумасшедшій старикъ преспокойно отправился въ оркестръ, играть первую скрыпку. Оркестромъ дирижировала *Слава*, которая, какъ тебѣ извѣстно ужъ продула свою труба. На мѣсто ея она запаслась теперь англійскимъ рожкамъ и говоритъ, что для смертныхъ честолюбцевъ и этаго довольно. *Орфей* нашелъ, что прежняя лира не выражала всѣхъ тонкостей музыки, что ею можно было подвигать сердца боговъ, людей и овецъ — во времена оны, но нынѣ нуженъ для этаго инструментъ подѣйствительнѣй, и потому онъ выбралъ — *контр-басъ*, на которомъ дебютировалъ съ чувствомъ, съ толкомъ и разстановкою. Всѣ веселились по своему и можно бы сказать, что всеобщая веселость господствовала на этомъ праздникѣ, еслибъ, кромѣ смерти Фигаро, не приключилось еще одной непріятной исторіи. *Богиня памяти* вошла въ залу очень скромно и пробиралась въ толпѣ, какъ вдругъ на нее кинулись всѣ актеры, осыпали упреками и говорили, что она причиною тому, что они никогда незнаютъ ролей. Она ссылалась на ихъ собственную нерадивость, но разъяренные театральные герои и слуги, не принимали оправданій и выгнали бѣдняжку изъ залы. Что касается до меня, я скучала въ этомъ маскерадѣ. Блескъ газоваго освѣщенія совершенно затмилъ мои прелести. Мнѣ хотѣлось выйти погулять по широкому раздолью голубаго неба; поглядѣться въ зеркальный океанъ, поплакать моимъ серебристыми лучами надъ землею и уныло пригорюниться. Но ужъ было поздно: брату моему закладывали одноколку. Душа моя стѣснилась; въ залѣ было такъ душно: тамъ я видѣла, какъ отдавали величайшую почесть Мидасу, который, подявъ свои ослиныя уши, важно толковалъ о политикѣ, какъ всѣ гонялись за фортуной, чтобъ поймать нѣсколько золотыхъ блестокъ, которыя осыпались съ ея платья какъ всѣ ползали передъ Ураніей, чтобъ выпросить себѣ хотя одну звѣздочку; какъ Амуръ сердцами игралъ въ бабки... все это нагоняло на меня меланхолію! Я, можетъ быть, и раньше ушла бы съ бала, но боялась, что на звѣздной мостовой меня увидитъ какой нибудь безсонный пѣшта и пуститъ стихами. А ты знаешь, каковы бываютъ такія посланія *къ лунѣ*. Журналисты ихъ не принимаютъ въ свои книжки, когда избавитъ Юпитеръ отъ нихъ каждую честную богиню! — Прощай, мой милый хромецъ. Скоро ль мы съ тобой увидимся?

Твоя вѣрная и много тебя уважающая:
Геката, Прозерпина, Селена, Луна-*Діана*.

Доставляя вамъ *сіи*... (извините у насъ *это* слово еще не вышло изъ употребленія!) сіи письма въ подлинникахъ, прошу ихъ помѣстить въ вашемъ Пантеонѣ. Если позволите, я буду и впередъ доставлять вамъ статьи о здѣшнихъ нравахъ, обычаяхъ и усовершенствованіяхъ, равно какъ и о спектаклях на здѣшнихъ сценахъ. Они очень интересны. Недавно, напримѣръ, у насъ дана *драматическая быль*, подъ названіемъ: *Бѣглянка изъ странъ Гиперборейскихъ!* Она переведена на нашъ языкъ съ Польскаго съ нѣкоторыми измѣненіями и потому названа *оригинальною*. Она имѣла огромный успѣхъ на театрѣ въ тартарѣ. Если угодно, я пришлю вамъ къ слѣдующей книжкѣ подробный ея разборъ съ подлинникомъ. Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и таковой же преданности, честь имѣю быть —

вашимъ покорнымъ слугою.
Пократій Кулачекъ.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Редакторъ **ѲЕДОРЪ КОНИ.**

Маскерадъ Апполона.

1. Кліо 2. Талія. 3. Драматическій писатель. 4. Амуръ. 5. Францъ Моръ. 6. Медея. 7. Апполонъ 8. Эрато. 9 и 10. Ромео и Юлія. 11. Робертъ. 12. Гамлетъ 13. Полковникъ старыхъ временъ. 14. Мельпомена. 15. Эвтерпа 16. Уранія. 17. Терпсихора. 18. Король Ларъ 20. Слава 19. 22. 23. Музыкальные Геніи. 21. Орфей. 24. Полигимнія. 25. Фигаро Моцарта. 26. Калліона.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

ПАНТЕОНА РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

Въ 8 N Сѣверной пчелы г. Ѳ. Б. весьма благонамѣренно принялъ подъ защиту свою новое изданіе книгопродавца Полякова, подъ названіемъ *Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ*, которое, еще прежде появленія его въ свѣтъ, Сынъ Отечества, осыпалъ всѣми возможными предположеніями и предсказаніями. Не будемъ изслѣдовать источника всѣхъ этихъ выходокъ, не станемъ даже разсуждать, до какой степени подобныя прорицанія дозволены въ благонамѣренной литературѣ, а обратимся только къ статьѣ г. Ѳ. Б., которая послужила поводомъ къ теперешнему объясненію. Въ статьѣ этой, между прочимъ, излагается мысль, родившаяся у многихъ, что *Пантеонъ* предпринятъ съ тѣмъ, чтобы *подорвать* Репертуаръ Русскаго Театра, издаваемый Песоцкимъ. Странная мысль! Что это значитъ: предпринять дорогое, обширное и полезное изданіе на подрывъ другому? Ужели найдутся люди, которые рѣшились бы пожертвовать капиталомъ, временемъ, трудомъ и заботами, для того только, чтобъ уронить своего соперника? — Сомнительно. Но если бъ они даже нашлись, чѣмъ могутъ они подорвать уже существующее изданіе? Изяществомъ, роскошью, лучшимъ выборомъ статей, ихъ достоинствомъ, извѣстностію участвующихъ, обширнѣйшимъ планомъ изданія и наконецъ *дешевизною*. Но развѣ за это можно порицать? Развѣ это преступленіе! Дай, Богъ побольше подобныхъ состязаній! Пускай всѣ русскія изданія такъ подрываютъ другъ друга: тутъ видна одна благородная цѣль: — *стремленіе къ лучшему* и одинъ только вредъ *частный*, — вознаграждаемый за то общею пользою. Интересы частныхъ лицъ не должны быть допускаемы въ дѣло Литературы, гдѣ всякая монополія — вредна и непозволительна. Пускай хорошее подрываетъ посредственное, а превосходное хорошее и т. д. Послѣ этого каждое явленіе литературное подрываетъ другое. Библіотека для Чтенія стала издаваться послѣ Сына Отечества, стало быть, она его подрывала, а ее въ свою очередь подрываютъ Отечественныя Записки, потому, что онѣ послѣ нея стала выходить въ свѣтъ. Сперва историческіе романы писалъ Булгаринъ, потомъ началъ писать Загоскинъ, за нимъ Полевой, а наконецъ Лажечниковъ, выходитъ, что каждый изъ нихъ подрывалъ другаго, послѣдующій — предъидущаго? А Смирдинъ своимъ изданіемъ Ста Русскихъ Литераторовъ — по такой логикѣ — подрываетъ всю Русскую литературу. Да этакъ не надо ничего издавать въ свѣтъ и обратить всю литературу въ китайскую неподвижность; иначе при каждой новой книгѣ, сто голосовъ закричатъ: «Караулъ! Разбой! Насъ подрываютъ! *Намъ убытокъ въ торговлѣ!*» Къ чему кричать, господа! Старайтесь, чтобъ ваши книги были умнѣе, лучше, дѣльнѣй, красивѣй и дешевле другихъ, и тогда васъ никакая вражья сила не подорветъ. Пантеонъ мирно началъ свое существованіе; онъ выпустилъ сперва программу, въ которой изложены его цѣль, направленіе и объемъ, потомъ выпустилъ первую свою

книжку, а нынѣ выпускаетъ вторую. Теперь онѣ въ рукахъ русской публики, и пусть она о нихъ судитъ, по *своему убѣжденію*. Пантеонъ ни какихъ военно-литературныхъ, ниже гражданско-враждебныхъ аттакъ ни противъ кого не предпринималъ. Правда, въ программѣ его было упомянуто о *Репертуарѣ*, но безъ всякаго порицанія, собственно для того только, чтобъ показать различіе въ составѣ и разное направленіе этихъ двухъ изданій, по видимому, сходныхъ. Тамъ было сказано, что *Репертуаръ*—одностороненъ, ибо помѣщаетъ только піесы, игранныя на русскихъ сценахъ,—это правда; далѣ, что *Репертуаръ* показалъ, какъ мало хорошихъ піесъ является на нашихъ сценахъ—и то правда:—ихъ было только двѣ или три,—въ теченіе цѣлаго года. Вотъ всѣ вины Пантеона. Теперь посмотримъ, что-же было предпринято противъ Пантеона? Въ Сынѣ Отечества, гдѣ распорядитель Н. А. Полевой, котораго піесы печатаются и перепечатываются въ *Репертуарѣ*—было сказано: что *Пантеонъ пуфъ*, т. е. надуваніе почтеннѣйшей публики, что онъ никогда не выдетъ, а между тѣмъ онъ себѣ преспокойно вышелъ; что нѣтъ въ Россіи людей, знающихъ испанскій, италіянскій и англійскій языки, а между тѣмъ тотъ-же Сынъ Отечества безпрестанно печатаетъ переводы съ испанскаго, италіянскаго и англійскаго!!!! Потомъ сомнѣвались, что есть у насъ авторы, у которыхъ въ портфеляхъ хранятся не напечатанныя піесы, между тѣмъ *Пантеонъ* напечаталъ въ первой книжкѣ такихъ, неизвѣстныхъ еще піесъ, двѣ: *Торжество добродѣтели* и *Колизей*, а во второй, три: Дочь Іоанна III; Двадцать четвертое февраля и Московскій Театръ при Медоксѣ. Имена авторовъ, помѣстившихъ статьи свои въ первыхъ двухъ книжкахъ *Пантеона*, занимаютъ почетное мѣсто въ русской литературѣ. Но этого мало. Одинъ водевилистъ, котораго піесы также помѣщаются въ Репертуарѣ и по программѣ, не могутъ войти, въ составъ *Пантеона*, вложилъ въ одинъ изъ своихъ фарсовъ выходку противъ *Пантеона* и заставилъ купца на сценѣ говорить невыгодно о Пантеонѣ и выхвалять Репертуаръ, что въ иномъ, *торговомъ* смыслѣ, значитъ: Почтенная публика, не подписывайтесь на Пантеонъ: это дрянь, а вотъ-де молъ вамъ Репертуаръ: это чудная штучка!» — И замѣтьте, все это дѣлалось до выхода Пантеона въ свѣтъ. Предоставляемъ публикѣ разобрать все благородство и благонамѣренность такихъ *милыхъ шутокъ*, и рѣшить: *кто кого подрываетъ?* Намъ пріятно вѣрить, что журнальныя статейки и разныя выходки противъ Пантеона были порождены, не *злымъ умысломъ* и не какими нибудь побочными видами, о нѣтъ! въ этомъ не посмѣемъ подозрѣвать ни одного литератора съ душей и честью; но онѣ были внушены злою молвою, которую добрые люди напередъ старались распустить объ этомъ изданіи, желая, разумѣется, принесть *пользу* книгопродавцу Полякову. Теперь ходитъ другая молва, что *Пантеона* выйдутъ только двѣ книжки, на третью у Полякова не достанетъ силъ и капитала. Эта выдумка такъ нелѣпа, что и опровергать ее не стоитъ. Г. Поляковъ ведетъ торговлю въ цѣлой Россіи, имѣетъ два книжные магазина на Невскомъ проспектѣ, значительный капиталъ въ оборотѣ и имя честнаго книгопродавца, котораго не захочетъ посрамить. Пантеона выйдутъ не двѣ, а всѣ двѣнадцать книжекъ, такъ, какъ онѣ обѣщаны, съ нотами и художественными приложеніями. Это вѣрно и непремѣнно!— Sapienti sat.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ИЗДАТЕЛЯ

ПАНТЕОНА

РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

И

МАЯКА

СОВРЕМЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ И ОБРАЗОВАННОСТИ,

КНИГОПРОДАВЦА ВАСИЛЬЯ ПОЛЯКОВА.

На Невскомъ проспектѣ, на углу Михайловской улицы, въ домѣ Графини Строгановой и въ Гостиномъ Дворѣ по Суконной линіи подъ № 17 продаются вновь вышедшія книги:

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ, соч. Александрова (Дуровой) Кавалеристъ-дѣвицы. Спб. въ 1839 г. въ 4 частяхъ. Содержаніе: часть I. *Нурмека*, происшествіе случившееся въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго, вскорѣ послѣ покоренія Казани. Часть 2. Игра судьбы или Противузаконная любовь, истинное происшествіе, случившееся на родинѣ автора. Часть 3. Людгарда, Княжна-Го—ти, разсказъ унтеръ-офицера Рудзиковскаго. Часть 4. Черемиска. Разсказъ исправницы Лизовецкой. Цѣна 10 руб. ассиг.

ФАНТАСТИЧЕСКІЕ ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Соч. Барона Брамеуса Джемъ Ферджали, въ 3 частяхъ. Спб. 1840 года. Содержаніе: разсказъ I-й, Обыкновенная жизнь Петербурга. Разсказъ II-й. Безумный, или Сила музыки. Разсказъ III-й. Великое литературное царство (найденная рукопись). Цѣна 10 руб. ассигн.

ПОВѢСА или КАКЪ ВЕДУТЪ СЕБЯ ДО ЖЕНИТЬБЫ оригинальный русскій романъ въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1839 цѣна 2 руб. сереб.

ПРИЗВАНІЕ ЖЕНЩИНЫ. Пер. съ англійскаго. Спб. 1840. Цѣна 1 руб. серебромъ.

ОДЕССКІЙ АЛЬМАНАХЪ на 1840 ГОДЪ. Съ картинками. Цѣна 3 руб. серебромъ.

ЛѢТНЯЯ ПРОГУЛКА ПО ФИНЛЯНДІИ и ШВЕЦІИ, ВЪ 1830 ГОДУ. Соч. Ѳаддея Булгарина, въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1839 года. Цѣна 3 руб. сер.

ИСТОРІЯ ЖИЗНИ ПУТЕШЕСТВІЙ, открытій и приключеній въ новомъ свѣтѣ. (Спутниковъ Христофора Колумба). Соч. Вашингтона Ирвинга, Пер. Дмитрія Паскевича. Спб. 1839. 2 части. Цѣна 2 руб. серебромъ.

ПРЕКРАСНЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Соч. Поль де Кока, съ портретомъ автора. Спб. 1839, въ 4-хъ частяхъ. Цѣна 10 руб. асс.

РАЗСКАЗЫ НА СТАНЦІИ. Соч. Олина. Спб. 1839 года, съ 2-хъ частяхъ. Цѣна 7 руб. 50 коп. асс.

ПѢСНИ Русскаго народа. Собранные И. П. Сахаровымъ. 5 частей. Спб. Цѣна 20 руб. асс.

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Соч. Н. Полеваго. 2 тома. Спб. 1839 г. Цѣна 4 руб. серебромъ.

ПОѢЗДКА въ Ревель и Гельсингфорсъ въ 1839 году. Съ примѣчаніями для посѣщающихъ эти города и съ историческимъ обозрѣніемъ древностей Ревеля. Спб. 1840 г. Цѣна 1 руб. серебромъ.

ФОРТЕПІАННАЯ МЕТОДА, собранная Л. А. С. по руководству гг. Гуммеля, Гюнтена, Калькбреннера, Мошелеса, Черни, Герца, и проч. 2 тома. Спб. 1840 г. Цѣна 15 руб. асс.

ПОЛНАЯ БУХГАЛТЕРІЯ или СЧЕТНАЯ НАУКА. Составленная

Кларкомъ и Немчиновымъ, въ трехъ частяхъ съ дополненіемъ. Содержащая въ себѣ: Правила Бухгалтеріи купеческой, мануфактурной, заводской и сельской и основанія канцелярскаго счетоводства, правила купеческаго письмоводства, толкованіе иностранныхъ монетъ, мѣръ и вѣсовъ и вексельнаго курса, съ таблицами, вычисленія процентовъ на капиталы — составленная для веденія книгъ на основаніи. ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго повсемѣстнаго курса на серебро. Спб. 1840 г. Цѣна за 4 тома 20 руб. асс.

РУКОВОДСТВО къ управленію имѣніями. Соч. А. Вонляръ-Лярскаго, просмотрѣнное С. М. Усовымъ. Книга для помѣщиковъ и управителей. Спб. 1840 г. Цѣна 5 руб. асс.

О КАПИТАЛѢ въ отношеніи къ Сельскому Хозяйству. Соч. С. М. Усова. Спб. 1840 г. Цѣна 2 руб. 60 коп. асс.

РУССКОЕ практическое пчеловодство съ изложеніемъ новѣйшаго способа содержанія пчелъ въ Англіи. Соч. Ѳедора Сухомлинова. Спб. 1839 г. Цѣна 5 руб. асс.

ПАМЯТНАЯ судебно-медицинская книжка. Соч. Доктора Медицины Статскаго Совѣтника Марка Магазинера. Спб. 1839 г. Цѣна 12 руб. асс.

ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕХАНИКА, заключающая въ себѣ правила и формулы, относящіяся: къ движенію воды, истеченію газовъ, силѣ теченія воды, полезному дѣйствію и устройству гидравлическихъ колесъ и паровыхъ машинъ, маховымъ колесамъ, передачѣ движенія, опредѣленію измѣреній составныхъ частей машинъ, результатовъ опытовъ надъ полезнымъ дѣйствіемъ движителей и машинъ, употребляемыхъ въ разныхъ производствахъ. Второе изданіе, увеличенное результатами новыхъ опытовъ надъ турбинами и правилами, употребляемыми для исчисленія изгиба подпорныхъ брусьевъ, давленія сводовъ и измѣреній ихъ пятъ, давленія земель, толщины подпорныхъ стѣнъ (одеждъ), измѣреній деревянныхъ брусьевъ для потолковъ и крышъ и другими прибавленіями. А. Морена, артиллерійскаго капитана, члена Королевской Академіи въ Метцѣ и профессора Механики въ Школахъ Артиллерійской и Полевыхъ Инженеровъ. Перевелъ съ французскаго Корпуса Горныхъ Инженеровъ поручикъ Олышевъ 3-й, въ 2-хъ частяхъ съ чертежами. СПБ. 1839 г. Цѣна 2 р. серебромъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА КНИГИ:

ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО, сочиненіе Веніамина Бергмана. Перевелъ съ нѣмецкаго Егоръ Аладьинъ. Изданіе второе, сжатое (компактное), исправленное и умноженное приложеніемъ новыхъ замѣчаній и важныхъ документовъ, и портретовъ Петра Великаго, Карла XII-го, Князей: Меншикова и Ромадановскаго, Генерала Лефорта, Фельдмаршала Графа Шереметева и Графа Паткуля. Также карты войны Петра Великаго съ Карломъ XII-мъ, съ указаніемъ всѣхъ путей русскихъ и шведскихъ войскъ, и мѣстъ сраженій, въ шести томахъ. Цѣна 6 р. серебромъ.

ИСТОРІЯ царствованія Императрицы Екатерины II. Съ отлично литографированными портретами и многими картинками. Въ двухъ частяхъ.

ИСТОРІЯ царствованія Императора Александра Благословеннаго. Съ отлично литографированными портретами и многими картинками. Въ двухъ частяхъ. Цѣна по подпискѣ за всѣ четыре части 20 р. ас., — а порознь за каждое сочиненіе 10 р. ас. съ пересылкою. По выходѣ цѣна возвысится.

ПОСРЕДНИКЪ, газета промышленности, хозяйства и реальныхъ наукъ. Выходитъ однажды въ недѣлю. Цѣна 15 руб. ас.

Иногородныя особы благоволятъ адресоваться за всѣми вообще публикуемыми книгами и другими книгопродавцами на имя Василія Полякова, въ Спб.

ПОЖИЛАЯ ДѢВУШКА,

ИЛИ

ИСКУССТВО ВЫХОДИТЬ ЗАМУЖЪ.

КОМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ПЕРЕДѢЛАННАЯ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

П. С. ѲЕДОРОВЫМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Глафира Алексѣевна Кошелькова.
Андрей Васильевичъ Кошельковъ, ея дядя.
Анна Петровна Лезвина, пріятельница Кошельковой.
Михайло Михайловичъ Свинцовъ.
Ѳедоръ Павловичъ Корницкій.

Дѣйствіе происходитъ въ С. Петербургѣ, на Черной Рѣчкѣ, въ домѣ, принадлежащемъ матери Лезвиной, въ квартирѣ Кошелькова.

Небольшой залъ. Въ глубинѣ открытая дверь въ садъ; направо, на второмъ планѣ, дверь; налѣво, въ первомъ планѣ, столъ; на немъ бумага, чернилица и перья; во второмъ планѣ дверь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Лезвина, потомъ Кошельковъ.

Лезвина (стуча въ дверь налѣво). Она не отвѣчаетъ!.. Вѣрно ея нѣтъ дома. *(увидя Кошелькова)* А! Андрей Васильевичъ!

Кошельковъ (входитъ въ среднюю дверь, невидя Лезвиной). Нѣтъ... конечно... я совсѣмъ выбился изъ силъ... одинъ Богъ видитъ, что я перенесу, а моя Глафира Алексѣевна не хочетъ и замѣчать. *(Бросается въ кресло на право).*

Лезвина. Здраствуйте, Андрей Васильевичъ...

Кошельковъ. Ахъ! Анна Петровна!.. мое почтеніе... извините... не могу встать съ мѣста.

Лезвина. Вы, кажется, устали?

Кошельковъ. Да, ужъ такъ, сударыня моя, усталъ, что мочи нѣтъ... Какъ вы думаете, что со мною сдѣлали? Заставили меня пройти пѣшкомъ верстъ пять въ

какіе-то Колымаги... тамъ, видите, они нашли очаровательные виды.

Лезвина. О, чудесные виды...

Кошельковъ. Чудесные, слова нѣтъ; да на тощій желудокъ врядъ-ли они кому поправятся... Я вѣдь, сударыня, еще не завтракалъ... нѣтъ... кончено... да я здѣсь не останусь и двадцати четырехъ часовъ. . . Сегодня же ѣду въ Орловскую... въ любезную мою Грязнуху.

Лезвина. Не уже ли вы хотите уѣхать изъ Петербурга! Помилуйте, да вы не прожили здѣсь и мѣсяца.

Кошельковъ. Съ меня довольно и этого!..

Лезвина. Боже мой, да я умру со скуки. Маменька у меня все нездорова, мы никуда не ѣздимъ... живемъ круглый годъ здѣсь въ своемъ домикѣ, на Черной Рѣчкѣ. У насъ никого почти не бываетъ... одна только и была у меня отрада проводить время съ Глафирой Алексѣевной... она такъ меня полюбила, такъ подружилась со мной... и вы хотите ее увезти? Это ужасно!

Кошельковъ. Что дѣлать, Анна Петровна... Терпѣнія ужъ не хватаетъ. Вчера, напримѣръ, ваша петербургская молодежъ вздумала ѣхать верхами... И ко мнѣ пристали: садись, да садись на лошадь... Я съ глупу и согласился... да какъ поѣхали... Боже ты мой! такая злодѣйка попалась, что всѣ кости вытрясла!.. То пустится въ галопъ, то понесется рысью во весь духъ!.. а они еще хохочутъ.

Лезвина. Вы не привыкли, вѣрно, къ верховой ѣздѣ?..

Кошельковъ. Нѣтъ, я вовсе не умѣю ѣздить!. Судите же, что жизнь моя такая... пляши по чужой дудкѣ... да еще что выдумали? Заставили было меня пить искусственныя воды... ужъ это выше силъ.

Еслибъ пить простую воду, —
Я готовъ бы, такъ и быть,
А то выкинули моду
Вишь искусственную пить!
Изъ простой воды на свѣтѣ
Все пріятное варятъ,
А искусственныя эти,
Лишь желудокъ растравятъ!
У Глафиры Алексѣевны
Вотъ, извольте вы спросить:
Часто ль я хворалъ въ деревнѣ,
Чѣмъ себя привыкъ лѣчить?
Денегъ тамъ на вздоръ не тратишь,
И не лечишься водой,
Тамъ желудочной какъ хватишь,
Боли сниметъ какъ рукой!
А ужъ здѣсь такія моды,
Безъ лѣкарства не живутъ:
Порошки, микстуры, воды
Только бочками не пьютъ;
Что вѣдь дѣлаютъ.... о Боже!
Здѣсь иной здоровъ какъ быкъ,
А наступитъ утро, то же,
Кажетъ доктору языкъ!
Только развѣ крѣпкой водки
Для здоровья онъ не пьетъ,
Такъ и хочетъ быть въ чахоткѣ,
Къ гробу самъ себя ведетъ!
Страшно! Нѣтъ, пора въ Грязнуху!
Здѣсь недолго до хлопотъ....
Изъ воды чтобъ выйти суху —
Улизну скорѣй отъ водъ!

Лезвина. Такъ вы непремѣнно хотите ѣхать?

Кошельковъ. Безпремѣнно!... И вы теперь здѣсь сами кстати потрудитесь, пожалуйста, спросить свою маменьку, сколько я долженъ ей заплатить за квартиру.

Лезвина. Когда же вы ѣдете?

Кошельковъ. Да, если успѣемъ, такъ хоть сегодня вечеромъ.

Лезвина. Ахъ, какъ вы меня опечалили... Я ссйчасъ схожу къ маменькѣ. (*Уходитъ на право.*)

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Кошельковъ, *одинъ*

Нѣтъ, эта столичная жизнь вовсе не попутру нашему брату деревенщинѣ. Моя Глафирушка совсѣмъ здѣсь не та. Такъ

ужъ и видно, что воспитана у мадамы въ Москвѣ... она здѣсь на меня и глядѣть не хочетъ (*смотритъ въ заднюю дверь*). Вотъ она! Фу, ты! сколько около нея этихъ франтовъ... и вѣдь, смотрите-ка, каждому улыбнется... Поглядимъ, чѣмъ-то кончится!... Идетъ сюда!... ну, такъ за ней слѣдомъ и Свинцовъ и Корицкій!...

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Кошельковъ, Глафира Алексѣевна, Свинцовъ и Корицкій.

Глаф. Алекс. Ахъ, какія мѣста! прелесть! чудо!... я въ восторгѣ отъ этой прогулки... Вообразите, я нисколько не устала.

Кошельковъ. Нѣтъ, вотъ я этого не могу сказать: я ногъ не чувствую подъ собой; а ужъ какъ голоденъ,—просто, умираю...

Глаф. Алекс. Вы вѣчно жалуетесь.

Корицкій. Послѣ обѣда не угодно ли вамъ ѣхать въ Парголово... вотъ виды—удивленіе!

Глаф. Алекс. Въ Парголово!... ахъ, да, тамъ, говорятъ, очаровательное мѣстоположеніе!

Свинцовъ. Позвольте сдѣлать вамъ замѣчаніе, Глафира Алексѣевна; вашъ супругъ очень усталъ...

Кошельковъ. Ужъ какъ усталъ!

Свинцовъ. Я бы совѣтовалъ поберечься Андрею Васильевичу.

Глаф. Алекс. Вы ошибетесь... ему, напротивъ, очень полезенъ моціонъ.

Свинцовъ. Дорога въ Парголово очень дурна; невозможно ѣхать въ экипажахъ, того гляди сломаются.

Глаф. Алекс. Ну, такъ мы поѣдемъ верхами.

Свинцовъ. Андрей Васильевичъ не любитъ ѣздить верхомъ.

Корицкій. Я все улажу: мы поѣдемъ другой дорогой, чрезъ выборгскую заставу, въ экипажахъ... по шоссе...

Свинцовъ. Какое тамъ шоссе, помилуйте! Только разтрясетъ... Андрею Васильевичу нездорово...

Глаф. Алекс. Да что вы все говорите за моего мужа? У него есть свой языкъ?

Кошельковъ (ставъ между Свинцовымъ и Глаф. Алекс.) Конечно, есть... Я объявляю торжественно, что не поѣду въ ваше Парголово... (*Глафирѣ Алексѣевнѣ*) Впрочемъ, страсть твоя къ прогулкамъ и поѣздкамъ будетъ и безъ того удовлетворена... Мы вечеромъ отправляемся въ Грязнуху.

Корицкій (въ сторону). Она ѣдетъ!

Свинцовъ (также). Такъ скоро!

Глаф. Алекс. (*Кошелькову*). Вы шутите?

Кошельковъ. Нисколько! рѣшено и подписано!

Свинцовъ. Прекрасно сдѣлаете, Андрей Васильевичъ! Петербургскій климатъ не совсѣмъ для васъ здоровъ; вамъ надобно остерегаться.

Глаф. Алекс. Помилуйте, какъ это возможно? Мы не успѣемъ собраться...

Кошельковъ. Успѣемъ!

Глаф. Алекс. Это ни на что не похоже... это просто тиранство...

Корицкій. О, это ужасно!.. (*Подходитъ къ Глафирѣ Алексѣевнѣ*).

Свинцовъ (Кошелькову). Не соглашайтесь... стойте на своемъ!

Кошельковъ. Безъ разсужденій, Глафира Алексѣевна... Я хочу этого—довольно!

Корицкій (въ сторону). Бѣдная женщина! Какъ она несчастна?

Свинцовъ. Стало быть рѣшено... Позвольте же мнѣ теперь васъ оставить... Я еще буду имѣть честь проститься съ вами.

Корицкій (Глафирѣ Алексѣевнѣ). Я принесу вамъ альбомъ...

Глаф. Алекс. Какъ хотите... по можетъ-быть мы еще не уѣдемъ.

Кошельковъ. Уѣдемъ, непремѣнно уѣдемъ!

Глаф. Алекс. Однакожъ, messieurs, вы забыли, что васъ ждутъ тамъ дамы. Онѣ будутъ на меня въ претензіи, подумаютъ, что я задержала васъ.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Лезвина.

Лезвина (подходя къ Кошелькову и отдавая ему бумаги). Вотъ прислала вамъ маменька, тутъ весь счетъ.

Коринкій (въ сторону). Аннета!

Глаф. Алекс. Хорошо, сударыня, хорошо.

Лезвина (въ сторону). Коринкій здѣсь и ни слова мнѣ...

Кошельковъ. Я сейчасъ къ вамъ вернусь.—Господа, до свиданія! *(Уходитъ направо).*

Свинцовъ. До свиданія, Андрей Васильевичъ!.. Мое почтеніе, Глафира Алексѣевна! *(Коринкій кланяется и уходитъ съ Свинцовымъ въ среднюю дверь).*

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Глафира Алексѣевна и Лезвина.

Лезвина. Вы хотите уѣхать отъ насъ, Глафира Алексѣевна?

Глаф. Алекс. Этого желаетъ Андрей Васильевичъ, но можетъ-быть я еще уговорю его остаться.

Лезвина. Ахъ, пожалуйста, уговорите. Ваша дружба, ваши совѣты теперь мнѣ очень необходимы.

Глаф. Алекс. Теперь?.. что это значитъ?—Ужъ нѣтъ ли у тебя печали на сердцѣ?

Лезвина. Ахъ, есть... и большая!..

Глаф. Алекс. Говори же, говори, что такое?

Лезвина. Меня, кажется, хотятъ выдать замужъ!

Глаф. Алекс. Замужъ?—Ахъ, какъ ты меня испугала!.. Выдать замужъ... ну, это не бѣда... другія, на твоемъ мѣстѣ, были бы въ восторгѣ.

Лезвина. А я лучше бы согласилась на вѣкъ остаться въ дѣвицахъ.

Глаф. Алекс. Остаться на вѣкъ въ дѣвицахъ. Боже мой! да ты вовсе не постигаешь этого несчастія... Знаешь ли, какъ ужасно быть старой дѣвушкой?

Лезвина. Но мнѣ кажется еще ужаснѣе выйти за мужъ за г-на Свинцова!

Глаф. Алекс. За Свинцова? Развѣ за него хотятъ тебя выдать?

Лезвина. Да, за него, къ несчастію.—Видите что: когда скончался батюшка, у маменьки завелся процессъ съ его родными.

Глаф. Алекс. Это обыкновенное дѣло.

Лезвина. Михайло Михайловичъ Свинцовъ былъ хорошо знакомъ въ нашемъ домѣ и принялъ участіе въ этомъ процессѣ, который могъ насъ лишить послѣдняго достоянія, этого маленькаго загороднаго дома... Михайло Михайловичъ, правда, очень хлопоталъ за насъ: по его стараніямъ мы не будемъ нуждаться ни въ чемъ; но теперь, когда все почти кончилось въ нашу пользу, рѣчь отъ процесса обращается повидимому къ свадьбѣ... Маменька въ восторгѣ отъ Михайла Михайловича!

Глаф. Алекс. А ты и знать не хочешь своего жениха?

Лезвина. Онъ еще не женихъ мой: это дѣло не рѣшено... Михайло Михайловичъ не дѣлалъ еще мнѣ формальнаго предложенія, и маменька мнѣ ни слова не говорила; но по всему замѣтно, что и онъ и она этого желаютъ. Свинцовъ богатъ, оказалъ намъ большую услугу... если маменька отъ меня потребуетъ... Боже мой, что тогда будетъ со мною!..

Глаф. Алекс. Что будетъ? Ты со-

гласишься—вотъ и все тутъ... Ты, кажется, очень ошибочно смотришь на Свинцова, ты предубѣждена противъ него. — Я не вижу въ немъ ничего особенно дурнаго... онъ только что оригиналенъ.

Лезвина. Помилуйте, какая я съ нимъ пара? Ему ужъ сорокъ лѣтъ, а мнѣ только семнадцать.

Глаф. Алекс. Конечно, это довольно важная причина, но если нѣтъ въ виду другаго.

Лезвина. Ахъ, въ томъ то и бѣда, что есть, только его никто не знаетъ...

Глаф. Алекс. Никто?.. разумѣется, исключая меня... Я твой другъ, повѣренная твоего сердца... Я очень могу служить тебѣ въ этомъ случаѣ.

Лезвина. Конечно, вы могли бы...

Глаф. Алекс. Ну, полно же таиться! Скажи мнѣ, кто похитилъ твое сердце?.. Ужъ навѣрное молодой человѣкъ, хорошенькій собою...

Лезвина. Ахъ, да, но неблагодарный, непостоянный...

Лицо въ немъ истинно прекрасно,
Но чувства страхъ не хороши;
А всѣ кричатъ единогласно:
Лицо есть зеркало души!

Глаф. Алекс. Это можно было сказать въ старину, мой другъ, а не теперь...

Лезвина.

Но если прежде въ человѣкѣ,
Душа въ лицѣ видна была,
Такъ отъ чего же въ нашемъ вѣкѣ
Фальшивятъ эти зеркала?

Глаф. Алекс. Отъ того, что нынче свѣтъ перемудрился. Нынче все пошло на выворотъ: люди ищутъ не души, а душь, смотрятъ не на лицо, а есть ли что на лицо .. думаютъ не о личныхъ достоинствахъ, а о наличныхъ деньгахъ... Ну, да оставимъ людей въ покоѣ.—Поговоримъ лучше о твоемъ дѣлѣ. Ну, кто же этотъ красавецъ?

Лезвина. Такъ и быть, я вамъ все разскажу: это настоящій романъ.

Глаф. Алекс. Тѣмъ лучше. Я безъ ума люблю романы.

Лезвина. Вотъ видите... въ прошломъ году...

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Лезвина, Кошельковъ и Глафира Алексѣевна.

Кошельковъ (выходя съ правой стороны). Вотъ, Анна Петровна, извольте отдать маменькѣ. Теперь мы квитъ! *(Отдаетъ ей пакетецъ).*

Глаф. Алекс. Вы намъ помѣшали въ самую интересную минуту...

Кошельковъ. Что дѣлать, надо спѣшить. Я приказалъ подать завтракъ. Перекусимъ и станемъ приготовляться къ отъѣзду.

Глаф. Алекс. Такъ вы рѣшительно...

Кошельковъ. Рѣшительно и непремѣнно ѣдемъ.

Лезвина. Я сейчасъ схожу къ маменькѣ.

Глаф. Алекс. Ахъ, какая скука?.. Прощай, Аннета!

Лезвина. О, нѣтъ... Я еще васъ увижу *(уходитъ направо).*

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Кошельковъ, Глафира Алексѣевна.

Глаф. Алекс. Теперь мы одни, дядюшка, и вы вѣрно меня выслушаете?

Кошельковъ. Что намъ толковать... Я сказалъ, мое слово должно быть свято: въ Грязнуху! въ Грязнуху! Вотъ одно, чего я желаю. Тамъ ждутъ меня халатъ, садикъ, добрые крестьяне...

Глаф. Алекс. Такъ поѣзжайте же одни; наслаждайтесь удовольствіями въ

своей несносной деревушкѣ... я съ вами не поѣду!

Кошельковъ. Это что значитъ? Не поѣдешь со мною?.. Кажется, я ужъ исполнилъ всѣ твои желанія. Ты хотѣла путешествовать, разсѣяться. Я сдѣлалъ по твоему, пріѣхалъ въ Петербургъ. Мы здѣсь пожили довольно; не вѣкъ же вѣковать; когда-нибудь надобно же будетъ возвратиться въ Грязнуху. Я не понимаю, что тебѣ въ ней не нравится? Тамъ просто — рай. Губернскій городъ подъ бокомъ.

Глаф. Алекс. Удивительный городъ!.. Я чуть не умерла въ немъ со скуки... Тамъ должна я переносить безпрестанныя огорченія; тамъ даже друзья, лучшіе друзья мои, безпрерывно насмѣхаются надо мною, унижаютъ меня.

Кошельковъ. Помилуйте! чѣмъ?

Глаф. Алекс. И вы еще спрашиваете? Всѣ мои пріятельницы замужемъ; одна я осталась въ дѣвушкахъ... онѣ едва сойдутся со мною, какъ ужъ начинаютъ рѣчь о своемъ счастіи, восхищаются своими супругами... а всѣ эти супруги мои отставные женихи!

Кошельковъ. Такъ кто же виноватъ, что ты не вышла замужъ? Вѣдь ужъ какіе прекрасные люди были между ними.

Глаф. Алекс. Удивительно! Мѣшки, неучи! Не могла же я выйти противъ сердца... Всѣ говорили, что я хороша, умна... и страшно бы было, еслибъ я, съ моими романическими идеями, съ моими достоинствами, посвятила жизнь какому-нибудь степняку... Нѣтъ, мнѣ нуженъ мужъ воспитанный, вполнѣ достойный меня. Не моя вина, если я не нашла его въ вашей провинціи.

Кошельковъ. Не нашла!.. Скажи лучше, ты ужъ слишкомъ браковала!..

А межъ тѣмъ летѣли годы!
Такъ вотъ, у моря, сиди,
Да и жди теперь погоды;
Проку мало впереди.
Ты невѣста, да безъ мѣста,
Жениховъ не воротить!
Ужъ въ твои лѣта невѣста
Ихъ сама должна ловить!
Время дѣлаетъ съ насъ чудо:
Какъ на свѣтѣ поживешь,
Такъ и въ томъ, что было худо,
Что-то доброе найдешь!
Прежде нужны вамъ картинки,
Журавли у васъ въ виду,
А какъ явятся морщинки,
Такъ и филины въ ходу!

Глаф. Алекс. Да что жъ я старуха что ли какая?

Кошельковъ. Ну, нѣтъ, не то, что старуха, а ужъ почти пожилая дѣвушка.... Теперь не мудрено тебѣ и на вѣкъ остаться....

Глаф. Алекс. Мнѣ остаться въ дѣвушкахъ?... О! нѣтъ! скорѣе умереть!... Вамъ, мужчинамъ, все-равно... Мужчина можетъ быть счастливъ и безъ жены... а мы, какая разница, мы не можемъ существовать безъ любви, мы ищемъ счастія въ мужѣ; другой отрады у насъ нѣтъ. О, какое блаженство—любить своего мужа, быть имъ любимою, раздѣлять съ нимъ все,—и радость и горе; повѣрять ему свои мысли, надежды... Что можетъ сравниться съ такимъ счастіемъ?.. О, я чувствую, я была бы рѣдкою женой, истиннымъ, вѣрнымъ другомъ моего мужа.

Кошельковъ. Боже мой! да я и день и ночь только и думаю о томъ, какъ бы устроить тебя... Но какимъ образомъ?.. тутъ и точка съ запятой!.. Ужъ когда не удалось намъ этого въ нашемъ захолустьѣ, такъ въ Петербургѣ и подавно не жди успѣха... Ты же еще выдумала глупости, выдаешь себя здѣсь за замужнюю женщину, назвала меня своимъ мужемъ... Въ этомъ ужъ я рѣшительно не предвижу ничего добраго.

Глаф. Алекс. А я развѣ что-нибудь предвижу? Я только для того просила васъ назваться моимъ мужемъ, чтобъ не прослыть здѣсь, какъ вы выразились,

пожилой дѣвушкой!.. Таковъ ужъ свѣтъ; по мнѣнію его, лишнія лѣта—порокъ въ дѣвушкѣ, а замужняя женщина не смѣшна и въ 60 лѣтъ. Здѣсь всѣ меня считаютъ вашей женой, и вы видите мои успѣхи! Я здѣсь совсѣмъ переродилась! Я молодая дама, окружена мужчинами, мнѣ угождаютъ наперерывъ, считаютъ счастіемъ, если я съ кѣмъ танцую, стараются угадывать малѣйшее желаніе; я здѣсь царствую; сердце мое начинаетъ снова жить, и въ тѣ минуты, когда любовь снова начинаетъ услаждать мои мечты, когда я только еще начинаю блаженствовать—вы хотите меня лишить счастія, хотите увезти въ деревню! О, это ужасно, дядюшка!

Кошельковъ. Ну, скажи ради Бога, къ чему все это тебя поведетъ?

Глаф. Алекс. Какъ знать, дядюшка, что можетъ случиться? Можетъ-быть между этими людьми найдется одинъ...

Кошельковъ. И женится на тебѣ? Ну, смотри, не обманись въ разсчетѣ.... Ты, конечно, умна, прекрасна, воспитана; но вся эта толпа, если только узнаетъ, что ты дѣвушка...

Глаф. Алекс. Ахъ, этого-то я и боюсь! А теперь пока еще всѣ увѣрены въ противномъ; я того и жду, что кто-нибудь откроется мнѣ въ любви!

Кошельковъ. Да, теперь того и гляди! Вотъ хоть бы взять Ѳедора Павлыча Корицкаго: ужъ, кажется, какъ въ тебя влюбленъ!..

Глаф. Алекс. Вы замѣтили, дядюшка?

Кошельковъ. Какъ же не замѣтить! Да надобно быть слѣпымъ!..

Глаф. Алекс. Какъ онъ хорошъ, какъ любезенъ! И при всемъ этомъ еще богатъ и совершенно свободенъ...

Кошельковъ. Превосходный женишокъ! Скверно только, что заставляетъ меня ѣздить верхомъ!.. Такъ о чемъ же еще думать! Вскружи ему голову, да и дѣло съ концемъ! А тамъ увидимъ, что будетъ. Да неужели онъ еще не объяснился съ тобою?

Глаф. Алекс. Нѣтъ еще, дядюшка; онъ такъ кажется робокъ.

Кошельковъ. А Свинцовъ? Вотъ еще женихъ! право, мнѣ кажется, что и онъ въ тебя влюбленъ?

Глаф. Алекс. Нѣтъ, вы ошибаетесь, онъ скоро женится.—Какая это любовь, когда онъ до сихъ поръ не сказалъ мнѣ ни одного нѣжнаго слова.

Кошельковъ. Такъ зачѣмъ же онъ всюду таскается за тобою?

Глаф. Алекс. Вотъ этого я не могу понять: вѣчно вертится около меня, замѣчаетъ каждое мое движеніе, подслушиваетъ каждое слово.

Кошельковъ. А на меня такъ всегда жалостно смотритъ. Препѣсносной человѣкъ!

Глаф. Алекс. Прежалкій! Я не знаю, какъ отъ него отдѣлаться.

Кошельковъ. Погоди, я тебя избавлю отъ него. Но слушай: если дѣла твои пойдутъ плохо, если твое замужство замедлится, мы ѣдемъ въ Грязнуху; согласна ли ты?

Глаф. Алекс. О, согласна, дядюшка.

Кошельковъ. Тсъ! кажется Ѳедоръ Павловичъ.

Глаф. Алек. Ахъ, Боже мой! посмотрите, какъ онъ печаленъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Кошельковъ, Корицкій, Глафира Алексѣевна.

Корицкій (*входя въ среднюю дверь, Глафирѣ Алексѣевнѣ.*) Вотъ вашъ альбомъ. (*тихо ей*). Еслибъ я смѣлъ просить васъ...

Глаф. Алекс. О чемъ?

Корицкій. Прочесть, что я написалъ, по поскорѣе, покуда еще не уѣхали.

Глаф. Алекс. О, мы ужъ не ѣдемъ.

Корицкій (радостно.) Не ужели? (*Два лакея вносятъ столъ съ завтракомъ и ставятъ его съ правой стороны на авансцену.*)

Кошельковъ. А! вотъ наконецъ и завтракъ. Ѳедоръ Павловичъ! не угодно ли вамъ позавтракать съ нами? Сдѣлайте одолженіе. (*Глафиръ Алекс.*) А! неправда ли, какъ ловко?

Корицкій. Какъ? вамъ угодно, чтобъ я....

Кошельковъ. Да, сдѣлайте одолженіе, просимъ покорно... Хоть выпейте рюмочку мадеры или краснаго вина (*въ сторону.*) Авось развяжется языкъ.

Корицкій. Право, я не знаю, должень ли я....

Глаф. Алекс. (*тихо Корицкому.*) Согласитесь!

Корицкій. Если угодно, съ большимъ удовольствіемъ. (*Кладетъ альбомъ на столъ, съ лѣвой стороны.*)

Кошельковъ. Садитесь же, пожалуйста, вотъ сюда, подлѣ жены. (*Садятся за столъ: Глаф. Алекс. посрединѣ, Корицкій съ правой стороны, а Кошельковъ съ лѣвой.*)

Корицкій. Съ большимъ удовольствіемъ. (*Въ сторону.*) Какая перемѣна послѣ давишняго.—Что это значитъ?

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Свинцовъ.

Свинцовъ (входя въ среднюю дверь, останавливается въ глубинѣ театра.) Что я вижу?

Кошельковъ. А! Михайло Михайловичъ!

Корицкій (въ сторону.) Вѣчно, какъ тѣнь за мною!

Свинцовъ (приближается на авансцену—въ сторону.) Этотъ змѣенокъ изволитъ съ ними завтракать! Слава Богу, что они скоро ѣдутъ!

Кошельковъ. Вы застаете насъ въ самую пріятную минуту.

Свинцовъ. Да, да... и удивляюсь апетиту молодыхъ людей... Еще не прошло пяти минутъ, какъ я видѣлъ Ѳедора Павловича за завтракомъ у Артишокина. Кажется, онъ тамъ прекрасно кушалъ.

Корицкій (перестивал пить, въ сторону.) О, несносный болтунъ!

Свинцовъ. Берегитесь, молодой человѣкъ: излишество во всемъ опасно.

Глаф. Алекс. Ѳедоръ Павловичъ такъ вѣжливъ... мы просили его и онъ сдѣлалъ удовольствіе...

Свинцовъ. Да-съ, удовольствіе своему желудку.

Кошельковъ (тихо Корицкому.) Не слушайте его, Ѳедоръ Павловичъ! Пусть онъ мелетъ, что хочетъ, а вы кушайте себѣ на здоровье.

Свинцовъ. Извините, что я васъ обезпокоилъ: я пришелъ съ вами проститься.

Глаф. Алекс. О, еще успѣете; мы остаемся на нѣсколько дней.

Свинцовъ. Какъ? остаетесь въ Петербургѣ?

Глаф. Алекс. Да-съ, если вы позволите...

Свинцовъ (въ сторону.) Бѣдный мужъ! несчастный мужъ! онъ совсѣмъ ослѣпъ! Но я его не покину, буду вмѣсто его наблюдать, и начну съ того, что останусь здѣсь. (*Садится къ столу, налѣво.*)

Корицкій (въ сторону.) Усѣлся! Теперь его трудно выпроводить!

Кошельковъ. Глафирушка! а что мы будемъ дѣлать послѣ завтрака? Давича вы говорили о какой-то прогулкѣ?

Корицкій. Да-съ, мы говорили о Парголовѣ... чудесныя мѣста!

Кошельковъ. А, такъ надо бы съѣздить.

Корицкій. Всѣ наши дамы сбираются.

Кошельковъ. Тѣмъ лучше! такъ ѣдемъ!

Свинцовъ. Помилуйте! Что вы хотите дѣлать? а ваши ноги: вы и давича такъ устали...

Кошельковъ. О, теперь я совершенно отдохнулъ, готовъ куда угодно.

Свинцовъ (въ сторону). Что съ нимъ сдѣлалось? *(Беретъ со стола альбомъ и разсматриваетъ его.)*

Корицкій. Если угодно, мы поѣдемъ верхомъ.

Кошельковъ (скоро). Нѣтъ, нѣтъ, покорнѣйше благодарю! Мы отправимся пѣшкомъ, потихоньку. Вы вѣрно не откажетесь быть кавалеромъ моей жены?

Свинцовъ (въ сторону.) Нѣтъ, ужъ это слишкомъ. *(Проглядывая альбомъ.)* Что я вижу! Написано карандашемъ. *(Читаетъ)* «Я васъ обожаю...»

Кошельковъ (выходя изъ-за стола). Что же касается до васъ, почтеннѣйшій Михаилъ Михайловичъ...

Свинцовъ. Что прикажете? *(Поспѣшно кладетъ альбомъ на столъ.)*

Кошельковъ. Я не приглашаю васъ съ нами.

Глаф. Алекс. И до прогулокъ ли теперь Михайлу Михайловичу: онъ озабоченъ своей свадьбой!

Свинцовъ (вставая). Какъ? Развѣ вы знаете?

Глаф. Алекс. Да, слышала стороною.

Корицкій. А я ничего не зналъ! Такъ вы женитесь? Позвольте васъ поздравить! Это удивительно! Я до сихъ поръ не видалъ, чтобъ вы сдѣлали предпочтеніе хоть одной дѣвицѣ.

Свинцовъ. Я, милостивый государь, человѣкъ съ доброй нравственностію, никого не подвергну злословію.

Кошельковъ. Ну, Глафирушка, ступай же, приготовляйся. *(Глафира Алексѣевна уходитъ налѣво.)*

Корицкій. Я сію минуту явлюсь къ вамъ. *(Уходитъ въ среднюю дверь.)*

Свинцовъ. Я непремѣнно долженъ объясниться!

ЯВЛЕНІЕ X.

Свинцовъ и Кошельковъ.

Свинцовъ (удерживая Кошелькова въ ту минуту, какъ онъ хочетъ итти.) Андрей Васильевичъ!

Кошельковъ. Что вамъ угодно?

Свинцовъ. Одно слово...

Кошельковъ. Послѣ; теперь, извините, мнѣ некогда.

Свинцовъ. Я долженъ сообщить вамъ важное дѣло; оно не терпитъ отлагательства.

Кошельковъ. Какое важное дѣло?

Свинцовъ. Я обязанъ сказать вамъ нѣчто на счетъ Корицкаго, къ которому вы такъ расположены.

Кошельковъ. Что жъ такое?

Свинцовъ. Вы превосходный человѣкъ, Андрей Васильевичъ! вы добрый супругъ, вы такъ скромны, такъ довѣрчивы.

Кошельковъ. Помилуйте, что за похвалы такія.

Свинцовъ. Вы обладаете молодой, прекрасной супругой...

Кошельковъ. Что жъ, это, кажется, не дурно?

Свинцовъ. Глафира Алексѣевна просто прелесть! Вы можете положиться на мои слова. Я ее очень хорошо разсмотрѣлъ.

Кошельковъ. Боже мой, да я самъ увѣренъ; но что жъ...?

Свинцовъ. Ахъ, какъ она умна! Какіе у нея глаза, что за душа! Сокровище, истинное сокровище! И можно ли быть нечувствительнымъ къ такой женщинѣ!

Кошельковъ. Но какое же дѣло?

Свинцовъ. Вы, какъ видно, ничего не опасаетесь.

Кошельковъ. Да чего же?

Свинцовъ. Я долженъ вамъ сказать, что въ нашемъ мірѣ есть особый классъ людей, которые до чрезвычайности привязаны къ замужнимъ женщинамъ.

Кошельковъ. Ну-съ?

Свинцовъ. Я принадлежу къ этому классу.

Кошельковъ. Вы?

Свинцовъ. Да-съ, я! Теперь, я вижу, вамъ некогда меня выслушать и я не стану вамъ пересказывать всѣхъ происшествій въ моей жизни, всѣхъ несчастій, къ которымъ приводила меня эта привязанность; я не знаю какъ еще живъ до сихъ поръ! Я не могу видѣть хорошенькой замужней дамы безъ того, чтобы въ нее не влюбиться! Едва повстрѣчаю такую женщину, едва взгляну на нее, какъ въ ту же минуту начинаетъ меня бить лихорадка! Я ужъ тотчасъ думаю: Боже мой! опять я долженъ страдать! опять долженъ любить. И послѣ этого влюбляюсь безъ ума! Мудрено ли послѣ этого, если ваша супруга...

Кошельковъ. Какъ? вы влюбились и въ мою?

Свинцовъ. Противъ воли! истинно противъ воли! И что ужасно,—мнѣ угрожаютъ жестокія послѣдствія! Вы пречувствительно бы меня обязали, еслибъ выпроводили изъ своего дома Корицкаго.

Кошельковъ. Корицкаго? Да что жъ у васъ съ нимъ общаго?

Свинцовъ. Какъ что общаго? Онъ влюбленъ въ вашу супругу! Слышите, онъ влюбленъ въ вашу супругу!

Кошельковъ. Вздоръ! Но еслибъ и былъ онъ влюбленъ, такъ какое дѣло вамъ?

Свинцовъ. Какъ, какое дѣло? помилуйте! Да поставьте вы себя на мое мѣсто; войдите хоть немного въ мое положеніе... Глафира Алексѣевна прекрасна, безподобна, нравится мнѣ такъ, какъ не нравилась мнѣ еще ни одна замужняя дама, и при всемъ этомъ, я бѣгаю, отворачиваюсь отъ нея. Я не такой человѣкъ, чтобъ рѣшился совращать вашу супругу съ истиннаго пути.

Кошельковъ. Покорнѣйше васъ благодарю.

Свинцовъ. Но если я не хочу, такъ не смѣй и другой за ней ухаживать!

Я преданъ вамъ вполнѣ, и другъ вашъ, другъ душевной,
Готовъ васъ охранять, какъ вѣрный часовой,
Кто запятъ, кто плѣненъ Глафирой Алексѣевной,
Тотъ врагъ, тотъ злѣйшій врагъ и вашъ и вмѣстѣ мой!
Чтобъ онъ васъ обманулъ! Да слово мнѣ скажите,
Я жизнь за васъ отдамъ, на смерть пойду сейчасъ!
Но если честью вы своей не дорожите,
Я ею дорожить заставлю силой васъ!

Берегитесь, Андрей Васильевичъ! предостерегаю васъ! Если вы худо будете смотрѣть за своей супругой, если вы дадите ей волю, если, наконецъ, я замѣчу за нею,—смотрите! Тогда вѣдь я на все рѣшусь: стану самъ ухаживать за Глафирой Алексѣевной.

Кошельковъ. Вы?

Свинцовъ. Да-съ, я! Что вы на меня глядите? Вы думаете, я не рѣшусь? извините! рѣшусь, рѣшусь непремѣнно! Сдѣлаю изъ васъ ревнивца, выведу васъ изъ терпѣнія, сведу просто съ ума и заставлю васъ стрѣляться со мною.

Кошельковъ. Меня заставите стрѣляться?

Свинцовъ. Да-съ, непремѣнно заставлю стрѣляться и убить себя.

Кошельковъ. Мнѣ васъ убить?

Свинцовъ. Да-съ, непремѣнно; я предчувствую, что вы меня убьете! Боже мой! чѣмъ я для васъ не жертвую? Вы думаете, для чего я рѣшаюсь жениться? Для вашего же счастія—женитьба еще болѣе удалитъ меня отъ вашей супруги. А между-тѣмъ вы не хотите обратить вниманія на то, что дѣлается предъ вашими глазами! Этотъ Корицкій...

Кошельковъ. Да что вы на него нападаете? Я увѣренъ, что онъ не сказалъ еще моей женѣ ни одного нѣжнаго слова.

Свинцовъ. Что не сказалъ—это правда, потому что я всегда нахожусь при ихъ свиданіи и подслушиваю всѣ ихъ

разговоры; а что написалъ, такъ это я вамъ сейчасъ докажу. (*Беретъ альбомъ.*) Смотрите, читайте!

Кошельковъ (взявъ альбомъ). Что такое... посмотримъ!

Свинцовъ. Мы непремѣнно должны освободиться отъ такого ужаснаго соперника!

Кошельковъ (читаетъ.) «Я васъ обожаю!.. Не видать васъ—выше силъ моихъ! Вы ѣдите отсюда, но я всюду послѣдую за вами... Лучше умереть, чѣмъ жить съ вами въ разлукѣ...»

Свинцовъ. А? каково? Что вы скажете на это?

Кошельковъ (съ довольнымъ видомъ). Да, черезъ чуръ страстно! Это ужъ похоже на настоящую любовь!

Свинцовъ. Помилуйте! И вы еще такъ равнодушны?

Кошельковъ. Нѣтъ, вовсе неравнодушенъ. (*Читая снова*) «Лучше умереть, чѣмъ жить съ вами въ разлукѣ.» Хорошо, что я узналъ; только бы мнѣ увидать Глафирушку.

Свинцовъ. Сохрани васъ Боже! Не говорите ей ни слова; вырвите скорѣе этотъ листокъ.

Кошельковъ. Это къ чему?

Свинцовъ. Помилуйте! да она, можетъ-быть, и не подозрѣваетъ, чтобъ онъ...

Кошельковъ. Нужды нѣтъ, она должна знать.

Свинцовъ. Извините, вовсе не должна! Помилуйте, что вы хотите дѣлать?

Кошельковъ. О, у насъ будетъ ужасная сцена!

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

Глафира Алексѣевна, Кошельковъ, Свинцовъ.

Глаф. Алекс. Вотъ я готова. А Корицкаго еще нѣтъ?

Кошельковъ (показывая альбомъ). Посмотрите, сударыня, посмотрите, до чего довели васъ вѣтреность и кокетство.

Глаф. Алекс. Что такое?

Кошельковъ (притворяясь сердитымъ). Не угодно ли вамъ прочесть! (*тихо Глаф. Алекс.*) Объясненіе Корицкаго.

Глаф. Алекс. (такъ-же.) Не уже ли? (*Читаетъ про себя.*)

Кошельковъ. Читайте, сударыня, и не краснѣйте! (*Свинцову.*) Вы видите, равнодушенъ ли я.

Глаф. Алекс. Развѣ я виновата, что нравилась ему. Я не подавала повода.

Кошельковъ. Очень виноваты! Зачѣмъ вы видаетесь съ нимъ такъ часто? Вы меня рѣшились взбѣсить!

Свинцовъ. Полноте, успокойтесь!

Глаф. Алекс. Я не понимаю, за что вы сердитесь? Это ни на что не похоже! (*Тихо.*) Онъ сейчасъ сюда будетъ, уведите скорѣй Свинцова.

Кошельковъ (тихо.) Сію минуту. (*Вслухъ*). Смотрите у меня, сударыня! Если жъ я что замѣчу, если узнаю... Да, избави Боже!

Глаф. Алекс. Боже мой! да это просто тиранство! Вы меня хотите уморить!

Свинцовъ. Ей дурно! ей дурно! (*Становится между Кошельковымъ и Глаф. Алекс. и хочетъ ее поддержать.*)

Глаф. Алекс. (садясь къ столу). Оставьте меня! Я очень хорошо знаю, это все по вашей милости! Вы вооружили противъ меня мужа.

Кошельковъ (становясь между ними). Оставимъ ее, въ самомъ дѣлѣ. Пойдемте отсюда.

Свинцовъ (тихо Кошелькову.) Помилуйте! бросить ее въ такую минуту.

Кошельковъ (такъ-же Свинцову.) Нужды нѣтъ! Я ужасно горячъ, я не отвѣчаю за себя, если пробуду здѣсь хоть секунду!

Свинцовъ (тихо.) Между тѣмъ сюда явится Корицкій. Она его ждетъ...

Кошельковъ (приближаясь къ Глаф-Алекс.) Что? Какъ? Да я, да я готовъ...

Свинцовъ (удерживая его.) Тише, полотне!..

Кошельковъ (таща за собою Свинцова.) Уведите меня, Бога ради, отсюда, уведите. *(Глаф. Алекс.)* Берегитесь, сударыня! *(Схватываетъ Свинцова и тащитъ его въ среднюю дверь.)* Уведите меня скорѣе! уведите! *(Кошельковъ скрывается съ Свинцовымъ.)*

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

Глафира Алексѣевна, потомъ Корицкій.

Глаф. Алекс. (держа въ рукахъ альбомъ.) Онъ меня любитъ! Наконецъ онъ признался! Но правда ли это? Ахъ, еслибъ я могла надѣяться.

Корицкій (въ глубинѣ театра.) Вотъ она! У нея въ рукахъ альбомъ!..

Глаф. Алекс. (въ сторону съ радостію.) Это онъ! *(Вслухъ, строго.)* Какъ, вы здѣсь? Вы осмѣлились явиться сюда послѣ того, что изволили написать?

Корицкій. Ахъ, Глафира Алексѣевна! чувствую, что я слишкомъ дерзокъ; но я не могъ оставаться въ сомнѣніи. Я видѣлъ, какъ вашъ супругъ вышелъ отсюда съ Свинцовымъ и я тотчасъ же поспѣшилъ сюда, чтобы поговорить съ вами, безъ свидѣтелей!

Глаф. Алекс. Какое неблагоразуміе! И вы не страшитесь послѣдствій? Вы забыли, къ чему меня обязываетъ мое положеніе, мой долгъ.

Корицкій. О, нѣтъ, я все знаю! знаю, что вы принадлежите другому; знаю, что мужъ вашъ человѣкъ почтенный,—но я не могу не презирать его.

Глаф. Алекс. Вспомните, при комъ вы говорите? *(Въ сторону.)* Бѣдный дядюшка!

Корицкій. Да, я его ненавижу, и еслибъ онъ былъ моложе, хоть тридцатью годами...

Глаф. Алекс. Замолчите!.. Если онъ услышитъ... *(Въ сторону.)* Онъ будетъ въ восторгѣ.

Корицкій. Могу ли я молчать, когда вижу молодую, прекрасную женщину, связанную узами съ человѣкомъ... Нѣтъ, не его я долженъ презирать. Я долженъ ненавидѣть вашъ бракъ! Онъ навсегда разлучилъ меня съ вами! Въ немъ заключается мое несчастіе! О, я ненавижу всѣ браки, и клянусь никогда...

Глаф. Алекс. Боже мой! замолчите! Что за ужасныя клятвы?

Корицкій. Но вы, неужели вы счастливы? Нѣтъ! я увѣренъ, что вы сами ненавидите узы...

Глаф. Алекс. Съ чего вы взяли? Мнѣ ненавидѣть бракъ, единственное наше счастіе?

Корицкій. Вы говорите отъ сердца?

Глаф. Алекс. Отъ чистаго сердца! Погодите, измѣнятся и ваши идеи.

Корицкій. Никогда!

Могу ли измѣниться я,
Когда судьба мнѣ измѣнила,
Когда самъ бракъ лишилъ меня
Того, что съ нимъ меня мирило.
Надежда радостнымъ лучемъ,
Моей души не освѣщаетъ,
Я вижу лишь несчастье въ томъ,
Что ваше счастье составляетъ!

Глаф. Алекс. Вы несчастны чрезъ меня?

Корицкій. Все кончено! Я никогда не женюсь! Даю вамъ клятву.

Глаф. Алекс. Перестаньте, не клянитесь!

Корицкій. О, какъ вы жестоки, я вижу, что вы меня не любите!.. Мнѣ жениться!

Глаф. Алекс. Почему жъ не жениться, если вы найдете дѣвушку...

Корицкій. Нѣтъ! есть одна въ мірѣ, которая могла бы составить мое счастіе.

Глаф. Алекс. Ну, вотъ видите, ужъ одна и есть!

Корицкій. Но она не можетъ мнѣ принадлежать.

Глаф. Алекс. А еслибъ могла?

Корицкій. О! еслибъ она была свободна! Какъ бы я былъ счастливъ; я посвятилъ бы ей всю жизнь!

Глаф. Алекс. Вы рѣшились бы жениться? Вы, ненавистникъ супружеской жизни?

Корицкій. О, тогда бы я благословлялъ мою судьбу! Принадлежать той, которую любишь всѣмъ сердцемъ; называть женою ту женщину, которою долженъ гордиться предъ цѣлымъ свѣтомъ!

Глаф. Алекс. Ахъ, да, которая сама съ гордостью можетъ представить мужа своимъ подругамъ, (*забывшись*) которая можетъ сказать имъ: Посмотрите, я замужемъ! Вы думали, что я останусь въ дѣвушкахъ? Но теперь взгляните на моего мужа! взгляните, какъ онъ хорошъ, любезенъ, уменъ! А! вамъ завидно?

Корицкій (не понимая ея.) Что-съ?

Глаф. Алекс. О, какое блаженство принадлежать тому, кого любишь, кѣмъ любима.

Корицкій. Принадлежать ангелу, раздѣлять съ нимъ и радости и горе.

Глаф. Алекс. Имѣть подпору и защиту.

Корицкій. Какъ бы я старался нравиться такой женѣ! Я обожалъ бы ее, исполнялъ бы малѣйшія желанія.

Глаф. Алекс. (растрогавшись). Послушайте, Корицкій, истину ли вы говорите? Дѣйствительно ли ваши чувства...

Корицкій Клянусь у вашихъ ногъ.... (*Бросается на колѣна.*)

Свинцовъ (показывается въ глубинѣ театра). Андрей Васильевичъ! Андрей Васильевичъ.

Глаф. Алекс. Боже мой! Свинцовъ!.. (*Поспѣшно уходитъ налѣво.*)

Корицкій. Боже мой! ея мужъ!.. (*Убѣгаетъ направо.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Свинцовъ, потомъ Кошельковъ.

Свинцовъ. Что я предчувствовалъ, наконецъ сбылось.—А почтенный супругъ и вѣрить не хотѣлъ. (*Садится направо въ кресла.*)

Кошельковъ (вбѣгая, запыхавшись). Ну, что такое случилось? Что вамъ нужно? Зачѣмъ вы меня звали? Уфъ!.. (*Садится въ кресла, налѣво.*)

Свинцовъ. Зачѣмъ?.. А затѣмъ, что я ихъ наконецъ поймалъ.

Кошельковъ. Кого поймали? Здѣсь никого нѣтъ!

Свинцовъ. Да они разбѣжались!.. Я засталъ его на колѣнахъ!

Кошельковъ. Кого?

Свинцовъ. Разумѣется кого — Корицкаго, предъ вашей супругой!

Кошельковъ (вставая). Неужели?.. и вы точно сами видѣли?

Свинцовъ (вставая). Собственными моими глазами! Онъ стоялъ вотъ на самомъ этомъ мѣстѣ.

Кошельковъ (разсердясь). Помилуйте! Да къ чему жъ вы-то сюда прибѣжали?

Свинцовъ. Какъ, вамъ не нравится, что я имъ помѣшалъ?

Кошельковъ. Что вамъ за нужда мѣшаться въ чужія дѣла?

Свинцовъ. Помилуйте, да развѣ вамъ пріятно, что молодой человѣкъ и ваша супруга...

Кошельковъ. Да-съ, пріятно!

Свинцовъ. Пріятно?

Кошельковъ. Очень пріятно!

Свинцовъ. Да нѣтъ! не можетъ быть!.. Вы вѣрно шутите!.. Вы думаете, что я васъ обманываю... вамъ нужны доказательства... такъ извольте. (*Идетъ къ дверямъ направо*)

Кошельковъ (*удерживая его*). Куда вы? Куда вы?

Свинцовъ. Я сейчасъ покажу вамъ г. Корицкаго; онъ спрятался тамъ, (*показывая на двери*).

Кошельковъ (*становясь къ двери*). Спрятался тамъ? (*въ сторону*) Бѣдняжка! (*Свинцову*) Михайла Михайловичъ! сдѣлайте одолженіе, оставьте Корицкаго въ покоѣ. Затронете его, право худо будетъ! берегитесь...

Бѣды не наживите!

Свинцовъ.

Не бойтесь ничего!

Кошельковъ.

Онъ взбѣсится, смотрите!

Свинцовъ.

Пусть бѣсится его!

Кошельковъ.

Онъ васъ убьетъ, изранитъ...

Свинцовъ.

Пускай себѣ убьетъ!

Кошельковъ.

А самъ все жить же станетъ...

Свинцовъ.

Пускай себѣ живетъ!
Какая жизнь тутъ будетъ,
Не жизнь, бѣда, бѣда!
Турнуть своихъ забудетъ...

Кошельковъ.

Куда турнуть,—куда?

Свинцовъ.

Куда?—да всякій знаетъ.
Туда ужъ затурятъ
Куда, чай, не гоняетъ
Макаръ своихъ телятъ!
Онъ тамъ поусмирится
Баклушъ не станетъ бить,
Не станетъ волочиться
И женъ чужихъ ловить!
А вамъ что?—вы спустите
Соперниковъ своихъ;
Да послѣ и кутите,
Пируйте за троихъ!..
Позвольте жъ мнѣ... (*Подходя къ двери*).

Кошельковъ. Михайло Михайловичъ, прошу васъ въ послѣдній разъ, сдѣлайте одолженіе, оставьте меня въ покоѣ.

Свинцовъ. Нѣтъ-съ, извините! Я вамъ хочу доказать. (*Хочетъ отворить дверь*)

Кошельковъ (*не допуская его*). Не пущу! не позволю. Я въ своемъ домѣ!

Свинцовъ. Помилуйте, что за упрямство!

Кошельковъ. Вы меня измучили. Подите вонъ отсюда!

Свинцовъ. Что? что такое?

Кошельковъ. Подите вонъ!

Свинцовъ (*ръшительно*). Хорошо-съ, я пойду; вы меня выгоняете?

Кошельковъ. Убирайтесь къ чорту!

Свинцовъ. Браво, безподобно! Этого только не доставало! Стыдитесь! Вы послѣ этого просто неблагодарный человѣкъ! Я ли не старался, я ли не заботился о васъ, даже бросилъ собственныя свои дѣла,—да какія дѣла,—свадебныя! Вмѣсто того, чтобъ заниматься невѣстою, я... да Богъ съ вами!.. Дѣлайте, что хотите!.. Прощайте! (*Идетъ къ средней двери.*)

Кошельковъ. Наконецъ! слава Богу!

Свинцовъ (*возвращаясь*). Поберегитесь! Ужъ вамъ не сдобровать!.. (*Кошельковъ подбѣгаетъ къ двери направо*). Не сдобровать, я вамъ говорю.

Кошельковъ. Вы еще не ушли?

Свинцовъ. Иду!.. Я не въ состояніи терпѣть...

Кошельковъ.

Вмѣстѣ.
Какое, Боже мой, мученье!
Да это истинный злодѣй!..
Невольно выйдешь изъ терпѣнья
По милости такихъ людей.

Свинцовъ.

Вмѣстѣ.
Я скоро выйду изъ терпѣнья!..
Нѣтъ, лучше мнѣ уйти скорѣй!
Войдешь невольно въ искушенье
По милости такихъ мужей!

Прощайте, только ужъ, смотрите,
Я говорю въ послѣдній разъ,
Несчастія большаго ждите.

Кошельковъ.

Мое несчастье — видѣть васъ!
Какое, Боже мой, мученье! (*и проч.*)

Вмѣстѣ.

Свинцовъ.

Я скоро выйду изъ терпѣнья (*и проч.*)

(*Уходитъ въ среднюю дверь.*)

—

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Кошельковъ, потомъ Корицкій.

Кошельковъ (*подходя къ дверямъ направо*). Ушелъ! уфъ! еслибъ еще минуту, я не знаю, что бы я съ нимъ сдѣлалъ (*отворяя дверь*). Пожалуйте, Ѳедоръ Павловичъ, пожалуйте сюда!

Корицкій (*входя*). Сдѣлайте одолженіе, кончите все безъ шума!

Кошельковъ. Что? что такое кончить?

Корицкій. Не за себя страшусь я, но за ту, которая чрезъ мою вину должна подвергнуться вашему гнѣву!.. Клянусь вамъ, она ни въ чемъ не виновата! Я одинъ виноватъ... Требуйте, я готовъ удовлетворить васъ!

Кошельковъ. Какъ удовлетворить?

Корицкій. Назначьте часъ и мѣсто, выберите оружіе,— я на все согласенъ!

Кошельковъ. Позвольте, позвольте.

Корицкій. Знаю, что я обязанъ почтеніемъ къ вашимъ лѣтамъ; но не опасайтесь — я сохраню вашу жизнь.

Кошельковъ. Вотъ еще другой присталъ. Молодой человѣкъ, угодно ли вамъ меня выслушать?

Корицкій. Извольте говорить, я слушаю!

Кошельковъ. Слава Богу, этотъ сговорчивѣе! (*въ сторону*) Какъ бы мнѣ начать?.. (*вслухъ*) Прежде всего обѣщайтесь отвѣчать по справедливости на мои вопросы.

Корицкій. Клянусь!

Кошельковъ. Скажите, дѣйствительно ли вы любите мою жену?

Корицкій. Помилуйте, такой вопросъ...

Кошельковъ. Вы поклялись, такъ извольте отвѣчать! Я обязанъ знать положительно ли вы въ нее влюблены, не пустой ли это капризъ?

Корицкій. Капризъ? О, нѣтъ! — я не хочу лгать! Сердце мое наполнено непреодолимой страстью! Дѣлайте что угодно!.. Я не страшусь вашего мщенія; убейте меня, — да! вы должны меня убить, потому что я люблю вашу жену! Вы должны меня убить, какъ оскорбленный супругъ...

Кошельковъ. Напротивъ, я вовсе не считаю себя оскорбленнымъ; въ вашихъ поступкахъ я не вижу ничего худаго. Скажите, напримѣръ, если бъ Глафирушка была вдова...

Корицкій. О, еслибъ она была свободна!

Кошельковъ. Вы женились бы на ней?

Корицкій. Непремѣнно! И какъ бы я былъ счастливъ!

Кошельковъ. Дайте же руку?

Корицкій. Я васъ понимаю.

Кошельковъ. Если вы хотите жениться на Глафирушкѣ, извольте, я не препятствую?

Корицкій. Вы... ея мужъ?

Кошельковъ. Я, сударь мой, не что иное, какъ старый холостякъ!

Корицкій. А ваша супруга?

Кошельковъ. Супруга моя ничто иное какъ... (*съ запинательствомъ*) дѣвушка.

Корицкій. Дѣвица!

Кошельковъ (*въ сторону*). Кончено; выговорился!

Корицкій. Но кто же вы? Кто же вы?

Кошельковъ. Я не болѣе, какъ ея родной дядя.

Корицкій. Дядя?..

Кошельковъ. Угодно ли теперь вамъ драться со мною?

Корицкій. Боже мой, я не знаю, какъ извиниться предъ вами. Она дѣвушка... дѣвица!.. могъ ли я ожидать... (*Съ замѣшательствомъ*). Но согласится ли Глафира Алексѣевна?

Кошельковъ. О, на это я ничего не отвѣчаю. Совѣтую вамъ самимъ поговорить съ нею.

Корицкій. Вотъ теперь ужъ я боюсь... (*въ сторону*) Она дѣвица!.. (*вслухъ*) Если она мнѣ откажетъ?

Кошельковъ (*сомнительно*). Откажетъ?

Корицкій. Не лучше ли ей написать? (*Садится къ столу*).

Кошельковъ. Прекрасно! напишите, напишите!

Корицкій. Но... но что жъ мнѣ написать?

Кошельковъ. Позвольте... возьмите перо... вотъ бумага... я вамъ продиктую: «Милостивая государыня, Глафира Алексѣевна....» Нѣтъ, не нужно; любовныя письма пишутся безъ милостивой государыни... и Глафиры Алексѣевны не нужно. Пишите просто: «Вы мой ангелъ! Вы единственная особа, къ которой...» Позвольте, какъ бы это лучше выразиться... «къ которой я питаю непреодолимую любовь....» — Написали? «Кромѣ васъ я никого не люблю и никогда въ мою жизнь не любилъ еще другой...» Безподобно!

Корицкій (*про себя*). Бѣдная Аннета!

Кошельковъ. Можетъ-быть вы любили и другихъ, да нужды нѣтъ... ей будетъ пріятнѣе, если мы солжемъ. Извольте же, пишите. «Судьба моя въ вашихъ рукахъ; не откажите же мнѣ въ рукѣ вашей; не погубите моего сердца... Безъ васъ я не могу жить... вашъ отказъ причинитъ мнѣ смерть... Сдѣлайте милость...» Нѣтъ, довольно, не пишите сдѣлайте милость: «причинитъ мнѣ смерть...» Вотъ такъ! безподобно! подписывайте. «Вашъ вѣчно Ѳедоръ Корицкій!» (*Въ сторону.*) Подписалъ! отличный молодой человѣкъ! (*Вслухъ*). А? Каково мы сочиняемъ любовныя записочки!.. Видно, что и за нами водился грѣшокъ!

Корицкій. Она идетъ!

—

ЯВЛЕНІЕ XV.

Корицкій, Глафира Алексѣевна, Кошельковъ.

Кошельковъ. Поди сюда, Глафирушка, поди, душа моя! Ты кстати къ намъ пришла; я все открылъ Ѳедору Павловичу!

Глаф. Алекс. Какъ? онъ все ужъ знаетъ?

Кошельковъ. Онъ написалъ тебѣ письмо. (*Взявъ письмо и отдавая его Глафирѣ Алексѣевнѣ.*) Вотъ, возьми, прочти, онъ проситъ твоей руки.

Глаф. Алекс. Неужели?

Корицкій. Точно! Прочтите мое письмо и вы убѣдитесь...

Глаф. Алекс. Я не знаю, право; это такъ неожиданно.

Кошельковъ. Неужели ты ему откажешь?

Глаф. Алекс. (*взявъ письмо*). Я... не говорю этого.

Кошельковъ. Она согласна! я вижу по глазамъ! Поздравляю, любезнѣйшій Ѳедоръ Павловичъ, да благословитъ васъ Богъ!

Корицкій (*принужденно*). Вы согласны?.. Боже мой!.. такое счастіе... вы будете моей женой...

Кошельковъ. Надо скорѣй объявить всѣмъ нашимъ знакомымъ...

Глаф. Алекс. Нѣтъ, нѣтъ, дядюшка, погодите; прошу и васъ, Ѳедоръ Павловичъ, помолчать до времяни. До сихъ поръ всѣ здѣсь думали, что я замужемъ; мы съ дядюшкой имѣли на это причины; я вамъ объясню ихъ послѣ.

Кошельковъ. Да, мы имѣли значительныя причины.

Корицкій. Я готовъ молчать!

Глаф. Алекс. Еще просьба: дядюшка желаетъ скорѣе возвратиться въ деревню... И мнѣ хотѣлось бы, чтобъ тамъ была наша свадьба; у насъ прекрасные сосѣди, добрые друзья; не знаю, согласитесь ли вы?

Корицкій. Я готовъ на все.

Кошельковъ. Безподобно! такъ сегодня же ѣдемъ! Я сейчасъ пошлю за лошадьми, а собраться не долго. Развѣ вотъ вамъ, вѣдь вамъ нужны отпуски, то, да другое...

Корицкій. О, нѣтъ, я сейчасъ могу собраться. Отпускъ я уже имѣю на четыре мѣсяца. Я и безъ того хотѣлъ ѣхать отсюда. (*Въ сторону.*) Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; по крайней мѣрѣ я не увижу Аннеты.

Кошельковъ. Мы сейчасъ уложимся.

Глаф. Алекс. Въ одну минуту...

Корицкій. Такъ и я пойду собираться. Прощайте, Глафира Алексѣевна.

Глаф. Алекс. Надѣюсь, это ужъ послѣдняя разлука!

Корицкій. О, да! (*Убѣгаетъ въ среднюю дверь.*)

—

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Кошельковъ, Глафира Алексѣевна.

Кошельковъ. Ну, вотъ мы и кончили дѣло. Поздравляю, поздравляю, мой дружокъ!.. Пойду же скорѣй приготовляться. (*Хочетъ итти.*)

Глаф. Алекс. Скажите, дядюшка, какъ вы это такъ скоро кончили?

Кошельковъ. Съ Корицкимъ? преотлично?

Глаф. Алекс. Когда вы ему сказали, что я дѣвица, онъ не испугался?

Кошельковъ. Ни крошечки!

Глаф. Алекс. Ахъ, какой онъ милый человѣкъ!.. Вотъ ужъ видно, что меня любитъ.

Кошельковъ. О, да какъ вѣдь любитъ! Ну, я пойду приготовляться.

Глаф. Алекс. Да, пора, пора!

Кошельковъ. Да, если ты увидишь Свинцова, такъ, пожалуйста, не говори ему ни слова о твоемъ женихѣ; вѣдь онъ его соперникъ.

Глаф. Алекс. Свинцовъ? Неужели?

Кошельковъ. Онъ мнѣ самъ сказалъ. Этотъ чудакъ просто безъ ума отъ тебя! ужъ такъ въ тебя влюбленъ!

Глаф. Алекс. Влюбленъ въ меня? О, теперь ясно, отъ чего онъ такъ приставалъ ко мнѣ, бѣднажка!

Кошельковъ. Бѣда, если онъ узнаетъ, что Корицкій ѣдетъ съ нами! У насъ опять будетъ исторія. Ну, я пойду приготовляться. (*Уходитъ налѣво.*)

—

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Глаф. Алекс. (*одна*). Боже мой, я буду замужемъ!.. Я едва могу вѣрить. Посмотримъ же, что онъ пишетъ. (*Читаетъ.*) Ахъ, какой милый! Какъ онъ меня любитъ! Еще нѣсколько дней и я буду замужемъ, буду дама. Ахъ, какъ это весело! дама! Это ужъ не пожилая дѣвушка! Madame! Это слово имѣетъ какой-то пріятный звукъ! «Comment se porte madame? Madame est un peu pâle ce matin!.. А вашъ супругъ, Глафира Алексѣевна? Вотъ онъ! Ахъ, какъ

онъ хорошъ, какъ молодъ. Моему Теодору только 23 года!.. Votre mari est bien jeune, madame! Je ne m'en plains pas, madame!.. Какъ мнѣ будутъ завидовать подруги! Боже мой, онѣ съ ума сойдутъ отъ досады. Особенно Варя Укропова. Еще бы ей не досадовать; вышла за вдовца, взяла за нимъ трехъ ребятъ. Хорошъ супругъ и у Катерины Алексѣевны Спурковой · толстый маіоръ, съ деревянной ногой... Я воображаю, какъ вытянутся ихъ лица, когда онѣ увидятъ моего мужа, молоденькаго, хорошенькаго... А я... Боже мой, въ какомъ я буду восторгѣ!

—

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Глафира Алексѣевна и Лезвина.

Лезвина. Вы здѣсь, Глафира Алексѣевна! Ахъ, какъ я рада, что вы еще не уѣхали! Безъ васъ я не знала бы, что мнѣ дѣлать.

Глаф. Алекс. Что съ тобой? Какія еще новости?

Лезвина. Сейчасъ явился къ намъ Михайло Михайловичъ и заперся въ комнатѣ съ маменькой. Я ужасно перепугалась; подумала, это не даромъ...

Глаф. Алекс. И давай подслушивать.

Лезвина. Да... Ахъ, Боже мой, что я узнала! Онъ просилъ моей руки и маменька согласилась! Всѣ надежды мои исчезли! Помогите, спасите меня.

Глаф. Алекс. Бѣдняжка! Но чѣмъ же я могу тебѣ помочь?

Лезвина. Есть одно средство: поговорите съ маменькой: она васъ такъ много уважаетъ. Скажите ей, что я терпѣть не могу Свинцова, что я люблю, люблю другаго и кромѣ его никому не могу принадлежать!

Глаф Алекс. Кого жъ ты любишь?

Лезвина. Кажется ужъ я вамъ сказала — Корицкаго.

Глаф. Алекс. Корицкаго? ты любишь Корицкаго? но давно ли?

Лезвина. О, ужъ очень давно! еще съ прошлаго лѣта! Въ прошломъ году онъ былъ болѣнъ... ему предписано было пить воды и онъ нанималъ у насъ квартиру. Почти всѣ дни онъ проводилъ у насъ.. Ахъ! какъ я была счастлива! Мы вмѣстѣ гуляли, читали книги, разговаривали, и чрезъ мѣсяцъ онъ ужъ былъ совершенно здоровъ!

За то клялся онъ и божился,
Что я одна спасла его,
И если съ жизнью помирился,
Такъ я причиною того.
Мой жребій съ нимъ навѣки связанъ,
Онъ мой, я имъ владѣть должна:
Когда онъ жизнью мнѣ обязанъ,
Такъ мнѣ принадлежитъ она.

Глаф. Алекс. Можетъ-быть онъ чувствовалъ къ тебѣ благодарность, не болѣе.

Лезвина. О, нѣтъ, онъ меня любилъ, я это замѣтила, и еслибъ онъ не былъ такъ вѣтренъ...

Глаф. Алекс. Вѣтренъ?

Лезвина. Ужасно вѣтренъ. Почти ужъ къ концу лѣта пріѣхала сюда пить воды какая-то дама, чрезвычайная кокетка, и вообразите, вдругъ Корицкій началъ ухаживать за нею, рѣже со мною видаться, какъ-будто сталъ меня бояться.

Глаф. Алекс. Это было въ прошломъ году?

Лезвина. Да. Я не понимаю, какъ не стыдно этой дамѣ отбивать чужихъ жениховъ. Онъ не такъ виноватъ, какъ она. Въ нынѣшнемъ году онъ опять переѣхалъ сюда на лѣто, и опять ему вскружила голову какая-то вѣтреница! но я все-таки увѣрена, что онъ меня любитъ!

Глаф. Алекс. Ты увѣрена? однакожъ все, что ты мнѣ говорила, доказываетъ противное.

Лезвина. Нѣтъ, нѣтъ. Я замѣтила изъ его словъ, что онъ меня любитъ...

Глаф. Алекс. Ты его видѣла?

Лезвина. Сейчасъ я встрѣтила его въ саду... я сидѣла на лавочкѣ и заливалась слезами! Когда жъ онъ узналъ причину моихъ слезъ, когда узналъ, что я выхожу замужъ за Свищова... Боже мой, какъ онъ меня испугалъ! Поблѣднѣлъ какъ полотно.. Я ужъ думала, что ему дурно!

Глаф. Алекс. Потомъ?

Лезвина. Потомъ онъ взглянулъ на меня печально, едва удерживая слезы, вздохнулъ и удалился.

Глаф. Алекс. (*въ сторону.*) Возможно ли! такъ онъ меня обманулъ!

Лезвина. Вы видите, что онъ меня еще любитъ! Теперь одна надежда на васъ; помогите намъ.

Глаф. Алекс. Помилуй, къ какой стати мѣшаться мнѣ въ ваши дѣла, когда я сама... (*спохватясь*) Рѣшительно, я не могу ничѣмъ вамъ помочь!

Лезвина. Боже мой! да вы никакъ сердитесь на меня? неужели я васъ оскорбила?

Глаф. Алекс. О, совсѣмъ нѣтъ. (*Въ сторону.*) Конечно, она ни въ чемъ не виновата... я очень несправедлива... (*Въ слухъ.*) Но я право не знаю; я подумаю, постараюсь...

Лезвина. Ахъ, пожалуйста, поговорите маменькѣ. Скажите, что я буду очень несчастна, если она выдастъ меня за Свищова; онъ слишкомъ старъ для меня.

Глаф. Алекс. Да вотъ онъ и самъ.

Лезвина. Начните же съ него, а потомъ, когда увидите Корицкаго...

Глаф. Алекс. (*съ нетерпѣніемъ*). Хорошо, хорошо. (*Въ сторону.*) Теперь я вижу, что мнѣ должно дѣлать.

—

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Глафира Алексѣевна, Лезвина, Свищовъ.

Свищовъ. Извините, что я вошелъ сюда: я искалъ Анну Петровну...

Лезвина. Меня?

Свищовъ. Васъ зоветъ маменька. (*Въ сторону.*) Кончено, я женюсь!

Лезвина. (*тихо Глаф. Алекс.*). Слышите! не надо терять времяни.

Свищовъ. Ваша маменька, Анна Петровна...

Лезвина. Иду, иду!

Свищовъ. Позвольте и мнѣ съ вами итти.

Глаф. Алекс. Нѣтъ, останьтесь, пожалуйста, здѣсь.

Свищовъ. Здѣсь?

Глаф. Алекс. Мнѣ нужно съ вами поговорить.

Свищовъ (*въ сторону*). Остаться съ ней вдвоемъ... Боже мой, ужъ меня бросаетъ и въ жаръ и въ ознобъ.

Лезвина (*тихо Глаф. Алекс.*). На васъ одна надежда...

Глаф. Алекс. (*тихо Лезвиной*). Будь покойна, оставь только насъ. (*Лезвина уходитъ въ среднюю дверь.*)

—

ЯВЛЕНІЕ XX.

Глафира Алексѣевна и Свищовъ.

Глаф. Алекс. (*садясь близъ него*). Михайло Михайловичъ!

Свищовъ. Что прикажете? (*Въ сторону*). Ея голосокъ такъ и ворочаетъ мое сердце.

Глаф. Алекс. Садитесь, пожалуйста.

Свищовъ. Если позволите. (*Садится направо.*)

Глаф. Алекс. Зачѣмъ же такъ далеко отъ меня... этакъ не ловко намъ го-

воторить... подвинътесь сюда, поближе ко мнѣ.

Свинцовъ (*въ сторону*). Поближе къ ней! Боже мой! что со мною будетъ?.. (*Садится совершенно подлѣ нея.*)

Глаф. Алекс. (*отодвигаясь*). Нѣтъ, это ужъ слишкомъ близко.

Свинцовъ. Да, правда; извините!

Глаф. Алекс. Михайло Михайловичъ, я хочу васъ просить...

Свинцовъ. Помилуйте, прикажите только, я все готовъ для васъ сдѣлать...

Глаф. Алекс. Эта просьба касается не до меня...

Свинцовъ. Не до васъ? чрезвычайно жалѣю. Я думалъ; я надѣялся...

Глаф. Алекс. Мнѣ нужно съ вами поговорить объ Аннетѣ Лезвиной... Вы за нее сватались?

Свинцовъ. Точно такъ!

Глаф. Алекс. Я не спрашиваю, любите ли вы ее...

Свинцовъ. Кажется, она заслуживаетъ любовь...

Глаф. Алекс. О, конечно, заслуживаетъ болѣе, чѣмъ многія другія.

Свинцовъ. Ну, пѣтъ-съ; это ужъ слишкомъ... есть одна особа... (*въ сторону*). Боже мой! я съ ума сошелъ. (*Вслухъ*) Ваша правда, болѣе чѣмъ другія.

Глаф. Алекс. Но увѣрены ли вы что и она васъ любитъ?

Свинцовъ. О, я увѣренъ: если не теперь, такъ послѣ она меня полюбитъ. И какъ же ей меня не полюбить? я буду ее лелѣять, употреблю все время, всѣ попеченія, все мое состояніе только на то, чтобъ сдѣлать ее счастливою. Какъ я съ нею, такъ и она навѣрно будетъ счастлива со мною?

Глаф. Алекс. Михайло Михайловичъ, поглядите-ка на меня прямо.

Свинцовъ. Какъ? для чего это!

Глаф. Алекс. Я вижу по вашимъ глазамъ, что вы не сказали мнѣ всей правды.

Свинцовъ. Боже мой!—не уже ли вы догадались?

Глаф. Алекс. Я не знаю, кого вы любите, только увѣрена, что вовсе не Аннету; могу васъ увѣрить также, что и она вовсе не расположена къ вамъ... Вы теперь видите, что намѣреніе ваше не имѣетъ здраваго смысла!

Свинцовъ. Помилуйте...

Глаф. Алекс. Аннета еще очень молода, а у васъ, если посмотрѣть поближе, ужъ есть и сѣдые волосы.

Свинцовъ. Весьма мало; ихъ можно сосчитать...

Глаф. Алекс. А если можно сосчитать, такъ стало-быть я говорю правду. Потомъ, мнѣ кажется, что по вашему характеру нужна вамъ не такая жена, какъ Аннета.

Свинцовъ. Конечно, но что жъ дѣлать, все-таки изъ худшаго, она лучше.

Глаф. Алекс. Знаете ли, какую вамъ нужно жену?

Свинцовъ. Ахъ, знаю, очень хорошо знаю.

Глаф. Алекс. Вамъ нужна такая жена, которая бы могла вами управлять, быть вашимъ путеводителемъ... вамъ нуженъ путеводитель.

Свинцовъ. Боже мой, какъ вы хорошо меня знаете! Да, точно, мнѣ нуженъ путеводитель.

Глаф. Алекс. Иначе вы пропадете... вы довѣрчивы, чувствительны...

Свинцовъ. Чрезвычайно чувствителенъ! Чувствительность часто сбивала меня съ пути; даже и теперь я пропаду, если не поспѣшу жениться!

Глаф. Алекс. Женитесь, кто же вамъ запрещаетъ, но не на такой молоденькой дѣвушкѣ, какую вы выбрали; она сама еще нуждается въ путеводителѣ. Вы найдете тысячу другихъ на ея мѣсто...

Свинцовъ (*подвигаясь къ ней*). На ея мѣсто?

Глаф. Алекс. (*отодвигаясь отъ него*). Я увѣрена, что всякая дѣвушка съ удовольствіемъ согласится принадлежать вамъ.

Свинцовъ. Какъ, и это говорите вы?

Глаф. Алекс. Да что жъ удивительнаго? Вы добрый человѣкъ, не дурны собою...

Свинцовъ (*вскакивая, ставитъ кресло въ глубину театра*). Замолчите! ради Бога, замолчите!

Глаф. Алекс. (*вставая и переходя направо*). Что съ вами?

Свинцовъ. Что со мной? что со мной? Боже мой, я самъ не знаю; голова кругомъ идетъ! Жалѣю объ одномъ: зачѣмъ я не за сто верстъ отъ васъ!

Глаф. Алекс. Неужели я такъ страшна?

Свинцовъ. Непомѣрно страшны.

Взгляну ли я на васъ украдкой,
Иль слово вамъ одно скажу,
Точь въ точь въ горячкѣ съ лихорадкой:
И весь горю и весь дрожу!

Безъ васъ со скуки умираю,
Случись же васъ мнѣ повстрѣчать,
Пропалъ, ну, просто, погибаю,
Готовъ, ей, ей, хоть въ лѣсъ бѣжать!

Глаф. Алекс. Боже мой, да ужъ это похоже что-то на любовное объясненіе!

Свинцовъ. Обълс.... нѣтъ, никогда!... Но если ужъ сказалъ я, не могу отпираться, пренебрегаю всѣмъ, покоряюсь моей участи.... но я не виноватъ.... я люблю васъ... клянусь. (*Бросается на колѣна.*)

—

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Тѣ же и Кошельковъ.

Кошельковъ (*входя съ лѣвой стороны*). Это что?

Свинцовъ. Господи!... что я сдѣлалъ!.. что я сказалъ!

Кошельковъ. Какъ, милостивый государь, вы... прошу покорно!.. Вотъ лицемѣръ-то! вотъ обманщикъ!

Свинцовъ. Андрей Васильевичъ!.. Глафира Алексѣевна, сдѣлайте одолженіе, не вѣрьте вашему супругу..., я ему цѣлый день твердилъ: смотрите, берегитесь... я люблю вашу жену, обожаю, не оставляйте меня съ нею.

Кошельковъ. Вы дали слово не входить болѣе въ мой домъ; зачѣмъ вы здѣсь?

Свинцовъ. А зачѣмъ вы сами не были здѣсь? Вы же во всемъ виноваты: я при васъ бы не смѣлъ-бы и заикнуться, а теперь ваша супруга все знаетъ... теперь гоните меня вонъ! Гоните вонъ изъ своего дома! Вы имѣете полное право!

Кошельковъ. А ты, Глафирушка... какъ тебѣ не стыдно? Ну, еслибъ вошелъ сюда кто другой и увидѣлъ его въ такомъ положеніи, еслибъ напримѣръ Корицкій!

Свинцовъ. Корицкій!

Кошельковъ. Да-съ! вѣдь тогда бы все погибло!

Свинцовъ. Погибло! что погибло?

Глаф. Алекс. Тсъ! вотъ онъ!

—

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Тѣ же и Корицкій.

Кошельковъ (*Свинцову тихо*). Ни слова! если онъ узнаетъ... онъ убьетъ васъ!

Свинцовъ. Да по какому праву?

Кошельковъ. Пойдемте со мной въ мой кабинетъ...

Свинцовъ. Какъ, опять оставить ихъ вдвоемъ?

Кошельковъ. Пойдемте, я вамъ говорю! Я вамъ все объяснію.

Глаф. Алекс. (*тихо Свинцову*). Ступайте, прошу вас..

Свинцов. Она меня просить!.. Боже мой! что это значить! (*Уходить съ Кошельковымъ направо.*)

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Корицкій и Глафира Алексѣевна.

Глаф. Алекс. (*въ сторону*). Я должна бы ему отплатить, да Богъ съ нимъ!

Корицкій (*въ сторону*). Бѣдная Аннета! Теперь ужъ поздно!

Глаф. Алекс. А! вы ужъ здѣсь, Ѳедоръ Павловичъ?

Корицкій. Все готово къ моему отъѣзду.

Глаф. Алекс. Такъ скоро?

Корицкій. Вы, кажется, сами этого желали. Признаюсь, и я желалъ бы уѣхать отсюда чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Глаф. Алекс. Неужели? Такъ вы еще не раздумали слѣдовать за нами?

Корицкій (*принужденно*). Помилуйте, я далъ вамъ слово.

Глаф. Алекс. Послушайте, однакожъ еще я боюсь, чтобы вы не раскаявались послѣ. Не съ горестью ли вы оставляете Петербургъ?

Корицкій. Съ горестью? Что за подозрѣнія?

Глаф. Алекс. Подозрѣній никакихъ нѣтъ... Еслибъ даже я сомнѣвалась въ васъ, такъ стоитъ только мнѣ прочесть ваше письмо, чтобъ удостовѣриться совершенно въ противномъ... (*Читаетъ.*) «Вы мой ангелъ, вы единственная особа, къ которой я питаю непреодолимую любовь. Кромѣ васъ я никого не люблю и никогда, во всю мою жизнь, не любилъ еще другой... Судьба моя въ вашихъ рукахъ...» Но скажите: истину ли вы написали?

Корицкій. О, повѣрьте...

Глаф. Алекс. Поклянитесь мнѣ (*показывая на Лезвину, которая показывается въ саду*). Поклянитесь предъ Анистой.

Корицкій (*въ сторону*). Она идетъ сюда!

Глаф. Алекс. Вы не рѣшаетесь?

Корицкій. О, нѣтъ... но...

Глаф. Алекс. Хорошо, я васъ увольняю отъ вашей клятвы. (*Въ сторону.*) Слава Богу, что я еще его не люблю!.. (*Идетъ на встрѣчу Лезвиной, которая входитъ, въ слезахъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Тѣ же, Лезвина.

Лезвина (*въ глубинѣ театра*). Онъ уѣзжаетъ! Ужъ карета у крыльца.

Корицкій (*въ сторону*). Бѣдная Аннета!

Лезвина (*увидя Корицкаго*). Ахъ, онъ здѣсь!

Глаф. Алекс. Не безпокойся, мой другъ, карета приготовлена для меня: онъ остается!

Корицкій. Что это значитъ?

Глаф. Алекс. Да, онъ остается, потому что не въ состояніи разлучиться съ тобою. Сію минуту онъ самъ мнѣ признался, и вотъ... (*нерышительно*) просилъ меня отдать тебѣ эту записку. (*Отдаетъ ей письмо.*)

Корицкій (*тихо Глафирѣ Алекс.*). Что вы дѣлаете?

Глаф. Алекс. (*тихо*). Неужели вы рѣшитесь изобличить себя во лжи?

Корицкій (*въ сторону*). Она все знала!

Лезвина (*прочитавъ письмо, Корицкому*). Какъ? вы меня все еще любите?.. Вы не измѣняли мнѣ? Вы просите моей руки?

Глаф. Алекс. Да, да, и желаетъ, чтобъ ты какъ можно скорѣе рѣшила его судьбу. (*Подводитъ Лезвину къ Корицкому.*)

—

ЯВЛЕНІЕ XXV.

Корицкій, Лезвина, Глафира Алексѣевна, Свинцовъ, Кошельковъ.

Свинцовъ. Нѣтъ, нѣтъ! Этой свадьбѣ не бывать, я не позволю!

Лезвина (про себя). Боже мой! Свинцовъ!

Свинцовъ. Я готовъ хоть на ножи съ Корицкимъ!

Кошельковъ. Стыдитесь! вы употребляете во зло мою довѣренность?

Свинцовъ. Нѣтъ, ужъ воля ваша! Я не позволю! не позволю!

Корицкій. А вотъ увидимъ, какъ вы не позволите! Я получилъ уже согласіе; я увѣренъ, что и матушка ея не будетъ противиться нашему счастію!

Свинцовъ. Матушка? (*Глафирѣ Алекс.*) У васъ есть матушка? (*Кошелькову.*) Вы мнѣ и не сказали, что у нея есть матушка?

Кошельковъ. Да о комъ вы говорите?

Глаф. Алекс. Вы меня удивляете, Михайло Михайловичъ! Давича изъ вашихъ словъ я замѣтила, что вы охотно бы отказались отъ Аннеты... и потому безъ васъ я устроила ея судьбу.... она выходитъ замужъ, только не за васъ...

Свинцовъ. Какъ, и она!.. Да за кого жъ она выходитъ?

Глаф. Алекс. За Ѳедора Павловича!

Кошельковъ. Что я слышу!

Свинцовъ. Можетъ ли быть?

Корицкій. Точно такъ; и если вы осмѣлитесь опять оспоривать...

Свинцовъ. Нѣтъ, нѣтъ, будьте покойны... я думалъ, что Глафира Алексѣевна.

Лезвина. Глафира Алексѣевна?

Глаф. Алекс. (*тихо Свинцову*). Замолчите!

Свинцовъ. Виноватъ! молчу! Боже мой! какъ я счастливъ! Вотъ ужъ и понла голова кругомъ... и жаръ и озноб.

Кошельковъ. Рѣшительно ничего не понимаю.

Свинцовъ. Андрей Васильевичъ! прошу руки вашей супруги... Боже мой, съ ума сошелъ... прошу руки вашей племянницы.

Кошельковъ. Это дѣло до меня не касается: обратитесь къ ней самой.

Свинцовъ. Глафира Алексѣевна, прошу руки вашего дядюшки!

Глаф. Алекс. Ха! ха! ха!..

Свинцовъ. Виноватъ, извините... рѣшительно помѣшался... Не мудрено — такая радость...

Глаф. Алекс. (*подавая ему руку*). Вотъ вамъ моя рука!

Свинцовъ. Она согласна!.. Я буду ея мужемъ! Боже мой... гдѣ моя голова... не чувствую самъ себя.

Кошельковъ. Да благословитъ васъ Богъ! Будьте счастливы. (*Въ сторону*). Уфъ! какъ гора съ плечъ!.. Наконецъ сбылъ племянницу!

Глаф. Алекс. (*говоритъ къ публикѣ*).

Я женихами браковала
И такъ разборчива была,
Что чуть себя не наказала,
Едва ужъ одного нашла!
Невѣстъ на свѣтѣ очень много;
Имъ всѣмъ бы надо подтвердить,
Чтобъ женіховъ не слишкомъ строго
Опѣ изволили судить!
Ужъ вѣрно, матушки со мною
Вполнѣ согласны будутъ въ томъ,
Что мужъ хорошъ не красотою,
А честью, сердцемъ и умомъ;
Что красота дѣвицъ ничтожна,
Что гордость въ нихъ порокъ большой;
Что ни кокетствовать не должно,
Ни заниматься имъ собой!
Что женщинѣ пренепріятно
Безъ мужа цѣлый вѣкъ прожить,

Что только для жены понятно,
Какъ должно истинно любить!
Что имъ подпора и отрада,
Подъ старость лѣтъ,—одинъ супругъ,
И что невѣстамъ брать не надо
Въ примѣръ разборчивыхъ подругъ!
По этому, дѣвицамъ должно
Ту истину, во первыхъ, знать:
Что безъ мужей имъ невозможно
Себой какъ надо управлять;
А, во вторыхъ, чтобъ съ этимъ вмѣстѣ
Имъ женихами дорожить,
Такъ и разборчивой невѣстѣ
Не худо сказку заучить.

Не всѣ о счастіи замужства
Привыкли такъ, какъ я, судить,
Но вотъ совѣтъ мой, вотъ искусство
Дѣвицамъ замужъ выходить!

Лезвина.

Нашъ авторъ на канвѣ готовой
Чужой рисунокъ наводилъ,
И, умъ французскій взявъ основой,
Въ родное платье нарядилъ.
Представя новую бездѣлку,
Боится авторъ одного,
Чтобъ вы за эту передѣлку
Не разсердились на него.

18106. 9724 9824

ПАНТЕОНЪ РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

№. 11.

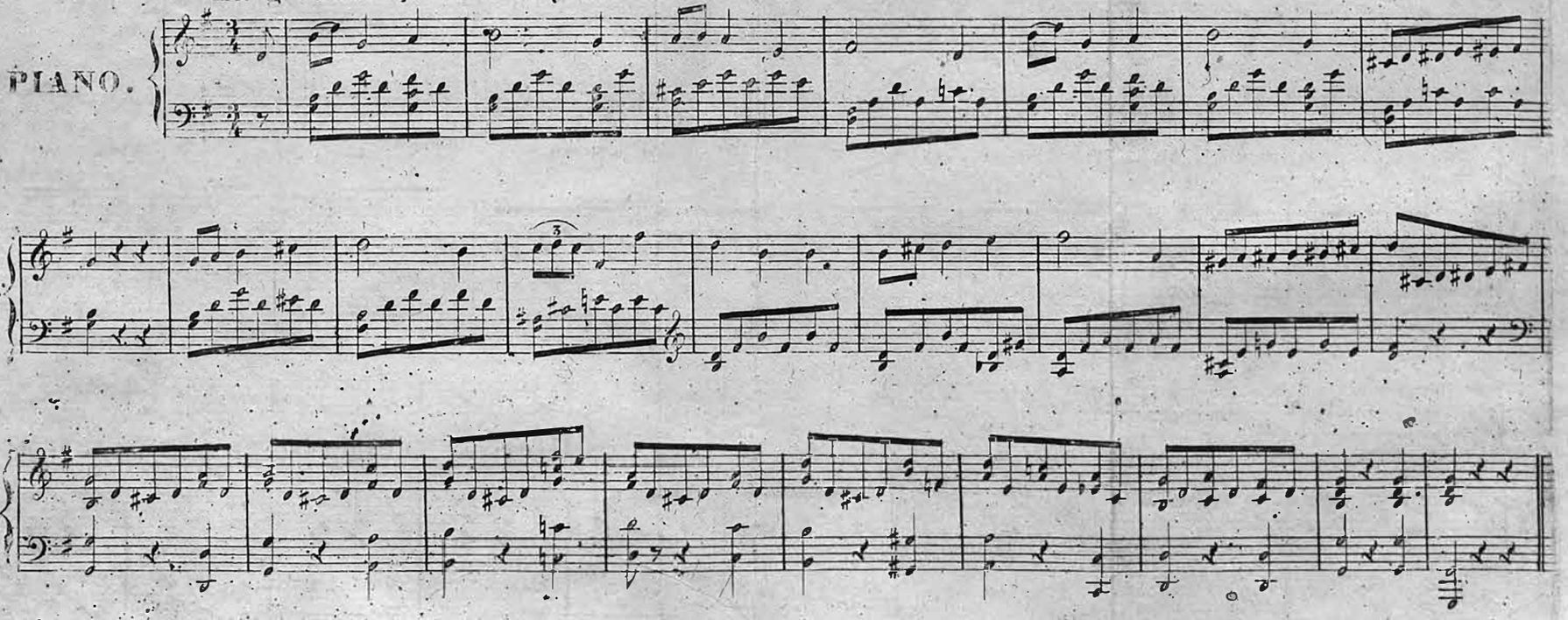
ШВЕЙЦАРСКАЯ ПѢСНЯ

слова и Музыка

П.С. ѲЕДОРОВА.

Allegretto.

PIANO.



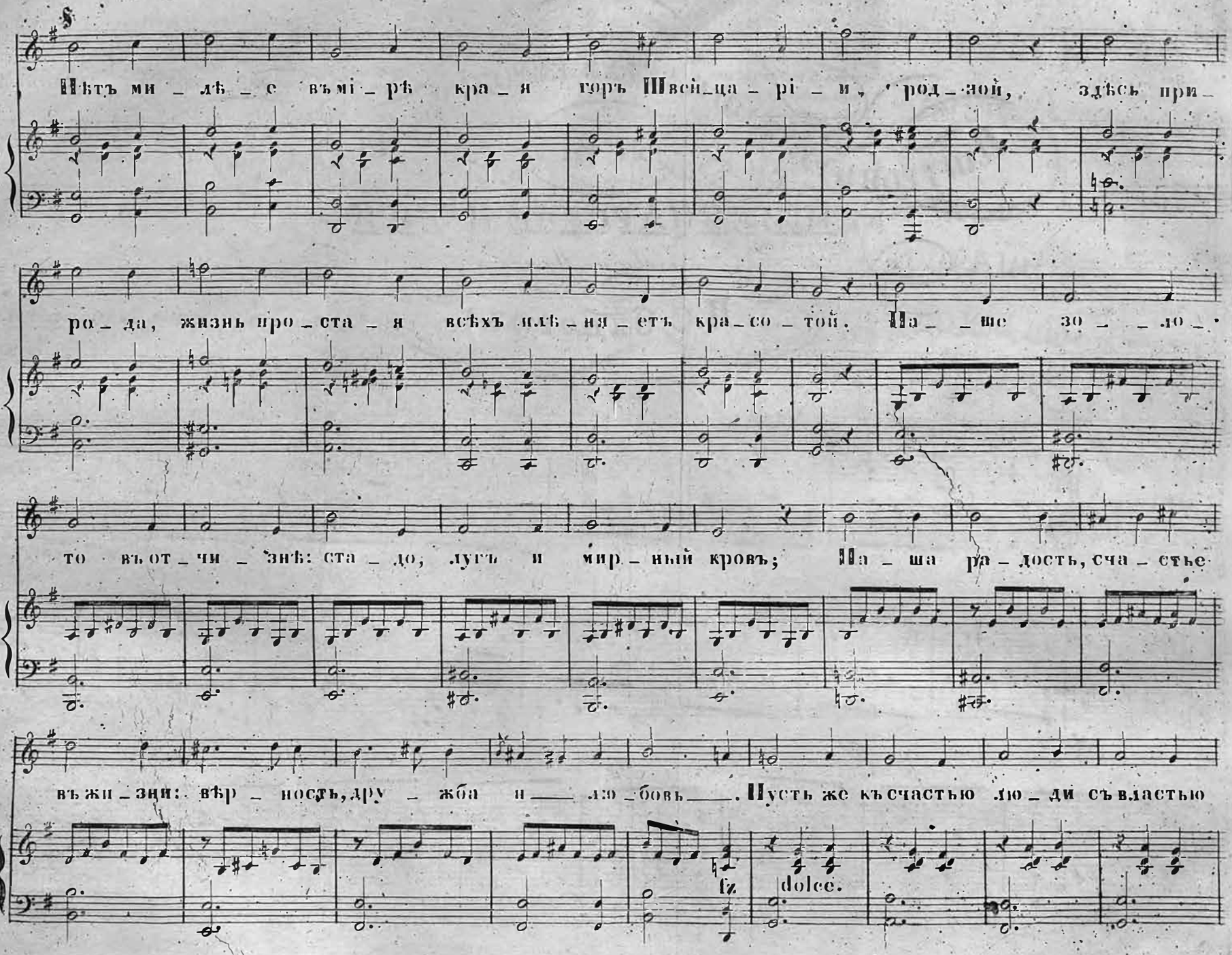
Нѣтъ ми _ лѣ _ е въ мі _ рѣ кра _ я горъ Швей_ца _ рі _ и, род _ ной, здѣсь при _

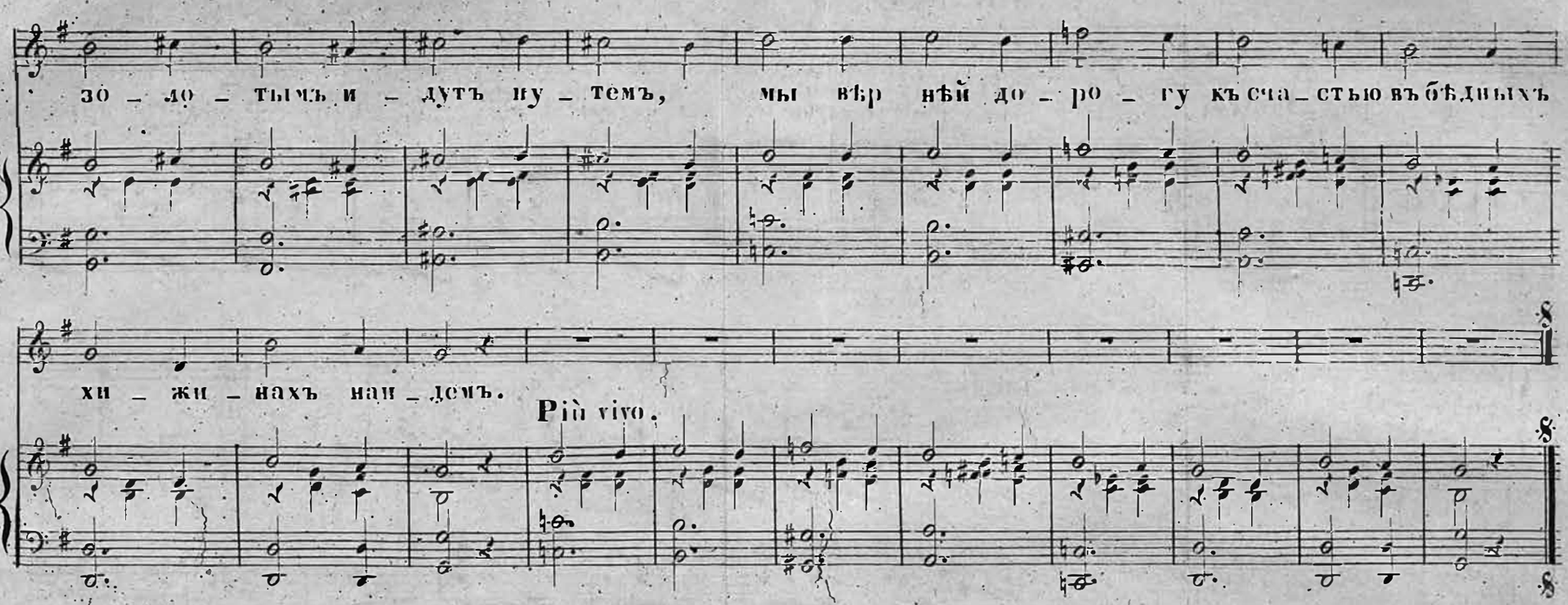
ро _ да, жизнь про _ ста _ я всѣхъ млѣ _ ня _ етъ кра _ со _ той. На _ _ ше зо _ _ ло _

то въ от _ чи _ знѣ: ста _ до, лугъ и мир _ ный кровъ; На _ ша ра _ дость, сча _ стье

въ жи _ зни: вѣр _ ность, дру _ жба и ___ лю _ бовь ___. Пусть же къ счастью лю _ ди съ властью

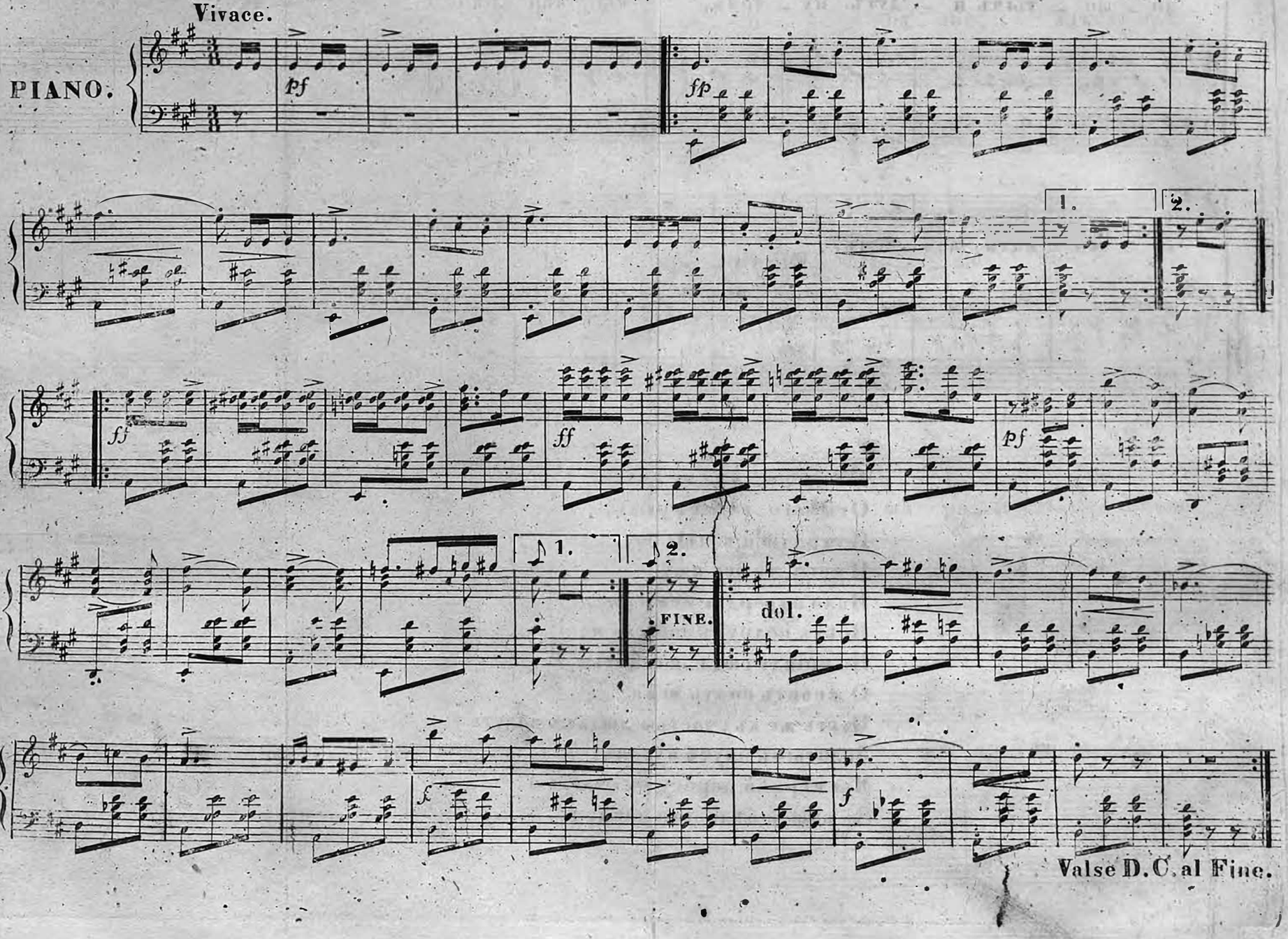
fz dolce.





Я теперь, сама не знаю,
Отъ чего-то все грущу,
И страдю и вздыхаю,
И чего-то все ищу.
Пало на сердце ненастье,
Всѣхъ подругъ забыла я;
Но прійду сюда – и снастье
Оживитъ опять меня.
Пусть же къ счастью люди съ властью
Золотымъ идутъ путемъ,
Мы вѣрнѣй дорогу къ счастью
Въ нашей бѣдности найдемъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О ПОРНИКѢ.
КАМИЛЛА.
ВАЛЬСЪ ЭДУАРДА ВОЛЬФА.



БУРЯ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ШЕКСПИРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

М. Г.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Алонзо, король Неаполитанскій.

Себастіянъ, его братъ.

Просперо, настоящій герцогъ Милана.

Антоніо, братъ его, похититель миланскаго престола.

Фердинандъ, сынъ короля неаполитанскаго.

Гонзало, сенаторъ, честный, старый совѣтникъ неаполитанскаго двора.

Адріянъ, Франческо } вельможи.

Калибанъ, дикій и безобразный рабъ.

Тринкуло, придворный шутъ.

Стефано, пьяный буфетчикъ.

Капитанъ корабля, боцманъ и матросы.

Миранда, дочь Просперо.

Аріэль, сильфъ.

Ириса, Церера, Юнона, Нимфы, Жнецы } духи.

Другіе духи, повинующіеся Просперо.

Дѣйствіе въ открытомъ морѣ, на кораблѣ; потомъ на необитаемомъ островѣ.

Дѣйствіе IV, сцена II.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

На кораблѣ. Открытое море. Буря съ громомъ и молніею.

(Входятъ капитанъ корабля и боцманъ.)

Капитанъ. Боцманъ!

Боцманъ. Здѣсь, мастеръ. Что прикажете?

Капитанъ. Ладно! Крикни-ка матросамъ. Гей! Дружнѣй за работу, или мы сядемъ на мель. Живо, живо!

(Входятъ матросы.)

Боцманъ. Гей, друзья, веселѣй, веселѣй! Дружно, дружно, дѣтки! Скрѣпить марсель; да слушать свистокъ мастера. Понатужьтесь-ка, понатужьтесь, братцы. Хоть себѣ тресните, а отъ дѣла не отставать.

(Входятъ Алонзо, Себастіанъ, Антоніо, Фердинандъ и другіе.)

Алонзо. Добрый Боцманъ, будь осторожнѣе. Гдѣ мастеръ? Работайте мужественно, друзья.

Боцманъ. Сдѣлайте одолженіе, оставайтесь внизу.

Антоніо. Боцманъ, гдѣ мастеръ?

Боцманъ. Развѣ вы не слышите его голоса? Эхъ, господа, мѣшаете вы намъ только работать! Сидѣли бы въ каютахъ; вы только штормy помогаете.

Гонзало. Успокойся, дружокъ!

Боцманъ. Я успокоюсь, когда море успокоится. Имѣютъ ли какое нибудь уваженіе эти ревущія волны къ имени короля? Маршъ по каютамъ: не мѣшать намъ.

Гонзало. Пожалуй, только ты, братъ, не забывай, какой человѣкъ находится на твоемъ кораблѣ.

Боцманъ. Да ужъ вѣрно здѣсь нѣтъ человѣка, котораго бы я любилъ больше самаго себя. Вы, вотъ, министръ въ вашемъ государствѣ;—нутка, попробуйте усмирить стихіи, и коли удастся вамъ теперь сдѣлать тишь, то мы не дотронемся ни до одной снасти; употребите-ка власть вашу. А не можете, такъ будьте благодарны, что еще живы, и готовьтесь въ каютахъ къ страшному часу, коли намъ не суждено миновать его. — Гой! го! Веселѣе, дѣтки! Прочь съ дороги, говорю я. *(Уходитъ.)*

Гонзало. Этотъ человѣкъ поселяетъ надежду въ душѣ моей. Мнѣ кажется, ему не суждено потонуть: онъ рожденъ для висѣлицы. О, благое Провидѣніе! будь твердо, не измѣняй его предназначенія. Пусть веревка, которую судьба готовитъ ему на шею, замѣнитъ канаты наши, которые слишкомъ ненадежны; а если судьба не назначила ему висѣлицы, мы пропали. *(Уходитъ.)*

Боцманъ, (входя.) Стеньгу на низъ, дружнѣй! Ниже, еще ниже. Останемся подъ нижними парусами. *(Крики внутри корабля.)* Чортъ ихъ побери съ ихъ визгомъ; они заглушаютъ и бурю и работу.

(Входятъ Себастіянъ, Антоніо, Гонзало.)

Боцманъ. Опять вы здѣсь! Что вамъ надо? Или бросить намъ все къ чорту, да потонуть! Что? Или вамъ любо ко дну итти, что ли?

Себастіянъ. Что за проклятая глотка! Только и знаетъ, что реветъ да ругается, безжалостное животное!

Боцманъ. Ну, такъ добро, работайте жъ сами.

Антоніо. Этакой висѣльникъ! Собака! Вотъ, безстыдный крикунъ! Да мы меньше тебя боимся потонуть.

Гонзало. Я вамъ ручаюсь, что онъ не потонетъ, будь нашъ корабль также легокъ, какъ орѣховая скорлупа и такъ же негоденъ, какъ безпутная баба.

Боцманъ. Придерживайся круче, круче! Отдай два нижніе паруса, и держи въ море, въ открытое море!

(Входятъ матросы, мокрые съ ногъ до головы.)

Матросъ. Все пропало! Къ молитвѣ, къ молитвѣ! Все пропало!

Боцманъ. Что? Или холодъ ужъ подступаетъ къ губамъ?

Гонзало. Король и принцъ молятся, станемъ и мы молиться съ ними. Судьба наша одинакова.

Себастіянъ. Я выхожу изъ терпѣнія.

Антоніо. Пьяная толпа явно лишаетъ жизни насъ. А все тотъ отъявленный мошенникъ! Чтобъ тебѣ въ десяти моряхъ топуть и не утопуть.

Гонзало. Чтобы послѣ быть повѣшеннымъ! Но, кажется, этому не бывать: каждый валъ такъ на него и мечется, какъ будто хочетъ проглотить. *(Слышенъ внутри смутный шумъ.)*

Себастіянъ. О, Господи, помилуй насъ! Мы погибаемъ. Прости, жена! Дѣти мои, братъ! Простите! Гибнемъ! Погибаемъ, погибаемъ!

Антоніо. Погибнемъ же вмѣстѣ съ королемъ. *(Уходитъ.)*

Себастіянъ. Простимся съ ними. *(Уходитъ.)*

Гонзало. О, я бы отдалъ теперь тысячу миль моря за уголокъ безплодной

земли; за сухіе кусты, за дикій терновникъ! Но все равно! Да свершится опредѣленіе небесное!... Однако, я желалъ бы умереть на сушѣ! *(Спускается въ каюту.)*

=

СЦЕНА II.

(Островъ. Предъ пещерой Просперо. Входитъ Просперо и Миранда.)

Миранда. Если вы своей наукой, милый батюшка, подняли сердитыя волны, то, умоляю васъ, усмирите ихъ. Облака, кажется, разразились бы огненнымъ потокомъ, когда бы море, прядая къ самой надзвѣздной тверди, не заливало ихъ пламени. О, какъ страдала я съ тѣми, которые страдали въ глазахъ моихъ! Отъ гордаго корабля, гдѣ вѣрно было многоблагородныхъ созданій, остались сюдни обломки. Крики ихъ отозвались въ моемъ сердцѣ. — Бѣдные! Они погибли! О, будь я божествомъ могучимъ, я заточила бы море въ глубину земли, прежде, чѣмъ оно успѣло поглотить бѣдный корабль съ его трепетнымъ экипажемъ.

Просперо. Успокойся! Не страшись ничего; скажи своему сострадательному сердцу, что никакого зла не случилось.

Миранда. Несчастный день!

Просперо. Никакого зла, говорю я. Все, что я сдѣлалъ, было сдѣлано для твоего благополучія, мой ангелъ, для тебя, дочь моя! Да. Тебѣ еще неизвѣстно, кто ты, — откуда я. Ты знаешь только, что я Просперо, владѣтель скромнаго грота, и что сама ты дочь незнатнаго отца.

Миранда. Мнѣ никогда не приходило на мысль узнавать болѣе.

Просперо. Но пришло время открыть тебѣ многое. Дай мнѣ руку и сними съ меня волшебную мантію. Такъ, хорошо! *(Скидаетъ мантію.)* Лежи пока, моя наука. — Утри же слезы, будь покойнѣе. Страшное зрѣлище кораблекрушенія возбудило въ тебѣ дивную добродѣтель — состраданіе; но я умѣлъ чарами искусства своего расположить такъ, что ни одной живой души не погибло, ни одного волоса не упало съ головы людей, находившихся на кораблѣ, котораго трескъ долетѣлъ до твоего слуха, котораго гибель ты видѣла. Садись: ты должна сегодня узнать многое.

Миранда. Вымного разъ начинали мнѣ разсказывать о моемъ происхожденіи, но всегда останавливались и повергали меня въ бездну безполезныхъ догадокъ, словами: «погоди, еще не время.»

Просперо. Теперь оно настало. Садись и слушай. Помнишь ли ты время, когда мы еще не жили въ этой пещерѣ? Нѣтъ, я не думаю, чтобъ ты помнила: тебѣ тогда было около трехъ лѣтъ.

Миранда. Нѣтъ, батюшка, я помню это время.

Просперо. Но что именно сохранилось въ твоей памяти? Домъ ли, люди или какой-нибудь другой образъ?

Миранда. Этому ужъ очень давно. Время это болѣе похоже на сонъ, нежели на существенность, которую бы могла оправдать моя память. Не было ли около меня когда-то четырехъ или пяти женщинъ, которыя мнѣ прислуживали?

Просперо. Было и болѣе, Миранда; но какъ ты могла это сохранить въ памяти? Не различаешь ли ты еще чего въ туманѣ прошедшаго? Если ты помнишь то, что было прежде нашего прибытія сюда, то ты также должна помнить, какъ мы попали на островъ.

Миранда. Этого я не припомню.

Просперо. Двѣнадцать лѣтъ, Миранда, да, двѣнадцать лѣтъ тому, отецъ твой былъ герцогомъ Милана, владѣтельнымъ государемъ.

Миранда. Такъ вы мнѣ не отецъ?

Просперо. Твоя мать — сокровище добродѣтели, говорила мнѣ, что ты моя дочь; отецъ твой былъ герцогъ Милана; его единственная наслѣдница была принцессою.

Миранда. Мой Богъ! Какіе же низкіе происки лишили насъ всего? Или это благословеніе небесъ надъ нами?

Просперо. И то и другое, дочь моя. Низкіе происки, какъ говоришь ты, лишили насъ всего, а благословеніе небесъ привело сюда.

Миранда. О! сердце мое обливается кровью, когда вспомню, что расшевелила въ груди вашей воспоминанія о печальныхъ обстоятельствахъ жизни, которыя не сохранились у меня въ памяти! Но продолжайте, пожалуй-ста.

Просперо. Мой братъ, а твой дядя, Антоніо..... слушай же меня!.... Какъ братъ могъ быть такъ вѣроломенъ! Человѣкъ, котораго послѣ тебя любилъ я болѣе всего на свѣтѣ, которому я повѣрилъ правленіе моего государства, занимавшаго въ то время первое мѣсто между владѣніями италіянскими, а Просперо почитался первымъ герцогомъ — онъ былъ высокъ саномъ, и любовію къ искусствамъ знаменитъ. — Искусства были единственнымъ предметомъ моихъ занятій, а все бремя правленія сложилъ я на брата... Твой коварный дядя... слушаешь ли ты меня?

Миранда. Съ совершеннымъ вниманіемъ.

Просперо. Научившись жаловать и лишать милостей, повышать и свергать съ высоты почестей людей государственныхъ, онъ пересоздавалъ людей, мною созданныхъ, я хочу сказать, что онъ или измѣнялъ ихъ, или совершенно переобразовывалъ, и такимъ образомъ, располагая и человѣкомъ и его обязанностями, онъ настраивалъ всѣ сердца на ладъ собственной воли, и наконецъ, какъ плющъ обвилъ мое царственное древо и высосалъ изъ него жизненные соки. Ты не слушаешь меня, Миранда?

Миранда. Я слушаю, добрый батюшка.

Просперо. Пренебрегая мірскими заботами, посвятивъ все время уединенію и обогащенію души тѣми сокровищами, которыя по отвлеченности своей недоступны суду людскому, я самъ питалъ въ братѣ дурныя наклонности. За мою, почти родительскую, къ нему довѣренность, заплатилъ онъ однимъ вѣроломствомъ, которое было столь же велико, какъ и довѣренность моя, не имѣвшая границъ. Сдѣлавшись обладателемъ не только моихъ доходовъ, но и податей, которыя только я властенъ былъ налагать, подобно безстыдному лжецу, который наконецъ самъ вѣритъ своей лжи, онъ собственную выдумку сталъ принимать за истину. Для твой увѣрилъ себя, что онъ герцогъ; не будучи самъ царемъ, онъ выполнялъ роль царя со всѣми ея преимуществами; самолюбіе его росло не по днямъ, а по часамъ... слушаешь ли ты меня?

Миранда. Вашъ разсказъ, батюшка, и глухаго вылечитъ.

Просперо. Чтобы вполнѣ осуществить въ себѣ лице, которое онъ представлялъ, ему не доставало только сана миланскаго владыки; а я, бѣднякъ, довольствовался своею библіотекой; она замѣняла мнѣ пространное герцогство! Почитая меня неспособнымъ царствовать, онъ заключаетъ союзъ съ королемъ неаполитанскимъ, по которому обязуется платить ему дань, воздавать почести; подчиняетъ свою корону его коронѣ, и опутываетъ герцогство, дотолѣ свободное (о бѣдный Миланъ мой!) цѣпями унизительнаго рабства.

Миранда. Царь небесный!

Просперо. Но слушай, каковы были его условія и послѣдствія ихъ, и потомъ скажи, могъ ли я этого ожидать отъ роднаго брата?

Миранда. Я почла бы себя преступницей, если бъ осмѣлилась подумать что-нибудь безчестное о моей бабушкѣ. Бываетъ, что и добродѣтельная мать имѣетъ недостойнаго сына.

Просперо. Вотъ его условія: неаполитанскій король, мой непримиримый врагъ, принялъ предложенія моего брата, и въ замѣну обѣщанныхъ ему почестей, и, не зная въ чемъ состоявшей дани, обѣщалъ лишить меня и родъ мой герцогства и вручить брату моему прекрасный Миланъ, со всею его славою. Они собрали вооруженныхъ предателей, и въ ночь, назначенную для исполненія ихъ предпріятія, Антоніо растворилъ врата Милана, и во мракѣ ночи исполнители звѣрскаго умысла вытолкали меня изъ города. Ты плакала въ испугѣ на рукахъ моихъ.

Миранда. Милосердый Боже! И я забыла плачь мой въ эту ночь! За то теперь буду рыдать!

Просперо. Дослушай. Я дойду до главнаго предмета, который долженъ занять насъ, и безъ котораго весь разсказъ мой не послужилъ бы ни къ чему...

Миранда. Но какъ они тогда не убили насъ!

Просперо. Твой вопросъ основателенъ, дочь моя; повѣсть моя должна была родить его. Другъ мой, они не смѣли (такъ велика была ко мнѣ любовь народа), они не смѣли запечатлѣть кровью своего дѣла: они свѣтлыми красками расцвѣтили свой гнусный заговоръ. Однимъ словомъ, они бросили насъ въ какую-то барку и влекли нѣсколько миль въ открытомъ морѣ, гдѣ приготовленъ былъ у нихъ утлый оставъ шлюпки, безъ снастей, безъ мачтъ и парусовъ; даже крысы, по какому-то инстинкту, оставили его. Въ этомъ оставѣ они предоставили намъ свободу взывать къ ревущему морю, и вѣтрамъ посылать свои вздохи; а вѣтры, какъ бы изъ состраданія, вздыхали вмѣстѣ съ нами, не причиняя намъ вреда, и какъ друзья истинные, охраняли насъ.

Миранда. О! Я была тогда для васъ тяжкимъ бременемъ.

Просперо. Ты была моимъ ангеломъ-хранителемъ. Въ то время, какъ я ронялъ въ море мои горькія слезы, изнемогая подъ бременемъ скорби, ты улыбалась, озаренная благодатью небесною; эта улыбка вливала мнѣ въ душу неодолимую силу переносить все, что бы ни случилось далѣе.

Миранда. Но какъ попали мы на берегъ?

Просперо. Помощью милосердаго Бога. У насъ были кое-какіе съѣстные припасы, да не много свѣжей воды. Этимъ изъ состраданія снабдилъ насъ Гонзало, одинъ благородный Неаполитанецъ, которому поручено было насъ проводить. Между прочимъ, далъ онъ намъ богатыя одежды, бѣлья, нѣсколько кусковъ матерій и еще разныя необходимыя вещи, очень пригодившіяся въ послѣдствіи: такъ же по своему добродушію и зная, какъ я любилъ книги, далъ онъ мнѣ тѣ изъ нихъ, которыми я дорожу болѣе, чѣмъ герцогствомъ.

Миранда. О, какъ бы я желала видѣть этого человѣка!

Просперо. Я встану. А ты сиди и слушай конецъ нашихъ бѣдствій на морѣ. Мы прибыли сюда на островъ. Здѣсь я сталъ твоимъ учителемъ и употребилъ съ большею пользою жизнь, чѣмъ другіе государи, расточающіе время на ничтожныя забавы; а ты имѣла наставника, какого не всѣ дѣвушки, твоего сана, имѣютъ.

Миранда. Да наградитъ васъ Богъ за это! Но, батюшка, скажите мнѣ, съ какою цѣлью вы подняли бурю, отъ которой до сихъ поръ бьется у меня сердце!

Просперо. Узнай все: случаемъ самымъ страшнымъ, благодѣтельница фор-

туна (отпынѣ моя владычица), привела моихъ враговъ къ здѣшнимъ берегамъ. Я по наукѣ предвѣдѣнія вижу самую благопріятную звѣзду, улыбающуюся мнѣ съ зенита; но вліяніе ея ослабѣетъ невозвратно, если я теперь не воспользуюсь своимъ счастіемъ и упущу его изъ рукъ. Болѣе ни о чемъ меня не спрашивай; тебя клонитъ ко сну? Счастливая усталость, покорись ея влеченію. — Я знаю, ты не въ силахъ ей противиться. *(Миранда засыпаетъ.)* Теперь, слуга мой, явись ко мнѣ; я готовъ. Аріэль!

(Является Аріэль.)

Аріэль. Привѣтствую тебя, могущественный повелитель, достойный властелинъ мой, привѣтствую тебя. Повелѣвай: нужно ли пролетѣть воздухъ, пройти огнь и воду, или проноситься на дымкѣ облака? Аріэль и всѣ его духи покорны твоему слову.

Просперо. Такъ ли, духъ, ты поднялъ и велъ бурю, какъ я просилъ тебя.

Аріэль. Во всѣхъ отношеніяхъ. Я приступилъ къ королевскому кораблю; на бакѣ, въ трюмѣ, на палубѣ, по всѣмъ каютамъ разсѣялъ я ужасъ и пламя! То, раздѣляя огонь мой, я жегъ корабль разомъ во многихъ мѣстахъ; то разбрасывалъ огненныя струи по стеньгѣ, по реямъ, по бушприту; то разливалъ, то вдругъ сливалъ ихъ опять въ одну пожирающую массу. Юпитерова молнія, предшественница громовыхъ ударовъ, не такъ быстра, какъ мое опустошительное дуновеніе. Шипѣніе серы, трескъ пламени, казалось, ужасали самаго Нептуна, приводя въ трепетъ его ярыя волны, и грозный трезубецъ дрожалъ въ его десницѣ.

Просперо. Мой храбрый Аріэль! А былъ ли кто на кораблѣ такъ твердъ и мужественъ, что не потерялъ разсудка въ суматохѣ?

Аріэль. Ни одна душа: всѣхъ трясла лихорадка страха; отчаяніе въ разныхъ видахъ являлось на лицѣ каждаго. Всѣ, выключая матросовъ, бросились въ пѣнящіяся волны, торопясь оставить корабль, который вмѣстѣ со мною былъ обвитъ пламенною дымкой. Сынъ короля, Фердинандъ, у котораго волосы поднялись дыбомъ, какъ камышъ, первый выскочилъ, крича: «Вѣрно адъ опустѣлъ: здѣсь всѣ его демоны.»

Просперо. Мой милый духъ! Близко ли отъ берега произошло кораблекрушеніе?

Аріэль. У самаго берега, властитель.

Просперо. И всѣ живы?

Аріэль. Ни одинъ волосъ у нихъ не погибъ, нѣтъ пятнышка на одеждѣ; она еще чище прежняго. И наконецъ, по твоему приказанію, разсѣялъ я ихъ по острову разными партіями. Королевскаго сына выбросилъ я на берегъ отдѣльно отъ другихъ и привелъ его въ самый уединенный уголъ острова; на свободѣ освѣжаетъ онъ воздухъ своими вздохами, и, погруженный въ грустныя думы, сидитъ вотъ такъ, скрестивъ свои руки.

Просперо. А что ты сдѣлалъ съ матросами королевскаго корабля и остальнымъ флотомъ?

Аріэль. Королевскій корабль въ гавани, въ самомъ безопасномъ мѣстѣ, въ той глубокой бухтѣ, откуда послалъ ты меня однажды въ полночь собрать росу на Бермудахъ, обуреваемыхъ вѣчной грозою. Тамъ онъ скрытъ отъ всѣхъ. Увлѣкши чарами моими изнеможеніе матросовъ, въ которое повергнуты они были трудами и бурею, я усыпилъ ихъ. Что же касается до остальнаго флота, который я было разбросалъ, теперь онъ весь соединился, и въ полномъ составѣ по волнамъ средиземнаго моря возвращается въ Неаполь, въ томъ убѣжденіи, что видѣлъ крушеніе королевскаго корабля и погибель вѣнчанной главы его.

Просперо. Ты въ точности исполнилъ мои порученія, мой Аріэль. Но еще осталось много дѣла. Который часъ?

Аріэль. День перешелъ за половину.

Просперо. Да, по крайней мѣрѣ, двумя стклянками. Все время, до шести часовъ, должны мы употребить на занятія.

Аріэль. Какъ, еще работа? Позволь же и тебѣ напомнить обѣщаніе, которое ты до сихъ поръ не думаешь исполнить.

Просперо. Опять, упрямецъ! Чего ты требуешь?

Аріэль. Свободы.

Просперо. Какъ, прежде срока? Ни слова болѣе.

Аріэль. Вспомни, какъ я усердно служилъ тебѣ; ни одинъ разъ не ошибся; служилъ безъ ропота и злобы. Ты обѣщалъ мнѣ сбавить годъ отъ срока.

Просперо. А ты забылъ, отъ какихъ мукъ я тебя избавилъ?

Аріэль. Нѣтъ.

Просперо. О, ты все забылъ, и воображаешь, что много дѣлаешь, если пройдешь по зыбкой груди влажной пучины, понесешься на острыхъ крыльяхъ сѣвернаго вѣтра, или роешься въ нѣдрахъ земли, когда она окована льдомъ.

Аріэль. Нѣтъ, повелитель.

Просперо. Ты лжешь, лукавый духъ! Развѣ забылъ ты колдунью Спкораксу, которую лѣта и злоба согнули въ дугу? Ты забылъ ее?

Аріэль. Нѣтъ, властитель.

Просперо. Не забылъ? Гдѣ родилась она? Отвѣчай.

Аріэль. Въ Алжирѣ, властитель.

Просперо. Да; я долженъ ежеминутно напоминать тебѣ о прежнемъ твоемъ состояніи. Ты знаешь, что эта проклятая старуха, за множество зла, причиненнаго ею, за ужасныя чародѣйства была выгнана изъ Алжира. Но за одно какое-то доброе дѣло не хотѣли отнять у ней жизни. Не такъ ли?

Аріэль. Да, государь.

Просперо. Эта синеглазая вѣдьма была беременна, когда матросы привезли ее сюда. Ты, рабъ мой, какъ самъ себя называешь, былъ ея слугою; но какъ существо слишкомъ нѣжное и чувствительное для того, чтобъ выполнять ея приказанія, мрачныя и ужасныя, ты не хотѣлъ повиноваться ея таинственнымъ велѣніямъ, и она, съ помощью могущественныхъ исполнителей ея воли, въ припадкѣ ярости злобы, заточила тебя въ дупло разбитой сосны. Двѣнадцать тяжелыхъ лѣтъ провелъ ты въ нѣдрахъ дерева, въ продолженіе которыхъ она умерла, оставивъ тебя въ темницѣ, гдѣ стоны твои повторялись такъ часто, какъ удары мельничнаго колеса. — Въ то время островъ нашъ не былъ удостоенъ присутствія ни одного человѣка, если не считать сына, котораго она здѣсь произвела на свѣтъ, этого прокаженнаго щенка, настоящаго порожденія вѣдьмы, даже не носящаго человѣческаго образа.

Аріэль. Калибана?

Просперо. Да, да, безтолковый, Калибана, который теперь у меня въ услуженіи. Ты лучше знаешь, въ какихъ мученіяхъ я засталъ тебя. Вопли твои заставляли выть жаднаго волка и потрясали внутренность дикаго медвѣдя. Это было самое адское наказаніе, отъ котораго Сикоракса ужъ не могла тебя избавить. Моя наука, когда я пріѣхалъ сюда и услышалъ твои крики, заставила сосну открыть свои нѣдра и освободила тебя.

Аріэль. Благодарю, властитель.

Просперо. Если ты еще будешь роптать: я разобью дубъ и втисну тебя въ его суковатыя нѣдра, чтобы ты простоналъ еще двѣнадцать зимъ.

Аріэль. Прости меня, властитель, буду повиноваться твоей волѣ и охотно исполню мою обязанность.

Просперо. Ну, то-то же! Чрезъ два дня я тебя освобождаю.

Аріэль. Такъ ты опять мой добрый властелинъ! Повелѣвай: скажи, что мнѣ дѣлать?

Просперо. Поди, превратись въ морскую нимфу, кромѣ меня, ни для кого невидимую. Ступай и будь проворенъ. *(Аріэль уходитъ.)* Проснись, душа моя! Проснись; твой сонъ былъ сладокъ, вставай!

Миранда. Странный разсказъ вашъ меня обезсилилъ.

Просперо. Вставай: пойдемъ къ Калибану, рабу моему, который еще никогда не удостоилъ насъ обязательнаго отвѣта.

Миранда. Я не могу видѣть это злое существо.

Просперо. Какъ онъ ни золъ, но мы не можемъ обойтись безъ него; онъ намъ разводитъ огонь и рубитъ дрова. Его услуги намъ очень полезны. Гей, рабъ! Калибанъ! Ты... чурбанъ, отзовешься ли ты?...

Калибанъ, (за сценою.) Дровъ довольно въ пещерѣ.

Просперо. Выходи, говорю я; здѣсь для тебя есть другая работа. Ну, иди же, черепаха! Скоро ли?

(Является Аріэль въ видѣ морской нимфы.)

Дивное явленіе! Мой прекрасный Аріэль. Слушай, что я тебѣ скажу на ухо.

Аріэль. Государь, будетъ исполнено. *(Уходитъ.)*

Просперо. Эй, ты, ядовитая тварь, плодъ демона и нечистой вѣдьмы, выходи!

(Входитъ Калибанъ.)

Калибанъ. Чтобъ всѣ ядовитыя росы, какія собирала мать моя вороньимъ крыломъ на заразительныхъ болотахъ, облекли васъ обоихъ! Да изсушитъ васъ симунъ смертоносный!

Просперо. За это пусть же судороги и колотья займутъ твое дыханіе; демоны во всю ночь будутъ терзать тебя; ты будешь весь исколотъ и кожа твоя уподобится соту пчелиному, и каждая язвина будетъ колоть тебя жесточе, чѣмъ жала самыхъ пчелъ.

Калибанъ. Дайте мнѣ покойно пообѣдать. Этотъ островъ принадлежитъ весь мнѣ, по наслѣдству, послѣ Сикоракеы, моей матери; ты у меня его отнялъ. Сначала, какъ ты пріѣхалъ сюда, ты меня ласкалъ и угощалъ; давалъ мнѣ воду съ тутовыми ягодами и научилъ меня, какъ звать свѣтила, горящія и днемъ и ночью, большія и малыя, и я тогда любилъ тебя, показывалъ всѣ достопримѣчательности острова, студеные ключи, соленые колодцы, безплодныя мѣста и плодородныя... Будь я проклятъ за это! Чтобы всѣ чары моей матери, летучія мыши, жабы, змѣи на васъ обрушились — за то, что я одинъ теперь составляю всѣхъ вашихъ подданныхъ, тогда какъ прежде я самъ былъ господиномъ. Теперь ты держишь меня какъ свинью, въ дикой пещерѣ утеса, и отнимаешь у меня весь остальной островъ, который отъ меня же получилъ.

Просперо. Ахъ ты безстыдный лжецъ, слуга, чувствительный не къ милостямъ, а къ побоямъ! Негодная тина! Я человѣколюбиво обходился съ тобою; ты жилъ со мною въ пещерѣ моей, до тѣхъ поръ, пока не покусился на честь моей дочери.

Калибанъ. О го-го! какая важность. Жаль, что не удалось! Ты помѣшалъ мнѣ, а я бы весь островъ населилъ Калибанами.

Просперо. Ненавистный рабъ, на тебѣ не увидишь и слѣда добраго дѣла, но ты способенъ ко всему злому. Я сжалился надъ тобою; старался научить тебя говорить, объяснялъ каждую вещь. Когда ты, дикарь, не понималъ самого себя, издавая только грубые крики, я передавалъ мыслямъ твоимъ слова, чтобъ они выражали ихъ; но сколько я ни училъ тебя, въ твоей дикой природѣ было что-то недопускавшее вкорениться добрымъ началамъ. Ты заслужилъ, чтобы тебя заключили

въ утесъ, хотя ты достоинъ еще жесточайшаго заточенія.

Калибанъ. Ты научилъ меня говорить, — и вся польза, которую извлекъ я изъ этого искусства, есть та, что я теперь умѣю проклинать. Чтобы зараза овладѣла тобою за то, что ты научилъ меня твоему языку!

Просперо. Пошелъ, вѣдьмино племя, принеси намъ хворосту, да совѣтую воротиться проворнѣе, для другихъ занятій. Что ты жмешься, проклятый! Если ты съ пренебреженіемъ или неохотно будешь исполнять мои приказанія, я измучу тебя судорогою; кости твои наполню подагрой; заставлю тебя стенать такъ страшно, что звѣри содрогнутся отъ твоего рева.

Калибанъ. Нѣтъ, нѣтъ, прошу тебя! Надо повиноваться: его наука такъ сильна, что онъ, пожалуй, поработитъ себѣ Сетебоса, бога моей матери, и его сдѣлаетъ своимъ невольникомъ.

Просперо. Ступай же, рабъ. *(Калибанъ уходитъ.)*

(Входитъ Ариэль невидимый, играя и напѣвая; Фердинандъ за нимъ слѣдуетъ).

Ариэль, поетъ.

На песчаный брегъ толпами
Собирайтеся живѣй,
Собирайтесь, и руками
Сплетайтеся тѣснѣй;
Поцѣлуи расточайте....
Игры, пляски затѣвайте!
Стихнулъ ярый шумъ валовъ!
Вторь мнѣ, сладкій хоръ духовъ!

Хоръ.

Боу, Воу! вау!
Лаетъ песъ на дворѣ.

Хоръ.

Боу, Воу! вау!
Слышу крикъ на зарѣ...
То пѣтухъ на суку
Затянулъ кукреку.

Фердинандъ. Гдѣ эта музыка! На землѣ или на небесахъ!... Она не звучитъ болѣе; вѣрно, она сопутствуетъ какому нибудь божеству острова. Сидя на берегу, оплакивая гибель короля, отца моего, я былъ внезапно пронизанъ этою музыкою, которая полилась съ водъ и своею сладкою гармоніей укротила ихъ ярость и потушила печаль мою. И я пошелъ за нею, или скорѣе, она повлекла меня за собою; но она затихла.... Нѣтъ, вотъ опять раздается.

Ариэль, поетъ.

Твой отецъ подъ водой глубоко схороненъ,
Его кости въ коралъ обратились;
А на мѣсто очей двѣ жемчужины; онѣ
Не истлѣли — всѣ черты сохранились.
Только море его обласкало самовластно
Въ образъ дивный, роскошно прекрасный.
Надъ нимъ хоръ перендъ ежечасно звучитъ.
Чу! слышу, ихъ—колоколъ въ моръ гудитъ

Духи. Динъ, донъ.

Фердинандъ. Пѣснь напоминаетъ о гибели моего отца. Это не дѣло смертныхъ: такіе звуки не могутъ принадлежать землѣ. Я слышу ихъ слова надъ собою.

Просперо, (Мирандѣ.) Приподними свои густыя рѣсницы и скажи, что ты видишь тамъ внизу.

Миранда. Что это? Духъ какой-то? Господи, какъ онъ озирается! Ахъ, батюшка, какъ онъ хорошъ собою.... но онъ духъ!

Просперо. Нѣтъ, дочь моя, онъ ѣстъ и спитъ, и у него всѣ тѣ же чувства, какъ у насъ. Юноша, котораго ты видишь, былъ тоже въ числѣ претерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Если бъ печаль не исказила его черты, ты могла бы назвать его прекраснымъ. Онъ потерялъ своихъ товарищей и ищетъ ихъ повсюду.

Миранда. Мнѣ кажется, что онъ существо божественное, потому что благороднѣе его я ничего не видала въ природѣ.

Просперо, (въ сторону.) Все идетъ согласно съ желаніемъ моего сердца. Духъ! прекрасный духъ! За это чрезъ два дня ты будешь свободенъ.

Фердинандъ. Нѣтъ сомнѣнія, вотъ богиня, которой сопутствовали звуки. — Исполни просьбу мою, скажи, не ты ли обитаешь на этомъ островѣ? Научи меня, какъ я долженъ себя вести здѣсь? Но первая просьба моя, хотя я послѣ всего произношу ее, скажи мнѣ, дивное созданіе, ты земное существо или призракъ.

Миранда. Я не дивное созданіе, незнакомецъ: я дѣвушка.

Фердинандъ. Наречіе моей земли! Я былъ бы первымъ между всѣми, которые говорятъ этимъ нарѣчіемъ, если бъ былъ на родинѣ.

Просперо. Первымъ? А чѣмъ бы ты былъ, если бъ король Неаполя тебя услышалъ!

Фердинандъ. Я удивляюсь, что вы говорите про Неаполь. Король Неаполя слышитъ мои рыданія. Теперь во мнѣ весь Неаполь! Въ моихъ глазахъ погибъ король, отецъ мой.

Миранда. Милосердый Боже!

Фердинандъ. Онъ потонулъ со всею свитою, а съ ними вмѣстѣ погибъ и герцогъ Милана съ знаменитымъ своимъ сыномъ.

Просперо. Герцогъ Милана и знаменитое его рожденье могли бы уличить тебя во лжи, когда бъ пора настала. *(Въ сторону.)* При первой встрѣчѣ, они помѣнялись взорами. — Милый Аріэль, ты будешь свободенъ. Одно слово, любезный незнакомецъ: не клевещете ли вы на себя своею рѣчью?

Миранда. Зачѣмъ отецъ мой говоритъ съ нимъ такъ непривѣтливо. Онъ третій человѣкъ, котораго встрѣчаю въ жизни; но первый, для котораго я вздохнула. Батюшка! будьте сострадательны, какъ мое сердце!

Фердинандъ. О, если ты, дѣва, никому еще не отдала своего сердца, я сдѣлаю тебя царицею Неаполя.

Просперо. Позвольте, синьоръ. Еще одно слово! *(Въ сторону.)* Они плѣнены другъ другомъ. Но я затрудню успѣхи нѣжной склонности, а то легкая побѣда легко и цѣнится. Еще одно слово: я тебѣ приказываю слѣдовать за мною. Ты называешь себя именемъ, которое тебѣ не принадлежитъ. Ты, какъ лазутчикъ, прокрался на островъ, и хочешь его отнять у меня, законнаго владѣтеля.

Фердинандъ. Нѣтъ, клянусь тебѣ въ томъ честью.

Миранда. Нѣтъ, въ такомъ храмѣ не можетъ таиться злаго умысла. Если бъ злой духъ имѣлъ такое прекрасное жилище, душа бы не могла съ нимъ ужиться.

Просперо, (къ Фердинанду.) Слѣдуй за мною. *(Къ Миранде.)* Не заступайся за него: онъ измѣнникъ! *(Къ Фердинанду.)* Иди; я прикую твои ноги къ головѣ твоей; ты будешь пить морскую воду; пища твоя будетъ рѣчная трава, сухіе корни и желудинал шелуха. Слѣдуй за мною.

Фердинандъ. Нѣтъ, благодарю за угощеніе! Пока врагъ мой не побѣдитъ меня силою, этому не бывать. *(Обнажаетъ шпагу.)*

Миранда. Безцѣнный батюшка, не испытывайте его такъ жестоко. Онъ такъ кротокъ и притомъ храбръ.

Просперо. Что это, ужъ ноги — вожатымъ хочетъ быть! — Прочь со шпагою, измѣнникъ; ты корчишь храбреца, но разить не можешь: преступленіе оцѣпенило твою руку. Оставь угрозы! Я этой тросточкой вышибу у тебя шпагу.

Миранда. Умоляю васъ, батюшка.

Просперо. Прочь. Не вѣшайся на мое платье.

Миранда. Батюшка, сжальтесь; я за него буду порукою.

Просперо. Молчать. Еще слово, и я начну бранить тебя; а можетъ быть, возненавижу. Какъ! ты хочешь быть заступницей за вѣролома! Молчать! Ты воображаешь, что на свѣтѣ нѣтъ людей, ему подобныхъ, потому что видѣла

только Калибана, да его! Безумная! Онъ Калибанъ, если сравнить его съ прочими людьми; а люди ангелы въ сравненіи съ нимъ.

Миранда. Если такъ, желанія мои очень скромны: я не хотѣла бы видѣть людей прекраснѣе его.

Просперо, (къ Фердинанду.) Иди же, повинуйся; нервы твои ослабли, какъ у ребенка. Въ нихъ нѣтъ болѣе силы.

Фердинандъ. Правда; мой мозгъ въ оцѣпенѣніи, какъ будто отягченный сномъ. Потерю отца, слабость, потопленіе друзей, угрозы этого человѣка, который держитъ меня въ своей власти, все перенесъ бы я легко, если бъ въ окно своей темницы, хоть однажды въ день, могъ видѣть эту дѣвушку! О, тогда пусть свобода царствуетъ во всѣхъ предѣлахъ міра—мнѣ и въ темницѣ было бы не тѣсно.

Просперо, (въ сторону.) Дѣло идетъ на ладъ. *(Къ Аріэлю.)* Ты хорошо исполнилъ свою обязанность, прекрасный Аріэль! *(Къ Фердинанду.)* Слѣдуй за мною! *(Къ Аріэлю.)* Послушай мой приказъ.

Миранда. Не огорчайтесь; отецъ мой гораздо добрѣе, чѣмъ кажется; теперешнее обращеніе ему несвойственно.

Просперо. Ты будешь свободенъ, какъ вѣтеръ горъ, только исполни въ точности мои приказанія.

Аріэль. Будутъ исполнены.

Просперо, (къ Миранде.) Слѣдуй за мною, и не проси за него. *(Уходятъ.)*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

(Другая часть острова.)

(Входятъ Алонзо, Себастіянъ, Антоніо, Гонзало, Адріянъ, Франческо и другіе.)

Гонзало. Прошу васъ, государь, будьте веселѣе. Мы всѣ имѣемъ причину радоваться. Наше спасеніе слишкомъ вознаграждаетъ нашу потерю. Кораблекрушеніе весьма обыкновенное несчастіе. Каждый день вдова матроса и капитанъ купеческаго судна и купецъ, его хозяинъ, поражены такимъ же горемъ, какъ и мы. Но изъ милліона людей едва ли кто спасался такимъ чудеснымъ образомъ. И потому, благородные синьоры, взвѣсьте хорошенько и печаль нашу и причины утѣшенія.

Алонзо. Прошу васъ, оставьте меня въ покоѣ.

Себастіянъ. Онъ принимаетъ утѣшеніе, какъ холодную похлебку.

Антоніо. Да и лекарство-то доктора не лучше.

Себастіянъ. Смотрите, онъ заводитъ часы своего остроумія, сію минуту они будутъ бить.

Гонзало. Синьоръ!

Себастіянъ. Разъ! Считайте.

Гонзало. Если нашу скорбь умышленно питаютъ, то стоитъ только обратить ее на того, кто ее питаетъ...

Себастіянъ, (съ досадою.) Тоска!...

Гонзало. Именно: ему останется тоска. Вы сказали справедливѣе, чѣмъ думали.

Себастіянъ. А вы дали этому гораздо умнѣйшій оборотъ, чѣмъ я надѣялся.

Гонзало. И такъ, синьоръ...

Антоніо. Фу, какъ онъ любитъ тратить слова по-пустому.

Алонзо. Поберегите ихъ на случай.

Гонзало. Хорошо, и кончилъ, но...

Себастіанъ. Опять заговорилъ.

Антоніо. Какъ вы думаете? Кто изъ нихъ запоетъ первый? Адріанъ или онъ?

Себастіанъ. Разумѣется, старый пѣтухъ.

Антоніо. Нѣтъ, молодой пѣтушокъ.

Себастіанъ. Хорошо; побьемся объ закладъ.

Антоніо. Такъ, для смѣху.

Себастіанъ. Для шутки? Пожалуй.

Адріанъ. Хоть этотъ островъ, кажется, пустынеиъ.....

Себастіанъ. Ха, ха, ха!

Антоніо. Вы проиграли.

Адріанъ. Необитаемъ и почти неприступенъ.....

Себастіанъ. Однако жъ.....

Адріанъ. Однако жъ.....

Антоніо. Онъ не могъ обойтись безъ этого.

Адріанъ. Здѣсь климатъ долженъ быть тонкій, благорастворенный, пріятный по своей умѣренности.

Антоніо. Да, умѣренность очень пріятная добродѣтель.

Себастіанъ. И топкость тоже, которую онъ помѣстилъ въ своей ученой фразѣ.

Адріанъ. Здѣсь воздухъ вѣетъ такъ отрадно.

Себастіанъ. Какъ будто у него легкіе повреждены чахоткой

Антоніо. Съ такимъ благовоніемъ, какъ будто онъ обокралъ всѣ болота.

Гонзало. Здѣсь есть все, что можетъ доставить выгоды жизни.

Антоніо. Правда, исключая возможности жить.

Себастіанъ. Что касается до этого, то ее или вовсе нѣтъ, или очень мало.

Гонзало. Какая здѣсь тучная, пышная трава? Какъ она зелена?

Антоніо. Земля, въ самомъ дѣлѣ, желтоватаго цвѣта.

Себастіанъ. Съ оттѣнками зелени.

Антоніо. Онъ почти ничего не упустилъ изъ виду.

Себастіанъ. Кромѣ одной вещи — истины.

Гонзало. Но вотъ рѣдкость, почти невѣроятная.

Себастіанъ. Какъ и многія рѣдкости.

Гонзало. Платье наше, даромъ что было въ морѣ, сохранило блескъ и свѣжесть; даже цвѣтъ его, отъ соленой воды, сталъ ярче и чище.

Антоніо. Если бы одинъ изъ кармановъ его могъ говорить, такъ и онъ бы сказалъ, что онъ лжетъ.

Себастіанъ. Или спряталъ бы его замѣчаніе.

Гонзало. Мнѣ кажется, что платье наше теперь такъ же ново, какъ было въ то время, когда мы его надѣли въ Африкѣ въ первый разъ, на свадьбѣ прекрасной королевской дочери, Клариббеллы, съ тунисскимъ царемъ.

Себастіанъ. Славная была свадьба, и какъ удачно наше возвращеніе.

Адріанъ. Никогда Тунисъ не видалъ еще такой красавицы на тронѣ.

Гонзало. Да, со временъ вдовы Дидоны.

Антоніо. Вдовы? Чортъ возьми! Какъ эта вдова туда попала? Вдова Дидона.

Себастіанъ. Ну, что за важность, что онъ не прибавилъ вдовца Энея! Добрый синьоръ, ужъ вы слишкомъ взыскательны.

Адріанъ. Вы сказали, вдовы Дидоны? Что вы меня дурачите! Она была не тунисская, а карѳагенская королева.

Гонзало. Да Тунисъ-то, синьоръ, былъ Карѳагенъ.

Адріанъ. Карѳагенъ?

Гонзало. Увѣряю васъ, Карѳагенъ.

Антоніо. Его слова точно волшебная арфа.

Себастіанъ. Онъ сразу выстроилъ и стѣну и дома.

Антоніо. Послѣ этого у него ничего нѣтъ невозможнаго.

Себастіянъ. Онъ, пожалуй, увезетъ въ карманѣ этотъ островъ, и подаритъ его своему сыну вмѣсто яблока.

Антоніо. И посѣетъ зернышки этого яблока въ морѣ, чтобъ произрастить Архипелагъ.

Гонзало. Какъ?

Антоніо. Нѣтъ, такъ, ничего.

Гонзало. Государь, мы говорили сейчасъ, что платье наше имѣетъ такой же видъ, какъ въ то время, когда мы были въ Тунисѣ на свадьбѣ вашей дочери, что теперь королева.

Антоніо. И лучшая изъ всѣхъ тамъ бывшихъ.

Себастіянъ. Прошу васъ, исключите вдову Дидону!

Гонзало. Не правда ли, государь, камзолъ мой такъ же новъ, какъ въ первый разъ, когда я надѣлъ его, т. е., разумѣется, до нѣкоторой степени.

Антоніо. А степень эта счастливый рыбный ловъ.

Гонзало. Когда я былъ въ немъ на свадьбѣ вашей дочери.

Алонзо. Вы насильно вбиваете мнѣ въ уши печальныя мысли. О! лучше бъ я никогда тамъ не выдавалъ своей дочери замужъ! Возвращаясь съ ея свадьбы, я лишился сына, и какъ видно, лишился и дочери, — она такъ далеко отъ Италіи. А ты, дитя мое, наслѣдникъ Неаполя и Милана, какому чудовищу морскому достался ты на съѣденіе!

Франческо. Но, быть можетъ, онъ живъ еще. Я видѣлъ, какъ онъ выбивался изъ подъ волнъ и несся по ихъ зыбучимъ хребтамъ; онъ топталъ бунтующую влагу; онъ разбивалъ ее и брызги металъ по сторонамъ, и грудью напиралъ на самаго грознаго изъ ярыхъ валовъ, стремившихся на него съ разверзтою пастью. Гордое чело его возвышалось надъ опѣненными волнами, и ударяя по нимъ сильно и ловко могучими руками, какъ двумя веслами, онъ несся къ берегу, котораго круть, упирался въ море, казалось, будто садилась и опускалась, чтобы принять его. Я не сомнѣваюсь: онъ живой достигъ до берега.

Алонзо. О, нѣтъ; онъ погибъ!

Себастіянъ. Вы сами на себя, государь, должны пенять за эту великую потерю. Чтобы лишить Европу счастія обладать вашею дочерью, вы согласились скорѣе предать ее въ объятія Африканца! Мысль, что она далеко отъ очей вашихъ, еще самое меньшее изъ несчастій. Но вы имѣете много причинъ проливать слезы раскаянія.

Алонзо. О, замолчи!

Себастіянъ. Мы всѣ на колѣняхъ молили васъ, желая отклонить отъ этой мысли. И прекрасная дочь ваша, колеблясь между отвращеніемъ и дочернимъ долгомъ, не знала, на что рѣшиться. Я боюсь, не навсегда ль лишились мы вашего сына. По милости этой экспедиціи, Миланъ и Неаполь будутъ имѣть болѣе вдовъ, чѣмъ мы мужчинъ, которыхъ привеземъ къ нимъ для утѣшенія; а все ваша вина.

Алонзо. Потеря моя стоитъ вины моей.

Гонзало. Синьоръ Себастіянъ, вы хотя и правду говорите, но правда эта слишкомъ жестока и вовсе неумѣстна. Вы растравляете рану, вмѣсто того, чтобы стараться облегчить ее.

Себастіянъ. Прекрасно!

Антоніо. Точно операторъ.

Гонзало. Когда чело ваше облекается мракомъ, добрый государь нашъ, и въ нашихъ душахъ пасмурно.

Себастіянъ. Погода пасмурна?

Антоніо. Очень пасмурна

Гонзало. Имѣй я, государь, на этомъ островѣ плантаціи. . . .

Антоніо. Онъ бы насадилъ здѣсь крапивы.

Себастіянъ. Щавелю или репейнику.

Гонзало. И если бы я былъ царемъ его, знаете ли, что бы я тогда сдѣлалъ?

Себастіянъ. Не знаю, только не былъ бы пьяницею за неимѣніемъ вина.

Гонзало. Я бы дѣлалъ все не такъ, какъ обыкновенно дѣлается! Я бы запретилъ всѣ роды промысловъ. Не было бъ и имяни суда и тяжбъ; никто бы и грамотѣ не зналъ. У меня не было бы ни службы, ни богатства, ни бѣдности, ни контрактовъ, ни наслѣдствъ, ни границъ, ни рубежей на поляхъ, ни виноградниковъ, ни пашень, ничего этого; ни серебра, ни масла, ни хлѣба, ни вина; не было бы въ употребленіи никакихъ работъ; всѣ люди были бы праздны, всѣ до одного, и женщины то же; но онѣ были бы чисты и цѣломудренны, и главное, не было бы старшаго.

Себастіянъ. А между тѣмъ самъ хочетъ быть его властителемъ.

Антоніо. Да, конецъ его республики уничтожаетъ начало.

Гонзало. Природа бы произращала все безъ трудовъ и усилій человѣка: у меня бы не было ни предательства, ни бродяжничества, ни шпагъ, ни копьевъ, ни сабель, ни самострѣловъ и никакихъ другихъ военныхъ снадобій. Но природа сама производила бы все въ изобиліи и обиліи для потребностей моего бѣднаго народа.

Себастіянъ. Безъ сомнѣнія, не будетъ и браковъ между подданными!

Антоніо. Конечно, всѣ люди будутъ безпутные и плуты.

Гонзало. Мое царство было бы такъ совершенно, что затмило бы собою золотой вѣкъ.

Себастіянъ. Да здравствуетъ его величество!

Антоніо. Долгіе дни Гонзало!

Гонзало. Вы слышите, государь?

Алонзо. Замолчите, пожалуй-ста, я ничего не слышу.

Гонзало. Я очень вѣрю вашему величеству. Я говорилъ для того только, чтобы позабавить этихъ господъ, у которыхъ нервы такъ нѣжны и щекотливы, что они готовы смѣяться надъ всякимъ вздоромъ.

Антоніо. Мы надъ вами смѣялись.

Гонзало. Потому, что я во вздорахъ этого рода предъ вами ничто. Такъ смѣйтесь же надъ вздоромъ.

Антоніо. Какова пощечина!

Себастіянъ. Еще хорошо, что она не въ прямомъ смыслѣ пришлась намъ.

Гонзало. Вы рыцарь храбраго десятка. Вы, пожалуй, и луну сбили бъ съ мѣста, если бъ она только вздумала пять недѣль сряду остаться на томъ же мѣстѣ.

(Невидимо является Ариэль. Слышна торжественная музыка.)

Себастіянъ. Да, мы бы рѣшились на это; и тогда горе ночнымъ птицамъ!

Антоніо. Къ чему сердиться, добрый синьоръ! —

Гонзало. Не безпокойтесь; я не прискуюсвоимъ благоразумiемъ за такую дешевую цѣну. Убаюкайте меня чѣмъ нибудь смѣшнымъ: мнѣ что-то спать хочется.

Антоніо. Спите съ Богомъ, только слушайте насъ.

(Всѣ засыпаютъ, кромѣ Алонзо, Себастіяна и Антоніо.)

Алонзо. Что это? Ужъ всѣ заснули! О если бъ сонъ также оковалъ и мои мысли. А что-то и меня къ тому клонитъ.

Себастіянъ. Не противьтесь, государь, благодѣтельному вліянію сна. Онъ рѣдко посѣщаетъ печальныхъ; когда жъ приходитъ, то несетъ съ собой и утѣшеніе.

Антоніо. Мы оба, государь, будемъ оберегать васъ во время сна.

Алонзо. Благодарю. Я усталъ ужасно!

(Алонзо спитъ; Ариэль уходитъ.)

Себастіянъ. Что за смертное оцѣпенѣніе овладѣло ими?

Антоніо. Видно здѣсь такое свойство климата.

Себастіянъ. Отъ чего жъ не дѣйствуетъ оно на наши вѣжды? Мнѣ вовсе спать не хочется.

Антоніо. И мнѣ то же. Духъ мой бодръ; они всѣ повалились, какъ будто съ общаго согласія и лежатъ, какъ пораженные громомъ! Чтобы это значило? Благородный Себастіянъ, я читаю на лицѣ вашемъ, чѣмъ бы вы хотѣли быть. Случай васъ привѣтствуетъ, а мое разгоряченное воображеніе видитъ коропу, спускающуюся на вашу голову.

Себастіянъ. Ужъ ты не спишь ли?

Антоніо. Кажется, вы слышите слова мои?

Себастіянъ. Слышу. Но ты говоришь, какъ въ бреду: что ты сказалъ? Странное усыпленіе! Спать съ открытыми глазами! Глядѣть, говорить, двигаться и съ тѣмъ вмѣстѣ такъ крѣпко спать!....

Антоніо. Благородный Себастіянъ, вы усыпляете свое счастіе,—или лучше сказать, губите его! Вы бодрствуете, а глаза ваши закрыты.

Себастіянъ. Ты явно бредишь; но въ бреду твоемъ есть связь.

Антоніо. Я теперь совсѣмъ не расположенъ къ шуткамъ. Если вы поняли мысль мою, то должны быть также далеки отъ нихъ.

Себастіянъ. Хорошо, я буду стоячей водой.

Антоніо. А я пущу васъ въ ходъ.

Себастіянъ. Согласенъ, потому, что наслѣдственная лѣнь мѣшаетъ движенью моихъ мыслей.

Антоніо. Ахъ, если бъ знали вы, какъ льститъ вамъ планъ мой, хотя вы смѣетесь надъ нимъ. Какъ вы прилѣпляетесь къ нему болѣе и болѣе, не смотря на то, что его отвергаете. Нерѣшительные люди, гонимые страхомъ и лѣнью, часто нечувствительно приближаются къ предначертанной цѣли!

Себастіянъ. Сдѣлай милость, объяснись; пламень глазъ твоихъ и лица возвѣщаютъ обдуманное предпріятіе, которымъ ты нетерпѣливо хочешь разрѣшиться.

Антоніо. Вотъ что, синьоръ: хоть этотъ господинъ, котораго память такъ коротка (и память о которомъ будетъ также непродолжительна, послѣ его погребенія), едва не увѣрилъ всѣхъ, что сынъ короля еще живъ; но это такъ же правдоподобно, какъ и то, что спящій здѣсь теперь плаваетъ.

Себастіянъ. Я то же думаю, что онъ утонулъ.

Антоніо. О! какія высокія надежды должны родиться въ васъ! — Такъ вы согласны со мною, что Фердинандъ потонулъ?

Себастіянъ. Разумѣется.

Антоніо. И такъ, скажите, кто ближайшій наслѣдникъ неаполитанскаго престола?

Себастіянъ. Кларибелла.

Антоніо. Тунисская королева? Которая живетъ на сто миль далѣе вѣроятностей жизни, которая не можетъ получить изъ Неаполя ни одной вѣсти, если не возьмется доставить ее солнце (а колесница луны слишкомъ тяжела для этого)? Да покуда къ ней дойдетъ эта вѣсть, подбородокъ новорожденнаго успѣетъ обрости бородою. Возвращаясь отъ нея на родину, всѣ мы были поглощены разъяреннымъ моремъ. Только немногихъ изъ насъ оно выбросило на землю для того, чтобъ совершить дѣло, которому все прошедшее служитъ вступленіемъ. Остальное предоставлено намъ съ вами.

Себастіянъ. Что за вздоръ ты мелешь? Правда, дочь брата моего, королева Туниса, она же и наслѣдница Неаполя; правда и то, что между двумя этими странами порядочное разстояніе...

Антоніо. Такое разстояніе, что каждый локоть его, кажется, кричитъ: *Не тебѣ, Кларибелла, измѣрять меня до Неаполя.* — Сиди себѣ въ Тунисѣ, пускай пробудится Себастіянъ. Если бъ они всѣ находились въ объятіяхъ смерти,

все было бы не хуже теперешняго? Здѣсь есть человѣкъ, который могъ бы управлять Неаполемъ такъ же хорошо, какъ и этотъ спящій король; есть вельможи, которые умѣли бы ораторствовать такъ же долго и скучно, какъ Гонзало: я самъ умѣю трещать по сорочью. О, еслибъ вы такъ же мыслили, какъ я, нхъ сонъ славно помогъ бы вашему возвышенію! Понимаете ли вы меня?

Себастіанъ. Кажется, понимаю.

Антоніо. Ну, а ваши мысли? Думаютъ ли они объ вашемъ счастіи?

Себастіанъ. Мнѣ помнится, что ты подрылся подъ своего брата Просперо.

Антоніо. Правда, и посмотрите какъ пристала мнѣ его одежда; гораздо лучше прежней. Слуги брата моего, прежде мнѣ равные, теперь мои рабы.

Себастіанъ. Ну, а совѣсть?

Антоніо. Совѣсть, синьоръ! А гдѣ ея гнѣздо? Будь она мозоль, такъ я надѣлъ бы туфли; а я дышу свободно: въ груди такой богини нѣтъ. Скорѣй двѣнадцать совѣстей, ставъ между мною и Миланомъ, оледенѣютъ и опять растаютъ, чѣмъ приведутъ меня въ смущеніе. Вотъ лежитъ братъ вашъ: онъ былъ бы не лучше земли, на которой лежитъ, если бъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ тѣмъ, чѣмъ кажется. Тремя вершками этой послушной шпаги я могу его усыпить навсегда. Слѣдуя моему примѣру, вы можете осудить на вѣчное молчаніе обветшалаго нравоучителя и онъ не станетъ осуждать нашего поступка; что же до остальныхъ, всѣ они такъ жадно пристанутъ къ намъ, какъ кошка къ молоку; всѣ они покажутъ намъ часы въ назначенный нами часъ при каждомъ новомъ предпріятіи.

Себастіанъ. Я готовъ итти по слѣдамъ твоимъ, и какъ ты взошелъ на престолъ Милана, я вступлю на неаполитанскій. Обнажи шпагу; одинъ ударъ избавитъ тебя отъ платежа подати и купитъ мою любовь, любовь короля.

Антоніо. Обнажимте вмѣстѣ: и когда подыму я руку, вы нападайте на Гонзало.

Себастіанъ. Еще слово. *(Они шепчутся.)*

(Музыка. Входитъ Аріэль; онъ невидимъ.)

Аріэль. Съ помощію своей науки, властелинъ мой увидѣлъ опасность, въ которой находятся его друзья, и послалъ меня, (чтобъ планъ его не разрушился), спасти нхъ.

(Поетъ надъ ухомъ Гонзало.)

«Пока вы лежите, объятые сномъ,
«Измѣна надъ вами, съ подъятымъ мечомъ,
«Ждетъ только минуты; — страшитесь!
«Когда дорожите вы жизнью своей;
«Вы сонъ отгоните, и будьте бодрѣй.
«Скорѣе проснитесь!
«Проснитесь скорѣй!»

Антоніо. И такъ нападемъ вмѣстѣ.

Гонзало. Небесные ангелы, спасите короля!

(Всѣ просыпаются.)

Алонзо. Что? Что такое? Эй! Вставать! Къ чему эти обнаженныя шпаги? Отъ чего ваши взоры такъ дики?

Гонзало. Что случилось?

Себастіанъ. Въ то время, какъ мы охраняли покой вашъ, государь, вдругъ слышимъ дикій ревъ, какъ будто вепрей, или львовъ. Не это ли и васъ разбудило? Онъ ужасно поразилъ мой слухъ.

Алонзо. Я ничего не слышалъ.

Антоніо. О! этотъ ревъ способенъ былъ испугать чудовище и поколебать землю; казалось, то былъ ревъ цѣлаго стада львовъ.

Алонзо. Слышалъ ли ты его, Гонзало?

Гонзало. Да; я слышалъ какой-то странный и смутный шумъ; онъ пробудилъ меня; я вскрикнулъ въ просонкахъ и толкнулъ васъ, государь; когда же открылъ глаза, нхъ шпаги были обнажены: — дѣйствительно, здѣсь былъ

какой-то шумъ. Будемъ осторожны, или лучше, уйдемъ отсюда; обнажимъ мечи!

Алонзо. Пойдемъ и примемся снова искать моего бѣднаго сына.

Гонзало. Да спасутъ его небеса отъ этихъ звѣрей! Онъ непремѣнно долженъ быть на здѣшнемъ островѣ.

Алонзо. Пойдемъ.

Аріэль, (въ сторону.) Лечу повѣдать властелину о моемъ подвигѣ. Иди, царь, ищи своего сына; тебя здѣсь охраняютъ. *(Уходитъ.)*

=

СЦЕНА II.

Другая часть острова.

(Входитъ Калибанъ съ вязанкою дровъ; слышенъ громъ.)

Калибанъ. Чтобъ всѣ заразы, ядовитыя испаренія, какія солнце высасываетъ изъ болотъ, трясинъ и рытвинъ, обрушились на Просперо и не оставили бъ на немъ безъ страданія ни дюжаго волоса. Знаю, духи его меня слышутъ; но я не могу не проклинать его. О, безъ его приказаній, они не стали бы кусать меня, пугать своими искривленными рожами, купать въ болотахъ, сбивать съ дороги, свѣтясь блудящими оконьками посреди ночнаго мрака. За всякую бездѣлицу онъ на меня посылаетъ ихъ: то въ видѣ обезьянъ, корчатъ они мнѣ рожи, щелкаютъ зубами и потомъ кусаютъ; то ежомъ подкатятся мнѣ подъ ноги и, загородивъ дорогу, колятъ меня въ босыя пяты своими иглами. Иногда... Я просто — язва, покрытая гадами и змѣями, которыя ядовитыми жалами шипятъ на меня такъ ужасно, что я прихожу въ помѣшательство. Ой... вотъ опять...

(Входитъ Тринкуло.)

Вотъ идетъ одинъ изъ его духовъ; онъ будетъ мучить меня за то, что я мѣшкотно несу дрова. Припаду къ землѣ; быть можетъ, онъ меня не замѣтитъ.

Тринкуло. Ни кустика, ни деревца, гдѣ бы скрыться отъ непогоды, а ужъ сбирается новая гроза. Чу! какъ она запѣваетъ въ воздухѣ. Вонъ склубилась черная туча. Экая огромная, точно бочка, готовая лопнуть и вылить всю свою воду. Если громъ будетъ гремѣть по давишнему, то я ужъ и не знаю, куда приклонить свою головушку. Вѣдь эта туча хлынетъ ведрами. — Это что такое, человѣкъ или рыба?... Мертвое или живое? Рыба; пахнетъ рыбою, да только старою, какъ будто трескою и то не совсѣмъ свѣжею. Будь я теперь въ Англіи и имѣй хоть рисунокъ съ этой рыбы, ни одинъ праздничный дуракъ не прошелъ бы мимо, не давъ серебряной монеты. Тамъ бы я сталъ человѣкомъ отъ этаго чудовища; тамъ каждая рѣдкая скотина выводитъ въ люди. Тамъ ужъ такіе люди. У нихъ каждый фенингъ припеченъ къ сердцу, когда имъ надо порадовать хромаго бѣдняка, а десятка не пожалѣютъ, чтобъ взглянуть на мертваго Индѣйца. — Ноги, какъ у человѣка, а плавательныя перья словно руки. Да онъ тепелъ, клянусь честью! Выходитъ, я ошибся: это не рыба, а просто, островитянинъ, только что пораженный громомъ. *(Слышенъ громъ.)* Охъ!... гроза опять начинается; лучше спрячусь подъ его балахонъ; что дѣлать: другаго убѣжища здѣсь нѣтъ! Несчастіе сводитъ человѣка съ странными товарищами. Укроюсь хоть здѣсь, пока нелегкую пронесетъ.

(Входитъ Стефано, съ бутылью въ рукахъ.)

Стефано, (поетъ):

«Нѣтъ, въ море плыть я не хочу;
«Умру на берегу я.....

Нѣтъ, эта пѣсня слишкомъ глупа, чтобъ отпѣвать сю человѣка. Вотъ такъ настоящія поминки! *(Пьетъ.)*

«Нашъ мастеръ, да юнга, да боцманъ, да я,
«Пушкарь да помощникъ его; ну, да и всѣ мы,
«Лунзу, Марьяну, Христину любя,
«Терпѣть не могли глупой Эмы.
«Языкъ у нея, какъ у вѣдьмы, былъ золъ;
«Бывало, кричитъ на насъ: къ чорту пошелъ!
«Вишь запаха дегтя, смолы не любила;
«Съ портнымъ же проклятая дружбу водила.—
«Такъ въ море же, дѣтки, эй, въ море ее!
Чортъ съ ней!

И это то-же дрянная пѣсня; но вотъ истинное утѣшеніе. *(Пьетъ.)*

Калибанъ. Не терзай меня. О!

Стефано. Что это такое? Ужъ не черти ли здѣсь водятся? Что вы дикарями да Индейцами меня пугать хотите? Хе, я не затѣмъ вынырнулъ изъ воды, чтобъ побояться твоихъ четырехъ ногъ. Обо мнѣ сказано, что никакой чортъ на четверенькахъ не обратитъ меня въ бѣгство; и быть посему, пока Стефано дышитъ.

Калибанъ. Этотъ духъ терзаетъ меня! О!

Стефано. Это какое нибудь чудовище острова о четырехъ ногахъ. Его, видно, трясетъ лихорадка, а то гдѣ ему къ чорту выучиться говорить по нашему? Дамъ ему за то хлѣбнуть, авось поможетъ. Если мнѣ удастся излечить его, потомъ освоить и привести въ Неаполь, онъ будетъ славный подарокъ какому угодно царю, коли онъ ходитъ на кожаныхъ подошвахъ.

Калибанъ. Не мучь меня, прошу тебя; я духомъ отнесу домой дрова.

Стефано. Онъ теперь въ жару несетъ чепуху. Дамъ ему глотнуть изъ бутылочки: если онъ никогда не пилъ вина, то я его вылечу отъ бреда. Если мнѣ удастся поставить его на ноги, да сдѣлать ручнымъ, то я недорого возьму за него; онъ и самъ за себя приплатится тому, кто будетъ владѣть имъ, да еще чистою монетою.

Калибанъ. Ты меня до сихъ поръ немного мучилъ; но я чувствую, что начнешь ссйчасъ; ты дрожишь, вѣрно Просперо подѣйствовалъ надъ тобою.

Стефано. Повернись сюда; открой ротъ; вотъ эта штука развяжетъ тебѣ языкъ, кошка; ну, открывай ротъ. Ней: это протрясетъ твою немочь; вѣрь слову. Ты не узнаешь своего друга. Ну же, открой свою пасть!

Тринкуло. Мнѣ что-то знакомъ этотъ голосъ. Это долженъ быть — но онъ потонулъ; — нѣтъ, лукавый шутитъ. О Господи! Защити меня!

Стефано. Четыре ноги и два голоса; премилое чудовище! Передній его голосъ теперь будетъ привѣтливо говорить о другѣ; за то задній занесетъ всякой вздоръ и станетъ злословить. Хоть бы пришлось истратить на него все вино, я помогу его горю. Ну, повернись! Подставляй другую глотку.

Тринкуло. Стефано!

Стефано. Что? Твой другой голосъ зоветъ меня? Помилуй, Господи! Это дьяволъ, а не чудовище. Брошу его! Чтобъ съ чортомъ обѣдать, нужна длинная ложка, а у меня ее нѣтъ.

Тринкуло. Стефано!... Если ты Стефано, дотронься до меня, скажи мнѣ хоть слово. Я Тринкуло; не пугайся; — твой добрый другъ Тринкуло.

Стефано. Если ты Тринкуло, то вылѣзай, — я вытащу тебя за маленькія ноги. Если тутъ есть Тринкуловы ноги, то вѣроятно, вотъ эти. Въ самомъ дѣлѣ, Тринкуло. Какъ ты очутился въ брюхѣ такого пугала? Ужъ онъ не разрѣшается ли Тринкулами.

Тринкуло. Я принялъ его за убитаго громомъ. — Такъ ты не утонулъ, Стефано?... Надѣюсь теперь, что ты не утонулъ. — Прошла ли гроза? Я спрятался отъ грозы подъ одежду этого мертваго пугала. — А ты живъ, Стефано?... О Стефано! два Неаполитанца спасены.

Стефано. Сдѣлай милость, не трясп меня такъ сильно, у меня желудокъ еще слабъ.

Калибанъ. Какія прекрасныя существа, если они только не демоны! Вотъ

этотъ вѣрно чудный богъ, у него небесный есть напитокъ. Преклоню предъ нимъ колѣна.

Стефано. Какимъ образомъ ты спасся? Какъ попалъ сюда? Бутылки ради, разскажи, какъ ты попалъ сюда. Я спасся на бочкѣ вина, которую матросы выбросили за бортъ. Клянусь этой флягой, а я самъ сдѣлалъ ее изъ древесной коры, только что вышелъ на сушь.

Калибанъ. Клянусь этой бутылкой, быть твоимъ рабомъ, въ ней не земной напитотъ.

Тринкуло. Я, братецъ, вплавь, какъ утка, добрался до берегу; я плаваю, какъ утка, Богъ свидѣтель.

Стефано. На, приложись; хотя ты плаваешь, какъ утка, а все таки порядочный гусь.

Тринкуло. Стефано, много у тебя еще этого?

Стефано. Цѣлая бочка, чертова голова; погребъ мой въ скалѣ на берегу моря: тамъ спряталъ я вино. Ну, что, пугало? Какъ твоя лихорадка?

Калибанъ. Не съ небесъ ли ты упалъ?

Стефано. Да, съ луны... вѣришь? я былъ на ней, когда тамъ разглядѣли человѣка.

Калибанъ. Я видѣлъ тебя на ней и обожаю тебя. Владычица моя показывала мнѣ тебя, твою собаку и кустъ.

Стефано. Ну, клянись же, поцѣлуй книгу; я сейчасъ наполню ее свѣжимъ: клянись, что ли.

Тринкуло. Вотъ глупое-то чудовище! Чтобъ не видать солнца. — И я боялся его! Вѣритъ въ человѣка на лунѣ! — ахъ, ты легковѣрное пугало! А вѣдь какъ исправно тянетъ, клянусь честью.

Калибанъ. Я покажу тебѣ здѣсь на островѣ каждый плодородный клочекъ (земли); я цѣлую твои ноги, только будь моимъ божествомъ.

Тринкуло. Клянусь небомъ, это самое коварное и пьяное чудовище; засни его божество, онъ высосетъ у него всю бутылку.

Калибанъ. Цѣлую твои ноги, и клянусь быть твоимъ рабомъ.

Стефано. Ну, хорошо; на колѣна! клянись!

Тринкуло. Я животъ надорву отъ смѣха, глядя на этого урода съ собачьей головой. Отвратительное животное! Меня разбираетъ охота поколотить его.

Стефано. На, цѣлуй!

Тринкуло. Еще если бъ этотъ уродъ не пилъ. Ужасная гадина.

Калибанъ. Я укажу тебѣ лучшіе ключи; я наберу тебѣ ягодъ, буду ловить для тебя рыбу, таскать дрова. Чтобы зараза пала на тирана, которому я до сихъ поръ служилъ. Не понесу ему ни прутика. Я послѣдую за тобою, чудесный человѣкъ.

Тринкуло. Презабавное чудовище! И жалкій пьянюшка у него чудесный человѣкъ.

Калибанъ. Я сведу тебя, гдѣ растутъ дикія яблоки; моими длинными когтями буду отрывать тебѣ свѣжіе трюфли, покажу тебѣ гнѣздо сои, научу ловить быстрыхъ обезьянъ (сагуиновъ), укажу тебѣ орѣшникъ, гдѣ спѣлыя связочки висятъ кистями по деревьямъ, и буду ловить для тебя молодыхъ сернъ на высокихъ утесахъ; хочешь ли итти со мною?

Стефано. Ну, хорошо! — Ступай же впередъ, безъ дальнихъ разговоровъ. — Тринкуло, такъ какъ государь и вся наша компанія потонули, такъ мы здѣсь царствуемъ, мы всему наслѣдники! Неси же мою бутыль. Товарищъ, Тринкуло, мы скоро ее опять наполнимъ.

Калибанъ, (поетъ пьяный.) Прощай, господинъ мой, прощай, прощай!

Тринкуло. Ого, какъ завылъ уродъ нашъ! Смотри, какая пьяная рожа!

Калибанъ.

«Ужъ больше за рыбой нырять я не буду!
«Дрова имъ рубить и таскать,

«Когда захотятъ приказать
«Мыть рухядь и чистить посуду;
«Банъ, банъ, Калибанъ
«Хозяинъ другой тебѣ данъ!
«Ты весь измѣнился,
«Съ тираномъ простился,
«Банъ, банъ Калибанъ
«Свобода, ура! свобода, свобода! ура!

Стефано. Ну, диво чудное! Показывай дорогу!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

(Передъ пещерою Просперо.)

(Входитъ Фердинандъ съ полѣномъ въ рукахъ.)

Фердинандъ. Удовольствія достаются иногда тягостно; но трудъ возвышаетъ наслажденіе: есть униженія, которыя сносишь съ честью; и низкій трудъ ведетъ не рѣдко къ роскошной цѣли. Моя низкая должность была бы для меня такъ же несносна, какъ она противна мнѣ; но царица, которой служу я, воскрешаетъ мертваго и труды мои обращаетъ въ наслажденіе. О, въ ней пріятностей въ десять разъ болѣе, чѣмъ грубости въ ея отцѣ; онъ весь изъ грубости составленъ. Я долженъ принесть нѣсколько тысячъ полѣнъ и сложить ихъ въ порядкѣ. Вотъ его приказаніе. Моя нѣжная госпожа плачетъ, когда застаетъ меня за работою, она говоритъ, что никогда такое унизительное ремесло не было выполняемо такимъ слугою — и я забываю все. Тайныя думы услаждаютъ тягость труда: я работаю и въ то же время празденъ.

(Входятъ Миранда и Просперо въ отдаленіи.)

Миранда. Онъ опять за работою! Послушайте, не трудитесь такъ много. Какъ бы я желала, чтобъ молнія сожгла всѣ эти дрова, которыя вамъ приказано складывать въ груды. Бросьте ихъ и отдохните. Когда ихъ будутъ жечь, они заплачутъ, что такъ васъ утруждали. Отецъ мой погрузился въ науку свою; отдохните, теперь вы часа на три свободны.

Фердинандъ. Милая госпожа, солнце садится: я не успѣю кончить труда, который на меня возложенъ.

Миранда. Такъ присядьте, я сама буду носить дрова ваши. Пожалуй-ста, дайте мнѣ вашу ношу; я отнесу ее, куда слѣдуетъ.

Фердинандъ. Очаровательное созданіе! Нѣтъ, скорѣй я вывихну руки, пусть порвутся мои жилы и лопнетъ хребетъ, чѣмъ соглашусь сидѣть праздными и допустить васъ до такого труда.

Миранда. Почему же? Онъ такъ же пристанетъ ко мнѣ, какъ и къ вамъ; притомъ я легче перенесу его, потому что я буду трудиться по доброй волѣ, тогда какъ васъ принуждаютъ.

Просперо, (въ сторону.) Бѣдная! Ядъ разлился въ сердцѣ твоемъ. — Это доказываетъ твой приходъ сюда.

Миранда. Вы, кажется, очень устали.

Фердинандъ. Нѣтъ, благородная госпожа моя! И полночь для меня заря, когда вы со мною. Какъ васъ зовутъ, скажите мнѣ. Я хочу знать ваше имя только для того, чтобъ поминать въ молитвахъ.

Миранда. Миранда! — Ахъ, Боже мой! Да я мѣшаю вамъ работать моими разговорами.

Фердинандъ. Миранда, изумительное существо, достойное высочайшаго обожанія! Сокровище, ты выше всего драгоцѣннаго въ мірѣ! Я видѣлъ много женщинъ; на многихъ глядѣлъ я съ уваженіемъ; уста ихъ часто точили сладкія рѣчи, чтобъ оковать мой слухъ; я любилъ много женщинъ за многія добродѣтели, но ни одну съ такою полнотой души. Всегда какой нибудь недостатокъ, враждуя съ ихъ достоинствами, затемнялъ ихъ красоту. Но васъ, васъ, столь совершенную, безподобную, природа создала по образецъ.

Миранда. Я никогда не видала существа одного со мною пола; я не помню ни одного женскаго лица, исключая моего собственнаго, которое я видѣла въ зеркалѣ; я не видала такъ же ни одного существа, которое бы я могла назвать мужчиной, кромѣ васъ и батюшки. Не знаю, какія еще бываютъ лица, но, клянусь сердцемъ, моимъ единственнымъ сокровищемъ, я не желала бы имѣть въ жизни иного товарища, кромѣ васъ; я не могу вообразить себѣ человѣческаго лица, которое бы понравилось мнѣ столько же, какъ ваше. Но я говорю слишкомъ нескромно, и совсѣмъ забыла наставленія батюшки.

Фердинандъ. По званію, я принцъ, Миранда, а теперь, можетъ быть, и царь; (лучше бъ этаго не было). Я не перенесъ бы обязанности дровосѣка, такъ же, какъ неотвязчиваго жужжанья мухи около губъ моихъ. Выслушайте голосъ души моей: съ той минуты, когда я тебя увидѣлъ, сердце мое отдалось тебѣ подъ власть. Я сталъ твоимъ рабомъ, и только для тебя я такъ терпѣливо тружусь.

Миранда. Любишь ты меня?

Фердинандъ. О, небо и земля, будьте свидѣтелями моей клятвы, и увѣнчайте чувства мои успѣхомъ, если слова мои искренни; если же они только пустой звукъ, то лучшія мои надежды обратите мнѣ въ бѣду. Болѣе всего въ мірѣ я люблю, цѣню и уважаю васъ.

Миранда. Какая я глупая! Я плачу о томъ, что меня радуетъ.

Просперо. Счастливая встрѣча двухъ рѣдкихъ сердецъ! О, небеса, пролейте благодать свою на эту жатву чувствъ.

Фердинандъ. Зачѣмъ вы плачете?

Миранда. Затѣмъ, что я не смѣю предложить того, что мнѣ хотѣлось бы отдать вамъ, и принять то, безъ чего мнѣ жизнь не въ жизнь; но это ребячество! И чѣмъ больше чувства мои хотятъ скрываться, тѣмъ больше они обличаются. Прочь ложный стыдъ; святая чистосердечная невинность, подкрѣпи меня. Я жена ваша, если вы женитесь на мнѣ, если же нѣтъ — я умру вашей служанкой. Вы можете отказать мнѣ въ милости быть подругой вашей; но волею или неволею я буду вашей рабою.

Фердинандъ. Владычица! Я рабъ твой!

Миранда. Итакъ, вы мой супругъ?

Фердинандъ. О, да, и такъ же охотно, какъ невольникъ бросается въ объятія свободы: вотъ моя рука.

Миранда. Вотъ и моя, и съ нею сердце. Теперь прости на полчаса.

Фердинандъ. Тысячу разъ, тысячу разъ прости.

(Уходитъ.)

Просперо. Я не могу такъ радоваться, какъ они; но ничему на свѣтѣ я такъ не радовался, какъ этому. Примусь за книги: до ужина надо еще кончить много дѣла. *(Уходитъ.)*

=

СЦЕНА II.

(Другая часть острова.)

Входятъ: Калибанъ, Стефано, Тринкуло.

Стефано. Ни слова! — только Тогда станемъ мы пить воду, когда бочка опорожнится; ни капли прежде: пей, чудище!

Тринкуло. Чудовище! Говорятъ, что на островѣ всего только пять человѣкъ: насъ здѣсь трое, — если у остальныхъ двухъ головы въ такомъ же порядкѣ, какъ наши, то государство шатается.

Стефано. Пей же, чудище, когда я тебѣ приказываю; гдѣ твои глаза? Или подъ лобъ закатились?

Тринкуло. Да гдѣ же имъ быть! Славное бы онъ былъ чудовище, если бъ глаза у него были на хвостѣ.

Стефано. Ай да уродъ, пріятель! Онъ утопилъ языкъ свой въ винѣ. А вотъ я, такъ и въ морѣ не утону: я плылъ тридцать пять миль отъ сѣвера къ югу, прежде чѣмъ попалъ на берегъ, клянусь Богомъ! — Ты будешь моимъ знаменщикомъ, чудовище, моимъ намѣстникомъ.

Тринкуло. Знаменщикъ—такъ; а ужъ намѣстникомъ, гдѣ ему! Ему не устоять на мѣстѣ.

Стефано. Мы другъ другу не будемъ перебивать дороги, господинъ уродъ.

Тринкуло. Куда! да и впередъ-то не далеко уйдете, а будете лежать, какъ собаки; слова не пикнете.

Стефано. Телеснокъ, да скажи въ жизни хоть слово, если ты доброй телеснокъ.

Калибанъ. Какъ поживаетъ ваша честь; дай мнѣ поцѣловать твой башмакъ. А тому служить не хочу: онъ трусъ.

Тринкуло. Врешь, дурацкое чудовище. Во мнѣ теперь столько храбрости, что я готовъ поколотить хоть самого коммисара. Ахъ, ты пьяная рыба! Да развѣ человѣкъ можетъ быть трусомъ, когда онъ такъ исправно натянулся виномъ, какъ я сегодня? Ты вѣрно хочешь поважнѣй соврать, потому, что ты ни рыба, ни мясо!

Калибанъ. Смотри, какъ онъ меня обижаетъ! Неужели ты ему спустишь, вельможный господинъ.

Тринкуло. Вельможный господинъ, говоритъ онъ. Вѣдь уродится же чудовище такимъ глупымъ телепнемъ.

Калибанъ. Вотъ опять! Убей его, пожалуй-ста.

Стефано. Тринкуло! Эй, держи языкъ за зубами; если ты бунтовщикъ, такъ первое дерево... бѣдный уродъ — мой подданный и не долженъ терпѣть обиды.

Калибанъ. Благодарю, мой благородный господинъ. Дозволь, чтобъ я повторилъ тебѣ еще разъ мою просьбу.

Стефано. Очень радъ! Стань на колѣна, и говори, а я буду стоять и Трипкуло также.

(Аріэль входитъ невидимо.)

Калибанъ. Какъ я уже сказалъ тебѣ, я подвластенъ тирану, колдуну, который хитростью отнялъ у меня этотъ островъ.

Аріэль. Ты лжешь!

Калибанъ. Ты самъ лжешь, злая обезьяна; чтобъ мой храбрый начальникъ тебя уничтожилъ: я не лгу.

Стефано. Трипкуло! Если ты еще однажды перебьешь разсказъ его, то вотъ этимъ кулакомъ я вышибу тебѣ зубы.

Трипкуло. Да что ты? Вѣдь я ничего не сказалъ.

Стефано. Молчать же, ни слова больше. (*Калибану.*) Продолжай.

Калибанъ. И такъ, я говорю, что онъ колдовствомъ отнялъ у меня островъ. Отмсти ему за это! Я знаю, что ты можешь отмстить; вотъ эта рожа не посмѣетъ.

Стефано. Это вѣрно.

Калибанъ. Ты будешь владѣтель острова, а я буду служить тебѣ.

Стефано. Но какъ мы поведемъ дѣло? Можешь ли ты доставить мнѣ случай?

Калибанъ. Да, да, господинъ, я предамъ тебѣ его, соннаго, такъ, чтобы ты могъ ему вколотить гвоздь въ голову.

Аріэль. Ты лжешь, ты лжешь, ты не посмѣешь!

Калибанъ. Что за злое животное! Умоляю твое величество! Притузи его

хорошенько да отними у него бутыль; когда у него не будетъ ее, то пусть пьетъ одну соленую воду, а ужъ родниковъ свѣжей воды я ему ни за что не покажу.

Стефано. Эй, Тринкуло, не накликайся на бѣду... Перебей еще хоть одно слово чудовища, и я прогоню отъ себя всякое состраданіе и выколочу тебя, какъ треску.

Тринкуло. Да что я такое сдѣлалъ? Я ничего не сдѣлалъ! Отойти отъ васъ подальше.

Стефано. Развѣ ты не сказалъ, что онъ лжетъ?

Аріэль. Ты лжешь.

Стефано. Я лгу? Такъ вотъ же тебѣ! *(Бьетъ его.)* Если тебѣ это нравится, назови меня лжецомъ еще разъ.

Тринкуло. Да я тебя не называлъ лгуномъ.—Гдѣ твой разсудокъ и уши?—Чортъ возьми проклятую бутыль! Вотъ, вотъ до чего доводитъ вино и пьянство. Пропадай ты съ твоимъ чудовищемъ! Чтобы лихая немочь покоробила тебѣ пальцы.

Калибанъ. Ха, ха, ха!

Стефано. Ну, говори же дальше, а тебя прошу отойти къ сторонкѣ.

Калибанъ. Поколоти его еще; не много погодя, и я примусь его бить.

Стефано. Дальше, дальше!—Говори.

Калибанъ. Какъ я ужъ сказалъ тебѣ, онъ имѣетъ привычку спать послѣ обѣда; и такъ ты можешь придушить его, забравъ сначала его книги. Размозжи ему доброй дубиной голову, или ломомъ выверни внутренность, или ножемъ распори горло: но прежде всего завладѣй его книгами, безъ нихъ онъ такой же дуракъ, какъ и я, и не можетъ повелѣвать духами. Они такъ же смертельно его ненавидятъ, какъ и я. Сожги только его книги; у него есть много утвари, (какъ онъ называетъ), которою хочетъ украсить домъ, если онъ у него будетъ; но всего замѣчательнѣе красота его дочери: онъ самъ называетъ ее несравненною. Я никогда не видѣлъ другихъ женщинъ, кромѣ ее, да Сикораксы, моей матери; но она такъ превосходитъ Сикораксу, какъ солнце превосходитъ—зернышко.

Стефано. Неужели она въ самомъ дѣлѣ такая красавица?

Калибанъ. Да, господинъ; она достойна раздѣлить твое ложе, и ручаюсь, способна принести чудесный плодъ.

Стефано. Чудовище, изволь: я убью этого человѣка. Его дочь и я, мы будемъ—царь и царица. (Да здравствуютъ ихъ величества!) Тринкуло и ты, вы будете вице-королями. А! каковъ замыселъ, Тринкуло?

Тринкуло. Чудесный!

Стефано. Давай же руку; мнѣ досадно, что я поколотилъ тебя; но пока ты живъ, держи языкъ за зубами.

Калибанъ. Онъ ляжетъ спать прежде полу-часа. Убьешь ли ты его?

Стефано. Убью, клянусь честью.

Аріэль. Донесу объ этомъ моему владыкѣ.

Калибанъ. Какъ ты восхищаешь меня: я полонъ радости. Ну, давайте веселиться. Споемъ, что ли, пѣсню, которой ты давича меня училъ?

Стефано. Изволь, уродъ, изволь, я на все согласенъ. Ну же, Тринкуло, давай пѣть! *(Поетъ.)*

«Давай ихъ дразнить и смѣяться надъ ними
смѣяться, дразнить!
«Мысли свободны.

Калибанъ. Не тотъ голосъ?

(Аріэль играетъ на свирѣли, аккомпанируя тамбурщикомъ.)

Стефано. Что это такое?

Тринкуло. Это голосъ нашей пѣсни, наигранный невидимкой.

Стефано. Если ты человѣкъ, то покажись намъ въ человѣческомъ образѣ; если ты дьяволъ, то прими какой хочешь видъ.

Тринкуло. Прости Господи мои прегрѣшенія!

Стефано. Кто умираетъ, расплачивается за грѣхи гуртомъ. Я презираю тебя. Да спасетъ насъ небо.

Калибанъ. Ты испугался!

Стефано. Я, уродъ?

Калибанъ. Не пугайся. Островъ весь наполенъ голосами, блуждающими звуками, пріятною музыкою, которые доставляютъ только удовольствіе, но никогда не вредятъ. Иногда тысяча звучныхъ инструментовъ раздаются въ ушахъ моихъ; иногда такіе голоса, что если я пробуждаюсь отъ долгаго сна, они снова меня усыпляютъ, и тогда мнѣ грезятся облака, которыя разверзаются и показываютъ несмѣтныя богатства, готовыя разсыпаться надо мною, такъ, что просыпаясь, я плачу и желаю снова заснуть.

Стефано. По этому у меня будетъ славное государство: мнѣ ничего не будетъ стоить музыка.

Калибанъ. Да, когда Просперо будетъ убитъ..

Стефано. Это непремѣнно сейчасъ же будетъ исполнено. Я не забылъ твоего разсказа.

Тринкуло. Звуки удаляются. Пойдемъ за ними слѣдомъ. И потомъ приступимъ къ дѣлу.

Стефано. Веди насъ, чудовище: мы пойдемъ за тобою. Мнѣ бы хотѣлось видѣть этого барабанщика: онъ славно выбиваетъ дроби.

Тринкуло. Ну, поворачивайся, что ли? Я слѣдую за Стефано.

(Уходитъ.)

=

СЦЕНА III.

(Другая часть острова.)

(Входятъ Алонзо, Себастіянъ, Антонио, Гонзало, Адріянъ, Франческо и другіе.)

Гонзало. Клянусь Богомъ, государь, я не могу итти далѣе; старыя кости мои готовы переломиться. Мы блуждали въ настоящемъ лабиринтѣ, то по прямымъ, то по извилистымъ тропинкамъ! Умоляю васъ: дайте отдохнуть.

Алонзо. Мой старый вельможа! Я не могу винить тебя: я самъ чувствую усталость, подавляющую силы. Садись и отдохни. Здѣсь я брошу мою надежду, и не буду называть ее утѣшительницею. Онъ утонулъ, а мы отыскиваемъ, блуждая повсюду; море смѣется надъ нашими тщетными поисками на землѣ. Что дѣлать? Пусть будетъ такъ...

Антоніо. Я ужасно радъ, что онъ такъ мало питаетъ надежды... (*въ сторону Себастіяну.*) Смотрите, неотчаивайтесь дурнымъ успѣхомъ и не бросайте предпріятія, которое вы твердо рѣшились исполнить.

Себастіянъ. Мы воспользуемся первымъ удобнымъ случаемъ.

Антоніо. И такъ, въ эту ночь. Изнеможенные походомъ, они не захотятъ, да и не будутъ въ состояніи преодолѣть усталости.

Себастіянъ. Такъ въ эту ночь. — Кончено!

(Торжественная и страшная музыка. Просперо является невидимо надъ ними. Показываются страшныя привидѣнія, въ различныхъ видахъ; они приносятъ столъ со всѣми принадлежностями для пира; танцуютъ около него и приглашаютъ короля и другихъ къ столу, потомъ исчезаютъ.)

Алонзо. Что это за гармонія? Слышите ли, друзья мои!

Гонзало. Чудная, восхитительная музыка.

Алонзо. Съ нами ангелы Божіи! Что это за существа?

Себастіянъ. Живые призраки! Теперь повѣрю въ существованіе единороговъ и что въ Аравіи есть дерево, служащее престоломъ фениксу, и что Фениксъ и теперь тамъ царствуетъ.

Антоніо. А я вѣрю и тому и другому. Готовъ поклясться въ справедливости всякаго невѣроятнаго слуха. Путешественники никогда не лгали, какъ бы дряки, сидя дома, ни осуждали ихъ.

Гонзало. Мнѣ бы не повѣрили, если бъ я сталъ разсказывать въ Неаполѣ, что видѣлъ островитянъ (потому что это, вѣрно, островитяне), которые, хоть и чудовищны, но гораздо пріятнѣе въ обращеніи, чѣмъ мы всѣ и даже большая часть человѣческой породы.

Просперо, (*въ сторону.*) Ты правъ, честный старикъ! потому что и здѣсь между вами многіе гораздо хуже демоновъ.

Алонзо. Я не могу довольно надивиться: какъ краснорѣчивы эти образы, видѣнія и звуки, хотя и не выражаются человѣческимъ нарѣчіемъ.

Просперо. Побереги похвалы къ концу праздника.

Франческо. Какъ странно они исчезли!

Себастіанъ. Что за дѣло, когда они оставили намъ свой обѣдъ: желудки съ нами. Не угодно ли вамъ откушать.

Алонзо. Я не хочу.

Гонзало. Не бойтесь, государь! Когда мы были дѣтьми, кто изъ насъ вѣрилъ, что существуютъ горные народы съ подгрудками, какъ у нашихъ быковъ, что на зобахъ у нихъ висятъ мѣшки изъ мяса, или что есть люди, у которыхъ головы почти на самой груди. А нынче всякій ростовщикъ, путешествующій на свои проценты, представитъ тому доказательства.

Алонзо. Хорошо же, будемъ ѣсть, если бъ даже и въ послѣдній разъ; я и такъ потерялъ ужъ лучшее на землѣ. Братъ, герцогъ, садитесь, и послѣдуйте нашему примѣру.

(Громъ и молнія. Входитъ Аріэль въ видѣ гарпіи, бьетъ своими крыльми по столу и чудеснымъ образомъ всѣ яства исчезаютъ.)

Аріэль. Вы преступники, которыхъ судьба, (двигающая дольнымъ міромъ и всѣмъ на немъ сущимъ), приказала ненасытному морю выбросить на берегъ этого острова, необитаемаго людьми, потому что вы недостойны жить между людьми. Я помутилъ разсудокъ вашъ.

(Увидя, что Алонзо и Себастіанъ обнажили мечи.)

Я влилъ въ васъ это бѣшенство, которое заставляетъ людей убивать и топить другъ друга. Безумцы! Я и мои товарищи, мы, исполнители воли рока; металлъ, изъ котораго выкованы клинки мечей вашихъ, также можетъ повредить шумному вѣтру, волнамъ моря, безпрестанно смыкающимъ наносимыя раны, какъ и перу крыла моего. Товарищи мои неуязвимы, если бъ вы и могли наносить язвы. Но мечи ваши слишкомъ тяжелы: вы не въ силахъ поднять ихъ. Внимайте моему посольству: Всѣ трое вы лишили добродѣтельнаго Просперо миланскаго престола; вы его бросили на произволъ моря, оно теперь отмстило вамъ за него и за его невинную дочь. За это преступленіе высшая сила, которая медлитъ, но не прощаетъ, подъяла море и берега и все созданіе противъ вашего покол. Тебя, Алонзо, она лишила сына и черезъ меня возвѣщаетъ вамъ, что продолжительныя страданія, которыя несравненно ужаснѣе смерти, поражающей вдругъ, будутъ слѣдовать всюду по стопамъ вашимъ. Чтобы избавиться отъ грозной мзды, готовой разразиться надъ вашими головами, посреди этого пустыннаго острова, вамъ остается искреннее раскаяніе и жизнь непорочная!

(Исчезаетъ въ раскатахъ грома; потомъ слышна пріятная музыка, показываются снова привидѣнія, танцуютъ съ выразительными тѣлодвиженіями и уносятъ столъ.)

Просперо, (*въ сторону.*) Славно, мой Аріэль, исполнилъ ты роль гарпіи. Въ самомъ звѣрствѣ твоемъ было что-то пріятное. Ты до послѣдняго слова совершилъ мои велѣнья; второстепенные духи исполнили свое дѣло искусно и правдиво. Силы чаръ моихъ дѣйствуютъ, и

враги мои стоятъ окованные безумiемъ; они всѣ въ моей власти; я оставлю ихъ въ этомъ отчаянномъ состоянiи. Пойду теперь къ юному Фердинанду и моей ненаглядной Мирандѣ.

(Просперо исчезаетъ.)

Гонзало. Именемъ всѣхъ святыхъ, государь, что съ вами сдѣлалось? Вы оцѣпенѣли!

Алонзо. О, ужасно, ужасно! Мнѣ кажется, и волны взговорили и вѣтры напѣвали мнѣ и громъ своимъ глухимъ ужаснымъ голосомъ произносилъ имя Просперо, а раскаты его твердили о моемъ преступленiи. За тѣмъ и сынъ мой схороненъ на днѣ морскаго ила. Но я спущусь въ море гораздо глубже, чѣмъ лоть, и лягу рядомъ съ сыномъ. *(Уходитъ.)*

Себастiанъ. По одиночкѣ я готовъ драться съ цѣлымъ легiономъ дiяволовъ.

Антонiо. Я иду въ секунданты.

(Уходятъ Себастiанъ и Антонiо.)

Гонзало. Всѣ трое въ отчаянiи. Давнишнее преступленiе, какъ ядъ, который дѣйствуетъ только по прошествiи извѣстнаго времени, теперь начинаетъ ихъ мучить. Ноги у васъ, проворнѣе бѣгите за ними вслѣдъ и удержите отъ несчастiй, въ которыя можетъ вовлечь ихъ отчаянiе.

Адрiано. Слѣдуйте за нами, прошу васъ.

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВIЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

(Возлѣ Просперовой пещеры.)

(Входятъ Просперо, Фердинандъ и Миранда.)

Просперо. Если я обошелся съ тобою нѣсколько жестоко, то награда, которую ты получилъ, должна загладить все. Я даю тебѣ треть собственной жизни, или, еще болѣе, уступаю то, чѣмъ живу. Еще разъ, отдаю тебѣ ее на руки. Всѣ твои страданiя были только испытанiемъ любви, ты перенесъ ихъ съ необычайною твердостiю. Здѣсь, передъ лицемъ небесъ, утверждаю богатый даръ мой. О, Фердинандъ, не смѣйся надо мною, что я превозношу ее: ты скоро самъ узнаешь, что она выше всѣхъ похвалъ; онѣ хромаютъ вслѣдъ за нею.

Фердинандъ. Я увѣренъ въ этомъ, хотя бы оракулъ говорилъ противное.

Просперо. Возьми-жъ дитя мое, какъ даръ отъ меня, и какъ достоянiе, которое ты стяжалъ собственнымъ достоинствомъ. Но если ты сорвешь ея дѣвственный поясъ прежде, чѣмъ будетъ совершенъ священный обрядъ со всѣми его таинствами и необходимымъ торжествомъ, то молю, пусть небеса не посылаютъ своей сладкой росы на союзъ вашъ, пусть ненависть, презрѣнiе, и вражда разсыплютъ на вашемъ ложѣ ядовитое семя, чтобъ вы оба его возненавидѣли! И такъ, берегитесь любви до той минуты, пока не озаритъ васъ пламенникъ Гименея.

Фердинандъ. Клянусь моимъ упованьемъ въ мирные дни, на славное потомство, на жизнь долгую, полную любьви, что ни мракъ пещеры, ни случай, ни самое сильное искушенiе, какое можетъ вымыслить злой духъ, никогда не истребятъ чести моей въ пламени страсти. Если я посмѣю посягнуть на вѣнецъ брачнаго дня, если я только подумаю

объ этомъ, то пусть колесница Ѳеба опрокинется или ночь закуетъ весь міръ навѣки въ свои объятія.

Просперо. Прекрасно! Садись же и бесѣдуй съ нею. Она твоя. Гей, Аріэль! Гдѣ ты, мой трудолюбивый слуга?

(Входитъ Аріэль.)

Аріэль. Что прикажетъ властелинъ? Я здѣсь.

Просперо. Ты и тебѣ подвластные духи прекрасно исполнили послѣднюю услугу; я долженъ употребить васъ на другой подобный подвигъ: поди и собери сюда всю ватагу, надъ которой я далъ тебѣ власть. Одушеви ихъ быстротою въ движеніяхъ: я хочу позабавить юную чету чарами моей науки; я обѣщалъ имъ; они ждутъ.

Аріэль. Сейчасъ!

Просперо. Въ мгновеніе ока.

Аріэль. Ты не успѣешь произнести «ступай», «иди», не успѣешь вздохнуть дважды, и закричать: «ну что!», какъ они ужъ будутъ здѣсь скользить на цыпочкахъ, и сплетаться во хороводы... Любишь ли ты меня, властитель? Нѣтъ?

Просперо. Отъ всей души мой милый Аріэль. Не приближайся, пока не услышишь моего зова.

Аріэль. Понимаю. *(Уходитъ.)*

Просперо. Смотри же, будь тверлъ въ словѣ; не давай воли желаніямъ. Въ пожарѣ страстей самая строгая клятва обращается въ пепелъ, какъ солома. Будь какъ можно воздержнѣе или простись съ твоимъ обѣтомъ.

Фердинандъ. О будь покоенъ. Вотъ этотъ бѣлый, дѣвственный снѣгъ у моего сердца, умѣрлетъ жаръ въ моей крови.

Просперо. Хорошо. Теперь явись мой Аріэль; приведи всѣхъ сверхкомплектныхъ, не забудь ни одного духа; явись и открой процессію. — Ни слова. Обратитесь въ зрѣніе.

(Восхитительная музыка. Входитъ Ирисъ.)

Ириса. Церера, богиня благодѣтельнѣйшая, покинь свои злачныя пашни съ пшеницей, рожью, и горохомъ; муравчатые пригорки, гдѣ пасутся рѣзвыя овцы, цвѣтистыя поляны, гдѣ зрѣетъ кормъ, берега, опоясанные лиліями и іонами, которые по твоему приказанію апрѣль свиваетъ въ вѣнки для скромныхъ нимфъ; — оставь свои рощи, гдѣ ищетъ уединенія страстный любовникъ, покинутый пастушкой; твои виноградники съ ихъ отрадой, твои песчаные берега моря, осѣненные грозными утесами, куда ты уклоняешься иногда, чтобъ освѣжить свое дыханіе. Богиня неба, которой я служу радугою и вмѣстѣ посланницею, зоветъ тебя, съ царскою привѣтливостію на этотъ злачный лугъ, отпраздновать съ ней праздникъ. Вотъ несутся сюда ея павлины; спѣши, богатая Церера, принять мою богиню.

(Входитъ Церера.)

Церера. Привѣтствую тебя, многоцвѣтная посланница Юпитеровой супруги! Ты сыплешь съ своихъ шафранныхъ крыльевъ медовыя и бальзамическія росы на мои поля; однимъ концомъ голубой дуги своей вѣнчая лѣса мои, а другимъ склоняясь къ пустынямъ, ты окружаешь богатымъ поясомъ роскошную землю. Зачѣмъ царица твоя зоветъ меня на эту злачную поляну?

Ириса. Чтобы праздновать союзъ двухъ вѣрныхъ сердецъ и принесть дары счастливой четѣ.

Церера. Скажи небесная радуга, Венера и сынъ ея сопутствуютъ твоей царицѣ? Съ тѣхъ поръ, какъ составили они заговоръ, предавшій дочь мою мрачному Плутону, я поклялась, не сближаться съ нею и ея слѣпымъ сыномъ.

Ириса. Не страшись ея присутствія; я сейчасъ видѣла, какъ богиня, разсѣкая облака, неслась съ сыномъ своимъ къ Пафосу на колесницѣ, за-

пряженной горлицами. Они надѣялись своими обольстительными чарами соблазнить этого юношу и дѣву, которые дали обѣтъ не пользоваться правами брачнаго ложа, пока Гименей не зажжетъ своего свѣтильника. Но тщетны были усилія сладострастной любовницы Марса; зломышленный сынъ ея переломалъ всѣ стрѣлы и поклялся не натягивать болѣе лука; какъ ребенокъ, онъ теперь играетъ только съ воробьями.

Церера. Могущественная царица небесъ, великая Юнона, приближается: у знаю ее по поступи.

(Входитъ **Юнона**.)

Юнона. Привѣтствую тебя, благодѣтельная сестра моя? Благословимъ эту чету! Пусть дни ихъ будутъ счастливы, а потомство почтно!

Юнона, поетъ.

Злата, чести, наслажденья,
Мирныхъ дней и упоенья,
Безконечный рядъ забавъ,
Вамъ отъ сердца пожелавъ,
Васъ Юнона поздравляетъ
И вашъ бракъ благословляетъ.

Церера, то же.

Изобилья, житницъ вѣчно полныхъ.
Виноградомъ лозъ обремененныхъ,
Отъ плодовъ пагнувшихся древесъ;
Чтобъ весна поздившая съ небесъ
Къ вамъ во время жатвы возвращалась,
Чтобъ нужда васъ бѣгала, чуждалась,
Чтобъ не знали вы печали никогда.
Это все, Церера призываетъ,
На тебя, прекрасная чета,
И твой бракъ благословляетъ.

Фердинандъ. О какое величественное видѣніе! Какіе гармоническіе звуки! Неужели это духи!

Просперо. Духи, которыхъ я вызвалъ наукою изъ ихъ сферы, чтобъ они исполнили мои желанья.

Фердинандъ. Какъ бы я желалъ остаться здѣсь навсегда! Такой удивительный отецъ и такая жена превратятъ для меня пустыню въ рай.

(**Юнона** и **Церера** шепчутся; **Ириду** посылаютъ съ порученіемъ.)

Просперо. Молчи, мой другъ! Юнона и Церера шепчутся съ озабоченнымъ видомъ; онѣ еще что-то затѣваютъ. Ни слова, или все очарованіе исчезнетъ.

Ириса. Наяды, нимфы странствующихъ ручейковъ, съ камышевыми вѣнками и вѣчно-свѣтлыми очами, покиньте зыбкія струйки водъ! Собирайтесь на этотъ зеленый лугъ; васъ зоветъ Юнона. Придите, скромныя нимфы, довершите торжество вѣнчанія вѣрной любви. Не медлите.

(Являются нимфы.)

И вы, жнецы, загорѣвшіе отъ солнца, изнеможенные трудомъ, оставьте борону и поле, и предайтесь веселью. Пусть день этотъ будетъ вамъ праздникомъ. Наденьте свои соломенныя шляпы и становитесь въ веселую пляску съ юными нимфами.

(Входятъ нѣсколько жнецовъ, опрятно одѣтые; они составляютъ съ нимфами граціозный танецъ; послѣ чего Просперо внезапно вскакиваетъ.)

Просперо, (въ сторону.) Я и забылъ о гнусномъ умыслѣ чудовища Калибана и его сообщниковъ. Минута исполненія ихъ заговора наступаетъ. (*Къ духамъ.*) Исчезните. Довольно.

Фердинандъ. Что это значитъ? Отецъ твой сильно взволнованъ.

Миранда. Никогда, до сихъ поръ не видѣла я его въ такомъ волненіи, и гнѣвѣ.

Просперо. Ты, кажется, встревожепъ, сынъ мой, какъ будто чего нибудь испугался. Успокойся, другъ, пиръ нашъ конченъ. Наши актеры, какъ я уже сказалъ были не что иное, какъ духи; они обратились въ воздухъ, и въ тонкомъ воздухѣ исчезли. Какъ безтѣлесные образы этихъ видѣній, исчезнутъ и башни, которыхъ главы увѣнчаны облаками, великолѣпные дворцы, величественные храмы, самъ шаръ земной, и все, на немъ живущее, все пропадетъ, какъ эти пустые призраки, не оставивъ и

слѣда за собою. Мы всѣ изъ того же матеріала, какъ сны наши, и наша краткая жизнь со всѣхъ сторонъ объята сномъ.—Я страдаю, сынъ мой; прости моей слабости; моя старая голова разстроена. Не заразись моей печалью, войди, если хочешь въ пещеру, вы тамъ отдохнете; а я немного пройдусь, чтобъ успокоить біеніе сердца.

Фердинандъ и Миранда. Желаемъ вамъ спокойствія.

(Уходятъ.)

Просперо. Явись ко мнѣ скорѣе мысли! — Благодарю васъ; — Аріэль!

(Аріэль является.)

Аріэль. Я прикованъ къ мыслямъ твоимъ: что прикажешь?

Просперо. Духъ! мы должны заняться разрушеніемъ Калибанова замысла.

Аріэль. Да, повѣлитель! Когда я представлялъ Цецеру,— я хотѣлъ поговорить съ тобою объ этомъ, но боялся разсердить тебя.

Просперо. Повтори мнѣ, гдѣ ты оставилъ этихъ негодяевъ?

Аріэль. Я сказалъ тебѣ, что я ихъ оставилъ, разгоряченныхъ виномъ, въ припадкѣ такой храбрости, что они готовы были драться съ вѣтромъ, за то, что онъ дулъ имъ въ лицо и бить землю за то, что она касалась до ихъ подошвы, они разсуждали о своемъ умыслѣ. Тогда я ударилъ въ свой барабанъ; при этихъ звукахъ, они подобно необъѣзженнымъ жеребцамъ, подняли уши, вытаращили зрачки, надули поздри, почуя музыку. Я такъ обворожилъ ихъ слухъ, что они, какъ телята на знакомое мычанье, послѣдовали за мною, по зубчатому терновнику, сквозь сухой кустарникъ; по колючимъ растеніямъ, которыхъ иглы впивались имъ въ ноги. Наконецъ я оставилъ ихъ за твоею пещерою, въ болотѣ, обросшемъ зеленою плесенью, и тамъ, завязнувъ по колѣна, бьются они въ тинѣ, которая облѣпила и опутала имъ ноги.

Просперо. Отлично, моя пташка. Не снашивай съ себя невидимаго покрова. Тамъ въ гротѣ у меня есть приманка для нихъ; принеси ее сюда: сю, какъ сѣтью, изловлю воровъ.

Аріэль. Иду!

Просперо. Это демонъ, совершенный демонъ, на которомъ никогда не примутся добрыя сѣмена. Всѣ труды мои, по человѣколюбію расточаемые на его образованіе, потеряны. Тѣло его съ годами становится безобразнѣе, а душа гніетъ. Я до тѣхъ поръ буду ихъ мучить, пока всплачутся.

(Входитъ Аріэль, неся блестящія платья.)

Повѣсь это вотъ здѣсь, на веревку.

(Просперо. Аріэль невидимый. Входятъ Калибанъ, Стефано и Тринкуло — всѣ мокрые.)

Калибанъ. Пожалуй-ста, идите тише, чтобы слѣпой кротъ не услыхалъ шаговъ нашихъ: мы возлѣ самой его пещеры.

Стефано. Чудовище, твой духъ, котораго ты называешь безвреднымъ, съигралъ съ нами такую же штуку, какъ блудящій огонекъ, обманывающій довѣренность путника; онъ насъ просто посадилъ въ дураки.

Тринкуло. Чудовище, я слышу какой-то запахъ, отъ котораго носъ мой приходитъ въ ужасное негодованіе.

Стефано. И мой тоже. Смотри, чудовище, если я разсержусь, такъ берегись...

Тринкуло. Ты будешь погибшее чудовище.

Калибанъ. Добрый господинъ мой, возврати мнѣ твою дружбу. Имѣй терпѣніе. Сокровище, которое я сейчасъ укажу тебѣ, выкупитъ эту минутную непріятность. Только говори потише. Пока здѣсь все еще мертво, какъ полночь.

Тринкуло. Да за чѣмъ ты утопилъ бутыль въ болотѣ?

Стефано. Это событіе ознаменовано не только стыдомъ и безчести-

емъ, чудовище, но и потеря-то невозвратима!

Тринкуло. Для меня она ужаснѣе самаго купанья. А все твой безвредный духъ напроказилъ, чудовище.

Стефано. Пойду искать бутыль, хотя бы пришлось завязнуть по уши.

Калибанъ. Успокойся, царь мой! Видишь ли, вотъ отверзтіе пещеры. Войди въ нее безъ шуму и соверши добрый ударъ: онъ навсегда упрочитъ за тобою островъ, а Калибана заставитъ цѣловать твои ноги.

Стефано. Дай мнѣ руку; у меня рождаются кровавыя мысли.

Тринкуло. О, царь Стефано! О, государь! О, храбрый Стефано! Посмотри, какой тутъ гардеробъ для тебя.

Калибанъ. Брось эти лоскутья, глупецъ, это негодное тряпье.

Тринкуло. Ого, чудовище, мы таки разумѣемъ кое-что въ ветошномъ ремеслѣ. О, царь Стефано!

Стефано. Достань-ка мнѣ этотъ плащь, Тринкуло; клянусь кулакомъ, я возьму этотъ плащь.

Тринкуло. Извольте, ваше величество.

Калибанъ. Чтобъ водяная задавила этого болвана! Ну что это вамъ вздумалось привязаться къ такому вздору. Сперва пойдемъ, да кончимъ убійство; если онъ проснется, то съ темени до пятокъ обложитъ тѣла наши острыми иглами; онъ насъ презабавно нарядитъ, за это вамъ ручаюсь.

Стефано. Молчать, чудовище. Госпожа веревка, не это ли моя курточка? А ну, курточка спустись-ка съ веревки; теперь, курточка, кажется, прійдется тебѣ потерять ворсъ и повозиться.

Тринкуло. Бери, бери: мы крадемъ, не смотря на зацѣпки и не боясь веревки, буде это не противно вашему величеству.

Стефано. Спасибо за краснословцо. На, вотъ тебѣ за него платье. Остроуміе не останется безъ награды, пока я буду царемъ этой страны. «Красть, не смотря на зацѣпки и не боясь веревки!» Да это острота безцѣнная. Вотъ тебѣ еще платье за нее.

Тринкуло. Чудовище поди-ка запусти во что нибудь когти, тащи остальное и убирайся.

Калибанъ. Мнѣ ничего не нужно. Мы только теряемъ время и будемъ обращены или въ морскихъ утокъ, или въ обезьянъ съ плоскими черепами.

Стефано. Чудовище, запусти свои когти; помоги намъ отнести это туда, гдѣ скрыта моя бочка съ виномъ, или я выгоню тебя изъ моего царства. Живо, тащите.

Тринкуло. Вотъ и это.

Стефано. Да и это.

(Слышенъ шумъ охоты. Разные духи, въ видѣ собакъ, гоняются за ними. **Просперо** и **Аріэль**.)

Просперо. Гей, Діана, гей!

Аріэль. Каро, гопъ! туда; туда, Каро!

Просперо. Фурія, фурія, туда! Тиранъ, сюда Ату! Ату!

(**Калибанъ**, **Стефано** и **Тринкуло** бѣгутъ со сцены.)

Поди, поручи духамъ, чтобы они переломали имъ кости въ мучительныхъ судорогахъ, связали имъ мышцы старческой грыжей, нанесли бы имъ столько кровавыхъ знаковъ сколько пятенъ на леопардѣ или горномъ тигрѣ.

Аріэль. Слышишь, какъ они воютъ!

Просперо. Вели ихъ травить безпрестанно. Теперь всѣ враги въ моихъ рукахъ, скоро и заботы мои кончатся, и я отдамъ тебѣ въ награду все воздушное пространство. Еще не много послужи и будь покоренъ.

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

(Передъ Просперовой пещерой.)

(Входитъ Просперо, въ волшебной мантіи, и Аріэль.)

Просперо. Наконецъ планъ мой созрѣваетъ: чары дѣйствуютъ, духи повинуются, и времл бодро летитъ съ ношею событій. — Далекъ ли день!

Аріэль. Шестой часъ, въ которомъ, государь, ты обѣщалъ окончить труды наши.

Просперо. Да, я говорилъ это, когда подымалъ бурю. Скажи мнѣ, духъ мой, что дѣлается съ королемъ и его свитой?

Аріэль. Всѣ они въ неволѣ, какъ ты приказалъ; совершенно въ томъ положеніи, въ какомъ ты ихъ оставилъ; всѣ въ плѣну, въ лимонной рощѣ, защищающей твою пещеру. Они не могутъ сойти съ мѣста, пока ты ихъ не разрѣшишь. Король, братъ его и твой, въ помѣшательствѣ, а остальные, въ горѣ и ужасѣ, плачутъ надъ ними; но болѣе всѣхъ, тотъ, котораго ты, называлъ *добрымъ, старымъ Гонзало;* слезы струятся по бородѣ его, какъ капли снѣга съ кровли; чары твои такъ ужасно дѣйствуютъ, что если бъ ты теперь увидѣлъ несчастныхъ, сердце твое невольно бы смягчилось.

Просперо. Ты думаешь, духъ?

Аріэль. Я бы, по крайней мѣрѣ, не устоялъ, будь я—человѣкъ.

Просперо. И я смягчусь. Когда ужъ ты, существо воздушное, тронутъ ихъ страданіемъ, какъ же мнѣ, существу имъ подобному, съ тѣми же чувствами, съ такою же душей, не быть чувствительнѣй тебя? Хотя ихъ несправедливость извела всю жизнь мою, но я войду въ союзъ съ благородствомъ разсудка, противъ злобы сердца: добродѣтель прекраснѣе мщенія. Они раскаялись и всѣ мои преслѣдованія кончены; я къ нимъ не обращу болѣе ни одного гнѣвнаго взора. Поди, освободи ихъ, Аріэль; пусть разрушится очарованье, пусть возвратятся имъ и силы, и разсудокъ!

Аріэль. Спѣшу за ними.

(Уходитъ.)

Просперо. Духи скалъ и ручейковъ, озеръ пригорковъ и лѣсовъ; вы, духи, преслѣдующіе по песку тихими стопами Нептуна, когда онъ уводитъ за собою волны, бѣгущіе отъ него, когда онъ возвращается! И ты, мелкій родъ духовъ, что при лунномъ сіяніи чертишь на зеленыхъ лужайкахъ очарованные круги, куда не забѣгаютъ овцы или забавляешься по ночамъ произращеніемъ грибовъ и радостно внемлешь полночному звону, призывающему весь міръ къ покою! — какъ ни маловажны и безсильны были ваши услуги, но я затмилъ ими солнце въ его полуденномъ блескѣ, скликалъ мятежные вѣтры, и между зеленымъ моремъ и лазурнымъ сводомъ разжигалъ свирѣпую борьбу; давалъ пламя раскатамъ грома; однимъ ударомъ его разсѣкалъ могучіе дубы Юпитера, потрясалъ мысы на ихъ твердомъ основаніи и сосны и кедры съ корнями исторгалъ изъ лона земли. На голосъ мой, могилы будили своихъ жильцевъ, разверзались и отдавали ихъ свѣту, все покорялось могуществу моей науки! Но теперь я торжественно отрекаюсь отъ волшебства! Дайте мнѣ только звуки небесной музыки, чтобъ возвратить имъ способности, разстроенныя моими чарами... и я переломлю мой жезлъ, и такъ глубоко, какъ никогда

лотъ не опускался, я въ море опущу чародѣйскія книги.

(Торжественная музыка.)

(Входятъ: Аріэль, за нимъ Алонзо въ изступленіи, поддерживаемый Гонзало; Себастіянъ и Антонио въ такомъ же видѣ, поддерживаемые Адріяномъ и Франческо. Всѣ они входятъ въ кругъ, начертанный Просперомъ; и останавливаются очарованые; увидѣвъ это, Просперо говоритъ:

Торжественные звуки музыки, лучшее лекарство для разстроеннаго воображенія, да возвратятъ прежнюю силу мыслямъ вашимъ, которыя теперь безплодно кипятъ въ головѣ. Стойте: вы здѣсь прикованы! Добродѣтельный Гонзало, почтенный мужъ; глаза мои, сочувствуя твоимъ, наполнились знакомыми слезами. Очарованіе слабѣетъ. Какъ утренняя заря, вторгаясь въ царство ночи, поглощаетъ мракъ ея, такъ воскресающія чувства прогоняютъ мало по малу туманъ, облекшій ихъ разсудокъ. О мой любезный Гонзало, мой истинный спаситель, и вѣрный слуга своего государя, я награжу тебя на родинѣ и словомъ и дѣломъ. Ты, Алонзо, жестоко поступилъ со мной и моею дочерью; твой братъ былъ изъ первыхъ зачинщиковъ заговора; за то теперь страдаешь, Себастіянъ! Но ты, одна кровь и одно тѣло со мною; мой братъ, заглушившій честолюбіемъ голосъ совѣсти и природы, еще здѣсь замышлявшій съ Себастіяно, убить царя своего... какъ ты ни безчеловѣченъ... но я тебя прощаю. Мысли ихъ начинаютъ яснѣть, волненіе скоро дойдетъ до береговъ разума, покрытыхъ нынѣ тиною. Еще никто изъ нихъ не всмотрѣлся и не узналъ меня. — Аріэль, принеси мнѣ изъ Пещеры шляпу и мой мечь. *(Аріэль уходитъ.)* Сниму съ себя мантію и представлюсь имъ въ томъ видѣ, какъ я былъ нѣкогда въ Миланѣ. — Спѣши мой духъ; скоро ты получишь свободу.

(Аріэль возвращается, съ пѣснею и помогаетъ Просперо одѣться.)

Аріэль.

Тамъ гдѣ пчелы, я кормлюся;
Лишь сова начнетъ кричать,
Я въ распуколкѣ ложуся
Бѣлой буковицы спать.
Мышь летучую сѣдлаю
И вослѣдъ младой веснѣ
Безпрерывно я летаю....
Какъ теперь, отрадно мнѣ!
Сладко, вольно и счастливо
Буду жить я подъ листкомъ,
Что трепещетъ болзливо
На цвѣточкѣ луговомъ.

Просперо. Твое отсутствіе мой добрый Аріэль, будетъ для меня очень чувствительно, но ты все таки получишь свободу. Ступай теперь къ королевскому кораблю, невидимкой, ты найдешь тамъ моряковъ, спящихъ подъ палубой; разбуди шкипера и боцмана и сейчасъ же приведи ихъ сюда.

Аріэль. Я выпью воздушное пространство, и вернусь прежде, чѣмъ пульсъ твой успѣетъ дважды ударить.

(Улетаетъ.)

Гонзало. Лишь муки, смуты, язвы и пораженіе обитаютъ на этомъ островѣ. Спаси насъ сила небесная отъ этой ужасной страны!....

Просперо. Государь! Узнай во мнѣ оскорбленнаго герцога Миланскаго Просперо. Въ доказательство того, что въ эту минуту живой принцъ говоритъ съ тобою, я обнимаю; и привѣтствую тебя и твою свиту.

Алонзо. Просперо, ты ли это или призракъ, очарованіе, готовое обмануть меня, подобно тѣмъ, которыя до сихъ поръ опутывали мой разумъ и чувства? Твой пульсъ бьется, какъ у существа, составленнаго изъ тѣла и крови, и съ той минуты, какъ я увидѣлъ тебя, я чувствую, что мученія души моей и помѣшательство, которое... (страшно подумать) овладѣвало мною, слабѣютъ. Если это не сонъ, то странное приключеніе. Я возвращаю тебѣ герцогство. Прости меня

за несправедливость. Но какъ ты уцѣлѣлъ Просперо и какъ попалъ сюда?

Просперо, (*Гонзало*). Прежде всего, благородный другъ, позволь обнять тебя; честность твоя выше мѣры и награды.

Гонзало. Существенность это, или сонъ, не смѣю вѣрить.

Просперо. Чувства ваши, еще не совсѣмъ освобожденныя изъ подъ очарованія острова, тушатъ вѣру въ предметы существенные. Привѣтствую всѣхъ —вы всѣ друзья мои. А вы, синьоры, если бъ захотѣлъ я, (*въ сторону Себастіяну и Антоніо.*) я бы могъ, обратить на васъ гнѣвные взоры его величества и обличить въ вѣроломствѣ; но теперь не хочу я обнаруживать истины.

Себастіянъ. Дьяволъ говоритъ его устами.

Просперо. Нѣтъ! — Что же касается до тебя, вѣроломнѣйшій изъ людей, кораго не назову братомъ, чтобъ не осквернить устъ моихъ, я прощаю тебѣ всѣ черныя преступленія, всѣ до единаго; но требую назадъ мое герцогство, съ которымъ, — я знаю, тебѣ бы не хотѣлось разстаться.

Алонзо. Если ты Просперо, то разскажи намъ нѣкоторыя подробности твоего спасенія; какъ ты могъ найти здѣсь насъ, тогда какъ мы только за три часа предъ тѣмъ были разбиты бурею, у здѣшнихъ береговъ, гдѣ я потерялъ.— О, это воспоминаніе пронзаетъ сердце— гдѣ потерялъ я моего сына, моего драгоцѣннаго Фердинанда.

Просперо Я раздѣляю вашу скорбь.

Алонзо. Невозвратима моя потеря. И даже терпѣніе признаетъ себя не въ силахъ мнѣ помочь.

Просперо. А мнѣ, такъ кажется, что вы и не призывали его на помощь. Я самъ, испытавъ подобную потерю, прибѣгнулъ къ его могуществу, и доволенъ судьбою.

Алонзо. Вы? Подобную потерю?

Просперо. Да, такую же великую, и столь столь же новую потерю; но къ утѣшенію у меня нѣтъ тѣхъ средствъ, которыя у васъ остались. Я лишился дочери.

Алонзо. Дочери? О Боже! Если бъ они оба были живы, то могли бы быть королемъ и королевой въ Неаполѣ. О, для этого я бы готовъ самъ лечь на тинистомъ ложѣ, гдѣ лежитъ мой сынъ. Когда вы потеряли дочь вашу?

Просперо. Въ послѣднюю бурю. Я замѣчаю, что эти господа такъ удивлены встрѣчею со мною, что разсудокъ ихъ помутился. Они глазамъ не вѣрятъ и звуку словъ. Но какъ ни были потрясены ваши чувства, вѣрьте, я тотъ самый Просперо, тотъ герцогъ, который изгнанъ изъ Милана, и который страннымъ случаемъ попалъ на этотъ островъ, чтобъ быть его владыкою. Но довольно объ этомъ: моя исторія — цѣлая хроника, а не разсказъ для завтрака, и не годна для перваго свиданія. Добро пожаловать. Пещера эта дворъ мой: не велика въ ней свита моя и внѣ ея немного подданныхъ, но все таки взгляните. Вы возвратили мнѣ герцогство, я хочу сравниться съ вами въ великодушіи, и сдѣлать вамъ столь же дорогой подарокъ; по крайней мѣрѣ я открою вамъ чудо, которымъ вы будете такъ-же довольны, какъ я моимъ герцогствомъ.

(Входъ пещеры открылся, и въ немъ сидятъ Фердинандъ и Миранда, играя въ шахматы.)

Миранда. Милый другъ, вы плутовали.

Фердинандъ. Нѣтъ, мой ангелъ, на это не рѣшусь ни за какія блага въ свѣтѣ.

Миранда. Да, если бъ вы обманомъ выигрывали у меня двадцать королевствъ, и тутъ бы я сказала, что вы играете, какъ должно.

Алонзо. Если это новое очарованіе острова, я долженъ дважды лишиться сына.

Себастіянъ. Какое чудо!

Фердинандъ. Если море бываетъ иногда грозно, то бываетъ и милостиво — я напрасно его проклиналъ.

(Фердинандъ бросается на колѣни предъ Алонзо.)

Алонзо. Да осѣнитъ тебя благословеніе отца, упоеннаго радостью! Встань и скажи, какъ ты здѣсь очутился!

Миранда. О чудеса! Сколько прекрасныхъ созданій я вижу? Какъ хороши люди! Какъ долженъ быть хорошъ свѣтъ, въ которомъ живутъ такія созданія.

Просперо. Онъ новъ для тебя.

Алонзо. Кто дѣвушка, съ которою ты игралъ въ шахматы? Знакомство ваше не можетъ быть старѣе трехъ часовъ. Не богиня ли она, которая разлучила насъ, чтобы потомъ соединить снова.

Фердинандъ. Государь, она смертная, но безсмертные боги мнѣ ее даровали; я выбралъ ее въ подруги въ ту минуту, когда не могъ спросить совѣта у отца моего, полагая, что его ужъ нѣтъ на свѣтѣ. Она дочь знаменитаго миланскаго герцога, о которомъ я такъ много слышалъ, но котораго до нынѣ не видалъ. Онъ далъ мнѣ снова жизнь, и чрезъ нее сталъ мнѣ вторымъ отцомъ.

Алонзо. А я ей буду вторымъ отцемъ. Но какъ неловко и странно отцу просить прощенія у своей дочери!

Просперо. Остановитесь, государь! Не будемъ обременять мыслей тяжестью минувшаго.

Гонзало. Я плакалъ внутренно и до сихъ поръ не могъ сказать ни слова. О, боги! Обратите взглядъ на эту чету и осѣните ее вѣнкомъ вашего благословенія! Вы сами предназначили намъ путь на этотъ островъ.

Алонзо. Аминь.

Гонзало. Не для того ли герцогъ Милана былъ изгнанъ изъ Милана, чтобы потомство его дало царей Неаполю? О, радость эта выше всякой радости! Увѣковѣчимъ ее, напишемъ золотыми буквами на несокрушаемыхъ столбахъ: «Во время путешествія Кларибелла нашла себѣ супруга въ Тунисѣ; Фердинандъ, братъ ея, нашелъ себѣ супругу, тамъ, гдѣ онъ самъ былъ потерянъ. Просперо обрѣлъ свое герцогство, на необитаемомъ островѣ, и мы всѣ нашли себя самихъ, тамъ, гдѣ всякій изъ насъ потерялся было совершенно.»

Алонзо. Дайте мнѣ ваши руки.

(Къ Фердинанду и Мирандѣ.)

Пусть печаль и горе окуютъ то сердце, которое не пожелаетъ вамъ счастія.

Гонзало. Да будетъ такъ! Аминь.

(Входятъ Ариэль съ командиромъ и боцманомъ, которые слѣдуютъ за нимъ въ изумленіи.)

Посмотрите, государь, посмотрите! Вотъ еще наши! Я пророчилъ, что покуда висѣлицы будутъ существовать на землѣ, этотъ молодецъ не потонетъ. — Ну, что, богохульникъ, изгонявшій проклятіями съ корабля милосердіе Божіе, — у тебя нѣтъ ругательствъ на берегу! Ужъ не отнялся ли у тебя языкъ на сушѣ? Что новинькаго скажешь?

Боцманъ. Лучшая новость та, что мы находимъ здѣсь короля и всю свиту; другая, что корабль, который три склянки тому назадъ, мы почитали разбитымъ, такъ же исправенъ, оснащенъ и вооруженъ, какъ былъ въ тотъ день, какъ мы пустились въ море.

Ариэль, (въ сторону.) Господинъ мой, все это сдѣлано мною, послѣ того, какъ я въ послѣдній разъ ушелъ отсюда.

Просперо. Мой добрый духъ!

Алонзо. Всѣ эти происшествія нестественны! Чѣмъ далѣе, тѣмъ они становятся страннѣе и необыкновеннѣе. — Скажите, какъ вы сюда пришли?

Боцманъ. Если бъ я былъ увѣренъ, что все это видѣлъ не во снѣ, я бы рѣшился разсказать вамъ. Мы спали мертвымъ сномъ, (сами не знаемъ, какимъ образомъ), заваливши подъ люки. Какой-то странный, смутный шумъ, визгъ, вой, стоны, бряцанье цѣпей и разные другіе страшные звуки разбудили насъ. Мы всѣ вскочили, почувствовали себя на свободѣ, и видимъ, что нашъ королевскій корабль, прекрасный и величавый по прежнему, свѣжъ и невредимъ. Мы прыгали отъ радости, но вдругъ какъ бы во снѣ были мы разлучены съ прочими и приведены сюда.

Аріэль, (въ сторону.) Хорошо ли я исполнилъ мою обязанность?

Просперо, (въ сторону.) Восхитительно! За то тебѣ свобода!

Алонзо. Это такой лабиринтъ, въ какомъ человѣкъ никогда еще не заблуждался. Все это ведено было силой сверхъестественною. Никто, кромѣ оракула, не въ состояніи объяснить намъ загадки.

Просперо. Государь, не мучьте себя напрасно распутываньемъ этихъ странныхъ происшествій. Въ свободныя минуты, которыя скоро настанутъ, я разовью предъ вами ясно всѣ подробности случившагося. До тѣхъ поръ будьте покойны и увѣрены, что все хорошо. Духъ! освободи Калибана и его шайку. Сними съ нихъ очарованіе. — Какъ это, государь! Изъ вашего экипажа недостаетъ еще двухъ негодяевъ, а вы объ нихъ и позабыли?

(Входитъ Аріэль, ведя за собою Калибана, Стефано и Тринкуло, въ украденныхъ платьяхъ.)

Стефано. Пусть каждый заботится о другихъ, нисколько не думая о себѣ, на свѣтѣ все зависитъ отъ счастія. — Ободрись, чудище Брамербасъ, ободрись!

Тринкуло. Если два шпіона, что у меня во лбу, не лгутъ, такъ здѣсь распречудесное явленіе!

Калибанъ. О Сетебосъ, вотъ отличные-то духи! Какъ господинъ-то мой прекрасенъ! Боюсь, чтобъ онъ не сталъ меня наказывать.

Себастіянъ. Ха, ха, ха! Это что такое, синьоръ Антоніо? Не за деньги ли намъ ихъ предлагаютъ?

Антоніо. Очень можетъ быть; одинъ изъ нихъ настоящая рыба, и безъ сомнѣнія, продажная.

Просперо. Господа! Разсмотрите только наружность этихъ молодцовъ, и скажите, честные ли они люди? Этотъ безобразный невольникъ, сынъ колдуньи, которая такъ была могущественна, что останавливала луну, дѣлала въ морѣ приливы и отливы, и имѣла одинаковое съ нею вліяніе, не прибѣгая къ ея помощи. Всѣ трое меня обокрали. Этотъ полу-демонъ, (потому что онъ порожденіе ада) уговорился съ ними лишить меня жизни. Двоихъ изъ нихъ вы должны знать, а это чадо тмы, мое!

Калибанъ. Онъ меня до смерти исколотитъ.

Алонзо. Да это, кажется, Стефано, мой пьяный буфетчикъ.

Себастіянъ. Онъ и теперь пьянъ. Гдѣ онъ досталъ вина?

Алонзо. И Тринкуло то же шатается. Гдѣ нашли они напитокъ, который такъ ихъ разрумянилъ? Отъ чего ты въ такомъ положеніи?

Тринкуло. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ васъ видѣлъ, я былъ въ такомъ опьяненіи, что, боюсь, едва ли когда нибудь хмѣль выйдетъ у меня изъ костей. Теперь шмели мнѣ непочемъ.

Себастіянъ. Ну, какъ ты поживаешь, Стефано?

Стефано. Охъ! Не трогойте меня — я не Стефано; я просто воплощенный Гнюсъ.

Алонзо, (указывая на Калибана.) Вотъ странное существо; я никогда не видалъ такого.

Просперо. Нравъ его такъ же чудовищенъ, какъ и наружность. Въ пещеру,

зелье! Возьми съ собой товарищей; если хочешь быть прощенъ, убери въ ней все и вычисти!

Калибанъ. Повинуюсь и впередъ буду умнѣе; прошу пощады. Какой же я былъ оселъ, что принялъ этого пьяницу за бога, и обожалъ такого дурака.

Просперо. Ступай.

Алонзо. Прочь! Положите эти ветошки туда, гдѣ ихъ нашли.

Себастіанъ. Или скорѣе, украли.

(Калибанъ, Стефано и Тринкуло уходятъ.)

Просперо. Государь! Приглашаю ваше величество, со всею свитою, въ мою бѣдную пещеру: вы въ ней проведете одну ночь. Я употреблю часть ея на разсказъ (который, надѣюсь, сократитъ ее), исторіи моей жизни и всѣхъ обстоятельствъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ со времени моего прибытія на этотъ островъ; утромъ провожу васъ къ кораблю, а тамъ отправимся въ Неаполь, гдѣ надѣюсь видѣть брачное торжество нашихъ дѣтей. Потомъ удалюсь въ Миланъ, гдѣ моя третья мысль будетъ о могилѣ.

Алонзо. Съ нетерпѣніемъ жду разсказа. Слухъ мой будетъ пожирать его съ радостію.

Просперо. Я ничего не пропущу, и обѣщаю вамъ на завтра тихое море, и попутные вѣтры, которые будутъ дуть такъ постоянно, что королевскій корабль вашъ опередитъ весь флотъ. Аріэль: это твое дѣло; потомъ обратись къ стихіямъ, будь свободенъ и веселись! *(Сильфамъ.)* Прошу покорно! *(Уходятъ.)*

=

ЭПИЛОГЪ.

Просперо. И такъ, теперь всѣ мои чары исчезли, и я долженъ довольствоваться собственными силами. Увы! онѣ очень слабы! Отъ нихъ теперь зависитъ, останусь ли я навѣки на мели или отправлюсь въ Неаполь. О, нѣтъ! Теперь я пріобрѣлъ герцогство и простилъ моимъ злодѣямъ, вы не оставите меня въ пустынѣ острова, прикованнаго немощью: приложите дружно руки и освободите отъ узъ. Когда ваше благосклонное дыханіе не будетъ надувать моего паруса, разрушится мой планъ. Онъ былъ *обворожить*. Теперь у меня нѣтъ болѣе духовъ, нѣтъ науки чародѣйства; и при концѣ усилій моихъ я бы предался отчаянію, если бы въ мольбѣ къ вамъ, не надѣялся найти спасенія!

ПРІѢЗЖІЙ

ИЗЪ

СТОЛИЦЫ,

ИЛИ

СУМАТОХА ВЪ УѢЗДНОМЪ ГОРОДѢ.

ОРИГИНАЛЬНАЯ КОМЕДІЯ, ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ТРИЩКА-ОСНОВЬЯНЕНКА.

Писана въ 1827 году.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Ѳома Ѳомичъ Трусилкинъ, городничій.

Домна Ѳоминишна, сестра его, дѣвица 40 лѣтъ.

Анна Петровна Любимова, племянница ихъ.

Матрена Петровна Кусакина, жена стряпчаго.

Эйжени, дочь ея.

Василій Андѣевичъ Отчотинъ, опекунъ Любимовой.

Тихонъ Михайловичъ Спалкинъ, уѣздный судья.

Лука Семеновичъ Печаталкинъ, почтовый экспедиторъ.

Аѳиногенъ Валентиновичъ Упеноевѣтовъ, смотритель уѣздныхъ училищъ.

Василій Николаевичъ Миловъ, маіоръ.

Владиславъ Трофимовичъ Пустолобовъ, пріѣзжій изъ столицы.

Шаринъ, частный приставъ.

Дуняша, служанка Домны Ѳоминишны.

Солдаты.

Дѣйствіе въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ городничаго.

ПРІѢЗЖІЙ ИЗЪ СТОЛИЦЫ,

ИЛИ

СУМАТОХА ВЪ УѢЗДНОМЪ ГОРОДѢ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Домна Ѳомишишна, сидя у стола, раскладываетъ карты.

Дунляша, (*входя.*) Вы изволили спрашивать сударыня?

Дом. Фомин. И давно ужс. Дай мнѣ скорѣе одѣться.

Дунляша. Позвольте васъ спросить, не изволите ли куда ѣхать въ гости?

Дом. Ѳомин. Нѣтъ, матушка, я цѣлый день буду дома. Но сегодня приходитъ почта, и вся публика соберется, по обычаю, къ намъ, для узнанія новостей изъ газетъ и журналовъ. Посовѣтуй мнѣ, какъ бы пристойнѣе безъ наряда быть нарядной, и, притомъ чтобы это показывало, что я не нарядна. Однимъ словомъ, нѣтъ ли чего особеннаго, чтобы мнѣ и сегодня броситься въ глаза, какъ въ прошедшій четвергъ, когда я была въ лицахъ Московскимъ Телеграфомъ.

Дунляша. Такъ теперь не приняться ли для перемѣны за Дамскій Журналъ?

Дом. Ѳомин. Что ты? что ты? — Что бы я подражала Матренѣ Степановнѣ, которая вѣритъ только однимъ картинкамъ Дамскаго Журнала. Нѣтъ, хоть урочю себя, но отъ Телеграфа не отстану.

Дунляша. Извольте, сударыня; все можно. (*Осматриваетъ ее.*) Немного поправя, кое-что прибавить... наколоть... открыть... будетъ славно, деликатно! Пожалуйте, сударыня, въ уборную; я унижу Дамскій Журналъ съ г-жею Сгряпчихою, и докажу, что не даромъ пять лѣтъ платили за меня деньги мадамамъ.

Дом. Ѳомин. Сейчасъ, Дуня. Иди пока къ Аннѣ и займись ея туалетомъ, а я кончу свое гаръ-пасьл.

Дунляша. И! сударыня! Да о чемъ заботиться около Анны Петровны? Платье... да платочикъ, вотъ и весь нарядъ. Съ нею я забыла бы все свое искусство и образованіе.

Дом. Ѳомин. Что же будешь дѣлать? Вѣдь столичное воспитаніе! Ну, кто скажетъ, что она богатая невѣста?.. Ба! кто-то ужъ пріѣхалъ.

Дунляша. Это Матрена Степановна съ дочкою. — Ужъ и прикатила. Прикажете принять?

Дом. Ѳомин. А какъ же?... Пошли Аннту посидѣть съ гостями, а я скоро

къ тебѣ буду. *Дунпша, встрѣтивъ гостей, уходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ II.

Домна Ѳоминишна, Матрена Степановна и Эйжени.

Матр. Степан. Извините меня, милая Домна Ѳоминишна, что я къ вамъ безъ всякой политичной нравственности поспѣшила. Стремительное ожиданіе видѣть васъ истребило всѣ экономическія заботы, и дало мнѣ крылья нетерпѣнія, дабы летѣть, парить... и пасть въ ваши объятія.

Дом. Ѳомин. Ахъ, моя дорогая! — Благодарю васъ за всѣ ваши чувствительные эскизы; и я сама не меньше горѣла... яснѣе сказать: пылала нетерпѣливостію видѣть васъ.

Эйжени, (оборачиваясь.) Пардонне моа, ма бель демоазель, что я за поспѣшностію моей маманъ не могла прилично выдержать своего костюма. — Притомъ же этотъ несносный экипажъ Comment бишь... дрожки.... Ахъ, несносныя дрожки! — Я вся въ пыли!

Дом. Ѳомин. Извините равно и меня, мои дорогія! что я еще въ утреннемъ видѣ... яснѣе сказать: еще не гляже.

Матр. Степан. О милая Домна Ѳоминишна! Къ чему предо мною возвышенія? Да и къ чему вамъ украшать себя? — Подлинно, о васъ стихотворцамъ можно произнести: Во всѣхъ видахъ ты хороша, во всѣхъ видахъ ты чудо свѣта.

Дом. Ѳомин. Ахъ, моя дорогая! Это уже слишкомъ утонченно. Берегитесь, чтобъ не нарушить равновѣсія скромности — яснѣе сказать: чтобы не избаловать меня. Вѣдь и дѣвицѣ лесть опасна.

Матр. Степан. Ласкательство есть чуждая степень душѣ моей. Истина мною путеводствуетъ: ахъ! одну ее обожаю. — Подтверди мои чувственныя изъясненія, Евгаша!

Эйжени. Ахъ, chère maman! Не я ли васъ сто разъ прсила называть меня по людски, а не по однодворчески. Что это за ужасное выраженіе: Евга-ша! — Эйжени!... кажется, ясно.

Матр. Степан. Ахъ, милая, какъ ты глупа! Вѣдь я не могу руководствовать своею зыблющеюся пропонціаціею; я не получала образованія въ пансіонѣ, то и увлекаюсь первоначальною привычкою. — Но скажите, милая Домна Ѳоминишна, что наша утѣшительница, почта, еще не приходила?

Дом. Ѳомин. Нѣтъ еще. Нетерпѣливо ее ожидаю. Лука Семенычъ обѣщалъ ту же минуту самъ принести

Матр. Степан. Я удушаюсь нетерпѣніемъ. Милая картинка Дамскаго Журнала вѣрно восхититъ насъ.

Дом. Ѳомин. Ахъ, моя дорогая! Есть чѣмъ восхищаться! Картинки Телеграфа восхитительнѣе, предметы яснѣе, краски гораздо пестрѣе.

Матр. Степан. Вотъ у насъ рождается опять преніе по части словесности. Я удивляюсь, какъ прочіе журналы, разбирая всѣ предметы, о картинной части не говорятъ своего мнѣнія. Можно бы знать общее мнѣніе. Но видно, часть сія въ такомъ превосходствѣ, что невозможно найти, что окритиковать.

Дом. Ѳомин. Какъ мы должны быть благодарны за доставленіе намъ свѣдѣній о модахъ. Безъ нихъ, мы бы не знали, какъ пристойно нарядиться; — яснѣе сказать: одѣвались бы, какъ наши бабушки.

Эйжени. Но, кажется, дурно переводятъ наши издатели. Во всѣхъ трехъ пенсіонахъ, въ которыхъ я два года воспитывалась, мы съ своими мадамами хотѣли слѣдовать журналамъ, но все не шло въ ладъ.

Матр. Степан. Да съ французскаго прямо почему вы не переводили?

Эйжени. Потому, что — трудно намъ было переводить, а мадамы наши отвыкли отъ своего языка и не могли изъяснять. Но скажите пожалуйте, сестрочка Annette здорова ли?

Дом. Ѳомин. Она здорова. Но какъ бы вы думали, чѣмъ она занимается? Вотъ пять часовъ; какъ она встала и одѣлась; но какъ? вы увидите.

Матр. Степан. Пять часовъ, какъ встала! Ахъ! какъ поддерживается еще ея жизненная потребность! — Чѣмъ же она занимается?

Дом. Фомин. Читаетъ, пишетъ, играетъ, работаетъ, и все одна въ своей комнатѣ. Говоритъ, что неприлично дѣвушкѣ быть безъ дѣла.

Эйжени. Ея нигдѣ не видно. — Не гуляетъ вечеромъ по улицѣ?

Дом. Ѳомин. Правду сказать: убиты деньги за воспитаніе.

Матр. Степан. Говоря съ чистосердечнымъ признаніемъ: вы на нее положили въ шесть лѣтъ столько капитала, сколько мы на свою Евга — дочку въ два года. Но за то какая же противоположность.

Эйжени. Мнѣ она жалка. Она при мнѣ всегда робѣетъ. А вотъ и она.

=

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Анна Петровна, одѣтая просто, но съ опрятностію и вкусомъ. Она дѣлаетъ привѣтствія безъ принужденія. Эйжени ей отвѣчаетъ съ жеманствомъ.

Дом. Ѳомин. Ну, видите ли, моя дорогая!

Матр. Степан. Милая Домна Ѳоминишна! Она хотя и въ столицѣ жила, но не сформирована въ обращеніи. То ли дѣло наши пансіоны? Посмотрите на Евгашу и сознайтесь въ сей нерушимой истинѣ.

Эйжени. Dites moi ma aimable amie, comment vous passez votre temps?

Анна Петр. Довольно пріятно. Не имѣю времени скучать.

Эйжени. Да говорите со мною en français. Вы, я думаю, совсѣмъ отвыкли и забыли.

Анна Петр. Къ чему же намъ въ обыкновенномъ разговорѣ говорить на иностранномъ языкѣ, и еще при моей тетушкѣ и вашей маменькѣ? Меня такъ учили, съ русскими говорить по русски всегда и вездѣ; на другомъ языкѣ, гдѣ нужда потребуетъ. Отвыкнуть и забыть я не могу, потому что всегда читаю книги. Притомъ же ... мы какъ то различно изъясняемся.

Эйжени. Да это тотчасъ и замѣтно, потому что въ пансіонахъ гдѣ я воспитывалась, ни слова не говорятъ по-русски: все по-французски, все по-французски. Ежели бы еще годъ, я бы совсѣмъ забыла этотъ русскій языкъ.

Анна Петр. Это бы очень жаль было. Но я полагаю, что вы въ пансіонѣ учились же по-русски?

Эйжени. Извините. Въ два года я была въ трехъ пансіонахъ: у мадамъ Вашёръ, у мадамъ Гросвашъ, у мадамъ Торшонъ, и вездѣ ни слова по-русски... и даже русской книги въ руки не брала.

Анна Петр. Очень жаль.

Матр. Степан. Какъ, милая, жаль? Употребляя на образованіе по полторы тысячи рублей въ годъ, кромѣ музыки, танцевъ, серебряной ложки, да еще особо за служанку, и учиться по русски? Стало деньги обратить на бросаніе. По-русски и дьячокъ можетъ сообщить свѣдѣніе.

Анна Петр. Конечно, всякій имѣетъ свой образъ мыслей. Я, по крайней мѣрѣ, довольна, что хорошо знаю русскій языкъ и предпочитаю его прочимъ.

Дом. Ѳом. Что, моя дорогая? Каково воспитаніе?... Но позвольте мнѣ оставить васъ, ясно сказать: итти въ уборную. Аннета, ежели вамъ не скучно, останется съ вами.

Матр. Степан. Извольте, милая, располагать собою по своему произволенію. Поставьте себя на точкѣ приличности и употребите время на должный предметъ; а мы займемся съ милой барышней. *(Домна Осиповна съ большими книксенами уходитъ.)* Скажите, милая, въ какомъ петербургскомъ пансіонѣ вы почерпнули образованіе?

Анна Петр. Я не въ пансіонѣ, а въ Институтѣ воспитывалась.

Матр. Степан. Развѣ тамъ есть еще особый Институтъ кромѣ Смольнаго монастыря?

Анна Петр. (Смѣясь.) Есть еще институтъ Екатерининскій.

Матр. Степан. Право? Я о семъ не почерпала извѣстій изъ журналовъ, которые читаю. Такъ есть?

Анна Петр. Конечно есть и ... какое училище! *(Вздыхаетъ.)*

Матр. Степан. Большое, огромное, превосходной архитектуры?

Анна Петр. Совсѣмъ не то. Благодѣтельное, благоустроенное, дающее болѣе, чѣмъ жизнь: дающее воспитаніе отличнѣйшее. Ахъ! Сколько бѣдныхъ дѣвицъ, подобныхъ мнѣ, безъ этого благодѣтельнаго училища, были бы весьма несчастными!

Матр. Степан. Ахъ, милая! Какъ возможно такую жестокую отрицательность произнести? Вы—бѣдная дѣвушка? Единородная наслѣдница семисотъ отраслей? И вы бѣдны?

Анна Петр. Ахъ, сударыня, наши понятія о бѣдности различны.

Эйжени. Да, я понимаю. Ma belle demoiselle подразумѣваетъ свое сиротство. Но я откровенно вамъ скажу: что ежели бы мнѣ счастіе послало 700 душъ, то я бы не помнила отъ радости, сирота ли я, или нѣтъ.

Анна Петр. Какъ это возможно! Даже шутить такъ непростительно.

Эйжени. Je vous jure, ma chere Annette, я такъ думаю.

Анна Петр. Неужели такія правила впушены вамъ при воспитаніи?

Эйжени. Извините, ma chere! — Во всѣхъ пансіонахъ, гдѣ я два года была, намъ не преподавали никакихъ правилъ, а насъ только учили.

Матр. Степан. Я, милая, не за тѣмъ мадамамъ деньги препровождала, чтобы дитя изпурять на правилахъ; но я требовала и настаивала, чтобы она была воспитана и научена всему фундаментальной — *(съ иванствомъ)* кажется деньги не вотще опровергнуты.

Анна Петр., (сама съ собою.) O Sophie! Какія правды ты мнѣ говорила!

Матр. Степан. Скоро ли, милая, вы предпримете путь въ свои собственности? Дѣлаю расчислительное сравненіе, что вамъ, съ вашимъ характеромъ, — и не прогнѣвайтесь, — чувствуя себя *(посматривая на дочь)* предъ другими въ отличительномъ состояніи, должно казаться здѣсь скучно.

Анна Петр. Вы точно отгадали. Желаю очень видѣть деревню, оросить слезами могилу моихъ родителей, узнать подчиненныхъ, нужды ихъ, научится на опытѣ быть имъ полезною...

Эйжени. Васъ ожидаютъ въ деревнѣ удовольствія, знакомство съ сосѣдями. Ахъ, какъ бы для меня это пріятно было!

Матр. Степан. Да; по вашему возрасту въ деревнѣ должно быть привлекательнѣе. Притомъ же, въ сосѣдствѣ у васъ полки поселеніемъ распространяются: сколько офицеровъ!

Анна Петр. Но я вѣдь не въ военной службѣ, слѣдовательно они мнѣ не товарищи.

Матр. Степан. Ахъ, милая! Да жениховъ-то сколько! Съ семью-стами душъ можно любаго предъизбрать. И полковники, и графы, и маіоры. Тутъ есть возможность сдѣлать предразсужденіе.

Анна Петр. О, если бы я имѣла возможность объяснить вашему предраз-

сужденію всѣ тѣ понятія, какія намъ дали о замужствѣ съ душами, съ графами, и о прочемъ...

Эйжени, (увидя входящаго Ученосвѣтова.) Nous parlerons après.

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Ученосвѣтовъ, входя, кланяется и кричитъ:

Новость! новость! — Поздравляю васъ, себя, и весь городъ...

Матр. Степан. Не пришла ли почта? Не почерпнули ли вы чего изъ журналовъ?

Ученосвѣтовъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ сударыня, нѣтъ! Я почерпнулъ... но не изъ журналовъ, коихъ вовсе не читаю послѣ критики на меня. А пришла ли почта, я даже и не знаю. Все утро занятъ, писалъ, поправлялъ...

Эйжени. Да что за новости? Скажите скорѣе. Не будутъ ли у насъ квартировать военные полки?

Ученосвѣтовъ. Нѣтъ, сударыня, не то. Избави Богъ! Тогда бы я долженъ запереться въ своей квартирѣ и никуда глазъ не казать. Эти господа военные имѣютъ противъ подобныхъ мнѣ, ученыхъ, вѣчную антипатію, и всегда загонятъ такъ, что я и не нахожуся. Но у насъ сегодня будетъ — сюрпризъ.

Матр. Степан. Ахъ, милый Аѳиногенъ Валентиновичъ! Я уже вашимъ предувѣдомленіемъ разсюрпризована. Докончите скорѣе мое недоумѣніе; поразите восторгомъ мое трепещущее сердце!

Ученосвѣтовъ. У насъ сегодня будетъ — но позвольте: лучше по порядку. Вставъ рано поутру и идучи въ училище съ букваремъ, что бы за болѣзнію учителя преподавать лекціи, иду я мимо нашей харчевни подъ вывѣскою: Лондонъ! — и вижу вдругъ дорожныхъ пѣшеходовъ и навьюченныя телѣги. Любопытство моя стихія: спрашиваю, что за люди? и къ не малому восхищенію узнаю, что это труппа артистовъ или путешествующихъ по городамъ актеровъ. Я свелъ съ ними знакомство и уговорилъ ихъ остановиться у насъ и дать нѣсколько представленій.

Матр. Степан. Какъ? Неужели? У насъ будутъ театральныя представленія? Вотъ подлинно сюрпризъ изъ всѣхъ сюрпризовъ!

Ученосвѣтовъ. Точно такъ, сударыня! Я рѣшился для сихъ представленій дать мѣсто въ своемъ училищѣ. Театральное искусство, изволите видѣть, есть часть наукъ или лучше сказать: цѣпь, связующая науки съ искуствомъ: переходъ отъ одной къ другому. Я писалъ о семъ диссертацію, но отъ зависти, ее непапечатали даже и въ Телеграфѣ. Все утро былъ въ большой дѣятельности: вмѣсто сцены, разстанавливалъ столы и покрылъ коврами. Пока уставляли дорожныя кулисы, я вступилъ въ должность директора и разсматривалъ репертуаръ. На сей день для торжественнаго открытія театра, я избралъ трагедію: Димитрій Донской. — Исправивъ два дѣйствія, издалъ афишку и поспѣшилъ сюда для извѣщенія почтенной публики. Остальныя три дѣйствія къ вечеру будутъ готовы.

Анна Петр. Какъ! Вы исправляете Озерова?

Ученосвѣт. Да, сударыня; я этотъ трудъ принялъ на себя. Какъ мѣстный чиновникъ по ученой части, я не могу позволить къ представленію піесы, которая несходна съ нынѣшними учрежденіями. Какъ можно мнѣ позволить сказать: *бояре*, *воеводы*. Гдѣ они у насъ? Это старина! Мы, ученые, все знаемъ и должны передѣлывать; для того гораздо приличнѣе и правильнѣе сказать:

Россійскіе князья! вельможи! господа!
Пришедшіе чрезъ Донъ и пришедшіе сюда.

Вотъ, какъ я принаравливаюсь къ теперешнему времени. У меня война не съ

Татарами, конхъ уже нѣтъ, а съ Турками. Смѣкаете? Нынче турецкая война: тутъ видна мысль и историческая истина!

Анна Петр. О бѣдный Озеровъ!

Ученосвѣт. Напротивъ. Я его славу умножу и себя прославлю. Вы увидите.

Матр. Степан. Милой Аѳиногенъ Валентиновичъ! Вамъ сплетается вѣнокъ безсмертія въ мысляхъ нашихъ. Гдѣ же милая афишка! Напечатана ли она?

Ученосвѣт. Увы! Нѣтъ еще, сударыня! Какъ жаль, что нашъ городъ не имѣетъ типографіи! Сколько свѣтъ теряетъ важныхъ открытій, подобныхъ сему. Нечего дѣлать: пусть на себя пеняютъ: — за не имѣніемъ типографіи, мы ее напишемъ крупнымъ и четкимъ письмомъ; и я, какъ мѣстный ученый чиновникъ, внизу подмахну: одобряется къ напечатанію. Все равно: въ исторіи сохранится. Остается попросить г. Городничаго, чтобы на сей случай приказалъ поставить хотя одинъ фонарный столбъ, и къ оному позволилъ бы прибить афишку для всеобщаго свѣдѣнія. — Честь и слава нашему городу! Съ водвореніемъ наукъ, просвѣщеніе умножается, благоденствіе всеобщее.....

=

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Спалкинъ входитъ на послѣднія слова, и цѣлуя руки дамамъ, говоритъ:

Коего вамъ, милостивая государыня, въ особенности желаю, при засвидѣтельствованіи моего почтенія, и вамъ государи мои, желаю здравствовать. — Ѳома Ѳомичъ не бывалъ еще изъ полиціи? Видно, позахлопотался. Измучился и я: съ 10-ти часовъ, какъ прикованный просидѣлъ въ судѣ, скука; хватился, половина двѣнадцатаго; время и о водкѣ сдѣлать рѣшительный приговоръ. *(Матренѣ Степановнѣ.)* Супругъ вашъ потащился еще въ острогъ. Что-то почта привезетъ?—Что-то наши Греки?— *(Аннѣ Петровнѣ.)* Опекунъ вашъ пріѣхалъ; присылалъ въ опеку за протоколистомъ.

Анна Петр. Василій Авдѣевичъ пріѣхалъ?—Какъ я рада!

Ученосвѣт. Какъ и я радъ. Публика наша умножается. Онъ возьметъ кресла, да и вы, Тихонъ Михалычъ, также не откажете?

Спалк. Съ охотою: мнѣ съ полдюжинки было надобно; да и столичекъ при этомъ. Видно мастера пріѣхали?—

Ученосвѣт. Совсѣмъ напротивъ. Тутъ Мельпомена, музы, весь Парнасъ, граціи, нимфы — все къ намъ переселилось.

Спалк. Ого-го! Стѣснятъ же они насъ постоемъ! Да еще и депутатъ квартирный выѣхалъ изъ города. А что? Эга команда равняется полку или баталіону?—

Ученосвѣт. Совсѣмъ не то, совсѣмъ не то.

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Городничій.

Городнич. Здравствуйте, мои почтенные гости? — Замучился своею должностію.

Спалк. Что? никакъ много дѣлъ столкнулось? Или нѣтъ ли чего важнаго!

Городнич. Ничего особеннаго, а знаете нашу обязанность: тутъ просители, тутъ бумаги; все утро прохлопоталъ, а между тѣмъ и почта пришла.

Всѣ, (особо вскрикиваютъ.) Пришла?—Что новаго?—Получены ли газеты, журналы?

Городничій. Ничего, ничего не знаю. Лука Семенычъ обѣщалъ, разобравъ, самъ принести?

Нѣсколько голосовъ. Ахъ, какъ бы скорѣе!

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Домна Осиповна, разодѣтая.

Дом. Осип. Имѣю честь свидѣтельствовать мое усердное почтеніе! *(Мужчины подходятъ къ ней къ руку.)*

Матр Степ. (*дочери.*) Какъ разгарлеробирована! Истинно, какъ созерцаю картинку при Телеграфѣ.

Городничій. Здравствуйте, сестрица! Я съ вами отъ хлопотъ и заботъ нынче утромъ и не видался.

Дом. Осип. Сказываютъ, почта пришла? Гдѣ журналы?

Городничій. Еще не приносили. Желательно что нибудь хорошее получить.

Матр. Степан. Наконецъ—посредствомъ моего тонкаго проницанія, я нахожу, что сія складочка заимствована вами изъ Дамскаго Журнала.

Дом. Осип. Пощадите меня! Это точъ въ точъ, яснѣе сказать: отпечатокъ Телеграфа. Развѣ гравировщикъ одного позаимствовался отъ другаго.

Матр. Степан. Это не можетъ быть. Я поспорю и докажу вамъ.

Учеповѣтовъ. Пока, до общихъ извѣстій, имѣю честь вамъ, какъ градоначальнику, сообщить, а вамъ, какъ почтеннѣйшей публикѣ, объявить: что сей день въ нашемъ городѣ будетъ чрезвычайное произшествіе.

Городничій (*торопливо, схвативъ его за руку*). Что, что такое? Говорите, пожалуста, прямо.

Учеповѣтовъ. Позвольте письменно.

Городничій, (*съ большимъ безпокойствомъ*). Да что такое? Скажите скорѣе.

Учеповѣтовъ, (*важно*). Путешествующая труппа актеровъ, прибывъ въ сей городъ, желаетъ почтеннѣйшей публикѣ онаго доставить удовольствіе своими представленіями.

Дом. Осип. Ахъ, восторгъ! — У насъ театръ!

Учеповѣт. Точно такъ. Труппа сія чрезъ меня, временно принявшаго на себя званіе директора театра, прибѣгаетъ подъ покровительство г. градоначальника, и проситъ его позволенія показать свои таланты предъ любителями изящнаго.

Городничій. Охотно, братецъ; но не спросить ли у высшаго начальства дозволенія?

Учеповѣтовъ. Помилуйте, на что? Въ прошлую ярмарку вы рѣшились позволить плясать собачкамъ на площади; а это одно и то же: все относится къ статьѣ: о зрѣлищахъ. На счетъ же піесъ—не безпокойтесь; я цензуровалъ репертуаръ и не нашелъ ничего противнаго. И такъ, если позволите, вотъ и афишка.

Матр. Степан. Ахъ, читайте скорѣе. Я люблю слушать афишки.

Эйженія. Не вашего ли она сочиненія?

Учеповѣтовъ. Отгадали. Впрочемъ, это не первая афишка выходитъ изъ подъ пера моего: — *(Читаетъ).*

«Съ дозволенія мѣстныхъ градскаго
«и ученаго начальствъ. Сегодня, на
«здѣшнемъ театрѣ представлена бу-
«детъ трагедія, Дмитрій Донской,
«исправленная и умноженная пѣні-
«емъ, русскою и цыганскою пляска-
«ми. Сію афишку печатать позволяю.
«Смотритель уѣздныхъ училищъ 9-го
«класса, Аѳиногенъ Учеповѣтовъ.»

Дом. Осип. Ахъ! Какъ будетъ это превосходно!

Матр. Степан. Вы восхитите наши чувства до непзъяснимости. Я уже чувствую слезу на вѣждахъ моихъ.

Анна Петр. Трагедія съ плясками. Это что-то новое!

Учеповѣтовъ. Совершенно новое, и моего изобрѣтенія.

Эйженія. Совсѣмъ не новое. Я видала на харьковскомъ театрѣ, что пляшутъ и сражаются.

Учеповѣтовъ. Это и я видѣлъ. Но то былъ балетъ-и тамъ танцовали, а здѣсь проплящутъ, да еще въ трагедіи.

Анна. Петр. Не Татары ли будутъ пѣть?

Ученосвѣтовъ. Нѣтъ. Пѣніе будетъ въ V-мъ дѣйствіи, когда Димитрій, изнемогая отъ ранъ, упадаетъ на камень. Такъ тутъ онъ и весьма кстати пропоетъ арію изъ оперы Ямъ: *тебя я въ сердцѣ заключаю, о Ксенья! рай моихъ очей!*

Анна Петр. Не онъ ли тутъ же кстати и propляшетъ?

Ученосвѣтовъ. О! Извините. Первому лицу не токмо въ трагедіи, но даже въ операхъ не слѣдуетъ плясать. Исключеніе сіе позволено одному мельнику, во уваженіе того, что онъ тутъ въ пол-пьяна. А у насъ propляшетъ Лиза, маленькая плутовка «въ роли Избраны, предъ Ксеніею, въ началѣ 2-го дѣйствія; подъ пѣсню изъ Русалки: *Я цыганка молодая* и проч.

Городничій. Воля твоя, Аѳиногенъ Валентиновичъ! На такія новости я не могу вдругъ рѣшиться. Посмотрю въ должность свою, чтобъ не получить — знаешь—нахлобучки. Собирайтесь, объявляйте, я позволяю; но піесу просмотри.

Дом. Ѳомин. Какъ будетъ цѣна? Яснѣе сказать: сколько платится за входъ?

Ученосвѣтовъ. Сегодня не въ счетъ абонимента, то есть: платятъ по произволенію.

Спалкинъ. Нельзя ли тутъ же для меня выпустить жида, что въ корчмѣ? Ужъ какъ смѣшонъ! И всѣ ваши театры предъ нимъ ничто.

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Печаталкинъ съ пакетами.

Всѣ. Почта, почта! — Давайте скорѣе.

Городничій, (принявъ пакеты, читаетъ и раздаетъ.) Дамскій Журналъ...

Матр. Степан., (хватаетъ.) Ко мнѣ, ко мнѣ! Вотъ картинка! Вотъ источникъ душевныхъ наслажденій! Милой! Онъ даже будто улыбается.

Городничій. Сенатскія Вѣдомости...

Спалкинъ. Это по моему департаменту.

Городничій. Сѣверная Пчела...

Анна Петр. Пожалуйте мнѣ. Къ ней не скоро здѣсь очередь доходитъ.

Городничій. Телеграфъ...

Дом. Ѳомин. Мой истинный другъ! Глубина премудрости! Высшіе взгляды! Отъ него я чувствую, что дѣлаюсь умнѣе.

Городничій. Инвалидъ преимущественно мнѣ. Но теперь письма. Анюточка! Письмо къ тебѣ, а прочія всѣ ко мнѣ.

Анна Петр., (оставляетъ газету.) Ахъ! Письмо отъ Софьи! Насилу его дождалась.

Ученосвѣтовъ. Свободную Сѣверную Пчелу беру я. Нѣтъ ли нападковъ на нашу братью? А жалиться мастерица!

(Всѣ читаютъ свое тихо. Анна Петровна иногда утираетъ слезы.

Городничій, (прочитавъ нѣсколько бумагъ и писемъ.) Вотъ важная новость! Слушайте, слушайте всѣ. Это ко всѣмъ касается.

Всѣ (къ нему подбѣгаютъ.) Что, что такое? Читайте! *(Одна Анна Петровна не обращаетъ ни на что вниманія и читаетъ особо, тихо.)*

Городничій. Это пишетъ ко мнѣ одинъ изъ служащихъ въ губернаторской канцеляріи; онъ у меня на пенсіи. *(Читаетъ.)*

«Почтенный благодѣтель, Ѳома Ѳомичъ!

«Имѣю честь поздравить васъ съ наступленіемъ теплой погоды и пріятныхъ дней, и чрезъ сіе напомнить, что скоро сблизится время третному отъ васъ окладу. При семъ прошу, вмѣсто положенной мнѣ по штату провизіи, доставлять деньгами, по справочнымъ цѣнамъ. Это будетъ круглѣе и, по нынѣшнимъ испріятнымъ временамъ, осторожнѣе.

«При семъ извѣщаю васъ, что его «превосходительство г. губерна«торъ получилъ какія-то бумаги «изъ Петербурга, но еще къ намъ «не переданы, и потому мнѣ не«извѣстно ихъ содержаніе, а когда «узнаю, то сообщу. Копію съ пред«писаній, заготовляемыхъ къ вамъ, «при семъ посылаю; приготовьте все «заранѣе и по полученіи непремѣнно «отмѣчайте, чтобы васъ похвалили. «При семъ спѣшу васъ увѣдомить: «держите ухо востро! Чрезъ вашъ го«родъ поѣдетъ важная и знатная осо«ба—но кто? не извѣстно. Г. губерна«торъ съ нимъ съ аттенціею. Многаго «писать не смѣю; онъ ѣдетъ яко бы «въ Крымъ, но имѣйте предосторож«ность. Онъ выѣзжаетъ завтра, и по «расчету, будетъ вмѣстѣ съ симъ пись«момъ. Затѣмъ и проч.» Ну что намъ дѣлать? А?

Спалкинъ. Что дѣлать? Обѣдать; потомъ соснуть; а тамъ... увидимъ, что будетъ.

Городничій. Худой ты, братъ, совѣтникъ! Я весь въ жару и морозъ по кожѣ подираетъ. Ума не приберу, что и дѣлать! А ужъ съ обѣдомъ подождемъ.... Кто бы это такой? Важная и знатная особа... Вѣрно, ревизоръ.

Спалкинъ. Ну, такъ принять и угостить получше; а завтра гладенько примемся за дѣло.

Матр. Степан. Не составить ли для послѣшности на скорую руку танцовальное занятіе, чтобы показать нашихъ юныхъ отраслей.

Ученосвѣтовъ. Но только послѣ театра.

Дом. Ѳомин. Въ самомъ дѣлѣ. Изъ спектакля просить сюда, гдѣ составить родъ благороднаго собранія. Тутъ Анюта на флигелѣ сыграетъ варіаціи, а прочія дѣвицы попрыгаютъ.

Спалкинъ. Да гдѣ и квартиру отведете? Не очистить ли волостнаго правленія? Тамъ просторъ.

Городничій. Что вы? Какъ это можно? Квартира должна быть у меня. Но какъ принять? Какъ встрѣтить?

Печаталкинъ, (оставя газеты.) Послушайте моего совѣта. Отправимся всѣ по домамъ и поспѣшимъ надѣть мундиры. Кто его знаетъ, что онъ; честь всегда лучше безчестья. А собираться здѣсь же, и скорѣе.

Городничій. Дѣло, Лука Семеновичъ, дѣло. Между тѣмъ — между тѣмъ..... чтобы?

Печаталкинъ. Вы прикажите своему Шарику, чтобы не прозѣвалъ на заставѣ и увѣдомилъ бы васъ прежде, а до того не лишнее бы и городъ поприбрать. Мы же его у васъ встрѣтимъ, явимся по службѣ, а прочее узнаемъ отъ него.

Городничій. Славно, славно мы придумали.

Матр. Степан. А прекрасный полъ, то есть мы, долженъ ли тутъ же при семъ торжественномъ событіи присутствовать?

Ученосвѣтовъ. Непремѣнно, сударыня; для украшенія, развлеченія и одушевленія.

Эйжени. Ма шеръ маманъ! Надобно приняряднться. Что я надѣну?

Матр. Степан. Вотъ нашъ путеводитель въ моихъ объятіяхъ. Онъ укажетъ намъ путь пристойности.

Городничій. И такъ, господа, теперь до свиданья! Пожалуйте, не опоздайте; поспѣшите собраться.

Всѣ (уходятъ.) Непремѣнно будемъ, будемъ.

Спалкинъ, (медленно уходя). Экая суматоха! Ниже водки не подали. Теперь, когда сядемъ за столъ? Прощай, день! Да еще и мундриться надобно. — О! служба, служба!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Городничій и Шаринъ.

Городничій. Что же, другъ мой, Кондратъ Наумычъ! Все ли у насъ дѣлается, все ли приготовляется?

Шаринъ. Кажись, все будетъ исправно: улицы метутъ, пыль столбомъ, свѣту Божьяго не видать.

Городничій. Ну вотъ-тото-же. Какъ пыль подняли, а она къ пріѣзду ревизора не уляжется? Прикажи поливать пожарными трубами.

Шаринъ. Да гдѣ ихъ взять? Одна была сколько нибудь годная, да при прошедшемъ пожарѣ какъ испортили, такъ и теперь безъ починки. Головѣ хоть не приказывай: говоритъ денегъ нѣту, а какъ на крестины, такъ нашелъ. Такой пиръ поднялъ, что на поди!

Городничій. О мошенники! Да я за нихъ примусь, дайтолько спровадить ревизора. Теперь дѣло не отомъ. Надобно, что попужнѣе исправить. Послушай; вотъ что: *(Шаринъ на всякое приказаніе очень часто повторяетъ: слушаю-съ.)* Вѣдь у насъ пѣтъ тротуаровъ, такъ на нижней улицѣ заборы спять; ревизоръ туда не пойдетъ; да доски на большой улицѣ положить вездѣ, прибивъ кое-какъ колышками. Вмѣсто фонарныхъ столбовъ, найди чего нибудь, умудрись; да лицевыя стороны подмазать сажей, дегтемъ—что ли, какъ знаешь. Чтобы во время пребыванія ревизора не произошло пожара; вездѣ у бѣдныхъ запечатать печи: пусть пока на сухоядѣніи пробудутъ. На мостѣ перила некрашеные? Тутъ не знаю какъ и быть! Собрать развѣ народу побольше, будто собрались глядѣть на ревизора, и велѣть имъ собою покрыть перила: пусть хоть и обрушатся, рѣка не глубока...

Шаринъ. Помилуйте Ѳома Ѳомичъ! Столько приказаній, а мнѣ еще надобно начать слѣдствіе по горячимъ слѣдамъ о третьеводнишней покражѣ лошади.

Городничій. Помилуй, братецъ, что же нужнѣе? Откроемъ и воровъ, дай-ка намъ благополучно пропустить ревизора. Вѣдь какъ отрѣшатъ, такъ хуже, нежели только голову помоютъ. Прямой ты Шаринъ; все бы тебѣ шарить по слѣдствіямъ, а благочиніе нужнѣе.

Шаринъ. Да, еще какъ прикажете: острогъ у насъ не въ порядкѣ.

Городничій. Какъ? Что тамъ такое?

Шаринъ. Арестантовъ мало: всего только пять человѣкъ, по что это противъ такой огромности! Много казармъ пустыхъ. Чтобы не подумали, что арестанты нами распущены, такъ не набрать ли кого зря, да поразсадить по порядку?

Городничій. Что ты, Кондратъ Наумычъ! Да это не наша вина. Мало воровъ!—Не мы въ томъ виноваты, а у насъ бы никто не ушелъ. Что есть по списку, то и покажемъ. — Ну, такъ вотъ слушай-же: исполнить все, что я приказалъ. *(Входитъ Отчетинъ.)* Здравствуй, мой любезнѣйшій Василій Авдѣичъ! Каково поживаешь? *(Шарину.)* Забѣги въ полицію, скажи секретарю— *(Отчетину.)* Давненько я тебя не видалъ. — *(Шарину.)* Что бы бумаги были исправны. *(Отчетину.)* Давно ли пріѣхалъ? *(Шарину.)* Жителей собрать на встрѣчу побольше, и чтобы всѣ были въ праздничныхъ кафтанахъ. *(Отчетину.)* Гдѣ остановился и на долго ли къ намъ? *(Шарину.)* Посади кого нарасторопнѣе на колокольню, и чуть увидитъ экипажъ, то бы сломя голову.....

Шарикъ. Трезвонилъ?

Городничій. И—на что это! Что бы бѣжалъ сюда съ извѣстіемъ. *(Отчетину.)* Извини, другъ! я въ ужасномъ безпокойствѣ.—*(Шарику.)* А самъ стань на заставѣ, встрѣть гостя и препроводи ко мнѣ на квартиру. Ну, поди! Пожалуста же, не прозѣвай ничего. Слышишь?

Шарикъ, (уходя.) Слушаю, слушаю-съ?

=

ЯВЛЕНІЕ II.

Городничій и Отчетинъ.

Отчетинъ. Да скажите мнѣ, что это у васъ за суматоха?—Весь народъ на улицѣ; чистятъ, метутъ; курева такая, что глядѣть нельзя. Возятъ, кричатъ. Что это? Для чего?

Городничій. Ахъ, мой почтеннѣйшій! Замучился совсѣмъ. Къ намъ ѣдетъ важная особа и чутъ ли не ревизоръ,—такъ хлопотъ нѣтъ конца.

Отчетинъ. Да не тотъ ли это гость, о которомъ ко мнѣ пишутъ?

Городничій. Такъ и къ тебѣ пишутъ? Точно, тотъ самый.

Отчетинъ. Такъ вѣдь онъ ѣдетъ съ цѣлью. Гдѣ наша Анна Петровна? И ее нужно въ нашъ совѣтъ.—

Городничій. Богъ съ вами совсѣмъ! Теперь мнѣ ни до чего нѣтъ дѣла. У меня еще тма заботъ: все надобно обдумать, все распорядить....

Отчетинъ. Да, прежде пріѣзда гостя, надобно взять свои мѣры. Къ Аннѣ Петровнѣ сыскивается женихъ; такъ подумать...

Городничій. Думайте вы и распоряжайте, какъ угодно; а я до пріѣзда ревизора не могу ни о чемъ партикулярномъ думать. Прощай, Василій Авдѣичъ! До свиданья. Я пришлю къ тебѣ Анюту. *(Уходитъ.)*

Отчетинъ, (одинъ.) Эка суета любезная! Ни до чего ему нѣтъ дѣла. А кабы на свѣжую голову моя вѣсточка, такъ бы принялъ большое участіе. Что же это? — И женихъ и ревизоръ? — Можетъ быть, нашли предлогъ, чтобы зачѣмъ нибудь отправить.

=

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Петровна и Отчетинъ.

Отчетинъ. Здравствуйте, сударыня, Анна Петровна! Пожалуйтемнѣ вашу руку. *(Цѣлуетъ руку.)* Благодарю Бога, что вы здоровы; что еще въ эти мѣсяцы подросли и стали еще больше походить на вашу мамсиньку.

Анна Петр. Вы всегда ко мнѣ съ комплиментами. Какъ давно я васъ не видала! Что это вы къ намъ не ѣздили?

Отчетинъ. Заботы, сударыня, по вашей же экономіи. Дѣлалъ расчетъ со всѣми арендаторами, снималъ фабрики, матеріалы по контрактамъ и въ силу все уладилъ. Ужъ не прогнѣвайтесь: чтобы очистить всѣ дѣла къ сдачѣ, должно былъ худо торговавшимъ откупщикамъ вашимъ имѣнемъ простить тысячь до семи.

Анна Петр. Благодарю васъ, мой почтенный благодѣтель! Отъ всего сердца благодарю, и прошу васъ, руководствуясь чувствами вашими, всегда такъ употреблять мое имя. Но о какой сдачѣ вы говорите?

Отчетинъ. О сдачѣ вашего имѣнія вамъ.

Анна Петр. Что это вы говорите? Я ни за что въ свѣтѣ не хочу его принимать отъ васъ.

Отчетинъ. Должны, Анна Петровна, должны; законъ велитъ отдать имѣніе въ ваше управленіе. Я уже и рапортъ въ опеку изготовилъ, что вамъ исполнилось семнадцать лѣтъ.

Анна Петр. Ахъ, какіе же вы не деликатные! Говорятъ, что очень неучтиво открывать лѣта дѣвицъ. Это ужъ по институтски говорить настоящіе го-

ды. — Но шутки въ сторону: какъ я могу управлять своимъ имѣніемъ? — Я полагаю, что благодѣтельные законы пекутся и о людяхъ въ моемъ положеніи, и вѣрно даютъ намъ совѣтника, защитника?

Отчетинъ. Точно. Вы должны просить себѣ попечителя.

Анна Пет., (съ радостію). Ну, такъ я буду васъ просить, буду просить правительство, чтобы вы навсегда были моимъ попечителемъ.

Отчетинъ. Это невозможно. Сыщутся люди, которые помѣшаютъ. Вотъ письмо, которое я получилъ изъ Петербурга. Выслушайте, что къ вамъ относится . . . Послѣ привѣтствія и прочаго, вотъ что пишутъ: — «Почти вмѣстѣ съ симъ письмомъ, отправляется къ вамъ по службѣ мой добрый пріятель. Чрезъ него я уже писалъ къ вамъ. А теперь предупреждаю, что онъ имѣетъ намѣреніе искать руки вашей Анны Петровны Любимовой, которую онъ замѣтилъ въ собраніяхъ, бывшихъ въ Институтѣ. Дружбою умоляю васъ содѣйствовать ему въ этомъ дѣлѣ. Я объ немъ ничего не скажу; вы его узнаете. Министръ желаетъ этого союза; я же буду въ полной радости, да думаю, и вы не менѣе, потому что этимъ устроится счастіе дочери незабвеннаго моего друга, съ которой я хоть лично не знакомъ, но слыша о ней, почитаю и люблю ее. Помни меня и проч. Тимофей Добротворовъ.»

Анна Пет. А! Тимофей Ивановичъ! — Благодарю тебя, почтенный Добротворовъ, за дружбу твою и попеченіе о судьбѣ сироты!... О родители мои! Благодарю васъ, что вы при жизни пріобрѣли добрыхъ, истинныхъ друзей, которые любятъ васъ въ дочери вашей! — Благодарю и васъ, мой добрый другъ, Василій Авдѣевичъ, что вы не оставили меня въ сиротствѣ. Не сохраненіемъ имѣнія вы меня облагодѣтельствовали, нѣтъ! Вы мнѣ доставили воспитаніе; чрезъ него умъ мой образовался, сердце умѣетъ чувствовать, правила мои тверды — и, слѣдуя имъ, я во всякомъ обстоятельствѣ покойна.

Отчетинъ. А женихъ-то, кажется, ѣдетъ уже. Его-то, еще не знавши, ожидаютъ здѣсь съ такими приготовленіями. Добрый вашъ дядюшка въ ужасныхъ хлопотахъ; не удѣлилъ даже времени поговорить со мною; съ тетушкой же вашей я еще и не видался. И такъ — пусть его ѣдетъ: мы его поразсмотримъ. Я только прошу васъ быть ко мнѣ откровенною.

Анна Петр. О благодѣтель мой! Могу ли я быть предъ вами въ чемъ нибудь скрытною? — Но скажите мнѣ: неужели не могу я оставаться въ теперешнемъ положеніи и не выходить замужъ?

Отчетинъ. Дѣвушкѣ не выходить замужъ непростительно, когда представляется человѣкъ, желающій и могущій устроить ея счастье. Конечно, лучше такъ же вѣкъ оставаться въ дѣвкахъ, нежели соединять судьбу свою съ человѣкомъ, не могущимъ быть ни другомъ, ни подпорою. Но съ другой стороны, вы еще не знаете, какъ въ публикѣ трактуется пожилая дѣвушка!

Анна Пет. Очень знаю; при воспитаніи нашемъ все изъяснено, но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы получили наставленія, какъ переносить все, и потому, что мнѣ нужды до злословія, до людскихъ пересудовъ, до ихъ насмѣшекъ? Я живу по собственной волѣ, руководствуюсь данными мнѣ правилами, буду заботиться о своихъ подчиненныхъ и объ устройствѣ ихъ счастья.

Отчетинъ. Все такъ, Анна Петровна! Но вамъ замужъ итти должно, а особливо, ежели рекомендуемый женихъ достоинъ васъ.

Анна Петр. Увидимъ. Не оставьте только меня въ этомъ важномъ случаѣ. — *(Шутя.)* Только какой же этотъ inconnu проказникъ! Замѣтилъ будто

меня между сотнею моихъ подругъ, которыя всѣ и красивѣе, и знатнѣй, и богаче меня.

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Матрена Степановна и Эйжени.

Эйжени. Nous voila! Nous sommes deja prettes.

Матр. Степан., (послѣ церемонныхъ книксеновъ.) Кончивъ свои упражненія въ необходимости, я имѣю честь явиться на воззрѣніе ваше.—Скажите чистосердечно: сдѣлала ли я хотя малѣйшее отступленіе отъ правилъ, начертанныхъ въ Дамскомъ Журналѣ?

Эйжени. Скажите мнѣ со всею откровенностію друга: хорошо ли я одѣта? Не не достаетъ ли еще чего?

Анна Петр. Я въ этомъ такъ неопытна, что не смѣю сказать своего мнѣнія.

Эйжени. Я теперь точно такъ одѣта, какъ въ пансіонѣ мадамъ Торшонъ, во время публичнаго экзамена, и тогда нашъ учитель поэзіи чрезвычайно меня хвалилъ и не отходилъ отъ меня во весь вечеръ.

Матр. Степан. А вы, милая, — не прогнѣвайтесь за истину, — слишкомъ просто одѣты и однимъ словомъ: какъ были въ утреннее время, такъ и теперь. Я люблю справедливо изъясняться; хотя одинъ писатель и сказалъ: говорить правду, потерять дружбу.

Анна Петр. Нарядъ мой всегда одинъ: онъ мнѣ нравится; а за совѣты, я вамъ очень благодарна.

=

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Домна Ѳоминишна, также разряженная въ пухъ.

Дом. Ѳомин. Извините меня, почтенные гости, что я замедлила своимъ выходомъ. Приступая къ такому торжественному случаю, надобно все предусмотрѣть, чтобы ничего не пропустить. — Ахъ, Матрена Ѳоминишна! Съ какимъ вкусомъ — да и милая ваша Евгенія Кузминишна.

Матр. Степан. При моемъ гардеробѣ меня одушевляетъ патріотизмъ. Покажемъ жителямъ столицы, что и мы читаемъ журналы. Сказать правду: костюмъ вашъ увѣрятъ въ этомъ каждаго.

Дом. Ѳомин. Признаюсь, что первая моя забота, чтобы просто, яснѣе сказать: опрятно одѣться, не отступая, впрочемъ, отъ несравненнаго Телеграфа. — Но ты, милая Аннета! Ты на кого похожа? — Встрѣчать такую особу, съ нимъ обѣдать, быть въ спектаклѣ и, можетъ быть, удостоиться чести съ нимъ танцовать—и быть такъ просто одѣтой!— На что это похоже?

Анна Петр. Я полагаю, что этотъ нарядъ весьма присталь дѣвицѣ.

Дом. Ѳомин. Но не прогнѣвайся: тебя сочтутъ не тѣмъ, чѣмъ ты есть: тебя сочтутъ бѣдной дѣвушкой. — Впрочемъ, вы, сударыня, ученыя, вы все знаете. Или вы хотите играть ролю Сандрильоны?

Анна Петр., (въ сторону.) О Боже! *(Идетъ къ Отчетину и тихо съ нимъ разговариваетъ.)*

Матр. Степан. Оставь ее, милая, въ погруженіи невѣдѣнія... Теперь я обращаюсь къ тебѣ, какъ къ другу, къ коему питаю дружбу, на чистѣйшемъ дружествѣ утвержденную. Докажите мнѣ дружеское ваше расположеніе и дружеское участіе въ содѣйствіи.

Дом. Ѳомин Въ чемъ только могу, дорогая Матрена Степановна! Я вся къ вашимъ услугамъ — прикажите.

Матр. Степан. Евгаша! Отойди и займися хоть съ Анною Петровною. Ее-то хочу вѣрить въ благосклонное ваше расположеніе. Ежели, паче чаянія... въ чемъ нѣтъ сомнѣнія и смѣло

увѣрена... ожидаемый вельможа не имѣетъ супружескаго обязательства... въ такомъ благопріятномъ случаѣ... замолвить — рекомендовать — похвалить... мою Евгашу, и, какъ сказалъ одинъ писатель: товаръ лицомъ продать.

Дом. Ѳомин. О! со всею готовностію, моя дорогая!

Матр. Степан. И такъ — мы заключаемъ дружескій alliance. *(Цѣлуются.)* Но скажите мнѣ: неужели казначейша съ дочерьми отдѣляетъ себя отъ нашего круга?

Дом. Ѳомин. Я ее не зову. Она должна мнѣ еще майскимъ визитомъ. Въ спектаклѣ она будетъ. Дочери ея намъ неопасны. — Исправничиха поскакала съ мужемъ на слѣдствіе: боится одного отпускать. *(Хохочутъ.)* Сзывать же секретаршъ на такой предметъ, я почитаю для себя унизительнымъ.

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Ученосвѣтовъ, въ мундирѣ, цѣлуетъ руки дамамъ.

Ученосвѣтовъ. И такъ — наконецъ все готово!

Дом. Ѳомин. Какъ я рада!... Помостили тротуары, поставили столбы?

Ученосвѣтовъ. Все не то, сударыня! Все готово у меня въ театрѣ.

Матр. Степан. Милый директоръ нашихъ восторговъ! Для насъ же, для отличнаго класса особъ и для почетныхъ дамъ вѣрно ложи будутъ?

Ученосвѣтовъ. Все придумаю и устрою. Теперь еще, сударыни, позвольте васъ просить одолжить мнѣ зеленаго тафтянаго полога и бѣлячей куцавейки.

Анна Петр. Не вы ли въ куцавейкѣ подъ пологомъ будете сидѣть?

Ученосвѣтовъ. О, нѣтъ, сударыня! Я директоръ, я не могу быть скрытъ; я долженъ дѣйствовать вездѣ... Но въ театральномъ гардеробѣ не достаетъ Димитрію мантіи, такъ мы на него прицѣпимъ вашъ пологъ, а куцавейку, какъ покороче, вздѣнемъ на князя Тверскаго.

Матр. Степан. О тонкій изобрѣтатель!... Но есть ли музыкальный хоръ?

Ученосвѣтовъ. Ниже балалайки во всемъ городѣ. Я бы просилъ: по случаю всерадостнѣйшаго прибытія въ нашъ городъ г-на Н. Н. — а болѣе не знаю, чтобы дѣвицы на фортепіано...

Матр. Степан. Ахъ, это безподобно, ежели бы онѣ коснулись гармоніи и поразили мелодическія части слуха!

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Спалкинъ, въ мундирѣ, цѣлуетъ руки дамъ.

Спалкинъ, (подходя къ каждой.) Домна Ѳоминишна!.. Матрена Степановна! — Анна Петровна!... Евгенія Кузминишна!... *(Кланяется.)* Василій Авдѣичъ! — Аѳиногенъ Валентиновичъ!.. Ну да и встрѣча! На улицѣ народу, точно какъ на выборахъ: — и на заборахъ и на крышахъ. Да и честь отдать начальству: прибрали нашъ городокъ, какъ невѣсту къ вѣнцу... Я разсматривалъ ваши отчеты, Василій Авдѣичъ, и у меня встрѣтились нѣкоторыя сомнѣнія. *(Отходятъ къ сторонѣ и говорятъ.)*

(Всѣ лица говорятъ между собою тихо, а дѣвицы подходятъ ближе къ сценѣ.)

Эйжени. Vous m'avez dit, что въ вашемъ Институтѣ дали вамъ понятіе о замужствѣ съ вельможами и богатыми... Вѣрно вы знаете средство, какъ ихъ привлекать къ себѣ; сдѣлайте одолженіе, научите и меня. Мнѣ хотя madame Вашеръ и говорила, но все не полно. Dites moi, je vous en prie?

Анна Петр. Ахъ, какъ вы ошибаетесь, ежели думаете, что намъ въ Институтѣ даютъ такія правила.

Эйжени. Mais vous avez dit cela.

Анна Петр. Прежде всего помните наше условіе: говорить по-русски. Мы какъ-то различно объясняемся на этомъ языкѣ. Намъ въ Институтѣ внушено: что дѣвица, если будетъ такъ счастлива, что человѣкъ благородныхъ правилъ изберетъ ее въ подруги жизни, должна считать это за честь: не смотрѣть на богатство, на знатность, на молодость; но отдавать преимущество добротѣ сердца, уму, сходству характеровъ.

Эйжени. Ахъ, какое ложное и смѣшное правило! Я же, слѣдуя наставленіямъ мадамъ Вашеръ, Торшонъ и Гросвашъ, всегда отдамъ свою руку преимущественно молодому, богатому, знатному, хоть и не совсѣмъ чистому, чѣмъ доброму да честному голяку... Ah, ma chère! Ежели бы этотъ посланникъ, котораго ожидаютъ, былъ бы не женатъ, тогда все употреблю, чтобъ его поймать; ежели же еще онъ къ этому жантильной, тогда я на все пойду.

Анна Петр. Чтобъ послѣ цѣлый вѣкъ проливать жантильныя слезы...

Эйжени. Какая мнѣ нужда до будущаго, ежели я три, четыре года проживу въ роскоши и изобиліи. Madame Вашеръ dit...

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Городничій, въ полномъ мундирѣ, со шляпою и съ рапортомъ за кафтаномъ.

Городничій. Насилу управились! Теперь милости просимъ: не ударимъ лицемъ въ грязь. Кажется, что безъ рекомендаціи объ насъ не отъѣдетъ.

Спалкинъ. Да кто онъ такой? Въ какомъ чинѣ? Какъ его титуловать?

Городничій. Я долго объ этомъ разсуждалъ. Вотъ рапортъ о благосостояніи города, но безъ всякаго титула и имени... просто. А титуловать превосходительствомъ или сіятельствомъ, кто его знаетъ.

Ученосвѣтовъ. Будемъ его называть: милостивый государь!.. Это ко всякому идетъ.

Матр. Степан. Но нужно сдѣлать и комнатное приличіе. Научите насъ, гдѣ кому стоять.

Городничій, (бѣгая и разставляя всѣхъ.) Да, въ самомъ дѣлѣ, это необходимо... Вотъ онъ такъ входитъ въ дверь; кланяется; невольно обращается влѣво, тутъ я ему рапортъ въ руки и явлюсь, какъ должно. За мною чиновники по порядку... Ну вотъ жаль, что предводителя нѣтъ въ городѣ! Такъ ты, Василій Авдѣичъ, за дворянство, стань здѣсь. Охъ! да не въ мундирѣ! Какъ тутъ быть?

Отчетинъ. Ну, ничего; скажите по вольности дворянства.

Городничій. Хорошо: такъ вы здѣсь; тутъ гражданскіе чиновники, то есть: стряпчій и казначей. Да что же они не ѣдутъ? Вотъ вѣдь какіе! Тутъ ученая часть, то есть: вы Аѳиногенъ Валентиновичъ... Ну, братъ, Тихонъ Михайловичъ! Ты тутъ стань прежде за предводителя дворянства, а послѣ сюда перебѣги за чиновниковъ... Уфъ!... усталъ.

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Шаринъ, вбѣгаетъ.

Шаринъ. Ѳома Ѳомичъ! Какъ ревизоръ въ улицы въѣдетъ, не прикажете ли кричать: ура?

Городничій, (въ сторону.) Самъ не знаю. Посовѣтуйте, какъ бы лучше.

Спалкинъ. Кажется, зачѣмъ?

Ученосвѣтовъ. Нѣтъ, не должно. А не лучше ли велѣть пѣть веселыя пѣсни, напримѣръ: «Вы раздайтесь, разступитесь, добры люди...» Какъ жаль,

что времени мало, я бы придѣлалъ къ пѣсни куплеты, приличные сему случаю.

Городничій. То-то вѣдь, всего не обдумаешь. Ну, Шаринъ, иди и умудрись, какъ знаешь. Внѣшняя встрѣча по твоей части.

Шаринъ. Гаркнемъ же мы такъ, что небу жарко будетъ.

(Уходитъ.)

Матр. Степан. Мы же, полъ прекрасный, гдѣ должны основать свое пребываніе?

Городничій. Вы, сестрица, какъ хозяйка, здѣсь направо; а за вами...

Дом. Ѳомин. Ахъ, братецъ, пощадите меня!... Вѣдь я дѣвушка, какъ же мнѣ впередъ соваться... Есть дамы...

Городничій. Правда, правда, я и забылъ. Такъ вы, Матрена Степановна, станете впередъ, но нѣсколько отступя отъ линіи, чтобъ показать, что это мѣсто хозяйкино... Вотъ онъ обратится къ вамъ, я подбѣгу и скажу: имѣю честь представить Матрену Степановну, супругу уѣзднаго стряпчаго Кусакина. Вы же, сестрица, станете уже здѣсь, но въ линіи, чтобы онъ видѣлъ, что вы нашего дому; я къ вамъ его подведу...

=

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Печаталкинъ, въ мундирѣ.

Печаталкинъ, (торопливо.) Маховой съ колокольни закричалъ, что ревизоръ ѣдетъ.

Городничій, (суетливо.) Такъ онъ точно ревизоръ?.. Видите ли, я угадалъ... У! еще больше роботы прибавилось. По мѣстамъ!

(Всѣ суетятся, занимаютъ мѣста не въ попадъ, перебѣгаютъ, другъ друга толкаютъ.)

Городничій, (суетившійся больше всѣхъ, запыхался и кричитъ.) Сюда!.. А вы сюда?

(Въ эту суматоху входитъ маіоръ Миловъ.)

Городничій, (увидя Милова.) Тише, тише! *(Является къ Милову.)* Честь имѣю... У! *(Печаталкинъ перешелъ къ дамамъ; Городничій тащитъ его.)* Куда ты, братецъ! Не такъ расположено. *(Милову.)* Честь имѣю явиться, я... *(Печаталкинъ подошелъ къ нему близко, Городничій его отталкиваетъ.)* Да не мѣшай, братецъ: стань съ порядочными людьми.

(Миловъ, въ изумленіи, оборачивается къ дамамъ.)

Городничій, (забѣгаетъ къ нему.) Да пожалуйте, прежде сюда надобно смотрѣть... Честь имѣю явиться, я... *(Задыхаясь.)* У! у! у!..

Спалкинъ, (выступаетъ.) Градоначальникъ; только крѣпко запыхался.

Шаринъ, (вбѣгаетъ опрометью, всѣхъ и самаго Милова расталкиваетъ и кричитъ.) Постойте, постойте, не встрѣчайте; это не онъ, это не онъ; это такъ проѣзжій; а ревизоръ вотъ подъѣзжаетъ къ крыльцу.

Городничій, (съ досадою.) Ахъ, что это надѣлали?.. И кого это встрѣчали?.. Зачѣмъ безъ дѣла пріѣзжаютъ... Гдѣ же рапортъ? Мой рапортъ?.. *(Бѣгаетъ, суетится, толкаетъ не разъ Милова и наконецъ находитъ рапортъ. Миловъ же, при входѣ еще пораженный суматохою и необыкновеннымъ положеніемъ присутствующихъ, остается безъ всякаго движенія, и только посматриваетъ на шумящихъ. Когда же его Шаринъ и Городничій затолкали, то онъ сказавъ:* Куда это я попался? Здѣсь видно домъ сумасшедшихъ! *уходитъ поспѣшно.)*

Отчетинъ, (хотя и повиновался Городничему въ занятіи мѣста, но послѣ отошелъ въ сторону и ни на что не обращалъ вниманія, и даже не примѣтивъ прихода Милова, размышляетъ самъ съ собою.) Зачѣмъ попалъ я въ эту комедію?

Городничій, (сколько можно приводя всѣхъ въ порядокъ.) Вотъ тамъ... сюда... стойте же чинно!... У!.. Все готово... Охъ! Онъ ли еще теперь?...

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

Шаринъ, (отворяя съ шумомъ дверь, кричитъ.) Тсъ! тсъ! идетъ... идетъ!

(**Пустолобовъ**, входитъ важно, съ важными пріемами, и пройдя всѣхъ безъ вниманія, останавливается посреди комнаты.)

Гордничій, (видя, что онъ обращается въ противную отъ него сторону, забѣгаетъ къ нему.) Честь имѣю явиться, я... здѣшній Городничій, и донести о благосостояніи города. *(Къ дамамъ.)* Переходите же туда, а вы, господа, станьте здѣсь уже; видите, онъ не туда повернулся, какъ мы располагали.

(Опять суета и толкотня.)

Пустолобовъ, (прочитавъ рапортъ.) Благодарю васъ, господинъ Городничій, за порядокъ въ городѣ. При первомъ воззрѣніи, я замѣчаю благоустройство; а тамъ... увидимъ.

Городничій. Надѣюсь, милостивый государь...

Пустолобовъ. Теперь прошу васъ, любезный Городничій, представить мнѣ... кажется, чиновниковъ здѣшняго города?... Есть списокъ?

Городничій. Извините—изъ ума вонъ; но все равно. Вотъ г. уѣздный судья.

Спалкинъ, (подходя и кланялсь.) Въ отставкѣ маіоръ, уѣзднымъ судьею другой курсъ: Тихонъ Михайловъ сынъ Спалкинъ...

Пустолобовъ. Это дѣлаетъ вамъ честь. Я надѣюсь, что въ судѣ у васъ большой порядокъ...

Спалкинъ. Надѣюсь при обозрѣніи вашемъ заслужить одобреніе.

Пустолобовъ. Да, да; я буду у васъ. *(Замѣтивъ Ученосвѣтова, смѣшался и избѣгаетъ его взоровъ; къ Печаталкину.)* Г. почтмейстеръ.

Печаталкинъ. Здѣшній почтовый экспедиторъ: Лука Семеновъ сынъ Печаталкинъ.

Пустолобовъ. Я буду имѣть къ вамъ особыя отношенія послѣ. А это кто?

Городничій. Сейчасъ пріѣхавшій изъ деревни помѣщикъ—и потому безъ мундира. Но вотъ прежде дамы. *(Дамы, исключая Анны Петровны, стараются выставиться и быть прежде отрекомендованными, отъ чего Городничій путается въ словахъ.)* Это — да, вотъ это жена—то есть сестра—своей матери—стряпчаго супруга—родная моя—нѣтъ жена,—хозяйка.—Да, ну, кончено уже. *(Пустолобовъ каждой почтительно кланяется).*

Городничій, (взявъ племянницу за руку). Теперь позвольте...

Матр. Степан., (подступая къ Пустолобову). Соединенная священнымъ бракомъ...

Дом. Ѳомин., (оттирая ее). Родная его сестра...

Эйжени, (также оттирая прочихъ). Маменьки моей дочь, Эйжени...

Городничій. Сирота, племянница...

Матр Степан. Съ здѣшнимъ уѣзднымъ стряпчимъ...

Дом. Ѳомин. Живу въ его домѣ...

Матр. Степан. Мать сей отрасли...

Дом. Ѳомин. Еще въ дѣвицахъ и не замужняя...

Эйжени. Въ слѣдствіе даннаго мнѣ воспитанія...

Пустолобовъ. Имѣю честь свидѣтельствовать вамъ, милостивыя государыни, мое усерднѣйшее почтеніе и рекомендоваться. Я предоставляю времени короче съ вами познакомиться.

Матр. Степан., (отходя отъ него, про себя.) Предоставляю времени!... Грубіянъ!

Дом. Ѳомин., (также.) И къ рукѣ не подошелъ!

Эйжени, (*тихо, съ радостію*). Онъ на меня смотрѣлъ.

Анна. Петр., (*освободясь отъ Городничаго, тихо.*) Что изъ этого будетъ?

Ученосвѣтовъ (*при первомъ появленіи Пустолобова крѣпко изумившійся, все хочетъ къ нему подойти. Когда же Пустолобовъ его обошелъ, тутъ онъ еще больше началъ пробираться къ нему, но каждая дама его отталкивала или заслоняла. Теперь, когда Пустолобовъ остался свободенъ, онъ подходитъ къ нему.*) Теперь позвольте мнѣ, Владиславъ Трофимовичъ, предложить вамъ мои объятія... и по старой дружбѣ....

Пустолобовъ, (*отступая отъ него.*) Старое нынче все измѣнилось. Вы должны наблюдать строжайшую скромность и молчаніе до особенной аудіенціи.

Ученосвѣтовъ (*въ смущеніи.*) Слушаю-съ. (*Отходитъ въ сторону.*) Экъ онъ въ какіе люди выскочилъ.

Отчетинъ, (*подходя къ Пустолобову.*) Теперь позвольте мнѣ, милостивый государь, адресоваться къ вамъ. Я Отчетинъ. — Вы должны меня спросить.

Пустолобовъ, (*гордо.*) Почему бы это?

Отчетинъ. По письму г-па Добротворова.

Пустолобовъ. Позвольте мнѣ прежде познакомиться съ этими фамиліями, а прочее предоставить времени...

Отчетинъ. Я полагаю, что вы изволите знать г-на дѣйствительнаго статскаго совѣтника Добротворова? Я ожидалъ отъ него чрезъ васъ письма.

Пустолобовъ. Да, Добротворова я помню; онъ служитъ по моей части, но... (*съ насмѣшкою*) не такъ съ нимъ коротко знакомъ, чтобы взялся перевозить его письма ко всѣмъ. Довольно.

Отчетинъ, (*отходя отъ него, тихо*). Странно, очень странно! (*Говоритъ съ Анною Петровною.*)

Городничій. Милостивый государь! Хотя правила вѣжливости и запрещаютъ излишнее любопытство... но обязанность службы... извините меня... въ разсужденіи чина вашего п... имени... дабы.....

Пустолобовъ. Пожалуста, любезный Городничій, со мною безъ чиновъ—и всѣхъ также прошу... исключая навязывающихся въ короткое со мною знакомство. — Но ежели нужно знать, то скажу вамъ: что я уже достигъ до той степени, выше которой подобные мнѣ не восходятъ.

Городничій, *Ученосвѣтовъ и Спалкинъ* (*между собою.*) О!... Такъ, превосходительный. Видите, превосходительный!

Пустолобовъ. А имя мое Владиславъ Трофимовичъ Пустолобовъ.

Отчетинъ, (*въ сторону.*) Фамилія такой между знатными не слыхать.

Спалкинъ, (*все заглядывавшій въ боковую комнату, говоритъ Городничему.*) Просите кушать: уже давно столъ готовъ.

Городничій. Ваше превосходительство! Смѣю просить: одолжите насъ... раздѣливъ съ нами хлѣбъ-соль; — чѣмъ Богъ послалъ.

Пустолобовъ. Съ большимъ удовольствіемъ. (*Смотря на дамъ.*) Кого прикажете?

Городничій. Кого угодно.

Пустолобовъ. И такъ — позвольте быть Парисомъ... (*Подаетъ руку восхищенной Эйжени и ведетъ.*)

Матр. Степан., (*въ восторгѣ, подаетъ руку Городничему*). Ахъ, какой умной! Какой образованный! Вотъ ужъ и видно столичное воспитаніе.

Дом. Ѳомин., (*подаетъ руку Спалкину*) Невѣжа! Онъ первый разъ въ

обществѣ. Ничего не знаетъ и вкусу не имѣетъ.

Анна Петр., (идетъ съ Отчетинымъ). Чѣмъ вы разгадаете эту странность?

Отчетинъ. Съ ума схожу. Непонятно!

Печаталкинъ. Какое ко мнѣ имѣетъ дѣло?... Увидимъ. *(Также уходитъ).*

Учесвѣтовъ. Я все думаю: неужели нашъ повѣса Пустолобовъ, выгнанный изъ университета за дурное поведеніе, теперь великій, важный и даже умный человѣкъ!... *(Уходитъ.)*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Пустолобовъ, выходитъ изъ столовой; за нимъ Городничій съ почтеніемъ.

Пустолобовъ. Къ чему извиненія, любезный Городничій!... Мы, знатные, утомясь всегдашнею пышностію, очень бываемъ рады, когда случай приведетъ насъ къ простотѣ... Откровенно вамъ скажу: я врагъ всякаго этикета; но приличіе... тиранъ нашей братьи, вельможъ... необходимо при лишнихъ людяхъ. Я съ вами теперь простъ, потому что васъ полюбилъ; но при третьемъ... извините меня: я тотчасъ принимаю должное мнѣ лице... вашего начальника.

Городничій. Я никогда не забуду себя предъ вашимъ превосходительствомъ, и не смотря на милостивѣйшее ваше снисхожденіе, всегда помню разность и обязанность мою... Не изволите ли чего приказать?—Или не угодно ли послѣ дороги отдохнуть?

Пустолобовъ. Мнѣ отдыхать?... Что же было бы тогда съ Россіею, ежели бы я спалъ послѣ обѣда!... Теперь я желаю дать каждому чиновнику особую аудіенцію. Введите ко мнѣ... кого бы?... Смотрителя училищъ; я хочу прінятся прежде за ученыхъ. *(Городничій уходитъ.)*

Пустолобовъ, (одинъ.) Прежде всего надобно сладить съ старымъ пріятелемъ, который знаетъ всѣ мои школьныя проказы. Тономъ покровителя, вельможи, заставитъ его уважать себя и молчать о прежнихъ моихъ дѣлахъ. Потомъ искусно вывѣдать: нѣтъ ли гдѣ богатой невѣсты... Право! Чѣмъ чортъ не шутитъ! Мнѣ же здѣсь что-то счастливо всѣхъ мѣстъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Пустолобовъ, Городничій, представляетъ Учесвѣтова.

Пустолобовъ, (Городничему). Оставьте насъ, но не отлучайтесь далеко; я скоро васъ спрошу. *(Городничій выходитъ).*

Пустолобовъ, (Учесвѣтову). Особенной важности цѣль Правительства, послать именно меня въ нѣкоторыя губерніи и болѣе въ здѣшнюю. Уважая государственныя обстоятельства, я вынужденъ съ знакомыми и родными быть совершенно чужимъ. — Ахъ, ежели бы вы могли постигнуть всѣ обязанности государственнаго человѣка! Вы едва не разрушили плана, три года обдумываемаго нашею министерію...

Учесвѣтовъ. Помилуйте, ваше превосходительство, какъ?

Пустолобовъ. Тщеславіемъ, показать товарищамъ, что вельможа знакомъ съ вами. Но кромѣ государственной тайны, званія наши поставили насъ далеко другъ отъ друга. Конечно, вы могли полагать, что я тотъ же дерзкій шалунъ; но когда нибудь вамъ открою, какъ я этой дерзостію и... пусть такъ называютъ... шалостію, но обдуманною, патріотическою, свергнулъ въ пяти государствахъ первѣйшихъ министровъ, взошелъ на степень, принялъ все въ руки... и съ тѣхъ поръ утвердилъ равновѣсіе въ Европѣ... Болѣе я вамъ не могу сказать. . . *(Важно.)* Запрещаю вамъ строжайше говорить, показывать, даже мыслить, что я съ вами былъ знакомъ. Прійдетъ время, я васъ награжу за это пожертвованіе.—Поспѣшите мнѣ доставить записку, чтобы вамъ желалось получить, и подайте мнѣ при всѣхъ, въ видѣ должностной бумаги. Но малѣйшее слово, что вы меня давно знаете, или поступокъ вашъ, объясняющій вашу со мною короткость, будетъ преслѣдоваться всею властію моею. — Довольно; вы умный человѣкъ, должны понимать. — Теперь отвѣчайте мнѣ на мои вопросы: знаете ли вы по французски?

Ученосвѣтовъ. Довольно хорошо, но говорить не могу.

Пустолобовъ. Кто такова дѣвица, которая за обѣдомъ одна только по французски говорила!

Ученосвѣтовъ. Евгенія Кузминишна, дочь здѣшняго стряпчаго Кусакина?

Пустолобовъ. О чемъ она именно говорила? — Разскажите мнѣ и помните объ этомъ до будущаго случая.

Ученосвѣтовъ. Во все продолженіе стола, она только говорила, въ какихъ пансіонахъ воспитывалась, кто были танцовальные учители, какіе танцы она превосходно танцуетъ, сколько стоитъ ея воспитаніе... и болѣе ни о чемъ не говорила.

Пустолобовъ, (будто безъ вниманія). Стало, она богата!

Ученосвѣтовъ. Совсѣмъ нѣтъ, ваше превосходительство? — Но, какъ дочь стряпчаго...

Пустолобовъ. Довольно; я васъ понялъ. Эта фраза умножитъ мое донесеніе. Видите ли, какъ умные люди другъ друга понимаютъ. Вы знаете и увѣрены, что я столько же понялъ всѣ ея французскіе разсказы... я жилъ долго во Франціи... но вы смѣкнули, для чего я у васъ спрашивалъ, тонко мнѣ отвѣчали и... все кончено. Я васъ увѣряю, что вы пойдете далеко. *(Будто безъ вниманія.)* Другая дѣвица... кто?

Ученосвѣтовъ. Племянница Городничаго, сирота...

Пустолобовъ, (такъ же). Безъ всякаго состоянія?

Ученосвѣтовъ. О, напротивъ, ваше превосходительство! Состояніе у нея очень большое. Городничій, ея дядя, опекунъ...

Пустолобовъ. И имѣетъ на нее большое вліяніе?

Ученосвѣтовъ. О ней заботится болѣе всего тетка ея, сестра Городничаго, хозяйка.....

Пустолобовъ. Какъ ея имя?

Ученосвѣтовъ. Домна Ѳоминишна?

Пустолобовъ. Не она ли управляетъ и имѣніемъ?

Ученосвѣтовъ. Нѣтъ, ваше превосходительство, имѣніе въ распоряженіи опекуна Отчетина, который давича такъ ловко представился вашему превосходительству.

Пустолобовъ. А! помню. — Видите ли, какъ тонко достигъ я своей цѣли! Вотъ теперь добрался я до него. Понимаете ли вы меня?

Ученосвѣтовъ. Могу ли я слабымъ разсудкомъ постичь великія тонкости ума вашего превосходительства? И кто я, чтобы осмѣлился догадываться...

Пустолобовъ. Продолжайте только быть откровеннымъ. — Скоро ли она выйдетъ изъ опеки?

Ученосвѣтовъ. Кажется, опекунъ затѣмъ пріѣхалъ въ городъ, чтобы приступить къ сдачѣ имѣнія.

Пустолобовъ, (будто въ размышленіи.) Знавъ, какъ управлялось имѣніе... спротъ надобно пособить... Съ кѣмъ, вы полагаете, лучше говорить по сему предмету: съ Городничимъ или съ сестрой?

Ученосвѣтовъ. Съ ней лучше, ваше превосходительство! Онъ во всемъ, что касается до племянницы, слѣдуетъ совѣтамъ сестры своей.

Пустолобовъ. И такъ... я буду искать случая говорить съ ней... Но здѣсь все любопытствующіе. Бѣда намъ знатнымъ! Всякій шагъ нашъ замѣчаютъ; всякое слово подслушиваютъ, перетолковываютъ. О драгоцѣнная свобода!

Ученосвѣтовъ. Ежели вашему превосходительству нужно что нибудь секретно съ ними объясниться, то не осчастливите ли своимъ посѣщеніемъ нынче вечеромъ нашего спектакля.

Пустолобовъ. Какого спектакля?

Ученосвѣтовъ. Труппа переѣзжающихъ артистовъ, то есть актеровъ нынче даетъ въ нашемъ городѣ представленіе подъ моею дирекціею. И такъ... ежели ваше превосходительство удостоите слабые ихъ таланты своимъ присутствіемъ, то я, какъ временной директоръ, устрою кресла вашего превосходительства подлѣ ложи семейства Городничаго.

Пустолобовъ. Хорошо; я буду. Приготовьте мнѣ мѣсто, съ должнымъ къ моему сану вниманіемъ. Я апробую ваше рвеніе разсѣевать публику, особливо во время моего здѣсь пребыванія, чтобы отклонить ихъ сужденія о цѣли моего пріѣзда... Г-мъ! Вы, я думаю, смекнули теперь, что это моимъ распоряженіемъ...

Ученосвѣтовъ. Ахъ! теперь понимаю! Столько тонкости...

Пустолобовъ. Довольно; далѣе не распространяйтесь даже въ догадкахъ... Сколько у васъ по училищу наличной суммы?

Ученосвѣтовъ. 1325 р. съ копѣйками.

Пустолобовъ. Да, точно такъ. Идите къ своему мѣсту, но помните: никому ни слова ни о чемъ; даже ни о части нашего разговора. Доставьте записку и вы получите все... Можете слегка, какъ бы за тайну, похвалиться, что я васъ милостиво принялъ. Довольно; подите.

(Ученосвѣтовъ откланявшись, уходитъ.)

Пустолобовъ, (одинъ.) Очень изрядное состояніе!... Это хорошо! — Надобно воспользоваться. — При моей дерзости, при расположеніи здѣшнихъ умовъ, при счастьи — пущусь къ окончанію. Ахъ! ежели бы дерзостію составить состояніе! Но очень нужно спѣшить, чтобы не поспѣшили за мною. *(Кличетъ.)* Господинъ Городничій! *(Городничій вошелъ.)* Теперь по части финансовъ. Представьте мнѣ казначея.

Городничій. Ваше превосходительство! Онъ—его нѣтъ въ городѣ...

Пустолобовъ, (съ сердцемъ). Гдѣ же онъ?

Городничій. У пріятеля въ деревнѣ. Завтра рано будетъ.

Пустолобовъ. Ключи отъ кладовой у кого?

Городничій. Съ нимъ же; онъ никому не довѣряетъ...

Пустолобовъ, (рышительно.) Онъ погибъ навсегда! Нѣтъ средствъ меня упросить. Что я буду дѣлать? *(Ходитъ въ размышленіи).* Представьте мнѣ чиновника Почтоваго Департамента.

Городничій. Экспедитора?

Пустолобовъ. Разумѣется. *(Городничій уходитъ.)* Счастливая звѣзда казначея спасла его отъ бѣды. Не выпутался бы онъ у меня. Пошевелилъ бы я казенную кладовую!... Надобно изыскивать другія средства. О! ежели бы удалось мнѣ опутать экспедитора, еже-

ли только не получилъ онъ чего на мой счетъ. Тогда я не я; другаго средства нѣтъ.

=

ЯВЛЕНІЕ III.

Пустолобовъ и Печаталкинъ.

Пустолобовъ. Давно ли вы и чѣмъ служите?

Печаталкинъ. Одиннадцать лѣтъ въ службѣ, губернскимъ секретаремъ третій годъ, а здѣсь экспедиторомъ полтора года.

Пустолобовъ. Ваша служба извѣстна высшему начальству. Подайте мнѣ всѣ бумаги, полученныя вами обо мнѣ.

Печаталкинъ. Я никакихъ не имѣю-съ.

Пустолобовъ. Я требую настоятельно. Объясните мнѣ по всей справедливости, или въ противномъ случаѣ... Бумаги, говорю я!

Печаталкинъ. Я объяснилъ вамъ, что ничего не получалъ.

Пустолобовъ. Откуда же узнали о моемъ прибытіи? Я приказалъ губернскому почтмейстеру васъ извѣстить.

Печаталкинъ. Я ничего не получалъ. Городничій получилъ партикулярное увѣдомленіе изъ губернаторской канцеляріи.

Пустолобовъ, (помолчавъ.) Не получали ли вы извѣщенія отъ вашего начальства, что будетъ чиновникъ для ревизіи нѣкоторыхъ частей по станціямъ?

Печаталкинъ. Никакъ нѣтъ. Я ничего не получалъ.

Пустолобовъ. Вы откровенно говорите.

Печаталкинъ. Сущую правду.

Пустолобовъ. Хорошо; я вами доволенъ. Первѣйшимъ удовольствіемъ для себя ставлю награждать подчиненныхъ, и потому... доставьте мнѣ записку, что вы желаете получить: чинъ, орденъ, мѣсто или денежное награжденіе? Я вамъ все доставлю.

Печаталкинъ. Позвольте доложить, что служба моя такъ ничтожна, что я не смѣю и думать.

Пустолобовъ, (съ сердцемъ.) Дѣлайте, что вамъ велятъ и не умничайте. Вамъ ли входить въ виды правительства: что и для чего дѣлается. Я такъ хочу, и такъ должно быть. Повторяю вамъ единожды навсегда: вы не должны не хотѣть, чего хочетъ правительство. — Я вамъ дѣлаю величайшую довѣренность; слушайте: я вамъ пришлю нѣкоторыя бумаги, которыя вы вскорѣ принесете ко мнѣ, яко бы съ эстафетой полученныя на мое имя. — Притомъ нуженъ величайшій секретъ.

Печаталкинъ. Но какъ это сдѣлать? Городъ не великъ; всѣ будутъ знать, что не было пріѣзжей эстафеты.

Пустолобовъ. Вы должны умудриться; надѣюсь на ваше благоразуміе и скромность. Иначе... сколько у васъ на лицо суммы?

Печаталкинъ. Двадцать семь рублей восемьдесятъ копѣекъ.

Пустолобовъ. Что такъ мало?

Печаталкинъ. Собранная за истекшій мѣсяцъ отправлена въ казначейство.

Пустолобовъ. Я проучу это казначейство. — Идите къ своему мѣсту и пришлите надежнаго почталіона, для принятія отъ меня нужныхъ бумагъ. Поступите осторожно... и вы будете мною довольны. *(Печаталкинъ уходитъ.)* Онъ что-то умничаетъ и превосходительствомъ меня не титуловалъ. Неотрѣшить ли его?—У меня недолго! *(Смѣется.)* Заварилъ же я кашу!—Теперь надобно писать письма отъ должностныхъ людей будто бы ко мнѣ, а эстафетъ сейчасъ ихъ и доставитъ. — Бѣдное мое вельможество! Нѣтъ со мною ни портфеля, ни шкатулки; какъ то удалось коляску выцыганить. И хотя она пустехонька, но два мужика съ дубинами, очень важно

оберегаютъ ея цѣлость. Пора писать, чтобы достать скорѣе денегъ, а тамъ примусь съ дамами любезничать и поскорѣе приступлю къ дѣлу.—Господинъ Городничій!

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Пустолобовъ и Городничій, вбѣгаетъ.

Городничій. Я здѣсь, ваше превосходительство! Что изволите приказать?

Пустолобовъ. Пріемъ кончился. Объявите всѣмъ имѣющимъ ко мнѣ нужду, что я не свободенъ до завтра. Гдѣ мой кабинетъ?

Городничій, (*указываетъ на дверь.*) Здѣсь, ваше превосходительство!

Пустолобовъ. Найду ли я тамъ все нужное для письма?

Городничій. Все есть. Не изволите ли приказать нарядить кого для письмоводства къ вашему превосходительству?

Пустолобовъ. Какъ это можно? — Кому я повѣрю государственныя дѣла?— Когда въ Петербургѣ не могли найти чиновника, кому бы повѣрить мое письмоводство, то какъ же вы думаете здѣсь?— Я самъ пишу и немедленно отправляю съ курьерами. Не имѣю даже шкатулки съ собою, боясь и ей ввѣрить тайны. Все, что есть у меня, все въ головѣ.

Городничій. Ваше превосходительство! Позвольте мнѣ обезпокоить васъ— можетъ быть, и неумѣстнымъ вопросомъ. — Но милостивое ваше снисхожденіе ободряетъ меня. Какія части здѣсь изволите осматривать? Долго ли изволите пробыть, и что еще нужно будетъ для...

Пустолобовъ, (*беретъ его за плечо и оборачиваетъ кругомъ.*) Вы очень любопытны, любезный Городничій! — Мнѣ только нужно, чтобы вы молчали и исполняли мои приказанія. Обо всемъ узнаете послѣ. (*Уходитъ въ кабинетъ.*)

Городничій, (*одинъ.*) Что меня дернуло разспрашивать? Примѣтно его превосходительство прогнѣвался. Буду улаживать, чтобы опять также милостивъ былъ.

=

ЯВЛЕНІЕ V.

Городничій и Миловъ.

Миловъ. Позвольте мнѣ, милостивый государь, прежде всего рекомендоваться вамъ:—Я Маіоръ Миловъ. — Проѣзжая чрезъ здѣшній городъ...

Гордоничій. Ахъ, г. Маіоръ! Это васъ мы давича такъ конфузно встрѣтили? Сдѣлайте милость, извините меня. Знаете, пріѣздъ-вельможи—честь имѣю себя теперь рекомендовать.

Миловъ. Я, не знавъ о вашихъ заботахъ, пришелъ тогда отыскивать нужнаго мнѣ человѣка и обезпокоилъ васъ посреди встрѣчи ревизора...

Городничій. Видите, такъ онъ точно ревизоръ?

Миловъ. Право, я вовсе ничего не знаю, а здѣсь услышалъ, что есть пріѣзжій ревизоръ. И на заставѣ вашъ офицеръ меня за него принялъ. — Мнѣ нужно найти г. Отчетина, и видя полицейскихъ въ заботахъ, я пришелъ васъ безпокоить: не изволите ли знать чего о немъ?

Городничій. О! онъ здѣсь ревизоромъ большой важности. Теперь въ кабинетѣ занимается письмами къ министрамъ...

Миловъ. Кто? — Г. Отчетинъ?

Городничій. И! помилуйте. Его превосходительство, г. Пустолобовъ.

Миловъ. Пустолобовъ? Превосходительство. — Это что-то странно! Но г. Отчетинъ гдѣ?

Городничій. Онъ у меня. Василій Авдѣевичъ! — Василій Авдѣевичъ!

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Отчетинъ.

Городничій. Вотъ, сударь, къ вамъ гость. А меня извините, я займусь должностію и, возвратясь, буду имѣть честь больше съ вами познакомиться. (*Уходитъ.*)

Отчетинъ. Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь...

Миловъ. Я маіоръ Миловъ. Знакомый вашъ Тимофей Ивановичъ Добротворовъ писалъ...

Отчетинъ. Довольно. Мы уже знакомы. И позвольте сказать: мы уже знаемъ другъ друга коротко.

Миловъ. Изъ благосклоннаго вашего отзыва я вижу, что вы получили его письмо, въ которомъ онъ былъ...

Отчетинъ. Очень не скроменъ. Описалъ васъ какъ вы есть и сказалъ о причинѣ вашего пріѣзда.

Миловъ, (*скромно.*) Послѣ этого остается...

Отчетинъ. Послѣ этого намъ остается, брося комплименты, говорить прямо и откровенно. Анну Петровну вы знаете, она васъ не знаетъ. Ѳому Ѳомича и сестрицу его вы не знаете и они васъ не знаютъ. Слѣдовательно, никто, жениха и женихъ никого не знаетъ; дѣла въ порядкѣ; но это ничего. Познакомимся, и желаю, чтобы всѣ такъ же къ вамъ расположились, какъ вашъ покорнѣйшій слуга. Ну, не мѣшаетъ, чтобы кто нибудь и поболѣе...

Миловъ, (*взявъ его за руку.*) Благодарю васъ отъ всего сердца за ваше расположеніе. Вотъ письмо, которое, надѣюсь, поддержитъ доброе ваше мнѣніе обо мнѣ. (*Подаетъ письмо.*)

Отчетинъ. Содержаніе его отчасти мнѣ извѣстно; но мы прочтемъ его вмѣстѣ, съ кѣмъ слѣдуетъ и — за отвѣтъ можно поручиться. Извините только, если мы васъ позадержимъ здѣсь.

Миловъ. Я совершенно въ вашей волѣ. И предписаніе начальства такъ милостиво, что я могу располагать своимъ временемъ и мѣстопребываніемъ.

Отчетинъ. По какой части вы присланы сюда?

Миловъ. По части военнаго поселенія. Но я все время могу пробыть здѣсь въ городѣ.

Отчетинъ. Тѣмъ лучше. А между тѣмъ, не уѣдетъ ли отъ насъ этотъ ревизоръ. Тогда Ѳома Ѳомичъ будетъ совершенно нашъ, а теперь онъ въ большихъ суетахъ: такъ ему ни о чемъ и не говори. Но я и забылъ: соловья баснями не кормятъ. Я васъ оставлю одного и приведу — съ кѣмъ вамъ будетъ веселѣе. (*Уходитъ.*)

Миловъ, (*одинъ.*) Дѣло идетъ хорошо, и я ободрился; а то первая встрѣча, признаюсь, очень странна была. — Надобно много духу, чтобы предстать на смотръ дѣвушкѣ объявленнымъ ея женихомъ. Это въ своемъ родѣ — стоитъ нашихъ военныхъ смотровъ. — Воображаю, какъ и она будетъ при мнѣ конфузиться, зная напередъ, зачѣмъ я пріѣхалъ. Но я что-то не въ шутку потрушиваю! Что мнѣ начать говорить? что? — ничего! Пусть меня спрашиваютъ. Добрый Василій Авдѣевичъ пусть поддерживаетъ. — Ахъ! ежели бы уже первое знакомство кончилось!

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

Анна Петровна, Отчетинъ и Миловъ.

Отчетинъ. Вотъ, сударыня, мой пріятель, Василій Николаевичъ Миловъ. Онъ привезъ письмо отъ Тимофея Ивановича — ну, вотъ то самое, которое мы теперь прочли. (*Отходитъ въ сторону и смотритъ на нихъ.*)

(Анна Петровна и Миловъ говорятъ съ замѣшательствомъ).

Миловъ, (*помолчавъ.*) Мнѣ очень пріятно, что я имѣлъ удовольствіе [illegible]о-

ставить вамъ письмо отъ Тимофѣя Ивановича...

Анна Петр. Благодарю васъ..... Здоровъ ли онъ?

Милов. Я его оставилъ здоровымъ.—(*Молчаніе.*)

Анна Петр. Вы дяденьку еще не видали?

Милов. Имѣлъ честь видѣть .. но... (*Молчаніе.*)Онъмнѣ сказалъ....(*Опять молчаніе.*)

Отчетинъ, (*подходя къ нимъ.*) Ха, ха, ха ха!—Что это значитъ? Скажите мнѣ: вы, сударь, человѣкъ военный, храбрый; знаки отличія это доказываютъ; вы, Анна Петровна, учились хорошо и на экзаменахъ не молчали: доказательство тому полученный вами шифръ за отличіе. А теперь вы оба хотите говорить, и все какъ то у васъ не ладится. Ха, ха, ха, ха!—Скажите, отъ чего бы это?

Анна Петр. Сегодня къ тому же и жарко...

Отчетинъ. Къ тому же? — Къ чему это?

Милов. Конечно... въ первый разъ...

Отчетинъ. Я вамъ лучше все растолкую. Вы, сударыня, берете первый урокъ въ наукѣ, которая доселѣ вамъ не была извѣстна, а уже даете въ ней экзаменъ. А вы, г. храбрый Маіоръ, привыкши покорять, теперь смиряетесь съ тѣмъ, чтобъ самому покорпться. Ха, ха, ха, ха!

Анна Петр. Пощадите...

Милов. Ахъ, другъ мой!

Отчетинъ. Постойте, постойте, молодые люди! Пока я теперь нуженъ, то буду вашимъ посредникомъ; а тамъ... со временемъ... разумѣется.... вы и меня, и все забудете. Кажется, что такъ... Съ чего бы начать, чтобы васъ въ разговоръ ввести? Да, знаю. — Часто ли вы бывали въ Институтѣ?

Милов. Довольно рѣдко. Послѣ того я только въ одномъ собраніи былъ, и то не на долго.

Анна Петр. Ахъ, если бы мнѣ удалось въ жизни еще разъ побывать тамъ! повидаться съ друзьями, обходить всѣ мѣста, гдѣ я росла, играла, рѣзвилась! — Ахъ, какая это жизнь была!

Отчетинъ. Вѣримъ, вѣримъ. На что же отчаливаться?—Можетъ быть, и скоро будете?

Милов. Ничего нѣтъ легче.

Отчетинъ. Видите ли? Г. Маіоръ знаетъ къ тому средство. Вотъ и хорошо; такъ мы къ нему и прибѣгнемъ.

Милов. Вы все нападаете...

Отчетинъ. Теперь-то наше время. Никогда человѣкъ не бываетъ такъ драгоцѣненъ, какъ въ то время, когда... чуть не проговорился — то есть, когда ему нечѣмъ защищаться противъ правды.

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Домна Ѳоминишна.

Домна Ѳомин. Гдѣ же гость нашъ?

Отчетинъ. Вотъ онъ, Домна Ѳоминишна.—Рекомендую вамъ, какъ тетушкѣ Анны Петровны, моего хорошаго пріятеля, г. Маіора Милова, Василья Николаевича.

(Милов почтительно ей кланяется.)

Домна Ѳомин., (*съ большими книксенами.*) Рекомендую себя, милостивый государь!—Какая для меня пріятная нечаянность. Я искала, или яснѣе сказать: думала здѣсь найти нашего знаменитаго пріѣзжаго, но вдругъ поражена новымъ явленіемъ. Вы, конечно, изъ штата ревизорскаго?

Милов. Никакъ нѣтъ, сударыня! Я не имѣю съ нимъ ничего общаго,— а имѣю здѣсь особое препорученіе.

Домна Ѳомин. Не новое ли какое слѣдствіе?

Милов. Напротивъ, сударыня; дѣло по военной части. И какъ главнѣйшее-мое пребываніе должно быть въ

городѣ, то я долгомъ почелъ искать знакомства г. градоначальника, и потому осмѣлился представиться вамъ.

Домна Ѳомин. Очень рада пріятному знакомству. Какъ теперь, по случаю необыкновеннаго происшествія, случившагося отъ пріѣзда вельможи, учредился различныя увеселенія, и сегодня объявленъ театръ и благородное собраніе, то я васъ прошу принять участіе и быть.

Милов. Съ величайшимъ удовольствіемъ, сударыня! Лестное приглашеніе.....

(Слышенъ изъ кабинета голосъ Пустолобова.)

Господинъ Городничій!

Домна Ѳомин.,(суетливо.) Ахъ, гдѣ братъ? — Его высокопревосходительство изволитъ кричать. (*Бѣжитъ его отыскивать и встрѣчается съ Городничимъ.*) Бѣги скорѣе; вельможа тебя изволитъ спрашивать.

Городничій. Я уже слышалъ.—Сейчасъ буду. (*Отправляется и входитъ въ кабинетъ.*)

Домна Ѳомин. Я полагаю, что во все время служенія брата моего, или яснѣе сказать: какъ находится онъ при сей должности, не было для него такаго критическаго положенія. Вообразите: безъ всякаго посредства лицомъ къ лицу, яснѣе сказать: прямо быть предъ такимъ великимъ человѣкомъ: это неподражаемо! Но и брата моего станетъ на это: онъ найдется на все.

Городничій, (выходитъ.) Его превосходительство желаетъ быть въ этой комнатѣ, и поручилъ мнѣ, чтобы никого не было, кромѣ тебя, сестрица. Онъ съ тобой о чемъ-то хочетъ говорить.

Домна Ѳомин. Со мной?—Что это такое? (*Охорашивается и поправляется.*)

Милов (Городничему.) И такъ, позвольте мнѣ, засвидѣтельствовавъ вамъ свое почтеніе, искать случая въ другой разъ.

Городничій. Послѣ проѣзда вельможи во всякое время; а теперь....

Отчетинъ. Напротивъ: мы его и теперь не отпустимъ; посидимъ въ диванной; Анна Петровна будетъ нашей хозяйкой, а намъ ничего больше и не надобно. Такіе баричи какъ вашъ, гость, не любятъ долго дѣломъ заниматься ,и потому онъ васъ скоро отпуститъ; тогда приходите къ намъ, мы поговоримъ о довольно важномъ.

(Уходитъ съ Анной Петровной и съ Миловымъ.)

Домна Ѳомин., Что бы это такое?— О чемъ онъ хочетъ говорить? Я смущаюся!....

Городничій. Чего ты безпокоишься! Вѣрно, послѣ дѣлъ хочетъ разсѣяться.

Домна Ѳомин., Однако же, братецъ, будь близко. Посуди: мнѣ, дѣвицѣ, имѣть свиданіе съ молодымъ человѣкомъ. Пожалуйста, будь близко.

Городничій. О, сестрица, сестрица! Давно бы пора тебѣ перестать объ этомъ думать. — Будетъ говорить вѣрно обо мнѣ; не забудь сказать о моей службѣ.

Домна Ѳомин. О! непремѣнно,— Эсѳирь не забудетъ о Мардохеѣ.

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Пустолобовъ. Городничій бросается отворить ему дверь.

Пустолобовъ. Оставьте насъ, любезный Городничій, съ вашей сестрицей, но будьте близко; я къ вамъ имѣю дѣло.

Городничій. Слушаю-съ. (*Уходитъ.*)

Пустолобовъ, (подавая стулъ.) Позвольте просить. (*Садятся.*) Дѣло, о которомъ мнѣ нужно съ вами говорить, требуетъ большихъ объясненій: на что нужно время, котораго у меня, по причинѣ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, лишняго нѣтъ, и потому, оставляя всѣ

излишнія пустословія, приступлю со всею краткостью и ясностію, и васъ покорнѣйше прошу быть сомною откровенною и рѣшительною.

Домна Ѳомин., Ахъ, ваше превосходительство! Я во всякомъ случаѣ весьма рѣшительна; многіе о семъ подтвердятъ; и постараюсь быть откровенною, сколько мой полъ и положеніе позволятъ.

Пустолобовъ. Занимаясь, по управленію государственному, мы, знатные, не имѣемъ времени подумать о себѣ; оттого я собственно себя еще не устроилъ. Бывъ у васъ въ домѣ, мнѣ случайно пришла мысль, что у насъ при дворѣ не достаетъ одной дамы для наполненія придворнаго штата. Имѣя обязанность исправлять всѣ безпорядки, я размышлялъ, что удобнѣе всего я могу пополнить этотъ недостатокъ—женясь. И какъ я рѣшителенъ, то окинувъ глазами присутствующихъ, выборъ мой немедленно былъ сдѣланъ. Объясниться съ братомъ вашимъ мнѣ не такъ ловко, потому что онъ, какъ подчиненный, дастъ свое согласіе иногда противъ воли избранной мною особы; что мнѣ не нравится. Мы, вельможи, любимъ во всемъ свободу. Поэтому то я рѣшился говорить съ вами прямо о согласіи.

Домна Ѳомин., *въ восторгѣ.* Благодарю чувствительнѣйше за честь.—Ваше предложеніе,—конечно....

Пустолобовъ. Обыкновенные люди всѣ дѣла свои ведутъ обыкновеннымъ образомъ, даже и женитьбу; но нашего разбора чиновники не подвержены общимъ правиламъ. Смѣшно было бы, если бы я началъ говорить о любви, о нѣжностяхъ. О, какъ бы этому смѣялся дипломатическій корпусъ всей Европы!—Говорить о состояніи, званіи и могуществѣ моемъ, почитаю излишнимъ: кто этого не знаетъ?—Я говорю прямо и рѣшительно: я долженъ жениться для обстоятельствъ; дѣвица, могущая занять назначаемое въ высшемъ кругу мѣсто, мною найдена; политическіе виды требуютъ мгновеннаго исполненія. —Но я на весь церемоніялъ могу отложить часъ—многодва. Во избѣжаніе всѣхъ пустословій, мнѣ нужно предварительно ваше согласіе...

Домна Ѳомин., (*съ стыдливостью.*) Ахъ, В. Прв.! — Уважая критическое положеніе, или яснѣе сказать: состояніе дѣлъ Европы, и изъ почтенія къ дипломатическому корпусу, я поспѣшаю изъявить свое согласіе, или яснѣе сказать: я согласна—и вотъ—рука....

Пустолобовъ, (*взявъ ее за руку*). Благодарю васъ. Но поспѣшите все дѣло кончить. Тайна и поспѣшность необходимы. Я готовъ; идите, устройте все съ невѣстою.—

Домна. Ѳомин., (*задыхаясь*). Ка—какъ?—съ—невѣстою?

Пустолобовъ. Поспѣшите склонить ее къ скорѣйшему окончанію, и если нужно, я скажу Городничему, Онъ, какъ дядя, поспѣшитъ.—

Домна Ѳомин., (*также*). Это—это Анюта?—Наша племянница?

Пустолобовъ. Знавъ, что вы однѣ располагаете ея волею, я къ вамъ и отнесся. Идите и поспѣшайте устроить все. Извѣщайте меня секретно обо всемъ. Повторяю вамъ: тайна и поспѣшность очень нужны въ этомъ случаѣ.

Домна Ѳомин. Я такъ сконфужена. Конечно, честь...

Пустолобовъ. Пожалуйте, спѣшите и принесите мнѣ благопріятный отвѣтъ. Я отложилъ всѣ занятія для этого и долженъ отправить курьера съ извѣстіемъ о моемъ бракѣ. (*Съ усмѣшкою.*) Я знаю, что петербургскимъ докторамъ доставляю много занятій—но—нечего дѣлать! Государственный человѣкъ живетъ не для своихъ видовъ!—Не сказать ли объ этомъ брату вашему? Онъ будетъ содѣйствовать.

Домна Ѳомин. Нѣтъ, ваше превосходительство, предоставьте мнѣ все кончить.

Пустолобовъ. Дѣйствуйте, какъ вамъ угодно, только скорѣе къ концу и секретнѣе; хотя публика здѣсь и не велика... но...

=

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Городничій.

Городничій. Извините, ваше превосходительство, что безъ доклада. Почтовый экспедиторъ съ важными бумагами...

Пустолобовъ, (*будто съ сердцемъ.*) Ну, что у него тамъ за важности?—Развѣ не получено ли чего? Введите. (*Городничій вводитъ экспедитора*).

Печаталкинъ. Вотъ бумаги, сейчасъ полученныя съ нарочной эстафетой.— (*Подаетъ пакеты*).

Пустолобовъ. Очень хорошо. Получилъ. — Оставьте насъ. (*Печаталкинъ уходитъ*).

Пустолобовъ, (*распечатываетъ и бѣгло прочитавъ*). Такъ. Изъ Петербурга. Я этого и ожидалъ; но какъ поздно хватились. (*Домикъ Ѳоминишны.*) Теперь, сударыня, прошу васъ дѣйствовать по моему порученію и скорѣе увѣдомить объ исполненіи. Запрещаю вамъ открывать братцу вашему до времени. (*Городничему.*) Надѣюсь что вы будете благоразумны, и не захотите развѣдывать о дѣлахъ не относящихся къ вамъ; я вамъ самъ послѣ открою.—До свиданья, сударыня! Прошу васъ—хоть завтра. (*Д. Ѳ. уходитъ.*) Вотъ, любезный Городничій, участь казначея въ моихъ рукахъ. Опишите мнѣ, какой онъ человѣкъ?

Городничій. Хорошій, честный человѣкъ; трудолюбивъ, знаетъ свое дѣло и давно занимаетъ мѣсто, всегда съ отличіемъ. Недостаточный человѣкъ, и притомъ жена и шесть человѣкъ дѣтей.—Я осмѣливаюсь ходатайствовать.—

Пустолобовъ. Но что же я могу сдѣлать? Вотъ бумага иностраннаго министерства. На меня возлагаютъ произвести тонкую, только мнѣ извѣстную, хитрость, и для этого назначаютъ десять тысячь.— Вотъ по финансовой части прислано открытое предписаніе выдать мнѣ деньги, гдѣ я вздумаю получить. Но я имъ сдѣлаю экономію: я возьму только девять тысячь. (*Съ жаромъ.*) Но мнѣ нужны сейчасъ деньги, сейчасъ — или все упущено; и послѣ, — ни чинами, ни крестами не вознаградишь.—Бѣдный казначей!— Дайте мнѣ офицера; я сейчасъ пошлю въ Петербургъ.

Городничій. Ваше превосходительство! Осмѣлюсь доложить: не можно ли изворотиться?—

Пустолобовъ. Какъ вы тутъ изворотитесь, любезный Городничій! Деньги хотя и пустыя, но нужны сей же часъ; казначея на мѣстѣ нѣтъ. Что же я долженъ дѣлать? Неужели чрезъ доброту свою оставить въ исторіи сомнѣніе на счетъ моей проницательности и дѣятельности?—

Городничій. Ваше превосходительство! Городокъ нашъ хотя не великъ, но часть суммы можно найти. Осмѣливаюсь увѣрить, что казначей завтра очень рано явится, и тогда можно будетъ занятыя деньги пополнить.

Пустолобовъ. Но ручаетесь ли вы за успѣхъ? Сохранится ли это все въ величайшемъ секретѣ. Отвѣчаете ли мнѣ за все?

Городничій. Головою моею отвѣчаю, ваше превосходительство!—Деньги чрезъ два часа будутъ; я займу на свое имя; казначей завтра выдастъ, и все пополнится.

Пустолобовъ. Охъ, какъ я боюся займа! Скажите, вы опекунъ вашей племянницы и ея имѣнія? Неужели такой бездѣлицы нѣтъ у васъ въ наличности?

Городничій Опекунъ имѣнія не я, а другой, который всѣ деньги взноситъ въ Банкъ, и недавно еще отправилъ.

На содержаніе ея хоть и есть сумма, но не болѣе пяти сотъ рублей.

Пустолобовъ, (въ размышленіи). Въ Банкъ! — Пять сотъ — *(скоро.)* На эстафеты довольно. Пожалуйте мнѣ ихъ. — Я уже проученъ издерживать свои. Начальникъ подъ видомъ шутки относитъ все къ пожертвованіямъ; но я благодаренъ; такихъ пожертвованій набираются сотни тысячь. Одолжите мнѣ 500 р. и я вамъ дамъ сейчасъ росписку.

Городничій. Помилуйте, ваше превосходительство! На нѣсколько часовъ росписку? Къ чему это?—Сейчасъ бѣгу и скоро доставлю всѣ пять тысячь.

Пустолобовъ. Ахъ, любезный Городничій!—Нѣтъ награды, которой бы вы не въ правѣ требовать. Вы не знаете, какъ важно дѣло, которому вы такъ много способствуете. Вмѣстѣ съ деньгами приготовьте записку и о наградѣ. И такъ —поспѣшите.

Городничій, кланяется. Для меня и то уже лестно, что я имѣлъ счастіе обратить вниманіе вашего превосходительства. Я спѣшу... *(Хочетъ итти.)*

Пустолобовъ, вдругъ вспомнивъ. Постойте!—Самое важнѣйшее!—Необходимость требуетъ приказать мнѣ вамъ строжайше: чтобы никто въ городѣ не былъ впущенъ и выпущенъ изъ него безъ вашего вѣдома, по моему повелѣнію. Поспѣшите это устроить основательно. Никого на свѣтѣ! Подъ строжайшею отвѣтственностью: такъ должно.—Деньги же 500 р. какъ я получу?

Городничій. Немедленно отъ сестры моей. Я иду сказать ей объ этомъ.

Пустолобовъ. Потомъ поспѣшите какъ можно на счетъ города.

(Городничій уходитъ.)

Прекрасная мысль нечаянно мнѣ пришла въ голову: запереть городъ, чтобы не извѣстны стали мои проказы, пока я все кончу. Ха, ха, ха, ха! Мой планъ, благодаря дуракамъ, идетъ очень удачно. Сестра Городничаго убѣдитъ робкую институтку быть знатною дамою.— Надобно очень спѣшить женитьбою; деньги уже есть. Женясь, принесу повинную—много что отрѣшатъ; заживу въ деревнѣ барином и буду доволенъ— и здѣсь уважаемъ. Нельзя, кажется, сомнѣваться, чтобы невѣста отказала. Вѣдь очень лестно попасть въ высшій кругъ и сдѣлаться знатною дамою. *(Хохочетъ.)* На мой вѣкъ дураковъ станетъ.

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

Пустолобовъ и Домна Ѳоминишна.

Домна Ѳомин., (отдавая бумаги.) Братъ мой поручилъ мнѣ лично вручить вашему превосходительству.

Пустолобовъ, (принимая поспѣшно.) А! Благодарю васъ. Надѣюсь скоро также благодарить и за доставленіе мнѣ пріятнѣйшихъ извѣстій по другому предмету. Каково идутъ наши переговоры?—

Домна Ѳомин. Очень удачно. Но какъ здѣсь есть нѣсколько лицъ, которыя могутъ во всемъ помѣшать, то племянница проситъ дѣйствовать сколько можно секретнѣе, яснѣе сказать: таинственнѣе; и мы теперь располагаемъ планъ. —

Пустолобовъ. Ахъ, поспѣшите, пожалуйста! Время проходитъ, а я еще не женатъ. Что скажетъ исторія?

Домна Ѳомин. Ей можно объяснить, что посторонніе лица мѣшали.

Пустолобовъ. Не то. Что скажетъ ожидающая Европа?

Домна Ѳомин. Честное вамъ слово даю, что нынѣшній вечеръ вы успокоите Европу своимъ бракосочетаніемъ съ прелестною, яснѣе сказать: съ милою особою.

Пустолобовъ. О какъ я вамъ благодаренъ!—Поручаю вамъ устроивать все, и буду ожидать отъ васъ извѣстій. — Иду отправлять эстафеты къ разнымъ

дворамъ Европы. Я долженъ ихъ успокоить. Смотрите, чтобы я не введенъ былъ въ хлопоты?

Домна Осмин. Не бойтесь; надѣйтесь и ожидайте всего—отъ меня. *(Пустолобовъ уходитъ.)* Я лучше устрою дѣла Европы, нежели ваше высокопревосходительство ожидаете.—Пообдумавъ еще—смѣлѣе—смѣлѣе—и все удастся.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Домна Осминишна и Шаринъ.

Шаринъ, торопливо. Домна Осминишна!—Сдѣлайте милость, скажите, гдѣ Осма Осмичъ?—Вотъ нарочный прискакалъ отъ губернатора съ пакетомъ, надписано: въ собственныя руки, секретно, о дѣлѣ великой важности. И нигдѣ не найду г. Городничаго.

Домна Осмин. Онъ уѣзжая сказалъ, что отправляется въ секретную экспедицію; однако же здѣсь въ городѣ.

Шаринъ. Знаю; иначе бы теперь намъ долго его ждать, какъ вотъ я запру всѣ заставы. Не будетъ ли онъ хотя къ театру?

Домна Осмин. Я ни о чемъ не знаю и знать не хочу. Все теперь ниже меня. *Уходитъ.*

Шаринъ одинъ. Что это значитъ, что ниже ея? — А мнѣ какое дѣло. У меня своихъ заботъ много; тутъ бумага большой важности: нужно отыскать Городничаго. Тутъ повелѣніе отъ ревизора вельможи: подъ строжайшею отвѣтственностью никого не впускать и не выпускать изъ города.— Вотъ тутъ мы себя покажемъ. Ни червь не проѣзжъ. Да все это мало для отличія. —Ахъ, какъ бы Городничій позволилъ ночью поджечь избёнку какого бѣднаго обывателя!—Тутъ бы крикъ, тревога, суматоха.—Ревизоръ бы взбѣгался: гдѣ полиція, гдѣ полиція? —А я бы, давъ погорѣть, тутъ изъ за угла на него трубою, трубою, которую на первый случай изрядненько исправили. Тутъ навѣрное пошло бы обо мнѣ представленіе—орденъ — здѣсь въ глуши нашему брату..только фальшивою тревогою и взять. –

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Отчетинъ (одинъ.) Что за безтолковщина!—Понять не могу. Городъ запертъ, какъ отъ непріятеля: ни въѣхать, ни выѣхать никому не позволяется. Градоначальникъ нашъ гдѣ-то скрылся: мнѣ нужно было переговорить о дѣлахъ, не знаю, гдѣ его и взять. Домна Осминишна все сидитъ запершись; не съ кѣмъ слова молвить. Женихъ между страхомъ и надеждою, ждетъ своего рѣшенія и говорить ни о чемъ не можетъ; невѣста подъ однимъ градусомъ: все будто булавки по полу считаетъ; смотритель, какъ угорѣлый, разставляетъ кулисы и слышать ни о чемъ не хочетъ; экспедиторъ молчитъ, да улыбается. Одинъ судья, беззаботная голова! –Не смотря, что ревизоръ на шеѣ, спитъ преблагополучно и не растолкаешь его!—Охъ! Да что-то этотъ ревизоръ подозрителенъ мнѣ!—За то всѣ въ городѣ трепещутъ, и только и рѣчей, что о Пустолобовѣ.—

ЯВЛЕНІЕ II.

Анна Петровна и Отчетинъ.

Отчетинъ. Эй, Анна Петровна, увѣряю васъ, худо будетъ. Привыкнететакъ поникши держать голову, такъ и при счастьѣ все будетъ казаться, что вы грустите? Будьте повеселѣе; не унывайте.—Не привезъ ли вамъ этой заразы нашъ Маіоръ? Онъ что-то охаетъ, какъ арестованный. Не проводить ли его поскорѣе обратно?—

Анна Петр. Нѣтъ—не то.....

Отчетинъ. Ну, оставимъ, оставимъ. Только вотъ видите; между вами есть симпатія. Вы не веселы и онъ грустенъ; сдѣлайтесь повеселѣе, поглядите на него умильно — и онъ отъ радости запрыгаетъ.—Глядя на васъ, и мой грусть пройдетъ, и я буду готовъ прыгать и скакать.

Анна Петр. О доброй мой Василій Авдѣевичъ! Благодарю васъ за всю вашу любовь и усердіе ко мнѣ.—Но скажите, какъ мнѣ не грустить? Кто изъ родныхъ входитъ въ мое положеніе?—Не только совѣтъ дать, они не примѣчаютъ, существую ли я, и кто-такой и за чѣмъ пріѣхалъ. — О, ежели бы живы были теперь мои родители! Я бы ни о чемъ не грустила и ничего не обдумывала. Ожидала бы слова исполнила бы волю ихъ, и была бы счастлива.

Отчетинъ. Именемъ родителей, друзей моихъ, заклинавшихъ меня имѣть попеченіе о счастьѣ вашемъ — совѣтую: рѣшиться на желаніе сердца вашего, исполнить по немъ. — Устами ихъ предсказываю вамъ постоянное счастье.

Анна Петр. Желаніе сердца моего?—О какъ оно непзъяснимо!—Кто мнѣ его истолкуетъ?

Отчетинъ. Мы его сейчасъ испытаемъ. Согласны ли вы отказать Милову? — Говорите откровенно: и передъ кѣмъ же вамъ быть откровенною, какъ не передъ другомъ.

Анна Петр. Правда. Въ васъ имѣю я только друга и вамъ открою душу мою.—При мысли отказать Милову, какая-то грусть стѣснетъ меня.

Отчетинъ. Ну, такъ давайте ручку — я ему скажу, что должно....—

Анна Петр. Ахъ, нѣтъ!—боюсь.—

Отчетинъ. Отъ чего же?

Анна Петр. Я его очень мало знаю

Отчетинъ. На это есть средство. Мы его сблизимъ съ собою; онъ будетъ всегда съ нами; будемъ его узнавать, замѣчать.

Анна Петр. Также боюсь.

Отчетинъ. Тутъ же чего?

Анна Петр., (*съ стыдливостію.*) Пристрастія.—

Отчетинъ. О! Знакъ добрый!—Теперь вы молчите, не вмѣшивайтесь ни во что; я буду его испытывать со всѣмъ вниманіемъ нѣжнѣйшаго отца, и послѣ скажу вамъ безпристрастное о немъ сужденіе. (*Анна Петр. вздыхаетъ.*) Не тужите, не тужите. Судъ мой будетъ согласенъ съ вашимъ сердцемъ, которое уже все предусмотрѣло и рѣшило.

Анна Петр. Поспѣшность его меня пугаетъ.

=

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Миловъ.

Отчетинъ. Что, г. Маіоръ? Вы сказали, что идете осматривать городъ: каковъ онъ вамъ показался?

Миловъ. Признаюсь, я былъ у себя въ квартирѣ.—

Отчетинъ. И ничего не дѣлали. Съ уходомъ своимъ заставили и насъ скучать.

Миловъ. Неужели я могу доставлять удовольствіе, не бывъ здѣсь никому извѣстенъ?

Отчетинъ. Почему же?—Есть люди, которые объ васъ хорошо думаютъ, и

надѣются, узнавши совершенно, что не ошиблись въ мнѣніи своемъ.

Миловъ. Ежели я такъ счастливъ, что особы, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе моей участи, принимаютъ во мнѣ участіе —

Отчетинъ. Браво, Маіоръ! Вотъ вы и повеселѣли! Это я люблю. — Анна Петровна! Будьте же и вы повеселѣе; не нагоните тоски нашему гостю, чтобы онъ не жаловался послѣ Добротворову на худой пріемъ.

Анна Петр. Я очень бы желала, чтобъ вамъ у насъ не было скучно.

Отчетинъ. Не будетъ, не будетъ: я это знаю. Будьте только вы веселы! — О, еслибы намъ сжить этого несноснаго — кто онъ — тогда дядюшка нашъ переродится, тогда онъ будетъ нашъ; узнаетъ васъ и будетъ во всемъ содѣйствовать.

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Домна Ѳоминишна.

Домна Ѳомин. Скажите, пожалуйте, не спрашивалъ ли кто меня?

Отчетинъ. Нѣтъ, сударыня; а вы сами очень кстати пожаловали. — Мнѣ очень нужно съ вами переговорить о важномъ дѣлѣ.

Домна Ѳомин. Скажите, о чемъ это? Я сгараю отъ нетерпѣнія. Я все важное люблю, яснѣе сказать: интересуюся имъ.

Отчетинъ. Здѣсь таиться нечего. Ищутъ руки нашей Анны Петровны.

Дом. Ѳомин., (*перерывая его.*) Бога ради, замолчите. Это величайшая тайна! — Какъ вамъ открыто? — Это важнѣйшая тайна!

Отчетинъ. Да что тутъ...

Дом. Ѳомин., (*ему въ полголоса.*) Однимъ словомъ, я умоляю васъ объ этомъ ни полслова до времени не говорить. (*Въ слухъ.*) Аннота, будь пожалуста, безвыходно въ диванной и гостей проси туда. Займи ихъ тамъ.

(Анна Петровна проситъ гостей въ другую комнату.)

Отчетинъ, (*отходя.*) Что за безсмыслица здѣсь происходитъ!

Дом. Ѳомин., (*одна.*) Неужели наша тайна открыта? Надобно спѣшить — спѣшить къ моему благополучію.

=

ЯВЛЕНІЕ V.

Домна Ѳоминишна и Пустолобовъ.

Пустолобовъ. Какъ я радъ, сударыня, что нахожу васъ однѣхъ. — Надѣюсь, что вы скажете мнѣ что нибудь на счетъ общаго нашего дѣла? — Что говоритъ ваша племянница?

Дом. Ѳомин. Я искала васъ, чтобы объявить вамъ все, яснѣе сказать: объявить рѣшеніе судьбы вашей. Время дорого, я потому сокращая все, скажу вамъ безъ предисловій: она внѣ себя, въ чрезвычайномъ восторгѣ отъ неимовѣрной чести. Но какъ здѣсь ея опекунъ, котораго согласіе хотя и не нужно, но впрочемъ необходимы съ нимъ объясненія, то во избѣжаніе всего, яснѣе сказать: въ отвращеніе препятствій, она, руководствуясь стыдомъ, скромностію и свойственною стыдливостію, хочетъ уйти, яснѣе сказать: съ вами тайно уѣхать и секретно обвѣнчаться.

Пустолобовъ. Ахъ, какая умная дѣвица! Я видно не ошибся въ выборѣ. Но когда и какъ уѣхать и гдѣ намъ обвѣнчаться? Я здѣсь ничего не знаю: руководствуйте вы во всемъ — вмѣстѣ же и для вашего благополучія.

Домна Ѳоминишна. Все нами придумано и расположено, какъ нельзя лучше. — Едва лишь горизонтъ покроется мракомъ, яснѣе сказать: смеркнется, коляска ваша должна быть готова; вы

ожидайте невѣсту въ этой комнатѣ. Я распоряжусь, чтобы здѣсь было темно; взявъ ее отъ меня, вы скачете въ село Никольское, шесть верстъ отсюда. Тамъ не пожалѣйте ста рублей и васъ безъ всякихъ справокъ въ полчаса обвѣнчаютъ; ужъ были примѣры.

Пустолобовъ, (*съ радостію.*) Вы мой благодѣтельница! Вы дадите мнѣ случай выиграть очень много по нашей министеріи. Въ благодарность, я васъ введу въ высшій кругъ вы будете знатная дама; имя ваше будетъ въ исторіи — и далѣе, далѣе.

Дом Ѳомин. Стало быть, вы полагаете меня могущею, яснѣе сказать: имѣющею даръ быть въ высшемъ кругу.

Пустолобовъ. О! Безъ всякаго сомнѣнія. Вы будете украшеніемъ нашего высшаго круга. Но поспѣшимъ приготовленіемъ.

Дом. Ѳомин. Еще одно условіе: взявъ свою невѣсту, вы во все время дороги не говорите съ нею, яснѣе сказать: наблюдайте строгое молчаніе. Когда вся тайна откроется, вы получите за то вознагражденіе. Она очень стыдлива и потому и во время вѣнчанія будетъ молчать. Движеніемъ руки, яснѣе сказать: помаваніемъ головы, она подтвердитъ клятву вѣчной вѣрности. — Отсюда не должно никого брать: свидѣтелей, или яснѣе сказать: шаферовъ, мы тамъ найдемъ въ дѣтяхъ священника. — О, какъ обрадуется, яснѣе сказать: восхитится добрый братъ мой, когда съ возвращеніемъ вашимъ сюда узнаетъ, что устроено счастіе любимой имъ особы, и онъ самъ яснѣе сказать: возведенъ на высшую степень чести! И такъ, я васъ оставляю для приведенія всего къ окончанію подъ непроницаемою завѣсою тайны. — Обожаемый вами предметъ скоро явится въ назначенное мѣсто.

Пустолобовъ. Все исполню по нашему условію. Сейчасъ прикажу, чтобы лошади были готовы. Поспѣшите и вы окончаніемъ: уже становится темно.

Дом. Ѳомин., (*отходя, съ многими книксенами.*) Иду — поспѣшу — и устрою общее наше благополучіе.

Пустолобовъ., (*одинъ.*) Славно все идетъ.—О счастье, пожмурься еще хоть полчасика и доведи меня до цѣли моихъ желаній; а тамъ... ступай себѣ куда хочешь, ищи подобныхъ мнѣ смѣльчаковъ, ежели только скоро найдешь!— (*Къ дверямъ.*) Эй! — Кто тамъ есть? — Пошлите ко мнѣ полицейскаго офицера.

Шаринъ, (*вбѣгаетъ.*) Я здѣсь, ваше превосходительство! За отсутствіемъ Городничаго исправляю его должность. Что изволите приказать.

Пустолобовъ. Сію минуту... спросить почтовыхъ добрыхъ шестерку лошадей съ надежными ямщиками, которые бы знали всѣ ближнія селенія. Исполнить, не разглашая о томъ никому, и когда будетъ готово, донести мнѣ. Слышишь?...

(Уходитъ.)

Шаринъ. Слушаю-съ... Заваривается видно каша и въ уѣздѣ. (*Идетъ, но Анна Петровна его останавливаетъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

Анна Петровна и Шаринъ.

Анна Петровна., (*останавливая Шарина.*) Постойте минуту. Скажите пожалуйста, гдѣ мой дядюшка?

Шаринъ. Не могу знать; онъ въ секретной откомандировкѣ.

Анна Петр. Не знаете ли вы, по-крайней-мѣрѣ, скоро ли онъ возвратится, или не можете ли вы мнѣ его отыскать?

Шаринъ. Никакъ не могу ничего сдѣлать. Бѣгу за лошадьми; ревизоръ сейчасъ ѣдетъ.

(Уходитъ.)

Анна Петр., *(одна.)* Такъ онъ уже скоро ѣдетъ?... Надобно и мнѣ дѣйствовать. Развязка приближается. Тетушкинъ планъ превосходенъ... Хорошо ли я дѣлаю?... Даже боюсь посовѣтоваться съ моимъ опекуномъ. Послѣ увѣдомлю его обо всемъ... Что-то скажетъ Миловъ, узнавъ о моемъ поступкѣ?... Ежели бы я была безъ состоянія, и я была бы покойна... и всѣ. Самъ Миловъ не пріѣхалъ бы сюда искать руки моей... Да... ежели...

(Задумывается.)

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

Анна Петровна, Отчетинъ и Миловъ.

Отчетинъ. Что это, Анна Петровна?... Вы вышли за тетушкою, сказавъ, что скоро къ намъ возвратитесь, а вмѣсто того, находимъ мы васъ одну и въ задумчивости... Что это значитъ?

Анна Петр. Много, мой почтеннѣйшій Василій Авдѣевичъ! Что я узнала! — На что рѣшаюсь! — Такъ должно. Не вините меня, не узнавъ всего подробно. И противъ васъ я виновата, что безъ вашего совѣта рѣшаюсь... но такъ должно... Я буду къ вамъ писать... Вы вѣрно пожалѣете обо мнѣ... Такъ должно.

(Скоро уходитъ.)

Отчетинъ, *(въ большомъ удивленіи.)* Что это такое?

Миловъ. Можетъ быть, это предлогъ избавиться отъ меня? Ясно вижу свое несчастіе.

Отчетинъ, *(въ мысляхъ.)* Не знаю... не знаю... право, не знаю!... Впрочемъ откроется же... и какъ бы не вышли пустяки. Не унывай, Маіоръ! Женщины всѣ женщины, и во всякомъ случаѣ, всегда женщины... Вѣрно канареечка, собачка или тому подобное больна, такъ стыдясь своей слабости, говоритъ загадками.

(Миловъ вздыхаетъ и удаляется къ сторонѣ.)

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Спалкинъ.

Спалкинъ. Мое почтеніе!... Стало я хорошо сдѣлалъ, что не встянулъ на себя мундира... вотъ вы, Василій Авдѣевичъ, во фракѣ же.

Отчетинъ. Къ чему же мундиръ?

Спалкинъ. Какъ же? Такая важная особа? Собираясь въ квартирѣ чиновника, хотя и на его счетъ, должно бы...

Отчетинъ. Вы собираетесь не на службу: къ чему же тутъ формы?

Спалкинъ. Хорошо, какъ не примѣтитъ!... Скажите, пожалуйте, кто онъ? Кто говоритъ, что онъ ревизоръ, посланникъ, съ необыкновенной властію и силой, а ни кто настоящаго не знаетъ.

Отчетинъ. Онъ... Пустолобовъ, и вѣрно ничего больше.

Спалкинъ. О, да умная голова! Я попостившись до двухъ часовъ, признаюсь, акуратно обѣдалъ, такъ мало вслушивался о чемъ онъ говорилъ; но онъ говорилъ о многомъ, и все умно и безостановочно. Да! выбрали голову послать.

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Матрена Степановна и Эйженіи, въ большомъ убранствѣ.

Матр. Степан. Часъ соединенія насталъ. — Минута моего восторга приблизилась. Наконецъ мы скоро будемъ въ храмѣ изящности.

Эйженіи, *(вошла просто, но увидя Милова, начала манериться и выказывать себя.)* Ou sont notres belles dames? — Позвольте узнать? — *(Съ насмѣшкою.)* Я думаю, M-lle Annete ожидаетъ меня, чтобы кончить свой коафюръ.

Отчетинъ. Анна Петровна еще съ утра одѣта; а теперь занимается... по хозяйству.

Эйжени, (хохочетъ.) Вѣрно приготовляетъ чай.

Спалкинъ. И могу сказать, что она большая въ этомъ мастерица.

Матр. Степан. Превосходительная особа изволила ли окончить свой отдыхъ!

Отчетинъ. Кто его знаетъ?

Матр. Степан., (увидя Милова.) Вы, милостивый государь, конечно изъ свиты его графскаго сіятельства?

Миловъ. Никакъ нѣтъ, сударыня! Я ни въ чьей свитѣ; я проѣзжій...

Спалкинъ, (Милову.) Позвольте вамъ рекомендоваться. Я здѣшній судья... Это васъ мы давича приняли за ревизора? Желаю вамъ дослужиться, чтобы быть на его мѣстѣ. Откуда и куда Богъ несетъ?

Миловъ. Изъ Петербурга, сударь, въ здѣшній уѣздъ, по дѣламъ службы.

Матр. Степан. Въ такомъ обстоятельствѣ позвольте и мнѣ къ вамъ адресоваться. Я здѣшняя дама, а это – дочь моя. *(Миловъ имъ откланивается).* Теперь безъ сомнѣнія вы глубоко чувствуете тягость службы?

Миловъ. Почему же, сударыня?

Матр. Степан. Какъ же?... Изъ столицы вкуса быть брошену въ такую уединенную даль... Не правда ли, что когда разнообразность веселій, дѣйствуя нравственно на утонченность вкуса нашего, ведетъ насъ къ познанію мрачностей, въ такомъ случаѣ уединеніе отягощаетъ всѣ желанія наши, потому что одинъ мудрецъ сказалъ: въ гостяхъ хорошо, но дома лучше. Я думаю, что въ этомъ даже и вы согласны со мною.

Миловъ, (въ замѣшательствѣ). Я... не умѣю вамъ отвѣчать... потому что...

Матр. Степан. Это обыкновенная увертка людей знающихъ свѣтскость, дабы не противорѣчить прекрасному полу.

Отчетинъ. Но я, сударыня, не согласенъ съ вами, потому что утонченность вкуса нашего, дѣйствуя на фибры души нашей, развлекаетъ тонкость ощущеній, отъ чего и выходитъ, какъ сказалъ также одинъ мудрецъ: вздоръ вздоромъ помножить, выйдетъ чепуха. Неужели не видите, сударыня, что это истинная правда?

Матр. Степан. Ахъ!... теперь вижу ясность истины—и съ вами соглашаюсь.

Отчетинъ, (Милову тихо.) Вотъ какъ съ ней надобно говорить. *(Смѣются оба тихо.)*

Эйжени, (съ жеманствомъ къ Милову.) Вы недавно изъ Петербурга?

Миловъ. Дней десять, сударыня.

Эйжени. Ахъ! Это безподобно! — Я вами завладѣю: вы мой кавалеръ. Вы знаете новыя фигуры въ котильонѣ, въ мазуркѣ, C'est charmant! Здѣсь въ городѣ нѣтъ дѣвушки, которая ловче бы меня танцовала. Я училась въ пансіонѣ М. Вашёръ, и была тамъ первою танцовщицею. —И такъ какъ по сей части я здѣсь хозяйка, то васъ, пріѣзжаго гостя, ангажирую. Нынче у насъ балъ. Скажите, не отстала ли я въ своемъ костюмѣ отъ петербургскихъ модъ? Пожалуйста, будьте со мною откровенны.

Миловъ. Благодарю васъ, сударыня, за позволеніе и довѣренность. Я видѣлъ въ Петербургѣ дѣвицъ, одѣвающихся — подобно вамъ.

Эйжени. Voila comme je suis. А я еще не была въ Петербургѣ, но одѣваюсь по журналамъ, и какъ удачно потрафила... Dites moi la verité, comment...

Миловъ Позвольте мнѣ предварить васъ, сударыня, я не говорю и не понимаю по французски.

Эйжени. Ахъ, какъ это можно? *(Въ сторону.)* Онъ хитритъ; тѣмъ лучше для меня. *(Будто сама съ собою, пѣвуче.)* Si gentil, si charmant, si beau..... И неужели не говорите?

Миловъ. И не учился вовсе. Также точно я и танцовать не учился...

Эйжени. Ахъ, это невозможно! Позвольте мнѣ при первомъ случаѣ васъ

испытать. *(Будто въ сторону.)* Comme il est charmant!... Pauvre coeur... pauvre Eugenie!

Матр. Степан. Позвольте адресоваться къ вамъ на счетъ изящной словесности. Какому изъ журналовъ въ первѣйшей столицѣ отдаютъ преимущество: Телеграфу, или Дамскому Журналу?

Миловъ. Это сударыня, московскіе журналы. Мы въ Петербургѣ читаемъ свои, и довольны ими.

Матр. Степан. Но нѣтъ; согласитесь съ моимъ воображеніемъ, что картинки спхъ журналовъ помрачаютъ всѣ петербургскія изданія. А картинки Дамскаго Журнала прелесть въ своемъ родѣ. Тамъ все оттѣнено, всякая складочка, всякая булавочка... Вотъ я одѣта по послѣдней картинкѣ. Моя Евгаша... то есть Евжа... *(Къ дочери.)* Какъ?... Да, Евжанія... она одѣвается, извлекая все изящное изъ обоихъ и соединяетъ въ себѣ одной.

Спалкинъ. Стало, оба спорящіе журналисты примиряются на плечахъ Евгеніи Кузминишны.

Миловъ. Ежели бы издатели знали, что въ такой отдаленности и такъ горячо интересуются ихъ картинками, то это бы ихъ развеселило.

Эйжени, (во все время мастерившаяся, смотрѣвшая всегда на Милова, дѣлавшая ему глазки, вздыхавшая, старающаяся всегда быть возлѣ него, говорить, будто въ сторону.)

Ah! comme il est charmant! J'ai perdu ma tête. Voila à présent je sais que ce que l'amour!

Матр. Степан. Что ты, Евгаша?.. Не голова ли болитъ?

Эйжени (жеманно, все смотря на Милова.) Я не знаю: со мною что-то необыкновенное... внутренній жаръ... холодъ... я вся въ смятеніи.

Спалкинъ. Вотъ бы я не совѣтовалъ вамъ ѣхать въ театръ. Духота и чадъ отъ плошекъ, сквозной вѣтеръ... такъ вотъ вамъ и смерть еще приключиться можетъ.

Эйжени. Ахъ, нѣтъ!... Это совсѣмъ не то... *(Въ сторону.)* Жестокій! Онъ и участія не принимаетъ. Надобно усилить нападеніе.

Отчетинъ. Что это, Матрена Степановна? вы плачете?

Матр. Степан. Меня повергаетъ въ горестную печаль болѣзнь, могущая приключиться моей Эвженіи, а потому и самая смерть. Имѣя одну единородную и единоутробную дочь, всякій мигъ ужасаюсь, что бы не лишиться ея. Къ чему тогда издержки, употребленныя на воспитаніе ея въ трехъ пансіонахъ? Къ чему намъ останется нашъ достатокъ, когда мы лишимся ее? Мысль сія часто снѣдаетъ мое сердце. О, ежели бы я могла ее скорѣе вручить супругу, ей назначенному! Хотя бы безъ состоянія, но военный чиновникъ, защитникъ отечества. *(Вздыхаетъ громко и протяжно.)*

Отчетинъ, (Милову тихо.) Эти пули для тебя льются.

Миловъ, (ему также.) Избавьте меня отъ этихъ уродовъ.

Эйжени. Ожидали ли вы въ уѣздномъ маленькомъ городишкѣ найти театръ и разъигрывающуюся Озерова трагедію.

Миловъ. Ничего нѣтъ мудренаго.... Только каково сыграютъ?

Эйжени. Ахъ, безподобно! Я этихъ актеровъ видѣла, когда воспитывалась въ пансіонѣ; они играли Мольерову трагедію: Лекарь по неволѣ. Ужъ какъ мы всѣ хохотали. *(Потише.)* Въ театрѣ вы также мой кавалеръ....

Миловъ. Благодарю за честь, сударыня! Можетъ быть, дѣла службы удержатъ меня....

Матр. Степан. Но гдѣ хозяйки дома?... Конечно, не доложили о прибытіи нашемъ?

Отчетинъ. Извините ихъ, сударыня!... Онѣ точно заняты, всякая по

своей части... Я почти здѣсь хозяинъ, и такъ прошу пожаловать къ чаю. Тамъ мы кого нибудь изъ нихъ найдемъ, а не то, такъ я и одинъ васъ угощу, пока до театра! Пожалуйте, сударыня! *(Подаетъ руку Матренѣ Степановнѣ; Эйжени сама беретъ руку Милова; уходятъ.)*

Спалкинъ (также уходя за ними.) Насилу вспомнили! А давнымъ давно пора пить чай.

=

ЯВЛЕНІЕ X.

Въ комнатѣ темно.

Шаринъ, (*входитъ*) Что-то темновато. Ни зги не вижу! Не поставить бы фонаря?... Какъ мнѣ найти ревизора, чтобы доложить, что коляска готова. Куда-то онъ укатить хочетъ?... Не совсѣмъ ли отъ насъ?... Счастливый путь! Ужъ отдохнулъ бы!... Да и бѣгалъ же я!... Всѣ дѣла пріостановились по полиціи, все за нимъ ухаживаемъ... Ссъ!... что-то крадется.

Пустолобовъ, (*входитъ ощупью.*) Темно!... Это хорошо... Удачное планъ будетъ... Нѣтъ ли уже ея здѣсь?... Псъ! псъ! псъ!...

Шаринъ. (Также въ другой сторонѣ отвѣчаетъ.) Псъ... псъ... псъ... *(Тихо смѣется.)* Что-то изъ этого будетъ.

Пустолобовъ. (Идетъ ощупью на голосъ, и продолжая.) Псъ!... псъ... псъ!...

Шаринъ. (Также отзывался, манитъ его во всѣ стороны.)

(Дама въ клокъ, шляпкѣ, подъ вуалемъ, выходитъ и также идетъ ощупью на сигналъ. Тсъ!... тсъ!... тсъ!...

Шаринъ. (Утѣшается, маня ихъ; потомъ подходитъ ближе къ сценѣ.) Тутъ что-то не даровое!.. Здѣсь есть любовныя шашни. Да ужъ я ихъ изловлю. *(Опять манитъ.)*

(Пустолобовъ и дама, на сигналъ Шарина сходятся другъ къ другу и едва не схватываютъ его; Шаринъ, между рукъ ихъ ускользнулъ и смѣется тихо.)

Пустолобовъ. (Схвативъ за руку даму, говоритъ тихо.) Ты ли это, моя любезная?

Закутанная дама (тихо.) Я, мой ревизоръ, и навѣкъ твоя!... Молчите только.

Пустолобовъ. Убѣжимъ; все готово. *(Обнявшись, тихо выходятъ.)*

Шаринъ (одинъ, долго слушавъ, крадется къ дверямъ.) Чу!... Укатили!... Честью увѣряю, что это ревизоръ увезъ молодую барышню. Его голосъ и ея голосокъ: *мой ревизоръ.* Вѣрно она. Ужъ не Домна же Ѳоминишна. На что ему такая ветошь?... Чуть было меня не схватилъ и не увезъ. Ха, ха, ха!... То-то бы изумился, какъ бы вмѣсто красной дѣвушки очутился доброй молодецъ. Однако же что мнѣ дѣлать? Бить ли тревогу, зашумѣть? Нѣтъ, не нужно. Городничій, видно, какъ дядя, уѣхалъ впередъ, встрѣтить и благословить. Онъ же и чрезъ заставу велитъ пропустить. Мое дѣло молчать. Пойду къ театру; тамъ есть буфетъ. Стаканчикъ пуншу не будетъ лишнее отъ испугу, что чуть-чуть было не увезли. Еще какъ бы Анна Петровна меня увезла, такъ не худо бы; а то, какъ ревизоръ?... О! страшно! Пуншу, скорѣе пуншу! *(Уходитъ.)*

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Отчетинъ (входитъ.) Какая темнота!... Эй! Подайте сюда свѣчь!... За непмѣніемъ хозяевъ, самъ буду распоряжаться... Да гдѣ они всѣ? Никто къ гостямъ и глазъ не кажетъ... Жеманная Евгаша явнымъ образомъ вѣшается на шею къ бѣдному Милову, не помнящему себя безъ Анны Петровны.... Странное дѣло съ нею! Ничего не понимаю! *(Приносятъ свѣчи.)* Потерплю еще; чѣмъ это все кончится?

=

ЯВЛЕНІЕ II.

Отчетинъ, Ученосвѣтовъ и Печаталкинъ.

Ученосвѣтовъ. Помилуйте, Василій Авдѣевичъ! Что это со мной дѣлаетъ почтеннѣйшая публика?... Театръ давно готовъ; актеры всѣ въ приличныхъ костюмахъ, и актрисы также, и въ третій разъ румянятся; суфлеръ задохся, сидя подъ столомъ; плошки горѣли-горѣли, да и выгорѣли. Принужденъ новые зажигать.

Отчетинъ. Что мнѣ до вашихъ плошекъ? Я въ эти дѣла не мѣшаюсь.

Ученосвѣтовъ. Да что не ѣдутъ въ театръ?... Зачѣмъ и за кѣмъ остановка?

Отчетинъ. Кто васъ знаетъ?... Думаю, за вельможей, какъ его называютъ.

Ученосвѣтовъ. Гдѣ же хозяинъ?.... Кто доложитъ его превосходительству? Я видѣлъ Оому Оомича, скачущаго изъ конца города въ другой съ чрезвычайною заботливостію.

Отчетинъ. У него изъ за всего важное дѣло.

Печаталкинъ. Городъ вездѣ запертъ и никого не выпускаютъ; я отправилъ было почталіона съ рапортомъ къ своему начальству о происходящемъ здѣсь, но ни за что не пропустили. Говорятъ, строжайше запрещено.

Отчетинъ. Чѣмъ эти чудеса кончатся!

Печаталкинъ. Я увѣренъ, что не добромъ. Жандармъ, прискакавшій отъ губернатора съ бумагами, говоритъ, что онъ присланъ взять важнаго, секретнаго арестанта, и скакать какъ можно скорѣе, а онъ еще Городничаго и не видалъ... Недавно спросили у меня шесть почтовыхъ лошадей съ надежными ямщиками, знающими всѣ ближайшія селенія.

Ученосвѣтовъ. Но это, можетъ быть, и для выѣзда его превосходительства въ театръ...

=

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Миловъ.

Миловъ, (Отчетину.) Вы меня оставили на съѣденіе двумъ несноснымъ созданіямъ. Одна замучила меня своею высокопарною чепухою, а другая задушила — право, совѣщуся и говорить....

Отчетинъ. Ну, задушила любовью. Чего тутъ скромничать? Вамъ, военнымъ, такія встрѣчи не новое: вездѣ побѣждаете.

Миловъ. Ахъ! До любовныхъ ли мнѣ теперь нападокъ!... Что? Нѣтъ ли какихъ извѣстій?

Отчетинъ. Никого не встрѣчаю и ничего не знаю. Полагаю, что онѣ одѣваются... и скоро мы все узнаемъ.

Ученосвѣтовъ. Скоро ли позволитъ выйти его превосходительство?

Отчетинъ. Кто его знаетъ, равно и о томъ, превосходительный ли онъ еще?

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Матрена Степановна и Эйжени.

Матр. Степан. Это противъ всякой политической нравственности уклоняться отъ собесѣдованія съ прекраснымъ поломъ. Государи мои, позвольте на васъ возвести претензію, впрочемъ шуточнымъ порядкомъ.

Эйжени, (*Милову*). И вы меня оставляете, когда мнѣ нужно состраданіе *(тихо)* ваше и ничье болѣе.—Я въ ужаснѣйшемъ разстройствѣ.

Отчетинъ, (*въ сторону*). Она уже на прямки объясняется. (*Эйжени.*) Когда вы не здоровы, то не лучше ли ѣхать домой и лечь въ постелю.

Ученосвѣтовъ. О, ни за что въ свѣтѣ. Потерпите, хотя бы болѣзнь и въ десять разъ усилилася. Должно быть въ театрѣ, а послѣ какъ угодно.

Матрена Степ. Скоро ли наступитъ вожделѣнная минута, въ которую увидимъ открытіе завѣсы съ представленіемъ древней исторіи съ вашими новыми прибавленіями.

Ученосвѣтовъ. Ахъ, сударыня! — И я сграю отъ нетерпѣнія, подобно вамъ и плошкамъ въ театрѣ, но—судьба полагаетъ препятствія. Я не вижу ни прелестныхъ владычицъ дома сего, ни хозяина града нашего, и наконецъ ни самаго превосходительнѣйшаго — не знаю кого.

Отчетинъ. Пустолобова.—

Матрена Степ. Держу пари, что называемыя вами прелестныя владычицы костюмируются, дабы помрачить одѣяніе мое и уборку Евга—дочери моей.

Эйжени. Ха, ха, ха, ха! И также будетъ неудачно ихъ усиліе, какъ и всегда? (*Милову.*) Анна Петровна всегда подражаетъ мнѣ во всемъ, а теперь при такомъ съѣздѣ употребляетъ все стараніе превзойти меня, и отъ того такъ долго не выходитъ.

Милов. Я не замѣтилъ, чтобы она подражала вамъ въ чемъ либо?

Эйжени. Такъ вы ее видѣли?—Скажите мнѣ, кто изъ насъ лучше!

Милов. Мнѣ нельзя прямо сказать.

Эйжени. Нѣтъ, говорите прямо. Я сама откровенна и люблю это въ другихъ. (*Въ полголоса.*) Я никого прелестнѣе васъ не видала. (*Громко.*) Будьте также и вы со мною откровенны. Говорите прямо.

=

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Спалкинъ.

Спалкинъ. А вы меня одного и оставили. (*Зѣваетъ.*) Такъ сладко уснулъ подъ ваши, Матрена Степановна, разсказы. Вы что-то мнѣ такое говорили, что я ничего не понималъ, (*зѣваетъ*) да и заснулъ. Испугался было, подумавъ, что безъ меня въ театръ ушли.

Матрена Степ. Да. Позвольте предложить маленькій вопросъ, и обсудите обстоятельство, чтобы намъ соблюсти всю чинность: при входѣ его превосходительства намъ слѣдуетъ, кажется, встать. Такъ велитъ пристойность.

Отчетинъ. И закричать: да здравствуютъ всѣ Пустолобовы!

Ученосвѣтовъ. Нѣтъ: кричать неприлично. Это уже будетъ утонченная привѣтливость; а встать и низко ему поклониться.

Матрена Степ. Точно; и потомъ сѣсть къ нему лицами.—

Ученосвѣтовъ. Охъ, невозможно! Его превосходительство изволитъ сидѣть у самой сцены.

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Городничій.

Городничій. Здравствуйте, мои любезнѣйшіе гостя! Извините меня, что я все въ отлучкѣ, и сейчасъ долженъ опять скакать.—А гдѣ сестра?

Матрена Степ. Конечно, приводитъ свой костюмъ въ должный по Телеграфу порядокъ. Она его чтительница.

Городничій. Охъ, теперь не до костюма, и даже не до Телеграфа. Мнѣ очень она нужна.

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Дупляша.

Городничій. Кстати, Дупл, скажи Домнѣ Ѳоминишнѣ, чтобы сейчасъ пожаловала сюда; мнѣ крайняя надобность.

Дупляша. Домна Ѳоминишна прежде изволила быть нездорова, а послѣ изволила лечь въ постель, и приказать, чтобы никто ее не безпокоилъ.

Городничій. Скажи я—л ее зову.

Дупляша. Комнату изволила снутри запереть.

Городничій. Охъ, какая!—Такъ нужно для ревизора—достучися!

Дупляша. Вотъ записочка отъ Анны Петровны, изволила приказать отдать Домнѣ Ѳоминишнѣ, но не достучимся.

Городничій. Да не до записки!—Гдѣ и она?

Дупляша. Я не знаю. Изволила выйти вечеромъ со двора.

Эйжени, (*со смѣхомъ.*) Искать приключеній.

(Отчетинъ и Миловъ петерпѣливо ждутъ чтенія записки.)

Городничій. Что мнѣ тутъ читать? Я запятъ важнѣйшимъ. (*Читаетъ.*) «Обстоятельства принудили меня оставить «васъ, почтеннѣйшій дядюшка! Не безпокойтесь обо мнѣ. Когда все кончится, надѣюсь, вы одобрите поступокъ «преданной вамъ племянницы«. Что это такое? Я не понимаю.

(Отчетинъ и Миловъ съ безпокойствомъ разсуждаютъ тихо.)

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Шаринъ.

Городничій. Ну что, Шаринъ? Все ли у тебя въ порядкѣ? Не изволилъ ли чего ревизоръ спрашивать?

Шаринъ. Изволилъ и получилъ.

Городничій. Что такое?

Шаринъ. Шесть добрыхъ почтовыхъ лошадей, отъ которыхъ, думаю, вы не далеко уѣхали.

Городничій. Куда уѣхалъ?

Шаринъ. Встрѣтить и благословить.

Городничій. Кого благословить и для чего?

Шаринъ. Новобрачныхъ къ вѣнцу.

Городничій. Какихъ новобрачныхъ?—Говори прямо.

Шаринъ. Да ревизора, которой вѣнчаться уѣхалъ—

Городничій. Съ кѣмъ это?

Шаринъ. Съ барышней—съ Анной Петровной.

Всѣ вскрикиваютъ: съ Анной Петровной!

(Городничій стоитъ въ удивленіи. Миловъ почти безъ чувствъ склоняется на руки изумленнаго Отчетина. Спалкинъ, какъ открылъ табакерку, въ томъ положеніи и остался.)

Ейжени. Какая досада! Этакого молодца подхватила!

Матрена Степ. А ты съ своею ловкостію всегда остаешься назади. Привязалася къ этому Маіору; ну, что тутъ толку? А что важное—и прозѣвала.

Эйжени. Съ вами-то всегда прозѣваешь: одѣвайся, да рядись, а Любимова успѣла! Вотъ досада!

Городничій, (ходившій по комнатѣ взадъ и впередъ.) Да скажи, Шарпинъ! Полно, правда ли это?

Шарпинъ. По службѣ доношу вашему высокоблагородію, что правда.

Городничій. Куда же они уѣхали?

Шарпинъ. Не могу знать. Но вѣрно вѣнчаться, потому что обвѣнчись вышли отсюда. Я полагалъ, что вы впередъ поѣхали ихъ благословить.

Отчетинъ. Это клевета! Ужасная клевета! И вы это сами видѣли?

Шарпинъ, (оборотясь къ Отчетину.) Видѣлъ вотъ этими самыми глазами, здѣсь, на этомъ мѣстѣ.—Я васъ и не видалъ: человѣкъ внизу васъ спрашиваетъ.

Отчетинъ. Сейчасъ иду; я постигаю—

Миловъ. Ахъ, не уходите, не оставляйте меня.—

Отчетинъ. Я скоро буду. Надѣюсь дойти до истины. *(Уходитъ.)*

Городничій. Чего ей было уходить? Партія такая выгодная! Я самъ бы согласился на такой бракъ, который дѣлаетъ честь всѣмъ ея роднымъ. Почему ты не удержалъ ее? Почему заблаговременно не предварилъ меня объ этомъ?

Шарпинъ. Помилуйте, Ѳома Ѳомичъ! Почему я зналъ и вѣдалъ? Да гдѣ мнѣ было васъ найти? Я точно думалъ, что вы уѣхали впередъ, чтобы ихъ благословить. Вотъ бумага отъ губернатора, съ жандармомъ присланная: два часа, какъ ожидаю васъ, чтобы отдать. *(Подаетъ пакетъ.)*

Городничій. Что тамъ еще? — Ого! По секрету, о важнѣйшемъ дѣлѣ. *(Читаетъ просебя, потомъ вскрикиваетъ)* Ахти! Слушайте, вотъ странность! *(Читаетъ.)* «Вышнее начальство, узнавъ, «что откомандированный въ нѣкоторыя «губерніи титулярный совѣтникъ Пу«столобовъ.....»

Спалкинъ, Ученосвѣтовъ и Печаталкинъ: Титулярный совѣтникъ?

Городничій. Да, да; слушайте.—*(Продолжаетъ читать.)* «Пустолобовъ, ос«мѣлился выдавать себя за важнаго госу«дарственнаго чиновника, производяща«го изслѣдованія по какой-то секрет«ной части, и чрезъ то надѣлавшій боль«шихъ безпорядковъ и злоупотребле«ній,—предписываетъ мнѣ при появленіи «его схватить и прислать за строгимъ «карауломъ въ Петербургъ. Какъ же «мнѣ извѣстно, что сей обманщикъ по«ѣхалъ въ городъ подъ управленіемъ «вашимъ состоящій, то строжайше пред«писываю вамъ, немедленно взявъ «его, прислать ко мнѣ съ надежнымъ «полицейскимъ офицеромъ, и при семъ «посылаемымъ жандармомъ. Все, что «окажется при немъ, при описи до«ставьте вмѣстѣ съ нимъ. Гражданскій губернаторъ.» — *(Стоитъ въ изумленіи.)*

Спалкинъ, (послѣ молчанія отъ удивленія.) Вотъ штука!

Печаталкинъ. Ай, да куда затесался

Ученосвѣтовъ. Эта штука похожа на Пустолобова. За неслыханныя дерзости и худое поведеніе, онъ былъ выгнанъ изъ университета.

Эйжени. Ха, ха, ха, ха! Какъ я рада!—Ревизоръ, графъ, превосходительный—все это ее прельщало; а на повѣрку, будетъ не больше, какъ титулярная совѣтница. *(Смѣется.)*

Матр. Степ. Препитересная статья для Дамскаго Журнала подъ названіемъ: Необдуманное пожертвованіе собою безъ возмездія.

Городничій. Что же мнѣ дѣлать?— Моя племянница погубила себя.—Друзья мои, посовѣтуйте, что мнѣ дѣлать.

Печаталкинъ. Берите у меня лошадей; бѣгите въ погоню.

Спалкинъ. Поймать, да и сюда его скорѣе.

Ученосвѣтовъ. Когда бракъ совершенъ, протестовать противъ него. Въ англійскихъ законахъ есть.....

Городничій. Шарпинъ, другъ мой!— Въ погоню, Бога ради, въ погоню! Поймай ихъ, схвати и представь обоихъ ко

мнѣ. Бери коняхъ, пѣшихъ, всякихъ, сколько можно больше. Скачи ночь и день. Гдѣ найдешь—схвати.

Шаринъ, (*щелкнувъ языкомъ.*) Ахъ! Кабы изъ города еще не выпустили. Вѣдь городъ то запертъ.

Спалкинъ. Бездѣльникъ прикажетъ, чтобъ его пропустили.

Шаринъ. Охъ, на врядъ-ли! Квартальный у меня Грошехватовъ, въ рожу его не знаетъ, и въ точности исполнитъ приказъ. Сказано, безъ словеснаго повелѣнія г-на Городничаго, не впускай въ городъ и не выпускай ни живаго, ни мертваго, а не то—бѣда.

Городничій. Да полно разсуждать. Дѣйствуй, бѣги, лети, успѣвай.—

Шаринъ. Слушаю-съ. Онъ у меня не увернется. (*Убѣгаетъ*).

Городничій. Бѣдная моя племянница! Что съ ней будетъ? Что и мнѣ дѣлать съ такой роденькой?

Ученосвѣтовъ. Опять остановка по театру. Послѣднія плошки, чай, погорѣли.

Матр. Степ. На что намъ итти въ театръ? Здѣсь собственное зрѣлище.

Спалкинъ. Какъ такая умная дѣвушка могла повѣрить такому обманщику, и рѣшилася—на что же? бѣжать!

Эйжени. Легкость характера недостатокъ разсудка. Не такъ ли, mon cher major.

Миловъ. Я, сударыня, не знаю ни чего—и не понимаю.—

Эйжени. Чѣмъ же вы заняты?—(*Тише*) или кѣмъ?

Миловъ. Никѣмъ — но какъ будто нездоровъ.—

Эйжени. Ахъ, въ самомъ дѣлѣ!—Пожалуйте мнѣ вашу руку.—Точно. Точно, вы нездоровы. (*Тихо говоритъ.*) Adorable!

Миловъ, (*не примѣчая ничего.*) Точно — точно я нездоровъ.

Эйжени, (*пользуясь, что всякій занятъ собою, говоритъ въ полголоса Милову.*) Я также скажусь нездоровою, расположусь ѣхать домой, а вы возьмитесь меня проводить; такъ я вамъ открою состояніе бѣднаго моего сердца.—(*Вслухъ.*) Ахъ, какъ мнѣ дурно, maman! Я очень, очень нездорова! — Не могу здѣсь быть — поѣду домой. —

Матрена Степ. Нѣтъ, Евгаша! Я, какъ нѣжная мать, должна проискивать подобныя сцены для твоего примѣра. Отдохни здѣсь.

Эйжени, подбѣгая къ матери тихо. Что вы это умничаете? Отпускайте— и Маіоръ со мною ѣдетъ.

Матрена Степ. А! точно, поѣзжай. Г. Маіоръ! вашему попеченію ввѣряю наилучшую мою драгоцѣнность. Не оставляйте ее въ сіи минуты испытанія.

Эйжени, (слабымъ голосомъ.) Поддержите меня,—я слабѣю! *(Склоняется къ Милову; но тотъ не слыхалъ ничего, что ему говорили, и дабы дать мѣсто Эйжени, переходитъ на другую сторону; Эйжени съ досадою бѣжитъ за нимъ.)* Развѣ вы не слышите, что мнѣ дурно?

Ученосвѣтовъ, (*при первыхъ словахъ Эйжени бросился за креслами и увидѣвъ, что она почти побѣжала за Миловымъ, догонялъ ее и подаетъ кресла.*) Евгенія Кузминишна! Упадете, упадете! Вотъ кресло! Сядьте, сядьте!

Спалкинъ, (во все время въ задумчивости, не закрывая табакерки, нюхалъ табакъ.) Не могу прійти въ себя. — Чѣмъ онъ ее такъ улестилъ?

Городничій. Да вѣдь же мастеръ лясы подпускать. Вообразите, что всѣхъ насъ одурилъ, и мы всѣ предъ нимъ опѣшили.

Спалкинъ. Да вы жс, Ѳома Ѳомичъ, первые заварили всю эту кашу. Вамъ было спросить у него бумагъ, и сказать, что не получали на счетъ его ничего.

Городничій. Да чего! Обольстилъ бестія!—Яко человѣкъ, хотѣлъ снискать себѣ милостивца и покровителя. Этого

мало. — Охъ! признаюсь предъ вами, вѣдь онъ хотѣлъ..... да постойте! Я видѣлъ къ нему предписанія-онъ ихъ при мнѣ съ эстафетой получилъ. Это что значитъ?

Печаталкинъ. Я вамъ изъясню. Онъ велѣлъ мнѣ принести бумаги и сказать, что съ эстафетой сейчасъ присланы, а написалъ, видно, самъ.

Спалкинъ. Экъ онъ мошенникъ! По закону, руку по локоть.

Городничій. Предписано было отпустить ему изъ казначейства десять тысячъ; но какъ казначея не было въ городѣ, то онъ поручилъ мнѣ сыскать пять тысячъ. Вотъ эта то секретная экспедиція, гдѣ я до сихъ поръ былъ. Денегъ нашелъ, но требовали заклада, и я прибѣжалъ къ сестрѣ за вещами.

Спалкинъ. Хороши бы вы были, занявъ для такого плута денегъ!

Ученосвѣтовъ. И съ умысломъ услалъ, чтобы здѣсь устроить побѣгъ!

Городничій. Точно. Настоятельно потребовалъ 500 руб., и я ему, на свою бѣду, далъ. *(Всѣ смѣются.)*

Матрена Степ. Необходимая вещь для бракосочетанія.

Городничій. Я боюсь, не была ли знакома моя племянница съ нимъ въ Петербургѣ, и пріѣздъ его сюда сдѣланъ по условію.—

Эйженія. Ахъ, очень можетъ быть. Любовь всесильна! *(Милову).* Такъ ли *(тихо)*, mon adorable!

Матр. Степ., (видитъ, что дочь ея шепчется съ Миловымъ, подходитъ и тихо говоритъ.) А вы, какъ два птенца голубиные?

(Миловъ, вслушавшись, отходитъ; Эйженія за нимъ.)

Ученосвѣтовъ. Когда пошло дѣло на признанія; — то и я вамъ открою, что онъ мнѣ обѣщалъ и чинъ и крестъ, и все, лишь бы я не говорилъ, что знаю его и всѣ его шалости.

Печаталкинъ. Да онъ и меня хотѣлъ награждать, и когда я отказался, такъ онъ изволилъ прогнѣваться и грозилъ насильно меня произвести.

Городничій. О бѣдная моя племянница! Что съ ней будетъ? Что будетъ и съ бѣдной моей сестрой, когда она узнаетъ? Не занемогла ли отъ сего несчастія, что долго нейдетъ. *(Слышенъ за театромъ шумъ.)*

Ученосвѣтовъ. Никакъ привезли молодца.

Спалкинъ, (смотритъ въ окно.) Точно; на крылахъ ветреныхъ примчали бѣглецовъ. Да съ какимъ же конвоемъ!—Это еще лучше давишней встрѣчи. Тащатъ сюда. Вонъ ведутъ и Анну Петровну.

Городничій, (также смотр.) Точно!—Ахъ, Боже мой! Это она!

Спалкинъ. Точнехонько—вонъ ее розовая шляпка, шалью укутана и въ клокѣ. Бѣдняжка, едва переступаетъ.

(Миловъ страдаетъ особо, не вмѣшиваясь ни по что.)

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же. **Шаринъ** тащитъ съ двумя солдатами **Пустолобова**, а два солдата ведутъ закутанную даму; она лежитъ въ обморокѣ на рукахъ ихъ.

Шаринъ. Честь имѣю донести вашему высокоблагородію: поймалъ арестантовъ благополучно. Вотъ они!

Спалкинъ. Поймали гуся съ поличнымъ.

Городничій. Я не могу равнодушно глядѣть на него. Успокой меня, Шаринъ, скорѣе: гдѣ ты ихъ поймалъ.

Шаринъ. Какъ разъ въ городѣ. Они отъ заставы къ заставѣ ѣздили, по ни гдѣ ихъ, въ силу повелѣнія, не пропускали. Ужъ нашъ Грошехватовъ на это лихой! Сколько вотъ этотъ молодецъ ни шумѣлъ, сколько ни грозилъ, нѣтъ таки, не выпустилъ,—а тутъ, какъ снѣгъ на голову, да и сцапалъ ихъ.

Городничій. Хотя не много отдыхаю, что этотъ бездѣльникъ не обвѣнчался.

Пустолобовъ. Я удивляюся дерзости вашей, Городничій! Положимъ, что я, оставя свой важный постъ, склонился было на любовное прикосновеніе и увезъ у васъ племянницу; слѣдовало меня только остановить, взять ее, ежели бы она этого пожелала; но не дѣлать мнѣ, въ моемъ чинѣ, въ моемъ званіи, такого насилія. Раздумали ли вы, на что рѣшились.

Городничій. Тутъ нечего мнѣ было и раздумывать. Вотъ повелѣніе начальства: взять тебя, титулярнаго совѣтника Пустолобова, и за карауломъ отправить.

Спалкинъ. Ну—ка, господинъ ревизоръ, оставляй тонъ свой: всѣ твои плутни извѣстны.

Пустолобовъ. Такъ уже все открыто?

Городничій. Все, мой голубчикъ! По твоимъ мошенничествамъ я не былъ дома, и потому бумага поздно ко мнѣ дошла; не допустилъ бы я себя до такого безчестія, а эту несчастную до ужаснаго позора. Я не могу съ ней говорить.

Спалкинъ. Позвольте мнѣ снять съ нихъ допросъ. Скажите, сударыня, какими сладкими словами онъ васъ убѣдилъ?

Пустолобовъ. Всему причиной ея тетушка, а съ нею я не говорилъ ни одного слова, даже и дорогою. Такъ у насъ было условлено. Я не успѣлъ теткѣ открыться, какъ она мнѣ принесла въ отвѣтъ желаніе невѣсты, чтобы уйти и обвѣнчаться. Назначили мѣсто, куда намъ ѣхать, и при первомъ сумракѣ, невѣста, которой я даже и имени не знаю, явилась ко мнѣ, и мы уѣхали.

Городничій. Что ты это говоришь! Возможно ли, чтобы сестра моя? Позовите сюда сестру. Я думаю, что она, бѣдная, отъ стыда и горести не смѣетъ людямъ показаться. А ты, безстыдная! Чѣмъ ты оправдаешься? Что тебя заставило рѣшиться на такую крайность, и первому мужчинѣ на шею повѣситься?—Тебѣ ли не дано воспитаніе?—Что? — совѣстно? — Спять покрывало, чтобы ты больше поражена была стыдомъ, видя честныхъ людей, твою подругу, съ которою ты что-то никогда и сближаться не хотѣла.

Эйженія. Она видѣла, что мои правила отъ ея отличны. Я не такъ воспитана.

Матр. Степ. Какая нравственная противоположность! Но дочь моя въ трехъ пансіонахъ воспитана и помнитъ себя.

Городничій. Сними, сударыня, покрывало.

=

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же, Отчетинъ ведетъ Анну Петровну, которая бѣжитъ къ Городничему и падаетъ въ объятія его.

Отчетинъ. Пропустите насъ, пропустите!

Всѣ, (*вскрикиваютъ.*) Анна Петровна!!!

Эйженія. Какая досада!

Матр. Степ. Магическое превращеніе!

Миловъ. Я внѣ себя отъ восхищенія. (*Подбѣгаетъ къ Отчетину и тихо съ нимъ говоритъ.*)

Ученосвѣтовъ. Загадочно!

Спалкинъ. Какую же красотку онъ то подцѣпилъ?

Городничій, (*обнимая Анну Петровну.*) Благодарю тебя, другъ мой Аннаточка, что ты не уходила съ этимъ... ну, да ужъ...

Анна Петр. Какъ могли вы, дядюшка, обо мнѣ такъ думать! Я скрылась отъ его преслѣдованій.

Городничій. Отъ какихъ преслѣдованій?

Отчетинъ. Вотъ я вамъ все разскажу. Домна Ѳоминишна ей открыла, что молодецъ успѣлъ въ нее влюбиться, и боясь, чтобы вы не принудили ее противъ воли выйти за вельможу, онѣ положили, чтобы Анна Петровна скрылась у пріятельницы, пока онъ уѣдетъ.

Городничій. Такъ это сестрица такъ все смастерила? Безподобно! Чудесно провела молодца!

Ученосвѣтовъ. Сюжетъ для комедіи.

Спалкинъ. Я догадываюсь. Домна Ѳоминишна, все это устроивъ, подсунула ему конечно прачку или кухарку, принарядивъ ее только.

Городничій. Теперь ясно все. Жаль, Шаринъ, что ты не далъ уже имъ обвѣнчаться. Сними же, красавица, покрывало.—Порази прелестями своими похитившаго тебя обожателя. Снимите же насильно, когда добромъ не хочетъ.

Спалкинъ. Представляй поличное къ дѣлу.

Городничій. Ну, Шаринъ, употреби силу: это дѣло полиціи. *(Шаринъ у сопротивляющейся Домны Ѳоминишны срываетъ покрывало и шляпку.)*

Всѣ, *(вскрикиваютъ.)* Домна Ѳоминишна!!!

Городничій. Сестра! — Что ты это сдѣлала?

Матрена Степ. Измѣненіе за измѣненіемъ.

Эйжени. Я въ ужасной досадѣ! *(Продолжаетъ преслѣдовать Милова, а онъ явно уходитъ отъ нея.)*

Спалкинъ. Вотъ тебѣ и поличное!

Городничій. Какъ могла ты рѣшиться?

Домна Ѳомин., *(отъ гнѣва внѣ себя.)* Вы сами всему причиной, — выставили его за величайшаго вельможу; онъ хотѣлъ жениться на племянницѣ; я знала, что она не пойдетъ. Чувствуя себя способною быть въ высшемъ кругу — онъ хотѣлъ успокоить Европу своею женидьбою — я рѣшилась его обмануть, чтобы онъ не знавъ, женился на мнѣ, и спѣшила кончить.—Ну, смѣйтесь теперь, когда не удалось, смѣйтесь! *(Съ бѣшенствомъ уходитъ.)*

Пустолобовъ. При всемъ моемъ положеніи, я покоенъ нѣсколько, что не женился на ней.

Городничій. Я такъ растерянъ, что не знаю, что и думать, не то что дѣлать!

Спалкинъ. Кончите прежде службу. Отправьте въ губернію самозванца превосходительнаго.

Пустолобовъ. Я не назывался имъ. Не забудьте, что вы сами меня начали титуловать превосходительнымъ. Я только сказалъ о чинѣ, что имѣю такой, выше чего наши братья не восходятъ. Это было довольно ясно.

Ученосвѣтовъ. Точно ясно. Экзамена онъ не можетъ дать.

Городничій. Гдѣ же, голубчикъ, бумаги, якобы къ тебѣ писанныя? — Шаринъ! Обыщи у него въ кабинетѣ.

Шаринъ. Вотъ онѣ. Какъ онъ упрямился ѣхать и хотѣлъ выскочить изъ коляски, такъ я у него выхватилъ и денегъ 450 руб.

Городничій. А! Это мои! —А пятьдесятъ рублей гдѣ?

Пустолобовъ. Ямщикамъ далъ.

Городничій. Это слишкомъ по-барски. Пусть передъ ними за удачную поимку.—Ну, Шаринъ! Веди его въ полицію: пиши рапортъ, приготовь лошадей и скачи прямо къ губернатору. Ступай, шалунъ! Кажется, ты кончилъ свой карьеръ.

Пустолобовъ. Попавшись между легковѣрныхъ, я думалъ, что на все можно рѣшиться; а выходитъ, что легковѣрные же меня и подкосили. Благодарю за хлѣбъ-соль и всѣ почести. Прощайте! Прощай, Пустолобовъ! *(Шаринъ его уводитъ.)*

Городничій. На наше счастье, догадался городъ запереть.—Ахъ, сестрица, сестрица!—Что мнѣ съ тобою дѣлать?—погубила ты себя!

Спалкинъ. Ужъ какую комедію составили! —

Городничій. Подлинно, что комедія.

Отчетинъ. Послушайте, Ѳома Ѳомичъ! Какъ безъ свадьбы комедія не бываетъ, то вотъ вамъ: Василій Николаевичъ, Маіоръ Миловъ, ищетъ руки племянницы вашей; человѣкъ достойнѣйшій. Его рекомендуетъ общій нашъ пріятель Тимофей Ивановичъ Добротворовъ.

Городничій. А! Это, о чемъ вы давича говорили?—Но я за глупостями своими все пропустилъ безъ вниманія. Дай намъ, Богъ, добраго и честнаго человѣка. Этой рекомендаціи довольно. Все зависитъ отъ Анюты. Рѣшай, другъ мой, дѣло.

Эйжени. Ахъ! Что я слышу!—Какъ это можно?—Мнѣ дурно!—Маман! Поѣдемъ домой...

Отчетинъ. Что вы задумались, Анна Петровна! Успокойте дядюшку, успокойте и меня. Развяжите мнѣ руки; возьмите ваше имѣніе и хозяйничайте; успокойте и Маіора; оканчивайте дѣло; пусть спѣшитъ принимать у меня ваше имѣніе. Вотъ вамъ опекунъ и попечитель.

Миловъ, (*съ удивленіемъ.*) Мнѣ Тимофей Ивановичъ сказалъ, что Анна Петровна, кромѣ собственныхъ достоинствъ, не имѣетъ никакого состоянія.

Отчетинъ. Это новое доказательство любви его къ Аннѣ Петровнѣ.— Имѣніе славнѣйшее — и я опекунъ.

Миловъ, (*въ смущеніи.*) Ежели бы зналъ — я бы не смѣлъ.

Отчетинъ. Неужели бы вы не пріѣхали искать ее, ежели бы знали, что она богата?

Миловъ. Конечно, я бы не смѣлъ— чтобы не поселить мысли—сомнѣнія въ нѣжныхъ чувствъ моихъ.

Отчетинъ. Довольно. Это рѣшило все. Анна Петровна мнѣ открылась, что она колеблется согласиться, боясь, что имѣніе ея заставило васъ искать ея руки. Теперь, *дядюшка*, путе, благословите ихъ. (*Подводитъ къ Городничему Анну Петровну.*)

Городничій, (*взявъ также за руку Милова.*) Теперь она ваша невѣста! (*Соединяетъ ихъ.*)

Матр. Степ., (*въ досадѣ.*) Помилуйте, какъ это можно?—Завести дѣвицу, дочь мою, въ сѣти любви, и послѣ оставить ее.

Отчетинъ. Охъ, оставьте насъ въ покоѣ. — Дочь ваша сама разставляла сѣти любви и обѣими руками тащила туда Маіора, да не на того напала.

Эйжени. Que fairai-je à present?

Отчетинъ. А вотъ что. Поѣзжайте теперь же домой, а завтра снова принарядитеся, авось будетъ проѣзжій, да и ловите его. Не завтра, такъ лѣтъ чрезъ тридцать, кого нибудь да поймаете.

Эйжени, (уходя.) Афиногенъ Валентиновичъ! Вашу руку.

Ученосвѣтовъ. Мнѣ.... у меня здѣсь дѣло.

Эйжени. Лука Семеновичъ! —

Печаталкинъ. Извините; я здѣсь остаюсь. —

Эйжени. Ah quelle honte! (*Уходитъ съ матерью.*)

Отчетинъ. Не впервые. Вотъ плоды воспитанія Вашерокъ и Торшонокъ, и подобныхъ имъ.

Спалкинъ. Далибы водки, либо закусить; а чего-то да надобно.

Ученосвѣтовъ. Помилуйте, а о театрѣ никто и не думаетъ?

Городничій. Охъ, братецъ; и эта комедія наскучила.

Ученосвѣтовъ. Ну, такъ завтра прошу пожаловать. Завтра будетъ отличный спектакль.

Пантеонъ. № 3.

Иванъ Ивановичъ
ДМИТРЕВСКІЙ.

ИВАНЪ АѲАНАСЬЕВИЧЪ

ДМИТРЕВСКІЙ,

СЛАВНѢЙШІЙ РУССКІЙ АКТЕРЪ.

Начнемте торжество, о Музы, въ честь *искусства*,
Которое, безъ помощи чужой,
Безъ кисти, безъ рѣзца, плѣняетъ умъ и чувства
И властвуетъ душой!
Пускай невѣжество съ презрѣніемъ считаетъ
Его и легкимъ и пустымъ,
И имъ прельщенное, того не постигаетъ,
Чѣмъ дѣйствуетъ *оно* надъ нимъ;
Но мудрости въ очахъ, *оно* считаться въ правѣ
Со всѣмъ *высокимъ* на равнѣ!
Искусство — то являлъ во всей красѣ и славѣ
Дмитревскій — русской сторонѣ!

Кн. А. А. Шаховской.

1750-й годъ былъ великій годъ для русскаго искусства! Въ этомъ году — родился русскій театръ. Родителемъ его былъ Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ (кожевенникъ); крестнымъ отцомъ и образователемъ — Иванъ Аѳанасьевичъ Дьяконовъ, дьячекъ.

Въ день Св. Петра и Павла замѣчалось необыкновенное движеніе въ Ярославлѣ. Выходя изъ церкви, знакомые останавливались на улицѣ и толковали о какомъ-то небываломъ явленіи, о какомъ то таинственномъ зрѣлищѣ. Различны были мнѣнія объ этомъ нововведеніи: одни любопытствовали и радовались, другіе хулили, что такой великій день былъ избранъ для нехристіанской забавы и демонскаго навожденія. Говоръ между тѣмъ разносился по всему городу и толпы народа стремились къ заводскому дому Ѳедора Тимоѳеевича Полушкина. Весь переулокъ, обхваченный заборомъ селитренныхъ, сѣрныхъ и кожевенныхъ заводовъ купца Полушкина, былъ уполнанъ любопытными. Одни изогнувшись, смотрѣли въ скважины досокъ, другіе, ухватясь за желѣзныя иглы, съ лакедемонскою предосторожностію вбитыя въ верхній брусъ забора, подымались на цыпочки, подмащивались и глядѣли на дворъ.

Между тѣмъ на дворѣ была замѣтна необыкновенная дѣятельность. Иной подумалъ бы, что день не праздничный. Рабочій людъ не рѣзалъ гречневиковъ передъ воротами, не ломалъ пряниковъ, накинувъ на плеча праздничные кафтаны, не бился на кулачкахъ за огородомъ, не дулся въ бабки и не затягивалъ хоромъ разудалыхъ пѣсень подъ дребе-

день балалайки. Всѣ были заняты странною работою: изъ анбаровъ таскали расписанныя яркими цвѣтами полотна, походныя двери и коробы съ плошками. Ворота большой кожевенной сушильни были распахнуты настежъ, и въ обширномъ сараѣ, заставленномъ лавками въ нѣсколько рядовъ, въ глубинѣ виднѣлся возвышенный помостъ, на которомъ толкались люди, странно махал руками и корча рожи. Безпрестанно изъ маленькихъ дверей деревяннаго флигеля, гдѣ жилъ главный прикащикъ завода, Ѳ. Г. Волковъ, съ братьями, пробѣгали въ сарай люди необычайнаго вида: въ какихъ-то полосатыхъ зипунахъ, окутанные разноцвѣтными полотнами, съ позументными повязками на головахъ и съ перевязанными лентами ногами. Все это вмѣстѣ крайне дивило любопытный народъ, который не умѣлъ объяснить себѣ ни ихъ значенія, ни причины такого некрещенаго наряда. А изъ оконъ большаго каменнаго дома раздавались звуки гусель и бубенъ, звонъ серебряныхъ ковшей и пѣніе. Богатый Полушкинъ справлялъ свое рожденіе, чествовалъ и угощалъ гостей домашнимъ пивомъ и кизляркою, а домовыя женщины величали ихъ въ пѣсняхъ. Наконецъ изъ дома потянулся разгульный походъ къ сараю. Впереди Кузьма Анисимовъ удалой плясунъ съ гуслями, Губатко, бандуристъ, хороводъ заводскій Антипка Строкулистъ и хоръ бабъ, за ними развеселые гости и хозяева. Полушкинъ, въ смазныхъ нѣмецкихъ сапогахъ, поглаживая рыжую бородку, сталъ у входа и, низко кланяясь, уговаривалъ гостей словами: «Просимъ! Пожалуйте! Заморскіе фокусы покажемъ-съ! Не погнушайтесь, добрые люди. И у насъ копѣйка не щербата; вѣдь и мы Нѣмцамъ не подмѣтка: нѣмецкую-то удаль на православный ладъ отхватаемъ — ахти мнѣ! Прошу покорнѣйше!» Всѣ вошли, ворота запахнулись, только глухо неслись звуки гусель и бандуры, да постукиванье въ мѣдные тазы.

Что-же совершалось въ этомъ сараѣ? Какія элевзинскія таинства открывалъ радушный хозяинъ—съ нѣмецкаго діалекта на россійскій ладъ? О, любезный читатель! Сарай этотъ имѣлъ великое значеніе для Россіи: онъ былъ колыбелью, къ которой впервые залепетало русское искусство, впервые отозвался его лепетъ въ сердцахъ русскихъ! То былъ первый нашъ народный театръ. — Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ, незадолго бывшій въ Петербургѣ, по дѣламъ отчима своего Полушкина, познакомился съ артистами тамошней италіянской оперы, присланной Императрицѣ Аннѣ польскимъ королемъ Филиппомъ Августомъ. Онъ распрашивалъ ихъ о сценическомъ искусствѣ, развѣдывалъ театральное дѣло, осматривая сцену, срисовывалъ декораціи и машины, и возвратясь, набралъ товарищей и съ ними рѣшился устроить невиданную еще дотолѣ театральную потѣху. День рожденья Полушкина былъ избранъ для этого торжества. Давали трагедію Расина: *Эсѳирь*, въ 1747 году переведенную на русскій языкъ. Новость такого зрѣлища, декораціи и небывалый нарядъ актеровъ приводили въ восторгъ всю публику, и безъ того хорошо подготовленную къ удовольствію обильнымъ обѣдомъ и виннымъ угощеніемъ хозяина. Особенно восхищала всѣхъ сама Эсѳирь, дѣвушка стройная, прекрасно сложенная, съ крупно-означенной греческой физіогноміей. Глубокое чувство выражалось въ каждомъ взглядѣ, голосъ былъ проникнутъ неизъяснимой сладостью, а по плечамъ развѣвались роскошными прядями темно-русые волосы, придерживаемые свѣтло-голубою лентою. Игра ея, движеніе лица, поступь, все было очарованіемъ въ юной актрисѣ, которую зрители тщетно хотѣли узнать между знакомыми женскими лицами города, гдѣ всѣ дѣвушки

были на перечетъ. Публика хлопала, стучала, кричала, и по окончаніи піесы требовала къ себѣ всѣхъ актеровъ. Когда все было кончено, зрители еще долго не могли разстаться съ очарованнымъ сараемъ: такъ обворожило ихъ это первое публичное представленіе русской драмы. Эсперъ не выходила у нихъ изъ ума и они снова начали вызывать ее, чтобъ хоть въ послѣдній разъ взглянуть на чаровницу. Зеленый пологъ отдернулся—и предъ изумленными зрителями съ низкимъ поклономъ явился блѣдный, молодой человѣкъ, въ длинномъ, нанковомъ сюртукѣ до самыхъ пятъ и съ заплетенною на спинѣ косою. Это былъ семинаристъ, Иванъ Аѳанасьевъ Дьяконовъ, сынъ священника, готовившійся въ дьячки.

Съ самаго дѣтства Дьяконовъ чувствовалъ въ себѣ призваніе къ изящнымъ искусствамъ. Оно влекло его жадную душу къ познаніямъ: онъ былъ первый въ классахъ Риторики и Поэзіи и писалъ прекрасные стихи. Не разъ уже пробовалъ онъ свои силы на сценѣ семинаріи, гдѣ нерѣдко разыгрывались студентами духовныя мистеріи Св. Димитрія Ростовскаго, Георгія Конискаго, Св. Димитрія Тупталы и Ѳеофана Прокоповича. Въ особенности отличался онъ въ піесѣ, напечатанной подъ названіемъ: *Владиміръ, Славенороссійскихъ странъ Князь и повелитель, отъ невѣрія тмы въ свѣтъ Евангельскій приведенный Духомъ Святымъ, въ лѣто отъ Рождества Христова 988, нынѣ же въ православной Академіи могилевской, кіевской, на позоръ россійскому роду, отъ благородныхъ россійскихъ сыновъ, добрѣ здѣ воспитуемыхъ, дѣйствіемъ, еже отъ піитъ нарицается траго-комедія, лѣта Господня 1705, іюля въ 3 день, показана. Сочиненіе Ѳеофана Прокоповича, въ 5 дѣйствіяхъ.*» Вмѣстѣ съ талантомъ развивалась въ Дьяконовѣ и любознательность, неминуемая спутница таланта. Онъ познакомился съ молодымъ нѣмецкимъ пасторомъ, находившимся при герцогѣ курляндскомъ Биронѣ, жившимъ тогда въ Ярославлѣ. Любовь къ поэзіи связала молодыхъ богослововъ тѣсною дружбою, а роскошь поэзіи германской заставила Дьяконова выучиться нѣмецкому языку. Когда открылась ему сокровищница германскихъ музъ, Дьяконовъ твердо рѣшился оставить избранное имъ поприще и посвятить себя совершенно наукѣ и искусству. Въ это время Волковъ увлекъ его на свой театръ. Спектакли въ сараѣ Полушкина стали повторяться. Народъ находилъ въ нихъ съ каждымъ разомъ новое наслажденіе, сарай становился тѣснымъ, и Волковъ, восторженный, пламенный актеръ, бросилъ все, увлекъ за собою друзей своихъ и вполнѣ отдался сценическому искусству. Онъ нашелъ покровителей: воевода Мусинъ-Пушкинъ и Майковъ помогали ему всѣми средствами. Майковъ отдалъ ему свой домъ подъ театръ, а Мусинъ-Пушкинъ взялся платить за всѣ издержки перестройки и сооруженія сцены, машинъ, декорацій и костюмовъ. Театръ организовался правильно, и молодые люди составили труппу, которая прокармливалась скудною платою зрителей за входъ, и въ рубищахъ блаженствовала на своихъ помостахъ. Это чистое, юношеское влеченіе, эта безкорыстная любовь къ искусству, породила и развила многіе таланты, которые въ послѣдствіи яркими звѣздами горѣли на горизонтѣ русской сцены и предвѣщали ей блистательную зарю. Между ними, по пылкости души и рѣдкому самоотверженію, первое мѣсто занималъ Дьяконовъ. Ростъ, органъ, одушевленная мимика, все обличало въ немъ душу пламенную, способную до высочайшаго развитія. Онъ занималъ, однако, только женскія роли, потому, что былъ моложе всѣхъ и миловиднѣе своихъ товарищей. Ярославская труппа улучшалась съ каждымъ днемъ. Геніи-

яльный Волковъ трудился безъ отдыха и устали: писалъ декораціи, сооружалъ машины, компоновалъ костюмы. Онъ былъ вмѣстѣ директоръ, режиссеръ, декораторъ, машинистъ, суфлеръ и гардеробмейстеръ своего театра, и въ то же время игралъ первыя роли въ трагедіяхъ и комедіяхъ. Дьяконовъ, который, по предразсудкамъ отца, со времени вступленія на публичную сцену, назвался *Нарыковомъ*, помогалъ другу своему, переводя піесы съ нѣмецкаго языка. Труппа, состоявшая не болѣе, какъ изъ двѣнадцати человѣкъ, считала уже между членами своими превосходныхъ актеровъ. Поповъ, Иконниковъ, Шумскій, Волковъ и Нарыковъ—были замѣчательные таланты. Лучшими піесами ихъ репертуара были: *Титовъ милосердіе*, *Евдоксія вѣнчанная*, *Хоревъ* и другія. Такъ родился и началъ распускаться русскій театръ. Молва объ немъ бѣжала по пространной Руси, и наконецъ достигла до державнаго слуха. Императрица Елисавета Петровна, которая любила народность и всѣми мѣрами старалась поддержать ее, давно уже помышляла объ устройствѣ русскаго театра при дворѣ. Волковъ, какъ будто предугадалъ мысль вѣнценосицы. Государыня тотчасъ отправила въ Ярославль сенатскаго экзекутора Дашкова, съ повелѣніемъ пригласить Волкова съ труппою на нѣсколько представленій въ царскосельскій дворецъ. При этомъ извѣстіи восторгъ молодыхъ актеровъ былъ неописанный. Они прыгали отъ радости; даже строгое купечество ярославское гордилось ихъ честью и прощало за введеніе въ православномъ городѣ *чертобьсія*, какъ они величали театръ, а отецъ Нарыкова охотно напутствовалъ сына своимъ благословеніемъ. На другой день по прибытіи артистовъ въ Царское Село, былъ назначенъ спектакль. Волковъ выбралъ *Хорева*, трагедію Сумарокова. Самъ Волковъ игралъ роль *Кія*, Поповъ — *Хорева*, а Нарыковъ—*Оснельду*. Императрицу чрезвычайно тѣшила новость, которою она хотѣла сдѣлать сюрпризъ для всего двора. Актеры были привезены тайкомъ; строго воспретила она разглашать объ этомъ. Зрители, назначенные въ этотъ день въ театральное представленіе, были твердо увѣрены, что увидятъ италіянскую интермедію. Государыня сама вникала во всѣ подробности приготовленій; изъ гардероба своего приказала она выдать богатыя платья для актеровъ, игравшихъ женскія роли. Материнское сердце ея радовалось нежданной забавѣ русскаго театра, какъ свѣтлому празднику. Она глубоко постигала великое вліяніе, которое это нововведеніе можетъ имѣть на русскіе нравы, на просвѣщеніе и нравственность народную. Нарыкова она призвала въ свои покои, сама изволила наряжать его и наколола ему на голову богатую діадиму, которую просила оставить у себя на память. Прелестная наружность семинариста столько же восхищала Императрицу, сколько грубое, странное имя «*Нарыковъ*» казалось ей непріятнымъ. Необыкновенное его сходство съ польскимъ графомъ Дмитревскимъ поражало Императрицу.—«Нѣтъ, говорила она, любуясь юной Оснельдой,—ты не долженъ носить такого имени:—будь *Дмитревскимъ;* онъ былъ графомъ въ Польшѣ, ты будешь царемъ на русской сценѣ.» Съ этихъ поръ Нарыковъ въ третій разъ перемѣнилъ свою фамилію и сталъ называться Дмитревскимъ. Можно легко себѣ представить удивленіе двора и восторгъ Елисаветы, когда поднялся занавѣсъ и предъ зрителями явились незнакомыя лица, заговорили и запѣли на чистомъ русскомъ языкѣ. Успѣхъ представленія можно назвать безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ нашего театра. Удовольствіе Императрицы, которое горѣло въ ея прекрасныхъ очахъ и живо рисовалось въ улыбкѣ, еще болѣе одушевляло зрителей восторгомъ.

Громы рукоплесканій, одобрительные возгласы, градъ цвѣтовъ и кошельковъ посыпался на сцену, по окончаніи піесы. На другой день вся знать рвалась за актеровъ, всякій наперерывъ спѣшилъ заплатить имъ дань ласки, радушія, доброхотствомъ. Чтобъ попасть въ три слѣдующіе спектакля, въ которые давались: *Синавъ и Трувор*ъ, *Гамлетъ*, *Семира и Артистона*, придворные гнулись, ѣздили, интриговали и хлопотали такъже, какъбы дѣло шло о значительномъ мѣстѣ или званіи при Императорской особѣ. Съ этихъ поръ счастіе стало покровительствовать нашимъ актерамъ и нашему театру. На Италіянцевъ и Нѣмцевъ смотрѣли уже не съ такимъ слѣпымъ подобострастіемъ; русскій театръ сдѣлался потребностію, которой всѣ ждали и желали. Императрица приказала помѣстить лучшихъ изъ труппы, Дмитревскаго, Волкова, Попова и Шумскаго въ первый шляхетный корпусъ, для окончательнаго образованія. Тутъ страсть Дмитревскаго къ наукамъ получила обильную пищу. По цѣлымъ ночамъ просиживалъ онъ за математикой и чтеніемъ исторіи великихъ событій міра и его знаменитыхъ героевъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ, проведенныхъ въ корпусѣ, Дмитревскій успѣлъ превосходно научиться французскому и англійскому языкамъ. Онъ былъ отличный фехтовальщикъ, славный дансеръ и первый въ классѣ декламаціи, которой обучали ихъ офицеры Остервальдъ, Мелиссино и Свистуновъ. Иногда актеры наши были призываемы ко двору и разъигрывали піесы, назначаемыя самой Императрицей. Наконецъ, въ 1756 году, 3-го Августа, изданъ именный Ея Величества указъ объ учрежденіи публичнаго театра въ Петербургѣ. Былъ выстроенъ наскоро деревянный театръ близъ лѣтняго сада. Волковъ имъ распоряжался, рисовалъ планъ и строилъ машины. Извѣстный драматическій писатель, Александръ Петровичъ Сумароковъ, былъ назначенъ директоромъ; дѣйствующіе получили названіе императорскихъ придворныхъ актеровъ. Труппа значительно увеличилась: въ нее поступили нѣкоторые придворные пѣвчіе, нѣсколько студентовъ московскаго университета, переведенныхъ съ устроившагося тамъ театра, и четыре женщины, дочери офицеровъ: двѣ сестры Ананьины, Пушкина и Авдотья, воспитанница танцмейстера Линде, о которомъ я имѣлъ уже случай однажды говорить (*). Въ послѣдствіи, въ 1760 году были переведены изъ Москвы, гдѣ Императрица приказала также устроить публичный театръ, еще двѣ актрисы: Михайлова и Троепольская. Послѣдняя особенно прославилась въ царствованіе Екатерины Великой. Здѣсь начинается полное художническое развитіе И. А. Дмитревскаго. Онъ получалъ 300 рублей жалованья и съ жаромъ удивительною любовью предавался своему искусству. Онъ сталъ играть роли героевъ и *наперсниковъ* и благородствомъ осанки и движеній заслуживалъ ту же похвалу, какую ему прежде расточали за ловкость, нѣжность и граціозность игры въ женскомъ платьѣ.

Въ 1762 году, на престолъ россійскій взошла Монархиня, которой тридцатичетырехъ лѣтнее царствованіе долженствовало озарить его славою во всѣхъ возможныхъ ея измѣненіяхъ и видахъ. Осенью того же года Екатерина, прозванная вѣкомъ—*Великою*, а народомъ — *Матерью*, отправилась въ Москву для принятія святаго помазанія на царство. Труппа придворныхъ актеровъ послѣдовала за нею, чтобъ украсить празднества коронаціи. Здѣсь Дмитревскій удостоился особеннаго вниманія и милостей Монархини. Она пожелала даже, чтобъ онъ съѣздилъ за границу для большаго развитія своихъ способностей

(*) См. Исторія баловъ и маскерадовъ, въ 1-мъ №№ Пантеона.

и образованія въ сценическомъ искусствѣ, по знаменитымъ тогдашнимъ подлинникамъ во Франціи и Англіи. Дмитревскій получилъ отъ Государыни значительную сумму на путешествіе. Въ 1765 году онъ поѣхалъ въ Парижъ. Рекомендательныя письма И. И. Шувалова открыли ему домъ, а прямодушіе и умъ сердце знаменитаго Лекеня, перваго трагика Франціи. Дмитревскій жилъ у него въ домѣ и сжился съ его душою. Съ жадностію посѣщалъ Дмитревскій театры. Каждый разъ, когда игралъ Лекень, онъ изучалъ его манеры, образъ выраженія и на другой день дѣлалъ ему свои замѣчанія. Это вовлекало ихъ въ разсужденія о тончайшихъ уклоненіяхъ искусства, а часто и въ споры, приносившіе величайшую пользу обоимъ артистамъ—мыслителямъ. Лекень часто сознавался, что Дмитревскій свѣжимъ чувствомъ своимъ оцѣнялъ игру и ошибки его вѣрнѣе, чѣмъ всѣ знаменитѣйшіе критики того времени. Наступилъ срокъ Дмитревскому ѣхать въ Англію. Лекень хотѣлъ проводить его, чтобъ познакомить съ другомъ своимъ, великимъ трагикомъ Гаррикомъ. Гаррикъ въ то время уже угасалъ, но когда онъ являлся на сценѣ, вся энергія души его воскресала, слабое тѣло уподоблялось въ силѣ стану атлета, голосъ звучалъ и потрясалъ партеръ. Для Дмитревскаго игра его была совершенной академіей искусства. Онъ уничтожался передъ нимъ, благоговѣлъ и плакалъ. Лондонскій трагикъ полюбилъ нашего артиста со всею откровенностью и теплотою сердца, уже все извѣдавшаго въ мірѣ, много страдавшаго и все еще пламеннаго къ искусству и человѣчеству. Лекень, Гаррикъ и Дмитревскій составили въ Лондонѣ трагическій тріумвиратъ, который никогда не разлучался и даже рѣдко расходился въ мнѣніяхъ. Однажды, за обѣдомъ у Гаррика, рѣчь зашла о сценическомъ притворствѣ. Гаррикъ могъ краснѣть и блѣднѣть по желанію; вслѣдъ за веселымъ смѣхомъ у него лились обильныя слезы скорби. Лице его было пріучено ко всѣмъ возможнымъ измѣненіямъ; не было страсти въ природѣ, которой отпечатка не принимала бы его физіономія. Въ этотъ день одышка не такъ мучила великаго актера и онъ началъ показывать свое искусство. Вдругъ Дмитревскій вскрикнулъ, задрожалъ, залепеталъ невнятныя слова, и блѣдный, какъ сванъ, безъ чувствъ упалъ на кресло. Всѣ кинулись ему помогать, Гаррикъ уже хотѣлъ бѣжать за докторомъ, но тутъ Дмитревскій вскочилъ, захохоталъ и вывелъ ихъ изъ заблужденія: онъ хотѣлъ только пошутить и показать свое умѣнье. Но этотъ случай сильно поразилъ Гаррика; онъ началъ убѣдительно просить нашего артиста сыграть что нибудь на сценѣ и даже устроилъ для этого нарочно домашній спектакль у Герцогини (***). Дмитревскій выбралъ *Беверлея* и сыгралъ его съ такимъ совершенствомъ, что Гаррикъ совсѣмъ забылъ, что онъ на сценѣ, и такъ пристально впился въ нашего актера, что не обратилъ вниманія на столовую на столѣ свѣчку, зажегъ себѣ манжеты и насмѣшилъ всѣхъ зрителей. Съ этой минуты онъ сдѣлался задушевнымъ другомъ Дмитревскаго. «Ты для русской сцены, говорилъ онъ ему, больше, чѣмъ Гаррикъ для англійской; ты равенъ мнѣ по таланту, а не играешь въ твореніяхъ Шекспира!» – Дмитревскій много хорошаго вынесъ изъ школы этихъ двухъ великихъ артистовъ. Проживъ пять мѣсяцевъ неразлучно съ Гаррикомъ, онъ возвратился съ Лекенемъ въ Парижъ. Здѣсь уговорилъ его французскій трагикъ играть на театрѣ герцогини Виллеруа. Давали *Альзиру* Вольтера, Дмитревскій игралъ роль *Замора*, а Лекень *Гусмана*. Публика дралась у входа, чтобъ поглядѣть на русскаго артиста, котораго французская фантазія не умѣла себѣ представить и-

наче, какъ *сибирскимъ медвѣдемъ*, *обученымъ плясать* (*). Но этотъ сибирскій медвѣдь былъ такой рѣдкій звѣрь, какого Парижане еще не видали. Пляска его была возвышенная, простая, но глубокая трагическая игра, сильно чувствуемая и сильно выраженная. Она увлекла всѣхъ и восхитила. Зрители требовали повторенія піесы. Зная легкомысліе своихъ соотчичей, Лекень почти раскаивался, что открылъ Дмитревскому помосты сцены. На слѣдующій спектакль Дмитревскій не хотѣлъ выйти въ той же роли; онъ выбралъ *Оросмана*, въ *Заирѣ*, Лекень взялъ себѣ *Шатильона*. Тутъ видимо обнаружилось нѣкотораго рода состязаніе между обоими артистами. Дмитревскій превзошелъ себя, ему бросили вѣнокъ на сцену, Лекень не былъ вызванъ. Два дня спустя Дмитревскій уѣхалъ въ Россію. Лекень проводилъ его до почтовой кареты и дружески пожалъ руку; но на сценѣ не видали его два мѣсяца послѣ этого происшествія. Сколько я могъ узнать, Дмитревскій долго переписывался съ своими друзьями. Жаль, что эта переписка утрачена: въ ней вѣрно погибло много важнаго и дѣльнаго для искусства.

По возвращеніи въ Петербургъ, Дмитревскій вышелъ въ *Синавѣ*. Онъ съ такимъ совершенствомъ сыгралъ эту роль, что авторъ со слезами кинулся къ нему на шею, а Екатерина приказала позвать его къ себѣ въ ложу, допустила къ рукѣ, и предъ всею публикою изъявила свое благоволеніе. На другой день онъ получилъ драгоцѣнный подарокъ отъ Императрицы и званіе *перваго* придворнаго актера и главнаго инспектора всей россійской Императорской труппы.

Ѳедора Григорьевича Волкова уже не стало. Онъ простудился на народномъ маскерадѣ, который устроилъ на улицахъ московскихъ, во время коронаціи Императрицы. Присматривая лично за *торжествующей Минервой* (такъ назвалъ онъ свой маскерадъ), онъ три ночи сряду разъѣзжалъ верхомъ по улицамъ и впалъ въ жестокую горячку, которая, 4 Апрѣля 1763 года, свела его въ могилу. Дмитревскій заступилъ его мѣсто на сценѣ, т. е. сталъ играть первыя трагическія роли. Мы можемъ судить о Дмитревскомъ по преданіямъ людей съ старинными понятіями объ искусствѣ и посовременнымъ ему журналамъ. Разсматривая ихъ и соображая всѣ разсказы объ немъ, нельзя не убѣдиться, что Иванъ Афанасьевичъ былъ человѣкъ геніяльный и всегда долженъ стоять выше всѣхъ драматическихъ талантовъ, доселѣ въ Россіи существовавшихъ. Недостатки, въ которыхъ его упрекали современники, ясно показываютъ, что онъ въ сценическомъ искусствѣ предупредилъ свой вѣкъ. Въ трагедіи, говорятъ они, Дмитревскій былъ не такъ хорошъ, какъ въ комедіи: у него не доставало груди и громкаго голоса, но онъ отлично понималъ и высказывалъ свои рѣчи (*). Это значитъ, что Дмитревскій, не слѣдуя въ игрѣ своей заблужденію вѣка, отыскивалъ стихіи для выраженія представляемаго характера въ глубинѣ души своей, въ тайникѣ чувства, въ движеніи страсти, а не въ завиткахъ ораторства, не въ декламаторскомъ рыцарствѣ на сценѣ. Другіе старались проявить силу внутренняго движенія силою наружной формы: громовымъ звукомъ, пѣшеходнымъ движеніемъ, размашистымъ жестомъ; они походили болѣе на гладіаторовъ; онъ отыскивалъ форму для внутренняго чувства въ природныхъ средствахъ и въ порывахъ самыхъ сильныхъ страстей являлся — *человѣкомъ*.

(*) См. Almanac de Théatres des Paris 1793.

(*) См. Труды вольнаго общества любителей россійской словесности, 1800 года. — Благонамѣренный, издаваемый Измайловымъ. — Трудолюбивая Пчела А. Сумарокова, 1759. — С. Петербургскій Вѣстникъ, 1779 года.

Движенія его были умѣренны, скромны; голосъ твердъ, но пріятенъ. Часто въ сильнѣйшихъ сценахъ онъ говорилъ шопотомъ, но этотъ шопотъ имѣлъ что-то общее съ дальнимъ рокотомъ грозы, готовымъ разразиться громомъ и молніею; отъ него волосъ становился дыбомъ. У Дмитревскаго въ нѣкоторыхъ роляхъ были слова, которыя зритель, услышавъ разъ изъ устъ его, не забывалъ во всю жизнь. Такъ много истины и силы придавалъ онъ своей дикціи.

Созданія его были полны, обдуманны, вѣрны; самый холодный зритель забывался: предъ нимъ являлось дѣйствующее лице въ полномъ обаяніи жизни,— актеръ исчезалъ. А не такъ, какъ у другихъ, къ которымъ прекрасно можно примѣнить стихъ французскаго поэта: Le heros s'evanouit, l'homme reste. *Герой исчезаетъ, человѣкъ остается.* По этому, можетъ быть, индивидуальность Дмитревскаго производила меньше впечатлѣнія на его цѣнителей и судей, чѣмъ его характеры; ибо они сами сознавались, что *къ игрѣ его нельзя придраться.* Онъ имѣлъ важное преимущество передъ всѣми нашими трагическими актерами: онъ самъ создавалъ теорію русскаго искусства и не имѣлъ предшественниковъ, по которымъ могли бы судить его *a posteriori.* А Волковъ?—скажутъ многіе. Согласны, Волковъ, какъ первый актеръ въ Россіи, имѣлъ свои достоинства. Въ свое время онъ былъ великъ, какъ первый изобрѣтатель скрипки, котораго имяни не сберегла исторія; но первый изобрѣтатель скрипки, поражая новизною, даже можетъ быть, нѣкоторымъ искусствомъ, — все еще не былъ Паганини. Волковъ влилъ въ Дмитревскаго избытокъ любви своей къ театру, который съ природною страстью нашего актера переполнилъ его душу. Но Дмитревскій этимъ не ограничился: онъ извѣдывалъ тайные законы искусства въ ученіи, въ чтеніи, въ великихъ подлинникахъ, съ которыми сблизила его одинакая страсть; онъ критически взвѣсилъ ихъ достоинства и недостатки, и на этихъ основаніяхъ создалъ свою собственную теорію. Доказательствомъ нашего мнѣнія служатъ показанія его критиковъ, которые въ игрѣ его не находятъ ни одной черты сходной съ игрою Яковлева, и все таки говорятъ: что *Дмитревскій былъ превосходный актеръ.*—Въ комедіи онъ такъ-же слѣдовалъ своей теоріи: простота, натура, никакихъ насильственныхъ средствъ, — вотъ были главныя правила его игры. И эта простота и натура, которой современники не поняли у Дмитревскаго въ трагедіи, обезсмертила талантъ его —въ комедіи. Условія комедіи проще и понятнѣе: давай намъ людей, выхваченныхъ изъ вседневной жизни, изъ общества, со всѣми ихъ странностями и чертами, общими всѣмъ и каждому или цѣлому классу людей. Актеръ вышелъ: онъ вѣренъ, натуралентъ и вотъ Иванъ Прохоровичъ съ усмѣшкой говоритъ: *Ахо! настоящій Петръ Кузьмичъ;* а Петръ Кузьмичъ, который такъ же не прочь потрунить надъ ближнимъ, въ восторгѣ кричитъ: *Браво! живой Иванъ Прохорычъ!* И слава актера сдѣлана: впечатлѣніе его сильно, потому что вѣрно. Не то бываетъ въ трагедіи. Тамъ выводится внутренній человѣкъ, поставленный внѣ условій общества. Тутъ борьба природы съ внѣшними формами; тутъ страсти, въ полномъ ихъ духовномъ развитіи; человѣкъ идеализированный или, лучше сказать, идея, облеченная въ наружность человѣческую. Всякій постигаетъ ее по своему, и сколько головъ въ залѣ, столько и мнѣній объ идеѣ, не считая тѣхъ, которыя совсѣмъ ея не постигаютъ и не имѣютъ никакого мнѣнія. Здѣсь надъ актеромъ произноситъ судъ внутреннее чувство, душа, способная принимать и развивать впечатлѣнія, а не простые органы: не глазъ, не

ухо. Оцѣнка артиста становится труднѣе. Актеръ комическій—есть копировщикъ, портретистъ; актеръ трагическій—творецъ картины. Первый передаетъ только сходство извѣстныхъ образовъ; второй создаетъ и образъ и сходство. Чѣмъ всеобъемлющее, полнѣе характеры комика, тѣмъ выше его творчество. Отъ него почти требуется достоинство, которое Нахимовъ нашелъ въ своемъ живописцѣ, именно, чтобъ

Кисть его надъ смертными играла,
Ѳедота—Сидоромъ, Кузьму—Лукой писала.

А въ трагическомъ, напротивъ, это призматическое соединеніе общихъ чертъ есть недостатокъ, потому что оно вредитъ оригинальности созданія, по природѣ своей уже выходящаго изъ обыкновеннаго круга дѣйствій. Какъ отвлеченное проявленіе мысли, трагическій характеръ дѣлается *необыкновеннымъ*, а представитель его—*героемъ*. Теперь главная задача искусства состоитъ въ томъ, чтобъ этотъ герой, сохраняя всю полноту внутренняго созданія,—придалъ ему вѣроятность наружную—и явился *человѣкомъ*. Это очень трудно и требуетъ генія. Въ драматическомъ творчествѣ этого рода первый мастеръ былъ Шекспиръ, въ сценическомъ: Гаррикъ, Лекень, Кинъ, Тальма и нашъ Дмитревскій. И на этомъ основаніи, принимая въ соображеніе замѣчанія тогдашнихъ критиковъ, мы почти убѣждены, что трагикъ-Дмитревскій стоялъ гораздо выше Дмитревскаго-комика. Лучшими ролями въ его репертуарѣ были, въ трагедіяхъ: *Синавъ*, *Аскольдъ*, *Дмитрій Самозванецъ*, *Ярбъ* въ *Дидонѣ*, *Гамлетъ*; въ драмахъ: *Беверлей*, *Кларендонъ* въ *Евгеніи*; въ комедіяхъ: *Мизантропъ*, *Тщеславный*, *Раздумчивый*. Многія піесы обязаны своею славою—таланту Дмитревскаго, точно такъ, какъ нынѣ многіе обязаны успѣхомъ В. А. Каратыгину, И. И. Сосницкому и М. С. Щепкину.—Н. И. Гречь, въ краткомъ очеркѣ русскихъ актеровъ, говоритъ объ немъ: «Дмитревскій постигалъ во всей силѣ характеръ представляемыхъ имъ лицъ, и часто дополнялъ игрою своей недостатки авторовъ. Напримѣръ, въ Дмитріи Самозванцѣ, онъ являлся глазамъ зрителей облокотившимся на тронѣ и закрытый мантіею: симъ мрачнымъ положеніемъ освѣщалъ онъ, такъ сказать, темныя мысли перваго монолога. Въ Синавѣ читалъ онъ длинный монологъ, (когда представляется ему тѣнь брата), подвигаясь со стуломъ своимъ назадъ, какъ будто преслѣдуемый ею, и оканчивалъ, приподнимаясь на цыпочки. Сіе естественное движеніе производило на зрителей удивительное дѣйствіе: всѣ трепетали отъ ужаса. Въ *Амфитріонѣ* Мольера, перемѣнивъ красный платокъ на бѣлый, онъ такъ измѣнялся, что его не узнавали, и во все время поддерживалъ свое превращеніе.» —Дмитрій Самозванецъ былъ лучшимъ его характеромъ. Въ этой роли онъ былъ величественно прекрасенъ. Императоръ Павелъ Петровичъ пожелалъ видѣть его въ Самозванцѣ.

Въ 1797 году, ровно черезъ десять лѣтъ послѣ оставленія сцены, Дмитревскій игралъ на эрмитажномъ театрѣ эту роль въ присутствіи Его Величества. Павелъ былъ восхищенъ и подарилъ ему богатую, осыпанную брилліантами табакерку, въ знакъ своего благоволенія. Съ тѣхъ поръ піеса эта болѣе не давалась на русскихъ сценахъ.

Кромѣ сцены, Дмитревскій занимался литературою, которую страстно любилъ.

Русская библіографія можетъ показать до шестидесяти театральныхъ піесъ его сочиненія или перевода (*). Изъ нихъ укажемъ на слѣдующія: *Непостижимость судьбы*, ком. *Раздумчивый*; оперы: *Рѣдкая вещь*, *Дѣлимо древо*, *Ар-*

(*) См. Словарь духовныхъ россійскихъ писателей, 1805.

мида, лирическая драма, *Антигона*, трагедія, *Честный преступникъ*, драма, перев. съ франц. *Беверлей*, драма съ франц. Онъ занимался и другими отраслями литературы, перевелъ съ англійскаго: *Четыре времени года*, поэму Томсона, одну часть *Путешествія младшаго Анахарзиса*, и написалъ *похвальное слово А. П. Сумарокову*, которое читалъ въ публичномъ засѣданіи Россійской Академіи, которой былъ членомъ. Академія поручила ему написать Исторію Русскаго театра, надъ которою Дмитревскій неусыпно трудился; къ сожалѣнію она въ свѣтъ не вышла. Онъ былъ такъ же членомъ обществъ: *Библейскаго*, *Вольнаго экономическаго* и *Любителей россійскаго слова*, и вездѣ оставилъ слѣды своихъ трудовъ и знаній.

Русскій театръ обязанъ ему весьма многимъ. Волковъ далъ нашему театру жизнь, Дмитревскій образованіе. Имъ основана и организована театральная школа, гдѣ онъ былъ главнымъ инспекторомъ и учителемъ исторіи, географіи, словесности и декламаціи. Дмитревскій вполнѣ понималъ свое дѣло. Онъ зналъ что *декламація* нельзя учить въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее, къ несчастію, еще нынѣ понимаютъ многіе, т. е. нельзя заставлять учениковъ читать стихи съ голоса учителя на распѣвъ, съ возгласами въ извѣстныхъ мѣстахъ. Такъ обучаютъ скворцевъ и попугаевъ: человѣку дана разумная душа, которая должна чувствовать красоты, усвоивать мысль автора и выражать ее голосомъ сердца. Слѣдовательно учителю остается только развивать понятія и вкусъ ученика, направлять его чувство и показывать достоинства правильной дикціи. Дмитревскій постигъ эту мысль гораздо прежде Тальмы, который въ своихъ запискахъ сказалъ: «Я никогда не училъ декламаціи: я только помогалъ иногда молодымъ артистамъ моими совѣтами, если замѣчалъ въ нихъ способности. Я твердо убѣжденъ, что драматическому искусству учить нельзя: тутъ лучшіе учители сердце, талантъ и здравый смыслъ.» Какъ Тальма, и Дмитревскій своими наставленіями и примѣромъ одушевилъ и образовалъ много молодыхъ талантовъ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ были: К. С. Семенова, Е. С. Сандунова, Михайлова, А. Д. Каратыгина, Яковлевъ, Плавильщиковъ, Шушеринъ, Крутицкій и другіе.

Въ 1787 году Дмитревскій оставилъ сцену съ 2000 р. пенсіона. Но онъ все еще оставался при Эрмитажѣ, гдѣ онъ обставлялъ піесы, сочиненія Императрицы Екатерины II — и самъ нерѣдко занималъ въ нихъ главныя роли. Онъ пользовался дружбою всѣхъ современныхъ авторовъ, а драматическіе писатели не отдавали своихъ піесъ на театръ, не прочитавъ ихъ прежде Дмитревскому и не сдѣлавъ исправленій, по его замѣчаніямъ. Иванъ Афонасьевичъ слылъ строгимъ цензоромъ, но имъ руководили образованный вкусъ, знаніе дѣла и неодолимая любовь къ искусству и литературѣ. Ихъ вліянію всѣ охотно подчинялись, забывая авторское самолюбіе, которое его обходительность, ласки и умъ умѣли всегда усыпить. Даже Сумароковъ, избалованный славою, лестью двора, отуманенный громкимъ именемъ *русскаго Корнеля*, забывалъ свое начальничество и подчинялся свѣдѣніямъ Дмитревскаго. Я Б. Княжнинъ и Фонъ Визинъ назывались его друзьями. Послѣдній для него написалъ своего безсмертнаго *Недоросля;* Дмитревскій выправлялъ его и рѣшился поставить въ свой бенефисъ, *единственный*, который онъ получилъ во всю долголѣтнюю свою службу. Піеса эта, до представленія своего претерпѣла у насъ столько же препятствій и гоненій, какъ нѣкогда *Женитьба Фигаро*, — Бомарше, во Франціи. Дмитревскій мужественно боролся съ завистью, глупостью и злостью и наконецъ до-

стигъ своей цѣли. Сентября 26—1752 года она была дана на публичномъ театрѣ. Въ весьма любопытной, старинной книжкѣ *Драматическій Словарь*, изданной въ 1787 году, вотъ что сказано объ этомъ спектаклѣ: «*Недоросль* представленъ въ первый разъ *на щотѣ* перваго придворнаго актера Дмитревскаго; въ которое время несравненно театръ былъ наполненъ; *публика оплодировала піесу метаніемъ кошельковъ*. Характеръ *Мамы* (Еремѣевны) игралъ бывшій актеръ Г. Шумскій, къ несравненному удовольствію зрителей, а въ Москвѣ роль сія представлена вольнымъ московскаго театра актеромъ Г. Ожегинымъ, такъ-же къ совершенной забавѣ публики. Сія комедія наполнена замысловатыми *изображеніями*, множествомъ дѣйствующихъ лицъ, гдѣ каждый въ своемъ характерѣ *изреченіями различается*, заслужила вниманіе отъ публики. Для сего и принята съ *утѣшнымъ* удовольствіемъ отъ всѣхъ, и *почасту* на Санктпетербургскомъ и Московскомъ театрѣ была представляема.»— Но ни одна піеса на русскомъ театрѣ не имѣла такого блистательнаго успѣха, какъ трагедія *Рославъ* — Княжнина, которую Дмитревскій самъ ставилъ на сцену и гдѣ онъ игралъ главную роль. Въ первый разъ еще публика въ восторгѣ неудовольствовалась рукоплесканіями и пожелала видѣть автора. Этотъ первый авторскій вызовъ въ Россіи былъ вѣрно чистосердечный, ибо тогда еще не знали искусства составленія спекулятивныхъ успѣховъ и предварительнаго застрахованія авторской славы. По новизнѣ такого событія, робкій Княжнинъ не рѣшился показаться предъ публикою и скрывался. Не знали, что дѣлать, и вся театральная дирекція была въ большомъ затрудненіи. Тогда Дмитревскій вызвался помочь бѣдѣ. Онъ вышелъ къ публикѣ, почтительно раскланялся и сказалъ: «Благоволеніе почтенной публикѣ, столь лестное, конечно автору восхитительно, но его въ театрѣ нѣтъ, вездѣ искали и не нашли; но я, въ качествѣ его друга и почитателя, осмѣливаюсь принесть публикѣ чувствительную благодарность.» Громкія рукоплесканія были отвѣтомъ на привѣтствіе. Съ тѣхъ поръ на театрѣ нашемъ завелись выходы актеровъ, съ разными порученіями къ публикѣ. Нынѣ они прекращены совершенно. Домы Г. Р. Державина и А. С. Шишкова Дмитревскій посѣщалъ чаще всѣхъ и, какъ самъ говорилъ, проводилъ въ нихъ пріятнѣйшія минуты въ жизни, въ умныхъ, назидательныхъ разговорахъ о любимыхъ своихъ предметахъ.

Когда 1812 годъ прогремѣлъ по всѣ концы Россіи стопушечнымъ гласомъ, когда одна, общая мысль: *вѣра, престолъ и отечество!* одушевила всѣ сердца, старикъ Дмитревскій воспрянулъ отъ бездѣйствія. Онъ взялся за оружіе, которымъ такъ мастерски владѣлъ и побѣждалъ не одно сердце,—за свой талантъ— и явился на сцену — провозвѣстникомъ патріотическаго одушевленія — и народной войны. Висковатовъ написалъ піесу: *Всеобщее ополченіе*, — въ ней Дмитревскій взялся за главную роль унтеръ-офицера, который, не имѣя силы участвовать въ ополченіи, приноситъ свои медали въ пользу ополчающихся. Представьте себѣ высокаго, дряхлаго мужчину, убѣленнаго сѣдиною, съ открытымъ челомъ, въ рубищѣ, то одушевленнаго порывомъ патріотизма, то плачущаго о своемъ безсиліи, то трепещущаго за святую свою Россію — и вы получите слабое понятіе о Дмитревскомъ въ этой роли. Около старца вѣяло какой-то святынею, и минуты его увлеченія были великія минуты. Всѣ плакали отъ умиленія; самъ Дмитревскій рыдалъ и не могъ выговорить слова, когда послѣ единодушнаго вызова хотѣлъ сказать нѣсколько благодарственныхъ словъ публикѣ. Заслуженнаго артиста почти безъ чувствъ привезли домой: такъ велико

было его волненіе. «Нѣтъ, говорилъ онъ, мнѣ ужъ не играть: сердце живо, да тѣло слабо: не выносить, — когда душа переливается черезъ край. Я умру на сценѣ.» — На другой день рано Дмитревскій получилъ запечатанный ящикъ; въ немъ былъ драгоцѣнный перстень съ запиской: *Истинному сыну отечества и великому актеру*. Это былъ подарокъ Императора Александра. Пять лѣтъ спустя послѣ того, князь А. А. Шаховской уговорилъ было Несторапашей сцены снова явиться на театрѣ, и написалъ *Встрѣчу незваныхъ*, въ которомъ приготовилъ ему роль стараго управителя. Бодрый старикъ согласился. Какъ ребенокъ тѣшился онъ своей ролью и приходилъ въ восторгъ при одной мысли, что снова явится на помостахъ и тѣмъ поможетъ семейству своего любимаго питомца. Спектакль этотъ былъ въ пользу сиротъ умершаго трагическою смертью — знаменитаго трагика Яковлева. Афишки разнесли по городу вѣсть о появленіи на сценѣ Дмитревскаго и въ одинъ день не было билета въ кассѣ и свободнаго мѣста въ театрѣ. Сборъ простирался за 10,000 рублей. Но въ самый день представленія Дмитревскій не вытерпѣлъ, далъ душѣ волю на пробѣ и впалъ въ такое изнеможеніе силъ, которое не только отняло у него всякую возможность играть, но чуть не стоило ему жизни. Дмитревскій умеръ въ 1821 году 27 октября, въ глубокой старости. Ему было 93 года. Онъ оставилъ послѣ себя многочисленную семью сиротъ, шесть сыновей и 4 дочерей, которыя, въ свою очередь, имѣли 8 сыновей, 10 дочерей и семь внучатъ. Жена его, Аграфена Михайловна, урожденная Мусина-Пушкина, такъ-же актриса при театрѣ, скончалась еще въ 1782 году. Дмитревскій самъ написалъ ей эпитафію:

«Дмитревская цѣла душевной добротою,
Россійской Таліи служила красотою (*);
Къ степанью горькому супруга и дѣтей,
Лишась мірскихъ суетъ, гдѣ гробъ почиваетъ,
И — *помни, смертный, смерть!* — оттолѣ
возглашаетъ.»

Наслѣдіе величайшаго русскаго актера было такъ скудно, что дѣти не могли даже поставить надъ прахомъ его достойнаго памятника. Цѣль всей жизни Дмитревскаго—была искусство, призваніе — любовь къ театру, которому онъ служилъ съ безкорыстнымъ самоотверженіемъ: какое же богатство могъ онъ по себѣ оставить, кромѣ славы и счастія театра? Но если театръ, прославленный и возвеличенный Дмитревскимъ, забывалъ о своемъ членѣ, то Императорская Россійская Академія—была не такъ равнодушна къ своему. Она отнеслась формальною бумагою къ театральному начальству, предлагая, испросить у Императора соизволенія дать спектакль на сооруженіе памятника *славнѣйшему русскому актеру* — И. А. Дмитревскому. Государь не только повелѣлъ дать спектакль, но самъ благоволилъ пожертвовать для этой цѣли значительную сумму. И такъ 10-го іюля 1822 года сбылось пророчество А. С. Сумарокова, который за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ писалъ:

«Дмитревскій! тебя потомство не забудетъ!

Главную піесу спектакля составлялъ прологъ, нарочно сочиненный княземъ А. А. Шаховскимъ, подъ названіемъ: *Новости на Парнассѣ*, или *Торжество музъ*. Въ немъ нашъ почтенный драматургъ превосходно соединилъ игривость своего ума, съ глубокимъ чувствомъ уваженія къ почившему ветерану русской сцены, уваженія, которое съ нимъ раздѣляла цѣлая Россія. Въ прологѣ участвовали: Климовскій, Рамазановъ, Самойловъ, г-жа Семенова б., Сандунова, Истомина, Дюрова и дѣвица Монруа (нынѣ г-жа Шелихова б.) всѣ знаменитости тогдашней сцены; всѣ представи-

(*) Въ этомъ стихѣ Дмитревскій увлекся нѣсколько пристрастіемъ и слишкомъ строго послѣдовалъ латинской пословицѣ: de mortuis nil nisi bonum.

тели разныхъ отраслей сценическаго искусства. Во второй половинѣ пролога, вдругъ является къ музамъ – Меркурій, посломъ отъ Аполлона:

Парнассу Ѳеба приговоръ!
Богъ просвѣщенія и свѣта
На сѣверъ обращая взоръ,
Увидѣлъ тамъ, что въ древни лѣта
Отъ жизни къ вѣчности притекъ
Ему любезный человѣкъ!
Уже давно сей мужъ до славы
На ипподромѣ томъ достигъ,
Который свѣтлый Ѳебъ воздвигъ
Не только для одной забавы,
Безпечной праздности людей,
Но чтобъ языкъ, и вкусъ, и нравы
Возвысить — прелестью очей,
Чтобъ говоря уму и чувствамъ,
Поэты мудрые могли
Устроить торжество искусствамъ,
И разливать ихъ по земли.
Сей мужъ, въ странахъ инерборейскихъ,
Театръ изъ первыхъ основалъ
И тысячи вѣнцовъ мнепейскихъ
Поэтамъ и себѣ стяжалъ.
И такъ, спускаясь въ домъ Ѳемиды,
Черезъ меня, о Аониды,
Вашъ царь повелѣваетъ вамъ
Внести его безсмертья въ храмъ.»

Тутъ музы, принося каждая жертву на память Дмитревскому, начинаютъ высчитывать его заслуги и прославлять всѣ рѣдкія достоинства его ума, таланта, сердца и характера. Дмитревскій дѣйствительно заслужилъ такой апоѳеозъ. Въ игрѣ его—было столько совершенства, что ни одинъ критикъ не могъ ему сдѣлать малѣйшаго упрека, кромѣ, однако жъ одного геніяльнаго критика, Екатерины Великой, которая однажды на пробѣ Олега сдѣлала ему замѣчаніе прекрасное. Олегъ разговаривалъ съ Игоремъ о государственныхъ дѣлахъ при всѣхъ и во всеуслышаніе. Императрицѣ это показалось страннымъ; она замѣтила Дмитревскому, что такъ благоразумные государи не поступаютъ, и прибавила съ своей обычной, всеозаряющей улыбкой: – «Дмитревскій великій мастеръ съ своемъ дѣлѣ, онъ лучше меня знаетъ драматическое искусство, но въ этомъ случаѣ, гдѣ дѣло идетъ о дипломатическомъ искусствѣ, онъ можетъ воспользоваться совѣтомъ русской Царицы!» По уму – Дмитревскій былъ столь же высокъ, какъ и скроменъ. Замѣчанія его часто поражали новизною взгляда и вѣрнымъ, эстетическимъ вкусомъ. Онъ пользовался всеобщимъ довѣріемъ, любовію и уваженіемъ. Вотъ анекдотъ, который свидѣтельствуетъ о необычайной добротѣ души его. Одинъ изъ вельможъ, которые, въ литературный вѣкъ Екатерины, всѣ нарахтились въ поэты и писатели, перевелъ трагедію Расина и созвалъ литераторовъ поѣсть, попить и послушать своихъ стиховъ. Дмитревскому было отведено почетное мѣсто. Одинъ молодой стихотворецъ взялся читать трагедію хозяина, но переводъ былъ такъ плохъ, что скоро слушатели заразились зѣвотою, а нѣкоторые заснули, только старикъ Дмитревскій прослушалъ ее до послѣдняго стиха съ усердіемъ вниманіемъ и по окончаніи сказалъ нѣсколько поощрительныхъ словъ хозяину. Тотъ былъ въ восторгѣ. На другой день Дмитревскій встрѣтилъ чтеца трагедіи: «Душа!–сказалъ онъ ему, вѣдь ты вчера совсѣмъ не такъ читалъ трагедію!»– Съ чемъ же моя ошибка? – спросилъ тотъ. «А въ томъ, душа, что надобно было читать черезъ стихъ, тогда бы ты прочелъ ее скорѣе, и ты самъ и мы много-бы выиграли, а трагедія ничего бъ не потерпѣла!» – О благородствѣ чувствъ нашего артиста распространяться не слѣдуетъ; довольно сказать: онъ былъ другомъ Державина!

Прологъ князя А. А. Шаховскаго оканчивался стихами, которые музы говорили въ честь Дмитревскаго. Они такъ хороши, что лучшаго конца, я не умѣю придумать для біографіи великаго артиста, и потому оканчиваю ими:

Да будетъ честь ему! да явится средь насъ
Главы, любезной намъ, живое изваянье,
И тѣ, въ комъ онъ родилъ примѣромъ дарованье,

Чтобы почтить его, да внидутъ на Парнасъ
И глядя на него, художникъ сыну скажетъ.
Трудися, будь почтенъ, и прахъ твой въ гробѣ ляжетъ,
Воздвигнутомъ, какъ сей,
Отъ родины твоей!
Такъ! жизнь тому мила и смерть не такъ ужасна,
Кто съ честью ко ца вѣкъ, въ потомствѣ не умретъ;

Дмитревскій въ памяти людей переживетъ
Любимцевъ случая, тлѣвшихъ свѣтъ напрасно! —

Прахъ его покоится на Волковомъ кладбищѣ, при церкви Спаса Нерукотвореннаго; бюстъ, увѣнчанный лаврами, украшаетъ залу Россійской Академіи.

ѲЕДОРЪ КОНИ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

И

КУПЛЕТЫ.

СЦЕНА

ИЗЪ ТОРКВАТО ТАССО (*),

сочиненія Гёте.

Антоніо, довѣренное лицо Герцога Альфонса, при Римскомъ дворѣ, по возвращеніи въ Феррару, находитъ Герцога въ сообществѣ Елеоноры д'Есте, сестры его, Графини Скандіано и Тассо, котораго, за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, Принцесса, по желанію брата, украсила лавровымъ вѣнкомъ. Эта семейная сцена происходила не безъ сердечнаго участія со стороны Герцога и Элеоноры, не безъ признательности и смущенія со стороны Тассо. Антоніо внезапнымъ появленіемъ нарушаетъ гармонію этого небольшаго собранія, не смотря на дружескія его отношенія къ Тассо. Отчетъ, отдаваемый Антоніо въ дѣйствіяхъ и связанное съ тѣмъ описаніе двора Римскаго, производятъ на Торквато грустное впечатлѣніе и пробуждаютъ въ душѣ его тысячу противурѣчащихъ понятій о его силахъ и призваніи. Вотъ содержаніе 1-го акта; предлагаемая здѣсь сцена есть начало 2 го акта.

ПРИНЦЕССА, И ВСЛѢДЪ ЗА НЕЮ ТАССО.

ТАССО.

Безчисленно, нестройно и мятежно
Ложатся на душу за думой дума,
И недовѣрчиво слѣжу я за тобой;
То, слышится, меня зоветъ уединенье
И шепчетъ мнѣ издалека: приди,
Я разрѣшу сомнѣнья сердца, но лишь только
Я на тебя взгляну, и слуха моего
Твои слова коснутся — все понятно,
Все ясно мнѣ, какъ ясенъ Божій день,
И падаютъ мои тяжелыя оковы!
Признаться ли, внезапнымъ посѣщеньемъ
Меня синьоръ Антоніо смутилъ;
Онъ поразилъ меня и разогналъ нескромно
Души моей плѣнительныя грезы.
Я сознаюсь: онъ поразилъ меня;
Онъ пробудилъ во мнѣ знакомыя сомнѣнья;
Забытую борьбу опять онъ воскресилъ;
И больше, чѣмъ когда либо, меня
Съ самимъ собой онъ враждовать заставилъ.

ПРИНЦЕССА.

Но можно ли, чтобы старинный другъ,
По долгомъ плаваньи въ странѣ далекой,
При первой встрѣчѣ былъ бы снова нашъ?
Онъ по душѣ къ тебѣ не измѣнился;
И пусть пройдетъ хотя не много дней,
Пускай взаимное сначала водворится
Согласіе въ намѣреніяхъ и въ словѣ,
А тамъ, опять лишь только разъ одинъ
И мысли и слова въ гармонію сольются,
Онъ будетъ снова твой; и что же, Тассо,
Въ отсутствіи его ты много совершилъ.
Когда о томъ узнаетъ онъ, повѣрь,
Поэтъ, котораго тебѣ сегодня
Онъ ставилъ въ образецъ, его же завтра
Съ тобою наравнѣ поставитъ онъ.

ТАССО.

Возможно ли, Принцесса, чтобъ хвала,
Которою почтилъ онъ Аріоста,

(*) Приносимъ душевную благодарность почтенному переводчику за доставленіе намъ этого отрывка, который служитъ залогомъ прекраснаго перевода одного изъ прекраснѣйшихъ твореній Гёте. *Редак.*

Была прискорбна мнѣ! О пѣтъ, отрадно намъ,
Когда въ лицѣ наставника — собрата,
Высокій образецъ достойно вознесенъ.
Смѣлѣе намъ тогда надежды сердца
Свой сладкій голосъ въ тайнѣ подаютъ;
И съ простодушіемъ, минутные счастливцы,
Мы вѣруемъ въ плѣнительную мысль:
На сколько съ нимъ въ заслугѣ ты сравнишься,
На столько и тебѣ его вѣнчавшей славы
Достанется въ удѣлъ. О пѣтъ, пѣтъ чувства
Во мнѣ разсказъ нежданный пробудилъ!
Чѣмъдальше слушалъ я, тѣмъ болѣе смущался,
Когда нашъ другъ, широкой, вѣрной кистью
Изображалъ дѣлпіи и славу
Святѣйшаго отца, героя-церкви.
— О, какъ хорошъ сей римскій полубогъ,
Въ кругу его сподвижниковъ достойныхъ!
Блюстители прекраснаго, они
Свободно дѣйствуютъ, а между тѣмъ, одною,
Вождемъ указанной дорогою идутъ
И совершаютъ кругъ его предначертаній.
Внимая тѣмъ словамъ, я въ тишинѣ таилъ
Печальныя, убійственныя думы,
Изнемогалъ подъ бременемъ сомнѣній,
Не довѣрялъ себѣ и духомъ упадалъ.
Передъ величіемъ тѣхъ образовъ прекрасныхъ
Казалося, исчезнуть долженъ я,
Какъ эха-звукъ въ пустынѣ исчезаетъ...

ПРИНЦЕССА.

А, кажется, еще недавно, Тассо,
Ты говорилъ, ты ясно понималъ
И живо чувствовалъ, что только другъ для друга
Живутъ поэтъ и доблестный герой;
Что зависти они не знаютъ оба,
И далека отъ нихъ печальная вражда.
Согласна я, прекрасенъ славный подвигъ;
Но развѣ пѣснь, небесный отголосокъ,
Бесѣда праотца съ потомкомъ о быломъ,
Тѣмъ менѣе завидна и прекрасна?
Смирися, другъ, и насъ не отвергай.
Не велика Феррара, но за это
Отсюда можешь ты, какъ съ пристани, спокойно
Всѣ царства и народы созерцать.

ТАССО.

Всѣхъ царствъ земли Феррара мнѣ дороже!
Не здѣсь ли я увидѣлъ въ первый разъ
Италіи моей достойнѣйшихъ собратій?
Не я ли былъ свидѣтелемъ тѣхъ дней,
Великодушія, празднествъ и славы,
Которыми ихъ доблесть награждалъ
Феррарскій дворъ? Неопытный, случайно
Я приведенъ сюда въ тотъ самый день,
Когда весь цвѣтъ Италіи, казалось,
Въ одинъ вѣнокъ Феррара собрала.
И живо помню я: вокругъ арены,
Гдѣ мужество и ловкость состязались,
Вокругъ блестящаго собранія мужей,
Широкою гирландой рисовалось
Собраніе прелестнѣйшихъ изъ женъ.
Напрасно глазъ хотѣлъ бы ихъ исчислить:
Величественъ, несмѣтенъ былъ ихъ сонмъ!
Напрасно бы изъ нихъ кому сказали,
Чтобъ лучшаго изъ всѣхъ онъ указалъ,
Чтобъ изо всѣхъ достойнѣйшаго назвалъ —
Ихъ не было — достойны были всѣ!
Шлемы, щиты и броня золотая — сіяли,
Мечь ударялъ по металлу, и трубные звуки
Съ топотомъ звонкихъ копытъ раздавались далече;
Въ небо летѣли желѣзные копьевъ обломки;
Облако пыли, клубясь, мгновенно скрывало
Стыдъ побѣжденныхъ и славу побѣды стяжавшихъ...
Но я молчу: живою укоризной
Прошедшее встаетъ передо мной.

ПРИНЦЕССА.

Примѣрами живетъ нашъ юный умъ:
И ежели тѣ дни тебя очаровали
И вызвали на подвигъ и на трудъ,
Надѣяться позволь, что въ то же время,
Я бы могла тебѣ явить собою
Терпѣнія смирный образецъ.
Я не была участницею славныхъ,
На долго памятныхъ Италіи празднествъ;
Я не видала ихъ; въ покоѣ отдаленномъ,
Куда едва послѣдній отголосокъ
Всеобщей радости невнятно достигалъ —
Страдала я. Ужъ черный образъ смерти
Мнѣ застилалъ цвѣтистый жизни путь,
И вѣяло съ его широкихъ крылій
Предсмертное дыханье на меня.
Воскресла я — и мнѣ опять предстали,
Сперва какъ-бы въ слѣпыя тьмы и свѣта,
Вседневныхъ призраковъ знакомыя черты;
Разсѣялся туманъ — и пестрая, живая,
Разнообразная картина жизни снова
Привѣтливо смотрѣла на меня.
И опираясь на моихъ прислужницъ, — помню,
Изъ комнаты я вышла въ первый разъ
Взглянуть на солнце. Тутъ я встрѣтила сестру,
Цвѣтущую Лукрецію; она
Шла объ руку съ тобой; и тутъ же
Представила тебя. Ты первый былъ,
Кто встрѣтился мнѣ въ этой новой жизни!
Мнѣ многое тогда надежда обѣщала,
И, кажется, она сдержала свой обѣтъ.

А. Струговщиковъ.

ЦЫГАНСКІЙ ТАБОРЪ.

И богатства не возьмемъ
За свою свободу!....

(Цыганская пѣсня.)

Дика гармонія пол-дикаго народа,
И мраченъ и крикливъ звукъ громкихъ голосовъ;
Но дышутъ въ пѣсняхъ ихъ отвага и свобода,
Первоначальные оттѣнки ихъ отцовъ!
Когда веселіемъ, восторгомъ вдохновенный,
Вдругъ удалую пѣснь весь таборъ запоетъ,
И громкій плескъ похвалъ, повсюду пробужденный
Безпечные умы цыгановъ увлечетъ, —
На смуглыхъ лицахъ ихъ вдругъ радость заиграетъ,
Въ глазахъ полуденныхъ веселье загоритъ,
И все въ нихъ пламенно и ясно выражаетъ,
Что чувство сильное ихъ души шевелитъ!
Нельзя, нельзя тогда внимать безъ восхищенья
Напѣву чудному взволнованныхъ страстей!
Нельзя не ощущать музыки упоенья;
Нельзя отчета дать въ унылости своей!
Поютъ..... и имъ душа внушаетъ эти звуки;
То страстно бѣшены, то жалобны они;
Въ нихъ все, и рѣзвый смѣхъ, и голосъ томной муки,
И ревность грозная и ворожба любви,
И брани смѣлый вопль, и буйное раздолье,
И жизни безъ заботъ похмѣльное приволье!....
Ихъ таборъ сборище алмей и удальцевъ;
Концертъ ихъ арія, вой ада съ пѣсню рая,
Востока дивнаго поэзія живая,
Гимнъ фантастическій Шекспировыхъ духовъ!
Но вотъ гремящій хоръ внезапно умолкаетъ....
И Таня томная одна межъ нихъ слышна,
И голосъ пламенный до сердца проникаетъ,
И меланхолію вселяетъ въ немъ она.
Блѣдна, задумчива, страдальчески прекрасна,
Она измучена сердечною грозой;
На ней видна печать любови нѣжной, страстной,
И всѣ черты ея исполнены тоской.
О! какъ она мила!... Какъ грустно ея пѣнье!
Какъ сильно трогаетъ, какъ нравится она!...
Душа внимаетъ ей въ безмолвномъ наслажденьи,
Какъ-бы предчувствіемъ нежданныхъ благъ полна!
Но если запоетъ она вамъ повѣсть страсти....
Но если о любви твердятъ ея слова.....
О! сердцу слабому напѣвы тѣ бѣда!
Не избѣжитъ оно заразы ихъ и власти,
Не обойдутъ его тревога и тоска!....
Дика гармонія пол-дикаго народа
И мраченъ и крикливъ звукъ громкихъ голосовъ,
Но дышутъ въ пѣсняхъ ихъ отвага и свобода,
Первоначальные оттѣнки ихъ отцовъ!

Грф. Р. — на.

ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО.

Порой, когда все спитъ, восторженный вполнѣ,
Подъ звѣзднымъ куполомъ сажусь я въ тишинѣ;
Къ полету времени безчувственъ — жду и внемлю,
Не спидутъ ли съ небесъ глаголы ихъ на землю,
И, трепетный, смотрю на праздникъ торжества,
Ниспосланнаго въ ночь земли отъ божества,
И мнится: тѣ огни, что въ безднахъ пламенѣютъ,
Мою лишь только грудь, мое лишь сердце грѣютъ,
Что мнѣ лишь суждено читать на небесахъ,
Что я — земная тѣнь, ничтожный призракъ, прахъ —
Днесь царь таинственный на пышномъ тронѣ ночи,
Что небо блескомъ звѣздъ мои лишь тѣшитъ очи.

В. Бенедиктовъ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Ягодка, ягодка!
Красная ягодка!
Что не на солнышкѣ
Спѣешь и рдѣешь ты?
Что ты закрылася
Частыми листьями?
Что ты прижалася
Къ тѣнистой вѣточкѣ?
Ягодку вижу я,
Ею любуюся.
Только ты вызрѣешь,
Съ вѣтки наклонишься
Полной головкою,
Тихо прибližуся,
Тихо приму тебя
Въ свѣтлое блюдечко.
Спѣй, моя ягодка,
Въ сѣни хранительной,
Пей, моя ягодка,
Соки душистые!
Не покажу тебя
Другу, ни недругу!
Не покажу тебя
Брату родимому!
Чтобы не сорвали,
Чтобы не отняли
Красную ягодку!

Ивельевъ.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ ПАНТЕОНУ.

(Писанная на праздникъ *рожденія* его.)

Баю, баюшки-баю!
Слушай пѣсенку мою:

Вырастай, нашъ *Пантеонъ*
Всѣхъ театровъ европейскихъ;
Будь, малюточка, уменъ;
Не давай намъ драмъ злодѣйскихъ,
Патріото-фарисейскихъ;
Ни комедій штукодѣйскихъ,
Сценъ трактирныхъ и халдейскихъ,
Водевилей полицейскихъ
И куплетовъ — изъ лакейскихъ!

Баю, баю — Пантеонъ!
Если хочешь быть уменъ,—
Не засыпь насъ-пылью, голью,
Критикъ — кухонною солью;
Не вертись изъ за гроша!
Предоставь другимъ ты моду
Оцѣнять всѣхъ по приходу
И кричать изъ барыша,
Что и пустошь хороша!
Не давай разгула злобѣ,
Плюнь на гнѣвъ журнальной дроби,
Предъ талантомъ скинь колпакъ,
Въ ссорѣ — въ пазуху кулакъ!!
Вотъ тогда-то, *Пантеонъ*,
Всѣхъ театровъ европейскихъ,
Будешь крѣпко ты уменъ,
Безъ продѣлочекъ гильдейскихъ.
Благороденъ не бранчивъ,
Возростешь ты милъ, учливъ;
Въ перекорѣ интригъ злодѣйскихъ,
Не дойдешь до елпсейскихъ.....
И съ наружи какъ смазливъ,
Такъ же будешь ты счастливъ! —

Баю, баюшки баю,
Помни пѣсеньку мою!!

А. Башуцкій.

МЕЛОДІЯ.

(К. А. Д.)

Есть страна на сѣверѣ, сердцу драгоцѣнная;
Въ нейгѣ поэтической
Пѣла лишь веселье тамъ лира вдохновенная
Пѣснью гармонической.
Сердцу не забыть ее предъ природой новою:
Съ ней жизнь сердца связана.
Словно драгоцѣнною лентой бирюзою,
Волгой опоясана,
Взору предстоитъ она стройною картиною,
Чудомъ оживленною:
Волны нѣжатъ слухъ — ея дикой каватиною,
Съ эхомъ соглашенною.
Розы кашемирскія ароматомъ дышутъ въ ней,
Небо — какъ въ Авзоніи;
Соловьи китайскіе въ рощахъ распѣваютъ ей
Дивныя симфоніи.
Какъ она плѣнительна, ризою пурпурною
Солнца облеченная!
Какъ она торжественна, въ непогоду бурную
Громомъ ополченная!
Какъ она, раскинувши тѣни чародѣйскія
Полночи мечтательной,
Навѣваетъ на душу думы нежитейскія
Силой обаятельной!...
Тамъ, срывая весело лиліи цвѣтущія
Съ поля ароматнаго,
Бѣгалъ рѣзвый юноша, въ дни быстротекущіе
Лѣта благодатнаго.
Пылкій любовался онъ міра лучезарнаго
Стройною красивостью;
Ложнымъ обольщеніямъ счастія коварнаго
Вѣря съ дѣтскою живостью:
Жизнь цѣнилъ онъ дорого, дѣвой восхитительной
Передъ нимъ представшею.
Тамъ сдружился съ музой онъ, пѣснью усладительной
Слухъ очаровавшею.
Горя въ чашу радостей жизни поэтической
Не было примѣшано;
Отъ очей мечтателя дымкой фантастической
Даль была завѣшена;
Все было одѣто тамъ праздничной одеждою,
Все такъ улыбалося,
И чего то сердце тамъ, съ страхомъ и надеждою,
Ждало — не дождалося....
Дни летѣли соколомъ... вдругъ все измѣнилося....
Увлеченъ желаньями,
Я проснулся съ родиной; шибко сердце билося
Новыми страданьями....
Отлетѣлъ надеждъ моихъ призракъ обольстительный,
Счастье измѣнило мнѣ,
И теперь гнететъ меня думой сокрушительной
Горе по родной странѣ.
Шлю привѣтъ то вздохомъ ей, то мечтой суровою;
Въ мысляхъ каждый часъ она.
Сердцу не забыть ее предъ природой новою:
Съ ней жизнь сердца связана..-

Н. Некрасовъ.

ПРОВИНЦІЯЛЬНЫЙ ПОДЪЯЧІЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(Снова-здорово!)

Хоть другъ я аккуратности,
Хоть я не ротозей,
Избѣгнуть коловратности
Не могъ я въ жизни сей.
Вернуться съ первой станціи
Я въ Питеръ долженъ былъ,
Понеже въ немъ квитанціи
По дѣлу позабылъ.
Въ великую конфузію
Былъ тѣмъ я приведенъ,
Какъ будто бы контузію
Мнѣ далъ Наполеонъ.
Меня такъ озадачило,
Что тутъ же на пути,
Какъ въ лихорадкѣ, начало
Въ саняхъ меня трясти.
Я чуть не обморозился,
Не могъ ни ѣсть, ни спать;
Пріѣхавъ, прямо бросился
Квитанціи искать.
Хозяйка той гостинницы,
Гдѣ я стоялъ, была
Въ тотъ день у именинницы
И комнатъ не мѣла.
«Ну, это молвилъ радостно
Я самъ себѣ, къ добру!»
Искалъ съ надеждой сладостной
И все нашелъ въ сору....
Душа въ какихъ то сладостяхъ
Тонула у меня;
Я въ Питерѣ на радостяхъ,
Остался на три дня.

На Невскомъ у механика
Казалъ мнѣ кумъ Антипъ
Картины, въ видѣ пряника, —
То есть — дагеротипъ.
Божуся вамъ сурьезно я:
Ихъ солнушко печетъ;
Ну, штука прекурьозная:
Нѣмецкій все расчетъ!
Ходилъ я въ Академію
Помпею ту смотрѣть,
За что Брюлову премію
Пришлося возымѣть.
Вотъ это прелесть сущая!
Картина вся въ огняхъ,
Народу тамъ тма-тмущая
Пѣшкомъ и на коняхъ.
И видно что съ постели ихъ,
Спугнулъ всѣхъ ночью страхъ:
Иные безъ сапогъ изъ нихъ,
Иные въ колпакахъ.

Тамъ мальчикъ, такой душенька,
На улицѣ лежитъ,
И точно мой Петрушенька
Глазенками глядитъ.
Тамъ деньги, ради прибыли,
Сбираетъ съ мостовой,
Согнувшись въ три погибели,
Кащей такой сѣдой.
На псковскаго подъячаго
Похожъ, ни дать ни взять,
Теперь съ того не для чего
Портрета рисовать.
Тамъ дама авантажная
Катилась въ поныхахъ,
Хоть одноколка важная,
А вся расшиблась въ прахъ.
Сумятица ужасная!
Помпея же въ пожаръ
Усѣлася несчастная
Одна на тротуаръ.
Какой то хватъ пригоженькій
Съ собой старушку звалъ:
Куда!—Отпялись ноженьки:
Послѣдній день насталъ.
Отмѣнно нарисовано,
Отличнѣйшая вещь!
Я былъ къ ней какъ прикованный,
Впился въ нея, какъ клещь.
Такъ живо представляется,
Что хоть рукой бы взять.
Брюловъ нашъ отличается,
Ужъ нечего сказать!...
Конторы всѣ питейныя,
Горѣвшія въ ту ночь,
Заводы оружейные
Потрафилъ онъ точь въ точь.
Я думалъ: не въ чаду ли я?
Похоже чудо какъ;
Былъ самъ въ то время въ Тулѣ я:
Дѣйствительно все такъ.
Создатель! Что за множество
Тамъ разныхъ этихъ залъ;
Я всякаго художества
Тамъ пропасть повстрѣчалъ.
А лучше всѣхъ красуется
Статуя мужика:
Онъ важно въ бабки дуется,
И видно, что битка!
По выходѣ изъ комнатъ сихъ
Я мимо сфинокъ шелъ,
И было не замѣтилъ ихъ,
Да надпись вдругъ прочелъ:
Мемнономъ представлены
Въ святый нашъ Петроградъ
На пристань здѣсь поставлены.
Дѣйствительно стоятъ.
Скажу, *огромныя сіи*
Двѣ сфинкси — чудеса:

Въ фалборкахъ, какъ пзъ кисеи
Закрыты волоса.
Такихъ чудныхъ окромѣ я
Не видѣлъ отродясь:
У нихъ физіономія
Такая какъ у насъ!
Вотъ выдумка забавная —
Въ театрѣ маскерадъ!
Попировалъ тамъ славно я,
Ужъ подлинно впопадъ.
Какъ въ дни великопостные,
Во всей таки красѣ,
Такіе пресурьезные,
Тамъ въ шляпахъ ходятъ всѣ.
На всѣхъ салопы черные
До самыхъ до колѣнъ,
А на иныхъ отборные
Наряды всѣхъ племенъ;
Какъ будто съ чайныхъ ящиковъ
Пришли всѣ въ маскерадъ.
Кабы достать обращиковъ
Весь Псковъ нашъ будетъ радъ.
Ужъ стали бы отхватывать
Мазурку — ай *люли*!
Съумѣли бъ всѣхъ порадовать,
Какъ въ плясъ бы мы пошли.
А здѣсь что? — Какъ уходятся —
Расходятся домой;
За это деньги платятся:
Обычай ужъ такой!...
Раскланяюсь почтительно
Теперь безъ дальнихъ словъ;
Прощайте! Ужъ дѣйствительно
Я завтра ѣду въ Псковъ....

Оконистъ Бобъ.

НАШЪ ВѢКЪ.

Свѣтъ похожъ на торгъ, гдѣ вѣчно,
Надувать другихъ любя,
Человѣкъ безчеловѣчно
Надуваетъ самъ себя.
Всѣ помѣшаны формально.
Помѣшался *сей* на томъ,
Что, потѣя, листъ журнальный
Растянуть не могъ на томъ;
Тотъ за устрицу съ лимономъ
Радъ отдать и жизнь и честь;
Бредитъ тотъ Наполеономъ,
И успѣлъ всѣмъ надоѣсть.
Тотъ подъ прессъ кладетъ картофель,
Тотъ закладываетъ домъ,
Тотъ, какъ новый Мефистофель,
Щеголяетъ алымъ перомъ.
Тотъ надутъ боярской спѣсью,
Тотъ надутъ своей женой;
Тотъ чинамъ, тотъ рнемобѣсью
Преданъ тѣломъ и душой.
У того карманъ толстѣетъ,
Оттого что тонокъ самъ,
Что журналъ его худѣетъ,
Не по днямъ, а по часамъ.
Тотъ у всей литературы
Снялъ на откупъ задній дворъ,
Съ журналистомъ шуры — муры
Свелъ — и ну печатать вздоръ.
Тотъ мудрецъ, тотъ тонетъ въ грезахъ,
Тотъ состряпалъ экипажъ
И за славой на колесахъ
Трехсаженныхъ маршъ, маршъ, маршъ!
Отъ паровъ весь свѣтъ въ угарѣ,
Все пошло отъ нихъ вверхъ дномъ;
Нынче всякому на парѣ
Ѣздить стало не почемъ.
Умъ по всемъ концамъ Европы
Къ изобрѣтеньямъ прилипъ,
Телеграфы, микроскопы
Газъ, асфальтъ, дагерротипъ,
Свѣтописные эстампы,
Переносный сжатый гасъ,
Гальваническія лампы,
Каучуковый атласъ,
Паровозы, пароходы,
Переносные дома,
Летоходы, вѣсоходы,
Страховыхъ компаній тма!
Пневматическія трубы,
Стеаринъ и спермацетъ,
Металлическіе зубы,
Сбили съ толку бѣлый свѣтъ.
Доктора свои находки
Сыплютъ щедрою рукой,
Лечатъ солью отъ чахотки
И водой отъ водяной;
Въ бога здравья тянутъ воду,
Воду всѣмъ тянуть велятъ,
И, того гляди природу,
Отъ сухотки уморятъ;
Водяная медицина
Наводнила пѣлый свѣтъ,
Паціэнтамъ же отъ сплина
Въ кошелькѣ — лекарства нѣтъ....

Съ быстротою паровоза
Совершенствуется вѣкъ;
Ни пожара, ни мороза
Не боится человѣкъ.
Что для насъ потопъ, засухи?!
Есть такіе лихачи,
Изъ воды — выходятъ сухи,
Изъ огня — не горячи.
Въ дѣлѣ разные языки,
Руки, ноги, голова;
Всѣ мы мудры, всѣ велики,
Все намъ стало трынъ-трава.
Нѣтъ для насъ ужъ тайны въ морѣ:
Были на его мы днѣ;
Кто же знаетъ? Можетъ вскорѣ
Побываемъ на лунѣ.
А потомъ, какъ знать! съ терпѣньемъ
Гдѣ не будетъ человѣкъ?...
Малой съ толкомъ, съ просвѣщеньемъ
Далеко пойдетъ нашъ вѣкъ!...

КАРЕТА.

Карету мнѣ, карету!

Горе отъ ума.

1.

Поглядишь, на бѣломъ свѣтѣ
Ужъ куда народъ смѣшной:
Тотъ уваженъ, кто въ каретѣ
Разъѣзжаетъ четвернёй.
Но что дѣлать, мода эта
Въ знатномъ мірѣ принята,
Хоть частехонько карета
Только на день нанята.

2.

И во мнѣньи этомъ шаткомъ,
Часто судятъ сгоряча
По каретѣ и лошадкамъ
О достоинствѣ врача.
Будь съ пустою головою,
Но ручаюсь напередъ:
Если ѣздитъ *четвернею*
Вѣрно въ *четверо* возметъ.

3.

Тотъ и въ *дамахъ* обманулся,
Проглядѣлъ въ *очки* глаза,
Шелъ шажкомъ и только *гнулся*,
Если кто давалъ *туза*. ..
И узналъ, какъ гнуться горько...
Но посмотришь, сталъ иной:
Повезла ему *четверка*
И поѣхалъ *четверней*

4.

Батраки литературы
Четверни не запрягутъ,
Даже, ежели и куры
У нихъ денегъ не клюютъ.
Хотъ на Ванькѣ часто ѣдутъ,
А ихъ все Пегасъ везетъ....
И кого они доѣдутъ,
Тотъ далеко не уйдетъ.

5.

Всѣ турусы на колесахъ
Шеголихи любятъ страхъ,
А разсыплешься въ распросахъ:
Нѣтъ *такой-то* на балахъ;
Выходить совсѣмъ не можетъ,
Четверни ж своей она
Потому лишь не заложитъ,
Что давно заложена.

6.

Если ищете вы мѣста,
Или должности какой,
Или сыщется невѣста
Съ капитальной красотой!
Будьте смѣтливы и зорки,
Мой совѣтъ на этотъ счетъ:
Подъѣзжайте на четверкѣ
И вамъ вѣрно повезетъ.

Ѳ. Копп.

ПРИДВОРНАЯ ТРУППА АКТЕРОВЪ

ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА

ВЪ МОСКВѢ, ВЪ 1812 ГОДУ *.

Москва, великолѣпная, древняя столица Россіи, была искони театромъ всѣхъ драматическихъ событій нашего отечества. Сколько печальныхъ, кровавыхъ драмъ, сколько великихъ, торжественныхъ явленій разыграно на этой сценѣ въ теченіе семи вѣковъ ея! Какими воплями не оглашались ея сѣдыя стѣны? Сколько сладостныхъ гимновъ прозвучало надъ ея Кремлемъ! Какіе народы не выступали въ ней на позорищѣ! Разверните историческую партитуру *Москвы матушки* и сердце ваше содрогнется и радостно затрепещетъ при величественной симфоніи, гдѣ всѣ возможные звуки сливаются въ одинъ великій гимнъ торжества и славы. Звучатъ мечи Монгольскіе, гремятъ литавры Сигизмунда, рокочетъ вопль Стрѣльцевъ и надъ всѣмъ гудитъ стоустный хоръ колоколовъ, покрываемый вѣщимъ, громовымъ голосомъ Ивана Великаго. Нѣтъ, Москва не сердце Россіи! Она чувствительная струна ея сердца, Эолова арфа ея бытія, ея мысли, ея вѣрованій. Прикоснитесь къ этой струнѣ — и сочувствіе пробѣжитъ по всѣмъ жиламъ русской земли, отзовется въ каждомъ сердцѣ. Многіе поэты воспѣвали Москву, величая ее то *бѣлокаменною*, то *златоглавою*! Правда, тверда она, какъ *камень*, свѣтла, какъ *золото*;—но не въ томъ высокій смыслъ ея значенія. Его понялъ только одинъ поэтъ и выразилъ однимъ стихомъ:

«Москва! Москва! — Какъ много въ этомъ словѣ
«Для сердца Русскаго слилось!»

Поэтъ этотъ былъ Русскій въ душѣ и любимецъ Россіи,—это былъ *Пушкинъ*. Высокую, правдивую мысль заковалъ онъ въ свой стихъ, который не умретъ, пока побѣдоносный орелъ Русскій не опуститъ крыльевъ надъ святыми башнями Кремля величаваго. Но простите: я увлекаюсь! Не могу говорить хладнокровно Москвѣ, гдѣ небо даровало мнѣ жизнь, земля вскормила, а отчизна озарила душу свѣтомъ мысли и чувства!

Изъ всѣхъ величественныхъ драмъ, которыхъ Москва была театромъ, ни одна не разыгралась такъ торжест-

* Матеріялами для этой статьи служили: записки *С. Н. Глинки*, воспоминанія генералъ-интенданта Императорскаго-Парижскаго двора, *де-Бёссе*, и разсказы нѣкоторыхъ очевидцевъ.

венно, какъ великая драма *нашествія двудесяти языкъ* въ вѣчнопамятный 1812 годъ. Москва освѣтила пугачнымъ пожаромъ сцену своего позора. Сердца и улицы пылали, огненными змѣйками переливались золотыя главы Кремля, кровавымъ моремъ обхватило небо любимую дочь Россіи, и гордо блистали золотые орлы Москвы,— когда пасмурный побѣдитель вступилъ въ святыню Руси. Пріемъ былъ великолѣпный! Сердцу русскому любо и дорого; жутко и горько иновѣрцу! Какія думы клубились въ душѣ побѣдителя полъ-европы, когда онъ, скрестивъ руки, изъ-подъ маленькой трехъ-уголки, озиралъ съ высотъ кремлевскихъ потѣшные огни Москвы, игравшіе въ голубыхъ извивахъ ея рѣки, не охотно тушившей великій народный нашъ пожаръ? Не гордо, не низко мыслилъ онъ о Россіи, которая была способна на такое жертвоприношеніе. Какъ новый Валтазаръ, не прочелъ ли онъ въ этихъ огненныхъ буквахъ будущую судьбу свою? Но побѣдитель походилъ болѣе на побѣжденнаго. Въ продолженіе всего пребыванія своего въ Москвѣ Наполеонъ былъ пасмуренъ и мѣнялъ нѣсколько разъ Кремлевскія палаты, на Петровскій дворецъ. Вездѣ выгонялъ его пепелъ развалинъ и удушливый запахъ пожарищъ и дыма. То былъ Русскій духъ, тамъ русью пахло! Томимый тайнымъ предчувствіемъ, онъ никогда еще не заботился такъ усердно о развлеченіи, объ удобольствіяхъ своего утомленнаго войска. Театръ казался ему потребностію военною въ эти минуты. И вотъ, среди треска и огней, среди пепелищъ и развалинъ, среди плача и рыданій Русскихъ, загремѣли увертюры его любимыхъ компонистовъ, раздались стихи Расина и Корнеля, полились веселые куплеты Парижскихъ водевилей.

Какъ изумительно страшна была участь всѣхъ театровъ Московскихъ, я имѣлъ уже случай однажды разсказать. Всѣ они гибли и возраждались отъ пожаровъ. Послѣ театра, сгорѣвшаго на Остоженкѣ, родился Петровскій театръ, въ роскошной залѣ котораго свободно помѣщалось до семи тысячъ человѣкъ. *Русалка* обвила его своими огненными объятіями и великанъ истлѣлъ въ пламени ея поцѣлуевъ: остался одинъ голый оставъ. Тогда былъ построенъ театръ у Арбатскихъ воротъ. 30-го Августа 1812 года, когда уже отгремѣла трагедія Бородинская, давали на немъ въ послѣдній разъ драму С. Н. Глинки: *Наталья, болярская дочь*, въ которой важную роль играетъ пожаръ. Это было какъ бы предсказаніемъ участи театра, слившагося въ общую лаву московскаго пожара. Когда русскіе люди сами зажигали жилища отцевъ своихъ и любовались алчностью стихіи, музы не хотѣли отстать отъ нихъ въ великодушіи и принесли храмъ свой на жертву Немезидѣ. Императорская труппа Наполеона, тѣшившая разгульное войско враговъ въ годину нашихъ слезъ и бѣдствій, не осквернила ни одной сцены Русской. Префектъ Императорскаго двора, Генералъ Боссе, долженъ былъ отыскать особенный домъ для французскихъ представленій—во время занятія Москвы Наполеоновскими войсками.

Въ прекрасномъ домѣ Познякова, на Никитской улицѣ, еще до двѣнадцаго года, существовалъ театръ. Хозяинъ имѣлъ свою дворовую труппу актеровъ, свой оркестръ и свой домовый балетъ. Домъ Познякова уцѣлѣлъ отъ пожара, но не избѣгъ хищничества *побѣдоносной гвардіи*. Парча, украшавшая ложи, была сорвана, богатые люстры и канделабры исчезли, золоченая мебель лежала въ развалинахъ, безъ штофныхъ подушекъ. Одни обезображенныя каріатиды, единственные свидѣтели послѣдней буйной сцены, разыгранной въ этомъ театрѣ непризванными актерами, остались безмолвными сторожами раз-

рушеннаго храма, гдѣ роскошь съ искусствомъ еще незадолго праздновали свои торжества. Этотъ небольшой домашній театръ русскаго барина былъ избранъ генераломъ Боссе для Императорской французской труппы и обратился въ истинный *театръ свѣта*, гдѣ зрителями были воины двадцати Европейскихъ народовъ.

Послѣ Тильзитскаго мира, образовалась въ Москвѣ французская труппа актеровъ, подъ управленіемъ госпожи Бюрсей, женщины чрезвычайно умной, образованной и оборотливой. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ въ г-жѣ Бюрсей развилась наклонность къ изящнымъ искусствамъ: къ поэзіи, къ музыкѣ, къ театру. Весь Парижъ ахалъ отъ ея необыкновенныхъ способностей и распускавшейся, подобно розѣ, красоты. На двѣнадцатомъ году жизни, этотъ чудо-ребенокъ, этотъ Санназаръ въ женскомъ платьѣ, дарилъ уже вѣнками старика Вольтера. Вотъ что писала маленькая Аврора фернейскому философу:

Я видѣла твою *Альзиру:*
Лились слезы изъ очей;
Но посмотрѣвъ твою *Заиру* —
Я стала чувствовать сильнѣй.

Старикъ не любилъ оставаться въ долгу, и вотъ чѣмъ отплатилъ онъ малюткѣ:

De votre esprit la force est si puissante,
Que vous pourriez vous passer de beauté;
De vos attraits la grâce est si piquante,
Que sans ésprit vous auriez enchanté.
Si votre coeur ne sait pas comme on aime,
Ces dons charmants sont de dons superflus:
Un sentiment est seul fois audessu
Et de l'esprit et de la beauté même.

Въ переводѣ это значило бы почти вотъ что:

Въ умѣ у васъ такъ много дивной силы,
Что не придастъ цѣны вамъ красота сама,
Но вы притомъ такъ хороши и милы,
Что даже безъ ума—сводили бъ всѣхъ съ ума.
Но ежели душа любви не постигаетъ,
Земные всѣ дары — ничтожныя мечты:
Лишь чувство пылкое сторицей превышаетъ,
И красоту ума и прелесть красоты.

Этими стихами началась извѣстность дѣвицы *Авроры:* переводъ драмы Коцебу: *Ненависть къ людямъ и раскаяніе* упрочили ей славу и состояніе. Шестнадцатилѣтняя *Аврора* вышла замужъ за Г. Бюрсея, — свѣтило одного изъ второстепенныхъ парижскихъ театровъ. На двадцать второмъ году, г-жа Бюрсей была вдова, свободна и такъ же румяна и свѣжа, какъ прежняя Аврора.

Богъ знаетъ, какая судьба, или какія надежды, привели Г-жу Бюрсей въ Россію, только и здѣсь ея таланты и красота имѣли то же магическое дѣйствіе, надъ труппою и надъ публикой какъ и во Франціи.

Въ то время, какъ ужъ завязалась отечественная война съ Французами, гостепріимная Москва, покоренная искусствомъ Бюрсей, раздавала ей побѣдные вѣнки и осыпала щедрыми рукоплесканіями французскихъ артистовъ. Но вотъ гроза приближалась къ самому сердцу Россіи. Участь Москвы была рѣшена. Готовясь къ великому патріотическому подвигу, жители древней столицы укладывались и выѣзжали изъ города. Имъ нѣкогда было заняться жребіемъ французскихъ актеровъ; другой спектакль былъ у нихъ на умѣ: войска двадцати народовъ входили въ столицу Руси; надлежало принять гостей достойнымъ образомъ, съ трескомъ и громомъ, съ потѣшными огнями на улицахъ, съ просторомъ и раздольемъ въ домахъ. Надо отдать справедливость москвитянамъ: они устроили праздникъ мастерски. Едва ли непріятель могъ попрекнуть русскихъ *холоднымъ пріемомъ*. Суматоха разъѣзда была безпримѣрная. У бѣдныхъ актеровъ сперва отобрали, что могли, выходцы московскіе, потомъ солдаты Наполеона,

которые не справлялись, кто свой, кто чужой; наконецъ пожаръ огненными руками отнялъ у нихъ остальное. Цари кулисъ утратили свою порфиру и облеклись въ серпяжное рубище; русскіе лапти замѣнили — державныя сандаліи. Въ этомъ положеніи встрѣтилъ вольныхъ питомцевъ музъ генералъ Боссе. Во время завтрака Наполеона, онъ доложилъ ему о печальной ихъ участи. Императоръ обрадовался и приказалъ имъ выдать значительную сумму денегъ. Находка актеровъ совершенно согласовалась съ его мыслію, и тутъ же было рѣшено: устроить для развлеченія войска временной театръ. Генералъ Боссе, который наканунѣ бородинской битвы прибылъ въ дѣйствующую армію, чтобъ доставить Императору портретъ его сына, Короля Римскаго, получилъ повелѣніе не оставлять главнаго штаба, и тутъ же былъ именованъ директоромъ императорскаго театра въ Москвѣ. Генералъ-интендантъ дворца тотчасъ вступилъ въ свою новую должность, и сдѣлалъ въ тотъ же день всѣ нужныя распоряженія. Г-жа Бюрсей представила ему всѣхъ членовъ своей труппы. Труппа ея состояла изъ Адне, перваго трагика парижскаго театра Сен-Мартенскихъ воротъ, Перу, Госсе, Лефевра и г-жъ Андре, Перигюи, Лекень, Фюзи, Ламираль и Адне. Вѣрно ни одинъ директоръ театра не сподоблялся видѣть и принимать такое странное, можно сказать, траги-комическое представленіе, какъ генералъ Боссе. *Главный трагикъ* явился къ нему въ фризовой шинели и шапкѣ ополченія; *первый любовникъ*, въ семинарскомъ сюртукѣ, и треугольной шляпѣ; *благородный отецъ*, безъ сапогъ и съ дыравымъ локтемъ; *тиранъ*, нуждался въ необходимѣйшей части туалета и прикрывалъ наготу коротенькимъ испанскимъ плащемъ, который случайно уцѣлѣлъ у его товарищей. Дамы еще менѣе подходили къ модной картинкѣ, чѣмъ мужчины. Вся труппа была разряжена, какъ будто шла въ маскарадъ нищихъ и бродягъ. Одна только директриса, г-жа Бюрсей, при красной душегрейкѣ на заячьемъ мѣху умѣла украситься фрезкой Маріи Стюартъ и черною бархатною чалмою съ страусовымъ перомъ, въ которомъ нѣкогда играла и въ *Трехъ Султаншахъ* и въ *Заирѣ*. Сдѣлавъ смотръ своей новой командѣ, Боссе составилъ съ г-жей Бюрсей репертуаръ. Вѣроятно, отъ начала всѣхъ театровъ въ мірѣ, не существовало общества актеровъ столь согласнаго и сговорчиваго. Вел закулисная политика померкла отъ важнаго политическаго переворота, въ которомъ они были непроизвольными дѣйствователями. При раздачѣ ролей не было ни споровъ, ни зависти, ни соперничества. Интрига, испуганная звукомъ оружія, бѣжала со сцены и первые ея герои, молча, покорялись всепобѣждающей власти. Никогда самолюбіе артистовъ не было противопоставлено такимъ внутреннимъ борепіямъ, какъ здѣсь. Каждый изъ членовъ труппы, понесъ важныя утраты, многіе лишились не одного имѣнія, но ближайшихъ родственниковъ, надеждъ, будущности, и когда раны сердца еще истекали кровью, имъ надлежало выйти на сцену, чтобъ забавлять виновниковъ своихъ бѣдствій. Ужасное состояніе для человѣка съ чувствомъ глубокимъ и истиннымъ!

Прежде всего былъ приведенъ въ порядокъ полуразрушенный театръ Позпякова. Его очистили выбѣлили; ложи украсились разноцвѣтной драпировкой, занавѣсъ былъ сшитъ изъ цѣльной парчи, которой довольно находилось въ золотокружныхъ рядахъ, спасенныхъ отъ хищничества. Съ потолка спустилось стосемидесяти-мѣстное паникадило, изъ чистаго серебра, которое нѣкогда украшало совсѣмъ иной храмъ. Сцена была убрана не толь

пристойнымъ образомъ, но даже съ роскошью. Богатѣйшая мебель, драгоцѣнныя украшенія, живые цвѣты, мраморы и бронзы, столь дешевые въ военное время, явились въ изобиліи на императорскомъ театрѣ Наполеона. Ихъ извлекали изъ подъ пепла, изъ подъ земныхъ тайниковъ, куда Москвитяне скрывали свои сокровища, — предавая жилища огню. Кремлевскія палаты, галлерея Чудова монастыря и церковь Ивановской колокольни были биткомъ набиты всѣми возможными драгоцѣнностями, извлеченными изъ подъ земли. Графъ Дюма, которому Наполеонъ поручилъ надзоръ за Кремлемъ, открылъ сокровищницы передъ новымъ директоромъ театра, и Боссе обратилъ ихъ въ гардеробныя и бутафорныя залы своей труппы. Нельзя себѣ представить жадности, съ которою оборванные, почти нагіе артисты, бросились вскрывать тяжелые сундуки бояръ московскихъ, развязывать чемоданы и огромные узлы, изъ которыхъ торчали клочки платья или другія вещи, относящіяся къ туалету. Мужчины дѣлили дѣдовскіе кафтаны русскихъ, примѣряли старое оружіе, здѣсь оно было безопасно, Москва находилась въ рукахъ ихъ соотечественниковъ. Женщины отнимали другъ у дружки старинныя, атласныя робронды нашихъ бабушекъ, дрались за бархатные и глазетовые наряды нашихъ щеголихъ, за измятые цвѣты кисейной Флоры; шумъ и крикъ, оглашали древніе своды,—чепцы и токи летѣли на воздухъ. Святыня мѣста представляла странный контрастъ съ явленіями, происходившими въ ней. Въ наслѣдіи московскихъ жителей, алчная толпа искала себѣ вознагражденія за утраты, понесенныя отъ своихъ и чужихъ. Гардеробъ Наполеоновскаго театра могъ щегольнуть богатствомъ и роскошью, доколѣ еще невиданными ни на одномъ театрѣ. Здѣсь не было ничего поддѣльнаго и подрумяненнаго: чистое золото и серебро, дорогая парча, венеціянскій бархатъ, алансонскія кружева и турецкія шали,— пошли на домашній обиходъ сцены. Все было перешито и перекроено на ладъ всѣхъ вѣковъ и націй, и алчные враны, украшенные перьями общипанныхъ павлиновъ, чрезъ три дня готовы были съ гордостью выступить на помосты сцены. Такова природа человѣческая вообще, и природа французская въ особенности. Давно ли злополучная труппа вопіяла и плакала, что лишена всѣхъ средствъ въ жизни; давно ли она готова была проклинать безпокойный духъ Наполеона? но ей дали богатыя платья, отвели роскошное жилище, обратили на нее общее вниманіе и шепнули, что ей суждено содѣйствовать политическимъ планамъ Императора, и вотъ, тѣ же люди, забывъ утраты, гордо величали себя придворными артистами Его Величества, а внутренно почитали себя даже соучастниками его славы. Какъ справедливо сказалъ Жуберъ, одинъ, изъ умнѣйшихъ Французовъ, что «*кромѣ домашней привязанности, Французъ не способенъ ни къ какому продолжительному чувству.*» Здѣсь его мысль совершенно оправдалась. Первая потребность человѣка, и въ особенности артиста, есть самолюбіе: это стихія его бытія. Онъ перенесетъ голодъ и холодъ, — но сердце его хочетъ тепла, самолюбіе требуетъ пищи. Удовлетворите ихъ, и все прочее забыто. Такъ и актеры Наполеоновскіе, нарядившись въ свои богатые костюмы, вышли на сцену съ торжествующимъ видомъ и предались своему артистическому увлеченію душей и тѣломъ. Кантъ говоритъ: «Дай человѣку все, чего онъ желаетъ, и онъ въ ту же минуту почувствуетъ, что это *все* не есть *все*.» Наши актеры совсѣмъ не подходили подъ сентенцію Канта. Въ порывѣ восторга, они не чувствовали себя и, что еще удивительнѣе, не чувствовали даже, что подъ пышною

одеждою у нихъ не доставало необходимѣйшаго бѣлья.

Г-жа Бюрсей поспѣшно и ловко распоряжалась своимъ дѣломъ: три дня спустя послѣ приказа Наполеона, театръ ужъ былъ открытъ, къ великому удовольствію войска и еще большему самого Императора. Для перваго представленія была выбрана піеса, самая приличная, комедія Мариво: *Игра любви и случая* (Les jeux de l'amour et du hasard). Весь этотъ импровизированный театръ, со всѣми своими принадлежностями, актерами и зрителями, самъ былъ ни что иное, какъ комедія и самая странная игра случая. За комедіею слѣдовалъ водевиль: *Любовникъ—авторъ и слуга*, (L'Amant auteur et valet.) Первый спектакль разъигрался блестящимъ образомъ. Актеры играли съ необыкновеннымъ жаромъ; въ нихъ не было ни зависти, ни злобы, ни другихъ закулисныхъ добродѣтелей: они соперничали только въ томъ, кто доставитъ больше удовольствія публикѣ. Зрители не переставали хлопать и *браво* не умолкало. Весь партеръ былъ занятъ солдатами, изъ которыхъ старые драбанты гвардіи, (vieux troupiers) красовались въ первыхъ рядахъ, въ полной формѣ съ крестами Почетнаго Легіона на груди. Оба ряда ложъ наполнены были чиновниками штаба и офицерами всѣхъ войскъ и націй. Французы требовали отъ актеровъ патріотическихъ пѣсень и при каждой вѣрной оказіи кричали: Vive l'Empereur! Vive Napoleon! Не много дамскихъ головокъ можно было насчитать въ ложахъ. Онѣ не принадлежали къ дѣйствующей арміи; то были героини Кузнецкаго Моста, швейки, модистки и нѣкоторыя гувернантки безъ мѣста; словомъ — волонтерки въ императорскихъ войскахъ. Нѣкоторые увѣряютъ, что между зрителями были и русскіе. Это клевета! Въ славную эпоху двѣнадцатаго года русская душа развернулась во всемъ своемъ величіи и красотѣ: подозрѣвать ее въ такомъ униженіи, значитъ осквернить святыню. Можно смѣло сказать, что *русскаго человѣка* — ни одного не было ни въ рядахъ Наполеоновскихъ, ни на побѣдныхъ его торжествахъ!—Оркестръ театра былъ превосходный: его составляли лучшіе музыканты со всѣхъ полковъ императорской гвардіи.

За входъ платили бездѣлицу. Часть сбора употреблялась на покрытіе вечеровыхъ издержекъ за освѣщеніе и отопленіе театра, остальное дѣлили межъ собою артисты. Какъ странно было видѣть между обгорѣлыхъ остовъ домовъ, которые стояли, какъ могильные памятники на опустѣлыхъ улицахъ, великолѣпно освѣщенныя палаты, откуда неслись звуки музыки и гулъ неистовой радости. Съ первыхъ сумраковъ вечера, Москва походила на могилу; за исключеніемъ кварталовъ, гдѣ стояли войска непріятельскія, нигдѣ не видно было слѣда, не слышно звука человѣческаго. Одни голодные псы сбѣгались выть надъ пепелищемъ своихъ урочищъ, да изрѣдка, то тамъ, то здѣсь вспыхивали пожары, словно блуждающіе огни кладбища. Это былъ послѣдній елей, который усердіе народное, какъ Весталка, подливало на жертвенникъ патріотизма чтобъ поддержать священный огонь свой. Французскіе мародеры, содержимые днемъ въ строгой дисциплинѣ, ночью, при всемъ желаніи пошарить въ отдаленныхъ углахъ Москвы, не отваживались пускаться въ извивы незнакомыхъ имъ улицъ, гдѣ на каждомъ шагу могли ихъ встрѣтить измѣна и мщеніе. Немногіе русскіе, оставшіеся въ Москвѣ, скрывались въ самыхъ уединенныхъ углахъ своихъ и торопились съ позаранку загашать огни и крѣпкими запорами припирать желѣзныя ставни и двери домовъ. Бѣдняки скитались по огородамъ и скрывались въ опаленныхъ садахъ московскихъ, отыскивая себѣ скудную

пищу. И такъ Москва, какъ я и выше сказалъ, съ сумракомъ ночи погружалась въ гробовое молчаніе: одна Никитская была полна народомъ. Театръ походилъ на пчелиный улей, около котораго кипѣла и жужжала толпа. Контрастъ его съ остальными частями Москвы можно уподобить буйной оргіи на тризнѣ покойника. Между тѣмъ, какъ товарищи ихъ апплодировали и кричали *браво* артистамъ, гвардейскіе гренадеры и польскіе уланы, поочередно, охраняли театръ, и также хлопали въ ладоши и топали ногами, только не отъ восторга: русская осень присылала съ каждою ночью острые морозы, на подмогу русскимъ. По всей Никитской и по бульварамъ тянулись сторожевые кордоны и пикеты. Кой гдѣ разложены были огни, и чрезвычайное множество бочекъ съ водою и ведръ стояло около самаго театра. Они замѣняли пожарныя трубы, которыя всѣ были изломаны или съ умысломъ вывезены изъ Москвы русскими. Такія мѣры предпринимались Французами не на случай пожара, могущаго произойти, отъ неосторожности, на сценѣ, но противъ зажигательства русскихъ, которыхъ, какъ ни ловили, какъ ни терзали, а они всегда находили возможность запалить какую нибудь часть города, или взорвать зданіе на воздухъ, въ виду самихъ непріятелей.

Во время всей стоянки французскихъ войскъ въ Москвѣ, дано было на императорскомъ театрѣ только одиннадцать представленій. Піесы, которыя имѣли особенный успѣхъ, повторялись нѣсколько разъ. *Три Султанши*, *Распятый*, *Фигаро*, *Притворная невѣрность*, *Стряпчій посредникъ* (le procureur arbitre), *Прокаженъ въ тюрьмѣ*, *Худо защищенная крѣпость*, *Сидъ* и *Заира* составляли репертуаръ любимыхъ піесъ войска. Актеры лѣзли вонъ изъ кожи, чтобъ угодить побѣдителямъ и возбудить вниманіе Императора. Но не всѣ изъ нихъ были преданы безотчетному тщеславію. Нѣкоторые и подъ пышнымъ костюмомъ чувствовали свое рубище: они пѣли и плясали — сквозь слезы, и въ то время, какъ рукоплесканія обдавали ихъ оніамомъ лести, кошки скребли на сердцѣ. Вотъ что писала одна изъ актрисъ, наиболѣе любимыхъ арміею:

«Когда намъ велѣли играть *комедію*, «мы думали, что надъ нами шутятъ. У «насъ не было ни платья, ни бѣлья, ни «башмаковъ. Однако ленты и цвѣты по«сыпались на насъ градомъ: ихъ паха«ли въ казармахъ нашей гвардіи. По«ставили декораціи, зажгли лампы, и «мы начали играть на дымящихся раз«валинахъ города!» — *Фюзи* (*)

А знаете ли вы, что такое были *казармы* французской гвардіи, гдѣ цвѣли эти неувядаемыя розы и развивались узорчатыя ленты? — Сердце обливается кровью и негодованіемъ при одной мысли объ этомъ! То были святые соборы кремлевскіе: Успѣнскій, Благовѣщенскій и Архангельскій (**), то были раки святыхъ угодниковъ московскихъ и божественные образа, ихъ украшавшіе! — И послѣ этого поруганія святынѣ, Наполеонъ могъ еще ожидать мира отъ *Благословеннаго* Вѣнценосца, требовать отъ Москвитянъ покорности и повиновенія властямъ его! Странное заблужденіе геніальнаго полководца, тѣмъ болѣе удивительное, что онъ самъ въ глубинѣ души своей постигъ и оцѣнилъ народъ русскій, сказавъ послѣ пожара Москвы: «La nation russe est une grande nation.» «*Русская нація великая нація!*»

Но самъ Императоръ, не смотря на всѣ усилія и ревность его придворной труппы, не удостоилъ своимъ присутствіемъ ни одного представленія. Донесенія Боссе объ успѣхахъ театра у-

(*) L'incendie de Moscou, par. *Mal. Fusil.*

(**) Ист. 1812 года. Томъ 3.

тѣшали его, но самъ онъ не рѣшался посѣтить Позняковской залы.

Для его развлеченія оборотливый и проворный Боссе устроилъ совершенно другаго рода удовольствіе. Между иностранцами, жившими въ Москвѣ и уцѣлѣвшими во время нашествія и пожара, отыскалъ онъ Италіянца Синьора *Таркиніо*, пѣвца, съ душою и хорошей методой. Таркиніо еще недавно прибылъ въ Москву изъ Милана, гдѣ онъ прославился въ роляхъ знаменитаго Кресчентини. Онъ былъ въ славѣ и въ Москвѣ, гдѣ занимался преподаваніемъ уроковъ въ пѣніи—московскимъ красавицамъ и диллетантамъ. Г-жа *Бурсей* пріискала къ нему отличнаго піяниста, *Мартини*, сына автора оперъ: *Рѣдкая вещь* (La cosa rara) и *Діанино древо* (l'Arbore di Diana). Оба артиста были представлены директоромъ ко двору, и каждый вечеръ составляли Наполеону концертъ изъ піесъ любимыхъ его авторовъ. Эти концерты въ кремлевскомъ дворцѣ замѣнили Императору всю роскошь большой парижской оперы и блескъ тюллерійскихъ музыкальныхъ вечеровъ. — Надо сознаться, Боссе былъ молодецъ въ своемъ дѣлѣ. Изъ грустныхъ остатковъ населенія разграбленнаго города, изъ развалинъ и пепелищъ, изъ обломковъ роскоши и довольства, онъ въ самое короткое время составилъ концерты при дворѣ и спектакль въ городѣ. Это не бездѣлица, особливо въ эпоху, когда и войско и предводитель его имѣли крайнюю нужду въ забавѣ и развлеченіи, чтобъ, хоть на время, забыть невыгодное свое положеніе.

Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ спокойствіе и порядокъ водворялись въ Москвѣ, возрастала и страсть арміи къ театру. Средства актеровъ поправлялись съ каждымъ новымъ сборомъ: гвардейцы платили втрое и вчетверо противъ положенной цѣны за входъ. Деньги становились дешевле рѣпы, въ прямомъ смыслѣ, потому что каждый день отрывали подъ пепелищами новыя сокровища, между тѣмъ, какъ горсти овощей нельзя было достать за цѣлую пригоршню золота. Особливо привлекалъ всѣхъ въ театръ родъ балета, или лучше сказать, *разнохарактернаго дивертисмана*, который французскіе актеры, по видимому, переняли у русскихъ. Онъ состоялъ изъ разныхъ танцевъ, и преимущественно изъ *Русской пляски*, которую превосходно выполняли двѣ сестры, дѣвицы *Ламираль*, взрощенныя и воспитанныя въ Россіи. Боссе пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ этой плискѣ слѣдующее: C'était un véritable *pas russe*, non point tel qu'il est exécuté à l'Opéra de Paris, mais tel qu'on le danse en Russie. La grace de cette pantomime consiste principalement dans le jeu des épaules, de la tête, et dans toute l'attitude du corps. «*То былъ настоящій русскій танецъ; не такой, какъ намъ показываютъ въ большой оперѣ въ Парижѣ, но какъ его пляшутъ въ Россіи. Прелесть этой пантомимы состоитъ въ игрѣ плечъ, движеніи головы и положеніяхъ всего тѣла.*»

Слѣдовательно Французъ и тутъ оставался Французомъ: проклиная духъ народности русскихъ, которые сожгли свою столицу, онъ въ то же время самъ пламенѣлъ, трепеталъ, приходилъ въ восторгъ отъ поэзіи народной нашей пляски.

Наполеонъ твердо рѣшился зимовать въ Москвѣ. Всѣ мѣры были приняты. Ужъ учреждена была полиція, составлена коммиссія для разбора дѣлъ и наблюденія спокойствія. Онъ ожидалъ подвоза фуража и съѣстныхъ припасовъ, но и безъ того солдаты открывали каждый день такъ много тайниковъ съ хлѣбомъ, винами, солониной и капустою, что имъ въ досталь можно было около мѣсяца продовольствовать войска, занимавшія Москву.

Седьмаго октября Наполеонъ позвалъ къ себѣ Боссе. Императоръ сидѣлъ за завтракомъ и началъ распрашивать директора объ улучшеніяхъ касательно театра. Онъ началъ высчитывать артистовъ, которыхъ можно взять съ театра *высокой комедіи* въ Парижѣ, не вредя ея составу. Отмѣчая имена ихъ карандашемъ на лоскуткѣ бумаги, онъ разсуждалъ о мѣрахъ, которыя нужно принять для скорѣйшаго доставленія ихъ въ Москву. Списокъ не былъ еще конченъ, какъ занятія Наполеона были прерваны неожиданнымъ пріѣздомъ адъютанта Мюрата. Беранже вошелъ въ залу съ разстроеннымъ лицемъ.—«Что новаго?» спросилъ Императоръ, все еще разсматривая свой списокъ.—Государь! Мы разбиты!—отвѣчалъ Беранже. — «Разбиты?» — спросилъ Наполеонъ значительно, и глаза его заблистали. Тутъ Беранже сдѣлалъ подробную реляцію о пораженіи Короля Неаполитанскаго подъ Тарутинымъ, войсками Бенингсена. Наполеонъ помолчалъ минуту, стараясь подавить внутреннее волненіе, потомъ началъ скоро ходить по комнатѣ и во всѣхъ его движеніяхъ высказывалась тревога души. Онъ ждалъ отъ Императора Александра мирныхъ переговоровъ, онъ писалъ къ нему неоднократно, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта. Отвѣтъ этотъ кровавыми буквами былъ начертанъ на поляхъ тарутинскихъ. Теперь все было рѣшено и соображенія Наполеона должны были принять новый оборотъ. Онъ выслалъ всѣхъ изъ залы и опять призывалъ поочередно то того, то другаго. Двери въ дежурную комнату почти не затворялись. На столахъ развернулись карты и планы, перья пришли въ движеніе, адъютанты поскакали во всѣ стороны, распоряженіямъ не было конца. Нѣсколько разъ садился онъ къ столу обѣдать и опять вставалъ, не дотрогиваясь до пищи. Наконецъ въ три часа все было рѣшено: полкамъ отданъ приказъ въ тотъ же вечеръ выступить изъ города и строиться за Калужскою заставой. Эта внезапная перемѣна изумила все войско. Боссе поспѣшилъ увѣдомить объ ней свою труппу, предоставляя на волю актеровъ, оставаться въ разграбленной Москвѣ, или слѣдовать за *побѣдоносным войскомъ*, которое принуждено было убраться во свояси. Само собою разумѣется, что выборъ былъ для нихъ нетруденъ. По выходѣ Французовъ, Москву должны занять опять русскіе. Пламенному воображенію актрисъ тотчасъ представилась мысль, что русскіе грозю потребуютъ отвѣта въ дѣлахъ ихъ во время плѣненія московскаго; онѣ боялись, чтобъ судьи не произнесли надъ ними приговора въ извѣстномъ двустишіи:

«А, ты пѣла? Это дѣло!
Такъ, поди — же, попляши!»

Онѣ первыя подали голосъ слѣдовать за французской арміей; другіе согласились, и дорого заплатили за свое рвеніе и геройство. Участь ихъ, во время ретирады Французовъ, была самая печальная, а многихъ даже постигла трагическая кончина.

Выступленіе Французовъ изъ Москвы продолжалось нѣсколько дней сряду. Сперва спроваживали награбленныя сокровища, потомъ обозы, лазареты, наконецъ потянулись и самые полки въ разныя заставы. Девятаго октября маршалъ Мортье повелъ изъ Москвы послѣдній остатокъ войска. Этотъ день Французы ознаменовали неслыханнымъ вѣроломствомъ. Едва затихли звуки музыки и тяжелый стукъ орудій за калужскою заставою, какъ народъ началъ понемногу выползать изъ потаенныхъ норъ своихъ и спѣшилъ къ Кремлю помолиться святынямъ. Могильная тишина водворилась повсюду и черныя тучи, застилая востокъ, какъ будто наряжали Москву въ

траурный флеръ. Вдругъ отъ калужской заставы грянула пушка; у малаго каменнаго моста откликнулась ей другая, а въ Кремлѣ третья возразила привѣтствіе. Испуганные жители остановились въ оцѣпенѣніи: никто не зналъ, чѣмъ полсотня такую адскую перекличку. Прошло десять минутъ и загадка разрѣшилась ужаснымъ образомъ. Вдругъ въ Кремлѣ раздался оглушительный трескъ, земля дрогнула трикраты, даль застонала, въ домахъ задребезжали и посыпались стекла и надъ Кремлемъ разверзлось огнедышащее жерло, откуда брызнули къ небу фонтаны пламени, въ которомъ ярко обозначились силуэты крестовъ, колоннъ, зубцовъ и готическихъ угловъ кремлевскихъ башенъ. Рѣка съ ропотомъ разносила гулъ, рокотъ и трескотню, а небо зардѣлось, какъ будто на него хлынула кровь изъ раны, нанесенной Москвѣ въ самое сердце. Взрывъ слѣдовалъ за взрывомъ. Потомъ вдругъ все замолкло. Московскіе люди поднялись съ земли, открыли слезящіе взоры: половины Кремля и окрестностей его — не стало. Одинъ Иванъ Великій, спасская башня и святые соборы, красовались на обнаженной горѣ. Дворецъ пылалъ.

Шекспиръ прекрасно сказалъ въ *Ромео и Юліи:*

One fire burns out another burning,
One pain is bessend by anothers anguish.
Одно пламя сжигаетъ другое,
Одна боль можетъ утолить страданіе другой.

Взрывъ Кремля былъ вѣстовымъ выстрѣломъ на всю Россію: къ битвѣ отчаянной, смѣлой, народной. Какими вѣнцами она украсила знамена наши, всѣмъ извѣстно. Русскіе, лишенные войсками Наполеона святыхъ храмовъ въ Москвѣ, два года спустя, торжественно пѣли благодарственный молебенъ на тюллерійской площади, среди цвѣтущаго, мирнаго, великолѣпнаго, *не ограбленнаго* Парижа. *Благословенный* не могъ приносить проклятій даже къ врагамъ своимъ.

По выходѣ Французовъ, первый вошелъ въ Москву нашъ отличный драматическій писатель, князь Александръ Александровичъ Шаховской съ полкомъ тверскаго ополченія, которымъ онъ командовалъ. Онъ до сихъ поръ не можетъ вспомнить, безъ слезъ и содраганія, ужасной картины разрушенія и бѣдствій, которая ему представилась. Не было мѣста на святой Москвѣ не уязвленаго, не было человѣческаго чувства — не попраннаго, не было Святыни — не поруганной. Поляки, служившіе въ рядахъ Наполеона, больше всѣхъ неистовствовали въ беззащитной столицѣ Руси. Вотъ что объ этомъ говоритъ нашъ почтенный историкъ достопамятнаго *двѣнадцатаго* года, Генералъ-Лейтенантъ *Михайловскій-Данилевскій:* «То же буйство, которое за 200 лѣтъ предъ тѣмъ подняло руку Ляховъ на патріарха Гермогена, благословлявшаго возстаніе русской земли противъ ея губителей, посрамилось теперь ихъ *храброваньемъ* и местью надъ утлыми досками, прикрывающими гробъ Святителя. Вокругъ стѣнъ Успенскаго Собора стояли горны, въ которыхъ они плавили ободранные ими оклады съ образовъ и похищенныя въ храмахъ Божіихъ утвари.»

Придворный театръ императора Наполеона представилъ князю Шаховскому такъ-же печальное зрѣлище. На сценѣ его валялись дохлыя лошади и падаль. Лѣстница, корридоры и зала были загромождены мебелью, зеркалами, инструментами. А въ уборныхъ валялись обрѣзки парчевыхъ и бархатныхъ одѣяній изъ которыхъ комедіянты выкраивали себѣ французскіе кафтаны, а актрисы сооружали токи, берсты и шпензеры.—

Пять дней спустя по уходѣ незванныхъ гостей, Москва — матушка, пору-

ченная заботливому, сердобольному попеченію Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа, убралась, сколько могла, открыла храмы для молитвы и вздохнула свободнѣе.

Теперь обратимся опять къ нашей труппѣ и послѣдуемъ за нею въ плачевную ретираду непріятеля. Нельзя представить ссбѣ всѣхъ бѣдствій, которыя постигли французскую армію, при отступленіи ея отъ Москвы. Морозъ, голодъ, русскій штыкъ и казацкая пика преслѣдовали Французовъ на каждомъ шагу. Лошади пошли на жаркое, лафеты—на фургоны для раненыхъ; кавалеріи обратилась въ пѣхоту, пѣхота-въ пивалидную команду, безъ ногъ и рукъ, оторванныхъ нашими ядрами, отнятыхъ хирургическимъ ножемъ или морозомъ, и безъ головы, которую потеряла, въ знаменитой ретирадѣ, вся армія, начиная съ самаго Наполеона до послѣдняго фуражёра. При такихъ обстоятельствахъ легко себѣ представить, что участь актеровъ была не изъ тѣхъ, которой можно предпочтительно позавидовать. Однако надо сознаться, что герои кулисъ сохранили довольно геройства и при уходѣ со сцены торжества своего. Боссе, хоть и человѣкъ почтенныхъ лѣтъ и достаточной подагры, однако-жъ имѣлъ сердце, которое, по видимому, лежало у него на своемъ мѣстѣ. Онъ съ перваго раза умѣлъ замѣтить, что у г-жи Андре глазки отмѣнно живы, ножка поменьше, а плечики попухлѣе, чѣмъ у другихъ; и тутъ-же догадался, что актриса съ такими достоинствами должна имѣть особенный талантъ, а потому требуетъ и особенной обходительности и уваженія отъ директора. Вотъ онъ и началъ обходиться особенно ласково, ухаживать за нею, и Богъ знаетъ, до чего бы онъ дошелъ, если бъ Наполеонъ не велѣлъ ударить отбой. Что дѣлать, человѣкъ такъ созданъ, по пословицѣ: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро. Но этотъ бѣсъ заставилъ бѣднаго директора въ послѣдствіи поплатиться ребрами за свое селаданство, какъ мы увидимъ. Боссе прежде всего позаботился объ отправленіи изъ Москвы *первой любовницы*, г-жи Андре. Онъ уступилъ ей свое ландо и свою тройку, а въ подруги ей далъ *директрису* г-жу Бюрсей. Онѣ отправились. Прочіе артисты запаслись, какъ умѣли. *Первый любовникъ* поѣхалъ верхомъ, трагики и комики помѣстились съ театральной библіотекой, въ лазаретномъ фургонѣ. Однако жаръ стиховъ Расина и Корнеля плохо отапливалъ дыравый экипажъ, куда морозъ, въ каждую скважину, просовывалъ острые клещи свои. Самъ-же директоръ помѣстился въ одной изъ императорскихъ каретъ. Битва при Маломъ Ярославцѣ надѣлала большую тревогу въ отступающихъ войскахъ и отсюда начинаются настоящія бѣдствія и дѣйствующей арміи Французовъ и бездѣйствующей ихъ труппы. До Смоленска актеры и даже il Signor Таркинio сохранили довольно присутствія духа и воли, подкрѣплявшей ихъ духъ. Въ Смоленскѣ *первый любовникъ Перопе* утратилъ своего Буцефала, а что еще хуже, отморозилъ ноги. Въ самомъ бѣдственномъ положеніи принесли его къ Боссе. Директоръ предложилъ ему денегъ. На кой чертъ мнѣ ваши проклятые цѣлковые, кричалъ отчаяннымъ голосомъ Перопе! Дайте мнѣ ноги, дайте мнѣ силъ и жизни!» — Я не въ силахъ, отвѣчалъ Боссе, такія вещи даются только съ Высочайшаго соизволенія! — Бѣдный Перопе попалъ въ фуру раненыхъ, и по умноженіи ихъ числа при выходѣ изъ Смоленска, былъ безжалостно оставленъ и умеръ на большой дорогѣ съ голода. На другой день къ директору явился *первый* актеръ Адне, такъ отлично игравшій на сценѣ *разсѣяннаго*, и прославившійся потомъ въ арміи своею разсѣянностію. Фургонъ, въ которомъ онъ ѣхалъ съ женой

товарищами и великими драматургами Франціи, у нихъ отняли — для больныхъ офицеровъ, и онъ пришелъ съ жалобами къ директору. Адне былъ сговорчивѣе Перроне: онъ требовалъ только помощи и Боссе отвѣтилъ ему звонкою монетой. Адне купилъ себѣ коляску и пару лошадей и преважно помѣстился въ ней съ женою. Боссе, который такъ щедро помогалъ подвѣдомственнымъ ему членамъ отступающей арміи, самъ скоро извѣдалъ превратность судьбы человѣческой. Казенный экипажъ у него взяли для императорскаго адъютанта, который отправленъ былъ съ важными бумагами во Францію. Онъ досталъ себѣ ветхую бричку и пару старыхъ клячей. На слѣдующій вечеръ армія совершала переходъ чрезъ крутую гору, верстахъ въ тридцати отъ Смоленска. Измученные одры стали, и не смотря на всѣ усилія, не могли двинуться съ мѣста. Кучеръ пошелъ отыскивать продажныхъ лошадей — и, пользуясь случаемъ, исчезъ. Ночь наступала; морозъ былъ жестокій; Боссе лежалъ въ жесточайшемъ припадкѣ подагры и не могъ стать на ноги. Бричка его, стоя поперегъ дороги, мѣшала тянувшимся обозамъ и пороховымъ ящикомъ: ее безъ церемоніи опрокинули на бокъ, вмѣстѣ съ безпомощнымъ директоромъ театра, который съ окутанными всякой всячиной ногами, вздѣлъ себѣ на руки теплые сапоги, вмѣсто рукавицъ, и поднявъ ихъ къ верху, почти локтями оттиралъ замерзшія щеки. При нѣжномъ толчкѣ, нанесенномъ его экипажу пріятельскими штыками съ различными привѣтствіями, онъ — чуть, чуть не сломилъ себѣ шеи. При сей вѣрной оказіи, благородные соотечественники съ истинно патріотическимъ участіемъ его обшарили и взяли, что могли. Несчастный остался на снѣгу, возлѣ увѣчной брички, и тщетно умолялъ о помощи: войска шли, фуры тянулись; никто не обращалъ на него вниманія. Въ опасностяхъ животная природа человѣка ярко обнаруживается: всякій думаетъ о себѣ, до ближняго никому нѣтъ дѣла. Этотъ холодъ души чувствительнѣй всякаго мороза. Боссе плакалъ едва не кровавыми слезами, но слѣды ихъ замѣтны только на замороженныхъ его щекахъ. Вдругъ съ важностію ѣдетъ мимо его — актеръ Адне въ коляскѣ, купленной на его-же деньги: онъ узналъ директора, онъ обѣщаетъ помочь ему въ бѣдѣ; хочетъ только довесть жену до вершины горы и возвратиться за начальникомъ. Боссе ждетъ,—часы бѣгутъ, ночь сгущается, — актера нѣтъ, какъ нѣтъ: въ *разсѣянности*, онъ вѣроятно забылъ о своемъ обѣщаніи. Наконецъ какой-то чувствительный канонеръ сжалился надъ бѣднымъ Боссе и посадилъ его на пушку. Путешествуя верхомъ на бронзовомъ конѣ, директоръ увидѣлъ рай и съ наслажденіемъ пришпоривалъ лафетъ, чтобъ придать ходу не столько возницѣ, какъ собственнымъ ногамъ. Нѣтъ худа безъ добра: въ воспоминаніяхъ своихъ Боссе совѣтуетъ подагрикамъ *отморозить себѣ ноги, чтобъ вылечить ихъ отъ подагры*. Славноесредство, а главное probatum est! Между тѣмъ Адне былъ наказанъ ужаснымъ образомъ за свою забывчивость: въ Смоленскѣ онъ *по разсѣянности* забылъ запастись рукавицами и валенками и отморозилъ себѣ руки и ноги, а при переправѣ черезъ Березину, вѣроятно такъ-же *въ разсѣянности*, утопилъ свою коляску и жену. Богъ знаетъ, вышелъ ли онъ самъ сухъ изъ воды. Объ немъ больше не было слуха. Весьма понятно, что, сидя верхомъ на пушкѣ — въ любви далеко не уѣдешь: Боссе потерялъ изъ вида свою возлюбленную Андре. Можетъ быть, въ тогдашнихъ печальныхъ обстоятельствахъ онъ объ ней не думалъ, но она сама о себѣ напомнила. Между Краснымъ и Лядами на Французовъ напалъ нашъ партизанскій

казачій отрядъ и совершенно смялъ тянувшуюся цѣпь арміи. Суматоха была ужасная, непріятель не ожидалъ нападенія; отрядъ нашъ грянулъ на него, какъ съ облаковъ, и такъ же мгновенно исчезъ, какъ громовой раскатъ, оставя по себѣ смятеніе, раны и смерть. Съ трудомъ могли собраться и придти въ нѣкоторый порядокъ французскіе этапы. Къ вечеру, на привалѣ, въ бѣдственномъ бивуакѣ гвардейцевъ, Боссе расположился на шинели, возлѣ походнаго огня. Съ одной стороны палилъ его огонь, съ другой жегъ морозъ. Онъ поворачивался съ бока на бокъ, какъ куропатка на вертелѣ. Вѣрно любовь не приходила ему на мысль въ эту минуту, потому, что —

....Двадцать градусовъ мороза
Какой любви не остудятъ?

Вдругъ между огнями мелькнуло женское платье; Боссе услышалъ свое имя, знакомый голосъ: онъ оборотился. Предъ нимъ стояла г-жа Бюрсей. Видъ и одежда ея показывали величайшее разстройство и отчаяніе. На рукахъ держала она другую женщину, окутанную въ отрепья, носившія на себѣ подозрѣніе сапога. Голова и руки ея, въ совершенномъ ослабленіи, повисли на плечѣ ексдиректрисы. На бѣломъ платьѣ видны были рѣзкія струи крови. —«Что это?»— спросилъ Боссе, пораженный неожиданнымъ явленіемъ, похожимъ болѣе на призракъ, чѣмъ на дѣйствительность. Г-жа Бюрсей, молча, отнахнула покровъ съ головы несчастной и въ бѣдныхъ, страдальческихъ чертахъ познакомки директоръ съ ужасомъ узналъ г-ну Андре. Во время партизанскаго нападенія, ядро раздробило ихъ коляску и убило на повалъ единственную лошадь, которая у нихъ оставалась. Прочія были украдены и съѣдены солдатами. Съ необычайнымъ геройствомъ Бюрсей схватила трепещущую, полумертвую Андре и повлекла ее за собою, подъ ядрами, сквозь боевые огни. Сперва ружейная пуля задѣла *первую любовницу* слегка въ плечо, другая раздробила ей ногу. Бюрсей схватила несчастную подругу, истекающую кровью, на руки и съ бодростью пошла впередъ, неся въ рукѣ свитокъ бумаги, какъ маршальскій жезлъ. Это была поэма, ея сочиненія: *О посредственности* (de la Mèdiocrite!) Вотъ все, что успѣла она выхватить изъ краснинской могилы. Боссе плакалъ, но не могъ имъ помочь ни словомъ, ни дѣломъ: слова въ такомъ случаѣ безполезны, дѣло-дорого. Боссе далъ героинѣ кровавой сцены все, чѣмъ могъ съ ней подѣлиться: кромѣ слезъ у него ничего не было въ наличности.» Если такъ, сказала Бюрсей съ безпримѣрнымъ мужествомъ и твердостію, и глаза ея засверкали, я послѣдую пѣшкомъ за арміей! Я понесу мою подругу до самаго Парижа! Если она умретъ, такъ не прежде, какъ надъ моимъ тѣломъ, ослабѣлымъ и истощеннымъ до послѣдней капли!»—Нельзя не удивляться такому величію характера; почти нельзя бы этому повѣрить, если бъ Коленкуръ не говорилъ объ ней въ подробности въ донесеніи Наполеону (*). Онъ отыскалъ для несчастныхъ старый зарядный ящикъ и хромую кавалерійскую лошадь, и въ этой Минервиной возницѣ онѣ отправились далѣе. Но ни усердіе Герцога Вичепцкаго, ни человѣколюбіе г-жи Бюрсей не спасли ея подруги. Въ Вильну г-жа Андре была привезена на пушечномъ лафетѣ, а въ Стразбургѣ она умерла отъ истощенія силъ и полученныхъ ею ранъ. Другая молодепькая водевильная актриса *Фюзи* ознаменовала свой походъ во Францію дѣломъ высокаго человѣколюбія. Во время входа французскихъ войскъ въ Вильну, въ суматохѣ, произведенной въ городѣ буйствомъ солдатъ, которые, какъ са-

(*) См. Les desastres de la retraite de Moscon.

ранча, кинулись во всѣ улицы и домы, чтобы найти, чѣмъ утолить голодъ, какіе-то родители въ бѣгствѣ своемъ потеряли ребенка. Бѣлокурепькая дѣвочка, лѣтъ пяти, стояла въ испугѣ на мосту, и слезы отъ страха остановились въ большихъ, карихъ ея глазенкахъ. Бѣгущія толпы не обращали никакого вниманія на ребенка, толкали его, и вѣрно столкнули бы въ рѣку, если бъ Фюзи не взяла его подъ свою защиту. Всѣ поиски и освѣдомленія великодушной актрисы остались тщетными: она не узнала родителей дѣвочки, которая сама не могла дать никакихъ поясненій объ отцовскомъ домѣ и о своемъ происхожденіи. Ребенокъ былъ утѣшенъ, когда его накормили и дали ему игрушку: онъ не понималъ великой своей потери. Фюзи поклялась замѣнить ему мать, и сдержала обѣщаніе. При всей своей бѣдности, она дѣлилась съ пріемышемъ послѣднею крохою, во время всей дороги до Парижа. Въ отечествѣ, она трудилась день и ночь, для воспитанія дѣвочки, которую Французы прозвали *виленской сироткой*. Въ послѣдствіи ея исторія подала, кажется, Скрибу поводъ написать водевиль: *Ольга, русская сирота*. Записки Г-жи Фюзи *о пожарѣ Москвы*— послужили приданымъ для ея сиротки.— Г-жа Біорсей такъ же издала свою поэму въ пользу *пострадавшихъ въ бѣдственную ретираду изъ Россіи*. Нѣкоторые изъ актеровъ увидѣли небеса отчизны; другіе положили кости свои въ снѣжныхъ пустыняхъ Россіи или нашли могилу въ волнахъ березенскихъ. Наполеонъ далъ пенсіонъ оставшимся. Вотъ вся ирои-комическая повѣсть о придворномъ театрѣ Императора Наполеона въ Москвѣ, столь тѣсно слитаго съ величественною трагедіею нашествія 1812 года.

Прошли года, все измѣнилось. Мы хладнокровнѣе смотримъ на давнихъ враговъ, персверпувшихъ нѣкогда всю внутренность Россіи. Мы не проклинаемъ Наполеона.

»Хвала ему! Онъ Русскому народу
»Высокій жребій указалъ,
»И міру вѣчную свободу
»Изъ мрака ссылки завѣщалъ!

Москва,—великая жертва русской доблести,—снова цвѣтетъ и величается! Такъ-же свѣтло горятъ лампады предъ иконами ея святыхъ; стѣны Кремля снова поднялись изъ праха; башни выются къ небесамъ, какъ бы желая удержать парящаго орла Россіи, обхватившаго крылами поль-Европы. Нѣтъ слѣда вражьяго въ обширной столицѣ; только кое-гдѣ, въ Замоскворѣчьи, сохранились еще почтенныя развалины, которыя говорятъ о минувшемъ бѣдствіи. Это святыни: дай Богъ, чтобъ онѣ еще долго сохранились между величественными зданіями первопрестольнаго города. На челѣ мужественнаго бойца пріятно видѣть слѣды и залечившейся раны. Я всегда съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на эти краснорѣчивыя руины, и вотъ мысли, которыя тогда клубились въ душѣ моей:

Алтарь народнаго усердья
Къ отчизнѣ, къ вѣрѣ и Царямъ!
Залогъ живаго милосердья
Небесъ — къ полуночнымъ краямъ!
Красуйся, лѣтопись живая,
Окаменѣлая молва!
Цвѣти, о мать моя родная,
Россіи-матушка Москва!

Царей державною заботой,
Подъ сѣнью Русскаго орла,
Ты славы яркой позолотой
На *память вѣчную* зажгла.
И доблесть бодраго народа
Вкругъ изъязвленнаго чела
Тебѣ *двѣнадцатаго года*
Двойную славу обвила!

Обхваченъ лентой струевою,
Въ садахъ, разубранъ, какъ женихъ,
Твой Кремль съ могучею стѣною
Изъ пепла фениксомъ возникъ.
Пускай Истополь многоводой
Главою Царства нарекли,

Ты пульсъ россійскаго народа,
Ты *сердце* русскія земли!

И пусть надъ этою землею
Россіи юный, бодрый сынъ,
Царитъ разумной *головою*
Петрополь, моря властелинъ. . . .
Но рядъ возвышенныхъ преданій
Столь драгоцѣнныхъ *головъ*,
И слѣдъ тяжелыхъ испытаній . . . .
И свѣтлыхъ славы воспоминаній--
Онъ въ *сердцѣ* Руси--онъ въ Москвѣ.--

Тобой, вѣнчанная Царица,
Первопрестольная столица,
Спаслась отъ бѣдствій голова. . .
Поклонъ земной тебѣ — Москва!

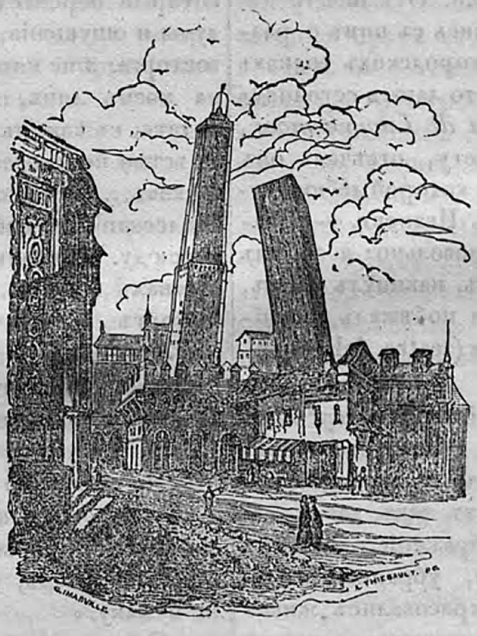
ѲЕДОРЪ КОНИ.

ПАНОРАМА
ВСѢХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

А, любезнѣйшій читатель! Вы уже здѣсь — съ чемоданчикомъ и портфелемъ! — Какъ аккуратны. — Коверъ-самолётъ ужъ готовъ, сейчасъ отправляемся, позвольте только напередъ прочесть письмо, которое къ намъ прислано изъ Италіи.

ДЕБЮТЪ РУССКАГО ПѢВЦА ИВАНОВА

ВЪ БОЛОНьИ, $^{19}/_{31}$ ОКТЯБРЯ 1839 ГОДА.



Я былъ радъ радехонекъ, когда нашъ почталіонъ остановился у Болонской заставы. Дорога отъ Мантуи, черезъ поля Модены, затопленныя разлитіемъ рѣки По, утомила меня до изнеможенія. Я въ первый еще разъ путешествовалъ по Италіи, и признаться, въ своихъ мечтахъ о поэтическихъ красотахъ этого края, никакъ не воображалъ найти тѣхъ хлопотъ и разочарованій, кото-

рыя преслѣдовали меня отъ самой Вероны. На почтахъ требовали съ насъ въ три-дорога; лѣнивые facchini мучили своими услугами и потомъ нахально требовали денегъ. Трактирщики брали за самый жалкій обѣдъ по 8 и 10 рублей; таможенные досмотрщики на каждомъ шагу перерывали пожитки, и въ заключеніе, дождь лилъ, какъ изъ ведра. — Раздѣлавшись съ полиціей и прописавъ паспорты, мы, какъ мокрыя курицы, въѣхали въ Болонью, мимо ея вѣчно падающихъ и никогда не упадающихъ башень, и черезъ нѣсколько минутъ уже грѣлись у пріютнаго камина, въ одной изъ огромныхъ комнатъ della pensione Tuizzera. Тутъ я наконецъ вздохнулъ свободнѣе. Мягкія цыновки нѣжили наши усталыя ноги; цвѣты въ вазахъ разливали благоуханіе.

Было около восьми часовъ, когда нашъ cammeriere принесъ намъ шоколаду со сливками и бисквитами. Отъ нечего дѣлать, мы разговорились съ нимъ о разныхъ разностяхъ, о городскихъ толкахъ и спекталяхъ.—»А что даютъ сегодня?» спросилъ я. — *Lucia di Lammermoor*, Ламермурскую невѣсту, отвѣчалъ онъ большую оперу, въ которой дебютируетъ русскій артистъ Ивановъ. —«Ивановъ!» Этого было довольно: я забылъ усталость и шоколадъ, накинулъ плащь, взялъ провожатаго и побѣжалъ въ *общественный Театръ* (teatro della commune).

И вотъ я въ италіянскомъ театрѣ съ широкими ложами и деревянными скамьями вмѣсто креселъ; и наконецъ слышу звуки, о которыхъ такъ давно нашептывало мое воображеніе... Театръ былъ полонъ. Ложи, убранныя голубыми занавѣсками, красовались живописными токами прическами, алмазами и особенно чудными, огненными глазами прелестныхъ Болонезокъ. — Первое дѣйствіе было въ началѣ. — Лордъ Аттонъ, окруженный вассалами, пѣлъ звонкимъ басомъ:

Qui giongere:
Or, la vedrem...

Оркестръ, очень недурно составленный, игралъ блистательное crescendo. Кончились 3 и 4 сцены, и вдругъ рукоплесканія и громкое bravo! bravo! огласили театръ; закутанный въ широкій плащъ, въ огромной шляпѣ, показался въ дверяхъ новый артистъ.

«Кто это?» спросилъ я моего сосѣда, Италіянца.

— Ивановъ.

Тсъ! тсъ! пробѣжало по рядамъ. Разговоры умолкли. Все обратилось въ слухъ; все уставило на пѣвца глаза и лорнеты. — Прошло нѣсколько минутъ нѣмой сцены. Наконецъ онъ запѣлъ:

Chi mi frema in tal momento... Это было знаменитое тріо съ Генрихомъ и Люціею. Не перескажу, что чувствовалъ я въ эту минуту: то былъ новый міръ, міръ очарованій и гармоніи, въ который перенеслись всѣ мои помыслы, думы и ощущенія; я былъ внѣ себя отъ восторга; я не спускалъ глазъ со сцены; на моемъ лицѣ, казалось, можно было читать, съ какимъ вниманіемъ я слѣдилъ за всѣми переходами этихъ волшебныхъ звуковъ... Тріо кончилось, и новыя рукоплесканія и новыя bravo! раздались повсюду. Я упалъ съ небесъ на землю, но упалъ для того, чтобъ выразить весь восторгъ, какой чувствовалъ, весь fu-rore.

Италіянецъ замѣтилъ мое изступленіе: «Видно, что вы житель южнаго неба.»

— Не отгадали: житель сѣвера.

«Вы русскій или Шведъ?»

— Русскій, синьоръ.

«Я не думалъ, чтобъ они такъ любили музыку.»

— Отъ чего же?

«Да чѣмъ вы это доказали? Кромѣ какихъ нибудь народныхъ пѣсень, у васъ нѣтъ ни одной оперы, сколько нибудь извѣстной; и вѣрно нѣтъ ни одного maestro?..»

Я пожалъ плечами; во что могъ я сказать ему въ опроверженіе? Съ одной стороны, онъ былъ правъ, быть можетъ...

— А какъ вамъ нравится мой соотечественникъ? спросилъ я.

«Недуренъ; вотъ все, что можно сказать объ немъ. У него много недостатковъ.

— Напримѣръ?

«Первый и самый главный: нѣтъ голоса.»

— Нѣтъ голоса! Вотъ это довольно странно! Да развѣ вы его не слыхали? Скажите, есть-ли у васъ пѣвецъ, который съ большимъ чувствомъ пропѣлъ бы эту партію? Который лучше выразилъ бы страданія сердца, растерзаннаго измѣной, но все еще полнаго живой, непобѣдимой страсти? Послушайте эту арію:

T'amo, ingrata, t'amo ancor!

«Вы не слышали нашего *Моріани:* тогда бы вы сказали другое. Онъ въ этой роли превосходенъ; съ такимъ соперникомъ трудно бороться; проигрышъ вѣренъ.

— Я не видѣлъ Моріани; но слышавъ Иванова, не хочу дѣлать сравненій...

Между тѣмъ речитативъ кончился, и новое *тсс, тсс!* пробѣжало по рядамъ. Мы замолчали.

Ивановъ средняго роста. Лице его открыто и пріятно; въ манерахъ благородство; въ немъ одинъ порокъ: онъ нѣсколько человѣкъ, какъ будто робокъ. Голосъ его обработанъ, гибокъ, серебристъ, идетъ прямо къ сердцу; но, надо согласиться съ Италіянцомъ, слабъ для такой сцены, какъ болонская. Вниманіе публики было достойно удивленія; не смотря на то, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ дуэтахъ и кватуорахъ, голосъ Иванова терялся совершенно. Нѣкоторые критики замѣчаютъ, что произношеніе его не слишкомъ чисто; объ этомъ судить трудно въ странѣ, гдѣ на каждомъ шагу вы встрѣчаете новыя нарѣчія, и гдѣ Неаполитанецъ не пойметъ Венеціянца, въ простонародномъ разговорѣ, отличающемся интонаціями и произношеніемъ словъ. Но если нѣжность, мягкость произношенія можно поставить въ порокъ, то Ивановъ его имѣетъ, но мнѣ кажется, что италіянское пѣніе много оттого выигрываетъ. Соло Иванова увлекательно. Надо имѣть каменное сердце, чтобъ не разстрогаться до слезъ чудной жалобой Эдгара, въ VII сценѣ 2 дѣйствія, гдѣ, среди могилъ своихъ предковъ, онъ говоритъ:

Tombe degli avi miei, l'ultimo avanzo
D'una stirpe infelice,
Deh, raccoglicte voi! —

Содержаніе оперы заимствовано г. Каммарано изъ романа В. Скотта: *Ламмермурская невѣста.* Фамиліи Аштоновъ и Равенсвудовъ съ давнихъ временъ враждуютъ другъ съ другомъ. Представитель послѣднихъ, Сиръ Эдгаръ, видитъ нечаянно Миссъ Люцію, которую братъ ея, Генрихъ Аштонъ, прочитъ за богатаго сосѣда, для поправленія разстроенныхъ дѣлъ. Это свиданіе рѣшаетъ судьбу ихъ: они клянутся въ вѣчной любви. Генрихъ узнаетъ объ этомъ, и не смотря на слезы и заклинанія Люціи, принуждаетъ ее отдать руку имъ избранному жениху. Эдгаръ воображаетъ, что она презрѣла любовь его и измѣнила добровольно, возвращаетъ ей обручальное кольцо и осыпаетъ упреками. Несчастная, въ отчаяніи отъ угрозъ брата, покинутая человѣкомъ, котораго любила всей душою, лишается разсудка, и вслѣдъ за тѣмъ умираетъ.

Въ сценѣ, начинающейся словами:

Tombe degli avi miei...

Эдгару не извѣстна еще плачевная кончина Люціи. Онъ прощается съ могилами праотцевъ, собираясь на поединокъ съ Аштономъ; и воображая, что огни, ярко горящіе въ замкѣ, освѣщаютъ брачное торжество, упре-

каетъ невѣрную. Безъ Люціи, міръ для него пустыня; а между тѣмъ, какъ онъ страдаетъ, она улыбается счастливому супругу; она забыла всѣ клятвы, всѣ увѣренія, даже существованіе убитаго ея измѣнной Эдгара.

Ta delle gioie in seno, io... della morte!

произноситъ онъ голосомъ, трогающимъ до глубины души: столько въ немъ чистаго, истиннаго чувства! Арія, которую онъ тутъ поетъ, такъ мастерски имъ выражена и оттѣнена, что вездѣ утвердила бы славу всякаго артиста; столько отчетливости и глубокаго выраженія въ голосѣ и пѣніи Иванова. Рукоплесканія долго не умолкали: даже дамы, изъ-за голубыхъ занавѣсокъ своихъ ложъ, принимали въ нихъ самое дѣятельное участіе.

Опера оканчивается тѣмъ, что Эдгаръ узнаетъ о смерти Люціи, и съ отчаянія, закалывается. Предсмертная его арія, когда онъ обращается къ тѣни любимаго существа, носитъ отпечатокъ глубокой безнадежности и величайшаго разочарованія въ жизни.

Ивановъ былъ вызванъ три раза. Какъ говорили, онъ ангажированъ въ Болонью на десять представленій за тысячу скудій, т. е. около пяти тысячъ рублей. —

Другое лицо этой оперы, Люція. Ее и представляла *г-жа Фрецколини*, выполнила трудную роль свою самымъ блистательнымъ образомъ. Эта юная артистка, prima donna болонскаго театра, обладаетъ всѣми сценическими совершенствами: одушевленною игрой, прекраснымъ ростомъ, и, главное, чистымъ, чрезвычайно высокимъ, мелодическимъ soprano. Ей не болѣе двадцати лѣтъ; лицо ея, не смотря на нѣсколько большой носъ, привлекательно, особенно въ патетическихъ и грандіозныхъ сценахъ, гдѣ глаза ея, чудные, италіянскіе глаза, воспламеняются какимъ-то ниобейскимъ огнемъ. Манеры ея благородны; нѣтъ аффектаціи и натяжекъ, общаго недостатка ея собратій; голосъ льется отъ души и переходитъ прямо въ душу, безъ усилій, безъ кривляній; въ самыхъ трудныхъ переходахъ, гдѣ у другой пѣвицы, того и ждешь, что голосъ оборвется, въ ней не видно никакого усилія: все такъ естественно, просто. Рулады ея чисты, отчетисты, удивляютъ силою и гибкостью переходовъ отъ низкихъ нотъ къ самымъ высокимъ, и обратно. Фрецколини любимая пѣвица верхней Италіи. Хотя она недавно на сценѣ, но пріобрѣла себѣ огромную славу: она ангажирована на текущій карнавалъ въ Миланъ, чуть ли не за 25,000 франковъ! Надо было ее видѣть въ 5-ой сценѣ 2-го дѣйствія, когда она является сумасшедшею, со всѣми признаками смерти, чтобъ судить о всей обширности ея чуднаго, увлекательнаго таланта. — Она была достойной соперницей Иванова въ восторгѣ, съ какимъ принимала публика этихъ двухъ славныхъ артистовъ. О другихъ лицахъ этой оперы, между прочимъ о замѣчательномъ баритонѣ, исполнившемъ роль Генриха, фамиліи котораго я не помню, говорить не буду. Хоры были прекрасны. Однимъ словомъ, Lucia di Lammermoor, не смотря на ея трудную музыку, играная такъ, какъ я ее видѣлъ, удовлетворила бы самаго взыскательнаго судью, но только въ отношеніи къ лицамъ, а не къ обстановкѣ. Разумѣется, декораціи не могли спорить великолѣпіемъ съ нашими; но это, по моему, дѣло второстепенное, особенно въ операхъ, гдѣ музыка и дарованія пѣвцевъ должны замѣнять всякое сценическое украшеніе. Между 1-мъ и 2-мъ дѣйствіями, по заведенному въ Италіи обыкновенію, давали балетъ въ трехъ отдѣленіяхъ: *Петръ Радзовскій*, сочиненія болонскаго балетмейстера *Віонти*. Я нахожу это очень не дурнымъ: людямъ, которые скоро утомляются

безпрерывнымъ пѣніемъ и речитативами оперы, и актерамъ, которые участвуютъ въ первыхъ роляхъ, дается на какой нибудь часъ отдыхъ. — О балетѣ нельзя сказать ничего особеннаго: они вообще не блестятъ здѣсь сценическою пышностію, какъ напримѣръ, напа *Хитана* или *Хромоногій Колдунъ*; за то сколько у нихъ огня и энтузіазма; съ какимъ искусствомъ передается здѣсь каждая мимическая сцена (*). Въ балетѣ *Радзовскій* выставлены поляки и русскіе, въ костюмахъ XVIII вѣка. Можно себѣ представить, какъ они переуродованы! При всемъ томъ, казацкое *па* и польскій танецъ не станцуютъ лучше ни на одной русской и нѣмецкой сценѣ: столько граціозности, столько ловкости во всѣхъ пріемахъ здѣшнихъ танцовщицъ. Кордебалетъ весь составленъ изъ красавицъ; а между солистками есть лица, которыя такъ и просятся подъ кисть Карла Брюлова. Но не ждите здѣсь отважныхъ антрша и пируэтовъ: они не въ большомъ уваженіи у Италіянцевъ и доказываютъ только силу ногъ; но если вы любите граціозныя позы, лебединую, упоительную плавность, взгляните на этихъ очаровательныхъ *сильфидъ*, и вы не останетесь въ накладѣ. Я видѣлъ здѣсь танецъ въ пятеромъ съ вѣнками, изъ которыхъ составляются потомъ самыя неожиданныя гирлянды и, признаюсь, я ничего не могъ вообразить лучше: это какой-то волшебный, поэтическій сонъ, столь сладкій, что никогда бы, кажется, не проснулся.

Мы вышли изъ театра съ проводникомъ часовъ въ двѣнадцать, и, проходя по безконечнымъ, крытымъ портикамъ Болоньи, вездѣ слышали отрывки изъ оперы Доницетти.

На другой день, осмотрѣвъ болонскую галлерею, нѣкоторыя изъ произведеній знаменитаго ваятеля *Giovanni di Bologna*, между прочимъ его *Нептуна*, и запасшись на дорогу прохладительнымъ *terra Catò*, я выѣхалъ оттуда въ Анкону, часа въ 4 вечера, въ прекрасную погоду и по чудесному шоссе. Въ *Форли*, въ *Римини*, и во всѣхъ городахъ папскихъ владѣній, черезъ которые мы проѣзжали, рисовались на стѣнахъ конейныхъ домовъ огромныя афиши съ объявленіемъ, что такого то числа il celeberrimo artisto russo S. Ivanoff, будетъ дебютировать на болонскомъ театрѣ. Его имя извѣстно во всей Италіи; но тутъ услышишь объ немъ толки самые разнохарактерные: одни увѣряютъ, что это графъ, по любви къ искусству посвятившій себя сценѣ; другіе, что это слуга какого то вельможи; что это перекрещенный татаринъ, и т. п. Послушать добрыхъ Италіянцовъ, такъ онъ не стоитъ никакого вниманія; что у него нѣтъ голоса, нѣтъ манеры, души, рѣшительно нѣтъ ничего; а между тѣмъ всякій разъ, когда имя его на афишѣ, театръ биткомъ набитъ сверху до низу, рукоплесканія и Bravo не умолкаютъ, публика въ восторгѣ, а журналы трубятъ въ трубу отъ энтузіазма. Вотъ, между прочимъ, что читалъ я въ Неаполѣ, спустя мѣсяцъ послѣ отъѣзда моего изъ Болоньи, въ *Giornale dei teatri* (въ театральномъ журналѣ), славящемся знаніемъ дѣла и совершеннымъ безпристрастіемъ:

«Восторгъ, съ какимъ каждый вечеръ принимаютъ на болонскомъ театрѣ *Лоціо*, возрастаетъ до невѣроятности. Фрецолини и Ивановъ составляютъ наше наслажденіе. Дуэтъ 1-го дѣйствія повторяется каждый разъ, и каждый разъ эти артисты исполняютъ его такъ дивно, что невозможно передать энтузіазма, въ какой приходитъ публика. Театръ вѣчно полонъ; иностранцы сбѣ-

(*) Берите листъ бумаги, и пишите вслѣдъ за жестами и мимикой актеровъ — и вы получите прекрасную драму.

гаются со всѣхъ сторонъ послушать этихъ удивительныхъ артистовъ...»

Послѣ того вѣрьте этимъ добрымъ людямъ! Говорить и дѣйствовать—двѣ вещи разныя; они привыкли находить дурное въ каждомъ, кто, посвятивъ себя искусству, не имѣлъ счастія родиться въ Италіи; за то въ минуту порыва, въ минуту восторга, Италіянецъ забываетъ все на свѣтѣ, даже свою національную гордость. Въ дѣлѣ искусства они космополиты и радуются его успѣхамъ, какъ дѣти одной общей матери — природы, для которыхъ прекрасное не имѣетъ нужды на право исключительнаго гражданства.

Я былъ во всѣхъ итальянскихъ театрахъ; слышалъ много отличныхъ тенеровъ, составившихъ себѣ европейскую славу; удивлялся ихъ силѣ, чистотѣ, обработкѣ; но скажу правду, ни въ одномъ не нашелъ той нѣжной, сладкой гармоніи, какою очаровалъ меня Ивановъ. Не нужно имѣть много поэтическаго чувства, чтобъ унестись за нимъ на седьмое небо.

В.

Но знаете ли что? Вмѣсто того, чтобъ намъ такъ далеко пускаться за новостями, сядемъ лучше здѣсь, у камина, закуримъ по регаліи—и станемъ дружески бесѣдовать. У меня много новостей: я высыплю ихъ всѣ передъ вами. Выбирайте любую. Вотъ, напримѣръ, не хотите ли послушать презабавную, — какъ бы это назвать, — повѣсть, быль, выдумку, что ли, извлеченную изъ письма Горація Верне и сообщаемую пріятелемъ его, Питръ-Шевалье, подъ названіемъ:

ДАГЕРОТИПЪ ВЪ ГАРЕМѢ.

Годится для водевиля.

Вамъ извѣстно, что знаменитый французскій живописецъ Горацій Вернетъ сложилъ палитру, кисти и карандаши въ походную суму и теперь путешествуетъ по Африкѣ и Азіи, собирая новыя впечатлѣнія, изучая тропическое небо и природу Востока. Въ Александріи художникъ былъ особенно обласканъ вице-королемъ египетскимъ, Мегметомъ-Али. Онъ помѣстилъ его въ своемъ дворцѣ, часто бесѣдовалъ съ нимъ о европейскомъ искусствѣ и далъ ему фирманъ, по которому двери всѣхъ публичныхъ зданій, дворцовъ и садовъ дворцовыхъ открылись передъ артистомъ. Вернетъ съ утра до ночи скитался по городу и окрестностямъ, съ портфелемъ подъ мышкою и синимъ плащемъ на плечахъ. Иногда онъ прогуливался по садамъ вице-короля и любовался зданіемъ гарема и его мавританскими столбами и арабесками. Молодой египетскій офицеръ, знавшій хорошо по французски, вездѣ сопровождалъ его. Однажды вечеромъ, онъ проходилъ мимо недоступной террасы, по которой гуляютъ, въ завѣтные часы, юныя заключенницы гарема и откуда онъ нерѣдко слышалъ смѣхъ и пѣсни. Вдругъ къ ногамъ его упадаетъ бѣлый шелковый платокъ, а въ немъ букетъ розъ, перевязанный пунцовой лентой. Изумленный художникъ поднялъ голову; на террассѣ невидно было ни души, только одна половинка широкаго окна была полуотворена и сквозь него виднѣлся кончикъ пунцоваго шарфа.

Что бы это значило? подумалъ Вернетъ, и воображеніе его тотчасъ перенеслось въ роскошныя сказки Тысячи и одной ночи. Рѣшено, сказалъ онъ наконецъ. Я одержалъ побѣду! Это любовное объясненіе! Онъ сталъ себѣ истолковывать значеніе подарка по своему, и вывелъ такое заключеніе: Роза—значитъ я молода и прекрасна! Тѣмъ лучше.—Бѣлый шелковый платокъ: я невольница! Тѣмъ хуже! А пунцовая лента: я пылаю къ тебѣ страстью! Тѣмъ лучше и тѣмъ хуже, ибо какой прокъ въ этой страсти: надо быть пожарной трубою, чтобъ утолить такое *возвышенное* пламя!—Но полно, ко мнѣ ли относится это привѣтствіе? На моихъ кудряхъ ужъ садится иней лѣтъ, скоро вся голова покроется снѣгомъ. Вѣрно букетъ красавицы связанъ для другаго!» Онъ усмѣхнулся, воткнулъ букетъ въ петлицу и пошелъ домой. Но самолюбіе не свой братъ; его можно разжечь и алой розою и пунцовой ленточкой. Богъ знаетъ почему и какъ, но артистъ каждый вечеръ невольно являлся подъ террасою и каждый разъ посылка любви повторялась и приходила прямо по адресу. «Однако, думалъ онъ, поднимая шестой букетъ, видно розы дѣйствительно мнѣ назначаются, и я не совсѣмъ старъ, чтобъ издали плѣнять пламенныхъ одалискъ.» Но какъ ни мучило его любопытство, онъ не могъ узнать прелестной незнакомки. Во дворцѣ Паши, нельзя было замѣтить и подозрѣнія слѣдовъ женскихъ, за виноградниками террасы не мелькнула ни одна восточная головка, а наконецъ и розовый дождь прошелъ.

Между тѣмъ каждый день Вернетъ показывалъ Мегмету-Али дагеротипъ и толковалъ о его дѣйствіяхъ и важныхъ результатахъ. Паша радовался прекрасному изобрѣтенію, какъ ребенокъ, хотѣлъ самъ дѣлать опыты, и каждый день внимательно изучалъ теорію *солнечной рисовки*. Наконецъ ему вздумалось попробовать свои знанія на дѣлѣ. «Если завтра день будетъ ясный, сказалъ онъ однажды Вернету, мы отправимся въ гавань, осмотримъ верфи и работы, возьмемъ съ собой твой волшебный ящикъ, и я попробую самъ снять нѣсколько видовъ.»—Сказано, сдѣлано! На слѣдующій день вице-король съ своей свитой, Вернетъ и нѣсколько Французовъ поѣхали верхами къ гавани. Когда они поравнялись съ женскими купальнями, обнесенными роскошною стѣною, откуда

раздавались крики, плескъ и смѣхъ, — изъ-за ограды вдругъ взвился букетъ цвѣтовъ и упалъ прямо на сѣдло Вернета. Весь поѣздъ захлопалъ счастливой выдумкѣ. Всѣ полагали, что тутъ скрывался умыселъ пріятнымъ образомъ польстить славному живописцу. Вернетъ понималъ это дѣло лучше другихъ. «Вторая глава моего романа!» шепнулъ онъ ѣхавшему за нимъ молодому мамелюкскому офицеру, всегдашнему своему спутнику.» Видно и моя красавица-невидимка здѣсь купается. Однако букетъ этотъ составленъ изъ странной смѣси рѣдкихъ и самыхъ обыкновенныхъ цвѣтовъ.» — Вѣрно селамъ; — отвѣчалъ мамелюкъ.— «Это любопытно; не можете ли вы мнѣ передать его значенія?» — О, весьма охотно. — Офицеръ взялъ букетъ, вертѣлъ его во всѣ стороны, разбиралъ каждый листикъ, нюхалъ каждый цвѣтокъ и, казалось, съ особеннымъ наслажденіемъ читалъ письмена Флоры, понятныя любящему сердцу. Наконецъ онъ началъ переводить съ языка цвѣтовъ на языкъ человѣческій:» Каждое біеніе сердца говоритъ мнѣ, что я люблю тебя. Я чиста и тѣломъ и душой, а твое сердце застраховано ли отъ невѣрности? Я ищу свободы, чтобы быть твоей рабою. Будь моимъ властителемъ и спаси меня. Не ходи утромъ мимо террасы. Приходи туда, когда соловей вздохнетъ въ первый разъ надъ розою. Тогда мои цвѣты опять на тебя посыплются. То вздохи моей страсти и поцѣлуи сердца. Вечеромъ они свѣжѣе. Если ты увидишь мой портретъ, такъ узнаешь меня по пунцовому шарфу.»

Всѣ посмѣялись надъ поэтическимъ посланіемъ, и самъ Паша поздравилъ счастливаго живописца съ побѣдою, пожелавъ ему плѣнить военачальника. Вернетъ, какъ Французъ, тотчасъ подумалъ объ отплатѣ за вѣжливость. «Нельзя ли мнѣ въ отвѣтъ составить такой же селамъ?» — сказалъ онъ молодому мамелюку. — Весьма легко, отвѣчалъ тотъ, и тотчасъ же началъ перебирать цвѣты и составлять букетъ въ новомъ порядкѣ. Отвѣтъ готовъ, сказалъ онъ наконецъ Вернету.—А какого онъ содержанія?—«Удары моего сердца мнѣ такъ же говорятъ, что я тебя люблю. Душа моя чиста и отъ невѣрности застрахована. Буду искать твоей свободы, но только не для того, чтобъ сдѣлаться твоимъ властителемъ, а быть твоимъ рабомъ. Нынѣ вечеромъ явлюсь подъ террасою и буду ждать твоего дара. Мечтаю о тебѣ и утромъ и вечеромъ, какъ соловей о розѣ. Гдѣ бы ты меня ни увидѣла, ты узнаешь страстнаго любовника по синему плащу.»—Безподобно! вскричалъ живописецъ. Безподобно! повторила вся свита. Между тѣмъ достигли до гавани. Нѣсколько минутъ еще пошутили надъ исторіей букета и потомъ приступили къ дагеротипу. Мегметъ-Али съ успѣхомъ выполнилъ свой опытъ, при самомъ маловажномъ пособіи со стороны Вернета. Солнце ярко освѣщало городъ, оживленную гавань и длинную рейду военныхъ кораблей съ ихъ пестрыми флагами. Лучи его оживляли зелень садовъ, скользили по скатамъ скалъ, украшенныхъ малками, и купались въ темносинихъ волнахъ Средиземнаго моря, то скользя по атласной ихъ поверхности, то посеребряя ихъ сѣдыя головы. Дѣятельный и проворный дагеротипъ схватывалъ всѣ красоты природы и искусства, и быстро гравировалъ ихъ на металлическихъ доскахъ своихъ. Тутъ все явилось въ живописной смѣси: и высокіе моолы изъ краснаго гранита, и выбѣленные домы новаго города, и краснорѣчивыя развалины Некрополиса, и около нихъ безмолвныя гробницы и мечети съ заостренными минаретами. Паша былъ въ восторгѣ; онъ самъ показывалъ и толковалъ своимъ офицерамъ дѣйствіе замысловатаго инструмента, и всѣ дивились не столько изобрѣтенію Дагерра, сколько знанію и мастерству Паши. Мегметъ-Али поглаживалъ окладистую бородку и чуть не прыгалъ

отъ удовольствія. Ему хотѣлось бы показать инструментъ цѣлому Египту. - Стой! вскричалъ онъ вдругъ, счастливая мысль! Вернетъ, одолжи мнѣ своего инструмента на нынѣшній день: я хочу показать его дѣйствіе женамъ — изъ гарема.» Лице Вернета оживилось. Передъ нимъ заблистали бѣлыя розы, пунцовые шарфы, душистые селамы и роскошные одалиски; любопытство зашевелилось въ душѣ, а надежда окрыляла его. «Ты приготовишь мнѣ нѣсколько металлическихъ досокъ.» — Я вамъ доставлю ихъ въ гаремъ. —«Нѣтъ, другъ, прежде: передъ женами я попробую, не обойдется ли мое искусство безъ твоего совѣта.» Художникъ началъ доказывать властителю правовѣрныхъ, что при всей его опытности въ дагеротипированіи, онъ можетъ ошибиться, встрѣтить неудачу, которая, вѣрно, при женахъ будетъ ему непріятна. Мегметъ-Али оставался непреклоннымъ и вѣрно сохранялъ древній законъ сераля: не допускать въ него постороннаго мужчины. Борода Паши бѣла, какъ лунь, а живописецъ еще живъ, притомъ же онъ *Франкъ*: тутъ есть новизна, есть предметъ для любопытства, а женское любопытство—бѣда! Стало быть, и кромѣ закона сераля, было еще много причинъ для ревности. Вернетъ долженъ былъ исполнить волю Паши.

Съ торжествующимъ видомъ Мегметъ-Али явился въ сераль. Два евнуха несли за нимъ снарядъ Дагерра на роскошную террасу, уставленную душистыми цвѣтами въ мраморныхъ вазахъ и диванами съ богатѣйшими персидскими коврами. Жены съ дѣтской радостью окружили своего грознаго владыку. Странно было видѣть этого маленькаго человѣчка, съ сѣдою бородой, смуглымъ скуловатымъ лицомъ, быстрыми глазами и движеніями и серіозно-умной физіономіей, между такимъ множествомъ юныхъ, цвѣтущихъ лицъ, на которыхъ рисовались младенческая безпечность и легкомысліе.

Съ осторожностью Паша ставитъ дагеротипъ на широкій балюстрадъ террасы, вкладываетъ въ него металлическую доску, наводитъ стекло на бриллiантовый фонтанъ въ цвѣтникѣ своего сада, съ самодовольствомъ ждетъ нѣсколько минутъ, приготовляя женъ увидѣть чудо. Наконецъ онъ вынимаетъ доску, двадцать милыхъ головокъ устремляютъ на нее свои быстрые взоры и съ гримаской отступаютъ назадъ: доска чиста и бѣла, какъ была прежде. Лице Паши зардѣлось. Онъ снова осмотрѣлъ снарядъ, подумалъ нѣсколько минутъ, вложилъ новую доску: «Я поторопился, говоритъ онъ женамъ; теперь вы увидите, что выйдетъ.»—Вторая доска вынута... «Ну вотъ... говоритъ Паша.... Опять ничего! восклицаютъ жены съ хохотомъ. Глаза Мегмета-Али страшно запылали; могильная тишина послѣдовала за неумѣренною веселостью. Рѣзвыя жены робко присмирѣли на мягкихъ диванахъ. Паша бьется съ инструментомъ, но волшебство исчезло; онъ грозно посматриваетъ на солнце: оно не боится его взгляда и не рисуетъ золотою кистью лучей по зеркалу серебристаго металла. Между женами отъ уха къ уху бѣжитъ насмѣшливый шопотъ. Мегметъ почти выходитъ изъ себя. Онъ отталкиваетъ кальянъ ногою и, утонувъ въ пуховикѣ дивана, думаетъ о средствахъ поправить неудачу. Есть одно только средство: допустить зловѣщаго живописца въ гаремъ. Долго ревность борется съ самолюбіемъ; наконецъ послѣднее побѣждаетъ и арабченокъ бѣжитъ за Верне-томъ. —

Можно легко себѣ представить, съ какимъ восторгомъ нашъ артистъ кинулся за посланнымъ. Онъ входитъ— и первое существо, которое поражаетъ его взоры, есть скромный цвѣтокъ гарема, вѣнецъ красоты и молодости, семнадцатилѣтняя одалиска съ пунцовымъ шарфомъ. Но, что это значитъ? —

Она равнодушна, она хладнокровна, какъ мраморъ, при его встрѣчѣ! Неужли краснорѣчіе селама и цвѣтистые дожди любви — были только дѣтскія шутки? Или холодность ея, простое притворство предъ испытующимъ взоромъ Паши? Но гдѣ могла эта юная душа научиться всѣмъ коварствамъ измѣны и любви? Откуда сердце ея взяло латы желѣзной воли, которыя не пропускали лишней струйки крови въ ланиты, лишней искры въ черные зрачки глазъ? Живописецъ терялся въ соображеніяхъ. Онъ приступилъ къ своему дѣлу, навелъ дагерротипъ и остался при тѣхъ же результатахъ, какъ и самъ Паша. Тогда-вдругъ онъ ударилъ себя по лбу: «Виноватъ! Я забылъ покрыть доску іодіемъ», вскричалъ онъ и, захвативъ три изъ нихъ, опрометью бросился изъ сераля, не забывая, мимоходомъ, подарить пунцовый шарфъ самымъ пламеннымъ взглядомъ.

Видите ли!» произнесъ съ довольной важностью Паша, окинувъ женъ упрекающимъ взоромъ. Вскорѣ живописецъ опять явился. Доски были вставлены и послушный снарядъ показалъ дивныя свои дѣйствія во всемъ блескѣ. Мегметъ смѣялся — жены прыгали — отъ радости. Онъ самъ принялся за новые опыты. Пользуясь удобной минутой, Вернетъ вынулъ изъ кармана свой селамъ и, заложивъ руку за спину, украдкой подалъ его пунцовому шарфу. Одалиска схватила тайный даръ съ жадностію и спѣшила скрыть его подъ складками одежды. Но отъ ревниваго Паши ничто не скрылось. Пока одинъ глазъ его наводилъ дагеротипъ, другой слѣдилъ за каждымъ движеніемъ живописца. Какъ молнія отскочилъ онъ отъ снаряда, красная феска затрлсась надъ сѣдыми бровями, и рука съ судорогой схватилась за изумрудную рукоять кинжала. Вернетъ поблѣднѣлъ и внутренно наскоро свершилъ послѣднюю молитву. Вся сцена продолжалась двѣ секунды. Одалиска опрокинулась на диванъ, какъ скошенная линія. Но вдругъ лице Паши приняло другое выраженіе: тонкія губы его растянулись, борода задрожала, и онъ разразился смѣхомъ. Вернетъ не зналъ, что дѣлать, что думать.» Слущай! сказалъ ему вице-король египетскій, за пятьдесятъ лѣтъ, голова глура ужъ лежала бы у ногъ моихъ и шелковое ожерелье обагровило бы шею измѣнницы. Но я живу въ девятнадцатомъ столѣтіи, и подъ фескою, такой же Европеецъ, какъ и вы, только не разстаюсь съ добрымъ обычаемъ предковъ, съ моимъ сералемъ. Я тебѣ прощаю, но съ условіемъ: ты долженъ купить мою одалиску;—цѣна ей — твой дагерротипъ! — Торгъ конченъ; веди ее домой, а мы снимаемъ еще нѣсколько видовъ. Видишь, я охотно мѣняю доблесть луны на просвѣщеніе — солнца!»

— Вы величайшій Паша на землѣ! воскликнулъ Вернетъ: но, что мнѣ дѣлясь съ вашей невольницей!— «Что хочешь! Это твое дѣло, отвѣчалъ съ улыбкой Паша. Она твоя невольница.»—Если такъ, то Дагерръ можетъ похвалиться еще одной славой... «Какой же? «—Онъ составилъ счастіе двухъ сердецъ въ дворцѣ египетскаго паши. — «Непонимаю!« Завтра все объяснится Вашему Величію!

Вернетъ взялъ за руку свою невольницу, которая въ испугѣ и отчаяніи едва могла ступать, и повелъ ее въ свои покои. Потомъ онъ вышелъ и черезъ четверть часа возвратился съ своимъ толмачемъ, мамелюкскимъ офицеромъ.» Она твоя! сказалъ онъ ему: это моя благодарность за цвѣтистый слогъ твоего селама.»—Полюбовавшись минутой изумленія, восторга и блаженства двухъ юныхъ существъ прекрасныхъ, пламенныхъ, полныхъ жизни и чувства, Вернетъ вышелъ и поспѣшилъ набросать экскизъ этой сцены на бумагу.

Горацій Вернетъ еще во время поѣздки къ гавани узналъ тайну молодаго офицера. Когда букетъ упалъ на сѣдло живописца, лице юноши поблѣднѣло, и лошадь, задернутая невольнымъ движеніемъ руки, сдѣлала лансаду. Готовность его читать селамъ и отвѣчать на него, ночная встрѣча съ нимъ подъ навѣсомъ террасы, одинакій ростъ и одинакіе плащи—довершили остальное. Подозрѣніе его сдѣлалось истиной, и онъ рѣшился, во что бы то ни стало, утѣшить страдальца.

Происшествіе это послужитъ сюжетомъ для двухъ картинъ, которыя Вернетъ готовитъ къ выставкѣ 1841 года.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ НОВОСТИ.

Г-жа Алланъ съ мужемъ поѣхала очаровывать Москву: обѣщаемъ нашимъ артистамъ блистательный успѣхъ, а радушной Москвѣ — много, много минутъ величайшаго наслажденія.

— Отличные пѣвцы нашей нѣмецкой оперы Брейтингъ и Ферзингъ, —давали въ Москвѣ два концерта — и были осыпаны рукоплесканіями всѣхъ истинныхъ знатоковъ и любителей—музыки и пѣнія. А, М.

Каратыгина, какъ носятся слухи, выбрала для своего бенефиса драму Гальма: *Гризелида*, прекрасно переведенную П. Г. Ободовскимъ. В. А. Каратыгинъ выбралъ себѣ трагедію Шекспира: *Коріоланъ*, въ вѣрномъ, близкомъ, почти подстрочномъ переводѣ: это будетъ новымъ торжествомъ для нашего отличнаго артиста, который одинъ у насъ умѣетъ постигать и передавать великаго, вѣковѣчнаго Британскаго поэта.

Изъ лѣтнихъ бенефисовъ самый интересный будетъ бенефисъ В. В. Самойлова. Этотъ молодой артистъ, который такъ блистательно развилъ свой талантъ въ послѣдній годъ, выбралъ себѣ оригинальную и даже преоригинальную комедію, и премиленькій водевиль... Какія же это піесы, спросите вы? — Не скажемъ пока, помучьтесь любопытствомъ!

— 4-го Марта, театръ нашъ лишился одного изъ своихъ членовъ, человѣка съ талантомъ несомнѣннымъ, хотя онъ и не слишкомъ часто имѣлъ случай обнаруживаться во всей полнотѣ на сценѣ,—А. В. *Воротникова б.* Онъ скончался въ слѣдствіе изнурительной чахотки. Воротниковъ въ *народныхъ русскихъ* характерахъ и въ роляхъ *Нѣмцевъ* былъ неподражаемъ. Въ немъ былъ свой особенный юморъ и много жизни въ игрѣ. Роль *Филатки*, имъ прославленная, — осиротѣла.

Печатать позволяется. 30 марта, 1840. Цензоръ П. Корсаковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ПАНТЕОНА

РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

I. ПРОИЗВЕДЕНІЯ ДРАМАТИЧЕСКІЯ.

1. ВЕЛИСАРІЙ, драма въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненіе *Эдуарда Шенка*, переводъ П. Г. Ободовскаго.
2. ДОЧЬ ІОАННА III, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненіе барона Е. Ѳ. Розена.
3. БУРЯ, драма, Вильяма Шекспира, въ 5 дѣйствіяхъ, переводъ съ Англійскаго.
4. ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ ФЕВРАЛЯ, драма въ 1 дѣйств., соч. *Захаріи Вернера*, переводъ съ Нѣмецкаго, А. П. Струговщикова.
5. ПРІѢЗЖІЙ ИЗЪ СТОЛИЦЫ или СУМАТОХА ВЪ УѢЗДНОМЪ ГОРОДКѢ, оригинальная комедія въ 5 дѣйствіяхъ, сочиненіе Грицки-Основьяненки.
6. ТОРЖЕСТВО ДОБРОДѢТЕЛИ, драматическій очеркъ канцелярской жизни въ 1 дѣйствіи, соч. П. Т. М — — ва.

II. ИСТОРІЯ ТЕАТРА.

1. ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ МОЕЙ ЮНОСТИ, Ѳ. В. Булгарина.
2. ТЕАТРЪ ВЪ ШВЕЦІИ, барона Штиглица.
3. ВОСПОМИНАНІЕ О МОСКОВСКОМЪ ТЕАТРѢ ПРИ М. Е. МЕДОКСѢ, статья Ѳ. А. Кони.
4. ПРИДВОРНЫЙ ТЕАТРЪ ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА ВЪ МОСКВѢ, ВЪ 1812 ГОДУ, статья Ѳ. А. Кони.

III. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

1. ГРѢШНИЦА, соч. А. П. Новомлинскаго (Башуцкаго)
2. НИКОЛАЙ ѲЕДОРОВИЧЪ ГОРЕВЪ, повѣсть, Е. П. Гребенки.
3. ДАГЕРОТИПЪ ВЪ СЕРАЛѢ, изъ переписки *Горація Верне*, разсказъ Пятра-Шевалье.

IV. БІОГРАФІИ.

1. МАРІИ ДАНИЛОВОЙ, знаменитой Русской танцовщицы, соч. П. П. Муната.
2. ИВАНА АѲОНАСЬЕВИЧА ДМИТРЕВСКАГО, величайшаго Русскаго актера, соч. Ѳ. А. Кони.

V. СТАТЬИ О МУЗЫКѢ.

1. ШВЕДСКАЯ МУЗЫКА, статья барона Штиглица.
2. РОМЕО И ІОЛЬЯ, драматическая симфонія, сочиненія Берліоза.

VI. ПЕРЕПИСКА И ПУТЕШЕСТВІЯ.

1. КОЛИЗЕЙ, древній театръ Римлянъ изъ путешествія по Италіи, барона Е. Ѳ. Розена.
2. КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ, изъ записокъ очевидца.
3. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ТРУППЫ ИТАЛІЯНЦЕВЪ И НОВЫЯ ОПЕРЫ, письмо изъ Милана, П. Бонавентуры.
4. ДЕБЮТЪ РУССКАГО ПѢВЦА ИВАНОВА ВЪ БОЛОНЬИ, письмо Г. Б.
5. ПИСЬМО ОБЪ АЛЕКСАНДРІЙСКОМЪ ТЕАТРѢ, князя Пюклеръ-Мюскау.

VII. СТАТЬИ ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ.

1. ПЕРЕПИСКА БОГОВЪ или МАСКЕРАДЪ АППОЛОНА, Ѳ. А. Кони.
2. ИСТОРІЯ БАЛОВЪ И МАСКЕРАДОВЪ, Его-же.
3. ЗАКУЛИСНАЯ ХРОНИКА, Ѳ. — — ин.

VIII. КРИТИЧЕСКІЕ РАЗБОРЫ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ.

1. НОРМАНЪ, или РОДОВОЕ ПРАВО, драма Бульвера.
2. ДѢВИЦА РАШЕЛЬ, первая трагическая актриса Франціи.
3. ЛЕВЪ ПУСТЫНИ, драма представляемая звѣрьми Картера.
4. КЛЕМЕНЦІЯ, драма *г-жи Аиссло.*
5. РЕМЕСЛЕННИКЪ, драма *Фредерики Сулье.*
6. СУКОНЩИКЪ, опера *Скриба и Галеви.*
7. ЭВА, опера *Лесюэра и Каноли.*
8. ИНЕСА ДЕ КАСТРО, опера *Персіани.*
9. ЦѢЛОМУДРЕННАЯ СУСАННА, опера *Кармуша* и *Монну.*
10. ГЕРЦОГЪ РИШЕЛЬЕ, водевиль.
11. РАЙ МАГОМЕДА, водевиль *Лорансена.*
12. КОРОЛЬ НА ОДИНЪ ДЕНЬ, водевиль *Мишеля Массона.*
13. ПЕРЕВОДЫ ШИЛЛЕРОВЫХЪ ТРАГЕДІЙ. *Мюльгаузера.*

IX. ТЕАТРАЛЬНЫЯ НОВОСТИ И АНЕКДОТЫ.

Первый народный театръ въ *Турціи.* Новыя драмы *Польса* въ *Лондонѣ.* Сильфида — *Люція Гранъ.* Новыя оперы и драмы въ *Германіи.* Чешскіе театры въ *Венгріи* и *Богеміи.* Основаніе театровъ въ *Египтѣ, Алжирѣ* и *Греціи.* Мадритскія зрѣлища. Упадокъ театровъ въ *Сѣверной Америкѣ.* Фанни Эльслеръ. *Глуръ,* новая опера *Беверн.* Лондонскіе театры. Новости театровъ въ *Феррарѣ,* во *Флоренціи,* въ *Венеціи,* въ *Миланѣ,* въ *Генуѣ,* и въ *Римѣ.* Новыя драматическія произведенія Италіянскихъ поэтовъ. Оперы — *Крейцера* и *Дессауера,* въ *Вѣнѣ.* Театральная статистика *Лейпцига.* Великолѣпное представленіе водевиля *о томъ, какъ Юдифь царю Олоферну главу отсѣкла.* Театральныя анекдоты.

X. СТИХОТВОРЕНІЯ И КУПЛЕТЫ:

1. МАЛЬВИНА и ТАНКРЕДЪ, баллада покойнаго водевилиста *А. И. Писарева.*
2. ЧУВСТВА НА МОРѢ. *Барона Е. Ѳ. Розена.*
3. ПОСЛѢДНЯЯ РУССКАЯ ПѢСНЯ *П. Цыганова.*
4. МАЛИНОВКА. *Е. П. Гребенки.*
5. КРАСАВИЦА. *Д. П. Сушкова.*
6. СИНЬОРЪ и ПЛЕБЕЯНКА, сцена изъ Италіянской жизни XVII вѣка. *Ѳ. А. Кони.*
7. ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПОДЪЯЧІЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ, въ виршахъ сложилъ *Ѳеоклистъ Бобъ.*
8. СЦЕНА ИЗЪ ТОРКВАТО-ТАССО. Сочиненіе *Гете* переводъ А. П. Струговщикова.
9. ЦЫГАНСКІЙ ТАБОРЪ. *Грф. Рос—ой.*
10. ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО. *В. И. Бенедиктова.*
11. МЕЛОДІЯ. *Н. В.* Некрасова
12. РУССКАЯ ПѢСНЯ. *Г. Ивельева* (псевдонимъ).
13. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ ПАНТЕОНУ. *А. П. Башуцкаго.*
14. НАШЪ ВѢКЪ. Куплеты.
15. КАРЕТА. Куплеты. *Ѳ. А. Кони.*
16. ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПОДЪЯЧІЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ, или СНОВА — ЗДОРОВО! *Ѳеоклиста Боба.*

При первой части даны слѣдующія:

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. МУЗЫКА:

СВѢТЛАНА, баллада *В. А. Жуковскаго,* положенная на музыку *К. К. Арнольдомъ* написанная на конкурсъ С. Петербургскаго филармоническаго общества и признанная достойною *преміи.* Отдѣленіе I, II и III: 27 печатныхъ страницъ.

II. КАРТИНКИ:

1. СТРАПСТВУЮЩІЕ МУЗЫКАНТЫ, писанная Вѣнскимъ художникомъ *Гофманомъ* гравированная Андреемъ *Гайгеромъ.*
2. МАСКЕРАДЪ АППОЛОНА, гравированная *Е. Помо.*
3. ПОРТРЕТЪ ИВАНА АѲАНАСЬЕВИЧА ДМИТРЕВСКАГО.
4. ВОЗВРАЩЕНІЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ ИЗЪ РОССІИ, рисована *Горація-емъ Вернетомъ* и вырѣзана на деревѣ въ Парижѣ. *г Жомно.*
5. ГРАВИРОВАННАЯ ОБЕРТКА на 1-ю часть Пантеона.

9Ф23

Dessiné par H. Vernet. *Joannot fec.*

ВОЗВРАЩЕНІЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ ИЗЪ РОССІИ.

пряженной горлицами. Они надѣялись своими обольстительными чарами соблазнить этого юношу и дѣву, которые дали обѣтъ не пользоваться правами брачнаго ложа, пока Гименей не зажжетъ своего свѣтильника. Но тщетны были усилія сладострастной любовницы Марса; зломышленный сынъ ея переломалъ всѣ стрѣлы и поклялся не натягивать болѣе лука; какъ ребенокъ, онъ теперь играетъ только съ воробьями.

Церера. Могущественная царица небесъ, великая Юнона, приближается: у знаю ее по поступи.

(Входитъ **Юнона**.)

Юнона. Привѣтствую тебя, благодѣтельная сестра моя? Благословимъ эту чету! Пусть дни ихъ будутъ счастливы, а потомство почтно!

Юнона, поетъ.

Злата, чести, наслажденья,
Мирныхъ дней и упоенья,
Безконечный рядъ забавъ,
Вамъ отъ сердца пожелавъ,
Васъ Юнона поздравляетъ
И вашъ бракъ благословляетъ.

Церера, то же.

Изобилья, житницъ вѣчно полныхъ.
Виноградомъ лозъ обремененныхъ,
Отъ плодовъ пагнувшихся древесъ;
Чтобъ весна поздпѣйшая съ небесъ
Къ вамъ во время жатвы возвращалась,
Чтобъ нужда васъ бѣгала, чуждалась,
Чтобъ не знали вы печали никогда.
Это все, Церера призываетъ,
На тебя, прекрасная чета,
И твой бракъ благословляетъ.

Фердинандъ. О какое величественное видѣніе! Какіе гармоническіе звуки! Неужели это духи!

Просперо. Духи, которыхъ я вызвалъ наукою изъ ихъ сферы, чтобъ они исполнили мои желанья.

Фердинандъ. Какъ бы желалъ остаться здѣсь навсегда! Такой удивительный отецъ и такая жена превратятъ для меня пустыню въ рай.

(**Юнона** и **Церера** шепчутся; **Ириду** посылаютъ съ порученіемъ.)

Просперо. Молчи, мой другъ! Юнона и Церера шепчутся съ озабоченнымъ видомъ; онѣ еще что-то затѣваютъ. Ни слова, или все очарованіе исчезнетъ.

Ирида. Наяды, нимфы странствующихъ ручейковъ, съ камышевыми вѣнками и вѣчно-свѣтлыми очами, покиньте зыбкія струйки водъ! Собирайтесь на этотъ зеленый лугъ; васъ зоветъ Юнона. Придите, скромныя нимфы, довершите торжество внѣчанія вѣрной любви. Не медлите.

(Являются нимфы.)

И вы, жнецы, загорѣвшіе отъ солнца, изнеможенные трудомъ, оставьте борону и поле, и предайтесь веселью. Пусть день этотъ будетъ вамъ праздникомъ. Наденьте свои соломенныя шляпы и становитесь въ веселую пляску съ юными нимфами.

(Входятъ нѣсколько жнецовъ, опрятно одѣтые; они составляютъ съ нимфами граціозный танецъ; послѣ чего Просперо внезапно вскакиваетъ.)

Просперо, (въ сторону.) Я и забылъ о гнусномъ умыслѣ чудовища Калибана и его сообщниковъ. Минута исполненія ихъ заговора наступаетъ. (*Къ духамъ.*) Исчезните. Довольно.

Фердинандъ. Что это значитъ? Отецъ твой сильно взволнованъ.

Миранда. Никогда, до сихъ поръ не видѣла я его въ такомъ волненіи, и гнѣвѣ.

Просперо. Ты, кажется, встревоженъ, сынъ мой, какъ будто чего нибудь испугался. Успокойся, другъ, пиръ нашъ конченъ. Наши актеры, какъ я уже сказалъ были не что иное, какъ духи; они обратились въ воздухъ, и въ тонкомъ воздухѣ исчезли. Какъ безтѣлесные образы этихъ видѣній, исчезнутъ и башни, которыхъ главы увѣнчаны облаками, великолѣпные дворцы, величественные храмы, самъ шаръ земной, и все, на немъ живущее, все пропадетъ, какъ эти пустые призраки, не оставивъ и

слѣда за собою. Мы всѣ изъ того же матеріала, какъ сны наши, и наша краткая жизнь со всѣхъ сторонъ объята сномъ.—Я страдаю, сынъ мой; прости моей слабости; моя старая голова разстроена. Не заразись моей печалью, войди, если хочешь въ пещеру, вы тамъ отдохнете; а я немного пройдусь, чтобъ успокоить біеніе сердца.

Фердинандъ и Миранда. Желаемъ вамъ спокойствія.

(Уходятъ.)

Просперо. Явись ко мнѣ скорѣе мысли! — Благодарю васъ; — Аріэль!

(Аріэль является.)

Аріэль. Я прикованъ къ мыслямъ твоимъ: что прикажешь?

Просперо. Духъ! мы должны заняться разрушеніемъ Калибанова замысла.

Аріэль. Да, повелитель! Когда я представлялъ Цецеру, — я хотѣлъ поговорить съ тобою объ этомъ, но боялся разсердить тебя.

Просперо. Повтори мнѣ, гдѣ ты оставилъ этихъ негодяевъ?

Аріэль. Я сказалъ тебѣ, что я ихъ оставилъ, разгоряченныхъ виномъ, въ припадкѣ такой храбрости, что они готовы были драться съ вѣтромъ, за то, что онъ дулъ имъ въ лицо и бить землю за то, что она касалась до ихъ подошвы, они разсуждали о своемъ умыслѣ. Тогда я ударилъ въ свой барабанъ; при этихъ звукахъ, они подобно необъѣзженнымъ жеребцамъ, подняли уши, выпаращили зрачки, надули поздри, почуя музыку. Я такъ обворожилъ ихъ слухъ, что они, какъ телята на знакомое мычанье, послѣдовали за мною, по зубчатому терновнику, сквозь сухой кустарникъ; по колючимъ растеніямъ, которыхъ иглы впивались имъ въ ногп. Наконецъ я оставилъ ихъ за твоею пещерою, въ болотѣ, обросшемъ зеленою плесенью, и тамъ, завязнувъ по колѣна, бьются они въ тинѣ, которая облѣпила и опутала имъ ноги.

Просперо. Отлично, моя птичка. Не спахивай съ себя невидимаго покрова. Тамъ въ гротѣ у меня есть приманка для нихъ; принеси ее сюда: ею, какъ сѣтью, изловлю воровъ.

Аріэль. Иду!

Просперо. Это демонъ, совершенный демонъ, на которомъ никогда не примутся добрыя сѣмена. Всѣ труды мои, по человѣколюбію расточаемые на его образованіе, потеряны. Тѣло его съ годами становится безобразнѣе, а душа гнуснѣе. Я до тѣхъ поръ буду ихъ мучить, пока всплачутся.

(Входитъ Аріэль, неся блестящія платья.)

Повѣсь это вотъ здѣсь, на веревку.

(Просперо. Аріэль невидимый. Входятъ Калибанъ, Стефано и Тринкуло — всѣ мокрые.)

Калибанъ. Пожалуй-ста, идите тише, чтобы слѣпой кротъ не услыхалъ шаговъ нашихъ: мы возлѣ самой его пещеры.

Стефано. Чудовище, твой духъ, котораго ты называешь безвреднымъ, сыгралъ съ нами такую же штуку, какъ блуждающій огонекъ, обманывающій довѣренность путника; онъ насъ просто посадилъ въ дураки.

Тринкуло. Чудовище, я слышу какой-то запахъ, отъ котораго носъ мой приходитъ въ ужасное негодованіе.

Стефано. И мой тоже. Смотри, чудовище, если я разсержусь, такъ берегись...

Тринкуло. Ты будешь погибшее чудовище.

Калибанъ. Добрый господинъ мой, возврати мнѣ твою дружбу. Имѣй терпѣніе. Сокровище, которое я сейчасъ укажу тебѣ, выкупитъ эту минутную непріятность. Только говори потише. Пока здѣсь все еще мертво, какъ полночь.

Тринкуло. Да за чѣмъ ты утопилъ бутыль въ болотѣ?

Стефано. Это событіе ознаменовано не только стыдомъ и безчести-

ПАНТЕОНЪ РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ,

СВѢТЛАНА

БАЛЛАДА

В. А. ЖУКОВСКАГО.

положена на музыку

К. АРНОЛЬДОМЪ

и подъ девизомъ

„In Deo spes mea."

признана достойною преміи

САНКТПЕТЕРБУРГСКИМЪ

ФИЛАРМОНИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

1840.

Лит. М. Тюлева

№ I.

Andante.

Пѣніе.

Форте.

Піяно.

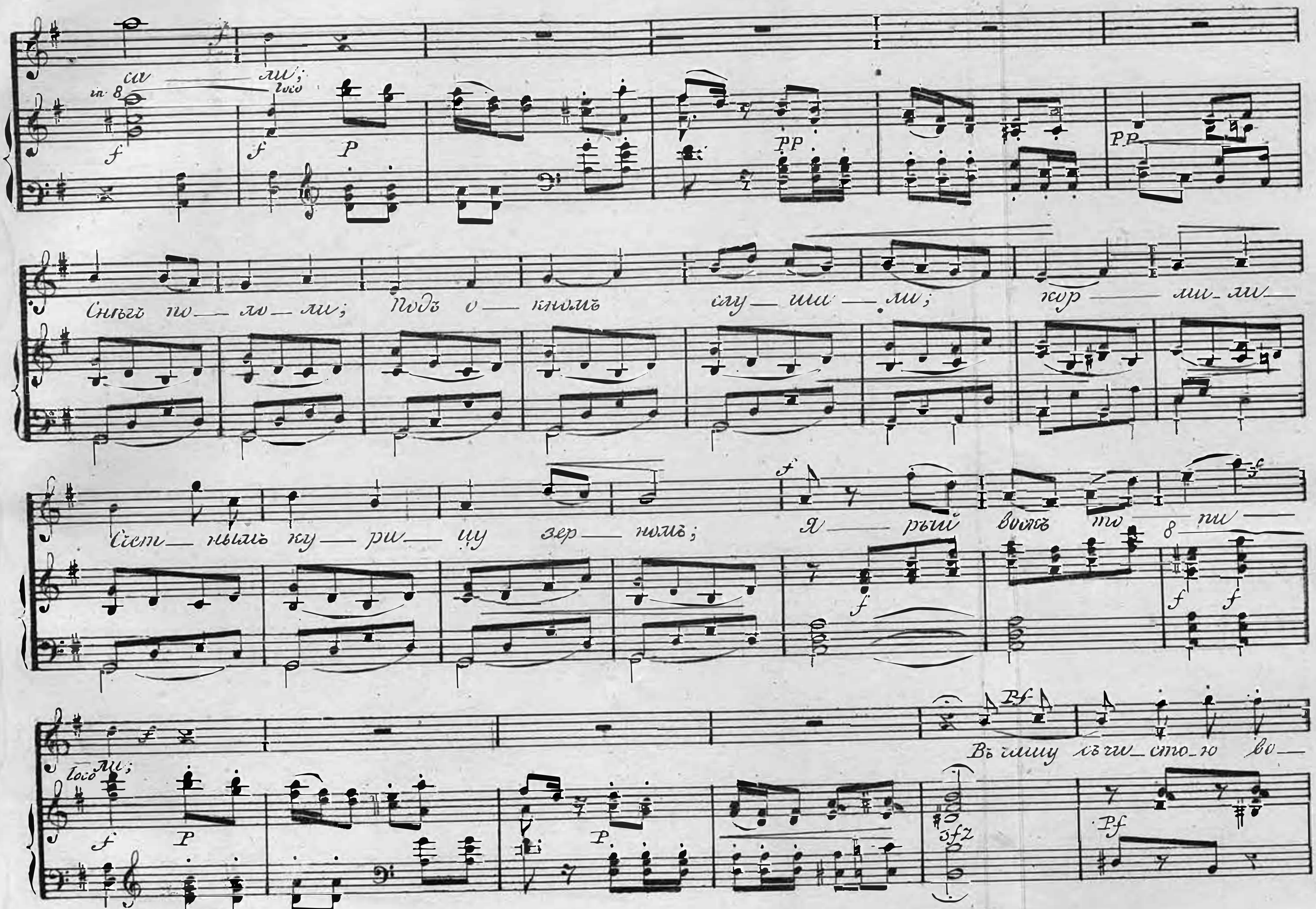
Allegretto

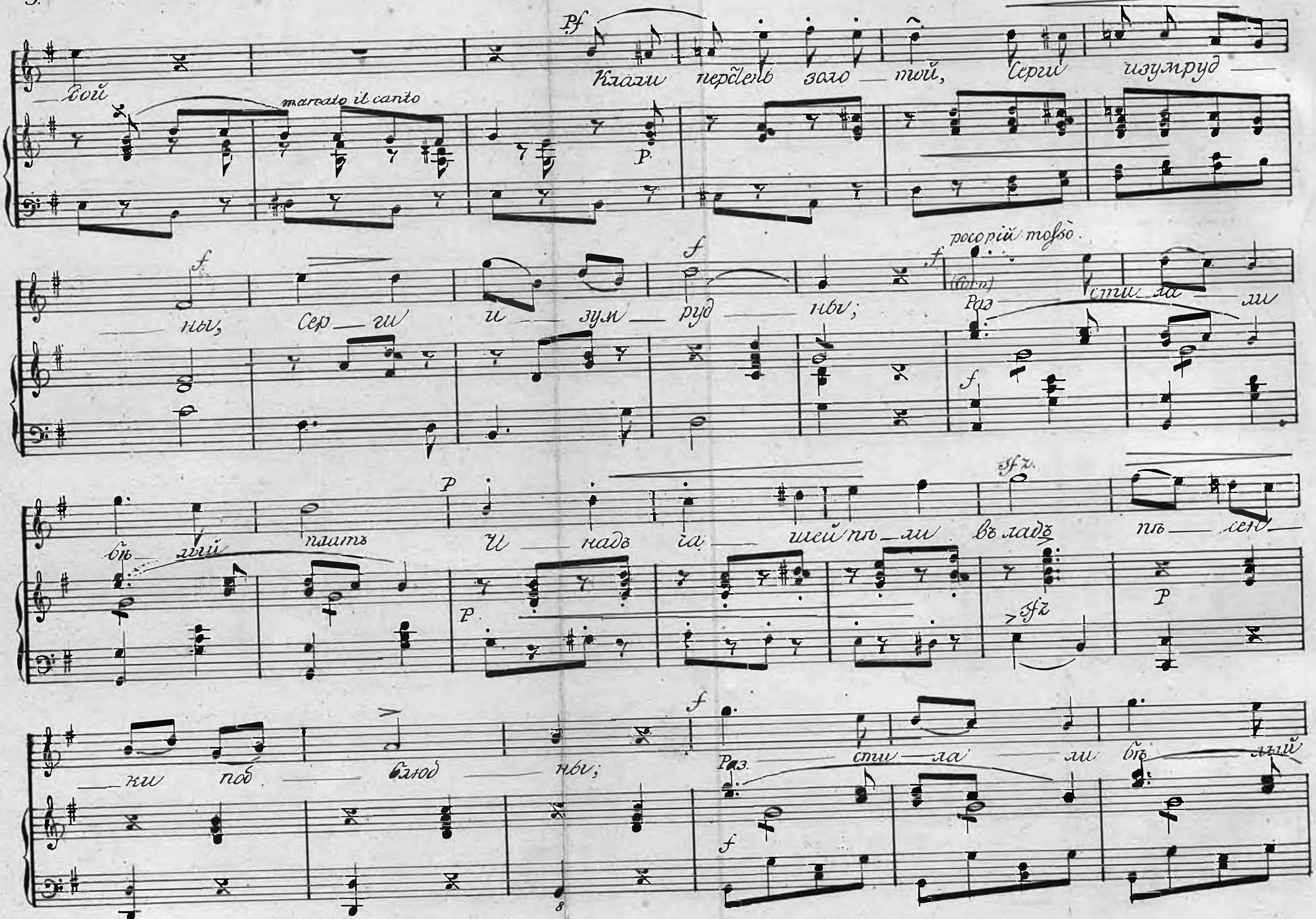
Simplice e ligato

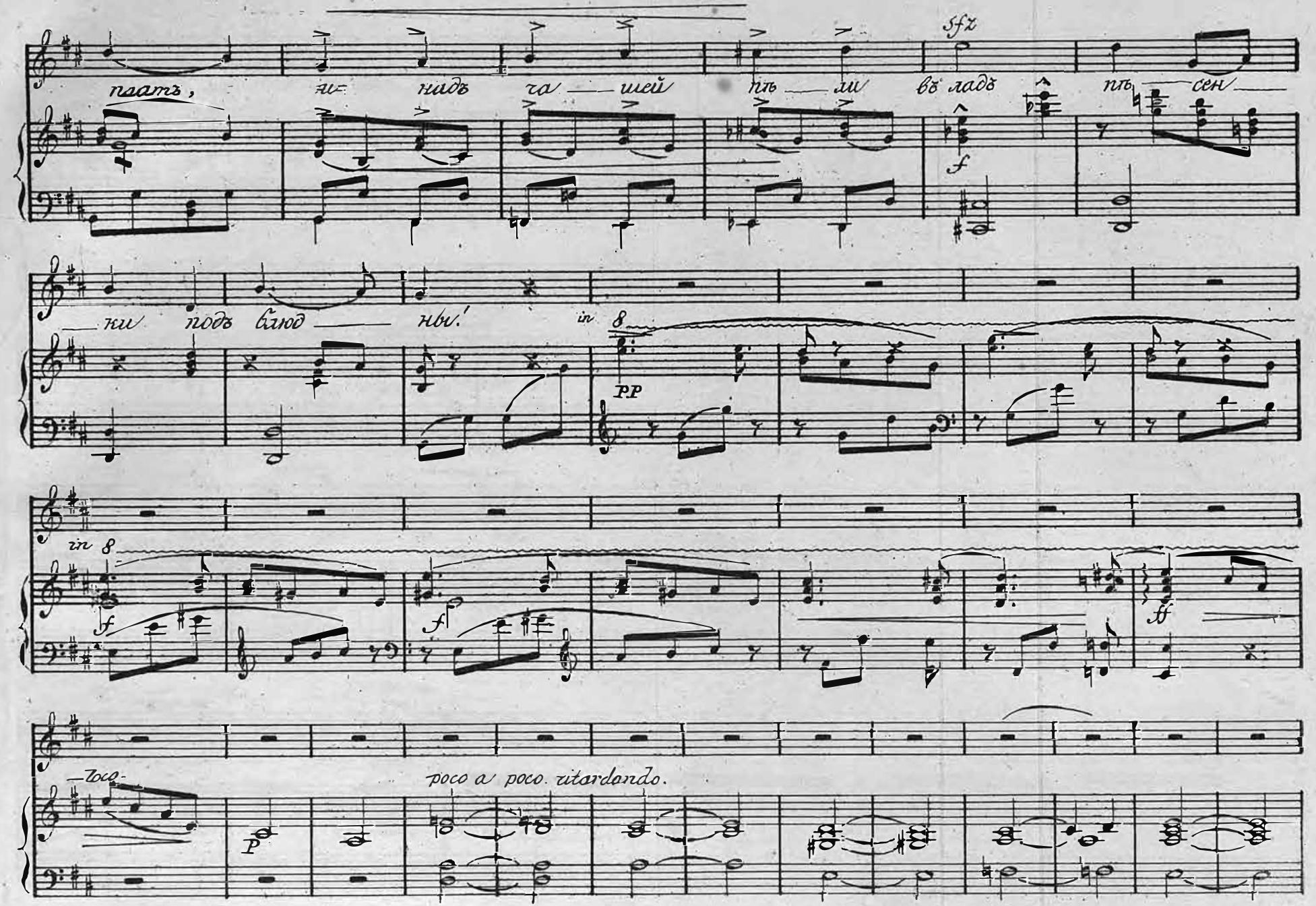
Simplice con grazia.

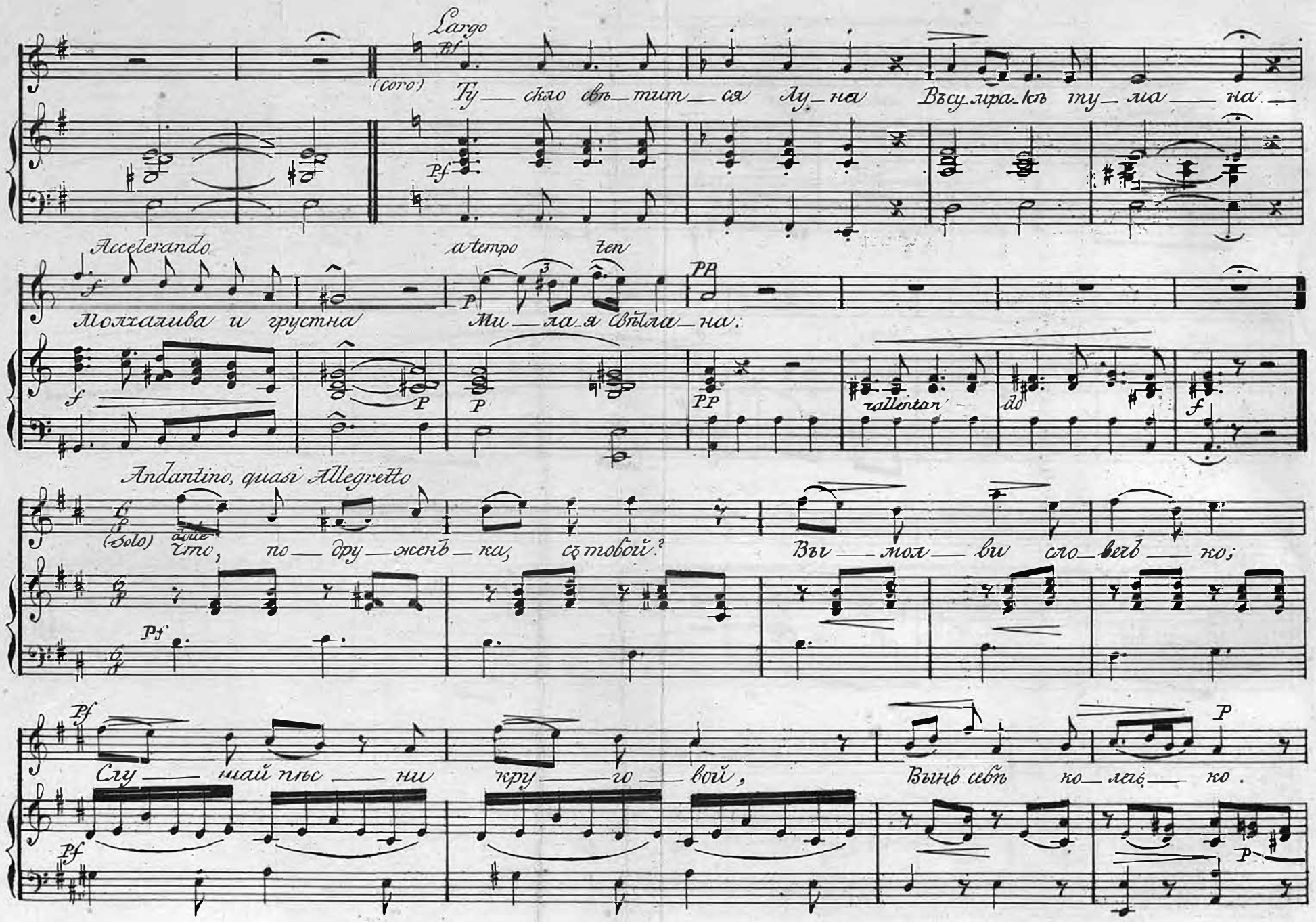
Solo

Разъ въ кре — щенскій ве — че — рокъ Дѣ — вуш — ки га — да — ли: За во — ро — та башма — чокъ, Снявъ съ но — ги бро —


са — ли;
Снѣгъ по—ло—ли; Подъ о—кномъ слу—ша—ли; кор—ми—ли
Сыт—нымъ ку—ри—цу зер—номъ; Я—рый воскъ то—пи—ли;
Въ чашу съ чи_сто_ю во—
loco
pp
sfz
Pf


— вой
marcato il canto
Pf
Клали перстень золо — той, Серги изумруд —
— ны, Сер — ги и — зум — руд — ны;
poco più mosso
(Corn)
Раз — сти — ла — ли
бѣ — лый платъ И — надъ ча — шей пѣ — ли въ ладъ пѣ — сен —
sfz
— ки под — блюд — ны;
Раз — сти — ла — ли бѣ — лый


sfz
паатъ, и- надъ ча — шей пѣ — ли въ ладъ пѣ — сен —
f
— ки подъ блюд — ны!
in 8
pp
in 8
f
f
ff
— Loco
poco a poco ritardando.
p


Largo
Pf
(coro)
Ту — скло свѣ — тит — ся лу — на Въсу_лра_кѣ ту — ма — на.
Pf
Accelerando
a tempo
ten
Молчалива и грустна Ми — ла_я свѣтла — на.
f
P
PP
rallentar
do
Andantino, quasi Allegretto
(Solo)
Что, по — дру — женъ — ка, съ тобой? Вы — мол — ви сло — вечъ — ко;
Pf
Слу — шай пѣс — ни кру — го — вой, Вынь себѣ ко — лечъ — ко.

Sotto voce

Пой кра са ви ца: (Coro) Кузнецъ, скуй мнѣ златъ и

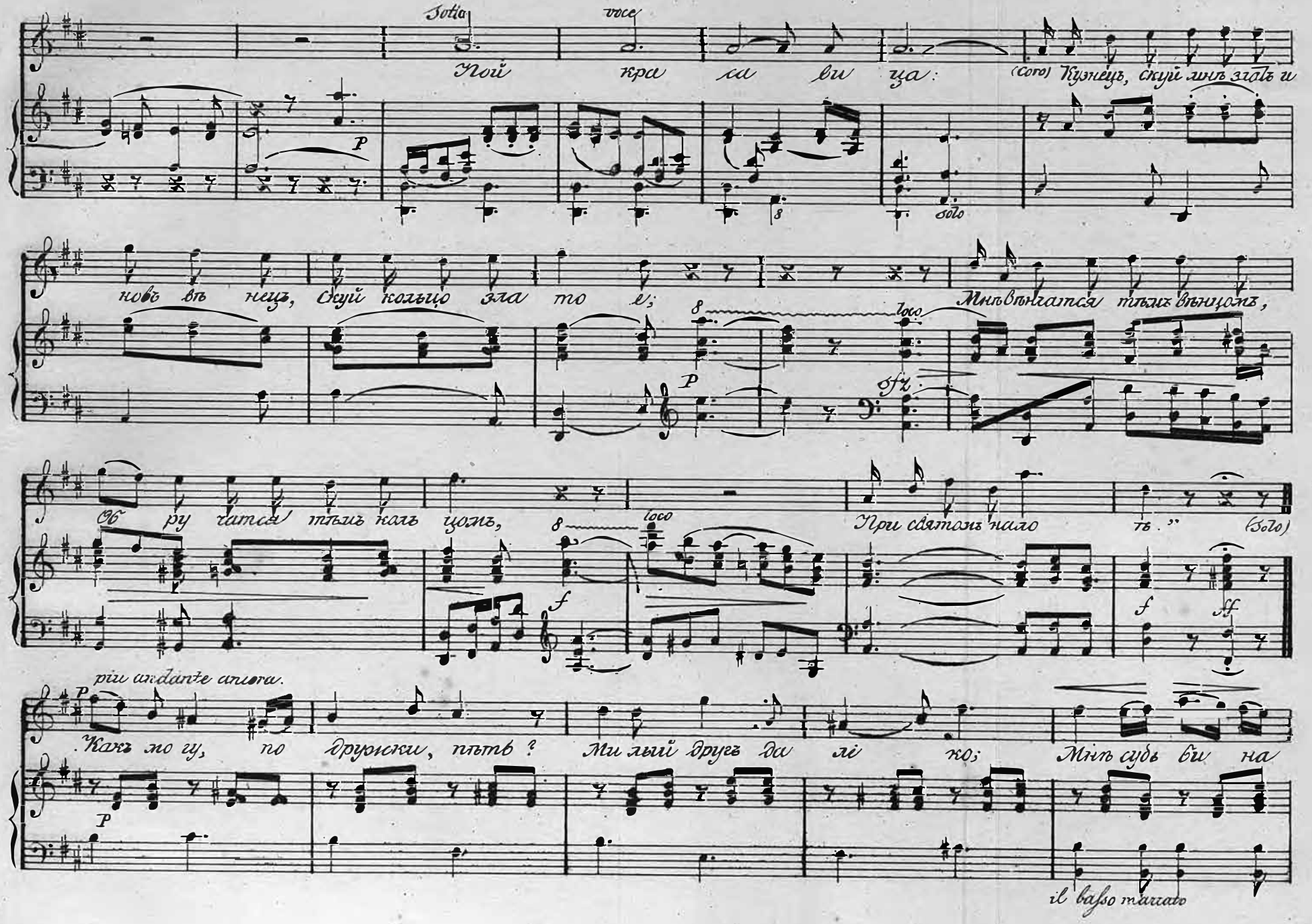
новъ вѣ нецъ, скуй кольцо зла то е; Мнѣ вѣнчатся тѣмъ вѣнцомъ,

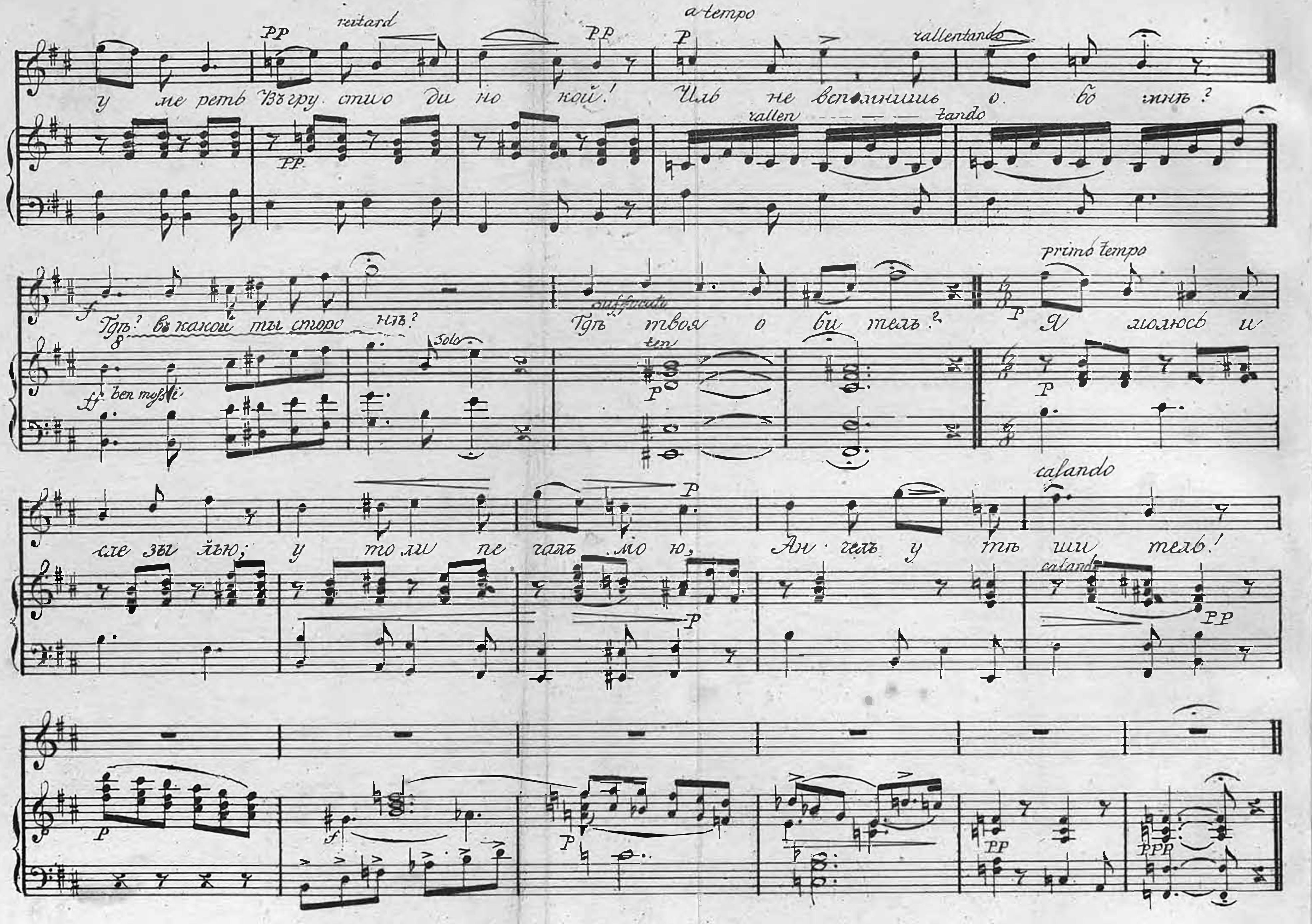
Об ру чатся тѣмъ коль цомъ, При святомъ нало тѣ." (Solo)

piu andante ancora.

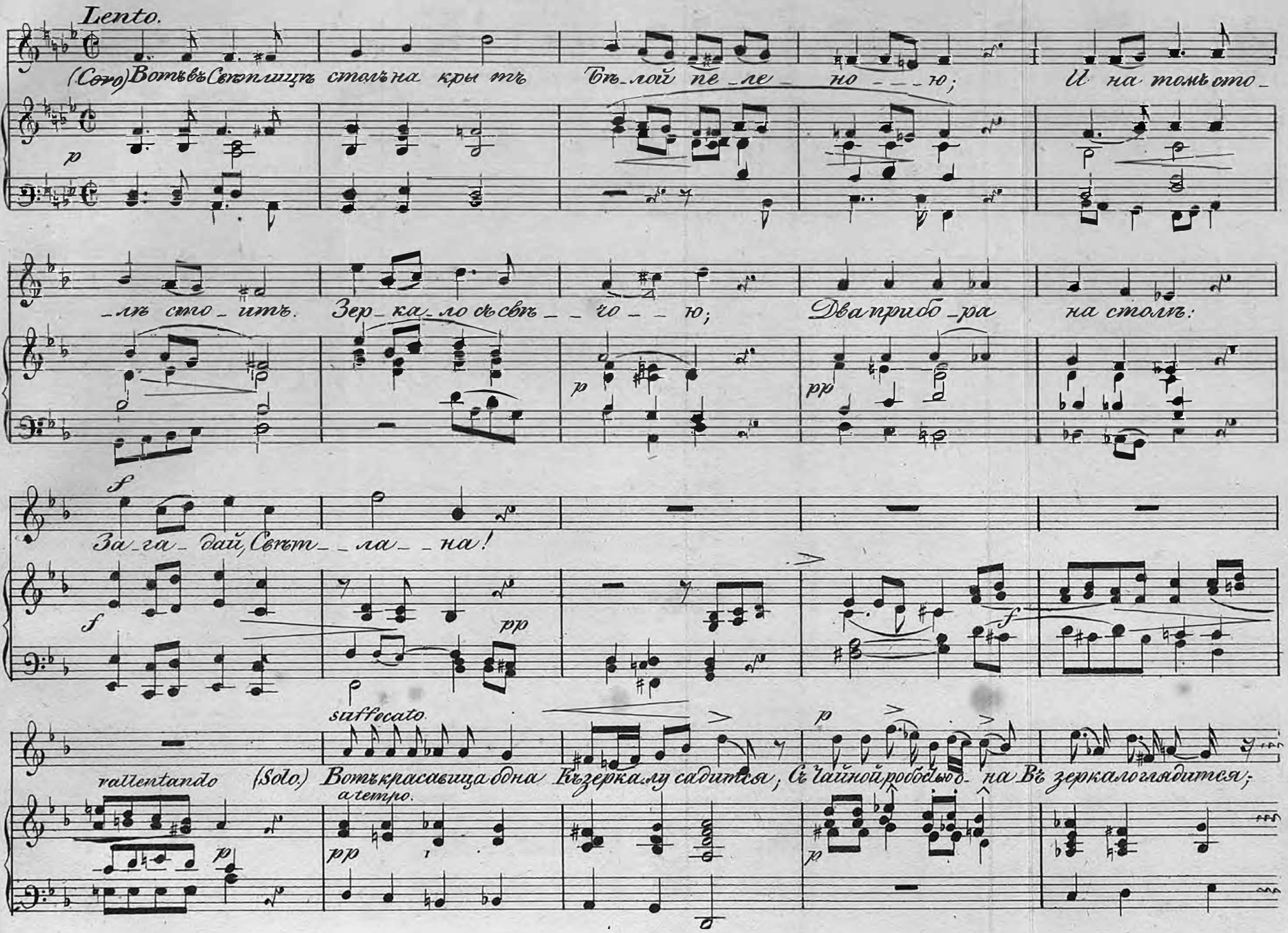
Какъ мо гу, по дружки, пѣть? Ми лый другъ да лі ко; Мнѣ судь ви на

il basso marcato




reitard
PP
a tempo
P
rallentando
у ме реть Въ гру сти о ди но кой! Иль не вспомнишь о бо мнѣ?
rallen tando
f
Гдѣ? въ какой ты сторо нѣ? Гдѣ твоя о би тель?
ff
Solo
ten
primo tempo
Я молюсь и
слезы лью; утоли печаль мою, Ан гель утѣ ши тель!
calando
PPP

Свѣтлана. №2


Lento.
(Coro) Вотъ въ Свѣтлицѣ столъ на крытъ Бѣлой пе_ле_но___ю; И на томъ сто_
_лѣ сто_итъ. Зер_ка_ло съ свѣ__чо__ю; Два прибо_ра на столѣ:
За_га_дай, Свѣт__ла__на!
suffocato
rallentando
(Solo) Вотъ красавица одна Къ зеркалу садится; Съ чайной робостью о_на Въ зеркало глядится;
a tempo.

rittard

Под — пер — шися ло-коткомъ, Чуть Свѣт-лана ды — шетъ

ten

ppp.

pf.

Вотъ лего хонько замкомъ

Кто-то стукнулъ, слышитъ.

mezza voce

Роб-ко въ зеркало гля-дитъ... За е-я пле-ча-ми

Кто-то, чу-дилось, блеститъ

mezza voce

Яр-ки-ми гла-за-ми...

Stringendo cres-cen-do-

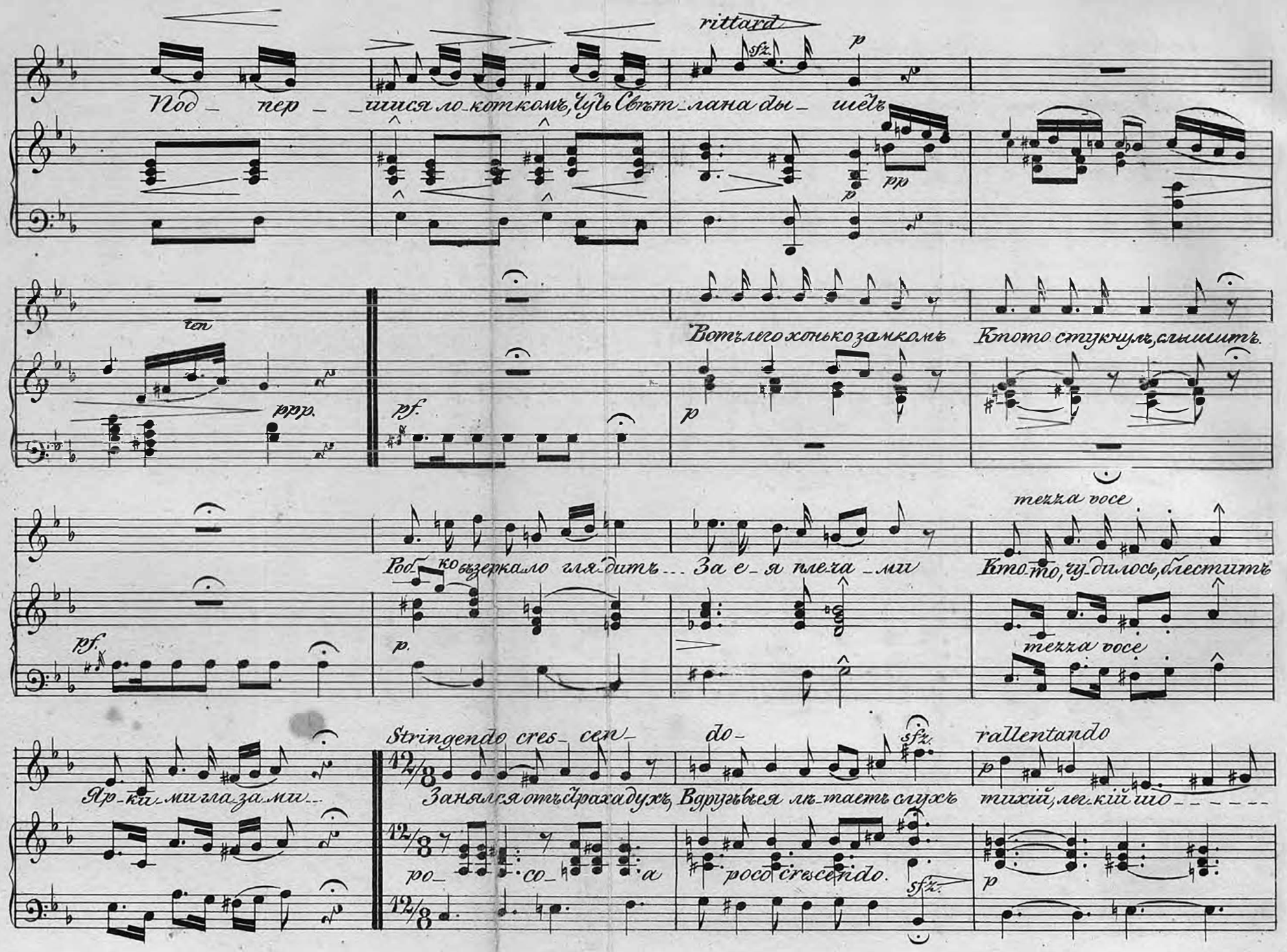
Занялся отъ страха духъ, Вдругъ въ ея лѣ-таетъ слухъ

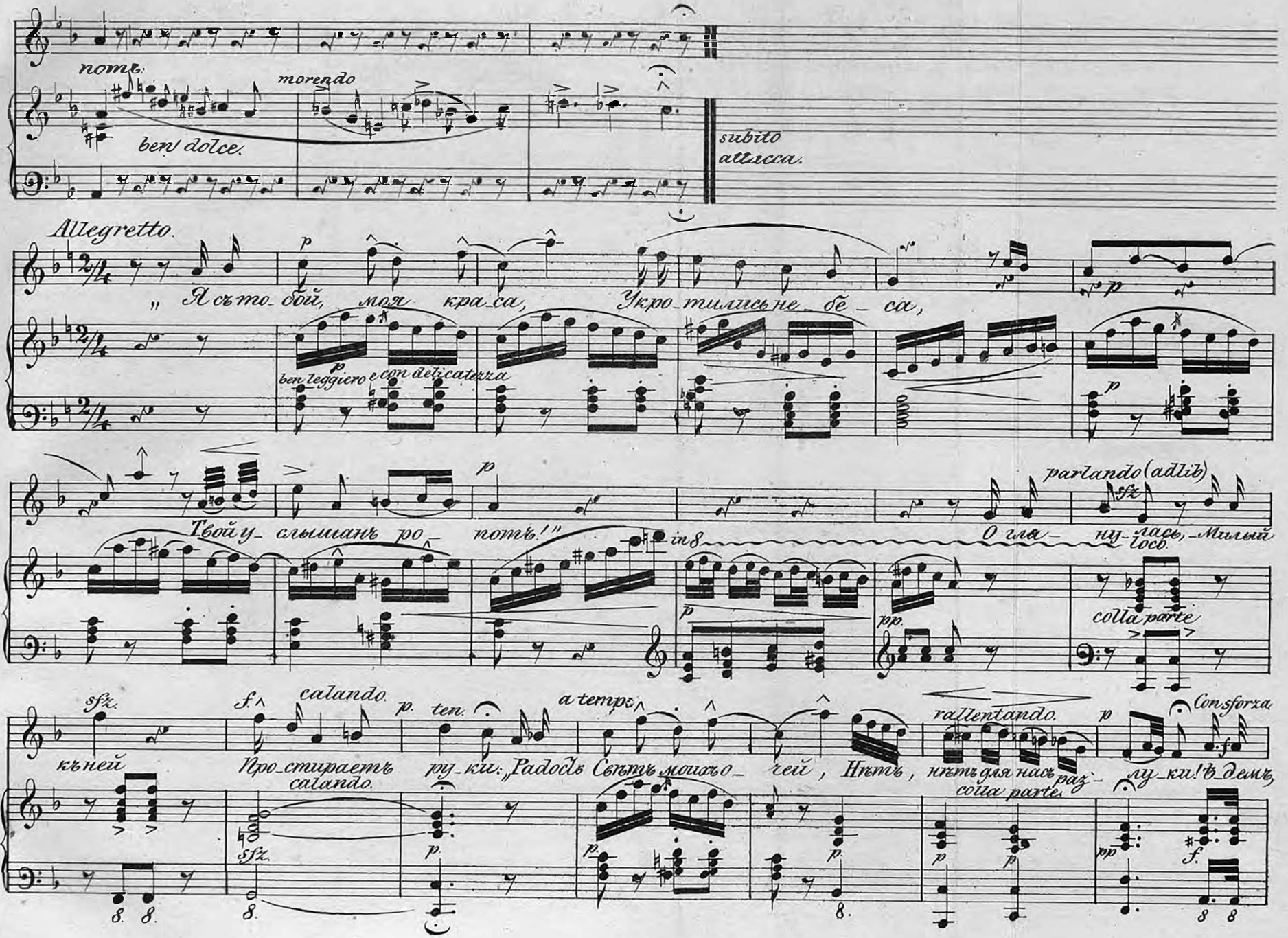
rallentando

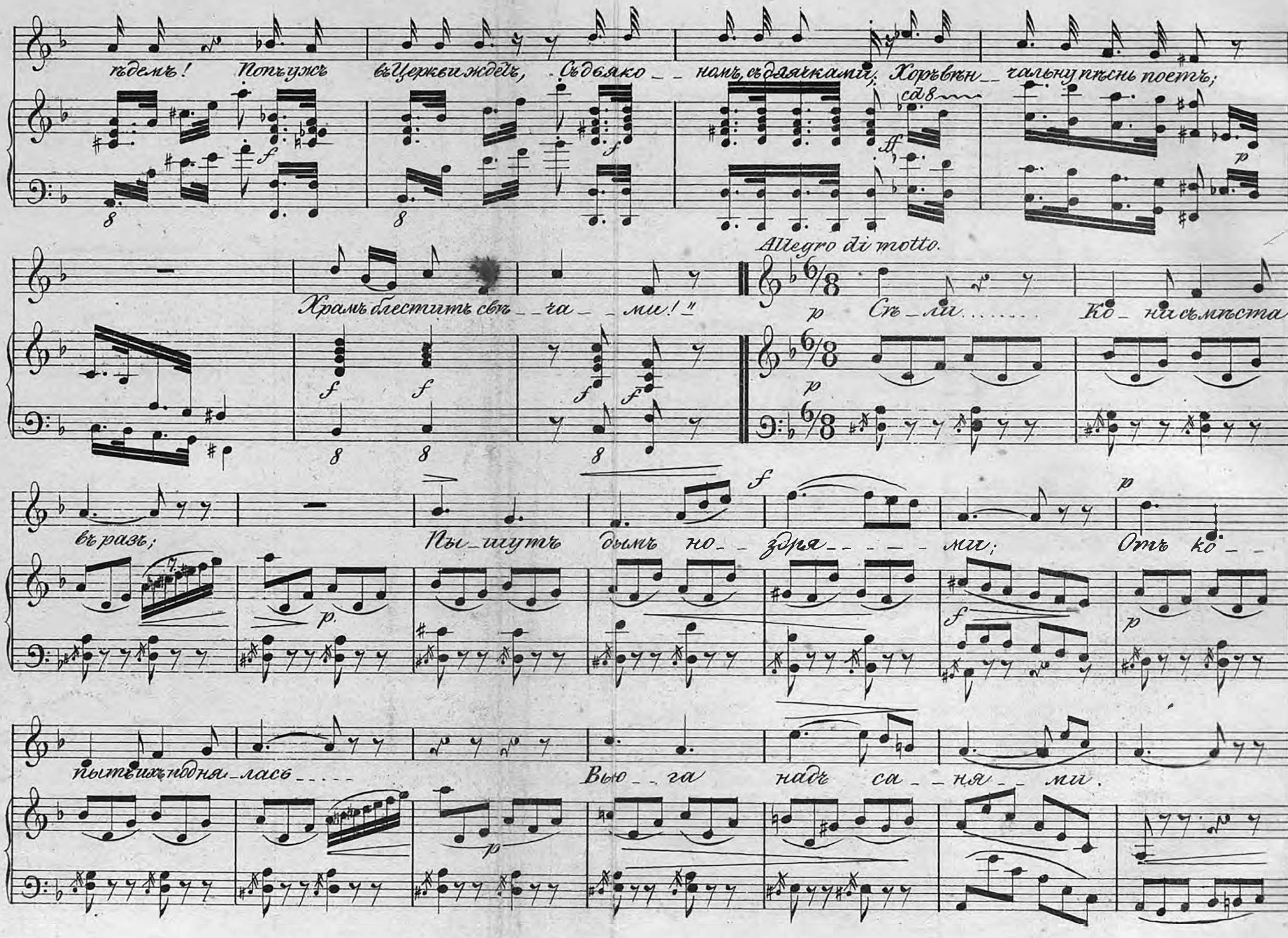
тихій, лег-кій шо-

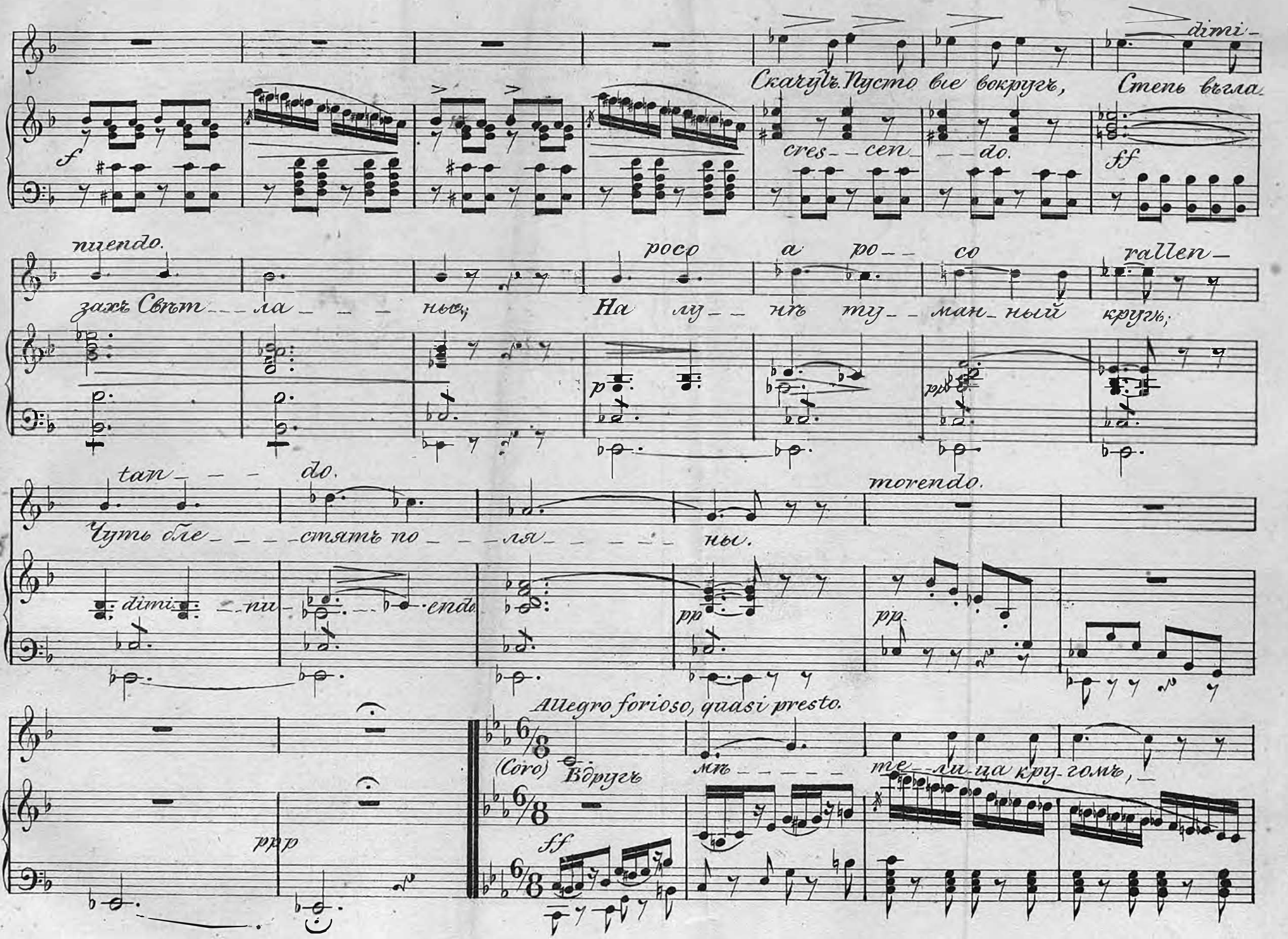
po-co-a

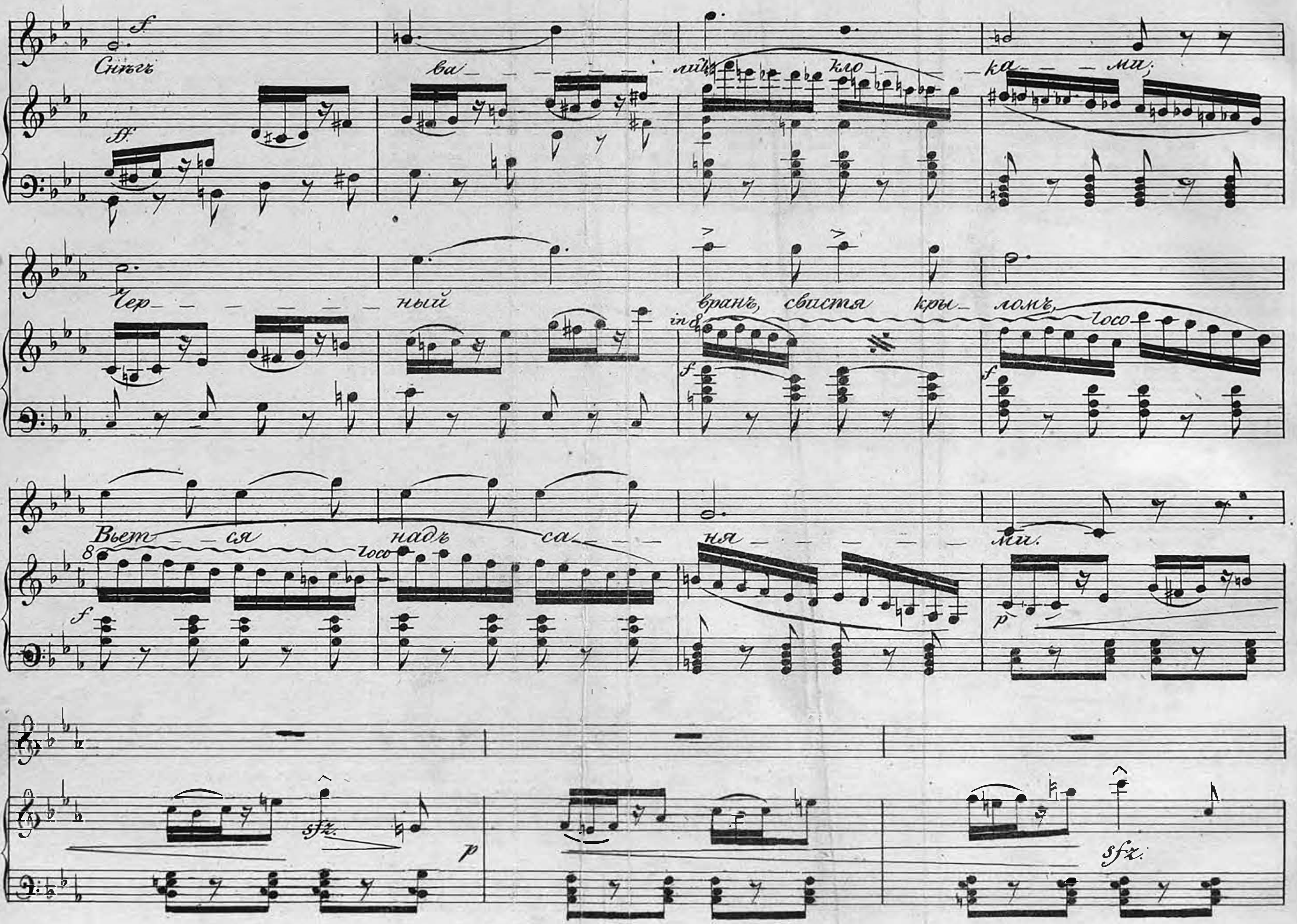
poco crescendo.




nomz.
morendo
ben dolce.
subito attacca.
Allegretto.
„Я съ то_бой, моя кра_са, Укро_тились не_бе_са,
ben leggiero e con delicatezza
Твой у_слышанъ ро_потъ!"
in 8
parlando (adlib)
О гля_ну_лась, Милый
loco.
colla parte
къ ней
calando.
Про_стираетъ ру_ки: „Радость Свѣтъ моихъ о_чей, Нѣтъ, нѣтъ для насъ раз_лу_ки! Ѣ_демъ,
ten.
a tempo
rallentando.
Con sforza
colla parte.


ѣдемъ! Попъ ужъ въ Церкви ждетъ, Съ дьяко_ _ номъ, съ дьячками; Хоръ вѣн_ _ чальну пѣснь поетъ;
Храмъ блеститъ свѣ_ _ча_ _ми!"
Allegro di molto.
Съ_ли....... Ко_ ни съ мѣста
въ разъ; Пы_шутъ дымъ но_ _здря_ _ _ _ ми; Отъ ко_ _
пытъ ихъ подня_лась..... Вью_ _га надъ са_ _ня_ _ми.


Скачутъ. Пусто все вокругъ, Степь въ гла-
захъ Свѣт-ла-ны; На лу-нѣ ту-ман-ный кругъ;
Чуть бле-стятъ по-ля-ны.
dimi-nuendo.
cres-cen-do.
poco a po-co rallen-tan-do.
dimi-nu-endo
morendo.
Allegro forioso, quasi presto.
(Coro) Вдругъ мя-те-ли-ца кру-гомъ,


Снѣгъ
ва
лит
кло
ка
ми,
Чер
ный
вранъ, свистя кры— ломъ,
Вьет— ся
надъ
са
ня
ми.
f
ff
loco
p
sfz.

(Solo) Брез_жетъ въ полѣ о_го нёкъ; Ви_дѣнъ мирный у_го локъ;

Хи_жинка подъ снѣ_гомъ.

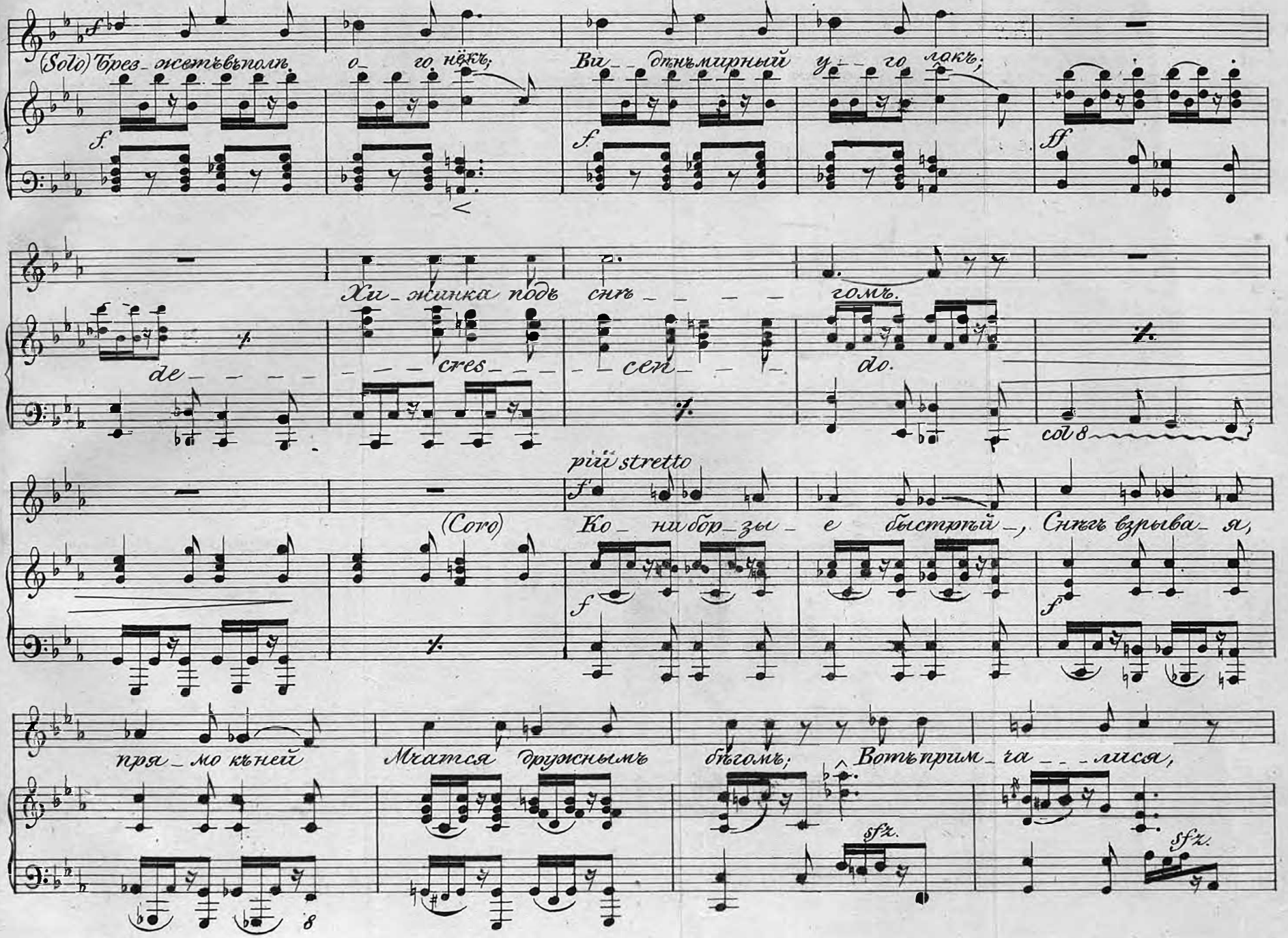
de_cres_cen_do.

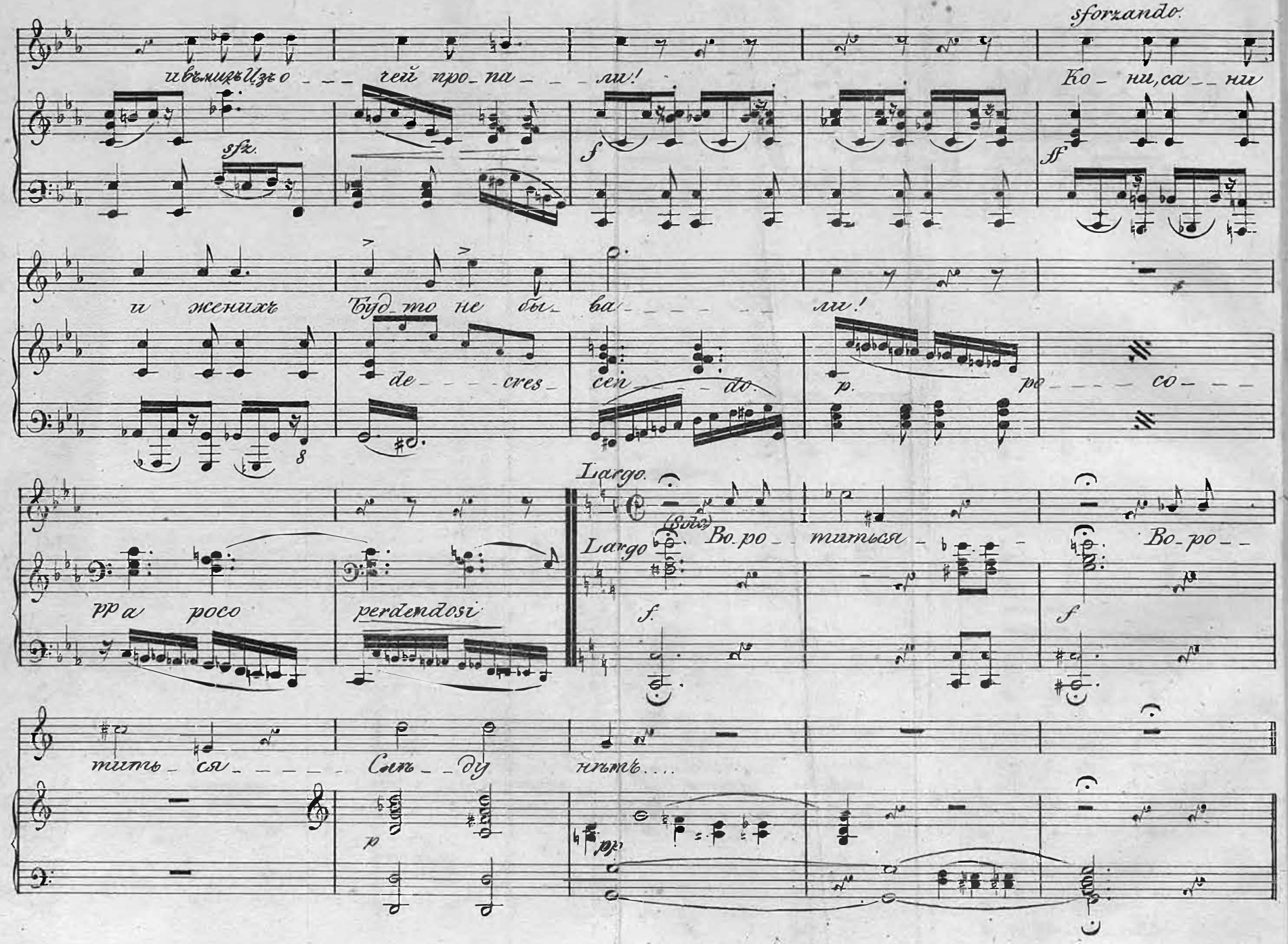
col 8

più stretto

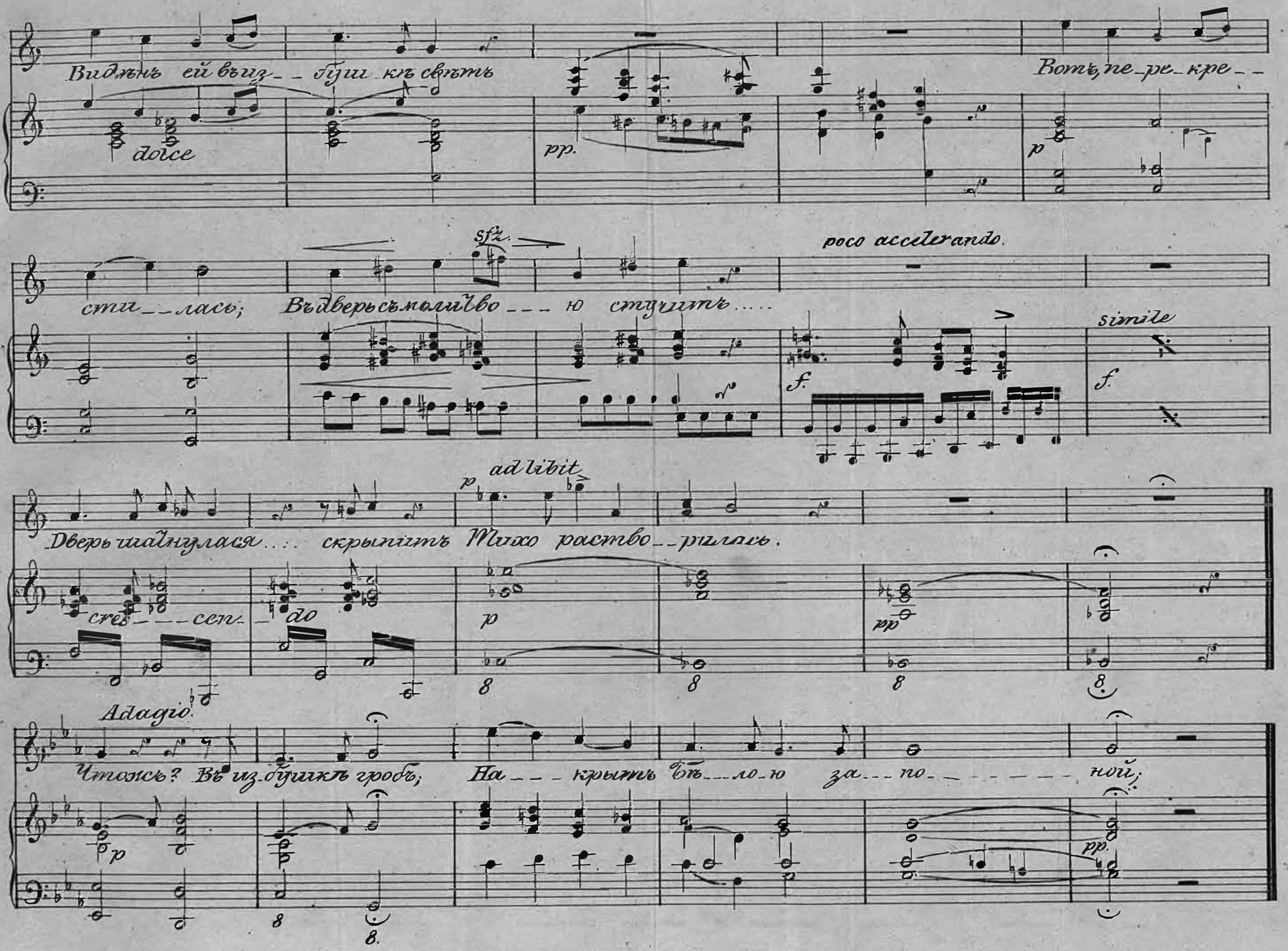
(Coro) Ко_ни бор_зы_е быстрѣй_, Снѣгъ взрыва_я,

пря_мо къ ней Мчатся дружнымъ бѣгомъ; Вотъ прим_ча_лися,




sforzando.
и въ мирѣ Изъ о - - - чей про - па - - - ли!
Ко - ни, са - - ни
sfz.
f
ff
и женихъ Буд - то не бы - ва - - - - - - ли!
de - - - cres - cen - - do.
p.
po - - - - co - - -
pp a poco
perdendosi
Largo.
Largo
(Solo)
Во - ро - - титься - - - Во - ро - -
f.
f
тить - ся - - - - - Слѣ - - ду нѣтъ...
p
pp

Свѣтлана. №3.


Видѣнъ ей въ из-бушкѣ свѣтъ

Вотъ, пе-ре-кре-сти-лась;

Въ дверь съ молитво-ю стучитъ....

Дверь шатнулася.... скрыпитъ

Тихо раство-рилась.

Что жъ? Въ из-бушкѣ гробъ;

На-крытъ бѣ-ло-ю за-по-ной;

Andante

Спа_____совъ ликъ въ но___гахъ сто___итъ,

dolce

Свѣч_____ка предъ ге____ко_____ной....

più mosso

Ахъ! Свѣт_ла___на! Что съ то_бой?

cres_____cen_____do_____

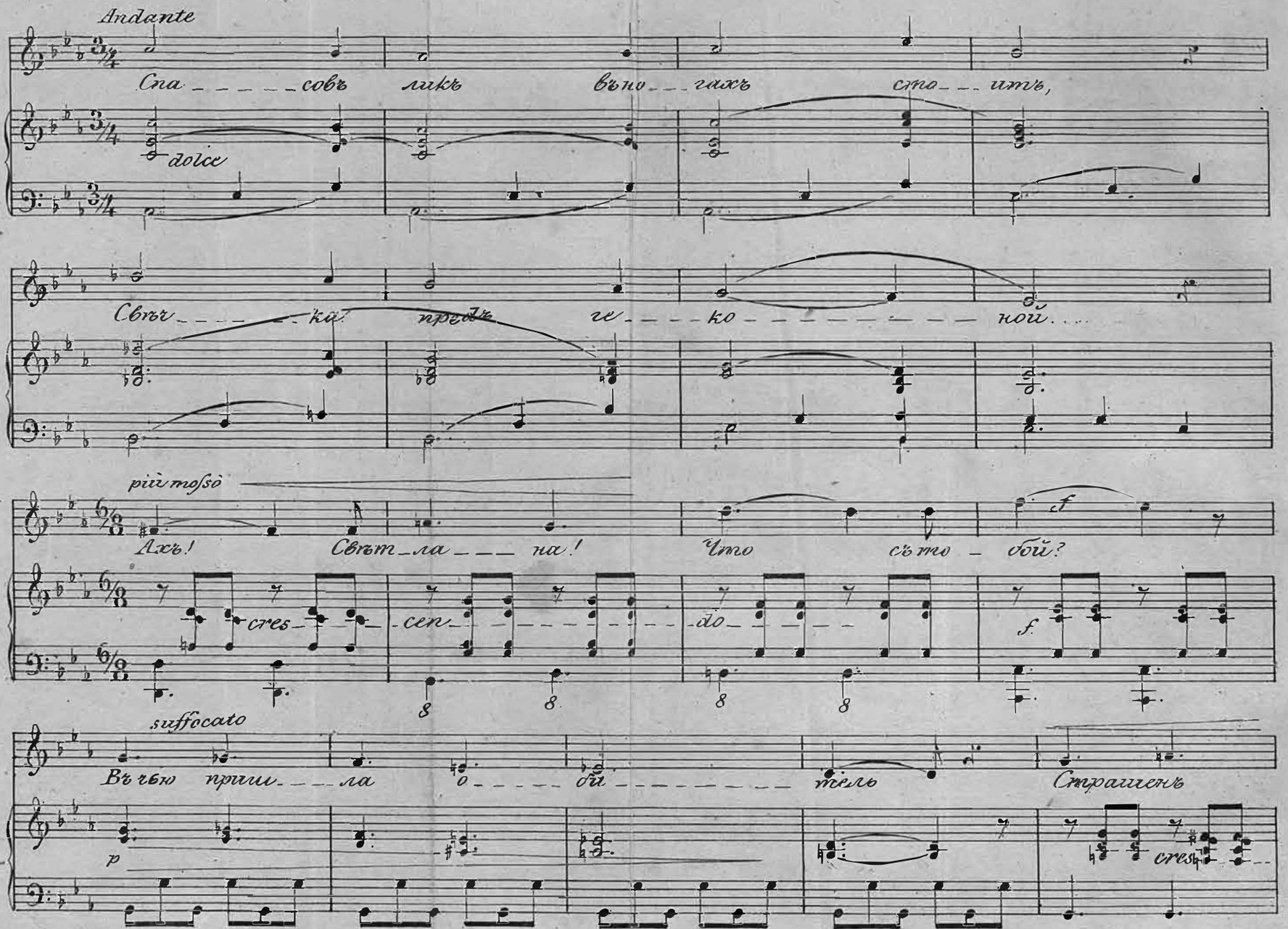
f

suffocato

Въ чью приш____ла о_____би_____тель Страшенъ

p

cres



sfz. p

хи — жи — ны — пу — стой. Без — от —

— cendo sfz. p cres

sfz. p stringendo

вѣт — ной жи — тель! Вхо — дитъ съ трепе —

— cendo sfz. p

f p. ral — lentando.

томъ, въ слезахъ; Предъ и — ко — ной па — ла въ прахъ; Спа — су по — мо —

cres — cen — do f f p p

8

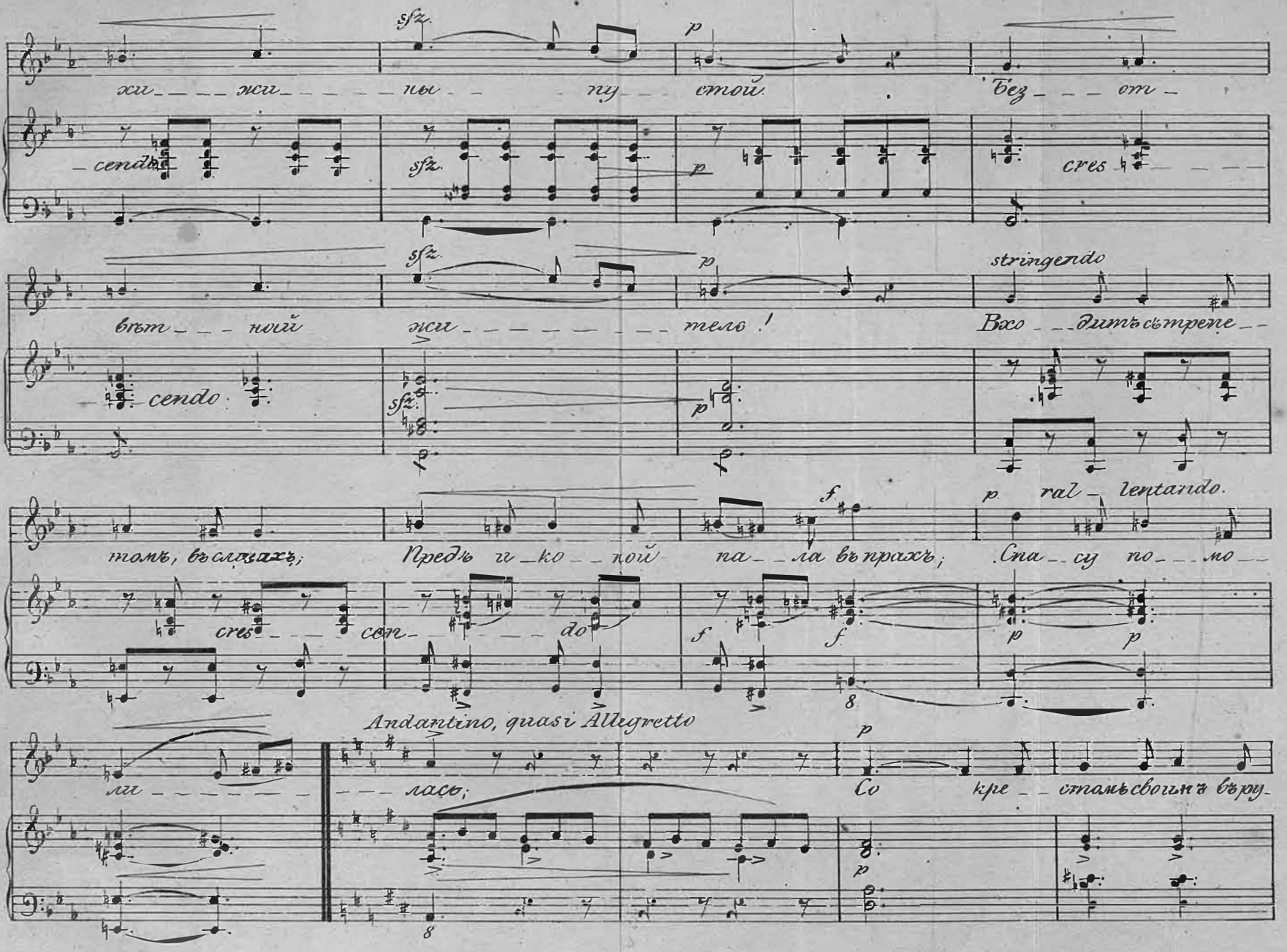
Andantino, quasi Allegretto

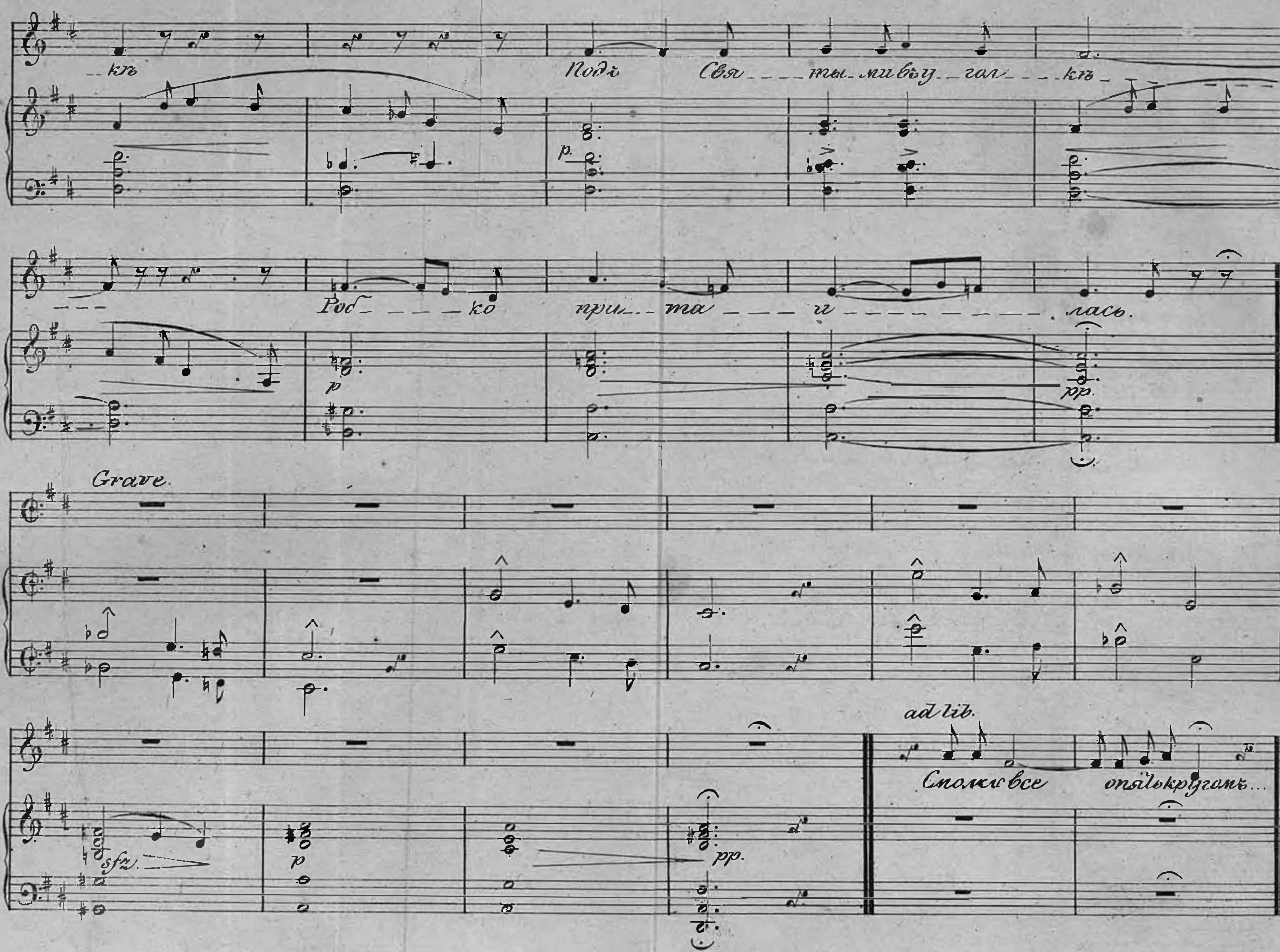
p

ли — ласъ; Со кре — стомъ своимъ въ ру —

p

8




..къ
Подъ Свя___ты_ми въ у_гол___къ___
Роб____ко при...та___и__________лась.
Grave
sfz.
p
pp.
ad lib.
Смолкъ все опять кругомъ...

Largo

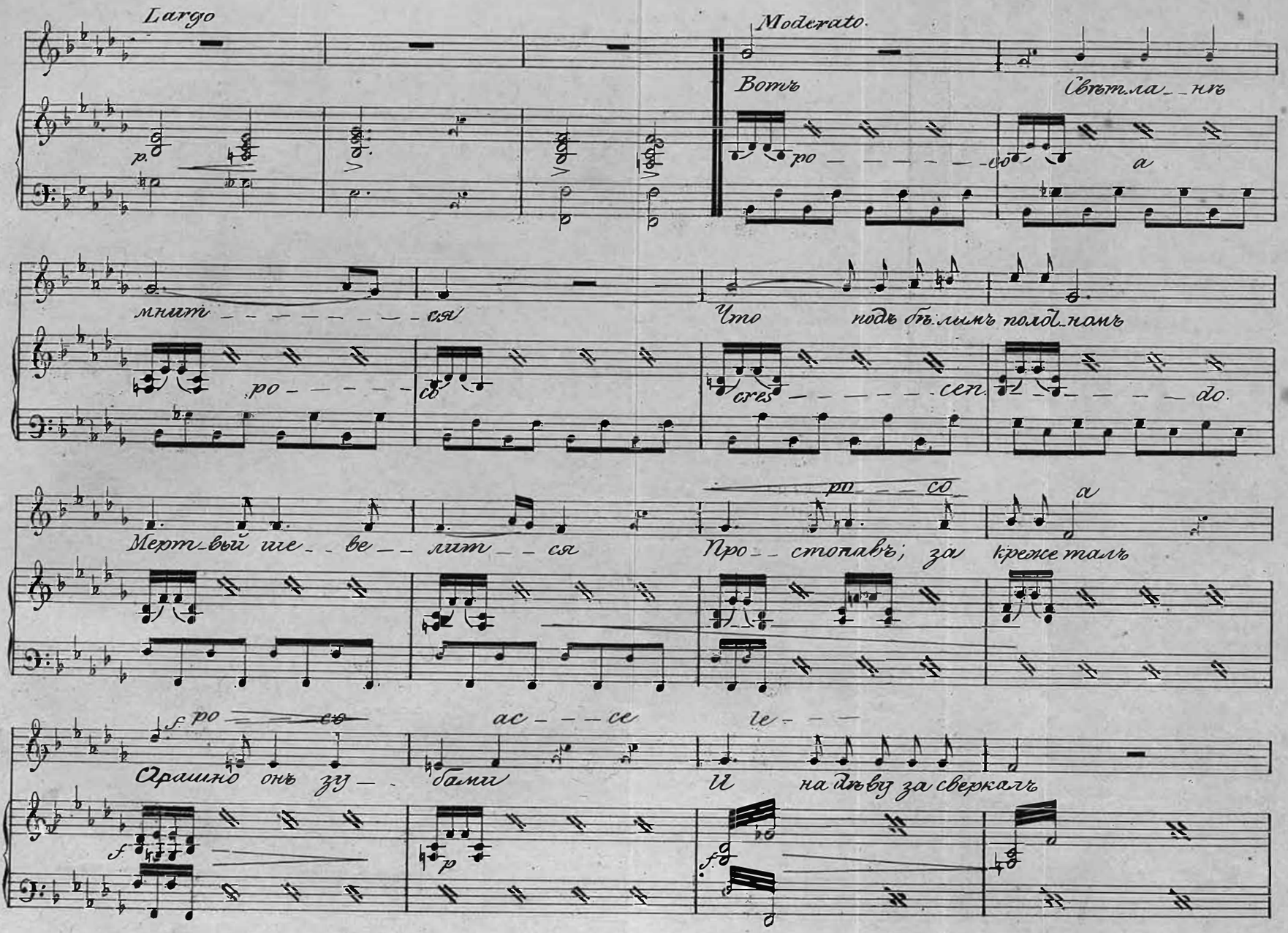
Moderato.

Вотъ Свѣтла_нѣ

мнит_ся Что подъ бѣлымъ полод_номъ

Мерт_вый ше_ве_лит_ся Про_стопавъ; за креже талъ

Страшно онъ зу_бами И на дѣву за сверкалъ



can - - - - - do

Гроз_ностми о_ча_ми

rallentando

p. diminuendo pp

a tempo

Сно_ва блѣд_ность на у_ - -

p

стахъ; Въ закативших сягла_захъ Смерть и_зо_бра_зилась.....

accelerando

Гладь Свѣтла_на.... О Творецъ!

cres - - - - - - - - - - - - - - - cen - - - - - do

stringendo molto

Ми_лый другъ е_я_ Мертвецъ!

f

Ахъ! и_

ff.

lento (ad lib)

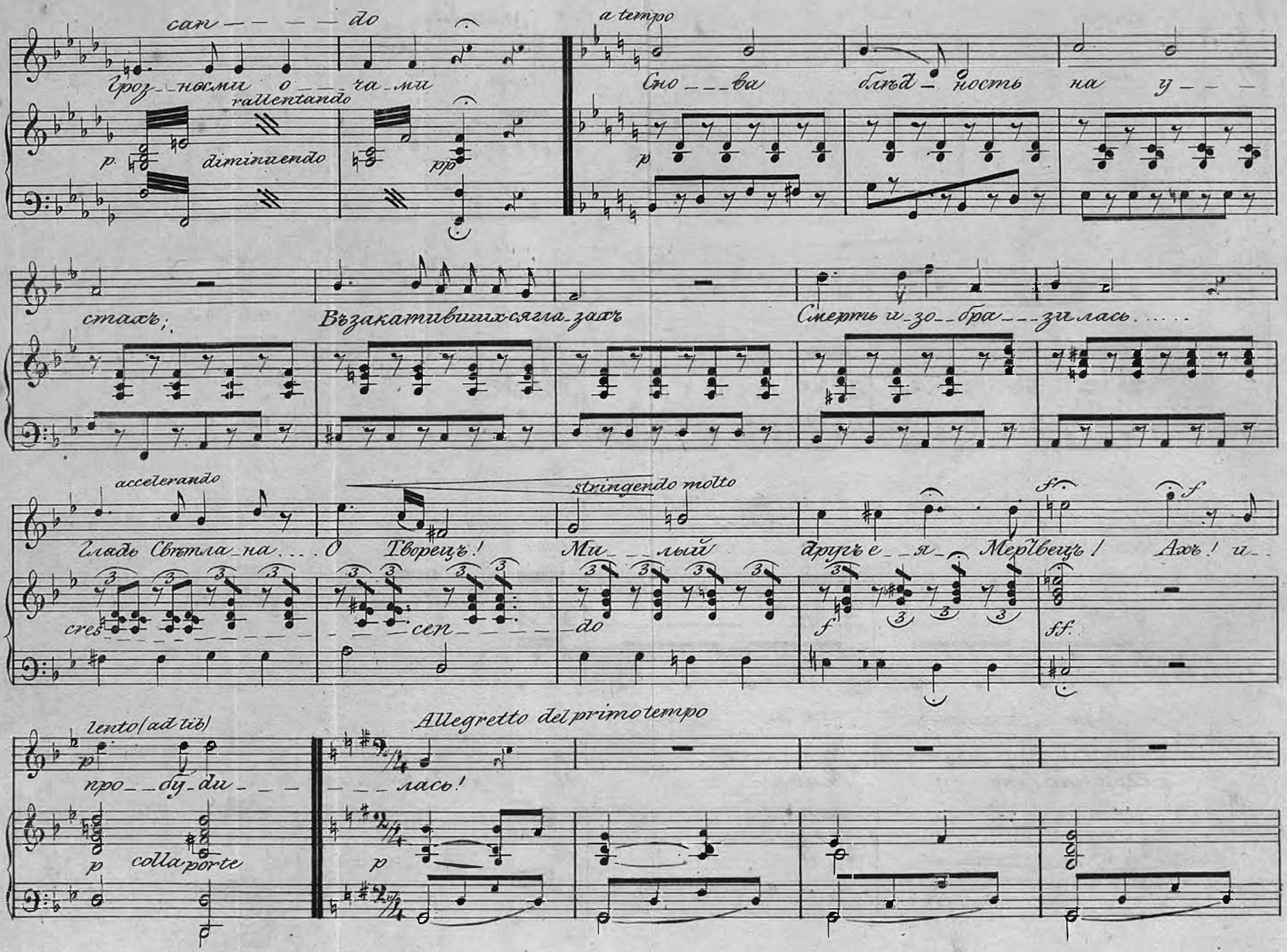
p

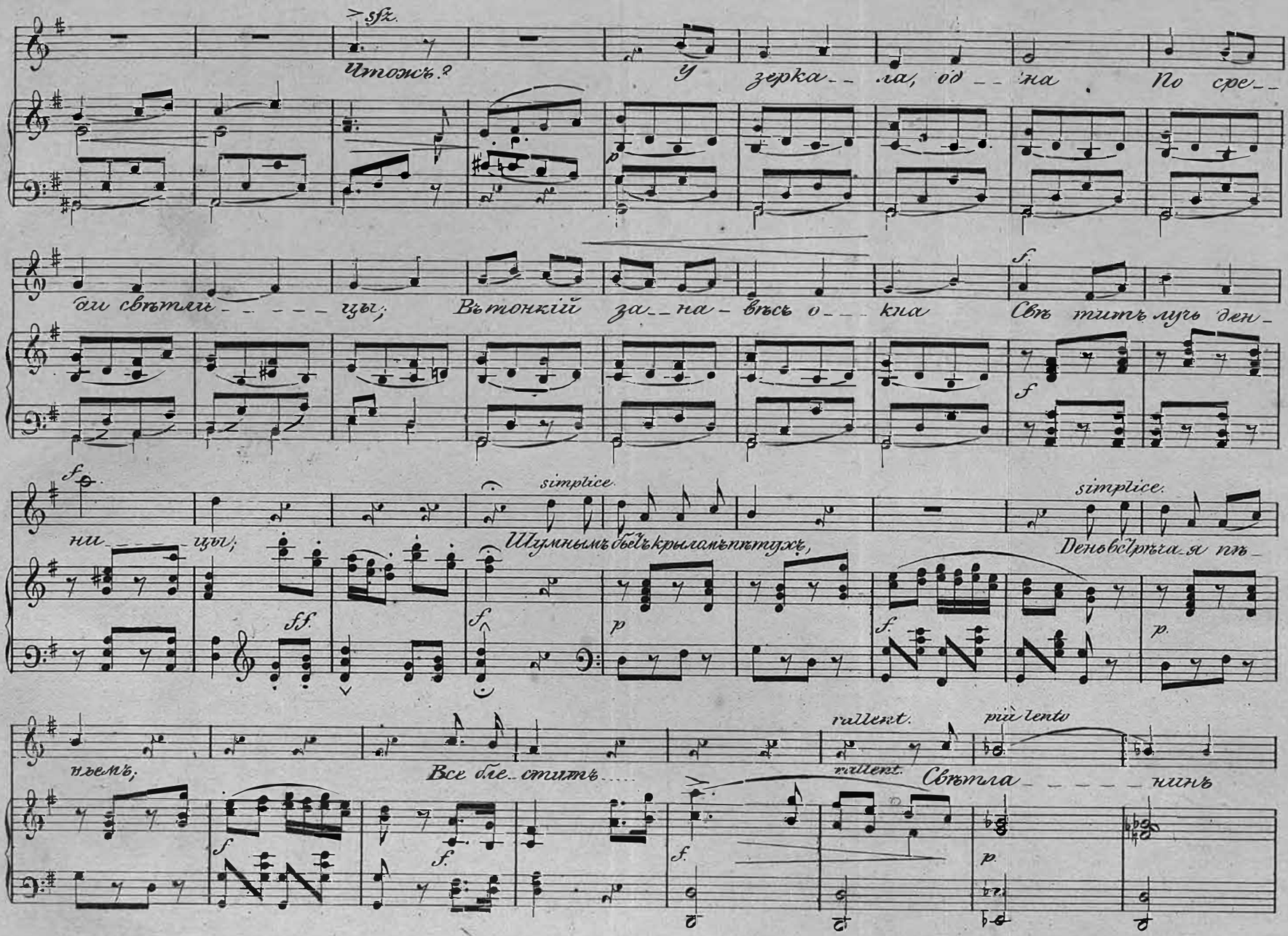
про_бу_ди_ - - - - - лась!

p colla porte

Allegretto del primo tempo

p




Итожъ? У зерка-ла, од-на По сре-
ди свѣтли-цы; Въ тонкій за-на-вѣсъ о-кна Свѣ-титъ лучь ден-
ни-цы; Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ, День встрѣча-я пѣ-
ньемъ; Все бле-ститъ.... Свѣтла-нинъ

primo tempo.

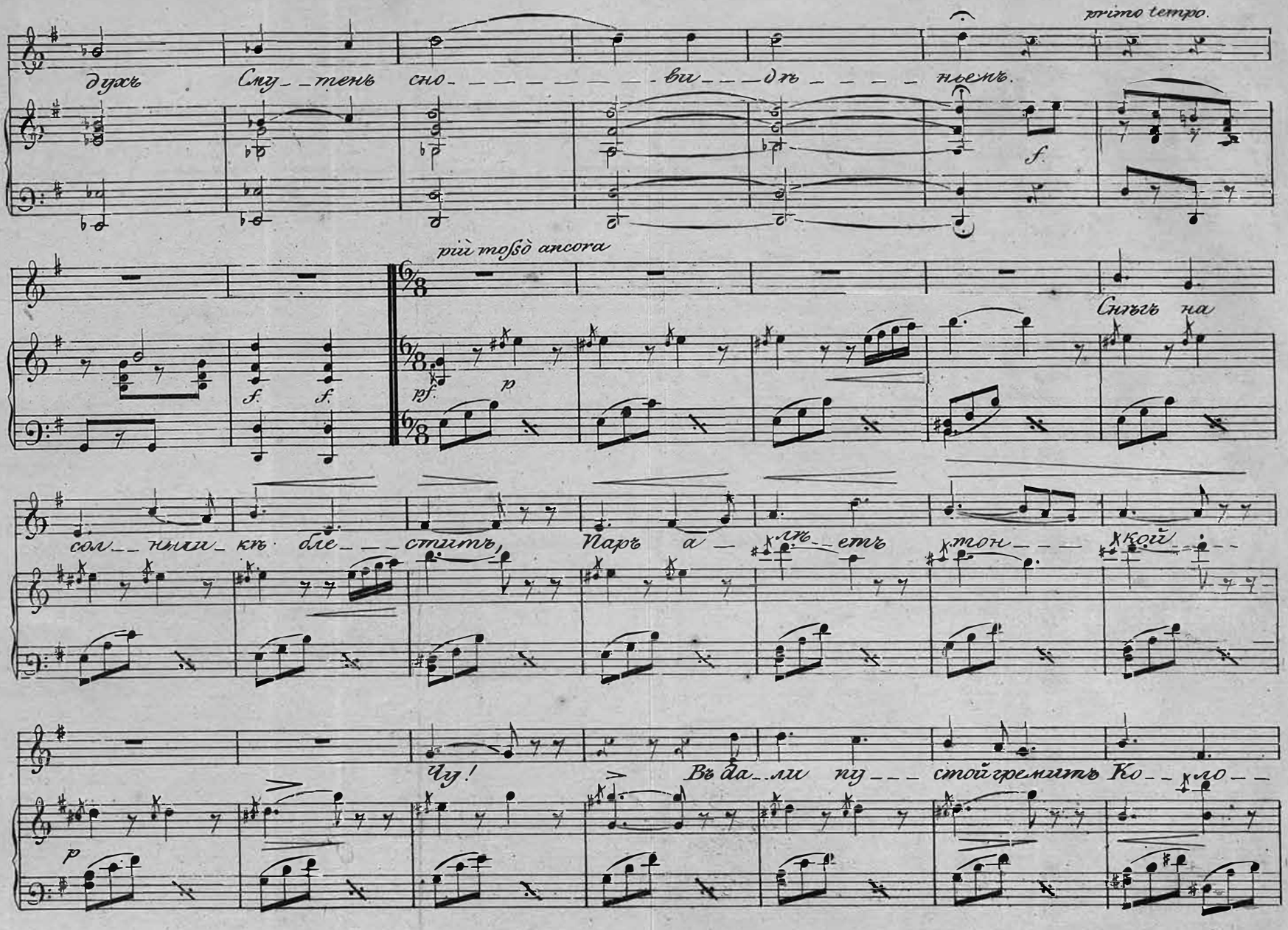
духъ Смутенъ сно-ви-дѣ-ньемъ.

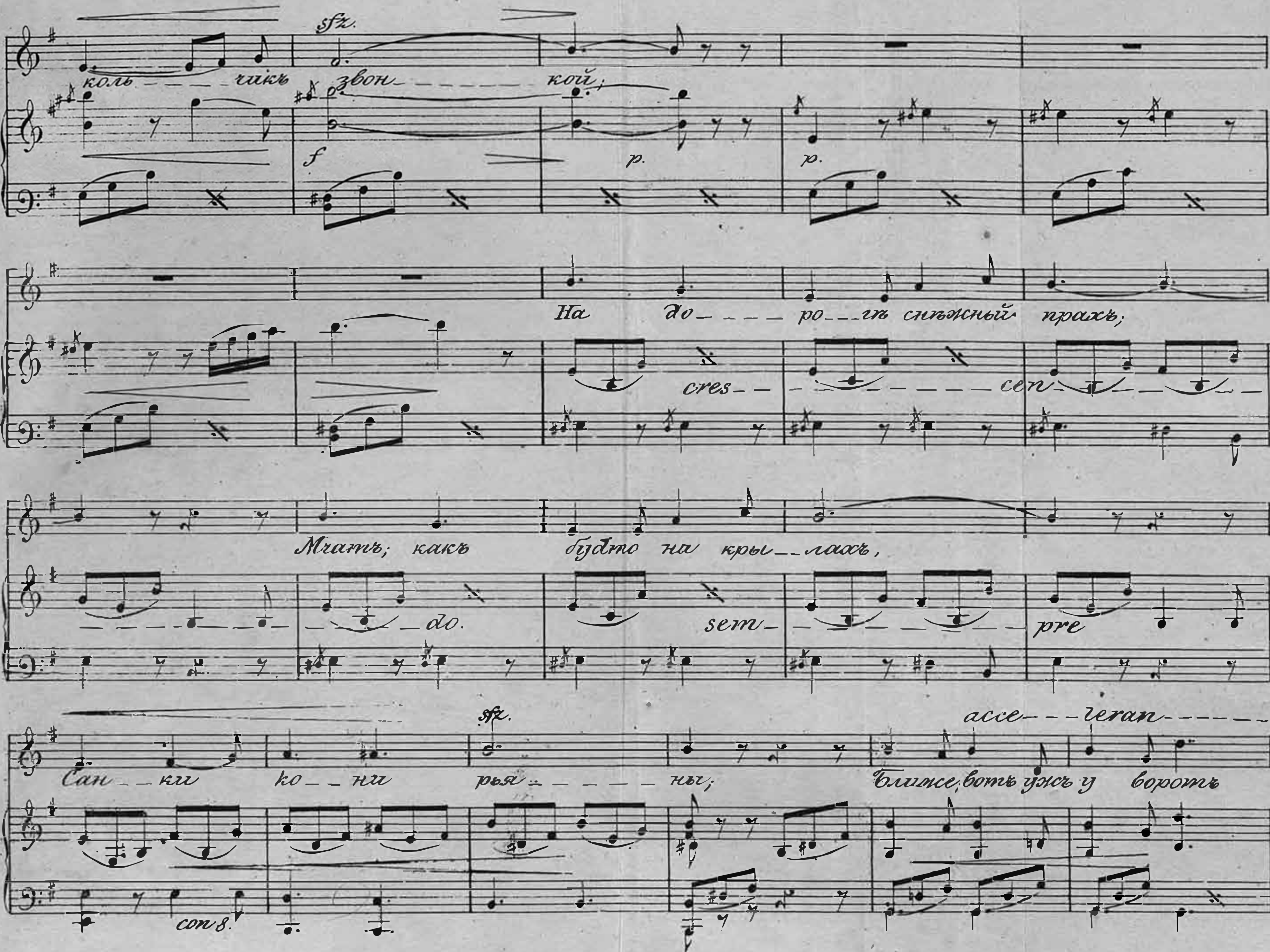
più mossò ancora

Снѣгъ на

сол-ныш-кѣ бле-ститъ, Паръ а-лѣ-етъ тон-кой

Чу! Въ да-ли пу-стой гремитъ Ко-ло-




sfz.
коль — чикъ звон — кой;
f
p.
p.
На до — ро — гѣ снѣжный прахъ;
cres — cen — do.
Мчатъ; какъ будто на кры — лахъ,
sem — pre
sfz.
Сан — ки ко — ни рья — нь;
con 8.
acce — leran —
Ближе, вотъ ужъ у воротъ

do

Статный гостькъ крыльцу идетъ

ad. lib.

Кто? Же_нихъ Свѣт_ла_ны!

piu mosso.

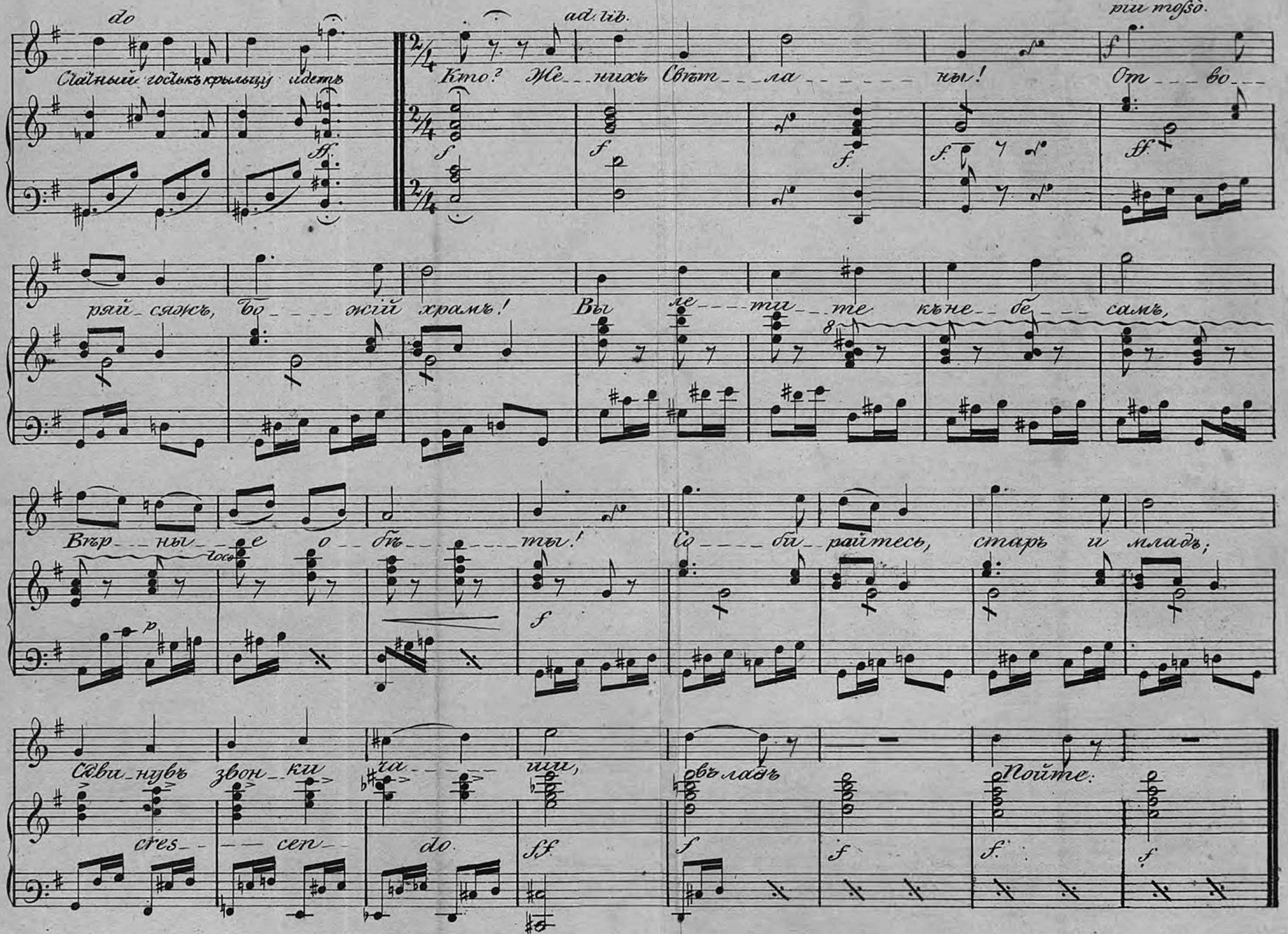
От_во_ряй_сяжъ, Бо_жій храмъ! Вы ле_ти_те къ не_бе_самъ,

Вѣр_ны_е о_бѣ_ты! Со_би_райтесь, старъ и младъ;

Сдви_нувъ звон_ки ча_ши, въ ладъ

Пойте:

cres_cen_do.



Allegro maestoso.

Многая, многая, многая лѣта многая лѣ - - - та! многоя лѣ - та, многоя

cres - con - - - do

лѣ - та, многая лѣта! Многая, многая лѣ - - - - та многа - я, многа - я

p dolce

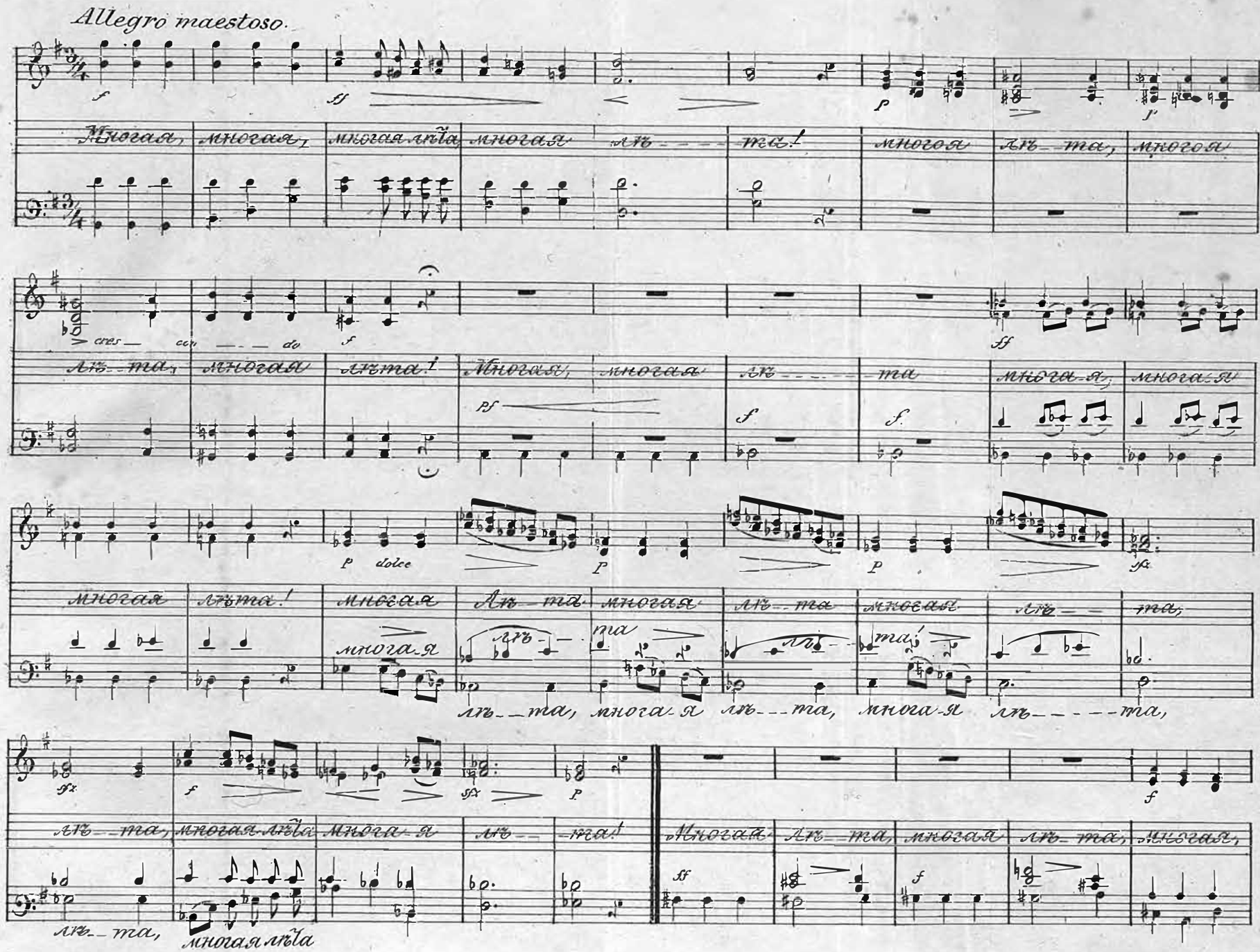
многая лѣта! многая Лѣ - та многая лѣ - та многая лѣ - - та,

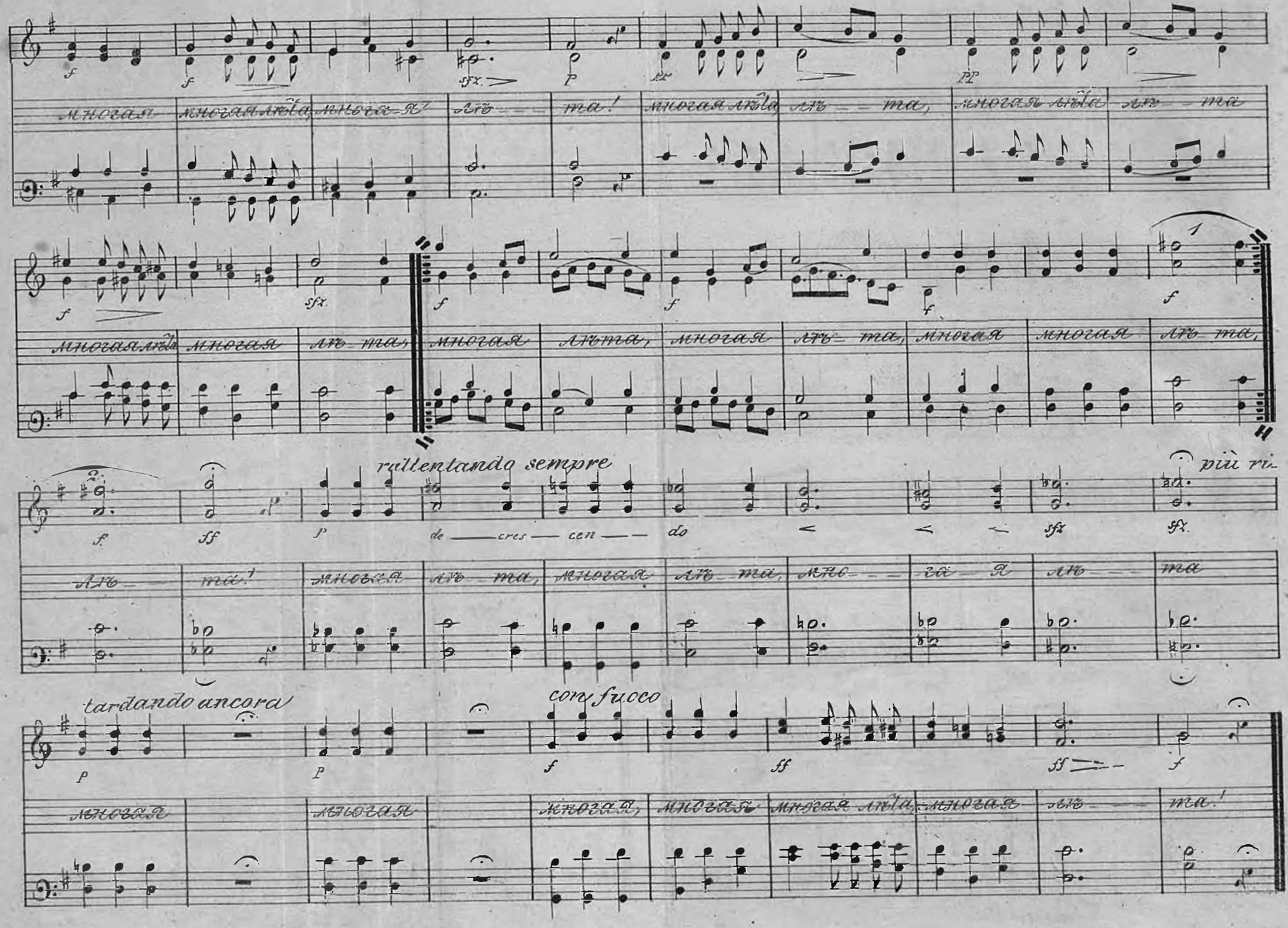
многа - я лѣ - та лѣ - та!

лѣ - та, многа - я лѣ - - та, многа - я лѣ - - - - та,

лѣ - та, многая лѣта многа - я лѣ - - та! Многая лѣ - та, многая лѣ - та, многая,

лѣ - та, многая лѣта




многая многая лѣта, многая лѣ — та! многая лѣта лѣ — та, многая лѣта лѣ — та
многая лѣта многая лѣ — та, многая лѣта, многая лѣ — та, многая многая лѣ — та,
rallentando sempre
de — cres — cen — do
più ri-
лѣ — та! многая лѣ — та, многая лѣ — та, мно — га — я лѣ — та
tardando ancora
con fuoco
многая многая многая, многая многая лѣта, многая лѣ — та!

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ПАНТЕОНА

РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

I. ПРОИЗВЕДЕНІЯ ДРАМАТИЧЕСКІЯ.

1. ВЕЛИСАРІЙ, драма въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненіе *Эдуарда Шенка*, переводъ П. Г. Ободовскаго.
2. ДОЧЬ ІОАННА III, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненіе барона Е. Ѳ. Розена.
3. БУРЯ, драма, Вильяма Шекспира, въ 5 дѣйствіяхъ, переводъ съ Англійскаго.
4. ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ ФЕВРАЛЯ, драма въ 1 дѣйств., соч. *Захарія Вернера*, переводъ съ Нѣмецкаго, А. П. Струговщикова.
5. ПРІѢЗЖІЙ ИЗЪ СТОЛИЦЫ или СУМАТОХА ВЪ УѢЗДНОМЪ ГОРОДКѢ, оригинальная комедія въ 5 дѣйствіяхъ, сочиненіе Гриценко-Основьяненки.
6. ТОРЖЕСТВО ДОБРОДѢТЕЛИ, драматическій очеркъ канцелярской жизни въ 1 дѣйствіи, соч. П. Т. М — — ва.

II. ИСТОРІЯ ТЕАТРА.

1. ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ МОЕЙ ЮНОСТИ, Ѳ. В. Булгарина.
2. ТЕАТРЪ ВЪ ШВЕЦІИ, барона Штиглица.
3. ВОСПОМИНАНІЕ О МОСКОВСКОМЪ ТЕАТРѢ ПРИ М. Е. МЕДОКСѢ, статья Ѳ. А. Кони.
4. ПРИДВОРНЫЙ ТЕАТРЪ ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА ВЪ МОСКВѢ, ВЪ 1812 ГОДУ, статья Ѳ. А. Кони.

III. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

1. ГРѢШНИЦА, соч. А. П. Новомлинскаго (Башуцкаго)
2. НИКОЛАЙ ѲЕДОРОВИЧЪ ГОРЕВЪ, повѣсть, Е. П. Гребенки.
3. ДАГЕРОТИПЪ ВЪ СЕРАЛѢ, изъ переписки *Горація Верне*, разсказъ Пятра-Шевалье.

IV. БІОГРАФІИ.

1. МАРІИ ДАНИЛОВОЙ, знаменитой Русской танцовщицы, соч. П. П. Муната.
2. ИВАНА АѲОНАСЬЕВИЧА ДМИТРЕВСКАГО, величайшаго Русскаго актера, соч. Ѳ. А. Кони.

V. СТАТЬИ О МУЗЫКѢ.

1. ШВЕДСКАЯ МУЗЫКА, статья барона Штиглица.
2. РОМЕО И ІОЛІЯ, драматическая симфонія, сочиненія Берліоза.

VI. ПЕРЕПИСКА И ПУТЕШЕСТВІЯ.

1. КОЛИЗЕЙ, древній театръ Римлянъ изъ путешествія по Италіи, барона Е. Ѳ. Розена.
2. КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ, изъ записокъ очевидца.
3. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ТРУППЫ ИТАЛІЯНЦЕВЪ И НОВЫЯ ОПЕРЫ, письмо изъ Милана, П. Бонавентуры.
4. ДЕБЮТЪ РУССКАГО ПѢВЦА ИВАНОВА ВЪ БОЛОНЬИ, письмо Г. Б.
5. ПИСЬМО ОБЪ АЛЕКСАНДРІЙСКОМЪ ТЕАТРѢ, князя Пюклеръ-Мюскау.

VII. СТАТЬИ ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ.

1. ПЕРЕПИСКА БОГОВЪ или МАСКЕРАДЪ АППОЛОНА, Ѳ. А. Кони.
2. ИСТОРІЯ БАЛОВЪ И МАСКЕРАДОВЪ, Его-же.
3. ЗАКУЛИСНАЯ ХРОНИКА, Ѳ. — — нн.

VIII. КРИТИЧЕСКІЕ РАЗБОРЫ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ.

1. **НОРМАНЪ, или РОДОВОЕ ПРАВО**, драма Бульвера.
2. **ДѢВИЦА РАШЕЛЬ**, первая трагическая актриса Франціи.
3. **ЛЕВЪ ПУСТЫНИ**, драма представляемая звѣрьми Картера.
4. **КЛЕМЕНЦІЯ**, драма *г-жи Анселло.*
5. **РЕМЕСЛЕННИКЪ**, драма *Фредерика Сульс.*
6. **СУКОНЩИКЪ**, опера *Скриба и Галеви.*
7. **ЭВА**, опера *Лесепа и Капоны.*
8. **ИНЕСА ДЕ КАСТРО**, опера *Персіани.*
9. **ЦѢЛОМУДРЕННАЯ СУСАННА**, опера *Кармуша и Монну.*
10. **ГЕРЦОГЪ РИШЕЛЬЕ**, водевиль.
11. **РАЙ МАГОМЕДА**, водевиль *Лорансена.*
12. **КОРОЛЬ НА ОДИНЪ ДЕНЬ**, водевиль *Мишеля Массона.*
13. **ПЕРЕВОДЫ ШИЛЛЕРОВЫХЪ ТРАГЕДІЙ.** *Мюльгаузера.*

IX. ТЕАТРАЛЬНЫЯ НОВОСТИ И АНЕКДОТЫ.

Первый народный театръ въ *Турціи.* Новыя драмы *Ионьса* въ *Лондонѣ.* Сильфида — *Люція Гранъ.* Новыя оперы и драмы въ *Германіи.* Чешскіе театры въ *Венгріи* и *Богеміи.* Основаніе театровъ въ *Египтѣ*, *Алжирѣ* и *Греціи.* Мадритскія зрѣлища. Упадокъ театровъ въ *Сѣверной Америкѣ.* Фанни Эльслеръ. *Гяуръ*, новая опера *Беверн.* Лондонскіе театры. Новости театровъ въ *Феррарѣ*, во *Флоренціи*, въ *Венеціи*, въ *Миланѣ*, въ *Генуѣ*, и въ *Римѣ.* Новыя драматическія произведенія Италіянскихъ поэтовъ. Оперы — *Крейцера* и *Дессауера*, въ *Вѣнѣ.* Театральная статистика *Лейпцига.* Великолѣпное представленіе водевиля *о томъ, какъ Юдиѳь царю Олоферну главу отсѣкаетъ.* Театральныя анекдоты.

X. СТИХОТВОРЕНІЯ И КУПЛЕТЫ:

1. **МАЛЬВИНА и ТАНКРЕДЪ**, баллада покойнаго водевилиста *А. И. Писарева.*
2. **ЧУВСТВА НА МОРѢ.** *Барона Е. Ѳ. Розена.*
3. **ПОСЛѢДНЯЯ РУССКАЯ ПѢСНЯ** *П. Цыганова.*
4. **МАЛИНОВКА.** *Е. П. Гребенки.*
5. **КРАСАВИЦА.** *Д. П. Сушкова.*
6. **СИНЬОРЪ и ПЛЕБЕЯНКА**, сцена изъ Италіянской жизни XVII вѣка. *Ѳ. А. Кони.*
7. **ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПОДЪЯЧІЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ**, въ виршахъ сложилъ *Ѳеоклистъ Бобъ.*
8. **СЦЕНА ИЗЪ ТОРКВАТО-ТАССО.** Сочиненіе *Гете* переводъ А. Н. Струговщикова.
9. **ЦЫГАНСКІЙ ТАБОРЪ.** *Грф. Рос—ой.*
10. **ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО.** *В. И. Бенедиктова.*
11. **МЕЛОДІЯ.** *Н. В. Некрасова*
12. **РУССКАЯ ПѢСНЯ.** *Г. Ивѣльева* (псевдонимъ).
13. **КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ ПАНТЕОНУ.** *А. П. Башуцкаго.*
14. **НАШЪ ВѢКЪ.** Куплеты.
15. **КАРЕТА.** Куплеты. *Ѳ. А. Кони.*
16. **ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПОДЪЯЧІЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ**, или **СНОВА — ЗДОРОВО!** *Ѳеоклиста Боба.*

При первой части даны слѣдующія:

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. **МУЗЫКА:**

СВѢТЛАНА, баллада *В. А. Жуковскаго*, положенная на музыку *К. К. Арнольдомъ* написанная на конкурсъ С. Петербургскаго Филармоническаго общества и признанная достойною *преміи.* Отдѣленіе I, II и III: 27 печатныхъ страницъ.

II. **КАРТИНКИ:**

1. **СТРАНСТВУЮЩІЕ МУЗЫКАНТЫ**, писанная Вѣнскимъ художникомъ *Гейбманомъ* граврованная Андреемъ *Гайгеромъ.*
2. **МАСКЕРАДЪ АПОЛОНА**, гравированная *Е. Помо.*
3. **ПОРТРЕТЪ ИВАНА АѲАНАСЬЕВИЧА ДМИТРЕВСКАГО.**
4. **ВОЗВРАЩЕНІЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ ИЗЪ РОССІИ**, рисована *Горацiемъ Вернетомъ* и вырѣзана на деревѣ въ Парижѣ *г Жоанно.*
5. **ГРАВИРОВАННАЯ ОБЕРТКА** на 1-ю часть Пантеона.